

3 1761 00308420 4

Presented to the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
by
J. W. G. ...
... ..

1910
1911

БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. А. ВЕНГЕРОВА

Т.

1.

Е. ПАХУСКИ

ИЗДАНИЕ

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Телерадиоцентр «Брянск» Брянская область, г. Брянск

100 8 5

1028706

Закончив в «Библиотеке Великих Писателей» издание полных собраний сочинений Шиллера, Шекспира и Байрона, мы приступаем к Пушкину.

Приступаем с поистинно волшебием предъ трудностью и ответственностью задачи.

Въ общемъ, предпринимаемое издание задумано по тому же плану, какъ и предыдущія собранія сочиненій великихъ писателей Запада. Но во многихъ отношеніяхъ планъ изданія Пушкина значительно шире. Воплѣтъ естественно, что къ достойному «солнцу русской поэзіи» изданію должны быть предъявлены требованія особенной полноты, тщательности и тщательности.

Основная черта предпринимаемаго изданія— широкое развитіе, которое предполагается дать комментарию.

Изданіе въ такой же степени стремится быть собраніемъ сочиненій Пушкина, какъ и издѣланіемъ его жизни и творчества.

Предпочтительнѣе поговорить о разныхъ тетаяхъ изданія, когда оно сколько-нибудь значительно вынется впередъ, мы ограничимся здѣсь, въ предисловіи къ Главному, только краткою программой.

1.

Для осуществленія плана изданія предполагается дать:

1) Отдѣльные этюды о каждомъ моментѣ біографіи поэта: родъ Пушкина, дѣтство Пушкина, Пушкинъ въ лицей, пе-

рѣть «Зеленой лачмы», Пушкинъ въ Крым, въ Бессарабіи, въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Михайловскомъ, Пушкинъ и декабристы, Пушкинъ и Николай I, женитьба, Пушкинъ при дворѣ, тудь и т. д.

2) Этюды о тѣхъ изъ друзей и знакомыхъ Пушкина, съ которыми онъ особенно былъ близокъ. Такъ въ первыхъ томахъ будутъ напечатаны этюды о Пушкинѣ, Галчинѣ, Александрѣ Тургеневѣ, Кюхельбекерѣ, Кривцовѣ, Плишевскомъ, Василии Пушкинѣ, Чаадаевѣ и мн. др. Въ дальнѣйшихъ— о Вяземскомъ, Пашковѣ и мн. другихъ.

3) Этюды о литературномъ вліяніи на Пушкина писателей русскихъ и иностранныхъ: Пушкинъ и Парни, Пушкинъ и Бартолоковъ, Пушкинъ и Жуковский, Пушкинъ и Шенеръ, Пушкинъ и Оссианъ, Пушкинъ и Шатобрианъ, Пушкинъ и Маджанимъ и т. д.

4) Каждое изъ сколько-нибудь значительныхъ произведеній Пушкина будетъ снабжено историко-литературнымъ вступленіемъ.

5) Къ каждому изъ небольшихъ стихотвореній будутъ даны пояснительныя примѣчанія и притомъ не въ концѣ книги, а параллельно тексту.

Въ общемъ, поскольку это, конечно, позволяетъ сравнительно небольшою объемъ изданія 6 томовъ, мы хотѣли бы сдѣлать изъ будущаго изданія своего рода Пушкинскую энциклопедію, т. е. возможно полную и всего все, что служило къ уясненію жизни и творчества великаго поэта.

Для выполненія задачи, которую мы

себя) поставили, мы заручились содѣйствиемъ ряда пушкинистовъ, историковъ, литературы и критиковъ. Общали свое сотрудничество: прив.-доц. Е. В. Анчиковъ, акад. К. К. Арсеньевъ, проф. А. С. Архангельскій, Е. В. Балобанова, А. С. Батюшковъ, проф. А. К. Бороздинъ, проф. Ф. А. Бруновъ, С. П. Браиловскій, В. Я. Брюсовъ, проф. Е. Ф. Булычъ, проф. С. К. Булычъ, Е. Г. Вейтенбаумъ, акад. П. П. Вейберъ, З. А. Венгеровъ, акад. Алексѣи Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, М. О. Гершензонъ, А. Г. Горюховъ, проф. П. П. Дашкевичъ, проф. Ф. Ф. Зблинскій, Вяч. П. Иванковъ, прив.-доц. П. П. Ивановъ, В. В. Каллашъ, П. А. Карасикъ, проф. П. П. Карповъ, акад. А. Ф. Кошъ, проф. П. А. Колыревскій, П. П. Коробка, А. Ф. Кругляй, П. А. Кубасовъ, П. О. Лернеръ, А. Л. Липовскій, Е. А. Лядскій, А. Г. Ланденко, проф. А. Г. Маленичъ, Б. Л. Молдавскій, П. О. Морозовъ, проф. Д. П. Овезинко-Куликовскій, проф. В. П. Петричъ, П. К. Пискаревъ, Ф. Л. Ралловъ, П. Е. Рейнбогъ, В. Е. Рудиковъ, прив.-доц. В. В. Синовскій, А. Л. Слонимскій, В. П. Средневскій, проф. П. Ф. Сумцовъ, А. А. Флоритовъ, проф. М. Г. Халанскій, А. А. Чеботаревъ, проф. П. А. Шляпкинъ, проф. Л. Ю. Шендеровичъ, П. Е. Шеголевъ, прив.-доц. А. П. Яцмирскій, В. Я. Яковлевъ-Богучарскій и др.

II.

Въ тѣсной связи съ общимъ планомъ изданія находится планъ иллюстрированія его.

Предполагается такъ:

Все, что имѣетъ связь съ личностью поэта: а) всѣ портреты Пушкина (и прив.-доц. Гб. изъ Нью-Йорка, которые рисованы акварелью или масляными красками, тоже будутъ воспроизведены въ краскахъ); портреты родителей поэта и семьи, виды мѣстностей и зданий, имѣющихъ отношеніе къ биографіи, картины, иллюстрирующія отдельные эпизоды жизни, всѣ памятники и т. д.; б) портреты друзей и всѣхъ тѣхъ, съ которыми Пушкину пришлось близко столкнуться;

в) портреты русскихъ и иностранныхъ писателей, оказавшихъ влияние на Пушкина, и т. д.

Многое изъ этого отчасти realized для настоящаго изданія и появится впервые.

Широкое развитіе будетъ также дано отряду авторитетовъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они помогаютъ установленію текста.

Такъ же, какъ въ законченномъ изданіяхъ Шекспира и Байрона, въ изданіи соч. Пушкина найдутъ мѣсто наиболее замѣчательныя изъ картинъ, писанныхъ на пушкинскіе сюжеты.—Бродова, Гло, Рѣпина, Айвазовскаго, Крамского, Клода, Миквинина, Мясоедова, Зичи, Васнецова и ми. др.

Цѣнный и красивый иллюстраціонный матеріалъ дадутъ постановки драмъ Пушкина и оперъ на пушкинскіе сюжеты—«Руслана и Людмила», «Бориса Годунова», «Евгенія Онѣгина», «Русалки» и др.

Будущее изданіе предполагаетъ использовать этотъ матеріалъ, при чемъ многое, напримѣръ, акварели Гармана и Горюстаева, будутъ здѣсь воспроизведены впервые.

Всѣ произведенія, въ которыхъ дѣйствуютъ историческія лица, будутъ иллюстрированы портретами этихъ лицъ, видами мѣстностей, бытовыми деталями и т. д.

Особенное вниманіе соими мы предлагаемъ обратить на стильность орнамента изданія. Въ первомъ томѣ, гдѣ все еще насколько прочтутъ отголосками французской литературы XVIII вѣка, общему настроенію будутъ соответствовать заставки изъ французскихъ книгъ XVIII в. заставки, вышитыя, концовки, галлантныя сцены Вато, пастушка Буше, мисологическіе вано Жильо и др. Дальнѣйшіе томы будутъ орнаментированы въ стилѣ Еріге и т. д.

Въ некоторыхъ статьяхъ, когда это подходитъ къ ихъ содержанию напр. первая статья настоящаго тома—«Родъ Пушкиныхъ» и др. орнаментированы старорусскими заставками, концовками, буквами и т. д.

Общему впечатлѣнію стильности изданія мы думали помочь и тѣмъ, что изданіе печатается особо-деланнымъ шрифтомъ Пушкинскаго времени.

Существеннѣйшую помощь при исполненіи нашего желанія дать стильный орнаментъ намъ оказалъ библиотечаръ Академіи Художествъ, художникъ Федоръ Густавовичъ Беренштамъ. Пользуемся случаемъ выразить ему нашу глубокую благодарность.

Вскрѣшившую благотворность приносимъ мы здѣсь владѣльцу замѣчательной Пушкинской коллекціи Владу Евгеньевичу Рейнбогу. Успѣшимъ только въ томъ, П. Е. собрать почти все, чѣмъ когда-либо иллюстрировалъ Пушкина, начиная съ лучшихъ вдохновеній нашихъ художниковъ и кончая иллюстраціями конченыхъ дубочныхъ изданій. Съ великою любезностью П. Е. Рейнбогъ предоставилъ въ наше распоряженіе всю свою великолѣпную коллекцію.

О лицах, оказавших намъ услуги въ разныхъ отдельныхъ случаяхъ, будетъ съ благодарностью указано въ послѣсловіи къ настоящему тому.

III.

Сложнѣйшую часть редакціонной задачи составляетъ вопросъ о текстѣ.

Что считать текстомъ настоящимъ, какого принципа держаться при томъ разнообразнѣйшемъ выборѣ, который представляютъ собою первоисточники Пушкинскаго текста? Чему придать рѣшающее значеніе: рукописямъ, первоначалому тексту, сводному тексту, первой авторской редакціи, послѣдующимъ редакціямъ?

Несмотря на то, что собранія соч. Пушкина изданы вотъ уже около 70 лѣтъ, до сихъ поръ еще не установленъ общепризнанный текстъ, такъ сказать, Пушкинскій канонъ. На каждомъ новомъ изданіи приходится заново задумываться надъ тѣмъ, что върѣе приблизить его къ лучшей передачѣ.

Мы не станемъ здѣсь вводить въ детали. Въ концѣ каждаго тома будетъ дана статья «Исторія Пушкинскаго текста», гдѣ по поводу каждаго произведенія будутъ указаны основанія, почему принять тотъ или другой текстъ. Покаместъ отбѣдимъ только, что мы считали бы педантизмомъ руководиться однимъ какимъ-нибудь общимъ для всего изданія принципомъ. Мы думаемъ, что для каждаго частнаго случая есть свои особыя, рѣшающія основанія. Нельзя позволить подъ одинъ размахъ тѣ разнообразныя мотивы, на основаніи которыхъ въ томъ или другомъ случаѣ приходится остановиться на томъ или другомъ текстѣ.

Взять, напр., самъ по себѣ столь важной при изданіи сочиненій великаго художника принципъ, какъ эстетическій. Но однако, слѣбное подчиненіе этому принципу въ значительной степени обездѣлило такое первоначальной важности изданіе, какъ Анненковское. Въ силу эстетическаго принципа, Анненковъ нашелъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы пренебречь цѣлымъ рядомъ стихотвореній и — что еще хуже, — выбрасывать отдельные мѣста «по слабости созданія».

Времена такого эстетическаго хозяйничанія теперь безвозвратно миновали. Подлиннѣе авторитетные издатели — Н. А. Ефремовъ, В. Е. Якушкинъ, П. О. Морозовъ и А. П. Майковъ уже дорожили важнымъ не-

законченнымъ наброскомъ, какъ тои строчкой, какъ однимъ словомъ.

Само собою разумеется, что мы всецѣло примыкаемъ къ этому историческому методу изданія произведеній великаго поэта.

И все-таки это вовсе не значитъ, что мы считаемъ себя обязанными во всѣхъ случаяхъ поставитъ принципъ исторической передачи выше принципа эстетическаго выбора. Вотъ примѣръ, непосредственно относящійся къ I тому, посвященному, по преимуществу, такъ называемымъ «Индійскимъ стихотвореніямъ».

Извѣстно, какое мѣсто занимаютъ эти стихотворенія въ общей іерархіи произведеній Пушкина. Всѣмъ согласна, что значеніе «Индійскихъ стихотвореній» — вполнѣ второстепенное. Образно выражаясь, это не болѣе какъ первые измахи крыльевъ молодой орла. Конечно, молодой орелъ рѣшительно и мощно поднимается къ небсамъ, но большой высоты онъ еще не достигъ.

При этомъ, относительно, не крупномъ художественномъ значеніи «индійскихъ стихотвореній», казалось-бы, нѣ надо воспроизводить именно въ той самой формѣ, въ какой они первоначально выдѣлись у гениальнаго лириста. Но тѣло осложняется тѣмъ, что въ изданіе имъ самимъ въ 1826 г. и позднѣе сборники стихотвореній Пушкина не просто кое-что внесъ изъ произведеній лирической поры, а внесъ съ существенными поправками.

И вотъ возникаетъ конфликтъ между историческимъ и эстетическимъ принципами. Съ исторической точки зрѣнія кажется совершенно неправильнымъ давать юношеское произведеніе въ неправильномъ рукою созрѣваемаго гонія видѣ. Въ такой передачѣ оно не характеризуетъ ни юношескій періодъ, ни зрѣлый.

Изъ этого конфликта мы выходимъ, руководствуясь эстетическими соображеніями. Мы разсуждаемъ такъ: разъ очень строгій къ себѣ Пушкинъ въ 1826 году смѣлъ возможнымъ перенести въ кое-что изъ произведеній ранней поры, значитъ онъ признаетъ за ними эстетическую цѣну. И тогда, конечно, уже надо брать ихъ именно въ той формѣ, къ которой приложены наибольшія старанія достигнуть художественнаго совершенства.

Ограничиваемся этимъ примѣромъ столкновенія разныхъ принциповъ, чтобы показать, что было-бы своего рода канцеляршиной держать всегда одно и то же принципа при выборѣ текста. Случаи такого столкновенія чрезвычайно разнообраз-

ны, вплоть до безспорных ошибок и ошибок самого Пушкина, по отношению к которым нельзя не позволить себе некоторого «превращения власти»¹.

Впрочем, достаточно гарантией прочности такого рода превращения власти является то, что во примечаниях и прилагаемой к каждому тому особой статье «История Пушкинского текста» читатель найдет и все варианты, и точное описание первоисточника. Таким образом, всякий неправильный редакторский толчок может быть опровержен.

IV.

Не допускает единообразия принцип и вопрос о вышней передаче, т. е. правописании.

Велика нестрога в этом отношении Пушкинских изданий. Посмертное издание 1838—41 гг. перекладыв правописание своего времени. Анненков то перекладыв правописание первоиздательских источников и изд. 1838—41 гг., то модернизировал его по орфографии второй половины 50-х гг. Все подлинниие издатели Геница, Ефремов, Морозов, Манков тоже держались повиванной правописания. И только редакторская комиссия В. Е. Якушкиным и П. томь Академического издания, придерживаясь постановления Пушкинской комиссии, вынуждены принципа «Пушкинской орфографии».

Для нас не существует колебаний по этому вопросу, и вот почему. Если бы мы предназначали настоящее издание для детей, впервые знакомящихся с Пушкиным, мы бы, конечно, перекладыв повиванной пра-

1. Вить, напр., Вирующих студентов. Случайно при жизни Пушкина начертано не было. Звонитъ, рѣшающаго истиннаго является алфавитъ. А между тѣмъ въ этомъ алфавитѣ, не отъ балашовъ, вообще не въ виду, есть нещи, въ которыхъ нельзя примириться. Пушкинъ ить мало ировитъ въ товарищеск. своемъ пономъ. Кюссельберомъ. Пушкинъ обращается къ нему такъ:

Питатель! за свои грѣхи

Ма съ вѣду въ вѣхъ, грѣше и т. д.

Выходитъ, что Кюссельберъ, ставъ писателемъ за свои грѣхи—мысль совершенно непонятная. Что объясняется, ошибка, очень просто, если начертать стихи съ знаками превращения:

Питатель! за свои грѣхи

Ма съ вѣду въ вѣхъ, грѣше.

Такъ же, какъ и системъ, должны повести свое благоговѣние до того, чтобы не поставили отъ себя лично произвольныя знаки, какъ обращения, запятыя или восклицательныя знаки.

воисания, потому что для полноты эстетического впечатлѣнія не нужно отвлекать вниманія вещами посторонними. Эстетическое впечатлѣние должно легко и непосредственно дойти до души читателя. Если же вдругъ наткнемся на *тастье* вмѣсто *тастье*, на *иша* вмѣсто *иша*, на *ишастной* вмѣсто *ишастной* и т. д., это необычное начертаніе, несомнѣнно, отвлекаетъ вниманіе въ другую сторону, и полнота эстетической эмоціи пропадаетъ.

Но мы представляемъ себѣ тѣхъ, которые заинтересуются нашимъ изданіемъ и сколько иначе. Думаемъ, что человекъ, приобретающій роскошное изданіе Пушкина, уже имѣетъ какое-нибудь изъ изданій обыкновенныхъ, которая теперь послужитъ для самой скромнѣйшей библиотеки. Мы несомнѣнно имѣемъ того предположенія, что читатель настоящего изданія уже раньше ознакомился съ соч. Пушкина, а съ помощью настоящаго изданія хочетъ лишь углубить свое историко-литературное знакомство съ Пушкинымъ историко-литературнымъ изученіемъ, хочетъ къ впечатлѣнію эстетическому прибавить историко-литературный анализъ.

И если мы для постиженія, если можно такъ выразиться, историчности впечатлѣнія приближаемъ и къ стилистичности орнамента, и къ прифизу Пушкинскаго времени, то тѣмъ болѣе намъ кажется необходимымъ держаться Пушкинскаго правописанія. Это, несомнѣнно, усиливаетъ ту архаичность впечатлѣнія, которая такъ необходима при усвоеніи Пушкина, писателя великаго, но, все-таки, въ значительной части своихъ произведеній отнесеннаго въ область уже пережитыхъ русской литературой настроеній.

Что, однако, принять «Пушкинской» орфографіей?

Вопросъ можетъ быть, еще труднѣе поставленнаго безспорному разрѣшенію, чѣмъ вопросъ о текстѣ.

Абсолютно-авторитетнаго источника тутъ совсѣмъ нѣтъ, потому что даже подлинныя Пушкинскія рукописи не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Пушкинъ и былъ нестерпимъ въ орфографіи, и страшно размахисто набрасывалъ свои произведенія, думая только о главномъ и пренебрегая всѣмъ второстепеннымъ, вплоть до того, что даже не выискивалъ полностью всѣхъ словъ.

Удивительно-ли, что при такой размахистости и ошибкахъ, и простыхъ ошибкахъ въ Пушкинскихъ рукописяхъ множество. А уже знаки превращенія Пушкинъ почти совсѣмъ не представлялъ.

Большее значение имеют орфография первоначальных источников, журналов, альманахов, вышедших при жизни Пушкина сборников его сочинений, посмертного издания 1838—41 гг. Ей мы все больше и больше следуем и придерживаемся, потому что это, при всём недосмотре и ошибках, собственно и есть подлинная орфография Пушкинского времени. Обычное возражение, что сплошь нарядом бывают невнимательные и незнающие корректора и что странно увлечься этими ошибками несостоятельно. Конечно, бывают малограмотные корректора, и быть ничего печального без опечаток. Но в данном случае надо руководствоваться тем, что в социальных науках называется законом больших чисел. Корректора советовать, советовать два, но, в общем, работа многих людей всегда характеризует свое время и даже в проявлениях неизбежна передаётся колорит эпохи.

Порядок нашего издания строго-хронологический. Периоды, подразделенные на «медные» произведения, «литературные», «литературно-художественные», «литературно-художественно-научные» и т. д. источники произвольны и субъективны. Мы даем их целью представить ход творчества

великого писателя кь его последовательным развитием.

Однако, вь силу этого же принципа последовательного развития, следует отбросить стихи Пушкина отъ прозы его, а прозу разбить на несколько групп: повести, журнальные и критические статьи, исторические и пьесы. Каждый из этих видов творчества Пушкинского творчества имеет свою особую историю и должен быть представлен в своей совокупности. Только тогда являются обобщающие их идеи, приемы и настроения.

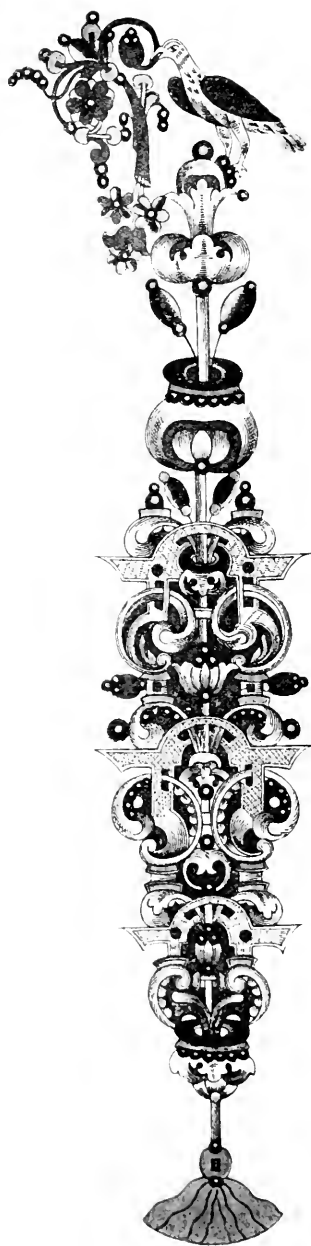
Повторимь вь заключение, что мы не бросаемь здесь планъ издания лишь вь общих чертахъ. Деталей такъ много и такъ столько возникает по мѣрѣ того, какъ работа идетъ впередъ, что мы предоставляемъ себѣ право повторить о разныхъ сторонахъ настоящего издания вь послѣдствіи кь первому и дальнѣйшимъ томамъ.

И пусть трудность поставленной задачи послужитъ извиненіемъ вѣмъ промахамъ, которые неизбежны вь такомъ сложномъ дѣлѣ.

С. Венгеровъ.

С.-Петербургъ.

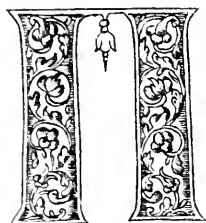
1 декабря 1906 г.

Мой предъкъ Радша съзиданъ престоу и
 святому Николѣву съзиданъ.
 А. Пушкинъ. Мой родъ и тѣло.

I.

ри царствѣ великаго государя и великаго князя Александра Ярославича Невскаго прииде изъ имецей мужъ чюестень именемъ Радша» такъ начинаются родословный росписъ, посланный въ 1686 году представителями нѣсколькихъ вѣтвей рода Пушкиныхъ въ Разрядный Приказъ. Ссылаюсь на предка, выдвѣкаго «изъ имецей». Пушкины сдѣловали общей тенденціи русскихъ дворянскихъ родовъ, показывавшихъ легендарныхъ предковъ своимъ выходцами изъ иностранныхъ государствъ: легенды эти, не поддаваясь исторической проверкѣ, принимались на вѣру, давая право представителямъ родовъ гордиться своимъ древнимъ происхожденіемъ и пользоваться имъ при разныхъ рода служебныхъ отношеніяхъ.

Настоящая статья составлена на основаніи матеріаловъ, собираемыхъ авторомъ для приложенія къ печати полной родословной Пушкиныхъ—потомковъ Радши—и Гашинбалова, а потому при изложеніи ея не бѣдалось ссылки на источники: преимущественно архивные, указания на которые интересующіеся найдутъ въ работѣ по выходу ея въ свѣтъ.

Легендарный предокъ Пушкина Радша считается родоначальникомъ многихъ дворянскихъ фамилій, болѣею частью уже угасшихъ, но частью существующихъ и по настоящее время. Согласно показанію родословной о времени выдѣла Радши съ дворянскими данными о лицахъ съ тѣмъ же именемъ и съ именами его ближайшихъ потомковъ не представляется возможности, хоть почему наши генеалогіи различно толкуютъ и комментируютъ событія ихъ жизни. М. Г. Спиринковъ, называя Радшу Давидомъ, отождествляетъ его съ тѣмъ бояриномъ Новгородскимъ, который убитъ въ бою съ литовцами на р. Кетовѣ 18 февраля 1268 г. ¹, Шабетный генеалогъ князь П. В. Долгоруковъ говоритъ, что Радша прибылъ изъ Германіи въ Новгородъ въ концѣ XII вѣка ²; М. В. Муравьевъ, авторъ «Родословія А. С. Пушкина» ³, считаетъ, что Радша, при крещеніи названный Ростиславомъ Стефаномъ, былъ сѣмомъ князя Всеволода Ольговича, и относитъ къ нему подвѣстѣ дворянскіе о томъ, что въ 1346 г. киевляне разграбили его дворъ. П. Н. Бартекъ въ статьѣ своей «Родъ и тѣло»

1. Записки старинными служавыми русскими благородныхъ родовъ. риз. Тип. Публ. Библ. ч. VII, стр. 38.—2. Росс. родосл. книга, ч. II, Сиб. 1835, стр. 61.—3. Пушкинскіи Сборникъ, Сиб. 1899, стр. 655.

Пушкины»¹ — стоять на почве показаний росписей и говорить, что «Ратна выселился к намъ въ княжение Александра Невского». Самъ поэтъ очевидно также принималъ въ вѣру легенду, созданную его предками, и принималъ съ тѣмъ большимъ увѣренностью, что подтверждаетъ ей находить въ близкомъ ему знакомомъ «Исторіи» Барамдина послѣдній, говоря, что «слава Александрова, по свѣдѣтельству нашихъ родовыхыхъ книгъ, привлекла къ нему изъ чуждыхъ земель, особенно изъ Германіи и Пруссіи, многихъ именитыхъ дитятъ, которыхъ потомство понынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ Государству въ первеншихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ» — въ примѣчаніи къ этому мѣсту перечисляетъ и потомковъ Ратны. Знать поэтъ, будь сомнѣніи, и родовую роспись Пушкинахъ, вошедшую въ составъ такъ называемой «Барамдиной Книжки», издавшаго Н. П. Новиковымъ въ 1787 г.; дѣла въ то время о вѣдѣхъ Ратны и происхожденіи отъ него Пушкинахъ, закрывалась официально внесеніемъ ея въ «Гербовникъ»: слышать о ней и по прѣдписанію свято сохраняемому еще въ то время въ дворянскихъ семействахъ: вѣдѣхъ, конечно, и справку, выданную Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ изъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1799 году. Такими были истощенія, изъ которыхъ поэтъ могъ померзать увѣщеніе въ древности своего рода, которымъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ основаніе гордиться, вѣрбая имена прѣтковъ своихъ на многихъ и важныхъ страницахъ отечественной исторіи.

Пушкины были потомками Ратны уже въ седьмомъ колѣнѣ. Въ вышеупомянутой справкѣ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ близкашее потомство Ратны записано такъ: «Во дни благодѣяна великаго князя Александра Невскаго прѣбывать изъ вѣдѣхъ мужъ честенъ именемъ Ратна — колѣно I. А у Ратны сынъ Яхуль — кол. II. А у Яхуля сынъ Алексѣй — кол. III. А у Алексѣя сынъ Галрило Алексѣичъ — кол. IV. А у Галрила сынъ Иванъ Морухинъ — кол. V. А у Авдѣянъ Великовъ. А Ивана Морухинъ сынъ Александръ — кол. VI. А Александра дѣтей Осюрь, Шевлюмца, Александръ, Павло, Давыдъ, Евпримъ, Володимѣръ, Ходошичъ, Григорій Пушкинъ — кол. VII. Отъ Григорія Пушкина, записана въ колѣнѣ XIV или

изъ началъ XV вѣка, и пошли, собственно, Пушкины, Григорій имѣлъ семь сыновей, изъ которыхъ лишь двое: Александръ и Константинъ перешли своему потомству по вѣдѣхъ Пушкинахъ, тогда какъ отъ остальныхъ трехъ, имѣвшихъ дѣтей (двое были бездѣтны), пошли Рожкова, Курчева, Мусина-Пушкина, Бобриневы-Пушкина, Шафарикива-Пушкина, Кологривова, Новикова, Товаркова и другіе.

лександръ Григорьевичъ Пушкинъ былъ родоначальникомъ старшей вѣтви Пушкинахъ, въ мужскомъ колѣнѣ угасшей въ 1875 году со смертію Ивана Алексѣевича сына извѣстнаго артиста, театралъ и писателя Алексѣя Михайловича † 1825 г., женатаго на Евлевѣ Григорьевнѣ Воейковѣ † и пріятеля В. Л. и С. Л. Пушкинахъ. Въвѣтъ эта до середины XIX вѣка удерживала въ кругу своихъ довольно многочисленныхъ, но двухъ главныхъ представителей, земельныхъ владѣній въ Новгородской области, сохраняя, такимъ образомъ, связь съ мѣстоимъ вѣдѣхъ Ратны. Изъ членовъ этой же вѣтви происходили: изъ упомянутаго Алексѣя Михайловича отомыненнаго ему Алексѣю же Михайловичу, женатому на Марьѣ Михайловнѣ Салтыковнѣ † 1785 г., дальнѣе рожденнымъ ими, Анны Ивановны, бывшій сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, посланникомъ въ Даніи и Шведіи, Архангельскимъ и Воронежскимъ губернаторомъ. Изъ сыновей его Михаилъ Алексѣевичъ † 1785 г., бывшій прокуроромъ Коммерцъ-Коллегіи, въ 1772 г., былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, капитаномъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ, въ владѣніи фальшивыхъ ассигнацій и сосланъ въ Сибирь; живя въ Тобольскѣ, отъ сотрудничать въ журналѣ «Приваки, превращающіеся въ Пинозрену» (1789—1791 г.); его жена Патаалія Абрамовна, рожденная княжна Волконская † 1819 г., послѣдовала за мужемъ въ ссылку, а потомъ проживала въ Москвѣ, гдѣ въ слонѣ ея погостомъ бывали, между прочимъ, В. Л. и С. Л. Пушкины и князь П. А.

¹ Очев. Давыдовъ. Изв. г. с. XVI стол. II, стр. 2.

¹ По 4 му браку Шварова вѣдѣтна ея дружбаю отношеніи къ К. П. Ватрошкову, братьямъ Курчешевымъ, особенно — Сергію, къ П. А. Вяземскому и др.

Видемский, Третий братьевъ. Федоръ Алек-
сѣевичъ † 1810 г., женатый на князѣ
Маріи Ивановнѣ Оболенской, былъ
Воронежскимъ губернаторомъ; въ одну изъ
дочерей его, Софію Федоровну р. 1806
† 1862 г., вышедшую за В. А. Пашина,
влюбленъ былъ поэтъ, ставившій за нее въ
Москвѣ въ концѣ 1826 г. Къ той же вѣтви
поворотскихъ Пушкинахъ принадлежатъ
д. с. с. Никифоръ Изотовичъ † 1831 г.,
женатый на Евпраксіи Аристарховнѣ
Кашининой, родной теткѣ извѣстной П. А.
Осиповой, сестры поэта по Михайловскому,
которая, такимъ образомъ, приходилась ему
дядней своимъ племянникомъ. Остальные потомки
Александра Григорьевича Пушкина ничѣмъ
не выдѣлились и стояли въ рядкахъ скром-
наго служиваго ширинскаго оубѣжнма изъ-
ннихъ только одного — полковника
Андрѣя Павловича, который въ 1762 г.
былъ генераль-адъютантомъ у Абрама
Петровича Ганнибалова и женился на его
старшей дочери — Елизаветѣ Абра-
мовнѣ.

Третье звѣно были потом-
ки другого — одного изъ
младшихъ — сына Григорія
Пушки — Константина
Григорьевича, отъ ко-
торого, по прямой линіи,
происходитъ поэтъ. О немъ
Константинъ — Гаври-
илъ и внукъ — Иванъ не
сохранилось документаль-
ныхъ указаний: правнукъ
его — Михаилъ Ивановичъ — въ 1537
году упоминается, какъ Дмитровскій помѣ-
щикъ — следовательно, онъ уже оставилъ,
по своей волѣ или по распоряженію вла-
сти, Поворотскія мѣста. Сынъ Михаила
Ивановича Семенъ Михайловичъ въ
1567 году былъ вторымъ у знамени въ
Поворотскомъ, противъ поляковъ, походѣ
Іоанна Грознаго, а въ 1573 г., во время
отравленія въ Поворотѣ, въ присутствіи
царя, чина свадьбы его племянницы, княжны
Маріи Владиміровны Старшиной, съ коро-
лемъ Ливонскимъ Магнусомъ, «вторымъ со-
рокъ соборѣ держалъ»: онъ имѣлъ двухъ
сыночекъ, Федора — старшаго, поимено-
ваннаго въ 1613 году поѣ грамотою объ
избраніи на царство Михаила Федоровича
Романова и Тихонова Семеновича; по-
слѣдній — прямой претокъ поэта — былъ
въ 1597 году головою при Черниговскомъ
походѣ Ф. П. Шереметевъ, въ слѣдую-

щемъ головною же — у ставленни и позору
сторожей въ Серпуховскомъ Государевомъ
по Крымскимъ вѣдѣмъ походѣ, въ 1601
году — въ Царевъ-Борисовѣ городѣ, а въ
1618 г., находился воеводою въ Царьвакѣ.
Нѣзъ четверыхъ сыночекъ его Петръ Ги-
мовичъ, по прозванію Толстой и
«Черный» пра-пра-пра-пра-прѣдѣкъ поэта, въ
1624 году, будучи назначенъ воеводою въ
сторожескомъ полку въ Пронскѣ, мѣстни-
чался съ княземъ А. Ф. Дитининымъ Мо-
сальскимъ, а въ 1627—1628 г., былъ вое-
водою въ Тюмени; онъ былъ Рязанскимъ и
Московскимъ помѣщикомъ, женатъ былъ съ
1618—1619 г. на Еленѣ Григорьевнѣ
Сунбутовой и умеръ въ 1633—1634 году.
Единственнымъ сыномъ его Петръ Пестро-
вичъ былъ въ 1648 г., старшимъ и при-
нималъ участіе въ церемониальномъ похѣдѣ
при бракосочетаніи царя Алексѣя Михайло-
вича съ Маріей Пальминой Милославской.
Онъ скончался въ Москвѣ въ 1660 году; былъ
женатъ дважды: первымъ бракомъ на Пе-
латьевѣ Федоровнѣ Феодосіевской, а
вторымъ на князѣ Анастасіи Аза-
наскевнѣ Козловской, о которой со-
хранились любовныя письма въ «Двор-
цовыхъ разрядкахъ»: въ 1675 году царю
Алексѣю Михайловичу подавалось дѣло
«по роспроснымъ рѣчамъ стольника князя
Ивана князь Петрова сына Козловскаго»,
«будто онъ, князь Иванъ, жилъ съ племян-
ницею своею съ поворотскою, съ Петровою
женою Петрова сына Пушкина, съ Настасьею
съ Обоивасевою дочерью, дѣвъ съ десяти
болѣе; и онъ, князь Иванъ, великому го-
сударю вину свою во всемъ томъ принесъ».
Царь указалъ князя Козловскаго «отнять да
претавать, а А. А. Пушкину — послать поѣ
началь, по своего, великаго государя указу,
въ монастырь да Тверекія ворота Пречистая
Богородицы Страстныя къ шумевѣ Домѣ
съ позычимъ тайныхъ дѣлъ, и вѣдно се
шумевѣ держать поѣ крикамъ началь-
ствомъ». Сколько времени провела Пушкина
въ монастырѣ, неизвѣстно: вѣроятно, такъ она
переносилась съ царевной Праксеевою
Іоанновнѣ р. 1694 † 1731 г., изъ чего
видно, что прожила она еще очень долго:
одно письмо ея, писанное изъ Алексѣевской
деревни, напечатано въ Русской Старинѣ
1884 г., т. XLIV, стр. 188.

Родной пра-пра-прѣдѣкъ поэта, Петръ Пес-
тровичъ, сынъ прѣдшущаго †, родился

1 Иванъ, вѣроятно, родился дѣвочкою съ Фе-
одосіевской, или отъ Козловской.

въ 1644 году. Въ 1673—1681 гг. онъ съединяемъ участвовалъ въ войнахъ съ турками и крымцами, за что пожалованъ былъ отъ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей возгнаною въ Галицкомъ уѣздѣ, въ волости Великой Пустыни: въ грамотѣ отъ 12 марта 1686 г., которою жалованъ Пушкину вотчина, сказано, что государя пожаловати его «за мноую службу, что онъ во время войны съ Салтаномъ Турскимъ и съ Ханомъ Крымскимъ, какъ они въ 1681 г. е. 1673 году приходили сами особами своими, а послѣ того Салтанъ же Туреккой принадлеаъ видри своего и многихъ вѣнней съ войсками и Хана Крымскаго съ ордами похъ Малороссійскіе города, служилъ отцу нхъ... и имъ царямъ... будучи въ подлахъ съ бодрости и съ воинствы съ начала тое войны во всѣ дѣла по 189 г. е. 1681 году». Въ 1677 году Петръ Петровичъ, будучи стольникомъ, управилъ съ бояриномъ княземъ М. А. Голицынымъ, Владиміромъ Сухомъ Приказомъ, въ 1683 г. межевалъ земли въ станахъ Московскаго уѣзда, а въ 1686 г., 22 мая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми родственниками, похъ росписъ рота своего въ Разрядный Приказъ. Въ правленіе царевны Софьи, въ 1689 г., онъ участвовалъ во второмъ крымскомъ походѣ князя В. В. Голицына, былъ имъ прислаенъ отцу нхъ въ Москву и упоминается въ похвальной грамотѣ царю князю Голицыну, П. П. Пушкинъ скончался въ Москвѣ 12 февраля 1692 года, всего 48 лѣтъ, и похребенъ былъ, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Воронцовскомъ вѣннемъ монастырѣ. Женаъ онъ была, е. 1679—1680 г., на Огостскѣ Юркевичъ Копиной, отъ которой имѣлъ пятерыхъ сыновей: Николая, Леоніда, Елиза, Алексантра, Павла и Огостра и дочь Аграфену, вѣннюю за стольника Нв. Нв. Бедобродова; изъ нихъ Александръ Петровичъ былъ рохнымъ правителемъ поэта по отцу, а Огостръ Петровичъ—правителемъ со стороны матери.

Александръ Петровичъ Пушкинъ родился вродно въ 90 лѣтоухъ XVIII вѣка: въ 1708 году онъ получилъ въ Суражкомъ стану Московскаго уѣзда з. Рокну ст. пустошами, въ 1713 году бался на вѣннхъ съ братьями Павломъ и Огостромъ; въ 1718—1719 г. бался солдатомъ д. вѣ. Преображенскаго полка, гдѣ въ 1722 году бался канцелярскому. Около этого времени онъ женился на Евдокии Ивановнѣ Головиной, дочери одного изъ любимыхъ сепкищыхъ Петра Великаго, знаменитой ге-

нераль-крестъ-комиссара и адмирала—Ивана Михайловича Головина † 1738 г., отъ брака его съ Марьей Богдановной Богдановой. Бракъ этотъ бался несчастливъ: Евдокія Ивановна въ 1725 году бался бита своимъ мужемъ: похъ пишетъ про своего прадѣда, что онъ «въ припадкѣ ревности или сумасшестія зарѣвалъ свою жену, находившуюся въ родухъ, Александръ Петровичъ прожилъ послѣ этого не только и сумеръ въ заточеніи: какъ показывали его дѣти въ прошеніи, похнаною имъ, Петру П 25 февраля 1728 г., онъ «въ 1725 году... по смертноубійственному гдѣ... своей жены, укладомъ блаженнаго и вѣнностойнаго павла Ел Импер. Величества, вѣтъ бался въ С.-Петербургъ къ гражданскому суду и уму». Послѣ его смерти остались пое малодѣтнхъ дѣтей—Левъ и Марья; забота о сиротахъ перешла, похнному, къ нхъ гдѣ, П. М. Головину, который, между прочимъ, и подписалъ за вдуковъ вышеуказанное прошеніе. А. П. Пушкинъ бался и самъ по себѣ довольно состоятельнымъ человекомъ, владѣя помѣстями въ Московскомъ, Дмитровскомъ, Коломенскомъ, Рязанскомъ, Зарайскомъ и др. уѣздахъ; кромѣ того, въ 1718 году онъ, по давнѣму своему поворохату гдѣ, стольника Павла Ивановича Пушкина † 1717 г., получилъ вѣб его имѣнн, въ томъ числѣ и историческое с. Болдино Арзамаскаго уѣзда. Пожалованное гдѣ Павла Ивановича—Огостру Огостровичу Пушкину, въ 1619 году «за Московское оеаніе сѣннхъ», оно перешло сперва къ сыну его, охнному Ивану Огостровичу Чудавѣвичу вѣвнуку—Ивану Ивановичу, давнѣшему его А. П. Пушкину. Такимъ образомъ, Болдино, съ именемъ котораго связано столько вѣннхъ воспоминанн о творчествѣ поэта, къ расцвѣтѣ его таланта, находилось въ роду Пушкиныхъ уже 100 лѣтъ перѣть гдѣ, какъ перешло къ Александру Петровичу,—и послѣднн уѣдвалъ ему много вниманн и любознкости, стараясь, путемъ покупки у оеаней, еще болѣе расширить имѣнн. Въ малодѣтство его дѣтей, Болдиннхъ распоряжался П. М. Головинъ, а въ 1741 г. оно перешло, по раздѣлу съ сестрой—М. А. Ушаковой, къ Ивану Александровичу Пушкину, похннѣ въ 1780 г., прикувившему къ Болдину еще деревню и пустошь.

Левъ Александровичъ, дѣтъ поэта, родился 17 февраля 1723 г. Будучи въ дѣтствѣ лишился въ д. вѣ. Семеновскій полкъ, онъ въ 1739 г. опредѣленъ бался канра-

домъ въ артиллерию, въ которой и прослужилъ до выхода своего въ отставку, въ сентябрь 1763 года, подполковникомъ. При вступлении на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году, онъ, какъ свидетельствуетъ поэтъ, «во время мтежа оставаясь вѣрнъ Петру III и не хотѣвъ присягать Екатеришѣ и быть посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Пумпловымъ».

Мой дѣвъ, когда мтежъ пошелъ
Срѣхъ Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣрнѣ оставался
Надѣшо Гретьго Петра,
Повали въ честь тогда Орлова.

А дѣвъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ,

говорить онъ въ «Моей родословной». Въ крѣпости Левъ Александровичъ содержался два года, былъ отпущенъ «вынужденъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жить въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ». «Дѣвъ мой», разсказываетъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, «былъ человекъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломахъ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за минимумъ или настоящую ея свидѣль съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей и которого онъ весьма феодално повѣсилъ на черномъ дворѣ¹. Вторая жена его, урожденная Чичерина, доводило отъ него патерифласть. Отпавши онъ велѣлъ ей отбѣгаться и брать съ нимъ куда-то къ гости. Бабушка была на-спослѣхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказать. Дорогой она почувствовала муки. Дѣвъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрыдалась, чуть-ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постель всю раздраженную и въ брилліантахъ. Все это», прибавляетъ поэтъ, «я знаю довольно лично. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣва, а старые слуги давно перемерли». Разскалъ поэта о его дѣвъ не подается проверкѣ за исключеніемъ факта съ повѣщеніемъ

1 Въ ономъ изъ писемъ къ невѣстѣ изъ Болотина, отъ 30-го сентября 1830 г., поэтъ писалъ:

Мой ангелъ, только она ваша любовь приветствуетъ мѣвъ повѣшенъ на воротахъ моего пещальнаго дамка на дѣвахъ воротахъ, складу въ скобкахъ, мой дѣвъ ивѣнѣ повѣсилъ француза, ии отсѣтелъ, аббата Николь, которому онъ былъ не поволенъ². Отрывки изъ записокъ писаны также въ Болотинѣ, въ поэтѣ, ирочно, и слышались разсказы о свирѣпостяхъ своего давно умершаго дѣва.

учителемъ въ дѣвѣшемся у насъ формулярѣ С. А. Пушкина дѣвѣтся, что онъ «въ неперіодичные поборы пахоталогелу него въ службѣ Венеціанца Харташѣ Меркашѣ былъ погубивъ дѣвѣшемъ, по по имениному указу поволенъ его, Пушкина, ивъ монаршево милости простить». Этого «неперіодичные поборы» и послужили, ирочно, матеріаломъ для созданія легенды о жестокомъ расправѣ Пушкина съ учителемъ. Быть можетъ, такъ и несколько преувеличена и разскалъ о дружбѣ его «страшностяхъ». Но расправѣ мѣрѣ С. А. Пушкина, прочитавъ въ «Слѣдѣ Отечества» 1840 г. впервые напечатаннаго тогда отрывокъ изъ записокъ сына³, съдѣлъ обязанностью вступиться за «стоющаго на дѣвъ» своего отца, «добротѣ дѣвѣвшима изъ людей»—и писалъ⁴ по этому поводу: «Онъ былъ добрымъ, уважаемъ, почитаемъ даже тѣми, которые знали его по одному слуху. Всякая любовь его и покойной матери моей была примѣрная. Никто не могъ и не смѣлъ сказать о малѣйшемъ отступленіи отъ вѣрности, отъ толкнута уваженія другъ къ другу во все продолженіе ихъ 30-ти-лѣтняго союза. История о французѣ и первой женѣ отца много увеличена. Отецъ мой никогда не вѣшалъ никого. Въ воздушнѣ съ французомъ участвовалъ родной братъ его жена, А. М. Воейкова; сколько я знаю, это ограничилось тѣлеснымъ наказаніемъ и то я не знаю за точную истину. Знаю, что отецъ мой и въ счастлиномъ супруженіи съ моею матерью съ ивѣнностью вспоминалъ о первой женѣ своей». Далѣе Сергій Львовичъ возражаетъ противъ разскалъ «о смерти на соломахъ въ томашей тюрьмѣ М. М. Пушкиной и приводитъ малоубѣдительные доводы: «Кто не знаетъ, что въ XVIII столѣтіи таковыя тюрьмы не могли существовать въ Россіи и Москвѣ? Правда, ивѣнство потерѣвѣли бы такое уваженое злоупотребленіе силы и власти? Ротные ея не прибили бы погъ заступъ закономъ? Истѣлъ такого жестокаго поступка сохранили бы они родственную, дружескую связь съ отцомъ моимъ?» и т. д.

Дополняя разскалъ поэта, слѣдуетъ сказать, что дѣвъ его скончался въ Москвѣ 25 октября 1790 года; могила его сохранилась до сихъ поръ; она находится въ старомъ соборѣ Донскаго монастыря. Первымъ бракомъ Левъ Александровичъ былъ женатъ около 1744 г. на Марьѣ Матвѣевнѣ

1 Ч. II, № 7, зрѣвъ стр. 164—165.—2 Съ временникъ 1850 г., т. XIX, стр. 102—103.

Воейковой, дочери г. с. с. Матвѣя Островскаго, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Николая (р. 1745 † 1821 г.), бывшего артиллерій полковникомъ и женатаго на А. В. Измайловой, родной сестрѣ императрицы В. В. Измайлова, 1; Петра (р. 1751 † 1825 г.), назначенаго къ отставкѣ артиллерій полковникомъ и женатаго на Казимировой, и Александрѣ, умершаго значительно раньше братьевъ, всѣ были бездѣтны. По смерти первой жены, Левъ Александровичъ женился вторично на Ольгѣ Васильевнѣ Черемшиной (р. 1737 † 1802 г.), дочери полковника Василя Ивановича († 1743) отъ брака его съ Лукіей Васильевной Приклонской. Отъ этого брака родился еще двое сыновей и две дочери: Василий, Сергій, Анна и Елизавета, Василий Ивановичъ (р. 1767 † 1830 г.) постоянно извѣстенъ, какъ поэтъ и писатель. Въ брачной жизни онъ, какъ и отецъ имѣлъ его, былъ несчастливъ: его жена, извѣстная въ свое время красавица, Капитолина Михайловна, рознь, Вильгельмовна, дочь гв. поручика Михаила Степановича, въ 1805 году бросила мужа, обвинявъ его въ невѣрности и желая выйти за другого; зато в друтѣе былъ съслуживающимъ Иванъ Акимовичъ Мальцовъ († 2).

Сергій Ивановичъ, отецъ поэта, родился 23 мая 1770 г., Подчуиикъ, какъ и старшій братъ, свѣтское, французское воспитаніе и закончилъ сперва въ армію, онъ въ 1775 г. былъ переведенъ въ гвардію, а съ 1777 по 1791 г. числился сержантомъ Измайловскаго полка, потомъ произведенъ былъ въ прапорщики и по 1797 г. служилъ въ д. л. в. Егерскому полку, откуда вышелъ въ отставку майоромъ, въ 1798 г. После этого онъ состоялъ въ Комиссаріатскомъ штатѣ, сперва въ Москвѣ, въ это время родился поэтъ, а затемъ въ Варшавѣ начальникомъ Комиссаріатской комиссии резервной арміи; дѣль, въ Варшавѣ, Сергій Ивановичъ, въ ноябѣ 1814 г., воюя въ Орлѣ, свободныхъ казначействомъ, въ полку «Сверскаго Штата», въ которомъ, принявъ четыре предварительныхъ степени, былъ «примощенъ» 10 октября 1817 года; недалеко передъ этимъ, 12 января онъ былъ дворянъ, волею съ службы съ чиномъ 5 класса, съ дѣлѣмъ поръ

1. Онъ имѣется, между прочимъ, Тамъ, что при его редакторствѣ «Вѣстникъ Европы» Пушкинъ впервые выступилъ передъ читающей публикою — съ стихотвореніемъ. Къ этому стихотворенію — 2. Отъ оу брака родился извѣстный дѣловикъ Сергій Ивановичъ Мальцовъ.

С. А. Пушкинъ уже никогда не служилъ, а велъ странническую и совершенно праздную жизнь, перебѣгая изъ Москвы въ Петербургъ, въ Михайловское и обратно, не занимаясь ни семьей, ни имѣніями, которыя своей бездѣтностью повелъ почти къ разоренію. Будучи скрученъ отъ природы, онъ въ то же время былъ совершенно нераздельнъ: человекъ веселый, въ полномъ смыслѣ слова свѣтскій, онъ обладалъ способностями къ стихотворству, но не культивировалъ ихъ, пользовался ими исключительно для того, чтобы блеснуть въ салонахъ. Свое полное равнодушіе къ дѣтямъ, и особенно къ сыну-поэту, онъ старался скрывать подъ маской вѣжливости словъ и леденѣвшихъ улыбокъ въ любви и привязанности, а безразличіе къ вопросамъ религіознымъ, по въ личной отвлеченности ханжества. У жены своей онъ былъ «почти пантуфлей», хотя и любилъ развирывать роль главы семьи, когда это представляло для него интересъ 1. Жену свою сравнительно молодую, — еще будучи офицеромъ д. л. в. Егерскаго полка, въ Петербургѣ, въ ноябрѣ 1796 года, на Надеждѣ Осиповнѣ Гашиной (р. 1775 † 1836 г.), своей внучатой племянницѣ, жившей тогда съ матерью въ Петербургѣ, Надежда Осиповна была дочерью Осипа Абрамовича Гашиной, отъ брака его съ Марьей Александровной Пушкиной 2.

мы сказали уже выше, что изъ сыновей старшима Петра Петровича Пушкина, женатаго на О. Ю. Есиповой, Александръ былъ прагматическимъ по отцу, а Оеторъ — прагматическимъ со стороны матери.

Двойное рожденіе это произошло слѣдую-

1. Прекрасную характеристику С. А. Пушкина см. у Ашеникова: «Материалы къ изд. 1873 г., стр. 6—8 и Пушкинъ въ Александровскую эпоху», изд. 1874 г., стр. 13—22—2. У С. А. Пушкина, какъ мы сказали, было шѣ роушекъ сестеръ, которыми онъ по своему очень любилъ: Анна Львовна (р. 1769 † 1823 г.), умершая вѣдцемъ, и Елизавета Львовна (р. 1776 † 1848), бывшая дѣмужемъ г. с. с. Матвѣемъ Михайловичемъ Соколовымъ (р. 1779 † 1847), съ которыми Сергій Ивановичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

шимъ образомъ. Отецъ его Петръ Петровичъ Пушкинъ, бывший сперва столбникомъ, а потомъ служившій въ Ростовскомъ вѣхотномъ полку поручикомъ и въ 1712 году уволенный въ отставку за раномъ, полученнымъ въ Прутскомъ походѣ, былъ Рязанскимъ и Ярославскимъ помѣщикомъ и умеръ въ 1727 или 1728 году. Отъ брака съ Ксеною Павловною Кореневою, дочерью Рязанскаго воеводы Ивана Михайловича, имѣлъ онъ единственнаго сына Алексея Петровича, роившагося въ 1777 году. Последний началъ службу свою пажокомъ при царицѣ царевнѣ Прасковѣ Юлиановнѣ 1730 г., съ которою, какъ мы видѣли, была въ близкихъ отношеніяхъ его родная прабабушка А. А. Пушкина, рожд. кн. Колтовская, можетъ быть и устроившая своего правнука ко двору царевны. По смерти последней, онъ въ 1732 году, опредѣленъ былъ 3-го июня въ Шлиссельбургскій Копорскій и въ 1738 г., выданнымъ отцомъ прапорщикомъ, опредѣленъ фельдмаршаломъ Минихомъ въ Тверской французскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ турецкую войну, во время крѣп. Очакова 1737 г., «и во всѣхъ Турецкихъ кампаніяхъ и акціяхъ, также и при крѣп. Хотинскихъ шанцовъ» 1739 г.; въ 1746 г., онъ вышелъ въ отставку съ званіемъ капитана и жилъ въ своемъ имѣніи¹; между прочимъ, въ с. Покровскомъ Кореневщинѣ тоже; въ 22 верстахъ отъ наибльшаго города Имперіи Тамбовской губерніи²: здѣсь онъ, впрочемъ, и скончался: о смерти его осталось показаніе его несчастной дочери М. А. Ганшбаль: «будучи», пишетъ она, «сначала покинуто съ малолѣтнею дочерью и оставшии безъ всякаго пропитанія», принуждена она была бѣжать въ деревню къ родителю своему, который, увидѣвъ ее «въ такомъ бѣдственномъ состояніи, получилъ параличь, отъ которой бѣдѣли и скончался» 1777 г.³.

А. Ф. Пушкинъ былъ женатъ съ 1742 г. на Саррѣ Юрьевнѣ Ржевской, дочери

1 Онъ былъ помѣщикомъ Рязанскаго, Ярославскаго и Воронежскаго уѣздовъ. Пушкинъ говоритъ, что А. Ф. былъ Тамбовскимъ помещикомъ, но мы не могли убѣдиться въ справедливости этого указанія.—2 Москвитинъ 1832 г., № 24, отд. IV, стр. 22, статья А. Ю. Пушкина.—3 Тамже и Историч. Вѣстникъ 1886, т. XXIII, стр. 104.

Юрѣи Алексѣевича, подполковника и располоченнаго Петра Великаго и бывшаго въ 1727 году Шляхеторскимъ вице-губернаторомъ.

Отъ брака А. Ф. Пушкина съ С. Ю. Ржевской произошли сыновья:

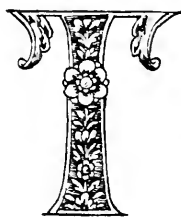
Юрѣи Алексѣевича, р. 1743 (1793), подполковникъ, женатый на Надеждѣ Герасимовнѣ Рахманиной, родной сестрѣ известнаго поклонника и переясвчанина Волытера П. Г. Рахманинова;

Михаилъ Алексѣевича, р. 1745 (1793 г.), сперва подполковникъ, а потомъ съ софистикъ, женившійся въ 1791 году на Аннѣ Антревнѣ Мишуковой, родственницѣ канцлера графа А. Р. Воронцова, и оставшии послѣ себя отъ этого брака Алексѣя Михайловича, декоративнаго Артиллерійскаго Полковника и умершаго въ 1821 г., 28 лѣтъ, въ званіи профессора, съ 1820 г. Наревосельскаго Лифей:

и дочери: Надежда, выданная замужемъ за пав. сов. Алексѣя Михайловича Окуня; Екатерина, умершая дѣвцею, и дочьница.

Марья Алексѣевна, р. 1745 (1818), бабушка поэта, въ 1773 г. вышедшая столь несчастливо за капитана морской артиллеріи Осипа Абрамовича Ганшбала, р. 1744 (1806) и имѣвшая единственнаго сына Надежду Осиповича.

Выданная замужемъ за своего внучатнаго дядю, Сергѣемъ Львовичемъ Пушкинымъ, она сдѣлалась матерью безсмертнаго поэта.

Такимъ образомъ, въ лицѣ родителей его сдѣлался потомство отъ одного лица Петра Петровича Пушкина, въ теченіе только дѣтъ, повидному, не имѣвше между собою общенія и связи. Для болѣею вѣрности припомнимъ родословную таблицу, изъ которой читатель ясно будетъ это сильнѣе вѣдуъ отраженъ Пушкинскаго рода.

1 Москвитинъ 1832 г., с.

Петръ Петръ вичъ Пушкинъ, р. 1799 г.
Ж. Анна Юрьевна Елисова.

Александръ Александровичъ Пушкинъ, р. 1801 г.
Ж. Екатерина Александровна Олсуфьева.

Александръ Александровичъ Пушкинъ, р. 1799 г.
Ж. Мария Александровна Елисова.

Серафимъ Петровичъ Пушкинъ, р. 1779 г. 1848 г.
Ж. Наталья Александровна Гаврилова, р. 1775 г. 1836 г.

Федоръ Петровичъ Пушкинъ, р. 1727—1728 г.
Ж. Ксения Ивановна Кривошеина.

Александръ Федоровичъ Пушкинъ, р. 717 г. 1777 г.
Ж. Сара Юрьевна Ржевская.

Марья Александровна Пушкина, р. 1743 г. 1818 г.
Ж. Олимпия Абрамзонья Ганинбаева, р. 1741 г. 1806 г.

Николай Олимпиевичъ Пушкинъ, р. 1775 г. 1836 г.
Ж. Сергеевна Львовичья Пушкинская, р. 1770 г. 1848 г.

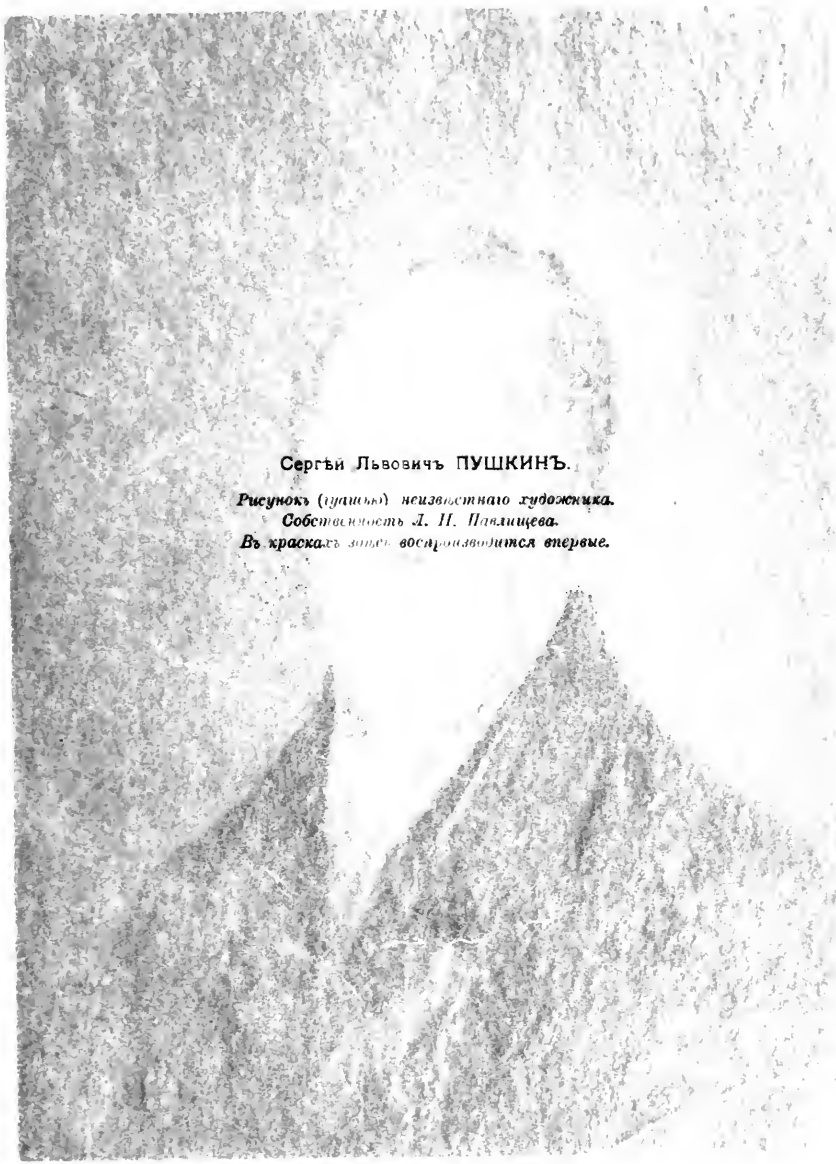
Александръ Сергеевичъ Пушкинъ,
р. 1799 г. 1837 г.

Такова генеалогія прямыхъ восходящихъ предковъ поэта. Какъ видимъ, среди нихъ были люди средней руки, ратные служилые дворяне, по царствіямъ и дядькамъ своимъ, поскольку мы знаемъ, ничѣмъ почти не выдававшіеся для общаго уровня современнаго имъ общественнаго круга. За то по нравственнымъ качествамъ и некоторые изъ нихъ представляютъ отступленія отъ нормы, но лишь въ отрицательную сторону. Въ жизни тати, тѣла, нравѣ и пра-прабабки съ отцовской стороны мы можемъ прослѣдить одну общую черту — ненормальность въ брачныхъ или отношеніяхъ черту, известную поэту, которому, конечно, не по отной случайности записъ на бумагу свои фамиліальныя записи именно накануне своей женитьбы. Также особенность, какъ увидимъ ниже, была и въ роду его матери, па и отецъ въ этомъ отношеніи не былъ ничѣмъ безудерженъ. П. В. Анненковъ пишетъ про Серафима Львовича: «Уже въ глубокой старости, опившись, потерявши драгоценнаго сына и наполовину разорешенъ, онъ влюбился въ ребенка, дѣвучку лѣтъ 16-ти, сослужива свою по Михайловскому Александру»¹.

Е. Анненковъ ошибается: это была не Александра Пятова, съ 1833 г. бывшая уже въ замужествѣ за П. П. Бекетовымъ, а Марья

Ивановна Осипова, и предлагать ей свою руку. Почтенному старцу пришлось пережить у дверей гроба всѣ волненія юпопеской и безматерной страсти, начиная съ пламеннаго посланія на французскомъ языкѣ и робкихъ уможеній предмету поклоненія, до покорныхъ жалобъ на судьбу и торжкихъ слезъ отчаянія. Отъ еще мечталь о бракѣ, второй молодости, медовомъ мѣнѣ и проч.». Къ разсказу Анненкова мы можемъ прибавить еще два подобнаго же факта: бракъ А. П. Осиповой, С. А. Пушкина былъ не менѣе страстно влюбленъ въ Анну Петровну Керъ — предметъ увлеченій его сына, — которой писалъ любовныя письма 1838 г.д., а задѣвъ не менѣе горячо влюбился въ ея дочь Екатерину Ермолаевну (р. 1819 г. 1904 г. по свѣдѣтельству ея вѣнчана А. В. Маркова-Виноградскаго), хотѣлъ жениться на ней да нѣсколько дней до своей смерти; влюбленность его проявлялась, между прочимъ, въ томъ, что «онъ вѣлъ кожу отъ кляквы, которую она выплевывала». Уже эти немногіе, извѣстные намъ факты достаточно свѣдѣтельную о какой-то ненормальности отца поэта въ отношеніяхъ его къ женщинамъ, подъ старость принявшей столь уродливую форму...

Ивановна, р. въ 1820 г., умершая вѣнчанъ въ 1896 году.

Сергѣи Львовичъ ПУШКИНЪ.

Рисунокъ (ручѣю) неизвестнаго художника.

Собственность Л. П. Павлицева.

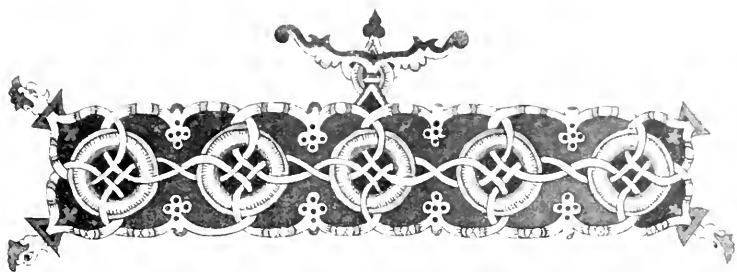
Въ краскахъ зѣлъ воспроизводится впервые.

СЕРІЯ ЛІТОВСЬКА ПАШКНИР

Государственный архив Литовской Республики
Литовская Республика, Вильнюс

Литовская Республика
Государственный архив Литовской Республики
Вильнюс, ул. ...

Тимъ съ большою любовью и благородною гордостью поэтъ останавливался на именахъ своихъ боковыхъ родичей, изъ которыхъ многие, действительно, оставили по себѣ слѣды въ исторіи, какъ личности незаурядныя. Изъ нихъ онъ особенно отмѣчалъ думнаго дворянина Гавриила Григорьевича Пушкина ¹, современника своего прямого предка Тимофея Семелювича. «Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи («Ворскъ Годуновъ»), говоритъ поэтъ, принадлежить къ числу самыхъ замѣательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характеристиками. «Я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ медикомъ, и въ особенности заговорщикомъ»; «я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, сопъ amore, но безъ всякой дворянской спеси». Историческая роль Гавриила Пушкина начинается съ 1605 года, когда онъ открыто примкнулъ къ первому Лжедмитрію и сдѣлался его ревностнымъ пособни-

комъ. Нотой въ Тульѣ, разказываетъ Карамзинъ, Самозванецъ избралъ двухъ саповниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ Плещеева и Пушкина; какъ нибъ грамоту и вѣдѣль вхати въ Красное Село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а черезъ нихъ и столицу, Сибалодскъ, какъ думалъ, Кунцы и ремесленники Красносельскіе, дѣшевые довршенности мнимаго Дмитрія, прислали ему съ ревностію и торжественно ввели гоцовой его 1 июля 1605 г. въ Москву, открытую, безоружную; ибо войны, высланные царемъ для усмиренія сукъ мителжниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча, а Красносельцы, слава Дмитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ, другихъ силою увлекли за собою, и некоторые пристали къ нимъ изъ любопытства. Сей шумный сонвъ стремился къ Лобному мѣсту», съ котораго агенты Дмитрія и прочіи грамоты Самозванца ², Усѣбухъ, такими образомъ, были полновы, и Плещеевъ съ Пушкинымъ послали съ цѣлѣтѣмъ объ этомъ гоцѣ къ Лжедмитрію. За эту вѣрную услугу Гавриилъ Пушкинъ сдѣланъ былъ думнымъ воряниномъ и великимъ сокольникымъ, ставъ однимъ изъ наиболее приближенныхъ къ новому царю лицъ. Ношѣ патенія его, въ 1606 году, Пушкинъ, однако, не только не присталъ къ Гущинскому пору, но даже противодействовалъ

¹ Самое раннее показаніе о немъ относится къ 1581 г., когда онъ, будучи страдцемъ, сочинкомъ, былъ присланъ въ Рязань съ Государевой грамотой къ воеводамъ; въ 1598 г. онъ былъ годовой у Касимовскихъ татаръ въ большомъ полку въ Серпуховскомъ Государевомъ по Крымскимъ вѣстамъ походѣ; а въ 1601 г. воеводствомъ воеводою въ Челябинѣ; при Годуновѣ онъ былъ въ ордѣ. П. И. Анучинъ, Разказные дѣла, Сиб. 1888, стр. 311, что и поставлю его въ раны противниковъ дара Бориса и его сына.

² Этотъ эпизодъ изображенъ поэткомъ въ XIII сценѣ Бориса Годунова совершенно согласно съ приведеннымъ мѣстомъ. Исторія Карамзина; упоминаемаго въ сценѣ IX-й пѣніи Г. Г. Пушкина—Афанасія Ахуловича—не существовало; у отца его братьевъ не было.

ему, что видно из уверений, посланных в август 1608 г., имя из Ногородца Горюшка в Тверь о помиле дией, великих грамоты этого самодвнца. Тогда-то, вероятно, он и связалъ этотъ городъ въ видѣ наказанія... по образу прокудуловъ Национальнаго Собранія, какъ выразился о немъ поэтъ вообще въ соблазнительное смутнаго времени Пушкинъ игралъ важную роль. При избаніи на царство Михаила Феторовича онъ не хотѣлъ «скальвать бодрство» диаментному князю Д. М. Покзарскому, считался съ нимъ мветами, а въ 1619 году мветился съ нимъ вторично, по случаю назначенія своего, совместно съ нимъ въ Вязму навстрѣчу возвращавшагося изъ плѣна отца царя Филарета Никитича. Въ 1614—1615 г. Г. Г. Пушкинъ былъ воеводоу въ Вязмѣ, въ 1618 г. принималъ участіе въ оборонѣ Москвы отъ королевича Владислава, а въ слѣдующемъ дѣлалъ въ Разбоинѣ Приказѣ въ 1620 г., онъ еще дѣлался въ шествіи умныхъ ворянъ, въ 1630 г. присутствовалъ за столомъ у Государя, а въ 1638 скончался, постригшись въ монастырь. Кромѣ указанныхъ выше мветъ, поэтъ упоминается о Гаврилѣ Григорьевичѣ еще въ «Мосей ротословной»:

...Вопишь Пушкина съ царями,
Въ шихъ былъ связанъ не ошкъ,
Колѣ талася съ половами
Ниветороковъ мѣдвннхъ... 1

Тотъ братъ Гаврила Григоріи Григорьевичи Пушкинъ, по прозвищу Судемша, сво время междуварствіи, начавшаго отбыванія воевокомъ, ошкъ съ Нумалювнмъ, по словамъ Каремлина, съблалъ мчестно свое «Вло», да инабавствъ поэтъ. Стоя прежде на сторонѣ Лаземитриа, а потомъ — дара Василиа Шуйскаго, Григоріи Пушкинъ въ 1607 г., говоритъ Каремлинъ, спавъ Никити Новгородъ, усмирить бунтъ въ Арзамасѣ, въ Артаговѣ и еще прислѣять въ Анлюоу въ Каширу.

1. Въ другой рукописи
Вопишь, преле ма съ царями,
Водъ въ Амбѣ, Мининъ ошкъ,
Иль насъ шихъ готовами
Делѣ за Русь...

чтобы идти съ нимъ къ Серебрянамъ Прукамъ, тѣ они и истребили сконнне злодѣевъ и владѣ ихъ вухъ начавшиковъ. Въ 1608 г. онъ былъ вторымъ воеводоу въ большомъ полку и дѣйствио валь противъ Лисовскаго, а затѣмъ служилъ воеводоу въ Вологдѣ (1612—1614 г.) и въ Ярославѣ (1616—1618 г.). Въ смутное время прославился еще вторично Михаилъ Феторовичъ Пушкинъ, который «въ 1607 году, въ продолженіе бывшихъ тогда смутнѣй, пострадалъ мученическое смертію отъ самодвнца Петрушка». Шестюю мленовъ рота пошисался пощ драматой объ избраніи на царство Михаила Феторовича Романова 1, и съ этой поры особенно дѣлбчается возмнне Пушкинъхъ.

Смиривъ вражда и воеварство
И ярость брашнахъ невоотъ,
Колѣ Романовыхъ на царство
Дѣлѣ въ грамотѣ своей парочъ.—
«Въ къ оной рубу приложилъ...—

и поэтъ твердо это помнилъ. Онъ упоминаетъ еще Матвѣя Степановича Пушкина, стольника, затѣмъ околннннй, воевоа въ Смоленскѣ, Киевѣ и Астрахани, Матвѣи Степановичъ въ 1618 году пошисался пощ собраннмъ дѣннмъ, объ уничтоженіе мветисества (это мало дѣлаетъ ему мчестно дѣлбваться поэтъ), въ 1684 г. посылался въ Смоленскъ, съ титуломъ Оберскаго намѣстника, а воевоу былъ сдѣлать бодрномъ, М. С. Пушкинъ наваскъ на себя гдѣвъ Петра Великаго, противился посылкѣ молодыхъ дворянъ за границу 2, а воевоу жестоко пошисался да вину своего сына Фетора Матвѣевича, стольника, который, будучи ошмъ изъ главнѣйшихъ участннковъ стрѣлчачаго дѣловора П. П. Шквара и А. П. Соковинна 3, былъ каз-

1. Въ статьѣ Ротословнѣ Пушкинъхъ и Гаврилоу поэтъ пишетъ, что пощ драматой пошисался дѣтскеро Пушкинъхъ, а въ шествіи въ бароу Дѣлнмъ отъ 8-го іюня 1825 г. говоритъ Шестъ Пушкинъхъ пошисали избарагелдую драматой, да шое рубу приложилъ да неушннмъ шествіи. На самомъ дѣлѣ пошисавшнхъ было пять, причеиъ ошкъ пошисался да своего ролѣ шествіа, да мчестно стольникъ Иванъ и да себя и да Иванъ Григорьевича брата Гаврила, страши Феторъ, Михаилъ и Шквара, а шое рубу приложилъ Феторъ и Феторъ Семѣевича, съблвательно, въ избраніи участннковъ семеро Пушкинъхъ...—2. Поэтъ говоритъ это Пушкина при Петрѣ были въ ошннннн 1.—3. Феторъ Пушкинъ былъ жепать на шочери Соковинна, а Шквартъ—на шочорт-

пень 4-го марта 1697 года: старши боиринъ, съ лишеніемъ чести да вину сына, былъ сосланъ въ Сибирь съ малолетнимъ внукомъ своимъ Оеодоромъ 1, въ Сибирь, гдѣ и умеръ вскорѣ послѣ ссылки. Другой братъ, Яковъ Степановичъ, съ юности крестился въ кр. Ф. Ю. Ромодановскаго, былъ тоже боириномъ и тоже далъ себѣ противникомъ реформъ Петра Великаго, который, по оному ильбѣтню, велѣлъ посадить его, въ шембинуку, на куринья яйца: онъ скончался въ 1698

1699 г., оставивъ послѣ себя лишь двухъ дочерей, одна изъ которыхъ была въ третьемъ бракѣ, да малолетнюю дочь старшикомъ Иваномъ Ивановичемъ Шуккеромъ.

Упрямства духъ намъ въбои не имать.
Въ рошю свою неумреть.
Съ Петромъ мой пращуръ не поладитъ.
И бытъ за то повѣрять имъ.—

писать похвѣ въ «Моей родословной».

поя сестрѣ Нушкина—Принцъ Яковлевичъ, дочери боириня Якова Степановича Нушкина. Четыре сестры его были впоследствии выданы замужемъ за Грибофтова, князя Шербатова, Бедобрадова и Прасковья Оеодорова, за Александра Петровича Дорощенко, старшаго сына гетмана Малороссій: дочь ихъ Елизаветина была замужемъ за Алек-

сандромъ Артемьевичемъ Заградскимъ, рошю внука котораго—Паталія Ивановича Заградскаго—была женою Николая Александровича Гончарова и матерью деши поета—Паталія Николаевича. Черезъ Дорощенковъ перешель къ Гончаровымъ ильбѣтныя Пропледеи.

СТРѢЛЕЦЪ.

Рисункъ шведскаго капитана Эрика Пальмквиста (1673).

III

Нз другихъ членовъ Нушкинскаго рода, кромѣ прямыхъ предковъ поэта или гбвухъ, о коихъ онъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, слѣдуетъ указать еще нѣсколькихъ, наиболее цвѣтшихъ въ исторіи 1). Къ таковымъ, въ хронологическомъ порядкѣ, принадлежатъ: Василій Алексѣевичъ, посланный въ 1533 году царемъ Василіемъ Иоанновичемъ посломъ къ Казанскому царю Евлелю; Иванъ Ивановичъ, братъ пращура поэта Михаила Ивановича, бояринъ Новгородскій, въ 1514 году заключившій въ Новгородѣ договоръ съ Ганденскимъ городомъ; Иванъ Петровичъ, бывшій бояриномъ и конюшимъ у Иоанна Грознаго, при которомъ, какъ можно думать, нѣкоторые члены рода Нушкиныхъ переселились добровольно или были переселены въ Московскіе города: Ефстафій или Остафій Михайловичъ, думный вороний при Грозномъ, принимавшій участіе во многихъ походахъ 1573—1580 гг., былъ однимъ изъ подполковъ воеводъ въ Смоленскѣ 1580 г., а затѣмъ, съ титуломъ Муромскаго наместника, отправленъ

къ Стефану Баторію 1581 г. въ Вильну; въ 1582 г. Грозный назначилъ его для переговоровъ съ панскимъ посломъ Антошемъ Посевинномъ, что свидѣлствуетъ о его дипломатическихъ способностяхъ; въ 1591 году онъ посланъ царемъ Федоромъ въ Астрахань для разслѣдованія дѣла о скоропостижной смерти царевича Мурата-Гирея, а въ 1594—взлѣкъ имѣя титулъ наместника Елагомскаго, съ княземъ Туренинымъ для веденія переговоровъ съ шведскими послами о «сущности вѣчнаго мира»; послы съѣхались у р. Тивина, гдѣ и была ими похищена; 18 мая 1595 г., договоръ, по которому Россіи возвращалась Корелія. Въ 1598 г. Остафій Михайловичъ подписалъ подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи на царство Бориса Годунова; послѣдній, однако, не благоволилъ къ Нушкину и его роду и въ 1601 году сослалъ его въ Сибирь «съ братиею за оуладу, что на него ювочили люди его, а Девонгій и Ивашку Нушкиныхъ да то, что они были челомъ на князя Елагскаго въ отечествіи и гбвухъ царя раскручинили, помѣстья и вотчины у нихъ вѣдѣль отнять, а животи распродати». Остафій Нушкинъ былъ отправленъ воеводою въ Тобольскъ; дѣвъ онъ и умеръ въ 1602 году, при чемъ замѣстителемъ его былъ назначенъ родной братъ Николая Михайловича — 1622 г., бывшій воеводою въ Вологдѣ гдѣ въ 1608 году прислывалъ «Тушинскому вору», на Днѣвъ 1613—1614 г., во Владимірѣ на Клязьмѣ 1614—1616 г., въ Арзамасѣ

1) Зѣвелъ не упоминаются многочисленные представители рода, носившіе нѣсколько придворныхъ должностей или занимавшие послѣдствіи не выше воеводы.

(1617 г.), наконецъ, окончившимъ. Братья Евстафій и Никитъ Иванъ большой Михайловичемъ—были думными и думными ворянами, въ 1582 году посланы съ титуломъ Рязскаго намѣстника въ Подольскъ, а дѣтвмъ воевою въ Астрахань, гдѣ будучи, «Потайскаго Ширека, Книжь и Мурзь потъ Государеву руку привелъ и умирилъ ихъ въ Государствѣ повелѣньи» и «умирилъ въ Государевой казнь многу прибыль»; онъ былъ убитъ въ 1612 году—съ Московское радоренье; Леопитій Михайловичемъ сосланнымъ въ Сибирь Годуновымъ былъ окончившимъ и пашъ въ битвѣ подъ Кромами въ 1605 году, а Иванъ меньшой Михайловичемъ, по прозванью Иванска, въ 1609 г. пожалованъ былъ даремъ Василемъ Шуйскимъ въ думные воряне, а дѣтвмъ былъ воевою въ Вяземскомъ Веру и въ Астрахань. Борисъ Ивановичемъ сыномъ упомянутого Ивана большого Михайловича, въ 1632 году находился въ посольствѣ къ Шведскому королю для склоненія его къ союзу противъ Польши, дѣтвмъ воеводство въ Мангазей и въ Яблоновъ, въ 1645 г., при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича, пожалованъ былъ въ окольничіе, а въ 1649 г.—отправленъ первымъ полномочнымъ посломъ къ Шведской королевѣ Христинѣ съ титуломъ намѣстника Бринскаго и къ Столбамъ заключилъ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, послужившій поводомъ къ возмущенію въ Псковѣ съ 1652 по 1656 годъ; онъ былъ воевою на Днѣпѣ и умеръ въ 1659 году. Григорій Гавриловичемъ Пушкинымъ, по прозванью Косой, сыномъ вывѣстнаго къ «Борисъ Годуновъ» Гавриила Пушкина, будучи стольникомъ, воеводство въ разныхъ городахъ, въ 1644 г. пожалованъ въ думные воряне и отправленъ съ титуломъ Алатирскаго намѣстника, въ Польшу полномочнымъ посломъ для умиренія договору о титулѣ государевомъ, о размежеваніи и о самозванцахъ и за усильное окончаніе этого порученія былъ пожалованъ въ окольничіе; въ 1646 году царь Алексѣй Михайловичемъ послалъ его первымъ посломъ въ Швецію съ «подтвержденною» своею грамотою на заключенный въ Столбовѣ договоръ; въ томъ же году онъ былъ отданъ бояриномъ, а въ слѣдующемъ—оружейничимъ. Въ 1650 году Г. Г. Пушкинымъ съ титуломъ намѣстника Нижегородскаго, былъ посланъ въ Польшу для поздравленія короля Яна-

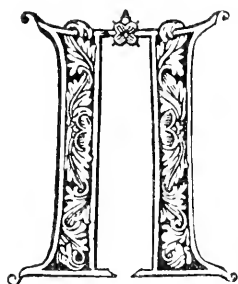
Казимира со вступленемъ на престолъ и для поддержанія Полюнскаго договора, а въ 1654—1655 г., былъ назначенъ начальнымъ бояриномъ въ Смоленскъ; онъ умеръ въ 1656 или 1657 г., оставивъ вдову, Ульяну Осиповну, род. Грлицкую, Братъ его, Степанъ Гавриловичемъ окольничій, † 1656 г., былъ воевою въ Рыльскѣ, Озювѣ, Устиновѣ, Рыльскѣ, Путивлѣ въ Смоленскѣ и также вѣдѣтъ въ 1650 г. въ Польшу, въ составѣ посольства, Стольникъ Никита Борисовичемъ, сыномъ упомянутого Бориса Ивановича, былъ вѣдѣтвмъ весьма крупнаго состоянія и умеръ въ 1715 году, пострившій въ монастысь имениемъ Нифонна; сыномъ его Афанасіемъ, умершій бездѣтвмъ, былъ женатъ на С. Е. Украинской, дочери диментнаго вѣка-дипломата Емельяна Пинавѣвича; дочь-же, Софья Никитична, была замужемъ за вѣдѣтвмъ Петровскимъ, адмираломъ, графомъ Николаемъ Петровичемъ Годуновымъ (р. 1695 † 1745) и имѣла дочь, вѣдѣтвму на принца Петра Голландскаго-Бекскаго, Истерь Калитовичемъ Пушкинымъ, умершій въ 1744 году, въ чинѣ г. с. совѣтника, умая въ Московскомъ Навигаціонъ Школѣ, а дѣтвмъ въ Голландію съ 1710 г., вѣдѣтъ и съ усильнымъ служилъ во флотѣ, былъ «командующимъ» надъ Морскою Академіею въ Петербургѣ 1728—1730 г., а дѣтвмъ совѣтникомъ Адмиралтейства-Коллегіи и состоялъ (1743 г.) членомъ генералнаго суда по дѣлу Лопухинныхъ, обвиненныхъ въ заговорѣ противъ Имп. Елизаветы; женаъ онъ была на Татьянѣ Давидовнѣ Мещниковой, родномъ сестрѣ вѣдѣтвмаго князя А. Д. Мещикова; ему съ братомъ Иваномъ Калитовичемъ, стольникомъ, остался въ вѣдѣтвмъ созданнаго въ Сибирь боярина Максима Степановича Пушкина. Андрей Никифоровичемъ сыномъ упомянутого въ началѣ статьи Никифора Изюговича, артиллерій подковникъ, былъ членомъ Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, сотрудничалъ въ нѣсколькихъ журналахъ середины 1820-хъ годовъ и вѣдѣтвмъ нѣскольکو трудовъ по военному искусству; онъ былъ убитъ на штурмѣ Варшавы въ 1831 году.

Въ настоящее время имя всего весьма обширнаго рода Пушкиныхъ, то 400 муз. скихъ именъ, представителями его живущаго днѣшъ сына и внука поэта и потомка брата его Льва Сергѣевича—женатыю,

сь 1843 г. на Елиза. Александр. Загряжской, а также семья Давид Александровича женатою на Елиза. Григ. Декутьской, сына Александ

тра Юрьевича, родного племянника Марьи Александровны Ганнибалъ и двоюродного брата П. О. Пушкиной. Къ разказу о Ганнибалѣхъ мы теперь и переходимъ.

IV.

Исторію своихъ предковъ Ганнибаловъ интересовалъ особенно тогда, когда, дѣвъ родомъ Пушкиныхъ, охотился собирать материалы для жизнеописанія своего прадеда Петра Петровича, а равно семейныя преданія, намбрелась

найти полную біографію его самого, а также и его не менѣе извѣстнаго сына Петра Александровича; выведъ его, какъ главное существовавшее лицо, въ своемъ неоконченномъ романѣ «Арабъ Петра Великаго», посвятивъ ему вѣдновенныя, истинно-политическія строки въ «Моей родословной» и неоднократно вспоминалъ о своихъ Африканскихъ предкахъ въ своихъ стихотвореніяхъ; наконецъ, сообщилъ объ «арабѣ» свѣдѣнія Д. Н. Бантыну-Каменскому для «Словаря достопамятныхъ людей Русской земли». Въ фактической части біографіи прадеда своего Пушкинъ, однако, допустилъ неточности и ошибки, которая явилась возможною, провѣривъ лишь по позднѣйшимъ изскаженіямъ. Въ настоящее время біографію «Араба Петра Великаго» можно парисовать съ достаточною полнотою. Мы ограничимся дѣль лишь краткимъ ея изложеніемъ. Больше подробно см. при «Арабѣ Петра Великаго», Ред. 1.

Абрамъ Петръ Петровичъ Ганнибалъ родился 23 въ 1. Лондонѣ, въ швернонъ швеншій, на березахъ Марсба, на гра-

ницѣ между Хамаданомъ и Сарая. въ 1697—1698 году; отецъ его въ указанной мѣстности былъ вѣдательнымъ кондуктомъ и находился въ пасапной дачности отъ турокъ, къ которымъ и былъ, вѣдѣвъ съ другими знатными юнотами, отпавъ, въ видѣ аманата, или заложника, 8-милліонъ Пбрагимъ привезенный дѣльмъ въ Константинополь, отъ помѣщенъ былъ въ султанскій сераль и дѣль, прожилъ съ небольшимъ годъ. Въ это время Петръ Великій приказалъ русскому посланнику въ Константинополь доставить для него нѣсколькихъ способныхъ мальчиковъ-араповъ. Посланникъ съ большимъ трудомъ исполнилъ порученіе царя 1, и Пбрагимъ въ 1706 году приведенъ былъ графомъ Саввою Владиславичемъ-Рагузинскимъ въ Москву и доставленъ прямо «въ домъ» Петра Великаго. Въ 1707 году, въ бытность посланнаго въ Вильнѣ, Пбрагимъ въ мѣстной Паницкой церкви былъ крещенъ въ православіе 2, при чемъ самъ царь былъ его воспріимникомъ; отъ него отъ и получилъ свое отчество, а крестною матерью была жена польскаго короля Августа II Христиана-Фбергардина, Пбрагимъ тно было имя Петра, но отъ не хотѣлъ расстаться съ прежнимъ, и государь разрѣшилъ ему именовать, по согласію, Абрамомъ. Когда и почему принялъ отъ фамилію Ганнибала, положительнаго указацій не имѣется; въ теченіе многихъ дѣль отъ и самъ подписывался, и въ официальныхъ бумагахъ, и въ частныхъ писмахъ именовался просто «Абрамъ Петровъ», прозвище

1. По однимъ источникамъ, Ганнибалъ былъ вывращенъ въ сераль при помощи султанскаго шприца; по показанію же его самого, отъ въ Россію вывѣлъ волею своею. — 2. Свѣд. Зап. Слово. 1899 г., перепеч. въ Нов. Врем. 1899 г., № 8237; въ Паницкой церкви, на свѣдѣ имѣется араморнаго тоска съ соотвѣствующею датшею, въ которой непрямо указывается 1705 г.; между дѣль въ Петришъ Соловьева г. IV, стр. 224, приврѣтены нѣкоторые расходы Петра за 1707 г., и къ нимъ видно, что въ этомъ году Петръ въ Вильнѣ вѣдѣлъ Абраму арапу и Язиму карды на платѣе 87 р.

1. Царь, въ посланнахъ О. Ф. Юрьеву и П. С. Яковлеву, въ Гетингъ Ойшнѣ, гл. 1, стр. 1, въ Воспоминаніи въ Царскомъ Селѣ, — 2. См. въ свѣдѣніи проф. Е. И. Анучина, А. С. Пушкинъ, Антонографическое слово, Печ. №№ 99, 106, 111, 120, 127, 131, 147, 163, 172, 189, 193 и 201. Русская Вѣдомость, 1899 г., № 1899.

ПЕТРЪ ПЕРВЫИ ИМПЕРАТОРЪ,
 ПРИСНО ПРИКАВИТЕЛЬ, ЦАРЬ
 ИСАМОДЕРЖИЦА КСЕРОССИИСКІЯ

1725—1727 г.г. в. Ганноверъ.

Портретъ Петра I, одѣянаго въ Штатгену. Вѣнчанъ въ 1723 г. въ
 Адріанъ-Галлѣндѣ. Въ 1725 г. въ Ганноверѣ, въ присутствіи
 императора Карла VI и императрицы Елизаветы.

же Гансбала закрѣдилось за нимъ лишь впоследствии — не раньше 1733 и не позже 1737 г. До 1717 г. Гансбаль проработал «исподрукомъ» при Петрѣ Великомъ, неся при немъ обязанности камернера, лексика и секретаря, а въ 1717 г. «посланъ былъ для науки въ чужие края и былъ въ службѣ королевскаго величества французскаго въ лейбъ-гвардіи капитаномъ»¹, участвовалъ въ 1719 году въ походе французомъ съ панацами, при чемъ былъ раненъ въ голову и влилъ въ плывкъ, а дѣлать онъ учился въ Ecole d'artillerie въ Мецѣ². Пробывъ въ Франціи до конца 1722 года³, Гансбаль въ началѣ слѣдующаго возвратился въ Петербургъ и сразу же назначенъ былъ на инженерныя работы въ Кронштадтъ⁴, воида въ то же время въ кружокъ лицъ, группировавшихся около влиятельной княгини А. П. Волконской⁵ 1731 г.⁶ и бывшихъ противниками претендента Меньшикова: кружокъ этотъ составляли: С. А. Мавринъ — учитель вел. кн. Петра Алексѣевича, П. А. Черкасовъ, П. П. Веселовскій, Е. П. Пашковъ, графъ Рабушинъ и др. Въ февралѣ 1723 г. Гансбаль былъ опредѣленъ Петромъ Великимъ въ бомбардирскую роту лейбъ Преображенскаго полка⁷, при чемъ ему поручено было, между прочимъ, учить молодячку солдатъ изъ поручикъ математическимъ наукамъ⁸; эти же науки онъ преподавалъ уже по смерти императора, наследнику престола вел. кн. Петру Алексѣвичу, Екатерину I и великій князь благоволивъ къ Гансбалу⁹, по вѣселинскій Меньшиковъ, на противъ же дѣвъ по вступленіи на престолъ Петра II опасаясь вліянія Гансбала на юного царя, поспѣшили удалить и Абрама Петрова, и его единомышленниковъ — друзей вѣль Петербурга: 8-го мая 1727 г. онъ получалъ пренесеніе «взять неме-

ленно въ Казань и... тамошнюю крѣпость осмотрыть и какимъ образомъ ее починить или вновь заново потребно раздуть, съдѣлать штабелъ, тому учинить планъ и проектъ»¹⁰. Пріѣхавъ въ Казань и пробывъ тамъ 25 дней, Гансбаль получилъ другое предписаніе Меньшикова отъ 28 мая, которымъ поручалось ему «взять безъ замедленія въ Тобольскъ для построенія крѣпости, 27-го іюня онъ выѣхалъ изъ Казани¹¹, прибылъ въ Тобольскъ 30-го іюля¹², но уже 3-го августа былъ отправленъ, по распоряженію Меньшикова, еще дальше¹³ — на Китайскую границу, къ чрезвычайному посланнику графу Владиславу-Рагузинскому¹⁴, для постройки Селенгинской крѣпости. Въ январѣ 1728 г. онъ былъ въ Иркутскѣ¹⁵, а затѣмъ — въ Тобольскѣ, отлученный съ границы Владиславцемъ, не зная еще о пренесеніемъ наденія и сылькѣ Меньшикова. Дружбу, между тѣмъ, неусыпно, хотя и безъ успѣха, хлопотали о Гансбалѣ¹⁶; такъ, 17-го іюля состоялось новое опредѣленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта — объ удержаніи Гансбала на Китайской границѣ «до указа»¹⁷, а 22-го декабря 1729 г. — объ арестѣ его тамъ, отобраніи всей переписки его и объ отправкѣ «въ пристойнымъ коновомъ» въ Томскъ¹⁸; распоряженія эти стояли въ тѣсной связи съ тѣмъ, княгини Волконской и ея друзей, преслѣдовавшихся уже новыми временщиками — Долгорукими. Въ 1730 году, по мѣду новой императрицы Анны Ивановны отъ 25-го февраля, бомбардиръ-поручикъ Гансбаль былъ назначенъ майоромъ въ Тобольскій гарнизонъ¹⁹, а вскоре получилъ возможность совѣбъ покинуть Сибирь, будучи опредѣленъ 25-го сентября, по ходатайству своего благодѣателя Минина, инженеръ-капитаномъ²⁰, съ назначеніемъ въ Пермь «къ инженернымъ и

1. Своевременное покаяніе — Русск. Арх., 1891 г., т. II, стр. 102—2; П. А. Шлишникъ, изд. переп. бумаж. А. С. Мушкова, Сиб. 1903, стр. 321 и Амундснъ, о. с. 3; Письма Гансбала изъ Нарвала къ у. Векерлату, Наука и литература въ Россіи, т. I, Сиб. 1862, стр. 164—167 и 242—4; О. с. С. П. Шубинскаго о кн. Волконской въ Пет. Вѣстн., 1901 г., т. 98, стр. 941—5; Сестра будущаго канцлера А. П. Бестужева Фомина; о ней см. Петровъ Россія, Соловьева, т. IV и статьи С. П. Шубинскаго въ Пет. Вѣстн., 1904 г., т. 98, стр. 927—964; 5. Петрова дѣвъ. Препр. и. т. IV, прил., Сиб. 1883, стр. 169 и П. С. Амаровъ, Петровъ статьи, Сиб. 1873, стр. 47—7; Амаровъ, стр. 47; 8. Шлишникъ, о. с., стр. 122. Въ 1726 г., 23-го ноября, Гансбаль получилъ императорѣмъ соопщеніемъ имя князь объ инженерномъ покусѣнѣ С. П. Шубинскій, о. с., стр. 943.

1. П. А. Гастфренцъ, Письма Абрама Гансбала Архивные документа, Сиб. 1904, стр. 7.— 2. Его письмо отъ этого же дѣла къ у. Шубинскаго о. с., 938—939.— 3. Сборн. Пис. Русск. Петров., Общ. т. 84, стр. 129—130.— 4. Письмо его изъ Томска, отъ 15-го ноября 1727 г., къ кн. Волконской см. у Шубинскаго, о. с., стр. 943—947; стр. Сборн. Пис. Русск. Петров., Общ. т. 84, стр. 129—130.— 5. Тому самому, который выдѣлъ его изъ Константинова.— 6. Москвитинъ, 1833 г., № 24, матер., стр. 34—35.— 7. См. у Соловьева и у Шубинскаго, о. с.— 8. Сборн. Пис. Русск. Петров., Общ. т. 84, стр. 128—129.— 9. Гастфренцъ, о. с., стр. 41—42 и Сборн. Пис. Русск. Петров., Общ. т. 101, стр. 342—344; пренесеніе Гансбала отъ 31-го августа 1729 г.— 10. Сборн. Пис. Русск. Петров., Общ. т. 101, стр. 342—44; П. П. Васильевъ, Сибирь провинціи А. С. Мушкова въ Исконковъ губерніи, Сиб. 1899, стр. 16 патентъ.

АБРАМЪ ПЕТРОВИЧЪ ГАННИБАЛЬ.

Есть возрастъ около 92 лѣтъ.

Портретъ, находящійся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министрства Иностранности, съ полной увѣренности, что это действительно Абрамъ Петровичъ Ганнибаль ижеъ. Не исключена возможность, что это сынъ его Иванъ Абрамовичъ. Наконецъ, возможно, что это не кто ижеъ, ни армянъ, въ виду того, что помянутыя на портретѣ орденскія кресты не были ни у Абрама Петровича, ни у Ивана Абрамовича.

фортификационнымъ дѣломъ по его плану»¹. Такъ окончилась злоключенія Ганзибала, которая въ справедливо принадлежавъ «партикулярному интересу» князя Меньшикова и «добрѣ и наущенію его креатуръ»².

Вернувшись въ Петербургъ прямо изъ Селенгиска³ въ Тобольскъ онъ, вѣроятно, поспѣлъ не успѣвъ, Ганзибаль въ январѣ или февралѣ 1731 года женился на гренадерѣ Евдокіи Андреевнѣ Дюнеръ, дочери капитана галернаго флота, а черезъ мѣсяцъ былъ командированъ Минихомъ въ Пермь—улить кондукторовъ математикъ и черченію. Евдокія Андреевна, не желавшая выхотить за Ганзибала, «посеже», какъ она выражалась, «сараи и не нашей породы», и имѣвшая еще по сватовству Абрама Петровича сердечныя симпатіи къ рѣшному флотскому поручику Кайсарову, вѣкоръ же стала измѣнять недоброму мужу, увлекшись однимъ изъ кондукторовъ, Яковомъ Шиниковомъ; съ этого времени между супругами началась жестокая семейная драма, окончательно завершившаяся формальнымъ разводомъ лишь черезъ одиннадцать лѣтъ. Сначала пылкой нравъ старался воздѣйствовать на жену домашними средствами и, поставивъ къ ней строгій караулъ, жестоко наказалъ ее, пытаясь ее образумить; вклавшая руки несчастной во вѣнчикъ въ стѣну кольца, такъ, что тѣло ея повисало въ воздухѣ, Ганзибаль свѣкъ ее рождами, бить плетью и батогами. Но и это, видно, не помогало, и онъ удержалъ жену на Госпитальномъ дворѣ, на которомъ она провела пять лѣтъ. Самъ онъ, между тѣмъ, сошелся съ дочерью капитана мѣстнаго полка Матвѣей Фомининой Шебруа—отъ брака его съ диффицитскою шорникомъ Альбедилью Христиновою-Ретинилою—и жилъ съ нею сперва въ Ревельскомъ уѣздѣ, на купленной имъ мѣстѣ Баррикуля, а затѣмъ, въ 1736 г., переселился съ нею въ Ревельскій соборно-церковн., не дождавшись рѣшенія своего дѣла съ первою женою⁴. Въ это время Ганзибаль былъ уже въ отставкѣ, которую получилъ еще 21-го мая 1733 г.⁵, по представлению Миниха.

Въ 1741 году 26-го января Ганзи-

баль снова определялся въ службу, будучи назначенъ, съ чиномъ артиллерій подполковника, въ Ревельскій гарнизонъ, причѣмъ получить мизду Рагола, въ Ревельскомъ уѣздѣ¹; вѣкоръ 12-го января 1742 г.) императрица Елизавета Петровна произвела его изъ подполковниковъ прямо въ генералъ-майора, съ опредѣленіемъ оберъ-комендантомъ въ Ревель², гдѣ и прослужилъ онъ десять лѣтъ. За это время сохранилось много официальныхъ и полуофициальныхъ писемъ Ганзибала, характеризующихъ его служебную дѣятельность и отношенія къ разнымъ лицамъ³. Грамотою имп. Елизаветы, отъ 12-го января 1746 года, ему были пожалованы дворянскія имѣнія—«Михайловская Губа» въ пригородѣ Вороничѣ, Псковской губ., принадлежавшая до того царевичу Екатеринбурговѣ († 1733 г.), съ всѣми землями и 569 душами крестьянъ⁴.

25-го апрѣля 1752 г. Ганзибаль былъ переименованъ въ генералъ-майора отъ фортификаціи и назначенъ управлять искусственною, строительною частью инженернаго вѣдомства⁵. Въ слѣдующемъ году (3-го сентября) рѣшено было, наконецъ, постѣ долгихъ перипетій, дѣло Абрама Петровича съ его первой женою: она была признана виновною и сослана въ Староладожскій женскій монастырь, а бракъ Ган-

1—Сенат. Архивъ, т. II, стр. 455.—Мушкннъ разсказываетъ, что, удавъ о вѣнчаніи на престолѣ имп. Елизаветы, находившейся не у дѣлъ Ганзибаль—нашесть ей шведскія слова: помни мн. егда принцесса по дарствіе свое—и была принята въ службу; это повѣрье Ганзибаль былъ принятъ опять на службу 26 января 1741 г., а Елизавета воцарилась позже—25 ноября; милость императрицы выразилась въ пожалованіи чина и повышеніи по службѣ.—2 Въ январѣ этого года Ганзибаль подалъ въ Сенатъ просьбу о выдачѣ ему герба Арх. Департ. Герольдич. Книга 39-я Рѣшеніемъ дѣлъ, 1781 г., л. 39; это любовное прошеніе Ганзибала, съ автобиографическими данными, напечатано въ Русск. Арх., 1891 г., кн. II, стр. 101—102. Въ пожалованіи чина и имѣній Ганзибаль оцѣдилъ собственныя вице-канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ тогда уже умершей кн. А. П. Волконской Соловьевъ, Исторія, т. V, ст. 133.—3 Амаровъ, о. с., Гастфрейхъ, о. с., Сен. Архивъ, т. V; Д. Амунскіи, о. с., стр. 11. 4 Арх. Департ. Герольдич. дѣло о вѣнчаніи Ганзибала и Василевъ, о. с.; обѣ имѣнія Ганзибала см., между прочимъ, Сборникъ трудовъ членовъ Псковскаго Археологическаго Общества за 1896 г., Пск. 1897.—5 См. Амаровъ, о. с., стр. 57—58; А. Савельевъ, Петгор. очеркъ шведск. импр. Амунд. въ Россіи, Сиб. 1879, стр. 109; Д. П. Струковъ, Главные Архивы. Управленіе, ч. I, кн. 1, Сиб. 1902, стр. 217, 222, 228.

1—Исторія Соловьевъ, т. IV, ст. 1209.

2—Подлинная слова Ганзибала изъ его прошеній—см. Сборн. Имп. Русск. Исторія, Общ., т. 101, стр. 542. 3—С. П. Олотовскіи, статья объ Е. А. Ганзибалѣ въ Русск. Стар., 1877 г., т. XVIII, стр. 70. 4—С. П. Олотовскіи, ст. въ Русск. Стар., 1877 г., т. XVIII, стр. 69, 78 и Шиницкіи, о. с., стр. 322.—5 Амаровъ, о. с., стр. 33; Василевъ, о. с., стр. 16.

ИВАНЪ АБРАМОВИЧЪ ГАННИБАЛЬ.
Строитель Херсона.

Портретъ, принадлежащій семьѣ Шершдильвицъ въ Москвѣ.

Ганнибаль съ Христиной Шеберъ признанъ законнымъ, хотя на него и падожена была энциклопедія и штрафъ 1. 25-го декабря 1755 г. Ганнибаль былъ пожалованъ въ генераль-поручики, съ назначеніемъ Выборгскимъ губернаторомъ, но черезъ два мѣсяца послѣдовалъ новый указъ, которымъ, попрежнему,

1 С. П. Очаговичъ, в. с.

оставлялся въ инженерномъ корпусѣ. Въ исторіи этого вѣдомства Ганнибаль является однимъ изъ вѣстныхъ деятелей своего времени 1, сотрудникомъ генераль-фельдшери-

1 См. указъ соизв. Савельева, стр. 107, 109, 110—111; Уварова, стр. 58—61, и Струкова, а также П. Г. Фабриціуса, Главн. Инжен. Училище Спб., 1902, ч. 1, стр. XXXVI, XL, XLIII, XLV.

мейстера графа П. П. Панина. Назначенный членом Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, отъ 4-го июля 1756 г. 1) произведенъ былъ въ инженеръ-генералъ, а дабы въ генераль-аншефа, съ опредѣленіемъ главнымъ директоромъ Лагожскаго кавала и Крошингаскскую и Рогервикскіихъ стрелной 23-го ноября 1759 г. 2). Награжденный дабымъ 30-го августа 1760 г. орденомъ св. Александра Невскаго, Ганнибаль въ слѣдующемъ году оплскалъ смерть имп. Елизаветы, а въ 1762 г. 9-го июля, уволивъ на отставку 3 — за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Екатерины II: посѣдивъ, безъ сомнѣнія, лично діала Абрама Петровича, къ которому въ 1765 г. обращался съ милостивымъ рескриптомъ, спрашивая его о просекриванномъ Петромъ Великимъ кавалѣ отъ Москва до Петербурга 4). Остатокъ дней своихъ, еще довольно продолжительный, А. П. Ганнибаль провелъ въ пожалованномъ ему имѣніи Суйдѣ 5): дѣсь онъ скончался 14-го мая 1781 г. 6), дѣвѣ и погребенъ, но могила его не сохранилась 7): днемъ раньше, 13-го мая, скончался его супругъ — Христианъ Матвѣевичъ 8).

Отъ перваго брака своего Абрамъ Петровичъ не имѣлъ дѣтей 8), а отъ второго у него было П человекъ: изъ нихъ свѣдѣній сохранилось о пяти сыновьяхъ и четырехъ дочеряхъ.

1. Иванъ Абрамовичъ, старшій изъ сыновей (род. 3-го июня 173 г. 2), былъ въ службу зачисленъ въ 1744 г., дабымъ былъ дежурестеромъ морской артиллеріи 10-го февраля 1769 г., командантомъ Наварина, да взятіе котораго и да участие въ Чесменскомъ бою получить орденъ Георгія 3-й степени 27-го ноября 1770 г., генераль-майоромъ 7-го декабря

1. Моск. Вѣдом. 1756 г., № 27.—2) Амариновъ, о. с., стр. 62.—3) Ibid., стр. 64.—4) Амариновъ, Материалы, изд. 1873, стр. 292—293 и Гагенфрэнхель, о. с., стр. 42—44.—5) Кроуфъ Суйды, Ганнибалу были пожалованы слѣд. имѣнія въ Софійскомъ уѣздѣ: мѣля Елцга съ 3 деревнями, мѣля Ручино, Горбино и Тапца съ деревнями, Михайловская Губа, въ Опочецк. у. съ 47 вер. въ Спасской Губѣ 2 вер. въ Егорьевской губѣ пустошь и пр. Служба пошла В. А. Пушкинъ, когда она принадлежала П. А. Ганнибалу См. Соч., изд. 1891 г., стр. 50—52.—6) Шанинъ, о. с., стр. 422 и Аничкинъ, о. с., стр. 44.—7) Шанинъ, о. с., стр. 422—8) Сообщеніе Пушкина о томъ, что у Арапа родился бѣлая дочь, не подтверждается документальными данными см. Очаговскій, о. с., 9. По датированью—1731 г., что ошибочно, т. к. отцу его женился на 14-летнѣ шнѣ въ январѣ февраля 1731 г., а Иванъ Абрамовичъ, выдвѣ его единомъ, хладъ отъ 2-хъ дѣтей,

1772 г., генераль-дежурестеромъ морской артиллеріи 7-го июля 1776 г., главнымъ командиромъ стрелной крѣп. Херсона (съ 25-го июля 1778 г.) и генераль-поручикомъ 1-го января 1779 г.: онъ былъ уволенъ отъ службы 22-го февраля 1784 г., имѣя орденъ св. Александра Невскаго (1796 г.), Владиміра 1-й ст. (1781 г.) и св. Анны (1775 г.) 1). Последъ отца своего наследовалъ (1782 г.) мѣду Суйду съ деревнями: скончался холостымъ, въ Петербургѣ 12-го октября 1801 года и погребенъ въ Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры 2), гдѣ на могилѣ его высѣчена слѣдующая эпитафія:

Знои Африки родиль, хладъ кровъ его по-
койтъ,

Россіи онъ служилъ, путь къ вѣчности
устроилъ.

Степиде о немъ родия его и ближи
Сенъ памятникъ ему съ усердіемъ водвилъ.

2) Петръ Абрамовичъ (род. въ Ревелѣ 21-го июля 1747 г. 3), тотъ самый, котораго въ 1812 году посѣщали юноша-Пушкинъ 4),—артиллеріи капитанъ 1-го июля 1768 г., майоръ (13-го декабря 1770 г.), подполковникъ 10-го июля 1775 г. и оберкригсъ-комиссаръ полковникъ (2-го октября 1781 г.) и генераль-майоръ 10-го ноября 1783 г.: долгое время состоялъ подъ судомъ за растрату какихъ-то артиллерійскихъ снарядовъ и освобожденъ былъ отъ него только благодаря вліянію своего брата Ивана 5): по раздѣлу съ братьями онъ получилъ (1782 г.) въ Софійскомъ уѣздѣ мѣду Елцга, въ которой и поселился по выходѣ въ отставку 6),—и въ Михайловской Губѣ с-цо Петровское около г. Михайловскаго, куда переехалъ послѣ того, какъ разошелся съ женою и гдѣ посѣдилъ его Пушкинъ. Женатъ онъ былъ, съ 1777 года, на Ольгѣ Григорьевнѣ фонъ-Данциенштернъ, дочери колл. сов. Григорія Гри-

1. Его біографія у Д. П. Багшана-Камекаго «Старый достоянъ дѣтей», изд. 1836 г., т. II, стр. 45; см. также: Зап. Облск. Общ. Иссл. и Археологич. т. XXII, и Облгидъ Морской Службы, т. II—2 В. П. Санковъ, Петербургскіи Пекерники, М. 1883.—3) П. Амариновъ, Пушк. въ Алекс. Шую, Сиб. 1874, стр. 43 автоб.; крещенъ былъ имп. Елизаветой и Петромъ III. Въ посемейномъ спискѣ Петра Абрамовича, составленномъ имъ самимъ, онъ указывается шнѣмъ своего рожденія 22-е июля Архимъ Децартъ, Герольдинъ.—4) Соч., изд. П. О. Морозова, т. VI, стр. 454 и Амариновъ, о. с., стр. 44.—5) Амариновъ, о. с., стр. 42.—6) Въ 1792 г. онъ протѣялъ Елцга П. Е. Демитову П. Васильевъ, о. с. .

ИВАНЪ АБРАМОВИЧЪ ГАННИБАЛЬ.

Портретъ, находящійся въ Гатчинскомъ озерѣ.

торьевича, отъ котораго получилъ въ приданое имѣнія въ Казанской и Саратовской губерніяхъ; онъ имѣлъ одного сына — Велиамина Петровича (род. ок. 1778 г., † 23-го декабря 1839 г. ¹) и дочерей Христиниу и Александру. Брачная жизнь Петра Абрамовича сложилась неудачно; проживъ съ женою 9 лѣтъ, онъ сталъ измѣнять ей, а вѣкорѣ 1786 г. и совсѣмъ покинулъ ², и сиротки всю жизнь провели врозь. Онъ скончался въ 1822 году ³.

1 См. Б. Л. Мозаевскій, Повѣдка въ Тригорскомъ, Спб. 1903, стр. 17. Потребець въ Воронежѣ, близъ Тригорскаго.—2 См. о немъ ст. П. А. Бѣлозерскій въ Истор. Вѣстн. 1899 г., N 3, стр. 427—463.—3 П. А. Аппенговъ, Пушкинъ въ Александроу, стр. 11.

Мать поэта, Наталья Основина, въ молодости была подъ его опекой.

3 Осипъ Яннуарій Абрамовичъ (род. 20-го января 1744 г., — родной дядь poeta, вѣнцедѣй, по раздѣлу съ братьями, 1782 г. с. Михайловскаго, — служилъ въ артиллеріи и 29-го декабря 1770 г. произведенъ въ майора. Въ 1773 г. ¹ онъ, будучи въ Липецкѣ, на чууминскую дачу, женился на Маріи Алексѣевнѣ Пушкиной, жившей съ отцомъ въ с. Покровскомъ, а вѣкорѣ датъмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ флота артиллеріи капитана 2 ранга. Платонъ сумрачества нѣтъ, отишь свѣтъ, умершии трушнѣмъ младенцемъ, и пошъ Наталкѣ (р. 1775 г. — мать поэта, датъмъ онъ судъ

1 Москвитинъ 1862 г., N 21, отъ IV, стр. 22.

жить за баталеемъ Псковскаго Свѣтскаго Суда, совѣтникомъ Псковскаго (1778 г.) Памѣтническаго, а съ 6-го апрѣля 1780 г.— С.-Петербургскаго Губернскаго Иравленія 1). Супруги Гансбаль были весьма немещадливы: проживъ совместно съ женой около четырехъ лѣтъ, — частью въ Суидѣу Абрама Петровича 2), частью въ Петербургѣ, — Осипъ Абрамовичъ скрылся отъ родныхъ. Векоръ же между супругами началось тяжбное дѣло, длившееся много лѣтъ. «Ревность жены и неустойчивость мужа» — говоритъ вышесказанный. «Были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣла, пылкая страсть, соединенная съ ужасными легкомыслиемъ, влекли его въ удивительная заблужденія». И действительно: покинувъ жену, Осипъ Абрамовичъ, служа въ Псковѣ, пошелъ съ Поворжевскою помѣщицею Устинойю Ермолаевною Толстою трюки. Шинкинъ (двоюо капитана Ивана Толстого, и 9 января 1779 г. обвинялся съ нею въ церкви погоста Апросьева, Поворжевскаго уѣзда, давъ священнику фальшивое свидѣтельство въ томъ, что онъ вѣнчалъ 3). Поступивъ такъ легкомысленно, Осипъ Абрамовичъ, съ немещадною опрометчивостью, далъ Устинѣ Ермолаевнѣ «радную записку» (31-го января 1779 г.), въ которой рогисался въ томъ, что получилъ отъ нея приданаго разными вещами на 27000 съ лишнимъ рублей. Сожительство нхъ продолжалось, однако, недолго: 6-го мая супруги были, распорядителемъ Псковскаго арміеря, разлучены, и съ этого воря на Осина Абрамовича поспѣлаась обвиненія и жалобы со стороны обидныхъ его жень: Марья Алексѣевна, поддерживаемая своимъ братомъ М. А. Пушкинымъ, возбудила дѣло вносаженствѣ мужа, а Устина Ермолаевна, видя, что обстоительствя складываются не въ ея пользу, и что Осипъ Абрамовичъ и пожелаетъ ея увѣщаніямъ жить съ нею по-прежнему, векоръ подала просьбу въ судъ о взысканіи съ него 27000 р., будто бы полученнаыхъ отъ нея и имъ распрощенныхъ. Тщетно Осипъ Абрамовичъ отказывалъ, съ одной стороны, что женился на второй женѣ, будучи удвренъ въ смерти первой; бракъ его съ Толстою былъ признанъ (2 марта 1784 г.) нежоннымъ, при чемъ онъ, по приказанію имп. Екатерины, былъ отправленъ на кораблѣхъ на дѣльную кампанію въ Северное море; тамъ онъ служъ

бою погребенія свои наградилъ мортъ», а четвертая часть имѣній его, — именно с. Кобринно, было взято въ опеку на содержаніе дочери Натаскы 4). Тщетно также, съ другой стороны, Гансбаль старался доказать суду въ разныхъ инстанціяхъ, что не только не получалъ отъ Толстой никакого приданаго, — далъ ей радиую записку безденежную, т. е. дарую, но что самъ издержалъ на ея приходы до 30000 рублей 2); дѣло съ настоячивой и умудренною ошатою Устинѣей Ермолаевной длилось много лѣтъ подъ-рядъ, в теченіе которыхъ движущіея дѣлалы попытки къ сближенію, сходились и снова разбѣжались, возобновляя тяжбу, конца которой Осипу Абрамовичу такъ и не суждено было дожидаться 3); онъ скончался 12-го октября 1806 г. 4) въ с. Михайловскомъ, — отъ старости неподдержанной жизни, по свидѣтельству Пушкина, «Ошнадцать лѣтъ послѣ того», говоритъ онъ, «бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила нхъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ», — рядомъ съ могилою выка-поэта.

4) Неакакъ Савва Абрамовичъ (род. въ 1747 г.), въ 1756 году опредѣленный въ Артиллерійскую школу, былъ внослѣдствіи флота артиллерій капитаномъ 3 ранга, а затѣмъ, въ 1803 году, служилъ Псковскимъ оберъ-форштимейстеромъ и въ 1804 году умеръ въ чинѣ коллежскаго ассессора 5). Отъ брака своего съ дочерью Псковскаго помѣщика, Анной Андреевной Чухачевой, онъ имѣлъ 15 чело-вѣкъ дѣтей: Якова 6), Павла 7), Абрама 8),

1) Опекунами были назначены съ тѣхъ: Петръ Абрам. Гансбаль и Мих. Алексѣев. Пушкинъ. — 2) Построить ей въ Псковѣ томъ съ фруктовымъ садомъ, купилъ въ 4 перстахъ отъ города дачу, при которой развелъ садъ, устроилъ хозяйство, оранжерей и т. д., накупилъ серебряныхъ и золотыхъ сервизовъ, брилліантовъ, экипажей, мебели, продалъ 12000 р., за которые заложилъ свои имѣнія, и т. д. — 3) Бракорядное дѣло Гансбальовъ пересказано В. О. Миусевичемъ въ статьѣ «Дѣтъ Пушкина» — въ Истор. Вѣстн. 1886 г., т. XXIII, стр. 87—111, а тяжбное дѣло О. А. Гансбала съ У. Е. Толстою хранится въ Сенаатскомъ Архивѣ, съ нѣмъ воспользовалась имъ при любовномъ совѣщеніи секретаря Архива П. А. Мурашова. — 4) Б. Л. Молдакескіи, Поведа въ Тригорскомъ, Сиб. 1903 г., стр. 8. 5) Архивъ Департамента Герольдіи, дѣло о дворянствѣ Гансбальовъ. — 6) Депутантъ, потомъ кол. асс., женатъ былъ на Е. А. Владыкомекой, родной сестрѣ совѣтн. Пушкина по Михайловскому. — 7) А. Осиповъ. — 8) Помѣшникъ, былъ въ 1826 г. посланъ въ Сибирь, а потомъ въ Солонки см. Русск. Стар. 1899 г., № 3, стр. 333—338; былъ женатъ на В. Г. Гантге. — 8) мичманъ, 1802 г.,

1) Архивъ Департ. Герольдіи. — 2) Историч. Вѣстн. 1886 г., XXIII, стр. 98, 100, 101, 103. — 3) Тамъ же, стр. 111.

Иосифа¹, Петра², Александра³, Дмитрия⁴, Семёна⁵, Екатерину⁶, Любовь, Александра, Анну⁷, Ольгиду⁸, Клавдию⁹ и Констанцию¹⁰.

5. Яковъ Абрамовичъ, род. въ 1748 г., въ 1756 г. определёнъ былъ въ Артиллерійскую школу, но вскоре умеръ.

Изъ дочерей Абрама Петровича Елизавета Абрамовна была за пошловникомъ Андреемъ Павловичемъ Пушкинымъ, Анна Абрамовна за генерал-майромъ Небловымъ, Софья Абрамовна за артиллерійскимъ-майоромъ потомъ ст. сов. Адольфомъ Рейнгольдомъ Атамомъ Карповичемъ фонъ-Роткирхъ; Агриппина Абрамовна умерла дѣвщей.

Последними потомками «Арана Петра Великаго» являются дѣти Александра Яковлевича Ганшбала, р. въ 1797 ÷ 1834 г., и жена его Александры Егоровны, рокт. Юреневой; Георгій, р. 1832 г., оставшей поручикъ женатыи на М. О. Осиповой, живущій въ Петербургѣ и имѣющій дѣтей, Александръ, р. 1834 ÷ 1848 г., Елизавета, р. 1834 ÷ 1857 г., бывшая за пав. сов. Николаемъ Степановичемъ Самойловымъ, и Софья, р. 1833 ÷ 1856 г., скончавшаяся дѣвщей.

Пушкину неохотно пришлось выслушивать упреки въ эснествомъ «аристократизмѣ», въ томъ, что онъ гордится своимъ «эстетическимъ порядкомъ»: упреки эти слышалъ подъ еще въ 1825 году отъ Рыбьева¹¹; въ 1828 году онъ снова выслушиваетъ ихъ отъ Н. П. Раевского и М. В. Юзефовича и восклицаетъ: «Я не понимаю, какъ можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тѣмъ, что подъ выборной грамотой Михаила Фе-

доровича есть имя пошлоси Пушкиныхъ...» «Гордиться своимъ своимъ предкомъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе», защищаетъ онъ около этого же времени. «Образованныи французъ или англичанинъ, торжась строкою старата дѣтисца, въ которой упомянуто имя его, предка, честнаго рыцаря, не шло въ такой-то битвѣ или такомъ-то году водраживающаго изъ Валестиса; по какому бы ни было ни шорства, ни шорри, Дикость, пошлость и неважесство не уважать предкаго, пресмыкаясъ предъ однимъ настоящимъ, и у насъ шной шомокъ Рюрика болше торжась дѣтисомъ шворшато дѣтиски, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества». Поужаженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безразсечности. Последнія строки набросана были въ 1830 году, когда пошва снова повернесъ тѣмъ же пашанамъ и тубамъ, выхокамъ—со стороны Булгарина и раздраженныи ими, онъ тѣлаетъ блестящую отношѣнію ему и его шномъ шдешникамъ въ «Мосей розостовно». Стихотвореніе это въ свидѣ съ многочисленными набросками мыслей поэта, касающимися того же большого вопроса, является сами по себѣ прекраснымъ опроверженіемъ шсторическому уверенью, при чѣмъ не слѣдуетъ забавлять, въ какое время велась эта полемика... «Пушкинъ», сказалъ Н. С. Аксаковъ въ своей цѣлѣной рѣчи при открытіи памятника поэту, «дѣствительно любилъ и любилъ своихъ предковъ. Чтосъ изъ этого? Было бы желательнао, чтобы связь преданій и чувство историческою пресечности было шсточно по одному шоршству, тѣв оно почти не живетъ, но и швѣмъ сословіямъ; чтобы память о предкахъ жила и въ кунечествѣ, и въ шхонешствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между нами уважасотъ старинные честные роды. Но что, въ шущности, вала дѣлѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Дала и штала дѣлѣ живое, шворное и шторическое шство. Ему было шрно имѣть чередъ шхъ, такъ сказать, реальную связь съ родною исторіею, состоять какъ бы въ историческомъ шншствѣ и съ Александромъ Шенскимъ, и съ Юаннами, и съ Годуновымъ. Русская дѣтисня уже не представляласъ ему чѣмъ-то шрѣвншнымъ, мертвю шрѣвншю, но какъ бы и семенною шронкою... Онъ и въ швременности чувствовалъ себя вѣста

1. Воспоминанія М. В. Юзефовича о Пушкинѣ въ Русск. Архивѣ 1884 г.

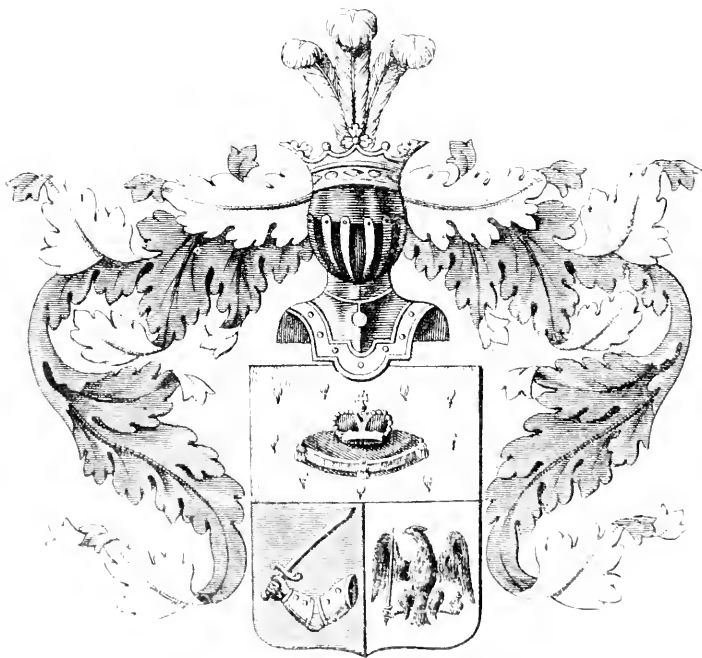
какъ въ исторической рамкѣ, къ предвѣду живои, продолжающейся исторіи» 1). В. Е. Якушкинъ, говоря объ «аристократизмѣ» поэта, замѣчаетъ: «Не надо придавать чрезвычайнаго значенія этой сторонѣ ублаженій Пушкина, который не доводилъ своего взгляда до крайностей; онъ вступалъ за униженныя историческія роды; уничтоженіе нухъ онъ считалъ вреднымъ, вѣдъ, что нухъ датируются вовсе не истинныя заслуги; Пушкинъ вовсе не стоялъ на точкѣ дряблѣ безусловной шворской гордости, что видно, напримеръ, изъ слѣдующей фразы: «имена Мишина и Домошова впрочемъ перевесить, можетъ быть, все наши старинныя родословныя, но неужто помостку нухъ смѣшно было бы гордиться ими именами?» 2).

1) Полное собр. соч. П. С. Афанасова, т. VII, М. 1887, стр. 830. — 2) О Пушкинѣ, М. 1830, стр. 59 въ статьѣ Радичевъ и Пушкинъ. — 3) Аппенковъ, Матеріалы, изд. 1873 г., стр. 293; о томъ же вопросѣ Аппенковъ говоритъ въ статьѣ своей «Общественныя идеалы Пушкина», Вѣстникъ Европы, 1880 г., № 6 и Воспоминанія и критическія очерки, т. III, Спб. 1881.

Но справедливымъ словамъ Аппенкова, Пушкинъ «уважалъ справедливую гордость, потому и происхожденіемъ вѣдѣ, гдѣ она дѣлается источникомъ нравственнаго достоинства и сочувствія къ прошлому своего отечества. Уваженіе къ предкамъ считалъ онъ единственной платой, на какую имѣютъ заслуженное право лица, несмѣшувшія съ землі. Съ другой стороны, Пушкинъ былъ весьма далекъ отъ мысли гордиться даже пороками своихъ предшественниковъ, что иногда бываетъ отъ неправильнаго пониманія достоинства исторіи и своего собственнаго. Это доказывается самой «Родословной Пушкиныхъ и Ганцибаловыхъ», гдѣ такъ откровенно и просто разсказалъ онъ, безъ великой утайки, все то, что зналъ о ближайшихъ своихъ предкахъ» 3).

Таковы были истинныя мотивы интереса поэта къ прошлому своего рода.

Б. Модзалевскій.

ГЕРБЪ ПУШКИННЫХЪ (Изъ Общаго Гербовника) т. VI.

Дѣтство Пушкина

Лександръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. въ Москвѣ¹. Со стороны отца Пушкины, какъ мы знаемъ изъ предыдущей статьи, принадлежали къ старинному боярскому роду, родоначальникомъ котораго считаютъ выходца «изъ Ливоніи» Радну.

По знатности Пушкины принадлежали къ второразрядной аристократіи, имѣвшей въ XVII в. право на получение чина окольничья; такихъ родовъ было 15.

Родословная матери поэта не такъ велика. Родоначальникомъ ея фамиліи былъ Александръ Петровичъ Гансibalъ, дарагъ и крестникъ Петра Великаго. Дѣти поэта со стороны матери были раздѣлены со второй женой и составились сначала на службу въ Средиземное море, а затѣмъ въ его село Михайловское. Мать поэта—Надежда Осиповна была дочерью его первой жены. Тяжелое семейное положеніе, конечно, объясняетъ и многіе недостатки характера Надежды Осиповны. Въ отрывкахъ изъ ли-

цейскихъ записокъ Пушкина въ словахъ «бабушка и мать нѣкъ бѣдность» поэтъ ясно указываетъ на это тягостное положеніе своей матери.

Родители А. С. были люди свѣтлые прежде всего. Въ расцвѣтѣ силъ и зiorовья отецъ поэта Сергѣй Львовичъ (см. о немъ въ предыдущей статьѣ, стр. 6 и 8) умѣлъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и жила тамъ беззаботной жизнью русскаго барина. Онъ былъ созданъ для гостиницъ: блистать въ обществѣ было его единственною работою: «въ лексаціи французскихъ стиховъ у него не было соперниковъ; въ домашней Москвѣ никто удачливѣе его не умѣлъ устроить любительскаго спектакля, и никто не исполнялъ своей роли съ такими успѣхомъ, какъ онъ; его каламбуры и дэпрогмы бывали такъ удачны, что знакомились и переходили изъ устъ въ уста». Онъ былъ веселымъ, приятнымъ собесѣдникомъ, но при всемъ своемъ остроуміи и начтанныости, былъ въ своей бесѣдѣ чловѣкомъ очень поверхностнымъ. Стоить припомнить ту Москву, которая изображена Грибоѣдовымъ въ его безмерной комедіи, и мы воздадимъ кругъ интересовъ, въ которомъ вращался отецъ поэта, отнюдь изъ лучшихъ представителей этой Москвы. Онъ былъ душою общества; публика была ему необходима, какъ для актера, воспеваемаго на помосткахъ. Отношенія Сергѣя Львовича не vanno изъ къ терпѣнкой жизни нитали отвращеніе. Когда не было

¹ О томъ, въ которомъ родился Пушкинъ, см. особую дѣлѣтку въ концѣ настоящаго тома.

ДОМЪ КЛЮГИНЫХЪ НА НѢМЕЦКОЙ УЛИЦѢ ВЪ МОСКВѢ.

Считается, что въ этомъ домѣ, флигель этого дома родился Пушкинъ. У оружейной палаты, претендуя на ту-же честь см. приложение къ I тому.

Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія П. К. Остроузовымъ.

настоящихъ читателей его талантовъ, онъ собиралъ вокругъ себя дѣтей и развлекалъ себя своей декламацией и своимъ остроуміемъ. При этомъ сами дѣти были для него совершенно безразличны. Въ нихъ присутствіи онъ разсказывалъ иногда самую нелепую исторію и читалъ совсѣмъ не-поэтическіе стихи.

Зудъ къ стиховорству былъ тоже одной изъ его многочисленныхъ слабостей; писаніе французскихъ стиховъ было любимымъ его развлеченіемъ. Говорятъ, что многими слезами его произведеній, дѣлая похвалу на французскомъ языкѣ, сохранилась по силѣ поръ. Впрочемъ, увлеченіе стиховорствомъ было тогда модой вообще, а въ семьѣ Пушкиныхъ въ частности. Одинъ изъ отпадшихъ родственныхъ его, Алексѣи Михайловичъ [25 мая 1828 г.] былъ писателемъ и переводчикомъ; братъ С. Д. Васильевъ Павловичъ былъ въ свое время очень славнымъ поэтомъ. Эта страсть распространялась даже на прилегу: въ перенесъ Пушкиныхъ вошли въ юмористическіе стихо-

творцы: такъ камердинеръ Пикета Тимофеевичъ даже сочинилъ балладу изъ сказокъ о Соловѣ-разбойникѣ, богатырѣ Ерусланѣ Ладаревичѣ и царевнѣ Милитриѣ Кирибичевнѣ. Незудно, что и въ дѣтскую Пушкиныхъ забралось это увлеченіе стиховорствомъ и декламацией.

Безмятежное вольство собой, полная безпечность, уходившая въ безпросвѣтливый эгоизмъ и нравственную индифференцію, — вотъ та оборотная сторона характера С. Д-ча, которая прикрывалась снаружи блескомъ и доскомъ свѣтскаго любезнаго и остроумнаго человека, но которая очень болѣно чувствовалась домашними, особенно дѣтьми.

Мать поэта была поэтесса своему супругу. «Красавица-кредока», прошедшая гдѣ-то школу семейныхъ велетовъ, отличалась всеначальностью, эксцентричностью. Къ старшему сыну своему Александру относилась она съ холодною, которая порой смѣнилась востанками раздраженія. По натурѣ своей, не будучи доброю, она легко могла быть злою и жестокою. Романическо-

ФЛИГЕЛЬ ДОМА КЛЮГИНЫХЪ; ВЪ НЕМЪ, ПО ПРЕДАНІЮ, РОДИЛСЯ ПУШКИНЪ.
(Съ фотографіи Пастухова, принадлежавшей Д. Н. Майкову, Флигель състоитъ въсколько лѣтъ тому назадъ.)

шенія къ дѣтямъ у нея не было; къ младшимъ, особенно Лизу, относилась она со страстностью.

Однажды на бѣду она ударила свою взрослую дочь, дѣлѣй годъ не разговаривала съ А. С., когда онъ былъ еще ребенкомъ; для него специально избобрѣла она особая пыткашная наказанія, невольная его разбѣжностью, неуклюжестью и неизлечимою живишностью.

Холодному равнодушію супруга она противопоставляла свой необузданный, порывистый духъ, унаследованный отъ отца. Уживалась она съ мужемъ неизвѣстно какъ, но они сходились въ одномъ: оба одинаково любили «свѣтъ» и одинаково равнодушны были къ хозяйству и семьѣ. Вотъ почему въ домѣ нѣтъ царить полный безпорядокъ. «Домъ Пушкиныхъ», говоритъ бар. М. А. Корфъ, представлялъ всегда какой-то хаосъ и избытокъ недостатковъ во всемъ, начиная съ лещей и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обидѣло человѣка на три лишнюю, то всегда посылали къ сосѣдямъ за приборами. Мы видимъ, что въ родинѣ семьѣ будущаго поэта не нашлось ни материнской любви, ни отцовской заботливости:

не нашлось даже той живишей порывности, того благопріятія, которое часто прикрываетъ отсутствіе нравственныхъ достоинствъ. На этомъ фонѣ бездѣлшнаго гнѣвна поэта встаетъ свѣтлымъ и видѣмѣмъ образомъ его бабушка Марія Алексѣевна Ганнибаль и старуха наша, знаменитой Арины Родионовны. Бабушка, много страившая на своемъ вѣку, внесла въ этухъ страиваній мягкость души, которую и внесла въ дѣтскую Пушкиныхъ. Ея рассказы о родинѣ старинѣ увлекали будущаго поэта и, быть можетъ, изъ этихъ рассказовъ, вѣсьмъ любовью къ Петру и интересъ къ своему предку— «сарану» великаго Государя.

Старуха-наша представляла собой образъ высокосовершенной русской женщины. Она знала безконечное количество пѣсеней и сказокъ; пословицами и поговорками пересѣкала свою живую, умную, образную рѣчь. Быть можетъ, сердечность этой простой русской женщины спасла и живое доброе сердце поэта отъ раншаго одобрѣнія, отъ гнѣвнаго созданія несправедливости человеческой. Подъ влияніемъ своей живишей теплой приваиванности, которую онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни:

ОТЕЦЪ ПОЭТА ВЪ 1807 г.

Итальянскій портретъ St. Aubin'a, при одѣжающей шурчкѣ его (дочери Ольги Сергеевны) П. П. Палея, уроженца Павлицкой.

образъ нѣтъ не разъ мелькаетъ и въ его произведенияхъ, всѣмъ окруженный самою живкою припадностью: «Визитный вечеръ», «Нашъ» стихотвореній, посвященная ей. О ней вспоминаешь, поэтъ въ стихотвореніи «Одѣвъ на рознѣ»: ея образъ косвенно отраженъ и на лицѣ Татьяны Лариной.

Большое значеніе имѣла нѣтъ и на ранне-раннѣе поэтическое царованіе поэта. Мудра, по его припадности, впервые посвятила его «на слабомъ утрѣтѣхъ дѣлѣхъ» «своиши утѣхъ и словъ первоначальныхъ»: «мутьъ вышала, пать его козабелю» «склопился пать нѣтъ въ образѣ старон нѣтъ «веселон старушон» «въ шумушѣ въ болѣшихъ очкахъ»... Въ вечера, кой въ ребенокъ, поэтъ оставался отнѣтъ со своимъ нѣтъ лю-

бимѣнъ и ожидалъ отъ нея сказки, навѣгда запечатлѣлись въ его памяти. Онъ называетъ «долотамъ временемъ» эти минуты перехода отъ прозы къ поэзіи, отъ бодрствованія къ сну. Пригаешь, онъ, снѣдь и ждаль разсказовъ своей «мамушки»:

Когда, къ мечтѣ, въ старинномъ отбавѣ,
Она, душокъ молитвой уклоня,
Съ усертіемъ перекрестить меня
И шопотомъ разсказывать мѣбъ станеть
О мертвецѣхъ, о пощихъ Бова.

Поэтъ живо вспоминалъ потомъ въ теченіе всей жизни предельно этихъ «таинственныхъ ночей»:

Отъ ужаса не шедоху съ бывало,
Ева дѣла, прижмусь поэтъ отбаво.

ОТЕЦЪ ПОЭТА ВЪ СТАРОСТИ.

*Каравозинскій портретъ поэта, даннаго на Императорскія вышивки 1880 года, и рисунки
А. Н. Павловскаго.*

Когда же, наконец, он засыпал, весь преиспуганный отъ страха,— просыпалось его творчество:

Толпой съ задурной шестой
На ложе роль краснатыя мечты
Вознебиши, вознебиши слезами,
Обманам мой сонъ оборачдали.
Терпелъ я, въ порывъ слезныхъ думъ;
Въ груди белой, среди Муромскихъ пустыней,
Встречалъ дикихъ Волкаровъ и Добрыней;
И въ вымыслахъ носился тоской умъ...

Эти тоские «вымыслы» «сквозь сонъ» и были первыми созданиями поэта. Уже тогда «богини пленения» «въ младенческую грудь» внесли «искру вдохновения»: уже «младенцемъ» онъ научился чувствовать, предельно «мирнымъ звукомъ наслаждаясь». Вотъ почему можно утверждать, что любовь къ парной поэзии, къ причудливымъ обрадамъ парной фантазии зарождалась у Пушкина подъ влияниемъ рассказовъ старой няни: въ «Прологѣ» къ «Руслану и Людмилѣ» онъ удивительно удачно соединилъ сказочные мотивы въ длинную цѣпь нестройныхъ, прихотливыхъ образовъ, прекрасно рисующихъ тотъ чудесный мѣръ, въ которомъ онъ жилъ въ раннемъ дѣтствѣ.

Когда М. А. Ганнибалъ приобрѣла подмосковное селѣцо Захарово, Пушкины стали бывать тутъ каждое дѣло.

Здѣсь будущій поэтъ впервые узналъ русскую деревню, русскую природу. Это знакомство принесло много счастья ребенку, и дѣтныя пребыванія въ с. Захаровѣ съглались для него на всю жизнь золотыми воспоминаніями дѣтства.

Въ 1815 году онъ весь еще жилъ воспоминаніями жизни въ этомъ селѣ («Посланіе къ Юнну»). По сообщеніямъ близкихъ людей, живя въ деревнѣ, на свободѣ полян и дѣсокъ, очень своеобразно отразилась на будущемъ поэтѣ: «прежняя сонливость смѣнилась вдругъ рѣдкостью и шалостями, переходившими всякаго границу», «ни строгостию, ни лаской нельзя было унять упрямата мальчика, почувсвапата свободу». Родители, еще недавно преходивше въ удачѣ отъ нецеловидности, нецеловидности мальчика, теперь пришли въ негодование отъ рѣдкости и шаловидности. Но потѣять ничего съ нимъ не могли и трудно отерудились вывести отъ странпата «несмирипатаго» ребенка съ такимъ избалованнымъ характеромъ: они представили его всецѣло бабушкѣ, старой цѣлѣ, творившѣмъ логикъ и русскою природѣ: всю

свою любовь, они перенесли на старшую дочь Ольгу и младшаго сына Льва. Конечно, несправедливость такого дѣлажа родительскихъ симпатій чуждымъ ребенкомъ сознавалась, но у него была уже свой собственный мѣръ, который утѣлалъ его вѣлывчивое, но незлобивое сердце. Немудрено, что съ воспоминаніями ранпята дѣтства у него въ общемъ соединилось предствленіе какъ о времени счастливымъ и безоблачнымъ въ 1815 году, вѣспомпная Москву, онъ ей посвятилъ прочувствованныя строки: «края Москвы, края родные, гдѣ на дѣрѣ цѣлѣтнхъ дѣтъ часы бездѣлности я трапиль золотые, не зная горести и бѣды».

Дѣтство почти всегда рисуется «золотымъ временемъ» — немудрено, что и нашъ поэтъ, всегда готовый прощать и забывать злое, идеализировалъ свое дѣтство. Никогда ни гдѣ не говоритъ онъ о томъ, какъ относился къ нему родители. Зато въ своихъ воспоминаніяхъ лухомъ помпнаеть онъ глѣхъ гувернантокъ и гувернеровъ, которые смѣнили Арипу Родионову. Въ «Отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ» Пушкинъ перечисляетъ гдѣ факты изъ своей дѣтской жизни, которые особенно чувствительно прѣлзались къ его памяти. Рядомъ съ очень случайными, мы тутъ встречаемъ и многозначительное «Шия», заглѣмъ: «Отгѣлзъ матери къ деревню» и «Первая не пріятпости — гувернантка». Затѣмъ идетъ перечень гувернеровъ: «Монфоръ, Русло, Кат. П. и Анна Павловна» и краснорѣчивое «Нестерпимое состояніе». Очевидно, родители, не желая безпокоить себя излзлнними хлопотами, поручили обуздывать сына наемникамъ. Вотъ почему едва ли не автобиографическое значеніе имѣеть слѣдующее мѣсто изъ начатаго романа Пушкина «Русскій Пеламъ»: «Отгѣлзъ, конечно, любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на поученіе французовъ, которыхъ постоянно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался вѣлывшею второй, человекъ неглѣдый и не глѣхъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣлвешпй нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ... Впрочемъ, и то правда, что не было у насъ ни одного, которого бы въ шѣ недѣли по его неглѣденію къ ползкости не обратили и въ домашній шуга»...

Гувернеръ молодого Гривева «Каштанская дочка» тоже образъ, быть можетъ, до пѣкоторой степени списанный съ натуры. Вспомпнителенъ въ запискѣ о «парномъ воспитаніи» Пушкинъ высказалъ очень рѣдкое

ПОДМОСКОВНОЕ СЕЛЬЦО ЗАХАРОВО, ГДѢ ПУШКИНЪ ВЪ ДѢТСТВѢ ПРОВОДИЛЪ ЛѢТО.

Съ картины А. Жуковскаго, писанной въ 1870-хъ гг.

сужденіе по этому вопросу: «Въ Россіи, — говорить онъ, — домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое бездвѣственное. Ребенокъ окруженъ однимъ холодами, видя въ гнусные примѣры... Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и первоначальными основаніями всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ».

Конечно, въ этой характеристикѣ русскаго домашнего воспитанія слышится непониманіе о собственномъ дѣствіи. Впрочемъ, надо думать, были и положительная сторона вліянія домашней жизни на ребенка Пушкина.

Въ «Отрывкахъ изъ лицейскаго дневника» встрѣчаемъ мы указанія на литературную знакомства отца и сына: очевидно, въ глазахъ поэта эти факты имѣли немалое значеніе на его развитіе.

Живя чисто по-московски, гостеприимно открывая дверь своего беззаботнаго дома всѣмъ безъ разбора, будь то честный человекъ, хоть и бѣдъ, Пушкины были знакомы со всѣй Москвою: «сверхъ пухъ дома была открыта для званныхъ и незванныхъ, особенно изъ иностранныхъ». Но въ этой пестротѣ толпъ, въ которой перебывали и эммигранты съ громкими титулами и безъ титуловъ, бывали русскіе добродушные московскіе бары, побывали и московскіе литера-

торы. Они въ домѣ Пушкиныхъ пользовались особымъ почетомъ и встрѣчались особенно радушно. Эта слабость къ литературной жизни и ея дѣятелямъ, несомнѣнно, была одной изъ свѣдѣвыхъ чертъ отца Пушкина. Впрочемъ, посредникомъ между нимъ и русскими литераторами была братья его Василии Львовичъ. См. о немъ также особую статью). Общій любимецъ московскаго и петербургскаго общества, неизменно добродушный и всегда веселый, онъ и дѣлъ былъ желаннымъ гостемъ. П. П. Дмитриевъ, П. М. Карамзинъ, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшковъ были его друзьями. Василий Львовичъ подкупалъ всѣхъ своей простотою и сердечной навязчивою заботою, но его дѣлъ любилъ. По характеру своему онъ имѣлъ много общаго съ братомъ и принадлежалъ, какъ и Сергій Львовичъ, къ тому типу интеллигентныхъ бонвивановъ, которыми такъ изобилуетъ конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка. Но въ немъ не было холодности и жесткости Сергія Львовича. Неумерено, что онъ былъ желаннымъ гостемъ и въ дѣтской Пушкиныхъ: онъ первый внесъ туда живую литературную струю, первое знакомство съ тогдашними корифеями русской литературы. Его живые рассказы о литературной жизни, о его личныхъ знакомствахъ съ заграничными, главнымъ образомъ фран-

художественными, литературными знаменитостями, увлекали ребенка Пушкина, и онъ мало-помалу втянулся въ кругъ литературныхъ интересовъ. Попались толь восторги, съ которыми будущій поэтъ вематривался въ достоянн своего отца въ лица писателей, знакомыхъ ему, благодаря словохогливости дядюшек, не только съ литературной стороны. Въ его стихотворенiяхъ есть указанiе на тѣ чувства, которыя волновали его, когда въ первый разъ онъ увидалъ Жуковскаго:

Могучъ дабыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвнн я стою, и молнией струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла.

Богатая библиотека отца, составленная исключительно изъ французскихъ писателей, была въ полномъ распоряженiи ребенка. Страстный любитель чтенiя, онъ съ головомъ окунулся въ удивительную атмосферу французской сенсуалистической литературы, влияние которой было настолько могуче, что определяло основныя настроенiя его первыхъ поэтическихъ опытовъ.

Вольтеръ и Паризъ, воть имена, которыя долго не сходили съ языка молодого поэта. За ними встрѣчаемъ мы имена Версаля, Грекура, Виланца, Шамеля, Грессе, Лафара. Шолье и рикомъ съ этимъ рѣзомъ упоминаются Мольеръ, Виргилiй, Тассо, Камюантъ, Оссеанъ, Расинъ, Руссо, Ювеналь и др.

Поэтуго поэтъ въ его чтенiи была его любимца-сестра (о ней см. дальне особую статью). Вспомнителн въ Лидель, въ стихотворенiи «Къ сестрѣ» онъ, сидя въ лицѣ, представлялъ себѣ живо, какъ она она замалывалась «вечерней порой», «Жаннъ-Жакади читаешь?» спрашиваетъ поэтъ:

Жаннъ-ли преть тобой?
Нль съ рѣками Тамилътономъ
Сѣднлся всен душой?
Нль съ Грессемъ и Гомолопомъ
Ты провелаъ мечтой?
Въ поа, гдѣ отъ дубраы
Воль вѣтъ въперекъ?

Въ стихотворенiи «Гаротокъ» онъ впервые приходитъ смотрѣ въ вѣкъ своимъ дядюшкамъ: съ ними «въ восторгомъ дабыкаеть дѣланн себѣ»: эти «мертвецъ», «парнасскiе жреца» его трюа. На первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, «стихъ Моза и Миперва», «фернесски длои крикукъ». Онъ, по призванiю Пушкина, «поэтъ въ поэтахъ первый», и былъ имъ «вѣсѣкъ больше перечитать», и вѣсѣкъ менше его «томилъ»...

Такиа же восторженныя строки посвящены «Ванюшѣ Лафонтеу», «безвѣчному дѣлнню», который своей «шодлей прелестной», по призванiю юности, увлекъ его юное сердце «въ пльвѣ»: такъ же сочувственно звучитъ отзывъ о Богдановицѣ, этомъ «панерникѣ миломъ Пухен длатокрылой», счастливомъ соперникѣ Лафонтеа, Версаля, Паризъ и Грекура; тоже отзывены имъ, какъ его любимцы: изъ русскихъ писателей нашли мѣсто въ этомъ любовномъ каталогѣ Державинъ, Дмитриевъ, Озеровъ, Карамзинъ, Фонъ-Визинъ и Книжинъ. Но, надо сознаться, эти русскiя имена встрѣили здѣсь довольно хододную обилку: только Богдановицъ, а да вѣтъ Батюшковъ, В. А. Пушкинъ, Крыловъ и Барковъ удостоились той живой похвалы, которая свидѣтельствуеъ, что ихъ творенiя дѣйствительно затронули полное воображенiе поэта. Любопытно, что какъ разъ тѣ произведенiя этихъ писателей удостоились хвалы, которыя, въ болшей или меншей мѣрѣ, отзывали по настроенiю и любимымъ поэтамъ французскимъ. Легкомысленное пониманiе жизни, какъ неизбѣжаемаго и точника радости и наслажденiя «не переходящей за прѣтѣлы извѣстнаго», — воть господствующiе мотивы этой поэди. Фривольное отношенiе къ основнымъ вопросамъ бытiя; эротизмъ, тоже не переходящiй за прѣтѣлы извѣстнаго, и легкiй скептицизмъ, далеки отъ мрачнаго разочарованiя и пессимизма, пронизываютъ легкiе, жидкнрасточные образы этой поэди. Живой, веселый стиль, беззаботный смѣхъ, полная безобидность настроенiя, воть что характеризуетъ въ этой своеобразной поэди юнато Пушкина. Конечно, такова была литературная атмосфера въ домѣ его отца, таковы были произведенiя его и его брата Василя Львовича, атмосфера легко фривольная, пронитанная поверхностью скептицизмомъ. Юнона настолько поддался этому настроенiю, что даже въ Вольтерѣ онъ не усмотрѣлъ серьезнаго содержания, придалъ, что его чтенiе Вольтера «не помидо». Оттого серьезная поэди въ эти счастливые тоны претилъ ему. Такъ, паризмѣрѣ, лишь поэтъ хотъ и «разбиралъ ибуаа Клошшока», но «не могъ понять премурато», воть почему онъ болель «безъ крыль» паризъ да Мидьтономъ и Камюдсомъ, не пытался поразить Виргилiю, но зато остался въ полномъ восторгѣ отъ поэма Вольтера «Жанна Орлеанская», назвалъ ее «книжкою славною, дологою и

Мать Пушкина

Надежда Осиповна ПУШКИНА.

Миниатюра на слоновой кости; рисунок г-р. Козьме де Метри.

Собственность Л. Н. Давыдова.

В краски здесь воспроизведена по рисе.

1914

Miss M. J. ...
Miss M. J. ...

Miss M. J. ...
Miss M. J. ...

Miss M. J. ...
Miss M. J. ...

незавешенно» и охотно взялся писать сиподражание, чувствуя в себе и силъ достаточно и настроение соответственное въ наличности.

Если все отзывы о данной литературѣ и относится ко времени пребывания поэта въ Лицей, тѣмъ не менѣе, изъ самого стихотворенія «Городокъ» известно, что знакомство съ изблбленными авторами началось еще дома. Оттого и первые литературныя опыты, относящіяся еще къ периоду домашней жизни, по преимуществу писаны на французскомъ языкѣ и были подражаніями изблбленнымъ произведеніямъ. (См. выше).

Въроятно, въ этой французской поэзіи сказалось, хотя и косвенно, влияние французскихъ гувернеровъ. Между ними были, напримеръ, Руссо, который имѣлъ претензію писать французскіе стихи не хуже Расина и Корнея; въ ребячьи годы этотъ «несносный, капризный самоучка» едва-ли не имѣлъ счастливаго соперника и любилъ на него, вычитывая его произведенія и жалуясь родителямъ на стихослество ученика. Какъ бы ни было общно самолюбивому ребенку такое отношеніе непризнаннаго поэта-гувернера, по примѣру зародителей. А стихи примѣровъ для мальчика было больше, чѣмъ достаточно, и онъ продолжалъ увлекаться своими французскими стихами... Французская московскаго общества, высѣвшая Гробо-Вдовымъ, царяла и въ домѣ Пушкиныхъ. Поэтъ самъ признавался уже взрослымъ, что французскій языкъ онъ всегда зналъ лучше родного, русскаго. Вотъ почему особенно благотворно было влияние старухи-ни и бабушки,—только съ ними, съ придуркой, да со священникомъ въ семьѣ Пушкиныхъ дѣти говорили по-русски. Бабушка Марья Алексѣевна принимала участіе въ занятіяхъ внуковъ и сама обучала ихъ русскому языку. Священникъ Александръ Ивановичъ Бѣлинковъ преподавалъ имъ Законъ Божій.

Такъ нестро и безпорядочно шло воспитаніе мальчика дома. Съ одной стороны, полное равнодушіе родителей, взрѣдка переходившее въ недоброе высѣиваніе недобнмаго ребенка; съ другой стороны, полная свобода саморазвитія безъ системы и безъ контроля, нарушаемая лишь безтолковыми вторженіями разныхъ гувернеровъ въ домашній міръ, созданный самимъ отцомъ ребенкомъ... Случайныя знанія и случайныя впечатлѣнія громоздились безъ системы въ его юномъ умѣ и сердцѣ: добралъ и

длая чувства переплетались съ его умомъ. Его воображеніе, развитое не по дѣламъ, уже создало ему свой особый міръ, не обмѣшканный грѣхъ, кля нестрой мерзотой собранъ и трагическая, чувственно прекрасная видѣнія детской поэзіи: французскія и эпически-спокойные образы паронной русскій сказки... Мысль ребенка прервала по чувства уже кивнула въ его умѣ. Являлись рѣзкая дѣтство и выпальчивая, по чувствительности и неостодобивъ, и далеко у мѣш можетъ было любить всего, говорить, описъ изъ героевъ Пушкина. Едва-ли это не автобиографическое признание. Именно «слабости»-то и неоставало для правильного воспитанія сердца поэта. Это дѣлвечно было многими, знавшими его семнадцатую обстановку. Ер. Капоццерія про него писалъ, что: «исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, онъ оставилъ родительскій домъ, не пытаясь сожалѣній. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство: страстное желаніе независимости». Въ этомъ отзывѣ много справедливаго. Если поэтъ и склоненъ былъ познать съ благодарностью вспоминать донные дни своего дѣтства, то это объясняется и его неподоманчивостью и тѣмъ, что, благодаря равнодушію родителей, онъ создалъ свой особый міръ, въ которомъ былъ по своему счастливъ. Для родителей онъ былъ чуждымъ, и они для него тоже,—слѣдовательно, въ раннемъ дѣтствѣ ему не хватало одного изъ самыхъ существенныхъ воздѣйствій любви самыхъ близкихъ людей въ свѣтѣ. Нему рано, но онъ стремился только къ тому, чтобы родители и ихъ наемники не вторгались въ его дѣтннй міръ, а они не промъ были отблаться отъ ребенка, отличающегося странностями, «неудимчивостью» слово ясны, не подоманчиваго къ иу образу жизни. Вотъ почему родители готовы были отблаться отъ ребенка, сваявъ его, хотя бы даже въ бѣдннскій пансіонъ. Къ счастью для поэта, онъ влѣбъ этой школы, понавъ на 12-мъ году жизни въ Александровскій Царскоселдскій Лицей. Онъ вступилъ туль ребенкомъ, развивавшимъ не по дѣламъ, по дѣлнмамъ мало и невеличавншо. Его душа полна была противорѣчій и парадоксовъ съ протѣвительной любовью къ старон шифъ и бабушкѣ онъ свѣщилъ равнодушіе къ родителямъ и добу къ гувернерамъ и гувернанткамъ. Онъ способенъ былъ возгораться простото паронной поэзіи, и въ то же время въ его умѣ жили сложныя

«блжанныя и юностиа чувства», которыя такъ изводилоли его при первомъ свиданіи съ пивцомъ «Савтлаша».

Вопреки мнѣнію директора Индей Инстельгардта, эти чувства не были въ немъ унизжены воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, — они уживались рядомъ въ его дѣтской душѣ, уже тогда многосторон-

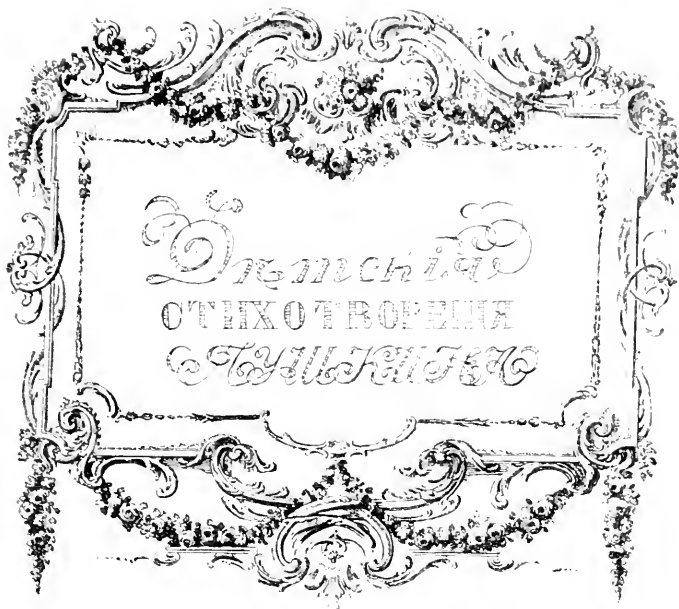
ней и богатой. Но, конечно, въ глаза бросалось прежде всего то, что было неожиданнымъ къ ребенку, — и потому всякаго воспитателя должно было поразить то обстоятельство, что французскую эротическую поэзію при поступленіи въ Индей онъ звать почти наизусть.

В. Ситовскій

	29 дня мумь императоре	Ум
	нои вогери дешица дорва	Ма
	милостивои двороваи ея	ца
	ловла ермилъ исфароновъ	во
	муто месювская цехова	ма
	вдова марфа Терасинко	то
73	27	рда
	Вдоворъ полержнаго р 868	ум
	императора идана да	ти
	скабто шварцова ушца	дир
	дво Мозора Тергя Ласов	ни
	га пушкина родился свка	сла
	Александръ ирдавъ урмя	доб
	8 дня воспріимилъ Трефъ	алт
	артемий идановкто воров	лтп
	новъ мума матъ озна	гм
	наго ирдія пушкина вдов	ум
	ва олга василевка пу	но
	шкина	алт
74		ива
	Вдоворъ барона еолфа	ро
	карлы еррова ушлица	ант
	дво Лотаръ марой ола	рд
	Видмировкъ илвикон	

МЕТРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ О РОЖДЕНІИ ПУШКИНА.

Тирьма-пос-рои-сочинилъ-оубе-по-фотографіи, сдѣланой для последняго изданія П. К. Остроумова.

1. Комедіи—подражанія Мольеру.

По проищу судьбы, и вѣнчаній и внутренній обликъ величайшаго русскаго поэта носить на себѣ яркіе слѣды совершенно чуждыхъ русскому національному гению чертъ. По проищу судьбы, величайшій русскій поэтъ началъ писать по-французски. И, наконецъ, по той же проищу судьбы, величайшій русскій лирикъ и лирикъ началъ свою литературную дѣятельность съ совершенно чуждого его дарованію жанра—съ комедій, которыхъ поэзіе никогда не писать. Изъ разсказовъ сестры мы узнаемъ, что «первыя попытки авторства» Пушкина «обнаружились, разумеется, на французскомъ языкѣ» и «отзывались кѣпшею знаменитою комическою писателемъ Франціи». Пушкинъ любилъ импровизировать комедіи и, по общему согласію съ сестрой, устраивать нечто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публикой—сестра» (Анненковъ, Матеріалы 1855 г., стр. 13).

2. L'Escamoteur.

Одна изъ комедій потерѣла жестокое фіаско. «Разъ какъ-то публика оживилась пьесу L'Escamoteur. Авторъ отбывает отъ оскорбленія эниграммой, сохранившеюся доселѣ 1855 въ памяти топаншаго судна г. е. Ольги Сергѣевны:

Dis moi pourquoi L'Escamoteur
Est-il si lillo par le parlerre
Belas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Moliere 1).

Приводи эти «слащенные и детские стишки», сообщенные Ольгой Сергѣевной, Анненковъ, Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 14 дѣлаетъ вводитъ правильную отговорку: нельзя ругаться, чтобы стихи не были переводно измѣнены и отчасти исправлены при перепечаткѣ послѣ столь долгого времени. Къ этому можно прибавить, что Ольга Сергѣева сама писала спосные стихи (см. дальше статью «Сестра Пушкина») и исправленія были вношены въ ея силахъ.

1 Скажи, да что партеръ оживилъ моего Похитителя Ува? и то, что бѣжала отъ него волчанка его у Мольера.

3. Подражанія Лафонтену.

мы знаем изъ «Горюха», что «Вашама Лафонтенъ» былъ въ числѣ любимыхъ авторовъ Пушкина-мальчика. Вводъ практично-

но поэтому сообщеніе Ольги Сергѣевны, что «ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни» Ашценковъ, Матеріалы, изд. 1855, стр. 14.

4. Поэма «La Tolyade».

ближайшее впечатлѣніе на юного Пушкина произвелъ Вольтеръ. Конечно, не Вольтеръ-философъ, а Вольтеръ — авторъ сказочныхъ повѣстей и остроумецъ. Впечатлѣніе глумилосьъ тогда Вольтера настолько живо было воспринято мальчи-

комъ, что онъ пускается въ пародію. Яко-бы пострадая Вольтеровской «Генриадъ», онъ «думалъ поему въ 6 пѣсняхъ».

«Содержаніемъ послужила война между карлами и карликамиго времена Дюгерта, Карло послѣдствію, по имени Toly, быть героемъ ея, почему и вся поэма называется La Tolyade. Стихотворная шутка начиналась такъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
On vit un guerrier péir, ou Paul se signala,
Nicolas Martin et la belle Nitouche,
Dont la main lut le prix d'une horrible escar-
ponche D.

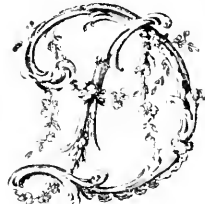
Все это было во вкусь того, что слышались Пушкинъ вокругъ себя и чему онъ ювною волю потракалъ. Гугеріантка

У Ново-волнъ, шипрашанъ Голнъ, тѣла по многу пошномъ, стѣ Ниль показавъ себя, а также Никола Матеренъ и прервала Пушкинъ, рука которой была паратонъ странной «хмѣтели».

помнила тетрадку поэта и отдала г. Шеллею, жалуясь, что М-г Alexandre за подобными взорами добавляетъ о своемъ урокахъ. Шеллеъ расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ дуть же бросилъ въ пенку свое произведеніе! Ашипенковъ, Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 14.

Соображенія, высказанныя выше по поводу эпиграммы (см. № 2), конечно, относятся и къ сохранившемуся въ памяти Ольги Сергѣевны началу «Толыады». Возможно и тутъ позитивнѣе прилагиваніе стиховъ.

5. Русскіе стихи ранняго дѣтства.

овою трудно допустить, чтобы Пушкинъ, усвоившій въ дѣтствѣ отъ няни своей Ирины Родоновны всю роскошь русской рѣчи, ограничился-бы въ своихъ попыткахъ сочинительства одними фран-

цузскими стихами и не пытался сочинять по-русски. Однако, признавъ и достовѣрныхъ указаній объ этомъ пѣтъ. Вѣрный другъ дѣтства Пушкина и товарищъ всѣхъ его литературныхъ заботъ — Ольга Сергѣевна, со словъ которой Ашценковъ далъ свидѣнія о первыхъ французскихъ опытахъ, ничего ему не говорила о попыткахъ писанія чего-нибудь на русскомъ языкѣ. Но сохранился шестидесятирѣзкой разказъ пѣвчего М. Макарова въ «Современникѣ» 1843 г. Этотъ господинъ, въ общемъ, мало заслуживаетъ довѣрія уже по одному тому, что самъ себя рекомендуетъ какъ человѣка до такой степени разсѣянаго, что, приходя въ присутствіе, онъ «обыкновенно спрашиваетъ секретаря: а что, какое нынѣ у насъ число?» Не будучи въ состояніи запомнить число текущаго дня, разказчикъ, однако, съ мельчайшими подробностями, болѣе чѣмъ черезъ 30 лѣтъ, передаетъ событія одного «майскаго вечера» въ саду графовъ Бутуриныхъ, живущихъ въ Шведскій Слободѣ богъ-о-богъ съ Сергѣемъ Львовичемъ:

Въ сентябрь маіеишъ вечеръ мы сѣли въ московскомъ саду графа Бутуриныхъ; молодой Пуш-

книжъ тутъ же рѣшился, какъ иная съ цѣлымъ Шведскимъ графомъ Н., упомянуть о дарѣ стихотворства въ Александрѣ Сергѣевичѣ. Графиня Анна Артемьевна Вукуркина, необыкновенная женщина въ свѣтскомъ обращеніи и привѣтливости, чтобы какъ-нибудь не огорчить молодого поэта, можетъ быть, нескромнымъ словомъ о его нѣтъ-чуждомъ дарѣ, обрадовалась съ похвалою только къ его подлиннымъ талантамъ, но никакъ не хотѣла, чтобы онъ показывалъ намъ свои стихи; это множество жившихъ у графини молодыхъ Шведекъ, иностранокъ и русскихъ, почти тутъ же окружили Пушкина съ своими альбомами и просили, чтобы онъ написалъ для нихъ хоть что-нибудь. Шведъ-тотъ сбѣжался. Никто XX, жельма попросить его дѣлать-дѣлать, прочелъ дѣтскія картинныя стихи и прочелъ по-шведскому, какъ дѣлать тогда, по образцу высочайшей рѣши на о. Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только сказать: *ad' non Dieu*—и выбѣжалъ.

Я нашелъ его въ огромной библиотекѣ графа Дмитрія Петровича; онъ раздѣлывалъ запяски сафьянныхъ фолиантовъ и былъ очень недоволенъ собою. Я подошелъ къ нему и что-то сказалъ о

книжкѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ по-французски, что XX такъ меня озадачило, что я не понималъ слова въ близкомъ значеніи.

Вспомню графа, Дмитрія Петровича съ цѣлымъ, чтобы показать намъ картинныя какого-то французскаго Пушкина, присоединился къ нимъ, по очень скоро увидѣлъ томъ. Современникъ. 1833 г., т. XXIX, стр. 180—81, ст. М. Макарова. Пушкинскія дѣтства.

При всей неистовности этого разсказа, трудно, однако, усмотрѣть тутъ одну сплошную выдумку. Впечатлѣніи абсолютнаго вранья воспоминанія добродушнаго старичка не превзойти. И если они подтверждаютъ несомнѣнный фактъ, что уже въ родительскомъ домѣ за мальчикомъ устанавливалась репутация стихотворца, то нельзя съ чтеніемъ на о. если, конечно, она не сочинена, указывать, что писалъ онъ не только по-французски, но и по-русски.

С. Венгровъ.

ВИДЪ НА ЛИЦЕЙ СЪ-САДОВОЙ УЛИЦЫ.

Съ рѣкою, и сменѣ пребыванія Пушкина въ Лицейъ. Литографія Мартыновичъ изъ коллекции Е. Е. Рейтерна.

ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕЪ.

Въ этъ домѣ, и гдѣ и садикъ Лицея
И безумно раздѣлать...
— Евгенія Ольгинна С. Е.

При изученіи жизни и творчества Пушкина нельзя не удѣлить значительную долю вниманія той средѣ, въ которой онъ провелъ шесть лѣтъ, которая имѣла на него большое вліяніе и играла важную роль въ дѣлѣ его развитія. Какъ бы ни была сильна и богата дѣтская натура, отъ окружающей среды и особенно школы зависитъ направить ее въ ту или другую сторону, затѣ ей возможность окрѣпнуть и расцвѣсти или, наоборотъ, погнѣть прекрасные таланты и не дать имъ роста. Въ наши дни, когда еще далеко не сокрушенъ мертвый строй школы, колеблющій характеръ и туманный умъ учащагося, когда человѣкъ, вышедшій изъ школы не то конца изуродованнымъ, вспоминаетъ о ней съ проклятіемъ и предвѣтнемъ, необходимо и какъ-то даже странно читать тѣ полные свѣтлаго, умилениато мумства и глубокой

благодарности воспоминанія, которая вынесла изъ Царскосельскаго лицея его первые питомцы и въ числѣ ихъ оварившій лицей своею славой Пушкинъ. Великаго поэта соединяли съ лицеемъ не только живая и полная впечатлѣнія дѣтства и первоначальной юности, но и та крѣпкая, неразрывная связь, которая создается только благотворнымъ воздействием дѣтской воспитывающей среды на воспримчивую и отличную душу. Значеніе лицея въ жизни Пушкина духомъ всего опредѣляется словами самого поэта, поставленными зѣкъ въ качествѣ эпиграфа. Не всякой юности данъ безмятежный расцвѣтъ на просторѣ курчавыхъ садовъ...

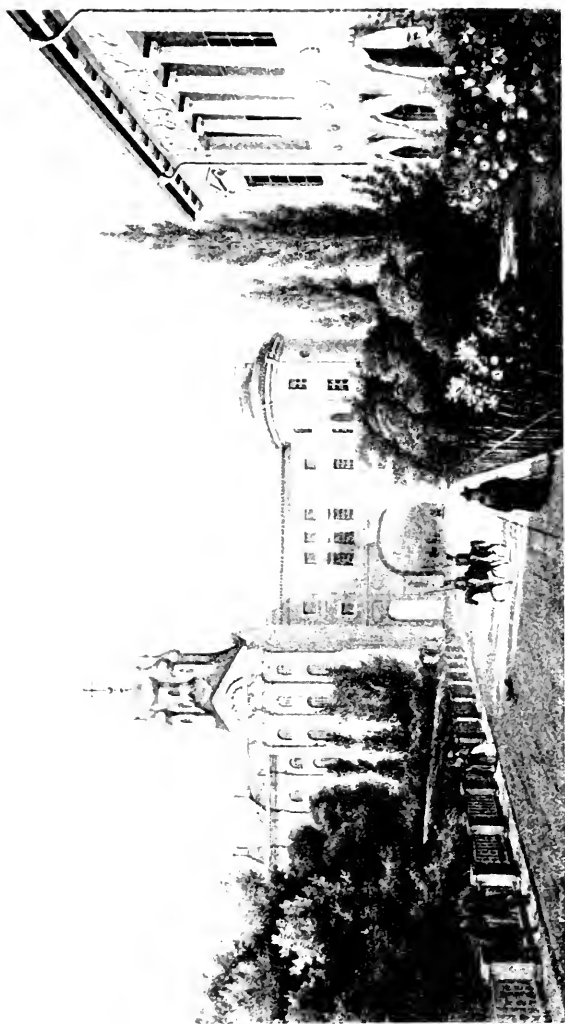
Изъ родительскаго тома, гдѣ дѣти воспитывались, какъ воплотилъ и еще теперь у многихъ вопителъ, беднорично и какъ-какъ, Пушкинъ попалъ въ Царскосельскій лицей. Это учебное заведеніе не имѣло подобнаго себѣ по типу въ Россіи. Ярко-рожное творчество избѣгало гимназій и

семинарий, какъ «разночинныхъ» заведеній: московскій благородный пансіонъ при университетѣ и йезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ привлекали много швейцарской молодежи. Большая часть юношества находилась на рукахъ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, противъ которыхъ уже начиналась въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка реакція; къ тому же усиленная обострившимися отношеніями съ Франціей, потребность въ образованныхъ лицахъ была значительная: два тогдашнихъ университета стояли очень невысоко; государство ощущало необходимость въ образованныхъ чиновникахъ, и правительство желало привлечь людей изъ лучшихъ швейцарскихъ семействъ на гражданскую службу. При такихъ условіяхъ возникъ проектъ основанія лицей¹⁾. Въ началѣ 1810 г. императоръ Александръ Павловичъ поручилъ только что назначенному министру народного просвѣщенія графу А. К. Разумовскому проектъ основанія лицей въ Сарскомъ Сельѣ, какъ тогда еще называлось Царское, съ цѣлью образованія юношества, особенно предначинаннаго къ важнымъ частямъ службы: государственной и составленнаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ дворянскихъ фамилій. Но прѣвѣнныи проектъ былъ написанъ воспитателемъ государя Агариномъ. Разбирая этотъ проектъ до всеподданнѣйшей записки, Разумовскій находилъ, что «знанія, вѣдому благоуспитанному юношѣ приличныя, надлежитъ различать отъ наукъ, въ особенностипуныхъ только въ некоторомъ состояніи людямъ», что надлежитъ будущимъ суверенамъ, министрамъ и дипломатамъ учиться, какъ было предположено въ проектѣ, химіи, астрономіи и «другимъ отличнѣйшимъ частямъ математики», что «исторія мѣстныя философіи, о духѣ, и языкъ и мѣръ, большею частью, лишняя и противорѣчащая между собою, не одаряетъ ума полезными истинами, но помрачаетъ заблужденіями и неумѣльями», и что «естественную исторію, парочинную образованію и въ обширности, предположить такому роду юношества, котораго воспитаніе имѣеть другое, а не умное назначеніе, лишнее». Платонія изъ назначенной программы предметы философіи гуманитарнаго характера и сообщая ей, такимъ образомъ, чисто

прикладное значеніе, министръ усматривалъ, что «множество и важность предметовъ, которымъ воспитанники лицей должны учиться, также не сообразны ни съ возрастомъ, ни со временемъ, которое они пробывать должны въ семь учрежденій», и что, если даже кто-нибудь и успеетъ охватить эту сложную программу, то «подумать обо всемъ поизвѣстнѣй, скороспѣвая, конъ такого множества стѣлать скорѣе неспособнымъ и временныи педагогомъ, нежели основательнымъ знатокомъ». Забравовая, такимъ образомъ, богатой и разносторонній первоначальной проектъ, гр. Разумовскій рѣшилъ составить свой, который подвергся обсужденію государя и былъ имъ принятъ. Рѣшено было уравнять лицей съ университетами, подчинить его непосредственному вѣдѣнію министра народного просвѣщенія, принять въ него отъ 20 до 50 воспитанниковъ. Новый проектъ былъ написанъ директоромъ департамента мин. нар. просв. П. П. Мартыновымъ, при содѣйствіи тогдашняго государственнаго секретаря, впоследствии знаменитаго графа М. М. Сперанскаго²⁾. 12 августа 1810 г. было Высочайше утверждено «Постановленіе о Лицее», обнародованное лишь 11 января 1811 г. Программа, состоявшая изъ предметовъ, приличныхъ важнымъ частямъ государственной службы и необходимо нужныхъ для благоуспитаннаго юноши, была раздѣлена на два курса: «начальный» и «окончательный», которые продолжались каждый по три года (три класса). Предметы начального курса были: 1) грамматическое ученіе: латинскаго, русскаго, датскаго, французскаго и нѣмецкаго; 2) науки нравственныя: первоначальное основаніе закона Божія, нравственной философіи и логики; 3) науки математическія и физическія: арифметика, началъ арифметики, часть алгебры, тригонометрія, геометрія и началъ физики; 4) науки историческія: исторія русская и иностранная, географія и хронологія; 5) первоначальныя основанія изящныхъ искусствъ: избранная мѣста изъ лучшихъ писателей, съ разборомъ оныхъ и правила риторики; 6) изящная искусство и гимнастическія упражненія: истинное, рисованіе, танцованіе, фехтованіе, верховая ѣзда, плаваніе». На «окончательномъ» же курсѣ должны были пре-

1) П. Селезневъ. Историческія очерки Императорскаго бывшаго Царскаго Сельскаго пансіона Александровскаго Лицея за первое его патронатство. СПб. 1861, стр. 3-8.

2) Селезневъ, 8.—И. К. Гродъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, изд. 2ое, СПб., 1839, стр. 222.

ЛИЦЕЙ И ДИРЕКТОРСКИЙ ДОМЪ.

Со старинной фотографии. Досей занимавъ притомъ фанатическую

попавшая науки нравственная, физическая, математическая, историческая, словесная, изящная искусства и гимнастическая упражнения и даже понятия о гражданской архитектуре и перспективе, если подводить итоги: во главе лицей были поставлены преторы; два надирателя инспектора-полжика были заведывающие: один учебно-воспитательнымъ плутомъ, а другой хозяйственнымъ. Преподаватели делились на профессоровъ, адъюнктовъ и учителей: профессора составляли конференцію, состоящую подъ преторствомъ претора: помощниками надирателей были гувернеры. 9 июля 1811 г. графъ Разумовскій просилъ государя царовать лицеемъ грамотою; 22 сентября была подписана высочайшее пожалованная грамота. Помещение для лицей было отведено при царскосельскомъ дворцѣ, въ той его части, которую занимали малолетние великие князья Николай и Михаилъ Павловичи, съ тою цѣлью, чтобы братья императора могли быть воспитаны среди сверстниковъ. Намбрение это не осуществилось, и великие князья въ лицей не поступили.¹

19 октября 1811 г. состоялось открытие лицей въ присутствіи государя, обихихъ государынь, министровъ, сенаторовъ, членовъ синода и государственнаго совета и друиухъ высокопоставленныхъ лицъ. Была прочитана важная грамота. «Нашѣ отвѣдаемъ новое святилище науки!» — говорилось въ ней отъ имени государя. — «Николаеве число отличнѣйшаго по талантамъ и нравственнымъ качествамъ юношества мы желали предназначить особенно къ важнымъ частямъ государственной службы, а для образованія его способностей собрать оное въ сіе святилище: сюда призвали науки и искусства, наиболее соотвѣствующія назначенію юношества, имѣющаго въ немъ воспитываться. Сладости и познанія, дѣль приобретешя, рывагъ, какой нуть потому оно избрать можно къ означенованію себя великими силами отечества... Мы ожидаемъ, что юношество даишетъ дѣль превосходная познанія въ наукахъ, благороднѣйшее уваженіе отечественной любви, истинную нравственность, къ чести сего дивенія, къ польдѣ отечества и къ собственнй и къ удовольствію нашему». Директоръ лицей В. О. Малиновскій въ

краткой рѣчи общался отъ имени всѣхъ служащихъ въ лицей «каждую минуту жизни нашей, всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда». Профессоръ русскій и латинскій словесности и конференцъ-секретарь П. О. Копанскій назвалъ поименно всѣхъ служащихъ въ лицей и всѣхъ воспитанниковъ, которые тутъ же представились государю. Молодой адъюнктъ-профессоръ А. П. Кунцицъ произнесъ довольно напыщенное «вѣстакленіе воспитанникамъ». «Отечество» — обращался къ нимъ ораторъ — «пріемлетъ на себя обязанность быть блажителемъ воспитанія вашего, дабы гдѣль сильнѣе дѣйствовать на образованіе вашихъ нравовъ; его вѣжняя старанія возбудятъ въ васъ чувство благодарности; ревность къ наукамъ ознаменуетъ вашу признательность. Здѣль сообщены будутъ вамъ свѣдѣнія, нужная для гражданна, необходимая для государственнаго чело-вѣка, полезная для воина... По познанія ваши должны быть неравнѣнно обширнѣе, ибо вы будете имѣть непосредственное вліяніе на благо цѣлаго общества... Главнымъ основаніемъ вашихъ познаній толжна быть истинная добродѣль. Среди снхъ пустынныхъ дѣловъ, внимавшихъ ивкогда побѣдоносному русскому воинству, вамъ пойдана будутъ славная дѣла героевъ, поражающихъ враждебные строи. На снхъ дѣлкахъ ранившихъ вамъ показаны будутъ яркіе слѣды вашихъ ротозачальниковъ, которые стремились на защиту цари и отечества. Окруженные примѣрами добродѣтели, вы ли не воспламенитесь къ ней любовью? Вы ли не будете пріюгождаться служить отечеству?... Сладкая надежда родителей! Вы ли не устранились быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвестности и важный день погосадаемыхъ волнами забвѣнія? Ивѣтъ! за не раздратить мысль сія вашего воображенія!»¹ Ивѣтъ, сомнѣнія, что «сладкая надежда родителей» немногое внесла въ переахаренной и высокопарной рѣчи восторженнаго официальнаго оратора, которая, конечно, была ниже вниманія подслушавшихъ въ лицей мальчиковъ: по государю остался его очень доволенъ, и Кунцицъ въ тотъ же день получилъ орденъ. Въ числѣ дамшленныхъ въ лицей

¹ Угровскій, ibid., 222—223. В. П. Малиновскій, Пушкинъ, СПб., 1899, стр. 61.

¹ Селезневскій, ibid., 18—23.

ВИДЪ НА ЛИЦЕЙ, СО СТОРОНЫ ГЛАВНАГО ВХОДА

На двоиъ Лаврентьевой и Лаврентьевой церквей

Фототипия 1880 года.

тридцати воспитанниковъ были Пушкины. Еще въ мартѣ 1811 г., задолго до появления публикаціи о приѣздѣ учениковъ въ лицей, напечатанной въ ноябѣ, отецъ его повелѣлъ прошение объ его опредѣленіи, и въ концѣ дѣла имя поэта, Василия Львовича, повелѣ своего племянника изъ Москва въ Петербургъ. Первоначальное предположеніе Пушкиныхъ отдать своего сына въ іедунскій коллегіумъ было оставлено, и при содѣйствіи А. П. Тургенева имъ удалось опредѣлить его въ новооткрываемый лицей. 12 августа онъ выдержалъ вступительный экзаменъ, а въ октябрѣ уже переселился въ лицей, въ отведенную ему комнату № 14, которую онъ не разъ называлъ своею «школою». «Для лицей» раздѣлялась въ своемъ здании на товарищ. Пушкина декабристы Н. П. Пушкин¹ «отвѣтъ» былъ огромный: четырехъ-этажный флигель порца, со всѣми принадлежностями къ нему строеніями. Въ нижнемъ этажѣ помещалось хозяйственное управленіе и квартира инспектора, гувернера и пѣ-которыхъ другихъ чиновниковъ, служащихъ при лицей; во второмъ — столовая, больница съ аптекой и конференцъ-зала съ канцелярією; въ третьемъ рекреационная зала, классы на съ классами, оицы для занятий воспитанниковъ послѣ лекцій, физическій кабинетъ, комната для газетъ и журналовъ, и библиотека въ аркѣ, соединяющей лицей съ дворцомъ черезъ хоры приворной церкви; въ верхнемъ — дортуары. Для шумъ, на протяженіи вдоль всего строенія, во внутреннихъ поперечныхъ стѣнахъ прорублены были арки. Такимъ образомъ образовался корридоръ, съ стѣнами на шумъ концами, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ перегородками отдѣлены были комнаты: всего пятьдесятъ номеровъ. Въ каждой комнатѣ желѣзная кровать, комодъ, конторка, зеркало, стулъ, столъ для умыванія, вѣдѣль и лощенъ. На конторѣхъ чернильница и подсвѣчникъ со щипцами. Во всѣхъ этажахъ и на дѣйствицяхъ было освѣщеніе ламповое: въ шумъ среднихъ этажахъ паркетные полы. Въ залѣхъ зеркала во вѣстѣ сту, мебель шифоновъ. Ино, что говори объ убожествѣ своей комнаты въ полдня. Къ сентябрю 1811 г., Пушкины увидѣлся отъ действительности.

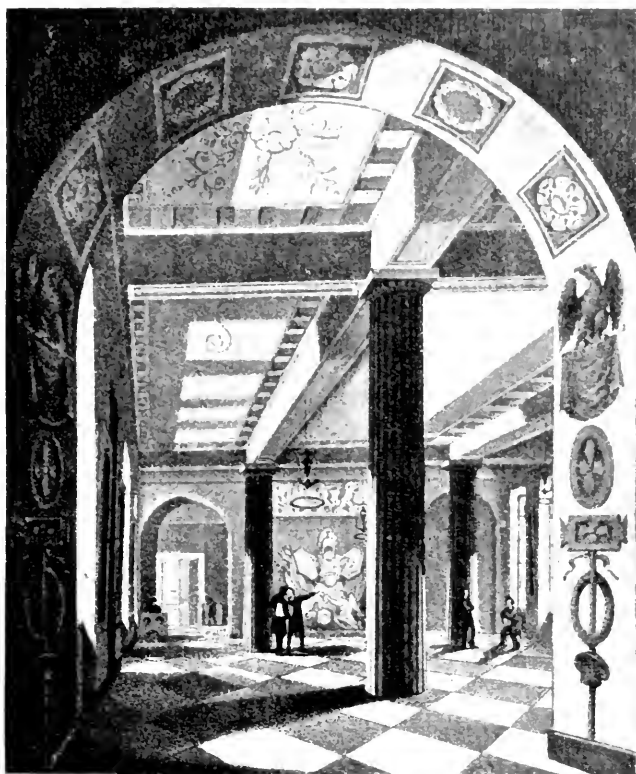
описывая въ такую словахъ свою будущую «темную келью»:

Стулъ велѣтъ, пообѣтъ
И шатка погелъ.
Сосуль, потой ваннѣтъ.
Соломенна свирѣтъ—
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу, пробужденъ.

Ироническое описаніе, оставленное Пушкинымъ, говоритъ о «роскоши помѣщенія и содержанія» въ лицей, который, «былъ такъ устроенъ, что по возможности къ нему были соединены всѣ удобства поманія быта съ требованіями общественаго учебнаго заведенія». Воспитательно-учебная часть въ лицей была поставлена довольно слабо. Мальчики въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, вступившіе въ лицей съ самыми ничтожными знаніями, должны были въ течение шести лѣтъ стать чуть не настоящими учеными, провъ ту программу, о которой мы уже говорили выше. На самомъ дѣлѣ программа предначертанія выполнялась довольно скромно. Въ курсъ входили такіе предметы, какъ «основанія хронологіи», «главныя понятія о нумизматикѣ»; предполагалось учить лицеистовъ гравіюмъ, артиллеріи и фортификаціи. Въ дѣствительности же преподаваніе шло такъ и первому. Вотъ что говорить о немъ лиценсъ Г. вилука, товарищъ Пушкина баронъ М. А. Корфъ²: «намъ нужны были сперва начальныя учителя, а дали тогдашь профессоры, которые, притомъ, сами никогда ни въ еще не преподавали. Намъ паче было раздѣлить по лѣтамъ и по знаніямъ на классы, а поставили всѣхъ въ вѣтъ и штати, наирѣмъ, нѣмецкую литературу тому, кто еще зналъ нѣмецкую азбуку. Намъ по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года—надежало специально притоглавлять къ будущему нашему надмаченію, а вмѣсто того до самаго конца для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полудипломатическій и полудипломатическій, обо всемъ, на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже власнее богословіе — все это занимало у насъ столько же, иногда и больше времени, нежели пра-

¹ Г. Галицкий, стр. 34—32. Но этотъ книжъ цитируется въ показаніи Пушкина о лицей и о Пушкинѣ, дополняящая къ его запискамъ, стр. 13—19.

² Въ показаніи Корфа, цитируемая въ настоящей статьѣ, выведена изъ его записки, составленной для П. В. Анненкова, напечатанной въ книжѣ Грога Пушкины, стр. 222—234.

ЛИЦЕЙСКІЙ ЗАЛЪ.

Гравюра Бордя въ «Шампанской книжкѣ» Александровскаго Двора на 1856—57 годъ. Подлинному, въ юности, рисовалъ на стулѣ, гравюры же хотѣлъ изобразить Пушкинъ.

вообще и другія науки политическія. Лицейъ былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какой-то безобразною смѣсью всего этого вмѣстѣ, и смѣю думать, онъ былъ даже темъ, несоотвѣтствующимъ ни своимъ особенностямъ, ни вообще какому-нибудь дѣлу... Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ предаваться самой pleasantной дѣлѣ, но кто и хотѣлъ, тому немного открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столь же далеки были отъ

исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой рациональной системы преподаванія». Рѣзко въ пародованной Корфомъ картинѣ положенія учебнаго дѣла нѣсколько смѣшается, если вспомнить, какова была вообще русская педагогика въ то время, какъ плохо было поставлено преподаваніе въ университетахъ, и какъ далеко еще оно отъ идеала и въ наши дни. Лицейъ былъ дѣлшемъ бюрократіи, но сама бюрократія начала царствованія Александра I не была еще дѣль не только дѣлами, но даже враждебнымъ пароду, каковы, какимъ-то

стала ее наша эпоха. Вот почему, все-таки, это учебное заведение было кое-что Пушкину. Неудель был, правда, данец знаний, приобретенных первыми лицеистами на долге своей *almae matris*, но лицей, в противоположность русской школе конца XIX века, был все-таки матерью, а не мачехой своим питомцам. Конечно, главным образом молодежь старалась воспитывать в духе преданности престолу, но это воспитание не было проникнуто темъ лицебнымъ политиканством, которое такъ долго отразило впоследствии духъ русской школы. Въ лицей, хоть и недостаточно можетъ быть, но все-таки учили правообразно, политическую экономію, этику, эстетику, Тацитливыя и свѣдѣніи А. П. Куницынъ читалъ прелестьныя науки: полный курсъ его лекцій заключалъ въ себя логику, психологию, этику, естественное право частное и публичное, «напротивъ» право т. е. международное, русское гражданское, уголовное и публичное право, женское право, финансовое право и политическую экономію. О духъ его лекцій можно судить по издвѣстной исторіи 1820 г. Его учебникъ естественнаго права пошелъ жестокому тощенью въ эпоху предшественныхъ маркграфовъ Магницкаго и Румина. Было рѣшено «по принципамъ въ сей книгѣ за основаніе должнымъ почтаться и выведенному изъ нихъ весьма вредному ученію, противорѣчающему истинамъ христіанства и клонящемуся къ испроверженію въ духъ свидѣній семейственныхъ и государственныхъ, книгу сію, какъ вредную, запретить повсюду въ преподаваніи по ней и притомъ принять мѣры къ прекращенію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія естественнаго права по почтамъ столь раздрушительнымъ, каковы оказались въ книгѣ г. Куницына»¹. Конечно, Куницынъ по одному недостатку времени не могъ читать своего многосторонняго курса такъ, какъ бы слѣдовало, но кое-какія научныя понятія и личныя мысли онъ успѣлъ передать своимъ ученикамъ. Пушкинъ опредѣлялъ его заслугу словами:

Онъ со здѣль вѣст, онъ воспиталъ нашъ племя;
Но дайся, юль, красотоюи камень.

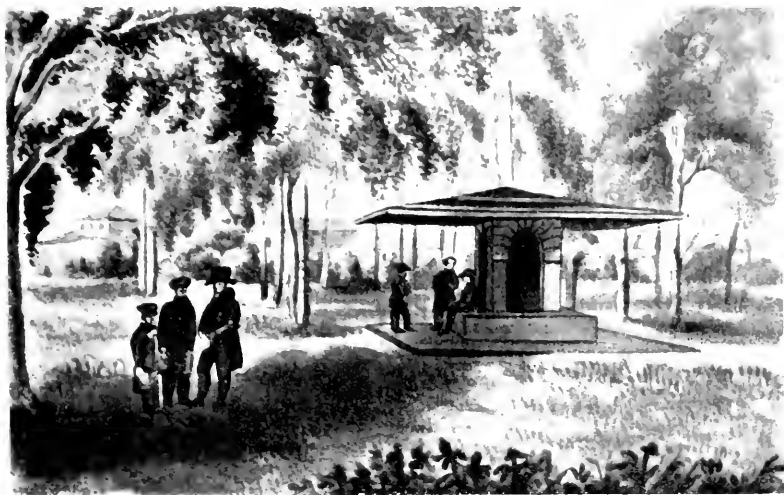
Имя зшелоа замѣла рожденья...

Русскій языкъ и словесность и латинскій языкъ читалъ такъ сочиняли преподаватели, какъ Н. О. Кошарскій. Если Пушкинъ былъ правъ, пренебрегая критическими

отзывами этого человека, воспитаннаго въ старинныхъ литературныхъ вкусахъ, о произведеніяхъ лицейскихъ авторовъ, и въ справедливомъ сознаніи своего таланта писалъ ему: «не нужны мнѣ, повѣрь, уроки твоей учености сухой», то все-же ему, несомнѣнно, были очень полезны въ дружелюбнѣйшихъ уроки учителя Кошарскаго см. дальше являть о К. при стихотвореніи «Моему Аристарху». Впрочемъ замѣщавшій его по болѣзни, А. П. Галичъ былъ, по благодарному пониманію Корфа, «презობрый, но презабавный чудакъ», котораго ученики «очень любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе». Въ дѣйствительности, Галичъ былъ человекъ очень умный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселый и острокъ съ лицеистами онъ сталъ на товарищескую ногу, бесѣдовать съ ними, принималъ ихъ у себя. Въ классѣ онъ часто давалъ урокъ чтеніемъ какой-нибудь полезной книги. О характерѣ его отношеній съ лицеистами въ классѣ было бы неосторожно судить только по тому посланію къ нему Пушкина, который называетъ его «вѣрнымъ другомъ, бокала и разныхъ угрюмыхъ пировъ», «любовникомъ наслажденія» и воспоминаетъ о веселыхъ вечерахъ, проведенныхъ лицеистами за установленнымъ бутылками столомъ въ обществѣ «любезнаго мудреца», Валіанте Галича, несомнѣнно, было глубже (см. дальше статью Э. Д. Ракова). Учитель исторіи Н. П. Кайановъ позднѣе сталъ предметомъ жестокаго выслушванія со стороны Вѣтинскаго за свои наивно-казенныя учебникъ, но въ 1810-хъ годахъ онъ считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей. Вообще въ лицей старались собирать лучшихъ педагогическія силы.

Особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ постановка къ лицей преподаванію русскаго языка и родной литературы. Словесность или изящная письменность преподавалась всѣмъ шесть лѣтъ лицейскаго курса, съ перваго года по послѣдняго. Въ первые три года читались и выдерживались наизусть избранныя мѣста изъ отъ Ломоносова, Державина, басень Хемницера, Дмитриева, изучались теоріи словесности и писались «краткія повѣствованія» и сочиненія «простымъ повѣствовательнымъ слоюмъ и слоюмъ писемъ». Во второмъ трехлѣтій, на «сокопательномъ» курсѣ читались «славяно-русскія сочиненія», эстетика, исторія изящныхъ искусствъ, Французскій языкъ и словесность читалъ Д. П. де Бури, родной братъ Марата. Но одику Корфа онъ,

¹ Сб. ст. левка, т. 4, 125—126, стр. 144—145, одику Корфа, т. 4.

„ГРИБОКЪ“ ВЪ ЛИЦЕЙСКОМЪ САДУ.

*Съ акварели, рисованной оублемъ изъ лицейской галлери, гдѣ буржуа Я. К. Гротъ, шестеро собиравались,
К. Я. Гротъ.*

отинъ изъ всѣхъ наставниковъ, вполнѣ понималъ свое призваніе и, какъ человѣкъ къ высшей степени практическій, наиболѣе способствовалъ нашему развитію не въ одномъ полнѣмъ французскомъ языкѣ. Онъ существовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность, способность правдливато мыслить, а черезъ нее и на другую способность: логическаго, склативно и отчетливо выраженія мыслей словомъ... Каждый изъ насъ, конечно, отъ насъ полную справедливость благодарному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе».

Внутренній режимъ лицей не отличался суровостію. Въ таковыя мѣся разсказываетъ Пущинъ: «но звонокъ къ шести часамъ. Обѣдали, или на молитву въ саду. Отъ 7 до 9 часовъ — классъ въ 9 часъ прогулка до 10; отъ 10-ти до 12-ти — классъ; отъ 12 до часу — прогулка въ садъ; обѣда; отъ 2 до 3 — или чтеніе, или рисованіе; отъ 3 до 5 — классъ въ 5 часовъ — чай; до 6 — прогулка; потомъ повтореніе уроковъ или вспомогательная классъ. По средамъ и субботамъ — танцованіе или фех-

тованіе. Каждую субботу — баня. Въ половинѣ 9 часа — звонокъ къ ужину, постъ ужина до 10 часовъ — рекреатія. Въ 10 — вечерняя молитва, сонъ. Форма одежды сначала была строгая. Но буржуа — стннѣ спортуки съ красными воротничками и броди того же цвѣта; это бы ничего, но зато по праздникамъ муштра своего сукна съ краснымъ воротничкомъ, штыамъ петлицами: серебряными въ первомъ курсѣ, золотыми во второмъ, бѣлая панталона, бѣлая жилетка, бѣлая галетукъ, бѣлфорты, зеленая шляпа въ церковь и на гуляніе. Въ этомъ парятъ оставались до обѣда. Неужная эта форма, отпечатокъ того времени, постепенно уничтожалась: бѣлфорты бѣлфорты, бѣлая панталона и бѣлая жилетка того же цвѣта; фуражка штыамъ совершенно шляпу, которая имѣлась нами только, когда учились фронту въ варшавскомъ образованіи батальонѣ. Въ три гулянія: утреннее, полуденное и вечернее, включили въ программу думашныхъ, но не обязательныхъ Пущинныхъ въ лицей Картина, Царскаго Села, Новоюо, значеніе и

ная свобода для лицеевцев сначала не простиралась дальше лицейских стенок. Через несколько лет после открытия его воспитанникам было объявлено распоряжение министра, которым имъ было дозволено выажать изъ лицей, а роднымъ имъ позволено бывать въ лицей только по праздникамъ. «Мы придувались», — вспоминаетъ Пушкинъ о впечатлѣнн, произведенномъ на лицеевцевъ этой неожиданностью. «Смолча посматрѣли мы другъ на друга, потомъ начались между нами толки и даже разсужденія о незаконности такой мѣры стѣпеней, не бывшей у насъ въ виду при поступленн въ лицей. Раздумываясь, предметное это водовеніе прошло, какъ проходитъ постепенно все, особенно къ 17 годамъ: теперь, разбирая безпристрастно это неприятное тогда намъ распоряженіе, невольно сознаемъ, что въ немъ-то и зарывалъ той неравной, отрадной связи, которая соединяла первокурсныхъ лицей».

Пушкина наивѣдали въ лицей его родные: въ 1815 г. его навѣстили отецъ и мать, какъ видно изъ его лицейскихъ записокъ. «Во все шесть дѣтъ», разсказываетъ Корфъ, «— насъ не пускали изъ Царскаго Села, и дѣланіе было сдѣлано или нѣтъ, или дѣлать только по случаю и во время тяжелой болѣзни нѣкъ родителей». Впрочемъ, можно думать, что Пушкинъ былъ отяжель въ отъездъ, судя по его дѣтн «Отецъ я вашъ о юные друзья!», въ которой онъ обращается къ товарищамъ со словами:

Печальные сокрылись ни разлука,

И брату вновь простерлись ваши руки.

Вашъ рѣшылъ кругъ увѣчать слова...

Кое какія свѣдѣнія о лицейскомъ режимѣ находимъ въ отомъ изъ писемъ лицеевца А. Д. Паличевскаго къ своему прежнему гимназическому товарищу П. П. Фуссу: «Благотвори Бога, у насъ царствуетъ съ одной стороны свобода а свобода — это золотое». Штъ скучнаго заведенія «свѣтъ въ классѣ: въ классѣхъ бываемъ не долго: 7 часовъ въ день: большіе уроки не публикуютъ дѣтъ: тоудъ, прочтемъ въ прогулкѣ, дѣтъ: въчетнички и много а представляемъ театр, съ начальниками об-

ходимся бѣтъ страха, шумимъ съ ними, смѣемся». Въ другомъ письмѣ Паличевскій сообщаетъ другу, что въ лицей получаютъ всѣ журналы¹⁾. Неограниченное пользование книгами и журналами бѣтъ всякаго начальственнаго контроля, своя библиотечная комната — одна изъ лучшихъ сторонъ лицей временъ Пушкина. Куда возлюбленіе жилось въ отомъ отношенн лицеевцамъ, чѣмъ подѣвншимъ цвѣдымъ покодѣвнмъ, когда приходилось читать тайкомъ новы журналы и газеты и когда безощадно изгоняли да чтение Некрасова и Добролюбова.

Стоитъ замѣтить, что въ лицей, какъ могли, воспитывали: ни оставленія воспитанниковъ «на второй годъ», ни удовольствія не знали. Изъ тридцати первыхъ лицеевцевъ не окончили курса только одинъ: его пришлось удалить за проявленіе такой порочной наклонности, которая была особенно нестерпима въ закрытомъ учебномъ заведенн. Тотъ же Корфъ, который строго отнесся къ лицейскому преподаванн, писалъ: «мы мало учились въ классѣхъ, но много въ чтенн и въ бесѣдѣ, при безрестанномъ тренн умовъ, при совершенномъ отбвченн отъ насъ всякаго внѣшняго развѣнн».

Отъ друзей учебныхъ заведенн лицей много дѣтъ почетно отличается тѣмъ, что въ немъ не примѣнялись вѣсныя наказанія, о которыхъ совершенно умалчивало лицейское «Постановленіе» и на которыхъ вербѣлось тогдашнее воспитаніе. Обращеніе съ воспитанниками было самое вѣжливое: учителя и дувереры знали ихъ по фамилн, съ прибавленіемъ слова «основнн». Въ нѣкъ старались разивать мѣтства собственного достоинства и уваженн къ личности другого. Нѣкъ было нѣмлено, что «всѣ воспитанники равны, и потому никто не можетъ презирать другаго или гордиться передъ прочимъ чѣмъ бы то ни было»; что начальнику нужно всегда говорить правду, «ибо лгать передъ нимъ значить не уважать его». Запрещалось кричать на дѣтѣк или бранить ихъ, хотя бы они были собственными крѣвными воспитанниковъ. Наказанія да дѣтъ и дурное поведеніе состояли въ томъ, что виновнаго сажали въ столон да особн столѣ, отдѣльно отъ товарищей: имена дѣтъ и украшали собою черную доску: иногда провинившагося оставляли на дѣтъ и водѣ, впрочемъ, не

1) Гротъ, ibid., 9.

1) Гротъ, ibid., 61.

юдею дуэль менѣе, а въ самую важную случаюхъ полагалось «удиненное заключеніе», въ которомъ заключеннаго навѣщаетъ инспекторъ для «приличныхъ уединеній» и которое не могло длиться болѣе трехъ мѣсѣ: дурно балла и даше въ книгу наказаній днервали эту дѣтнцу наказаній, падаемахъ лидевскимъ, котескомъ.

Съ перваго же года своего пребыванія въ лицей воспитанники завидѣвъ устройство лотанннхъ спектаклей. Въ вывороченныхъ на пиданку шнелдахъ, при самой примитивной обстановкѣ, воспитанники играли названную военною шесу «Оводченіе», «Новаго Стерна» князя А. А. Шаховскаго и пьесы своего дуверпера, мучка А. П. Пконшкова¹.

Однѣ спектакли лидевскости поставили 30 августа 1812 г., въ день именинъ государя: министр, узнавъ объ этомъ, былъ очень недоволенъ, и спектакли были воспрещены². — Чтобы воспитанники не отпечкались отъ дашннхъ, пока не «привыкнутъ къ строгому исполненію своихъ обязанностей». Въследствіи театръ оиныхъ былъ разрѣшенъ, и въ 1815г., представленія стали днѣсь съ декорациями, писанными приворнымъ живописцемъ Бруни. Лидевскія играли русскія и французскія пьесы: оиу изъ послѣднихъ оиѣ курьезно перетѣвлялъ Будири, обратнѣсь въ дженскія роли въ мужскія и «приличнѣ» ради, превратнѣсь любовники въ друзья. Былъ въ Царскомъ Селѣ и театръ, устроенный оинымъ любителемъ, графомъ В. В. Толдымамъ. Но разсказу В. П. Гасвскаго, «лидевскія посѣщали его спектакли, на которнхъ, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, замаривались на первую любовницу томопроценной группы, Наталью, которая, оиакон-

ая, была пловую актрисою — Пушкинъ, оубидѣль по томопоиству и ея паружнѣнѣ, и ея штру (см. «Къ молотной актрисѣ»).

Потѣ дѣннѣмъ литературныхъ поомоипостенъ пѣкоторыхъ воспитанниковъ, влнелсенныхъ ими еще изъ роителскаго дома, и вообще парнннхъ еще тогдѣ юб оиѣствѣ литературныхъ влеченій, лидевскія модележъ почти поголовно дѣлалась соиннтельствомъ. Во главѣ, конечно, шелъ Пушкинъ, 3-го декабря 1811 г. вышелъ первый № перваго извѣстнаго намъ лидевскаго журнала «Вѣстникъ» — етѣ предположеніе, что и раннѣе были такія же новннн: издателемъ былъ Корсаковъ. Либеральнѣ лидевскаго воспитанія соудавлялъ днѣсь хороную службу: пачалкельво не только не пресѣвшало удчеченнѣ воспитанниковъ, но паче поощрнло его. Франкъ, имѣя было запретили «соинннн», какъ писалъ ПдичевскійФуссу² днѣсь корѣбъ запрещеніе было сннто, и лидевскія журнальнстнка прорѣдѣла благополучно. Въ 1812 г. появились уже два журнала: «Днѣсь уювольствія и польза», протоджавнннѣсь и въ слѣдующемъ году, и «Сеонннное перо», въ числѣ пдательнѣ и соудруннковъ котораго былъ Пушкинъ. Нелого существовали эти журналы и преркнвлнѣсь. Въ 1813 г. появился новнн журналъ — Юные пловцы», въ которомъ также участвовали Пушкинъ. Въ томъ же году сталъ выходить «Лидевскій мудрецъ», протудствованннѣсь съ перерывами то конца 1816 года. Издавался карикатурный журналъ. Кромѣ журналовъ, въ лицей составлялись рукописные сборнннн. Такъ, Пдичевскій собралъ «Лидевскую антологію», Пушкинъ собралъ «Блаую тетрадь стиховъ», большая часть которнхъ написана на бѣшата Кюнепбергера, эту вѣнную жертву оварнщескнхъ пдѣнншекъ, шѣтъ

О. М. ГАУЭНШИЛЬДЪ, второй директоръ Лицея.

Литографнѣ съ рис. О. Кларнскннн.

¹ В. П. Гасвскн, Пушкинъ въ лицей и лидевскія его стнхотворенія. Современнннн. 1861 г., вѣдъ. 117—118.

² Н. А. Пдичевскн, Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, Спб. 1903, стр. 325.

¹ Гасвскн, стр. 119.

² Гротъ, стр. 57.

надаиваемъ: «Жертва Момусу¹⁾, Антипковъ²⁾ прекрасно одикуль значение лицейскихъ литературныхъ занятій. «Литературное направление лицей было поэтому случай или порока въ системѣ, престоавившихъ тѣло образованія самимъ молодымъ людямъ, въ немъ собраныма. Основнымъ правиломъ было самообразование почти на всей волѣ учащихся. Они принуждены были приспосабливать сами отвѣты на каждый вопросъ, возникающій въ нихъ умѣ, и волѣ почему книжкамъ на библиотекѣ лицей. Она стала для воспитанниковъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго каждый вычерпывалъ свои вдохновенія и мимолетная содержанія, смѣшавшіяся отню друими». Важную роль въ ходѣ умственного развитія лицейство сыграла отечественная война, за которой лицейства жаждали свѣдѣн, собирались въ своей библиотекѣ и слушая свѣдѣн реляцій. Войною вызваны и несколько пьесъ Пушкина. Въ одной изъ нихъ онъ вспоминаетъ о прошедшемъ черезъ Паркетъ Село войскамъ, отправлявшимся на войну:

Слани Воронина, о, кудьмесие тероп!
И вѣтъкъ, какъ на бракъ дѣтъмъ наши строи.
Душой восторженной за братьями дѣтъмъ...

Въ стихахъ на лицейскую годовщину 1836 г. поэтъ вспоминаетъ объ этомъ времени:

Гдека за ратью ратью
Со старыми ма братьями прощались,
И къ свѣтъ науки съ постои возвращались,
Завсуда тому, кто умираетъ,
Шель мнѣо паска...

«Газетная комната», вспоминаетъ Пушкинъ, «никогда не была пуста въ часы свободные отъ классовъ: читались непрерывно русскіе и иностранные журналы при шумномъ толкае и преніякъ: всему живо съчувствовалося у насъ; описанія смѣшались восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ свѣтъмъ да хоть томъ дѣтъ и событіи, объявляя шие, намъ неостудное».

Въ лицей царило въ учебномъ дѣтъ то, что впоследствии Уваровъ остроумно назвалъ роскошно погуданіи. Моделью поэтому дѣтълась и учителя часто ходили въ неостудные разговоры съ учениками, удовлетворяя относительно будущую

отвѣтовъ на экзаменахъ или преть «высокими посетителями», когда требовалось показать, какихъ усѣбловъ достигли учащійся. Пушкинъ былъ правъ, когда писалъ востудити: «мы вѣтъ усилель понемному чему-нибудь, и какъ-нибудь». Престижъ начальства стоялъ невысоко. Умная и наблюдательная молодежь видѣла, что за педагогическое тѣло часто брался люди, никогда къ нему не готовившіяся и занимащійся имъ совершенно случайно. Рядомъ съ упомянутыми выше педагогами и преподавателями очень достойными, преть лицами протца и дѣтъмъ галлерей курьезныхъ, смѣшанныхъ, а почасъ и протю неостудныхъ учителей и гувернеровъ, и воспитанники въ дронъ не ставили многихъ изъ своихъ наставниковъ. Даже жидеростный Пушкинъ въ своемъ торжественномъ гимнѣ лицейо 1825 г., «Роизель дѣтъ багривый своей уборе...» не удержался отъ мимолетнаго воспоминанія о дѣтъ, которое нужно было простить «наставникамъ, уранившимъ юность» первыхъ лицейство. Всю свою жизнь великій поэтъ жаловался на недостатки своего воспитанія и преимущественно образования. Поэтому отношеніе учениковъ къ своимъ наставникамъ часто было небрежное, не особенно уважительное. Въ 1813 г. лицейства были уже настолько сильны, что могли быстро выжить нелюбимаго нацирателя (инспектора) М. С. Пилецкаго-Урбановича, который оставилъ лицей по первому требованію неостудныхъ воспитанниковъ. Эпизодъ этотъ вошелъ въ программу лицейскихъ занеокъ Пушкина въ трехъ словахъ: «Мы протюпьемъ Пилецкаго». Въ той свободѣ, которая господствовала въ лицей, была даже элементъ невѣтвенности. Надзоръ былъ очень слабъ, особенно въ послѣдніе годы. Лицейства ходили въ конфектерку Амбедля, а также по гусарамъ», какъ разсказываетъ Корфъ, «сперва къ отню праздники и по билетамъ, а потомъ и въ будни, безъ всякаго сирокъ, даже безъ вѣтъма нашихъ пригавниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь. Думаю, что шие провадали даже и на дѣтъю ночь, хотя со мною лично этого не случалось. Маленьки приключилъ швейцаръ мириль все тѣло, потому что гувернера и вѣтъки вѣтъ вѣтъю уже снади. Натюръ былъ слабъ и распушевъ». Вообще, въ протудикамъ лицейство относился мягко. Пушкинъ, Пушкинъ и Малиновски отыжкы устроили тотель, мотель и почалель на этой датѣ:

1) Гавески въ 140, 149, 211 В. Антипковъ, А. С. Пушкинъ, въ: Атекии протудую днѣсу, Сибѣ 1874, стр. 47, 48.

ЕГОРЪ АНТОНОВИЧЪ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

Директоръ Лицея.

Акварель, принадлежащая бар. Ф. Остенъ-Сакену.

дѣло окончилось выговоромъ и ничтожнымъ наказаніемъ¹. Когда Пушкинъ, принявъ въ подутемномъ корридорѣ фрейлину князю Волконскую за горничную Натану, позволилъ себѣ съ ней какую-то вольность и это дошло до государя, пылкій лицедеи и тутъ ни мало не пострадалъ².

О томъ, какъ учился Пушкинъ, мы имѣемъ въ несколько свидѣтельствъ, заключающихся какъ въ воспоминашяхъ его друзей,

такъ и въ официальныхъ отзывахъ лицейскаго начальства и преподавателей, сохранившихся лицейскимъ архивомъ³. Въ эти данныя единогласно говорятъ о его значительной и быстрой восприимчивости, позволявшей ему учиться безъ всякаго напряженія. «Ему стоило», разсказываетъ С. Д. Комовскій⁴ — «прочесть разъ два страницу

1) Шляпкинъ, *ibid.*, 325—337.—2) Уроковъ, *ibid.*, 218—219. Записка С. Д. Комовскаго о Пушкинѣ, написанная для П. В. Анненкова, публикуется по изданію Уроковъ, въ которомъ она была печатана стр. 218—222.

1) Шляпкинъ, *ibid.*, 336.—Майковъ, *ibid.*, 57—59.—2) Майковъ, *ibid.*, 64—64.

какого-нибудь стихотворения, и онъ могъ уже повторить оное паудеть безъ всякой ошибки. Упражнения въ словесности французской и русской были всего любимишій его занятіи, въ концѣ онъ наиболѣе усилывалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическимъ и въ особенности математикъ. Последнее дерко объясняется показаніемъ Корфа, что профессоръ математики даялъ и преподавалъ свой предметъ товодно плохо. 15 марта 1812 г. Кошанскій писалъ, что «успѣхи его въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столько тверды, сколько бивательны», и что у него больше придатно вкуса, чѣмъ прилежанія; эту аттестацію Кошанскій почти дословно повторилъ 20 ноября того же года и 15 декабря 1813 года. А. И. Кунцивъ писалъ о немъ 19 ноября 1812 г.: «Пушкинъ весьма популенъ, замасловатъ и остроуменъ, но крайне непривлеженъ; онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ мало напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особенно по части логики». Профессоръ математики находилъ, что Пушкинъ «слабъ и успѣховъ примѣтныхъ не оказалъ». Учитель Бури Пушкинъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, а это, какъ мы уже знаемъ, былъ хороший предметъ; между тѣмъ профессоръ Гаузинъ писалъ, преподававшій ивещую грамматику по-французски, считать его въ числѣ самыхъ плохихъ своихъ учениковъ. Преподаватель исторіи и географіи П. Канановъ находилъ, что Пушкинъ «при маломъ прилежаніи оказывалъ очень хорошіе успѣхи, и сіе можно приписать отнимъ только прекраснымъ его врожденіямъ». 1 января 1814 г. Мы видимъ, такимъ образомъ, что отъ преподавателей не ускользнуло богатство натуры Пушкина. Но слова Пушкина, живъ профессоръ смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ видѣлъ его разъ Кардовъ къ концу и даялъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какой-то формулы. Кардовъ спросилъ его наконецъ: «Что жъ вышло? Чему равняется икса?» Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: «Ну!» «Хорошо! А выкъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ все кончаете пудемъ. Сидите на свое мѣсто и пишите стихи». Счастливо и Кардову, что онъ изъ математическаго факультета не велъ войны съ поэзіи.

Пушкинъ охотнѣе вълкъ другихъ классовъ занимался въ классѣ Кунцива, и то совершенно по-своему; уроковъ никогда не повторялъ, мало что записывалъ, а чѣмъ перешивалъ тетради профессоровъ печатныхъ руководствъ тогда еще не существовало, у него и въ общахъ не было: все *placé à livre ouvert*. И этому есть объясненіе. Какъ разказываетъ Корфъ, система преподаванія Кунцива «была самая пототная, при немъ ни въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ; онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и пудать слово въ слово, совершенно въ тобжеку, такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни одной буквы; отъ этого въ тѣхъ именно предметахъ, гдѣ наиболѣе должно было изощряться разуміе и способность свободно изъясняться, мы обращались въ совершенныя машины». Изначно, что живой и умный мальчикъ удовлетворяется тѣмъ, что только слушать Кунцива, вѣчески избѣгая мертвцаго «машиннаго» дубрениа.

Отчеты о поведеніи Пушкина свидѣтельствуютъ о его рѣзкости и шаловливости. Губернеръ П. С. Шледей писалъ въ «Журналѣ о поведеніи воспитанниковъ» 6—30 ноября 1812 г., что Пушкинъ то «весело оскорбительно шутилъ съ Масловымъ, произнося какіе-то стихи; при удивленіи же стбалъ слабое признаніе, а расказанія не видно было»; то «толкая Пушкина и Маслова, повторилъ нѣкъ слова, что если они будутъ жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говорить, вывертаться умно»; то когда губернеръ отнималъ у Дельвига сатиру на инспектора, Пушкинъ «съ непристойною вельничностью» сказалъ: «какъ вы смѣете брать наши бумаги!» стало бить, и писма наши изъ ящика будете брать», причемъ только присутствіе профессора удержало его отъ еще большей рѣзкости, «ибо примѣнить было гнѣвъ его»; то разказывалъ Кошанскому про какія-то гдла «моимъ французскимъ лавкамъ». 30 сентября 1813 г. губернеръ Чериковъ писалъ о «веселыхъ и поветеніи» Пушкина, что онъ «легкомысленъ, вѣтренъ, неопытенъ, нерачитъ, ирочемъ, добродушенъ, усерденъ, учивъ, имѣть особенную страсть къ поэзіи». Пылкій, пламенный характеръ Пушкина, скрывавшій отъ многихъ «бездумной шалости поль легкимъ покрываюмъ» его умъ и сердце, являлъ его несимпатичнымъ для

ЛИЦЕЙСКІЕ ПРОФЕССОРА, ИЩУЩІЕ МИЛОСТИ У ГР. РАЗУМОВСКАГО.

Карикатура Иллитчевскаго въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мушкетёръ». Собственность К. Я. Грота

близорукую гусей и въ лицѣѢ. Корфъ оставилъ злой и несправедливый отзывъ о своемъ товарищѣ: «въ лицѣѢ онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блистаетъ своимъ дивнымъ талантомъ, и такъ какъ сверхъ того начальство думало его злой дьякъ и бѣсія элиграммы, то на его эшкурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы... Между товарищами, кромѣ Губъ, которые писавъ сами стихи, несли его одобренія и протекціи, онъ не пользовался особенною привязью. Вельначивый до бѣшенства, вѣчно развѣсившій, вѣчно погруженный въ политическія свои мечтанія, съ необузданными африканскими страстями, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды — ровной, систематической, сколько-нибудь связаной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и тара слова: были только величавы: рѣзкая острога, длая палешика, какавъ-нибудь везданная поэтическая мысль; но все это лишь урывками, иногда въ тобрую минуту, большею же частью или тривіальныи общии мѣста, или развѣвное молчаніе. Въ лицѣѢ онъ превозсходить всѣмъ въ чувственности... Столъ

же близорукъ и несправедливъ, отзывъ о Пушкинѣ лицейскаго директора Е. А. Зиндльгарда, относящійся къ 1816 году; «его вѣщай и конечная дѣль — блестящъ и шумно поэзіе; но ева ли найдеть она у него прочное основаніе, потому что онъ боиетъ всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни прочности, ни глубина, — совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто: въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Шважия и юношескія чувствованія умнженія въ немъ воображеніемъ, оскверненныи всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которая онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія». Эти недуманья, немудрая мѣтнія, объявлявшіи ели не личнымъ неوبرожденіемъ, то по крайней мѣрѣ глубинаи непониманіемъ, сивдѣльничують только объ отсутствіи чуткости и наблюдательности у нѣмъ авторовъ.

Близко к нему стоявший и любивший его Пушкин гораздо глубже и шире раскрывает сущность его натуры. «Пушкин», — говорит он, — «был раздражителен и мнитель и потому не возбуждал общей симпатии; это ушлая эгоцентрическая сущность среди людей. Не то чтобы он разглагольствовал какую-нибудь роль между нами или поразжал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неуместными колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умевя потому изъ него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользали в школьные суждения. И как соблаз, часто, когда в В. уже давали, толковали с ним вышлого через переторку о каком-нибудь взорном случав того или тут и вить ясно, что он по щеколивости воякому взору принимал какую-то важность, и это его подвело. В нем была сущая излившая сукости сь действительностью, и то и другое мешать, что Г. был самым ему вредно. Главное, ему неоставало того, что надлежало тактом; это капитал, необходимый в товарищеском быду, Г. мудро, почти невозможно при совершенно недеромном обращении уверял оть воякого несприятнаго столкновения вешней жизни. Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него сь Г. полным благорасположением, которое дает и видеть в В. первности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает Г. так, что походить даже и нуть вь друге товарищев. Содержание этих почвах бесить сь Пушкиным через переторку, по словам П. В. Анненкова 1), состояло из жалоб Пушкина на себя и других, скорбных приданий, рассказов и, наконец, из обужения планов, как поправить свое положение между товарищами или избивнуть сьвистни ложнаго шага и необуманнаго поступка». Пушкин разказывал Анненкову со горьким сделав, часто орошавшим вь тиши безсонной ночи поудку молодого человека из X. IV. Пушкин, по словам его, «находилась вь оть црны вьсма восприимчивым и вешал дительным сердцем, малю и вперекорь которому шел вь образ его тиши, вносившим ридли, направляющим на вражду и оскорбление. Пушкин не востал

оставался побителем вь столкновениях сь товарищами, им же и пороженными, и тогда, сь растерзанным сердцем, оскорбленным самолюбием, сознанием собственной вины и сь негодованием на ближних, возвращался он вь свою комнату и, перебирая вьс жгучия вешалствия, пидывстраивал вторично вьс его страдания до капли».

Пушкин сам парисовал вь «Онтинг» быстро и бурную смьну свою вь юношеских настроений:

Порой бывал прилежен,
Порой дивил, порой упрямя,
Порой лукав, порой прямя,
Порой смирен, порой мтежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечен говорлив.

Вь пьес «Mon portrait» (1814 г.) он так изобразил себя самого:

Vrai débon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'etourderie,
Ma foi, voilà Potchikine.

Тем не менее, положение Пушкина среди товарищей было весьма почетное, и кь нему относились сь дружным уважением, особенно послд того, как его талант был признан, державши его «замыкать и благословлять», и он уже из стивших лиц стал известностью. Много говорит бьлая отьбка вь лицейских записках Пушкина годь 1814 г.: «Отношение кь товарищам. Мое шесдание...».

Обь очень характерной черт сообщать С. Д. Комовский: «скромь любимых разговоров своих о литературь и авторах сь Г. товарищами, кои тоже писали стихи, как-то: сь Дельвигом, Паличевским, Яковлевым и Кюхельбекером, Пушкин был вообще не очень сообщитель сь прочими своими товарищами и на вопросы нуть отвчал обьяковенно лаконически». Таким образом, Пушкин определено и ридко проходил грань между своим небольшим кружком, разбавленным его интересом, и лицейским; *rotamum vulgus*. Зато — кого Пушкин любил, на школьной скамь, Г. не избивал никогда; о степени его приважности могут гать понятие не только стихи, вь которых он обожает смерить своих товарищ, но его трагедия и даже для него самого небезопасная хлопота дь вьсваиваю вь сибирской ссылк Кюхельбекера, или рассказ А. П.

ГРУППА ЛИЦЕЙСКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ И СЛУЖАЩИХЪ.

Карикатура писателя Плячевскаго въ лицейскомъ журналѣ «Лицейской мушкетеръ», Карикатура вызвана попыткой Кюльдебекера утопиться. См. статью о Кюльдебекерѣ).

Керчь, что Пушкинъ и Дельвинъ, встрѣчаясь, цѣловали другъ у друга руки. Школотые изъ товарищей уже на лицейскомъ скамьѣ понимали будущее значеніе Пушкина. Въ «Однѣнцѣ» онъ вспоминалъ, какъ друзья признали его варование:

малые друи
Въ освобожденные досуги
Любили слушать голоса мои.
Они, пристрастною душой
Решуя къ братскому совету,
Мнѣ первыми поспѣли въ помощь,
Чтобъ ночь украсила пѣль пѣвца
Свою дѣвственную музу.
О, гораздно пѣшннѣтъ они,
Цвои сладокъ сонъ дувѣ моея!

Дельвинъ сравнивалъ его съ «дебетемъ» цѣвущей Авдоніи и говорилъ:

Пушкинъ! Онъ и въ дѣлахъ не укроется:
Зира пачастъ его громкимъ пѣвцемъ,
И отъ смертныхъ возннѣтъ безсмертно
Авдоню на Олимпѣ торжествующимъ.

Плячевскій писалъ своему другу о Пушкинѣ: «такъ Богъ ему уснѣха, дучи славы его будутъ отвѣчиваться и въ его товарищухахъ»¹.

Связь Пушкина съ писательскимъ кругомъ, которая существовала еще въ роштельскомъ томѣ, въ лицей окрѣпла и упрочилась. Пушкинъ писалъ изъ лицей въ столицу Жуковскому, подвизавшему его своимъ ученикомъ, своему дядѣ Василию Львовичу Батюшкору. Старшинъ собратъ предлагалъ младшему различныя авторскія планы:

¹ Грозск. ibid., 67.

Ты плещи бабамъ
 И другъ парашаскыхъ твѣхъ,
 Ты хочешь, чтобы слава
 Стегую полетѣла,
 Простякъ съ Амакреномъ,
 Сибирякъ и да Марономъ,
 И пѣль при дукахъ дѣрь,
 Воша кровашай шѣрь.

писалъ онъ Батюшкову въ 1815 г. Можно предположить, что Пушкинъ оставилъ своего «Бову» незаконченнымъ, потому что Батюшковъ вѣдѣлъ за этою сюжетъ и, по выраженію Пушкина въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, «завоевать» у него Бову Королевича. Будучи въ лицѣ, Пушкинъ познакомился и съ Карамзинемъ и часто бывалъ у него, когда историкъ проводилъ дѣльное время въ Царскомъ Селѣ. «Онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется», писалъ Палличевскій Фуссу. Встрѣча съ Державинымъ (см. подробнѣе примѣч. къ «Воспоминаніямъ о Царскомъ Селѣ») на экзаменѣ была однимъ изъ самыхъ радостныхъ моментовъ его жизни, и о ней онъ часто вспоминалъ въ «Еженѣ Оубинѣ», въ своихъ запискахъ, въ посланіи «Жуковскому», 1817 г. Еще въ лицѣ Пушкинъ познакомился съ кн. П. А. Вяземскимъ, съ которымъ впоследствии крѣпко подружился и съ тѣмъ близокъ къ знаменитому литературному обществу «Арзамасъ», въ которое былъ принятъ по выходѣ изъ лицѣ (см. выше статью «Бетфа» и «Арзамасъ»).

Лицен строго замкнутымъ учрежденіемъ, собственно говоря, никогда не была, а въ послѣдніе годы лиценстамъ жилось довольно свободно. Лиценцы посѣщали семьи своего директора Энгельгарта, Теннеръ и Ферлюдова, Вельо, тѣхъ, по прѣданію, Пушкинъ встрѣчалъ охотнѣе съ Александромъ Г. Вирочемъ, это общество Пушкинъ посѣщалъ не часто. Онъ любилъ бывать въ кружкѣ офицеровъ, расположеннаго въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусарскаго полка. Любимымъ его собесѣдникомъ, разсказывать Корфъ, былъ гусаръ Каверинъ, къ которому Пушкинъ обратился съ посланіемъ. Общился онъ тамъ и съ П. Я. Чааевымъ. Вѣбѣ съ гусарскими офицерами, переезжаетъ Комовскій, онъ «любилъ приносить жертвы Вагнеру и Верѣ, вполнѣ да хохотеньями актрисами графа Голдстога и да субретками прѣбывавшихъ тутъ на дѣто семенствѣ». Въ лицѣ же Пушкинъ впервые удѣлять чувство любви. Слѣдств. оно, какъ

часто бываетъ съ проведеніями чувства въ дѣтскомъ возрастѣ, было подражательное, навѣянное, вѣроятно, книжными впечатлѣніями (тема алчмъ жизнь, узнать заранѣ, и удивлѣ, се въ романѣ), сказано въ «Оубинѣ» не безъ причинъ. Въ «Посланіи къ Юшну» (1815 г.) Пушкинъ вспоминаетъ «поутру красную дѣтскую дѣвъ» свою, М. Д. Мертваго, которой было дѣтъ шѣтъ, когда ее маленькаго прѣтеля отвели въ лицей. Фантазія рисовала прѣдъ нимъ то, чего не было, да и быть не могло, и даже захотѣла довольно далеко:

Вѣдъ со мною образъ твой,
 Вѣдъ со мною приракъ милый,
 Въ тѣмъ полудни ушлой,
 Въ часъ денщи золотой.
 То на конѣ алли темной
 Вечерей, тихою порой
 Одну, въ задумчивости томной,
 Тебя я вижу прѣдъ собой,
 Твой шалью ставъ непокровенный,
 Твой взоръ на трунѣ потушенныи,
 Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...

Это была не настоящая любовь, а какъ прилагаетъ самъ Пушкинъ, «мечтатель». О первой, «истинно-поэтической» любви Пушкина разсказываетъ Комовскій. Это была сестра одного изъ лицейскихъ товарищѣй, фрейлина Е. П. Бакунина. Къ ней неравнодушны были еще Пушкинъ и Палличевскій, и Пушкинъ впоследствии вспоминалъ,

Какъ мы впервой всѣ трое полюбили.

Это было уже не воображаемое общеніе какой-то таинственной особы, нарисованной воображеніемъ, не наполовину проникнутое ироніей увлеченіе крѣпостной актрисой или вертливой горничной. Пушкинъ умалъ мукъ настоящей любви. Она была такъ сильна, оставила такой глубокой слѣдъ въ душѣ мальчика, что Пушкинъ черезъ много дѣтъ вспоминалъ о ней съ удивленною вѣбностью. Въ «Еженѣ Оубинѣ» онъ вспоминалъ, говорить онъ,

Ты ли, когда впервые
 Забылъ я черты живыи
 Прелесть твою и любовь
 Младую твою юна и кровъ,
 И я, докуя безплатеку,
 Тонюкъ обманомъ навѣкъ сповѣ,
 Вѣдъ некады ея отбывъ,
 Объ ней думавалася вѣковъ,
 Вѣкъ тѣхъ минутной вѣтрѣи жды,
 И счастье тѣхъ мукъ умалъ...

ГРУППА БУЯНЯЩИХЪ ЛИЦЕИСТОВЪ.

Карикатура въ лицейскомъ журналь «Лицейскій мудрецъ». Составитель К. П. Грога.

Стоило ему встрѣтить предметъ своей любви на дѣйствиѣ, уловить ея случайный взглядъ,—и онъ испытывалъ необыкновенный радостный подъемъ и записывалъ въ своемъ дневникѣ:

Итакъ, я счастливъ былъ; такъ, я наслаждался;

Отрадой тихой, восторгомъ умиленнымъ...

О мукахъ истинной, пламенной любви, заключающей въ себѣ и страданія, и радости, свидетельствуютъ такіе стихи, какъ: «Къ ней — «Длинные, милый другъ! прости, подай мнѣ руку!...» ; «Къ Морфею», — «Мой милый другъ, разстался я съ тобою...» («Умианіе» или «Разлука»); «Мелитильно влекется дни мои...» («Желаніе» или «Умианіе»); «Любовь, одна веселье жизни хлѣбъ мой...», Пушкинъ всю свою жизнь любилъ, сердце его не оставалось пусто и праздно, и онъ на себѣ испытывалъ, что хотя «любви въ возрастѣ покорна, но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ ея порывы благотворны, какъ бури вѣшній подымъ». Писаніиное Пушкинскими на лицейской стѣнѣ

чувство любви имѣло на него облагораживающее, воспитывающее, одорающее душу вліаніе, которое ускользнуло отъ взора холодныхъ, невнимательныхъ судей или, вѣрнѣе, оуждатель. Неудли безъ живого сочувствія читать горячую, страстную исповѣдь Пушкина въ «Очищеніи» о томъ, что онъ переживалъ тогда:

Дума лишь только радосталась,

И сердцу женщина вжалась

Какимъ-то чистымъ божествомъ.

Видѣла чувствами, умомъ.

Она сіяла совершенствомъ.

Преть неи я таялъ въ тишинѣ:

Ея любовь казалась мнѣ

Неослаемымъ блаженствомъ.

Жить, умереть у милыхъ ногъ—

Ничто я желать не могъ.

И вдумать се я неумѣлъ.

И трепеталъ, и слезы лилъ.

Скъ тобою и удаюмъ въ неи шить!

Останье любовныхъ таинныхъ снѣгъ

Ея пропитанные вѣры.

Улыбка, годоскъ, разговоръ.

Все было в ней оравлено,
Цемброй дной пашоно,
Все в ней адкало слезы и стоны,
Штадось кровно мойо...
То вкруть я змарозь видять в ней
Передь медьбой Шималюна,
Где холощныя и пьмой,
Но декорь жаркяи и жнон...

На творчество Пушкина, на его первый поэтический чувства имело влияние самое многоподоженіе людей. Люди находились не в душном, тесном горотѣ, не были заперты каменными громадами. Они были расположены в местности, соединившей красоты природы съ историческими воспоминаніями. Получил Пушкин воспитаніе въ большомъ горотѣ, въ немъ было бы, конечно, меньше любви къ природѣ и пониманія ея. Въ царскосельскихъ садахъ онъ особенно охотно проводилъ свои досуги, описанные имъ, между прочимъ, въ «Городѣ» (1814 г.).

Царскосельская природа великолѣпно описана въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ».

Черезъ много лѣтъ по выходѣ изъ лицейской школы вспоминалъ: «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ» 1829 г., свои прогулки въ «священномъ сумракѣ» царскосельскихъ садовъ и, посѣщая милдыя сердцу мѣста, передавъ прелесть ощущеній:

Вночь вѣвчымъ огромно, то пылькимъ,
то дымчымъ,
Мечтала смутная въ груди моей тая,
Скитался по дугамъ, по рошамъ молчали-
вымъ...

Въ изображеніи того таинственнаго сада, который Пушкинъ рисуетъ въ чертѣ: «Въ началѣ жизни школу помню я... 1830 г.», можно узнать царскосельскіе сады:

Любить я свѣдѣхъ воть и дельцевъ шумъ,
И бѣды въ тѣни терекъ курмы,
И въ пшакъ вѣхъ перель, не павшыхъ думъ,
Все—мраморные циркули и шры,
И свѣчки въ мраморныхъ рукахъ,
И дѣшная въ нухъ плечамъ порфиря—
Все напоило сладкой пѣвны страхъ
Мнѣ на сердце, и слезы впономовеня
При вѣтѣ нухъ розащныкъ на глѣзахъ...

Въ лицѣ Пушкинъ почувствовалъ себя полнымъ.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмолвно раздѣлялъ,—

вспоминалъ, онъ впоследствии въ «Еще разъ Оубинѣ»:

Въ тѣ дни во мнѣ дубравныхъ свотошь,
Близъ воды, текущихъ въ тишишь,
Въ удахъ лицейскихъ переходошь
Являться муза стала мнѣ,
Моя студенческая вѣда,
Доселѣ чудная веселья,
Вдругъ ошрился! Муза въ ней
Открыла шрь своихъ латъ,
Простите, латныя науки!
Простите, шры первыхъ лѣтъ!
Я забвѣлся, я вогъ...
Въ душѣ моей ешны думки
Переживаются, живутъ,
Въ разобры слабые буютъ.

Одинъ изъ лицейскихъ товарищей его, С. Д. Комовскій, наблюдать Пушкина, когда онъ бывалъ подъ пантеомъ своюхъ творческихъ порывовъ: «не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреационной залѣ»,—разсказываетъ Комовскій. — «она прогулкахъ, но перѣдко въ классахъ и даже въ церкви ему приходили въ голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то смурчалось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ. Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ отъ петербургія трель обыкновенно перо и, насуя брови, надувши губы, съ ошпеннымъ видомъ читалъ про себя пашаинное». Какъ всякой сильной, могучей натурѣ, Пушкину приходилось и въ тогѣ подчасъ чувствовать себя одинокимъ, и онъ научился жить въ себѣ самомъ, почерпая наслажденіе въ своемъ поэтическомъ гениѣ, послышавшемъ ему «слакян думы» («Мечтатель», 1815 г.):

Лана мнѣ дѣра отъ болокъ,—
Посту царь бездѣшныкъ;
И муза шрняя со мною:
А вѣда гѣбѣ, бошншъ...
На слатомъ угрѣ шен латныхъ
Швца гя ошвина,
Вшномѣ изъ мортонъ молодыхъ
Чело его покрывла
И, торннмъ свѣтомъ одарясь,
Влетала въ сторону келью
И чукъ вѣнала, преклонясь
На тѣ швкой козыбелю,
О, ту въ мнѣ смущенней млатон
То самыкъ вратѣ молчалъ...

И тогда уже поэтъ чувствовалъ, что «она свѣтъ счастья швкъ, а есть покой и воля», которыхъ отвѣчать не сущиль ему рокъ. Мечта о покоѣ и душевннй прощаніе чередъ многиа лицейскія стихотворенія, какъ Leit motiv.

Пустото пѣти украшена
 Не видя въ мнѣшѣ мои,
 Смотрю съ удабкой сожалѣнія
 На пышность бѣдныхъ богачей.—

говорить оны въ «Послании къ Юнну»:

И думаю: Къ чему пѣвадимъ
 «Алмазы, драгошны, топазы,
 Порфирныя пустыя вады,
 Драгяя куклы по удамъ?...
 Не лучше ли въ теревѣхъ талькенъ
 Или въ смиренномъ горошкѣ,
 Владѣи столицъ, дабожь и грома,
 Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
 Съ котормымъ роскошь непакова,
 Тѣмъ можно въ праздники отдохнуть?
 О, если бы когда пѣбуць
 Сбылись поэта словцабыла...

Ночь влѣзимъ прѣтелей—хусаръ Пушкинъ было собрался по окончаніи лицейскаго курса вступить въ военную службу, но, встрѣтивъ сопротивленіе отца, оставилъ это намѣреніе безъ особуыхъ сожалѣній, и, когда въѣдены набучили себѣ разныя служебныя дорожки, Пушкинъ одинъ не думалъ о карьерѣ, въ чемъ и признавался («Товарищамъ»):

Лишь я, суцѣбъ во всемъ послушанъ,
 Смасташной дѣви вѣрныи сынь,
 Всегда безмечанъ, равнодушнъ,
 Я тихо дазрмать ошнѣ,
 Равны мнѣ шенар, улава,
 Равны законы, кивера;
 Не рвусь я грудю въ капитана
 И не пожду въ ассесора.
 Друзья, немного спешождеша!
 Оставьте мирныи мнѣ волнакъ...

Въ іюлѣ 1817 г. Пушкинъ вышелъ изъ лицей, получивъ свидѣтельство о пройденномъ имъ курсѣ науки¹⁾—свидѣтельство, въ котормомъ, по словамъ Корфа, «только наполовину было правды». Лиценсты знавъ, что выходятъ въ жизнь недумками: тотъ же Корфъ рассказываетъ, что «многимъ, послѣ профессоромъ, пришлось еще брать уроки у учителей». Пушкинъ живѣе другихъ чувствовалъ недостатки своего «проклятаго воспитанія», какъ выражался оны, и всерчески старался ихъ восполнить. Въ кишиневскомъ посланіи къ Чаадаеву оны писалъ въ 1821 г.:

¹⁾ Шляпкинъ, Ibid., 398— Пушкинъ, Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіяся къ судьбѣ его 1831—1837 гг., изданъ П. Гастфрейндль, Сиб., 1900, стр. 24 и слѣдующыя л.

ЛИЦЕЙСКІЙ РИСУНОКЪ ПУШКИНА.

Пушкинскій музей при Александровскомъ Лицеѣ въ Сиб.

Иду вознаратить въ облятияхъ свободы
 Матешной младостью утраченнаго тогы
 И въ провѣщеніи стать съ вѣкомъ паравъ.

Покидая лицей, поэты распространили съ товарищами стихами. Оны писалъ «Раздука»—В. К. Кюхельбекеру:

Гдѣ бѣ ни былъ я: въ ошнѣ ли смертнои битвы,
 При мирныхъ ли бретахъ рознатои ружья,
 Святому братству вѣрныи я.

Въ Кишиневѣ оны вспоминалъ въ цитированномъ выше посланіи къ Чаадаеву:

Тѣ дни, когда, еще незнаемыи мнѣ,
 Не знаа ни дабожь, ни дѣлан, ни системы,
 Я пѣвемъ одавала прѣночь дабавъ и дѣлан
 И царекосельскія хранительныи свѣдан.

Въ «Гаврилатѣ» (1822 г.) поэты упоминаетъ о лицейскихъ дабавкахъ:

Исправна ли, вы помните то поле,
Друда мой, где в прелези ты, весной,
Остала класка, мя билаи на воле
И гнились откаснои борбой...

Свою кривую сводя съ лицеемъ, поэтъ особенно ярко и величаво выразилъ въ знаменитой пьесѣ: «Ромеюъ збевъ барятной своей дуборк...» (19 октября 1825 г.). Чувство дружба бьетъ въ немъ ключомъ, бьетъ даже черезъ край, и поэтъ тохотитъ прямо то экзальтаціи дружба:

Друда мой, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, неразделимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безвѣченъ,
Средася онъ поэтъ снкоу дружныи музъ.
Куда бы нашъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бы ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый мръ музубина;
Отечество намъ Парское Село.

Благодолви, ликующая муза,
Благодолви: да здравствуетъ Лицей!
Паставишкамъ, хранившимъ юность нашу,
Вѣкъ честнѣи, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устаиъ поэтъиъ прикательную чашу,
Не помни да, да благо подданимъ.

Памученный жизнью, онъ входилъ въ царскоесельские сада «Воспоминаніе въ Парскомъ Селѣ», 1829 г.): «воспоминаніями смущенный, исполненъ сладкою тоскою»:

Воображалъ сеи цешъ счастливимъ,
Когда средъ нихъ великии Лицей,
И слышалъ своиа шумъ шривай,
И видѣлъ вонъ семью друзей.

Пушкинъ никогда не забывалъ принимать участіе въ ежегодномъ празднованіи лицейской годовщины и, если только бывалъ въ Петербургѣ, не пропускалъ случая съ Лицеиъ проиричать ура: 19 октября

1828 г.с. Протоколъ празднованія шя рожденіи лицей въ 1828 г., бидь вельнъ Пушкинымъ. Незадолго до своей смерти, въ 1836 г., Пушкинъ мыталъ на лицейскомъ праздникѣ свою грустную пьесу: «Была нора: нашъ праздникъ молодой ...» 19 октября 1836 г.с., но, томимый госпитальными мыслями и прегруственіями, внезапно заикался и не могъ дочитать стиховъ до конца. Поэтъ иногда посѣщала даже самый лицей, гдѣ его видѣлъ воспитанникъ Я. К. Гротъ¹⁾. Однако онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ присутствовалъ на аккламбъ изъ исторіи²⁾. Молодыхъ лицействои онъ встрѣчалъ радушно и ласково, какъ лицейскій дѣлъ³⁾.

Много было недостатковъ въ лицейскомъ воспитаніи, но не будемъ осуждать старай лицей. Пушкинъ зналъ, да что любилъ свои «хранилищная свини». Въ лицей онъ нашелъ первую справедливую оцѣнку своего гениа, приобрѣлъ первый поклонниковъ и преданныхъ друзей. Мало знаишъ вынесъ онъ оттуда, но не въ нихъ было даю: знаишъ приобрѣтали онъ всюду и всегда и умеръ «несобъемлющей душой», «свѣтлымъ работникомъ», какъ любимай имъ Петръ Великій. Лицей былъ хорошии гдѣмъ, что въ немъ не уроловалась дѣтская душа казенной муштрои, не ломался юношескій умъ, что въ немъ царилъ воздухъ свободы, въ которомъ выросъ, расцвѣлъ и окрѣпъ гении величайшаго русскаго поэта.

Н. Дериеръ.

¹⁾ Гротъ, *ibid.*, т. 27, с. 2. — Пушкинъ и его современники, изд. П. 1904, стр. 82. — 3 См. Русск. Архивъ: 1902 г., III, разсказъ лицейста П. П. Миллера о его встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ 1811 г.

Лицейскій рисунокъ Пушкина.

Питомническій музей при Александровскомъ лицей въ Сиб.

М. Платоновская

Александровича Кудрявцева

1817

Автограф Пушкина — заглавия страниц лондонской тетради (Российский музей в Лондоне).
В эту тетрадь вошли стихи 1812—1817 гг., известные под именем «Лондонские стихотворения».

ЛИЦЕЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНИЯ 1812 — 1813 гг.

6. Рыцарская баллада.

Что считать первыми изъ лицейскихъ стихотворений Пушкина? Конечно, не «Шено», о чемъ см. выше подъ № 8. Раньше Шено была сочинена не сравнительно Роза, см. № 7, а датимъ по свидѣніямъ Гаевского:

«Другіе товарищи поэта припоминаютъ, что еще до «Розы» онъ написалъ, съвѣдуясь съ Паличевскимъ, рыцарскую балладу, въ подражаніе балладамъ Жуковского: по и этого опыта не сравнится». «Пушкинъ въ лицей и лицейскія его стихотворенія В. П. Гаевского въ Современникѣ 1863, № 7, стр. 134.

7. Описаніе розы.

Поблизости стихотвореній сохранилось только указаніе. Лицейскіи товарищи Пушкина и лучший его другъ Пущинъ о немъ только особая статья въ своемъ лицейскомъ сообщеніи:

«Какъ теперь вижу, тотъ поствощеніи нашъ классъ Кованскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Генрихъ, госпожа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ, пожалуйста, роду стихамъ». Наши стихи вообще не клещикъ, а Пушкинъ мнѣ прочелъ на четьрехстишій, которая въ вѣкъ нашъ возматилъ. Жаль, что не могу припомнить этого перваго подлическаго его дѣла. Кованскій взялъ рукописъ къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году и никакъ не позже перваго мѣсяцевъ 1812».

Записки П. П. Пущина о Пушкинѣ въ сборникѣ Леопольда Манкова «Пушкинъ», сбв. 1899, стр. 56.

Изначально почти полнѣмъ снуети въ конѣ 50-ухъ годовъ, въ общемъ въ высокой степени дѣшная, записки Пущина не во вѣдѣ, поэтому могутъ считаться абсолютно достоверными. Въ частности сообщеніе, что Пушкинъ мнѣмъ сочинить на четьрехстишій стихи вѣрно, потому что Пушкинъ всего меньше отличался способностью сочинять мнѣмъ и отнюдь не то стѣбѣ, такъ какъ своимъ стихотвореніемъ. Во вѣдомъ случаѣ это описаніе Розы, если допустить, что сообщеніе Пущина вѣрно, не слѣдуетъ смѣшивать съ стихотвореніемъ «Роза», которое относится къ 1815 году.

8. О. Делія драгая.

Шено.

Это мнѣмъ-первое стихотвореніе, которымъ всета открываютъ собраніи сочиненій Пушкина, вѣлко не вполнѣ принадлежать ему. Пушкинъ только набросалъ его, а отбѣдалъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, другой лицейскій поэтъ — Паличевскій. Въ изданное имъ самимъ собраніе мелкихъ стихотвореній (Сбв. 1826) Пушкинъ слабое ураженіе свое не включилъ. Найденное въ его бумагахъ, оно появилось только въ IV томѣ посмертнаго изданія (Сбв. 1841, стр. 297, 298), стѣбъ подъ произвольнымъ заглавіемъ «Къ Делія» было напечатано съ полнѣмъ искаженіемъ первой, т. е. какъ развѣ вполнѣ Пушкинскою строфы. Были опущены 3 и 4 строки, и потому нельзя понять, о какомъ Аргусѣ рѣчь. Тѣмъ же менѣе стихотвореніе въ томъ-же искаженномъ видѣ перешло въ Анненковское изданіе 1855 г. и въ Генштабское изданіе 1859 г.

Уже Анненковъ т. II, стр. 227 отнесъ «Къ Делія» къ разряду стихотвореній, на которыхъ «подробнѣе лежить», Гаевскій въ своей замѣчательной статьѣ «Пушкинъ въ лицей» «Современникъ» 1863, № 7, стр. 158 со словъ лицейскихъ товарищей поэта такъ слѣвующую дѣшную справку:

Первая стихотворная попытка Пушкина доказываетъ, что онъ не безъ труда овладѣлъ русскими оборотами и версификаціей. Мы имѣемъ первое стихотвореніе его Къ Делія, отнесенное дѣшными къ стихотвореніямъ нечлѣвѣскимъ, только, по которое есть отнюдь не его первая попытка, писанная въ 1812 г. Принадлежность поэта Пушкину не безъ нѣкотораго основанія дѣшотворна т. Анненковамъ, тѣмъ болѣе, что оно начертано по вѣдѣ изданыхъ съ пропускомъ двухъ стиховъ первой строфы и искаженіемъ смысла. Но такъ какъ тогдашняя его рукопись, писанная окончательно только первую строфу, по не могъ слѣзти съ бума трудами и оставить стихотвореніе неоконченнымъ. Паличевскій, какъ развѣ вѣдуютъ о немъ дѣи, товарищи обомъ поэтовъ, поимѣнъ брошенны Пушкинымъ, списокъ и дѣшныя стихотворенія. Дальше Гаевскій припомятъ нечлѣвѣскимъ по рукописи Паличевскаго текстъ. Перваго качества этой вѣши частью развѣ вѣдуютъ въ лицей на па толосу съ дѣшотрой на мушкету, сообщеніемъ Корсаковымъ.

Слѣдствѣнно лицейскихъ товарищей оказалось безудовно дѣшнымъ, и этимъ характеруется достоверность и дружна свидѣній, которая влѣзаетъ статью Гаевского самымъ важнымъ источникомъ для изученія лицейскаго періода. Отыскался тотъ

Декоративное окно Вито (Witau).

8. О, Делія драгая.}

О, Делія прятан!
Сивни, мол краса!
Звѣзда любви златан
Взошла на небеса.

Безмолвно мѣлцу показался
Сивни, твой Аргусъ увидѣлъ.
И тронулъ сонъ его глаза.

Ночь свѣтло позлащеню
Дубравою тишиною
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны

Журчить съ улыбой Филомелой,
Готовъ любви принять веселой
И блескомъ освѣденъ души.

Накинуть ночи свѣи
Покрою намъ свои
И дремать рожденъ свѣи
И быстро часъ любви

Делить — я не вѣсткою желаньемъ;
Сивни, о Делія, свиданьемъ,
Намъ въ объятія мои!

9. Делія.

Ты ль перече мною,
Делія моя?
Раздучень съ тобою
Сколько плакать я!
Ты ль перече мною,
Пли сонъ мечтаю
Ободетиль меня?

Ты удвала ль друга?
Онь не то, что бѣла:
Но тебя, покруга!
Все жь не позабывъ
И твердить улымой:
Я любимъ ли милою,
Какъ, бывало, бываю?

Что теперь сравнится
Съ волею моею?
Вотъ следъ кажется
Но щель твою
Делія свиданья...
Что теперь сравнится
Съ волею моею?

самый листокъ, который бросилъ Пушкинъ и который былъ подобранъ Плещинскимъ. Факсимиле его дѣтъ приложено. Но непонятной, не знаемъ какъ и изрядиться, оплошности, что-ли, платялецъ этого перекато и весьма замѣчательнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ автографа Пушкина — покойный академикъ Я. К. Гротъ подарилъ его Чешскому музею въ Прагѣ.

Автографъ былъ уже разв воспроизведенъ проф. В. А. Францевымъ въ «Извѣстіяхъ книжнаго магазина М. О. Вольфа» 1899, № 6, но для настоящаго изданія, при любезномъ содѣйствіи того-же проф. Францева, снова была снята фотография съ подлинника.

Весь нецензурный автографъ въ высшей степени поучителенъ, какъ предвѣщанію яркое проявленіе той необузданной пидальности, съ которою Пушкинъ отдавала свои произведенія съ первыхъ-же шаговъ на литературномъ поприщѣ. Притъ нами настоящія «муки слова», свидетельствующія о томъ, съ какою серьезностью 12-лѣтній мальчикъ относился къ своимъ поэтическимъ замысламъ. Замѣчательно и почеркъ, въ которомъ и въ и слѣва дѣтскости. Это почеркъ шлоливъ взрослою челоювка и притомъ привычкаю писать очень много.

И въ самомъ содержаніи и въ ничто дѣтскаго. Слабо-же оно по формѣ, по ливной пидуманности и по отсутствію всякаго индивидуальнаго элемента. Юнкъ поэтъ псконичительно переиавлялъ частью Тибала, у котораго даимствовано имя возлюбленной Делія, частью Парри и друныхъ столь хорошо ему извѣстныхъ еще по отцовской библіотекѣ французскихъ эротиковъ. П. А. Ефремовъ, относится скептически къ мнѣнію М. П. Маикова, что общій характеръ стиховъ преній, а также аниміе имя Делія предположить уже знакомство автора шесты съ дѣтскими лириками Горациемъ, Тибулломъ и съ нѣкими французскими попражателями въ роѣ Парри. Ему кажется мало ибровизма въ знакомство Пушкина съ дѣтскими классиками на второмъ гоѣ курсѣ. Но сто и Маикокъ и думалъ говорить о знакомствѣ съ подлинникомъ. Пушкинъ могъ познакомиться съ Тибулломъ и Горациемъ по французскимъ переводамъ, даимчиво снабженнымъ къ тому же эротическими драверами. Имя Делія Пушкинъ могъ заимствовать и изъ Ватиканскаго перевода П. Делія Тибулды, напечатанной въ Вѣст. Европы 1809 г., № 23.

Гарскій предполагаетъ, что «онъ стихи на

поминантъ слѣдующія изъ посланія Жуковскаго къ Батюшкочу въ 1810 г.

Делія-ли вѣтерокъ
Отъ тремлающей рощи
Наи покровлю въ ночи,
Объщамъ потоку
Въ водахъ ливлей тѣби
Неизвѣданныхъ береговъ
И тихихъ рощей тѣби
И дѣтскихъ рать холмовъ.

Померкнутыя слова, дѣйствительно, частью навѣяны, частью дѣтскимъ взяты у Жуковскаго; но, какъ указалъ Маикокъ, посланіе Жуковскаго написано не въ 1810 а въ маѣ 1812 г. и въ печати появилось только въ «Вѣст. Европы» 1813 г. Между тѣмъ самъ-же Гавскій относитъ стихотвореніе къ 1812 г.

Къ этому мнѣто фактическому указанію можно прибавить, что трудно допустить тутъ вліяніе посланія Жуковскаго и по внутреннимъ причинамъ. Необыкновенно и весьма серьезное по тону посланіе Жуковскаго представляеть собою пространное обсужденіе вопроса о задачь поэзии, и трудно психологически допустить, чтобы основной серьезный тонъ посланія могъ быть источникомъ зарожденія шриной шестки. Главнымъ источникомъ является тутъ, по всей вѣроятности, все тотъ-же Парри, властитель думъ юнаго Пушкина. «Хотя и не встрѣчается», — говоритъ П. А. Ефремовъ, — у Парри цѣлаго такого-же стихотворенія, но многія напоминають его отѣльными стихами, въ которыхъ есть и удаленіея Аргуса и даже, вѣрно, стихъ «Le sommeil a touché les yeux — И тронулъ сонъ его глаза. Les tableaux, III».

Интересна параллель съ приведеннымъ Ефремовымъ стихотвореніемъ къ Цертелеву «Призваніе».

Прии, о Делія! условныя часъ настали;
Волновою стелется туманъ среди волны;
Вотъ на краю небесъ багряный мѣсяцъ
всталъ,
И черна тѣнь отъ горы упала на равнина,
Все смолкло — и тѣсокъ таюу усы повторять
Послѣдній, громкой звуку, нагустящей
свербля,
Дѣсокъ, тѣбѣ столько раскъ мнѣ отъ востор-
говъ мѣлымъ,
Тѣбѣ въ пидѣлеленіяхъ и пошамъ зѣръ
открылъ,
Дѣсокъ, отарованыя предѣстными мечтаниямъ,
Мы забывали все — струится отъи въ крови,
Въ беззвучномъ углѣ смыкалася устами,

И тихо издаться влохъ счастьемъ любви!
Сбѣжи къ блаженству вноха, блаженство
быстротенно!
Восторгъ съ нашею сокровится веною,
И старость скучная, покрашится непри-
нятною.
Веселе и любовь оттошнѣ прельз влохой!

Сходство съ стихотвореніемъ Пушкина огромное. А между тѣмъ о подражаніи и рѣчи не можетъ быть. Стихотвореніе Чертелева хотя и напечатано въ «Благонамбринномъ» 1820 г., но въѣтъ написаннаго Пушкинымъ и Плишевскимъ шедеза появилось въ печати только въ 1841 г. Объяснение же въ томъ, что и у Пушкина и у Чертелева прельз нами изданный трафаретный дама французской лирики XVIII вѣка съ ея разнообразными приемами.

Сопоставленіе Пракскаго автографа со спискомъ Плишевскаго даетъ много различій. О попыткахъ дешифрированія и о другихъ вариантахъ см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Мы даемъ текстъ по списку Плишевскаго, но придерживаемся автографа, гдѣ никакого различія въѣтъ, озаглаживаемъ стихотвореніе первыми стихами.

9 Делія.

Это стихотвореніе, справедливо исключенное Пушкинымъ изъ изданныхъ имъ самымъ собраній стихотвореній, какъ и предыдущее появилось только въ IX томовительномъ томѣ посмертнаго изданія Сиб. 1841, стр. 295—296. Сколько-нибудь точнымъ указаніемъ, когда «Делія» написана въѣтъ. Помертвое изданіе просто его относить къ «Лиценскимъ стихотвореніемъ». Аппенковъ и Геншанъ къ «Стихотвореніемъ неперѣбныхъ годовъ». Ефремовъ въ изд. 1880 г. первый сталъ приписывать «Делю» къ 1812 г., а между тѣмъ самъ же въ послѣднемъ своемъ изданіи 1905 прошедеши говоритъ:

«... оно появилось въ 1812 г. впервые въ первомъ изданіи Пушкина, только по указанію Гаевского, рѣшительно невѣдному, не доисследованному, оно относится къ изданнымъ имъ стихотвореніемъ неперѣбныхъ годовъ», говоритъ онъ, — «но это есть оманъ изъ первого изданія, гдѣ онъ изданъ въѣтъ въ 1812 году». Вотъ и все основаніе!

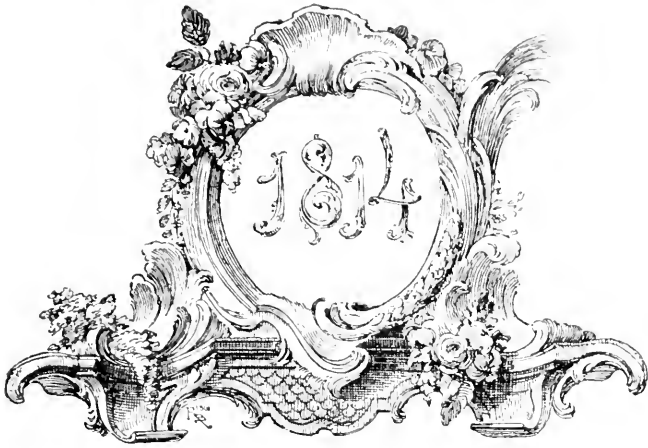
Гдѣ произошло историческое. Въ цитированномъ Ефремовымъ мѣстѣ Гаевскій

говоритъ не о Деліи, а о «Къ Деліи», т. е. о томъ стихотвореніи, которое теперь печатается подъ заглавіемъ «Нѣтъ!» а въ настоящемъ изданіи озаглавлено «О Деліи трагая». Такимъ образомъ отношеніе къ 1812 году всецѣло принадлежитъ Н. А. Ефремову.

По существу, однако, думается, что почетный издатель быть правъ, когда относить «Делю» къ 1812 г. Правда, намъ представляется невѣрной коротенькая мотивировка Майкова: «время написанія опредѣляется по сроку времени съ предшествующею». Н. О. Морозовъ, соглашаясь съ Майковымъ, относитъ стихотвореніе къ 1812 г. «на основаніи сходства съ предыдущею песнею». Нельзя никакъ съ этимъ согласиться; ни сротства, ни сходства гдѣтъ никакого въѣтъ. «Делія» всецѣло относится къ области сдѣдливаго сентиментализма. «О Деліи трагая» полна страстнаго эротизма. Но все таки, гдѣтъ есть и въѣтъ общее. Свѣдующимъ дневномъ является къ знакомъ сдѣдѣмъ имъ Деліи, которое *больше у Пушкина итъ и: вострышится*. Это съ психологической точки зрѣнія итъ имѣть несомнѣнное значеніе. Художественное творчество облаковенно итъ полосами, и это относится не только къ дѣльямъ настроеніемъ, но и къ тѣмъ мѣдочамъ, изъ которыхъ является настроеніе: тому или другому факту, мѣбности, наконецъ просто имени. Простая-ли случайность, что оба героя «Евгенія Онегина», начатаго въ эпоху романтизма, получили свои искусственно-звучащія фамиліи по именамъ сѣверныхъ рѣкъ Онеги и Делы, а герои позднѣйшихъ, всецѣло жизненныхъ произведеній, носятъ фамиліи бытовья, русскія: Гриневъ, Дубровский, Троекуровъ?

Измѣны.

Вѣтъ изданій, написанія послѣдъ появленія извѣстной намъ статьи Гаевского, въ томъ числѣ и академическое, относить, основываясь на этой статьѣ, къ 1812 году стихотвореніе «Нѣтъ!». Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться и относимъ «Нѣтъ!» къ 1815 г. Въ примечаніяхъ къ стихотвореніемъ 1815 г. мы приведемъ свои доводи и укажемъ на шаткость доводовъ Гаевского.

12. Къ другу стихотворцу.

Архистъ! и ты въ толихъ служителей Пархисса!
Ты хочешь освидать упрямого Пегаса:
За лаврами сивинишь опасною степей,
И съ строгой критикою вступаешь смело въ бой!

Архистъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернила,
Забудь румы, лиса, ушьяны могилы,
Въ холодныхъ лисенкахъ любовью не шалай:
Чтобъ не слѣдить съ горы, скорѣе видишь ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ:
Нужь намечатають и цѣлой свѣтъ забудеть,
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалась
И съ главою мудрою навѣкъ соединясь,
Ночь съвѣю мирною Минервиной эгиды *,
Сокрывать друтой отецъ второй Телемахиды,
Страшней участи безмысленныхъ пивцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ вознхъхъ нашъ поэтамъ справедлива:
Еа Ницѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива,
Страшней безделави! — Что, естли Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты поедъ на Геллконъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ курчивой головою,
Твой гений паравить счастливой дозою?

Но что? Ты умришься и отвѣчать готовъ:
«Пожадуи», скажешь мнѣ, «не грати издвинхъ словъ»:
Когда на что рбнхъсь, ужъ я не отстаю,
— И знаи, мой жребий палъ, я лиру избираю,
«Пусть судить обо мнѣ, какъ хочеть, цѣлой свѣтъ»:
Сернись, кричи, бранись — а я таки поеть.

* Г. е. въ школѣ.

10. Романъ «Цыганъ».

Отъ 1813 г. не сохранилось никакихъ стихотвореній Пушкина. Всего вброшено, что они просто затерялись. Но возможно, что Пушкинъ былъ отвлеченъ производческими работами. На это есть опрѣделенныя указанія Гаевскій сообщаетъ, что по рассказамъ товарищей Пушкина, онъ въ первое на годъ лиценской жизни на-

писалъ романъ Цыганъ и вмѣстѣ съ М. А. Яковлевыми комедію

11. Такъ водится на свѣтѣ.

предназначенную для томашнаго театра», «Современникъ» 1863, № 7, стр. 155. Ни отъ романа, ни отъ комедіи ничего не сохранилось.

С. Венгерофъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1814 ГОДА.

12. Къ другу стихотворцу.

Время созданія этой пьесы — первое января 1814 г.: въ апрѣлѣ она уже была въ редакціи «Вѣстника Европы». О появленіи ея въ печати бібліографъ С. Д. Подторачкинъ далъ П. В. Анненкову интересныя свѣдѣнія. Произведеніе, съ которымъ Пушкинъ въ *первой разѣ* выступилъ въ печати появилось въ свѣтъ въ субботу, 4 іюля 1814 г., въ № 13 «Вѣстника Европы» ч. LXXVI, стр. 9—12. Издатель «Вѣстника Европы» — В. В. Измаиловъ — держалъ его съ апрѣля и не хотѣлъ печатать, такъ какъ не зналъ имени автора. Въ 8 № «Вѣстника Европы» ч. LXXIV, стр. 324, было помѣщено слѣдующее извѣщеніе: «Отъ издателя: Просимъ соизнителя приложенной къ «Вѣстникъ Европы» пьесы, пощадимъ. Къ другу стихотворцу, какъ въ двухъ другихъ сочиненіяхъ, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себя закономъ: не печатать двухъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но съѣмемъ убраться, что мы не употребимъ во зло право издателя и не отворимъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики». В. П. Гаевскій высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что авторство Пушкинъ въ печати невольно, и что стихотвореніе было отыскано въ журналѣ товарищами бѣды его года. Въ 1815 г. онъ писалъ въ послѣдніи Къ Денизю:

Предстелъ пруду
Вѣчное твореніе
Украшай въ торчѣ шпоты
И вѣсть усмиренна
Именно предать.

В. Гаевскій, «Пушкинъ въ лицѣхъ и лицейскія его стихотворенія», «Современникъ» 1863 г., июль, 162.

Пушкину не было еще пятнадцати лѣтъ, когда онъ написалъ посланіе «Къ другу стихотворцу». Принадлежитъ еще къ отроческому періоду его творчества, оно, конечно, заключаетъ въ себѣ элементы подражательности. Какъ замѣтилъ В. П. Гаевскій, оно напоминаетъ посланіе Батюшкова — П. М. Муравьеву—Амостоду». Подражаніе же двумъ посланіямъ дяди автора, В. А. Пушкина, Къ В. А. Жуковскому и «Къ князю П. А. Вяземскому» совершенно очевидно. Въ первомъ изъ нихъ тоже говорится о плохомъ поэтѣ Аристе:

Аристе душою добръ, но авторъ онъ дурной.

Дядя писалъ:

Горади, Ювеналъ, Саллюстіи, Фукицидъ
Знакома стаи намъ, и къ вѣщій славѣ
Россіи,

На младомъ свѣрѣхъ родился Ломоносовъ!
На дурѣ дозотѣ Державинъ подремьблѣ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ
воспѣлѣ.

У племянника читаемъ:

... Дмитриевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Шивца безсмертныя, и честь, и слава Рос-
совъ,
Писають драмы умъ и вѣдѣть умать насъ.

Племянникъ высказываетъ мысль:

Быть слышамъ хорошо, споконимъ—лучше
вѣное.

Дядя мысль раньше высказалъ дядя:

Пусть дозотъ тамъ стихи пѣтныя рѣкой,
Штъ пуклы, мѣтъ всего доведѣтъ покон.

Аристы, не толь поэтъ, кто риома плещь умбеть,
 И перьями скрания, бумагаи не жалбеть;
 Хороше стихи не такъ легко писать,
 Какъ Витгенштейну Французовъ поблажать,
 Межь тѣмъ какъ Дмитріевъ, Деражавинъ, Ломоносовъ,
 Шиды безмертные, и честь, и слава Россовъ,
 Пишуть здравой умъ и умбеть умать насъ,
 Сколь много гибнеть книгъ, на свѣтъ сви ровсъ!
 Творенья тронкія Риоматова, Графова,
 Съ тяжелымъ Вибрусомъ сплють у Глазунова;
 Никто не вспомнить ихъ, не станутъ влдоръ читать,
 И Фебова на шухъ проклятія печатъ.

Положимъ, что на Ниццѣ взбравшись щастливо,
 Подомъ можешь ты назваться справедливо;
 Вебъ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтуть,
 Но минше ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
 За то что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
 Что ты уже берешь на откупъ Государства,
 Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хорошишь,
 И лежа на боку, покойно вши и сплншь?
 Не такъ, любезной другъ, писатели богаты;
 Судьбой нѣмъ не даны ни мраморны палаты,
 Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки;
 Дачушка потъ земель, высоки чердаки —
 Вошь пышны нѣ дворы, великолѣпны залы,
 Поэтовъ шважать вебъ, читають — лишь журналы;
 Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
 Рожденъ вагъ — и вагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
 Камеешь съ нищими постелью раздѣляеть;
 Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираеть,
 Руками мужьями могилъ преданъ оны;
 Ниъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумаешъ немного,
 «Да что же», говоришь, «суди о вебъ такъ строго,
 «Перебирая все, какъ повай Ювеналь,
 «Ты о Поэти со мною толковалъ;
 «А самъ, поссорившись съ Парнасскими сестрами,
 «Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
 «Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты нѣтъ нѣтъ?»

Аристы, безъ дальнихъ словъ, потъ мой тебѣ отбѣтъ:
 Въ деревнѣ, поминше, съ мирянами простыми,
 Священникъ пожлой и съ кудрями сѣдыми,
 Въ миру съ софѣями, въ чести, доводствѣ жалъ
 И первымъ мудрецомъ у вебъ издавна слылъ,
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, потъ вечеръ, оны шелъ немного пьянымъ;
 Повадился ему настрѣчу мужика;
 «Послушай, Батюшка», сказати простика,
 «Настави грѣшныхъ насъ — ты нѣтъ вѣдь запрещаешь,
 «Быть презвѣямъ всякому всегда повѣдываешь,
 «И вѣрныи мы тебѣ: да что жъ сего-дня самъ...»
 «Послушайте», сказаль Священникъ мужикамъ,
 «Какъ въ деревнѣ насъ умъ, такъ вы и поступаите,
 Живите хорошо, а мнѣ — не попражайте».

Упоминание о книжкѣ давѣ Елазунова, въ гнѣзѣ творенія Графомъ, Бибруса и Риоматова, замѣчено у Батюшкова, въ пародіи Шведъ въ бесѣдѣ славяногородскѣ :

Друзья, большой бобать отцовъ,
За давку Елазуновъ!
Тамъ царство вѣное стиховъ,
Шуматова дихова.

Мысль посланія «Къ другу стихотворцу», необходимо замѣтить, гораздо шире замысла В. А. Пушкина, касающагося въ немъ указанныхъ выше писемъ только отношеній между двумя тогдашними, представившимися жестокой полемикѣ литературными партиями «бесѣдниковъ», сторонниковъ А. С. Пушкина, и карадзинистовъ см. выше статья «Бесѣда и Армамакъ». Правда, бесѣдники даѣты и молодымъ поэтомъ, но лишь несколько, небрежно. Сквозь шумливый тонъ, почти проглядываетъ серьезное, благоговѣнное отношеніе къ искусству и созданию его высокого значенія. Какъ справедливо замѣчаетъ Л. П. Волыновъ, свои эротическіе опыты онъ писать уже съ чувствомъ насильственной страха, почти пошлостью, безвкусицею и пустоловиемъ. Мальчикъ-поэтъ уже знаетъ, что поэтася жизнь истиннаго художника — страсть, горестей, гремяща слава, сонъ, что не токъ поэтъ, кто рьяно писать амбеть, и что «хорошіе стихи не такъ легко писать». Л. П. Машиковъ находить, что стихотвореніе могло быть обращено къ лиценскому товарищу В. К. Кюхельбекеру, первые опыты котораго называли въ лицѣ общія пасмвники. Въ подобнахъ предложеніяхъ нѣтъ никакой надобности: посланіе просто советъ великому начинающему стихотворцу, лишнему поэтическому таракану. Съ естественной долей, оказавшейся на Геликонѣ бездарнаго виршенлета, мы встречаемся въ известной анграммѣ В. А. Пушкина: Какон то стихотворецъ...

Однимъ Пушкина о различнахъ податяхъ, важна для характеристики его литературнаго вкуса и жизни. Поэтъ Риоматова мымо разумѣется знаетъ Сергій Алексанровичъ Ширинскій Шуматовскъ 1783—1837, весьма посредственный поэтъ, нападѣнный и колоколарникъ. О немъ см. погробице въ примѣчаніяхъ къ анграммѣ на него.

«Графомъ» — знаменитый графоманъ графъ С. П. Хрустковъ о немъ см. особую статью.

«Бибрусъ» — Сергій Семеновичъ Бобровъ, род. въ конѣ 1760 г., умеръ 1810 г., тоже плохой стихотворецъ мистическаго направленія. «Старикъ» уважалъ его, но карадзинисты его не щадили. «Бибрусомъ» отъ глагола bibere прозвали его за страсть къ вину. Батюшковъ въ своемъ Видѣніи на берегахъ Леты, 1809 г., называетъ его «виноноснымъ гениемъ». Онъ былъ еще высокопарибѣ и нападѣннѣ Ширинскаго-Шуматова. О его науточнѣ и густотѣ можно дать понятіе оти заглавія его огромныхъ книгъ, потому-то Пушкинъ и называлъ его «лижемямъ»: «Разсѣять пошлочи, или содержаніе славы, торжества и мудрости порфиросныхъ, броненосныхъ и мирныхъ гениевъ Россіи, съ послѣдованіемъ дидактическихъ, эротическихъ и другихъ разнаго рода въ стихахъ и прозѣ оныхъ», или: Пгры важной Полемикой, забавной Каллионой и вѣжливой Эраты, или занимательные часы для души и сердца относительно священнахъ и другихъ дидактическихъ ивней съ вѣкоторыми эротическими чертами и домашними жертвами мушкетованій». Надъ Бобровымъ издѣвался П. П. Сумароковъ (1765—1814), пародировавшій его манеру въ «Отъ въ громко-вѣжливно-повомъ вкусѣ». А. П. Радщевъ съ пасмвникомъ упоминаетъ о немъ въ своей поэмѣ «Бова». Въ конѣ «Бахчисарайскаго Фонтана» есть одинъ стихъ, который Пушкинъ «украсть» у Боброва, какъ писать онъ князю П. А. Вяземскому въ ноябрѣ 1823 года. О Бобровѣ см. въ примѣчаніяхъ къ «Бахчисарайскому Фонтану».

Ермилъ Ивановичъ Костровъ (1749—1796) — переводчикъ Гомера и Мафферсоновскія Шелин Оссиана; конечно, по его переводу Пушкинъ «считать охотно Анудея» «Золотой осель». Въ отнош. или записанныхъ Пушкинымъ Александромъ мы встречаемъ разсказъ оторгой независимости безумнаго Кострова, да которымъ великій поэтъ призывалъ несомнѣнный талантъ.

Въ «Рамаковѣ» трудно видѣть писателя П. П. Макарова, относящагося съ сочувствіемъ къ Карадзину, на сторонѣ котораго былъ Пушкинъ. Весьма вѣроятно мнѣніе П. О. Морозова, что это анаграмма шумошатаго имени: Макаровъ, т. е. децзора, «мараюшата»: руюшиси.

Н. Лернеръ.

Текстъ «Къ другу стихотворцу» написанъ нами, съ соблюденіемъ орфографіи, по «Вѣстнику Европы» 1814 г. Объ оти-

И мнѣ то самое пришлось отбывать:
 Я не хочу себя ни мало оправдать:
 Щастливъ, кто ко стихамъ не чувствуетъ охоты,
 Проводить тихой вѣсѣль бѣды, бѣды, работы,
 Своими одами журналистовъ не тягчить,
 И надъ эссеями петляи не спити!
 Не добить оны гульи по высотамъ Парнасса,
 Не ищеть чистыхъ Музъ, ни пылкаго Пегаса:
 Его съ перомъ въ рукѣ Рамаковъ не страшить:
 Спокоенъ, веселъ оны, Аристъ, оны не шить!

Но полно разсуждать боюсь тебѣ накутить,
 И сатирическимъ перомъ тебѣ замучить.
 Теперь, любезной другъ, я даль тебѣ совѣтъ,
 Оставши ли свирѣль, умолкнешь, или шить?..
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ, хорошо, спокойнымъ, думше идное.

Александръ Н. в. ш. л.

ФЕБЪ-АПОЛЛОНЪ.

Изъ иллюстрацій Эйзена (Eisen) въ гравюжественномъ изданіи Овидія (Парижъ, 1757).

члѣмъ этого текста отъ принятаго другими издателями см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Зѣль-же отмѣнимъ нѣкоторыя измѣненія общій интересъ подробности цензуры «забыта», которую пришлось вести редактору перваго научнаго изданія — Анненкову въ 1854 г. То было апогей страшной реакціи 1848—1855 гг., и въ частности апош «цензурнаго террора», какъ она была охарактеризована въ официальной запискѣ 1862 г. Принимая самыя серьезныя образцы толковать, что въ стихахъ «Талисмана»

Въ перещѣ таинствъ, въ щель топеша
Читаль я слагодостивый коранъ.

Пушкинъ «не имѣлъ нѣсколько намѣреній показывать слагодостивый коранъ»: пришлось по поводу стиховъ

Мои неопытнѣеи разсказъ,
Въ перещей кончили вѣкъ позриши,
Какъ Нивалитъ въ Календарѣ.

столь-же серьезно толковать, что авторъ говоритъ объ Нивалитѣ и Календарѣ не какъ объ издателяхъ академіи, а какъ о старыхъ газетахъ и «календаряхъ», не нужныхъ по окончаніи срока» и т. д.

Парфенъ Анненковъ, выиравалъ эту трагико-комическую «забыта», но болѣею желью терпѣли поразженіе. Въ частности по отношенію къ «Къ другу-стихотворцу» цензура 1814 года была снисходительнѣе, чѣмъ цензура 1854 года, и въ стихахъ 70 и 80 слово священникъ пришлось безмысленно дѣлать совершенно непотребнымъ въ данномъ случаѣ словомъ отшельникъ. А въ 81 стихѣ пришлось вовсе выбросить слово «въ перещѣ», благодаря чему доль стихъ напечатать съ уменьшеніемъ стои: Какъ . . . въкъ уму, такъ въ и пощуданіе.

Возможно, впрочемъ, Анненкову удалось излечь цензуру. Очк, по началу, въ 80 стихѣ слово отшельникъ набралъ курсивомъ, такъ что читатель предполагалъ, что тутъ что-то неладное. А сверхъ того въ примѣчаніяхъ ему благополучно удалось сказать: «Въ нашей редакціи употреблено слово отшельникъ въ отнош. стихѣ вмѣсто того, которое было въ журналѣ . . .». Вост. Евр., 1880 г., X: I и въ книгѣ Н. В. Анненкова и его друзей. Сиб., 1892, стр. 311—312.

Ред.

13. Къ сестрѣ.

Принадлежитъ къ тому періоду, когда поэтъ только что вступилъ въ отроческій возрастъ, шеса эта посылка на себѣ выиравія черта протракательности. У мальшика-поэта были свои «властители думъ», которыми онъ поклонялся, которымъ братья да образцы. Припоминаются стихи, которые писалъ въ томъ же 1814 году одинъ изъ его товарищей, А. Д. Пиличевскій, своему другу, въ отвѣтъ на его вопросъ, получаются ли въ Лицѣе вновь выходящія книги:

И можетъ ли ручей сребристой,
По свѣдому песку кати кристалль свой чистотъ
И тихую волноу даскасъ къ берегамъ,
Течъ безъ веточника по рокамъ и дугамъ?;
И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?;
И можетъ ли когти въ долинахъ дельны кедръ
А въ полѣ длакъ цвѣти безъ солнца и токъ?;
И можетъ ли поэтъ неопытнѣеи и юной,
Чуть-чутьъ брениа на лиръ тихострунной,
Не попразати другимъ?—Ахъ! никогда!

«Пушкинъ, его Лицѣйскіе товарищи и наставники», статьи и матеріалы Я. Грота, Сиб., 1899, стр. 61. Самая форма посланія «Къ сестрѣ», самый раздѣръ не оригинальны. «Посланія» были въ тѣ времена въ болѣею мѣтѣ въ сравненіи съ паскушными всѣмъ отами они имѣли еще то принужденіе, что представляли удобную почву для выраженія разнообразныхъ чувствъ и мыслей, допускали простоту слога и вообще претоставляли писателю довольно значительную свободу. Форма посланія, быстрая по темпу стиха и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяющая разгнущъ раздѣръ шессы, отличается значительной свободой, не въ примѣръ отъ съ ей строгими законами метра и стиха. Съ легкой руки Батюшкова, написаннаго въ 1811 г. трехстопнымъ ямбомъ посланіе къ В. А. Жуковскому и къ П. А. Вяземскому «Мои пенаты», которое явилось отыбнаго посланія Жуковскаго и Вяземскаго, и мало вѣдъ Пушкина, В. Л. Пушкину, новоль написать подобное посланіе къ Д. В. Дашкову, «посланія» стали очень популярной поэтической формою. Слѣва въ тѣхъ стихахъ стихотвореній, въ вѣтѣхъ ли прямомъ попражаніи, въ вѣтѣхъ ли реминисценціи, находится съ шесъ Пушкина. Посланіе «Мои пенаты» сначала хотило въ стихахъ, а въ 1814 г. было помѣщено въ первомъ томѣ сборника Николайскаго «Пантеонъ русской поэдіи». Въостѣвствіи Пушкинъ восмищала шесой Батюшкова и находилъ, что она «сы-

13. Къ сестрѣ.

Ты хочешь, другъ бездѣлной,
 Чтобъ я, поэль млатой,
 Бесѣдовать съ тобой;
 И съ дѣвою заблѣнной,
 Мечтами окрыленной,
 Оставилъ монастырь
 И край уединенной,
 Гдѣ непрерывный миръ
 Во мракѣ опустился,
 И въ пустынь гдѣхуой
 Безмолвно подарился
 Съ угрюмой тишиной!...

И быстрою стѣпкой
 На Певскій брегъ примчуся,
 Съ подругой обнимуся
 Весны моею златой,
 И какъ пѣвчець Любушлы,
 Мечты невольникъ милый,
 Возодеь поць огниъ кровь,
 Несу тебѣ не злато—
 Чернець я не богатой—
 Въ подарокъ *трихъ стиховъ*,
 Тайкомъ взодеь въ дивану,
 Хоть помощью пера,
 О, какъ тебя застаю,
 Любезная сестра!
 Чѣмъ сердце занимаешь
 Вечернею порой?
 Жаль-Жака ли читаешь,
 Жальлисъ ли предъ тобой?
 Или съ рѣзвямъ Гамилътопомъ
 Сбѣшься всею душой?
 Или съ Грессъ и Томсономъ
 Ты пренеслась мечтой
 Въ поля, гдѣ оць дубрава
 Вьоль вѣтъ вѣтерокъ,
 И шепчець дѣвъ кудравый,
 И мнѣтъ величавый
 Съ вершины горъ потоки?
 Или москву престарѣду,
 Въ подушкахъ посѣбѣду,
 Окутакъ въ длинну шаль
 И съ пѣвжностью дѣвѣя,
 Ты къ ней зовещ Морфея?
 Или смотришь къ темну талъ
 Задумчивой Свѣдланой
 Или шумною Цевой?
 Или звучимъ фортепьяно
 Поць бѣглою рукой
 Модарта оживляець?
 Или тома повторяець
 Пичини или Рамо?

Литтография, по семейному преданью, чрезвычайно полюбилъ на сестру Пуржкина въ ранней молодости. Принадлежитъ теперь супругу Ольги Сергеевны—Г. П. Павлову. Воспроизводится зовѣ въ первый разъ.

Но вотъ, ужъ я съ тобою,
 И въ радости пѣмой
 Твой другъ расцѣль душой,
 Какъ ясной вѣшней дѣнь,
 Забыты дни разлуки,
 Дни горести и скуки,
 Нечезла грусти тѣнь.

Но это лишь мечтанье!
 Увы, въ монастырѣ,
 При блѣдномъ свѣчѣ сѣнь,
 Одишь пишу къ сестрѣ,
 Все тихо къ мрачной кельѣ;
 Задема на дѣржавъ,
 Молчанье праць веселья
 И скука на часахъ!
 Скудь нехитъ, необитанъ,
 И шаткая постель,
 Сосудъ, водонъ палитый,
 Соломенная свирѣль
 Вотъ все, что предъ собою
 Я вижу пробужденъ,
 Фангалия, тобою
 Одишь я награжденъ!
 Тобою пренесенный
 Къ волшебной Пюскревь,
 И въ кельѣ я блаженъ!

шить какими-то мимическ. роскоши, юности и владениями: словъ такъ и трещеть, такъ и дуетъ гармонія очаровательная». Л. Мамонтовъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899, стр. 294. Подобно Жуковскому, общающемуся Батюшкову, «милому собрату», въ старомъ духе стиховъ», Пушкинъ обещаетъ сестрѣ такой же духъ стиховъ. Подобно Батюшкову и Вяземскому, Пушкинъ переименуетъ любимыхъ сестрою писателей. Описание убрания своей кельи Пушкинъ, несомненно, заимствовалъ изъ посланій Батюшкова и В. А. Пушкина. Стихъ молодого поэта очень pleasant. Нетаромъ Аштенковъ обратилъ вниманіе на «неправильный и смелый какъ-то дикій, текущій стихъ» этой пьесы. Действительно, простота и легкость, съ какою Пушкинъ усвоилъ себѣ граціозный батюшковскій стихъ, поразительны, особенно для такой ранней поры.

Своимъ посланіемъ «Къ сестрѣ», Пушкинъ, какъ видно изъ содержанія пьесы, уловилъ въ желаніе сестры знать, какъ ему живется въ Андеѣ, отбѣлнвъ поэтически-образно. Андеи онъ представилъ «монастыремъ», а себя молодымъ «чернецомъ», рвущимся изъ монастырскихъ стѣнъ на волю. Вѣдь значительнаго поэтического пруделенія поэтъ не могъ, конечно, изобразить паркоселскій Андеи, гдѣ жилось по-вольно шумно и свободно, какъ «край удивительный, гдѣ непрерывный мѣръ во мракѣ оупстелен, и въ пустынь глухой бездною воцарился съ угрюмой тишиной!». Слѣствие съ монастыремъ было радѣ въ томъ, что изъ Андеѣ по крайней мѣрѣ, въ первое время воспитанниковъ никуда не отускали. Гдѣ, что мы знаемъ о пребываніи Пушкина въ Андеѣ, показываетъ намъ веселая, бойкаго мальчика, потомъ юношу, окруженнаго гостями, рѣвыми товарищами, и слова «передъ полднѣ объ его ушахъ, вдохнуть и слышать отъ маинотъ вовсе не правнво», хоти и невинной экспанзіи. Вѣншій антропараметрическій матеріалъ пьесы, такимъ образомъ, довольно сомнителенъ, но вуду-решнн, т. е., мнѣ пьесы, долженъ оставаться на себѣ вниманіе критика и биографа. Страшная любовь къ литературѣ жила въ мальчикѣ по себѣ. Онъ мнѣ свое прижизненіе, поимѣивъ, что дѣлать ему творческая работа мнѣ не Фантасія, гдѣ-то отню и параклетика, что было бы со мною, вотни, съ я гдѣ-то! Грустная, личная строка за-канчиваются обычными у Пушкина, натура котораго не побѣла потому оставили бѣнся на немъ примиреніи и намъ мѣло-

ромъ мнѣ о предстоящей радости при свиданіи «разбитыи» съ любимой сестрою. Сестра, которая была старше поэта, еще была тогда для него авторитетомъ; время еще не ослабило ихъ взаимной гнѣской привязанности.

«Скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, что ты такое». У Пушкина повольно перфектнй пріемъ—характеризовать человека книгами, которыя онъ читаетъ. По названіямъ книгъ, которыми интересовалась сестра Пушкина, по именамъ композиторовъ, пьесы которыя она играла, по ея время-препровожденію, изображаемому поэтомъ, мы рисуемъ себѣ вѣнику недурную ср. калнне статью «Сестра Пушкина».

Поэтъ гостковалъ по рѣчному дому, гдѣ была «знакомъ съ суетою». Мы действительно знаемъ уже, что, по общему отзывамъ всѣхъ знавшихъ его семью, это были свѣтскій домъ, гдѣ все съ утра до вечера ходило хотило, всегда веселилось, и гостей было полнымъ полто.

«Пшвецъ Подмила»,— Жуковскій, авторъ баллады «Подмила», написанной въ подражаніе «Ленорѣ Бюера».

«Жанъ-Жакъ»—Руссо. Въ настоящемъ случаѣ, очевидно, какъ авторъ романа «Новая Элоиза».

Жанннсъ графиня Stephanie Felicité Ducrest de Saint Aubin marquise de Sillery, comtesse de Genlis (1746—1831) замечательная въ свое время француз. романтика и авторъ приторно-«приветливыхъ» повѣстей для дѣтей, чрезвычайно популярная у насъ въ концѣ 18 в. и началѣ 19-го.

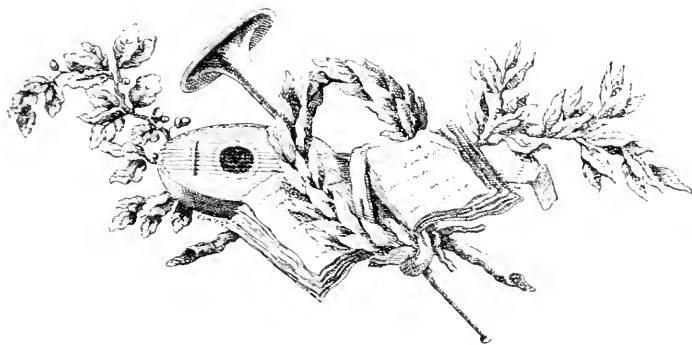
Грей Thomas Grey 1716—1771, знаменитый англійскій элегическій поэтъ, авторъ переведеннаго на русскій языкъ Жуковскимъ «Сельскаго кладбища»,—Томсонъ James Thomson, другой знаменитый англійскій поэтъ, авторъ поэмъ, изъ которыя лучшая «The Seasons» («Четыре времени года»). Жуковскій увлекался обоими поэтами, и Пушкинъ въ одномъ шуточномъ стихотвореніи послалъ «штабъ-капитану Гете, Греду, Томсону, Шиллеру» въ анбѣ одного Жуковского свой привѣтъ.

Рамо Jean-Philippe Rameau 1683—1764, французскій композиторъ, писалъ оперы и пьесы для клавишна; Пуччини Niccolò Piccini 1728—1800, итальянецъ, проаннши большую часть своей жизни во Франціи, писалъ оперы и сонаты. «Пучиннн пѣннть умѣлъ слухъ ислкъ парижанъ», говоритъ пушкинскій Салери «Модаръ и Салери».

Что было бы со мною,
 Божья, беды тебя?
 Знакомый съ суетою,
 Приятной для меня,
 Ужаснулся въ таль сурбою,
 Я вдругъ, въ глуму събавъ,
 Какъ Лета на брегавъ,
 Гобю похитенный
 Явился заключенный:
 И скрикнули врата,
 Сомкнувшись паво мною:
 И мира красота
 Отбавъ черной милою!...
 Съ твухъ поръ таву на сибя,
 Какъ удивль въ темница
 На яркй блескъ темница,
 Сибяно тир изонеть,
 Думъ кинеть позлащенной
 Сквозь узкое окно,
 По сердце поврачено
 Не радеть оно,
 Навъ подию дарю.

Какъ думъ на небесахъ
 Покрывать темнотою,
 Темнеть въ облакахъ
 Близъ кели встречаю
 Я сумрачную твю!...
 И влохомъ провожаю
 Скрывающийся тень!...
 Сквозь следъ смотрю въ ршетья,
 Перебирая мотки.

Но время протечеть,
 И съ каменныхъ пороги
 Падутъ, падутъ загора,
 И въ пашинъ Петроградъ
 Черезъ великы горы
 Ретивые примчатъ:
 Сибя на повоселье,
 Оставлю темну келью,
 Подъ сады свои:
 Ночь столь клубу съ веригонъ
 И прилечу разстритой
 Въ объятия твои!

По словамъ Л. П. Навлищева («Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 17), Пушкинъ переписалъ это посланіе на простой сѣрой бумагѣ въ пяти экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ остался отъ О. С. Навлищевой ему, Л. П. Навлищеву. Однако, автографъ неискрѣпленъ, и пьеса печатается по стѣпанной сестрою поэта и шари припадкующей Н. Я. Дашковой копіи, которую подковалъ Л. П. Машковъ. Первые пьеса была напечатана въ планшѣ Н. В. Анненкова, безъ пяти послѣднихъ, отброшенныхъ по декоративнымъ условіямъ стиховъ, которые были сообщены Е. П. Якушкинымъ въ «Библиографическую Записку» 1858 г., № 10, ст. 309. Пронхоженіе проблема послѣ 13 стиха нецѣлостно, 1.

Н. Лернеръ.

Антоній Гамильтонъ.

Во упомянутое въ посланіи къ сестрѣ писателю любимца Пушкина и его сестры восторженно извѣстны. Но для рѣшима Гамильтона, почти совершенно неслышно изъ литературной памяти, особенно въ Россіи. А между тѣмъ онъ несомнѣнно произвелъ сильное впечатлѣніе на юнаго Пушкина, разъ онъ его такъ извѣдывалъ. А кромѣ того оказывается, изъ нижеприведенной статьи, что Гамильтонъ оказалъ вѣднѣнное влияние и на Русскаго и Людвига. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ дать особую записку о Гамильтонѣ, которая, нѣтъ сомнѣній, главнымъ образомъ произведетъ впечатлѣніе на Пушкина не занисками герцога Граммона, а восточными сказками.

Ред.

Мемуары герцога де-Граммона считаются классическимъ образцомъ французскаго «репортъ» слетка напечатанаго и мѣлкого бѣды, любви, трагическаго, отмѣченнаго всѣми тонкими чувствами и талантомъ во всѣхъ смѣлостяхъ и восторженнаго описаній и повѣствованій. Однако, авторъ этихъ мемуаровъ, уроженецъ Великобританіи, потомукъ стариннаго шотландскаго рода, по отцу, принадлежъ по женской линіи, ему суждено было стать характернымъ вѣднѣтелемъ

французскую литературную идеологию въ «Мемуарахъ», а своими «Сказками» онъ внесъ въ французскую литературу чисто англійскія качества: зловѣщій юморъ, умѣніе помѣчать дабавное, свободу фантазіи, лишь рѣдко доходящую, однако, до грубой пародіи, свойственной его французскимъ современникамъ.

Этотъ писатель, сошннвшійся съ большимъ блескомъ характерная черта французовъ и англичанъ—самыхъ прогнвоположныхъ по духу двухъ націй—былъ Антоній Гамильтонъ.

Отець его, Джорджъ Гамильтонъ, былъ внукъ герцога Гамильтона, получившаго во Франціи титулъ герцога Шателера. Связи съ Франціей у Гамильтоновъ были старинныя. Мать будущаго писателя, уроженная Бутлеръ, была ирландка, сестра герцога Ормонда, вице-короля Ирландіи. Примѣсно ирландской крови и объясняется перероженіе Гамильтона въ французскаго писателя. Въ ирландцахъ есть много общаго съ французами. Англосаксонскій чистоты крови не могъ бы стать характернымъ представителемъ романской литературы.

Дѣтство Антонія Гамильтона протекло во Франціи, куда родители его бѣжали послѣ казни Карла I. Они жили въ Каибѣ, въ Нормантіи, и очень бѣдствовали, пока жена герцога Ормонда не повела въ Анлію хлопотать за нинь у Кромвеля. Когда на тронѣ вступилъ Карлъ II, семья Гамильтоновъ смогла вернуться на родину (1660), и юность Антонія Гамильтона прошла при дворѣ Карла II, гдѣ царилъ французское деткомисіе и французская вѣднѣность нравовъ. Антоній Гамильтонъ оставался въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Франціей: онъ часто вѣднѣлъ туда то-стнть къ своей сестрѣ, знаменитой красавицѣ Гамильтонъ. Она блистала при дворѣ Карла II и вышла замужъ за герцога де Граммона. При дворѣ Карла II Антоній Гамильтонъ не могъ сдѣлать карьеры, такъ какъ парламентъ не подвозилъ королю покровительствоваць католикамъ. Поэтому, съ разрѣшенія короля, Антоній поступилъ на службу къ Людовику XIV. Въ французской арміи служили уже три его старинныхъ брата, изъ которыхъ одинъ, Джорджъ, командовалъ имъ же составленнымъ англійскимъ полкомъ.

Когда на англійскій престолъ вступилъ Іаковъ II, возстановившій католическій режимъ, Гамильтонъ покинулъ Францію и вернулся на родину. Ему вскорѣ дали

1. О нѣкоторыхъ очень любопытныхъ отличіяхъ этого текста отъ текста Машкова см. въ концѣ тома статьи «Исторія Пушкинскаго текста». Отсюда выводится также то, что мы пригласились ориентировать Пушкинскаго преміи.

Ред.

поки в Прании, назначили его губернатором одного из крупнейших прантских городов, Америка. В 1686 году он стал получать большую пенсию *кабейота*, заровавшимся ему пшудом *privy counselor*, так что снова как бы окончательно укрывался на родину. Но послэ патенту Антона II, Антоин, кабейот со своим братом Ричардом, тоже служившим в Прании, должны были последовать за королем в изгнание.

Дальнейшая жизнь Антоиня Гамильтона протекала без ярких внешних событий в скудной обстановке Сень Жерменского двора, резиденции правящего короля. Лучшими друзьями Гамильтона были там герцоги Бервик, незаконный сын Якова II, французской воины английского происхождения, его жена и сестра, двинца Болкли, о которых часто упоминается в письмах Гамильтона. На одной из них, Гегриетт, Гамильтон хотел жениться; но оба они были без средств и оба любили роскошь, так что брак этот не состоялся из-за разладов.

Образ жизни в Сень Жермен и пробуло в Гамильтон его литературный талант. Он сочинял стихи и послания на разные случаи прицворной жизни, а потому захотел выебить увлечение прицворных дам поэтиками арабских сказок и стал писать народи на них, «plus arabes qu'en Arabie». Так возникли его сказки подобно «Донь-Кихоту», задуманному как народи на рядаректе романа. Но он, быть может, остался бы незамеченым современниками Гамильтона, если бы автор их не представил другим произведением — мемуарами своего шурина, герцога Граммоня. Мемуары были задуманы около 1704 года, причем Гамильтон взял на себя скромную роль секретаря, записывающего воспоминания доблестного и жилагерозного герцога. На самом деле, однако, герцогу дал Гамильтону только фактически материал, своим частыми разекадами о прошлом, а Гамильтон, дополнив его своим собственным знанием двора Карла II, создал самостоятельное, истинно художественное произведение.

В старости Гамильтон стал благочестив, — как большинство людей его времени и его круга. Он умер в 1720 году — вовсе не безбожником, каким Вольтер представлял его в изветных стихах в Temple du goût:

Après avoir vu l'homme et le dieu,
Toujours d'un air saint et d'un air pieux,
Mède et de l'humanité espère
Et même d'un peu d'homme encore.

Душевные разлады были неминуемы в условиях, определявших жизнь Гамильтона. Он воспитался и жил в среде, которая принакала единственным священным делом чести — служение королю и родине. Но у него оказалась другая родина, на короля. Вследствие этого патриотизм как-то незаметно перешел в воинский парьеризм, а служение национальным интересам свелось к верности монархическому принципу. Все это роговым образом породило скептицизм и холод в душе англичанина, служившего в французской армии, командовавшего потом полком в Прании, с тем, чтобы снова вернуться во Францию. И преданность королевскому делу тоже веда Гамильтона шуми противоположными духами. При Карле II легкость нравов была законом прицворной жизни. Сень-Жерменский двор Якова II был, напротив того, царством святости. Гамильтон почитился правдами и тою и другою двора. Друге ритом с ним длались пошлыми царствованиями при таких условиях, а Гамильтона спасал его талант. Обстоятельства выработали в нем определенное мироозерание, а благодаря своему художественному таланту, он смог воплотить его в наиболее соответственной форме. Истинные устои жизни потеряли для него цену. Он изобрел в них ступицу, помимо разеужений, только переживая свою собственную жизнь. Но ему открылось другое. Он полюбил в жизни богатство ощущений, полную каждого момента, легкость жизни, внутреннюю свободу от других и от себя. А когда молодость прошла — Гамильтон стал писать уже в Сень-Жермен в нем созрел эстетизм, тесно связанный с энциклопедическим просветом. Высшая окровка искусства на такой почве не возникает, но на ней могут вырасти благоуханные цветы, и к таковым принадлежат сказки Гамильтона. Нужно было любить жизнь и не вкрягивать в нее, нужно было прозраться любовью к формам, к звукам, создаваемым игрой ума и чувств, быть поэтом, чтобы создать сказки Гамильтона, восточны по форме, романтически по настроением.

Наша сказка наиболее известностью пользуется — *Fleur d'Épine*. Но всеступительно пошлому последню вино, что она писала ее въ скудном Сент-Жерменѣ, чтобы подбавить приторныхъ камъ пародіей на мощныя восточныя сказки, разсказомъ о бездонно запутанныхъ, привлоченныхъ и соблазненныхъ похватахъ во имя любви. Намѣники Гамильтона относились, конечно, къ подѣлкамъ арабскихъ сказокъ. Подлинные сказки «Тысяча одной ночи» они высоко цѣнили и стараются перенести нѣкъ яркую фантазію и глумлю мудрости въ свои произведенія. Но только винныя обстоятельства сказокъ Гамильтона восточная. Восточные нравы удобная рамка для сатиры надъ западною действительностью. Восточная возможность совмѣщать съ яркостью карикатуры скрупулозную китайскую правду культурной европейской жизни и культурныхъ общественныхъ отношеній. Гамильтонъ поддался восточнымъ рамкамъ именно для этихъ цѣлей, увлекался, кромѣ того красотой и пышностью восточныхъ красокъ. Но «*Fleur d'Épine*» ближе по духу къ средневѣковымъ романтическимъ поэмамъ. Гамильтонъ переноситъ въ ней духъ чары ивадной женскою души, отдавая имъ преимущество передъ ослѣдительною блескомъ красоты, такъ же, какъ въ мужчине онъ ставитъ выше ума и чуждость сердца чѣмъ блестящія винныя таланты. Его герои, переставъ кономомъ принца, походятъ ко шору замширскаго короля, уроченнаго страннымъ несчастьемъ: его роль слишкомъ красива, и вебъ стѣнута, слына на нее. Наудная красота принцессы *Luisante* описана приторно: чувствуется детская намѣника диатона сибирскихъ женщинъ, губительная сердцею. Она нѣтъ такъ легко свастись, нужно только набить соответствующіе очки, какъ Тараре, герой сказки. Ему поручаютъ «обезрѣнить» король принцессы и свастись чѣмъ самымъ страну. Для этого нужно совершить рядъ похитовъ, и она совершаетъ нѣкъ по иль благородства, а не во имя любви. Она холодеетъ къ принцессѣ *Luisante* въ противоположность ей, покоренной обаяніемъ его ума. Она не красива, но привлекается своимъ духовнымъ качествомъ. Пронхотитъ рядъ сказочныхъ привлоченій. Тараре только перенуть доброй похитивши ея роль, похитившую ллон колдунью. Дочка эта Нибтоль, ивиновница, и въ нее влюбляется Тараре. Он очарованъ больше ивадною, чѣмъ губительная красота *Luisante*.

Тараре увозитъ ее на конѣ. Спасаясь отъ претѣвочнаго колдунья, онъ мчитъ съ нею вдаль и обаясаетъ ей по пути, что хотя похитилъ свои отъ совершаетъ для принцессы *Luisante*, но любить не ее, а свою теперешнюю спутницу. Эта сцена объясненія любви полунамеками—очень ивадная и поэтичная, и она привноситъ часть, какъ образецъ трагическаго поэтическаго стиля Гамильтона. Въ концѣ сказки принцу достается его ивадная подружка послѣ долгихъ и тяжелыхъ испытаний, а принцесса *Luisante* переноситъ свою любовь на брата Тараре, столь же красиво лицомъ, какъ Тараре прекрасенъ умомъ и душой.

Въ этой сказкѣ ясно обнаружился скептической умъ Гамильтона, его легкое отношеніе къ судьбѣ, къ трагизму чувствъ: вебъ сиденія обстоятельства расцугиваетъ скаудябкой токъ, кто нумибѣ, кто смотреть на события со стороны или свысока. И онъ же дивитъ, что счастье дается не то, что ослѣдждать толпу своимъ блескомъ, а тихое ещеніе чужихъ душъ. Сказка эта—лучшая изъ сказокъ Гамильтона—прекрасная по формѣ, по образности и граціи языка, по художественному сочетанію прозы съ лирикомъ настроеній и по искусному умѣнию автора отбывать свою правду, правду поэта, отъ правды голы. Онъ дѣлаетъ это легкимъ, потеркиваемымъ комическихъ чертъ съ одной стороны, а съ другой—продрачностью и ивадною въ изображеніи своего идеала красоты.

«*Le Belier*» сказка въ стихахъ, написанная на опредѣленный случай: герцогины де Граммонъ была недовольна названіемъ своего помѣстья вблизи Парижа, Мушно, и хотѣла переимѣнить это названіе на болѣе поэтичное. Гамильтонъ придумалъ по этому поводу ивадно легенду, оправдывающую новое названіе. Въ сказкѣ очень добавенъ великанъ Мушно, комическая фигура, соединяющая глупость, пышность и важность: она ивадна была съ кого-нибудь изъ дворянъ автору и всему его кругу приторныхъ. Третья сказка, «*Les quatre Farcadets*», не закончена. Она очень запутанна множество эпизодовъ такъ сплетены, что въ нѣкъ невозможно разобраться. Авторъ какъ бы парочно запуталъ нитику безъ намѣренія дать развязку. Но отбывающіе эпизоды сами по себѣ интересны и похитны. Ощущъ эпизоды напоминаютъ сюжетъ «*Русалка*» и «*Людмила*». Общій остова сказки дѣлается въ томъ, что четыре героя, похитивши, по сибирскому

необычайныхъ обстоятельствъ, отнои то же имя, Фаргале, совершаютъ похищя для разныхъ принцессъ. Больше всего радарей у той, которую дозуть Mousseline la Sérieuse: она никогда не улыбается. Мать ея умерла съвѣсь, а несчастье дочери въ противоположной крайности. Герония другаго эпизода - Cristalline la Curieuse. Она убѣждала вѣ тому, потому что ее пугали страшнымъ чудовищемъ — мужчиной, и ей неужажимо захотѣлось видѣнуть на него. Вѣдбу она встрѣчаетъ поношу, заторѣвшася желаніемъ увидѣть то злое существо, отъ котораго его оберегаютъ — женщину. Оба доволныя встрѣчи. Но любопытная Кристаллина жажеть поуху встрѣчи и приключенія. Въ наказаніе за свое любопытство она попадаетъ въ пѣли въ старому злему дуду — онъ напоминаетъ Черномора, который держитъ ее възаперти, въ хрустальномъ дамкѣ. Ранше онъ путешествовалъ съ нею, но узнавъ, что она измѣнила ему, онъ заперъ ее — и она жеть избавителя. Но условия ея избавленія — крайне скабрземаго свойства — вѣху отпугивать, вѣмъ больше что красота Кристаллина на склонѣ.

Этотъ эпизодъ какъ и большинство друтихъ, не имѣеть развязки, и перенуываетъ съ друтии. Но при всей своей нафренной запутанности, сказка очень красивая, женскіе образы поэтичныя и правдивыя: вѣ эти принцессы и красавицы обнаруживаютъ «вѣчно женственныя» пороки и слабости и привлекають «вѣчно женственными» чарами красоты и души. Принцесса Mousseline la Sérieuse могла бы быть украшеніемъ средневѣковой поэмы. Существоють окончанія и этой сказки на основаніи данныхъ оригинала и четвертой пе-

законченной сказки Гамильтона «Zobaida» (е Deusa de Lexis) въ изданіи Ренуара 1812 г., но они не представляютъ большого литературнаго интереса.

Сказки Гамильтона написаны были въ пору расцвѣта этого рода литературы: Лафонтенъ, его подражатели и послѣдователи, а потомъ Валтеръ и его школа, пересказывали на разные лады боккачьевскіе сюжеты, вздорья свою фантазію и остроуміе на разработкѣ эротическихъ и философскихъ темъ. Но сказки Гамильтона имѣють

свою особую поэтичность, виртуальность, сравнительно со вѣми друтии. Въ нихъ вѣмъ преобладанія порнографическаго элемента, да почти единственными исключеніемъ эпизода въ исторіи Кристаллины Любопытной. Вѣмъ онѣ скорѣ романтичны. Въ нихъ отразилась жажда вѣчности, которой неоставало въ сумятичѣ и предвѣи жизни поэта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ много здороваго жизненнаго реализма: витна наблюдательность, умѣние возродать психологическую правду, что очень важно въ фантастическомъ произведеніи. Сказки Гамильтона не бреть, а какъ бы совершенно доичная вѣистивельность, перенесенная въ мѣръ иныхъ возможностей, чѣмъ наши.

Вѣ этой правдѣ, т. е. во внутренней вѣистивельности замысла — тайна сказочнаго порочества. Когда она есть, поэтъ увлекаетъ своимъ вымысломъ. А Гамильтона для ишурения вѣистивельности есть и онъ увлекаетъ своихъ современниковъ и влечуудляетъ позднѣйшихъ поэтовъ.

Сказки Гамильтона не появлялись въ печати при его жизни. Три первыя были напечатаны впервые въ 1730 году, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти автора. Подшо-

АНТОНІЙ ГАМИЛЬТОНЪ.

Съ гравюры Fessard'a.

издание появилось въ 1779 году, дабы въ 1781 въ коллекціи гр. д'Артуа, вмѣстѣ съ «Мемуарами герцога Граммона». Лучшія изъ позднѣйшихъ изданій сказокъ Оже Auger, 1803 г., (3 тома) и Э. Ренуара Renouard въ 1812 г., съ вступительной статьей Оже и продолженіями сказокъ де Ленса.

«Мемуары герцога Граммона» обнаружены въ легкомысленномъ скептикѣ Гамильтонѣ историка съ твердыми принципами сужденіями. Нѣкоторыя страницы, какъ напр. характеристика Кромвеля и дружныхъ, цитируются какъ образцы прощанія въ смыслѣ исторіи. Но привлекаетеленность «Мемуаровъ» заключается главнымъ образомъ въ ихъ художественности, въ томъ, что Гамильтонъ воссоздалъ красочно и живо особый міръ, въ которомъ существенные устои жизни — храбрость и страсть, въ которомъ воля преобладаетъ надъ радумою и есть своя красота, свое величіе. Его герои одинаково отличались умѣньемъ побждать враговъ и покорять женскія сердца. Гамильтонъ не помнилъ его молодымъ, такъ какъ герцогъ былъ на двадцать лѣтъ старше его, но онъ умѣлъ воссоздать атмосферу событій, о которыхъ часто разсказывать ему его шуринъ, особенно благодаря своему близкому знанію швара Карла II. «Мемуары» распадается на двѣ части: въ первой разсказываются военные походы и переживанія герцога, а во второй жизни въ Англій и свѣтскія приключенія Граммона. Въ первой есть великолѣпныя картины жизни во время осады но наиболее колоритна вторая, рисующая вѣрнѣе приговорной жизни въ Англій. Гамильтонъ изображаетъ своего героя со всѣми пороками того времени, разсказываетъ даже о томъ, что онъ плутовалъ при игрѣ въ карты. Это не было преступленіемъ, по тогдашнимъ понятіямъ, такъ же какъ никто не осуждалъ бы его за легкомысліе въ любовныхъ полахъ. Объ этомъ эпизодѣ въ

жизни герцога Гамильтонъ не упоминаетъ, — о томъ, какъ онъ женился на красавицѣ Гамильтонъ. Герцогъ де Граммонъ прожилъ седолѣтъ въ Лондонѣ, очутившись въ оцѣлѣтъ послѣ того какъ онъ отбылъ у Людовика XIV одну изъ его фаворитокъ. Въ Лондонѣ онъ увлекся красавицей Гамильтонъ и свѣдѣлся съ женихомъ. Но получивъ разрѣшеніе вернуться на родину, онъ такъ обрадовался, что въ тотъ же день убѣжалъ, забывъ все свои обязательства. Два брата его невѣсты, старшіе братья Антонія, помчались за нимъ и назвали его въ Дуврѣ. — Герцогъ, крикнули они, оставивъ его колѣску. — Вы ничего не забыли въ Англій? — Да, я забылъ жениться на вашей сестрѣ, отвѣтилъ находчивый герцогъ, — вернулся и женился. Эту исторію Гамильтонъ не разсказываетъ изъ семейныхъ соображеній, но «Мемуары» нестрѣтъ мѣткими отбѣтами и mots герцога, который занялъ благодаря своему острому уму видное и свободное положеніе при дворѣ. Какъ изображение не только нравовъ но и внутренняго духа тогдашней придворной жизни, представлявшей любовную смѣсь легкомыслія и большой жизненной силы, книга Гамильтона сохраняетъ на всегда неувядаемый интересъ. Въ ней, какъ и въ «Сказкахъ» воплотился писатель съ привлекательной индивидуальностью, ноэтъ энкуррежъ съ трезвымъ пониманіемъ людей и съ утонченными вкусомъ.

«Мемуары» не появлялись въ печати при жизни герцога. Анекдотъ о томъ, что герцогъ самъ хлопоталъ у Фонтенеля, цензора книги, о пропускѣ ея, ходя Фонтенель не разрѣшалъ ее печатать, оберегая честь стараго герцога — лишь фактическаго основанія. Одно изъ самыхъ старѣйшихъ изданій Мемуаровъ вышло въ Англій, въ Strawberry Hill, въ 1772 г. Авторитетнымъ изданіемъ считается изданіе въ коллекціи гр. д'Артуа, 1781 г.

Зин. Венгерова.

ОЛЬГА СЕРГЪЕВНА ПАВЛИШЕВА.

Карандашный портретъ, рисованныйъ отцомъ художникомъ съ Варшавы въ 1858 г. Находящаяся теперь у сына Ольги Сергеевны—Л. П. Павлешева. Портретъ воспроизводится здесь впервые.

СЕСТРА ПУШКИНА.

П о м о щ ь сестры Пушкина.
Кн. П. А. Вяземский.

Сестра великаго поэта, Ольга Сергеевна, была старше своего брата. Она родилась 20 декабря 1797 г. въ Петербургѣ. Кроме Ольги, Александра и Лизы, у С. С. и П. О. Пушкиныхъ были еще три: Надежда, Ми-

ланта и Сибирія о ней см. въ биографическомъ очеркѣ, напечатанномъ Л. П. Павлешевымъ въ «Новостяхъ» 1875 г., №№ 1, 3, 7, 9 и 11, и его же книгѣ «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890.

халда, Платонъ и Софія; но всѣ они умерли въ малолѣтствѣ. Выросли только трое, оицѣ въ которыхъ и прославилъ свою семью. Сестра Пушкина не играла въ жизни своего брата особенно крупной роли, кромѣ той, которую играла, наряду съ матерью, въ жизни Репана его сестры Генриетты, но и того, что она, подобно сестрѣ Барона Анжуйскъ, была добрымъ другомъ его дѣтства, а потомъ, въ трудныя минуты его жизни, не оставила его, и, какъ друге родные, а выехала ему

сочувствие и прежнюю дружбу, ввиду достаточно для того, чтобы признать за нею право на внимание къ биогрaфии ея великаго брата. Въ посланіи «Къ сестрѣ», съ которымъ обратился къ ней Пушкинъ изъ лицей въ 1814 г., она называетъ ее «другомъ бездѣшнымъ» и жетъ не дожидетъ свиданія съ нею.

Въ качествѣ старшей сестры Ольга Сергѣевна была въ глазахъ мадемуазель брата авторитетомъ. Ей пришлось быть критикомъ его первыхъ творческихъ опытовъ. Мы уже знаемъ (см. стр. 35), что Пушкинъ любилъ импровизировать комедіи и, «по общему согласію съ сестрой, устроить пьесу въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публичкой сестра»¹. Эта немногочисленная публика отъажа оставила пьесу «L'Escamoteur»: авторъ не сталъ спорить съ строгимъ приговоромъ и поспѣшилъ по французскому четверостишию объяснить свой провалъ помещеніемъ у Мольера секрета пьесы. Воспитывались братья и сестра вмѣстѣ. Та же няня Анна Родионовна цѣтовала ихъ, гдѣ же учителя и гувернера учили ихъ и надзирали за ихъ поведеніемъ. Сестра осталась она, когда брата (въ 1814 г.) уведли въ Царское Село въ лицей. Оттуда она и прислала ей въ 1814 г. свое посланіе. Ольга Сергѣевна училась живописи у нѣмецкаго эмигранта графа Кеэне де Местра. Она изъ гувернантокъ, миссъ Белли, которую Ольга Сергѣевна не въ примѣръ прочимъ своимъ наставницамъ, очень любила, учила ее англійскому языку и читала съ нею Шекспира; особенно высоко ставила Ольга Сергѣевна «Макбета». Пробовали учить ее и музыкѣ, но Богъ послалъ ей учителя изъ немачицкой-галичмейстеровъ; клавирины были тоже зонотонныя, бабушкиныя. Къ тому же учитель не мужился ни на пружковникства. Разсердившись за что то на ученицу, она отъажи ударить ее линейкою по рукамъ, такъ что бѣзпикаа вскрынула: «Vous me faites mal», на что невольно спокойно отвѣчала: «Et qui vous dit, que je ne veux pas vous faire du mal?» Музыка тогда ороговѣла. Ольга Сергѣевна, какъ разсказываетъ А. П. Павлицевъ, ея стиль и биогрaфия, но что она ей все таки не оставила, видно изъ посланія «Къ сестрѣ»:

Нѣ звучнымъ фортепиано,
Нодъ былово рукой,
Модарта оживленіе?
Нѣ тоны повторенья,
Ничеши нѣ Рамо?

Съ братомъ, который не могъ покинуть лицей, она выдалась очень рѣдко; иногда только, бывая съ родными по праздникамъ въ лицей, она могла встрѣтиться съ братомъ, который читалъ своему прежнему критику свои стихи. Чтеніе Ольга Сергѣевна любила такъ же, какъ и братья. Отецъ читалъ ей вслухъ Мольера. Библиотека отца, въ которой были классики XVIII столѣтія, была вся къ ея услугамъ. Объ ея охотѣ къ чтенію свидѣлствуетъ посланіе къ ней брата:

Чѣмъ сердце занимаешь,
Вечернею порой?
Жанъ-Жакъ-ли читаешь?
Жанисъ-ли пречъ тобою?
Нѣ съ рывамъ Гамццогомъ
Смѣешься всея душой?
Нѣ съ Гресье и Томасомъ
Ты пренеслае мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Водъ вѣсть второкъ.

Последніе стихи подтверждаютъ, что Ольга Сергѣевна, какъ почти всякая дворянка той эпохи, была настроена на романтическій ладъ, чему, впрочемъ, способствовали ея романтическия наклонности. Воспитаніемъ она увлекалась спиритизмомъ, занималась етоловѣреніемъ, изучала фидіономику и френологію; сочиненія Галла и Лафатера стали ея настольными книгами, съ помощью которыхъ она, по ея мнѣнію, «безошибочно распознавала характеръ лютея». Увлекалась она и хиромантіей и даже будто-бы предсказала Пушкину по линиямъ его латони насильственную смерть.

Лѣтомъ 1817 г., по окончаніи лицейскаго курса, Пушкинъ провелъ нѣсколько недѣль у родныхъ, гдѣ с. Михайловскомъ. Здѣсь онъ встрѣтился снова съ сестрой. Въ библиотекѣ Пушкина сохранился томикъ басенъ Лафонтена, подаренный ему сестрой въ это лѣто 17 июля². Прѣбываніе въ Михайловскомъ, гдѣ Ольга Сергѣевна находилась въ кругу веселыхъ собѣи и друзей, бывало настоящимъ праздникомъ для двушки, отъахавшей тогда отъ семен-

¹ А. С. Пушкинъ, Материалы для ея биогрaфии и офіцалъ прощанія, П. В. Анненкова, Спб., 1873, стр. 42—43.

² Н. Серверъ, Аруна и шш Пушкина, изд. 2 е, Спб., 1906, стр. 37.

РИСУНОКЪ ОЛЬГИ СЕРГѢЕВНЫ ПАВЛИЩЕВОЙ.

Надоится и сама ея—А. И. Павлицева. Вопрошивается здесь вкратч.

ного деспотизма, той «родительской мудакки», которая не раз отравляла жизнь ей гениальному брату. Известно, что отношенія между Пушкинымъ и его родителями были не особенно добрыя. Старик Пушкинъ былъ холодный, сухой и скупой человѣкъ, ничего не сумѣвшій сдѣлать для того, чтобы привязать къ себѣ душу сына. Нужно удивляться гуманности и мягкости Пушкина, который относился къ этимъ людямъ, столько виноватымъ передъ нимъ, съ уваженіемъ и теплымъ вниманіемъ, тогда какъ они заслуживали холодности и презрѣній. Понятно, какъ плохо жилось въ такой семьѣ молодой гдущицѣ. Образъ Ольги и Сергѣевны является особенно симпатичнымъ благодаря тому дружескому и любовному отношенію къ брату, которое она выказала во время его споры съ родителями въ 1824 г. Семейный поэтъ былъ оставленъ съ жангаремъ въ Михайловское, подъ надзоръ почтеннѣйшаго отца. Уже давно они были переводными сыномъ, который навлекъ на себя гнѣвъ правительства,

служить не умѣлъ и не хотѣлъ и вообще пошелъ не по той дорогѣ, на которой хотѣлось его видѣть родителямъ, а дуть еще имъ послали на него севальтаго. Старикъ добромъ вѣлъ сына, который къ тому же вздумалъ, по мнѣнію отца, «превозмачать безбожикѣ» брату и сестрѣ. Такая тяжелыя отношенія разрывались семейнымъ скандаломъ, и сестра, какъ видно изъ письма Пушкина къ Жуковскому, стала на его сторону, да что ей немало осталось. Потомъ, когда Пушкины уехали изъ Михайловскаго и поэтъ остался въ теренѣхъ одинъ, сестра старалась примирить его съ родителями: объ этомъ она переписывалась съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который тоже желалъ этого примиренія, такъ какъ боялся, что сестра съ родителями поиритишь Пушкину въ глазахъ правительства и го-сударя. Она даже хотѣла развѣять съ нимъ его теревенскую скуку, но онъ на это не согласился. 1. Немудрено, что и въ

1. А. И. Павлицева, Пушкинъ (Сиб. 1896, стр. 81).

такой душевной семейной обстановки Пушкина, кь тому уже немолдольская, рата была бьлать. Гр. М. А. Корфь, хорошо знавший семью Пушкиных, рассказывает ¹, что она онь дрлдомь уже возрастъ дала изъ родительскаго дома и ташо обивдалась просто изъ романтической причуды и не имья предъ собою никакихъ существенныхъ препятствй — съ человекомъ гораздо ей моложе, но очень мало привлекаемымъ и совершенно прозаическимъ. Браку оказывали сопротивленге, впрочемъ, только отецъ, который, однако, не замедлять отступить назадъ, когда бракъ совершился и препятствовать было подшо. Павлищевъ, за котораго 26 января 1828 г. вышла замужъ Ольга Сергеевна, вполнѣ оправдывался отзывъ о немъ Корфа. Это былъ типичный чиновникъ, сухой, черствый и холодный. Всяма характерны отношенгя его къ Пушкину и добротныя его письма къ нему о денежныхъ дьлахъ ². Сестрѣ Пушкина слѣдовало получить приданое изъ имущества, а послѣ смерти матери изъ 1836 г. причисляясь доля къ наследствѣ. Письма Павлищева къ Пушкину объ управленгяхъ еще неразрѣшеннымъ имуществомъ и о радѣхъ обмѣнать къ мужьбъ Ольги Сергеевны грубую, меркантильную, лишенную малѣйшей рѣдкости патуру. Онь бездѣлчивно требовалъ и приставалъ къ Пушкину, настаивал на выдѣхъ доли сестры къ такимъ выраженгямъ: «сли жена моя — дочь Сергѣя Львовича, и дѣти ея — внуки его, сли ябьхъ послѣднее невбронно; слѣдовательно первое остается къ своей сѣхъ. На этомъ основангя я дьлаю вопросъ: почему не выдать ей, не дать ей того, что раньше или позже должно быть огано? Слнвойею холостымъ, и даже женатымъ, не вѣхъ огны и не вѣселя выдѣляюхъ, по дамужныхъ помере?», вѣх и вѣселя, такъ вопиет на святой Русь». Пушкина Павлищевъ уговаривалъ такъ, какъ обыкновенно уламывались неосторожныхъ покупателей: «соединяется душею, Александръ Сергеевичъ, на предлагаемую мною сѣхку, и тьшо съ кофдомъ». Дѣмъ раздѣломъ сѣхивала Наталья Осиповна Павлищевъ пошмалъ и Сергѣя Львовича, вѣсаво оговѣиваюга, который справедливо писалъ

старшему сыну о Павлищевѣ: «это человекъ жадный, ужасно корыстный». Его патоблѣныя собитя, вбронно, немало доумали Пушкину. Ольга Сергеевна жилось съ этимъ человекомъ, пошдному, неслабо. Уже въ 1830 г. она разбухалась съ мужемъ похъ предломъ болѣзни, но вѣсрѣ оишь сошлась съ нимъ; что между мужемъ и ею не было прочной душевной связи, видно изъ того, что близко ее знавший А. И. Вульфъ весьма прощески говоритъ о предшавшемъ ей материнствѣ ³: о счастливой семейной жизни говоритъ такимъ образомъ, не приходится. Слѣдо было только первое время ея дамужества, когда въ ея домѣ бывали братья М. И. Глинка, Мишневичъ, Дельвигъ. Въ концѣ 1828 г. у нея на рукавъ умерла вня Арина Родионовна, которую она, вьхоти дамужъ, взяла жить къ себѣ.

О ея дружбѣ съ Александромъ Сергеевичемъ свидѣлствуетъ переписка поэта. Послѣ брата Яна, къ которому Пушкинъ былъ сердечно привязанъ, сестру онь любить больше, чѣмъ всѣхъ другихъ родныхъ. Свой взглядъ на родственныя дѣи, похъ которыми не кроется любви и сочувствгя, онь съ грустнымъ добродумгемъ высказала въ «Евгенгя Онегинѣ»:

Родные дѣти вотъ какгя:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно улакать,
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Плачъ по почтѣ поздравлять,
Чтобъ оставшее время года
Не думать о насъ оишь...
Итакъ, таи богъ имъ доли шш'

Къ такимъ «роднымъ дѣтямъ» Пушкинъ не причислялъ Ольгу Сергеевну. Письма ея къ ней говорятъ объ искренней дружбѣ брата и сестры. Въ отномъ письмѣ 27 юнга 1821 г. онь шудливо расширяется се, все ли еще она любить отномъ проудки, какъ доуль ея любимыхъ собачекъ, что читается она, вѣснть ли верхомъ, собируется ли дамужъ... «Веселась и вьхоти дамужъ», писала онь ея черезъ годъ (21 юнга 1822 г.). Въ письмахъ ея къ ней попадаются даже довольно свободныя выраженгя, что возможно только при шнлѣхъ сердечнымъ отношенгямъ. О денежныхъ дьлахъ сестра онь и бѣдъ доумчивыхъ

1. Пушкинъ, его дщеская товарищи и наставники. Статьи и материалы. Я. К. Грога. Сиб., 1899, стр. 239. — 2. Они напечатаны въ упомянутомъ Воспоминангяхъ Л. Е. Павлищева и А. И. Шелдъкина. Изъ петляныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Сиб., 1903.

3. Пушкинъ и его современники. вып. 1. Сиб., 1903, стр. 86, 100, 111.

ОЛЬГА СЕРГѢВНА ПАВЛИШЕВА ВЪ 1862 г.

Съ фотографии, принадлежащей Л. П. Павлишеву. Воспроизводится здесь впервые.

памяти Павлишева очень заботился, что видно изъ долгаго ряда его писемъ. Къ ней, по доволно вѣроятному предположенію М. Е. Халазскаго ¹⁾, относится черновая набросокъ Пушкина 1818 г.:

Подаль душь мою отырается преть тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду пошершугъ,
Скучна жизнью, томима суетою,
Я жажду близъ тебѣ свободно отдохнуть:
Ты помини, милая,—ярею нашихъ дѣтъ,
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши дѣта улетѣли!

¹⁾ М. Е. Халазскій. О жизни В. А. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина // Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина, Харьковъ, 1900, стр. 384—385.

Въ кругу чужихъ, въ немилонъ сторонѣ
Я мало жить и наслаждаться мало...

Въ перепискѣ Ольги Сергеевны съ родителемъ неизменно повторяется имя брата Сашки, которому она никогда не переставала интересоваться. Когда она жила въ Петербургѣ до перехода Павлишева на службу въ Варшаву, Александръ Сергеевичъ часто бывалъ у ней. Къ подублетристическимъ разсказамъ ей сына Л. П. Павлишева о происхожденіи у нея съ братомъ радоторахъ и особенно къ подробной передачѣ дѣлукъ радоторахъ не нужно, конечно, претъавлять требованія точности. Темъ болѣе, что Ольга Сергеевна не записывала радоторахъ съ братомъ. Но

общей тою близости брата и сестры воспоминаний А. П. Павлищева передаются верно. Но надо отметить, что фигура Пушкина в воспоминаниях А. П. Павлищева мало соответствует истинному образу поэта. У А. П. Павлищева поэт то следливо сентиментальничает и вливается въ lamentаціяхъ, то бурно мечетъ грома по адресу какому-то враговъ и поминутно читаетъ свои стихи. Съ глубокою правдивостью и верною пониманіемъ характера Пушкина писала о немъ А. П. Керкъ, что «онъ почти никогда не выражалъ чувствъ: онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ былъ слынью своего вѣка...»¹⁾ Вообще, освещеніе, придаваемое А. П. Павлищевымъ той семейной обстановкѣ, въ которой жилъ поэтъ, и самой фигурѣ Пушкина слишкомъ идеализировано: онъ старается сгладить слѣды тѣхъ тяжелыхъ роковымъ отношеній, того непониманія, той не деликатности и даскорудной душевной грубости, которая влила свою долю яда въ чашу страданій поэта.

Ольга Сергѣевна выросла въ домѣ, гдѣ бывали видѣтели писатели того времени. Вся семья старалась быть литературной. Сергій Львовичъ пописывалъ «стишки-съ»; добрый и чудакотавый братъ его Василій Львовичъ былъ любимъ «арзамасцами» и считался въ числѣ вѣдѣвшихъ поэтовъ. Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, иногда грѣшилъ стихами. Писала стихи и Ольга Сергѣевна, пожимаясь этою фамильною страсти. Несколько ея пьесъ, русскихъ и французскихъ, привозилъ А. П. Павлищевъ. Стихотворенія Ольги Сергѣевны слабы и читателю трудно разбавить то восхищеніе, съ которымъ любящій слыхъ рассказываетъ, какъ Ольга Сергѣевна ушла въ нѣтъ, минулъ сошлись посредственный французскій акростихъ. Гораздо лучше ея эпиграммы, въ которыхъ складывается насмѣшливость, которая была свойственна всей ея семьѣ и такъ живо бьетъ ключомъ и сверкаетъ

¹⁾ А. Марковъ, Пушкинъ, Сиб., 1899, стр. 263.—Вотъ примѣръ того, какъ изображаетъ Пушкина А. П. Павлищевъ. У него стр. 33—34 Пушкинъ, окаянная Дельвица, среди истерически рыданій, говоритъ Ольгѣ Сергѣевнѣ стихами: «Сестра! въ прозу мои Дельвица, милди! Немного пьесъ, остатокъ стиховъ... Между тѣмъ вотъ, что писала Пушкинъ Дельвицу: 21 января 1831 г., увидя въ Москвѣ у коншини Дельвица, говорилъ о немъ, называя его поконшинскъ Дельвицъ, и этого дитяти быть столько сердечнѣ, какъ и страшенъ. Нечего думать! сошлись: поконшинскъ Дельвица.—быть такъ.

въ произведеніяхъ ея брата. Въ сатирическомъ описаніи какого-то званого вечера очень нехудо пародированы ея балетныя мамочки, возбужденія на стражѣ, пока танцуютъ нѣкъ дочери:

Но стѣнамъ покрутъ
Грозный развѣ старухъ
Сидитъ жабами.

Въ эпиграммахъ на какую-то поповну Ольга Сергѣевна обращается къ ней:

Грустна ты, слово напихала,
И молчалива, какъ кутья...

Съ дѣтства настроенная романтически, любившая одиночество, Ольга Сергѣевна занималась чтеніемъ, при чемъ особенно увлекли ее мистики. Она была хранительницей семейныхъ преданій о какой-то бѣдой женщинѣ, двойникѣ, единственной голосахъ и прочіихъ чудесныхъ происшествіяхъ, игравшихъ роль въ жизни семьи Пушкиныхъ. Смерть брата, о которой она узнала въ Варшавѣ, глубоко потрясла ее. Она заболѣла нервной горячкой. Вся русская и польская Варшава переболѣла у Павлищевыхъ, чтобы узнать о ея здоровьи и выразить соболезнованіе сестрѣ погибшаго поэта. Видя здоровья, Ольга Сергѣевна долго куда-то выѣзжала и вела замкнутую жизнь. Ея природная впечатлительность съ тѣхъ поръ еще сильнѣе обострилась. Когда вся Россія завладѣла столбверченіемъ, увлеклась имъ и Ольга Сергѣевна: ей казалось, что она бесѣдуетъ съ тѣмъ братомъ Александра, которая приказала ей сказать ея дашки, что она исподнила. Спиритизмъ довелъ ее до такого разстройтва нервовъ, что она едва не лишилась разсудка. Въ сороковыхъ годахъ болѣзненная отъ природы у нея часто умирала дѣти Ольга Сергѣевна стала болѣть глазами: въ 1862 г. она подверглась странному нервному удару. Последніе часы ея жизни протекли въ тяжкихъ страданіяхъ. Слабая, болная, почти ослѣпшая старуха терпѣливо ждала смерти и писала, несмотря на свою слѣпоту:

Смерть не страшнѣе, шажу тебя!
Важу тебя и съ удавкой привѣтливой;
Онъ исподнива избраной любви;
Важу тебя и въ отекѣхъ, стонен
Цѣломъ всенущихъ небесъ голубыхъ;
Нравно распушены бланюханныя,
Вѣя прохладою, бѣла, какъ снѣгъ:

Сестра Пушкина
Ольга Сергѣевна ПАВЛИЩЕВА.

*Акварель работы Варвары Федоровны Черновой, 1844.
Собственность Л. Н. Павлицева.
Воспроизводится здесь впервые.*

Визу поврнуть тебя радугу лезую,
 Визу призираю до мачи твоеи
 Что же такъ мелшишь поеть твои, пре-
 красная...

20 марта 1864 г. .

Зачѣмъ не быть мнѣ часъ желанная,
 Зачѣмъ дышу, страдаю я!
 Зачѣмъ у гроба клячь печальная
 Не молю Бога за меня!
 Не потому ли, что некуюю
 Страдаемъ счастье дитей!
 Да будетъ такъ! Благословлю
 Тяжелый крестъ судьбы моеи
 И доведу его радужию
 Я до могилы, тамъ усну...

Тамъ бузеть видъ твои — не глумлю
 И в отъ жизни отхожу

20 ноября 1866 г. .

2 мая 1868 г., сестра Пушкина не стало.
 Она любила и понимала своего гениального
 брата, благодари, которому не забудется ее
 имя. Истаромъ князь П. А. Вяземски еще
 въ 1825 г. претказывалъ ей, что слава
 Пушкина одаритъ и его сестру:

Удѣль его—блескъ славы вѣчно — достовою
 Не часто намъ свидѣнъ изъ туманъ,
 И отъ нея уярить яркѣи лучи
 На жребіи твои...

Н. Лернеръ.

«ОССИАНОВСЯ» СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

II. КОЛЬНА.

Кольна — второе из произведений Пушкина, появившихся в печати. Оно было напечатано вслѣдъ за «Къ Другу-Стихотворцу» во второй полковой № 14 книжкѣ «Вѣстника Европы» стр. 102—106 за тоже же январомъ Александръ Иванъ Пушкинъ, очевидно, не придавалъ значенія этому поразительно писаному, который, въ общемъ, очень чужды его духу и въ планшій имъ самую собраніи стихотвореній «Кольна» не включилъ. Не вошло оно и въ посмертное изданіе 1838—41 гг. и впервые извлечено изъ «Вѣст. Евр.» Анненковыми въ изд. 1855 г.

Но Анненковскому изданію «Кольна» переиздается всѣми подлинными изданіями, въ томъ числѣ и Академическимъ. Это совершенно неправильно. Прибрежая, по своему обыкновенію, точности, Анненковъ модернизировалъ текстъ, ввиду забытая Пушкинское окончаніе онъ на подлиннее и в г. т. Характеризуя только правописание и пролонженіе 50-хъ гг., Анненковскій текстъ для изданія Пушкина не имѣетъ никакого значенія. И такъ какъ рукопись «Кольна» не сохранилась, то мы и считаемъ необходимымъ впечатать дѣль «Кольна» въ томъ видѣ, какъ она появилась въ «Вѣст. Европы». Объ отличіяхъ этого текста отъ Анненковскаго и подлинныхъ изданій см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста».

Далше, въ статьѣ «Пушкинъ и Оссіанъ», читатель найдетъ рядъ указаній на то, въ какомъ мѣрѣ Пушкинъ, полагая, или вѣрнѣе не, поддалъ изданію Оссіана. Покаместъ же приведемъ изъ Костромскаго перевода Оссіана «Оссіанъ, Сынъ Фингаловъ, Баръ третьяго вѣка Галлеска Стихотворенія, М. 1792, Ч. II» толь эпизодъ, который по этому переводу разработаны Пушкинами.

КОЛЬНА ЮНА.

Поэма

Съ переводомъ

Фингалъ, поэтъ Оссіана и Госскаръ, возмущенный на брелухъ истоника Кроны, замыслилъ побѣду, обрабатывая имъ вѣбонъ на семь мѣствъ. Между тѣмъ какъ они занимаю вольны дру-

гомъ, Барухъ, собственными Госскаръ, прилагать имъ къ широту, они приходить. То скаръ влюбленъ въ дочь его Кольна-Тону. Кольна-Тона ощущаетъ тако въ сердцѣ своемъ тако же чувства. Начавшаяся случай на доитвѣ вѣбонъ открылъ взаимную имъ любовь, и оцѣленивъ Госскара.

Источникъ Кольна-Тона, которого черныя и возмущенная вода кажутся странствовать въ отдаленныхъ болотахъ, я дру тебя цвѣтлоуцаея между тѣрами, обвивающихъ чертоги Карула. Тамъ обитала дщерь его, престелная Кольна-Тона. Ея очи сіяли блескомъ дѣвствъ. Руки ея бѣлы, какъ вѣва истониковъ. Грудь ея воздымалась кроко и сухо, какъ вода Океана. Луня небеса была луня ея. Какая дѣвица могла сравниться кога вѣбонъ съ сего престелною, съ сего любовью и растенію Героевъ!

Фингалъ, поэтъ, я и Госскаръ, не вѣно вешещи въ пошны бранн. Три Баръ сонустукутъ намъ съ вѣбонами. Преть намъ несди три шита. Мы текли возвысить, намагивъ прекъбывшихъ вѣвни. Фингалъ, расточилъ вѣвонъ та полки противныхъ на брелухъ Кроны; проноленные бжакли отъ его лица. Мы пришли къ сему димешному мѣсту. Ношъ ступались съ высоты горныхъ; я исторгъ дубъ съ холма; скоро возвысилъ пламень на вѣбонъ.

Тражаніе мои преткъ волондъ я, у вѣбонѣ изъ глубина облачныхъ ванихъ чертоговъ извѣсть взоры свои на мѣстъ мѣстъ, ванихъ потомъ есть ваша честь, и сіяне славы нхъ оарить и васъ.

Баръ поетъ; я вдалъ камень въ источникъ крови, сущестатовъ Фингаловыхъ виситъ черными кусками на вѣбонѣ трайбъ, который оны покрытъ. Вѣстъ семь камней подлагаю я три вышности шита одну носѣтъ тругой, сообразуекъ врезанамъ, оцѣмемамъ, то медленною, то бѣстрою мѣброю пошныхъ вѣбонъ Уддига. Госскаръ, положилъ тамъ книжкы и стальною брѣно. Мы воздвигли земляныя оидотъ вокругъ сего камня, и рекли ему.

Виданъ о насъ потомству, вѣбонъ слабымъ дѣмемамъ, которая встанутъ на мѣсто силнаго дѣмемъ. Сель мѣстъ, сынкъ истоника во вѣбонѣ шекъ на земнѣ вѣбонъ среди бурной ночи дѣтешестившикъ притеть, установоня пошь твою вѣбонъ. Шумъ тревожащихъ твоихъ мѣровъ роить въ немъ сонна мечтѣ. Претана дѣла претѣбонуть его мѣстѣ. Оны увидитъ кровавыя битва, увидитъ Барѣ шествующихъ на пошны, и озраченную луню, оарящую невоною сію подѣ кропрошнѣя. Оны возбудитъ съ пеннѣно, и урнѣтъ вокругъ себя троба вѣбонъ потѣленъ. Каконъ это камень, вопрошитъ оны. Шѣнъ старецъ отвѣчаетъ ему, камень, сего по вѣбонѣ, Оссіаномъ, Героемъ претѣнъ претѣнхъ.

Карула, Баръ Кольна-Тона, дружѣноленные шухъ, посылъ къ намъ Баръ, и прилагаетъ нхъ къ вѣбонъ чертоги, въ жилище прекрасной Коль-

ПЪСНОПЪНІЯ ОССІАНА.

Съ вышивки на замковомъ листѣ Микерреловскаго изданія Оссіана 1762 года.

И. К О Д Ъ Н А.

Изображеніе Оссіана.

Финаль послѣдъ Тоскара возвышнута на берегахъ источника Крона паматникъ побѣды, одержанной имъ пѣвою на семь мѣсяцъ. Между тѣмъ, какъ онъ занимался снѣгомъ, Каруль, собственный Государь, приласилъ его къ ширеству; Тоскаръ явилъся въ токъ его Кодану; печальной случаемъ открылъ взаимныя имъ чувства и оцѣлнвилъ Тоскара.

Источникъ быстрый Каломона,
 Бѣдущи къ дальнимъ берегамъ,
 И дру, твои замушени волны
 Потокемъ мушмамъ по скаламъ.
 При блескъ дѣвять пошыхъ сверкають
 Сквозь тремлющи, пустынной дѣвь,
 Шумять и корни орошають
 Силетенныхъ къ темной кровъ тревесъ,
 Твои муштой брѣвь любила Кодана,
 Когда по небу дѣвь лилакъ:
 Ты зрѣль, когда въ любви певельна,
 Зѣвь друу Кодана отдалаъ.

Въ чертогахъ Сельмы Царь могущихъ
 Тоскару юному вѣщаль:
 «Грѣи во уракъ дѣсовъ тремучихъ,
 «Гѣб Крона каить черныя валь,
 «Шумиши прохладженъ осеню,
 «Тамъ рядъ ядѣтъ мотиль:
 «Тамъ съ вѣрию, храброю дружино
 «Ноки враговъ я радочиль
 «И много, много сильныхъ вале:
 «Шъ, гробы черной вранъ стрезель,
 «Грѣи—и тамъ, гѣб ихъ не стало.

Воздани паматникъ побѣды!
 Онъ рекъ, и въ путь бездѣтнот, дальню
 Нустилъ съ Барями Тоскаръ,
 Итъ во мѣлъ ночи печальной,
 Въ вечерни хлаъ, въ полднешию жаръ, —
 Дѣшца красная вавотиль
 Злато утро въ небеса,
 И вѣтъ уже Тоскаръ похониль
 Къ мѣстамъ, гѣб въ темные дѣва
 Бжакъъ свою источникъ Крона
 И кроетъ въ долины сонна,
 Воспѣли Бары гимнь свято:
 Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
 Успѣно мощною рукоу
 Вячель изъ бездныя волнъ, серебряныхъ,
 И съ шумомъ на высокой брѣвь
 Въ дустой и шкой длак поперкъ:
 На немъ повѣдѣлъ черныя лата,
 Покрытый кровью предковъ мечъ,
 И круглой щитъ, и шлемъ перилати,
 И обратиль онъ къ камню рѣвъ:
 Вѣщан, съшь шумнаго потока,
 О храбрыхъ позншихъ временамъ!
 Да въ страшныи часъ, какъ ночь гдубока

и.д. Доны. Мы прихотимъ: мы вѣсели при его шир-
нствѣ. Почтенныя сѣнами Герои сей восми-
стятся ратствою, ни чать трупъ спомыхъ возми-
щающихъ, какъ на юныя трина, убивающа дѣ-
лещамъ своимъ дѣтвемъ.

Слыша Героевъ: рѣкъ оны намъ, въ напоми-
натеи мѣбъ счастливое время, когда въ первый разъ
идетеи я на брегъ Морвенна. Я стремился по
сѣбѣ. Карула а сѣа: наши предки были враги между
собой. Мы сражались на брегѣ влущаго пѣчот-
ника Клууды. Карула а убилъ на волни Океана:
корабли мои текли за мной по сѣбѣ; но обмануть
малою почю, пристаи я къ чертогамъ Седьмы.
Фингалъ вѣршилъ меня съ своимъ Бартамъ и
съ Кондомъ, мнѣшею смерти. Три ни шире-
ствовадъ и въ чертогахъ Фингала. Я вѣдѣль въ
шухъ прелестную Роскрану, шерь Героевъ,
честь племени Кормакова. При моемъ отше-
ствии почтени меня тарамъ, вланыи тали мѣбъ
штыя свои. Они шелькъ въ мюмъ чертогахъ, какъ
далогъ Фингалова дружества. Слыша Героевъ
въ напоминатеи мѣбъ счастливое претекшее время.
Карула воснамести ширествении дуба: оны
кель дѣбъ влущаюсти шроты нашихъ, половитъ
ны въ землѣ потъ камнемъ, та буютъ оны напо-
миномъ, мѣра и дружба: мѣра нашихъ потом-
ковъ. Когда брань, вѣдѣль оны намъ, водренидъ
въ сей странѣ, икога чала нашготоваи уже бу-
дѣ сражение, почтени моего племени, уготована
коныя свои, водрѣтъ можетъ быть на сей камень,
и скажутъ дѣбѣ предки наши кляшеи вланыи
себѣ дружествомъ и миролюбиемъ. Они скажутъ и
половитъ свои штыя.

Ночь простерлась по небесамъ; шерь Карула
шегуетъ: ея долгеи вланы радивающа, счастливѣи
гладъ ея соединяется съ строгими звуками
арфы. Вити Кольна-Доноу, ратство и любовь
Героевъ, Госкаръ а вѣдѣль ратство и дѣтвѣ-
чивъ. Образъ сей красавица впечатлѣвался въ
воздушную тушь его, какъ дуть солнца на влано-
пашномъ морѣ, когда оны исторгивши изъ обла-
ка, одаритъ колеблющися волни моря...

Утро водило, мы вобушши отидва дѣсны,
мы поражали страданъ бодливыхъ серны: оны
унывали на брегѣхъ пѣчотниковъ, и бѣ прежде при-
выкли половитъ: мы водрацадѣтъ въ волни
Кронна, какъ втрупъ ушѣбни юного разбора,
трюшадно изъ роши о шитомъ и съ конемъ безъ
остриа. Откуда шествуетъ ны рекъ ему Го-
скаръ, шерь и шитина царевуштыи къ Коль-
на-Доноу, окрестъ заллида вблоруюи Кольна-
Доноу.

Кольна-Доноу, отбѣшуетъ мѣбъшныи почтени,
отидва вланыи въ Кольна-Доноу, по ширѣ прѣ-
кестъ она вланыи съ своимъ вланыи, вланыи
штыя ея серны.

Юныя ратныи: водонитъ Госкаръ, приме-
нить си на степи, по котрымъ уклонялся по-
чтени си. Оны патѣтъ котымъ ударамъ, ни мѣбъ
штыя свои. Италъ мнѣшнемъ, прѣмлетъ оны
штыя, по потъ ширѣ оруженъ возмѣждѣ трун-
млатонъ шитыи, вланыи нухъ реветъ, вланыи
шотому и шотому на вланыи вланыи. То была
Кольна-Доноу, шерь Карула. Она шитѣла
Госкаръ, штыя его, и не могла не горѣтъ къ
нему любовнымъ вланыемъ.

Въ коротенькомъ примѣчаніи къ Кольнѣ-
Ашеиковъ писали: замѣчательно, что
стихи дѣбѣ горлодо вланыи, мѣбъ въ

посланіи къ сестрѣ и къ шерь «Другу-
Стихотворцу». Это первый образецъ сочи-
ненія, безъ связи съ личностью автора.
Поэтому шерь и особенно любовныи».

Съ этимъ трудно согласиться.

Сличеніе Пушкинскаго подражанія съ
источникомъ этого подражанія, напротивъ
того, показываетъ намъ, что юный поэтъ,
несомѣнно, вѣсѣлъ дуть немало и инди-
дуальнаго. Его, воспитанника французскаго
эротизма, главнымъ образомъ дѣбѣ
любвовый элементъ: военныя подробности
значительно сокращены, а любовныя столь-
же значительно растянута. Повились таже
такія тѣла, какъ напр. стихи 11—12

Ты дръбъ, когда въ любви невѣрна,

Здѣсь другу Кольна отдалъ,

котрыхъ совѣмъ штытъ въ оригиналѣ.

Въ общемъ суровость оригинала почти
исчезла и остался сентиментально-шкан-
тный анекдотъ въ томъ стилѣ, который
вообще не лишней связи съ личностью
юнаго автора.

15. ЭВЛЕГА.

«Эвлету» принято включать въ число
дѣбъ стихотвореній, гдѣ сказалось вліяніе
на Пушкина Осціана. Это вѣрно. Если
вообще-то Осціановское вліяніе на Пушкина
не могло быть сильнымъ, то въ частности
по отношенію къ «Эвлетѣ» Осціанъ уже
совершенно ни причемъ см. вланыи статью
«Пушкинъ и Осціанъ». «Эвлетъ» заимство-
вана изъ поэмы Парни «Jsnel et Aslêga»,
подзаглавіе которой весьма опредѣленно
гласитъ: «Poème en quatre Chants, imité
du Scandinave».

Замеченовъ сюжетъ изъ сѣверной по-
эды. Парни разработалъ его со всеми особен-
ностями напуэренной галантности XVIII вѣка.
Оны «скандинавской» суровости не оста-
лось и слѣда: герои говорятъ вланыи-
нымъ стилемъ французскихъ трагедій и
всѣхъ нашихъ романсовъ. Все это перешло и
въ Пушкинскую «Эвлету», которая прѣ-
ставляетъ собою полу-переводъ, полу-по-
дражаніе. Источникомъ для «Эвлетѣ» по-
служилъ нижезвѣдующій анкетъ, разка-
занный въ IV вѣсѣбѣ поэмы Парни:

Déjà tu vois cette roche escarpée
Qui du coté domine la hauteur;
Son flanc creusé forme une grôte obscure,
D'épais bûissons en cachent l'ouverture;
C'est-là qu'Éveig attend et son amant;
De là sa voix s'exhalait d'instamment.

«Вь думавань движеть по дёсам,
 «Пришлецъ, дорогой утомленный,
 «Воздвигни подъ патежонъ кровль,
 «Вспомини въки отдаленны
 «Вь мечтанья сладкомъ дечкихъ сповд!
 «Сь развѣтомъ алая ценищи
 «Думами солнца пробужденъ,
 «Онь удритъ мрачный тробичь...
 «И грознымъ витомъ пораженъ,
 «Вопросишь сынъ иноземный:
 «Кто памятникъ воздигъ патенный?
 «И старецъ, дѣлами согбенъ,
 «Речеть: Тоскаръ нашъ незабытый,
 «Герой умчавшихся времени!»

Небесь сокрыла вѣнчанъ житель,
 Зари подуха въ небесахъ;
 Дуна въ воздушную обитель,
 Сибиницъ на темныхъ облакахъ;
 Ужъ ночь на холмѣ беретъ Крона,
 Сь окрестной рощей дасуха;
 Владыка сильный Каломона,
 Иноземныхъ думъ, Карулъ
 Придаль Морвенскаго героя
 Въ жилищѣ Кольна молотой,
 Вкусить прищности покоя
 И пить изъ чашы круговой.

.....
 Базъ пенелица вѣбъ возстанъ,
 Веселья Барта пѣснь воспѣанъ;
 И въ пѣвѣ кубокъ золотой
 Крутомъ несется чередой —
 Ведалень динъ пришлецъ Лора,
 Главу ко груди преклонилъ;
 Задумчиво онь страстны взоры
 На мѣжну Кольну устремилъ —
 И тлжко грудь его влываеть,
 Вь очамъ веселья блескъ поухъ,
 То онь по вѣнамъ проблгаетъ,
 То пѣвою томится дуаъ;
 Тоскуеть, вь тайнѣ ощущая
 Волшебнъ сильное въ крови,
 На юны предестъ взирая,
 Онь полну чашу шеть лови.

Но воль ужъ дубъ преставъ вымиться,
 И тѣнь мрачнѣе становится,
 Чернѣеть дукладъ небосклонъ,

И дарствуетъ въ чертогахъ сонъ,

 Рѣветъ ночь; зари багряна
 Думами солнца возжена;
 Предъ ней длатится тьмѣ румяна;
 Тоскаръ покинулъ доже сна;
 Быстротекущей Каломона
 Пить по влажнымъ берегамъ,
 Сибиницъ удритъ волны Крона
 И внемлетъ плещущимъ волнамъ,
 И вдуръ изъ сѣни темной рощи,
 Какъ въ часъ весенней полудни,
 Изъ облакъ мѣсечъ золотой,
 Выходитъ ратникъ молодой,
 Мечъ острый на бедрѣ свѣтъ,
 Кошь десницу вружаетъ;
 Нагнувъ на челю шедомъ,
 И тибкой сталь покрывъ щитомъ;
 Зарю дана серебритъ
 Скозъ угрешей въ долинѣ царь.

«О юнай ратникъ!» рекъ Тоскаръ,
 «Сь какимъ прагомъ тебѣ сражаель?
 «Ужель и въ сей странѣ война
 «Багрянь румель струится волна?
 «По все спокойно - тишина
 «Окрестъ жилища вѣжонъ Кольна».

— Спокойно дебри Каломона,
 Цвететь отцнзы край длатой;
 Но Кольна тамъ не обитаель;
 И шайъ по слезѣ глухой
 Нустьяно сь мѣламъ протекаетъ,
 Наблнвннмъ сердце красотъ! —

«Что рекъ ты мѣб, млатон вонтель?
 «Куда сокрыла похититель?
 «Водай мѣб шить шой!» И Тоскаръ
 Прѣмаетъ шить, пылаа мшеньемъ,
 Но вдуръ взмелъ геройства жаръ;
 Что зреть онь сь сладкимъ восмищемъ?
 Не въ слаухъ въ страсти воздохнуть,
 Пылаа вдуръ восторгомъ пономъ...
 Длѣйна обжаклалъ грудь,
 Ночь грознымъ мшнуща покровомъ...
 «Ты ль это?» возопилъ Герой,
 И трепетно рукой прожженъ
 Сь славы свимаель племъ блещущиъ,
 И Кольну вить прѣтъ собой.

Александръ Нкшл.

Viens, jeune Odull, l'ombre te favorise,
Viens, me voilà sur le feuillage assise,
Par mes soupirs je compte les momens,
Pour te presser mes bras déjà s'étendent,
Mon coeur t'appelle, et mes lèvres t'attendent:
Viens; mes baisers seront doux et brûlans.

Cruel Asgar, je bais ton oeil farouche;
Le mot d'amour est triste sur ta bouche;
Va, porte ailleurs cet amour insolent.
En autre enlu à mes côtés sommeille,
A mes côtés un autre se réveille;
Et son baiser est humide et brûlant .

Mais qui peut donc arrêter sa tendresse?
Pour lui je veille, et pour lui ma faiblesse
Vient d'écarter les jaloux vétérens.
J'entends du bruit; c'est lui, de sa présence
Mon coeur m'assure, et mon bonheur commence.
Baisers d'amour, soyez longs et brûlans .

D'un pas rapide il arrive à la grotte,
Ce jeune Odull; mais d'un autre guerrier
Il voit dans l'ombre étinceler l'acier.
Si ou cruel! son ame hésite et il tte:
Il dit enfin: « Quel projet te conduit?
Que cherches-tu? parle, enfant de la nuit.
— Faible rival, que cherches-tu t i même?
Réplique Asgar: de la beauté que j'aime
Je suis jaloux; c'est un astre nouveau
Qui pour moi seul brille sur le coteau .

Le fer en main, l'un sur l'autre ils s'élancent,
D'Elveige alors le coeur est alarmé:
Elle frémit, et ses pieds nus s'avancent
A la lueur d'un tron enflammé.

Viens, dit Odull, de tes yeux invidés
Voilà l'objet; perdue, tu l'appelles;
Mais dans la mort il ira te chercher .
Terrible il frappe, et la tremblante Elveize
Tombe à ses pieds comme un flocon de neige
Qu'un tourbillon détache du rocher.
Les deux rivaux avec un cri farouche
Lèvent soudain leur bras désespérés;
D'un coup pareil leurs flans sont déchirés;
Sur la buiyère ils roulent séparés;
Le nom d'Elveige expire sur leur bouche;
Et de leur sein s'échappe sans retour
Le sang, le vie, et la haine et l'amour.

Сопоставивши эпизодъ изъ поэмы Парни съ Пушкинскимъ изображеніемъ, нельзя не согласиться съ Гаевскимъ, что, «кроме первой строфы, все остальное переведено довольно близко, а некоторыя построчныя». «Потобная вѣрность», прибалжеть Гаевскій, «рѣдко встрѣчается въ немногихъ переводахъ Пушкина, похотнго потыиваются душой мысли, борьба — соперничествъ и смерть въхъ, соста-

вляющія одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, переведены слабѣе всего».

Стихи этого мѣста, дѣйствительно, очень сухи и архаичны, что нетрудно объяснить тѣмъ, что переводчикъ вносилъ одушевленіе только въ эротическія строки.

«Элега» впервые была напечатана въ посмертномъ изданіи (Сиб. 1841, т. IX, стр. 277) безъ всякаго обозначенія, что она заимствована въ томъ-же видѣ, какъ она перепечатана изъ посмертнаго изданія въ настоящемъ. Это не помѣшало Бѣлинскому усмотрѣть тутъ подражательность; но только первоисточникъ ему остался неизвѣстнымъ. «Нѣтъ Осгаръ и Эдлега», — говорить онъ, — «наивныя скацинаевскія стихотворенія Батюшкова».

Точнѣе было-бы сказать «Сномъ вонювъ» Батюшкова. Но дѣло-то въ томъ, что и «Сонъ Вонювъ» заимствованъ, какъ и «Элега», изъ поэмы Парни.

«Сонъ Вонювъ», конечно, былъ извѣстенъ Пушкину, потому что онъ появился уже въ «Вѣсти. Евр.» 1811 г. (№ 3). Но вліяніе его на Пушкина могло заключаться только въ томъ, что Батюшковскій переводъ съ его подзаглавіемъ «Вольный переводъ изъ поэмы Пенелъ и Аслета» обращалъ вниманіе юнаго поэта на Парни. Впрочемъ, и тутъ было дѣйствіе не только Батюшкова; «Snæl et Asléga» была въ то время модною повѣстью. Впервые напечатанная въ 1802 году, она въ переработанномъ видѣ и съ подраздѣленіемъ на IV' вѣсти явилась въ 1808 г. Въ Россіи поэма имѣла особенныя успѣхи. Ею, кромѣ Батюшкова, увлеклись Крыловъ и Давытовъ. Крыловъ, по указанію Гаевскаго ¹⁾, написалъ романъ «Въ краю мужкомъ Аслета, другъ мой милый»; Давытовъ — романъ «Слѣду на берегу потока». Къ указаннымъ Гаевскимъ авторамъ можно присоединить Туманскаго. Изд. 1881 г. стр. 25, 26, 31.

По существу, однако, выборъ Пушкина былъ видѣвъ самостоятельны. Батюшковъ, Крыловъ и Давытовъ заинтересовались III-ю пѣснью, Пушкинъ IV-ю.

Приспособляясь къ русской фонетикѣ, Пушкинъ Elveige Парни переименовалъ въ Эдлегу. Asgar онъ перевелъ въ Осгара.

Мы печатаемъ «Эдлегу» видѣвъ точно по посмертному изданію, какъ единственному первоисточнику. Въ концѣ тома, въ статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста»

1) Въ повѣсткѣ и думѣхъ изд. соч. Крылова подъ ред. В. В. Калана мы его не нашли.

ЮНЫЕ РАТНИКИ И ДѢВЫ ОССИАНОВСКИХЪ ПОЭМЪ.

Изъ англостранной Манфредовской поэмы 1792 годъ.

К. Э В Л Е Т А.

Вдали ты зришь утесъ усипенный!
 Пещеры въ немъ парялась глубина;
 Темнѣеть вхошь, кустами окруженный:
 Вблизи шумить и пѣвнѣть волна.
 Вечоръ, когда туманилась луна,
 Здѣсь милого Эдгета призывала:
 Здѣсь тихимъ гласъ горами перетывала
 Во тѣмъ пещорѣ, печальна и одна:

Приди, Одульфа! Ужъ рожа побавившая:
 На тѣхъ мой, Одульфа ждѣть я съла:
 Нылаеть грудь, да вдохомъ вдохъ летѣть,
 О! слаще жить, мой другъ, душа съ душою!
 Приди, Одульфа! забудься я съ тобою, —
 И поглауй любовно возгорить!

Вѣди, Остаръ! твой мнѣ страшна въора,
 Твой грозенъ вѣтъ и млати радужоры!
 Оставь меня, не мною торжествуй!
 Ужъ друтъ въ пещи со мною тремлетъ,
 Ужъ на зарѣ друтъ меня объемлетъ,
 И сладостенъ его мнѣ поглауй!

То жъ мечить онъ свершить мой
 патекъ?
 Для милого я сбросила одежа,
 Завѣстивши покровъ у ногъ лежать,
 Но, чу! вѣтъ такъ! это друтъ паважной!
 Ужъ начались восторги страсти паважной
 И поглауй любовно возгорить.

Цѣтъ Одульфа, во взорахъ умоенье,
 Въ груди любовь, и прочь обаянь печаль:
 Но близъ него во тѣмъ свернула сталь,
 И вздрогнула онъ, рожилось подозрѣнье:
 Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣдан!
 Обнявъ мнѣ, о шумъ урюмомъ пещи!

— Безсильная вракъ, Остаръ убѣдан!
 Въ пущивши тѣмъ, что шутъ робки очей?
 Страннѣе меня; и страстно воспаленъ,
 Въ пещорѣ здѣсь Эдгетъ ждѣть Остаръ:
 Булатный мечъ въ минуту обнявъ,
 Огонь летитъ струями отъ уара.

Услышала Эдгетъ стукъ мечей,
 И бросилъ со страхомъ хладъ пещорной,
 «Приди узрѣть предметъ любви твоей!
 Вскричалъ Одульфа по руцѣ вѣвжонной, вѣрной,
 Шамблннга! ты здѣсь его довести?
 Во тѣмъ пещорѣ вась услаживать пѣва
 По держакю въ Валатѣ на панешнѣ.

Онъ пошлакъ мечъ, и съ трепетомъ Эдгетъ
 Палеть на деръ, какъ клочъ летучи пѣва,
 Метельденъ отторженикъ со скалъ,
 Друтъ на друтъ совершника стремлетъ,
 Кровавыи токъ по камнямъ побѣкалъ:
 Въ кустарники съ отчаяньемъ каталъ,
 Поставивши гласъ Эдгету призывалъ,
 И смерти хладъ ихъ ярость оговалъ!

будутъ указаны всѣ различія съ текстомъ другихъ изданій. Здѣсь-же отмѣтимъ только, что, придерживаясь орфографіи Пушкинскаго времени, мы важна печатаемъ.

Во глѣбъ почной,

а не во глѣбъ почной, какъ въ другія изданія. Эта такая существенная особенность произношенія Пушкинскихъ времени, что устранить ее — значитъ погрѣшить противъ подлинной музыки Пушкинскаго стиха.

16. ОСТАРЬ.

Какъ и «Флэга», «Остарь» при жизни Пушкина не печаталась и появилась только въ посмертномъ изданіи (т. IX, Спб., 1841, стр. 272—276) въ рубрику «Индійскія Стихотворенія». Аишкоровъ отнесъ его къ «стихотвореніямъ пещидивнаму говору». Гаевскій, не приводя определенныхъ доказательствъ, приурочиваетъ его къ 1814 г. Хронологія Гаевского вполнѣ приемлема, такъ какъ несомнѣнно, что «Остарь», «Флэга» и появлялись въ печати уже въ 1815 г. «Кольца» (см. № 14 выше) вышли изъ одного творческаго увлеченія мотивами «Свѣрной полян».

Въ выходящей статьѣ Е. В. Балабановой читатель найдетъ данныя для сужденія о томъ, въ какой малой мѣрѣ сказалось вліяніе Мафферонскаго Оссіана на «Остара». Здѣсь-же отмѣтимъ, что Пушкинскія «Остарь» представляютъ собою механическую смѣсь нѣкоторыхъ чисто-вѣдическихъ диметрическихъ стиховъ Оссіана съ поразительнымъ общему духу извѣстной уже намъ по «Флэгѣ» поэмѣ Парии «Jsnel et Asléga».

Какъ уже указали Гаевскій и Леонтьевъ Манковъ, слѣдующее мѣсто въ Гибети «Jsnel et A. léga» особенно близко походитъ, если и не по содержанию, то по наиболее характернымъ подробностямъ.

La nuit descend; l'et de pacifique
S'écroule au nord sur un lit de frimas,
Pres d'un torrent, qui roule avec fracas
Ses flots bouillans, s'élève un roit rustique;
De vieux sapons le courent de leurs bras,
C'est la qu'Obrowan a dit de ses pas,
Trois fois il frappe, et trois fois il crie,
Si l'en répond a ses vœux empressés,
Il n'entend rien et dit: Ses yeux lassés

Au doux sommeil ont succombé sans doute,
Il frappe encore, et soudain il ajoute:
Belle Rusla, c'est moi; c'est ton amant
Qui vient chercher le prix de sa tendresse.
Quoi! du sommeil est-ce là le moment?
Réveille-toi, Rusla; tiens ta promesse;
Ne tarde plus. Un vent impétueux,
Un vent glacé siffle dans mes cheveux,
Sous un ciel par l'étoile scintillante
Du froid naissant atteste la rigueur.
Ne tarde plus; et que ma voix tremblante,
Belle Rusla, passe jusqu'à ton cœur,
Un long soupir, échappé de sa bouche,
Suivit ces mots: il frappe, et cette fois
La porte cède à la main qui la touche.

Въ самомъ содержаніи своего стихотворенія Пушкинъ, однако, вполнѣ самостоятеленъ. У Парии «Belle Rusla» и Обровны — образецъ взаимной вѣрности, у Пушкина — все основано на извѣстнѣхъ и мѣстн.

Л. П. Майковъ почему-то говоритъ по поводу «Остара»: «Должно признать, что поразительная поэмка Пушкина имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ».

Доказательствомъ этой «дѣтскости» для Майкова служитъ то, что «въ 11 строкѣ стиха 9 (строфы 1—5 и 8—9) наполнены мотивами и образами изъ поэмъ извѣстныхъ Мафферонскому, и составлено, такъ сказать, подтѣлку поэтъ Оссіана, а остальныя двѣ строфы, 6-я и 7-я, переведены съ нѣкоторыми сокращеніями и съ перемѣною имени, изъ Гибети поэмы Парии «Jsnel et Asléga».

Нельзя не признать вліяніе Майкова и совершенно невѣрнымъ, и крайне несправедливымъ. Что касается смѣшенія стилей Мафферонъ-Оссіановскаго и Парии, то если это считать проявленіемъ «дѣтскости», то что уже сказать о поэмѣ Парии, гдѣ смѣшеніе мимо-«свѣрнаго» стиля съ выложенностью версальскаго шорда походить прямо то комизма.

А съ эстетической точки зрѣнія «Остарь» еще менѣе можетъ быть названа «дѣтскимъ» произведеніемъ. Конечно, стихотвореніе, въ общемъ, слабое, и по схематичной, элементарной психологической героинѣ, и по искусственности языка и другимъ примѣвамъ. Но это уже недостатки, общіе всей поэмѣ. Ничъ ничего дѣтскаго въ «Остарѣ» и по вполнѣ разработанному и стильному языку. Въ общемъ, поэтъ этимъ стихотвореніемъ могъ-бы пошлестись любой изъ извѣстныхъ литераторовъ начала вѣка.

16. ОСТАРЬ.

По камням гробовым, в туманах подножи,
 Случай трепетно усталую ногой,
 Но Лорд пушище щель: его напрасно очи
 Почему мирного некали в мб тустой,
 Нешеря вить предь нимь, на берегв урюмомь,
 Не видить мжакны, наследья рыбари:
 Не вали премудий борь качаючь вбтра съ шумомь,
 Луна да туманы, и вь морь синь заря.

Щель, и на скаль, обросней влажньюмь мохомь,
 Зреть бард старато веселье грошньюмь дльк:
 Склонись сьбамь чедомь пать воюшньюмь потокомь,
 Вь безмодий, времянь оны созерцаль полеть,
 Зубчатый мечь висель, на вбтнн мрачнои тнл,
 Задумчивый пвездь взорь тихий обратиль,
 На сына чуждяхь странь, и пушичь боудньюмь
 Сопрося вь ужась и мимо пошвннль.

«Стоп, пушичь! Стой!» вбщаль пвездь вьковь
 минушньюмь;
 Сдльсь пали уабрьас: почти нль бранннй прахь,
 Почти геройство чадь, мошды спомь услужннхь!»
 Пришлель, главои поникь — и, мнллось, на холмачь
 Возставннй рдць дльней главои окровавленнй
 Съ улыбокь гордою на странннчка склоннль,
 «Чей гробь я вижу тамь?» вбщаль нноиленннй,
 И Барду посохомь на берегь указаль.

Колчань и щельмь стальной, кь утесу приво-
 женннй,
 Бросали дускнн дучь, дунои одалясь,
 Умы, дльсь пать, Остарь! рець старель вдохновеннй,
 О, рано юношв насталь послвнннй чась!
 Но онь некаль его: я дрльк, какь вь ратномь строб
 Онь первая стрбаль съ весельемь ожннль,
 И рвалсь нль рядовь и пать вь кнннщемь бов,
 Покойсь, юноша! на вь брани славнои пать!

Во цвбв вьзвнхь дльсь любиль Остарь Мальяну:
 Пераль онь кь радости съ подругою вбдрьваль
 Вечерннй снбвь дуна, скользящнй на долину,
 Е тльвь уащнью съ приморскнхь грознхь скаль,
 Кажалось, нль сердца пучь кь груду пламенннхь:
 Огонь, оной Остарь Мальяноио днннль,
 Но быстро нн любви и счастья прудельнн,
 И вечерь горести для юноши насталь!...

Онакнн, вь темну ночь днмь порон уаилой,
 Остарь случнтся вь дверь красннцы млатой,
 И шепчель: «Юноша пучь, не медлн, дльсь твои млатой!
 Но тихо вь мжакнв, внонь робкою рукои
 Случнть и случнтьс: дннь вбтра съ свнстомь воючь,
 Ужедн снннь теперь, Мальяна!» Мла вокругь,
 Ваднть снбвь, влась вь туманв дельнньюмь,
 Услншь, услншь мени, Мальяна, мнннй пучь!

«Остаръ», по литературнымъ достоинствамъ, во всякомъ случаѣ ничѣмъ не ниже «Кольна», которой оказалъ разумное гостеприимство такой переиздающей журналъ своего времени, какъ «Вѣстникъ Европы».

Совсемъ не приемлемо и другое замѣчаніе Машкова:

Замѣтимъ также, что послѣдняя строфа Остара представляетъ некоторое сходство съ послѣднею строфою Золотой Арфы Жуковского:

Когда отъ потоповъ, холмовъ и полей
Восхотѣтъ туманы,
И свѣтъ, какъ въ пльмѣ, дуна безъ лучей—
Гдѣ вытѣтъ тѣни:
Сдѣвшись, дѣлать
Къ знакомой имъ свѣтъ...
И дубъ повѣстятъ и струны звучать.

Трудно было придумать болѣе не подходящую аналогию. Начать съ того, что она разбивается о хронологическія соображенія. Самъ-же Майковъ, процитировавъ конецъ «Золотой Арфы», тотчасъ-же прибавляетъ:

Это сходство дѣлается предпологаемымъ, что «Золоту Арфу» написанную въ 1841 году, Пушкинъ узналъ еще въ рукописи, такъ какъ эта баллада была напечатана лишь въ 1856 году въ № 3 журнала «Афины».

Такую гипотезу можно выводить только съ опредѣленными указаніями, а не тогда, когда плѣтвователь выуживаетъ «предположенія».

Но гораздо болѣе эту формальную аналогию можно выводить изъ значенія диаметрально-противоположное внутреннее настроеніе баллады Жуковского. «Золоту Арфу» это любовно-романтическая повесть на любимыхъ мотивъ Жуковского

страданія двухъ любящихъ сердецъ, безконечно вѣрныхъ другъ другу, но не любящихъ, по волѣ старшихъ, возможности соединиться «навѣкъ». Покорно они потчиваются этой волѣ съ тоскою умирають въ надеждѣ свидѣться въ лучшемъ мѣрѣ.

Гдѣ-же въ этомъ апоэозѣ «резильдіи» хотя бы отдаленное сходство съ «Остаромъ», гдѣ все построено на бурномъ потоке страстей, не знающихъ никакихъ препокъ. Единственно, что связываетъ «Остара» и «Золоту Арфу», это то, что и въ «Золотой Арфѣ» Оссаиновскій интуражъ—«Владыко Морена», «могучій Ордакъ» и т. д.

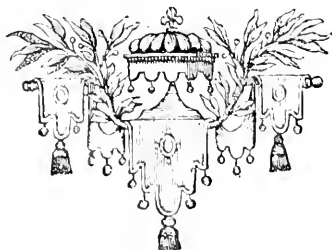
Заслуживаетъ вниманія указаніе Н. О. Морозова, что введенное Пушкинымъ имя Зингела имѣетъ какъ-будто литовскій характеръ. Можно къ этому прибавить, что и Rusla Парри отзывается чѣмъ-то славянскимъ.

О мелкихъ отличіяхъ печатаемаго нами текста см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Здѣсь-же отмѣтимъ только, что мы удерживаемъ правоиснае Пушкинскаго времени: мечъ, дубъ и—во причинамъ, указаннымъ на стр. 94,—тма, а не тма.

Противъ текста посмертнаго изданія мы сдѣлали только одно отступленіе, поставивши на мѣсто 64-й строки рядъ точекъ. Какъ совершенно правильно указалъ Н. А. Ефремовъ въ первомъ своемъ изданіи: «Г. Липенковъ, имѣвшій въ рукахъ всѣ рукописи поэта, не досмотрѣлъ проуска посмертнымъ изданіемъ заключительнаго стиха 8-й строфы Остара».

Недостаетъ, очевидно, строки съ рифмою на *ой*.

С. Венгеровъ.

Онь въ третій разъ стучить. Со скрипомъ перо шатаючись:
 Онь входитъ съ трепетомъ: несчастный! что-жъ удришь?
 Темнѣетъ взоръ его: Мальвина содрогнулася:
 Онь дрищъ въ объятіяхъ измѣнища Звигнела!
 И прощъ такая во взорахъ закинула:
 Шибѣтъ и трожать любовника молотой.
 Онь грозный мечъ иделькъ и пѣлъ уже Звигнела,
 И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмъ ночной!
 Мальвина обила несчастного колѣна,
 Но взора отратила: «живи!» вѣщала Остарь:
 Живи, ужъ я не твоей, презрѣнна мною: измѣна,
 Забуду, погущу въ невѣрной страсти жаръ.
 И тихо за порогъ выходить онь въ молчаньи,
 Оканъ мрачною, безмолвною тоскою
 Нечелю сладкое на-вѣкъ очарованье!

Я видѣлъ юношу: поникнукъ головою,
 Мальвина имя онь въ отчаяннѣ шептала:
 Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морского,
 На сердцѣ горестномъ дышала мракъ лежала.
 На друга дѣлакъ дѣвъ вланиуль онь горюдило:
 Уже невозможный взоръ друзей не узнавалъ.
 Онь притеснить удалецъ въ пустынь молчаливой
 Онь одиночествомъ печаль свою шпала.
 И диница годъ проведъ Остарь среди мученій,
 Вкругъ гробуль дубинанъ плакъ: Онеговъ свѣтъ, Фиталъ,
 Вель грозныхъ на мечи въ кровавой палъ сраженій,
 Остарь посылалъ вѣсть и бранью посылалъ.
 Дѣвъ мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала:
 Покрываетъ ранами, дѣвъ палъ на гробу съѣлъ:
 Онь палъ — еще рука меча кругомъ искала,
 И кривикій совъ вѣковъ на сѣдлаго слетѣлъ!
 — Побѣди печать враги — и тихій миръ герою!
 И тихо все вокругъ молчаливого хома!
 Лишь въ осень хладную, безмѣсной порою,
 Когда вершины горъ тлечить сырая тма,
 Въ багровомъ облакѣ, одвинуа туманомъ,
 На камнѣ гробовомъ ушла глѣнь снѣговъ.
 И стрѣла дребезжала, стучить броня съ колчаномъ,
 И делькъ, занежелая, таинственно шумѣтъ.

ПУШКИНЪ И ОССИАНЪ.

Биографы и исследователи поэзии Пушкина склонны приывать большое значение влиянию Оссiana на юного Пушкина. Оссianское влияние неслышно ставит рядом с влиянием Парни, поэзия которого, действительно, произвела решающее воздействие на первый период творчества Пушкина. В виду этого мы могли бы думать, что читателям, особенно зрелым, о мало теперь уже известном большой публики Шивигельном или Уингеме — Оссianъ — Авторъ нижеприведеннаго очерка — Е. В. Вадобанова, который принадлежит наиболее авторитетное въ нашей литературѣ исследование объ Оссianъ и переводъ его, приходить къ тому интересному выводу, что влияние Оссiana на Пушкина было совершенно ничтожно. Ред.

I.

Въ 1760 г. въ Эдинбургѣ появляется книга подъ заглавіемъ: «Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands and translated from the gaelic or erse language by James Macpherson». Макферсонъ, авторъ этой книги, еще очень юный поэтъ, начавшій по повеленію ея всего нѣсколько незначительныхъ стихотвореній, называлъ себя простымъ переводчикомъ старинной рукописи, сохранившей поэзію барда Оссiana 1, сына Фингала, жившаго въ III-мъ столѣтіи нашей эры въ Северной Шотландіи, въ Гейландѣ.

Огромное впечатлѣніе произвело появленіе этого памятника не только во всей европейской литературѣ, но и во всемъ европейскомъ образованномъ обществѣ: это было не только новое описаніе всеобщаго восторга, можно сказать безъ преувеличенія, что Оссianъ прошелъ завоевателемъ по всей Европѣ. Чѣмъ же можетъ быть объяснено такое впечатлѣніе? Прежде всего, разумеется, тѣмъ историческимъ моментомъ, въ который появился Оссianъ. Еще долго до Макферсона, еще даже до Руссо, европейская литература, особенно англійская, уже начинала отражать общую неутоляемость существующей культурной жизни: ея манерностью, искусственностью и сложностью. Оссianъ стремление души пасть къ старину, къ первобытной жизни, къ природѣ; стремление найти новую форму, новую смелость существованія. Психическія картины въ стихотвореніяхъ англійскихъ поэтовъ Томсона и Юнга; пастушескія наивности Попа и Гейнера съ ихъ перенятыми дитяческими пейзажами и наконецъ, глубокія, полныя

одушевленія мечты Руссо о первобытной жизни, ярко свидѣтельствуютъ объ этомъ настроеніи.

Отсюда же и увлеченіе «Илиадой» и «Одиссеей» — единственно доступными тогда памятниками народнаго творчества. До XVIII в. не существовало такъ называемаго Гомеровскаго вопроса, — Гомеръ считался такимъ же греческимъ писателемъ, какъ Софокль или Еврипидъ. Но въ первой половинѣ этого вѣка итальянскій писатель Вико, въ своей Scienza Nuova, первый обратилъ вниманіе на «Илиаду» и «Одиссею», какъ на народное произведеніе, и призналъ Гомера не авторомъ, а редакторомъ. Вико постарался даже разобратся въ греческомъ эпосѣ и нашелъ, что, какъ въ «Илиадѣ», такъ и въ «Одиссее» собраны пѣсни двухъ совершенно разныхъ эпохъ: болѣе ранняя, отбывшійя влиянію восточной цивилизаціи, и болѣе поздняя, отразившійя датское влияніе. Съ легкой руки Вико, Гомеромъ занялась и германская и англійская литература, и такимъ образомъ гомеровскій вопросъ подготовилъ попу Оссianу, претендировавъ по историческому очарованію, съ которымъ онъ овладѣлъ всѣми умами. Прежде всего онъ былъ понятъ, какъ памятникъ народнаго творчества и потому гораздо ближе стоявшій къ пониманію человека XVIII вѣка, чѣмъ Гомеръ. Вертеръ признается, что Оссianъ вывелъкъ для его сердца даже Гомера: «Что да мнѣ, въ которой вѣдь не мѣняю, этотъ чудный Оссianъ! Странствовать въ пустыни, вѣдь слышать бурнаго вѣтра, который въ туманныхъ облакахъ уноситъ души отцовъ, слышать изъ горъ шумъ дѣвственнаго потока, слышать изъ нѣдръ души нещель... Это не только припадокъ сентиментальнаго Вертера, это припадокъ вѣчно утомленнаго вѣка, рождающаго для манер-

1 Бардъ — кельтскій народный пѣвецъ, поэтъ, сказочникъ, волшебникъ.

ности, худобы и искусственности на широкой просторе неподдельной природы.

Но не прошло и нескольких лет после появления Макферсоновского Оссаяна, как в Англии поднялась дикая буря обвинений Макферсона как подделка этого произведения. Юнг, Шю, Дэнш и пр. с ожесточением навали на него, удивая как со стороны исторической и художественной, так и филологической. Однако, несмотря на ряд чувствительных ударов, нанесенных ими Макферсону, его противники все же не могли повести снова до окончательной победы, и так называемый Оссаяновский вопрос, т. е. вопрос о подлинности этого произведения, сыравшего такую огромную роль в истории литературы, продолжался на сцене в течение двенадцати столетий и только в 50-х гг. минувшего века была окончательно снята в архиве Макферсона, автор Оссаяновских поэм, объявлен обманщиком, его произведение подожжено. Притворясь этим, поещий в законную силу, поваль в школьную обиход и в то время вновь шаблонно отражается в большинстве работ по истории литературы нашего периода. Такое отношение может быть объяснено отчасти и тем, что Оссаяновский вопрос, с знакомым романтизмом, утратил всякое значение, — нам совершенно перестали интересовать, и если иногда теперь он и поднимается, то лишь как мимолетное воспоминание былого величия.

Но как теперь, когда Оссаян сошел со сцены, а настроение, роковое ему, не только уделось, но и умерло, впрямую, без надежды воскреснуть, на читателя производить впечатление свежести его тона, возмущающие образы, точность чувств природы, — что же было тогда, когда дым фабрик и шум машинного колеса не закончили и не оглушили человечества?

Но филологи-фольклористы не могли утратить интереса к Оссаяну, и по мере разработки древне-прантского и вообще кельтских памятников, благодаря трудам O'Curry, Wendisch'a, D'Arbois de Jubainvill'a, Guédoz'a Lotha'a, Le Braz'a и др. благодаря работам прантского и гелландского Оссаяновских общества, Оссаяновский вопрос все чаще и чаще начинал появляться на сцене из темных потребов историко-литературного архива, но разумеется, в совершенно другой оболочке. Никто теперь не станет утверждать, что

Макферсоновский Оссаян есть подделанный памятник старинной шотландской поэзии, но, несомненно, это отдаление и является необходимым показателем живучести народной памяти и неподдаемости народной творчества. Всего легче было бы предположить, что да Макферсом не стоить думать, подобие Макферсона, но ближе соприкасающейся с народными певцами, т. е. предположить даже тогда же личный певец, который теперь считается допустимым по отношению к Гомеровскому эпосу и к Библии — сам с тою только разницей, что в Оссаян мы имеем дело с народным творчеством и более поэтизм, и не слышим вконец.

Как в средние века кельтские мотивы прошли по всей Европе, начиная с бретонских lais и кончая романами Круглого Стола, так и здесь, благодаря Макферсону, кельтские сюжеты вновь обновили всю Европу. Но как тогда, так и теперь имели значение не только сюжеты, но главным образом и язык, и стиль, и с этой точки зрения оссаянизм никогда не утратит своего значения для истории литературы, какого бы мифа ни держались критики о подлинности Макферсоновского Оссаяна.

Публикация Макферсоновского Оссаяна 1760 г. заключала в себя всего 15 пьес, но общество шотландских патриотов, посвященное к своей национальной гордости успехом Оссаяна, кало Макферсону средства на новое путешествие в Гейлэнд с целью открытий: в 1762 г. вышло 2-е издание Оссаяновских поэм с весьма значительным прибавлением, до 39 пьес. С этого последнего были сделаны переводы на все европейские языки, между прочим и на французский французский перевод Ледуэра, с которого в свою очередь перевел наш Костров, не давший английского языка. Впрочем, Костров перевел не все пьесы, а только 24, по числу пьес «Плясы» и «Одиссея», причем не стался выбором, а потому из его перевода вышло много искусственных поэм. В 1765 г. вышло новое издание в 2-х томах, значительно исправленное, все слитком заморное было включено. Это издание, заключающее в себя 22 пьесы, стало прототипом во всех последующих изданиях и переводах.

Учудо умственным запомнить здесь, что Оссаян Макферсона написан прозой, хотя и очень художественной и слеза

кампанованной, но все-же прозой, а потому разнравившіяся урбеки по адресу переводчиковъ, что они знаютъ только прозаическіе переводы, несправедлива. Есть нѣсколько стихотворныхъ переводовъ Оссіана; но они, разумеется, не могутъ считаться переводами, такъ какъ отступаютъ отъ подлинника въ основномъ отношеніи.

Въ литературномъ мірѣ первый обратилъ вниманіе на Оссіана докторъ Блэръ, профессоръ риторики и литературы въ Эдинбургскомъ университетѣ, начатавній разборъ этого произведенія, въ подлинность котораго онъ совершенно вѣрилъ. Макферсонъ утверждалъ, что его Оссіанъ былъ дословный переводъ одной древней рукописи, сохранившейся въ семействѣ Кланъ Роналдовъ. Многие критики сомнѣвались ему, въ виду появившихся сомнѣній, показавъ ему рукопись какими-нибудь специалистамъ, которые могли-бы констатировать вѣрность перевода. Но Макферсонъ не только ничѣмъ не отозвался на это, но также не выступалъ ни съ однимъ разъясненіемъ обращенныхъ къ нему вопросовъ, предоставляя полемику своимъ друзьямъ. Наконецъ, когда въ 1775 г. знаменитый критикъ Джонсонъ, вернувшись изъ своей поѣздки въ Гейдельбергъ, началъ на него съ ожесточеніемъ, онъ выступилъ съ движеніемъ, что оригиналъ его перевода будетъ имъ выставленъ, по полученіи его отъ издателя, у эдинбургскаго книгопродавца. Общданіе это не было исполнено, за кетати и Джонсонъ болѣе не понималъ Оссіановскаго вопроса; сторонники Макферсона удивили его въ полномъ незнааніи арійскаго языка, о которомъ онъ сущая такъ смѣло, считая его до такой степени глупымъ и бѣшенымъ, что былъ молъ выразить лишь самыя первоначальныя понятія, а несмысленность его содѣлать совѣмъ независимъ, мучили не на глазахъ самого Джонсона, Радумбетя, и въ этомъ онъ былъ удивченъ.

Вокругъ борьбы приняла характеръ узко-национализмъ, все болѣе и болѣе отдалая отъ научной критики. Преліанскіе ученые съ ожесточеніемъ начали на Макферсона; но него никто не оспаривалъ преліанскаго происхожденія финланскихъ героевъ и никто нигде не подтверждалъ даже возможность великопопней самостоятельной шотландской Оссіановской дегеніи. Въ покрѣпленіе Макферсону, въ 1780 г., вышло на сборникъ шотландскихъ Оссіановскихъ пѣсень, на англи-

скомъ языкѣ, по съ галльскимъ текстомъ en regard: 1. Сборникъ Джона Кларке, подъ заглавіемъ «Произведенія каледонскихъ бартовъ». 2. «Галльскія древности» Джона Смита; въ предисловіи послѣдняго сборника Смитъ разужаетъ о подлинности Макферсоновскаго Оссіана и ссылается на людей, видѣвшихъ оригиналъ его, вѣроятно, тогда, который впоследствии былъ обнародованъ. Истинъ этихъ духъ сборниковъ, хотя и не совѣмъ походя на Макферсоновскаго Оссіана по стилю, были до того сходны съ нимъ по духу и тону, что могли служить всякимъ доказательствомъ въ его пользу. Споръ продолжался, однако, еще нѣсколько лѣтъ безъ всякаго результата. Гейзенское патриотическое общество назначило коммисію для изслѣдованія вопроса о подлинности Оссіана. Во время ея занятій умеръ Макферсонъ, въ 1796 г., а черезъ два года послѣ его смерти появились, наконецъ, и оригиналы Макферсона, или, лучше сказать, появились одиннадцать пѣсень на галльскомъ языкѣ и между ними двѣ большія эпическія: «Фингалъ», съ основными латинскимъ и англійскимъ переводами, и «Гемора» съ латинскимъ. Это все, что нашлось въ бумагахъ Макферсона послѣ его смерти и что было перепано имъ еще при жизни Джоунъ Маккензи; но ни одной старой рукописи, ничего походяго на старинный текстъ! Такъ и осталось неразгаданнымъ были-ли въ распоряженіи Макферсона какой-нибудь древній памятникъ, или не было никакого. Существуетъ очень странное, по тѣмъ не менѣе достоверное извѣстіе, что въ шотландской школѣ во Флантринъ далою до Макферсона была какая-то таинственная рукопись, впоследствии уничтоженная невнимательными отношеніемъ учениковъ. Сенклеръ извѣрялъ, что это была манускриптъ Оссіановскихъ пѣсень и что онъ самъ его видѣлъ въ 1745 г., по преліанскій ученый Друммонтъ утверждалъ, что это былъ экземпляръ преліанскаго финланскаго сказанія. Вопросъ этотъ остался открытымъ навсегда. Въ началѣ XIX ст. гелландская коммисія, наконецъ, опубликовала результаты своей пласканий, весьма, однако, незначительные: въ шестидесять лѣтъ, которая прошла со времени появленія Макферсоновскаго Оссіана, многое плмнилось и утратилось въ Гейдельбергъ. Конечно, начтено было нѣсколько преліаній о финланскъ Оссіанѣ. Оскаръ и пр., по ничто

похожато на Макферсоновский текст, не было найдено. Комиссия, в топониме же к этому, дала множество писем по преимуществу известным людям, желавшим доказать подлинность Макферсоновского Оссиана, но в действительности ничего существенного не доказавших: многие утверждали, что в действительности слышали подобный текст, что братские письма записаны в их сельские тома и дамки Оссиановских преданий и т. п. Все это весьма вероятно, но все это не рукопись Клайв Рональдов, о которой говорили Макферсон. Многие Вальтеры Скоттом в главе, давали серьезные упреки комиссии в неточности в том, что она дала представление дублинскому возстановить веру в подлинность Макферсоновского Оссиана, а не добиться истины, какой бы она ни оказалась. Упреки эти основательны: напр., она раздала циркуляры с 6-ю вопросами по поводу Оссиана в огромном количестве экземпляров, а между тем ни одного не послала в Ирландию, где, несомненно, могли бы прийти все больше света, так как многие заморские ученые знали старинный галльский язык. Дублинская академическая библиотека и архивы частых лиц лишь публикуют массу неразработанного материала в виде старинных рукописей, анналов, документов, имеющих, может быть, какое-нибудь отношение к вопросу.

В настоящее время вопрос о национальности Оссиановских героев не может стать предметом спора: жители северной Шотландии и Ирландии принадлежали к одному племени, сохранили сравнительно тождественные национальные черты, благодаря тому, что римское завоевание не коснулось ни той, ни другой

страны. Жители их находились в постоянных сношениях и весьма вероятно, что легенды были передаваемы из Ирландии в Шотландию. Несомненно теперь, что отечество Оссиановской легенды есть Ирландия, но крайней мерой, она самая древней ее источник. Но можно ее постоянно утверждать, что самостоятельная шотландская легенда о Финн и Оссиан не только несомненно существовала, но что она и до сих пор существует в устах народа, и что хотя она сохранилась не непосредственно, но дано локализоваться в горах и полях Гейлэнга, иметь свои особенности и отличия от ирландской. Таким образом, Макферсону неудачно было собирать свои материалы в Ирландии.

В Ирландии существовало два главных цикла сказаний, которые даже в позднейшее время не смешивались между собой. Больше древний, сказочный цикл Кухулина и больше новый — Финианский. Первый, вероятно, принадлежит к 1-му и не поздне 2-го века нашей эры: он отражает массу черт, напоминающих то, что мы знаем о галльском кельтах по Цезарю, и дает обширную картину древней жизни кельтов, не романизованных кельтов, о которых мы не имеем других сведений, кроме собранных Момсеном в 3-м томе его Римской Истории. Эти сведения о галльских кельтах находят подтверждение и в ирландских сказаниях. Кроме того, мы здесь знакомимся и с специально ирландскими бытовыми чертами: употребляется самая мельчайшая подробность быта — описание одежды, ее покрой и цвета.

1. Дальше языка Фриза (Frith) романе не пошли на север Шотландии, а в Ирландии они не только пропали, — 2. Frith: Zeitschrift f. d. Literatur, N. 29, 1875.

ДЖЕМСЬ МАКФЕРСОНЪ.

Съ портрета въ доповоковой национальной портретной галерее.

украшения, оружія, утвари, жилища и проч. Мы узнаемъ, что Ирландія въ то время была страной не земледѣльческой, а болѣею стала быковъ, барановъ и свиней составляли все богатство ея обитателей. Самое драгоценное скание этого дикаго, но массѣ бытовыхъ подробностей, есть скание о «воровствѣ короля Куалъжа» *Táin Bé Cvalgue* ¹.

Болѣе подробный дикаго сканія — это дикаго Финіанскій. Историческія событія, служившія основаніемъ для этихъ преланій, относятся къ III-му в. по Р. Х.: о нихъ упоминается въ самыхъ древнихъ ирландскихъ рукописяхъ. Согласно преланіямъ, Ирландія составляла одно королевство, во главѣ котораго стоялъ король Таръ Теморъ. Король выбиралъ вождя для каждаго отдельнаго клана, а самъ былъ вождь вождей. Случилось, что при королѣ Коишъ (ста битвъ), который считался 121-мъ королемъ Ирландіи, находился очень уважаемый другъ: дочь этого друга, Миоринъ, славилась необыкновенной красотою, и отецъ просваталъ ее за своего вождя, но дочь короля, Кумгалъ, предводитель королевской арміи, поспалъ къ Миоринъ, когда друида отдалъ ему, силой увезъ ее. Друидъ обратился за защитой къ Коишъ: король приказалъ Кумгалу возвратитъ Миоринъ и покинуть навсегда Ирландію. Кумгалъ отказался повиноваться, и тогда возгорѣлся жестокая война, длившаяся довольно долго и съ переменнымъ счастьемъ: наконецъ, Коишъ одержалъ рѣшительную побѣду, а Кумгалъ былъ убитъ ². Сынъ Кумгала и Миоринъ, Финъ Мак-Кумгалъ, наследовалъ своему отцу въ управленіи финіями, которые составляли въ Ирландіи постоянное войско. Имъ нѣтъ по-ирландски — *fiann*, по употребленію всего на во множественномъ числѣ—*fianna*, потому что каждая провинція имѣла своей собственныя контингенты финіевъ. Эти финіи пользовались огромными привилегіями: всякая охота въ странѣ принадлежала имъ, и если кто-нибудь изъ жителей убивалъ оленя или ланя, то долженъ былъ удалитъ финіемъ штрафъ или отвѣтъ была за убитаго оленя и корову — за ланя. Никто не имѣлъ права выдать своею дочку замужъ прежде, чѣмъ не предложитъ дѣвушку въ замужество финіемъ своего клана. Если являлся фининъ, его

предпочитали, даже не спрашивая желанія самой дѣвушки, хотя вообще женщины у кельтовъ пользовались не только уваженіемъ, но и полнымъ равенствомъ въ имущественномъ и правовомъ отношеніи. Страна должна была очень страдать отъ такого ига финіевъ, и понятно, что требовательность нѣкъ сдѣлалась нестерпимой самимъ королемъ, что и повело до катастрофы: Карль, ирландскій король, выдать свою дочь замужъ, не спросивъ финіевъ. Фининъ, по въ предводительствомъ Оссіана (Оссина), сына Фингала, затворили о своему привилегіямъ и потребовали удовлетворенія. Раздѣренный Карль объявилъ имъ войну, и битва при Габарѣ рѣшила нѣкъ участь фининъ клана Моринъ остался вѣрными своему королю, а фининъ Лейнстера и др. клановъ присоединились къ Оссину. Самъ король Карль и сынъ Оссина, Оскаръ или Оскуръ, погибли въ битвѣ ³. Въ этомъ сраженіи при Габарѣ нанесенъ былъ ударъ военнымъ силамъ Ирландіи. Сто или сто двадцать лѣтъ спустя, явился въ Ирландіи св. Патрикъ и христіанство одержало рѣшительную побѣду надъ всѣмъ старымъ строемъ ирландской жизни.

Послѣдній изъ финіевъ, пережившій битву при Габарѣ, былъ, по преланію, Оссіанъ, сынъ Фингала. По одной изъ сохранившихся версій сканія, Оссіанъ вывѣтъ съ Мадлинной, женою его погибшаго сына, Оскура, прожилъ гораздо дольше возможной человеческой жизни, и оба въ глубокой старости вышли св. Патрика и жили до побѣды христіанства. По другой версії, очень оригинальной и рѣдкой ⁴, во времени появленія св. Патрика Оссіанъ уже давно находился въ странѣ Вѣной Юности—Едисевскія подлѣ ялической Ирландіи, но сильно затосковалъ о землѣ его отчужденія съ дикаваніемъ не хотѣлъ съ блудой дойти, на которой онъ побывалъ, и не касаясь земли. Вернувшись въ Эринъ, т. е. въ Ирландію, Оссіанъ забавля дикавнѣ и, вѣи дѣлей, гдето слышавшихъ слышать огромныя камни, хотѣлъ имъ помочь, съохитъ съ коня и, потрогавшись до земли, обращается къ прихлато старика, конь его неслезаетъ, и онъ не можетъ больше уже вернуться въ Страну Вѣной Юности, а между тѣмъ, окружающій его мѣръ ему из-

¹ Перев. Л. Ватобановой въ предисловіи къ переводу поэмъ Оссіана Макферсона. Сиб., 1894, стр. 19—23. ² Эта битва, по названіемъ, была при Куалъ, описана въ сканіи клана Лейнстера. Перев. Л. Ватобановой. Оссіанъ Макферсона. Сиб., 1894, стр. 11—15.

³ Хроника клана Лейнстера, XI в.—2 Цитируемо по переводу Виннива, помѣщеннаго въ статьѣ «L'Irlande légendaire irlandaise». Revue Celtique 1, V.

мбились, стать мужиками. Девки так скадаты, на границѣ двухъ міровъ, Оссаянъ встрѣчается со св. Патриккомъ.

Поднакомившись съ прелатскими претензіями, мы перейдемъ теперь къ шотландскимъ версіямъ.

Противники Макферсона, главнымъ образомъ, навалили на токъ его Оссаяна.

Меланхолическій токъ, горишонци,—своею вѣнъю прождевляемъ XVIII в., а не пѣвнымъ первобытнато баря.

Теперь можно съ увѣренностью скадаты, что этотъ меланхолическій токъ свойственъ шотландской Оссаяновской легендѣ, можетъ быть не первоначальной, но во всякомъ случаѣ той, которая сложилась тамъ далеко до Макферсона: шотландская пѣсня, приписанная Оссаяну, сохранившаяся въ сборникѣ Лесморскаго священника 1555 г., датируй за 200 лѣтъ до Макферсона, несомнѣнно, совершенно тождественна по стилю, току и настроенію съ Оссаяномъ Макферсона: для вѣрности я привожу ее здѣсь¹.

«Долго не проходитъ облака нато мною, Эта ночь была длинная ночь: день, который идетъ длинный день, и вышелъ онъ изъ еще болѣе тяжелаго дня. Не такой онъ, какимъ бы я его хотѣлъ: нѣтъ болѣе побѣды на полѣ битвы, шедшиковы; нѣтъ пѣсенъ, арфъ, прелестныхъ дѣвъ, горячихъ сердецъ, нагруженныхъ кораблей, богатыхъ праздниковъ щедраго повелителя, преслѣдованій оленя, тихаго разговора съ милой. Увы! я долженъ жить для того, чтобы не дышать веселья дома и въ полѣ, безъ звука охотничьяго рога, безъ собакъ и пухъ дѣв, безъ легкаго коня, безъ веселья отроковъ... Долго, долго не проходитъ облака нато мною! Нѣтъ болѣе грустнаго человѣка въ этомъ большомъ свѣтѣ, какъ я въ эту ночь... Бѣдный старикъ, безъ силъ въ костяхъ, стою здѣсь я, Оссаянъ, сынъ Фина, послѣдній потомокъ высокаго рода. Стою подъ холодными сѣрыми туманами, слушаю звонъ колоколовъ, и души почная путь нато мною безконечно...»

Въ прелатскихъ сказаніяхъ, какъ мы уже видѣли, оба дика Кухуллина и Оссаяна никакъ не смѣшиваются: въ шотландской же легендѣ—не только у Макферсона, но и въ друиу сборникахъ—шотное нѣтъ смѣшеніе, что даетъ поводъ Виннису скадаты: «Оссаянъ Макферсона и друиу шотландскія версіи представляются мнѣ какимъ-то калѣйкономъ, въ которомъ совер-

шенно нѣтъ разобранья». Но и здѣсь можно отмѣтить, что прелатскіе герои претовѣннато дика всета срываются на колеснигы, а Финагалъ, Оссаянъ, Оскаръ и др. всета и вѣнкомъ: ко времени послѣднихъ колесница вышла изъ употребленія, и шотландская легенда отразила это бедолагательно.

Въ прелатскій легендѣ друиу изображаются волѣбниками, врачами, учителями и даже пророками: въ шотландской они совершенно отсутствуютъ: шотландскія легенда знаетъ только баря, но баря—иногда о старинѣ, баря посланника, постретника, которому нѣтъ почтъ, также рети правоиъ. Вообще не существуетъ почти никакихъ данныхъ, чтобы судить о религіозномъ культѣ Оссаяновскихъ героев: единственный богъ, Киль-Юда скорѣе скандинавское божество, потому что всета на сторонѣ Дюллина (скандинавскаго воиска) противъ Финагала. По всей вѣрности, эти сказанія, пройдя черезъ христіанское время, сохранили только представленіе о дѣтробной жизни: души умершихъ водѣвдаютъ въ воздушномъ дворцѣ Лода, души неогрѣбнннхъ блуждаютъ въ туманахъ озера Лого. Представленія объ адѣ или мучениахъ для дѣлхъ не существуютъ. Замѣательно, однако, что сохранена во всей неприкосновенности особенность кельтскаго мироопианія—постоянное общеніе съ дѣтробнымъ міромъ: до сихъ поръ потомки кельтовъ, брегонцы, не рѣшаются никакого дѣла, не посоветовавшись со своими умершими: для этого вся семья отправляется на молния своего рода («своего народа», какъ это говорить) и тамъ обсуждается претовѣнннхъ событіе, чтобы умершіе родные могли слышать о томъ рѣшеніи, которое будетъ принято семей, и въ случаѣ несогласія, во свѣтѣ или въ видѣннхъ повлѣять на его отбнну и т. п. У басковъ, тоже потомковъ кельтскихъ кельтовъ, вѣна, выннхъ вторично замужъ, не можетъ поселиться съ мужемъ въ домѣ, гдѣ жила съ умершимъ, иначе ей претовѣннхъ мечь покойника. Туже особенность замѣтить и Ва. Серг. Соловьевъ въ Шотландіи.

Прелатская легенда полна богатыхъ подробностей, шотландская совершенно ихъ не отражаетъ: Оссаянъ съ предвѣнннхъ смотритъ на меланхъ доленъ, смѣннннхъ его покойникъ: нѣтъ жизни ему мужъ и не интересна, а изъ произвато потребности обхода, естественно, пѣседи изъ памяти: онъ поетъ только о бываиъ слабѣ и бываиомъ величнн.

¹ Scottish Highlands-Blackie, p. 89.

На Макферсона нападали за анахронизмы, встречающиеся в его поэмах, да «башни, поросшія мхом», да шорцы и т. п. Но уже не говоря о неизбежности таких анахронизмов в эпических сказаниях каждаго народа, я, и кромѣ того, нахожу здѣсь такіе урски несправедливыми: вѣдь легенда говорит о дворцах и башняхъ лишь по отношенію къ прелестной Тарѣ или къ соседнимъ островамъ, гдѣ жизнь была гораздо культурнѣе; описание дворца Тары мы имѣемъ въ книгѣ Лейстера; у О'Ситти собрано очень много извѣстій о постройкахъ въ древней Прелестной до XI-го вѣка (1).

Герои же Оссіана, какъ и онъ самъ, живутъ въ пещерахъ. Залъ и порецкъ, если это не Тара, обыкновенно гдѣ-то далеко, «да изымающимися водами океана», и въ большинствѣ случаевъ достигъ его невозможно, а если и удастся, то тамъ уже все умерло и разрушено.

Подобнымъ же образомъ также въ древнѣйшихъ прелестскихъ памятникахъ сохранились вѣвѣтія объ однихъ рогахъ и чашахъ, употребляемыхъ на пирахъ (2). Между тѣмъ герои Оссіана Макферсона не делятъ пива на кубковъ, а пьютъ просто изъ раковины.

Что же касается вооруженія, то вѣдъ памятники древнихъ прелестскъ говорятъ о мечехъ и коньяхъ, и только въ одномъ памятникѣ, приведенномъ у О'Ситти (3) упоминается о стрѣлахъ, но съ дилетантомъ «каварскія». У Макферсона же стрѣлы играютъ такую же роль, какъ конья и мечи. Однако, во всякомъ случаѣ, жизнь, которую онъ отражаетъ, есть жизнь не только мѣлве культурная, но прямо первобытная.

И уже сказано вначалѣ, что вопросъ о подлинности Оссіана Макферсона не можетъ рѣшаться современными издѣвателями, какъ онъ наивчалъ это тридцать лѣтъ тому назадъ. Мы можемъ только по старителю отбросить парозную основу отъ литературной обработки. Къ сожалѣнію, и эта дѣла не въ легкихъ.

1. Мы не можемъ сравнить вѣдъ Макферсоновскіе рукописи съ современными ему галльскимъ вѣдкомъ, чтобы выяснить время ея, такъ какъ коммисіа, какъ это ни странно, несправила вѣдъ его рукописи

по библии въ 1806 г., а оригиналы уничтожила.

2. Исследователю необходимо было бы ознакомиться съ матеріаломъ, который Макферсонъ могъ застать въ Гейдѣлѣ. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь, кромѣ небольшаго сборничка Кларка и Смита, мы не имѣемъ ничего. Гейдѣлская Оссіановская коммисія стѣлала большую ошибку, не издавъ вѣдъ вѣсень и сказаній, которыя сообдѣдлись ей въ періодъ борьбы. Вислѣдствіи стали выходить вѣдъ тома такую извннн: по моментъ быть уже проущены, и въ настоящее время невозможно отбросить то, что навѣрно Макферсоновскимъ Оссіаномъ, отъ первоначальной основы.

Мы можемъ высказывать предположеніе, что Макферсонъ, посѣщая Гейдѣлѣ съ такими знатоками вѣстныхъ парчій, какъ Александръ Макферсонъ, его двоюродный братъ, и Моррисонъ, прямо записалъ тамъ парозныя вѣсны и преданія, но, при господствовавшемъ тогда настроеніи, постыдился въ этомъ признаться. Многія изъ этихъ вѣсень или были записаны тщательнѣе другихъ, или же дѣлительно имѣлась для нихъ какая-нибудь старинная запискѣ, — только въ нихъ мѣтве литературной обработки, чѣмъ въ остальныхъ; здѣсь встрѣчаются чисто парозныя обороты, устойчивыя эпитеты, особенно много двойныхъ сравненій очень древня формахъ, напр.: радость раковинъ — пиво, рогъ вѣсень — барды, руки битвы — волна, сыръ горна — огонь и т. п.

Другія, какъ Финаль и Темора, оригиналы которыхъ были опубликованы, носятъ стѣлы своя. Здѣсь легко отбросить не только повторенія, но и свайки; но врядъ ли это было стѣлао самимъ Макферсономъ. Академикъ А. Н. Веселовскій считаетъ вброшнымъ, что это стѣлао вѣмъ-нибудь, ближе Макферсона стоявшимъ къ парозу.

Вѣсны третьей группы въ своемъ содеркажіи хотя и не противрѣчатъ преданіямъ, но отличаются искусственностью, Гомеровскими эпитетами, вѣмурными описаніями. Здѣсь какъ будто записана только схема, все же остальное сочинено. Въ изданіи 1762 г. такихъ поэмъ было большинство; но датвмъ Макферсонъ, по совѣту Ватра, исключилъ 17 вѣсень, слишкомъ искусственныхъ, а потому въ изданіи 1764 г. и въ послѣдующихъ, ихъ немного.

Конечно, и вѣсны первой группы не имѣвали литературной обработки; было бы

1) O'Sitty, 4) H. Balfour, in anc. Britn, p. 4 и тамже. 2) H. Balfour, in anc. Britn, p. 125. 3) H. Balfour, in anc. Britn, p. 125.

ОСІАНЪ.

Рисунъ артиста изъ бригады Ш. Е. 1857 г. въ Р. и М. Академіи наукъ. 12. 1857 г.

несправедливо представлять Мафферсона требовавшимъ переложить въ духъ первоначальномъ видѣ въ его время все думавшаго, искаженнаго переводомъ «Шлиага» Гомера, съданнымъ Попомъ, который прямо идется исправить Гомера для образованной публики, а Байронъ находилъ этотъ переводъ выше описаннаго¹.

Я уже говорила о томъ впечатлѣнии, какое произвело въ Европѣ появленіе Оссѣана Мафферсона, упрочившаго тотъ литературный стиль, который тогда господствовалъ въ Германіи, Англій и пр. странахъ. Помимо чисто литературнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ, онъ былъ привлеченъ и къ исторіи Гомеровскаго вопроса: въ немъ видѣли такое же прямое отраженіе парной поэзіи, какъ въ «Иліадѣ», и онъ описанъ надолго теченіе нѣмецкой критики. Нумъ увлекались люди различныхъ направленій, писатели противоположныхъ литературныхъ школъ: Борнъ и Байронъ поэты Озерной школы и Sturm и Drang'a; Гете и Шатобрианъ; у насъ Суворовъ и Державинъ (см. дальше).

А не динсь научнаго интереса радостерь автора настоящей замѣтки съ покойнымъ Влад. Серг. Соловьевымъ по поводу Оссѣана. Мы вернулись съ нимъ случайно, въскрѣсь пость его поѣздки въ Шотландію, и разговоръ нашъ, разумеется, сначала же перешелъ на Оссѣана. В. С. совершенно отрицалъ возможность выдумки Оссѣана, какъ онъ выражался. Когда же я возразила, что дѣтства эта не выдумка, но что, вѣроятно, она претерпѣла промѣнненія, онъ какъ великъ динсь:

— Извините, пожалуйста, какъ съ вами-то бы бросить ваши рукописи и поѣхать въ Шотландію,—на вѣдь не знаете, что это за страна! Это прощенье—до анналы, хроніки въ одностороннемъ, до Вальтера Скотта, Бросса, Дуглеса, Раптовилла! Угорьна Шотландія—Вѣдь это урмъ прощало, до горы Эдуардъ—и природа, и небо, и вѣсна—все Оссѣановое! А на мнѣ говорите о Мафферсонѣ, о динсь прощаніи... Та развѣ это возможно? Вотъ у насъ Озерныя, по Битль, Яковлевскій старикъ томъ, говоритъ:

На влѣвшишь, какъ будто, стоять.

И рощахъ мертвецомъ, на влѣвъ я.

Но вѣдь мертвыхъ нѣтъ не восталъ!

А тамъ развѣ возможно такое представленіе. Гомъ нѣтъ смерти все умершее живеть все прошлое такъ ощущаетъ; вы чувствуете себя въ такости огромномъ, мировомъ процессѣ, что ваше каменное или оловянное сердце вольно трнбу, А мы нѣтъ не ннны въ на влѣвъхъ манускриптахъ. Онъ покаянъ нѣчнми и ошнеть... Больше я съ нимъ уже не встрѣчалась.

Оссѣанъ не могъ оказывать, однако-же, такое поверхностнаго вліянія на Пушкина уже потому, что все его мировоззрѣніе было противоположно сущности поэзіи Пушкина. Поэзія нашего великаго поэта есть поэзія умиротворяющая, успокаивающая,—поэзія великой мощи. Поэзія же Оссѣана есть поэзія ослѣпленной силы, безцѣлности, сознанія невооратимости прошлаго, прощанія съ уходящей жизнью и мечты о всепримиряющей молитвѣ. И вотъ почему въ Пушкинскихъ пораженіяхъ Оссѣану сказывается не прямо вліяніе Оссѣана, а простое увлеченіе тогдашней литературной модой, да и то не особенно сильное, и сказалось оно только въ самый ранній періодъ творчества—въ лицейскіе годы. Но свидѣтельству Гавекаго², Оссѣанъ былъ въ больномъ ходу въ лицѣ и читался въ классахъ И. Ф. Кожанскаго, увлеченнаго Оссѣаномъ; въ которое время нашъ великій поэтъ, вѣроятно, негь вліяніемъ того же Кожанскаго, считалъ Оссѣана, въ переводѣ Кострова, своимъ любимымъ чтеніемъ.

Недѣля считать просто случайно, что вниманіе Пушкина прежде всего остановилось на «Кольна-Доннѣ». Кольна-Донна Мафферсона хотя и сохранила первоначальный Оссѣановскій стиль, но въ содержаніи она нѣсколько отстываетъ отъ общаго типа Оссѣановской поэзіи. Это почти единственная поэма не только безъ трагической развязки, но полная надежды на будущее. Слѣдовательно, даже и тутъ, въ юношескіе годы, нашъ поэтъ остановился на произведеніи, наименѣе Оссѣановскомъ, но наиболѣе соответствующемъ его собственному поэтическому темпераменту. (См. выше стр. 88—90).

Кольнака и въ литературовѣдскаго перевода Оссѣана.

Вторая поэма Пушкина, написанная на Оссѣановскую тему, по мнѣнію издѣлдователей, «Эдгелета», тоже нѣтъ числа лицейскихъ произведеній поэта. Издѣлдователи (см. выше стр. 90—92) указали², что поэма

¹ Современникъ, 1863 г., т. XXVII, стр. 161—162. — ² Примѣчанія къ 1-му т. Сочиненій А. С. Пушкина, Изд. Имп. Академіи Наукъ, 1902, 2-ое изд., стр. 38.

эта, въ которой Ъвлинскій изъять сильное влияние Батюшкова, представляеть тоюждо близкій переводъ одного эпизода изъ IV-ой пѣни поэма Парни «Isnel et Asléga». Эта поэма рѣшительно ничего не имѣеть общаго съ Оссіаномъ и, по всей вѣроятности, пѣвнина скандинавскими мотивами, очень новыми по времени Парни, когда паржаждось влияние Эддингера и еще памятно было уклоненіе шведами во Францію.

Во всякомъ случаѣ въ «Эдлетъ» нѣтъ ничего Оссіановскаго ни въ тогѣ, ни въ стилѣ; имена героев: Одульфъ, Эдлетъ и даже Остаръ, несомѣнно, скандинавскаго происхожденія, не говори уже о германской Валгалѣ, въ стилѣ:

Но перекато въ Валгалѣ ты пашеи!

Германская Валгала жилище храбрыхъ послѣ смерти,—не имѣеть ничего общаго съ міровоззрѣніемъ кельтовъ, особенность котораго мною была уже отмѣчена вначалѣ. Фабула «Эдлетъ» не характерна: это обыкновенный романтическій мотивъ, использованный многими поэтами; но у Макферсонаго Оссіана мы его совсѣмъ не встречаемъ.

На одной изъ своихъ лекцій покойный Пезделовъ указалъ на сходство сравненій и мотивовъ «Эдлетъ» Пушкина и «Дартула» Макферсона; но я рѣшительно не могу уловить нѣкъ Дартула, героиня прандецкаго сказанія о гибели сыновей Усноа, является и въ поэмѣ Оссіана, обрисованная тѣми же историческими чертами: она бѣжала изъ пѣвнина отъ Каирбара, убитожаиваго весь ея родъ; бѣжала она съ сыновьями короля Усноа у Оссіана Уснота, изъ которыхъ старшій, Ванеосъ, былъ ея женихомъ. Бѣжали они на кораблѣ, но бури прибила нѣкъ сунто снова къ владѣніямъ Каирбара. Юноши, окруженные его воиками, погибли на глазахъ Дартула.

Какой же общій мотивъ можетъ быть у такихъ, совершенно чуждыхъ между собой произведеній, какъ «Эдлетъ» Пушкина и «Дартула» Макферсона?

Что же касается до сравненій, то, свиствительны и въ томъ и въ другомъ произведеніи мы встречаемъ одно общее сравненіе.

У Пушкина:

...И съ трепетомъ дилета

Пашеть на перцѣ, какъ ключъ метуци и
Метелицей отторжаши со скалы? снѣга.

У Макферсона мы читаемъ:

Дартула, манустиа свои щитъ иль руль
Стрѣла провали ея сердце. Она упала на глыбъ
Ванеоса, дакъ худюнобъ снѣга. Дл до
доса разнаидь по ето дилу, и кровѣ нѣкъ снѣ
пашаекъ.

Но, разумеется, нельзя считать какого-бы то ни было вывода изъ такого рода сопоставленія одного сравненія въ поэмѣ совершенно несхожихъ произведеній.

Кораблика изъ дотуррерскаго пусова Оссіана.

«Остаръ», третье стихотвореніе Пушкина изъ числа отмѣченныхъ въ вѣдѣвателни, какъ написанныхъ на Оссіановскую тему,—относится тоже къ дилейскому періоду творчества нашего великаго поэта.

«Въ «Остарѣ», — говоритъ Л. П. Майковъ¹, — мы видимъ попытку самостоятельно обработать извѣстное содержаніе въ духѣ Оссіана и Парни. Но надо признать, что эта попытка имѣеть совершенно дѣтскій характеръ».

Однако, кромѣ имени да картины вначалѣ поэма, съ фигурой стараго барда въ ея центрѣ, — въ Остарѣ тоже рѣшительно нѣтъ ничего Оссіановскаго. Дѣвъ разсказывается исторія извѣсна Малашина ея мужу или любовнику—Остару; тогѣ и освѣщеніе поэма, несомѣнно, только въ духѣ Парни, но никакъ не Макферона. У послѣдняго нѣтъ ни одного эпизода, въ которомъ измѣна и трапа бы какую-нибудь роль, что совершенно непонятно, если вспомнить, что герои Оссіановской поэмы являются еще на той статіи родового быта, при которой народная память не можетъ еще отражать подобнаго дичаго мотива. Единственный эпизодъ съ мотивомъ измѣны у Макферсона проведень въ «Битвѣ при Торѣ», причемъ, не только измѣнница и ея мужъ являются скандинавскими героями и измѣна прикована въ неговожане Фингала, но и само прѣтаніе, по утверженію Тальян, скандинавское².

Что же касается имени Малашина и

¹ Третьячъ къ 4-му и 5-ому соннети Пушкина. Изв. Акад. Наукъ, 1900 г., 2-е изд., стр. 40. ² Die Unächtheit d. Lieder Ossian's. Talley, p. 11, 12.

Оскара т. е. Оскара, то они, несомненно, выбраны потому случайно, только по сообразности съ Астаротъ Паризъ, потому что исторія этихъ лицъ совершенно противоположна соображенію Оскара: Оскаръ и Мальвина неизменно во всѣхъ преданіяхъ являются эмблемой чистой любви и вѣрности, Оскаръ еще юнойю погибаетъ въ битвѣ при Табарѣ; Мальвина остается его опланивать: она любитъ съ слѣпымъ Оссіаномъ, отцомъ Оскара, бросить тамъ, гдѣ ждало великое племя, и прокладаетъ погибшихъ. По преданію, они оба прожили гораздо толще возможной человеческой жизни и были свидетелями гибели стараго и зароженія новаго міра.

Въ поэмѣ Оссіана очень часто повто-

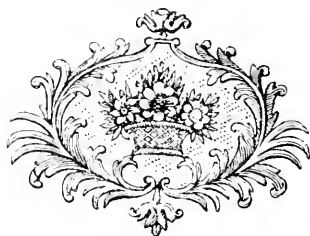
ряется просьба слѣпотаго барда, обращенная къ Мальвинѣ:

«Возьми свою арфу, Мальвина, и своей плеснью Сельмы, чтобы душа моя погрузилась въ сонъ среди радости, чтобы я могъ вспомнить дни моей юности, — дни моего Финала».

Въ отой изъ послѣднихъ поэмъ Макферсона «Война Пинстоны» Мальвина поетъ, представляя герою, а Оссіанъ говоритъ:

«Сонъ схотитъ со звукомъ арфы, остановитесь вдали, сыны охоты, не нарушайте моего покоя, Барды бываху времяя бесѣдовать со своими отцами, вожжами минувшихъ дней, остановитесь вдали, сыны охоты, не нарушайте сна Оссіана!»

Е. Балбанова.

Корона изъ детурнированнаго пера Оссіана.

II.

Въ русскую литературу Оссіановское влияние пошло довольно рано. И дѣлалъ, какъ и въ западно-европейскихъ литературахъ, Оссіанъ ввелъ уже подготовленную почву: ко времени появленія переводовъ изъ Оссіана въ русскую литературу уже завали себя чувствъ вать рання романтическія вліянія. Появленіе Оссіана въ нашей литературѣ относится 1792 году, когда ввелъ переводъ Грмила Кострова ¹⁾. Однако, еще въ 1788 г. въ Петербургѣ была печатана книга: Поэмы древнихъ бардовъ изъ Оссіана. Перев. съ франц. А. Д. Алексантра Ник. Дмитриева, брата поэта Ник. Ник. Дмитриева. Самъ Костровъ не дѣлалъ англійскаго языка и переводилъ съ французскаго перевода Детурнера.

Другие русскіе литераторы ознакомились

1) 1) За мѣстныя и непечатаныя токованія рання романтическаго вліянія въ русской литературѣ, можно въ Встрѣчѣхъ вѣсти Оссіана, какъ и вѣрно, перевелъ у насъ Костровымъ, перев. изъ 1792 г. ... Поэтъ Кострова переводилъ стихи Оссіана очень много исторія.

съ стихами Оссіана и стали дѣлать переводы раньше 1792 г., и по англійскому подлиннику, а не по французскимъ переводкамъ. Однимъ изъ первыхъ объявилъ Оссіана П. М. Карамзинъ, по видимому, подъ вліяніемъ жившаго въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ поэта Ленца. Въ стихотвореніи «Подвѣя», написанномъ еще въ 1787 г., Карамзинъ, перечисляя думнія произведенія мировой литературы, отдѣляется объ Оссіанѣ такъ:

Британія есть мать поэтовъ величайшихъ,
Древнѣшій бардъ ея, Финдоловъ мрачный сынъ,
Одѣлывалъ друзей, героевъ, въ битвѣ нашихъ,
И тѣмъ дѣлъ къ себѣ изъ гроба вынималъ.
Какъ шумъ морскихъ владовъ, послез по
душамъ

Едино отъ бретонъ, ушине въ сердцахъ
Взмывающимъ ролитъ такъ стихи Оссіана,
И вѣсившю гошу вѣдая въ томныхъ думъ,
Построивать насъ къ печальнымъ предста-
вленьямъ:

Но скорби, съ мила и старости думъ,
Вѣтъкъ ты, Оссіанъ, великъ, непогражаемъ!

РУССКІЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ НА ОССИАНОВСКІЯ ТѢМЫ.

Видѣтка къ трагедіи Оэроу «Фигальъ». Рис. П. Пашковъ, грав. М. Иванова.

А въ 1791 г. тотъ же Карамзинъ переводитъ съ англійскаго для своего «Московскаго Журнала» поему «барда Оссѣана»: «Карлонъ». Мотивы Оссѣановской поэды оказались близки протестивша русскимъ литераторамъ. Величавая картина сѣверной суровой природы легко сопоставлялась съ подобными рощной русской природы: разсказы о древнемъ народномъ бытѣ и почитаніи кельтскихъ богатырей отблещали параджаившемуся въ русской литературной средѣ интересу къ своему парному былевому диосу; наконецъ, общій меланхолическій тонъ Оссѣановскихъ пѣсней какъ нельзя болѣе соответствовалъ настроеніямъ пасмурнашей «эпохи чувствительности».

Увлеченіе Оссѣаномъ распространилось и въ русскомъ обществѣ. Подобно Наполеону, Оссѣана любилъ нашъ Суворовъ. Ему посвятилъ свой переводъ Костровъ, при чемъ Суворовъ и переводчикъ обмѣнялись стихотворными посланіями. А. П. Ермоловъ перечитывалъ Оссѣана наканунѣ сраженій. Какъ въ романѣ Гете Вертеръ увлекается Оссѣаномъ и признается, что онъ «вытѣснилъ изъ сердца Гомера», такъ и въ русскомъ романѣ П. Ю. Лыова «Александръ и Юлія» авторъ разсказываетъ о своей героинѣ: «Юлія востаняетъ приторка, возносящаго дусами увѣщанное чело свое надъ водами озера, и туль прелаетъ она удовольствію членія пѣсней Оссѣановыхъ. Уночь ея шумящъ думало волна, разсѣлалась по песчаному берегу: вокругъ нея поюль соловуи, стонуть торчицы; но всего болѣе возмущаюль мустава ея протателныи пѣснн шотландскаго барда: онъ славиль красоту и мужество, любовь и вѣрность; онъ томилъ и воздымалъ душу; пѣкныи и добротѣльствана героини ея!»

Съ начала девятыхъ годовъ XVIII вѣка имя Оссѣана часто встречается на страницахъ тогдашнихъ русскихъ журналовъ и сборниковъ. Въ «Московскомъ Журналѣ», въ «Дружелѣ», «Чтеніи для вкуса, разума и чувствования», «Приятномъ и полезномъ препровожденіи времени», «Опытѣхъ», «Плюскренѣхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣхъ» и другихъ органахъ постоянно поминаются переводы и подражанія Оссѣану. Его поэма тогда переводили Карамзинъ, Костровъ, Кашинскъ, Беницкинъ, Пошнинаковъ, П. С. Захаровъ, М. Башецащевъ, Смирновъ, В. Пушкинъ, Гиббичъ. Изъ крупныхъ писателей екатерининскаго времени въ значительномъ мѣрѣ воспринялъ влияние Оссѣана Державинъ. Давно помина-

лись Оссѣана можно уже отмѣтить въ одѣ «На взятіе Цаманла» (1790 г.) и въ одѣ «Вотопать» (1791). Въ 1794 г. въ дѣтей «На смерть Пльвиры» Державинъ воспроизводитъ начало поэмы Оссѣана «Каррикатура» эту поему Державинъ пробовалъ также перевести. Затѣмъ, близки къ Оссѣану и по духу, и по картинкамъ природы оды Державина «На победы къ Италіи» и «На перехотъ Альпійскіхъ горъ» (1799).

Вотъ два примѣра, начало первой изъ нихъ:

Утрь, во сребраши, священнай,
Далеко-воини, Вака! щигъ;
Да громъ твои, дномъ погорешныи,
Въ ашлнщѣ бартовъ постушить.—
Встають.—Сто арфѣ двучать струнами;
Преть пѣчи сто дубовъ торгъ;
Отъ чашн кругоной жаримъ
Съная чела въ тѣмѣ блестящъ.

Изъ второй образчикъ припомнашій изъ Оссѣана:

По что! Не думъ ли Оссѣана,
Нѣва тумановъ и морей,
Нѣвъ казеть поль дупон Морана,
Какъ медь одъ на дара царей?
Нѣвъ, дре—Массена поль земледо
Съ Рымнскіхъ въ тѣмѣ сонншь къ бою.

Героическіе образы сѣвернаго «барда» были родственны поэтической фантазіи пѣвца Екатерины. Оссѣана высоко цѣнили также Херасковъ и Гиббичъ. Отъ нихъ вниманіа не ускользнула пародическая основа произведеній Макферсона, и они сопоставляли Оссѣана съ Гомеромъ и «Словомъ о полку Игоревѣ».

Озеровъ померилу съжесть своей трагедіи «Фингалъ» (1805) въ поэмѣ Оссѣана того же имени. Вліяніе могильности оссѣановской поэды складывалось и на литературныхъ интересахъ и произведеніяхъ воспитателя Александра I и почитателя московскаго университета, М. П. Муравьева; его повесть «Оскольдъ» полна образами сѣверной поэды. Черездъ Муравьева интересъ къ Оссѣану перешелъ къ его воспитанникамъ, дарковскому профессору П. Ф. Кошачскому и полку Батюшкову. Припомнашій изъ оссѣановскихъ поэмъ мы встрѣчаемъ уже въ первомъ стихотвореніи Батюшкова Мечта (1802—1803) «Дѣтей «На развѣшаніяхъ дѣлка въ Шрединъ» (1814) сплн. «Воспомнаніе» (1815), переводъ пѣснн Гарада Сѣблано (1816) отблещена также вліяніемъ преней скандинавской и кельт-

РУССКІЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ НА ОССИАНОВСКІЯ ТѢМЫ.

Сцена изъ II одиссеи тристана Оурина — Филлоксъ, Рис. П. Иваницкаго, грав. М. Иваницкаго.

ческой поэзии. Оссиян переводили также П. Ф. Грамматинъ, В. Н. Олинъ, П. А. Катенинъ, П. Мезаковъ.

Нельзя перечислять русских переводчиков и поправок Оссиян мы вынимъ, что его поэмы принадлежали къ себѣ внимание не только представителямъ новаго, сентиментальнаго и романтическаго направлений, но и поэтовъ и теоретиковъ старой, классической школы: Державина, Озерова, Катенина. Старые русскіе писатели не пытались, как и не имѣли возможности, глубже изучить характеръ и значеніе произведеній Макферсона, и часто дѣло ограничивалось чисто выписками, такъ сказать, механическими диметриваніями изъ Оссияновскихъ поэмъ. Оссиян охотно диметривались картины природы, имена и тѣянія героев и героинь, эпические сюжеты, отбывшіе поэтически образы, сравненія, даже эпитеты.

Сказанное слѣдуетъ имѣть въ виду и при общемъ вліяніи Оссиян на Пушкина. Такое вліяніе прямо дѣйствовало или только предпосылается биографами въ некоторую лицейскую стихотворенію Пушкина, напр. «Кольца» 1814, «Осгаръ» 1814, «Элиета» 1814, «Сраженный рыцарь» 1815. По поводу стихотворенія «Кольца» В. Н. Гаевскій говоритъ: «Стихотвореніе Пушкина «Кольца», названное по изображенію Оссиян, — повольно близко переводженіе его поэмы «Кольца Дона». Пушкинъ, выучившійся по-английски только на порогахъ лицей, ознакомился съ трудомъ Макферсона по переводу Кострова... Перевод Кострова читался въ классахъ Котлявскаго, который восхищался его стихами. Восторгъ профессора перешелъ и къ его слушателямъ, которые ознакомились съ Гомеромъ и Оссияномъ по переводамъ Кострова; а Оссиянъ былъ восторгана дншю въ лицей и составлялъ вѣковое предмѣ доброе чтеніе Пушкина, который въ посланіи къ другу-стихотворцу упоминаетъ о Костровѣ радостно съ душими поэмами» (В. Н. Гаевскій, Пушкинъ въ лицей и его лицейскія стихотворенія, Современникъ, 1863, т. XXV, стр. 163). Зѣва слѣдуетъ отговориться, что знакомство съ шедеврами Оссиян Пушкинъ могъ, конечно, не только по переводу Кострова, какъ полагалъ Гаевскій; такъ или иначе, вѣроятно, переводы изъ Оссиян были повольно многочисленны въ тогдашней литературѣ.

Однако, вѣдь ли вліяніе Оссиян на Пушкина лицей было значительна. Юный поэтъ охотно познакомился и изъ Оссиян

романтической сюжетъ любви (Кольца къ Тоскару). Также легко можно было взять отсюда имена другихъ героев и героинь, эпическій образъ «Барта»¹, декоративную обстановку древняго быта. Но трудно допустить, чтобы поэзія Оссиян оказала на Пушкина вліяніе въ томъ объемѣ, въ какомъ это вліяніе сказывалось въ западно-европейскихъ литературахъ.

Еще ли, вѣроятно, молодой Пушкинъ удаивалъ и дѣлалъ въ трудѣ Макферсона черты подлинной народной поэзіи и быта. Еще ли также жизневастанный юности и вѣдоко глубоко заражался меланхолическимъ настроеніемъ, развитымъ въ Оссияновскихъ поэмъ. Въ лицейскіе стихотворенія Пушкина этого не замѣтно. Подлине въ зрѣлыя годы, Пушкинъ по поляхъ статьи къ Виземскаго объ Озеровѣ отымнлъ «однообразіе Оссияновскихъ поэмъ» (Л. П. Майковъ, Пушкинъ, стр. 281).

Сличеніе «Кольца» Пушкина съ переводомъ Кострова, сдѣланнымъ по французскому переводженію Латурнера, и съ подлиннымъ текстомъ Макферсона показываетъ, что Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи придерживался «Доказательствомъ, что Пушкинъ переложилъ переводъ Кострова, служить совершенная тождественность встрѣчающихся у нихъ выраженій, съ погрѣшеніемъ Пушкинъ, ошибокъ Кострова. Напримѣръ, выраженіе: «Toscar et moi qui naguère était entré dans la carrière des combats» (у Макферсона, по переводу Е. Балобановой: «Тоскаръ и Оссиянъ, еще юный въ битвахъ», II, II, Костровъ перевелъ неправильно: «Я и Тоскаръ имѣю: Тоскаръ и я), неважно вошедшіи въ подлиннъ браню». Пушкинъ также отнескъ подлинною подробность не къ пѣвцу, какъ у Латурнера, а къ Тоскару:

Тоскару юному вѣдалъ.

Вмѣсто «jeune homme» у Макферсона: «молодой отиракъ», II, II.) Костровъ перевелъ «малый вонтель», выраженіе, встрѣчающееся и у Пушкина. Вмѣсто «jeune étranger» у Макферсона: «чужестранецъ разказовъ» II, II, у Кострова: «юный ратникъ», а у Пушкина:

О юный ратникъ, рекъ Тоскаръ.

¹ Таки диметриванія бѣдалъ и Жуковскій съ его Шенъ барга нахъ пробомъ слонимъ-побитеней.

Некоторые выражения (близкомъ взгяду у Кострова, например: «...данъ мнѣ щить твою», «Издай мнѣишь, предметъ оиъ щить!») у Пушкина:

Подай мнѣ щить твою. П. Тоскаръ.

Пріемлетъ щить, издай мнѣишь.

Однако, какъ уже отмѣчать Манковъ, «несмотря на эти частые примѣры близкаго сходства пушкинскаго перевода съ переводомъ Кострова, а стало быть, и съ Оссейновскимъ подлинникомъ, стихотвореніе должно быть разсматриваемо только какъ поэтическое, но отноше не какъ переводъ; Пушкинъ постоянно дозволяетъ себѣ сокращенія сравнительно съ оригиналомъ, вступающіеся въ послѣднемъ описаніи обращаетъ въ рѣчи живствующихъ лицъ, и т. п.» Такъ, постановка памятниккамнямъ, произведенная по Макферсоу и Кострову, стихникомъ Тоскара Оссейномъ, признана Пушкинымъ Тоскару.

Длиная рѣчь, которую держитъ отецъ Кольмандона, Каруль, къ Тоскару и его свѣтѣ, у Пушкина совсѣмъ опущена.

Стихотвореніе «Эваста» представляеть собою близкій переводъ отрывка изъ поэмы Парни: «Insel et Asléga» см. выше стр. 94.

Изъ той же поэмы Парни первая пѣсня, переведенная съ некоторыми сокращеніями, 6-я и 7-я строфа стихотворенія Пушкина «Остаръ», имена Olbrow и Rusla у Пушкина замѣнены именами Остара и Мальвина, и вполнѣ еще имя Зипицеда, «симвоющее какъ будто литовскій характеръ» П. О. Морозовъ. Такое смѣшеніе оно наблюдается и у друиухъ, напр. у Державина: въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ старые русскіе поэты не затруднялись смѣшивать во-еинно имена и библія героевъ, скандинавскаго и кельтискаго зноса: еще рѣдъ показывать, что Пушкинъ-юноша чисто вибнинымъ образомъ комбинировалъ въ своихъ стихахъ разнородныя заимствованія.

Послѣднее изъ перечисленныхъ выше стихотвореній «Сраженій рыцаря», припикнуто настроеніемъ, отчасти родственнымъ Оссейновской поэди, Манковъ находить, что въ немъ «уже слышится голосъ той нарывающей душу тоски по неподвратному прошлому, которая составляетъ столь характерную особенность Оссейновскаго лиризма». Однако эстетическій тонъ стихотворенія было бы преведиченіемъ определять, какъ «нарывающую душу тоску»: въ атомъ тонѣ писали и друіе,

идеальные тогда Пушкину-лицензу поэты. Самъ комментаторъ указываетъ, что «сочиненія Сраженія рыцаря», Пушкинъ намѣренался написать балладу въ роть популярныхъ произведеній Жуковскаго, и что для своей баллады оиъ избралъ размѣръ, употребившійся авторомъ «Слѣдствія». Отношеніе къ Оссейну тутъ, во всякомъ случаѣ, самое отдаленное.

Библиографія.

1. Московскій Журналъ, 1791, ч. II, стр. 11—146; Картина, поэма Барта Оссейна, Переводана, К. Карамзинъ, в.к. предубожденнаго говорителя объ Оссейнѣ, изданій Макферсона и о шестидесятихъ отъ Оссейновскаго поэмы. 2. Московскій Журналъ, 1791, ч. III, стр. 131—149; Сельскія пѣсни, изъ твореній Оссейновскихъ, составл. Г. Р. Державиномъ отъ переводника. 3. Зритель, 1792, ч. II, стр. 145—152; Ольга Моруй, поэма изъ Оссейна, пер. П. Захарова. 4. Зритель, 1792, часть II, стр. 181—215; Дарула, поэма изъ Оссейна, пер. П. Захарова. 5. Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія, 1792, ч. V, стр. 44—50; Дарула, изъ стихотвор. Оссейна, Перев. П. Подишвилилова. 6. Оссейнъ, сынъ Финлауда, бѣды прельсто вѣка, Гальска, ииже Фрелка или Прелатскія стихотворенія. Съ французскаго пер. Ермиломъ Костровымъ, Изд. части, 363—264 стр., Москва, въ Университетскои типографіи, 1792. Рецензія въ Российскомъ Магачинѣ, 1792, ч. I побрь, стр. 198—207; съ сравненіемъ и примѣрами друиухъ переводовъ: Ф. Гузмандскаго и Г. Пріаго и последнее приращеніе времени, 1795, ч. V, стр. 385—387; Морна, изъ Оссейна, Духъ Ковчонна, Смирновъ, в. 8 Тамъ же, 1795, ч. VI, стр. 117—119; Отрывокъ изъ Оссейна, Вел. Пискарь В. Пушкинъ, 9 Тамъ же, стр. 68; Каминъ, А. Хава—онъ въ примѣнаніи редакціи отмѣчаетъ въ атомъ стихотвореніи духъ Оссейновскон горести. 10. Муза, 1796, ч. II, стр. 160—168; Тѣнь Оссейна, Ч. О. П. Пантеевъ иностранно словесности, 1798, кн. I, стр. 200—202 Оссейнъ, 12. Аонія, 1798—1799, кн. III, стр. 307—311; Минина, отрывокъ изъ поэмы Оссейна, Въсплывивъ М. Вышеславцевъ, в. 13. Новосты, 1799, нояб., стр. 106—108; Минина, пер. Висслеландера. 14. Пинокрепа, 1799, ч. III, стр. 202—205; Поэтическое Оссейну, К. О. С. в. 6. Сибирскій, 15. П. Ю. Дельвиль, Александръ и Юлія, истинная русская повесть, Москва, 1801, стр. 57—58. 16. Пинокрепа, 1801, ч. VIII, стр. 76—89; Поэма Оссейна, изъ Мерсе, Ив. Гал и щевель, в. 17. Новосты русской литературы, 1802, ч. I, стр. 121—128; Отрывокъ изъ Оссейна, въ стихахъ, 18. Московскій Меркурій, 1803, ч. III, стр. 28—31; Пашеи Балкада, 19. Сверхныя Вѣстникъ, 1805, ч. I, N 1, стр. 65—69; Песньиная пѣсня Оссейна, Геньч Гибничья, 20. Тамъ же, ч. II, N 4, стр. 100—105; Красота Оссейна стихъ, Г—чъ Гибничья, 21. Тамъ же, 1805, ч. VI, N 1, стр. 57—66 (тогда производение, 22. Тамъ же, 1805, ч. VIII, N 9, стр. 316—332; Комала, трагическая повесть Оссейна въ стихахъ, А. Бенцидиктъ, 23. Извѣстия, 1809, ч. III, стр. 65—68; Балкада, отрывокъ изъ Оссейновы поэмы; Картины Бенцидиктъ, 24. Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова, 1810, чтеніе 16-е, стр. 43—45; Салгари и Кольма Паше Мижауковъ, 246. Тамъ же, 1816, чтеніе 18-е.

стр. 58—60; Кошаръ в Кримора. П. Межаковъ, т. 25. Сочиненія Павла Катынина, Сиб., 1833, ч. II, стр. 5—7; Пѣсни въ Сельвѣ, иль Оссаянъ переводъ събаванъ въ 1809 г., 25 Сынъ Отечества, 1817, ч. 37 и 38, перевода иль Оссаянъ В. П. Одина, 26 Стихотворенія П. О. Грамматина, Сиб., 1829, двѣ части, 27 Сочиненія Державина, иль Академіи Наукъ, т. I, стр. 341, 343, 354—355, 457, 462, 575, 636, 651, 890; т. II, стр. 274—272, 287; т. III, 108; т. VI, стр. 279—280; т. VII, 592, 606, 623; т. VIII, 608, 631, 755; т. IX, 325, 28. Сочиненія К. П. Балашкова, поѣтъ редак. А. Н. Маикова, иль 1887, т. I, биографія, стр. 25, 26, 42, 46, 51, 80, 223—303, 309, 378; т. II, стр. 303, 382, 383, 427, 428, 450, 498, 501; т. III, стр. 457, 605, 646, 702, 730, 745, 29. Русская поэзія, поѣтъ ред. С. А. Венерова, т. I, 1897, ст. П. О. Морозова объ Ер. Костровѣ, стр. 310—313, 30. Тамъ же, выд. VII, 1901, стр. 74—73; стихотвореніе Н. М. Карамзина. Поэзія 1787, 31. А. Н. Пустошенинъ, Учитель, въ русскихъ повременныхъ изданияхъ и сборникахъ

да 1703—1892 гг., Сиб., 1898, стр. 461. Ср. Историческое разсужденіе о рус. повремен. изданияхъ, 1874, 32. А. Н. Маикова, Пушкинъ, Сиб., 1890, въ ст. Кн. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ, стр. 279—281, объ Оссаянѣ и его вліяніи на Филиала Озерова, 33 Сочиненія Пушкина, иль Академіи Наукъ, т. I, изд. 2, стр. 49—34—36, 38, 40, 97, 228, 229, 34. М. П. Родановъ, Поэты Любви, Ленин, М., 1901, гл. XV, стр. 487—490, 35. Александръ П. Веселовскій, В. А. Жуковскій, Поэзія чувства и сердечнаго воображенія, Сиб., 1904, т. I: Эпоха чувствительности, стр. 49—46, 36. Александръ П. Веселовскій, Западное вліяніе въ новую русскую литературу, иль 3-е, М., 1905, стр. 139, 131, 166, 174, 206, 37. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1904, № 8, ст. В. Р. Бланова о сочиненіяхъ Жуковскаго, стр. 283 и сл. 38. П. Замотинъ, Раннія романтически вліянія въ русской литературѣ, Очеркъ иль исторіи переходной литературной эпохи конца XVIII и начала XIX столѣтія, Варшава, 1900, стр. 51—56.

Н. Пиксановъ.

Писанья Оссаянъ.

Видѣтъ съ иль иль, Куховля (1822).

ЛЕДА И ЛЕБЕДЬ.

Картина Рафаэля (1734—1780) въ гравиров. Ж. Матсонаго, посвящена русскому послу въ Дрезденъ, кн. Билосельскому-Билосерскому.

Л Е Д А.

Средь темной рощицы, ночь глыбо лишь душистыхъ,
 Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчужомъ
 Вздвигалась пина нощь серебристыхъ
 Колеблется тихимъ вѣтеркомъ,
 Покровъ красавицы стальной,
 Небрежно кинутой, у берега лежать
 И предстаетъ ей потокъ волной ширивой
 Съ весельемъ орошать.

Житель рощи торопливонъ,
 Будь же скромнѣе, о ручей!
 Тихе, струйки говоривши!
 Измѣнить страшится ей!
 Лета робостно трепещеть,
 Тихо шепчетъ сиважа грудь.
 Ни волна вокругъ не плещеть,
 Ни зефиръ не свѣтитъ дуть.

Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
 Все въ предстальной тишинѣ:

17. Л. Е. Д. А.

При жизни Пушкина не печаталась и появилась только въ послѣднемъ изданіи т. IX, Сиб. 1841 г. въ издѣіи «Индійскихъ стихотвореній». Не имѣя никакой хронологической укладки, Анненковъ отнесъ «Леду» къ «Стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ». Гавевскій въ своей статьѣ «Пушкинъ въ лицѣ» весьма категорически заявляетъ: «Въ 1814 г. Пушкинъ написалъ „Леду“, но никакой указательствъ не представляетъ. Приходится, однако, принять эту хронологию, въ виду того, что Гавевскій, помѣщая свою замѣчательную статью въ общемъ журналѣ, вѣроятно, избѣгалъ затрудждать ее неинтересными для читателя подробностями.

Тотъ-же Гавевскій пустилъ въ обращеніе нѣсколько усвоенныхъ комментаторами соображеній относительно «Ледя», которыя не могутъ однако, быть приняты безъ оговорокъ.

По мысли находимъ въ немъ подражаніе остроумному и граціозному стихотворенію Паризъ Ледя. Пондливѣе подражаніе этому стихотворенію напечатано въ Мнемозинѣ 1824 г., изд. Бюхтедлеромъ и въ В. О. Олюевицкыя ч. IV, стр. 220, безъ поимки, и принадлежитъ кн. Вадомскому¹⁾. У Пушкина оно потеряло всю свою прелесть, дамытовавъ у Волыновича и державнаго противнаго тождественности замысла и формы.

¹⁾ Указаніе Гавевскаго, повторенное Н. О. Морозовымъ, выдало слѣдующее замѣчаніе Н. А. Ефремова къ его послѣднѣму изданію:

Давно извѣстно, что стихотвореніе въ Мнемозинѣ принадлежитъ Е. А. Баратынскому. Сверхъ того и самъ кн. Вадомскій въ цензурной рукописи VII тома изданія Анненкова вычеркнулъ антрагму: Голубиная садонья, написавъ: Это моя, а также и Мнемозиниуму „Леду“, написавъ: Это Баратынскаго.

Ледя въ Мнемозинѣ то сѣкъ поркъ, отъ него не шло ни въ собраніи соч. Баратынскаго.

Непонятно въ сообщеніи Н. А. Ефремова, какимъ образомъ въ рукописи VII тома Анненковскаго изданія могла показаться Мнемозинная Ледя. Въѣ Анненковъ уже перепечаталъ „Леду“, изд. послѣднѣго изданія во II т. своего изданія. Къ тому же въ предисловіи къ VII т. Анненковъ объявлялъ, въ слѣдующемъ приписывая Пушкину ту-же стихотвореніе, въ томъ же Б и антрагму. То-же самое ст. о которой упоминаетъ Ефремовъ.

Замысль Баратынскаго упоминается въ предисловіи Анненкова по третьему поводу.

„Заприметь о „Ледѣ“, отрывокъ изъ котораго явился подъ именемъ Пушкина въ одномъ московскомъ журналѣ, столь же мало принадлежитъ ему, какъ и ст. въ той-же сатирической шестѣ Паризъ, упомянутое во многихъ сборникахъ съ поимкою А. П. а между тѣмъ написанное Баратынскимъ.

Иррадио къ Цингемъ, а не къ Ледѣ и относительно издѣія Вадомскаго.

Тутъ все или спорно, или прямо не-верно. Можно-ли усматривать въ Пушкин-ской «Ледѣ» подражаніе нижеизвѣстному стихотворенію Паризъ, которое приводимъ въВашемъ:

L é d a.

Vous ordonnez donc, jeune Hélène,
Que ma muse enfin vous apprenne
Pourquoi ces cygnes orgueilleux,
Dont vous aimez le beau plumage,
Des simples hôtes du bocage
N'ont point le chant mélodieux?
Aux jeux frivoles de la table
J'avais dit adieu sans te cur,
Et ma lyre plus raisonnable
Était muette pour l'amour:
Oboir est une folie;
Mais le moyen de refuser
Une bouche fraîche et jolie
Qui demande par un baiser!

Dans la forêt silencieuse
Où Eürotas parmi les fleurs
Roule son onde paresseuse,
Léda, tranquille, mais revêuse,
Du fleuve suivait les erreurs,
Bientôt une eau fraîche et limpide
Va recevoir tous ses appas,
Et déjà ses pieds délicats
Éclairent le cristal humide.
Imprudente! sous les roseaux
Un dieu se déro'e à ta vue:
Tremble, te voilà presque nue,
Et l'Amour a touché ces eaux,
Léda, dans cette solitude,
Ne craignant rien pour sa pudeur:
Qui peut donc causer sa rougeur?
Et d'où vient son inquiétude?
Mais de son dernier vêtement
Enfin elle se débarrasse,
Et sur le liquide élément
Ses bras étendus avec grace
La font glisser légèrement.
Un cygne aussitôt se présente;
Et sa blancheur éblouissante,
Et son cou dressé fièrement,
A l'imprudente qui l'admire
Consent un doux étonnement,
Qu'elle exprime par un sourire.
Les cygnes chantaient autrefois,
Virgile a daigné nous l'apprendre:
Le notre a Léda fit entendre
Les accents flûtes de sa voix,
Tantôt nageant avec vitesse,
Il Ségare en un long circuit;

Нимфа валье ступаетъ,
 Робкой вѣрившись волѣ,
 Во что-то межъ кустовъ прибрежныхъ возмущаю,
 И чувство робости прекрасной окладью,
 Невольно изронула, не въ силахъ воздохнуть,
 И вѣкъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной шевы,
 Расправя крылья торделова,
 Къ красотѣ плыветъ, веселя волна гругъ:
 Съ шумящей пѣною отвязно волна топчетъ,

Крылами воздухъ бьетъ,
 То въ кольца шевы вѣтъ,
 То торжю главу, смирясь прѣть Летою, клонитъ.

Лета смѣется,
 Вдурь раздается
 Радости кликъ...
 Вить сладострастной!
 Къ Лето прекрасной
 Лебедь приникъ,
 Слышно стечанье:
 Слова молчанье:
 Нимфа дѣвою
 Съ пѣвою сладкою
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнись, наконецъ, красавица младая
 Открыла пухій взоръ, въ томленьяхъ воздушныхъ,
 И чтожь увидала? На дождь изъ шибтовъ
 Она поконитъ въ объятіяхъ Зевеса.

Межъ ними юная любовь
 И пала таинства предѣстнаго дѣвца.
 Слѣзь примѣромъ научитесь
 Розы дѣвы красоты:
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощѣ воля:
 Въ темной рощѣ таня
 Часто пламенный Эрозъ:
 Съ хладной струйкою каплетъ,
 Сирѣлы прачесь въ пѣвѣхъ воля,
 Слѣзь примѣромъ научитесь,
 Розы дѣвы красоты:
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь,
 Въ темной рощѣ воля.

*Лебедь и Юнона. Милостворная гравюра
 Вольфа и 1866г.*

L'air s'agit le long qu'on enfuit
 C'est à tort de se voir en besse,
 C'est en se plonge comme un trait,
 C'est sous l'onde il nage en creux,
 Et tout-à-coup il repouit
 Plus près de celle qu'il adore,
 Leda, conduite par l'Amour,
 S'assied sur les fleurs du rivage,
 Et le cygne y vole à son tour,
 Elle ose sur son beau plumage
 Passer et repasser la main,
 Et de se frequent badinage
 Toujours lui baiser est loin,
 Le chant devient alors plus tendre,
 Chaque baiser devient plus doux,
 Et plus près on cherche à l'entendre,
 Et le voilà sur les genoux,
 Ce baiser le rend téméraire;
 Leda se penche sur son bras;
 Un mouvement involontaire
 Vient d'exposer tous ses appas;
 Le dieu soudain change de place,
 Elle murmure faiblement;
 A son cou penché mollement
 Le cou du cygne s'entrelace;
 Sa bouche s'ouvre par degrés
 Au bec amoureux qui la presse;
 Ses doigts lentement écartés
 Flattent l'oiseau qui la caresse;
 L'aile qui cache ses attraites
 Sous sa main aussitôt frissonne,
 Et des charmes qu'elle abandonne
 L'albâtre est touché de plus pres,
 Bientôt ses baisers moins timides
 Sont échauffés par le desir;
 Et précède d'un long soupir,
 Le gémissement du plaisir
 Echappe à ses lèvres humides,

 Si vous trouvez de ce tableau
 La couleur quelquefois trop vive,
 Sachez que la fable est naïve,
 Et qu'elle conduit non pinceau,
 Ce qu'elle a dit, je le répète,
 Mais je le dis et la raconter
 Que c'est un plaisir à désirer,
 Soit de s'offrir à l'âme d'un autre,
 De se laisser à la délicate
 Voir, penché bien que ce soit,
 Enlever l'air, respirer, suer,
 De l'âme à l'âme, se voir d'un air
 Et puis d'un air se voir d'un air,
 Les femmes ont ce penchant,
 Et c'est d'ailleurs un fait, que
 On le dit de l'air à l'air,
 Naturellement la femme,
 L'exemple est un fait de la nature,

A moi faire l'exemple invite;
 Mais ces variations qu'on nomme dieux
 Ne veulent pas qu'on les imite,
 Jupiter prévoit d'un tel goût
 La dangereuse conséquence;
 Au cygne il ôta l'éloquence;
 En la perdant, il perdit tout.

Кроме основного эпизода, который, конечно, был известен Пушкину и помимо Нарин, все остальное, вплоть до разбора, разработано безусловно самостоятельно, уже не говоря о юмористической «морали» в конце «Ледя», ничего общего с повестью Нарин не имеющей.

Еще менее выдерживает критики утверждение Гаевского, что в «Ледя» Пушкинши поражаешь Державину. Это утверждение замечено Гаевским у Блинского, который говорит в т. VIII изд. Солдатенкова, стр. 317:

Только она кантата «Ледя», издатель эпическую стихотворение, отделяется языком Державина, но, в действ, и Батюшкова; а самым роль песни кантата напоминает одного Державина.

Блинский тут же несомненно впасть в чисто фактическую ошибку. А. П. Майков уже указал, что

у Державина действительно есть кантата «Персей и Андромеда», написанная в 1807 году по случаю сражения при Прейшль-Энлау, но в ней нет ничего общего с кантатой Пушкина, кроме разве того, что в обоих стихотворениях употреблено несколько разворотов; это объясняется тем, что кантаты считались обыкновенно для того, чтобы быть положенными на музыку; впрочем, к кантате Пушкина музыка вовсе не была, кажется, написана. Кантата Державина — чисто лирическое произведение, а кантата Пушкина отличается исключительным характером и подходит на Лафонтенову сказку.

Къ этому можно прибавить, что трудно тотаться, благодаря чему произошла ошибка Блинского. Она, очевидно, навеяна извлекотвенным словом «кантата», с которым связано представление о торжественности.

Но принадлежат ли Пушкину и самое определение «кантата»?

Едва ли. В посмертном издании заглавие такое:

ЛЕДЯ
 (Кантата).

Заключение слова «кантата» в скобки почти invariably указывает, что это определение принадлежит издателям, которые всегда в в свой тогачки и тобавление: Къ Пушкину, Пль Вольтера, Орынок и т. д. помещали в скобки.

КРАСОТА и ЗЕРКАЛО.

Аллегорическая картина Sirriani 1726—1785 въ гравюрь Г. Ryder'a и J. L. Coiffe.

18. ВЕНЕРА ОТЪ ДАНСЫ.

Состарившаяся Данса приноситъ зеркало свое во храмъ Венеры съ слѣдующими стихами:

Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда!
 Богиня красоты прекрасна будетъ въвѣкъ,
 Слово времени нестрашна ей обманъ:
 Она не смертной человѣкъ;
 Но я, покорствуя судьбѣ,
 Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
 Ни той, которой я была,
 Ни той, которой янѣ.

II.

Но вопросу о являхъ «Леты» вполнѣ можно присоединиться къ мнѣнію Майкова, что «въ Леты онъ отнюдь не хуже, не грубѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Пушкина изъ липейской поры». Впрочемъ, Бѣлинскій говоритъ по поводу Батюшкова на «Лету»:

Дерзавшимъ отзывается два, три слова: «водоушью», «водоуху», усѣченное «горделива». Все остальное написано легкимъ, изящнымъ языкомъ Батюшковскаго чекана. Особенно хороша по художественнымъ достоинствамъ строфа

18. ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАНСЫ ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЁ ЗЕРКАЛА.

Настоящее стихотвореніе написалъ Пушкинымъ по просьбѣ его липейскаго товарища, П. П. Пущина. Пущинъ перевелъ изъ знаменитаго курса литературы Ланарна «Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne» статью объ эпиграммѣ (т. III, гл. IX) и просилъ Пушкина дать ему стихотворный переводъ настоящей эпиграммы, помѣщенной Ланарномъ въ качествѣ образчика этого рода поэзіи. Другія эпиграммы, цитированныя Ланарномъ, были воспроизведены Пущинымъ или въ извѣстныхъ уже переводахъ Дмигіева и Батюшкова, или лично переведены для него Паллажемъ. Стихотвореніе это у Ланарна привнесено въ переводѣ Вольтера; но Пушкинъ почему-то не послѣдовалъ ему, а воспроизвелъ другой переводъ тѣмъ же эпиграммой, сдѣланный Н. А. Гюи Р. А. Guys, 1722—1801. Этотъ переводъ Гюи привнесъ въ его книгу «Voyage littéraire de la Grèce», изданной въ изданіи 1776 и 1783 г.г. Элементаръ перваго изданія авторъ, бывшій уроженцемъ Марселя и занимавшійся торговлею, потѣсь императрицу Екатерину II, которая въ являхъ благовоности, прислала ему медаль въ память Кумуки Кашиаракійскаго мира. Давность Пушкина отъ Гюи въ словесъ при сличеніи этой пьесы съ оригиналомъ:

Four ans, dit-on, l'air au dedans de ses ours,
Ce fût le miroir n'est plus d'ancien usage,
C'est ce fût, dit le Poëte, ce n'est de l'ancien !
A Ven' d'ancien de fût de l'ancien !
Mo' qu'il n'est de l'ancien !
Qu'il n'est de l'ancien !
Qu'il n'est de l'ancien !

Сму вы не видите, что въ переводѣ Пущина, и Гюи не имѣетъ никакого смысла:

Между тѣмъ въ переводѣ Вольтера всего 4 строки:

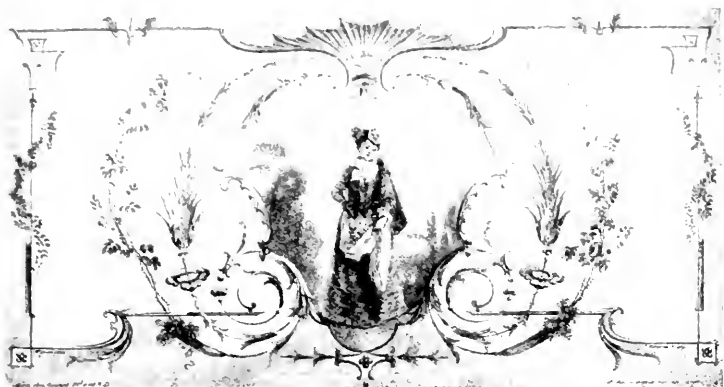
Врусь раздается и т. д.
Лета събѣгаетъ.

Эта строфа до сихъ поръ печаталась неправильно. Печатели не замѣчали, что въ ней 11 стиховъ вмѣсто 12 и что 7 строка слышно степеннее, ни съ чѣмъ не римуется. Въ нашемъ изданіи произведена строка («и ова мола чанъ») возстановлена по издеченіямъ К. Я. Грота («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905, № 10, стр. 235) изъ тетради барона М. А. Корфаго ней въ концѣ тома «Исторія цуцкискаго текста». О другихъ печаталъ текста тоже см. въ концѣ тома.
С. Венгеровъ.

Sur Lays, qui remit son miroir dans le
temple de Vénus
Je le donne à Vénus, puisqu'elle est toujours belle,
Et redouble trop mes ennuis
Je ne saurais me voir, dans ce miroir fidèle,
Ni telle que j'étais, ni telle que je suis.

Античные оригиналы этой пьесы вѣроятна въ сборникѣ такъ называемой Греческой Антологіи. Этотъ сборникъ, именуемый по мѣсту храненія библиотека Гейдельбергскаго Палаatina главнаго изъ своихъ составныхъ частей «Палатинской Антологіей», началъ начало отъ писателя Константина Кефала, который въ 917 году былъ протопашою императорскаго двора въ Константинополѣ. Древнегреческихъ эпиграммъ съ темой о посвященіи Лансой зеркала 4 она изъ нихъ приписывается Платону, а три другихъ — одному изъ двухъ поэтотъ Юліановъ, уроженцевъ Ефеса и жившихъ въ IV и VI вв. по Р. Ар. Кроме того, это стихотвореніе сохранилось въ латинской передачѣ поэта Авзонія (IV в. по Р. Ар.), поэтовавшаго Платону. Его эпиграмма особенно интересна для насъ потому, что Гюи, по его собственному признанію, пользовался именно Авзоніемъ; изъ Авзонія же, вѣроятно, перевелъ и Вольтеръ, который совершенно не думалъ греческаго являхъ. Вотъ переводъ эпиграммы Авзонія: «Я старуха Ланса, посвящая зеркало Венерѣ; пусть ивѣчная краса находить въ немъ, востановить себя ивѣчную услугу. А мѣжъ въ немъ ивѣкъ никакою надобности, потому что ивѣтъ себя такую, какова и мѣжъ, я не хочу, а, какова была, не могу».

Упомянемъ въ эпиграммѣ Ланса или, согласно принятому мѣжъ написанію, Ланса личность историческая. Это была знаменитая гетера, жившая въ Коринѣ во

ДЕКОРАТИВНОЕ ПАНО ВАТО (Wateau).

19. К Р А С А В И Ц Я,

которая шлола табаку.

Возможно ли, вифто розь, Амуромъ
пасаженныхъ,

Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясиновъ и ландей,

Которыхъ ты всегда любила,

И прежде великй тебѣ посила

На мраморной груди своей -

Возможно ли? милая Климена!

Какая странная во вкусѣ переменна:
Ты любишь обонять не утреннй цвѣтокъ,

А вреную траву зелену,

Некрасивою превращенну

Въ пушистый порошокъ!

Пускай уже сътой профессоръ Геттингена

На старой зазерцѣ согнувшись дуетъ,

Вперивъ въ латинскую глубокой разумъ свой,

Раскашлявшись, табаку толченнаго

Ищаетъ въ длинной нощи вздохнуе рукой:

Пускай млатовъ друиуе усатой,

Поутру сиди у окна,

Съ остаткомъ утренняго сна,

Цѣль трубки пенковой цѣмъ тошнѣ
сбровавай;

Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,

У Грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,

Которой развита вся прелесть на

полставкѣ,

Которой безъ морщинъ на члѣвѣ мѣта плѣтъ,

Злоловить, молится, злаетъ,

И съ впрямь табакомъ печали дабываетъ.

А ты, прелестная! Но если ужъ табаку

Столь нравится тебѣ... О, тыль воображенна!

Ахъ! еслибъ, превращенна въ прахъ,

И въ табакеркѣ, въ заточенн,

Я въ персты пважные твои попался могъ:

Тогдѣ бы, въ сердечномъ возмущенн,

Разсыпался на грунтъ, нощи шелковой

платокъ...

И даже, можетъ быть... Но что? Мечта пустая!

Не будетъ этого никакъ!

Судьба завистливая длая!

Ахъ!... отъ чего я шелъ табаку!

время Пелопоннесской войны 431—404 до Р. Хр., у нея было безчисленное количество поклонниковъ; но она отличалась такою же великою и только для торгующаго. И жизнь, и смерть ея окружена массою анекдотовъ. Такъ говорили, что она умерла во время зажития своимъ ремесломъ: по другимъ предвѣстямъ, она повисла на масляномъ деревѣ. Въ Коринѣ была водяннута даже ея памятникъ съвиза, гермающая барана, впрочемо, символъ ея корыстолюбія. Эту Ланду надо отличать отъ другой, младшей, которая родилась въ Сидонѣ и пошла въ Коринѣ только 7 лѣтъ отъ роду. Эта вторая Ланга была современницей знаменитой Фрины. Пушкинъ радуется Ланду старую, такъ какъ къ ней обращены эпиграммы Антологіи. Слѣдуетъ прибавить, что во французской литературѣ интересъ къ личности Ланги несомнѣнно возбужденъ была знаменитымъ Dictionnaire historique et critique П. Баля (Bayle, 1647—1706), гдѣ впервые дано было обстоятельное жизнеописаніе этой античной дѣвicy.

Повищеніе Лангой своего зеркала Венерѣ является ею въ силу сѣдующаго обычая, существовавшаго какъ у древнихъ грековъ, такъ и римлянъ. Великій, мѣнявшій главное занятіе своей жизни на другое, посвящала богу, подъ покровительствомъ котораго она доселѣ находилась, орудія своего прежняго ремесла. Этого же обыкновенія держалась покаяніемъ свое ремесло по трагедіи. Такъ старый гладиаторъ посвящаетъ свою рапиру Геркулесу, музакантъ свою лиру Аполлону и т. д. Особенно богата подобными посвященіями VI книга Палатинской Антологіи, гдѣ помѣщены и эпиграммы съ именемъ Ланги. Поэтому распространенъ у Пушкина мотивъ вѣнчанія красоты Венеры занимать въ античную эпиграмму только самое строгое мѣсто.

Дѣльмъ можно отмѣнить нѣкоторый анахронизмъ въ словахъ въ прозрачности стекла (ст. 6 и.), такъ какъ вѣднство, что античный миръ, по крайней мѣрѣ современна Лангѣ, зналъ только металлическія зеркала. Вольтеръ и Гюи издѣли этого анахронизма; но онъ встрѣчается у третьяго французскаго переводника этой эпиграммы, маркиза Буфлера (Stimilas de Bouffler, 1737—1815), котораго Пушкинъ зналъ, такъ какъ онъ называлъ даже разъ Батюшкова «русскимъ Буфлеромъ»; въ посланіи къ В. Л. Пушкину, 1817 г., ст. 13 и.

Переводъ Буфлера содержитъ 4 стиха, и въ третьемъ изъ нихъ стоитъ «Pour Lais qui vieillit sa glace est trop fidèle». Наконецъ, Гавевскій предполагаетъ, что въ послѣднемъ стихахъ эпиграммы Пушкина замѣчается вліяніе Кашшета, наибавшаго въ своей пьесѣ «Красота»:

Зачѣмъ въ пріятной я судьбѣ,
Какъ шпѣль, мѣнять не могла;
Най зачѣмъ не та я шпѣль,
Не та, что въ младости была!

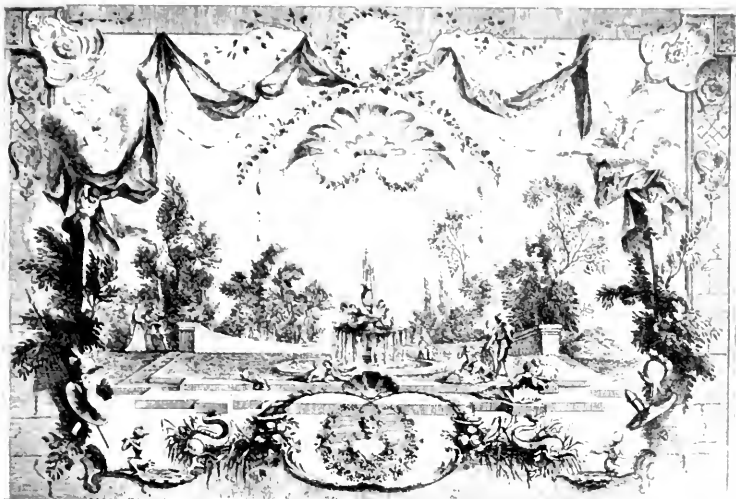
Но Л. Н. Майковъ отвергаетъ это предположеніе, указавъ, что Кашшеть никогда не пользовался особымъ вниманіемъ Пушкина.

Ср. Записки Пушкина съ сборникѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ» Сиб., 1899 стр. 57.—Объ античныхъ оригиналахъ стихотворенія и его французскихъ переводахъ см. изслѣдованіе акад. В. К. Ершета въ Академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. 1, изд. 2-е, Сиб., 1900, стр. 46 сл.—O Лангѣ—Pauly's Real Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft, т. IV.—Объ обычая посвященія—изданіе сатиры Персія О. Яна (Jahn, Leinzigъ 1843, стр. 137 сл.—O зеркалахъ у древнихъ—De Witte, Les miroirs chez les anciens, Bruxelles 1873.—Статья Гавевскаго помѣщена въ «Современникѣ» 1863 г., т. LXII, стр. 166.—Кромѣ Пушкина, настоящую пьесу переводили Б—ій въ журналѣ «Ланге», 1806, т. II, кн. 3, стр. 17, и Д. Саларевъ въ журн. «Благонамбранный», 1820, кн. XI, стр. 375.

А. Малеевъ.

Помѣщенный нами текстъ взятъ изъ «Вѣст. Евр.» 1814 г., № 18, конечно, съ особенностями орфографіи подлинника. Объ особенностяхъ его см. въ концѣ настоящаго тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Тамъ-же будетъ напечатана представляющая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересъ краткая статейка Пушкина, которую совѣтъ и порируютъ издатели. Пока отмѣтимъ, что заглавіе «Венерѣ отъ Лансы» произвольно создано издателями. Въ статьѣ Пушкина никакого заглавія нѣтъ. Во извѣжаніе неурядувинъ, мы удержали по душнѣеяе трагическое заглавіе, но только поставили его въ скобки.

Ред.

ДЕКОРАТИВНОЕ ПАНО ВАТО (Wateau).

20. STANCES.

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour.
Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui:
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougoux enfants de l'hiver,

Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclore:
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

19. КРАСАВИЦА, КОТОРАЯ ПОШЛА ТАБАКУ.

Въ концѣ тома, въ статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста», читатель найдетъ подробности относительно принятаго нами текста. Дѣльеже считаемъ нужнымъ отмѣтить одно замечательное обстоятельство Пушкинскимъ мѣсто, интересное тѣмъ, что оно опредѣляетъ водить насъ въ то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго написалось стихотвореніе. Первоначально мѣсто скромнаго 34-го стиха —

Развѣтался на грудь пошь шелковой платокъ
Разыравшись воображеніе юного лица-
вета парисовало такую картину:

Развѣтался на грудь и, можетъ-быть, платокъ
Прощающую захотѣлъ, о сластолюбивѣйшій!

До таинныхъ прелестей, которыхъ самъ Эротъ
Запрятать за дѣла и горы.

Чтобъ не могли неспроста взоры

Открытъ имѣтище божественныхъ красотъ.

Преть нами, такимъ образомъ, самая неприкрытая порнографія. Прямой выводъ изъ этого, что «Красавица», идолюющая поэтъ она изъ сестеръ его товарища кн. Горчакова, сердилаю чувствамъ ему не внушала. Мы вальне удивимъ, какъ скромныя отзывы молодой поэтис Пушкина на настоящую привадианность къ Бакуниной, Горчакова-же просто традиция его столь рано проснувшуюся чувствительность.

Бѣлинскій отнесся преувеличенно сурово къ первой шесткѣ. Причисляя ее сначала, имѣетъ съ «Бовонъ» и «Бедобрѣемъ», къ тѣмъ изъ лицескихъ стихотвореній, которая «ужъ слишкомъ плоха» соед. изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 314, онъ дѣлѣтъ стр. 315 говоритъ:

Несча. Красавицѣ, которая пошла табаку, отличается сатирическимъ и сантиментальнымъ характеромъ, столь своимъ вѣнчанъ нашенъ старинной поэмѣ. Она написана то юго-поэтическимъ стихомъ, что поэмѣ, принятымъ пошь Пушкинскимъ, словомъ разумѣвъ, нашенъ владство стиха, странно думать, что эти стихи писаны Пушкинскимъ, молодымъ и пристрастнымъ поэмѣ.

На этотъ разъ Бѣлинскій сошелся со своимъ антиподомъ, незнакомымъ Шевыревымъ, который несколько дѣлъ раньше «Москвитинимъ» 1841, ч. V, еще суровѣе донесъ:

Такая шестка, какъ «Красавица» Бѣлинскій и прочая съ тѣмъ-же отношеніемъ Бѣлинскій и Кн. Палладинъ съ нимъ могла быть ему приписана. Можетъ быть, это шалость его же товарища.

Сомнѣнія Шевырева не имѣють пошь собою никакой поэмѣ. Правда, собствен-

норумнаго оригинала «Красавицы» нѣтъ, но есть нѣчто болѣе въ данномъ случаѣ знаменательное, переписаннымъ къ-то текстъ стихотворенія съ небольшими поправками Пушкина. Это показываетъ, что онъ собирался включить «Красавицу» въ собраніе своихъ сочиненій, только слегка измѣнивъ ходившій по рукамъ списокъ первоначального текста и выбросивъ непристойный куплетъ. Извѣстно, какъ строго относится Бѣлинскій къ себѣ. Вотъ почему въ его готовности включить «Красавицу» въ собраніе сочиненій нельзя не усмотрѣть лишній поводъ противъ резрѣмбрной строгости Бѣлинскаго и Шевырева, къ которой присоединяется Гаевскій. Эту строгость въ значительной степени можно объяснить тѣмъ, что Бѣлинскому пришлось имѣть дѣло съ крайне несправнымъ текстомъ. Въ посмертномъ изданіи стиху 22 и слѣд. были напечатаны такъ:

Пускай красавицѣ шестидесяти дѣтъ,

Которой держится вся предѣсть на поствѣтъ.

Быль, слѣдовательно, пропущена риюмующій стихъ:

У Грацій въ отпуску и у любви въ от-
ставкѣ!

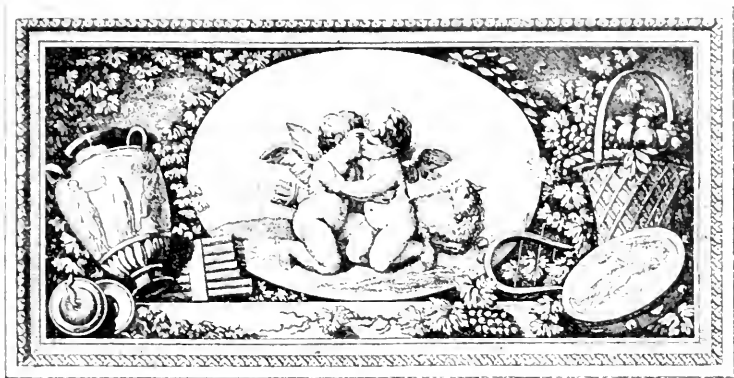
Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, знай Бѣлинскій эту превосходную строку, онъ не сталъ бы говорить о томъ, что «Красавица» написано необычно для Пушкина «слохими стихами».

«У грацій въ отпуску и у любви въ от-ставкѣ» — та это сказано съ такою мѣткостью, съ такою силою и блескомъ, что Пушкинъ въ лучшую пору своего творчества не могъ-бы выразиться ярче.

Въ своемъ Запискѣхъ о Пушкинѣ замечательнымъ лицейскій другъ его Пушкинъ сообщаетъ:

Красавицѣ, которая пошла табаку, писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кангакудиной. Врочно, она не знала и не читала этихъ стиховъ, пошь родоразрѣшало молодого воображенія. Сборникъ Л. Мавлюкова, Пушкинъ, т. II, 1899, стр. 61.

По сообщенію Гаевскаго «Современникъ» 1863, № 7, стр. 175, Пушкина вдохновила другая красавица — сестра Горчакова, *Алексеяра* Михайловна, впоследствии кн. Кангакудинъ. Въ концѣ концовъ, однако, выясняется, что предметомъ вожелдній Пушкина была вовсе самая младшая сестра.

Заставка Lecharbon (слова Антонина XVI).

21. ПОСЛАНИЕ КЪ НАТАЛЬЕ.

Pourquoi craindre-t-il de le dire
C'est Margot qui fixe mon goût.

Такъ и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ:
Сердце страстное влюбилось:
Признаюсь: и я влюбленъ.
Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не зная бремя,
Я жила да поивалъ:
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гулянья пль въ воксалахъ
Легкимъ Зефиромъ летать -
Какъ смѣлся во дло Амору
Я писалъ карикатуру
На любовной женекѣи постъ:
Но напрасно я смѣялся,
Наконецъ и самъ попалъ,
Самъ, увы! съ ума сошелъ.
Сѣхун, водворить все постъ лавку,
Изъ Катонь и въ отставку
И теперь я Селатонъ,
Милостивой жрицы Талли
Видѣвъ прелести Натальи
И ужъ въ сердце Купидонъ!
Такъ, Наталья, признаюсь,
Я тобою подоненъ,
Въ первый разъ еще стыжуся
Въ женекѣи прелести влюбленъ:
Шванъ тебѣ, какъ ни вернусь,

Лишь тобою данить я,
Ночь притеть и лишь тебѣ
Вижу я въ пустомъ мечтани,
Вижу въ легкомъ одыши,
Будто милая со мной,
Робко, сладостно пуханіе,
Бѣлоп груди колебаніе,
Слѣвъ дамминой бѣдланон,
И подуотверети очн...
Скромнынъ мракъ безмолвной ночи...
Духъ въ восторжъ привонить мой
Я очнъ въ бесѣдѣ съ тею,
Вижу... дѣвственну милую,
Трепещу, томлюсь, пѣвнью...
И проснуся... вижу мракъ
Вернуть постели одинокон
Цапуюко въздохъ глубокой!
Сонъ дѣвннннн, томннннн
Отдѣлаетъ на крылахъ,
Страсть сильннннннннннннннн
А любовню утомляе,
Я слабннннннннннннннн
Все къ чему-то умъ стремител...
А къ чему? ничто изъ насъ
Дамамъ ведууъ того не скажетъ,
А ужъ такъ и сякъ размаетъ,
Я по свойскѣи объявлюсь,

Но повѣстникамъ Манковымъ справкамъ, въ сообщеніи Пущина не все верно: красавица, похваченная табакомъ, была не вторая сестра товарища Пушкина, князя Александра Михайловича Горчакова, княжна Елена, а четвертая — княжна Софія, бывшая впоследствии замужемъ за Абрамомъ Петровичемъ Хвощинскимъ; она родилась въ 1802 году, а скончалась въ 1836: къ ней обращено стихотвореніе Пушкина 2-е изъ акад. изд. 1 тома Пушкина, примѣч. стр. 41.

Такимъ образомъ, воспитаніи Пушкинскимъ «Красавице» было всего 12 лѣтъ.

С. Венгеровъ.

20. STANCES.

Сообщивъ непервое свиданіе см. выше № 19, что стихотвореніе «Красавице», которая похвала табаку» относится къ княжнѣ Александриѣ Михайловнѣ Горчаковой-Кашакузенъ, Гавевскій «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 175, датимъ прибавляетъ:

Къ нему же относится следующее незнакомое стихотвореніе, написанное Пушкинымъ въ томъ же 1811 году: свидѣтъ напечатаннымъ нами текстъ, отличающійся только тѣмъ, что Rose напечатано большой буквой и въ 2 мѣстахъ пунктуация и выделка шрифт. *C. B.*

Подлинника этого стихотворенія въ сообщенныхъ нами бумагахъ не сохранилось, но принадлежность его Пушкину стихотвореніе подтверждается его товарищамъ: въ копіяхъ, съ которыхъ мы его сообщаемъ, оно перешло рукою Паличменского на одномъ листѣ съ стихотвореніемъ Мопертези, которое помѣщено издателями между произведеніями незнакомыхъ поэтовъ, но относится къ тому же времени.

Подлинникъ известностию отыскался у либеральнаго друга Пушкина — О. О. Манюшкина, отъ котораго перешелъ къ Е. Д. Кудомлиной.

Если принять поправку А. П. Манюкова, то и «Stances» относится къ княжнѣ Софіи Михайловнѣ Горчаковой-Хвощинской. Но, къ кому бы, впрочемъ, они ни относились, въ нихъ нѣтъ и слѣда сколько нибудь сильнаго удочеренія.

Отъ стихотворенія есть такая золотая вылощенность! *, что является же-

Т — Тамъ, сто въ буквальномъ переносѣ
Взволнуй ты иванью розу,
Милую твою прекраснаго яна,
Коль не вѣно, ева распустившись,
Она является собою свидѣтельство любви
Такой намъ въ вѣрѣ, еще болѣе прекрасна
Предстала готова Губою.
Не была еще вѣда увидѣть какъ она
Она, сто въ обаятельномъ и почва какъ
вѣда.

даніе усмотрѣть тутъ просто стихотворное выраженіе на условно-любовную тему. Выбавокъ, стихотвореніе до такой степени лишено реальности, что обращено также къ какому-то выдуманной Eudolie.

С. Венгеровъ.

21. ПОСЛАНИЕ КЪ НАТАЛЬѢ.

Отношеніе къ этому стихотворенію теперь, когда мы имѣемъ возможность установить совсѣмъ иной текстъ, чѣмъ прежнія изданія, тоже должно быть иное.

«Къ Натальѣ» впервые появилось въ послертомъ изданіи въ 1841 г., т. IX, въ явно обезображенномъ видѣ. Оно обрывалось на оставшемся безъ отафта вѣрочѣ

Да кто же ты, болтуна влюбленная!

Критикамъ послертого изданія стихотвореніе показало очень плохимъ. Въ известной уже намъ стр. 124 статья Шеварева говорилось:

Такая поема, какъ Красавица, которая похвала табаку, и особенно Къ Натальѣ и Къ Натальѣ, едва ли могутъ быть ему приписаны. Можетъ быть, это подлинно его же товарищевъ. Мы не думаемъ, чтобы Пушкинъ, 45-ти лѣтъ написавшій въ прекрасные стихи, которые итѣмъ въ 389 стр. 1, могъ позволить себѣ кля рима, какъ Наталья и Серафимъ, китанду и америка и ади, подобные стихи:

Сабль Наташа! Ты ты и ты и ты!
Что никто тебя не зреть!
Нак не хочешь часть е дини и
Съ другомъ сердца развѣнать!

Врно боланое бездучіе въ этомъ выборѣ, которымъ оскорбляется память нашего мастера-художника.

Но, уви! Вѣтры и бури,
Эти сердитая твои думы,
Скоро раздалаетъ насъ нашихъ головъ,
Сдуешь вѣту, дѣмпо и вѣтлахъ,
И нѣтъ тогда болане цѣтовъ, нѣтъ
болане розы;
Любедная твои любви,
Губа распустившись, упатеть на дѣмпо
ушиной!
Оно скрывается время прекрасныхъ твои,
Губою, любви! Время горонить,
Ноль была счастливыми твои,
Родилъ въ хлѣбной старости
Чувствительна пламень любви!

А Рѣчь итѣя, о стихотвореніи, которое въ послертомъ изданіи было цѣлкомъ. Къ послертовому изданію, да къ намѣмъ — П. Г. Домошникову № 27.

Всѣ любовники желаютъ,
 И того, чего не знаютъ,
 Это — свойство пухъ, шпатель!
 Завернувшись балахономъ,
 Съ хвосткою шапокъ на бекрень,
 Я желалъ бы Филлиномъ,
 Ночь вечерь, какъ веселу быть,
 Взявъ Ашота ибату руку,
 Изъяснить любовну муку,
 Говорить: она мол,
 Я желалъ бы, чтобъ Назорой
 Ты старалася меня
 Удержатъ умиланьемъ влоромъ,
 Навъ сбыломъ Онекуномъ,
 Легкой, милою Розинь,
 Старымъ пастыкомъ судьбины,
 Въ свачей и съ парикомъ,
 Держкой пламенной рукою
 Блосиважу, полну груды...
 Я желалъ... та видъ поюю
 Моря не перешагнуть,
 И хоть по уши влюбленный,
 Но съ тобою разлученный,
 Всю надежду я лишишь,
 Но Наталья, ты не знаешь,
 Кто твой иванья седатонъ...

Ты еще не понимаешь,
 Отчего не събѣлъ оны
 И падѣлся? Наталья,
 Вслушай еще меня,
 Ни плавитель я Серапи,
 Ни Арабъ, ни Турокъ я,
 За ретивого Китаюга,
 Грубого Америкаюга
 Почитать меня нельзя,
 Не представъ и ибмчурой
 Съ кознакомъ на волосахъ,
 Съ кружкой, нивомъ, палитюю,
 И съ дыгаркою въ дубахъ,
 Не представъ какалержаря
 Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпата, сабли, алебарга
 Не гнать мой руки
 За Адамова грѣхъ,
 — Да кто-жь ты, болтувъ влюбленный,
 Видишь на стѣнѣ водываенны,
 Гдѣ безмолвны вѣщныя зракъ,
 Видишь на окнахъ заграженны,
 На лампахъ тамъ зажженны...
 Знай, Наталья, — я... монахъ!

Копировка Эйсена (Eisen, 17, 20—1780).

Шарль Шеваревъ заподозривалъ даже подлинность столь не привычнаго ему стихотворенія. Въ примечаніи къ «Красавицѣ», которая пошла табакъ» уже было указано, что по отношенію къ «Красавицѣ» поэтъ Шарль Шеваревъ совершенно правъ. Къ вопросу о подлинности «Къ Натальѣ» мы еще въ своемъ мѣстѣ вернемся. Что же касается «Посланія къ Натальѣ», то подлинность его тоже вѣтъ сомнѣній. Уже Майковъ имѣлъ право сказать, что «стихотвореніе несомнѣнно принадлежитъ Пушкину». И действительно: оно имѣется въ бумагѣ Пушкина хотя и не его рукой писаное, а даѣтъ оно относится къ опредѣленному лицу, которому посвящено и слѣдующее стихотвореніе «Къ молодой актрисѣ». Мы-де, сверхъ того, располагаемъ теперь неважно найденною К. Я. Грогомъ тетрадью пушкинскаго товарища Матюшкина отъ ней въ концѣ тома, гдѣ въ числѣ другихъ современнѣе списанныхъ стихотвореній Пушкина имѣется и «Посланіе къ Натальѣ» въ полномъ видѣ.

Блжннскому, писавшему о посмертномъ собраніи въ 1844 г. 6 т. «Къ Натальѣ» тоже не приходится. Отнесши стихотвореніе къ ряду «однамоментныхъ» сильныхъ вліяніемъ Батюшкова», онъ далъ ему говорить:

Вспомните стихотворенія Батюшкова, дам-
ствовавшая имъ пѣдъ Париж, и потому посланіе
«Къ В-ну Пеллеу и сравнѣе съ нимъ поэзіе
Пушкина «Къ Натальѣ» и «Къ молодой»: въ
умнѣе въ духъ Пушкина усматривать Батюш-
кова. Но отъбавъ и стиху, первое стихотвореніе
слишкомъ отдѣляется отъ него неразбавно, по
слѣдующее и по стихамъ напоминаеть Батюш-
кова» (изъ Солдатенкова т. VIII 323).

Ознакомленіе съ новымъ текстомъ должно кое въ чемъ измѣнить отзывъ Блжннскаго. Такъ, отсутствовавшій въ посмертномъ изданіи французскій лириграфъ указывается, что, кромѣ общаго поTRACTAIIH «легкой поѣли» Батюшкова, Пушкинкъ поTRACTAIIH въ какому-то французскому стихотворенію. Что касается «отъской неразбавности», то понамъ, неизвѣстные раньше стихи 51 78 Матюшкннскаго текста являють это опредѣленіе очень спорнымъ. Можно-ли говорить о «отъскости» по отношенію къ юности, который дамамъ тономъ говорить о «блжннскихъ»! Но гораздо важнѣе то, что въ новыхъ стихахъ мы встречаемъ съ лириграфическимъ приемомъ, который и слѣдъ вѣтъ у Батюшкова. Пушкинкъ отъ общаго мѣстѣ зрѣннма переходить къ мнѣннмъ реалннмъ характеристнмъ Натальѣ — о ней ниже къ реалннмъ ея ролямъ и себя-де-ла-ть бы

внѣтъ на мѣстѣ тѣхъ, которымъ въ театрѣ выпадаетъ роль Натальѣ.

Если читатель припомнитъ то, что сказано нами на стр. 66 по поводу «Дѣтнн», то и тутъ можно наблюдать власть надъ творчествомъ лннннмъ періода одннхъ и тѣхъ-же прнѣмовъ и въ крупномъ, и въ мелочномъ. Простая-ли въ самомъ дѣлѣ случайность, что въ духѣ слѣдующнхъ одно за другимъ стихотвореннхъ—«Красавицѣ, которая пошла табакъ», и «Къ Натальѣ» Пушкинкъ прибѣгаетъ къ одному и тому-же прнѣму своеобразнаго оборотннчества: въ «Красавицѣ» отъ съ возжѣтннмъ восклицаетъ: «ахъ, даѣтъ я не табакъ!»—тогда бы онъ прнобрѣлся ко всѣмъ предметамъ красавицъ: къ посланію къ Натальѣ—отъ же желаніе въ чудномъ обликѣ добиться близости правннцей ему красоти.

Натальѣ лицо мнѣннмъ реалннмъ. Уже въ примечаннхъ къ изд. 1859 г. Геннадн сообщнлъ, что, «по указанію М. П. Донгннна, эти стихи «Къ Натальѣ» и «Къ молодой и актрисѣ» относятся къ одной молодой актрисѣ, изъ крннннхъ графа Варооломѣ Васильевича Толстого, у котораго была домашнн спектакль, посѣждаемн лиценцннмъ».

Это сообщеніе подтверждаетъ Гасквскн въ своей извѣстной статьѣ «Пушкинкъ въ лирѣ»:

Въ то-же время, т. е. то 1815 г., у одного изъ царскосельскихъ жителей, графа В. В. Толстого, была домашнн театр, на которомъ играла друна, составленная изъ крннннхъ людей. По-добная даѣтъ, для которыхъ стояли

Отъ матерей, отцовъ отгоракенныхъ дѣтей,

были тогда не рѣдко, и царскосельскн любнтель театрѣ не представлять въ этомъ дѣлѣ исключенн. Лиценцнн посѣждали его спектакли, на которыхъ, имѣвъ съ друннми посѣтнтелнми, засматривалъ на первую добовнщю замороженно друна, Наталью, котора, отънакъ, была одиою актрисою. Къ ней Пушкинкъ написалъ въ 1815 г. начелатннхъ въ отъбавъ стихотвореннхъ неизвѣстныхъ тономъ посланіе «Къ Натальѣ» и «Къ молодой и актрисѣ». Г. Геннадн въ «Прнложеннхъ къ сошнннмъ А. С. Пушкина» стр. 100 говоритъ, со словъ г. Донгннна, что къ ней же написалъ и стихотвореніе «Къ Натальѣ»; но это несравнннн: оно, какъ увиднмъ ниже, относится къ другому лицу. «Современннкъ» 1863 г., № 7, стр. 139.

Театръ Толстого былъ учрежденіемъ прочнымъ, и потому самому онъ игралъ важную роль въ жизни лиценцнн, его постоянныхъ посѣтнтелей. Цѣлымъ 2 года послѣ того, какъ Пушкинкъ написалъ свои на посланн къ хоронешкой премнрнш

ЗНАМЕНИТАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ АКТРИСА КЛЕРОНЬ.

Съ роскошной шитой трапезы изъ Парижскихъ модельеръ П. Е. Рейнольдъ.

группы лицейскій другъ его, Паличевскій, сообщаетъ 2 сент. 1816 г. своему другу Фуссу:

Наше Парке Село въ дѣлѣ ни есть Петербургъ въ мѣстахъ. И у насъ есть вечерня сдѣланы въ саду музыка и пѣсни, шлоя театры. Великъ дѣломъ обладалъ мы графу Толстому, богатому и дошедшему удовольствія человеку. Но диалогетамъ съ холаномъ, и мы пѣвемъ пѣвцы въ это спектакли: ты можешь повать, что дѣлаше первое и ночи существованіе удовольствіе. Грогъ, Пушкинъ и его лицейскіе товарищи, стр. 63.

Печатаемый нами текстъ Матюшкинскіей тетради заключаетъ въ себѣ 34 стиха лицейскихъ противъ текста прежнихъ изданій. О мелкихъ отличіяхъ его въ предѣлахъ рабѣ издѣланныхъ стиховъ, а также о мелкихъ несогласіяхъ пачинахъ съ напечатаннымъ Матюшкинскімъ текстомъ К. Я. Грогъ см. въ концѣ настоящаго тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Новые стихи мы поставили въ скобки.

К. Я. Грогъ, «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1905 г. № 10, стр. 235 полагаетъ, что «наиболѣе пикантная» концѣ стихотворенія не появился въ послѣднемъ изданіи по цензурнымъ причинамъ. Это, конечно, шло бы возможно, но намъ кажется, что было бы крайне неосторожно усомниться въ заключительномъ стихѣ.

Знаи, Наташа,—ахъ монахъ

желаніе Пушкина говорить о действительномъ монахѣ. Намъ кажется, что это прямое продолженіе того-же канрика, въ силу котораго Пушкинъ въ посланіи «Къ сестрѣ» говоритъ о своемъ пребываніи въ «монашарѣ», о своей «кельѣ», о томъ, что онъ «чернецъ», что «перевираетъ чокчи» и скоро броситъ «путь столь клубукъ съ верной». Преть намъ, несомнѣнно, опять черточка, общій всему 1814 году.

«Вадра», «свѣтло оекункъ», «деткая милденка Родина», «старый пашановъ супьница въ свачѣ и съ парикомъ» — очевидно, повали изъ репертуара Толстовскаго театра. Остова же, вѣроятно, повалъ отбылъ въ пѣщи или «бадахонъ» съ матекой шапкой «Фидомонъ».

Въ стихѣ

Не люблю я бранныя грѣмъ

черта автобиографическая. Въ дѣломъ рабѣ лицейскімъ стихотвореніи мы видимъ и съ подобно Пушкинъ къ вѣщамъ.

Смѣлость стиха

За Аумова грѣмъ

гемель.

С. Венгеровъ.

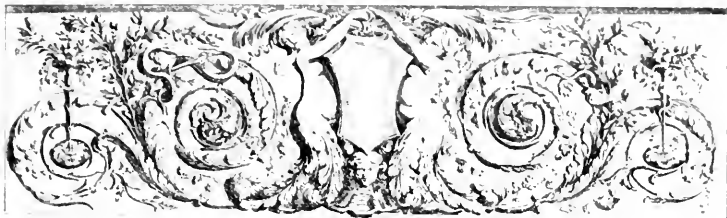
22. КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Стихотвореніе явно относится къ той же крѣпостной премьерѣ, какъ и предыдущее. Оно такъ достаточно материала, чтобы судить о характерѣ представленій въ театрѣ Толстового. Очевидно, чисто-эстетическій элементъ не игралъ большой роли въ томъ наслажденіи, которое доставляли зрителямъ Толстовскій театръ. Даже 15-лѣтнему критику жена деревенской игры хорошею актриса, которая въ «неповности своей» ни ставъ, ни свѣтъ не умбеть, не умбеть даже отчасти и внятно выучитъ свою роль («дѣлаша что-то не для насъ»). Ходила же, очевидно, публика въ театръ просто какъ на раугъ, поговорить, пошутить, поволочиться за актрисами.

Клеронъ (Claire Leris de la Tude, по продажнѣ Clairon), а не Клерона, какъ ее называетъ Пушкинъ, знаменитая актриса временъ Регентства 1723—1803. Въ 1814 г., сошедшая со сцены еще въ 1765 г., Клеронъ уже была давно забыта, и Пушкинъ могъ ее знать только по книгамъ. Всего вѣроятнѣе, онъ вычиталъ ея имя у Вольтера, восторженно отзывавшагоса о Клеронъ и также создававшя особое слово Claironade для обозначенія патетической игры. Имя Клеронъ Пушкинъ, вѣроятно, назвалъ просто какъ синонимъ знаменитой актрисы. Клеронъ славилась какъ актриса на героическія роли въ трагедіяхъ Корнея и Расина. Пушкинская-же актриса «безъ такта пѣла» — не въ повалѣ, значитъ, выступала въ опереткахъ того времени и предзнавалась въ любви какому-то Милономъ, рѣчь свачи о «Фонъ-Видинскомъ Милонѣ», значитъ играла роль любовницъ въ чувствительныхъ пьесахъ сентиментальнаго репертуара.

«Къ Молодой Актрисѣ» при жизни Пушкина не печаталось и впервые появилось въ послѣднемъ изданіи т. IX, Сибд, 1841, стр. 264—266. Нашъ текстъ кое въ чемъ отличается отъ этого, повтореннаго другими изданіями, текста, а также отъ текста Академическаго изданія. Руководствовались мы въ этомъ послѣднимъ, повѣршимъ данными, сообщенными К. Я. Грогъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906, № 10, стр. 238—39. Подробнѣе см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста».

С. Венгеровъ.

22. КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наследница Клероны:
Не для тебя свои законы
Владежды Ницца начертал:
Тебѣ не много Божь послалъ:
Твоей голосокъ, сладкопеленя,
Ивмиа взоровъ обращеня
Не стоять, прилажось, похваля,
И шумнѣшь плескомъ, удивленья:
Жестокон суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной.
Но, Алоя, ты мила собой:
Тебѣ ю-сласть годится смѣху,
Итакъ, вѣнцы переть тобой,
И несомнительныа усѣху.

Ты пдвнмѣшь зрителя велешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоишь переть нами,
Поешь и часто не въ-попашь:
А мы усердными руками
Всѣ трюмо хлопаемъ; кричать:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Смѣлки сатириковъ молчать,
И всѣ покоряются предельной.

Когда, въ недовожности своей,
Ты сложишь руки у гробу.

Или поймаешь пухъ и слова
На грудь положишь даятьшея:
Когда Милона молодого,
Денеча что-то не для насъ,
Въ любви безъ чувства удвѣришь,
Или безъ памяти, въ следякъ,
Холодный перускан ахъ!
Спокойно въ кресла унажась,
Красива и чуть-чуть наша,
Всѣ шепчуть: ахъ! какъ хороша!
Уви, дружно бѣ освѣташ!
Велико дѣло красота!
О Алоя, мудрые солташ:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣшивъ же, Алоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который вѣжно предъ тобою
Осмѣлся о любви поеть,
Всѣ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебѣ кланяется обожать,
Кому ты можешь отивчать,
Не смѣи молвить объ измѣнѣ:
Блаженъ, кто можетъ роль добыть,
На сценѣ съ милешкою актрисой,
Жать руку ей, пдвнсь быть
Еще блаженнѣш да кулею!

23. ОПЫТНОСТЬ.

Это стихотворение написано под очевидным влиянием французской анакреонтической поэзии: образ стужающегося у юного Эроса прямо заимствован у Анакреона, а также Ватюшкова, при чем Пушкин повторяет и обычный у последнего рифма: любовь — оковы — слово. Основная его мысль выражается въ стихах: «Веселиться мой законъ», отличающемся тому дикуренскому взгляду на жизнь, которымъ были проникнуты произведения многихъ греческихъ и новѣйшихъ поэтовъ. Въ греческой антологіи найется немало мотивовъ на эту тему. Напримеръ: «Вотъ она, жизнь, вотъ она, наслажденія жизни! Проще, горе! Человѣкъ живетъ не долго. Ну же, живи, живи, пиводомъ, дѣвотныхъ вѣковъ, женщинъ! Сегодня я навѣрнѣе веселиться: что будетъ завтра не знаетъ никто!» Избранныя анграммы греческой антологіи, пер. В. Алексѣева, Сиб., 1896, стр. 21, № 77. П. М.

Впервые замечано въ Вѣстникѣ Европы 1814, ч. 77, № 17, стр. 179, съ пописью: I., 14—16. I соответствуетъ инициалу имени Л. 14 и 16, впрочемъ, соответствуютъ диффону значенію *И* и *И*, т. е. первой и послѣдней буквамъ подлинна Пушкина подъ стихотвореніемъ, которымъ онъ редактировалъ см. стр. 71. При жизни Пушкина не перепечатывалось и впервые появилось вновь въ Анненковскомъ изданіи. Гейшаръ и Ефремовъ внесли въ некоторыя поправки, не указавъ, что это основаніе дѣлать для поправки см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Мы держимся текста и орфографіи «Вѣстн. Европы». Ред.

24. БЛАЖЕНСТВО.

Какъ и предъидущее, это стихотворение написано мотивами французскихъ анакреонтиковъ и Ватюшкова и представляетъ вариацию на ту же тему: «Мнѣ блаженства вѣкъ любви» стр. подѣльное гораціевское выраженіе: *carpe diem, quam minimum credula postera*. Греческій мотивъ влюбленнаго напуска, отвернутаго жезломъ Хлои, какъ бы напоминаетъ другое античное стихотвореніе Пушкина — Пѣвца:

Такъ, то могла
Грустить, увидя
Крова пию,
Всѣмъ добыты,
Терномъ увиты
Шли вланы.

Но зѣлъ угбителемъ страдающаго и учителемъ дѣлакаго взгляда на жизнь является «Эрміевъ слѣзь», снутичка Диониса. Нанъ у римлянъ—Фавна, — рогатый, козлоногій, бородачатый и обрестій шерстью богъ полей и дѣсовъ, сынъ Гермеса и аркадійской пастушки, дочери Диониса. Этого веселый и шутиливый «сухуль будливому козь» проповѣдуетъ несчастному любовнику практическую мудрость «блаженства»: любовное горе топить въ вишѣ, а съ похмелья угбитаться любовью тамъ, гдѣ ее всего легче встрѣтить. Въ греческой антологіи вино, наоборотъ, является опаснымъ для человѣка союзникомъ любви, такъ какъ оно димекаетъ разумъ: «Противъ Эроса я надѣлъ себя на грувь, вайцеры,—раздулокъ. Одинъ на одинъ ему со мной не справиться... но если ему на помощь явится богъ вина,—что подѣлать мнѣ одному противу вина?» Избр. анграммы, стр. 21, № 79.

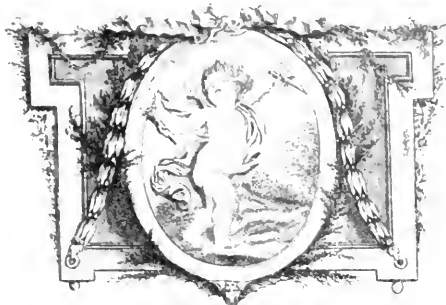
Имена «Хлои» и «Дориды», часто встрѣчающіяся и въ подлинныхъ стихотвореніяхъ Пушкина, употреблены имъ отъ старѣйшихъ нашихъ лириковъ. Хлою находимъ уже у Трѣпавковскаго, которые въ свою очередь, заимствовали ихъ, конечно, у французскихъ поэтовъ. Неудачны рифмы: въ весельи — исчезли, тихой — дѣкой, въдохомъ — рокомъ, поставленія въ весельи. Характерна для тогдашняго произношенія рифма: исчезъ — пописью.

П. Морозовъ.

Впервые замечано въ Вѣстникѣ Европы 1814, ч. 77, № 20, стр. 275, тоже съ пописью: I., 14—16 (см. № 23). При жизни Пушкина, не перепечатывалось и впервые появилось вновь въ изд. Анненкова. Зѣлъ стихотвореніе перепечатывается по тексту «Вѣстн. Европы» см. въ концѣ тома «Исторія Пушкинскаго текста». Ред.

25. ВПРАЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

Это стихотвореніе, по своему складу, представляетъ покаяніе грѣшнику въ ту пору по всей Россіи Школу во станѣ русскихъ воиновъ. Жуковскаго первый обра-

Из вилеток Эзена (1720—1780).

23. О П Ы Т Н О С Т Ь.

Кто съ минуту переколетъ
Удѣламъ разумомъ любовь,
Время тѣлостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложетъ,
Пусть не смѣйся, не рѣзвится,
Съ строгой мудростью тружится;
Но съ раздумьемъ вновь заспоритъ,
Хоть не рать, но шеръ отворитъ,
Васъ проказливый Эрозъ
Постучится у воротъ.

Почувствуй я сама собою
Истину словъ правыхъ словъ,
«Доброй путь! прости любовь!»
«За божицею сѣбною,
«Не да Хлосе, подечу,
«Щастье, щастье умачу!»
Минь я въ горюсти бездумно,
Врутъ, услышатъ хохотъ шумно,
Одвучется... и Эрозъ
Постучится у воротъ.

Штъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ спитъ въ раздумьѣ жить,
И покажется жизни нить
Старой Наркой тамъ придется,
Пусть властветь мною ошь!
Реселится мой законъ,
О смерть откроеть гробъ ужасный,
Полемитъ въ зора лѣнь,
И не стукнется Эрозъ
У могилахъ ужъ воротъ.

здесь этого размера так, впрочем, Жуковский еще раньше, в 1811 г., в поэмке: «Двенадцать спящих дивов». На годок «Швед» в Лигеб расцвела так называемая «национальная» поэзия, выступавшая профессоров и воспитателей, напр.:

Вь лигесевон даб—гшиша,
Диковина межи нами;
Друда! Къ намь дзель сагана
Сь дакрией да дубами,
Друда! Оберегетя дуроб,
Друда! Ве друки валу,
Дакриу сплющимь да щевон,
Дашимь австриу сваду, и проч.

Гротъ, Пушкинъ, 1901, стр. 239.

Но, помимо «национальности», это изображение имело и литературный характер. Известно, что Батюшков в 1813 г. пародировал поэму Жуковского в шуточном стихотворении «Швед» в Вестн. словенороссовъ. Эта пародия, о которой Пушкин вспоминает в своем «Горючке», перечисляя содержание «завятой тетради», послужила близким образцом для «Иркующих студентов» и даже подсказала заключительный строки этого стихотворения: у Батюшкова гр. Августовь останавливается сонного и убогаго, пошатываясь, посетителя Бельфа словами:

Дав, баше я прочу оцу
И постъ распродаю.

В «Иркующих студентах» воспевается она из двух товарищеских поносок, которая, по замечанию Гасевского, проходила чаще в воображении поэта, нежели с действительности, хотя иногда имела место и на самом деле. Я. К. Гротъ, Пушкинъ, стр. 13—14 передает, что Пушкин, не сохранившемуся в Лигеб преданию, не был любимым большинством своих товарищей: причиною тому была несколько зловредный характер его и остроумие, которое иногда раздражалось на счет друзей. С некоторыми из них, однако же, именно с теми, которые лучше понимали его и охотно прощали ему ризки вшаюки, он был свидан твеноу дружок, не охватившою до конца его жизни. Къ этому же кругу близких товарищей он и обращается в своем стихотворении, а предметом этой трудной компании избирает профессора Едвигато Педогогическата Института Александра Павловича Галлица, который временно, с мая

1814 по июнь 1815 г., преподавал в Лигеб русскую и латинскую словесность имъ его заботливому Кошачкаго и къ своимъ ученикамъ относился какъ старший товарищ. Иногда, по вечерам, лигесты собирались къ коматъ, отведенной Галлицу для его приватной в Парковъ Село, и здесь, какъ можно заключить из посланий къ нему Пушкина, даю не ограничивалось одною «среднею беседою», темъ болше, что и самъ профессоръ не былъ строгимъ постишкомъ. См. также особую статью о Галлице.

Из числа сверстников Пушкина, перечисляемых Лигеб, упоминаемых в этом стихотворении, первое место, из порядкъ строкъ, занимает «спартанецъ» Владимиръ Дмитриевичъ Вольховскій. Онъ поступилъ въ Лигеб из числа отличившихъ воспитанниковъ московскаго университетскаго пансиона и во все время продолжал заниматься съ особеннымъ прилежаньемъ, такъ что сами его товарищи передъ выпускномъ пробъ:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый.

Эти стихи, быть может, Пушкинымъ же и придуманные, конечно, вспомнилъ ему, когда онъ, в первоначальной редакци «19 октября 1825 г.», начал одну из строкъ такъ:

Спартанскою душой являя насъ,
Воспитаннымъ суровою Минерою,
Пусканъ оны Вольховскій будетъ первый.

При выпускъ Вольховскій, действительно, получилъ первую золотую медаль. С скромный и тихий, онъ, однако же, и надъ болше способными товарищами бралъ веру трудомъ и железною волею. Чтобы успевать работать, онъ сокращалъ часы сна и налагалъ на себя добровольный постъ, а иногда и цвлымъ неделымъ мяса, иррожино, мяю; чтобы удерживать твесныя силы, издвигалъ иногда себъ на плечи два толстые словаря; чтобы болше успивать въ верховой езде, во время приготовления учебныхъ уроковъ садился верхомъ на стулъ и соблюдалъ правильную кавалерийскую поставку; наконецъ, чтобы усерднее заниматься въ прозаический, онъ, подобно Демосфену, влавъ въ ротъ камешки и отправлялся декламировать на царскоесельское озеро. Вь эти странности и успия надъ самимъ собою оставилъ Вольховскому два товарищескихъ прощанья: «Суворокка» и «Sapientia».

В И Н О.

Рисунки и гравюра Bartolozzi.

24. БЛАЖЕНСТВО.

Въ рошѣ сумрачной, тинистой,
Едѣ журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бросить ручекъ,
Ночью на простой свѣртли
Шляхъ влюбленный пастушокъ:
Томный сулъ, унылы трели
Постороня въ глуши топить...

Варушь, изъ глубины пещеры
Чистель Баку и Венера,
Рѣзвухъ Фанювъ господить,
Вабьжаль Эрмиевъ сыкъ,
Плющъ на черныахъ волосахъ,
Козій мбукъ, виномъ наптыкъ,
У Сатра на плечахъ,
Богъ львовъ въ дугу склонившесь
Нать искривенной клюкой,
За кустами пригавившесь,
Слаубаль ибсенки поной,
Въ ладъ качая головой, —

«Дни, протекше въ веселья!
Шляхъ въ тоскъ пастухъ млатой,
«Отъ чего, явись мечтой,
«Вы, какъ тѣкъ, отъ глазъ изчели
«И покрылись вѣчною тьмой?
«Ахъ! когда во мракъ пощи,
«При таинственной думѣ
«Въ темну снѣхъ прохладной роши,
«Слако свиденъ въ тинишѣ,
«Медленно, рука съ рукою,
«Съ ивжикою Хлоей прихотилъ,
«Кто сравнись могъ со мною?
«Хлоя быть то та я миль!
«А теперь мѣхъ жидъ, мотилъ,
«Въныкъ снѣхъ думѣ погылъ,
«Грустень, льскъ, погыль уныль...
«Хлоя другу извѣщала!...
«И для милоу... ужъ не миль!...»

Звукъ изчель свѣртли пшой:
Смокъ ивещъ и тинишъ

Вынужденный изъ Лицея въ квартиру, Волховскій не побоялся повториться еще разъ экламену и избралъ местомъ своей службы генеральскій штабъ, въ который также, какъ по экламену, не принимали. Отсюда начинается рать его служебныхъ успѣховъ. Въ 1820 году, въ чинѣ поручика, онъ былъ командированъ въ Бухару, къ императорской миссии подъ начальствомъ Пейри и по возвращеніи оттуда, черезъ годъ, имѣлъ личныя докладъ у государя. Въ 1826 г., онъ былъ назначенъ состоять при генералъ-адъютантѣ Паскевичѣ, при которомъ впоследствии игралъ важную роль, такъ что ему даже присваивали часть успѣховъ и славы знаменитаго полководца. Подъ начальствомъ Паскевича онъ участвовалъ въ персидской кампаніи и не разъ отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ началѣ 1828 г. былъ откомандированъ въ Шаху, въ Тегеранъ, и съ дерзостью своею способствовалъ къ побужденію персидскаго правительства на уплаты обиднаго 10 мил. р. контрибуціи. Вслѣдствіи онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ возставшихъ полковъ, а по окончаніи полковъ кампаніи былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отъбывающаго Кавказскаго корпуса.

Здѣсь онъ очень быстро вступилъ въ службу и, между прочимъ, принималъ участіе въ чеченскъ дѣйствіяхъ и въ нѣсколькихъ онъ имѣлъ успѣхъ. Кроме того, онъ занимался своимъ матеріаломъ для составленія проекта похода на горцы. Съ 1832 г., онъ служилъ полк. чинѣмъ въ началѣ своемъ корпуснаго командира барона Розена и въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса; по долгу, въ 1837 г., государь лично побѣдилъ Дикавказе и при этомъ, ставшоправителемъ края, были присвоены разныя званія, то не только постыли и начальники его штаба. Волховскій былъ переведенъ британцами командиромъ въ ашганскій край, а такъ какъ съ думомъ имѣлъ онъ поладить подъ начальство

перасположеннаго къ нему Паскевича, то и долженъ былъ выйти въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы въ февралѣ 1839 г. и поселился въ своей деревнѣ, въ Изюмскомъ уездѣ Харьковской губерніи, по соседству съ лицевскимъ товарищемъ Малюковскимъ, на сестрѣ которого онъ былъ женатъ. Умеръ онъ 7 марта 1841 г. Гротъ, Пушкинъ, 71—73.

Въ строфѣ 3-й названа Дельвигъ и «любедный острякъ» Паличевскій, подумившій это прозвище да свои многочисленныя карикатуры и эпиграммы на лицевскую любовь дна, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились въ рукописномъ журналѣ того времени «Лицевскій Мурадъ». Паличевскій въ лицевскую пору своей жизни былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ либерально-стихотворцевъ и одно время даже соперничать съ Пушкинскимъ, хотя и признавалъ его превосходство надъ собою и говорилъ, что многимъ ему обязанъ. Съ Пушкинскимъ онъ былъ очень близокъ, и въ лицевской тетради стихотвореній поэта многа переписаны мелкимъ, красивымъ почеркомъ Паличевскаго, въ томъ числѣ и «Широкіе студента». (См. дальнѣе особую статью о немъ.)

Михаилъ Лукьяновичъ
Яковлевъ.
изъ лицевскаго порр.

Въ строфѣ 4-й упоминается «сѣтливый половецъ» графъ Сильвестръ Францевичъ Бродько (или, какъ тогда писали, Бродію), сынъ французскаго эмигранта, Пушкинъ называетъ его «красавцемъ», по гр. Корфѣ въ свою лицевскую воспоминаніямъ Гротъ, Пушкинъ, 253) даетъ о немъ нѣсколько шпихъ оцѣнокъ: «Крайне ограниченная въ способностяхъ, при томъ порочная половацъ и очень востылившій, онъ сталъ при запускѣ, поминать, послѣднимъ, и отличается только тѣмъ, что былъ к отъ глазъ и дѣланъ». Пушкинъ въ своемъ лицевскомъ перелетѣ, что Бродько, выйдя изъ Лицея въ арменскіе офицеры, ухуль въ Францію, а впоследствии принялъ участіе въ борьбѣ республиканцевъ Грегюа, тѣмъ и былъ убитъ въ 1829 г.

ПУШКИНЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ЛИЦЕѢ.

*Рисовалъ либо лицейскій пусернеръ Чириковъ, либо К. Брюловъ.
Гравюра Гейтмана, приложенная къ «Кавказскому Пляшику» (СПб. 1822).*

ПАШКНИЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРИБЫВАНІЯ ВЪ ПИТЕРЪ.
Изъясненіе къ «Сказанію Пашкниъ» (Спб. 1852).
Рисовано Иваномъ Ивановичемъ Рибниковымъ, Иванъ И. Рибковъ.

С. Савицкий

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

Воцарилась въ роуцѣ шкой:
Слышно, плещеть лишь волна
И колышетъ повелкою
Тихо-вбюющей дефирь:
Древь оставя слѣнь густую,
Врусь являетя Сатирь,
Чашу дружбы круговую
Шивитымъ сребра виномъ,
Реку съ ослабленнымъ лицомъ:

«Ты узнашь, ты сердцемъ мраченъ:
Посмотри жь, какъ сокъ прозраченъ
Блещеть, освѣтитъ душой!
Выпей чашу — и душой
Будешь такъ же чистъ и ясенъ,
Вѣрь мнѣ: стоишь въ бѣдахъ напрасенъ,
Душею, душею веселенъ,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружбенъ!»

— И настану, вливъ чашу въ руки,
Скоро вышлеть все до ша,
О могущество вина!
Врусь сокрылась скорби, муки,
Мракъ душевный вмить издесть!
Лишь фиалъ къ устамъ поднесъ,
Все милоеио превѣшилось,
Вся природа оживилась:

Щастливъ юнона въ мечтахъ!
Выпивъ чашу додогу,
Наливаетъ оныя трюдою:
Пьетъ ужь третью, но въ глѣдахъ
Видѣ окрестной поемниной
И щастливый... утомленъ,
Тому голому склона,
«Научи, Сатирь, меня»,
Говорить настану съ влохомъ,
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу щастливымъ быть?
И не въ силахъ вѣчно пить».

Слушай, юнона любезная,
Вотъ тебѣ советъ полезный:
Мнѣ в блаженства вѣкъ дови:
Помни дружбы наставленя:
Безъ вина дѣтѣ безъ веселья,
Пить и щастья безъ любви:
Такъ поти жь теперь съ похмѣля,
Съ Купидономъ помирись:
Подбуди его обина,
И въ объятіяхъ дорны
Снова щастьемъ наслабись!

1.... 14 16.

Копировка Le barbot (18 вѣкъ).

Въ 5-й строфѣ поэтъ обращается къ любимому своему товарищу, Ивану Пятовичу Пущину, которому, въ сдѣвующемъ году, онъ написалъ особое посланіе, и который впоследствии, во время вынужденнаго пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ, первый посетилъ его тамъ. О немъ также особая статья.

Строфа 6-я посвящена Михаилу Яковлевичу Яковлеву роі. 1798, ум. 1868, который отличался всета веселымъ нравомъ, за что и получилъ товарищескую кличку «Панса», а также былъ хорошимъ музыкантомъ и пианомъ. Въ Лигѣ Яковлевъ, увлекаясь примѣромъ французской товарищеской опереттѣ, написалъ несколько басенъ и послалъ нѣкъ издастелю «Россійскаго Мудреца», Ел. Панаюнову, который, однако, нѣкъ не напечаталъ. Впрочемъ, въ словахъ Пушкина: «плохо басни пишешь» заключается намекъ на эту неудачную попытку «прославиться». По выхотѣ изъ Лиги, онъ на всю жизнь остался пламеннымъ читателемъ лигійскихъ прелатій и усерднымъ собирателемъ всякаго документоваго и воспоминаній о первыхъ годахъ этого учебнаго заведенія: у него же обыкновенно устраивались и лигійскія годовщины. 19 октября, за что товарищи прозвали его «лигійскимъ старостой». До конца жизни Пушкина Яковлевъ сохранилъ съ поэтомъ самую близкія, дружескія отношенія. Онъ, между прочимъ, положилъ на музыку нѣсколько романсовъ Пушкина, издаваемыхъ и до снхъ поръ «Признаніе», «Виминъ Речерь», «Слеза», а въ 1834 г., будучи преректоромъ типографіи П. Оттавія С. Е. П. В. Банделяръ, наблюдать за печатаніемъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» и также собственноручно переписать сочиненное Пушкинымъ для этой книги предисловіе.

Въ 7-й строфѣ изображается выдѣлка товарищъ, виминъ, увлекавшійся поэзіями Казюковъ и нѣкъ атаманъ Платона въ отечественную войну и, впрочемъ, самъ мечтавшій на нѣкъ, по окончаніи лигійскаго курса, «скакать панку». Это былъ Иванъ Рясильничъ Малиновскій, сынъ перваго директора Лиги, старши по возрасту изъ всѣхъ первокурсниковъ ему, при поступленіи въ Лигу, было уже лѣтъ 16. Преданнымъ среди товарищъ ладкомъ съ лѣтъмъ предшествовалъ онъ является у Пушкина и въ стихотвореніи. 19 октября 1825 г., Малиновскій, виминительно, на нѣкъ изъ Лиги въ военную службу, по лѣтъмъ скоро повинулъ се и подвѣлтъ

своей вѣтъ въ Харьковской деревнѣ (ум. 1873). Съ нимъ и Пущинимъ Пушкинъ въ лигійскую пору былъ особенно друженъ: нѣкъ обоимъ вспоминалъ онъ и на смертномъ отрѣ, сказавъ: «Какъ жаль, что нѣтъ лѣтъ нѣкъ Пущина, ви Малиновскаго: мѣтъ бы легче было умирать...»

Въ 8-й строфѣ «милый лѣвель, любимый Анолономъ», Николай Александровичъ Корсаковъ, отличавшійся среди товарищъ своими музыкальными способностями. По выхотѣ изъ Лиги, онъ былъ причисленъ къ русскому посольству въ Итали и умеръ отъ чахотки во Флоренціи, въ 1820 г. Пушкинъ написалъ на его смерть стихотвореніе «Гробъ юности». Братъ Корсакова, Петръ Александровичъ, былъ впоследствии цензоромъ и издавалъ обскурантскій журналъ «Маякъ Просвѣщенія и Благотворенія». Другой его братъ, Михаилъ, участвовалъ отъ своего тѣтя, Дюдукова, умершаго безъ мужскаго потомства, княжескій титулъ и дополнителную фамилію и былъ почетнымъ петербургскаго учебнаго округа (то тоже воспитаній Пушкинымъ «князь Дюдуковъ»).

Въ 9-й строфѣ поэтъ снова обращается къ М. А. Яковлеву, сравнивая его съ знаменитымъ скрипачемъ того времени, Пьеромъ Роде (1774—1830), который прихотѣ въ Петербургъ, вѣтъ въ Бюльварѣ, въ 1803 г. и пробралъ лѣтъ 5 лѣтъ, подвѣлъ огромнымъ успѣхомъ. Сочиненные имъ 12 скрипачныхъ концертовъ разнырявались всеми скрипачами, а въ томъ числѣ, впрочемъ, и Яковлевымъ, который въ ту пору учился играть на скрипкѣ.

Наконецъ, въ послѣдней строфѣ названъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекерь, нѣкъ которымъ Пушкинъ вѣтъ въ Паличьевскимъ постоянно извѣдился за его страсть къ стихотворству и плохомъ знаніи русскаго языка. См. также статью о немъ.

Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, идъ въ сборникѣ Л. П. Майкова «Пушкинъ», Сиб. 1899, о первомъ чтеніи «Ирующимъ студентамъ» нѣкъ авторомъ: «Поэтъ былъ въ лазаретѣ и приласалъ насъ прослушать эту пѣсу. После вечерняго чая мы пошли къ нему гурибой, съ гувиреромъ Чириковымъ. Началось чтеніе... Вниманіе общее, тишина глубокая, по премею только прерывается восклицаніями. Кюхельбекерь просилъ не мѣшать: онъ былъ весь тулъ, въ потномъ уноснѣ. Духотнѣ дѣло въ послѣдней строфѣ. Мы слышимъ:

25. ПЕРВООЧЕНЫЕ СУДЕБЫ.

Дружья! досужный час настать,
 Все тихо, все в покое!
 Скорбе скатерть и бокалы!
 Сюда вино даю!
 Шипи, шампанское, в стаканы,
 Дружья! почто же съ Кантомъ
 Сенека, Тацитъ на столъ,
 Фольянтъ пать фольантомъ?
 Подъ столъ золотиныхъ мудрецовъ!
 Мы подемъ овладѣемъ!
 Подъ столъ ученыхъ дураковъ,
 Безъ нихъ мы пить умѣемъ!
 Ужели трезвого найдемъ?
 За скатертью студента?
 На великъ едунай иберемъ
 Скорбе презента:
 Въ парадъ пинаемъ оны пальцы
 И пушиль, и трокъ душистой:
 А намъ, Спартацы! пошесеть
 Вина въ стаканы чистой,
 Апостоль ибви и прохлады,
 Мой доброй Галчакъ, vale!
 Ты Эшкурровъ младшій братъ,
 Душа твой въ бокалы,
 Главу вшками уберу —
 Будь нашимъ президентомъ,
 И будуць самыя Цари
 Завидовать студентамъ,
 Дай руку, Дельцъ! что ты спиши?
 Проспись, дивнень въ сонны,
 Ты не подъ кледрой сидишь,
 Латинью уснаженный,
 Валлий! дѣвъ кружь твоихъ друзей,
 Бутылъ виномъ палита —
 За здравье нашей Музы пей,
 Парнасской волокиты!
 Острикъ добезьян! по рукамъ!
 Поливай бокалы досуга,
 И вылей собою лимраммъ
 На вецруга и зруга!
 А ты, красавецъ молодой,
 Сителной поива!
 Ты будешь Вахка жрець лихой,
 На прочее — дива!
 Хотя студентъ, хотя я пиванъ,
 Но скромность починаю:
 Приивай же пивнесты стаканы —
 На брань благословляю,
 Товарищъ милон, другъ примон!
 Тряхнемъ рукою руку,

Оставимъ въ чаши круговой
 Пелангамъ сроту славу,
 Не въ перонъ рать ми ибвѣтъ шемъ,
 Первѣно и бранимъ,
 Но чашу дружества палдемъ
 И томчесь помиримъ,
 А ты, который съ тѣскихъ дѣвъ
 Ошнмъ веселдемъ пашеть,
 Забавнай, право, ты поеть,
 Хотя плохо баша пишеть,
 Съ тобой такуеть безъ чиновъ,
 Любно тебя душою,
 Наполни кружку то краевъ,
 Разсудокъ, бо въ съ тобой!
 А ты, поива пль поива,
 На шалости роженнай,
 Умалы хватъ, голоторфакъ,
 Приятель душанный!
 Будылки, ромки разобьемъ
 За здравье Платова,
 Въ казачью шапку пушиль палдемъ
 И пить давайть спова,
 Приближакъ, милон пашъ ибвѣць,
 Любимай Аполлономъ,
 Военно властителя середъ
 Гитара тухимъ звономъ:
 Какъ сластоотно въ стѣбенну грунъ,
 Томанень звуковы дѣтскъ:
 Но мѣди ли страстно воздохнуть?
 Штъ, шманай дѣтъ смѣтѣсь,
 Не лучше ль, Роде дашетой!
 Въ честь Вахковой станицы
 Тенерь скрипнѣть тебѣ струноу
 Разстроеной скрипнѣць?
 Запойте хоромъ, госнопа!
 Штъ нужна, что несклатно:
 Охрипанъ? это не бѣза:
 Для пиваныхъ все вѣвъ латно,
 Но что, я виду все вивоимъ:
 Двоитер шгофъ съ аракомъ,
 Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылсь очи мракомъ,
 Гѣвъ вы, товарищи? гѣвъ я?
 Скажите Вахка рати,
 Вы предете, мой друзья,
 Склоивннсь на тетраци,
 Пшатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ презвѣ:
 Вильгельмъ! противъ свои стихи
 Чтобъ мѣв дасунъ скорбе,

Писатель, за свои грѣхи
 Ты съ вѣту вебухъ трѣвѣ;
 Выглядѣхъ! Прочи свои стихи,
 Чтѣбъ мнѣ зануть скорѣ!»

При этомъ воладеѣ публика забываетъ поэта, стихи его, бросается на бѣгучаго меромана, который, раставивъ ночь влѣпшемъ поэди Пушкина, приходить въ совершенное одурѣнне отъ неожиданной эпиграммы и нашего циника патвека. Добрая душа была этотъ Кюхельбекеръ! Опомившись, просить онъ Пушкина еще разъ прочесть, потому что и тогда уже плохо слышалъ отнимъ умомъ, испорченнымъ золотухой...

П. Морозовъ.

«Пирующіе Студенты» при жизни Пушкина не печатались, хотя въ которыхъ детали описывала, напримеръ, то, что Ганцъ не названъ по имени, а упоминаеть въ поэтничной рукописи такъ:

Мой избранъ Г—валѣ

какъ будто указывають, что Пушкинъ собрался опять стихотвореніе въ печать.

Всегомра на то, что сохранился автографъ «Пирующихъ Студентовъ» и притомъ въ относительно чистомъ вѣрогнѣ, поддѣлнмъ переписанномъ видѣ, установленіе текста представляеть затрудненіа. Подробнѣе см. въ концѣ тома, въ статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста»: дѣль же отблннмъ только исторію страннаго слова тасовскъ, порошистаго рѣчь недоразумѣній.

Въ посмертномъ изданіи стихъ напечатанъ такъ, что его понятъ нельзя:

Съ тобою тасовскъ безъ чиновъ.

Ашценковъ устранилъ безсмыслицу, перепѣлавъ тасовскъ къ тасовскъ, т. е. проводя глаголю тасъ. Переѣлка крайне неумачная, потому что глаголю тасоватъсь не существуетъ. Пѣль не менѣе эта переѣлка перешла въ изд. Гейшана и Ефремова, и только Еваскинъ релакцировавшимъ отблннмъ Пушкинскъ стихотвореніи въ изданіи Литературнаго фонда 1887 г., руковоидиуясь автографомъ, правильно написалъ тасовскъ.

Въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ В. Пушкинскъ, это лиденскѣ товарищи и наставники (Сиб., 1899 стр. 267) поконный Я. К. Грозъ писателъ:

Въ обращеніи съ Леонову въ «Пирующихъ Студентахъ» трѣхъ стихъ.

Съ тобою тасовскъ безъ чиновъ.

требуетъ двубогорато объясненія. По чтенію Ашценкова, Гейшана и т. Ефремова, онъ напечатанъ въ такомъ видѣ:

Съ тобою тасовскъ безъ чиновъ.

Въ изданіи же Литературнаго фонда читаемъ:

Съ тобою тасовскъ безъ чиновъ.

Радость эта пропорцила отъ того, что въ автографѣ, который поставо воспримаетъ при брошурѣ 29 января 1887 г., изданіи Александровскимъ лицемъ, поперкутное слово написано неясно: въ немъ первая гласная болѣе походитъ на о, чѣмъ на а; а такъ какъ слова тасовскъ итъвъ, то и принялось отгадывать, что хотѣтъ сказать поэтъ. Слова тасовскъ также итъвъ, но оно можетъ быть образовано и въ значеніи по съ къмънѣшбу тасъ, тасъ или чиновскъ было бы збѣкъ умнѣно; слово тасоватъсь есть, но оно обыкновенно употреблется только въ привлеченіи къ картамъ: карта тасоватъсь, воюта тасоватъсь см. словарь Дала. Едва ли оно можетъ быть употреблено въ смыслѣ влѣпнутаго глагола, когда рѣчь идетъ о людяхъ. Впрочемъ, предоставлю рѣшить этотъ вопросъ лицамъ болѣе мнѣ свѣдущимъ въ картонон терминологіи.

Никакъ нельзя согласиться, что въ лиденскомъ автографѣ спорное слово написано неясно. Оно, напротивъ того, достаточно отчетливо выписано, въ доказательство чего приводимъ снимокъ всей строфы.

Противоправка только что приведенное примѣчаніе Гроза, А. П. Майзель въ Г. т. Академ. изданіи сопровождаеть его слѣдующимъ поясненіемъ, къ которому можно было бы всегдѣ присоединиться, если бы не грубая ошибка въ конгъ:

Примѣчаніе это не можетъ быть оставлено безъ объясненія. Прежде всего долдно замѣтить, что именно въ данномъ случаѣ обращеніе къ значею картонон терминологіи было бы совершенно безполезно, такъ какъ тасовскъ обыкновенно употребляется тасоватъ въ привлеченіи къ картамъ, а въ другомъ смыслѣ Дала, сылка Гроза на словарь Дала не полна: кровь тасованя карта, Дала указываеть еще такіа выраженія: 1) тасоватъ дѣтѣи или дѣтѣмъ, что значить помакать пощенными, мѣнять дѣтѣи пропорцило, и 2) тасоватъ товары, то есть мѣнять товаръ равнаго достоинства. Выраженіе тасоватъ дѣтѣи удачно и академическимъ словаремъ 1877 года. Впрочемъ, итъвъ, кажется, сомнѣн въ томъ, что коренное значеніе слова тасоватъ относится къ картамъ, и что, подобно другимъ картононмъ терминамъ, это слово замѣщено съ польскаго тасоватъ, что прежде него значить мѣнять карта. Какъ бы то ни было, выраженіе Пушкинскъ:

Съ тобою тасовскъ безъ чиновъ.

въ смыслѣ, обращаетъ, воюскъ съ тобою безъ чиновъ— можетъ быть признано только рѣдкимъ или малонпотребительнымъ, но никакъ не неумачнымъ. Что же касается написанія слова, о которомъ идетъ рѣчь, то Пушкинскъ, по крайней мѣрѣ въ лиденскѣ томѣ, двубогитвенно писалъ его не правильно съ о, а не съ а въ первомъ слогѣ:

Строфа 8 по автографу, находящемуся в Пушкинском музее при Александровском дворце.

Ах ты ильмарин свет манди ель
 Вуиши вилевия гивиди,
 Зубелии право тебе масть
 Сом ^{Брени} маю ~~маю~~ мандит,
 Сестраи маюрат дуб киваля
 Мабви мей думои
 Намини круду гарраивь
 Рудуритъ, таъ сиваеи

Концы 8 строфы во рукописи Румянцевского музея (поляръ Илмариного).

От мотет мотурот дит миваля?
 Мотет мей думои, —
 Намини круду со гарраивь
 Рудуритъ — таъ сиваеи! —

если въ автографѣ, факсимилированномъ въ брошюрѣ 29 января 1887 года, данное слово читается неясно, то въ другомъ автографѣ Ирмюцимъ Стендаговъ, въ рукописи Московскаго Публичнаго музея, д. 39, оно очень отчетливо написано то же слово.

Несомненно, что въ рукописи Румицвскаго музея написано очень ясно то, о чемъ съм. снимокъ на 141 стр. Но было то въ томъ, что рукопись не Пушкина. На Румицвскаго рукописи въ концѣ есть поправка Пушкина (См. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста»), но писана она совсѣмъ не его рукою, а рукою Палицвскаго (см. его почеркъ въ статьѣ о немъ). Въ 1897—98 гг., когда Майковъ работалъ надъ 1-мъ Акад. изданіемъ, онъ еще мало основался съ почеркомъ Пушкина, по того мало, что въ Пушкинскомъ альбомѣ такъ снимокъ, якобы съ автографа «Шени» у насъ называется «О. Деляригаж», стр. 63, между тѣмъ, какъ этотъ автографъ и отделившійся имъ образомъ не принадлежатъ Пушкину (См. снимокъ съ этого мнимаго автографа въ концѣ тома, въ ст. «Исторія Пушкинскаго текста»).

Въ неясно опубликованныхъ К. Я. Гротомъ вырѣзкахъ изъ авторитетной тетради Матюшкина о немъ въ концѣ тома тоже весьма определенно написано то, о чемъ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., № 10).

С Венгерозъ.

26. КЪ БАТЮШКОВУ.

Пьеса написана въ 1814 году, а личное знакомство автора съ К. П. Батюшковымъ относится къ началу 1815 года: следовательно, Пушкинъ зналъ «ратости пива» только по неименованнымъ стихотвореніямъ, разбросаннымъ въ неименованъ то главнѣйш. журналахъ, и по некоторымъ пьесамъ, дошедшимъ въ рукахъ въ рукописи. Весьма возможно, что кое что зналъ онъ о Батюшковѣ отъ лицъ своего В. А. Пушкина.

Сохраненіе стихотвореній лучше всего подтверждаетъ вышеказанное. Пальчатъ 28 мѣлѣтняго Батюшкова — мечтаемымъ и «пошлымъ» мнѣ Пушкинъ, конечно, по тому, что не зналъ лично его.

4. Преподобнѣе проф. Хаданковъ о томъ знакомствѣ Пушкина съ Батюшковымъ въ 1810 г., только предположеніе. См. Харьков. унив. сборникъ въ память А. С. Пушкина, стр. 301—302.

Но, ошибаясь въ представленіи личности Батюшкова, лицеистъ-Пушкинъ прозорливо угадывалъ по неименованъ и далеко не выданнымъ стихотвореніямъ извѣстной талантл. поэта, «русскаго Париза», котораго избралъ себѣ образцомъ.

Въ первомъ 50-ти стихухъ пьесы находимъ восторженное сочувствіе поэта-лицеиста къ антидогматскимъ стихотвореніямъ Батюшкова, избраннымъ для себя образцами, съ одной стороны—Горация и Тибулла, съ другой—Волтера и Париза. Имя Лидета, упоминаемое въ 29 стихѣ, взято изъ «Монхъ Пенатавъ» Батюшкова:

И ты мой Лидета,
Въ смѣрнѣйш. уголокѣ
Приди ночь вечеромъ
Ташкомъ, переодѣта,
Въ убожествѣ съ тобою
Мнѣ мнѣ палачъ простомъ
Вѣдь дага мнѣ и краснѣ
Лишь предьятъ твоей.

Въ стихухъ 39—50 находится намекъ на стихотвореніе Батюшкова «Веселый часъ», напечатанное впервые въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 280—285 и послѣднее воспоминаніе о дружескомъ кружкѣ князя П. А. Вяземскаго въ Москвѣ. Постоянными гостями въ этомъ деселомъ кружкѣ были В. А. Жуковскій, В. А. Пушкинъ и К. П. Батюшковъ; рѣже появлялись А. М. Пушкинъ, Л. В. Давыдовъ, Д. П. Сиверскій, С. П. Маринъ и др. Мих. Юр. Вельгорскій, сочинившій музыку для кулетовъ, которые пѣлись на ужинахъ. Надо думать, что юный Пушкинъ слышалъ объ этихъ дружескихъ съоткахъ отъ лицъ участника ихъ, Вислія Львовича Пушкина. Это было ядромъ, изъ котораго вскорѣ образовался знаменитый «Арзамасъ» о немъ будетъ особая статья.

Убѣждая Батюшкова писать въ антидогматическомъ роѣ, юный лицеистъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ стихухъ 51—59 высказываетъ оживленіе отъ него и стихотвореній по славу поэмы, при чемъ намекаетъ на «Воспоминанія 1807 г.», стихотвореніе, появившееся въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. XLVIII, № XXI, ноябрь, стр. 28—31. Въ этой длетѣ Батюшковъ вспоминаеть о сраженіи русскыхъ съ французами при мѣстечкѣ Генцльбергѣ 1807 г., 29 марта, о блжкомъ раѣ, подуменной мнѣ въ этомъ сраженіи, и о семействѣ Мюселъ въ Ринѣ, гдѣ онъ дѣлалъ отъ вытѣлокъ болѣзни.

Въ послѣдней части стихотворенія ст.

61—92) Пушкинъ говоритъ о сатирическихъ пьесахъ Батюшкова, именно о его пьесахъ «Видѣніе на берегахъ Леты». Эта пьеса, написанная осенью 1809, ходила въ рукописи по рукамъ и нашла много шума въ литературныхъ кружкахъ. Литературная сатира, являющаяся въ карикатурномъ видѣ представителей старого, дурного вкуса въ литературѣ, эта пьеса давала самого автора и интересовала современниковъ, хотя она и не придавала большого значенія этой пьесѣ: «Этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ», говорилъ онъ въ письмѣ къ И. П. Глибичу отъ 1 ноября 1809 г., см. сочиненія Батюшкова, ред. А. Машкова, т. III, стр. 55. Указанные стихи иль стихотворенія Пушкина ясно свидѣтельствуютъ, что юной поэтессѣ, напротивъ того, придавалъ большое значеніе сатирическимъ пьесамъ Батюшкова, направленнымъ противъ бездарныхъ писателей старой школы. Кроме «Видѣній на берегахъ Леты», Пушкину, несомнѣнно, было извѣстно и другое сатирическое стихотвореніе Батюшкова «Шведъ въ бесѣдѣ славянороссовъ», написанное въ 1813 году и также ходившее по рукамъ въ спискахъ. Сочувствуя сатирическимъ напакамъ Батюшкова на литературныхъ стариковъ, юный Пушкинъ не удержался отъ осужденія его за злоупотребляя псалмъ пать Третьяковскимъ. Слова Пушкина въ столь часто руганомъ поэмѣ прямо указываютъ на «Видѣніе», въ которомъ трижды упоминается имя Третьяковского, и которое Пушкинъ считалъ «умнымъ и смѣшнымъ» много дѣтъ спустя въ 1826—1827 г.г., когда находилъ вообще стихи Батюшкова неумными. См. Д. П. Майковъ, Пушкинъ, Биографич. матер. и историко-литер. очерки, Сиб. 1899 г., стр. 286 и 293.

Поэтъ Грифоломъ, «морщимъ насъ со скуки», несомнѣнно, раздѣляется гр. Д. П. Хвостова, предловуный мезрочанъ, столь охотно читавшій, часто печатавшій и охотно зарившій свои стихотворенія всякому желающему. О немъ будетъ дана особая статья. Подлкомъ подлуду—вы-

шумиваніе псаломъсанаго, въ стилѣ Гретаковскаго слова Хвостова.

Висковатовъ Степанъ Павловичъ, род. въ 1786 г., умеръ въ 1831 г., плохой стихотворецъ и переводчикъ, псаломъкъ песенно-классическимъ трагедіи. Мелкія его стихотворенія собраны въ книгѣ: «П мой лира» Сиб. 1806 г., Псаломъ его трагедіи играли и печатались: «Корнѣи и Земьръ» Сиб. 1809 г., «Радамистъ и Зенобія» Сиб. 1810 г., въ Крѣпильона, «Гамлетъ» Сиб. 1811 г., съ перек. Дюенъ, «Швермштра» Сиб. 1812 г., погр. Земьеру, «Играма, но не печатались: «Писа те-Кастро» 1810 г., въ Ламонта, «Всепобщее олодченіе» 1812, «Царица Амазонская» 1813, «Влашмиръ Мономухъ» 1816 г., «Спартакъ, герой Германіи» 1814 и «Ратость молдавана или побѣда» 1828 г., Онъ былъ членомъ «Бесѣды любителей русскаго слова». Его трагедіи «Радамистъ и Зенобія» подверглась строгому разбору и порицанію со стороны Жуковскаго соч. т. II, 8-е, т. V и въ Вадмекато соч. т. I.

Поэтъ Клиномъ раздѣляется, вбродно, олодшенія старой школы, группировавшіеся около Ал. Сем. Шишкова, Шеридана—Мулы рошня или македонская область Шерія.

Паломъ, т. е. Овидій до ссылки на берега Чернаго моря прославился «Героизмами» т. е. любовными посланіями женщинъ героической эпохи къ своимъ мужьямъ или влюбленнымъ и любовнымъ дѣліямъ.

С. Брайлозскій

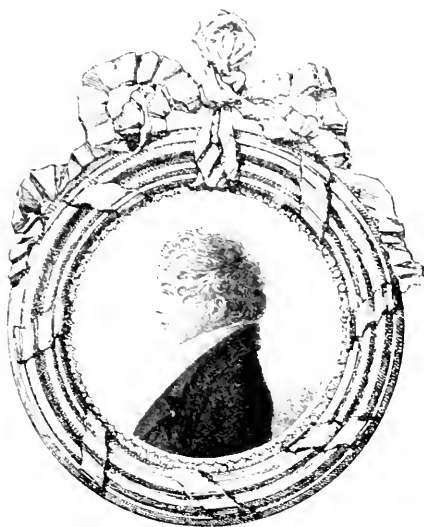
Панчедлано въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., ч. I, № 1, стр. 8—10, поэтъ заглавіемъ: «Къ Б. ову», съ псаломъкою уже намъ см. стр. 132 пошлемъ: 1... 14—16 и съ пропускомъ многихъ стиховъ, востановленнымъ впадевленіи Анненковымъ. Мы держались текста и ороографіи «Россійскаго Музеума» Попробимъ см. въ конѣ тома статью «Псторія Пушкинскаго текста», Дѣлье-же отбывшій только старинную форму, то по локъ, въ вѣсто подлудившій то по локъ, неправильно усвоенной Академическимъ псаломъ. Ред.

ПУШКИНЪ и БАТЮШКОВЪ.

Поэтическое дарованіе Пушкина, какъ известно, пробудилось въ очень раннюю пору въ годы отрочества, или, какъ говорили впоследствии сами поэты, «младенчества», когда Муза вручила ему «семистовую дубинку». Первые дошедшіе до насъ опыты юнаго поэта относятся къ раннимъ годамъ лицейской жизни, произведеннымъ въ кругу даровитыхъ сверстниковъ. Изъ которыхъ въ товарищи Пушкина Дельвижъ, Паличевскій, Кохлябскеръ уже въ ту пору начинали писать стихи, поощряемые добродушною критикою такою не строгимъ «аристарховъ» профессоромъ словесности. Конечно, эти стихотворныя попытки мальчиковъ-лицейскихъ не могли быть члѣдибо пыткой, кромѣ подражаній тѣмъ образцамъ поэдіи, которые изучались ими въ классѣ, и тѣмъ приемамъ стихотворства, какіе были уже освѣжены тогдашними учебниками. Первое мѣсто въ ряду этихъ перерекаемыхъ образцовъ принадлежало, разумеется, нашимъ классикамъ XVIII столѣтія: Ломоносову и Державину, изъ произведеній которыхъ димствовались все повелительныя примѣры къ правиламъ стихосложенія и къ теоріи поэтическихъ фигуръ. Эти образцы постоянно и подробно разбирались на урокахъ словесности, изучались наизусть, декламировались, и, конечно, служили, такъ сказать, официально утвержденнымъ руководствомъ для подражанія. Къ Ломоносову и Державину, какъ свѣтлымъ первой величины, примыкала цѣлая плеяда другихъ стихотворцевъ того же направленія, которые также были въ вѣху въ памяти и вдумствіе которыхъ шло начинающимъ поэтамъ, болѣе или менѣе обширный матеріалъ. Пушкинъ, обладавшій исключительною памятью, скоро и основательно овладѣлъ этимъ матеріаломъ, и даже въ позднѣе годы своей жизни могъ свободно читать наизусть болѣе отрывки изъ поэтовъ XVIII вѣка, не исключая и второстепенныхъ. Но именно въ ту пору, когда ему пришлось динуться на широкую скамью академическаго стихотворнаго образованія, произведенія старыхъ классиковъ становились уже постановкою исторіи и постепенно отступали на второй планъ передъ новыми, болѣе свѣжими литературными теченіями, представителями которыхъ явились молодые,

талантливые поэты, хотя и не признанные еще официально «образованными», но уже успившіе завоевать симпатію широкаго круга читателей. Это были Жуковский и Батюшковъ. Новыя произведенія не встрѣчали, вообще, одобрителнаго отзыва со стороны старыхъ словесниковъ, иногда служили даже предметомъ полемическихъ нападокъ; но, въ концѣ концовъ, сами защитники стариннаго литературнаго вкуса не могли устоять передъ гармоніей стиха и прелестью содержанія новой поэдіи. Естественно, что вся литературная наша молодежь того времени, вопреки авторитету своихъ учителей, оказалась на сторонѣ новыхъ поэтовъ. Въ 1815 году одинъ изъ товарищей Пушкина писалъ своему другу: «Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы... Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляясь дивнымъ нашимъ гениямъ Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда поднимать дѣйствіе и протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отечественной поэдіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитриева; тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать можно». Въ этихъ словахъ вполнѣ вѣрно отразилось тогдашнее настроеніе лицейской молодежи, которая, при отсутствіи другихъ достуныхъ ей интересовъ, все свое вниманіе сосредоточивала на литературѣ. Имена Жуковского и Батюшкова не даромъ поставлены дѣль въ главѣ перечня новыхъ свѣтлыхъ поэтовъ: какое новое произведеніе этихъ двухъ писателей являлось своего рода событіемъ, выдавало оживленные толки, сравненія, комментаріи, а первыя и подражанія въ средѣ юныхъ любителей литературы. Вполнѣ понятно, что впечатлительный и отзывчивый Пушкинъ сильнѣе прочимъ своимъ сверстникамъ увлекался этими новыми поэтическими откровеніями, художественное достоинство которыхъ такъ ярко обнаружилось при сопоставленіи ихъ съ насѣдимымъ прежеимъ литературной эпохи.

Но свѣтлѣе ли въ самомъ Пушкина, его «оскиталъ съ мудрымъ дядюшка поэтомъ» Басилій Львовичъ, челоувкъ мало даровитый и неслалекъ, но искренно преданный лите-

Портрет Батюшкова, рисованный имъ самимъ для Е. Г. Пригласной, приблизительно около 1820 года. Вставленъ зѣмь въ рамку 18 вѣка.

26. КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и Шигъ,
Нарцесскій щастливый эвнивецъ,
Харить извѣщенный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ длатострунной
Умолкнулъ, радости Швецъ?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ
Межъ курей вьющихся латыахъ,
Ночь тѣню топодовъ вѣнчистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Здравяиамъ не стужишь филомъ,
Любови и Вакха не поешь;
Довольна щастливымъ началомъ,
Цѣтовъ Нарцесскихъ вновь не рѣши:
Не слышишь, ванъ Царя Россійскій,
Мои, юноша!— Шведа Тиескинъ
Въ тебѣ влѣдъ свой вѣжайшій думъ,
Съ тобою твои предѣстияи друтъ,
Видѣтъ, красныхъ дней отравъ;
Швару любви—любви парата,
Вострой же лиру— по струнамъ

Летанъ иривами перетамъ,
Какъ вѣтний зѣфаръ по вѣвтамъ;
И сладострастными стихами,
И тихими шопотомъ любви
Лилету въ свой палатъ дови,
И лѣвѣ почивахъ при блѣнномъ свѣдѣ,
Плывущихъ въ вальной ванинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волнѣбнои внемля тишииъ,
Слезами щастя грудь прекрасной,
Щастливцевъ милыхъ орошиа;
Но, упоенъ любовью страшнои,
И вѣжнхъ Музу не забываи!
Люби иль бо въ щастя въ мѣрѣ,
Люби— и пой се на лирѣ.

Когдажъ въ тебѣ въ досужнай часѣ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣвница подыглетъ,
Отъ пѣвца съ трескомъ свободится,
Ошесвай въ стихахъ иривахъ
Веселье, шумъ гостей бодривыхъ,
Вокругъ накрыатаго стола,
Слаканъ кивидиѣи пѣвон блѣтон.

ратурным интересам и смелыми возможностями выдвигать себя «вперед». Близкий приятель «всех сколько-нибудь выдающихся представителей карамзинского кружка, член знаменитого «Арзамаса», Василий Львович рано узнавал поэтическое искусство племянника и, конечно, старается развивать и укреплять в юности те литературные вкусы и понятия, которыми сам вдохновлялся. Как известно, Пушкин еще в годы детства, в отцовском доме, часто имѣлъ случай читать Дмитріева, Педелинского и других тогдашних писателей и прислушиваться къ ихъ литературнымъ беседамъ съ ихъ сочиненіями оныя, конечно, уже и въ то время были хорошо знакомы, а богатая коллекція произведений французской литературы XVII и XVIII вв., оказавшаяся въ отцовской библиотекѣ, была имъ перечитана и усвоена съ той всестороннею заботливостію, съ какою зародившееся стремленіе удовлетворять свой первый литературный голодъ... Въ этой библиотекѣ, на ряду съ Вольтеромъ, Мольеромъ и классическими французскими трагиками, видное мѣсто занимали «воспитанники Амура» — поэты такъ называемой «легкой школы»: Парни, Шенье, Веракъ, Грессе, Грекуръ и другіе представители мощной въ XVIII ввѣ анакреонтической лирики. Никто тогда и «двинула панфиломъ юной славы» начинающаго поэта и знала первый толчокъ его творческой фантазіи. Легкость и изящество стиха, непринужденность поэтической речи и трагичная возвышенность содержания, отражающая въ себѣ антикренескіе противорѣчные черты эпохи Ренессанса, все это, послѣ черемоннаго, наурызскаго, редуцирующаго классическаго стиля, съ его строго раздѣленнымъ и ошоробленнымъ теченіемъ мысли, производило оживляющее впечатлѣніе и не могло не увлекать къ познанию не только молодыхъ, начинающихъ свою творческую подготовку, но также и «старичковъ», охотно отбросившихъ пугало Жанъ-Батиста Руссо ради пріятаго Грессе и его товарищей. Въ нашей литературѣ едва ли не первыми провозвѣстниками этой новой моды явились В. Пушкинъ и Педелискій; съ тѣмъ же ими выступилъ несравненно болѣе творчески и оригинально Батюшковъ, и естественно, что юноша Пушкинъ, уже овладевшій основными темами этой поэди по толкованіямъ, въ поискахъ подходящей для нихъ живѣншей формы обратился именно къ произведеніямъ Батюшкова, какъ наиболее совершеннымъ въ отношеніи сти-

хотворной и стилистической техники. Дѣйствительно, другивъ, лучшихъ образцовъ этого рода у насъ въ то время и не было.

Литературная дѣятельность Батюшкова, начинавшая около 1810 года, т. е. какъ разъ въ ту пору, когда Пушкинъ только что былъ помещенъ въ лицей, имѣетъ историческое значеніе, главнымъ образомъ, въ смыслѣ подготовки для нашей поэди покаго и самостоятельнаго пути. Въ основѣ этой дѣятельности лежала переработка преимущественно мужскихъ, замѣшанныхъ иль французской и итальянской поэди матеріаловъ, по сущности ея заключается въ усовершенствованіи слога, какъ прозаическаго, такъ и стихотворнаго, и въ стремленіи усвоить нашей поэди разнообразное и интересное лирическое содержаніе. Не отличаясь особенною глубиною своихъ идей, но живон и чуткій въ отношеніи художественной формы, Батюшковъ видѣлъ въ легкой анакреонтической поэди «средственную роскошь словесности, противоположную эпическ., драмѣ, восторженной лирикѣ, исторіи и краснорѣчію, требующимъ «великихъ усилий ума, высокаго и памятнаго воображенія». Не чувствуя въ себѣ достаточной способности къ подобнымъ «великимъ усиліямъ» и въ то же время желая сохранить для себон и вѣстную самобытность — «идти своимъ путемъ», — Батюшковъ отмежевалъ себѣ въ сферѣ поэди такую область, въ которой оны съ наибольшимъ успѣхомъ могъ проявить свое эстетическое чувство. «Въ легкой родѣ поэди», — говоритъ оны, — «читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогахъ, глубокости, изящности: оны требуетъ истины въ чувствахъ... и тогда же является строгимъ судьей, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается. Краснота въ слогахъ здѣсь нужна необходима, и ничѣмъ замѣнить не можетъ». Именно такимъ и идеальнымъ читателемъ и строгимъ судьей собственныхъ произведеній въ отношеніи изящнаго иль изящества и была Батюшковъ. Красота и возможное совершенство выраженія были главною цѣлью поэта, создававшего необходимость дать въ этомъ направленіи толчокъ развитію нашихъ литературныхъ формъ. Тяжелый, неуклюжій книжный языкъ конца XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣка, непрестанный славонизмами и погипшеніемъ латинско-иберскому грамматическому строю, стихъ, лишнный разнообразія и тон ивнущей гармоніи, котораго такъ недвѣла Батюшкова

И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стухъ веселон,
Бокалы въ бокалы удари въ ладъ,
Пестрыми хоромъ повторять.

Потѣ! въ твоей предметъ водѣ!
Во думны струны смѣло грить,
Съ Жуковскимъ пои крокну брата,
И грозну смерть на ратномъ полѣ,
И ты въ строку ея встрѣчалъ,
И ты, постигнуши судьбою,
Какъ Россѣ, питомцемъ славы палъ!
Бы палъ, и хладною косою
Едва, скошеннымъ, не увидѣ! ¹

Иль, вдохновенны Ювеналомъ,
Вооруживъ сатиры жалою;
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Разн, осмивши пороки;
Шутя, показывая смѣшное,
И, если можно, насъ исправь,
Но Уредьяковскаго оставь
Въ столь часто рущимомъ покое,
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мѣрѣ есть предметовъ,
Щера достойныхъ твоего.

Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,

¹ Кому неизвестны Воспоминанія на 1807
годъ, Прим. Пушкина и или редакціи Рос.
Музеума.

Чтобъ пересталъ писать,
И бѣнхамъ на въ морить со стужей;
Скажи ему, что наши нука
Не стануть исторію его читать,
Все, все поведено подугу!
Скажи всему, коль хочешь, сѣдоу,
Что Висковатовъ не почитать
Уротовъ выставилъ на сцену,
Виджакъ заставилъ Мельниому,
Что Килихъ былъ добрымъ человекомъ,
Тихонько проводилъ свои ильскъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ
И жить безъ горя, безъ заботы,
Показывать не печаталъ отъ,
Едъ здравый смѣлъ вверхъ шомъ поставилъ,
Едъ мы ливилъ всего,
«Едъ все чужовица гешна
На жертву атиды обречены»,
Едъ ильскъ лишь смѣла одного.

Но что?... девницею моею,
Безвѣстной въ мѣрѣ семь подѣ,
Я ибени продолжать не смѣю,
Прости по помни мои сонѣты;
Доколы, Музами любимыи,
Бы Шарить горить огнемъ,
Доколы, сраженъ стрѣлою недримой,
Въ подземный ты не спитесь домъ —
Мирекъ забывая печали,
Ирай: теби младой Пазонъ,
Эротъ и Граціи ибичали,
А лиру строгль Аполдонъ.

1... 14—16.

Видѣтка Эйдона (1720—1780).

въ произведенияхъ французскихъ и особенно итальянскихъ поэтовъ, требовали рѣшительныхъ преобразованій. Батюшковъ находилъ, что современная ему русскій языкъ «жестокій языкъ, плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной». Горюю сочувствуя реформаторскимъ попыткамъ караинскаго кружка въ отношеніи художественной прозы, онъ стремился къ осуществленію подобной же реформа въ поэзи. Это ему и удалось одновременно съ Жуковскимъ и почти въ такой же степени. Въ детяхъ, взрослыхъ, отличающихся небывало до того времени у насъ гармоніею стихамъ, Батюшкова чувствуется рѣшительный хотѣ бы пока еще только формальный поворотъ къ новой поэзи. «Это еще не пушкинскіе стихи», — говорилъ Владимскій, «но послѣ нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а пушкинскихъ».

Что касается внутренняго содержанія поэзи Батюшкова, то въ первой половинѣ своей литературной дѣятельности преимущественно, до 1815 г., онъ является, какъ уже сказано выше, преимущественно выразителемъ мотивовъ анакротической лирики. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній эротическаго содержанія навѣянныхъ, болѣею частью произведеніями Тибулла, Парни, Шодде и т. п. поэтовъ, Батюшковъ воспѣваетъ радости жизни, безмятежное наслажденіе виномъ и «сластопріятіемъ», дѣшную бездѣшность поэта, утѣпляющуюся отъ «тогдашн» райн цѣлительскаго препровожденія времени «въ мазанѣ» или «на чердакѣ», въ обществѣ немногочисленныхъ друзей друзей и весельемъ потрѣкъ и съ своею ибрівою «спиртъю», въ бѣдности, сопряженной съ горюю независимостью. Въ другихъ произведеніяхъ того же періода Батюшковъ являеться рѣшительнымъ сторонникомъ литературныхъ мифовъ «Арзамас», къ составу котораго онъ, какъ извѣстно, принадлежалъ подъ кличкой «Амидас». Такова это стихотворная сатира: «Видѣніе на берегахъ Лены и Швецъ въ Бѣлѣбѣ словено-россовъ», а также рядъ эпиграммъ на разныхъ мѣстахъ литературныхъ явленій того времени, не отличающихся, впрочемъ, общенюю злобностью. Въ послѣдніе годы пріятія лирическаго лирическаго поэзи Батюшкова, подъ вліяніемъ личныхъ обстоятельствъ его жизни, все болѣе и болѣе углубляется мѣсто грустному, дѣлительному настроенію, скорби, облупраченному счастью и о несовершенствѣхъ

бреннаго дѣшного существованія. Батюшкова можно назвать если не творцомъ русской дѣтн, то, во всякомъ случаѣ, самымъ выдающимся ея представителемъ въ до-пушкинскую эпоху.

Объ указанной стороне поэзи Батюшкова оказали очень дѣшное вліяніе на Пушкина и, такъ сказать, предомылись въ творчествѣ молодого поэта дѣшю радую разнообразныхъ отблнковъ.

Прежде всего, Батюшковъ является учителемъ Пушкина съ вѣшней, формальной стороны. Онъ сумѣлъ очень удачно воспользоваться, въ примѣненіи къ русскому стиху, нововведеніями французскихъ поэтовъ въ стихотворномъ размѣрѣ и въ сочетаніяхъ рима. Эти новые размѣры и гармоническія рима запомнились такъ легко, что Пушкинъ сейчас же окладѣлъ ими и, такимъ образомъ, усвоилъ обработанную Батюшковымъ русскую форму для передачи тона и настроенія легкой французской поэзи. Загѣмъ, въ отношеніи содержанія поэзи, воспринятый юноша последовалъ за Батюшковымъ, найдя въ немъ совершенства державинской поэзи, освобождающей отъ недостатковъ неестественности, превеличія, перешаги и неискренности въ чувствѣхъ или вѣрибѣ, неумѣлости дать выраженіе, поддѣлать подогонія дѣшительнымъ чувствамъ мысли и слова. Каждое новое произведеніе Батюшкова Пушкинъ ловилъ съ восторгомъ и настраивалъ свою лиру въ одинъ съ нимъ тонъ. Это вліяніе чувствуется уже въ первомъ дѣшнемъ до насъ стихотвореніи 13-лѣшного поэта въ ибсѣ «О Дѣлн трагед.» Два года спустя, въ послѣднн «Къ сестрѣ» (1814), а загѣмъ въ ибсѣ «Городокъ», Пушкинъ является уже примымъ подражателемъ Батюшкова — какъ въ отношеніи стихотворнаго размѣра и метрической рима, такъ и въ отношеніи содержанія: оба названнаго стихотворенія представляютъ близкое сходство съ послѣднимъ Батюшкова «Мои пенаты» (1814), выдающимся стихотворнымъ произведеніемъ Жуковскаго и кн. Видемскаго, Виоелдствнн, уже во второй половинѣ 20-хъ годовъ, перешакая «Пенаты». Пушкинъ замѣтилъ, что дѣш «главнымъ порокомъ есть единкомъ явное смѣшеніе древннхъ обычаевъ многотн съ обычаями жители подмосковной деревни. Мудра существа идеальная; христианское пообращеніе наше къ нимъ прикладно; но образы и келья, гдѣ дара разстаканы, единкомъ деревню съ тремъхую хлѣбну, гдѣ съ неуюдовленіемъ

находим столь съ изорванными сукномъ, и переть камнемъ суворовскаго солдата съ двухсторонней бакалавкою. Это все другъ другу сличкомъ ужь пропорбично». Такимъ образомъ, Пушкины упрекать Батюшкова въ неумерзанности тона, въ томъ, что поэтъ не сумблъ всегда отршиться отъ русской действительности и остаться на поивъ тьхъ классическихъ римиципципн, которая была обязательна для французскихъ поэтовъ, служившихъ ему образцами. Но, не говоря уже о томъ, что примбры подобнаго смбщения поивн древнихъ и повбщихъ и неумерзанности тона можно указать и въ произведенныхъ самого Пушкина (напр., въ посланн къ Дельвину, гдъ рядомъ съ Фебомъ и Гепкономъ фигурируетъ «Графовъ», т. е. гр. Аюстовъ), это смбщение и въ дрбные годы Пушкина не мбнало ему признавать посланне Батюшкова «презрстнаымъ»: въ тоы же ученическа поивбщении мюслбдствн «порокъ» не только не обращалъ на себя вниманн дивиделн поэмы, но, наоборотъ, считался мюслб естественною и допустимую принадлежносною политическаго способа выражений. Но фактурб стиха это посланне и въ болбе позднюю пору признавалось Пушкинымъ за высокн образецъ поэмы: «Оно вышше, — говорилъ онъ, «какнмъ-то уюнесемъ роскоши, юности и наслажденна: слогъ такъ и трепещетъ, такъ и летитъ гармонн очарователна».

Особенная въ «Городкб» свою библиотеку, поэтъ съ особеннымъ удовольствнемъ воспоминаетъ завбную сафалннну тетрадь, въ которой были переписаны «сочиненья, предрвнныя печатъ». Въ этой тетради, спряданной отъ нескромныхъ воровъ за ипклбмъ не читаемыми творениями Висковатова и Аюстова съ братнею, гаятся остроумная сатира кн. Горькова, поивнкая комедия Крылова «Труффл», знаменитый «Опасный союзъ» В. А. Пушкина и — рядомъ съ ними — «Внбнне на берегахъ Делья» Батюшкова:

Или, насмбвннхъ смбщнн,
 Въ пен мбсто получнлъ,
 Чен въ ать стихъ веселнн
 Подовъ разтраднлъ,
 Какъ въ юношески днн
 Въ вощахъ туманной Делья
 Икъ гуртомъ потощнлъ.

Другая сатира Батюшкова — «Швецъ въ Бесббб», пародия на «Швецъ во ставб рус-

скихъ поэтовъ Жуковского», послужила, то пбкорою степенью, образцомъ двнмудливой пбвн Пушкина «Ирующне студентна».

Кромб указаннаго выше иль произведений Пушкина въ первомъ лицескомъ периодб его творчества, такъ или иначе, отразилось влнне поэмы Батюшкова еще въ рнб «дружескихъ» посланн къ Дельвину, Галнцу, Пущину и къ самому Батюшкову, въ такнхъ псесяхъ, какъ «Сонъ», «Грбъ Анакреона», «Мечтателъ», «Вднлороченне», «Блаженство», «Опытноств», «Наслаженне», а также въ дрбномъ рнб длетнн лицейскаго периода и ближайшихъ къ нему годовъ. Во всбхъ этихъ стихотворенныхъ, и во мюгихъ еще другихъ, чувствуется то же самое настроенне, какое является господствующимъ у Батюшкова, повторяется то же хоть мысли, а пербко и тб же образы, сравненн, политическн фигуры, не говоря уже о схоствн стихотворнаго размбра и рнма. Вбдннскнн совершенно вбрно указать, что «даже въ псесахъ, написанныхъ Пушкинымъ потъ влннемъ другихъ поэтовъ, видно въ то же время и влнне Батюшкова: такъ гармонировала артистическая натура молодого Пушкина съ артистическою натурою Батюшкова». Особенно сильно чувствуется это влнне въ фактурб стиха болбане части лицейскихъ стихотворенн Пушкина: въ этомъ отношенн молодой поэтъ, можно сказать, всегда подпндал примбру своего старшаго собрата, гармонию которого находнл очарователною, признавал, что «Батюшкови стбвалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для итальянцевъ». Въ ту пору, когда Пушкину пришлось начинать свою поэтическую деятельность, вопросы о литературныхъ формахъ и особенно о стихотворческой техннк имбн весьма существенное значение: наша литература была еще сличкомъ бншна пвннными формами, и всякая попыа, сколько-нибудь оригинальная, попыака въ этомъ направленин возбуждала всеобщее вниманне. Вспомнимъ протокактельные споры о возможности русскаго гекзаметра, о «закопности» русскаго баллада, о такъ называемомъ «русскомъ» размбрб и пр. Пушкины въ этомъ отношенн безусловно повбрален художественному чутью и авторитету Батюшкова и стбвовалъ ему даже въ такнхъ прнемахъ, которые мюслбствнн собственнымъ своимъ примбромъ устранилъ отъ нашего политическаго обнхоба. Такъ, напрн,

мфр., известно, что не только лицеевик, но и многие подражатели стихотворения Пушкина, даже во второй половине 20-х годов, богаты усвоенными формами существительных и прилагательных. Но, так, как подобия пахотинских такти усвоения у Батюшкова, придалась им, ввиду законными и даже стовать на то, что «мы слишком остергаем усвоения, и при глосших много живости стихамъ». Точно так же Пушкин, въ раннюю пору своей деятельности, неготовая на Жуковский за бные стихи, которые казался ему въ то время «душною прозой» и которыми онъ съ такимъ совершенствомъ овладеть впоследствии...

Наряду съ особенностями стихотворной техники Батюшкова, Пушкинымъ были усвоены и главные формы его поэзии: «дружеское» послание и дегит, а также и основные мотивы батюшковской лирики, наивные, какъ замечено выше, французской анакреонтической школы, издичная чувственность, проповедь поэтического наслаждения жизнью и энциурейской праздности и, рядомъ съ этимъ, ткая дегитическая грусть, пахотиная, по выражению Пушкина, удивление сама въ себѣ. Конечно, мотивы эти не составляли исключительной особенности поэзии Батюшкова и настолько же принадлежали ему, насколько и темъ французскимъ поэтамъ, которыми онъ влуповлялся и которые были хорошо знакомы Пушкину какъ оригиналамъ Пушкина и самъ впервые обращался къ этимъ оригиналамъ, но, въ то же время, пользовался и готовыми формами для ихъ перевода.

Вообще можно сказать, что Батюшковъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для цѣлой школы въ многостороннемъ творчестве Пушкина и оставилъ въ этомъ творчестве очень замѣтны слѣды. Слѣды эти, весьма ярки въ лицеевскую пору нашего поэта, илется, постепенно угасая и теряя пость другимъ влияниямъ и настроениемъ, далеко до прѣбываности Пушкина. Достаточно вспомнить, напримеръ, относящиеся уже къ 1821 году стихотворения «Къ моему чернику» и «Мудакъ». О послѣднемъ изъ нихъ говорилъ: «Я люблю его, оно отличается стихами Батюшкова. Путь произведений еще больше можно указать, напр., въ «Мое рождество» (1830), въ которой по второму выражения и ритма Батюшкова:

Оставь меня, а не поэта.

И не уходи, не профессоръ.

Меня въ каменъ сѣрѣ въ шибъ ома гиневъ шибъ.

И «о послѣднемъ изъ оговр»

Не одинъ только стихъ Батюшкова вичемательно читался и изучался Пушкинъ: известно, что знаменитое послание къ «Младшему Всадику» («На берегу пустынныхъ водяхъ...») вдушено поэту небольшой статейкой Батюшкова «Продумка въ Академию Художествъ», причемъ Пушкинъ даже буквально повторилъ некоторые выражения этой статейки.

Личные отношения Пушкина съ русскому Буфлеру, какъ называлъ онъ Батюшкова въ послании 1817 г. къ В. А. Пушкину, начинаются посланиемъ: «Философъ рѣзвил и шибъ...», написаннымъ въ 1814 г., когда молодой поэтъ зналъ Батюшкова только по его произведениямъ, но еще ни разу съ нимъ не встрѣчался; въ этомъ послании Батюшковъ называетъ «юношей», между тѣмъ какъ въ то время ему было уже 28 лѣтъ, и онъ былъ уже совсемъ не тотъ «удивительный добродѣль харитъ», какимъ представлялъ его себѣ Пушкинъ до раннимъ его произведений. «Пость вичемательнымъ мировымъ событиямъ, совершавшимся на его глазахъ, и пость бременемъ сердечныхъ тревожений, которые отняли у него надежду на личное счастье, въ немъ произошли нравственный перевороты: онъ расстался съ своимъ энциурейскимъ миросодержаниемъ прежнихъ лѣтъ, и сталъ искать новыхъ путей для мысли и новыхъ мотивовъ для поэтического творчества» (А. Майковъ). Юноша-Пушкинъ еще не достигался объ этомъ переворотѣ и отбилъ въ своемъ послании тѣ черты любимого поэта, которая были наиболее симпатичны въ ту пору ему самому. Онъ называетъ Батюшкова «русскимъ Паризъ», что было тогда въ его глазахъ, конечно, великой похвалой, а также «младымъ Падомомъ», имея въ виду эротическія произведения Овидія, прокинувшая важнымъ духомъ «тисского пива» Анакреона, и прилагаетъ его по-прежнему «спрять», «пѣть» и наслаждаться жизнью, возвеличивая въ своей поэзии ея углуб. Собственное миросодержание Пушкина въ то время еще не шло дальше таккихъ представлений о поэтической деятельности, наивныхъ французскими легкими стихотворцами...

Личное знакомство обоимъ поэтовъ относится къ концу 1814 г. или къ самому началу 1815 г.

Л. И. Машковъ считаетъ вброитнымъ присутствие Батюшкова на томъ публичномъ лицеевскомъ экзаменѣ, 8 января 1815 г., когда Пушкинъ читалъ свои «Воспоминания

къ Царскому Селу», выданный по распоряжению повелу старика Державина. О победѣи Батюшковымъ дигей, въ стѣнѣхъ котораго скрывался «Смерчокъ», это товарищъ по «Арзамасу», въ 1816 году, А. Д. Паличевскій писалъ своему другу, гимназисту Фусу: «До самаго вступленія къ дигей я не видѣлъ ни одного писателя, но къ дигей видѣлъ Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова...» О содержаніи тогдашнему бесѣдѣ юнаго поэта съ его литературнымъ учителемъ мы знаемъ изъ свѣдѣтельства самого Пушкина. Во-первыхъ, въ корѣ послѣ свиданія своего съ Батюшковымъ, Пушкинъ написалъ ему второе посланіе: «Въ пещерахъ Геликона я пѣвою роженіемъ», гдѣ характеризуетъ свою скромную поэтическую дѣятельность, называя себя «крестникомъ Тибуллада», возросшимъ «подъ кромемъ вѣншнхъ розъ» и рѣдно ирающимъ на духѣ Пана, т. е., такъ сказать, прирожденнымъ исследователемъ анакреонтической музы. Такимъ, какъ мы знаемъ, представлялся ему и самъ Батюшковъ,— и Пушкинъ не можетъ понять, отчего этотъ веселый, жизнерадостный «пѣвче забавна» совѣхуетъ юному собрату вступитъ на другой, непривычный и несомнительный ему путь, требующій, къ тому же, по выраженію самого Батюшкова, великую усиліи ума и воображенія:

Ты хочешь, чтобы слава
Слезю подѣлала,
Простая съ Анакреонемъ,
Сдѣлалась да Марономъ,
И пѣшь, при звукѣ лиры,
Воина кровавыи ширя.

Говоря обычными въ то время употребными терминами, Пушкинъ считалъ своимъ призваніемъ «свирѣль» или «дѣвизину», между тѣмъ какъ Батюшковъ совѣтовалъ ему взять громкую лиру или даже «струбу», чтобы отозваться на всемірно-историческіи военныя событія переживаемой эпохи, чего самъ былъ, однако же, сдѣлать не хотѣлъ. Можетъ быть, къ мысли о Пушкина прельщало поздравленіе, что Батюшковъ, предлагая ему измѣнить характеръ и содержаніе своей поэзіи, просто хотѣлъ устранить возможнаго соперника въ той области, которую считаетъ своею исключительною собственностью,— и медотомъ поэтъ поспѣшилъ детально отклонить опасный совѣтъ указаніемъ на скромность своего дарованія. Вѣрнѣе, однако, думать, что въ умническіе свои тоща Пушкинъ, хотя и

мечталъ и о «братнѣи славіи», вовсе не былъ расположенъ къ воспитательному стихотворству въ стилѣ Марова или, по тогдашнему, Державина. Въ самомъ дѣлѣ, если Пушкинъ и принесъ этому стилю все-таки нѣкоторую дань, въ видѣ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» и стихотворенія «Наполеонъ на Эльбѣ» и «На подареніе Гоугури Императора пѣль Парижа», то дань эта была, во-первыхъ, очень необилана, а во-вторыхъ, отчасти вынуждена тогдашнимъ положеніемъ Пушкина и его, такъ сказать, официальными отношеніями: нельзя же было ему для торжественнаго публичнаго экзамена сочинить что-нибудь протѣ «Монхъ Пепеловъ!» Между тѣмъ, эротическая музыка Батюшкова вполнѣ отбѣчала тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ и собственному горячему темпераменту Пушкина. И юной поэтѣ рѣшилъ остаться ей вѣрнымъ, уклонивъ своего наставника отъ же стихомъ:

Будь вѣрнѣи при своемъ!

Второе свидѣтельство Пушкина объ его бесѣдахъ съ Батюшковымъ въ дигей находится въ শেষѣ поэта къ кн. Видемскому отъ 27 марта 1816 г. «Обнимите Батюшкова», говорится въ этомъ শেষѣ, «да того большаго, у котораго, тотѣ тому надѣтъ, даювалъ оубъ Бову-королевнѣи». Пѣвственно, что Пушкинъ въ 1815 г. думалъ написать сказку о Бовѣ такъ называемымъ тогда «русскимъ складомъ», образецъ котораго былъ данъ Карамзинымъ въ его «Пѣль-Муромѣ»: сказка была даже начата, но, вѣроятно, по тѣ влѣннѣи Батюшкова, который, какъ разъ въ то время началъ интересоваться русскою народною поэзіей, Пушкинъ уступилъ ему этотъ сюжетъ, которымъ Батюшковъ, однако же, не воспользовался. А. П. Машковъ склоненъ думать, что и мысль о «Русанѣи и Лютомѣдѣ» зародилась у Пушкина также по тѣ впечатлѣннѣи литературнымъ бесѣдѣ съ Батюшковымъ. Дѣвизительно, мы знаемъ, что Батюшковъ, поэзіи котораго была совершенно чужда русскою дѣвизителности, въ послѣдніе тоща своей литературной дѣвизителности мечталъ объ историческии сюжетахъ, о поэмахъ въ народномъ стилѣ, стѣловалъ, что гдѣ Владимиръ скитается не посидѣи, и истинноио рѣшительновалъ этого рода сюжета, между прочимъ, Жуковскому. Очень возможно, что и Пушкинъ, уступивъ Батюшкову сюжетъ сказку о Бовѣ-королевнѣи, началъ на мысль образовать въ видѣ поэма пѣль русскаго быта

дружью, родственную сказку, — обь Ерусалим Даваревичи, Батюшковъ, познакомились съ иѣкторами отрывками новыхъ поэмъ, пришли показать имъ горячимъ похвалами, которыми «раздразнилъ любопытство» старика-Дмитриева, и тогда просилъ Тургенева прислать ему «хотя и несколько стиховъ» изъ этого произведенія. Тому же Тургеневу писалъ и Батюшковъ изъ Москвы, 10 сентября 1818 г.: «Сверчокъ что гдѣзаетъ? Кошачья ли онъ нога? Не хуто бы его запереть въ Геттингенъ и кормить тогда три молочнымъ супомъ и дошкото. Изъ него ничто не будетъ пушато, если онъ самъ не захочетъ; потомство не одичитъ его отъ вухъ однофамильцевъ, если онъ забуретъ, что для поэта и человека должно быть потомство.. Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если.. Но за спастъ его муда и молния пашитъ! Черезъ иѣсколько мѣсяцевъ, въ мартѣ 1819 г., уже изъ Неаполя, Батюшковъ опять писалъ о пушкинскомъ «Русалкѣ»: «Прочтеи Пушкина, именемъ Ариоста, выслать мнѣ свою поэмъ, несовершенство красоты и надежды, если онъ подлюбитъ славу чаче раздвїяи!».

И. В. Анненковъ сохранилъ любопытный разсказъ о восторженномъ удивленіи Батюшкова преть гениемъ молодого Пушкина. Прочитавъ его посланіе къ Ф. Ф. Юркову, Батюшковъ суррожно сказалъ дшество, на которомъ было написано это стихотвореніе, и проговорилъ: «О, какъ съдѣ писать этогъ дшество!».

Звѣтъ кетати будетъ сказать, что въ первое время по выходѣ изъ лирей, въ 1817—1818 гг., Пушкинъ довольно часто встрѣчался съ Батюшковымъ, жившимъ тогда преимущественно въ Петербургѣ, и, вѣроятно, успѣвалъ болѣе или менѣе съ нимъ обдѣлыватъ. Батюшковъ принималъ въ немъ живое, горячее участіе. Когда юный поэтъ собрался вступить въ военную службу и уже воображалъ себя на дшкомъ конѣ, въ гусарскомъ ментилѣ и съ штарпомъ дшчно въ дубахъ, въ убѣжденіи, что «внѣши муть доволнѣи можетъ иѣкнми быть иѣвѣ и мѣвѣтѣ шварии полковнѣи», Батюшковъ и лично и въ писемѣ къ Тургеневу старался отклонить его отъ этого намѣренія. Можеть быть, не безъ его вѣнїи Пушкинъ, въ концѣ концовъ, пришедъ къ заключенію, что «муншркъ и сѣвѣи сѣвѣи».

Въ 1817 году, 4 сентября, Пушкинъ провелъ дшвалъ день въ Царскомъ Селѣ мѣвѣтѣ съ Батюшковымъ, Яковлевскимъ и

«арзамасцемъ» Плещеевымъ. Между прочимъ, все четверо сочинили два стихотворныхъ экземпля, изъ которыхъ одинъ посвященъ кн. Видемскому, собирающемуся ѣхать на службу въ Варшаву. Въ слѣдующемъ году, 19 ноября, Батюшковъ увѣждалъ изъ Петербурга въ Италию. Другая провожалъ его до Царскаго Села, мѣвѣтѣ обѣщали, споревали, шили, смѣвдлѣсь, спорили, горячились, готова были плавать и опять шили..» Въ этой компаніи находился также и Пушкинъ, сочинившій экземплъ «Прощанье», но пашъ не дошестее.

Поэты раздѣлись на многое годы. Батюшковъ надолго остался въ Итали, гдѣ у него, въ началѣ 20-хъ гг., начали обнаруживатъ первые признаки душевной болѣзни, а Пушкинъ, высланный въ 1820 г. изъ Петербурга на югъ Россіи, только шесть дѣвъ спустя получить возможность снова вернуться на берега Невы. Въ юль 1822 г. друзья сообщили ему о болѣзни Батюшкова. «Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье», — писалъ поэтъ брату. Другое издѣстїе, полученное имъ около того же времени, о Батюшковѣ заключалось въ томъ, что мнѣтлннѣи поэтъ обдѣлѣи на памѣтлннѣи въ «Слѣбѣ Орчествѣ» (1821, № 8) стихотвореніе П. А. Плетнева «Б. изъ Рима», гдѣ говорилось, что вѣли отъ ршшии и друдей онъ утратилъ вѣиошннѣи:

Я спашъ свой шртвовнѣи вѣнѣи.

И шн вѣвѣи безъ славы..

Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева, — писалъ Пушкинъ брату, — «на его мѣвѣтѣ и бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не мѣвѣтѣи чѣиошѣи сѣиъ сѣи, паромъ, что повоств на Олимѣи мѣи. Вообще, мнѣише мое, что Плетневу прищлѣише проза, нежели стихи..»

Тотъ случай, когда Батюшковъ жилъ уже въ Крыму, гдѣ его часто навѣщала М. О. Орловъ, Пушкинъ все еще откалывался вѣрнѣи серьезности постигающаго душевного нешута: «Кажетъ мнѣ, онъ изъ ума шунтѣи, говоритъ онъ въ письмѣ къ брату январѣ 1823 г. И только въ 1825 г., уже въ Михайловскомъ, Пушкину пришлось окончательно убѣднѣтѣи въ справедности полученныхъ имъ вѣнїи о нешлѣишномъ болѣзни Батюшкова. «Увѣжили въ немъ нешчлѣише и несорвнїиши надежды», съ грустью писалъ Пушкинъ Рытѣеву 25 января.

Сохранился примѣткашннѣи Пушкину

БАТЮШКОВЪ въ 1815 г.

съ гравюры Пожарова — Рисованной медянкою — рисована оригиналь — сохранена — Прудкова — Библотки.

экземпляръ «Опытковъ» Батюшкова, изд. 1817 г., съ многочисленными критическими замѣтками на поляхъ. Эти замѣтки, поточбрашныя и тщательно комментированныя Л. П. Маиковымъ, въ сборникѣ «Пушкинъ», Спб., 1899, показываютъ, какъ внимательно читалъ и изучалъ Пушкинъ чуждое не только стиху любимого поэта, строго анализируя какія-то техническія особенности его произведеній, такъ и ихъ содержаніе. Въ ту пору, когда писалъ эти замѣтки, Пушкинъ, конечно, былъ уже очень вдалеку отъ того безусловнаго восхищенія, съ какимъ некогда читалъ и перечитывалъ Батюшкова юноша-лицейскій дѣлбрашннъ русскаго Варшавскаго университета для перваго пбесенъ своей музѣ. Теперь дѣловому поэту уже бросались въ глаза и несовершенство версификаціи, и слабость и невыдержанность пбесенъ поэтическимъ образомъ или сравненій, и плавная, замѣтнованная у французскихъ поэтовъ, условность пбображеній рѣчи. Даже знаменитая длегія Батюшкова «Умирающій Таскъ» выдвигала со стороны Пушкина рѣдкое замѣчаніе: онъ увидѣлъ въ ней пбображеніе «умирающаго Василія Львовича, а не Горкавата». Но, при всей своей строгости и даже, пожалуй, при широчности, Пушкинъ, все таки, отчѣдился въ стихотвореніяхъ Батюшкова немало отъ пбесенныхъ мѣстъ и пбесенныхъ произведеній, полюбившихъ его своему предельству. Особенно нравились Пушкину длегія Батюшкова «Гаррига», «Разлука», «Пробужденіе» и предельнымъ же пбесенъ пбесенъ его стихотвореній и больше всѣхъ обдуманнымъ онъ считалъ «Переходъ черезъ Рѣчку».

На сколько Пушкинъ цѣнилъ подлинному чуждую Батюшкова, его литературному вкусу и дельно русскаго языка, видно изъ одной замѣтки, въ которой онъ оправдываетъ свое критическое возмущеніе, употребленіе слова «время» вмѣсто «времь» — примѣромъ Батюшкова, въ одномъ

стихотвореніи которого встрѣчается такая же форма ропительнаго падежа. Въ первомъ изданіи своего Разговора кинготропанда съ поэтомъ 1825 года, отказываясь жертвовать свободой рати «времь» глаголу и «поднебныхъ усть», говорить:

Пушкинъ ихъ Шалковъ поеть,

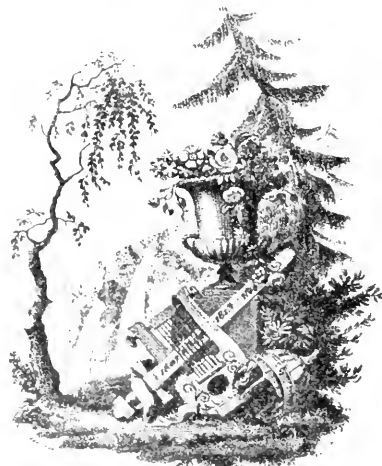
Любешаивъ балонетъ природы.

Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, поговориловъ замѣтить Шалкова, къ которому поэту относился проницательно, Батюшковымъ. «Я было и поедушаленъ», — писалъ Пушкинъ къ Ваземскому (25 мая 1825 г.), — «да стало жалко, et j'ai remis bravement Chalikov». Поэту, очевидно, опасался даже этой, отноду не делью, пбесенной задѣть самолюбиваго Батюшкова...

Пушкину удалось увидѣть Батюшкова, послѣ ихъ разлуки, въ первый и послѣдній разъ въ Москвѣ, 3 апрѣля 1830 г. Онъ павѣстилъ его и пбесенъ дельно говорить; по пбесенному поэту его не узнавалъ...

Въ нашей литературной критикѣ много разъ повторилось мнѣніе, что поэду Пушкина слѣдуетъ рассматривать какъ синтезь предельствовавшей ему русскаго литературы. Съ этой точки дельно, въ пушкинскомъ синтезѣ Батюшкову принадлежить отню пбесенъ пбесенъ мѣстъ. Его музѣ больше всѣхъ дружку отразилась въ той дельноной бошнѣ, которая въ малочестивѣ полюбила нашего поэта и вручила ему свою семейственную дельнону: его пбесенъ больше всего пбесенно пбесенъ въ пбесенъ мирной французскій пбесенноу, которая юноша-Пушкинъ пбесенно пбесенъ еще робкими перстами. Это первое пробужденіе въ Пушкинѣ подлиннаго чувства большой и неотъемлемой дельно Батюшкова — переть нашей литературы.

П. Мерзоровъ.

Дельноная пбесенка любимого Пушкинѣмъ пбесенно Батюшковскій «Опытковъ»

(Спб., 1817, ч. I).

СЧАСТЬЕ.

Съ рисунка Сирини гравировалъ Bartolozzi.

27. КЪ Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
 Надежду пристаи тишины,
 Челнокъ свой весело направилъ
 Но влѣвъ бурной глубины:
 Судьба на рудь уже склонилась,
 Спокойно свѣтлыя небеса,
 Давя крылатая пустилась
 Разрывать щастье паруса.
 Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
 Вблизи ты ужасъ не видалъ,
 Чтобъ бурной вихорь не вдувалъ,
 Предъ челнокомъ шумящи воды!
 Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
 Тебѣ пристати благополучно
 И отдохнуть спокойно тамъ
 Съ любовью, дружбой пералучно!
 Штъ! ты не можешь нухъ забыть!
 Но что! не скоро, можетъ быть,
 Увижусь я, мой другъ, съ тобою
 Укроиши хаты къ тишинѣ;
 За чашей пушка круговою
 Ночь часъ вспомниши обо мнѣ;
 Кудакъ пойду на новоселье
 Засну въ общій всѣмъ утѣль,
 Сказки: таи Богъ ему веселье!
 Онь къ жизни хотъ любить умѣль.

27. КЪ И. Е. ДОМОШСОВУ.

Напечатано въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., ч. I, № 3, стр. 263, подъ заглавіемъ: «И. Е. Домошсовъ» и съ извѣстною намъ см. стр. 132 поименованіемъ «I... 14—16». Въ XIII т. «Современника» (1839) напечатанъ отрывокъ изъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Нутешественнику» и съ примѣчаніемъ: «Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ». Тотъ же неполный текстъ и съ тѣмъ же заглавіемъ перепечатанъ и въ IX т. посмертнаго изданія (1844). Мы воспроизвели текстъ «Рос. Музеума», съ соблюденіемъ орфографіи. Ср. въ концѣ I т. статью «Исторія Пушкинскаго текста».

Пушкинъ съ перваго лицъ вслѣдствія въ лицейъ сблизился съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Домошсовымъ, который впоследствии былъ посланникомъ въ Америку и Коллацинъ. (См. Я. К. Гроль, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 63, пр. I и 284—285 стр.). У С. Е. Домошсова было два брата, изъ которыхъ, описъ по указанію И. А. Ефремова (см. соч. Пушкина, 1905 г., т. VIII, стр. 15), былъ женатъ на дочери diamonds, воеводой Пушкинъ, актриса К. С. Семенова (по мужу гд. Татаринцовъ), а другой Николай Григорьевичъ (* 1853, очевидно, поужилъ черезъ брата-лиценца съ Пушкинъ).

Содержаніе стихотворенія хотя и говорить скорѣе о плаваніи по жизненному морю, но въ свѣдѣ съ тѣмъ, что Пьетривъ, двинувъ друженъ Пушкина, изъ отрывку заглавіе «Нутешественнику», какъ будто можно предположить, что рѣчь шла о путешествіи въ душетивн. Примыкая, въ общемъ, къ циклу анакреоническихъ стихотвореній Пушкина, паучествіе Домошсову, особенно къ образамъ, начальныхъ стихамъ, принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ ранняго развитія таланта Пушкина. Ср. выше откъ Шеварова, стр. 126).

28. РОМАНСЫ.

Романсы — интересныя образцы того, какъ авторъ поэта, не имѣющаго и малѣйшаго представленія о судѣбѣ, ожиданіи ихъ произведенія. То, на что авторъ разсчитывается, не происходитъ никакого вмешательства, и, наоборотъ, то, что авторъ отбрасываетъ съ немудоважнымъ трудомъ сударствѣ по сѣрцамъ съ несправедливо ст. дои». Мы тѣмъ же докажемъ, что совершенно

не верно проше установленіемъ въ Пушкинскій литературу убжденіемъ, будто Пушкинъ по такой степени враждебно относится къ «Романсу», что даже пробовалъ формально отъ него отречься см. подробно при «Фавастъ и Наступилъ»). Но несомнѣно, что, подготовляя изданіе 1826 г., Пушкинъ выбросилъ «Романсы». И только появившись, годъ спустя, съ полу-насиломъ вырваннаго солдаты Пушкина, въ альманахъ Бориса Федорова «Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 годъ», «Романсы» приобратили съ кажнымъ годомъ все большаю и большаю популярность и наконецъ стали почетнѣйш. всенароднымъ достояніемъ во всѣхъ родахъ искусства.

Благодаря тому, что «Романсы» стали излюбленною пѣснью самыхъ непримотливыхъ слоевъ публики, установилось пренебрежительное отношеніе къ «Романсу» и въ критикѣ. Его отнесли къ числу «жестокимъ романсовъ», услаждающимъ писарей и горничныхъ. Бѣлинскій даже не упоминаетъ о немъ.

Такое отношеніе къ «Романсу» намъ представляется безусловно неправильнымъ. Въ ряду лицейскихъ стихотвореній «Романсы» по фактурѣ нмало не стоить ниже другихъ, а по основной мысли оны, несомнѣно, выше большинства огромныхъ стихотвореній Пушкина. Это единственное изъ лицейскихъ стихотвореній, гдѣ жизнь обернулась къ веселому лиценсту со-вѣтъ другой стороны и гдѣ оны впервые всомотрѣлся въ психологію настоящаго страданія. Пѣвечный падежъ пашной примитивности нмало не лишаетъ стихотвореніе истинной протавительности. И, конечно, въ этой искренней сердечности и нечужакъ того, что «Романсы» захватили массу. Пѣвчъ въ данномъ случаѣ не считается съ успѣхомъ «Романсы» въ широкой массѣ, потому что это успѣхъ особаго рода. Широкая популярность и вообще-то показывается, что произведеніе обладаетъ тою способностью «вращать», которая есть существенный элементъ всякаго истинно-художественнаго вечаствія. Конечно, бывающіе успѣхи, доказывающіе только то, что на свѣдѣ очень много людей съ дурными вкусами. Но это тогда, когда произведеніе дурному вкусу угождаетъ и потакаетъ. Совершенно иное гдѣ, когда произведеніе идетъ въ разрѣзъ господствующему настроенію и, следовательно, не ошущается то чужой банальности, но, напротивъ того, поднимаетъ его до своего высокаго уровня. А несомнѣно,

28. РОМАНСЪ.

Ночь вечеръ, осенью печальной,
 Въ пустынныхъ дѣлахъ мѣстахъ:
 И тайный вѣтъ любви несчастной —
 Держала въ трепетныхъ рукахъ.
 Все было тихо: дѣсь и горы,
 Все спало въ сумракъ ночномъ:
 Она внимательные взоры
 Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на певниномъ семь твореньѣхъ,
 Вдохнувъ, остановила пѣль...
 Ты спишь, дитя, мое мученье...
 Не знаешь горестей моихъ!
 Откройши очи, и тоску
 Ты къ груди не прильнешь моей,
 Не встрѣтишь завтра погубя
 Несчастной матери твоей!

Ее маинь напрасно будешь!
 Мнѣ вѣчный стѣтъ вина моя!
 Меня навѣки ты забудешь...
 Но не забуду я тебя!
 Дадутъ покровъ тебѣ чужде,
 И скажутъ: ты для насъ мужой!
 Ты спросишь: гдѣ мой родимъ?
 И не найдешь семьи родной!

Несчастныи! будешь грустной думой
 Томиться межъ друзей дѣтей,
 И до конца съ душой угрюмой
 Взирать на ласки матерей.
 Повсюду страшишь одинокой,
 Всегда судьбу свою кланя,
 Услышишь ты упрекъ жестокой...
 Прости, прости тогда меня!

Ты спиши!... подюви себя несчастной
 Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
 Законъ неправедный, ужасный,
 Къ страшною осуждаеъ насъ.
 Пока дѣла не отогнали
 Певниной радости твоей,
 Спи, милой! горькѣи печали
 Не тронуть дѣтства тихихъ шев!

Но вдругъ за роуенъ освѣтила —
 Вбѣди ея — мжкну дула,
 Блѣдна, трепещуща, увила,
 Къ дверямъ приближилась она: —
 Склонилась, тихо положила,
 Младенца на порогъ чужой, —
 Со страхомъ очи отравила
 И скрылась къ темнотѣ ночной.

что Романсы съ поразительною смелостью взяли под свое дѣиство и такое, къ чему всѣ относились съ рѣзкими осужденіемъ и презрѣніемъ.

Въ своемъ желаніи претѣсти традиціи положенія матери, вынужденной скрыть позоръ свой, Пушкинъ былъ только одиознѣе, но не оригинальнѣе. Состраданіе къ матерямъ-преступницамъ не разъ встрѣчается въ европейской литературѣ XVIII вѣка. Чтобы указать на произведенія, въ томъ отношеніи, назовемъ «Дитюбѣнду» Шиллера и Геттевскую Маргариту. Вѣсма возможно, что на Пушкина произвѣли впечатлѣніе появившіяся въ «Вѣсти Европы» 1813 г., ч. LXX, 3 Милоневскій переводъ Шиллероваго стихотворенія и, предумившія въ его чужой душѣ, патологичнѣе на размышленія въ сферѣ незаконной любви. Профессоръ П. В. Владиміровъ («А. С. Пушкинъ и его прѣдшественники въ рус. литер.», Киевъ, 1899, стр. 62-63) дѣлаетъ попытку сблизить «Романсы» съ «Шестю матери» колебально стана, переведенною Жуковскимъ изъ Беркея и преданою въ «Романсы» появившеюся въ «Вѣст. Евр.» 1813 г., № 11-12. Это сблизженіе нѣтъ пріятно съ нѣкоторою оговоркою. Въ переводѣ Жуковскаго матери-преступница совсѣмъ дѣтва. Никола-бы Жуковскій съ такою дѣтскою не вѣстуніаъ. «Шестю матери», главнымъ образомъ, протѣвъ противъ жестокаго отцовскаго надзирателя, бросающаго на произволъ судьбы обманутую мать и невиннаго младенца. Мать у Жуковскаго не бросаетъ своего ребенка:

Полземъ, мой сынъ, путемъ ошымъ,
Дѣвъ зерна рока доводимъ;
О, бѣдѣ въ мірѣ перадуимъ,
Словѣна страданіе шомъ.

А кромѣ того, у Жуковскаго совсѣмъ нѣтъ того, что главнымъ образомъ протѣвъ въ «Романсы» картинна недовѣреннаго отношенія и заброшенности вѣснѣ чужаго ребенка.

Но конечно, и шеса Беркея могла повлечь на то, что Пушкинъ сталъ думать нѣтъ ли такого рода положенія.

Нѣтъ вѣсно широкаго популярности «Романсы» выразилась прежде всего тѣмъ, что она предвѣстнѣе быстро пошла, во всѣхъ пародіахъ сборника «Шестю». Столь же быстро она стала и любительскимъ сюжетомъ дубочныхъ картинокъ и и шибольнымъ номеромъ дѣтской музыки. Муза

кальная популярности «Романсы» дѣлается вѣднѣе по нашимъ днѣмъ. И теперь еще въ захудалыхъ можно услышать раздражающіе звуки дождающаго свой вѣкъ старой, патронной шарманки, нѣтъ аккомпаниментъ которой нѣтъ допросокъ не мѣше раздражающаго голого жадно выводить «Пѣть вечеръ, осеню печастно».

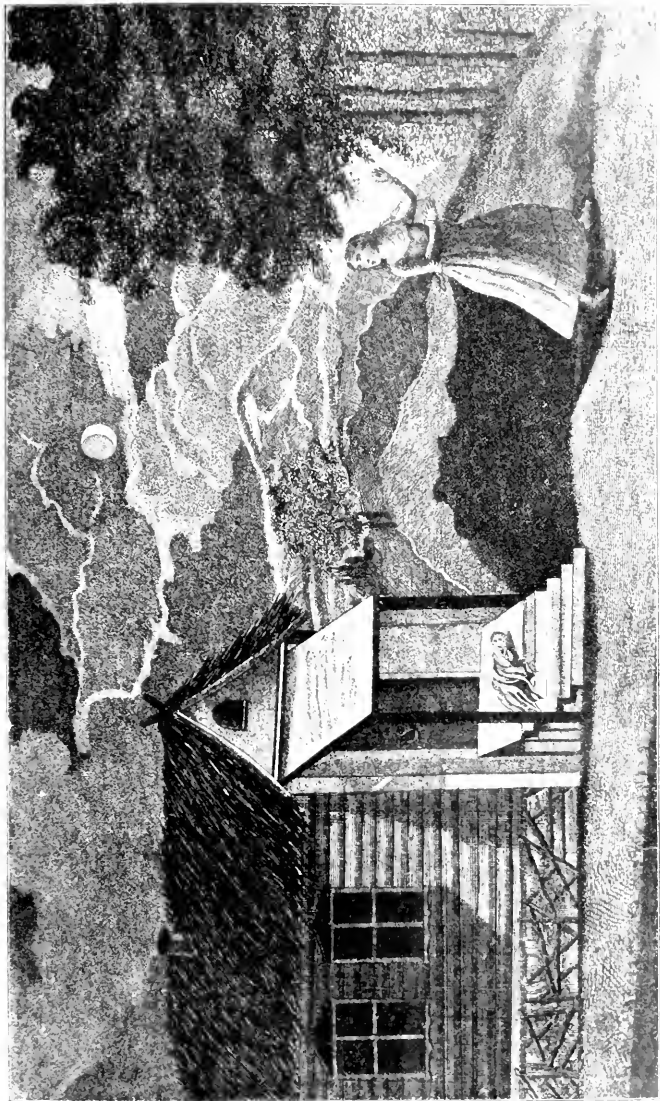
С. К. Будничъ въ своей статьѣ «Пушкинъ и русская музыка» («Памяти А. С. Пушкина», Сборникъ С.-Петербургскаго университета, Сиб., 1900 г., стр. 89-90) указываетъ три переложенія «Романсы» на музыку: 1) Незнавнаго автора въ «Музыкальномъ Альбомѣ» на 1832 г. 2) Николая де-Витте; относится къ концу 1820-хъ или началу 1830-хъ годовъ. 3) П. С. Титова, тоже должно быть относящагося къ 30-мъ годамъ. Но, кажется, дѣланные артисты поютъ что-то совсѣмъ другое, свѣдѣніе вышедшее изъ-подъ пера музыкально-образованнаго композитора.

Въ дубочной живописи популярности «Романсы» почти безпримѣрна. Впервые она появляется дѣтъ, повидимому, въ 1832 г., и опять-таки эта популярности нѣтъ почти до нашихъ днѣ; потрафляющая на всѣ вкусы фирма Сызина еще нѣсколько дѣтъ тому назадъ выпустила ярко-раскрашенную дѣтъ съ «Романсомъ». У владѣльца дѣтъчательнѣе Пушкинской иконографической коллекціи— П. Е. Рейнбога нѣтъ 9 дубочныхъ обработокъ «Романсы». И какъ ни дѣтъчательна коллекціи П. Е. Рейнбога, но, по всѣмъ вѣроятности, есть еще другіе дѣты.

Такое количество обработокъ одного сюжета— явленіе крайне рѣдкое и свидѣлствуетъ объ огромномъ спросѣ. При любительскомъ содѣиствіи П. Е. мы дѣтъ на страницахъ 159 и дальне снимки съ 7 листовъ— остальные почти повторенія.

Нѣтъруно дѣтъчтъ, что съ теченіемъ времени сфера распространенія иконографіи «Романсы» все больше и больше уходитъ въ дѣтъ пародіаго массы. Картины 1832 и 1839 гг. и по обработкѣ и по способу воспроизведенія дѣтъчтъ соответствующимъ вкусамъ дубки горожской, а тамъ уже пошла самыя элементарная дѣтъчтъ особенно дѣтъна раскрашенныя картинки съ фиделетовыми теревьями, дѣтъчтъ ребѣнкомъ и с. т. д.

Мы печатаемъ, да исключеніемъ 35-го стиха, «Романсы» по тексту Альманаха Феторова, съ соблюденіемъ орфографіи и пунктуации. Кое гдѣ эта пунктуация вноситъ существенныя ишбѣненія. Такъ, слѣдуетъ пошмертному ишбѣненію 1841 г., нѣкоторымъ

ПЕРВАЯ ИЗЪ ЛУБОЧНЫХЪ ОБРАБОТОКЪ „РОМАНСА

Изъ Пятидесятной епархии П. К. Губинскихъ.

Составилъ и издавалъ съ епархическаго училища К. С. Писаревъ, директоръ школы. Выходитъ ежемѣсячно въ числѣ 1872 года 25 томовъ. Изданъ въ Москвѣ въ типографіи „Печать Дѣла“.

изданія, въ томъ числѣ такое авторитетное, какъ Глѣбовское, печатають 33-й стихъ такъ:

Ты слыши? подумь себя, несчастный,
Присажь къ трунѣ въ послѣдній разъ.

Между тѣмъ въ альманахѣ Федорова читаемъ нѣчто совсѣмъ иное:

Ты слыши... подумь себя несчастной
Присажь къ трунѣ въ послѣдній разъ.

О другихъ, болѣе мелкихъ, отличіяхъ текста альманаха см. въ концѣ Г. т. статьи «Исторія Пушкинскаго текста». Тамъ-же см. и исторію выброшеннаго Федоровымъ в Дашенковымъ за даѣмъ утеряннаго 5-го куплета и 35-го стиха, который въ альманахѣ Федорова былъ напечатанъ такъ:

Проступокъ мой, твой рокъ ужасный.

Это сочиненіе самого Федорова, но, по-видимому, вынужденное. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что подлинный Пушкинскій 35-й стихъ:

Законъ неправедный, ужасный

не былъ пропущенъ цензурой. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что для характеристики настроенія, подъ вліяніемъ котораго созданъ «Романсъ», этотъ стихъ имѣетъ первостепенное значеніе. Онъ прямо переищуаетъ центр тяжести: обвиняемая становится обвинительницею.

Ср. дальнѣе примѣч. къ «Фавну и Пастушкѣ».

С. Венгеровъ.

С. М. М. Д. В. П. С. С.

*Заключеніе коньтки альманаха Гегеса Федорова
«Поминаніе Отечества» Мудъ» на 1827 г.*

Литография 1876 года. Цензор В. Федоровъ. Изд. бр. Стродальцова (Москва). Литографъ Хитрово. Въозъ картиной въ развѣ 4 стана. Изъ Пушкинск. коллекции П. Е. Рейнина.

Литография 1872 г. Цензор П. Свистуновъ. Изд. Губинской (Москва). Въозъ картиной въ развѣ 4 стана. Изъ Пушкинск. коллекции П. Е. Рейнина.

29. КОЗАКЪ.

Въ историко-литературномъ отношеніи интересно диалектное стихотвореніе Пушкина «Козакъ» 1814 г., напечатанное въ «Российскомъ Музеумѣ» 1815 г., №3. Сохранился автографный текстъ съ посвященіемъ П. П. Пущину и съ припиской послѣ заглавія «Поздравленіе малороссійскому». Другая редакція стихотворенія, болѣе обработанная, напечатана въ «Рос. Музеумѣ». Въ комментированномъ изданіи сочиненій Пушкина Подлиннова, предназначенномъ для семьи и школы, нѣтъ этого стихотворенія. Педогогическаго значенія «Козакъ», действительно, не имѣетъ. Это стихотвореніе интересно лишь въ томъ отношеніи, что расширяетъ кругъ тѣхъ литературныхъ вѣяній, подъ которыми Пушкинъ писалъ въ юности.

Въ данномъ случаѣ обнаруживается вліяніе украинской народной словесности. Для наглядности приводимъ дѣль слова начала стихотворенія, причемъ въ скобкахъ и разрывкой ставимъ нѣкоторые различія между первоначальнаго варианта, посвященнаго П. П. Пущину:

Рядъ подполночи порою,
Словъ думать и зватьъ
Бухать тихо пать рѣкою
Узломъ Козакъ.
Мѣсткато — конка дуною
Свѣтител конецъ;
Въ стругъ упершиекъ боротою,
Застремаль Дюнецъ),
Черна шапка на беренѣ
Весь дунашь въ тандъ,
Нисгогетя при котѣвѣ,
Савелъ до землѣ,
Вѣрши конь, узла не чуя
Шитомъ выстуналь,
Гришу додуу вошуа,
Утучиола въ тандъ,
Воль предѣлнмъ нѣ три вѣзныа,
Воломанъ зборѣ,
Дѣль зороа въ теревушкѣ
Темъ въ премущиборѣ,
Готерши коня, озастановилъ
Мертонъ траву ривель,
Храбрыи коникъ пробухтелъ
Въ миль у думъ черель,
Не пану въ тѣхъ дѣвци
Кумель увель, бѣшеъ
Удѣ красовица въ сѣвѣшири
На пель убринѣ,
Шелестанъ вѣ. Топель, удѣо,

Сильно сказаль коня ногою
Шпорою приколдуль,
Шпорою колъ струюъ—
П помчалъ конь струюъ—
Къ дѣбамъ длернуль,
Въ облакахъ дуа сребрила
Далши небеса;
Ночь окномъ ешитъ ушала
Дѣвица краса,
Храбрыи вшитъ красну дѣву,
Глять-анъ видѣтъ...
Сердце бѣтел въ немъ,
Черна бровь дутои
Конь тихоуко къ дѣву, къ дѣву—
Воль ухъ ночь окномъ,
Прямо къ милой: Стой!
Ночь становитъ темнѣ,
Скрылаа дуа,
Вантъ, коханечка, скорѣе
Паню коня,
Вытъ, коханочка, изъ дому,
Коню таи во смъ,
— Штъ, къ мужицѣ молодому
Страшно пойтии,
Срашно вати мѣ изъ дому,
Коню тать вода.—

Ахъ, небось! Дѣвица краса,
Съ мильнѣмъ поужикѣ!
Съ тругомъ
— Ночь красовица опасна,—
Чѣмъ любовьъ дѣ паскъ онаа!
Радость, не страши!
Нѣтъ, мѣ мать говорила:
Боже, токъ, мужицкѣ!
Мать не радъ мѣ то дверца
Нѣтъ, не безъ причинъ.

и т. д.

Передѣлки и измѣненія въ текстѣ, въ особенности своеобразный первый куплетъ съ тономъ, указываютъ, что Пушкинъ, выбросивъ дѣль нечлѣнъ указаніе на малорусскій источникъ, стремился при второй редакціи стереть всѣ слѣды малорусскаго оригинала и свести малорусскаго казака на южнанаго.

Это стихотвореніе представляетъ вольную передѣлку малорусской народной пѣсни объ удѣ дѣвци казакомъ. Существуетъ много вариантовъ той пѣсни у Чубинскаго V, 207, 231, Гоголяцкаго I, 130, Kolberg'a въ «Pokusie» II, 84, въ «Zbiór wiadomości, do antropol. krajow», Краковская акад. наукъ, т. VIII, стр. 178, у

1. Слово «небось» встрѣчается и въ «Тусарѣ», Русальѣ, Баранѣвъ-костякѣхъ, Капитанской вѣжѣ, Гварни, Радѣ, Русалькѣ II, 271.

Любовная гравюра 1818 г. Цепл. Шук. Зрабовъ. Изд. А. Булякина, Металлография Чарсана (Москва). Поэт. картинной вышивки (почеркомъ) все стилистически, озаглавлено Романецъ. Изъ Пушкинской коллекции П. Е. Рубцова.

Любовная гравюра 1857 г. Цепл. Фонт-Круа. Поэт. въ металлографии А. Васильева (Москва). Поэт. картинной вышивки все стилистически, озаглавлено «Романецъ». Изъ Пушкинской коллекции П. Е. Рубцова.

Омельченка поть № 1, у Чернявской, стр. 150—151 и др. Въ большинствѣ вариантовъ оказываются мадуры или варшавки, что указываетъ на заимствование пѣсни мадорессами у поляковъ; но польскія пѣсни этого рода не представляются оригинальными, а представляють лишь передѣлку латинско-европейскаго пѣсеннаго сюжета объ удачѣ рыцаремъ бившица. Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу я подробно остановился на этомъ циклѣ пѣсенъ. Теперь же мы ограничимся выборкой двухъ мадорусскихъ вариантовъ, къ которымъ ближе всего подходитъ «Козакъ» Пушкина.

Въ «Трудахъ» Чубинскаго (V, 207):

Зь-да горь, горь
Шауть мадуры;
А ми мадурочекъ,
Приведе ми виночокъ
Зь чистого дзота.
Вшь пѣ, пѣ,
Прямо на мой дверь.
Стуць, брѣдь въ шкочко,
Вьдѣ, вьдѣ, коханочко,
Дѣи коно воца!
Не велѣла маца
Коно воца дѣти;
Ми мадуса заваца,
Нѣбѣ я пѣи не вохала,
Мадусѣ боуѣ.
Мадусѣ ни бивѣ,
Сѣди на мой вѣць.
Сѣмь царь сивѣмъ коноѣ,
Сама сѣвать жькѣ пѣи,
Гѣ буѣ мой.
Гѣ пѣ, пѣ,
Люѣи пѣтаѣи,
Онѣ що то да шенѣи,
Онѣ що то да кохѣи
Нѣ сѣ пѣанѣи,
Онѣ пѣ жькѣ я пѣ,
Гѣ на слово бѣи,
Гѣ сѣ у его дѣнка пѣи,
А на мене молодѣи,
Любо пошѣи пѣи.

Въ «Мадор. пѣсеняхъ» Омельченка стр. 97:

Онѣ вѣтѣи горѣ,
А вѣтѣи круѣ,
Промѣдѣ пѣми круѣми горѣми,
Сѣмьѣи горѣ,
Онѣ то жькѣ не горѣ,
Онѣ то жькѣ не пѣи,
Онѣ то жькѣ пѣи молодѣи шенѣи,
Но воуѣ пѣи.

А я да пѣю
Жькѣ да зорѣю
Сирѣмъ кономъ по-нѣць сѣмьмъ морѣмъ
По-нѣць воуѣю.
Да дивнѣи жькѣ мой,
Да пѣи жькѣ коно,
Сѣ тѣи, сѣ тѣи крышечкѣи,
Що холоѣи воца.
Да дивнѣи жькѣ мой
Сѣди на коно,
Да подемъ у чѣстѣе поле
До мого двора.
А вѣ мого двора
Да пѣи ни кола—
Тѣлюѣи и рѣвѣи, що кушкѣи каѣи.
Гѣ и гѣ не дѣи.
Да каѣи жькѣ мой,
Чѣмъ тѣи не дѣи!
«Да будѣ жькѣ тѣи люѣи морѣи—
Пѣи не дѣи».

Сравненіе этихъ пѣсенъ съ «Козакомъ» Пушкина интересно на двѣ стороны. Съ одной стороны оно указываетъ, что уже въ началѣ текущаго столѣтія эти пѣсни были весьма популярны, съ другой—на раннее знакомство Пушкина съ народными пѣснями, даже мадорусскими, причемъ знакомство съ послѣдними шло какими-то особенными путями, независимо отъ главнаго источника—Арины Родионовны. Трудно думать, что мать поэта, великороссійка, знала пѣсню, «Ой горѣ-горѣ идуць мадуры». Нѣтъ данныхъ для опредѣленія, когда и отъ кого усвоилъ Пушкинъ эту пѣсню. Л. Н. Майковъ говоритъ: «можно догадываться, что она сообщена была ему товарищемъ его Пелличевскимъ, отъ котораго былъ полтавскій уроженецъ». (Мад., изд. Пушкина, I, 86). Въ передѣлкѣ обнаруживается неудачная великорусская подкраска. Изъ мадорусскаго оригинала цѣлкомъ взяты сюжетъ и нѣсколько выраженій—«коно воца дѣи»; «сѣди на бордаго», «коханочка», «пѣвѣдѣ къ оку!».

Въ печати было цѣлѣбное (проф. П. П. Петрова) о вліяніи Пушкина на мадорусскую словесность; но можно поставить вопросъ и объ обратномъ вліяніи: отрицательнаго отвѣта на него не можетъ быть. Пушкинъ зналъ кое-что о Мадороссіи еще въ юности, но невольнаго переселенія на югъ Россіи. Хотя въ Екатеринославѣ Пушкинъ пребывалъ очень короткое время, но, по словамъ Смирновой (въ Запискахъ въ IX кн. «Сибир. Вѣстн.» 1893 г.), Пушкинъ написалъ двѣ пѣи скалки—недѣлѣнно ка-

Лубочная картина 1866 г. Ист. у А. Е. Яковлева (Москва).

Изъ Пушкинской коллекции П. Е. Рейнбота.

Новейшая аэрофотография, изд. Сунтинских въ 1894 г. (Москва).

Изъ Пушкинской коллекции П. Е. Рейнбота.

дикъ, предполагая, что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о поезде вѣдьмы, о чемъ подробно скажемъ ниже. Въ течение трехъ дѣй своихъ кишиневской жизни Пушкинъ, какъ бы то ни было, бывалъ въ Каменку и Кіевъ, но вѣрнѣе сказать, что отсюда впечатлѣнія были слабы. Ко времени пребывания Пушкина на югѣ Россіи относится «Шенкъ о вѣдьмѣ» (Одѣвъ), Малороссія кое-что дала Пушкину и для «Подтавы». Лучшій остатокъ — описание украинской поэзи; но по всемъ остальнымъ мѣстамъ колоритъ очень слабъ или совсемъ отсутствуетъ. Мѣстами замѣтна слабая малорусская адыка, слѣды настолько слабые, что на основаніи ихъ нельзя думать, чтобы Пушкинъ зналъ малорусскій языкъ. Это были случайныя замѣшательства нуль-трехъ общихъ словенъ: хуторъ, затѣе. По происхожденію, образованию, по своимъ интересамъ, общественнымъ и литературнымъ, Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи. Знакомство его съ этимъ краемъ было больше книжное, чѣмъ личное. Извѣстно, что онъ пользовался тенденціозно-партиотическою «Исторіей Русовъ» (Полѣвка), пользовался «Малор. народн. пѣснями» въ изданіи Максимовича, «Ахъ обираю наши пѣсни» — сказалъ однажды отъ Максимовичу, при составленіи «Подтавы». Извѣстно также, что Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ украинскыхъ пѣсней Гоголя, впоследствии близко сошелся съ авторомъ и, кромѣ того, былъ знакомъ съ нѣкоторыми другими «щирями» украинцами М. А. Максимовичемъ и П. А. Маркевичемъ и, главное, былъ знакомъ съ паронной словесно-плебейскими, показательно чуждо служивъ «Козакъ», и со сказками, что видно изъ «Евсара» (1833 г.).

Языкъ «Козака» неправильный. Интересно галицизмы: «Храбрыи виднѣи красну гѣву», Подлине изъ «Слѣди» (1816 г.) тоже: «Мои храбрыи вопросилъ: Je brave, mon brave и въ связи съ другими галицизмами см. у Корина въ Разборѣ Русалье I, 65.

Н. Сумцовъ.

Съ доблестью развитіи автора, беремъ эту интересную замѣтку изъ его «Этюдовъ о Пушкинѣ» Харьковъ, 1900. Ниццуремля почтеннымъ ученымъ пароннымъ пѣсню, съ одной стороны, конечно, безусловно подтверждаетъ правдоподобіе замѣтки нашего графа Пушкина. Показаніе малорусскаго. Но съ другой стороны именно слѣдуетъ съ истощеніемъ говорить гораздо больше о самостоятельности чѣмъ о попра-

вительности. Въ концѣ концовъ, кромѣ «коханочки» въ печатномъ видѣ «Козачки» да того, что козакъ попросилъ паронны коза, все остальное есть собственное «идобрѣтѣніе», говори терминомъ старыхъ реторикъ.

Сколько-нибудь серьезной эстетической цѣны «Козакъ», конечно, не имѣетъ. Кромѣ казанскихъ проф. Сумцовымъ неправильностей языка, можно отмѣтить еще двѣскія рѣшма: выступаль — вталъ, дупа — коза, по той же — вода. Въ первоначальномъ вариантѣ полюбамъ неправильностей еще больше, и можно предположить, что для печати стихотвореніе было несколько исправлено или самимъ Пушкинымъ, или редакторомъ «Росс. Музеума» Ва. Пзмайловымъ.

По конецъ стихотворенія —

Быль ей вѣрѣи иль пѣснѣи.

Въ третью замѣтку

выраженъ превосходно. Онъ настолько пароннаеетъ мѣткость и яркость народнымъ пѣсней, что даже является мысль о замѣшествованіи изъ какой-нибудь пѣсни, ускользнувшей отъ вниманія П. О. Сумцова.

Мы уже даемъ изъ замѣтки П. О. Сумцова о предположеніи Майкова, что Пушкинъ могъ познакомиться съ мотивами малорусской поэзи чрезъ Плишевскаго, отца котораго былъ подтавскій уроженецъ. Можетъ быть, можно было бы также указать и на другаго товарища Пушкина, П. В. Мадновскаго, продавшаго «казаккомъ» за свою шалость и увлеченіе подвигами партизанскыхъ отрядовъ Платова; мать Мадновскаго была дочерью цѣлѣбнаго протоіерея Самборскаго, по происхожденію — малоросса. Среди сочиненій М. В. Маднова (Смирницкое изд. 1849 г., стр. 110) находимъ небольшое стихотвореніе «Прощаніе казака»; но оно не имѣетъ съ пушкинскимъ ничего общаго, кромѣ развѣ того, что въ немъ изображается также «топечъ». Казаки воиска топовского, прославившіеся въ походахъ 1807, 1812—1814 гг., нѣрѣдко воспѣвались въ литературѣ XIX вѣка (см., напр., отъ Деражича «Атаману Донского воиска Платову» и др.); о казакахъ же собственно «малорусскыхъ» въ ту пору не было и рѣчи.

Мы печатаемъ «Козака» въ окончательной редакціи — т. е. по «Росс. Музеуму», соблюдая орфографію журнала. Объ авторствѣ, и въ которыхъ другіхъ библиографическихъ печатныхъ и вариантахъ ср. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

Ред.

29. К О Л А К Ъ.

Рать полунощной порою,
Сказолъ думать и мракъ,
Буасть тихо пать рѣкою
Удалой козакъ.

✱

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жуванъ въ шани,
Нисколетъ при колѣнѣ,
Сабля до земли.

✱

Врываетъ конь, улы не мужъ,
Шагомъ выступалъ,
Гришу толстую волну,
Углубляетъ всахъ.

✱

Вотъ преть нимъ пѣ три пѣбушка
Выломанъ лаборъ,
Дѣвъ порога въ переушки,
Тамъ въ тремучи боръ.

✱

«Не пайду въ дѣву дѣвцы»,
Думалъ увакъ Денисъ,
«Ужъ красавица въ свѣтлицы
«На ночь убралась».

✱

Шевелюль Донецъ удою,
Шноронъ прикопалюль,
И помчался конь сѣрѣюю,
Къ пѣбамъ довернуль.

✱

Въ облакахъ дуна сребрица
Дальни небеса:
Ночь оконь снѣжь ушла
Дѣвица краса.

✱

Храбрѣи витить красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ,

Конь тихошко къ дѣву, къ дѣву
Вотъ уахъ потъ оконь.

✱

«Ночь становится темнѣ,
«Скрылась луна,
«Выйдъ, кошачеца, скорѣ,
«Наюнъ конь».

✱

Шыкъ къ мужинѣ молодому
Странно поютъ,
Странно выти мѣвъ пѣву,
Коню пать коню.

✱

«Ахъ! небось, дѣвица краса,
Съ мнѣмъ подружись!»
Ночь красавицамъ опасна,—
«Радость, не страшись!»

✱

«Вѣрь, кошачеца, пустое,
«Ложный страхъ отбрось!»
«Тратить время золотое,
«Милан, небось!»

✱

«Сидъ на борзого, съ тобою
«Въ павийи бѣу краю:
Будешь счастлива со мною:
«Съ другомъ всюду рай.»

✱

«Что же дѣвица? Склонилась,
«Побѣдила страхъ,
«Робко бѣгать согласилась:
«Счастливы стали Козакъ.»

✱

Поскакали, подѣтали,
Дружку другъ любилъ:
Вотъ ей вѣреть пѣвъ пѣвали,
Въ треплю пѣвѣли.

30. MON PORTRAIT.

На страницѣ 169 стихотвореніе воспроизведено въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось въ «Маякѣ» 1840 г. (ч. III, стр. 24). По вѣсѣбъ съ тѣмъ, мы ввели во французскій текстъ нѣсколько небольшихъ исправленій (см. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста») по статьѣ Гаевскаго «Пушкинъ въ лицей» («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 176, 177), и по академич. изд., которое гмбдо въ своемъ распоряженіи автографъ, перешедшій отъ Матюшкина къ Е. Д. Кудомидной. Гаевскій сообщаетъ, что его исправленія сдѣланы по копіи того самого барона Гревенца, которому стихотвореніе написано. Такъ какъ и у «Маяка» не было автографа, то нѣтъ основанія предпочитать его текстъ.

Любопытныя примечанія Корсакова требуютъ нѣкоторыхъ исправленій. Не вѣрно, что Пушкинъ присылалъ ему «первые стихи свои для печати». Какъ мы знаемъ, первые стихи Пушкина появились въ «Вѣстникѣ Европы» и «Россійскомъ Мудемѣ». Литературныя свидѣнія Пушкина и Корсакова относятся къ 1817 г. Петръ Александровичъ Корсаковъ (1790—1844), братъ лицейскаго товарища Пушкина—Николая Корсакова о немъ вѣрнѣе вѣзвать «Сѣверный Наблюдатель», въ которомъ издъ стихотвореній Пушкина печатаются: «Пробужденіе», «Шведъ», «Къ ней», «Посланіе Антъ» и лирическая «На смерть стихотворца».

И очень горю и слыши тошо Корсаковъ перевелъ 19 стихъ.

Tâch tre et noises, et débats.

По Корсакову

Гербиль не могу посты и перекорю.

Нѣтъ ес не тогаты, а сора, шумъ. Débats же лучше перевести дебаты и тогда маркируется она какъ важная автобиографическая черта. Баронъ Корфъ въ воспоминаніяхъ о своемъ знаменитомъ товарищѣ сообщаетъ: «Бесѣда ровной, систематической, сколько нибудь свидной у него совѣтъ, не было». Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 250. Несомнѣнно, объ этомъ своемъ переможденіи къ систематическимъ прешивъ, лебатамъ, вѣста шумнымъ, а вовсе не о личнахъ перекорахъ и говориль Пушкинъ.

Истолкованіе по политическимъ востощамъ «Portrait» очень интересно, какъ окрепше и, въ общемъ, весьма вѣрно самопрѣвѣше. Характерно спокойствіе,

съ которымъ Пушкинъ говоритъ о себѣ, какъ объ «обеданнѣ». Очевидно, это даже не было для него большимъ мѣствомъ.

«Portrait» любонятеиль и какъ матеріалъ для антропологической характеристики Пушкина. Вотъ что пишетъ проф. Д. П. Анучинъ въ своемъ замѣчателномъ трудѣ «А. С. Пушкинъ. Антропологическій эскизъ, М. 1899» (стр. 32—33):

«Младшій братъ, Левъ Сергѣевичъ, отличался и отъ братьевъ, и отъ матери своею блондуристью или, тошше, рыжеватостью. Въ детствѣ Ольга Сергѣевна также имѣла свѣтлыя, рыжеватые волосы, которые затѣмъ потемнѣли; по отношенію Александру Сергѣевичу свѣтлыя волосы. Самъ о себѣ посты сказать въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи «Mon portrait»: J'ai le teint frais, les cheveux blonds; по его брату, Леву Сергѣевичу, по словамъ его племянника Д. П. Накшцева, утверждалъ, что туль заклонается невѣрность и что его старшій братъ всегда былъ темноволосъ; что будто-бы однажды младшій Пушкинъ указалъ брату на эту несообразность и посты отговѣлъ, что употребилъ выраженіе «cheveux blonds» только ради риторыкы «plus long» («Д. П. Майковъ, однако, сомнѣвается въ такой несообразности, ссылается на П. А. Корсакова, который былъ знакомъ съ А. С. Пушкинымъ еще въ лицейскій періодъ, черезъ своего брата, тоже лицаста и который, въ примечаніяхъ къ указанному стихотворенію (р. стр. 169, С. В.), замѣтилъ: въ молодости Пушкина волосы его были свѣтлорусы». Съ своей стороны могу прибавить, что и Д. П. Накшцевъ въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ, судя по его письму ко мнѣ отъ 8-го февраля 1899 г., утверждаетъ, что волосы А. С. Пушкина въ детствѣ—такъ же, какъ въ детствѣ у матери т. е. Ольги Сергѣевны—были блондуры».

Какъ товарищъ Пушкина, и, должно быть, такой, съ которымъ онъ былъ друженъ, радъ онъ ему специально написать стихотвореніе, заслуживающее вниманія баронъ Павелъ Федоровичъ Гревенсъ или Гревенцъ. Свѣдѣнія о немъ находимъ въ книгѣ Я. К. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» Сиб. 1901, стр. 188.

П. О. былъ тотомъ старше Пушкина: онъ родился въ Петербургѣ 17 мая 1798 и тамъ же скончался 10 мая 1847 г. Оливался скромнымъ и тихимъ правомъ, опы, цесмотря на свои замѣчателныя способности, никогда не игралъ выдающейся роли. Съ самого вынуса издъ лица и до смерти своей онъ служилъ въ канцелярш министра иностранныхъ дѣлъ... Это былъ человекъ очень образованный. Читая почти все, что появлялось замѣчателнаго въ европейскихъ литературныхъ, онъ былъ, такъ сказать, живою энциклопедіей. Любимой наукой его была ботаника; по смерти его остались многотомные гербаріи расте-

Съ небольшими исправлениями французского текста (см. стр. 168) помещаемъ это стихотвореніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось въ «Маякѣ» 1840 г., ч. III. Приобщенія, помѣщенные *Ред.* и *П. К.*—, принадлежатъ П. А. Корсакову. С. В.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ.

написанныя А. С. Пушкинымъ въ его молодости къ одному товарищу и современнику своему по Царскосельскому Лицею 1.

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon portrait,
Mais point d'après nature.
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Oui, il ne fut de babilard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs,
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas.
Oui, hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort.
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore.
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui, tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voila Pouchkine.

1 Стихи эти сообщены намъ товарищемъ и современникомъ незабвеннаго Пушкина—Баронъ П. О. Гревенсомъ.—Помѣщаемъ ихъ здѣсь съ поспрѣчными прозаическими переводами, какъ драгоценную характеристику Пушкина, имъ самимъ написанную, какъ достойную исторію нашей литературы.

Ред.

MON PORTRAIT.

Tu m'as demandé de mon portrait,
Non — dessiné sur nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
L'œuvre n'est qu'en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Non — sot, je le dis sans façon,
Et sans fades grimaces.

Non — babilard, ni docteur
De Sorbonne, plus ennuyeux
Et plus braillard que moi-même
En personne.

Ma taille est celle des plus longs,
Non — point d'égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds,
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
Oui, hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore.
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui, tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voila Pouchkine.

1 Въ молодости Пушкина волосы его были почти сивбархурсы.—2 Прекрасное стихотвореніе автора—рожденое не великимъ литераторамъ нашего вѣка.

3 Пушкинъ былъ душой общества, а несомненно его центромъ—какъ истинный гени. Таковъ именно былъ юноша Пушкинъ, когда *писалъ эти стихи*—какъ юноша, *свободнорядившійся въ то время въ первомъ своемъ стихѣ*. И теперь слышишь, какъ юноша, *свободнорядившійся въ то время въ которомъ онъ воспоминалъ мнѣ о томъ, за два мѣсяца до своей смерти*. П. К.—.

нин, собранныхъ имъ самимъ въ окрестностяхъ Петербурга. Въ свободные часы онъ занимался и поэзіею. Хотя произведенія его нѣкогда не печатались, но многія изъ нихъ, писанныя какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ, очень цѣнились его друзьями. На могилѣ покойнаго, на Волковомъ кладбищѣ, помѣщена эпитафія, написанная пріятелемъ его Вал. Петр. Сабчинскимъ:

Онъ думу борю и вѣчную имѣлъ;
Поэтъ между друзей, умевшій въ кабинетѣ,
Природою одѣланъ и въ панталоны умѣлъ.
И музѣ пріятель, и пріятель въ полномъ дѣлѣ.

С. Венгеровъ.

31. ГОРОДОКЪ.

Помечаніе впервые въ томъ же «Россійскомъ Музеумѣ» Владиміра Пинайлова 1815, № 7, стр. 2—15, въ которомъ появился рядъ другихъ произведеній виронитана лиденета: «Къ Батюшкову», «Къ П. Г. Домоносому», «Козакъ» и др. Юный лиденетъ въ 15 лѣтъ становится уже, такимъ образомъ, присланнымъ писателемъ.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ» «Городокъ» появился съ пропусками, въ раннихъ мѣстахъ, 22 стиховъ. Слѣди 186—189, съ 17-мъ стихомъ о направленномъ противъ литературнаго старовѣрства «Витіи на берегахъ Леты», Батюшкова, можетъ быть выброшена редакціей. Остальные предшествовавшіе стихи выброшены, конечно, цензурою, не допускавшей тогда никакого вида «неосторожнаго прикосновенія» къ «предметамъ свідѣніемъ». Вотъ почему перешли въ журналъ невинные стихи 15—17:

Какъ будто у палача
Въ великій четвертокъ
И мученики палочкѣ.

Менѣ печальна дѣвическая точками
стихи 41—418:

Слѣдственъ Пловхъ,
Повокъ и городскіхъ,
Повокъ, повокъ бѣдѣна
И слѣдственъ бѣдѣна
Дѣвѣкъ, пишъ не герцогу,
Что съельскакъ переекъ,
Каль пѣна Кувеекъ,
И Повекъ не побоекъ.

Въ этомъ предвзятельномъ отношеніи къ повоеству пелдѣя не видѣть очень замѣтнаго вліянія «Фернейскаго крикуна», о которомъ съ такою любовью говорится въ «Городкѣ».

Цензурой, цензура не пропустила и стихи 420—423:

А съ ними вѣрочковатки
Польдѣвскій паретъ,
Линь вѣтками богатый
И ябелы олозѣтъ.

Подпись подъ «Городкомъ» уже по общему 1—16—14 см. стр. 132, а 1—17—14, 1 и 14 можно объяснить какъ начало имени *A* и конецъ фамиліи *H.*, но что значить 17— не знаемъ.

Пускавъ не вѣсть «Городокъ» въ изданія имъ самимъ собранія своихъ сочиненій. Онъ былъ перепечатанъ только въ посмертномъ изданіи ст. IX, Сиб., 1841 стр. 410—425, съ тѣми же пропусками.

Онъ былъ возобновленъ пропуски и въ Аппенковскомъ изданіи ст. II, Сиб., 1855 и въ изданіи Геннади. И только въ «Библиогр. Запискахъ» 1861 г. (№ 9, стр. 272) П. А. Ефремовъ, пользуясь лидейскою тетрадю барона М. А. Корфа о ней въ концѣ тома, возобновилъ цензурные выброски. Впрочемъ, не все; и ему пришлось вмѣсто *попозтъ* писать *и вѣ*.

Мы печатаемъ «Городокъ», придерживаясь орографіи «Россійскаго Музеума» и только въ 2—3 мѣстахъ измѣнивъ двуполнобуквенную пунктуацию и начертаніе см. въ концѣ тома.

Аппенковъ въ небольшомъ примечаніи къ «Городку» утверждаетъ, что сънесъ ата пѣвѣтъ много поправокъ, сдѣланныхъ журналомъ В. В. Пинайлова. Но самъ онъ не печаталъ «Городокъ» по «Россійскому Музеуму». Значитъ, у него не было подлиннаго текста подъ руками и движеніе его, сдѣловательно, голословно.

Среди лидейскихъ стихотвореній «Городокъ» занимаетъ особое мѣсто по своему автобиографическому значенію. Такъ же, какъ въ посланіи «Къ сестрѣ» (см. № 13), переть нами разобвѣдѣнннй матеріалъ для сужденія о томъ, подъ какими литературными вліяніями вло развитіе юнаго поэта.

Это важное автобиографическое значеніе «Городка» было отмѣчено критикою тотчасъ, какъ онъ въ посмертномъ изданіи былъ издѣченъ изъ дѣвственія. Проводиветникъ тріетинной панадеи «самоутраченіе, православіе и парозность» Шевыревъ «Москвитинишъ» 1841, № 9, конечно, съ

ТЯЖИ УГОЛОКЪ ЦАРСКАГО СЕЛА 1810—1820 гг.

Теперь Набережная улица, на которой гимназия.

Изъ сборника-альбома: Девятнадцать витковъ Царскаго Села. Снимать и на камнѣ рисовать по ита-
лиански Императорскаго Инженера Валеріана Лантеръ. 1820.

31. ГОРОДОКЪ.

Къ 1810.

Прости мнѣ, милый другъ,
Духовнѣе молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было неохота,
На тронѣ принесенной
Назъ роины смиренной
Въ великомъ градѣ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зналъ, веселился
Въ театрѣ, на играхъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Уви! ни на часокъ,
Какъ будто у паловъ
Въ великій безвертокъ
Измученной пачокъ,
Но слава, слава богу!
На рошную дорогу
Я выбухалъ теперь:
Зжъ вытолкать за шерь,
Заботы и печали,

Которая играли,
Стыжусь, стою долго мномъ:
И въ тишинѣ святой
Философомъ дѣлываю,
Отъ шума и валежъ,
Живу я въ горотѣхъ
Безвѣстностью щастливомъ,
Я павиль сибиромъ домъ
Съ шваномъ, съ камелькомъ:
Три комнатки простыя
Въ нихъ дѣла, бродилъ шѣть,
И скани вышесныя
Не кроютъ нухъ паркетъ,
Оконки въ садъ веселыя,
Гдѣ липы престарѣлыя
Съ черѣмухой дѣлуютъ:
Гдѣ мнѣ въ часа полднешна
Бережокъ своия темна
Прохладу свнѣ, даю:
Гдѣ лапнши блѣдосивкомъ
Сиделъ съ фидаломъ шѣкомъ,
И быстрѣя руческъ,

страшным оторчением цитировать оды из Вальтерфа:

Черешкин! дай крикнуть
Поать вь поатахь первый!

И вообще в каталоге Пушкинской библиотеки Шеваревых находится «такія имена, которыхъ не желалъ бы встрѣтить между первыми учителями Пушкина».

Вблинскій безъ всякой горечи говорить о составѣ библиотеки юного Пушкина.

При этомъ онъ даетъ явную характеристику той духовной свободы, которой полонъ «Городокъ», и первый указывает на соотношение съ «Моиими пенатами» Батюшкова:

Подобно Батюшкову, Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ, которые давали мѣсто на полкахъ его цѣлебной библиотеки. Только онъ говоритъ не объ одномъ русскомъ писателѣхъ, но и объ иностранныхъ. Несмотря на явную поправокъность Батюшкову, которую замечалъна эта пѣса, въ ней есть нечто и свое, Пушкинское! Это не стихи, которыя товожно пѣхъ¹, но плавальная волюность, музъ тая того, что французъ плаваяетъ ридъ гю, и столь световѣтная Пушкину. Онъ насколько не думаетъ скрывать отъ свѣта того, что все дѣлано съ наслажденіемъ паче пѣ, но о чемъ все, при друнхъ, говорить тономъ строгой морали; онъ плаваяетъ всѣмъ своимъ любимымъ писателямъ. Юношеская заносчивость, безрассудно приравнивая сатиру къ бездариымъ псакамъ и, особенно, главѣ ху, плавному Сметову, также характерны Пушкина.

Соотношеніе «Городка» и «Моиими пенатовъ» обстоятельно разработано Гавеликомъ въ его замѣчательной статьѣ «Пушкинъ въ лицѣ» («Современникъ» 1863, № 8, стр. 353—360). Изъ «Моиими пенатовъ» видно не только разбѣръ, общій тонъ, своеобразный пріемъ, перечисленіе всѣхъ любимыхъ писателей, но и отдѣльныя картинки, подробности, рифмы и слова.

Такъ, стихи 54—59 являются пересказомъ слѣдующихъ стиховъ «Моиими пенатовъ»:

Или пухъ съ мѣстою и
Съ смѣрною клавиою,
Ты смѣло поспѣхъ съ,
О, воинъ, у меня,
Вонн и обухъ и
У арбаго оныя.

Изъ «Моиими пенатовъ» видно и объясненіе въ «Городкѣ» 114—117 державина съ Горациемъ и римуэюціи слова:

Вь тольк и Муль, и Граднн
То съ трон, то съ грунн
Нашъ Шварь, нашъ Горацин
Смѣхъ толокъ оныя.

Не останавливаясь на другихъ, вполнѣ очевидныхъ совпаденіяхъ, приведемъ еще только то мѣсто «Моиими пенатовъ», гдѣ Батюшковъ даетъ пріютъ старому воюкѣ:

О, старецъ, ублинный
Годами и трутомъ,
Грикраты ужаленный
На престоуи пыткомъ!
Дустринной баламанкой
Походы проведи,
Про шгада съ пачанкой,
Что въ жуель и въ огни
Летать переть полами,
Какъ вихоръ на поляхъ,
И въ кругу его рязати
Враги дозвнхъ въ прахъ...

Вся фигура этого Батюшковскаго воина почти цѣлкомъ вошла въ изображение майора очкаковскихъ временъ, которымъ заканчивается «Городокъ».

Въ общемъ, цѣлкомъ должно быть признано заключеніе Гавелика:

«Сличенія эти вполнѣ показываютъ, что одно изъ замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ юношескихъ произведеній Пушкина, несмотря на выразившуюся въ немъ личность поэта, есть сходокъ съ «Моиими пенатовъ».

Эта тѣсная связь съ «Моиими пенатами» устанавливаетъ опредѣленные границы для «автобиографичности» «Городка». Автобиографиченъ, главнымъ образомъ, каталогъ любимыхъ авторовъ. Въ бытовухъ-же подробностяхъ «Городка» не мало такого, что является не отраженіемъ дѣйствительно пережитаго, а просто переживомъ. Но, конечно, индивидуальность Пушкина сказалась въ выборѣ тѣхъ мѣстъ, которыхы онъ подражалъ. Вотъ почему намъ кажется вполнѣ правильнымъ замѣчаніе Педзенкова, къ которому Майковъ относится скептически въ виду того, что старый служивка взялъ изъ «Моиими пенатовъ», Педзенковъ именно находить, что въ «Городкѣ» и подвѣишемъ «Сибѣ» (1816) «поэтъ отаетъ предпочтеніе деревенской тишинѣ и просто въ чередѣ городскими суетными утѣхами: въ обоухъ сочиненіяхъ онъ сочувственно рисуетъ простыхъ людей».

И если оинъ изъ этихъ «простыхъ людей» майоръ и вѣзгъ у Батюшкова, то добрая старушка съ своимъ наивно-добродушнымъ сидѣтнмъ созданіе молодого лицезета. Живя въ лицѣ, Пушкинъ, конечно, имѣлъ полную возможность наблюдать жизнь

Въ струнуя песя двѣтокъ,
 Певшіймъ для взора,
 Лещеть у дѣбора,
 Здѣсь добрый твой полтъ,
 Живеть благополучно;
 Не ходитъ въ модныя свѣтъ,
 На улицѣ каретъ,
 Не слышитъ стукъ коучной;
 Здѣсь грома поше пѣтъ,
 Лишь цѣрка бѣаетъ
 Скрипитъ по мостовой,
 Пѣтъ пугицкѣ въ домицъ мой,
 Пришедь искать почтега,
 Дорожною клюкой
 Въ кашку поступицъ...

Блаженъ, кто веселится
 Съ покоемъ, безъ заботы,
 Съ кѣмъ втайнѣ Обѣя дружителъ
 П маляккой Эроты;
 Блаженъ, кто на просторѣ
 Въ укромномъ уютѣ,
 Не думаетъ о горѣ,
 Гуляетъ въ колпакѣ,
 Шетъ, вѣтъ, кога захочеть,
 О тобѣ не хлопочеть!
 Никто, никто ему
 Лишиться одному
 Въ постелѣ не мѣшаетъ;
 Захочеть — ложитъ
 Толпу къ себѣ съваляетъ;
 Захочеть — сладко спитъ,
 На *Римова* сидитъ,
 И тихо забываецъ,
 Такъ и, мой милый другъ,
 Теперь разположилъ:
 Съ толпой безстыдныхъ слугъ,
 Пѣвки распростылетъ;
 Укравшись въ кабинетъ,
 Ошиъ я не скумаю,
 И часто дѣлой свѣтъ,
 Съ юсторгомъ забываю,
 Друзья мѣй — мертвецъ,
 Наряскіе жрецы,
 Надъ полкою простою,
 Нодь тонкою тѣфтою,
 Со мной они живутъ,
 Швецъ, краснорѣчивъ,
 Прозанки пугицы,
 Въ портикѣ стацъ хуцъ,
 Слѣтъ Мома и Минерва,
 Фериевскій дѣтъ крикутъ,
 Нодь въ полтахъ перивъ,
 Ты здѣсь, сѣтой малуцъ!
 Оиъ Обѣюмъ бѣтъ воспитанъ,
 Извѣства стацъ пѣтъ;
 Вѣбуцъ больше перечитанъ,

Вѣбуцъ менѣе томилъ;
 Соверилъ Эрминтъ,
 Эрата пѣвакой другъ,
 Арыоста, Тасца шуку,
 Скажу дѣтъ... Оиѣтъ Кантъ,
 Оиъ все вѣтъ вѣтъ,
 Единственной старикъ!
 На полтъ да Воллеромъ,
 Вириндѣ, Тасецъ съ Гомеромъ,
 Вѣтъ вѣтъ прѣстоицъ,
 Въ часъ утреннѣ досуга
 Я часто другъ отъ друга
 Люблю пѣтъ отрыватъ,
 Нитомцы юнацъ, Грацинъ
 Съ Державинцѣмъ потомъ,
 Чувствительный Горацинъ
 Является вдвоемъ,
 И ты, пѣведъ победной,
 Позднѣй прѣстелной
 Серада прилекити въ пѣвъ,
 Ты здѣсь, дѣтъ бездѣшная,
 Музредъ простосердечная,
 Ванюша Лафонтенъ!
 Ты здѣсь — и Дмитревъ пѣвакнъ,
 Твой вымыселъ любя,
 Нашелъ приютъ надежный
 Съ Крыловцѣмъ бѣтъ тебѣ,
 Но вѣтъ пѣнерснѣкъ милонъ
 Пѣвухъ длатокралой!
 О, добрый Лафонтенъ,
 Съ тобой оиъ смѣтъ сразитъ...
 Коль можеть ты динитъ,
 Динѣтъ; ты побѣденъ!
 Воспитанъ Амуромъ,
 Вержеъ, Наринъ съ Грекурромъ,
 Укрылись въ уголокъ,
 Не разъ они выходатъ
 И сонъ отъ гладъ отвожатъ,
 Нодь диннѣй вечерокъ,
 Здѣсь Одеронъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ,
 Съ Мольеромъ-исподнимомъ,
 Фонъ-Визинъ и Киважинъ,
 За ними, хмурясь важно,
 Пѣтъ грозный Аристаръ,
 Является отважно
 Въ шестидѣтъ томатъ,
 Хоть странно стѣхоткамъ
 Лагарпа видѣтъ хуцъ,
 Но часто, признаецъ,
 Надъ нимъ и время траму,

Кладбище обрѣли
 На самой нижней полтъ,
 Вѣтъ школьнически толки,
 Лежаніе въ ямы,
 Видова сошнѣныя,

поддеревенскую улицу Царского. А кроме того тутъ могли скандаль и воспоминанія дѣвшихъ мѣсяцевъ 1811 г., когда Пушкинъ жилъ въ Царскомъ въ ожиданіи открытія Андеа.

Нѣтъ отбѣдныхъ мѣсть и намековъ «Горюха» требующъ поясненій:

Ст. 76. На Рюмова склоняюсь.

Надо думать, что рѣчь о «Рюматовѣ» или посланія «Къ другу-стихотворцу», т.-е. о Ширинскомъ-Шуматовѣ (см. о немъ дальше).

Ст. 97—104. Вольтеръ дѣлаетъ изъясненіе сыномъ «Моме» и богами мудрости Мисерва, Момъ-момось — богъ насмѣшки и порицаній у грековъ.

Ст. 128—129. Но юль и пересильки ми
Ихъ хвостъ златокрылой —

т.-е. Богдановичъ, замѣтовавшій нѣкъ «Юль-барона Ларошана» своею знаменитую «Душеньку».

Ст. 156. Видова сочиненія
Глухова неалмоньника

Глуховъ обозначенъ слишкомъ общимъ признакомъ, чтобы въ немъ можно было узнать определенное лицо. Но въ Видовѣ Л. П. Манковъ усматриваетъ С. П. Висковатова (см. стр. 133, потому что въ посланіи «Къ Батюшкову» стр. 147 о Висковатовѣ сказано, что онъ «визжать заставляетъ Мельмену»).

Ст. 164. Я спрагала погасенну
Сафьянуво тетради и т. д.

Черта времени. Въ концѣ 18-го и первомъ половинѣ 19-го столѣтій чрезвычайно были распространены тетрадки со стихами, «предрѣвными печатъ», т.-е. почему-либо запрещенными. Составъ ихъ обыкновенно былъ очень нестройн, какъ это можно видеть и изъ того, что разсказываютъ подъ о своей тетради. Тутъ и серьезная сатира кн. Горюхова, и переромантъ «Опасный соствѣтъ» Батюшкина и, наконецъ, неприкрытая грязь барковщины. Съ успѣхомъ реакціи, такого рода тетради дѣлать пришло и всему поверженному и ценурнымъ соствѣтамъ.

Ст. 175. Хвосты вавилъ чата савана.

Стихъ изъ «Школа во стѣнѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго.

Ст. 178. Съ О Рюмова пересильки
Мульки и т. д.

кн. Д. П. Горюховъ. См. о немъ дальше.

Ст. 186—192. П ты насмѣшкикъ съ бланки
Въ немъ мѣсто полуциль,
Чей въ адъ стихъъ все-
дѣи и т. д.

Рѣчь о знаменитой сатирѣ Батюшкова на плохихъ стихотворцевъ — «Видѣніе на берегахъ Дѣты».

Ст. 193—196. П ты замысловагын
Буянова и введь.

Буяновъ — герой переромантъ поэмы «Опасный соствѣтъ» Василия Пушкина. (См. о немъ дальше особую статью).

Ст. 198—211. П ты, шутники безъ виныи
Обращеніе къ Крылову, какъ автору шуточной трагедіи «Трумфъ». Упоминаемые также Подщина, Чернявка и другіе — персонажи этой шутки, написанной въ 1798 г., но въ печати появившейся только въ 1859, и то въ Берлинѣ. Въ Россіи впервые напечатана въ 1871 г. («Рус. Старина»).

Ст. 212—215. Но налову ль стѣтнуитъ.

Нельзя сомнѣваться, что рѣчь о знаменитомъ портретѣ П. С. Баркова (1732—1768). Только онъ одинъ и былъ въ состояніи наполнить своими многочисленными «срамными» сочиненіями «тетради полонизму». Къ нему же надо отнести

Ст. 216—232. О ты, вѣсело Параса,
и т. д. Не стану я писать.

хотя комментаторы тутъ расходятся. На эту же разногласіяхъ стоить остановиться, потому что похуно выдѣляется роль Баркова въ ряду «учителей» Пушкина.

Ефремовъ въ изданіи 1880 г. къ стиху

Вавилъ, вавилъ Сивостовъ

сдѣлать похвительную справку: гр. Д. П. Хвостовъ, Манковъ присоединился къ этому мнѣнію. Но П. О. Морозовъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1899 г., № 8 и Б. В. Никольскій въ «Ист. Вѣст.» 1899 г., № 7 въ своихъ рецензіяхъ на 1-ое изд. Г. А. Академич. изданія доказываютъ, что тутъ несомнѣнно рѣчь о Барковѣ.

Обображенія г. Никольскаго очень любопытны:

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весь первый ст. 212—232 относится не къ гр. Хвостову, а къ Баркову, это ясно по ходу мыслей. Л. П. Манковъ, по моему, вѣсело былъ въ заблужденіи сатирическаго кличкю Сивостовъ, не въ

Удушена всамомовина,
 Циветная творенья,
 Уль! однимъ машамъ,
 Миръ ибной и дабнше
 И прозъ и стихамъ!
 Но ими огражену
 Ты должнъ это знати
 И сирталь потаешу
 Сафьянную тетраду
 Сей свитокъ драгоцѣннай,
 Вбками сбереженнай,
 Отъ злена Рускнхъ силъ,
 Дворотнаго брата,
 Драунскаго солдата
 И даромъ подумилъ,
 Ты кажется въ сомнѣнн...
 Не трудно отгадати:
 Такъ, это сочиненн,
 Предрѣшнн печаль,
Хвалю вады, чина слава,
 Брати Парнасскухъ уль!
 О, Кннзъ, папереннкъ Муль,
 Любно твой дабави:
 Любно твой колкнй стихъ
 Въ посланнхъ твоихъ;
 Въ сатирѣ знане свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣвности каплета
 Парну остроу —
 И ты, насмѣшнкъ смѣланъ,
 Въ ней змето подумилъ,
 Чей въ атъ стихъ веселнй
 Поэтовъ разряжалъ,
 Какъ въ юношески збны,
 Въ волнахъ туманной Леты
 Нхъ тургомъ потонилъ:
 И ты, дамыловатнй
Бурного пивецъ,
 Въ картиннахъ толь богатнй
 И вкуса образецъ;
 И ты, шутникъ беднѣннай,
 Которнй Медномета
 Котурнн и кннжалъ
 Пернвой Талнн тазъ!
 Чья кннзъ мнѣ парисуетъ,
 Чья кннзъ скочманнруетъ
 Такой оригиналь!
 Гудъ рижку и съ *Чернакой*
Поданнн следа зметъ:
 Збнсь Кннзъ, прожитъ ночь дажонъ,
 Тамъ дремлетъ весь соннхъ;
 Въ трагическомъ смнтенн
 Надвншенн царь,
 Забнсь войну, сраженнй,
 Пернотъ въ кубарн...
 Изъ палочку-ль тѣшну,
 Что доброю порою

Тетради половину
 Наполнитъ дншъ собонъ!
 О та, та отъ Парнасса
 Бопрнть небольшой,
 Но таклаго Пеласа
 Наблнннкъ уладонъ!
 Намарашнн отъ
 Убранствъ чернотонъ,
 Глазеть нль розъ въ ронъ,
 Великъ, великъ Снстотонъ!
 Твой даръ цѣннть умно,
 Хотъ право, недатокъ;
 Но дѣсь тебѣ не смѣю
 Хвалн сплетать цѣнокъ:
 Снстотекнмъ должн слогомъ
 Снстотонъ воспѣвать:
 Но, убрнраен съ Богомъ!
 Какъ ты, въ томъ клннсетъ рать,
 Не стану я писать,

О вы, въ моей пустынѣ
 Любимые творья!
 Займите же отннхъ
 Беднечности часа,
 Мой другъ! весь тебъ я съ ннми,
 То въ думу удубнть,
 То мыслями своимъ
 Въ Едннй пренесенъ,
 Когда же на даватъ
 Нослѣннн думъ даръ
 Потонетъ въ яркомъ златѣ,
 И свѣтлые дары
 Смеркающеня пощи
 Цнннуть по небесамъ,
 И тихо дремлетъ рощи
 И морохъ по дѣвамъ;
 Мои тенн невннннкой
 Летаетъ пачо мной:
 И я въ тнннн пощон
 Слншо голосъ свой
 Съ пастушнцою воланнонъ,
 Ахъ! щастннкъ, щастннкъ тотъ,
 Кто днру въ таръ отъ Теба
 Во цѣнѣ твои полметъ!
 Какъ смѣланъ житель неба,
 Отъкъ въ солнцу воспарнтъ,
 Пренане смертннхъ станеть,
 И слава громко грншетъ:
 «Безмертенъ нѣдкъ нннъ!»

Но сю мнѣ ль горнться,
 Во мнѣ-ль безмернемъ днстнть...
 До следа я спорнть рать,
 Не бнль дншъ объ даклатъ,
 Какъ даць и мнѣ, быть можетъ,
 Печаль свою палочкнть
 Небесннй Аполлонъ!

обозначающей гр. Хвостова. Но имѣются и въ основаніи полагать, что въ данномъ случаѣ книга поставлена не самимъ Пушкинымъ, а переписчикомъ лицевой тетради гр. М. А. Корфа, либо же самимъ Пушкинымъ была употреблена дабы кому неизвестно, чтобы имѣть лазенку на случай, если стихотвореніе попадетъ въ руки начальства. Убо въ томъ, что рима «Чертаковъ» и «Систовъ» сличнымъ диамантедья, если предположить, что «Систовъ» поставлено страхомъ ради издѣлка въ сто «Барковъ». Въ свое очередь, рать допустить эту загадку, — а трудно было-бы не допустить ея, — позволительно предположить, что и въ словѣ «Чертаковъ» подлинный текстъ, что-бы намъ другаго и въ первый буквы, такъ какъ для произнесенія Баркова характерно быть убраннымъ не чертаковъ, а совсѣмъ друнаго произнесенія. Наконецъ, трубоватая рима, хотя и показывается въ раннихъ лицевскихъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Какъ ты, въ томъ кляешься рать,

Не стану я писать

дять въ этомъ мѣстѣ novelty подорывать, что и слова въ томъ кляешься рать, дабымъ дѣло шло, — по выраженію самого Пушкина въ другомъ мѣстѣ, — русскія шутки». Въ эти соображенія подтверждаются и словами Блшескаго, по которому въ «Городкѣ» Пушкинъ подываетъ всѣхъ своимъ любимымъ писателямъ очевидно, Блшескинъ знаетъ шесу въ синекд, тѣмъ въ бѣ были названы по именамъ, бѣдъ по мѣста Барона Систовамъ».

Кромѣ послѣднихъ, весьма гадательнаго, предположенія, въ остальныхъ предположенія г. Никольскаго чрезвычайно правдоподобны. Напрасно только г. Никольскій примѣнать дуть «переносчикъ» тетради барона Корфа, но ней см. въ концѣ тома. При чемъ дуть эта тетрадь, когда «Городкѣ» были напечатаны въ «Россійскомъ Музеумѣ» самимъ Пушкинымъ.

Майковъ не согласился съ мнѣніемъ своимъ критиковъ и во 2-мъ изд. I тома обозначилъ свою точку дѣнія такими словами:

Тотъ Систовамъ радуется гр. Д. П. Хвостовъ, получивши это предіе отъ Барюшкова, который въ послѣднй въ Букковому 1812 г. говорилъ

Свои стихотворенія

Читаетъ мнѣ Систовъ.

Въ ст. 382—386 «Городка» Пушкинъ также упоминаетъ объ удомительномъ чтеніи Систова. Слѣдуетъ заметить, что П. О. Морозовъ въ трихъ Гирона 1899, N 8, стр. 865 и 866 и Б. В. Никольскій въ Гиронскій Вѣстникъ 1899, г. LXXXIII, стр. 205 предположили, отнести ст. 216—221 не къ Хвостову, а къ Баркову, о которомъ говорится въ предшествоющихъ стихахъ; но упоминается объ удомительномъ чтеніи Система не позволяеть намъ принять эту догадку.

Послѣдній поводъ несогласія. Совершенно очевидно, что тотъ Систовъ, объ удомительномъ чтеніи» которого говорится и

въ стихахъ 382—386, ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, всего менѣе удомительнымъ писателемъ, литературный обликъ котораго набросанъ въ стихахъ 216—232.

П. А. Ефремовъ въ послѣднемъ изданіи 1905 г. отказывается отъ прежняго своего мнѣнія и въ пользу того, что здѣсь рѣчь не о Хвостовѣ, а о Барковѣ, приводитъ доводъ вполне рѣшающаго свойства:

У графа Хвостова, — совершенно справедливо говоритъ онъ, — вовсе не было стихотвореній, — предшвиныхъ печать, т. е. не подходящихъ подъ мѣтку цензуры, а прочія шкто-бы не стали переносывать, и въ особенности члены русскихъ силъ, трагускій солдатъ», подарившій эту тетрадь Пушкину».

Ст. 272. Не весь я предстаю тѣбѣю.

Майковъ почему-то думаетъ, что

въ этомъ стихѣ можно предположить пародію слѣдоващихъ стиховъ Державинскаго «Памятника»:

... Часть меня большая,

Отъ тѣсна убѣжавъ, по смерти станеть жить».

Почему же пародію? Общій тонъ предшествоющихъ стиховъ совсѣмъ не шуточный. Скорѣе это инстинктивное предчувствіе своего будущаго значенія и какъ бы первый эскизъ знаменитаго стиха «Памятника»

Штъ, весь я не умру.

Ст. 345. Маронъ — Виргилій.

Ст. 368—369. Кого жена по модѣ
Рогамъ убрала.

Очевидно, намекъ на сказку Дмитріева «Моя жена», гдѣ молодая жена ставитъ рога старому мужу.

Ст. 372—384. А и силу смрешю

Въ мечталахъ удубленныхъ

Не мечтала се,

Ни рима Удалова.

Такъ ильгода Систова

Въ стоидѣ я внимала.

Мы печатаемъ эти стихи такъ, какъ они напечатаны въ «Россійскомъ Музеумѣ». Въ этомъ же видѣ они напечатаны въ послѣднемъ изданіи 1841 г. и во всѣхъ последующихъ. Въ академическомъ Майковъ.

1. По чтенію Майкова.

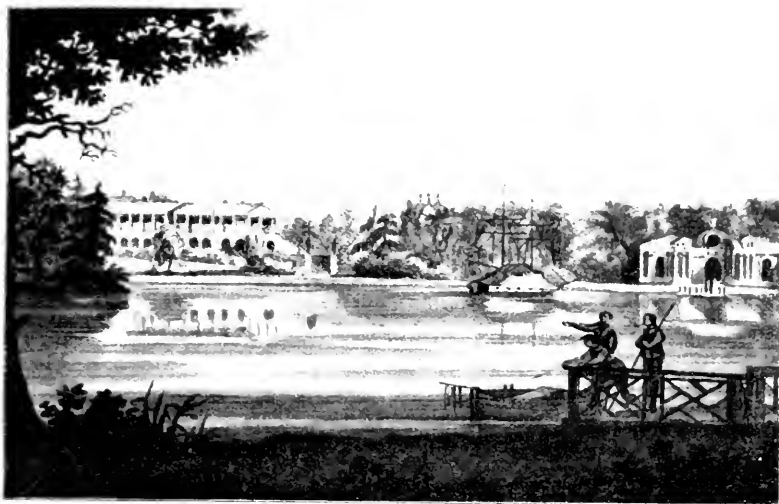
На рима удалова

Такъ ильгода Систова

Въ стоидѣ я внимала.

Когда свой гирона

Онъ съ даромъ мнѣ читала.

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ОЗЕРО ВЪ ПУШКИНСКИЕ ДНИ.

Современный рисунокъ академика Лашера, Спб. 1820 г.

Силъ горючимъ свѣтомъ,
 Безрешетнымъ полетомъ,
 Владею на Геликонъ,
 Не весь я предать глупо:
 Съ моск., быть можетъ, глупо
 Подушницей порою
 Силья Обза молодой,
 Мой пращукъ просвѣщенный
 Бесѣдовать придетъ
 И мною вдохновенный,
 На дѣрѣ воздохнетъ.

Покажетъ, другъ бездѣшныи,
 Камнемъ освѣщенный,
 Силу и погнѣ окномъ
 Съ бумагой и съ перомъ,
 Не слава прето мною,
 Но дружбою одною
 Я шибѣ вдохновенъ,
 Мой другъ, я шастливъ еси:
 Почтожь ея сестрой,
 Любовно младой
 Напрасно пламенью?
 Уль юности длатой
 Вѣще таи мѣ роза,
 И дѣть павѣи слеза
 Въ юнѣб, гѣ рѣдѣтѣ.

Мой горестный удавѣ!...
 Пшва сонупникъ милои,
 Мечтанье легкорыло!
 О будь же ты со мной,
 Дай руку слатострастью,
 И съ машей круговой
 Веди мѣя ко шастью
 Забвѣннѣя троной:
 И въ часъ безмолвной ночи,
 Когда звшивши макъ
 Нокроеть томны очи,
 На вѣрѣнѣхъ крылахъ
 Примчѣсь къ мой юмкѣ гѣснов,
 Тихомѣко постучѣсь,
 И въ тишинѣ прѣстѣной
 Съ любимѣмъ обнимѣсь!
 Мѣча! въ волшебной слѣнѣ
 Мѣвъ млдую лѣнѣ,
 Мой свѣтъ, мой добрый тѣнѣи,
 Прѣметъ мѣя добѣи,
 И бласѣкъ очѣи небѣстан,
 Лѣвшѣхъ огнѣ въ сердца,
 И Градѣи стѣнѣ прѣстѣннѣи,
 И свѣтъ ея дѣнѣ:
 Прѣтѣлѣвъ, что на колѣннѣхъ
 Нокроеть у мѣя,
 Въ порѣнѣннѣхъ томѣннѣхъ

индоломъ словомъ не объяснивъ, чѣмъ онъ въ данномъ случаѣ руководствовался, писатель это мѣсто такъ:

А я силку смиренно,
Въ мечтанныхъ мѣдубешю,
Не слыная ея,
На рюма улова
Еавъ пѣвои и Свистова
Въ стоишѣ я и вшмать.

Н. О. Морозовъ въ своемъ изд. 1904 г., принявъ редакцію Машкова, съ похвалою отбѣдился въ примечаніяхъ къ тому, что Машковъ исправилъ «лишнюю опечатку» «Россійскаго Музеума» Н. А. Ефремовъ тоже принявъ незамысловатую поправку Машкова.

Мы, однако же, рѣшительно отказываемся принять поправку Академическаго изданія, «На рюма улова» это характеристика очень дѣстная, въ какой стать Пушкинъ сталъ бы прилагать ее къ безпарному, удлинненному Свистову-Хвостову?

Все это мѣсто, впрочемъ, намъ тоже кажется некаженимъ какими онепачками. Тутъ нетокустимая неграмотность: внимають кому нибудь, а не кто нибудь, и нельзя сказать Свистова и вшмать.

Горотокъ — часть подлиннаго текста въ видѣ писателев, погъ вѣянемъ, которыхъ нѣтъ умственного развитіе. Впрямую нашего изданія не входитъ сообщеніе събѣнни о такихъ общезвѣстныхъ величинахъ, какъ Гомеръ, Виргиліи, Гораций, Гаскъ, Аристотель, Рабинъ, Мольеръ, Руссо, Ланарикъ, Лафонтенъ и др. русскихъ, Державинскъ, Гюгненькъ, Бродовъ и др. Но мы не имѣемъ дѣла съ небольшимъ отрывкомъ о малоизвѣстныхъ Вералье и Грекурфъ, а только дадимъ дѣлать объ означенныхъ столь большое вліяніе на Пушкина Варинъ. Изъ

русскихъ писателей, упоминаемыхъ въ «Гороткѣ», намъ замѣтку о совершенно забытомъ теперь кн. Д. Н. Горчаковѣ.

С. Венгеровъ.

ЖАКЪ ВЕРЖЬЕ 1655—1720.

Вержье — ошнѣ изъ думныхъ подражателей Лафонтена, авторъ чрезвычайно-фривольныхъ и шутливыхъ сказокъ, разсказанныхъ отъ лица простотой и юморомъ. Его предназначали къ духовной карьерѣ, но, отказавшись отъ намѣренія стать священникомъ онъ сталъ академикомъ на бакалавра и поступилъ на морскую службу. Онъ велъ легкомысленный образъ жизни и умеръ, убитый разбойниками знаменитой шайкой Каргуша.

Сказки Вержье — типичные образцы эротической литературы того времени. Главная ихъ дѣль — позавѣщать читателямъ описаніемъ пикантныхъ сценъ, а главное искусство — дать все понять, ничего не называя, прикрывая грубость сюжетовъ поэтичностью образовъ, юморомъ положеній, шуткой подумамковъ. Вержье частію пересказывалъ наиболѣе рискованные боккачьевскіе сюжеты въ Rosignol и др., а частію образъ сюжетовъ изъ французской дѣйствительности, главнымъ образомъ изъ крестьянскои среды. Въ сущности, онъ пользуется почти всегда однимъ и тѣмъ же приемомъ представлять ту или иную пикантность молоденькими дѣвчушками, которая дѣлаетъ ихъ героинями самыхъ откровенныхъ эротическихъ похотеній. Контрастъ добра кажущаго провинщенія и бездѣлательнаго отношенія къ нимъ главнымъ участникомъ и составляетъ пикантность сказокъ. Это классическій приемъ небувъ провинщенія такого рода, и Вержье погъ по это

Фронтисписъ соч. ВЕРЖЬЕ, съ его портретомъ, изд. 1720 г.

Склонилась она
 Ко другу грувно страстной,
 Устами на устах,
 Горько лицо прекрасное
 И слезы на глазах!...
 Ночью срыдан недримой
 Уже детинь на выль?
 Обманешь и пропасть
 Вблуде неводратимой!
 Не слышишь плачь и стоны,
 И гдѣ крилатый сонъ?
 Намеднь обманшитель,
 И въ сердцѣ грусть-мушитель.

Но все ли, милый другъ,
 Бить счастья въ дюймовъ?
 И въ груди томный духъ
 Выходить наслажденье?
 Люблю я въ дѣвнн день
 Бронить одинъ съ тоскою,
 Встрѣчать вечерню тѣнь
 Насыткою рѣкою,
 И съ сладостной слезою
 Въ даль сумрачну смотрѣть;
 Люблю съ моимъ Марономъ
 Ночь лѣтнмъ небоклономъ
 Блнз озера снтьѣть,
 Гдѣ лебѣнь близорыбной,
 Остави дѣкъ прибрежной,
 Любви и звѣнъ польнъ,
 Съ покрутою своею,
 Закннмъ гордо шено,
 Наметь во дѣлѣ волю,
 Или для развлечения,
 Остави книжъ уметь,
 Въ досужной мнѣ часокъ
 У добренькой старушки
 Душистымъ ншо звѣкъ;
 Не подожу я къ ручѣ,
 Не шарканъ преть пей;
 Она не прнблаетъ,
 Но позчасъ и вѣстевъ
 Мнѣ провасть наблаетъ,
 Газета собираетъ,
 Со вѣбуъ она сторонъ,
 Все свѣдетъ, ушаетъ;
 Кто умеръ, кто влобаѣтъ,
 Кого жена по мотъ
 Ротами убрала,
 Въ которомъ огоротъ
 Бануса црѣтъ вѣдъ,
 Ома свою ходнку
 Ни да что выказъ,
 Антошка балаганку,
 Штрап разломатъ,
 Старушка все разскажетъ,
 Межь гнмъ какъ любу вжеть,

Болтаеть все свое:
 А я свѣду смиренно
 Въ мечтаникухъ углубленною,
 Не слушаю ее,
 Ни рѣкома Удлова,
 Такъ пѣкогда *Светлана*
 Въ столицѣ я вшнмалъ,
 Когда свои творенья
 Оны съ жаромъ мнѣ читалъ,
 Ах! видно Богъ вѣталъ
 Тога мое терпѣнье!

Навѣ добрый мой советъ,
 Семидеати днѣъ,
 Уведеннанъ отъ службы
 Майоромъ отгашнмъ,
 Довелъ меня нлѣ дружбы
 Хлбѣ-солѣ откушать съ ншмъ,
 Вечернюю шрушкю
 Старикъ развеселилъ,
 Да тѣловскою кружкой
 Въ прошеднемъ углубилъ,
 Съ Очаковскою металю
 На раненомъ груди,
 Воспоминтъ ду баталью,
 Гдѣ роты вперетъ,
 Дѣтѣкъ на встрѣчу славы,
 Но встрѣдился съ яромъ,
 И паль на долѣ кроваванъ
 Съ булатнымъ паданемъ,
 Вста я рать душою
 Съ нимъ время проножатъ,

Но, Боже, виновать!
 Я каюсъ преть тобою,
 Служнстелъ твоихъ,
 Поновъ я городекнхъ
 Боюсъ, боюсъ беснмъ,
 И свѣтебна обнѣъ
 Зѣтѣмъ дншъ не терпѣю,
 Что седѣкнхъ теренъ,
 Какъ Пана Гудевъ,
 Я вовсе не люблю,
 А съ ними врочковатнхъ
 Подлѣтскнхъ паротъ,
 Дншъ влѣкнми богатнхъ
 И лѣбна оцотъ,
 Но, другъ мой, есть ли вкорѣ
 Ушнхъ я съ тобою,
 То мы уошмъ горе
 За чашей круговой;
 Тога, влѣнхъ богами
 И слово уаъ сѣрку,
 И съ сельскнми понами
 Молебень отодуку.

намаь другихъ, пользуется имъ. Кроме обмѣннхъ мотивовъ, разсказы о монахахъ, доунопрѣбляющихъ простотою молоденькихъ посланкою на эту тему въ Веркѣ есть очень грубая сказка. Веркѣ рисуетъ часто крестьянъ и крестьянокъ, соимѣющихъ глупость съ прощаршествомъ. Отной изълучшнхъ сказокъ считается «Le Tonnerre», въ которой психологическая правдоподобность крайне безцеремонно приносится въ жертву ннкантности положеннхъ и юмору. Въ «Fille Violée» высмѣивается опять глупость крестьянки, которая подаетъ жалобу на своего обидчика, а на судѣ сама выдаетъ свое какъ будто выужденное обстоятельство — содѣявше суму. Во всѣхъ сказкахъ есть несомннвно — литературно-юмористическая жилка. Стихи Веркѣ гораздо нже по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Кроме сказокъ онъ писалъ басни, дастоппныя шени, новеллы и разсказы въ стихахъ и прозѣ. Наиболье полное изд. Oeuvres 1780, 3 т., Contes et poésies érotiques, 3. В.

ЖАНЪ ГРЕКУРЬ.

Жанъ Баптистъ-Жозефъ Вилларъ де Грекуръ, род. въ 1684 г. въ Турѣ, ум. тамъ же, въ 1743 году. Онъ принадлежалъ къ числу эротическимъ и анакроническимъ стихотворцевъ XVII-XVIII вѣка, прославившимъ насмѣхъ юнею жизнью, желавшимъ быть остроумными, оживленными и ннкантными, почти всега впаавшимъ въ откровенныя, грубопатыя шнцнзмъ и, по болншей частн, лишннхъ насстоппно поэтнческаго царованнх, непосредственнаго чувства. При всемъ его легкомыслнн, любви къ веселымъ шушкамъ, прнстрастню къ нецеремоннымъ разсказамъ, Грекуръ, нампая съ 13-ти лѣтняго возраста, численоя катошскомъ ономъ и въ Турѣ, прнхотю, прнчемъ, на службѣ вноснствствн была только номинальною, такъ какъ, по свнѣдѣннхъ современниковъ, онъ въ всю свою жизнь ордннхъ только одну проповѣдь.

Типичный эскуросецъ, Грекуръ тщательно избѣгалъ сколько нибудь обременительной работы и смотрѣлъ на занятнхъ литературою, какъ на изнншно и прнятную забаву; онъ писалъ свои шени, басни, мелкнхъ стнхотвореннхъ для тѣснаго круга друзей и собутельниковъ, мало думая объ остальной публикѣ, иногда импровизирова въ или другнхъ произведеннхъ къ веселой компанн. Стиль отличается у него подчасъ большою легкостью; на современниковъ влнл также его остроумнх, способность вести оживленную, веселую, лишннюю глубокаго содержания бесѣду. Любнтели легкаго чтеннх и послѣ смерти Грекура старались сохранить это творчество отъ забвеннх, — этимъ объясняется появленнх нухъ изданнх его сочиненнх при жизни стихотворца его произведеннх не были напечатаны: въ 1747-мъ и 1764 годахъ. Ю. В.

АББАТЬ ГРЕКУРЬ. Съ гравюры 18-го вѣка.

Писатель-третьяго или четвертаго ранга, Грекуръ въ безстыднншей порнографн, никакого литературнаго интереса не представляетъ. Но въ срѣдѣ русскаго барства, судя по Вольтеру, главнымъ образомъ была популярна только какъ авторъ «Pucelle», Грекуръ, несомннвно, пользовался широкою извѣстностью; иначе онъ не попалъ бы въ записную тетрадь Пушкина, наряду съ крупнншнми писателями. Мы хотѣли было для ознакомленнх съ тою эротическою литературою, которая такъ жалко подала юннхъ лиценствъ, привести кое-что изъ Грекура, но толжны были отказаться отъ своего намѣреннх. Русскаго пергамина бумага очень стнплива и такой порнографн не выноснть. Фед.

Кн. Д. П. ГОРЧАКОВЪ.

Князь Дмитрн Петровичъ Горчаковъ, единственнх сынъ дворянина Костромскаго губ., князя Петра Ивановича Горчакова, родился 1-го января 1758 года. Получнвъ хорошее домашнее воспитаннх, онъ юно-

32-33. ЭПИГРАММЫ.

1.

Аристе намъ обидать Трагедю такую,
 Что всѣхъ отъ жалости въ театрѣ зарекутъ,
 Что слеза зрителей рѣкою потекутъ.

Мы ждали Драму золотую,
 И что же? доказалъ и нечего сказать,
 Достоинству се не льзя убавить вѣсу,
 Ну право удалось Аристу написать,
 Прекрасношу піасу.

2.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ .

Судруго твоей я такъ навишелъ,
 Что естлибъ три въ утѣхъ остался мѣхъ,
 Подобная во всемъ твоей женѣ,
 То заромъ твою жьбь отдавъ санамъ,
 Чтобъ третью лишь принять оны согласилъ.

1.. 14 - 16. —

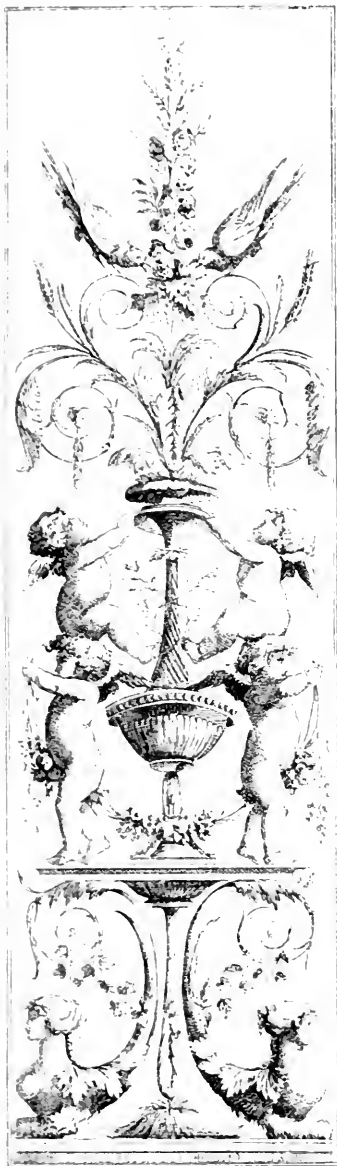
34. ВЕСЧАСТІЕ КНИГА.

Внукъ Третьяковского Книгу текламетромъ, пѣ-
 сенки пишеть,

Противу ямба, хорей дубой ужасною пишеть:
 Мѣра простая сія все портитъ, но мнѣшю Книга,
 Смѣсь за губиваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ
 пѣна.

Спорить о томъ я не смѣю: пусть оны бедни-
 чамъ поносятся,

Ямбъ охладить ромача, текламетры жь оны
 заморозитъ.

ней вступила въ военную службу. Была адъютантомъ кн. П. С. Гагарина, потомъ служила канцеляномъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ обратила на себя вниманіе Суворова. Въ 1780 г. вышла въ отставку въ чинѣ секундъ-майора и заняла сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи въ Тульской губ. Дня сбыта заточеннаго въ его деревню полкова кн. Дмитрій Петровичъ отправился въ армію, вѣсткованіемъ тогда противъ турокъ. Здѣсь онъ вновь встрѣтился съ Суворовымъ, вступила въ строй и участвовала въ штурмѣ Измаила (1790), при чемъ получила тяжкую рану, отъ которой страдала потомъ всю жизнь. При Александрѣ I кн. Горчаковъ была гвардейскимъ губернскимъ прокуроромъ и правителемъ дѣлъ въ молдавской арміи, при главнокомандующемъ кн. М. А. Голицынкѣ-Кудуловѣ, съ которымъ въ 1812 г. возвратилась въ Петербургъ. Въ 1813 г. мы видимъ князя уже вице-губернаторомъ въ Костромѣ. Въ 1816 году онъ вышелъ въ отставку и проживалъ послѣдніе годы своей жизни въ Москвѣ († 1824 г.).

Князь Горчаковъ сълѣлъ образованнымъ человекомъ и даже вольтерянцемъ. Однако, это вольтерство не было воспринято слѣпо. Новизному, кн. Горчаковъ гораздо больше цѣнилъ въ Вольтерѣ драматурга, умнаго философа и политика. Вольтерянство не помѣшало ему вѣвать въ рясы охранителей-шишковистовъ. Въ 1807 г. онъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи, а въ 1811 членомъ Бесѣды любителей русскаго слова, по 1-му разряду, гдѣ претѣвствовало Шишкови. Впрочемъ, кн. Горчаковъ сумѣлъ установить одинаково добрыя отношенія съ людьми разныхъ направленій. Его оцѣнѣ цѣнили адмиралъ Шишкови и С. Е. Аксаковъ, примыкавшій тогда къ шишковистамъ, но также и Карамзинъ арзамасецъ-Военковъ въ своемъ «Парнасскомъ Адресѣ календарѣ» далъ ему такую характеристику: Князь Д. П. Горчаковъ, вѣстительнаго полка дѣлекуртъ при высказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, лѣбна и грабительства, имѣеть въ послѣдствѣ дарованіи дѣтъ съ патиснаю «за сатира».

По словамъ биографа, кн. Горчаковъ «не обладалъ ни терпѣннѣмъ, ни выносливостнѣ, увлекался въ военную службу, но сельскому хозяйствомъ, на радѣ выходилъ въ отставку и, несмотря на личную храбрость и несомнѣнный достоинствѣ, кончилъ свое служебное поприще въ чинѣ

коллежскаго совѣтника. Литературой онъ также занимался урывками, отъ оперъ переходилъ къ сатирамъ, писалъ повѣсти, поэма, — но весьма мало занимался о распространѣніи своихъ произведеній, большая часть которыхъ и осталась неизданною, отчасти по его бедности и равнодушію къ литературной славѣ, отчасти потому что изъ его стиховъ было много прнхвату и коверканныхъ личностей». Въ примѣрѣ называюеть Neel, не тождѣстнй то васк, гдѣ изобрѣженъ Д. П. Фомъ-Визннъ. Драматическія произведенія кн. Горчакова, писанныя еще въ восьмидесятихъ годахъ, при матушкѣ-Екатеринѣ, исполнены по старому, дожно-классическому шаблону и не выдѣляються изъ ряда пѣснь, революціоннымъ «Россійскій Оцарь». Достаточно перечислить нѣсколько вѣстующихъ тѣмъ лицъ: Павлира, Милокоръ, Претеста, Скопномъ, Петиметръ, Влзкннъ. Но сумароковскіи традиціи изобличаются кривоумнѣ, влзкннство, крочкочорство, иной радѣ не бѣдѣ влзкнннн. Вотъ пѣсенка чебогара Абдулла изъ комчнѣ оперы «Халифа на часокъ:

О суднѣ, суднѣ паутии,
Разорете на пакѣ,
Васъ просете бѣвшн
Тцетно молдѣ великн радѣ,
Вашн тунн бутто кровн,
Понасе къ вамъ дншѣ въ рудн,—
Радѣ коку на содрѣтѣ,
Васъ не тронутъ голн слезн,
И у васъ сердца желѣзн
Добавкѣ только влзкнн братѣ.

Кн. Горчаковъ въ своихъ литературныхъ вкусахъ прнтерживался старато классицизма, не одобряя сентиментализма и въ стихахъ давалъ «слово Стерна» Карамзина. Однако, онъ не избѣгалъ влзкннн новои литературы, и его «Россійскнн повѣстѣ», «Пламя» и «Радѣ» написана въ духѣ «Страннн юнаго Вергера».

Изъ сочиненій нашего автора наибольшимъ успѣхомъ пользовался его сатира. Онъ широко распространялся среди тогдашннхъ читателей и охотно списывался въ дѣлнннн тетради альбомы. Въ шишковистескн «Бесѣдѣ» кн. Горчакова включали также «нашнн Ювеналомъ». Неудал сказать, чтобы его сатира была очень серьез-

1. Поэма то васк не тождѣ, такъ какъ рукописи сгорѣли въ теревѣ. Кн. Горчаковъ писалъ также пѣсенн, очень нравившнся Державнну, и прнчнѣ II, II.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ РАЗУМОВСКІИ.
Портретъ, находящійся въ Академіи Наукъ.

35. НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣсть ленту голубую,
Бось съ нимъ! и перуть никому:
Данъ Божь и царствія небеснаго ему.

36. ЭПИГРАММА НА ПОЭМУ КНЯЗЯ С. А. ШИРИНСКАГО
ШИХМАТОВА.

Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ
Шли спасенія Россіи;
Слогъ темень, важенъ, напыщенъ
И слазки словеса пустыя.

на и была прямо въ глаза. Авторъ не углубляется въ связь явлений и, подобная недостатку и уродливости общественной жизни, не задается вопросомъ, что нѣтъ создать и что могло бы нѣтъ устранить. Не мудреному дукаво, кн. Горчаковъ отмѣчаетъ въ своихъ сатирахъ:

Что блескомъ золота дуракъ толпу сдѣлалъ,

Что по приданому лишь дѣшится невѣста.

Что хомить человекъ съ способностью безъ мѣста,

А съ покровительствомъ—у должности глумецъ.

Что телами воевать ассессорство воецъ,

Что Судановъ себя лишь въ пушищѣ зрять отраву.

Кое-что въ сатирахъ сводить политическн консерватизмъ, решено обертающей старое устои и добрые манеретекіе права. Такъ, въ «Послании къ кн. Долгорукову», сатирикъ громить либеральнаго юношу, который

... я рожаю свѣтъ къ стащу не умѣлъ,

Сутьи рѣшито, сутьи правленіе свѣтелъ,

И на губахъ не такъ обохнулъ моводу,

Претягиваю владеть болячку ялаку;

Но мотъ—врачъ шорить, но мотъ—грудь паровъ,

Свободо павиень, не диво, что свобода,

И въ клубѣ англійскомъ прехрабрыи молодецъ!

А на воищѣ такой юноша, будто бы, непременно трусить и не хочетъ знать военныхъ наукъ, «кои днать шориства есть удыль». Въ «Святки Нустону», увѣщая этого пеметра бросить «свѣтъ» и поухать къ переню холмичать, авторъ поучаетъ его:

Смотри, чтобъ у тебѣ крестыи не двинисъ,

И приблблито себя и обществу трудилисъ.

Но если не претъявлять къ сатирахъ кн. Горчакова большаи требованіи, то онѣ претъставляютъ замѣтное литературное явленіе. Авторъ хорошо знаетъ бытъ современнаго шорискаго общества, не кренио возмущается уродствами въ общественномъ быту и длюнон требованіи събытими и шами, бывае съ способень къ значительному поэтому гражданскаго чувства и мотъ бутьи общественною мыслью. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣнить думною иль возмѣншумъ то насъ сатиры кн. Горчакова «Послание къ князю С. П. Долгорукову». Названіиа иль началъ XIX столѣтій, дало то гробовонской ю мети, сатира напоминаеть монологу Чацкаго «А судьи кто?» и по разбѣру стима, и по настроенію, и по затронутымъ темамъ. Такъ, обичай дотарблѣе илтомичество и

мошеничество при поставкахъ въ дѣиствующую армию, сатирикъ громить военнаи подрядчиковъ, которые

Корыстолюбивъ вѣбмъ жертву кумиру.

Готова поднести за грошъ погибель міру.

Хоть и стѣдальсѣ они, рождая блѣднѣи пыма

Сотлагамъ падубия картони и мума.

Но покровительство воествъ себѣ иль платя,

Ведикобншамъ возмизнуи палаты,

Даютъ и праздники, и балы, и столы,

За юнии дѣтегѣ вѣнчавотъ имъ свадьбы¹.

Наибрѣе, въ рукошннхъ сатирахъ кн. Горчакова, «не бывавшумъ въ цензурѣ», найдутъ и другіи, еще болѣе рѣзкіи и прямыи филиппики. Теперь онѣ скрыты отъ взоровъ историка литературы въ стариннаи пожелѣвшнхъ тетрадахъ тогдашнихъ любителей стуховъ.

Къ числу такихъ любителей принадлежалъ и лицензѣ Пушкинъ. Описывая въ «Горько!» 1814 березко и оцаслню хранимую «спогаенною» свѣтшную тетрадь», заключающую «сомненія, претрѣщиа печатъ», Пушкинъ отмѣчаетъ, что въ ней были и сатиры кн. Горчакова. Онѣ дѣшлтъ нѣтъ очень высоко:

О, князь, и претравка музъ и т. д.

Въ «Послании къ В. А. Пушкину» 1817, говоря о своемъ желаніи поступить въ военную службу, Александръ Сергѣевичъ содлащаетъ, что

Свѣшени, конечно, мирнаи воищ.

И ширатима самон дивон

Въ вѣнчавотъ. Свѣтѣмъ онѣ востонкъ.

«Святки» Noël — стихотвореніе кн. Д. П. Горчакова, долго хотѣвше въ обществѣ въ рукошн и не попавшее въ печатъ при жизни автора не свѣшивать съ другими «Святками», упомянутыми выше, гдѣ изображенъ Д. П. Фонъ-Видлинъ. Здѣсь затѣваются члены шинковской «Бѣлыи», министръ финансовъ гр. Гурьевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Колодаевскіи, адмиралъ Чичаговъ и многіе другіе. Упомянутое Пушкина о «мирномъ воищѣ» относится къ

1 Ср. у Чацкаго:

Не дн дн, гравителствомъ богаты,

Длгити отъ суца къ трулвѣмъ шани, въ ролетѣв,

Ведикобншамъ сооруда палаты.

Етъ разнѣвотѣ въ ширахъ и мотовищѣ,

И гдѣ не вострѣать вѣнчѣи шотранцы

Промѣшнотѣ днать подѣшнншѣ перты.

Иль и кому иль Москва не дѣкамаи рты

Обичаи, улашн и ганца!

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ПАРКЪ ВЪ КОНЦѢ ХУДШ. ВѢКА.
Съ рѣзкой акватинты Менера — отъбавленіе гравюра Эрмитажа.

37. ВОСПОМНЕНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нашъ покровъ устроеной пощи
 На сводѣ дремлющихъ небесъ:
 Въ безмолвной тишинѣ почли дождь и росы,
 Въ своемъ туманѣ дальній дѣсъ:
 Чуть слышится ручей, бѣдущій въ сѣнь дубрава,
 Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листьяхъ,
 И тихая луна, какъ лебедь величавый,
 Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и близкими лучами
 Претмыты освѣтила вокругъ:
 Ален древицкхъ лишь открылась предъ очами,
 Проглянули и холмы и дугъ,
 Здѣсь, вижу, съ голубомъ сидѣлась младая ива
 И отразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ,
 Нарядней средь полей дилетъ торжественнѣ,
 Въ роскошной красотѣ цвѣтеть.

Съ холмовъ кремнистыхъ возношны
 Стелются бисерной рѣкой,
 Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются Цапля
 Его дѣшвою водою:
 А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
 На свода опершись плещутъ къ облакамъ,
 Не здѣсь ли мирны или вели дѣшныя боги?
 Не се-ль Минерва Россіи хрѣмъ?

За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ моего отца,
 котораго талантъ такъ много обидаетъ.

генералу Кикину, давшему отставку в 1814 г., среди военных действий:

Являю Кикину тушь, оны первая тушь побѣды.
Оны тушь, и въхъ царствъ и въхъ премьей,
Оны въ арміи— бесѣда плечи.
А генералъ— въ бесѣдѣ.

Такъ, для исторіи духовнаго развитія Пушкина отмѣтимъ, что молодой поэтъ, давно воспитавшии литературная и общественная воззрѣнія, не обогатил своимъ вниманіемъ и сатиры кн. Горчакова. Добавимъ лишь кстати, что кн. Дмитрій Петровичъ присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ въ Лицѣ въ 1815 г., когда Пушкинъ успѣлъ сдать экзамена державина. Позднѣе, въ 1828 г., Пушкину пришлось еще разъ упомянуть рукописную сатиру кн. Горчакова. Г. сенаторъ этого года оны писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Мнѣ навѣдалась на шлю предельная тушка. До правительства толпа, наконецъ, «Гавриланца» принизивають се мнѣ: понесли на меня, и я, вѣроятно, отыщу съ тучкой провала, если Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность». Пушкинъ хотѣлъ свалить отвѣтственность за «Гавриланца» на умершаго автора рукописныхъ сатиръ. Было ли это замѣленіе правдиво, и кто подлинный авторъ «Гавриланца» въ настоящемъ планѣ, этому вопросу будетъ посвящена особая статья.

ВЪСЬ ПОГРАФОНЪ. I. Второе собраніе сочиненій кн. Горчакова издано въчужомъ сто, издательство Успеню Горчакову въ 1890 г.: Сочиненія князя Д. П. Горчакова, Москва, УИ: 17 стр. 31 въхъ помѣщенъ. 1. Калфа, двъхъ, комическая опера въ 3 хъ дѣйств. 1786. 2. Швацкая Саша, комическая опера въ 3 дѣйств. 1786. 3. Бабя Дѣа, комическая опера въ 3 хъ дѣйств. 1788. 4. Писель, къ пріятелю, или безиррастриан дригелъ, стихъ. 1791. 5. Пазыри и Рампа, романска повѣсть. 1796. 6. Пѣхъ сатиры. Посланіе къ кн. С. П. Толорскому. 7. Сербскъ Пустому, стихъ. 8. Огирновскъ, къ сатиры. Оны и я. 9. Огирновскъ, къ комети. Веземчанъ. 10. Русскому пошину Чакарата, переть. 1812 г.: Въ это изданіе не вошли и также не перечислены въ немъ, многа произведенія кн. Горчакова, въ свое время принадлежавшія въ первоначальныхъ изданіяхъ. Приводимъ списокъ тухъ по матеріаламъ литературнаго архива С. А. Венгеровъ. 11. Мои дѣла, Аштинъ. 1796, кн. I стр. 87. 12. Матрилатъ, ібухъ, стр. 90. 13. Портретъ, ібухъ, 91. 14. Къ родѣ, 138. 15. Ода, I, II, III, IV, 188. 16. Стихи П. М. Спирининой. На предѣланіе ея въ Лицѣ. 1801. 17. Прощаніе, 1801, стр. 17. Стихи, ібухъ, ібухъ, 1801, стр. 18. Писель, къ П. П. Хвостову, стихъ, ібухъ, 19. Писель, къ кн. С. П. Г. Толорскому, ібухъ, 20. Писель, къ М. А. Шинкову, стихъ, ібухъ, 8. 21. Стихи, ібухъ, 22. Ода, Спиконство, ібухъ, 1801, II, 23. Проза, Пустышки и Форуна, ібухъ, 24. Стихи къ

другому моему П. П. Шинкову, стихъ, ібухъ, 1806, 3. 25. Проза: Зѣбри, божаніе чудное, ібухъ, 4. 26. Писель, Фрола, стихъ, ібухъ, 6. 27. Аше и Аш, стихъ. Писель, къ бесѣдѣ побѣденіе русскаго слова, 1811, I, 28. Веземчегъ, стихъ, ібухъ, 29. Бесѣда о суетности, Къ А. С. Хвостову, стихъ, ібухъ, 1812, 7. 30. Бесѣда о ушенинѣ, къ А. С. Гаринову, ібухъ, 1813, II, 31. Стихи на изданіе неприятеля въ Россіи, Стихъ Отечества, 1813, X, 32. Писель, къ издательству, ібухъ, 1814, X, 21, стр. 79. 33. Стихи, X, 9. Писель П. Огир. Акатъ, Писель, 1903, I, VII, кн. 3. 34. Соловей, ібухъ.

Ср.: Горчаковъ С. М. Донцовскы. Русскъ Старина, 1871, XII, 681—682. 2. Сошенинъ К. П. Балтошскыя, I, II, III, 648—650. 3. Е. Г. Петровъ, Вѣст., 1890, X, III, 873. 4. А. Цитовскъ, Словарь писателей Костромскы ібухъ, 5. С. А. Венгеровъ, Писель, словарь русскъ писателей, т. II, 79. 6. Библиографъ, Записки, 1892, томъ 3—4. С. П. Брандоловскы, 7. А. Галаховъ, Исторія русской словесности, т. II, изд. 3-е, 1894, стр. 357—360. 8. М. П. Сухооминскы, Исторія Россійской Академіи, т. VII, 9. Театръ и искусство, 1899, X, 18. 10. С. П. Жихаревскъ, Записки, 12, 292, 301. 11. Энциклопед. Словарь, Брокгауза и Ефронъ, М. М., 12. В. В. Балдашны, Материалы и замѣтки по исторіи русской литературы, I—II. Стихи и Соловей кн. Д. П. Горчакова, Писель П. Огир, русскъ языка и словесности Академіи Наукъ, 1903, I, VII, кн. III, стр. 357—374.

Н. Писановъ.

32. ЭПИГРАММА: АРИСТЪ НАМЪ ОБЪЩАТЬ.

Въхъ въ слѣдующей эпиграммѣ, эта пошла въ первую книжку «Рос. Музеума» 1815 г., следовательно относится еще къ 1814 г. Специальной пошны не имѣла, и общая для общихъ эпиграммъ пошны I, 14. 16 стр. 132 помѣщена похвалитору. Печатаемъ эту эпиграмму въ орфографіи «Россійскаго Музеума». При жизни Пушкина эпиграмма не перечитывалась и впервые напечатана въ изд. Анненкова, Анненковскы въ послѣднемъ стихѣ самовольно подчеркнулъ первое слово:

прежа госку шесу.

и въ этомъ издѣ она перешла по въхъ послѣдующія изданія, кромѣ Академіскаго и П. О. Морозова 1904 г. Двойной смыслъ слова «прежаство» ясенъ и безъ подчеркнутаго.

О какомъ «Аристѣ» рѣчь, сказать трудно. Машковъ предполагаетъ, что если употребить въ «Аристѣ» изд. послѣдній «Къ другу стихотворцу» Кюхельбекера см. стр. 67, то и тушь надо предполагать въ смѣлку надъ Кюхельбекеромъ. Но писатель въ 1814 году 15-лѣтній Кюхельбекеръ

«ВОДОНАДЫ» ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ПАРКА.

Изъ альбома «Доблестный воинъ Царскаго Села». Силмакъ и на камнѣ, рисоваль восточникъ Императорскаго Дома Вадимовъ Денисъ. 1820.

Не селъ Ендіумъ полнощный,
Прекрасной Царско-сельской сать,
Гдѣ льва сразилъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На долѣ мира и отрадѣ?
Увы! промчался гдѣ времена даяла,
Когда палъ скапетромъ великій Жена
Вычала славю щастливая Россія,
Цвѣтя палъ кровомъ ошпины.

Здѣсь каждой шагъ въ душѣ развѣсть
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воздрвилъ вокругъ себя, со вздохомъ Россю вѣщаетъ:
«Нашедо все, Великой вѣтъ!»
И въ думу углубленъ, палъ длачными бретами
Синь въ безмолвіи, склоня вѣтракъ слухъ,
Протекшіи лѣта мелькають преть очами
И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Опъ витилъ: окруженъ волнами,
Палъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ * . Ширяся крылами,
Палъ пимъ синь орелъ младон,
И цѣпи глжккія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грохатаго столпа трикраты обвилася;
Крутомъ поножія, шумя, калы събѣя
Въ блестящей пѣнѣ ухалися.

* Въ честь Графу А. Г. Орлову-Чесменскому. Принад. ред. Рос. Музеума. С. В.

трагедій? Объ этомъ изъ біографіи его ничего неизвѣстно, а потому осторожнѣе усмотрѣть здѣсь эпиграмму на какого-нибудь изъ тогдашнихъ поставщиковъ «прежалостныхъ пьесъ». Ср. примѣч. къ № 34.

33. ЭПИГРАММА «ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ».

Напечатана одновременно съ эпиграммою предыдущею. При жизни Пушкина не перепечатывалась и впервые введена въ пл. Анненкова 1855 г. Печатаемъ эпиграмму въ орографіи «Россійскаго Музеума», удерживая, поэтому, старинное начертаніе ея съ дѣль. Анненковъ тоже удержалъ это же арабскіе по вѣб остальные издатели предпочли ему повѣннее ея съ дѣль.

34. ПЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

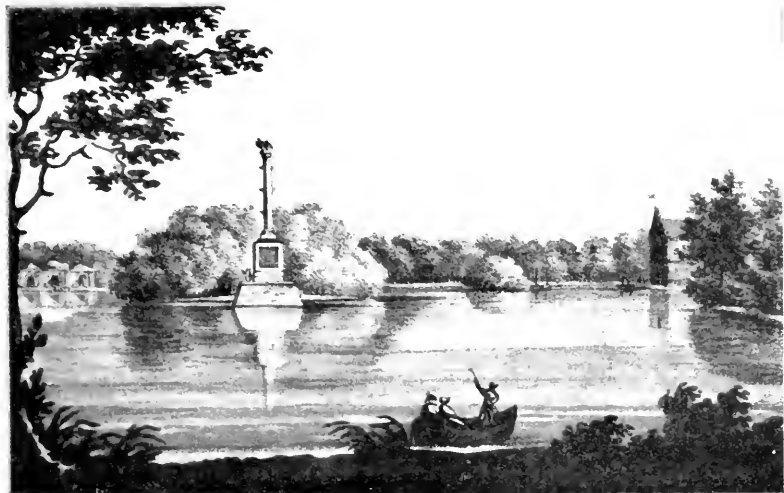
Почъ именемъ Клита въ лицейскіи эпиграммахъ Пушкинскаго кружка вышучивался Кюхельбекеръ см. особую статью о немъ. Настоящая эпиграмма извлечена Гавевскимъ изъ лицейскаго журнала вышб удержаннаго «Жертва Мому или Лицейская Антологія» 1814 г. и напечатана имъ въ «Современникѣ» 1863 г. № 7 стр. 148. Въ этой, уже несомнѣнно противъ Кюхельбекера направленной, эпиграммѣ онъ трактуется исключительно какъ «рпомачъ» и сочинитель «вѣсноткъ». Нельзя поэтому не усмотрѣть тутъ еще одного показателя см. примѣч. къ № 32 того, что въ «Аристѣ» вовсе не слѣдуетъ усматривать непременно Кюхельбекера. С. Венгеровъ.

35. НА ГРАФА А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Эта эпиграмма со словъ лицейскаго товарища Пушкина О. О. Матюшкина, была напечатана П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880—1881 годовъ, т. I, стр. 58.

Графъ Алексѣи Кирилловичъ Разумовскій, старшій сынъ послѣдннго герцога малороссійскаго Кирилла Григорьевича, родился 12 сентября 1748 года. По обычаю того времени, со дня рожденія былъ данъ сынъ въ военную службу и по востепеніи на престолѣ Петра III то былъ произведенъ изъ секундъ ротмистровъ въ ротмистра. Желая дать наилучшее образованіе своимъ тремъ сыновьямъ — Алексѣю, Петру

и Андрею, отецъ устроилъ въ 10 лнн. Васильевскаго Острова особое училище для студентовъ, гдѣ подъ руководствомъ гвернера преподавались его дѣтямъ и дѣтямъ нѣкоторыхъ знакомыхъ различныя науки, въ число которыхъ Шлегеръ ввелъ и статистику. Для завершенія образованія молодые Разумовскіе отправлены были въ Страсбургскій университетъ, гдѣ слушали лучшихъ профессоровъ: у Якова Рейнгольда Шильмана — лмію, у Югана Фридриха Эрлена — общенародное право, у Юсифа-Агана Лоренца — исторію и т. п.; по общему руководству принадлежало извѣстному историческими трудами и высокою нравственностью профессору Югану Давиду Шенфлину. Побѣдивъ Италію Англію, Ал. Киръ-чъ возвратился въ 1769 г. на родину и былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ. По прицворная служба его не интересовала, заняться обширными хозяйствомъ отца онъ не смогъ, и онъ рѣшилъ поступить на государственную службу. Съ 1786 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ былъ сенаторомъ, но въ 1795, навлекши на себя неудовольствіе оппозиціей одному изъ законодательныхъ проектовъ Императрицы, вѣнелъ въ отставку, удавъ въ Москву и занялся постройкою миллионнаго дворца, который посвятилъ m-me Ставъ и другіе иностранцы. Любимымъ мѣстопребываніемъ его было поместное село Горенки, въ которомъ Алексѣи Кирилловичъ развелъ замѣчательный ботаническій садъ и оранжерею. Здѣсь же онъ сбдился съ масонами и вступилъ въ Societulum Petropolitatum. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I-го, Разумовскій снова выступилъ на служебномъ поприщѣ въ качествѣ почетнаго Московскаго университета и его округа. Онъ ввелъ нѣкоторыя улучшения въ университетѣ. Императоръ, побѣдивъ въ 1809 г. Москву и университетъ, остался доволенъ им, по выходѣ въ отставку гр. Заватовскаго, назначилъ А. К. Разумовскаго министромъ народнаго просвѣщенія. Его вниманіе обращено было на народныя училища, которыхъ было открыто болѣе 60 тн въ первые два года его министерства. Не дѣлано было и сетнее образованіе, и открыты были гимназіи въ Кіевѣ, Симферополѣ, Вѣдствѣ и др. городахъ. Самъ чиновникъ просвѣщенія, онъ покровительствовалъ ученымъ, общему ямъ, и въ эпоху его управленія министерствомъ относятся учрежденіе московскаго общества исторіи и релігіи, календарное общество любителей русскаго словесности,

Памятникъ въ честь побѣдъ ОРЛОВА и РУМЯНЦЕВА на Царскосельскомъ озерѣ

Рисована дилетантомъ Валеріана Лангера 1820).

Въ гни тустой угрюмыхъ сосенъ
Водится памятникъ простой.
О сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родиѣ твоей!
Ведь мертва въ повѣкъ, о Россія! Ценою,
Въ богахъ воспитанна среди брашнихъ невоты:
О вась, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкой вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россіи!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славны,
Перуномъ Девосымъ побѣду похищали,
Нкъ смѣлымъ подвигамъ страшенъ дивился міръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ пѣсь брадали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И векоръ повый вѣкъ удѣлъъ
И брати повылъ и ужасы войны:
Страшенъ есть смертнаго удѣлъъ,
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вичающаго Царя:
Возсталъ веденной бичъ и векоръ лютый брати
Зарѣдась грозная заря:

харьковскаго общества наукъ и иск. рук. По самую выдающуюся и думную сторону служебной деятельности его составляють умудреніе Царскосельскаго лицея, торжественно открытаго 19 октября 1811 года.

Скоро, однако, мучковатый Разумовскій охлаждѣть къ дѣламъ своего министерства. Кромѣ того, съ 1810 г. онъ почтять сильнымъ влияніемъ иудитовъ и графа Жозефа де Местра. Последній «буквально распорядился имъ, шиковать, чему должно умиль, и чему не умиль русское юношество». Такою же службою Разумовскій уже въ 1812 г. помышлялъ объ оставкѣ, но отсутствіе имъ Россіи государя и чрезвычайная политическая обстановка того времени побуждали его оставаться на своемъ посту. Возвращеніе государя въ 1815 г. и разгромъ иудитовъ, которыми покровительствовалъ Разумовскій побудили его просить отставку, которая и дана была ему 10 августа 1816 г. съ назначеніемъ огромной пенсїи 10 тыс. ежегодно.

Проживъ въ Москвѣ два года послѣ ухода въ отставку, онъ въ 1818 г. поселился въ мѣстечкѣ Почень на берегу р. Сухогости, Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

Семейная жизнь не удалась графу. Женившись въ 1778 г. на Барбарѣ Петровнѣ Шереметевнѣ, дочери богатаго вельможи, онъ въ 1784 г. удалилъ жену отъ себя и прибилъ къ себѣ другую женщину, которая прожила съ нимъ до смерти его.

Удалившись отъ свѣта, разстроивъ свои дѣла немалымъ управленіемъ и строительными дѣлами, Разумовскій стѣлался въ Почень непостоятъ, беспомощъ, «Правъ графъ», говорить Васильчиковъ, «въ послѣдніе годы его жизни стать почти немаломыслямъ. Въ его дворѣ, весь домъ прожаль при сильномъ порывѣ его стѣлался».

Кромѣ дочиннаго дѣла, у него было нѣтъ «воинанинцковъ» Перовскую, въ числѣ которыхъ была и дѣвица романскъ, ищавши нощъ непостояннмъ Ант. Погорьскаго; по дочери Антѣ Алексѣевнѣ, онъ дѣлъ Александру Голубого.

Амеръ гр. Разумовскій 1822 г. 5 апрѣля и погребенъ въ Почень. Въ 30-хъ годахъ XIX ст. Почень была прожаль гр. П. А. Клемишинецъ, и съ выходящимъ разрѣшеніемъ, по прощѣ Марьяновъ и Рынниныхъ, дѣло графа перевезено въ Польшу въ Свирскъ и предано дѣламъ въ соборной церкви стариннаго Спасопретображенскаго мужскаго монашара.

Скоро утомившись дѣлами министерства парнаго просвѣщенія и охлаждѣвъ даже къ годанному имъ Лицею, Разумовскій не подковался расположеніемъ общества, которое считало его тордымъ. Въ частности къ лицей существовало особенное недоуовленіе на графа А. К. Разумовскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ, и эпиграмма Пушкина. Разумовскій былъ пожалованъ ореномъ св. Владимира 23-го октября 1811 года, по случаю открытїа лицея «Голубой дѣтвѣ», т. е. орена св. Андрея, онъ совсѣмъ не получалъ. Эпиграмма Пушкина, по всей вѣроятности, выдана была слухами, ходившими въ то время въ свѣдѣ съ тѣмъ, что Разумовскій обратился къ императору Александру I съ шенкомъ, въ которомъ просилъ объ увольненїи отъ службы. Зная охлажденіе императора къ министру парнаго просвѣщенія, дѣе вѣлки могли распустиль «смѣшная вѣсть», что графу Алексѣю Кирилловичу при оставкѣ данъ орень св. Андрея.

С. Браилова?.

Источники для биографїи А. К. Разумовскаго: 1. Прибавленіе къ «Черниговскому ильвѣстїямъ» 1874 г., № 11, 251—255 стр. 2. «Русскій Пивальтъ» 1822 г., № 99, 395 стр. 3. «Семейннмъ Разумовскихъ» А. А. Васильчикова, Сиб., 1880 г., т. II, стр. 1, 23, 112, 4. «Воспоминанїа Вителъ», т. 2, ч. 3, 87 стр. 5. «Русскій Архивъ» 1872 г., № 1, 3, 4, 10; 1875 г., № 12, 6. «Киевская Старина» 1894 г., № 3, 7. «Русскій Вѣстникъ» 1811 г., ч. 15, № 7 8. «Исторїа Министерства парнаго просвѣщенія» Рождественскаго.

36. ЭПИГРАММА НА ПОФМУ КН. С. А. ШИРИНСКАГО-ШИМУГОВА.

Напечатана была впервые В. П. Гачевскимъ въ «Современникѣ» 1863 г., т. XLVII, стр. 164.

Пушкинъ не успѣлъ случая дѣлывать высокопарную и слухную сподобъ Ширинскаго-Шимугова. Въ послѣдїи «Къ другу-стихотворцу» онъ его выдумалъ нощъ именемъ Рюмотова; въ «Горюхѣ» онъ смѣтелъ пать «Рюмотыма».

Князь Сергїи Александровичъ Ширинскій-Шимуговъ, въ шочествѣ Пушкина, родился въ 1783 г. въ селѣ Дерновѣ Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда. Отець его Александръ Прохоровичъ, ога-

МЕДАЛЮНЫ ГР. ФЕДОРА ТОЛСТОГО
въ память событій 1812—1813 г.
НАРОДНОЕ ОБОЗНАЧЕНІЕ.
Съ триггера П. Меллова.

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на Рускія поля.
Преть ними мрачна степь лежитъ во снѣгъ глубокомъ,
Дымится кровію земля.
И селы мирныя, и грады въ мѣлъ пылають,
И небо зареюмъ отблоса вокругъ,
Леса дремучія будущіхъ укрываютъ
И празныи въ полѣ жавить плугъ.

Идутъ нѣкъ слава и вѣсть пренова,
Всѣ рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И гни блѣдная погибшихъ мать Велюна,
Въ воздушныхъ съезишесъ полкахъ,
Въ могоду мрачную психозитъ непрестанно,
Нѣкъ бредитъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздашесъ!.. Идутъ въ валъ туманной
Звучать колычуги и мечи!

Страшесъ, о рать иноземныхъ!
Россіи двинушесъ сыны:
Возстагъ и старь и младь, летя въ перлюновныхъ,
Сердца нѣкъ мщеньемъ возжены,
Возтронеши, тираны! ужъ близокъ часъ патены!
Ты въ каждомъ ратникѣ удриши богатыря,
Нѣкъ цѣль: нѣкъ побѣднть, нѣкъ пасть въ яду сраженъ
За вѣру, за Царя.

Ретивы кони бранюю шапугъ,
Усѣвля ратниками толъ,
За строемъ строй гечетъ: нѣкъ мѣсто, славой шапугъ,
Восторгъ во грудь нѣкъ перешеть,
Летя въ грозной шире: мечамъ лобами шугъ.

вился кь молодой дѣлать военную службу и возвратившись паротину въ Смоленскую губернію, женился на Ольгѣ Васильевѣ Левковнѣ, дочери своего соседа отставного инженер-майора. Благочестивые и образованные родители, говорить биографъ поэта, всю свою жизнь посвящали воспитанію дѣтей. Представляя къ себѣ самому примѣръ искренняго благочестія, они внушали дѣтямъ своимъ страхъ Божій, любовь къ ученію и дѣятели». Въ такой обстановкѣ началось и первоначальное образование Ширинскаго-Шуматова. Научившись читать по псалтырю и часослову, онъ употребилъ бытъ къ чтенію неадамовъ и молитвъ на всеночныхъ бѣднѣяхъ, которыя совершались въ дому родительскомъ. Такъ постепенно слагались въ юномъ князѣ симпатіи къ славянскому языку и религиозному настроенію, что впоследствии ярко отразилось на его литературной дѣятельности.

Ранняя и необычайная смерть отца не осталась также бездѣйствіемъ на впечатлительнаго мальчика.

Поступивъ на 14-мъ году въ Морской кадетскій корпусъ, онъ въ 1800 г. произведенъ былъ въ мичмана и назначенъ сотрудникомъ въ ученый комитетъ при адмиралтвѣ-коллегіи. Шагая во время дѣла на корабляхъ, онъ посѣщалъ Данцигъ, Любекъ, Копенгагенъ и другіе иностранные города. Къ этому времени относится сближеніе его съ Шишовыми, сильно ему покровительствовавшими. Въ 1811 г., при учрежденіи Царскосельскаго Лицея, ему предложено было мѣсто инспектора, но онъ отказался. Это предложеніе, равно какъ и раннее назначеніе сотрудникомъ ученнаго комитета при адмиралтвѣ-коллегіи, объясняется равно горючимъ и значительнымъ образованіемъ Ширинскаго-Шуматова. Онъ свободно владелъ нѣсколькими и нѣмъ самообразованиемъ познакомился съ многими языками, въ томъ числѣ также съ такими, какъ латинскій.

Весьма рано почувствовать онъ склонность къ литературной дѣятельности. Успѣхами на этомъ поприщѣ Ширинскій-Шуматовъ въ 1812 году обратилъ на себя вниманіе Александра I, пожаловавшаго ему пенсію съ 1,000 р. Въ высочайшемъ указѣ по этому случаю сказано, что онъ «трудными и прилежными въ наукахъ усерствованиями, природною дарованіемъ къ сн хотворству, обративъ оныя въ сочиненіяхъ своихъ на пользу отечества и благопріятія».

Въ 1809 г. впервые бытъ дѣлалъ

дѣльнымъ членомъ Россійской Академіи, а въ 1811 году, съ учрежденіемъ Бесѣды любителей русскаго слова, такимъ же членомъ и этого оплата старухъ литературныхъ традицій. Въ качествѣ члена Россійской Академіи Ширинскій бытъ награжденъ за свой труды золотомъ металомъ, а за труды «въ томографическомъ и редактивательномъ» комитетѣхъ подумалъ дважды денежныя выдачи, при чемъ одна выдача назначена за предоставленіе имъ Академіи права на издачіе его сочиненій.

Покровительствовавшій ему адмиралъ А. С. Шишовъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, въ 1824 г. исключительствовалъ ему высочайшее назначеніе членомъ главнаго управленія училищъ, что было безпримѣрной въ его чинѣ, капитанъ-лейтенанта, милостью. 9 ноября 1827 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 2-го ранга и съ новою пенсіей въ размѣрѣ половиннаго жалованья.

Заложенное еще въ дѣтствѣ религиозное чувство, благодаря опасностямъ на морѣ, все возрастало и въ связи съ разочарованіемъ въ своихъ литературныхъ силахъ побуждало князя-писателя удалиться въ монастырь.

Устроивъ по согласію съ братьями дѣла по имѣнію и похоронивъ мать, онъ въ началѣ 1828 г. переселился въ Юрьевскій монастырь, находившійся отъ Новгородца Великаго въ 4-хъ верстахъ. Сюда влекла его дружба съ илѣвѣтымъ фанатикомъ Фотиемъ, бывшимъ тогда настоятелемъ обители. 25-го марта 1830 г. князь постриженъ въ монашество съ именемъ Анникита, а въ началѣ апрѣля получилъ іеромонашескій чинъ.

Весьма скоро знатому инокъ предлежены были степени архимандрита и настоятельство въ одномъ изъ монастырей. Но онъ отказался. Его влекла къ себѣ Надежда, и въ 1834 г., преварительно поспѣвши къ теченію 2-хъ дѣтъ в Соловецкій и др. монастыри русскіе, Анникита отправился въ Константинополь. Морская язва задержала его въ Одессѣ до мая 1835 г. Послѣдніе Іерусалимы, Ширинскій-Шуматовъ предполагалъ провести около года на Афонѣ въ Иѣффѣ отъ консула узнавъ онъ о назначеніи своемъ священникомъ при рускомъ посольствѣ въ Афонѣхъ. Церковная смута въ греческомъ церквѣ и другія неприятности изурли слабое здоровье Анникиты. У него открылись припадки и кровоизліянія стараго геморроя, онъ умеръ 7 июня 1837 г.; 10 июня его торжественно похоронили въ находящемся близъ города Архангельскомъ монастырѣ.

СЪВЕРНАЯ МИНЕРВА - ЕКАТЕРИНА.

Картина Торелли.

Воспроизводится впервые.

МЕДАЛЮНЫ Гр. ФЕДОРА ТОЛСТОГО
въ память событій 1812—1813 г.
БОРОДИНСКАЯ БИТВА.
Съ гравюры Н. Меллова.

И се — вылезъ брань: на холмахъ громъ гремѣлъ,
Въ сгущенной водухѣ съ мечами стрѣлы свистуль;
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразился — Руской побѣдиль!
И всякъ бѣжитъ надмѣнный Галль;
Но слышно въ бою небесной Вестеркитель.
Душемъ послѣднимъ увѣчать;
Не здѣсь его сразилъ вонтель побѣдиль;
О Бородинскій кровавый полъ!
Не въ неистовству и гордости предѣлъ:
Увы! на башняхъ Галль кремль!..

Край Москвы, край роины,
Гдѣ на зарѣ цвѣтуху дѣтъ
Часть безмечности и трагиль золотыя,
Не знаи горестей и бѣды,
И въ вухъ видѣли, вратовъ моей отчины,
И вѣсь багряла кровь и пламень пожираль!
И въ жертву не принесъ я мщеня намъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, красъ Москвы столавой,
Родимой предѣсть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь оти:
Москва! сколь Рускому твоей дракъ унылай страшенъ!
Изчезли знаи Вельможей и Царей,
Все пламень изгребилъ: вѣнды загнились башень,
Чертоги пали богатей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ свистахъ родахъ и садахъ.

Литературную деятельность начал князь Шуматовъ-Ширинскій баснями, но скоро, по совету Пушкина и других писателей шинковскаго толка, откадалъ отъ этого вида поэзій. Подвижнѣйшія произведенія его и переводы появились отдѣльными книгами и брошюрами, или печатались на страницахъ изданій: «Чтенія въ бесѣдахъ любителей русскаго слова», «Сочиненія и переводы русскаго академика» и «Извѣстія русскаго академика». Вотъ перечень ихъ: 1) «Опытъ о критикѣ», сочиненіе Понсе, переводъ съ англійскаго, 1806 г., 2) «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенія Россіи», поэма въ 3-хъ вѣснцахъ, 1807 г., 3) «Письмо русскаго слова», 1809 г., 4) «Петръ Великій», лирическое вѣснопіе въ 8 вѣснцахъ, 1810 г., 5) «Поча на гробахъ», похороненіе Югу, 1812 г., 6) «Письмо Россіи», 1812 г., 7) «Вопль на размашленіи», 1814 г., 8) «Письмо съговорившему вѣка», 1817 г., 9) «Анхусъ въ Ветомъ и Новомъ Завѣтахъ или Поча у Креста», 1824 г. Кромѣ того, много произведеній его сохранилось въ рукописяхъ, наиримѣрь: «Зерцало царскихъ должностей», «Шестьдесятъ дѣтскихъ житей», «Предложеніе стихуръ въ честь Божіей Матери» (1812 г.), «Предложеніе въкаторыхъ тропарей и стихуръ на Господствіи и Богородицѣи праздники» (1823 г.), «Одѣвъ о сочиненіи П. С. Рижскаго «Наука стихотворства». Его переписка съ братомъ Платономъ Александровичемъ и «Дневникъ путешествій» изданы въ «Христіанскомъ Читаніи» въ 1889—1890 г.

Не трудно понять, почему Пушкинъ и его соратники восхищались стихами Ширинскаго-Шуматова. Вотъ что особенно дѣлило въ нихъ шинковство: «Станемъ ли разсматривать ихъ въ отношеніи къ языку, мы увидимъ, что кн. Ширинскій-Шуматовъ не только писателя не употребляетъ чуждеязычныхъ оборотовъ и выраженій, но и возмываетъ первую слогъ свои важнѣею славянскимъ реченіи, обогащая отечественный языкъ сокровищами послѣдственнаго ему востанія». Этого одыскъ достаточно потверждаетъ, что Ширинскій-Шуматовъ перакаетъ школа Ломоносовскою, которая тогда уже угарѣла, которой чуждалось все живое и свѣжее въ литературѣ. Вотъ причина того, что онъ не пользовался тою извѣстностью, которая, впрочемъ, выпала бы на его долю, если бы онъ на литературномъ поприщѣ вѣсколыми теснѣ дѣланными ранѣе. Вѣсма же одиночанъ имъ

самимъ трагизмъ его поэтической деятельности заключается въ томъ, что характеръ его произведеній не отвѣчалъ современному направленію и вкусу. Въ молодомъ поколѣніи писателей кн. Ширинскій-Шуматовъ не нахуцалъ сочувствія и поддержалъ насѣбшамъ, да свои стихотворенія и цѣль особенноти. Такъ, Батюшковъ ранѣе Пушкина въ стихотвореніи «Письмо въ бесѣдахъ Славянороссовъ», упоминаетъ Пушкина, «свѣдогда», говоритъ о Ширинскомъ-Шуматовѣ:

«Ону пусть сидѣть съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой языкъ, наперсникъ и вѣреть,
Шуматовъ беззлагодннй,
Какъ ты, Славянь краса и дѣвѣтъ,
Какъ ты, собой поводннй!»

Особенность стиховъ Ширинскаго-Шуматова—отсутствіе рифмъ на глаголы, да что Батюшковъ и называетъ его «беззлагодннмъ»,— Пушкинъ отнѣтилъ въ своемъ «Домикѣ въ Коломнѣ». Въ разбираемой антраммѣ Пушкинъ наиваетъ на другую характерную особенность произведеній Ширинскаго-Шуматова: на высокопарность слога отъ дубилія славянскихъ реченій. Упомяннне въ антраммѣ поэма «Гермогенъ» ясно указываетъ, что вѣса возникла по преченіи Пушкиннмъ этого произведенія Ширинскаго-Шуматова. Та же поэма поэтаиока выдала въ 1809 г. у Батюшкова въ «Видннй на берегахъ Лѣты» слѣдующіе стихи:

Онъ Пожарскаго поетъ
И тоиакъ старца Гермогена;
Ихъ мысль на небеса вперена,
Слова жъ изъ Библии берутъ».

Насѣбшки молодому писателю надъ произведеніями Ширинскаго-Шуматова если вѣреть автору книги: «О жизни и трудахъ Гермогена Анника, въ мнрѣ князя Сергія Александровича Ширинскаго-Шуматова», до того болѣзненно огорчали послѣдннго, что были однимъ изъ побужденій оставить свѣтъ,¹⁾ и укрыться въ монашескую келію.

С. Браилловскій.

Ср. о Ширинскомъ-Шуматовѣ: 1) «О жизни и трудахъ Гермогена Анника, въ мнрѣ Сергія Александровича Ширинскаго-Шуматова». Читано въ Императорскомъ Академіи Наукъ, Платономъ Ширинскимъ Шуматовымъ, 29 октября 1838 г. Сиб., 1838. 2-е изд., Сиб., 1838.

МЕДАЛЮНЫ Гр. ФЕДОРА ТОЛСТОГО
въ память событій 1812—1813 г.
ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.
Съ гравюры Н. Милова.

Гдѣ миръ благоухалъ и лила трепетала,
Тамъ вышѣ угли, пепель, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной, лѣтней ночи
Веселые шумное гудя не полетѣть,
Не блещуть ужъ въ огняхъ брега и свѣтлыя роши —
Все мертво, все молчаливо...

Утѣшься, мать городовъ Россіи,
Возри на гибель пришлеца.
Отягобла песь на ихъ надменныя выи
Десница мстителья Творца.
Вдали: они блѣднѣ, озрѣлись не терзають,
Нилъ кровь не престаеть въ сивлахъ рѣками течь,
Блѣднѣ — и въ тѣмъ почтой нилъ глѣзъ и смерть сръвають,
А съ тыла гонить Россювъ мечь.

О юд, которыхъ трепетали
Европы сильныя племена,
О Галлы шипныя! и вы въ мотилы паши...
О, страхъ! о грозныя времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Бельюна,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру и законъ?
Въ горькаѣ возмечать мечемъ илдергнуть троны,
Паче, какъ утрошь страшной сонъ!

Въ Парижѣ Россю! гдѣ факель шипныя?
Пошкинъ, Галля, главой!
По что и зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядеть съ оливююю златой;
Еще военной дромъ грохочеть въ отдаленіи,
Москва въ ушаніи, какъ степь въ полнощной мѣлѣ,
А Онь — несеть врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

2) «Одесскій Вѣстникъ» 1837 г., № 65; «Краткое извѣстіе о жизни и смерти іеромонаха Анникия». З. М. П. Дмитриевъ, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 222—225. 3) Т. Г., «Изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ XIX вѣкѣ», «Русское Общество» 1894 г., мартъ, стр. 359 и слѣд. 5) «Слѣзь Отечества» 1825 г., ч. 102, № XV, стр. 257—276 и № XVI, стр. 357—386 (соответственной разборъ поэмы «Петръ Великій», написанная В. К. Кюхельбекеромъ). 6) «Сѣверная Пчела» 1856 г., № 84 (ст. М. Дру—го). 7) «Иеромонахъ Анника», «Домашняя Бесѣда» 1859, № 2. 8) Е. Ковалевскій, «Изъ воспоминаній о приснопамятныхъ старцахъ», «Душеполезное Чтеніе», 1869, № 4. 9) А. Стурдза, «О судьбахъ православной церкви», «Рус. Старина», 1876, т. XV, стр. 264 сл. 10) М. П. Сухомятниковъ, «Исторія Россійской Академіи», т. VII, стр. 68, 213—216, 559, 560. 11) Записки С. П. Жихарева, изд. 1890 г., стр. 232, 289, 292—294, 298, 408, 409.

37. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Напечатано въ Россійскомъ Музеемъ 1815 г., ч. II, стр. 3, съ подзаголовкомъ: «Александръ Пушкинъ» и съ примѣчаніемъ издателя: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, талантъ котораго такъ много общается». Это было первое стихотвореніе Пушкина, появившееся въ печати съ полнымъ его подзаголовкомъ. Затѣмъ при жизни поэта оно уже не перепечатывалось.

Было написано по совѣту А. П. Галича и прочтано Пушкинымъ на публичномъ лицейскомъ экзаменѣ 8 января 1815 г. Объ этомъ чтеніи и объ одобреніи Державина Пушкинъ вспоминалъ впоследствии въ посланіи къ Жуковскому 1817 г.:

И славы и старецъ паче, даренъ и вѣдѣнъ и браненъ
Крѣпкими речемъ и граци възвѣщанъ,
Въ слѣдахъ обидѣ меня прощающа рукою
И счастье мнѣ претрека, незаслуженъ мнѣ.

Ср. также начало VIII главы Евгенія Онегина:

...Умѣлъ паче первый окрылять,
Старикъ Державинъ паче лампады
И въ трюмъ съотн, благошотн.

Въ запискахъ П. П. Пущина находимъ слѣдующія разсказы объ этомъ событіи, какъ будто записанныя тотъ первый же впечатлѣніемъ:

«Державинъ державнымъ своимъ благословеніемъ увѣщавалъ юного поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Въ этихъ величійныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патриархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и обвилъ кудрявую его голову, — мы все, подъ какимъ-то неодолимымъ вліяніемъ, благоговѣнно молчали. Хотѣли сами обнять нашего пѣвца, — его узять не было, онъ убѣжалъ».

На экзаменѣ, въ числѣ почетныхъ присутствителей, кромѣ Державина, находились: кн. Д. П. Горчаковъ, С. С. Уваровъ, М. А. Салтыковъ и другіе представители литературнаго и служебнаго круга. Послѣ экзамена у министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго было торжественное обѣдѣ, на которой, въ числѣ прочихъ гостей, было приглашено и оудѣ поэта, С. П. Пушкинъ. Обращаясь къ нему, Разумовскій, между прочимъ, сказалъ: «Я бы желалъ, однако же, образовать сына вашего въ прозѣ». — Оставьте его поэтомъ! — пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ воскликнулъ Державинъ. Аппендикова, Материалы для біогра. Пушкина, Сиб. 1873 г., стр. 22.

Какъ это указать Б. В. Никольскій («Истор. Вѣст.» 1899 № 7, Державинъ, заканчивая свой длинный «Гимнъ народническій на прогнаніе французовъ изъ отечества» 1813 г.), сознается, что силы ему уже измѣняють, и зоветъ молодыхъ пѣвцовъ занять свое мѣсто:

Младымъ пѣвцамъ стремль
Мои вѣрно ветки струны,
За черныя съ шухъ въ свои сердца перуны
Толъ шестыхъ, ревностныхъ ошн,
Какъ пѣлъ я трехъ дарен.

Стихотвореніе лицейскаго поэта явилось какъ бы отвѣтомъ на этотъ призывъ. Оно все выдержано въ державинскомъ тонѣ, причемъ Пушкинъ не покусился на заимствованія какъ отъ чужихъ, уже и въ ту пору архаическихъ словъ и выраженій («се», «ростъ», «стала въ», «зракъ», «сѣдннскъ», обиліе убѣщеній и пр.), такъ и поэтическимъ образомъ: росъ, спидній въ безмолвіи «снѣдъ лачными бреганами» дарковскаго озера, напоминая фигуру Румянцева въ державинскомъ «Вотанинѣ»:

МЕДАЛЮНЫ Гр. ФЕДОРА ТОЛСТОГО
 въ память событій 1812—1813 г.
 П О К О Р Е Н І Е П А Р И Ж А.
Съ гравюры Н. Мещова.

Достойная Визкъ Екатерина!
 Почто небесныхъ Аонидъ,
 Какъ нашихъ дней пиведь, Славянской Барды дружина,
 Мой духъ восторгомъ не горить!
 О, естлибъ Аюллонъ пинтовъ царь чудесной
 Виздъ мнѣ пши въ грудь! Любою восхищень,
 На дрибъ възреть гармоніей небесной
 П юзидъ во тмѣ время!

О, Скальдъ Россіи вдохновенной,
 Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
 Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной
 Взречи на арфу золотой:
 Да снова стройный гласъ Герою въ честь пролетаетъ,
 П струна трепетна послышитъ огнь въ сердца,
 П ратникъ молодой искинитъ и содрогнется
 При звукахъ брашнаго пивца!

Александръ Пушкинъ.

Сидитъ—и, взоръ въперя къ водамъ,
Въ глубочайшій думъ раздумываетъ.

Выраженіе о Наполеонѣ: «Печаль, какъ ударомъ страшный сонъ», представляется отзвукомъ державинской «Эпитафіи завоевателю»:

Подъ камнемъ снѣгъ дежитъ Батый-Наполеонъ,
Величье было нѣмъ—ужасный сонъ.

То же самое выраженіе находимъ у Пушкина и въ позднѣйшемъ стихотвореніи: въ отрывкѣ 1823 г. «Недвижный страданъ прелать...»:

Сей царь, ислечуившій какъ сонъ, какъ
Тѣнь зарю—

и въ стихотвореніи 1830 г. «Герой»:

... пришелъ сей брашній,
Прель къъ смралися царю,
Сей ратникъ, вольностью вичашный,
Ислечуившій, какъ тѣнь зарю.

Ср. еще у Державина въ стих. «На побѣду при Лейпцигѣ» (1813) наименование Наполеона: «патмичный Западъ Денишца» и стихи:

Король зломъ загмился, погребешный,
Какъ солдцемъ ночь, думемъ Твоимъ.

Нарисованный Пушкинымъ царскосельскій пейзажъ при днуномъ освѣщеніи представляеть такую же картину въ духѣ Оссиана, какъ и первая строфа «Вотопатъ»: известно, что Державинъ очень любилъ Оссиана и перлюко заимствовалъ у него образы и настроеніе. Въ строфахъ 6-и и 7-и говорится о памятникахъ въ честь Орлова-Чесменскаго (въ видѣ роствальной колонны на царскосельскомъ озерѣ) и Румянцева, которому Пушкинъ посвятилъ впоследствии особый стихотворный отрывокъ. Извѣстно, что Екатерина II очень заботилась объ украшеніи царскосельскаго сада разными памятниками. «Когда война сія первая турчанъ продолжилася, говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, то царскосельскій мой садъ будетъ походить на иерусалему. Подѣль великаго воевскаго тѣмъ водившійся въ немъ памятникъ... и пр.

Въ 8-и строфѣ названы пивцы Екатерины (снѣдныя побѣды Державинъ и Петровъ, послѣдній, конечно, какъ пивецъ Румянцева и авторъ оны на битвѣ Очакова). Далѣе идетъ изображение войны, сраженій, пожара Москвы—описъ такіе какъ сонъ, напоминаящемъ Оссиана, и заключительное обращеніе къ императору Александру и къ вноиномъ

тому скальду Россіи, которому слѣдуетъ «возгремѣть на арфѣ золотой» героическіе подвиги русскаго царя. Подъ этимъ пивсколю туманнымъ образомъ оссианскаго скальда слѣдуетъ, конечно, разумѣть Жуковскаго, «пивца во стагѣ русскихъ воевцовъ», какъ это выдѣляется изъ стиха предпоследней строфы:

О нашихъ днѣй пивецъ, славянской
[барды дружины!

Но Пушкину, видимо, было неловко въ присутствіи мастига «пивца трехъ царей» обращаться къ молодому, сравнительно, поэту, какъ бы пренебрегая старикомъ,—неловко тѣмъ болѣе, что и самъ Жуковский, въ своемъ «Пивцѣ», вызывалъ Державина къ прославленію торжества Россіи:

О старецъ! Да услышимъ твой
Днесь голосъ лебешій!

Поэтому Пушкинъ, въ экземплярѣ стихотворенія, тщательно перенесанномъ для Державина и прочитанномъ на экзаменѣ, постарался затушить свое обращеніе къ «пивцу» такъ, чтобы подъ нимъ можно было разумѣть и пивца Екатерины.—приведенный выше стихъ въ предпоследней строфѣ оны замѣнилъ другимъ стихомъ:

Какъ древнихъ дѣтъ пивецъ, какъ лебешъ
Бѣдъ странъ Еллина.

Замѣна сдѣлана, видимо, паскорю, потому что вмѣсто «Эллады» явилася, ради рифмы, небывалая «Еллина». Пушкину не хотѣлось ломать всей строфы ради одного стиха, который въ печатной редакціи имѣеть иное значеніе и назначеніе...

П. Морозовъ.

Очень интересенъ позднѣйшій разсказъ самого Пушкина о томъ, какъ оны читалъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» въ присутствіи Державина:

Державина вѣдѣть я только ошажу въ днѣи, во нѣкогда того не забуду. Это было въ 1814 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицѣѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, все мы извѣстивались Дельвишъ вѣдѣть на дѣтнцу, чтобы дождаться его и пофидовать ему руку, руку, нашескую «Вотопатъ». Державинъ привалелъ. Оны вошелъ въ снѣи, и Дельвишъ услѣдвалъ, какъ оны спросилъ у шенцара: гдѣ братецъ, дѣвъ и... къ? Этокъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвиша, который отбѣнилъ свое намѣреніе и возвратился къ далу. Дельвишъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и несомнѣно. Державинъ былъ очень старъ. Оны былъ въ муштрѣ и въ панталонахъ са-

ПОБЕДОНОСНЫЙ АЛЕКСАНДРЪ I.

Изъ медальоновъ Графа Олсена въ память событийъ 1812—1815 г.

погахъ. Экзамень нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безмятежно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ очень похожъ. Онъ прелмалъ до тѣхъ поръ, пока не началъ экзамень русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читана были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отропелъ и завылъ, а сердце мое забилось съ удивительнымъ восторгомъ. Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли....

Усибухъ, вынвившій на долю стихотворенія, не ограничился стихами лица. Со словъ П. В. Кирѣевскаго, П. П. Бартевскіа («Моск. Вѣд.» 1854 г. № 118, сообщая, что Жуковский въ началѣ 1845 г. съ восторгомъ разсказывалъ о «Воспоминаніяхъ» А. П. Елагинной и при этомъ восклицалъ: «что у насъ настоящій примѣлъ»). А извѣстное намъ изъ предыдущаго изданія редакціи «Рос. Музеума» является выраженіемъ крупнаго усибуха, который вынаглъ на долю стихотворенія въ московскихъ литературныхъ кружкахъ. Такимъ же отзвукомъ этого усибуха было и то, что стихотвореніе вошло въ составъ «Собранія повѣсть русскихъ сочиненій».

И все-таки совершенно несомнѣнно, что Пушкинъ не любилъ этого отголоска совершенно муждой ему Державинской торжественности.

Бѣлинскій подчеркнул, что «Пушкинъ иногда не помѣщалъ этой пѣснь въ собранія своихъ сочиненій, какъ-будто не признавая ее своею, хотя она и упоминала ему одну изъ лучшихъ минушъ его юности».

Пропиждательность Бѣлинскаго блестяще подтвердилась изученіемъ Пушкинскихъ рукописей.

По свидѣтельству Анненкова, въ подготонительную тетрадь изданія 1826 г. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» были внесены, позавѣмъ они были зачеркнуты Пушкинымъ. Такимъ образомъ, остракизмъ былъ вводитъ сознательный.

Въ отзывѣ Бѣлинскаго-же о «Воспоминаніяхъ» нужно искать и объясненіе нерасположенія Пушкина къ нимъ.

«Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», совершенно правильно замѣчаетъ Бѣлинскій, написаны звучными и сильными стихами, хотя вся пѣса эта не больше какъ декламация и риторика» (Соч., изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 321).

Сдѣлавъ извѣстъ навѣданному сообщенію, те шальной отрокъ мой, конечно, съ извѣстнымъ успѣхомъ строить себя на мужикъ ему дать. Но уже въ эпоху, когда талантъ его содрѣлъ окончательно и когда онъ ясно создалъ основную черту своего парваній простоту, наивность «Воспоминаній» ему претла.

До извѣстной степени противорѣчьемъ самому себѣ является упорное желаніе Бѣлинскаго въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ» отмѣнить вліяніе Жуковскаго. Если мы въ концѣ стихотворенія находимъ прямое обращеніе къ Жуковскому, то идѣ не къ тому Жуковскому, минорная поэзія котораго явилась протестомъ противъ чередуръ мажорнаго тона Екатерининскаго времени. Пушкинъ обращается къ автору «Пѣвца къ стаѣмъ русскимъ воиномъ», весьма недалекою ушедшему отъ Державинскаго отошанія по случаю разныхъ побѣдъ.

Изъ другихъ литературныхъ вліяній Б. Никольскій въ своей весьма интересной статьѣ, вызванной Академическимъ изданіемъ, пытается отмѣнить вліяніе Богдановича. Вообще-то, конечно, Богдановичъ, несомнѣнно, оказалъ замѣтное вліяніе на юнаго Пушкина и къ этому мы еще вернемся. Но то сопоставленіе съ Богдановичемъ, которое дѣлаетъ г. Никольскій по отношенію къ «Воспоминаніямъ», мало убѣдительно. По его мнѣнію, стихи

Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются Наилы,

«прямо замѣтованный—также съ стилистическою подробностью; плещаются вмѣсто плещутся изъ Богдановича».

Въ волнахъ плещаются Наилы

Петербургско-жиданъ тамъ.

«Истор. Вѣстн.» 1899, № 7, стр. 212

Выборъ текста «Воспоминаній» претла влѣсть немало затрудненій. Дѣло въ томъ, что имѣется дѣлать три первоисточника. Наименѣе авторитетный автографъ, находящійся въ Румянцевскомъ музеѣ, потому что это, повидимому, редакція неокончательная. Кажется-бы, что окончательно редакціе является тщательно переписанный экземпляръ Пушкинымъ для Державина въ экземпляръ «Воспоминаній» и написанный Фрѣтомъ въ Державинскихъ бумагахъ. Но это не совсѣмъ такъ. Уже изъ аналитической нашей стр. 198, стронны, ясно видно, что и неуклюже сдѣланныя стихи мѣшны Жуковскаго Державинскаго автографъ, наименѣе отражаетъ истинный

случай творческое настроеніе молодого лицейца. А дакъ, несмотря на совершенно необычную для автографовъ Пушкина тщательность, съ которою «Воспоминанія» переписаны, въ Гроговско-Державинскомъ автографѣ немало описокъ (въ стихѣ 36 изчезла вмѣсто изчезло; въ 73—быстромъ вмѣсто быстрѣмъ; въ стихѣ 1 и 133 пошл, когда ясно по ритму ронил, что надо пошл). Въ эстетическомъ отношеніи Гроговско-Державинскій автографъ менѣе отдѣланъ, чѣмъ текстъ «Рос. Музеума». Въ стихѣ 34, конечно, лучше «воспоминанія *прежилъ* дѣтъ», чѣмъ «воспоминанія *пресвиго* дѣтъ»; въ ст. 84 болѣе подходит къ тѣмъ погибшихъ воиновъ «въ воздушныхъ свѣтилась *подкалъ*», чѣмъ «*топалъ*».

Все это заставляетъ считать текстъ «Рос. Музеума» окончательною редакціей. Мы его и воспроизводимъ. Возможно, впрочемъ, что кое-что измѣнено въ печатномъ текстѣ либо редакторомъ—Вл. Измайловымъ, либо тѣмъ изъ «родственниковъ молодого поэта», который доставилъ «Рос. Музеуму» стихотвореніе. Болѣе чѣмъ вѣ-

роятно, что этимъ родственникомъ былъ Василій Пушкинъ и, можетъ быть, рука являюки-поэта кое-гдѣ промѣлась по стихамъ племянника.

Варианты трехъ редакцій, въ общемъ очень незначительные, будутъ указаны въ концѣ тома въ ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

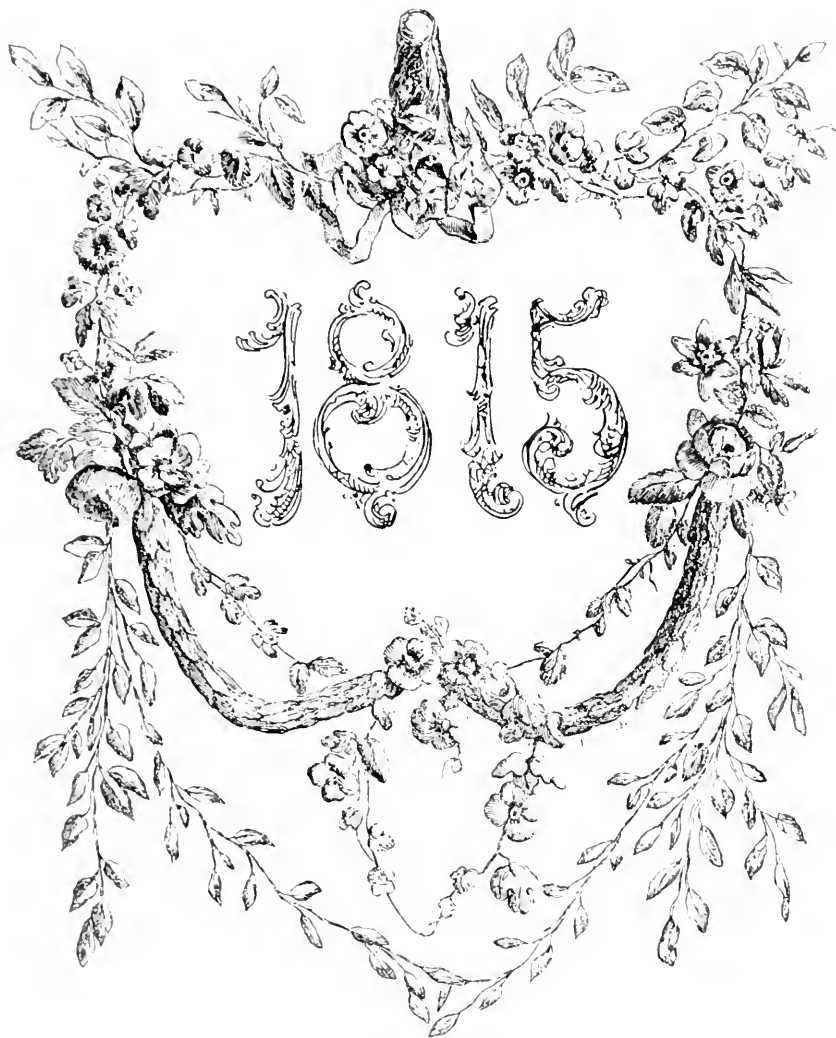
Изъ особенностей ортографіи особенно поражаетъ современная (глазъ начертаніе Руской съ однимъ *с* и рядомъ съ этимъ Русской съ двумя *с*).

Огромное большинство автографовъ Пушкина отличается размахистостью и небрежностью. Но оба очень похожіе другъ на друга автографа, и тотъ, который теперь въ Румянцевскомъ Музеѣ (Рук. № 2395, листы 729—732), и тотъ, который теперь принадлежитъ К. Я. Гроту, отличаются своимъ стремленіемъ къ тщательности. Приводимъ поэтому поэму концевъ Гроговско-Державинскаго автографа, какъ очень рѣдкій образецъ, такъ сказать, параднаго почерка Пушкина.

С. Венгеровъ.

*Въ кругу друзей своихъ, съ душой великодушной
 Блестящій патрiотъ Гроговскій!
 Доблестно сраженъ былъ Героемъ въ войнѣ пресвиго;
 И стуживъ, и женою въдовитицею тѣмъ въ истребленіи
 Къ Рачинскъ ислодки величавы и благородны
 Предъ зургадъ Французскаго полководца.*

Александръ Пушкинъ.

Картина изъясняющая фриты, в коронной 18 а. Равсон'а, Цифры (1815) стилизованы, О. Г. Бернштейн

38. Б О В А.

Часто, часто я бесѣдовалъ
 Съ бодуномъ страны Далнискія
 И не смѣлъ осниватьъ голосомъ
 Съ Шапеденомъ и съ Риоматовымъ
 Воспѣвать героевъ Сѣвера,
 Несравненнаго Виргилія
 Я читалъ и перечитывалъ,
 Не стараясь подражать ему
 Въ пѣвкахъ чувствамъ и гармоніи,
 Разбиралъ и Шмидта Клошитоа
 И не могъ понять премудраго
 Не добль и воспѣвать, какъ онъ
 Я хочу, чтобъ меня поняли
 Всѣ отъ маля до великаго,
 За Мильтономъ и Камюэнсомъ
 Опасаясь я безъ крыла парить,
 Не дерзалъ въ стихахъ безмысленныхъ
 Херувимовъ жарить пушками,
 Съ сатаною обитать въ раю,
 Нѣтъ святую Богородицу
 Выбѣтъ славить съ Афродитой
 Не бывалъ и грѣховодникомъ,
 Но вчера, въ армявахъ роюся,
 Откачалъ я книжку славную,
 Золотую, незабвенную,
 Катехизисъ остроумный,
 Словомъ—Жанну Орлеанскую,
 Прочиталъ—и въ восхищеніи
 Про Бову пою царевича,
 О Вольтеръ, о мужъ существенный,
 Ты, котораго во Франціи
 Почтади богомъ пѣвкіимъ,
 Въ Римѣ дьяволомъ антихристомъ,
 Обедально въ Саксоніи,
 Ты, который на Ратищева
 Кинула было зорь съ улыбною,
 Будь теперь моею Музою!
 Нѣтъ я тоже вознамѣрился,
 Но сравняюсь ли съ Ратищевымъ?

Не знаюмню, сколько лѣтъ спустя
 Послѣ рождества Спасителя,
 Царь Дотонъ со славою царствовалъ,
 Въ Свѣтомірѣ, славному торгѣ,
 Царь Дотонъ вѣща со скипетромъ
 Не прямой досталъ дорогою,
 Но убивъ царя законнаго,
 Бендакира *Слабоумнаго*,
 (Такъ бывало въпринципѣ)

Величали королей своихъ,
 Если король бедечные
 Не въ постелѣ и не почкою
 Почивали съ камергерами.
 Царь Дотонъ не *Слабоумнаго*
 Бывъ достоинъ много прозвища,
 Но тирана неусыпнаго,
 Хотя впрочемъ не имѣлъ его,
 Нѣтъ мнѣ всѣ его достоинства
 И пороки вамъ показывать:
 Вы слышали, люди добрые,
 О царѣ, что двадцать лѣтъ лѣтъ
 Не снималъ съ себя оружія,
 Не сбавлялъ съ коня ретиваго,
 Всюду пролеталъ съ побѣтою,
 Миръ крещеный потопилъ въ крови,
 Не щадилъ и не крещенаго,
 И, въ ничтожество низверженный
 Александромъ, грознымъ ангеломъ,
 Жизнь проводитъ въ уныженіи
 И, забытый всѣми, кичится
 Нынѣ Дѣльба Императоромъ...
 Вотъ таковы-то были и царь Дотонъ!

Разъ, собравъ боролачей совѣтъ,
 Безбородыхъ не любилъ Дотонъ,
 На престолѣ приторюившихъ,
 Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:
 «Вы, которые совѣтами
 «Облечили тяжесть скипетра,
 Услатили участь царскую
 Не горяча она была ему,
 «Мурые друзья, сподвижники!
 Къ вамъ приближнуть я рѣшаюсь:
 «Что мнѣ дѣлать шайб? Слушайте!»

Всѣ привстали важно умуриса,
 Низко, низко поклонилися
 И, поправъ усъ и бороду,
 Сѣли на скамьи дубовыя,

«Вамъ въдѣлство, продолжалъ Дотонъ,
 «Искусствомъ и неправою
 Я достигъ престола шайкаго
 Бенвакира Слабоумнаго,
 «Сочетался съ Милитрисею,
 «Милой женщиною Бендакировою,
 «И въ темницу посадилъ Бову,
 «Принца крови, сына царскаго,

Радищевым?» Къ Вольтеру онъ также не обращался съ просьбою замѣнить ему мѹдуководническую и писалъ, что въ «Pucelle d'Orléans», этой «преступной поэмѣ», «презрѣние ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени клизма»; если вѣрять Смирновой, онъ будто-бы назвалъ поэмѹ Вольтера «гнуснымъ произведеніемъ» и сказалъ, что увлеклась Вольтеромъ только въ лицѣ («Завѣски А. О. Смирновой», ч. I, Сиб., 1895 г., стр. 131, 151).

Поэмѹ Радищева весьма погрѣшительная вещь: этотъ мыслитель и пламенный гражданинъ порокомъ не былъ. Несмотря на комизмъ пѣкорныхъ мѣст, справедливо признанный Пушкинымъ, несмотря на удачно выполненные отдѣльныя частности, поэмѹ Радищева въ общемъ скучна и растянута. Несколько гладкихъ стиховъ тонуть во множествѣ тяжелыхъ и банальныхъ. У Радищева не хватило ни вкуса, ни чувства вѣры: до того мастерски, до той легкости, съ которыми молодой Пушкинъ касался фривольныхъ темъ, Радищеву далеко. Его шутовская муза напоминаетъ не лебедушку, порхающую бабочку, а громоздкого, непокоряющаго медвѣдя. Тамъ, гдѣ Пушкинъ граціозенъ и изященъ, Радищевъ просто неграциозенъ.

Несмотря на дважидельный элементъ покрѣпительности, въ юношеской поэмѣ Пушкина есть несомнѣнная черта пародности, въ отсутствіи которой онъ упрекалъ Радищева. Царь Долоръ, типичный царь пародныхъ сказокъ. Съ царемъ этого имени и такія же прѣстольныя свойства мы встрѣчаемся и въ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ». Служанка царицы, Зощика, читаетъ «Богородицу» и «Огнепашъ» и призываетъ Никола и Савву-мученика. Правда, поэмѹ очень далеко въ смыслѣ пародности то «Русланъ и Людмила», но все-же въ ней «Русью пахнетъ». Пародность, ей намѣшлявшая толь мѣстамъ какъ простонародныя дѣянія: пародно юмористическое изображение соннаго царскаго совѣта. Внѣшнѣ въ пародномъ вкусѣ комическая фигура дѣяря Эльдорфа, этого прототипа молчаливаго Пана Христіановича въ голландскомъ Ренцдорфѣ. Въ изображеніи «совѣта бородачей», говоритъ Л. П. Маиновъ, «можно предположить пѣ- которую сатиру на правительственные порядки Московскои Руси»: правда, что до появления въ свѣтъ Исторіи государства

Россійскаго» (1818 г.) Пушкинъ имѣлъ о нихъ лишь очень смутное понятіе, но его пѣснѣнни объясняются глѣкъ, что въ то-гдашніе годы позѣваться наъ старинной почиталось почти обязательнымъ среди большинства такъ называемыхъ образованныхъ людей. П. О. Морозовъ высказываетъ предположеніе, что картину соннаго засѣданія мудраго царскаго совѣта Пушкинъ могъ заимствовать изъ ходившей въ рукописи комедіи П. А. Крылова «Труфель». Какъ мы знаемъ изъ «Городка», комедія Крылова хорошо была известна Пушкину. Замѣтимъ, что сатира могла быть направлена не только противъ старшины, но и противъ современности: совѣтника царя и «героя» Громабура, «умомъ непроницаемаго», весь спланигъ хранящихъ «многомыслящихъ» — геніальный юноша могъ безъ труда найти въ современной ему общественной жизни.

Блѣзному пѣса очень не нравились, и онъ находилъ, что поэтъ потому ея не кончилъ, что мысль ея «дѣтски ложна и поддѣльна», и «изъ нея ничего не могло выйти дѣльнаго». Можно думать, что Пушкинъ потому бросилъ поэмѹ, что за этотъ сюжетъ вѣдалъ Батюшковъ: 16 марта 1816 г. Пушкинъ писалъ къ П. А. Вяземскому, что годъ тому назадъ у него Батюшковъ «звончалъ Бову-Королевича». (Л. П. Маиновъ говоритъ въ своей статьѣ «Пушкинъ о Батюшковѣ» — «Пушкинъ», 1899 г., стр. 288: «по всей вѣроятности, при свиданіи въ 1815 году они обмѣнялись мыслями о возможности поэмѹ напоминать изъ русскаго сказочнаго міра»). Пушкинъ, который сомнѣвался, удастся ли ему сравниться съ Радищевымъ, конечно, отступилъ безъ боя передъ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ Батюшковъ.

«Бова» даетъ возможность судить о литературныхъ знаніяхъ и влеченіяхъ Пушкина-лицейска. «Съ будущимъ страны Флинтскія» онъ бесѣдовалъ уже давно: въ 1814 г. (см. «Городокъ») Гомеръ стоялъ у него на полкѣ, недалеко отъ «Ферійскаго злого крикуна» Вольтера, отъ котораго Пушкинъ узналъ о Шандлѣ. Пѣснѣнниное обращеніе Вольтера къ этому «сѣтому вѣду, члѣ хрипѣе пѣнны, нестройный умъ и чудотворный вкусъ въ былые дни общи пѣвшахъ мѹдѣ», Пушкинъ впоследствии превелъ въ «Pucelle d'Orléans». О немъ Пушкинъ вспоминалъ такъ же несочувственно въ посланіи «Къ Жуковскому» 1817 г. (замѣтку о Шандлѣ см. дальше). Рюмаговъ, котораго Пушкинъ ставилъ на

БОВА-КОРОЛЕВИЧЬ.

Любимая картинка из собрания Ровинского.

«Легче, легче захватить было
 «Слабоумного златой вбнець,
 «Чѣмъ, надвѣвъ вбнець на голову,
 «За собою удержатъ его.
 «Вотъ уже пароть безмысленнай,
 «Ходишь праздники по улицамъ,
 «Межь собою не разъ товарищай:
 «Дай Богу помочь королевичу! —
 «Вѣдь Бова уже не маленькой,
 «Не вся отца своей годовушкой:
 «Шуды вѣтъ, что за рѣшеткою,
 «Онь опасень мнѣмъ замысламъ,
 «Что мѣв гдѣльсь съ нимъ, скажите мѣв?
 «Не оставишь ли въ тюрьмѣ его?»

Все собранье придумалось,
 Вѣвъ въ молчаньи потушили взоръ,
 То-то право золотой Совѣтъ,
 Не богатаи дѣвъ, а думали:
 Долго вѣвъ вельможы думали,
 Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
 Ротъ открывалъ было совѣтовать,
 Знатъ, хотѣлось посвѣдому,
 Громко крикнулъ, но одумался,
 И въ молчаньи закусили языкъ.

Ко лѣу переть пристави пидательна,
 Декаръ, славыи Жекулана шумъ,
 Зельдорфъ, обривай швабъ, звалъ,
 Табакеркою поскрипывалъ,
 Но молчалъ: своей премудрости
 Онь предъ всеми не показывалъ,
 Вихромахъ, Полканъ съ Дубацею,
 Стража трона, славыи рыцари,
 Вѣвъ сѣдѣли будто иконами,
 Громобуръ, извѣстныи силою,
 Но умомъ непроизительныи,
 Думалъ, думалъ и нечаянно
 Задремалъ и захрапѣвъ въ угау,
 «Что примѣра думѣ двѣстуетъ?
 «Что дѣльми силѣи върочаетъ?
 Вотъ звинули подъ перчаткою
 Храбрыи Мирокзоръ съ Пвашкою,
 И Полканъ, и Арзаморъ съвонъ
 И ко груди приклонились
 Тихо головами буйными,
 Елидъ съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
 Захрапѣвъ многомыслии!»

Долго спать было совѣтничкамъ,
 Елидъ Швуду не пришло въ изърѣкъ

одну посылку съ Шандленомъ, — князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, 1783—1837, посредственной поэты, пасть которымъ Пушкинъ свѣдѣлъ («см. о немъ стр. 190 не разъ. Что Пушкинъ «справочнаго Вергилія читалъ и перечитывалъ», видно изъ того, что «см. «Городокъ») въ числѣ его любимыхъ книгъ стоялъ Вергилій рядомъ съ «Иліадою» и «Освобожденнымъ Иерусалимомъ». Поэтъ откровенно сознается, что не могъ одолѣть скучнѣйшей «Мессіада» премудраго Клопптога. Милытъ отгадывалъ его изящный вкусъ рѣкостью красокъ и грубостью приемовъ,

подозвавшій ему изобразить артиллерійское сраженіе чертой съ ангелами, не говоря уже о его «приподнятомъ тонѣ и безконечныхъ длиннотахъ, за который Байронъ въ «Донъ-Жуанѣ» соглашался признать, что Милытъ, пожалуй, великій поэтъ, но требовалъ, чтобы и съ нимъ соглашались, что Милытъ невыносимо скученъ. Весьма возможно, что о Милытѣ Пушкинъ зналъ только изъ вольтеровскаго «Кантуса», тѣмъ великій сатирикъ смѣется, ставя его «сравненью странной и отчасти едкой поэмой». Камюшекъ въ своей замечител. «Лудаль» 1572 г., русскій переводъ Ал. Даширева, 1788 г., представляетъ Бахуса молящаго Премиссонъ Цивъ, а Венеру возносить молитвы Вакхо и Гамы къ Божеству престолу, что должно было смѣшать Пушкина нашимъ варварскимъ смѣшеніемъ элементовъ христіанства съ языческими образами древней мифологии. П. Лернеръ.

ЖАНЪ ШАНДЛЕНЪ.

Осѣмьдесятъ Вольтеромъ Шандленъ, 1795—1674, долгое время считался тонкимъ цѣнителемъ словесности и законодатель

телемъ слога. Изъ его произведеній особенно извѣстностью пользовалась когда-то его поэма «La Pucelle», прославлявшая подвиги Орлеанской Дѣвы; двѣнадцать пѣсней этой поэмы, оныя трудился пасть ней 20 дѣтъ напечатано было въ 1656 году; остальные 12 пѣсней появились только послѣ его смерти. Эта извѣстность и популярность, выражавшаяся, между прочимъ, въ томъ, что первая половина поэмы выдержала въ короткій срокъ извѣсколко изданій, была, однако, весьма неспроизводительна: когда первый порывъ восторга прошель, и настало время спокойной критики, для небуъ сдѣлазось яснымъ, сколько напыщеннаго, холоднаго, искусственнаго было въ этомъ заваденномъ не въ мѣру произведеніи. Шандленъ совсѣмъ не былъ поэтомъ по натурѣ, вслѣдствіе этого въ его поэмѣ почти нѣтъ и проблеска неподдельнаго воодушевленія: все дышитъ риторикой, полно аллегорій, мѣстами сбивается на правоученіе, обнаруживаетъ бѣдность или даже совершенное отсутствіе воображенія. Усибуъ, вынашій на долю «Pucelle», очень быстро смѣнился равнодушнымъ или пренебрежительнымъ отношеніемъ, особенно подъ влияніемъ того, что Буало неоднократно направляя свои

ЖАНЪ ШАНДЛЕНЪ.

с. гравюры 18 в.

сатирическія стрѣлы на роль Буало въ дѣлѣ различанія Шандлена, какъ лишешаго настоящаго дарованія писателя, указываетъ Пушкинъ въ посланіи «Къ Жуковскому» 1817 года: «Явится Деирео, исчезнетъ Шандленъ!»). Какъ законодатель слога, частый посылитель слова маркиза Рабуиисъ, критикъ, анализировавшій различныя произведенія французской словесности того времени, Шандленъ въ извѣстныхъ кругахъ пользовался уваженіемъ и авторитетомъ, хотя нѣкоторыя его сужденія напр. встрѣчающіяся въ разборѣ «Сиды» Корнелия

Табакерку на полъ выронишь:
Табакерка покатилася
И о шпору вручку ударилась.
Громобуря, крѣпко спящаго,
Затрепетала, разшвиохла,
Отлетѣла въ разныя стороны,
Храбрыя воишь пробуждается,
Одираться все собираетъ,
Между-тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыдара подымается—
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ, что свода потрясается,
Окна все прожаты и слышатся
И на петляхъ двери хлопчатся;
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричать героямъ:
«Царь! Боянъ тебѣ не надобенъ,
«Ну, и къ мѣрты королевича!
«Рѣшено — ему въ живыхъ не быть!
«Пощади, братья, вы распустите,
«Какъ съ нимъ патробно раздѣлаться»,
Тѣмъ и кончили: храбрыя воишь
Рѣчи любить законически.

«Ладно! мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ, потянувшись:
Завтра, друзья, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой».

Оплошала Додонъ съ отсрочкою:
Не твердила онъ крѣпко въ азбукѣ:
«Не откладывая до завтра,
Что сегодня можешь вынонить»,
Разошлись все притворные,
Ночь межъ-тѣмъ уже стужалась:
Царь Додонъ въ постель царскую
Вибѣтѣ съ милой дѣть сунутою,
Съ несравненной Миллирисею,
По спиной оборотился къ ней:
Въ эту ночь его величеству
Не ширать, а спать хотѣлось.

Миллирисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, иваномъ пошкою,
Съ госпожи свѣтъ платье шовково —
Юбку, мѣничка, ленты, кружева,
Все поць ключъ въ шкадулку спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью,
Тамъ она сама раздѣлася,
Пошла съ трудомъ оконешко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Свѣтлозарка нажа царскаго:
Къ темной почкѣ обѣдался онъ,
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.

Ждетъ, пожесть дѣвица красная,
Штъ какъ ибѣтъ все друта милого,
Чуть, бѣзѣть полночь — что же, Зощыма!
Видитъ: вхоить къ ней въ оконешко
Кто же? друтъ ли сердца ибѣжанаго?
Штъ, совѣсьмъ не то, читатели!
Видитъ: тѣмъ пль, придралъ старое
Виденосца съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ имѣетъ мантій,
Опоясанный мочалкою;
Видъ невѣщный, взоръ на локать,
Ротъ разинуть, зубы скалятся,
Уши длинные, ослѣнные
Надъ плечами громко хлопчатся...
Зоя вшитъ и со трепетомъ,
Узнаеть она, читатели,
Бенъакира Слабуоумнаго.

Трепетно, сматенъа полная,
Стала на колѣни Зощыма,
Слепишила ручку съ рукою,
Потушила очи лезые
Прочитала скоромъ шомономъ
То что ибѣтъ не могу я выдумать
Отца нашъ и Богородицу,
И тихонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи!
О Никола! Савва мужичка!
Обвините беззачинную,
Ты ли это, Царь нашъ Батюшка?
Одъ чего, скажи, оставилъ ты
Паша Царетвие небесное?»

«Глухымъ смѣхомъ освѣтившись,
Тѣмъ река прекрасной Зощыкѣ:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свѣтъ!
«Не пугать тебя мѣтъ хочется,
«Не на то сюда явился я
«Съ того свѣтъа причиниѣемъ,
«Весело пугать живыхъ людемъ:
«Но могу ли веселиться я,
«Если сына Бенъакирова,
«Милого Бову Царевича,
«На кострѣ изжарилъ завтра же?»

Бѣтронъ Царь заплакалъ жалобно:
Больно стало добромъ дѣвчичкѣ,
— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую. —

«Вотъ что хочется мѣтъ, Зощыма:
Пль темница сына шаручи,
И сама въ жилище мрачное
Сядь на мѣсто Королевича,
Пострадай ты за невѣщного,
Поклонись тебѣ тихонько
И скажу: спасибо, Зощыма!»

Зощыма дуть, приладумалась:

отношею не говорить въ его пользу и свидетельствуютъ объ односторонности его взглядовъ. По своему основному воззрѣнію, Шандэнъ былъ убѣжденнымъ классикомъ и немало содѣйствовалъ упроченію классическихъ «единствъ и правилъ» во французской литературѣ: нельзя отрицать, что это былъ человекъ весьма образованный и начитанный, многимъ интересовавшийся, въ штыкъ властный—очень свѣдущій, но отношею не даровитый, притомъ иногда—недостаточно самостоятельный и независимый въ своихъ сужденіяхъ. Шандэну посвящена книга Фабра «Chapelain et nos deux premières académies» 1890. Ю. В.

Разбирая «Лицейскія» стихотворенія Пушкина, Бѣлинскій говоритъ:

Изъ шестъ три уже слишкомъ плохи, а именно: «Бова»—отрывокъ изъ поэмы «Красавица», которая пошла табакъ, и «Бездѣлю», Бѣлинскій, Соч. изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 314.

Къ «Бездѣлю» мы еще вернемся. Относительно «Красавицы», которая пошла табакъ», мы высказали предположеніе (стр. 124), что при думшемъ текстѣ Бѣлинскій отнесся бы, вѣроятно, не такъ сурово. Не сомнѣваемся, что полный текстъ въ значительной степени смягчилъ-бы и дурное отношеніе Бѣлинскаго къ «Бовву». Конечно, въ общемъ, «Бова» не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго значенія. Но въ этомъ отрывкѣ есть отдѣльные мѣста и отступленія, которыя, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ «Бовву» очень важнымъ документомъ для исторіи міросозерцанія молодого Пушкина. Ни въ одной изъ шестъ лицейскаго періода не казалось такъ ярко вліяніе «Фернискскаго длого крикуна», какъ въ «Бовву». Въ томъ видѣ, въ какомъ отрывокъ печатается въ настоящемъ изданіи, это настоящее вѣнчаніе всего свѣтлаго».

Но все это канитность, пропала при первомъ появленіи въ свѣтъ «Боввы» въ помертвомъ изданіи. Частію цензура официальная, частію цензура пруденъ выбросили рать мѣсть, которая привнани сои шестъ, интересной именно общимъ тономъ чисто-вольеровскаго persiflage'a.

Огромная тетрадь Румиццевскаго Музея № 2395, дававшая опискунами небрежко-писарскія копія озаглавленнаго «Списокъ съ помертвыхъ сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина, выдѣленныхъ къ изданію: о ней въ концѣ тома, вѣтъ намъ указанія на работу цензуры официальной.

Мы уже указывали выше (стр. 170), что въ то время не разрѣшалось даже простое «пересторожное» приспособленіе къ извѣстнымъ предметамъ. Поэтому исчезли стихи 17—22:

Не дерзай въ стихахъ безмысленныхъ
Херувимовъ жарить пушками,
Съ сатаной обитать въ раю.
Иль святую Богородицу
Вѣстѣ славить съ Афродитой.
Не бывай я грѣховодникомъ.

Вѣдѣть за дѣтми исчезли стихи 26—27:

Катехизисъ остроумн
Словомъ—Кашу Орлеанскую.

и читатель, такимъ образомъ, оставался въ недоумѣніи: какую-такую «книжку славную, золотую, незабвенную» отыскать поэтъ.

Не пропустивъ простого упоминанія о поэмѣ Вольтера, цензоръ естественно долженъ былъ зачеркнуть прямое обращеніе къ Вольтеру и, что еще хуже, звучало въ то время,—къ Радищеву:

О Вольтеръ, о, мушъ единственный,
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ живымъ,
Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,
Обедаловъ въ Саксоніи.
Ты, котораго на Радищевъ
Вшуду-было взоръ съ улыбокю,
Будь теперь моею музою,
Нить я тоже подвѣмбился:
Но сравняюсь-ли съ Радищевымъ.

Наконечъ были совершенно переименованы цензурною стихи 169—174. Въ помертвомъ изданіи получалась идиллическая картина:

Царь Давидъ въ постелю царскую
Вѣстѣ съ милой летъ сунутою,
Съ неграшешной Милитрисой.

Между тѣмъ какъ у Пушкина дальне слѣдовали стихи и мало-прстойные и малопочтительные:

Но спитъ оборотился къ ней;
Въ эту ночь его величеству
Не спать, а спать хотѣлось.

Уже было указано (стр. 202), что сколько изъ сейчасъ приведенныхъ стиховъ были приведены въ изданіи Пискова; затѣмъ они появились въ изданіи Ефремова 1880 г., и, наконецъ, въ полномъ видѣ введены въ пушкинскую литературу покойнымъ Педзеновымъ на основаніи сличенія съ тетрадью Румиццевскаго музея № 2395. По тому же Педзенову принадлежить въ

Это жестко ей казалось:
Но, имѣя чувства иважныя,
Зои павиль согласилася
На такое предложение.

Такъ, ты правъ, оракулъ Францин.
Говори, что жена, слабый
Противъ стѣны Эроса юный,
Всѣхъ любитъ душу добрую,
Сердце иважно-неиритворное.
— Но скажи, о даръ возлюбленнымъ!
Зои молвила онойнику,
Какъ могу я, суди ты самъ,
Пренесться въ темницу мрачную,
Гдѣ горюеть твой любезный свѣтъ?
Пятьдесятъ отборныхъ вощовъ

Днемъ и ночью стережешь его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть нѣтъ очи зоркія?

«Будь спокойна, случай найдется:
«Поклянись лишь только, милая,
«Не отвернуть сего случая,
«Если самъ тебѣ представится .
И кинуся! сказала Зоица.
Внѣсь исчезло привитіе,
Плъ окошка быстро вылетѣвъ,
Воздыхая тихо, Зоица
Опустила тутъ окошечко,
И въ постель успокоившись,
Скоро, скоро снамъ забылася...

*ЛЮБОЧНЫЙ ОРНАМЕНТЪ.
Изъ собранія Римскаго.*

высшей степени близорукий и односторонний комментарий кь добытымъ имъ новымъ стихамъ «Бова»:

«Новые стихи эти — драгоценны для биографа Пушкина, какъ новое свидетельство объ увлеченіи нашего великаго поэта въ ранней юности беллетристическими произведениями Вольтера; они свидетельствуютъ, кромѣ того, и о тогдашнемъ взглядѣ Пушкина на Рашищева, какъ на автора сказки «Бова», сказки цинической, въ которой Рашищевъ, по его собственному указанію въ началѣ произведения, подражалъ Вольтеру. Въ ранней юности Пушкину приходилось попадать въ очень мутная теченія общественной жизни: «чуждая краски» темнымъ слезамъ дожились на его гениальную душу, и много благородныхъ успѣевъ долженъ былъ употребить потомъ поэтъ, чтобы эти краски сложили «ветхой чешуей». («Шестъ статей о Пушкинѣ», Сиб. 1892, стр. 71).

Только одинъ «цинизмъ» и усмотрѣлъ тутъ близорукій издатель. Вся оппозиціонная сторона вольтеріанства какъ-то совершенно испарилась.

Кромѣ цензуры официальной, «Бова», повидимому, подвергся кастрированію и со стороны друзей. Подготовили помертное издание и отдавая «Бову» для переписки (упоминанія на стр. 208 тетради № 2395), они, очевидно, повѣряли то, что по тогдашнему времени было-бы безуміемъ и представлять даже въ цензуру. Объ этомъ можно судить по тому листку, который достался А. П. Майкову отъ брата Анненкова и теперь находится въ отдѣленіи рукописей Академіи Наукъ. Изъ этого листка мы ввели въ нашъ текстъ стихъ 212-й (набравъ его въ курсивомъ):

Прочтала скорымъ пономомъ
То, что вѣкъ не могъ и выжить;
Отче нашъ и Божороду.

Это намеренно-небрежное упоминаніе о молитвѣ вѣдъ же показываетъ, что Пушкинъ, гнѣвительно, не даясь «Отче нашъ» по-

казывасть, что зачатки того тона, въ которомъ востодѣтвѣй была написана «Гаврилада», восходятъ еще къ лицейскому періоду.

Изъ того-же листка ввели мы стихъ (набравъ дѣвъ курсивомъ)

Дошла тутъ призадумалась
За спасибо въ тему яму съестъ
Это жестко ей казалось.

Наконецъ, тотъ же листокъ даетъ характерные варианты: «виценосець» вмѣсто «старичника» исправленной друзьями редакціи «студнымъ свѣтомъ» вмѣсто безумнаго «страннымъ свѣтомъ». Такимъ образомъ одно къ одному подбирается, чтобы убѣдить насъ, что передъ нами отрывокъ изъ текста, неизуродованнаго цензурными соображеніями.

Въ настоящее время этотъ неизуродованный текстъ можетъ считаться найденнымъ. Его даютъ извлечения изъ сгнѣвшейся утеренной Матюшкинскои тетради (см. въ концѣ тома), напечатанныя К. Я. Гротомъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г. № 10. Текстъ отрывка, появившійся на томъ листокѣ, который достался Майкову отъ Анненкова, вполне совпадаетъ съ Матюшкинскимъ текстомъ. Вотъ почему надо думать, что передъ нами тутъ не «ранняя редакція», какъ предполагалъ Майковъ, а единственный «Бова», не кастрированный ни цензурою, ни друзьями.

Но Матюшкинскои тетради дополнили мы нашъ текстъ весьма почетными стихами, гдѣ въ поясненіе тутъ Бондикира «слабоумнаго» сообщается:

Такъ бывало въприводахъ
Величави королеи своиу
Если король безвѣщавъ
Не въ постелѣ и не пощюку
Пошвали съ камергерами.

О мелкувъ огнѣмъ нашего текста см. въ концѣ тома.

С. Венгерозъ.

39. ЛИЦИНЫ.

Лициний, зрись ли ты: на быстром колесницѣ,
 Вывучанный завражи, въ блестящей багрянницѣ,
 Сибесто развалясь, Ветуліи молодой
 Въ голубую парощую летить по мостовой?
 Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
 Смотри, какъ лекторы народъ несчастный гонятъ!
 Листецовъ, сенаторовъ, предестинцъ длинный рядъ,
 Умиланно вельдъ за нимъ стремить усердный взглядъ;
 Ждутъ, ловить съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
 Какъ будто циннаго боговъ благословенья;
 И дѣти малыя и старцы въ сѣдинахъ,
 Всѣ ищутъ предъ идоломъ безмолвно вали въ прахъ:
 Дни шухъ и слѣды колесъ, въ груди впечатлѣнныи,
 Есть и въ кѣй памятникъ почтенный и священной,
 О Ромуловъ народъ, скажи, давно-ль ты пала?
 Кто всѣхъ поработилъ и властью оковалъ?
 Кивригы гордые подъ что преклонились,
 Кому жь, о небеса, кому поработились?
 Скажу ли? Ветулію! Отчизна стыдъ мойи,
 Развратной юноша возелъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деснога сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ простеръ время, отечество бедлавить;
 Ветуліи римлянъ дар!... О стыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель претана?
 Но кто подъ портикомъ, съ поинкшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клокою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
 Куда ты ищешь мудреца, другъ истины, даметъ?
 Куда не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Павкъ оставлю Римъ; я рабство ненавижу,
 Лициний, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
 Смирненно поклонясь форту и мечтамъ,
 Слѣдъо диника примѣромъ научиться?
 Съ развратнымъ городомъ не лучше ли намъ проститься,
 Едъ все протажное: законы, права,
 И консулъ, и трибунъ, и честь и красота?
 Нускай Ендерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ отдава, какъ наша кругова,
 Неопытность дружихъ въ наемну ловить сътъ!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами пѣтъ;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій;
 Нускай безвѣдннй Клинъ, слуга вельможъ, Корнелин
 Торгуяць поностью и съ дердостнымъ челомъ,
 Отъ знатныхъ къ богачамъ ползуть възъ тома въ томъ!
 Я сердце въ Римлянннхъ; лишнъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа,
 Лициний, пошлнмъ далеко отъ лабогъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Зависелнвой судьбы въ душѣ предрѣвъ уваря,
 Въ деревню пренесемъ отеческіе дара!
 Въ прохладѣ древннхъ рошъ, на берегу морскомъ,
 Найти негрушо намъ укромныя, свѣтлыя томъ.

39. Л. П. Ц. П. П. Ю.

На важное значение этой пьесы для биографии поэта указали впервые П. В. Анненковъ (Материалы, стр. 38). Именно, родные Пушкина долгое время относились съ недоверьемъ къ его поэтическимъ упражненіямъ, и примирились съ его литературными занятиями только послѣ написанія имъ пьесы «Индию». Д. Н. Майковъ справедливо замѣтилъ, что это пренебреженіе надо принимать съ извѣстною оговоркою, такъ какъ написанная ранѣе настоящаго стихотворенія «Воспоминанія къ Царскому Селу» доставили молодому поэту усѣбу, который не могъ не произвести благоприятнаго впечатлѣнія на его родителей. Но все же посланіе «Индию» могло возмущенностью тона и содержанія окончательно утвердить нѣтъ въ новомъ образѣ мыслей. Анненковъ же сообщаетъ интересную подробность, что два стиха (37 и 38):

Пушкинъ Гандерія, красавица младая,

Равно всѣмъ обидя, какъ чаща круговая...

приписаны Пушкину, и потому онъ прибавлялъ къ нимъ дѣльное стихотвореніе. Въ первоначальной редакціи, начатагои въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., ч. II, № 5, и въ окончательн. произведеній поэта въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг., стихотвореніе это носило любовнаго подзаголовка «къ латинскому», уничтоженный, начиная съ посмертнаго изданія. Происхожденіе этого подзаголовка объяснено ниже. Въ качествѣ главнаго источника для содержанія стихотворенія давно уже указываютъ на сатиру древнеримскаго поэта Ювенала (жившаго, приблизительно, между 55 и 130 гг. по Р. Хр.), которая въ упоминается въ ст. 58-мъ, и которая Пушкинъ вообще очень часто называетъ въ своихъ произведеніяхъ (стр. особенно извѣстное мѣсто въ VI строфѣ 4-й главы Онегина). Можетъ быть, къ жившию Ювенала надо прибавить и другихъ оппортунистовъ съ нѣмъ писателей. Такъ текстъ «Россійскаго Музеума» гласитъ слѣдующимъ любовнаго варианта къ ст. 58 му: «Свой языкъ воспламенено Петроніемъ, Ювеналомъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этого же варианта можно съ нѣкоторымъ правомъ заключить, что Пушкинъ читалъ нѣтъ писателей не въ оригиналь, а во французскомъ переводѣ — прѣвѣреннѣеи сатирикъ Г. в. по Р. Хр., со временникъ Перона, Petronius, по франц. Pétrope, откуди и русск. Петроніемъ, общаго Петроній. Какъ показано будетъ въ

другомъ мѣстѣ настоящаго изданія, это предположеніе можно подтвердить и иными, болѣе вѣскими соображеніями. Однако, опредѣлать по такому стихотворенію непосредственное знакомство Пушкина съ Петроніемъ, кажется, невозможно. Изъ Ювеналовыхъ же сатиръ къ стихотворенію «Индию» подходитъ всего болѣе третья. Это одно изъ удачнѣйшихъ произведеній древнеримскаго поэта, вызвавшее безчисленное количество подражаній въ европейской литературѣ, изъ которыхъ особенно извѣстна первая сатира Буало «Les embarras de Paris». У насъ, помимо перевода Ювенала П. М. Благовѣщенскаго (прозодю въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣд., 1884, № 4), Фета и Адольфа, эта сатира поэтически пересказана Д. Д. Минневымъ. Содержаніе 3-ей сатиры Ювенала въ краткихъ словахъ слѣдующее: другъ поэта, Умбрицій (мѣсто его у Пушкина заступаетъ не названный по имени республиканецъ, не имѣя силъ выносить долге суету и развратъ столичной жизни, кшащей къ тому же греческими проходимцами, рѣшаетъ покинуть Римъ, гдѣ бѣдному человеку невозможно прожить честнаго трудомъ, и хочетъ искать себѣ убѣжища въ одномъ изъ маленькыхъ италійскихъ городковъ. Свои намѣренія и чувствованія Умбрицій высказываетъ самому поэту, на мѣсто котораго у Пушкина является неопредѣляемый ближе Индиій. Но справедливому замѣчанію русскаго переводчика Ювенала, А. В. Адольфа, также отъиричанаго сходство этой сатиры съ стихотвореніемъ Пушкина (Сатира Д. Юнія Ювенала, М., 1888, стр. 82), она замѣчательна и своей нравственной тенденціей. Въ ней Ювеналъ выступаетъ страстнымъ патриотомъ и убѣжденнымъ моралистомъ. Вездѣ проходить полоса нелицитатнаго еще въ древнемъ мѣрѣ теллаго участія къ бѣдному человеку и чувство любви къ родицѣ, незаглушаемое даже пранственнатымъ ея наденіемъ и отреченіемъ отъ завѣщаннаго старинно прѣванія). Какъ какъ Пушкинъ не переводилъ этой сатиры, а стремился воспроизвести только, такъ сказать, общій тонъ ея, то приходится изъ ней текстуальная выдержки въ параллель со стихами нашего поэта, думая, вѣднине. Нѣкоторые отдѣльные штрихи начертанной Пушкинскимъ картинѣ повторяются также и въ другихъ сатирахъ Ювенала: таковы, напр., образъ быстрой вѣды юности въ началныхъ стихахъ, взятый скорѣе изъ первой сатиры (ст. 60 гл.), Нелзя не признать, что античный колоритъ

Где, больше не страшась парозного волнения,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенна.
 И тамъ, радилюжась въ уютномъ уголку,
 При дубѣ пламенномъ, возжеиномъ въ комедяѣ,
 Воспоминанья старину да дѣдовскимъ Ювеналомъ,
 Своей душѣ воспламенено жестокииъ Ювеналомъ,
 Въ сатиры праведной пороки изобразу
 И правы снхъ вѣковъ попомету образу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣиша!
 Придетъ ужасный день, день мщенна, наказанна.
 Предвизку грозного величя гоненя:
 Падеть, падеть во прахъ вселенная вѣнечя.
 Царствы юные, сыны свирѣной брани,
 Съ мечами на тебѣ подымутъ мощныя длани,
 И горы и моря оставятъ за собой
 И хлынутъ на тебѣ кипящею рѣкой.
 Незданья Римъ: его покростъ мракъ глубокой:
 И пушкы, устремивъ на груди каменной око,
 Воскликнуть, въ мрачное разумье углубленя:
 «Слобою Римъ возростъ, а рабствомъ погубленя».

из общего перелать Пушкиным прелесть, как это замечать уже Л. П. Подлипанов (Сочинения Пушкина, изд. 2-е, т. 1, стр. 25), говоря: «послание «Идилия» свидетельствует, как рано уже умел Пушкин извлечь из чужих и уроков истории превратить их типические образы, волиные жизни». Особой оригинальностью отличается начало стихотворения, которое прямо просится быть кистью художника. Строгий знаток древнеримской жизни, пожалуй, удивил бы дивясь только ту неточность, что поэт, повинуясь, изображает Ветулия идущим из колесниц в Рим, тогда как во времена Ювенала бдить из городищ позволялось только императорам и некоторым аристократическим коллегам. Очень хорошо также очерчены на стр. 32—34 типа клиентов, пресмыкающихся пред богатыми и знатыми патронами (ср. прелесть сцену из первой сатире Ювенала различия патронами клиентами денежной податки, так наз. спортулы). Имена лишь, упоминаемые в стихотворении, все античные, но не только не взяты из Ювенала, а даже и не исторические. Мало того, лица с именем Ветулий не встречаются ни в литературных, ни в эпиграфических памятниках древнего Рима. Сказать отсюда какой-нибудь дальнейший вывод относительно того источника, откуда поэт мог взять имя Ветулий, я не решаюсь, так как, несмотря на тщательные поиски, мне не удалось найти лица с этим именем во французской литературе. Касательно имени Идиллии отбрось, по всей вероятности, чисто случайное совпадение с Римскими сценками А. П. Гергена, где выведен весьма сходный тип, названный там же именем (ср. Воспоминания Т. П. Наседки, т. II, изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 65 и сл.).

Остается рассмотреть вопрос о произведении подзаголовка «с латинского». Конечно, было бы странно думать, что Пушкин хотел этой поэмкой ввести в обращение своего читателя, так как прелесть словесность, особенно латинская, была тогда прекрасно известна русским образованной публике. Равным образом, нельзя предполагать, что это сделано для шуток, как обыкновенно произведение этой поэмкой П. А. Плетнев, в письме к Я. К. Грогу Перепица Я. К. Грога с П. А. Плетневым, т. II, стр. 344. Л. П. Майков высказал по данному вопросу следующее замечание: «Пушкин, хотел, отразить

себя от цезурных степеней, или 2) «по мысли поэта, название «Идилия» с латинского» можно было просто указывать читателям на особый античный характер послания» (Сочинения Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 113). Больше близкой к истине представляется первая причина, так как напав на временщика деспота или указав на ненависть к рабству (особ. стр. 30 и 72) могли подать повод к столкновению с цезуром. Забыв в пользу этого мифа говорить, указывая Л. П. Майковым аналогии данного стихотворения с сатирой Рублева на Аракчеева (1820 г.), которой поэт также придает античный характер и снабдил припиской: «Потражение Персевой сатире Кв. Рубелию». Къ этому можно добавить, что и сам Пушкин впоследствии (изд. 1835 г.) назвал «потражением латинскому» свое цезурное стихотворение «На вадорочение Лукулла», где изображено вадорочение гр. Шереметева и разочарование по этому поводу наследника его, С. С. Уварова. Возвращаясь к шеф «Идилия», отмечаю мифические В. Я. Стоюнина (Историч. сочинения, ч. II, стр. 44 и 45), что в изображении временщика Ветулия нельзя не видеть намеков на Аракчеева». На самом деле, однако, Ветулий не может напоминать Аракчеева ни своим возрастом, ни развратностью поведения. А сверх того, «аракчеевщина» в 1815 г. не была еще достигнуто добром. Но нельзя не признать справедливости другого замечания того же исследователя: «В этой сатире уже видно, что у юного поэта стала развиваться нравственный идеал человека, с которым соединилось представление гражданина. Правда, в фантазии его еще не успели переработаться в идеал возжестивший и выражается довольно отвлеченно, но он уже стоит на определенной почве и должен привлечь внимание биографа к виду дальнейшего развития поэта»³¹.

А. Малеев.

1. В противоположность этому мифу В. Я. Стоюнина, довольно отвлеченно противоположную точку зрения С. Лубовиц про Аппиций Мир в поэмке Пушкина М. 1899, стр. 44—45, утверждает, что, при чтении духа страстности напавшего на Рим, чувствуется, что дактилический монолог служил до некоторой степени выражением влияния на современную жизнь нестационарного поэта, при чем проскальзывает до античного направления, которое было столь своеобразно юности Пушкина. Гораздо более удачны отмеченные там же исследователем контрасты с одной стороны человека

40. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Это стихотворение имеется въ трехъ редакцияхъ (см. стр. 218—220).

Первоначальная редакція настолько отличается отъ позднѣйшихъ переделокъ, что считаемъ необходимымъ привести ее здѣсь-же въ текстѣ.

Первоначальная редакція.

Къ Д... .

Послушай, мѣль певниныхъ
 Дукавей дуоиникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ
 Подготовь трѣшней ликъ.
 Умножилъ я соборовъ,
 И я главою поиникъ
 Предъ милою мечтою,
 Мой дидонка-подъ
 На то мнѣ вѣдь совѣтъ,
 И съ музами совсаталъ,
 Съ начала я началъ
 Шулъ стихи краилъ
 А тамъ нѣкъ напечаталъ
 И вотъ теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Бездокоу, Пустоу—
 Да я-жъ и виноватъ—
 Да ты же мнѣ въ досаду
 Что скажешь бѣднѣй свѣтъ?
 Стихами до насладу,
 Жукажишь Пару вѣдѣтъ:
Смотрите, вотъ поэтъ!
 Спасибо за посланье!
 Но что мнѣ польза изъ немъ?
 На трѣшника потомъ—
 Вѣдь стану въ посылкѣ
 Указывать перетомъ,
 Когда бѣ подобны были
 Моимъ твои стихи
 То скорѣй всѣ забыли
 Что Пушкинъ за трѣш
 Въ поэзію влюбленъ,
 И ходилъ на Парнасъ,
 Покою поклонилъ
 И пишетъ изъ доброй чести,
 Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты видно заодно:—
 И мнѣ просить Протономъ
 Отнынѣ суждено,—
 Увы мнѣ Метрому
 Куда сокровѣсь я?
 Вездѣ бѣды застану,
 Враждели друзья
 Певниное творенье

Позднѣйшая «своя» редакція.

Къ Дельвигу.

Отзывъ.

Послушай, мѣль певниныхъ
 Дукавей клеветникъ!
 Въ тиши полей пустынныхъ
 Прирою ученикъ,
 Подготовь трѣшней ликъ
 Умножилъ я соборовъ:
 И я главою поиникъ
 Предъ милою суетою,
 Жуковскій нашъ поэтъ
 На то мнѣ вѣдь совѣтъ
 И съ музами совсаталъ,
 Сначала я игралъ,
 Шулъ стихи маршалъ,
 А тамъ и напечаталъ,
 И что же? Радъ не радъ,
 Но поэтъ уже я братъ
 Бездокоу, пустоу...
 Тому, сему, другому,
 Что делать? виноватъ!
 Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты, видно, заодно:
 А мнѣ просить Протономъ
 Отнынѣ суждено:
 Вездѣ бѣды застану,
 Увы, мнѣ, метрому!
 Куда сокровѣсь я?
 Измѣнникъ-другъ
 Певниное творенье
 Ураканъ изъ городъ шлютъ
 И плоть устипеня
 Тисенно преданоу
 Бумагу убиваютъ!
 Нога окружаютъ
 Съ улыбкой острики:
 «Придиантесъ, намъ скадали,
 «Вы ищите стихика?
 «Увидѣть нѣкъ некая ли?
 «Вы въ нѣкъ изображали
 «Конечно румчика,
 «Конечно василечикъ,
 «Песочникъ, вѣтерочикъ,
 «Баранковъ и цвѣтликъ...
 О, Дельвигъ, начертали

Въ цитированномъ уже нами нѣсколько разъ разборѣ Г. А. Академическаго изданія «Историч. Вѣст.» 1899, № 7, стр. 205—206, Б. Никольскій дѣлаетъ интересное сближеніе:

«Никѣмъ не было еще до сихъ поръ замѣчено, что заключительныя строки пѣснь «Индія» А. К. 116 составляютъ воистинное, но несомнѣнное подражаніе знаменитому проклятію Камиллы въ «Горацияхъ» Корнелія. Для удобства читателей мы приведемъ рядомъ и оригиналь, и подражаніе. Вотъ французскій подлинникъ:

Rome, l'unique objet de mon essentiment!
Rome, à qui ton bras vient d'immoler mon amant!
Rome qui t'a vu naître et que ton cœur adore!
Rome enfin que je hais parce qu'elle l'honore!
Puis-ent tous ses voisins ensemble conjurés
Saper ses fondemens enor mal assurés
Et, si ce n'est assez de toute l'Italie,
Que l'Orient contre elle à l'Occident s'allie,
Que cent peuples unis des bords de l'univers
Passent pour la détruire et les monts et les mers,
Qu'elle même sur soi renverse ses murailles
Et de ses propres mains déchire ses entrailles
Que le courroux du ciel allumé par ma vœux
Fasse pleuvoir sur elle un déluge de feux!
Puisse-je de mes yeux y voir tomber ce foudre,
Voir ses maisons en cendre et tes lauriers en
poudre,
Voir le dernier Romain à son dernier soupir!
Moi seule en être cause et mourir de plaisir!

А вотъ заключительныя строки Пушкина:

О Римъ, о, торжнй край разврата, злобства!
Принять ужасныя тѣи—тѣи мщенья, нака-
занья,
Противу грознаго велича концы!
Натеки, натеки во прахъ вселенная вѣщи!
Народа ршые, сына свирѣлой браши,
Съ мечами на тебѣ понамути мощныя плаши,
И горы, и моря оставяи за собои
И хлынути на тебѣ вѣщавыя рѣвои.
Возвещай, Римъ, его покровяи мракъ гду
вои,
И пушкнн, устремивъ на труна каменъ око,

вразвѣтъ, — временникъ, Вѣдуши, побивецъ
всари, итѣи, селата и народа, летящи на вы
строй колѣщницѣ по улицамъ, Римъ, съ другой—
устроимъ фито-офрѣдиникъ, Даметъ, въ илорванъ
помъ плащи, съ терзальною конвою, — мрачно по
вѣщавои развратную и работникую стоищу.
Наконецъ, что касается помысла съ латинскаго
101 д. Любомудровъ считаетъ ее цѣпщию под-
дѣлою и предполагаетъ, что Пушкинъ подражаетъ
стихотворенію въ подражаніе латинскому — претъ
товарищамъ.

Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
Своботой Римъ возросъ, а рабствомъ погу-
бленъ».

Сближеніе г. Никольскаго не подлежитъ, конечно, оспариванію. Но оно же ярко подчеркиваетъ и самостоятельность молодого поэта. Въ навязанную Корнелемъ форму Пушкинъ вкладываетъ совсѣмъ другое содержаніе. Проклятія Камиллы продиктованы личнымъ чувствомъ, у Пушкина же проклятія плетъ страстно-любвищій родину гражданъ.

По соображеніямъ, высказаннымъ въ предисловіи къ настоящему тому, мы изъ двухъ редакцій—1815 и 1826 гг. беремъ, конечно, редакцію позднѣйшую. Переносъ это превосходное стихотвореніе въ изданіе 1826 г., Пушкинъ кореннымъ образомъ переработалъ его въ стилистическомъ отношеніи. Печаль «я люدتва ненавижу» и множество другихъ шероховатостей, о чемъ см. въ концѣ тома ст. «Исторія пушкинскаго текста».

Ред.

40. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Подзаголовкомъ позднѣйшей редакціи—«Одѣвѣ» показываетъ, что стихи Пушкина написаны въ отвѣтъ на посланіе Дельвига. Дѣйствительно, среди стихотвореній 1815 г. у Дельвига есть посланіе къ Пушкину, заключающееся строфою:

Пушкинъ! Онь и въ Авсѣхъ не укроется:
Лира выдать его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

Полагаютъ, что это посланіе вызвано усѣбствомъ Пушкина на публичномъ лицейскомъ экзаменѣ (въ январѣ 1815 г.), когда оный въ присутствіи Державина читалъ свою «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». (см.). Можно даже видѣть прямой намекъ на это чтеніе въ стихахъ:

И лавры его огнь привѣтстванъ
Умилешной голыи горятъ пламенемъ.

Посланіе Дельвига было напечатано въ томъ же 1815 г. въ «Россійскомъ Музеумѣ»; но Пушкинъ, конечно, узналъ его гораздо раньше отъ автора, и тогда же отвѣтилъ своему другу тоже посланіемъ. Упрекъ трудною Дельвигу за то, что оный стилистикъ сибирскій пришеделъ его къ настоящимъ литераторамъ, Пушкинъ, по обычаю того времени, выставилъ себя безмечемъ

Украдкой въ городъ шлоуъ,
 И плодъ удивленья
 Тисенно предаюъ,
 Бумагу убиваюъ,
 Поэта — окружаюъ,
 Съ улыбкой остряки.
 «Ахъ, сударь! мнѣ сказали
 «Вы пишете стишки!»
 «Увидѣть нухъ нельзя-ли?»
 «Вы ихъ нухъ изобразили
 «Конечно румечки,
 «Конечно, заислечикъ
 «Иль тихой ивторочикъ
 «И роши и двѣтки...»
 Съ Журналами сражаться,
 Съ Газетой торговаться,
 Съ *** восхищаться...
 Помидуръ, Аполлонъ!...

Мнѣ муда мой удытъ:
 Но гдѣ же мой печали
 Умножить захочуъ?
 Межь дѣви и Морфеи
 Безднечный духъ летѣи,
 Еще хоть хоть ошнъ
 Позволь мнѣ подвѣстѣи
 И нѣмой насладѣстѣи:
 Я, право, ивѣи слаги!
 А тамъ, хоть ивѣи омоты,
 Но притудъ ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ стороны:
 Я буду принужденъ
 Съ журналами сражаться,
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ восхищаться...
 Помидуръ, Аполлонъ!

А. П.

«Конецъ величия».
Мнѣ муда мой удытъ
«Торговаться и восхищаться...»
Съ Журналами сражаться
Съ Газетой торговаться
*Съ *** восхищаться... —*
Помидуръ, Аполлонъ!... —
 А. П.

АВТОГРАФЪ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ.

Заключительные стихи. (Пушкинскій музей Александровскаго Лицея).

«сблизимъ», не заботимся о литературной известности. В первоначальной редакции стихотворения см. стр. 215. Пушкинъ съ преимущественной скромностью отрицать достоинства своей поэзии, называть себя Пшаромъ и ставить себя, какъ поэта, ниже Дельвига. Это, разумеется, не было истиннымъ убжижениемъ будущего автора «Маятника». Несколько месяцев спустя, въ стихотворении «Мечтатель», онъ приравнивалъ съ гордостью «Дана мифъ лира отъ боговъ», а въ послании къ Батюшкову «Портомъ и возросъ», Поддубе, составляя программу своихъ воспоминаний о годахъ двенадцати и отрочества, Пушкинъ помянулъ ночь 1815 годомъ: «Мое шестванье». Впрочемъ, почувствовать скорбь дожидался тона, Пушкинъ въ томъ же 1815 г., перепечатать свое послание, вычеркнувъ стихи, исполненные январской скромности и прибавивъ 14 другихъ — передъ послѣднимъ четверостишиемъ, избивавшимъ основную мысль стихотворения. Пушкинъ въ этомъ сообразился, что ему «намертали ударъ муръ» и только просить позволения «сблизимся еще хоть тогъ ошнъ». Стихотворение написано въ распространенной въ то время формѣ посланія, каковы посланія Батюшкова и Жуковского. Въ стихахъ 35—45 есть сходство съ однимъ посланіемъ французскаго поэта Гресса.

Низкая Дельвига «дукавымъ духовникомъ» ст. 2, Пушкинъ хотеть сказать, что поверять ему свои стихи, какъ другу, какъ «духовнику», а отъ «дукаво» разболталъ о томъ всему свѣту. Можетъ быть, Дельвигъ былъ изъ числа тѣхъ «претелепруденъ» ст. 30, которые послали стихи Пушкина въ печать безъ его вѣдома. Переправка стихотвореніе въ 1825 г., когда готовилось къ изданію первое собраніе стиховъ Пушкина, куда, отъ посланіе «Къ Дельвигу» не вошло. Пушкинъ имѣло «духовникъ» поставилъ «клетчатникъ», но она ли это поправка не видана отъ имени цензуры см. критическое примечаніе въ концѣ тома. «Жидомъ поле» ст. 3 называетъ себя Пушкинъ, какъ лицеиста, принужденнаго беззастѣливо жить въ Царскомъ Селѣ. «Начебальникъ» стихотвореніи Пушкина ст. 13 къ началу 1815 г., было всего 5. Разумѣль ли Пушкинъ определеннаго лица подъ «Ведолковнамъ» и «Пустомъ» ст. 16, неидеоло, въ «Графюбъ» первоначальными наброскомъ стиха 62, впрочемъ, надо усматривать г-ра. Уюстова. Въ заключительныхъ стихахъ ст. 59—63

Пушкинъ представляетъ себя въ будущемъ литераторомъ, тогда какъ въ другихъ лицезренихъ стихотвореній онъ не разъ мечтаетъ о военной службѣ см. напр., «Посланіе къ Юлишу», 1-ое «Посланіе къ Галичу», «Посланіе къ В. А. Пушкину».

Валерій Брюсовъ.

Приводимъ изъ «Рос. Музеума» 1815, ч. III, № 9, стр. 260—261, весь текстъ стихотворенія Дельвига

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Кто, какъ лебедь цѣлуетъ Авоніи,
Обвѣнчанъ и муромъ и дарами,
Машкою немю при хорѣ порхающихъ
Въ сладкихъ гредяхъ отвился отъ матери:
Тотъ въ конгресахъ не муфтуется, на стѣнѣ
Нобжженыхъ пламени не влиаешь,
Сторбъ кормами суухъ перирителескихъ
Онъ не краситъ по храмъ Ареевомъ:
Флоты, исполненъ богатствомъ Америки,
Отъ топы, укаженной кровію,
Не замушаешь пукраты Экватора
Для него кораблями будущими.
Но съ младетчества онъ обучается
Воспѣвать красоты полнебесныя—
И лашты его отъ пришествія
Удивленной толпы горять пламенемъ,
И Наддага туманное облако
Раздвѣсаетъ отъ короля—и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И пороки, въ подлובה взирающихъ.
Пушкинъ! Онъ и въ тѣсахъ не укроеетъ:
Лира властаетъ его громкимъ пившемъ
И отъ смертныхъ восмита безсмертнаго
Анолель на Олимпъ торжествующимъ.

— Д. —

Это неуклюжее и мѣстами не совсемъ понятное стихотвореніе любопытно, какъ яркое проявленіе того восторга, который возбуждалъ Пушкинъ съ первымъ же шагомъ своимъ на литературномъ поприщѣ. И не столько, конечно, характерно, что его оставилъ похвалями одноблгокъ-товарищъ, а то, что съ произнесаніемъ полного имени панегирикъ былъ панегирикомъ въ перешествующемъ журналѣ.

Въ стихахъ 35—42 А. П. Майковъ усматриваетъ похраканіе сблудющимъ стихамъ изъ посланія Гресса къ едуну Буажану «Eptre au père Bougeant, jésuite:

Deja j'entends les périodes
Et les questions incommodes
De ces lurs de vers nouveaux,

ПАНОПЕОНЪ ПЕРЛЪ ОБЪЕДОМЪ НА ДЪБЪ.

Рисунки: Н. П. Павлов
Рисунки: Н. П. Павлов

РЕЗИДЕНЦІЯ НАПОЛЕОНА НА ЭЛЬБѢ.

Рисовокъ Ораса Верре.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

1815.

Вечерняя зоря къ пучинѣ поторала,
Надъ мрачной Эльбою послышалъ тишина,
Сквозь тучи блѣдныя тихою пробѣгала
Туманная дуга:

Уже на западъ съдой одѣтый мглою
Съ равниной синихъ вѣтъ сплывалъ небо-
склонъ:

Одинъ, во тмѣ ночной надъ шквою скажю
Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя тѣснились мрачныя думы,
Опъ новую въ мечтахъ Европы дѣль ковалъ
И къ дальнимъ берегамъ возведиъ взоръ
Угрюмый,

Сирѣбно прошептала:

Вокругъ меня все мертвымъ сномъ пошло,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не вылазеть ни углой въ море чолъ,
Ни гладный звѣрь не вззоветъ надъ могилей—
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, скорѣе, таинясь подъ рулями,
Меня помчигь покорная волна,

И сплывуъ вѣтъ прервется тишина?..
Волнуея, ночь, надъ Эльбскими скалами!
Мрачнѣе смись за туманъ дуга!
Тамъ ждугь меня безстрашныя дружины,
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ мѣръ лежить въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины
И грину вновь побѣдильной грозой!

И взыдутъ брань! за Галльскими орлами
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,

Кровавой токъ въ долинухъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивной щитъ!..
Но вокругъ меня все мертвымъ сномъ по-
шло,

Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не вылазеть ни углой въ море чолъ,
Ни гладный звѣрь не вззоветъ надъ могилей—
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О щастье! злобной обольстителъ,

И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранителъ,
И вѣрной вѣступъ съ юныхъ шей!
Давноль невидимой стезею

Меня ко грому ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣщахъ давровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народа
Несли мѣъ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня,
Дымилсь громы вокругъ меня
И слава въ блескъ надъ главою

Неслась, прикрывъ меня крыломъ?..
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!..

Полнощи Царь молодой!— ты винулъ опол-
ченья,
И гибель вѣдѣтъ пошла кровавымъ знаме-
намъ,

Отозвалось могущаго паленье,
И миръ земль и радость небесамъ,

De ces artistes généraux,
 Qui peignent les que Pétide
 Me tient absent depuis trois ans,
 Vont s'imaginer qu'je dois
 Le tribut de ma solitude
 A l'oisiveté de leur voix:
 «Eh bien, me dit l'un, dont l'Esprit
 Enchanté se-prit doucereux,
 «Sans doute, élève d' Virgile,
 «Sur les pipeaux harmonieux,
 «De Lieda, et d'Amarille
 «Vous aures soupiré les feux;
 «Vous aures chanté les beaux yeux,
 «Les premiers sou iris de Silvie,
 «Et des bouquets de la prairie
 «Vous aures orné ses cheveux.
 — Qu'apportez-vous? Point de mystère?
 Me vient dire avec un souris
 Quelque suivant des beaux-esprits,
 Insécte et tyran du parterre.
 «L'ouvrage est-il pour Thomassin,
 Pour Pelisser ou pour Gausin».

«Потрясение» здесь столь неопредѣленно, что это сопоставление можно принять только съ очень существенными оговорками. У Пушкина «острия» потынаются пять барашками, насилечками и вберочками, у Грессе же, наоборотъ, авторъ «сдѣланныхъ» и пиллэй шюльбъ серьезно рисуетъ представляемая подробности новой пиллэй. А самое главное — Пушкинъ совершенно самостоятеленъ въ очень остроумномъ потырь и шилмическихъ подробностяхъ.

Оставшіеся въ портретѣ автора отырь Дельвину появились только въ померномъ пиллэй соч. Пушкина. Онъ потыргался очень значительнымъ переѣлкамъ. Такъ какъ первоначальная редакція, актиграфъ которой хранится въ Лиденскомъ Пушкинскомъ музеѣ, очень значительно различается отъ подыбвишнхъ переработокъ, то мы взяли стихотвореніе изъ двухъ редакцій.

Нумеръ по рукописямъ Румишевскаго музея подыбвишнхъ переработки, В. Я. Брюсовъ устанавливаетъ текстъ, отличающийся отъ текста друнхъ изданій, въ томъ же шилбѣ и Академическаго. См. объ этомъ отличіяхъ въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Ред.

Николай Пра отъ.

Пушкинъ, упомянувъ имя Пранонъ въ послѣднѣмъ къ Дельвину, употребилъ его въ качествѣ нарицательнаго, чтобы обозначить неучащаго, бездарнаго «метромана», шцетно желающаго соперничать съ болѣе

галантными стихотворцами. Въ исторіи французской литературы Николай Пранонъ, род. въ 1630 или 1632 г., ум. 1698, оставилъ немалый слѣдъ, какъ противникъ Буало и соперникъ Расина, явившіеся послѣдними оружіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто хотѣлъ унизить автора «Андромахи» и «Ифигеніи». Раздраженный и задѣтый за живое остроумными нападками и насмѣлками Буало, Пранонъ старался отвѣтить ему тѣмъ же и выпустилъ рядъ полемическихъ сочиненій: «Nouvelles remarques sur les ouvrages du sieur D''» (1685), «Le Triomphe de Pradon sur les satires du sieur D''», «Le satirique français expirant» (1689). Безпадежное соперничество съ Расиномъ повело къ созданію Пранономъ трагедій «Phèdre et Hippolyte», на одинаковый сюжетъ съ Расиномъ, причемъ этой шцетъ была искусственно построена усѣбка, тогда какъ первая представленія несравненно болѣе выдающейся «Федры» прошли безъ всякаго усѣбка, подъ влияніемъ настоящаго заговора противниковъ драматурга. Пранонъ написалъ еще 10 трагедій—«Tamerlan», «Regulus», «Scipion l'Africain» и др., не вотъ шмающихся выше посредственности; ему же принадлежатъ единственная комедія, въ которой онъ старался осмѣять Расина и его шцету «Le jugement d'Apollon sur la Phèdre des anciens». Бездарность Пранона была вышущена въ рядѣ эпиграммъ, принадлежащихъ Расину, Жану-Батисту Руссо и др. Кромѣ драматическихъ произведеній, Пранонъ написалъ также нѣсколько мелкихъ стихотвореній въ легкомъ жанрѣ, тавно забытыхъ и не передѣвавшихся послѣ его смерти, равно какъ и его шцету, изъ которыхъ нѣтъ даже совѣмъ не были напечатаны. Ю. В.

41. НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Напечатано впервые въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., въ № XXV—XXVI, вышешемъ въ свѣтъ 25 іюня. Подпись Г... 14. 17 см. стр. 132. Это было первое появленіе Пушкина въ петербургской печати. До того онъ печаталъ только въ московскихъ изданіяхъ «Вѣст. Евр.» и «Россійскомъ Музеумѣ». Время написанія опредѣляется довольно точно самимъ содержаниемъ. Гасевскій, основываясь на томъ, что Наполеонъ жилъ на Эльбѣ съ мая 1814 по февраль 1814 относилъ стихотвореніе къ

А мѣй позоръ и заточенье!
 И раздробленъ мой звонкой щелью,
 Не блещеть племь на подвѣ браненъ:
 Въ прибрежномъ знакѣ мечъ забытъ
 И тускнѣть на туманѣ.
 И тихо все крутомъ. Въ безмолвнѣи почей
 Напрасно мучится мѣй смерти завыванье
 И стукъ блистающихъ мечей,
 И нацѣпихъ ярое стеченье
 Лишь плещущимъ волнамъ внимаешь жад-
 ной слухъ:
 Умолкъ сражений влѣкъ диавольный,
 Вражды кровавой таснуетъ грома
 И факель мщенія потухъ.
 Но близокъ часъ! придетъ минута роковая!
 Уже летитъ лавина грозный тронъ со-
 крытъ,
 Крутомъ простерта мела густая,
 И взоромъ гибель сверкая
 Блывающій мотылекъ на надубѣ сидитъ. —
 Страшно, о Галліи! Европа! мщенье, мщенье!
 Рыданъ твой бичъ возсталъ — и все падеть
 во прахъ.

Все стибнеть и тогда въ всеобщемъ раз-
 рушенъ,
 Царемъ поведутъ на гробахъ!
 Умолкъ — на небесахъ лежали мрачны тѣни,
 И мѣлцу, дальнѣхъ сумъ посплывуъ темны
 сѣни,
 Дрожащій, слабый свѣтъ на днѣхъ вали
 валь
 Восточная звезда играла въ Океанѣ
 И зрѣлася лавя блудная въ туманѣ
 Подъ своетомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ,
 И Галліи тебя, о мщеникъ, обвила:
 Побѣдилъ съ треномъ законные Цари
 Но зришь ли? гаснеть дѣнь, мгновенно гѣма
 сокрыла
 Лице плавающей лари,
 Простерлась тишина пать бедною сѣдою,
 Мрачится неба свошь, гроза во мѣдѣ вѣнеть,
 Все смолкло... трещитъ! погибелъ надъ тобою,
 И жребій твой еще сокрытъ!

1... 14 — 17.

ПАНАПОЛЕОНЪ НА ЭЛБѢ.

Рисункъ Раффе (Raffet).

второй половины 1814 года. («Современ.» 1863, № 8, стр. 368.). По П. А. Ефремовъ въ изд. 1880 г. совершенно правильно отмѣчаетъ, что «по указанию на бѣгство Наполеона съ Эльбы оно не могло быть написано раньше февраля 1815 года». Цѣлостительно стихи

И Галлія тебѣ, о, хищники, обилла,
Побѣди съ трепетомъ законные дары.

совершенно опредѣленно относится стихотвореніе къ періоду «Ста дней». Въ примечаніяхъ къ *Войнѣ*, гдѣ тоже фигурируетъ «Эльбы Императоръ» было указано, что извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона достигло Петербурга въ мартѣ, и поэтъ значить въ мартѣ или апрѣлѣ стихотвореніе и было написано. Наполеонъ на Эльбѣ принадлежатъ къ числу слабыхъ произведеній лицейской поры. Пушкинъ, оудъ иль его, не включивши въ изданія имъ самимъ собранія, и оно появилось только въ посмертномъ изданіи. Нельзя не присоединиться всецѣло къ Бѣлинскому въ его отзывѣ о «Наполеонѣ на Эльбѣ»:

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ написаны живыми и сильными стихами, хотя всѣ піеса для не больше, какъ декламация и риторика. Таковыя же стихами написана и піеса Наполеонъ на Эльбѣ, содержание которой теперь кажется избыточно-блѣднымъ. Пушкинъ застаываетъ Наполеона свѣрсно проносить въ разная руса-тельность на самого себя, превозносить своихъ враговъ, а о себѣ самомъ, одиавалось какъ объ удальномъ парадѣ сѣлѣ. Между прочимъ, Наполеону нечего свѣрсно провозвѣщать.

Полномъ даръ мѣдью Ты динилъ оубрѣна,
И гдѣль въ гдѣль пошла кровивымъ знаменамъ,
Отдавалось мочуато патенѣ
И даръ землѣ и ратисѣ небесамъ,
А мѣль—позоръ и поношеніе!

Чему удивлялись, что шестидесятивѣтній мальчишка такъ смотрѣлъ на Наполеона въ то время какъ на него также точно смотрѣли и престарѣлые и возмужавшіе поэты.

Соч. т. VIII, изд. Солдатенкова, стр. 322.

Блѣные Бѣлинскій говоритъ о подлинности, совершенно инымъ отношеніи Пушкина къ Наполеону. Къ этому отношенію мы еще вернемся. Гавевскій всецѣло присоединился къ отзыву Бѣлинскаго и находилъ, что «оба т. е. и Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» стихотворенія пѣвцами одами Державина и также же, какъ оубѣ, долготы и пишущими: къ нимъ, особенно въ Наполеонѣ, также много гдѣткима-властиваго добротства, составившаго въ то время главныи ширеніе парносіе.

скихъ сочиненій» «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 368.

Я. К. Гротъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія. Онъ находилъ стихотвореніе «замѣчательнымъ». Въ немъ, по мнѣнію Грота,

модной поэтъ пытается угадать, что долженъ былъ думать и чувствовать царственнымъ удаль, когда онъ готовился воспрятить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается, наконецъ, выполнить свой теракн замаскась:

Уже летить ладья, гдѣ грозныи тронъ сокрытъ,
Крутомъ простерта мѣла густая,
И взоромъ гдѣбелн сверкала,
Блѣннвоушн мѣтаскъ на пауубѣ свѣтитъ.

Тутъ свѣтаетъ метафора, являющіи достояніи необычайной картини Грота, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Сиб. 1899 стр. 47.

Майковъ энергично полемизируетъ съ отзывомъ Гавевскаго. Онъ считаетъ, что

эти рѣзкія строки доказываютъ, что Гавевскій нельзя понимать характеръ тогдашняго патриотизма. Правда, что въ этомъ настроеніи было немало односторонности, что какая-то особая торжественность свѣннвалася въ немъ съ наибольшою возрѣнн, но несомнѣно, что оно было явнѣльскренне и потому оказывало благотвѣтельное, общирноее влнтеніе на русское общество въ переломаемыи имъ тяжелыи минуты.

Связка Машкова на искренность патриотизма Пушкина едва-ли имѣеть ту-ль какое-нибудь значеніе. Дѣло въ данномъ случаѣ не въ личной искренности, а въ *искренности торжественна*. Не подходитъ высоко-торжественный тонъ къ сильному простотой таланту Пушкина, вотъ въ чемъ тутъ дѣло.

Бѣлинскій причислялъ «Наполеона на Эльбѣ» къ темъ стихотвореніямъ, въ которыхъ

преобладаетъ метрическій тонъ въ тухъ мудри Жуковскаго, стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго: въ самомъ началѣ на предметъ вѣнны замѣчательно уменьша отъ учителя.

Начало стихотворенія: ночная тишина, туманная думъ и т. д., конечно, далеко право, миновать Державина, удаиваивать связи съ Жуковскимъ. Но Бѣлинскій и тутъ, и по поводу другихъ стихотвореній лицейскаго періода уноскаль изъ шуд Державина второй поры, когда на ряду съ торжественно-па и скромно-добротствою онъ поддался романтическому влнтенію Оссѣана. По поводу Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ уже было указано (стр. 196—198) Державинско-Оссѣановское влнтеніе на Пушкина и въ частности «Вотчалъ». Начало «Напо-

КЛЕМАНЪ МАРО Marot.

42. СТАРИКЪ.

Редакція Россійскаго Музеума.

СТАРИКЪ.

Изъ Марота
 Ужь я не тотъ философъ страстной
 Что прежде такъ любить умѣлъ,
 Моя весна и лѣто красно,
 Ушли за тридевять земель!
 Амуръ, сибѣй возраста златова!
 Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтялъ:
 Ахъ! есть либѣ я рожился снова,
 Ужь такъ ли бѣя тебѣ служилъ!

Александръ Н. — П

Редакція изданія 1826 г.

СТАРИКЪ.

Ужь я не тотъ любовникъ страстной,
 Кому шивался прежде сибѣй;
 Моя весна и лѣто красно,
 Навѣкъ прошли, пропала и сибѣй.
 Амуръ, богъ возраста млатого!
 И твой служитель вѣрнѣй бывалъ:
 Ахъ, если бѣ мочь рожиться снова,
 Ужь такъ ли бѣя тебѣ служилъ!

деона на Эльбѣ) столь-же сильно напоминаетъ «Вотюадъ»: и зѣвѣ, и глѣмъ, на фонѣ гроднаго ландшафта, освѣщенного дуннымъ свѣтомъ, фигура человека произносящаго монологъ. А по содержанию стихотвореніе уже входитъ въ стѣлѣ Державина.

Рукопись «Наполеона на Эльбѣ» не сохранилась и мы печатаемъ стихотвореніе вполнѣ точно по тексту «Сына Отечества» и въ орфографіи его. Последнее интересно тѣмъ, что редакторомъ «Сына Отечества» былъ первенствующій грамматическій авторитетъ того времени—Гречъ. И вотъ въ его журналѣ тоже пишутъ *таше*, *вѣрноп*, *звонкой* и пр. Любопытно, что въ одномъ мѣстѣ мы находимъ начертаніе *тѣмъ*, въ другомъ соответствующее ему *тѣмъ*, а затѣмъ вверху *тѣмъ* (стнхъ 88). И это не опечатка. Характерная черта орфографіи того времени—ея неустойчивость. Силою же рядомъ на страницахъ одного и того же журнала въ статьяхъ одного писателя одна орфографія, въ статьяхъ другого—другая. Но въ данномъ случаѣ даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи разная орфографія.

С. Венгеровъ.

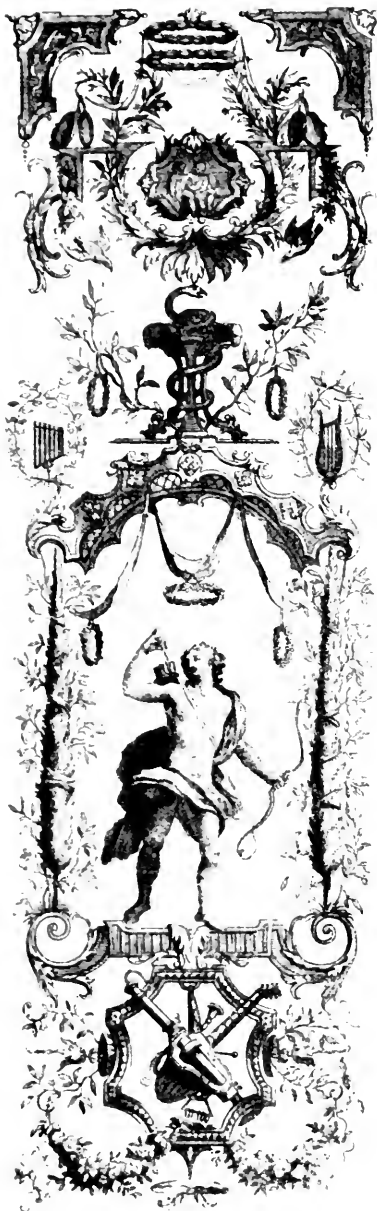
42. С Т А Р К Ъ .

Мотивъ стихотворенія замечтованъ у Клемента Маро (род. 1495 г. въ Кагорѣ и умеръ въ 1544 г. въ Туринѣ).

Кл. Маро, сынъ поэта Jehan des Mares, по прозвищу Marot, признается самымъ выдающимся поэтомъ своего времени. Жизнь его полна трагическихъ контрастовъ. Слушатель Сорбонны, затѣмъ актеръ и авторъ фарсовъ среди Enfants Sans-Souci, сдѣлавши костюмъ гасера на тогу адвоката, а эту послѣднюю на военный латы, онъ, по вступленіи на тронъ короля Франческа I, королевенцата, попадаетъ ко двору. Зѣвѣ онъ вскорѣ приобретаетъ славу первокласснаго стихотворца, пользуется милостями короля, вѣдаетъ его valet-de-chambre, участвуетъ въ битвѣ при Пави, попадаетъ въ плѣнъ, а по возвращеніи въ Парижъ попадаетъ въ тюрьму, по обвиненію въ протестантской ереси, и не кончаетъ шафротомъ лишь благодаря заслуженному своему покровителю-королю. Затѣмъ онъ выступаетъ въ качествѣ издателя знаменитаго Roman de la Rose (1527) и въ томъ же году вновь попадаетъ въ тюрьму, отъ которой опять спасаетъ его король. Шлыи рѣчь зѣвѣ

онъ пользуется славой величайшаго поэта и, для жизни между любовью Маргариты Парварскы и поэзіей, со всей легкостью своей натуры прелается наслажденіямъ. Но вновь величавая религиозная борьба исторично подвергаетъ Маро, симпатія котораго къ протестантизму были слишкомъ явны и выгоды его личнымъ врагамъ, опасности быть сожженнымъ на кострѣ инквизиціи. Онъ бѣжитъ въ Феррару, откуда посылаетъ во Францію свои знаменитыя эпиграммы Blasons, и посланія Epitre. Ему удается опять оправдаться и цѣною позорнаго отреченія отъ «еретическихъ ученій» при торжественной обстановкѣ въ Луврскомъ соборѣ добиться возвращенія во Францію. Но этимъ его злоключеніе не кончается. Враги не дремлютъ и только ждутъ удобнаго момента для отмененія. Около 1534 г., подъ вліяніемъ своего друга Кальвина, онъ принимается за совершенно несвойственную его музѣ работу и совершаетъ «страшное преступленіе», переводя французскими стихами 30 псалмовъ Давида. Это ультра-еретическое произведеніе требовало неуступительной жертвы. На этотъ разъ избѣжать костра было невозможно, и только бѣгство въ Женеву спасло автора въ третій разъ отъ смерти ad majorem Dei gloriam. Однако и Женева оказалась враждебной непославному поету. Онъ вскорѣ былъ присужденъ къ повѣшенію за предобовѣніе, и только заступничество Кальвина спасло его отъ протестантской вѣщницы, замѣненной накаданіемъ плетью на горючкѣ перекресткахъ. Осталась въ Женевѣ было нельзя, и Маро перебрался въ Туринъ, гдѣ вскорѣ и умеръ въ бѣдности.

Такова истиннѣйшая необычайная судьба этого человека, произведеніями котораго долгое время восторгалась вся Франція и который долгое время былъ верховнымъ судьей французскаго Парнасса. Его знаменитыя Blasons, Coq a l'âne, Epitre, Rordeaux, Epigrammes, стали образцами поэтической стили, получившаго имя поэта le style marotique, ставшаго главою цѣлой школы и имѣющаго массу поражателей то знаменитаго Лафонтена включительно. Его гений не былъ созданъ для трактованія крупныхъ и среднихъ сюжетовъ, но въ отожественной имѣ для себя области, онъ занимаетъ первостепенное мѣсто. Тонкость, граціи, неподдѣльная веселость, въ связи съ замѣчательнымъ изяществомъ, вышностью и въ то же время силой выраженія отличаютъ его произведенія, зачастую про-

43. ВОДА и ВИНО.

Люблю я вь полдень, возмаленной
 Прохладу черпать изъ ручья,
 И вь роувъ тихой, отдаленной
 Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя.
 Когда жь вино въ край прикасается,
 Напившись изъ чаши круговой,
 Друзья, скажите: кто не плачетъ,
 Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ перзювенной,
 Кто первой грѣшилоу рукой,
 Печельемъ буйнымъ осбвиленной,
 О, страхъ!... смѣлеть вино съ водою!
 Да будетъ проклятъ родъ людской!
 Пускай не въ силухъ будетъ шить,
 Или, стаканами влавляя,
 Ларить съ Цамалискимъ различить!

1... 17 14.

44. БАТЮШКОВА.

Вь пещерахъ Геликона
 Я инокга рожденъ:
 Во имя Аполлона
 Гиблаюмъ окрещенъ,
 И свѣтлой Ниювреной
 Съ издѣства напоенъ.
 Поть кровомъ вѣшннхъ розъ,
 Поэтому я возростъ.

Веселый сынъ Эрмъ
 Ребенка подобилъ,
 Вь дни рѣзвости латая
 Мнѣ дудку позарилъ,
 Знакомьсь съ нею рано,
 Дудилъ я непрестанно:
 Песклатно хотъ игралъ,
 Но Музамъ не скумалъ.

А ты, ивведъ лабана,
 И другъ Пермескихъ дѣвъ,
 Ты хочешь, чтобы слава
 Студюю подетивъ,
 Простякъ съ Анакреонмъ,
 Сибилль а да Марономъ,
 И пѣль при дудкахъ лиръ
 Войны кровавай ширъ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
 Охота, скудный даръ,
 Ною подъ чуждымъ небомъ,
 Владн юмашннхъ ларъ,
 И съ перзюстншамъ шаромъ
 Стращаешь дѣлать не паромъ,
 Бреду своимъ нумемъ:
Биръ, великой при своемъ.

Диккенсиръ Нкв

питанная рѣзкой сатиры, блещущія инкассным остроуміемъ и не лишеныя свойственнаго времени окроветннато пирричійа.

Сочиненія его издавались нѣсколько разъ и Пушкинъ, вѣроятно, пользовался для своего перевода изданіемъ 1731 г.

«Старикъ» является переводомъ-переделкой слѣдующаго стихотворенія Маро:

DE SOY M'ES ME (1537).

Puis ne suis ce que j'ay esté
Et ne le scaurois jamais estre:
Mon beau printemps, et mon esté
Où fait le sault par la fenestre,
Amour, tu as esté mon maistre,
Je t'ai servy sur tous les dieux,
O si j'e pouvois deux fois naistre,
Comme je te servir is maux 3)

«Старикъ» имѣется въ двухъ редакціяхъ, которая обѣ приведены на стр. 223. Первая редакція напечатана въ «Рос. Музеумѣ», 1815 г., ч. II, № 5. Вторая въ изданіяхъ самымъ Пушкинымъ собранійхъ 1826 и 1829 гг. Эту позднѣйшую тексты совпадаютъ съ текстомъ рукописи Румянц. Музея № 2364 (см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста»). Сравнительно текста, Л. П. Майковъ говоритъ:

Тексты рукописи согласны съ текстомъ изданія 1826 года, и въ Россійскомъ Музеумѣ текстъ предъ нами въ значительной степени, протретированъ, во всему вѣроятно, отъ поправки посторонней руки. Сличеніе перевода съ подлинникомъ показало, что онъ сдѣланъ не особенно близко, причемъ позднѣйшая редакція перевода, 1826 года еще дальше отъ оригинала, чѣмъ первоначальная, напечатанная въ журналѣ. Если справедлива наша догадка, что отлнчія журнальной редакціи принадлежатъ посторонней рукѣ, то слѣдуетъ доложить, что эти отлнчія произошли отъ поправки, сдѣланной съ цѣлью приблизить переводъ къ подлиннику. Въ такомъ случаѣ мы принадлежали бы отъ поправки эти подл. лиценста, Василію Львовичу Пушкину, пріятелю и издателю Россійскаго Музеума — В. В. Шумайлова и большому почитателю произведеній Клемена Маро; вероятно изъ него съ въ собраніи сочиненій В. Л. Пушкина.

ВОДА И ВИНО.

Больше я не токъ, что быть
И не сумѣю нмъ школа быть,
Моя крайняя вина, и мое зло
Слѣдуетъ прѣдлокъ черезъ окно,
Амуръ, ты былъ моимъ учителемъ, госпо-
иномъ,
Я тебѣ слушать, сверкъ и бѣлъ вогоню,
О если бы я могъ дважды родиться,
Сколько лучше я бы тебѣ слушать.

Противъ этихъ соображеній можно выдвинуть другія. Дело въ томъ, что сличивъ оба варианта этого стихотворенія съ произведеніемъ Маро, нетрубно убѣдиться, что оба перевода довольно далеки отъ оригинала. Первые четыре стиха совершенно расходятся съ нимъ. Вторая половина въ обѣихъ версияхъ ближе къ французскому тексту, причемъ изданіе 1826 г. точнѣе передаетъ нѣкоторыя выраженія Маро. Слѣдовательно, если говорить о близости переводовъ къ подлиннику, то придется отдать предпочтеніе тексту изданія 1826 г., и, такимъ образомъ, мнѣніе о томъ, что въ изданіи 1815 г. передъ нами текстъ, къъ то исправленный въ цѣляхъ приближенія къ подлиннику, придется признать неправильнымъ.

Гораздо проще предположить, что оба варианта принадлежатъ самому Пушкину, причемъ вариантъ 1826 г. является безусловно исправленной редакціей варианта 1815 года, что ясно видно изъ сопоставленія 2-го и 4-го стиховъ въ обѣихъ версияхъ. Итъ сомнѣній, что эти стиха въ изданіи 1826 г. явились потому, что въ первой редакціи они съ точки зрѣнія ритмы были очень плохи — ум. бл. рнмуется съ з е м е д л ѣ, и Пушкинъ выбросилъ ихъ, замѣнивъ болѣе удачными. И. Гливенко.

ВОДА И ВИНО.

Стихотвореніе это напечатано было въ «Рос. Музеумѣ» 1815 г., № 6, съ подписью Л. 17 14 см. стр. 170. Пушкинъ не внеслъ его въ собранія своихъ стихотвореній, забылъ о немъ и издатели посмертнаго собранія 1838—1841 г. г., и оно появляется вновь только въ изд. Анненкова, который см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста».

«Вода и вино» принадлежитъ къ циклу анакреоническихъ стихотвореній лицейскаго періода, въ которыхъ Пушкинъ съ впускнымъ умаретвомъ старался изобразить въ себя диническую культуру. Неку ственности тема скадалась въ общей небрежности обработки (ст. 7—8, 15) и мало продуманности отдѣльных мѣствъ. Почему для того, чтобы «сблизить» вино съ водичиною, ослѣдственными «счастіемъ бу и ны м ѣ»? Конечно, наоборотъ это про исленіе умбренности. Ред.

35. ЭПИГРАММА.

Бывало прекинулъ дѣвъ Герой,
 Окончивъ славу брань съ противной стороны,
 Повеселъ мечъ войны средь отеческіи кущи:
 А Трапикъ нашъ Бурукъ, скончавъ чернильный бой,
 Повеселъ уми.

1. 17... 14.

36. КЪ ПУЩИНУ.

4 мая.

Любезный провинничекъ,
 О Пущину дорогой!
 Прибрелъ къ тебѣ пустышникъ
 Съ открытою душой;
 Съ пришельцемъ обнимися,
 Но доброго пивца
 Встрѣчать не суетися
 Съ параднаго крыльца:
 Онъ гость безъ этикета,
 Не требуетъ привѣта
 Лукавой суеты:
 Примижь его любезна
 И чистый желанья
 Сердечной простоты!
 Устрой гостямъ пирושку:
 На столикъ воценой
 Поставь винную кружку
 И кубокъ пушковой.
 Старинныя собутыльнички!
 Забудется на часъ,
 Пускай ума сибирьнички
 Показесть намъ въ насъ,
 Пускай старикъ крылатый
 Летитъ на почтовыхъ!
 Намъ дорогъ мнѣ утраты
 Въ забаву лишь отишуъ.
 Ты счастливъ, другъ сердечный:
 Въ споконствіи длаомъ
 Течеть твой вѣкъ безмечный,
 Проходить тебѣ за шемъ.

И ты въ бесѣдѣ Градинъ,
 Не знавъ чернахъ бѣдъ,
 Живешь какъ жилъ Гораций,
 Хотя и не Поэль.
 Пить кровомъ небогатомъ
 Ты вовсе не знакомъ.
 Съ злобѣдливъ Пинократомъ,
 Съ нахмуреннымъ пономъ
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ:
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Фротъ:
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И грубки пивъ густой,
 И Демонъ Метромановъ
 Не властвуетъ тобой. —
 Ты счастливъ въ этой толѣ:
 Скажи, чего же болѣ
 Мнѣ другу пожелать?
 Придется замолчать...
 Даи Богу, чтобы я съ друзьями
 Встрѣчая со мной Манъ,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказать тебѣ стихами:
Вотъ кубокъ, наддай!
 Веселье, будь до гроба
 Соуднички вѣрной пивъ,
 И пусть умремъ мы оба
 При стулкѣ подпыхъ чайн!

1... 14. 17.

14. БАТЮШКОВУ.

Въ статьѣ «Пушкинъ и Батюшковъ» стр. 151 уже говорилось объ этомъ второмъ посланіи къ Батюшкову, съ которымъ Пушкинъ теперь разделъ довольно тѣсное личное знакомство. По неосмотру автора, заключительный стихъ

Будь вѣкомъ при своемъ

приписанъ тамъ Батюшкову. Но требуетъ поправки и указаніе Ефремова, Майкова и того же П. О. Морозова въ обоихъ его изданіяхъ, что стихъ этотъ почти цѣлкомъ повторяетъ 90-ый стихъ посланія къ Батюшкову Жуковскаго:

Будь какъ вѣкъ при своемъ.

Дѣло въ томъ, что въ той части посланія, гдѣ имѣется этотъ стихъ, оно представляетъ собою вольный переводъ Шиллеровскаго «Радѣла земля».

Стихи 17—18.

И ты введи забаву

И дружъ пермесскихъ тѣвъ.

намекъ на стихи «Мошѣ пенатовъ» Батюшкова, которыми Пушкинъ и здѣсь подражаетъ:

И сладки вѣсновина

Боши пермесскихъ тѣвъ.

Пермесскими богами назывались Музы, по рѣкѣ Пермесѣ, вытекающей изъ подошвы Геликона.

Второе посланіе къ Батюшкову, съ одной стороны, несомнѣнно, показываетъ, что Пушкинъ уже вполнѣ опредѣленно создалъ свое поэтическое призваніе. Онъ «спознать возросъ», «веселый сынъ Эрмія», т. е. богъ поэтическую забаву. Намъ «воднобилъ» его еще ребенкомъ и т. д. Но есть въ этомъ посланіи одна подробность, которая влечетъ съ тѣмъ свѣдѣтельствомъ, что еще не вполнѣ закончилась и пора сомнѣній въ своемъ призваніи. Мы говоримъ о сопоставленіи съ «пердестымъ Царемъ». Уже не разъ указывалось въ нашихъ примечаніяхъ и впрямь не разъ будетъ указываться, что Пушкинъ всета по-то самъ находится не только подъ властью одного общаго настроенія, но и отъдѣльнаго какого нибудь имени, образа, сравненія. Таково въ стихотвореніяхъ 1812 года имя Деянъ (см. стр. 66, въ стихотвореніяхъ 1814 года кардинале желаніе называть себя монахомъ. И въ данномъ случаѣ Царь не въ первый разъ названъ. Въ смежномъ посланіи къ Дельвину въ первоначальной редакціи, см. стр. 215, тоже говорится объ Царѣ, т. е. о томъ

безумцѣ, который на восковыхъ крыльяхъ хотѣлъ подняться къ солнцу. Крылья не выдержали солнечнаго зноя, самонадвѣнный безумецъ упалъ въ море и погибъ. И вотъ намъ на основаніи этого характернаго возвращенія мыслей молодого поэта къ мнѣ весьма мало популярному и рѣдко кого интересующему, въ такомъ видѣ рисуется психологія Пушкина въ началѣ 1815 года. Подъ вліяніемъ огромнаго успѣха «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» у молодого дебианта первоначально закружилась голова и зародилась гордая мечта возлетѣть высоко, высоко. Но свойственное каждому серьезному дарованію строгое отношеніе къ себѣ заставляетъ его мучительно раздумывать о раздѣлахъ своей силы. Посланіе къ Батюшкову — послѣднее проявленіе этого раздума. Юный поэтъ окончательно здѣсь подаетъ свою силу, и имя Царя уже намъ не встрѣтится болѣе.

Стихотвореніе напечатано въ июньской см. П. № 6) книжкѣ «Россійскаго Музеума» за подписью Александръ Пкинъ. Пушкинъ не переизменялъ его въ изданныхъ имъ собраніяхъ соч. 1826 и 1829 гг. и оно появилось только въ Анненковскомъ изд. 1855 г., т. II.

Мы воспроизводимъ текстъ по «Рос. Музеуму» и въ его орфографіи. О мелкихъ отличіяхъ этого текста см. въ концѣ тома.

С. Венгеровъ.

15. ЭПИГРАММА

БЫВАЛО ПРИНИМАЛЪ ДѢЛЪ ГЕРОЙ.

Напечатана въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г. № 6, съ неразрѣшенной подписью: I. 17... 14, какъ см. стр. 170).

Майковъ даетъ такое объясненіе этой эпиграммы:

Время сочиненія эпиграммы—первое дѣлѣца 1815 года—опредѣляется слѣдующими обстоятельствами: 12 января этого года, на Маломъ театрѣ въ С. Петербургѣ, была представлена, въ benefitъ знаменитой Е. С. Семеновны Волытерова трагедія «Заиръ», переведенная Педелинскимъ, Гибичемъ, Лобановымъ, княземъ Шаховскимъ и Жихаревымъ Урановъ, П. Антоши русскаго театра, стр. 191 и 234. Объ этомъ представленіи повѣдала въ № 7 Рус. Инвалида критическая замѣтка отъ издателя Н. П. Цедаровска, съ вполнѣ благопріятнымъ и вѣскольکو прощескимъ отношеніемъ объ ирѣ актеровъ Юрженко и Пешкова; на замѣтку съелъ нужнымъ отвѣчать Шаховской, какъ дѣйствующій въ то время русскій друиной и принимавшій участіе въ постановкѣ «Заира» отвѣтъ его былъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества» т. XIX, № 4, и авторъ объясняетъ, что къ составленію подраздѣнія побудилъ его страхъ, чтобъ критика вѣдѣго пользы не нанесла

Рисунок Сиррани, въ трагедии Бартоломео.

47. КЪ ГАЛИЧУ.

Пускай утормитъ Рюмотворь,
 Новыиъ макомъ и крашовой,
 Холодныхъ отъ творецъ ретивон,
 На скушный дядь спастая изиторь,
 Зоветь обѣщать Генерала:
 О Галичь, вѣрнай другъ бокала
 И жирныхъ утрешнихъ пирровъ,
 Тебя доку, мудрецъ длинновой,
 Въ пріютъ поэзи счастливой,
 Ночь отдаленнай ибѣ кровь,
 Давно изъ моего уединенья,
 Въ кругу бутылочъ и друзей
 Не зрѣи кружки ма твои,
 Пофрути толпухъ наслажденій,
 Острогъ и хохота гостей,
 Въ тебѣ трущихся ибѣ охоты:
 Садись на тройку дымъ коней,
 Оставь Петроволь и заботы,
 Лети въ счастливой городочекъ,
 Заиди къ Жиду Золотареву
 Въ его вѣкъ общій уголокъ:
 Ма тамъ, собравшись въ кружочекъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ шери на замокъ
 Запреть веселье молодое,
 И слышать шиво золотое:
 И гордыи на столъ широгъ
 Друзей стѣнными рядами,
 Сверкая свѣдлыми пожами,
 Съ тобою храбро осатимъ,
 И мигомъ стѣны разгромимъ:
 Когдажъ шивомъ отогонимъ.

Съ главою въ колѣни преклоненной,
 Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
 И оустанешь въ подушку,
 Дабы спокойнѣе заснуть,
 Уронивъ валюту кружку
 На старой, бархатной ливань:
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенны, сонеты
 Покинуть скромной нашъ карманъ,
 И крѣпко съонъ длиннова будеть!...
 Но рюмокъ зови тебѣ разбудить,
 Ты вскочишь съ бодрой головою,
 Оставивъ смелую подушку,
 Потыкаешь милую подружку —
 И въ келью снова пиръ горон.
 О Галичь, время неволиратно,
 И близокъ, близокъ грозный часъ,
 Когда послыша славы дядь,
 Покину келью провъ пріятной,
 Татарской сбруи свои залаты,
 Простите, гниветенная Музы!
 Прости пріютъ младыхъ отратъ!
 Наткну удія рейтузы,
 Завью въ колечки горной усы,
 Заблещеть пара аюдетовъ,
 И я — шивомецъ важнухъ Музы
 Въ честьъ воюющихъ корнетовъ!
 О Галичь, Галичь! пошиван!
 Тебя доухъ и сонъ длиннанъ,
 И другъ ни скромнанъ, ни сѣшванъ,
 И кубокъ полный черезъ край!

вредъ нашимъ молодымъ актерамъ, легко оскорбляющимся насмѣшливой ухолой. Платать Пивкадица должно подхватить это шипящее диваніе Шаховского и въ № 14 своей газеты очень внятно разъяснилъ пользу безпристрастныхъ театральнахъ рецензій. На этомъ полемикѣ и прекратилась. Хотя Пушкинъ, живя безвѣстно въ Царскомъ Селѣ, не вѣдѣлъ издѣвательства, ее представляющаго Запиря, но очевидно, стѣсняясь да полемикой съ интересомъ, по всему вѣроятію, до чего уже дохали въ то время слухи о томъ, что въ театральнахъ балахъ Шаховской поступали лицензіанты, интриговали противъ Озерова, желая противопоставить Семенову сопернику въ лицѣ Валберхова и т. п. Какъ извѣстно, подобные поступки Шаховского послали новость къ неугодовствію противъ него со стороны молодыхъ литераторовъ, группировавшихся въ кружокъ Арзамаса: ядрныя изъ негодованій послѣдовали въ-особенности позже, въ половинѣ 1815 года, послѣ того, какъ Шаховской поставилъ на сцену свою комедію «Урокъ кокеткамъ или Лицеица воды», въ которой была осмѣяна баллашица Жуковскій. Сохранившаяся отъ 1815 года отрывки изъ письма Пушкина свидѣтельствуютъ, что въ этомъ столкновеніи сочувствіе Пушкина было не на сторонѣ Шаховского, но въ то время было, что негодованіе молодого поэта противъ автора «Лицеица воды» было вовсе не такъ сильно, какъ у коренныхъ членовъ Арзамаса.

Первыя строки этой эпиграммы указываютъ на привычку обычай впасть боевое оружіе на деревья въ мирное время. О такомъ обычай упоминается, между прочимъ, въ стихотвореніи А. Ф. Мердлакова «Мячковскій курганъ», которое помѣщено было сперва въ Вѣстникѣ Европы въ 1805 г., а затѣмъ въ V-й части издавнаго Жуковскимъ Собранія русскихъ стихотвореній М. 1811; тамъ на стр. 322 находится слѣдующія строки:

Тамъ робкая любовь съ бездѣтностью прароды
Поль дубомъ ильковымъ, котораго въ дѣви,
Быть можетъ, *илкова, во времена войны,*
*Партизанъ герой съ семь свѣтлымъ раздѣла-
ванскъ,*
Да вѣнчанъ илькѣи повѣнчанъ британскій мѣсяцъ
Кружальмъ еще твердилъ: Отечество и честь!

Пушкинъ моль позанимать этотъ образъ именно изъ стихотворенія Мердлакова, встрѣтивъ послѣднее въ сборникѣ Жуковскаго, который, не сомнѣвая, былъ у него въ рукахъ въ 1815 г.

Вторая половина этого комментарія свидѣніе съ стихотвореніемъ Мердлакова въ вышней стѣнѣи правдоподобна.

Во первый свидѣніи имѣеть пость собою какую нибудь похвалу. Съ какой стати Пушкинъ сталъ бы писателемъ, извѣстнаго комедіанна, презирать въ «трагика»? Въ тѣхъ отрывкахъ изъ Пушкинскаго письма, о которыхъ говоритъ Мамковъ, мы находимъ обзоръ всей дѣятельности Шаховского и ни слова о какомъ то ни было прикосновенности его къ трагедіи. Наконецъ, самъ же Мамковъ говоритъ, что порожденіе сильнаго пражья къ Шаховскому относится къ

средиѣ 1815 г., а требованія эпиграмма уже въ июньской книжкѣ «Рос. Музеума» была напечатана, следовательно написана была нѣсколькими мѣсяцами раньше. Подписать объясненіе имени «трагика» — «Бурачь» трудно. Ред.

46. КЪ ПУШКИНУ.

О ближайшемъ другѣ Пушкина — будущемъ декабристѣ Пушкинѣ въ настоящемъ изданіи будетъ особая статья.

Посланіе примыкаетъ къ напечатаннымъ «Моиимъ пенатамъ» Батюшкова анакреонтическимъ стихотвореніямъ Пушкина, о которомъ см. выше на стр. 149 и въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ этого цикла.

Пушкинъ, по указанію Майкова, съ именинникомъ 8 мая и поѣтка (4 мая), въ которой посланіе напечат. въ «Рос. Музеумѣ» 1815 г. № 8, должна считаться указаніемъ дня, когда оно было написано.

Печатаемъ посланіе по тексту и въ орфографіи «Рос. Музеума», восстанавливая лишь по автографу стухъ 38.

Съ наумуреніемъ пономъ.
Въ журналѣ вольтерьянское пономъ было замѣнено *журетомъ*. Одругнуть варианты см. въ концѣ тома. Ред.

47. КЪ ГАЛЦИНУ.

О Галцѣ и лицейскомъ бытѣ дѣль затронутомъ, см. дальше подл. № 50. О текстѣ см. въ концѣ тома. За исключеніемъ децарныхъ искаженій, мы въ общемъ держимся текста и орфографіи «Рос. Музеума» (1815, № 8), гдѣ посланіе было напечатано вѣдѣть за предыдущимъ посланіемъ. Ред.

48. КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Высокое положеніе, которое занималъ Горчаковъ немало повліяло на освѣщеніе взаимныхъ отношеній между двумя знаменитыми лицами I выпуска. Авторъ изжаждающей замѣтки дѣлаетъ попытку взглянуть на эти отношенія безъ обычнаго умленія. Ред.

КН. А. М. ГОРЧАКОВЪ И ПУШКИНЪ.

Слѣдующій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, государственный канцлеръ, былъ руководителемъ нашей вѣдѣнной политики да все время царствованія Александра II. Его активная дипломатическая дѣятельность началась въ 1854—

Кн. А. М. ГОРЧАКОВЪ лицистомъ.

48. КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаешь съ Аполлономъ,
 Поэтъ, придворный философъ,
 Вельможъ знатному съ поклономъ
 Подносить оду въ шести строфъ;
 Но я, любезный Горчаковъ!
 Не просыпаюсь съ вѣтхами,
 И напыщенными стихами,
 Наборомъ громоздучныхъ словъ,
 Я вѣтъ пустою не умлю
 Высоко, тонко и мудро:
 И въ лиру превращать не смѣю
 Мое гусиное перо!
 Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
 Тебѣ намѣренъ посвящать:
 Что прибави соваться въ воду,
 Сначала не спросившись броду,
 И въ слѣдъ Державицу парить?
 Нишу своимъ я складомъ вышь
 Кой-какъ стихи на имзину!...
 Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
 Желать отъ чиста сердца другу?
 Глубоку ль старость, милый князь?
 Дѣтей, любезную супругу,

Или богатства, громкихъ дѣлъ,
 Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
 Не пожелать ли, чтобы славой
 Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
 Чтобы въ дѣлахъ и вѣщавъ сѣлъ,
 Чтобы въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
 И чтобы побѣда за тобою,
 Какъ дредне Невскому герою,
 Всегда, вездѣ летала въ слѣдъ?
 Не сладострастїя поэтъ
 Такою пѣсенкой подражать—
 Онь думше мулъ на-вѣкъ оставить!
 Дай Божь любви, чтобы ты свой вѣкъ,
 Нитомъ емъ вѣжкамъ Эпикюра,
 Провелъ межъ Вака и Амура!
 А тамъ, когда Ситийскій берегъ
 Медякнетъ въ туманномъ облакѣхъ,
 Дай Божь, чтобы въ страстномъ умощенъ
 Ты съ томной сладостью въ очамъ
 Цѣль рукъ младато Кунциона,
 Вступая въ мрачный чолнъ Харона,
 Успуль... Ершовой на друшья!

1856 г.), когда онъ въ качествѣ русскаго представителя въ Вѣнѣ велъ дипломатическіе переговоры во время Восточной войны. Правда, переговоры не принесли практическихъ результатовъ, но искусство и твердость, проявленные въ это время Горчаковымъ, обратили на него вниманіе государя, и въ 1862 году онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ Дѣлъ. Когда въ 1862 году во главѣ прусской политики сталъ Бисмаркъ, Горчаковъ, вѣрный поклонникъ желѣзнаго канцлера, поставилъ своей задачей согласованіе русской политики съ политикой Бисмарка. После войны 70 года Бисмаркъ уже пересталъ нуждаться въ содѣйствіи русскаго министра и сталъ выдвигать Австрію, какъ противобѣдъ Россіи на востокѣ. Берлинскимъ конгрессомъ закончилась политическая дѣятельность Горчакова: тутъ же атомъ конгрессѣ русская дипломатія, въ теченіе столь долгато времени руководимая Горчаковымъ, оказалась разбитой: русскіе дипломаты не только не умѣли достигать цѣлей,—они не умѣли даже ставить и формулировать. Министромъ Горчаковъ пересталъ быть съ марта 1882 г. Умеръ онъ 27 февраля 1883 года въ Баденѣ, на 85 году жизни (род. 4 июля 1798 г.).

Но не дипломатъ Горчаковъ насъ интересуетъ. Онъ былъ товарищемъ Пушкина по лицей. Съ его именемъ свиданы четыре извѣстныхъ намъ посланія и строфа изъ «19 октября». Отсюда право государственнаго канцлера быть отмѣченными въ биографіи поэта. Мы не пришедши его въ кругу друзей поэта, Пушкинъ былъ необычайно щептл, радаясь свою дружбу, и сколько теперь имъ «друзей» поэта, которыхъ онъ самъ дѣлалъ такъ и которыхъ намъ какъ-то невольно надмывать ртомъ съ именемъ Пушкина. Горчаковъ былъ однимъ изъ такихъ друзей, совершенно не обшнвшихъ поэта. Былъ къ памяти его онъ не былъ признателенъ.

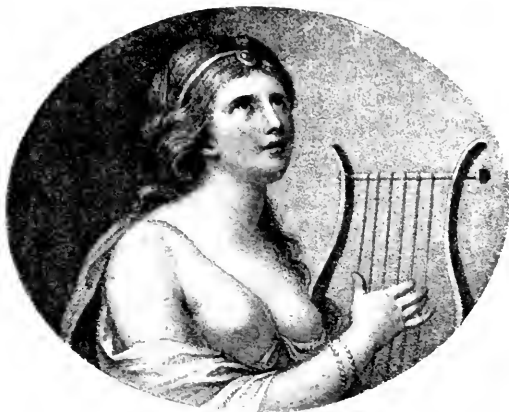
Имя Горчакова было однимъ изъ именъ, которыя чаще другихъ были на устахъ у лицейскихъ поддѣвшихъ вѣдковскіхъ. Рѣчь у кого складывалась такъ блестяще жизненная карьера, какъ у Горчакова: его успѣхи по судьбѣ и въ свѣтѣ были поразительны: почти сейчасъ же по окончаніи шней о немъ, въ о преловомомъ баронѣ М. А. Корфѣ и В. С. Волховскомъ заговорили «спустя въ гору». Пушкинъ называлъ Горча-

кова «счастливецемъ съ первыхъ шней». Такими онъ и былъ въ представленіи современниковъ. Этого ореола счастья, этого блеска карьеры почти скрылъ отъ насъ человекъ.

Тѣбѣ рукой Фортуна своеранно,
Указавъ путь и счастливой и славною

Успѣхамъ карьеры предшествовали тоже необыкновенные успѣхи въ Лицѣе. Тутъ, о какой-бы чертѣ его дарованій мы ни заговорили, о памяти, сообразительности, прилежаніи, поведеніи, способностяхъ, мы вездѣ встречаемъ одну и ту же однву, такъ сказать, на пять съ плюсомъ. Еще въ 1812 году лицейскій Падичевскій писалъ своему товарищу Фуссу: «Горчаковъ благодаритъ тебя за поклонъ, и хотѣлъ было писать къ ему некому. Попробуй ли? Этого человекъ учится съ утра до вечера, чтобы быть первымъ ученикомъ, и кажется, достигъ своего желанія»¹⁾. Надиратели и наставники, характеризу Горчакова, перечисляли, кажется, всѣ достоинства украшенія. Въ повѣщеніи Горчаковъ всегда былъ первымъ, а Волховской вторымъ: въ ученіи же онъ уступалъ первое мѣсто Волховскому. Губернёръ Чириковъ 13 сентября 1813 года такъ выражался о Горчаковѣ: «благоразумный, благородный въ поступкахъ, любитъ крайне ученіе, опрятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ, по самолюбивъ. Олнчительными его свойствами: самолюбіе, реншость къ пользѣ и чести своей и великодушіе». Профессоръ Кошанскій 15 декабря 1813 года характеризовалъ Горчакова: «очень изъ немногихъ воспитанниковъ, соединяющихъ многи способности въ высшей степени. Особенно дѣлительна въ немъ быстрая понятливость, объемлющая вдумъ и прашла, и примѣры, которая, соединясь съ чрезвычайнымъ соревнованіемъ и съ какимъ-то благородно-сильнымъ честолюбіемъ, открываетъ быстроту разума въ немъ и въ которыя черты гѣня. Успѣхи его превосходны». Профессоръ математики Карповъ отмѣчалъ слѣдующее: «былъ, какъ и всегда, весьма внимателенъ, отмѣнно прилеженъ, въ сужденіи твердъ и основателенъ, успѣхи оказывали быстрые и рѣшительные, велъ себя превосходно». Инспекторъ Пидецкій-Урбановичъ писалъ о немъ въ журналѣ: «благотворенъ, благороденъ, реншительнъ къ

1 Я. Гроль, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. Спб., 1899. Стр. 37.

Рисунки Сирренти из гравюр Бартолоцци.

39. МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
 На холме льна сбывает,
 На вою пала тишина,
 Съ толпы вбегерь вбегеть,
 Молчить ивица вешнюю шей,
 Въ пустахъ темной рощи,
 Слав почилъ срьхъ полей,
 И тихъ полетъ полнощи:
 И мирной иви уголокъ,
 Ночь сумракомъ отблал,
 Въ камнхъ гасеть огонекъ,
 И слобка нагорьзал:
 Стоить боговъ демашинухъ дикъ,
 Въ кивотъ небогатомъ,
 И бавный тепителъ почилъ,
 Преть глиняномъ Пешатомъ,
 Главою на руку склонень,
 Въ забвении глубокомъ,
 Я въ сладки думы погружень,
 На дождь одинокомъ:
 Съ водичной ночи темнотой,
 При мѣсячномъ свѣтѣ,
 Слетаютъ рѣзвою толпой,
 Крылатая мечтания,
 И тихой, тихонъ лететь гласъ:
 Дрожать златая струна.

Въ глухой, безмолвной мрака часъ,
 Поеть мечтатель юный:
 Исподнеи тайною тоской,
 Молчаньемъ вдохновенной,
 Летаетъ рѣзвою рукой,
 На лиръ оживленной,
 Блаженъ, кто въ идилкой свои шалашъ,
 Въ мольбахъ не просить Шастья!
 Ему Девесъ надежныи стражъ,
 Огъ грозного нечаянъ:
 На макахъ дши, въ тихой часъ,
 Огъ сладко засыпаетъ,
 И брашнахъ трубу увадой гласъ,
 Его не пробуждаетъ,
 Пускай, ударя въ лучиной щель,
 И съ вѣтомъ дерзновеннымъ,
 Мифъ Слава издали грозить,
 Перетомъ окровавленшамъ,
 И брашна вылетя знамена,
 И пышетъ бой кровавой
 Предлестна сердцу тишина:
 Вѣйду, вѣйду за Славой!
 Нашель въ груди я мирной кровъ,
 И ти веду смѣренно:
 Дана мифъ лира огъ боговъ,
 Пою зарь бездѣлной:

умению и чести своей, дружедобникъ, весьма чувствителенъ и щадокъ»¹.

Кажется, больше и не подобрать эпитетовъ для характеристики Горчакова. Подчеркнуть слѣдуетъ «ревность къ пользѣ чести своей», «срѣзмерное соревнованіе» или, проще, честолюбіе, прямо посядавшее молодого лица.

Такъ вотъ какой другъ былъ у Пушкина въ Лицѣбѣ, у Пушкина, который являлся чуть ли не полной противоположностью Горчакову. До насъ дошло три посланія поэта Горчакову и одинъ отрывокъ изъ посланія ему же. Два посланія писаны еще въ Лицѣбѣ, въ 1815 и 1816 годахъ. Были ли они тѣмъ дружбы? Едва-ли они могутъ свидѣтельствовать о хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ въ Лицѣбѣ— и только. Между Пушкинымъ и Горчаковымъ вовсе не было той дружбы, которая произошла, напримеръ, отношеній Пушкина къ Пушкину или Дельвигу. Когда переизглашались въ хронологическомъ порядкѣ эти посланія Пушкина къ Горчакову, то кажутся казаться, будто Пушкинъ гдѣ-то въ глубинѣ своей души все время осторожно сравниваетъ себя съ избранникомъ счастья. Сначала образъ Горчакова, столь одареннаго и блестящаго, привлекаетъ вниманіе поэта. Все достиженіе это кажется недостижимъ для Пушкина, все это дается Горчакову: его удача и вѣрованія вѣрно судить ему радости жизни, столь измѣнчивая для поэта. Любовь, та любовь, что для юности оказалась въ такой безнадёжности, случится въ сердце избраннаго. Въ первомъ же посланіи поэтъ, колеблющійся въ вопросѣ толь, чего пожелать товарищу: глубокон ли старости, любовной суровости или трюмкихъ твоихъ, крестовъ, алмазиковъ и дѣлѣтъ, чести и этого-то и должны были желать поэтъ. Врѣмя останавливается на самомъ желанномъ для себя въ этотъ мигъ.

Такъ вотъ поэтъ, чтобы ты свои вѣкъ

Ничегомъ иль чѣмъ-ль динкура

Провелъ: мѣдь Вакха и Амура!

Во второмъ посланіи поэтъ гораздо суровѣе анализируетъ счастливаго избранника и обосновываетъ, отъ заколдованнаго илліиисъ необыкновенной удачливости, счастья.

¹ Въ эти отрывки помѣщено въ прилоде поэмъ къ князю Сестичеву. Погорчеленіи: очеркъ Императорскаго Лицѣбѣ. Сиб. 1864.

Мой мнѣнъ трудъ, мы вводимъ въ новый свѣтъ:

Но тамъ удѣль назначенъ намъ не равной,
И разный намъ оставленъ въ мірѣ свѣтъ»...

Счастливымъ и славнымъ путемъ матеріальнаго, вѣншнаго счастья не избиваетъ поэтъ. Ему опять все кажется, что Горчакова должна увлечь «любви предестина поро»: вѣдь это же душее, что представлялось въ то время поэту-юноши. Ему «сужда счастья стая любови», и жизнь его такъ мила въ сравненіи съ той, которой онъ можетъ надѣяться счастливаго избранника. Но вѣдь не отъ предопредѣленія же, не отъ рока же эта разница судьбы: вѣдь и радости жизни дается одному и отнимаются у другого не оттого же, что одинъ родился въ сорочкѣ, а другой вѣтъ? Вотъ—вопросъ, которымъ разбирается второе посланіе.

Третье посланіе написано въ 1819 году въ то время, когда товарищи уже расходились. Отношенія Пушкина становятся все сознательнѣе и сознательнѣе. Горчаковъ уже дѣлаетъ карьеру. Онъ—«итомеетъ модъ, большого свѣта другъ, обычаевъ блестящихъ наблюдатель». А Пушкинъ, «скрасоты безмечный обожатель», проводитъ «снзасмѣй досугъ».

«Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ», пишетъ Пушкинъ. Тутъ рѣчь идетъ, конечно, о свѣтѣ Горчакова. Пушкину обратить побольше вниманія на карьеру и успѣхи въ свѣтѣ. Но Горчаковъ уже сталъ жевать для поэтъ: онъ не посовѣтуетъ ему больше «вновь мртгами красавицу вѣнчать». Онъ предпочитаетъ скорѣй быть въ счастливой семьѣ младыхъ вѣнчекъ, чѣмъ въ томъ обществѣ, которое только и признавалъ Горчаковъ. Какими необычайно рѣзкими должны были показаться именно Горчакову стихи Пушкина.

Не вилку и украшенныхъ глупцовъ,

Счастлихъ вѣнчавъ, почетныхъ полдецовъ

И мистика приторнаго крикльица».

Честолюбію и роковой удачливости Горчакова каконъ большой ударъ въ этомъ посланіи! Правда, добрый поэтъ смягчилъ эффектъ характеристики свѣта заключительными стихами:

И ты, харитъ любовникъ своеобразна,

Притына лжекъ, длителныи болтуны,

Но презрѣму остракъ не богомольна,

Но презрѣму философу и шалуну.—

И ты на мнѣ оставь своихъ вѣдьмочекъ

И мнѣи кругъ труденъ моихъ умножь».

И Муза вбранила со мною:
 Хвала тебе, богиня!
 Тобою красенъ домикъ мой
 И такая пустыня!

На слабомъ утрѣ шей златыхъ
 Шива ты обвилла,
 Вбикомъ изъ миртовъ молодыхъ
 Чело его покрывла,
 И горимъ сивомъ озарясь,
 Влетѣла въ скромну келью,
 И чужь пашала, преклонясь
 Надъ бѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ сущиней мадонн
 До самыхъ врасъ могилы!

Летятъ съ мечтательмъ пано мною
 Развирногъ легки крыла!
 Говните мрачную печаль,
 Извините умъ... обманомъ,
 И милой жизни свидѣду аль,
 Каките до туманомъ!

И тихъ мой будеть вознии часъ:
 И смерти добрый гевинъ
 Шешеть у шери постучась:
 «Нора въ жилище шивей!...»
 Какъ въ дивнии вечеръ сладкой сонъ
 Приходитъ къ мирна швинъ,
 Вбичаивый макомъ, и склонѣвъ
 Па посохъ томной швинъ...

1... 14 - 17.

Но и эти стихи говорить, что расстались, которое Пушкинъ любуется отыскивать между собой и Горчаковымъ, уже не существовало.

Жизненная дорога разошлась все дальше и дальше. Пушкинъ прошелъ черезъ волномясидеянохъ, соприкасался незаметно для себя съ гниющей жизнью политической обществъ: былъ въ ссылкѣ на югъ, находился въ ссылкѣ въ Михайловскомъ. Тамъ его было окружено ореоломъ правительственной гонимости. А Горчаковъ шельмъ въ тору¹ по коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 1820 и 1821 годахъ онъ находился при управленіемъ коллегіей въ Троицку и Лайбахъ, а въ 1822 году онъ уже былъ первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ².

Въ первой половинѣ сентября 1825 года кн. Горчаковъ забываетъ въ с. Лямонново, Псковскаго уѣзда, къ предводителю А. П. Пещурову, дѣясь встрѣтился съ нимъ Пушкинъ. Свѣтаніе съ лицейскимъ товарищемъ не доставило радости Пушкину. Онъ писалъ послѣ встрѣчи кн. П. А. Вяземскому: «Горчаковъ доставилъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались товодно холодно, но крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высоко широчемъ, такъ и толкну: дружелюбія нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ, или гнемъ: первое всетаки лучше». Онъ нечего дѣлать и прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ...» А 15 сентября Пушкинъ писалъ тому же Вяземскому: «Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лерца, кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и сорвалъ и събѣжалъ подсолу. Ты вбилъ ему въ голову, что я объявлюсь гонимымъ. Охъ, душа моя, меня тошнило, но предлагаемое та была?»³

Нельзя, оми, Пушкинъ и Горчаковъ, къ 1825 году разошлись, и Горчаковъ былъ то проработавши жизнь Пушкинъ. Но дѣлныя фразы шарикоманачать, даже отбросивъ нѣкъ отношеній съ высшимъ своего благодѣлителя и карьера Горчаковъ, очевидно, укадалъ Пушкину въ сѣвѣтѣхъ несприличное положеніи преслѣдуемаго правительствомъ. Въ какомъ, въ моментъ свиданія съ Пушкинъмъ.

Горчаковъ чувствовалъ себя гораздо выше и значительнѣе ссыльнаго поэта. Мы сейчасъ приведемъ разказъ самого Горчакова о встрѣчѣ съ Пушкинъмъ, а пока выразимъ глубокою радостью по поводу того, что дошли до насъ гд письма Пушкина, изъ которыхъ мы только что привели отрывки. Не будь у насъ свидѣтельства самого Пушкина о свиданіи съ Горчаковъмъ, пришлось бы повѣрить тому, что болталъ въ позднѣйшіе годы самъ князь. Вотъ что разказалъ въ 1871 году князь Горчаковъ кн. А. П. Урусову, записавшему слова Горчакова и сообщившему нѣкъ въ «Русской Архивѣ»⁴. Разказъ ведется въ третьемъ лицѣ.

«Въ 1825 году, князь Александръ Михайловичъ возвратился въ Россію изъ Спаса, гдѣ дѣшлся. Онъ посѣдилъ своего дядю, Пещурова, который жилъ въ это время въ своей вотчинѣ, Псковской губерніи, въ селѣ Лямонновѣ. Пещуровъ принималъ большое участіе въ судьбѣ Пушкина, живаго въ изгнаніи въ деревнѣ, въ известномъ Михайловскомъ. По пріѣздѣ его изъ Одессы, къ поезду былъ представленъ полицейскій чиновникъ съ спеціального обязанности наблюдать, чтобы Пушкинъ ничего не писалъ пресудительнаго. Понятно, какъ раздражалъ Пушкина этотъ надзоръ. Пещуровъ, изъ любви къ нему, хотѣлъ доставить у маркиза Паудучи (тогдашняго Рижскаго генералъ-губернатора) о томъ, чтобы этотъ надзоръ былъ снятъ, а Пушкинъ отплати ему на поруки, обѣщая, что поэтъ ничего дурнаго не напишетъ. Хотя дѣйствію имѣло усѣбу, и Пушкинъ вздохнулъ свободно».

Узнавъ о пріѣздѣ князя Горчакова, Пушкинъ тотчасъ пріѣхалъ изъ Михайловскаго въ Лямонново, и дѣясь, на проселочной дорогѣ, друда дѣйствительно встрѣтился и «братски обнялся». Цѣлый день провели Пушкинъ и Пещурова и, снѣ на посылку вѣнохъ даровавшаго князя Горчакова, читалъ ему отрывки изъ «Бориса Годунова» и, между прочимъ, наброски сценъ между Пименомъ и Григоріемъ. «Пушкинъ вообще любилъ читать мнѣ свои вѣщи», замѣнилъ князь съ улыбкой, «какъ Мюллеръ читалъ комедіи свои кукарскы». Въ этой сценѣ князь Горчаковъ помнилъ, что было нѣсколько стиховъ, къ которымъ проявлялась какая то пыкающая грубость и говорилось что то о «дѣвочкѣ». Онъ замѣнилъ

¹ Въ качествѣ членоваго въ 1820 году онъ явился въ Динбургъ къ Пис. Пис. Куроптеву и удивилъ его пріѣздомъ въ Россію.

² Товарища Пушкина Пис. Пис. Алек. Пашку Перещика поэтъ рел. В. П. Соловѣвъ. Г. Г. Сиб. 1906 г. стр. 283—289.

⁴ Русск. Арх. 1883, т. II, стр. 205—206.

50. ПОЕЗДАНИЕ КЪ ГАЛИЧУ

Гдѣ ты, дѣшеведь мой?
 Любовникъ, наслажденья!
 Ужель уединенъ
 Не милая тебѣ покой?
 Уже ли мнѣ съ тобою
 Лишь помощью бумаги
 Минуты провожать
 И больше не витать
 Варнасскаго бродни?
 На Пинѣ, мой собесѣдъ,
 И ты отъ Музы укрытенъ:
 Минутныя томосѣдъ,
 Съ печатями простоя!
 Ужъ темный уголокъ
 И сѣнникъ оустѣдъ,
 Гдѣ ма ночь вечерокъ
 За рюмками шумѣдъ:
 Гдѣ Комъ насъ угощала
 Форелле, широтами:
 И пѣнивалъ бокаль
 Намъ Баухсъ поцавалъ,
 Блудя за нами ти
 Безъ дружескихъ собранн:
 Веселыхъ широтани
 Веселые сыны
 Съ тобою раздучены:
 И шумная бесѣда
 И толкіе обѣды
 Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣснои,
 Вечерней тишиной,
 Хочу, мудрецъ любовнои,
 Бесѣдовать съ тобою,
 Ужъ темна ночь обѣдлетъ,
 Брета спокойныхъ водъ,
 Мурдыча въ кельѣ дремлетъ
 Слѣбеныи, старый котъ:
 Покажетъ сонъ предѣстои,
 Ночь слышь тихую крыль,
 Въ обители бездѣстной
 Меня не услышь,
 Морфей въ ожиданн
 Въ постелѣ я дежу,
 И бѣдое посланье,
 Безъ строго старанн,
 Предателю пишу.

Далеко той станцы,
 Гдѣ Фебона сестрица
 Мнѣ съ нѣгой выдать досужъ:
 Скажи, среди Столицы

Чѣмъ давайся ты, мой другъ!
 Ужель приотъ Носта
 Теперь средъ вихря сѣбѣ,
 Вдали рогныхъ поленъ,
 И близкихъ, и друзей?
 Ужель въ театрѣ шумномъ,
 Гдѣ покинъ Аполонъ
 Партеромъ подумномъ
 Прославленъ, одауненъ,
 Измученный пѣнбномъ
 Безмысленныхъ стихомъ,
 Ты слышь подъ страшныхъ ревомъ
 Актеровъ и смычковъ?
 Или, мудрецъ притворнои,
 Съ улыбочю притворнои
 Предъ лентою цѣбной,
 Пошкрякуея головои,
 Съ вертущикою слѣбнои
 Знакомится желанн?
 Или, Брета да столонъ
 Въ кулетѣ закаломъ
 Трусливо величашн?...
 Или, добрый Галичъ мой,
 Показуя на не среденъ,
 Другъ мудрости прямои,
 Правннхъ и благородн:
 Огнь любви тишишу:
 Судьбѣ своей послушнои,
 На царскую казну
 Взирать равнодушно,
 Рублемъ откушника
 Сѣбѣсь веселымъ часомъ:
 Не спиметь волнава
 Философъ предъ Мидасомъ:
 Пускаи не дружень онъ
 Съ Фортуною коварнои,
 Но Баухомъ выраженъ
 Философъ благодарнои,
 Котъ сей богъ млатон,
 Вечерию поронъ,
 Дѣлать и трокъ ятарныхъ
 Съ улыбкой на устахъ
 Въ стеклѣ ему пощоннъ,
 И какою вашиль проснъ,
 Камашъ на ногахъ,
 Мечашъ обнимая,
 Любовь его велѣтъ,
 И дружба молодая
 Вѣки ему плетѣтъ,
 И щастливъ онъ, признающъ,
 На дѣлѣ, не въ мечтанъ,
 Когда минуты мечталъ

Пушкину, что такая искусственная тривальность довольно неприятно отдѣляется отъ общаго тона и слога, которымъ писана сцена... — Вычеркни, братецъ, эти слюны. Ну къ чему онѣ тутъ?» — «А посмотри у Шекспира и не такія еще выраженія попадаются», — возразилъ Пушкинъ. — «Да, но Шекспиръ жилъ не въ XIX вѣкѣ и говорилъ языкомъ своего времени», замѣтилъ князь. Пушкинъ подумалъ и перебралъ свою сцену.

Используя своимъ вліяніемъ на Пушкина, князь Горчаковъ побудилъ его уничтожить одно произведеніе, «которое могло бы остаться вѣчно на его памяти». Пушкинъ написалъ было поэмѣ «Монахъ». Князь Горчаковъ взглялъ ее на прочтеніе и сюжетъ, объявивъ автору, что это недостойно его имени»¹⁾.

Да, не сохранись свидѣтельства Пушкина, пришлось бы исследователямъ становить и рѣшать вопросъ о вліяніи канцлера Горчакова на творчество Пушкина...

Столкновеніе этихъ разсказовъ рисуетъ фигуру Горчакова прозрачными и кошачьими штрихами...

Но поэтъ быть великодушнѣе и щедрѣе. Въ своемъ стихотвореніи «19 октября» онъ посвящаетъ ему прекрасную строфу

Это послѣднее поэтическое свидѣтельство объ отношеніяхъ Пушкина и Горчакова. Въ двѣдцатыхъ намъ сомнѣніямъ и письмамъ Пушкина мы не находимъ больше упоминаній о Горчаковѣ.

— Ты, Горчаковъ, съ сдѣвѣе съ первыхъ дней
Хваля тебѣ—Фортуна блескъ холостяка
Не забывай души твоей свободной
Все такъ же ты для чести и друзей.
Намъ радшии нуть съ тобой надвѣщеи строгон,
Слушая въ жизни, мы быстро разошлись,
Но не забывай, проселочной дорогой,
Мы всрѣчаемъ, и братско обнимаемъ.

Г. Дюбуатрнэ, что и въ 1880 году Горчаковъ по-де самое разсказывалъ Я. К. Грогу. Между прочимъ, написалъ Я. К. Грозъ, онъ говорилъ, что была та нашего поэта Грозъ же, что та сценариста М. Грозъ съ своего комика, который ничего не понималъ въ силѣ не посоветовавшись съ нимъ; что онъ, князь, когда то побѣдилъ Пушкинъ написавши турку поэмѣ, разрывая три пальца, что да сдѣлалъ его шарики и въ одной сценѣ Бориса Годунова слово слонца, которое только въ употребленіи въ перекладаніи Шекспира, что въ время ссылки Пушкина въ Михайловское, князь за него поручился полковнику губернатору Грозъ, рабъ шитъ стр. 268.

Горбушица Грозъ не рѣшилъ съ собой такъ нѣко комментари въ этомъ отношеніи, князь

Горчаковъ надолго пережилъ Пушкина. Въ годъ смерти Пушкина онъ управлялъ дѣлами нашего посольства въ Вѣнѣ, а скоро онъ и совсѣмъ сталъ сановникомъ. Пушкинъ же превратился для него въ совсѣмъ ничтожную величину. Права, Я. К. Грозъ написалъ, что «Горчаковъ то глубокой старости горился дружбой поэта»²⁾, но въ этомъ позволительно усомниться. На собраніи лицейскѣ 19 октября 1870 года было рѣшено образоватъ комитетъ по устройству памятника. По порученію собравшихся, К. К. Грозъ и П. А. Шторгу явились къ кн. Горчакову съ приглашеніемъ въ члены этого комитета. «Но кн. Горчаковъ не нашелъ возможнымъ согласиться на эту просьбу, ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье»³⁾. И черезъ десять лѣтъ, въ 1880 году, Горчаковъ отказался присутствовать на торжествѣ открытія памятника. Приглашалъ его Я. К. Грозъ. «Онкъ, (Горчаковъ)—писалъ Грозъ,—принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ быть на торжествѣ въ честь своего товарища, и прочитавъ на память большую часть посланія его «Пускай, не знаешь съ Аполлономъ», распространился о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину»⁴⁾.

Въ 1825 году въ стихахъ, посвященныхъ лицейской годовщинѣ, Пушкинъ восклицалъ:

Кому жъ изъ насъ поэтъ старость дѣнь
Торжествовать придется одному?
Нечестивый трудъ грѣтъ новыхъ поколѣній
Довучишь гостя, и диниш, и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соиненій,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальною
Тотъ сей дѣнь за чащей проведеть,
Какъ нынѣ я затворилъ нашъ опальный.
Его проведъ безъ гора и дѣботъ».

Этимъ послѣднимъ лицействомъ пушкинскаго выпуска былъ князь Горчаковъ. Онъ не оправдалъ мечты поэта...

П. Щеголевъ.

О текствѣ воспроизводимомъ нами по посмертному изд. (1841, г. IX), времени написанія и вѣкторныхъ подробностей см. въ концѣ тома. Ред.

1 Я. К. Грозъ, дит. раб., стр. 16.

2 Тамъ же, стр. 170.

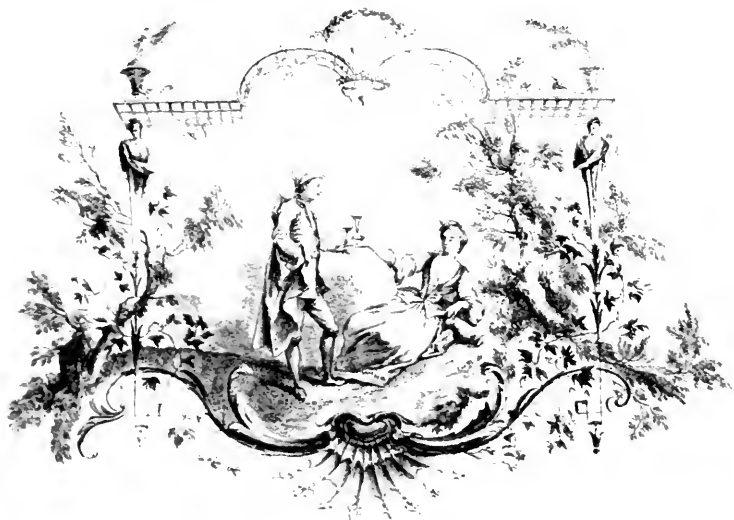
3 Тамъ же, стр. 268.

Весели на крылахъ,
 Когда друзья-Поэты
 Съ утра до ночи съ шумъ,
 Шутить, поюль куплеты,
 Пьють *мозель* разогрѣтый,
 Пріятельмъ своимъ
 Писаний читають,
 И трубку разжигаютъ,
Взрѣшмимъ, дичимъ...

Оставь же горюль скучной,
 съ друзьями съединись,
 И съ ними не различно
 Въ пустынь уживись,
 Бѣги, бѣги, Столица,
 О, Галчю мой, сюда!
 Здѣсь розовой реницы
 Не видя никогда,
 Ливень потъ отдаломъ,
 Съ Тибурекимъ мудрецомъ,
 Мы часто да бокаломъ,
 Проснемся — и заснемъ,
 Смотри, тебѣ въ парату

Нашъ Дельвинъ, нашъ Поэль,
 Несетъ свою балладу,
 И стаеця винограду,
 И къ диллѣ куплетъ,
 И подонъ становитя
 Твоей мадон, гбсной домъ,
 Вотъ съ милымъ острякомъ,
 Нашъ ибселникъ тащитя
 По дветингъ съ шумкомъ,
 И всѣ къ тебѣ парятя,
 И снова каждый день
 Стихамъ, прозой станемъ,
 Мы гнать печали гвѣ,
 Поэтуи молодца
 Васъ будутъ похвалять:
 Нашъ жизни ни златъ,
 Не страшно разгочать,
 Подѣлимся съ забавой,
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею — славою
 И съ Вакумъ молодымъ.

1... 16 - 14.

Нашъ Ватто (Waltan)

19. М Е Ч Т А Т Е Л Ъ.

Какъ въ послѣднихъ Дельвигу, Батюшкову, Пелею, Юрину, Вас. Л. Пушкину, Товарищамъ, къ этому стихотворенію Пушкинъ пытается выразить свое призваніе. Откалываясь отъ периферіи манившей его мечты о военной славы, см. примѣч. къ посланію В. Л. Пушкину), онъ рѣшительно призываетъ себя потомъ, говори «дава мнѣ муза отъ боговъ» и обращаясь къ музѣ съ просьбой быть ему «спутницей до самыхъ вратъ могилы». Позднѣе при этомъ Пушкинъ представляетъ «обманомъ», противопоставляя мрачную печаль жизни и скрывающимся ей надъ пылкой думой. Это, конечно, тотъ самый «обманъ», о которомъ поэтиче, уже не вѣря въ него, Пушкинъ сказалъ, что онъ пороже «тѣмъ низкомъ истиннѣ». Убить поэта изображенъ въ стихотвореніи совершенно такъ же, какъ его изображали обычно французскіе поэты XVIII в.: «тиханъ», «дѣшная» жизнь, тѣ-то «въ глуши», въ какой-то «тихой пустынь», «въ низкомъ шалаши», «ночь мирнымъ кровомъ», жизнь «мирная», безъ особой дѣлать обвѣдливости, съ тихой смертью, похожей на «сладкій сонъ». Этого прѣдъ, начало котораго можно читать въ пастушеской подинъ александрійскихъ половъ и у Горация *Beatus ille qui procul negotiis*, очень часто повторяется во французской поэзии XVIII в. Такъ, Дюра, въ одномъ посланіи, сначала ставитъ какого-то знаменитаго дѣшника, для котораго смерть была лишь переходомъ въ другой, столь же приятный мѣръ дѣши:

La mort pour lui fut un passage;
Echabait ses derniers soupars,
Il fut dans un nouveau bocage
Renaître, et des nouveaux plaisirs.

а потомъ восклицаетъ уже лично о себѣ:

O trop peu s'en rendre indifférent!
C'est en attendant qu'il faut mourir!
Aussi en bellin, sans existence
Boutir un coin de nos plaisirs
A l'insouciance et l'indifférence;
Mais, trêve, dans un coin de terre
S'en est-on oublié d'un jour,
De tout le regard et d'un jour.

Дюра, А. С. Т. I, 1.

Обстановка стихотворенія личнаго, но не выражающаго въ личнаго обрамленіи: личными целями и поминаніи боги.

«дѣра», «Зевестъ», «муза», «вѣнецъ изъ митровъ» — примѣчанія современныя: «каминъ», «свагоровная свѣчка», «споминикъ», «животъ» и т. под. Въ этомъ отношеніи «Мечтатель» напоминаетъ «Монхъ непатовъ» Батюшкова. Поражаетъ въ «Мечтатель» необычное для Пушкина количество олицетвореній: «крылатая мечтаница слетавъ рѣзвою голубой», «слава трогаетъ окровавленнымъ перстомъ», «муза обвиваетъ вѣнца вѣнкомъ и смуть дѣшникъ, преклоняетъ надъ колебѣлемъ», «тепій смерти менчеть, стучась у двери», «сонъ приходитъ въ свѣи и складывается на полахъ дѣши». Въ послѣднемъ образѣ рѣдкое у Пушкина сочетаніе конкретного существительнаго съ род. падежомъ абстрактнаго «посохъ дѣши» (вѣше, строфа 5: «маки дѣши») — приемъ, однако, очень обычнаго во французской поэзи, куда онъ перенесенъ изъ церковныхъ католическихъ гимновъ.

По формѣ стихотвореніе изображаетъ «дѣшника» стихами «дѣшамъ» Жуковскаго: у Пушкина строфа состоитъ изъ 8 четырехстопныхъ ямбическихъ стиховъ, съ мужской рифмой въ четныхъ стихахъ; у Жуковскаго строфа состоитъ изъ 12 такъ же стиховъ. Академическое изданіе ошибается, находя въ этомъ размѣрѣ еще какую-то «ездуру на шестомъ слогѣ» и приписывая это мнѣніе В. Гавекому, который, въ цитируемой статьѣ, его не высказываетъ вовсе (Акад. изд. т. I, изд. 2, стр. 173). Начало «Мечтателя», описаніе ночи, напоминаетъ начало «Громобоя» и по приемамъ: короткими, отрывистыми предложениями (хотя у Жуковскаго изображена бурная ночь, а у Пушкина — тихая). Образы 8-ой строфы были поэтиче повторены Пушкинымъ въ стихотвореніяхъ «Въ младенцѣствѣ моемъ она мнѣ любила» и «Павреница волшебной старинѣ».

Валерій Брюсовъ.

За исключеніемъ некоторыхъ явныхъ опечатокъ, текстъ «Мечтателя» воспроизведенъ дѣшкъ по «Рос. Музеуму» (№ 9 за 1815 г., тѣ стихотвореніе впервые было напечатано. Ср. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

Ред.

А. Н. ГАЛИЧЪ.

Совершенно забыты теперь Галичъ, безспорно, самый замѣчательный изъ лицейскихъ профессоровъ Пушкина. Но въ какомъ мѣрѣ отразился этотъ выдающийся человекъ въ изображеніи молодого ученика своего? Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ очень большой интересъ для характеристики свойствъ ума Пушкина.

Ред.

16-го марта 1834 г. у Греча было свидѣніе объ изданіи энциклопедическаго словаря. Присутствовало около ста человѣкъ; были также и Пушкины. На этомъ свидѣніи они встрѣтились съ Галичемъ и вотъ что написалъ о немъ: «Тутъ встрѣтился доброто Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ моимъ профессоромъ и оботрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для аккламена 1815 г. „Воспоминанія къ Царскому столу“».

Эта посланія, посвященные Галичу Пушкинымъ въ 1815 году, и упоминаніе о немъ въ стихотвореніи 1834 года «Ирраціоніе студента» показываютъ, что Пушкинъ любилъ и цѣнилъ Галича. Естественно, возникаетъ вопросъ, не имѣлъ ли Галичъ помимо нравственнаго вліянія также вліяніе и на міросозерцаніе поэта. Однако, рѣшить вопросъ о степени вліянія Галича нелегко, да отсутствіемъ фактической данныхъ. Можно только высказать предположеніе, что Галичъ заинтересовалъ лицейцевъ не только своимъ благоумианіемъ и доброжелательнымъ къ нимъ отношеніемъ, но и бесѣдами, на которыхъ онъ, можетъ быть, излагалъ свои взгляды. Впрочемъ, изъ того обстоятельства, что Пушкинъ, впоследствии имѣвъ возможность ознакомиться съ воззрѣніемъ Шеллинга на искусство, не сводилъ этихъ воззрѣній съ имени Шеллинга и Галича и вообще нигде не упоминалъ о нихъ, слѣдуетъ заключить, что взгляды Галича заинтересовали молодого поэта, но не имѣли на него глубокаго вліянія¹.

Галичъ въ мѣсяцъ мѣсяцъ 1814 года былъ определенъ профессоромъ въ Императорскій Царскосельскій лицей и пробылъ въ этой должности до июня 1815 г. А. Н. Галичъ замѣнилъ профессора Кошанскаго по кафедрѣ русской и латинской словесности. М. Корфъ о немъ говоритъ: «Этотъ преторій и презабавный чужакъ преподавалъ въ лицей во время бывшихъ горячекъ Кошанскаго». Держать классъ въ рукахъ

Галичъ не могъ и, вѣроятно, этого и не собирався. Но разсказу Матюшкина, онъ обыкновенно приводилъ съ собою на урокъ какую-либо походящую книгу и заставлялъ одного изъ воспитанниковъ читать ее вслухъ. Часто Галичъ просто бесѣдовалъ съ учениками о разныхъ предметахъ, но, вспоминая, что онъ преподаетъ латинскій языкъ, прерывалъ бесѣду и обращался къ воспитанникамъ со словами: *inter, interrumpit старика*, т. е. помилуйте Корнелія Непоза». Это выраженіе вошло въ конецъ второй главы «Евгенія Онегина».

Въ отбѣтъ Галича лицейцы и лицейское начальство весьма разошлись. Лицейцы любили Галича какъ человѣка добраго, съ любовью къ поэзіи и большимъ знаніемъ, и въслѣдствіи придавали, что «его преподаваніе нельзя считать безплоднымъ»: начальство, напротивъ, должно было сурово относиться къ преподавателю, дѣлавшему изъ своихъ уроковъ безпорядочную бесѣду о разныхъ предметахъ; можетъ быть, начальству не нравилось также и то, что лицейцы въ свободное время посѣщали Галича въ отведенной ему комнатѣ, гдѣ дружеская бесѣда велась еще болѣе непринужденно, чѣмъ въ классѣ.

Скучна свѣдѣнія о Галичѣ какъ профессорѣ лицей; однако, разположеніе Пушкина къ его учителю заставляло подробно заняться личностью Галича.

Лучшій биографическій очеркъ Галича принадлежитъ Викентію Жур. Мин. Нар. Пр. 1869 г. 1, но въ немъ встрѣчаются неточности. Мы ихъ не правляемъ по даннымъ архива мин. нар. просвѣщенія.

Александръ Ивановичъ Галичъ родился въ 1783 г. въ Трубчевскѣ Орлов. губерніи. Отецъ его былъ выжкомъ. Въ 1793 г. Галичъ былъ отданъ въ семинарію въ Свѣскѣ, гдѣ онъ пробылъ 10 лѣтъ. Въ 1803 г. въ числѣ способнѣшихъ учениковъ онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ учительскую гимназію, вскорѣ переименованную въ педагогическій институтъ. Здѣсь онъ перемѣнилъ свою фамилію: изъ Говорова сталъ Галичемъ. Въ педагогическомъ институтѣ Галичъ писалъ и Галичъ.

¹ См. Н. Котларевскій, Пушкинъ и Велештинъ. Ж. М. П. П. Письм. 1906 г.

занимался древними языками и литературой и, главным образом, философией. Въ то время философия преподавалась плохо, но учебником Баумейстера и Кидзеттера. По въ институтъ были и видны силы, напр., Балуцанскій, Кусольникъ и Зибовскій.

Въ 1808 г. правительство рѣшило послать за границу на 3 года для приготовления къ профессурѣ 12 лучшихъ студентовъ педагогическаго института; къ тому числу посланы были и Галичъ. Инструкція, данная Галичу, предписывала ему брать въ Гельмштедтъ къ профессору Г. Э. Шульце. Зѣлъ Галичъ пробылъ два года. Шульце, котораго обыкновенно называютъ по его главному произведенію Энциклопедусъ, былъ ученикомъ Канта, но въ Кантѣ цѣнилъ по преимуществу ту сторону его ученія, которая могла быть истолкована въ скептическомъ направленіи. Въ 1810 г. Шульце перѣхалъ въ Геттингенъ, и Галичъ послѣдовалъ за своимъ профессоромъ. Въ Геттингенѣ онъ слушалъ лекціи Бугерста и учился философій Шеллинга. Лекціи Шульце и Бугерста не прошли для Галича безвѣдно. Онъ въ своей «Исторіи философскихъ системъ» съ похвалою отзывался о нихъ и прекрасно опредѣляетъ ихъ мѣсто въ исторіи развитія кантовской философіи, но вполнѣ удовлетворить Галича ни толь ни другою не могъ, и увѣченіе Галича философій Шеллинга, обобщившее объясненіе явленій изъ одного начала, вполнѣ понято.

Срокъ командировки Галича истекъ; ему нужно было брать на родину, но хотѣлось побывать еще и въ другихъ странахъ. Галичъ ѣдетъ въ Лондонъ и Вѣну, терпитъ нужду и всякаго рода лишенія. Подумавъ помочь отъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, Галичъ, наконецъ, обратился къ Петербургу въ 1813 году. Обидами еще, что въ Гейсслербургѣ, къ которому онъ основательно на пути въ Вѣну, Галичъ мучился до потери какого то ремесленника. Диссертация въ рукописи, представленная Галичемъ, была одобрена Канцеляршми и Германомъ; но Г. Велланскій отнесся къ ней съ философскою строгостью. Галичъ брать назначенъ альянскій профессоромъ педагогическаго института. Въ мѣѣ 1814 г. Галичъ опредѣленъ и преподавателемъ латинскаго языка въ Нарвское училище. Въ 1817 г. онъ былъ произведенъ въ экстраординарнаго профессора и перешелъ въ новообразованн. въ 1819 г. С.-Петербургскій университетъ, и въ томъ же

тому издалъ главныи свой трудъ «Исторію философскихъ системъ».

Казалось, Галичъ вышелъ на правильную путь и ему оставалось только трудиться на поприщѣ педагогики и создавать научныя работы, но вышло совершенно иначе: въ 1821 г. начался знаменитый раздоръ Петербургскаго университета, исправляемымъ должностъ почетителя Румичемъ. Галичъ оцѣнилъ въ числѣ профессорскъ обвиненій въ атеизмѣ и стремленіи къ историчизированію власти, и долженъ былъ покинуть каторгу. Къ тому, что дѣлветно обидѣть раздоромъ, можно по отношенію къ Галичу отбѣтить фактъ, не упомянутой биографомъ Галича. Въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранилось лишь одно дѣло отъ 1828 г. о Галичѣ: дѣло же о назначеніи и увольненіи его отъ службы были уничтожены въ 1865 г. Въ сохранившемся дѣлѣ находится слѣдующая справка: «По открывшемуся въ дѣлѣмъ университетѣ времѣну преподаванію исторіи философскъ профессору онаго, въ томъ числѣ Галичѣ, съ Высочайшаго соизволенія, въ концѣ 1821 г. удалены были отъ преподаванія, но оставлены при университетѣ съ полученіемъ жалованья впредь до окончанія обѣихъ дѣлъ. Поелѣку всѣ они не несли никакихъ должностей и получали штатныя оклады, на мѣста же ихъ никого опредѣлить было нельзя, то посему исправляющій должностъ почетителя С.-Петербургскаго учебнаго округа представлялъ объ увольненіи ихъ отъ университета, исключая Галича, котораго просилъ уволить только отъ должностъ экстраординарнаго профессора, оставивъ при университетѣ для занятія какою-либо другою должностью». Такимъ образомъ, Галичъ оставленъ при университетѣ безъ права преподаванія, но съ сохраненіемъ по штату жалованья экстраординарнаго профессора 1600 рублей, которое и получалъ до 1837 г., когда былъ уволенъ окончательно отъ службы въ университетѣ.

Материально Галичъ, слѣдовательно, не пострадалъ, но нравственно ему была нанесена жестокой ударъ. Вынужденная бездѣлительность, а можетъ быть и укоря содѣствіе въ томъ, что на допросѣ Румича онъ велъ себя недостаточно опредѣленно, сильно отяготило Галича. Благоклонное же отношеніе къ Галичу начальства, даже Румича, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Румичъ вѣлѣлъ къ Галичѣ раскормлялся грѣшникомъ; по крайней мѣрѣ, въ до-

классам Рунча министру читаемъ: «Профессоръ Галицкй съ явнымъ смущеніемъ выслушалъ прочтенныя ему вопросы и пункта и въ краткомъ извѣщеніи отъ себя призналъ невозможность свою опровергнуть ихъ и изъяснилъ расказіе въ погрѣшеній своемъ». Галицу не только сохранили содержание, но дали и казенную квартиру въ университетскомъ томъ по 7-й линии улицѣ Ларинской гимназіи, гдѣ онъ читалъ частныя курсы о Шеллингѣ и его философіи немногочисленнымъ своимъ ученикамъ. Галицу предлагали мѣсто секретаря училищнаго комитета или архиваріуса и переводчика при правленіи; но Галицъ ни той, ни другой должности «не пожелалъ прежнимъ своимъ занятіямъ соответственной». Въ 1828 г., 30-го ноября, Галицъ подалъ въ университетъ прошеніе о томъ, чтобы ему поручили кафедру «Древностей и теорій изящнаго». Совѣтъ отнесъ къ этому завѣденію неблагоприятно; признавая ученія заслуги Галицка, совѣтъ ссылался на недостатокъ средствъ и на малочисленность студентовъ. Иначе отнесся къ движению Галицка доцентъ Борозинскій; онъ въ представленіи на имя министра находилъ, что основаній къ назначенію Галицка до преподаванія нѣтъ, что причины, вызвавшія увольненіе Галицка, теперь устранены и хотѣли назначить переть министромъ объ увольненіи просьба Галицка. Дѣло объ урезаніи новой кафедры «Древностей и исторіи изящнаго» тянулось до 1835 года, когда было отклонено предъ въ разработку новаго устава, а Галицу рѣшено производить на прежнемъ основаніи жалованья.

По волю въ 1838 г. Галицъ, не выходя изъ пенсії, омутился въ извѣдомъ, и въ смыслѣ матеріальномъ положеніи. Почитаемые ученики Галицка не оставляли его въ бѣдѣ, устроили ему назначеніе на мѣсто начальника архива при провинціалскомъ департаментѣ съ жалованьемъ въ 5000 руб., асс. Служба была легкая, хотя, конечно, не по сердцу фил. софу. Она, однако, оставляла ему достаточно свободнаго времени для научныхъ занятій. Онъ усердно работалъ надъ составленіемъ науки ученыхъ работъ: «Всеобщаго права» и «Философіи исторіи человѣчества»; по дѣлomu 1839 или 1840 года мать Галицемъ страдала бѣдъ, окончательно погубившая нравственная сила его. Пожаръ уничтожилъ все его рукописи и въ томъ издѣлѣ для почти готовнаго къ печати труда, о которомъ мы только что упоминали. Галицъ омутился и послѣдніе

8 лѣтъ своей жизни провести въ изнѣженныхъ и даже того хуже. Послѣдній опора, которъ, помогавшій Галицу справиться съ многими бѣдствіями, покинула его, и похъ бѣдствіемъ, мелочей жизни похъ гдѣ крупнаго таланта. Дожившій условия жизни были таковы, что въ нихъ, Галицъ не могъ найти себѣ утѣшенія. Жена его была, по словамъ Никитенко, «очень дурна собой, очень необразована и очень дѣла, настоящая Ксантина; такимъ образомъ, Галицъ на себѣ испыталъ правильность афоризма своего собрата по философіи, Юркевича, говорившаго, что бракъ есть самая тяжелая форма аскетизма и даже мученичества».

Обратимъ теперь къ научной дѣятельности Галицка. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды:

Исторія философскихъ системъ, по иностраннымъ рукописямъ составленная. Сиб. 1818—1819.

Опытъ науки изящнаго. 1825.

Черты умозрительной философіи, избранныя изъ В. 6 ра. Кз. на. Т. и дра и др. Сиб. 1829.

Логика, выбранная изъ Крайна. Сиб. 1831.

Правоученіе Герлаха, переводъ съ нѣмецкаго съ вѣдками дополненіями. 1833.

Теорія краснорѣчія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, издѣланная изъ нѣмецкой библиотеки словесныхъ наукъ. Сиб. 1830.

Картина человѣка. Опытъ наставительнаго ученія о предметахъ самоподаній для всѣхъ образованныхъ сословій. Сиб. 1834.

Ростисъ ивѣламъ греческой ивѣстики. Статья, помещенная въ «Извѣстіи факультетовъ» 1835 г., изданной А. П. Галицемъ и Плавинскимъ.

Лекціонъ философскихъ предметовъ, т. I. Сиб. 1845.

Сверхъ того Галицу приписываютъ «Хронологическую таблицу древней исторіи философіи», изданную Н. Рожковскимъ въ Сиб. 1830.

Всѣ сочиненія Галицка могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой мы относимъ самостоятельныя его сочиненія, до второй перевода или переработки съ нѣмецкаго. Только первая группа сочиненій заслуживаетъ вниманія, и только о ней мы и будемъ говорить. Къ ней мы относимъ «Исторію философскихъ системъ», «Опытъ науки изящнаго», «Картина человѣка» и «Лекціонъ философскихъ предметовъ».

Последній доведенъ лишь до буквы В включительно, но, по мысли автора, долженъ быть представлять въ извѣстномъ смыслѣ завершеніе научной дѣятельности автора, ибо онъ какъ изложеніе различныхъ философскихъ наукъ частью въ оригинальныхъ трудахъ, частью въ переводныхъ и переводныхъ; оставалось имъ завершить въ энциклопедическомъ обзорѣ. Вторая группа сочиненій Галича можетъ интересовати лишь въ одномъ отношеніи, а именно: по выбору авторовъ можно судить о направленіи мыслей выбираемаго. Клейтъ, Локку и метафизику котораго Галичъ переводилъ, былъ приверженцемъ Шеллинга.

Мы остановимся на трехъ главныхъ сочиненіяхъ Галича и прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу «Исторіи философскихъ системъ» 1818—1819. Это сочиненіе нельзя считать вполнѣ оригинальнымъ трудомъ Галича, ибо онъ въ предисловіи указываетъ свои пособія, въ томъ числѣ Аста и Зоера, которые «при составленіи учебника въ особенности служили основаніемъ». Единственная глава, въ которой Галичу пришлось бы писать вполнѣ самостоятельно, это глава о «состоитѣи философіи въ нашемъ отечествѣ»; но эта глава въ печати не появилась и была признана нѣкоторыми «особами» вовсе бесполезною, и нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что въ «особѣ», Галичъ замѣнилъ главу о русской философіи, которой въ то время вовсе и не существовало, главою о философіи Шеллинга, составленной, главнымъ образомъ, по Танеру. Нельзя, несомнѣнно, что «Исторія философскихъ системъ» представляетъ собой, по современнымъ понятіямъ, трудъ компилятивный. Но было бы величайшей несправедливостью современнаго понятія перенести на начало 19-го вѣка. Историческая справедливость требуетъ сравненія разнородной нами книги съ какой-либо исторіей философіи конца 18-го или начала 19-го вѣка, напримеръ, съ «Сокровенною исторіей философіи отъ начала міра до нынѣшнихъ временъ», переведенной съ французскаго С. В. Колокольниковымъ, Москва, 1785. Сравненіе это тотчасъ покажетъ, какъ научна наука. Книга Галича есть трудъ научный; книга Формей, переведенная Колокольниковымъ, есть трудъ не научный. Исторія философіи дѣлится Формеемъ на 3 періода: отъ основанія міра до основанія Рима; отъ основанія Рима до паденія Константинополя и отъ давосканія Константинополя до нашихъ

дней. Свѣтлѣи о философіи Атама, Кама и Сноа почти настолько же погрѣбна и достоверна, какъ и свѣтлѣи о философіи Ньютона и др. О методѣ исторіи философіи не сказано ни слова; источникъ, откуда почерпнуты сообщаемыя свѣдѣнія, не указана, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ и указати то было трудно, какъ это видно, напр., изъ того, что говоритъ авторъ о Снобѣ: «Снобъ удивлялся въ Астрономіи, что, однако же, не весьма основательно, или, лучше сказать, сіе положеніе все основывается на началахъ самыхъ слабыхъ, то есть на приводимыхъ столпахъ Сноовыхъ, коихъ никогда не бывало, такъ же, какъ и самыхъ надшней, каковыя, говорятъ, на нѣхъ были шарьзаны».

Исторія философіи Галича есть, несомнѣнно, научное произведеніе, весьма доброотноительно написанное, хотя, можетъ быть, и лишнее оригинальности. Галичъ даетъ обстоятельное разъясненіе понятія исторіи философіи и ея метода; онъ въ то же время задаетъ и вопросомъ о пользѣ изученія исторіи философіи («не есть ли философия-полисторія не болѣе какъ антикъ, въ нѣхъ хоньчій»), и эти разъясненія обнаруживаютъ въ Галичѣ человека благодарумнаго, понимающаго истинныя научныя задачи. Вторая особенность книги Галича состоитъ въ томъ, что онъ указываетъ свои источники и пособія и послѣ каждой главы приводитъ всю литературу предмета. Наконецъ, третья особенность Галича состоитъ въ томъ, что онъ доводитъ изложеніе своего предмета до послѣдняго времени, т.-е. до 1818 года, и останавливается на изложеніи той философской системы, которая ему кажется наиболее правильною, на философіи Шеллинга. Хотя изложено ученіе Шеллинга по Танеру, но въ литературныхъ указаніяхъ находится замѣчаніе самого Галича, опредѣляющія его отношеніе къ Шеллингу. Галичъ совершенно правильно замѣчаетъ Шеллинга противъ обвиненія въ мистицизмѣ, признавъ это обвиненіе малоажнаымъ и касающимся «относительной невѣрности», которая необходима въ системѣ оригинальной, многообъемлющей, не всегда согласной въ отдѣльныхъ мысляхъ съ главными своими положеніями и на нѣхъ мѣстахъ темной». «Съ появленіемъ Шеллинговой системы духъ ея проникнуть тѣмъ глубже, что начала ея и хоньчій во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ». Философія Шеллинга не есть только отвѣченная, мертвая, опредѣленная

для одних кабинетов, по свѣтской и житейской, приводящая истинной опытъ въ связь съ разумнымъ видѣніемъ. Ученіе Шеллинга парочито способствовало дальнѣйшему глубокому изслѣдованію природы, какъ органическаго и живото дѣлаго; оно не исключаетъ ни одной задачи, какія некоему подлежало философій извѣсти, и связываетъ науки («свѣтлыми узлами»).

Основная мысль «Опыта науки изящнаго», изданной въ 1825 году, т.-е. опредѣленіе красоты, безъ сомнѣній, имѣеть наибольшее сходство съ опредѣленіемъ Шеллинга изящнаго Галачь опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «существовавшее совершенное проявленіе значительной истины свободною дѣятельностью нравственныхъ силъ гений», а въ изложеніи тегаей авторъ многое замѣтываетъ, иногда же дословно переводитъ изъ разныхъ авторовъ, вышѣ въ большинствѣ случаевъ забытыхъ, какъ-то: Шренеръ и Лукскъ, Вагнеръ и Дамебекъ, Астъ и Рикенеръ, Вентль и Крумъ, Солгертъ и Груберъ и др. Заслуга Галача заключается въ томъ, что онъ систематично и подробно изложилъ всѣ части эстетики и сдѣлалъ всѣ попытки, которыя заключаются въ послѣдкахъ. Трудъ его близокъ къ общую или чистую часть и на прикладную или особенную. Первая часть содержитъ въ себѣ опредѣленіе красоты, субъективныя условия красоты гений, вкусъ и эстетическое чувство, анализъ видовъ красоты прекрасное и безобразное, авторъ называетъ его «дурное», высокое и низкое, смѣшное и комическое, указаніе историческихъ условий и наконецъ, указаніе отношеній красоты природы и красоты искусства.

Во второй, специальной части содержится теорія искусства. Авторъ дѣлитъ искусство на три группы: на искусства образовательныя, относящіяся по преимуществу къ пространию, на искусства тоническія, относящіяся ко времени и на искусства театральныя, сценическія, относящіяся какъ ко времени, такъ и къ пространию. Натуральному искусству Галачь противопоставляетъ идеальное, служащее выраженіемъ стпной внутренней сущности и являющее своимъ предметомъ не массу и движенье, а маслу, непосредственно ощущимая. Это искусство поэзія и анализомъ видовъ поэзія заканчивается опытъ Галача. Общій законъ искусства Галачь формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Гѣмъ совершеннѣе, тѣмъ болѣе художникъ въ собственной своей области находить спо-

собовъ и законовъ для изображенія оной, и тѣмъ ограниченнѣе, тѣмъ чаще приближаетъ оны къ помощи близкимъ». Опытъ науки изящнаго — наиболее оригинальное и законченное произведеніе Галача: эта книга и шибъ не потеряла своего значенія, хотя она является первымъ русскимъ сочиненіемъ по эстетикѣ. Вліяніе Аста и Солгертъ болѣе дѣлать, тѣмъ вліяніе Шеллинга. Это и шибъ понятію, общаго изложенія эстетики Шеллинга Галачь не могъ имѣть подъ руками. Шеллинга, правда, читалъ въ Лейп и Вюрбургѣ (1802—1805) курсъ эстетики, но этого курса появились въ печати лишь въ 1859 году; впрочемъ, студенческія дашеи лекцій Шеллинга были весьма распространены, и Галачь, можетъ быть, ознакомился съ такою дашею. Галачу были известны лекціи Шеллинга на эстетику, хотя и въ самой общей формѣ, какъ это видно изъ его «Исторіи философій 1819 года». По настоящаго времени у насъ нѣтъ думанаго сочиненія по эстетикѣ, хотя, конечно, произведеніе Галача очень было въ смыслѣ фактическия и историческаго указанія.

«Картина человека», изданная въ 1834 г., представляетъ попытку изложенія антропологии, какъ ее понимали въ началѣ 19-го вѣка. Антропология была полнымъ и систематическимъ изложеніемъ ученія о человѣкѣ. Въ настоящее время ученіе о человѣкѣ распалося на цѣлый рядъ отдѣльныхъ наукъ: на антропологию въ настоящемъ значеніи этого слова, анатомию и физиологию человека и психологию. Въ составѣ антропологии, какъ ее понимали ученики Шеллинга, входило и ученіе о психическихъ разстройствахъ, ученіе о снѣ и сомнамбулизмѣ, ученіе о мимикѣ. Въ основѣ столь разнообразнаго по составу знанія лежало убѣжденіе о единствѣ міровой жизни, частью которой является человекъ; некая связь жизни души и жизни вселенной, указывали на различные виды параллелизма явленій психическихъ и физическихъ, и съ особенной любовью останавливались на темной сторонѣ душевной жизни, на безоднательномъ, въ которомъ дѣятельность вселенной пряме и непосредственнѣе открывается. Въ такомъ духѣ написана сочиненіе Каруса, Антропологии Фриса, Антропологии Стефена, и множество подобныхъ произведеній. Психологии Гетеделера на примѣръ, психологии Михелета 1849 года совершенно по тому же направлению и орудовала такъ тѣмъ же матеріаломъ. Если

сравнить антропологию начала 19-го века съ современной психологiей, то различіе само собою ясно, и отжившая свой вѣкъ антропологиа кажется ненаучной, фантастичной, но нельзя не признать за нею одного значительнаго преимущества: она стремилась понять меловѣка изъ общихъ идей, изъ общей концепціи и развитіи мирового цѣлота, и ради этой идеи можно простить всѣ смѣшныя аналогіи и шуры-словачки, которыми столь изобилуютъ сочиненія Шеллингандцевъ, въ томъ числѣ и нашего Д. Велланскаго. Къ этой категоріи сочиненій относится и «Картина меловѣка» Галича. Она сама указываетъ источники, по которымъ она составлена, и хотя Шеллингъ не замалитъ, но падъ всѣмъ сочиненіемъ Галича даритъ гений Шеллинга, во всемъ инако его основная мысль. Галичъ вовсе не рабски воспроизводитъ идеи Каруса и Фриза; онъ въ готовыя рамки вноситъ свои собственные психологическія наблюденія и въ некоторые отѣлы, особенно въ описаніе страстей, вложилъ значительную долю своего своеобразнаго юмора, который ему ставили въ вину, напр., Д. Велланскій, нахвалившій, что наука должна облачаться въ торжественныя формы. Мы Галичу не поставимъ въ вину его юмора. Торжественность Велланскаго теперь производить только комическое впечатлѣніе, напр., когда онъ думаетъ, что послѣ есть органъ будущаго, между тѣмъ, простота и юморъ Галича и теперь не потеряли своей пріятности.

Сочиненіе Галича дѣлится на двѣ книги: въ первой разсматривается человѣкъ съ точки зрѣнія его положенія во вселенной, во второй разсматривается составъ человѣческаго существа, сначала его тѣло, потомъ его духъ и, наконецъ, отношеніе между тѣлесной жизнью и духовной. Точка зрѣнія Галича ясна изъ слѣдующихъ словъ, которыя мы приведемъ изъ § 439: «Человѣкъ не только первоначально свободенъ, но только по существу своему есть духъ, но еще стремится къ безпримѣсному выраженію тогообщаго характера и въ дѣльномъ существѣ своихъ воемъ... по порыву къ свободному осуществленію духовной жизни во времени и въ пространствѣ съ точки зрѣнія развитія, которое неждъ имѣетъ, хоть постепеннаго, неопредѣленнаго».

Въ Галичѣ русская наука имѣла весьма многого и талантливаго представителя, и нужно охвалить гордую судьбу ру-

ской философіи, въ силу которой много-обещающіе таланты не могли тѣмъ плыть, на которые обществу въ нравѣ было рассчитывать, и безвременно гибнуть. «Исторія философіи» Галича была облита грязью на страницахъ «Сына Отечества», а «Картина меловѣка» удостоилась длинной насмѣшливой рецензіи въ «Библиотекѣ для чтенія» 1834, начинающейся словами:

A philosophia germanica libera nos Domine,
A nebulis mysticis libera, libera nos Domine.

«Опытъ извѣстнаго» былъ подробно разобранъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого, но нельзя сказать, чтобы рецензентъ обнаружилъ большое пониманіе. Лучшее изъ всѣхъ въ недавнее время, отнесъ къ Галичу М. М. Филипповъ: онъ «Русское Богатство» 1894, № 4, въ общемъ справедливо оцѣниваетъ Галича. Но благодаря своему отрицательному отношенію къ метафизикѣ, Филипповъ переоцѣниваетъ подлинные элементы въ ученіи Галича, который никогда не порывалъ съ идеальнымъ идеализмомъ. Ср. «Источники словаря рус. писателей» Венгеровъ, Спб. 1900.

Э. Радловъ.

50. ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Вѣжкіи, кто прочтетъ сначала оба посланія къ Галичу, № 47 и 50, затѣмъ статью столь строгаго цѣнителя, какъ Э. А. Радловъ, придетъ въ немалое изумленіе. Что общего между вдумчивымъ, талантливымъ философомъ и тѣмъ кукушкой — поэткою, портретъ котораго данъ въ посланіяхъ, и отчасти въ «Нирующихъ Студентахъ». Рѣшительно нѣтъ въ немъ разлада: Галичъ философъ. А между тѣмъ совершенно невозможно догадаться, чтобы Галичъ, только что вернувшійся изъ-за границы и весь переполненный шеллингянскими впечатлѣніями, не побылся ими съ учениками друзьями. Въѣтъ и изъ самаго посланія и изъ воспоминаній лицезрѣнствъ мы совершенно отчетливо знаемъ о тѣсномъ духовномъ общеніи даровитаго учителя съ даровитыми учениками. Вотъ почему мы должны прийти къ тому выводу, что гениальный юноша авторъ посланія былъ совершенно невосприимчивъ къ философскому теоретизированію. Его ласки умъ скучалъ да думанными отвлеченностями. Посмотрите, какъ онъ въ смежномъ посланіи къ Арестарху-Колчанскому у себя дома, когда рѣчь идетъ

51. МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, тревон Аристарху
 Моих бахических посланий!
 Не осуждай моих мечтаний
 И чувства вь вьбреньях стихах!
 Плоды веселого досуга
 Не для безмерных рожденья,
 Но развѣ такъ сбережены –
 Для самого себя, для труда,
 Да для Темира молодой!
 Помилуй, скажешь надо мной!
 Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой!
 Конечно, бдѣть гений мой:
 За римою часто ходостой,
 На зло законамъ сочетанья,
 Бьуть трестонные толпой
 На *ар.* *арт.* и на *ой.*
 Еще немногя призыванья:
 Я ставлю (кто же безъ грѣха)?
 Для мѣры часто восклицанья,
 Для смысла, лишннихъ три стиха:
 Не хорошо по оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои детучи посланья
 Въ потемнѣхъ будущъ ли дивети?
 Не думай, цендоръ мой урюмой,
 Что я бьсцуюсь по почамъ,
 Обыцный стихотворной душой:
 Что дьвною жертвою стихамъ,
 Что дьвѣтвнъ свою лампаду,
 Едва наша, нахмури влоръ,
 За вьбранны столь крѣтля дьжду,
 Сижку, сижку три ночи сряду
 И вьожку – трестонный исторъ...
 Такъ пишеть, молвить не въ укоръ,
 Конвоинъ црхлато Пеласа
 Слестовъ, Хлытовъ или Графовъ,
 Служитель стареньковъ Нарисаса,
 Родитель старенькуихъ стиховъ,
 И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ товодно скучныхъ...
 Люблю я праздность и покой,
 И мѣхъ досугъ совѣшь не бремя:
 И днемъ пайду себя я время,
 Когда печальной порой
 Стихи провать найдеть охота
 На славу дружба или Эрота:

Я много трудъ окончу свои,
 Сижку ли съ добрыми друзьями,
 Лежу ль въ постель пуховой,
 Брожу ль пать тихими водами
 Въ дубравѣ темной и глухой,
 Задумаюсь, взмахну руками,
 На римохъ вьругъ заговорю,
 И никого ужъ не морю
 Моими тайными стихами,
 Но если я когда-нибудь,
 Желая вь пѣвѣ отдохнуть,
 Расположусь передъ каминномъ,
 Отихъ, свободнымъ господномъ,
 Ноймаю прежною мысль мою
 И не для имени поэта
 Марно на пль три кулета
 И пль въ подголоса пою,
 Но дьашь ли, о мой гонитель,
 Какъ я бесѣдую съ тобой?
 Безвечный Ницца воспѣтель,
 И съ Мудой пьажусь молодой...
 Ужь утра яркое свѣтло
 Ноги и рожи озарило:
 Давно проибли пѣтухи,
 Въ пол-глаза дремля и дьвая,
 Шанснъ въ пѣвнхъ призывая,
 Нишу короткѣе стихи
 Среди приятно дьбненья,
 Склонись въ подушку головой,
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагою дьвненья
 Не много сонною рукой,
 Ночь сижку дьши пьдѣветной,
 Такъ пьжиласъ пьвещъ прелестной,
 Когда Вѣрь-Вѣра воспѣвала,
 Или съ улыбкой рисовала,
 Въ непринужденномъ уносенья,
 Успеннхй свой чертакъ,
 Въ такомъ дьшнвомъ положенья
 Стихи текутъ и такъ и сижъ,
 Возможно ли въ свое творенья,
 Увишь весельяхъ мыслей шумъ,
 Тогда впервъ холодный умъ,
 Отдѣлокъ портить пьбащница,
 Плоды бродящихъ рѣзвхъ думъ,
 И совращать свои страницъ?
 Нашъ другъ, дьфаръ, Шоаль, Парин,
 Враги труда, заботы, печали,

о литературѣ. Къ философіи же онъ былъ равнодушенъ и въ лицѣбъ, и въ теченіи всей остальной своей жизни. Доказательствъ этого мы встрѣтимъ еще много разъ; здѣсь-же будемъ умѣстно привести свидѣтельство Баратынскаго въ его письмѣ къ Пушкину отъ 1826 года, гдѣ какъ разъ идетъ рѣчь о Галичѣ:

«Галичъ выдалъ пѣсню на пѣсеньки здѣшныя. Въ ней повелѣны откровения Платонова и съ пѣвкообразными прибавленіями приведены въ систему. Не зная пѣсневатаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ пѣснейю эстетикою. Пришелъ въ деп. собственная ея пѣсня, по началу ея мнѣ кажется можно опровергнуть философически.—Впрочемъ, какое кому о томъ дѣло, *особливо тебе*.—Твори преркастое и пусть другое дождетъ вѣтъ шмѣ голову. Перешелъ Пушкина, поэтъ ред. В. И. Саитова, Спб. 1906, стр. 317.

Что касается реальной подкладки обонухъ посланій, то едва-ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ такимъ же чисто-литературнымъ ступеніемъ красокъ, какъ въ «Ширющихъ Студентахъ» и рядѣ анакреонтическихъ стихотвореній лицейскаго періода, посланій «Къ Сестрѣ» и «Горюхѣ». Въ дѣйствительности дѣло сводится къ тому, что у «жики», а на самомъ дѣлѣ шлобѣ русскаго человека—Золотарева, мощишка эконома, шюгда собралась лицействы для самыя невѣстныхъ ширущекъ, меню которыхъ, повѣстному, свозилось къ ширюу съ шювкомъ. Буди въ эдикъ ширущкавъ хощъ, что-нибудь дѣйствительно разгудунае, объ этомъ не преминулъ-бы упомянуть баронъ М. А. Корфъ, въ запискахъ котораго собрано все то, чѣмъ можно очернить лицейскую обстановку вообще и Пушкина въ частности.

Ступеніемъ красокъ и вообще отвлеченіемъ отъ реальной дѣйствительности слѣдуетъ объяснить и рядъ эпитетовъ и словестъ, которыми Пушкинъ снабдилъ своего профессора. Почему шивавій только филологскія сочиненія Галичъ названъ «шарасекскимъ брошюромъ», почему онъ съобщъ по Шинцу, почему скромныи Галичъ диверсифицировалъ себя, каковыи образомъ онъ дѣлался въ «мурцыи приворнѣе»? Въ вѣдъ, совершенно не вѣдушій съ поштинною биографіею Галича тезаи, не потребуешь каде и объясненія, если мы откажемся отъ шивѣвкы, не мотивированнаго желанія пѣвкообразнаго, коммепротирова въ каждомъ словѣ посланія искать реальную подкладку. Какъ и во всѣхъ стихотвореніяхъ лицейскаго періода, и посланія къ Галичу представляють собовъ Wahrheit und Dichtung. Не

сомнѣнво, что посланія являются отраженіемъ тѣснаго общенія между Галичемъ и лиценстами; несомнѣнво они указываютъ, что лиценствы читали ему свои произведенія; вѣроятно, что шрѣдка при этомъ выпивалась бутылка вина, но изъ этого, все-таки, совѣтъ не слѣдуетъ, что каждое слово должно быть понято буквально. Старшій Майкова объдѣлать произведение Галича въ «шюствѣ» тѣмъ, что въ поэтии и шинухъ спечатннхъ сочиненіяхъ: своихъ и въ «оживленной бѣсѣдѣ» отъ «обладать шаромъ оригинальнаго положенія» крайне искусственны. И уже никакой почвы подъ собовъ не имѣетъ обратное заключеніе Грота: «Нѣтъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическимъ состязаніяхъ своихъ учениковъ» (Грота, Пушкинъ, стр. 20).

Ст. 18. Гдѣ Коль насъ угощай.

Коль—греческое божество шировъ.

Ст. 19. И трубку разжигаетъ

Безрешимымъ языкомъ.

Безрешимъ замѣствованъ у Батюшкова, который относить эту кличку къ безрешимымъ поэтамъ С. С. Боброву и П. Ю. Лыкову, шивавшимъ бѣлыми стихами.

Ст. 21. Съ либерскимъ мурцеюмъ
г. е. Горациемъ.

Ст. 25—28. Пашъ Дельвнхъ, пашъ по-ль

Песеть свою балладу

И станемъ винограду

И къ лѣшнъ кулетъ.

«Станемъ винограду» повѣстному Dichtung, по «балладу» и къ «лѣшнъ кулетъ» — Wahrheit. (См. Академикъ, изд. т. I, стр. 193).

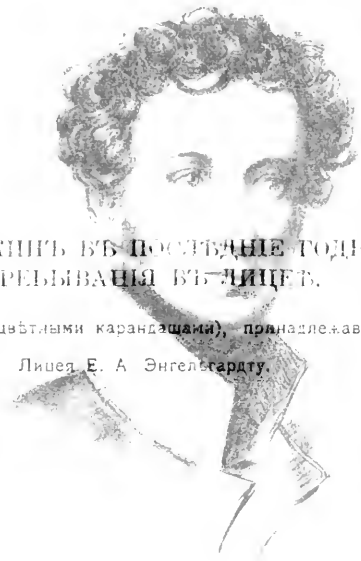
Ст. 30—31. Вотъ съ мнѣмъ острякомъ

Пашъ пѣсельникъ тащитъ.

Въ «острякомъ», повѣстному, надо усматривать Плиническаго «о немъ дальнѣ»; въ «пѣсельникѣ» Яковлева (см. стр. 138).

«Посланіе къ Галичу», причѣмъ Галичъ и Дельвнхъ названы только первой буквою, шивраве шивечъ, въ «Рос. Музеумѣ» 1815 ч. IV, № 10—11, съ пошнѣею I, 16—14 стр. стр. 132. Появляется шювъ только въ изд. Аппенкова (Спб. 1855, г. II). Мы воспроизводимъ текстъ по «Рос. Музеуму», но принимаемъ тогдаку Ефремова, что въ стихѣ 89 надо шивать: *шарскую канду*, а не *барскую канду*. Съ другимъ измѣненіемъ Ефремова согласиться не можемъ (стр. въ концѣ тома «Исторія пушкинскаго текста»).

С. Венгеровъ.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕ ТОДЫ
ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ЛИЦЕЪ.

Портретъ (рисованъ цвѣтными карандашами), принадлежавшій директору

Лицея Е. А. Энгельгардту.

Не так бывало въ прежни дни
 Своихъ любовницъ возивали,
 О вы любезныя пвицы,
 Сыны безвечности лживой!
 Давно вамъ отана лжицы
 Отъ Музы праздности счастливой.
 Но не блестяще дары
 Поэзии трудолюбивой!
 На верхъ Фессальскія горы
 Вели вась тайные извивы!
 Веселыхъ Грацій переть шпривой

Младые лиры оживлять,
 И вами челя обивлять
 Двѣи Паросскіихъ рой шумливой,
 И я — неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ рюмъ насѣвникъ,
 За вами крадуся во сѣвѣ...
 А ты мой скучный проповѣдникъ,
 Усѣрьбный ученыи вкуса глѣвѣ!
 Поди, кричи, брани другова,
 И брось лѣвнища молодова,
 Объ немъ тихонько пожалѣвѣ.

Kithara sur Non'a (18 u. . ipaa, Berthould.

Н. О. КОШАНСКИЙ.

Стихотворение «Моему Аристарху» относится къ Н. О. Кошанскому.

Кошанский занимался въ свое время, видимо мѣсто въ педагогической литературѣ: въ Царскосельскомъ Лицѣи онъ преподавалъ съ самаго его основанія и долгие годы былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами перваго выпуска, излагалъ предметъ криво близкій Пушкину—словесность, наконецъ увлочно въ названномъ стихотвореніи. Все это ставить передъ нами вопросъ о личности, литературной и педагогической дѣятельности Кошанскаго и его вліяніи на развитіе Пушкина.

Николай Федоровичъ Кошанскій родился въ 1785 году, впрочемъ, годъ рожденія точно не установленъ: надвываютъ и 1787 (1781 г.) и дворянской семьѣ. Учился въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Это замѣчательное учебное заведеніе, выдающееся по своимъ заслугамъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, воспитало въ своихъ стѣнахъ многихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, литераторовъ и ученыхъ, напр.: Жуковскаго, Николая Тургенева и его братьевъ, кн. В. О. Одоевскаго, Державина, декабристовъ П. Г. Каролюскаго, Вл. О. Раевскаго, М. А. фонъ-Вилана и мн. другихъ.

Среди воспитанниковъ усердно культивировались литературные интересы, что отозвалось возникновеніемъ и процвѣтаніемъ вѣдѣнаго «собранія воспитанниковъ», гдѣ преобладали Жуковскій. Пребываніе въ Благородномъ Пансіонѣ, отъчасти, что Кошанскій учился въ пансіонѣ одновременно съ Жуковскимъ, но крайней мѣрѣ (годы 1797—1799) положило прочное основаніе литературнымъ интересамъ и Николаю Федоровичу и дало ему основательную подготовку къ университетскимъ лекціямъ.

Съ 1798 года Кошанскій уже въ самомъ университетѣ «обучался языкамъ русскіимъ, греческому, латинскому, французскому, нѣмецкому и англійскому», а въ слѣдующемъ (1799 г.) былъ формально произведенъ въ студенты. Лекціи онъ слушалъ по двумъ факультетамъ, юридическому и философскому. Въ 1802 г. получилъ изъ философскаго факультета золотую медаль «за отличные успѣхи въ наукахъ». Еще въ студенческіе годы Николаю Федоровичу пришлось начать свою педагогическую дѣятельность въ качествѣ преподавателя реторики въ Благородномъ Пансіонѣ. А по

окончаніи курса онъ тотчасъ же получилъ мѣсто учителя латинскаго и греческаго языковъ въ университетской гимназіи. Такъ же рано началъ Кошанскій и свою литературную дѣятельность—переводами, подражаніями и самостоятельными опытами, печатая ихъ отдѣльно и въ периодическихъ изданіяхъ. Способности Кошанскаго, его успѣхи въ научныхъ и литературныхъ дѣланіяхъ обратили на него вниманіе почетнаго М. П. Муравьева, который сталъ прочесть Николаю Федоровичу на кафедрѣ археологій и изящныхъ искусствъ. Съ тѣмъ поръ и надолго Кошанскій оставался связанъ новыми отношеніями съ московскою академической средой.

Время 1804—1812 годовъ было эпохой процвѣтанія московскаго университета, напминающей времена Попова-Шварца и Гробоветскаго. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» дало университету широкую автономію по уставу 1804 г. и замѣчательнаго почетнаго, Михаила Никитича Муравьева. Воспитатель Александра I, покровитель Карамзина, ближайшій руководитель поэта Байшкова, энтузіастъ просвѣщенія и гуманности, М. П. Муравьевъ много сдѣлалъ для развитія университета. По его приглашенію въ Москву прибыли многие нѣмецкіе профессора. При Муравьевѣ же въ университетѣ появилось новое поколѣніе русскихъ профессоровъ. Въ обновленной профессорской средѣ, изъ ряда иностранцевъ, особенно выдавался Е. Т. Буде. Буде явился въ Москву изъ Геттингена съ европейской репутаціей знатока классиковъ, автора важныхъ трудовъ по исторіи древней и новой философіи, по исторіи мадонства. Въ Москвѣ онъ проявилъ кипучую дѣятельность: читалъ публичныя лекціи, сильно заинтересовалъ русскую исторію и сумѣлъ сдѣлать для нея кое-что очень цѣнное: издалъ два журнала «Московскій ученый вѣдомости» и «Журналъ изящныхъ искусствъ». Но самое прочное, что сдѣлалъ проф. Буде для Россіи, это воспитаніе Грибофедова, сохранившаго на всю жизнь привязанность къ своему наставнику. Буде скоро сталъ прапои почетнаго учителя во всѣхъ просвѣдительныхъ начинаніяхъ. Кошанскій долгие годы работалъ въ оживленной университетской средѣ и сталъ въ самыя близкія отношенія и къ Муравьеву, и къ Буде. Эти связи, несомнѣнно, въ значительной степени опреѣдляли всю его духовную фисіономію.

Поощреніемъ Муравьевымъ, Николаю

Федоровичъ сталъ дѣлательно готовиться къ профессурѣ. 30 июня 1805 года, сдавъ устные экзамены, Кошанскій получилъ степень магистра философіи и изящныхъ искусствъ. Для получения профессорской каѳедры надо было написать докторскую диссертацию. Чтобы поставить Кошанскаго къ необходимости для того обстановку, поочинитель Муравьевъ устроилъ ему заграничную командировку. Однако, воспользоваться ею Николаю Федоровичу не пришлось. Въ августѣ 1805 года онъ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы отсюда отправиться за границу; но, по обстоятельствамъ военного времени, ему пришлось остаться въ сѣверной столицѣ. Впрочемъ, и здѣсь Кошанскій не потерялъ своего времени напрасно. Онъ изучалъ древности Эрмитажа и Академіи Художествъ, переводилъ съ французскаго руководство по археологіи Миллея, собирая матеріалы для своей докторской диссертации. Поочинитель Муравьевъ жилъ тогда въ Петербургѣ, и Кошанскій постоянно пользовался его совѣтами. Но мнѣнію Л. П. Майкова, Николай Федоровичъ въ домѣ поочинителя давалъ также уроки молодому Константину Батюшкову. Въ 1806 г. мы видимъ Кошанскаго снова въ Москвѣ, занятого печатаньемъ своей латинской диссертации. Предметомъ диссертации были мифы о Пандорѣ, какъ онъ отразился въ древне-греческихъ сказаніяхъ и въ произведеніяхъ классическаго искусства. Тема изслѣдованія требовала непосредственнаго знакомства съ памятниками искусства въ европейскія музеи, что осталось, какъ мы знаемъ, недоступнымъ для Кошанскаго: это отразилось неблагоприятно на диссертациі, и хотя она была встрѣчена сочувственной рецензіей проф. Буле, однако оказалась дожитой работой и не составила вклада въ науку.

7 февраля 1807 г. Кошанскій получилъ въ Московскомъ университетѣ степень доктора философіи. Однако, занять профессорскую каѳедру Николаю Федоровичу не удалось: не оказалось свободнаго мѣста. Вскорѣ умеръ и покровитель Кошанскаго, М. П. Муравьевъ. Молодому ученому пришлось отказаться отъ профессуры и вѣнчаться за преподаваніе въ томъ же учебномъ заведеніи, гдѣ самъ воспитывался и одно время уже преподавалъ. — въ Благородномъ Пансіонѣ. Здѣсь Кошанскій сталъ преподавать русскій, славянскій и латинскій языки, реторику, логику, исторію русской литературы, также миѳологію и древности. Педагогическая литература того времени была

скудна, и это побуждало Кошанскаго составить нѣсколько учебниковъ по русскому и латинскому языкамъ. Книжки эти были большой успѣхъ и потому долго обдумывали русскую школу. Въ Москвѣ Кошанскій преподавалъ также въ Воспитательномъ Домѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ, въ учебномъ заведеніи Виллерга; служилъ секретаремъ въ цензурномъ комитетѣ и въ Комисіи испытаній на чинъ VIII и VII классовъ; давалъ уроки въ богатыхъ домахъ. Отметимъ, что Николай Федоровичъ, по видимому, давалъ уроки древнихъ языковъ сыну покойнаго поочинителя, Никитѣ Муравьеву, будущему декабристу Сочиненія К. П. Батюшкова, т. I, біографія, стр. 104). На ряду съ педагогическими и служебными занятіями, Кошанскій находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Онъ принималъ ближайшее участіе въ изданіяхъ проф. Буле, сотрудничалъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Вѣстникѣ Европы, Русскомъ Вѣстникѣ, Новостяхъ Русской Литературы, Journal de la Société des Naturalistes à Moscou и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. Наконецъ, уже передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Николай Федоровичъ издалъ замѣчательную хрестоматію «Цвѣты греческой поэзіи».

Работать Кошанскому приходилось, какъ видимъ, немало, при чемъ работа была дробная, мѣшала сосредоточенію и, по видимому, не совсемъ удовлетворяла Николаю Федоровича. Поэтому, когда возникла мысль объ учрежденіи Царскосельскаго Лицея, Кошанскій, несмотря на свою привязанность къ Москвѣ, возбудилъ ходатайство о зачисленіи его въ составъ лицейскихъ профессоровъ. Литературная и педагогическая репутація Кошанскаго заставила предпочесть его двумъ другимъ кандидатамъ, и съ 1811 года онъ занялъ въ Лицѣи каѳедру русскаго и латинскаго языковъ.

Долгіе годы дѣлать преподавалъ Кошанскій эти предметы въ Лицѣи. Черезъ его руки прошло много поколѣній лицейцевъ и многие поэты, ученые, государственные и общественные дѣятели испытали его воспитательное вліяніе. Профессоромъ Лицея Николай Федоровичъ оставался до 1828 г. Два года за это время онъ исполнялъ обязанности директора, при чемъ однажды — въ пушкинское время, Кошанскій преподавалъ также и въ лицейскомъ благородномъ пансіонѣ; поддѣи служилъ въ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ и съ 1824 г. до смерти былъ тамъ преемникомъ Инсти-

дуга слышалъ. Съ 1823 по 1826 г. Кощанскій былъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія учебнаго книгъ, употребляемыхъ въ Пажескомъ и Кадетскомъ корпусахъ, поспе — въ подобномъ же комитетѣ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія: участвовать въ составленіи букваря и самъ составилъ списокъ статей для «Книги чтенія въ Удѣльныхъ училищахъ» и «Руководство для учителей». Въ петербургскій періодъ своей дѣятельности Кощанскій продолжалъ и литературныя занятія, печатаясь, по порученію конференціи Лицея, латинскую грамматику, учебныя изданія Федра и К. Пелота, *Építomé historiae sacrae*: переводъ огромнѣе «Ручную книгу тревней классической словесности» Энцибурга; оригинальныя статьи и стихотворенія помещались въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества, Соревнователѣ Просвѣщенія. За два года до смерти Кощанскій издалъ столь извѣстную учебницу «Общей Риторикѣ», «Частная Риторика» появилась уже послѣ смерти автора, въ 1832 г. Умеръ Николай Феторовичъ въ 1831 г., 22-го декабря.

Такое краткое curriculum vitae Кощанскаго. Жизнь Николая Феторовича небогата яркими событіями, переломами или потрясеніями. Труды и дни его поровну распредѣлились между двумя городами — Москвою и Петербургомъ: какъ мы знаемъ, ему не пришлось даже побывать за границей. Биографическая традиція не сохранила намъ досточинныхъ матеріаловъ для характеристики духовной личности Кощанскаго, но, повидимому, роному теченію жизни Николая Феторовича соответствовать его уравновѣшенный характеръ. «Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, инстинктивно соответствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все имѣетъ видѣніе къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ», такъ отзывался о немъ изъ учениковъ и почитателей Кощанскаго, авторъ исторіи лицеискаго пансіона. Правда, другой его воспитанникъ, М. А. Корфъ, характеризовалъ своего учителя иначе — какъ «пустого, запершаго франца, притомъ крайне пристрастнаго къ вину». Однако, было бы неосторожно дѣрнуть этому рѣдкому отзыву Корфъ не стѣснялся суждать краски и былъ идлинше щеръ на суровые и несправедливые приговора. Вероятно о пристрастии лицеискаго профессора къ спиртнымъ напиткамъ повторялась не разъ его биографамъ: по кромѣ Корфъ, изъ воспитанниковъ Лицея о дѣлохъ Кощанскаго не упоминаетъ никто.

Жизнейскія обстоятельства сложились такъ, что Кощанскому не пришлось сдѣлаться специалистомъ-ученымъ. Не получивъ въ свое время профессуры въ московскомъ университетѣ, онъ отдался учительской дѣятельности и до гроба преподавалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Однако, докторъ философіи и свободнаго искусства не потерялъ связи и съ академическимъ міромъ и навсегда сохранилъ живой интересъ къ вопросамъ исторіи, литературы и искусства. Литературныя взгляды Кощанскаго сложились въ школѣ московскаго классицизма, подъ воздействием почетнаго Муравьева, профессоровъ Сохадцаго, Мердлакова, Буле. Путь этой школы онъ вынесъ прочную любовь къ классической древности. Путемъ литературной пропаганды онъ старался распространить знанія о классическомъ мірѣ среди русскаго общества, что ему, въ извѣстной мѣрѣ, и удавалось. Его переводы руководствъ Миллена и Энцибурга были довольно извѣстны въ средѣ образованныхъ читателей, а изъ его Хрестоматіи «Нѣбты греческой поэзіи» (сборники отрывковъ изъ буюдической, эпической и драматической поэзіи черпали свои свѣдѣнія и мотивы для стиховъ и такіе поэты, какъ Батюшковъ и Пушкинъ ¹). Правда, увлеченіе классицизмомъ не прошло даромъ: Кощанскому и валожило на его эстетическіе взгляды и вкусы отпечатокъ значительной старомодности. Въ литературной памяти подлиннымъ поводомъ, знающимъ Кощанскаго только по учебнику риторикѣ, о немъ сложилось, какъ мнѣніе какъ объ узкомъ педантѣ, чуть ли не Тредьяковскомъ циничнаго времени. Но такой «судъ потомства» несправедливъ: какъ онъ былъ, впрочемъ, несправедливъ и относительно Тредьяковскаго и грѣшить недостаткомъ исторической перспективѣ. Во-первыхъ, какъ мы теперь знаемъ, литературная дѣятельность Кощанскаго не ограничивалась одной «Риторикой», была довольно многообразна и включала въ свой составъ нѣсколько безспорно полезныхъ работъ. Во-вторыхъ, предположенія «Риторикѣ» вовсе не была такъ плоха. Суровость приговора о ней зависѣла какъ отъ трудности самого предмета, да изложение котораго владѣя Кощанскій, поскольку

1. Стихотвореніе Батюшкова «Друзево естъ передалоше и владѣя Бюна, перевешено въ Хрестоматіи Кощанскаго; Пушкинъ въ стихотвореніи «Земля и море» 1821 поотражалъ владѣя Моску, перевешено въ Нѣбтахъ греческой поэзіи.

и тоской в русской учебной литературе трудно указать хорошей учебник словесности, отвечающий повзрослевшим приобретениям науки и художественной литературы, так и нежеланием критиков встать на историческую точку зрения. О «Риторикѣ» Кошанскаго высказывались обвинительно или проницательно Блдинскій, Валеріанъ Майковъ, Добродобовъ и пр. Изъ нихъ Блдинскій по поводу девятаго изданія «Общей Риторикѣ» написалъ въ 1845 г. большую статью, которую заключилъ выраженіемъ прискорбій, что дѣлая покровителю учащихся «погубленнымъ» Кошанскимъ. Когда писали Блдинскій и Майковъ, уже закончилась художественная дѣятельность Пушкина, завершилась дѣятельность Гоголя и Лермонтова; на литературное поприще выступала группа новыхъ могучихъ талантовъ. Располагая такимъ богатствомъ эмпирическимъ матеріаломъ, русская поэтика быстро перестроилась, и для новаго литературнаго вкуса казались уже нестерпимыми пристрастія къ полблкимъ знаменитостямъ и литературнымъ формамъ конца XVIII и начала XIX вв. Между тѣмъ, «Риторика» Кошанскаго сложилась еще въ двадцатыхъ годахъ, и немудрено, что она черпала образцы изъ Державина и Карамзина. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что Кошанскій хорошо зналъ и любилъ повзрослевшую русскую литературу, и въ его учебникѣ перѣдко мелькають, снабженные сочувственными апштеами, имена Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. Въ полемикѣ Блдинскаго крылось и въ которое недоразумѣніе. Онъ писалъ: «Риторика Кошанскаго, какъ и всѣ риторикѣ, говорить и о речахъ прозаическихъ сочиненій, учить, какъ писать исторію, какъ писать ученые трактаты, какъ описывать то или другое, какъ писать письма... Что за глупость! Да развѣ всему этому выучиваются? Это все равно, что учиться по книгѣ, какъ вести себя на похоронахъ и какъ терзать себя на свадьбѣ». Конечно, ни одна риторика не свѣдаетъ изъ учебника хорошаго литератора или ученаго, какъ ни одна «логика» не научитъ безошибочно мыслить. И, разумеется, съ этой точки зрѣнія, Кошанскій и утверждаетъ Блдинскій, «не только риторикѣ,— даже теорія красноречія какъ науки красноречія не можетъ быть». Но это утверждение одинаково применимо не только къ «Риторикѣ» Кошанскаго, но и ко всѣмъ учебникамъ словесности, прошедшимъ и будущимъ. Задача Кошанскаго была скромнѣе и проще: дать учащимся

сжатая характеристика литературнаго слога, речей и вѣтвей прозаическаго произведенія, т. е. то, что въ современныхъ учебникахъ слышеть подъ именемъ стилистики и теоріи прозы. Кошанскій собрался издать и учебникъ поэзіи, но смерть помѣшала тому. Въ границахъ этой задачи авторъ выполнилъ работу, по тогдашнему времени, весьма удовлетворительно. Не кланяясь въ подробное обсужденіе учебника, отмѣтимъ, что матеріалъ расположенъ въ немъ въ простой и разумной системѣ, дано много свидѣній изъ исторіи древне-классическихъ, западно-европейскихъ и русской литературы; примѣры изъ образцовыхъ писателей, поясняющіе общія опредѣленія, подобраны въ большомъ количествѣ и очень удачно, настолько удачно, что, какъ отмѣтилъ А. Л. Малевичъ, многіе изъ нихъ и понынѣ повторяются въ учебникахъ словесности. Оригинальною особенностью учебника Кошанскаго была перечень русскихъ журналовъ, и въ «частной риторикѣ» можно найти такое, напр., замѣчаніе: «въ 1831 году прекратился Московскій Вѣстникъ г. Гогольца, достойнаго вниманія». Излагая Кошанскій свой предметъ сжато, въ точныхъ формулахъ, предоставляя ихъ раскрытію живой изустной бесѣдѣ учителя, «Риторика» Кошанскаго настолько выгодно выдѣлялась въ тогдашней учебной литературѣ, что, когда въ сороковыхъ годахъ учебное начальство поставило вопросъ, не замѣнить ли въ школахъ учебники Кошанскаго другими, Я. К. Грозъ и П. А. Штегневъ горячо высказались въ пользу Кошанскаго. Конечно, многое въ «Риторикѣ» быстро устарѣло или было вообще лишнее. Таковы, напр., разсужденія автора о «входящихъ» и «исходящихъ» включительно: таково пристрастіе къ отжившимъ литературнымъ формамъ, въ ролѣ «разговоры въ царствѣ мертвыхъ», при чемъ Кошанскій съ большою похвалою перечисляетъ, какъ образецъ, поучительный «разговоръ» русскаго князя Святослава со шведскимъ королемъ Карломъ XII. Въ распределеніи матеріала сказывалось пристрастіе къ схоластической классификаціи. Какъ отмѣнилъ А. Филоновъ, въ Общей Риторикѣ «введены вопросы: quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?, не точники избрѣтены — числомъ 24, періоды — числомъ 12, хрип, называемыя «разсужденіями», развѣя снлоизмовъ, тринадцать свойствъ слога, между которыми простой, средній и

возвышенный занимают первое место, девять проповей, сорок четыре фигуры, происходящая от недостатка слов, от избытка повторения и от схоластики и притом действующая на разум, на сердце и воображение». Прибавим к этому что и в своих собственных стихотворных опытах Кошанский злоупотреблял приемами старой классической школы. Однако, все это не значит еще, что он совсем не имѣлъ эстетического вкуса и неодолеваемо относился къ новому литературному движению. Въ «Реторикѣ» Кошанскій аттестовал Жуковского «одинъ изъ первыхъ писателей нашихъ», а въ стихахъ Пушкина находил «испытательную плавность», «срещеть илей» и усматривалъ въ авторѣ черты «тепль».

Биографамъ Пушкина Н. Ф. Кошанскій интересен не только своею литературною деятельностью и взглядами, но и какъ педагогъ. Какъ намъ извѣстно, Николай Федоровичъ началъ свою педагогическую дѣятельность еще въ студенческие годы: по окончаніи университета онъ долго преподавалъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и тринадцать учебныхъ заведеній Москвы. Пѣль Благороднаго Пансіона Кошанскій, несомнѣнно, вынесъ цѣлныя педагогическія принципы и преподавательскія навыки. Перенявъ въ Царскосельскій Лицей, Николай Федоровичъ старался пересадить тамъ традиціи Благороднаго Пансіона, что было очень легко, что первый директоръ Лицея, В. Ф. Маджовскій, азыжковскій Кошанскаго П. Е. Георгиевскій, да и дѣлая треть лицействова перваго курса были питомцами того же Пансіона (о перенесеніи традицій Московскаго Университетскаго Пансіона въ Царскосельскій Лицей см. Я. К. Гротъ, Пушкинъ и его лицейскіе товарищи, изд. 1899, стр. 5, 32, 100; А. П. Майковскій, Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа, Рус. Старина, 1899, VIII, 299—300; К. П. Бестужевъ въ Римъ и въ Журн. Мин. Нар. Просвѣд., 1887, XI, 362—364). Въ частности, Кошанскій старался пересадить въ Лицей литературныя упражненія, которыя такъ процвѣтали въ Московскомъ Пансіонѣ. По свидѣтельству Грота, Николай Федоровичъ постоянно побуждалъ лицействова упражняться въ самостоятельныхъ литературныхъ опытахъ, то давая имъ указанія, но умно избравъ тему, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и длинноты въ изложеніи. Но временемъ онъ поощрять

насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ и потомъ читалъ наши опыты вслухъ передъ всѣмъ классомъ». Согласно съ Гротомъ, и авторъ исторіи лицейскаго пансіона отмѣчаетъ, что Николай Федоровичъ поддерживалъ и развивалъ въ своихъ воспитанникахъ любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особое вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способность и склонность къ нимъ». Среди лицейскихъ преподавателей перваго состава Кошанскій оказался старшимъ по дѣтамъ и, несомнѣнно, самымъ опытнымъ. Съ лицами Пушкинскаго времени (какъ, впрочемъ, и позднѣе) Николай Федоровичъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, чему способствовало и то обстоятельство, что въ первое время по открытіи Лицея Кошанскій жилъ въ Царскомъ Селѣ и имѣлъ общій съ воспитанниками столъ. Было и другое средство для сближенія, отмѣченное въ запискахъ П. П. Пушкина: въ 1812 году, «когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ релікіи: Кошанскій читалъ ихъ намъ громко и въ залѣ». Лицеисты разныхъ вѣзунковъ сохраняли о своемъ учителѣ словесности самую теплую воспоминанія. Выше мы цитировали отзывъ автора исторіи лицейскаго пансіона. Вотъ еще отзывъ академика Я. К. Грота: «Преподаявъ латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и имѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, расшевелить нашу самостоятельность... Мы заслушивались его разказовъ и чтеній. Русскіхъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи. Образцовъ въ сочиненіи и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождалъ чтеніе умными, оживленнымъ комментариемъ».

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи Кошанскаго къ Пушкину и о характерѣ его вліянія на литературное развитіе поэта. Обь отношеніяхъ Николая Федоровича къ Пушкину-лицейству, обыкновенно не совсемъ правильно освѣщаемыхъ имѣется показаніе Корфа: «Кошанскій особенно въ первое время вѣжливо старался отратить и удержать Пушкина отъ писанія стиховъ, частью, можетъ быть, возбуждавшимъ къ тому ревностно или дѣлственно: ибо самъ писалъ и печаталъ стихи, въ которыхъ болѣе соперничества водикающаго покаяго темля». Это замечаніе некажется вѣрнѣйшимъ. Съ первыхъ шаговъ Пуш-

кина в Лидзе профессор, словесности не вступил поэта с сочувствием и вниманием. До нашего времени дошли письменные отзывы Кошанского объ уснбуках Пушкина въ первые годы его ученья. 15 марта 1812 года, Кошанский отзывался: «Александр Пушкинъ больше имѣетъ пошлости нежели памяти; больше имѣетъ вкуса нежели прилежанія; почему малое затрудненіе можетъ остановить его; но не удержитъ; ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми питомцами. Уснбуки его въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столь свирды, сколько блистательны». 20 ноября того же года та же характеристика повторена вариантъ: «больше вкуса къ изящному нежели прилежанія къ основательному», какъ и 15 декабря 1813 г. Нельзя не признать эту характеристику и мѣткой, и справедливой, и сочувственной Пушкину 19 ноября 1812 года А. П. Купицынъ отзывался о Пушкинѣ въ томъ же роѣ, но нѣсколько строже. Кошанскій же, одинъ изъ первыхъ, прикѣтствовалъ раніе поэтическіе опыты Александра Сергѣевича. Въ воспоминаніяхъ Пушкина сохранилось слѣдующее сообщеніе, относящееся къ первому году лицейской жизни: «какъ теперь вижу тотъ полюббѣнный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать первый ошнитте мѣхъ пожелудѣста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ много прочелъ двѣ четверостишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго дела. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ». Другой лицеистъ и товарищъ Пушкина, С. Д. Комовскій, припоминалъ: «Нѣтъ профессоръ и товарищеровъ лицей никто въ особенностѣ и Пушкина не любилъ и не отличалъ отъ другихъ воспитанниковъ... Отинъ только профессоръ русской и латинской словесности Кошанскій, предвио необыкновенный уснбухъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство оного приписывать отчасти себѣ и для того употреблять все средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріей отечественнаго языка и съ классическою словесностью превншихъ». Симпатія къ Пушкину и любовь къ его подлинъ Николай Федоровичъ проявлялъ и поэтиче, по выхотѣ Пушкина изъ Лидзе. Грѣхъ пишеть: «ми-

гать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ Лидзе; его мы читали сами, иногда во время классовъ, украиню. Тѣмъ не менѣе однакожъ Кошанскій разъ привелъ намъ на лекцію только что подученную отъ товарищенъ Пушкина рукопись 19-го октября 1825 г. «Ромаетъ дѣсь битришии свои хуборы» и прочеть намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавилъ къ каждой строфѣ свои поштенія». О дѣхъ же симпатіяхъ свидѣтельствуетъ и лицестъ IV выпуска. М. А. Бѣдуха—Кошановскій: «Николай Федоровичъ удивительно хорошо читалъ и бывъ страстнымъ поклонникомъ Пушкина, съ особымъ мастерствомъ читалъ его произведенія. Вотъ и мы, еще болѣе поклонники Пушкина, узнавъ о какомъ-нибудь новомъ его произведеніи, дружно притоплялись къ латинскому уроку. Кошанскій приходилъ въ восторгъ тогда, по окончаніи урока, въ хуброй обстановѣ его съ надолгойю просьбой: — Николай Федоровичъ, будьте такъ добры, приведите будущій разъ такое-то новое произденіе Пушкина и прочеть намъ. Такая просьба никогда не встрѣчала отказа, и слѣдующій урокъ русской словесности проходилъ въ приятномъ чтеніи Кошанскаго». Изъ этихъ заведеній мы убѣждаемся, что Кошанскій не имѣлъ и тѣмъ вражды къ Пушкину или зависти къ его поэтическому таланту 1).

Однако, надо отмѣтить, у Кошанскаго бывали и столкновенія съ Пушкинымъ — лицеистомъ. Живой и нестержаемый Пушкинъ, вѣроятно, нерѣдко топускалъ выходы, за которыя Кошанскому приходилось бѣгать выговоры своему ученику. Такъ, въ «журналѣ о поведеніи воспитанниковъ» губернере Пидецкій отмѣчаетъ 30-го ноября 1812 г.: Пушкинъ «въ вечеру г. Кошанскому изъяснилъ какія то дѣла с-петербургскихъ мѣстныхъ французскихъ лавокъ, кои называются Маршандъ-дю Мотъ; я не слышалъ сама сего разговора, а только пришелъ въ то время, когда г. Кошанскій

1 Однако издѣнная въ оборотѣ Корфомъ легенда о необразованномъ отношеніи Кошанскаго къ Пушкину оказалась свое тѣлене на биографію поэта. Даже осторожнѣе Л. П. Мамковъ поддаетъ ей вѣрнѣе. Такъ, не знавъ, чѣмъ объяснить строну и несправдливую характеристику, данную юномъ Пушкину директоромъ Дельсгартомъ, Мамковъ готовъ быть вѣрѣе дѣйствіе разговора Кошанскаго, хотя и не располагалъ никакими подлинными данными въ отношеніи такой разговора.

сказать ему: я повыше васъ, а, право, не придумаю такого вздора, а и врядь-ли кому оный прійдетъ въ голову. Спрашивалъ я другихъ воспитанниковъ, но никто не могъ мнѣ его разговора повторить, по секретности, какъ видно». Затѣмъ, какъ известно, въ пушкинское время преподаване въ Лицеѣ шло весьма безпорочно: лицеисты учились «чему-нибудь и какъ-нибудь». Повидимому, Кошанскій болѣе другихъ преподавателей былъ одиозенъ полаганною плановитностью и основательностью учебныхъ занятий. Плавчевскій, въ письмахъ къ Фуссу, отмѣчаетъ, что занятия по-лаганы, назначенная при Кошанскомъ, быстро разстроилась, когда тотъ заболѣлъ и замѣненъ былъ Галачемъ. Галачъ прекратилъ уроки въ непринужденную бесѣду по общенитереснымъ вопросамъ, и когда Кошанскій, черезъ годъ, явился снова въ Лицеѣ, ему стоило большаго труда пріучать воспитанниковъ снова къ классикамъ. На этой почвѣ, вѣроятно, происходили классныя исторіи. Затѣмъ, Кошанскій старался ввести известную послѣдовательность въ письменныя упражненія по словесности, держалъ лицеистовъ поодолу на «періоду» и «разсужденіи» и къ голодѣ Пушкина уже рождалъ поэтическое обрадѣ и звонкія рима, и настоящія Кошанскаго, конечно, казались ему документами. Подлине учебныя столкновенія, кажется, еще болѣе обострились. «Новая знаменка съ Царскосельскими гусарами и бездиректаннныя развлеченія не могли не имѣть турноа вліянія на учебу, которое вообще шло довольно плохо. За 1816 г., т. е. за четыре мѣсяца до выпускныхъ экзаменовъ, Пушкинъ и Дельвингъ подучили по нѣскольку пулеи, и даже по «російской поэзіи» по Г.» (Селезневъ, Историческій очеркъ Лицея, приложение, стр. 39). Врядь-ли, однако, виновной стороной въ этихъ столкновеніяхъ былъ профессоръ. Сколько могъ, онъ старался уюпорочить преподаване и сообщить слушателямъ возможно больше пользы. Биографы отмѣчаютъ, что изъ Лицея Пушкинъ вышелъ значительная свѣдѣнія по классическимъ литературамъ и древностямъ. Этимъ онъ, конечно, былъ обязанъ Кошанскому.

Имѣлъ ли Кошанскій вліяніе на литературное развитіе Пушкина и такъ самъ Александръ Сергѣевичъ относится къ своему учителю? Интересныя матеріалы для отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ въ стихотвореніи «Моему Аристарху». И первое впечатлѣніе отъ него не въ пользу

Кошанскаго. Шестнадцатилѣтній поэтъ не думаетъ своего наставника: «цензоръ мой урюмой», «мой гошитель», «мой скушный проповѣдникъ»; считаетъ для себя ненужными «сурокъ учености сухой», какими документами ему Кошанскій; проситъ умѣрить «ученыя вкуса гнѣвъ». Поэтъ протестуетъ противъ уединенности, свойственной бездарнымъ римакамъ, которые «сидятъ, сидятъ три ночи средѣ и высидятъ трехсотлѣтній исторіи», и защищаетъ свободное творчество — «непринужденное уношеніе», когда «специальной порой стихи кропать найдеть охота». Изъ такой заявленій можно сдѣлать выводъ, что Пушкинъ совсѣмъ не придалъ авторитета Кошанскаго, не принималъ его совѣтовъ, и имѣлъ не обидыкъ ему къ своему развитію. Однако, это было бы не совсѣмъ вѣрно. Правда, легко можно себя представить, что многое въ сужденіяхъ профессора словесности казалось гениальному юношѣ-поэту совершенно непріемлемымъ. Объ этомъ мы можемъ судить по аналогіи. Сохранялись до насъ поправки, сдѣланныя рукою Кошанскаго на одномъ стихотвореніи Плавчевскаго. Здѣсь профессоръ тщательно вычеркиваетъ всѣ простые, разговорныя выраженія, замѣняя ихъ высокопарными, напр., вмѣсто «колоды выкопать» ставитъ «сдвинуть кладви», вмѣсто «плотати» — «стоны», вмѣсто «говорить» — «сбѣгать» и т. д. Самъ Кошанскій употреблялъ въ своихъ стихахъ часто именно такой старомодный «высокій слогъ», чѣмъ и выдавалъ своихъ таровитыхъ учениковъ на пашвилымае перебива прелетію Кошанскаго «На смерть графини Ожаровской» (На смерть кумера Агаопа). Однако, литературная отсталость Кошанскаго не была очень велика. Она уровновѣшивалась широкою свѣдомленностью въ исторіи древнихъ и новыхъ литературъ и, какъ мы знаемъ, не помѣшала Николаю Федоровичу сочувственно относиться къ новымъ теченіямъ въ русской литературѣ. Та же отсталость далеко не всѣмъ лицеистамъ была чужда. Я. К. Грозъ высоко цѣнилъ литературная бѣда Кошанскаго. Другой ученикъ и почитатель Николая Федоровича, авторъ исторіи лицеискаго пансіона, пишетъ о своемъ профессорѣ слѣдующее: «Съ многостороннею классическою образованностью и большою оытностью въ преподаваніи онъ составилъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, возгораченное поэтическое настроеніе и особенная даръ передавать то

и другое своим слушателям». Пушкин был другим мифом. Изумительная тарнность и тонкое чувство красоты очень рано поставили поэта в боевую позицию против старших литературных авторитетов. Пушкин острее, чѣмъ кто либо изъ лицейцев, воспринималъ проявления литературной отсталости въ сужденіяхъ Кошанскаго. Въ стихотвореніи «Моему Аристарху» эти изъяны профессорскаго вкуса онъ, несомнѣнно, нѣсколько преувеличилъ въ полемическую интересахъ. Но въ томъ же стихотвореніи Пушкинъ признаетъ, что Кошанскій бичевалъ и правъ въ своей критикѣ. Недостатки, какіе Ко-

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ
КОШАНСКІЙ.

*Карикатурный портретъ. Вы-
полненъ въ увеличенномъ видѣ, изъ
карикатурной группы для-
скихъ профессоровъ (см. стр. 53)*

стихамъ». Сочувственная ссылка на французскую эротическую поэзію также была мало убѣдительною, и, вѣроятно, Кошанскій не разъ выговаривалъ Пушкину за это пристрастіе къ эротическимъ темамъ. Но несомнѣнно, сошлы Кошанскаго бывали необходимы для юнаго поэта. «Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно отдѣливалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы къ такой степени закончены» (Гротъ). Въ томъ же стихотвореніи «Моему Аристарху» Пушкинъ заявляетъ, что писалъ его небрежно, ночью, въ полуснѣ. Но автографъ стихотворенія (въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ) нещадно поправкамъ: стихотвореніе напи-

сано еще въ 1815 г., но въ 1817 снова и laborioso переписано...

Есть и другія данныя, свидѣтельствующія о кѣпші Кошанскаго на литературное развитіе Пушкина. Въ статьѣ о лицейскихъ годахъ Пушкина В. Н. Гасенскій пишетъ: «Стихотвореніе Пушкина Кольца, названное по ображеніемъ Оссіану, довольно близко передоженіе его поэма «Кольца Дона»... Пушкинъ, выучившійся по-англійски только за порогомъ лицея, ознакомился съ трудомъ Макферсона по переводу Кострова... Переводы Кострова читались въ классахъ Кошанскаго, который восхищался его стихами... Восторгъ профессора перешелъ и

къ его слушателямъ, которые ознакомились съ Гомеромъ и Оссіаномъ по переводамъ Кострова; а Оссіанъ была настоящая книга въ лицей и составляла нѣкоторое время любимое чтеніе Пушкина, который въ послѣдніи «Къ другу стихотворцу» упоминаетъ о Костровѣ радомъ съ лучшими поэтами». Кошанскій не былъ выдающимся дѣлителемъ своего времени. Ни въ наукѣ, ни въ изящной литературѣ онъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ. Повидимому, и въ общественно-политическихъ взглядахъ Кошанскій не былъ передовымъ человекомъ. Онъ охотно посвящалъ свой трудъ на высокопоставленнымъ благодѣтелямъ, на покровительство коимъ разсчитывать, и получать за свои «посвященія» высочайшіе подарки;

въ свою очередь онъ часто пускалъ въ оборотъ казенную фразеологию патриотизма и вѣроисповѣданія. Въ известномъ доносѣ 1826 г. «О лицейскомъ духѣ» Кошанскій аттестованъ какъ человекъ благонамбранный, который «сочелъ бы себѣ за грѣхъ и за преступленіе толковать своимъ ученикамъ то, чего не должно». Однако, биографы не знаютъ да Кошанскимъ въ реакціонныхъ дѣйствіяхъ¹⁾.

Въ лицей бывали профессора, какъ Га-

¹⁾ Отметимъ, что Кошанскій былъ вѣтвенъ масонской ложѣ «Избраннаго Михаила», съ членами состояли А. Е. Пшаймовъ, П. А. Бестужевъ, М. К. и В. К. Кюхельбекеры, Дельвигъ, Батеньковъ.

дичь. Кунцицъ, умѣвше сильнѣ возбуждать мысль и настроеніе лиценстовъ, чѣмъ то было доступно Комацкому. Но въ исторіи русской педагогикѣ все же Комацкій былъ и остался замѣтнымъ человекомъ. Въ тогдашнемъ педагогическомъ мѣрѣ онъ выказалъ свою широко образованностью и педагогическимъ опытомъ. Его трудами были достигнуты важныя пробѣлы въ тогдашней скудной учебной литературѣ, и многія поколѣнія русскихъ школьниковъ учились по его книжкамъ русскому и латинскому языкамъ и теоріи словесности. Въ широкие круги взрослыхъ читателей Комацкій старался провести, и не безъ успѣха, интересъ къ классическому міру. Когда открылся царскосельскій лицей, Николай Федоровичъ принесъ туда какъ готовые педагогическія навыки, такъ и гуманизмъ, воспринятый въ атмосферѣ обновленнаго московскаго университета. Среди лиценстовъ разныхъ курсовъ онъ оставилъ хорошую память. Выдающийся взрѣзалъ по своимъ литературнымъ дарованиямъ первый выпускъ лиценстовъ поставилъ профессору словесности трудную задачу и не всегда учитель оказывался на высотѣ требованій, предъявлявшихся учениками. Но старомодные вкусы и пристрастія не могли уже оказать дурного вліянія на его слушателей, инстинктивно тяготѣвшихъ къ новымъ формамъ. Зато богатая литературная познація Комацкаго, его стремленіе возбуждѣть въ ученикахъ литературную самостоятельность, отзывчивость его на проблески дарованія въ ученическомъ опытахъ, его содержательныя лекціи и не принужденныя бесѣды — вмѣли свое хорошее вліяніе. Какъ мы видѣли, этого вліянія не остался чуждымъ и Пушкинъ.

ИТЬ. ПОГРАФИЯ. 1. Сочиненія Н. О. Комарскаго в. А. Орициальныя: 1 Стих. На смерть сѣнатецкаго княгини А. Д. Касаткиной-Ростовской. Новости Русской Литературы, 1892, ч. IV, 209. 2. Дѣтота Аларилла, ibid., 1893, ч. VIII, 321. 3. Illustratio Mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eam spectantium, quam amplissimi Philo sopherum ordinis ad consequendum Doctoris Philosophiae gradum instituit Nicolaus Koeschanskus A. A. L. B. Magister Muscae, 1893. 4. На мѣстѣхъ Волжарскому и Минину, посвященныя въ Москвѣ. Журналъ Цѣлшныхъ Искусствъ, 1897, кн. II, 51—63. — Перепечатано въ изд. К. Я. Тромкина. — Очерки съ цѣлшныхъ произведеній живописи, гравированія, вапня и дерева, съ краткими описаніями и биографіями ихъ рождиковъ, т. I, М., 1839, 214—218. 5. Каковы должны быть условия художника? Журналъ Цѣлшныхъ Искусствъ, 1897, кн. III, 48—51. — Перепечатано въ Славб Отчества, 1838, № 34, ч. 50, 241—257. 6. На смерти М. П. Муромова. Вѣстникъ Евро-

пы, 1897, № 19. 7. Правда, отборныя мысли и примѣры латинскаго языка съ краткимъ словаремъ. М., 1806. 8. Начальная правила Русской Грамматикѣ. Въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. М., 1807 и 1809, 2-е изд.—М., 1814 г. По указанію А. Г. Магента, отдѣлу Правословія, 9-е изд. 1833. 9. Стих. На смерть Віона. Вѣст. Европы, 1809, ч. 44, 170—181. 10. Таблица Латинской Грамматикѣ съ примѣрами. М., 1809, 2-е изд. Спб., 1817. 11. Учебная книжка на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Въ пользу благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. М., 1809. 12. Латинская грамматика. М., 1811, 2-е изд. Спб., 1815; 3-е, Спб., 1823; 4-е, Спб., 1834; 5-е, Спб., 1834; 6-е, Спб., 1833; 7-е, Спб., 1836; 8-е, Спб., 1837; 9-е, Спб., 1839; 10-е, Спб., 1842; 11-е, Спб., 1844. 13. Элегія на смерть гр. Е. П. Ожаровской. Вѣст. Европы, 1814, ч. 78, № 23, 218. 14. О русскомъ синтаксисѣ. Груды 0бщ. Любит. Рос. Словесности, 1819, ч. XIV, 86—118. — Перепечатано въ Славб Отчества, 1820, ч. 59, 115—128 и 145—159. 15. Взглядъ на исторію искусства. Соревнователь Просвѣщенія, 1821, № 1, 3—25; № 5, 117—115; № 6, 259—272. 16. Общая Реторика. 1-е изд. 1829 на титульномъ страницѣ годъ не выставленъ; ценуръ, раздѣленіе 29 ноября 1829 г.; 2-е, Спб., 1830; 3-е, 1834; 4-е, 1836; 5-е, 1838; 6-е, 1839; 7-е, 1840; 8-е, 1842; 9-е, 1844; 10-е, 1849. 17. Частица Реторика. 1-е изд. Спб., 1832; 2-е, 1835; 3-е, 1836; 4-е, 1837; 5-е, 1840; 6-е, 1843; 7-е, 1849. 18. Переводы и планшны: 1. Зефиръ и Флора. М., 1800. 2. Фелиция Вильмаръ. Блашшарда. М., 1801—1802. 3. О Гесіи и Вкусѣ. Пер. съ пѣм. Новости Русской Литературы, 1803, ч. V, 3. Пустельга Птицора, три тома, М., 1801—1804. 5. Рыцари Лебеди или Дворъ Карла Великаго. Сочиненіе гжи Жаннелек, 6 ч. М., 1807—1808. 6. Московскія Учебная Вѣдомости, изд. проф. Г. Г. Буде въ 1805—1807 гг., помощниками и переводчицами статей Буде для этого изданія были Н. О. Комацкій и Я. П. те-Сампелъ. 7. Журналъ Цѣлшныхъ Искусствъ, издаваемый на 1807 г. П. Федоръ Буде. Переводъ Николая Комацкаго. М., 1807, три части. 8. Руководство къ познанію древности, т. А. Миллара, изданное съ прибавленіями и замѣчаніями въ пользу учащихся въ Импер. Москов. Университетѣ Николаемъ Комацкимъ. Цѣлшныя науки. Магистровъ и Филологовъ. Докторовъ. М., 1807. 9. Рѣчь о думшемъ способѣ, какъ можно писать исторію тѣхъ народовъ, кои по общему мнѣнію, прежде тѣлота являя паселны или перекочивали Россіи, особенно важна дѣлать, проф. Г. Г. Буде, перев. съ латинскаго. М., 1806. 10. Цѣлныя греческой поэзіи, изданныя Николаемъ Комацкимъ. М., 1811. Сборники отрывковъ изъ божественной, трагической и лирической греческой поэзіи; тексты, переводы и комментарии. 11. Рукава книга речей классической словесности, содержащая: I. Археологію, II. Обзорные классическыя авторовъ, III. Многотыя, IV—V. Древности греческа и римскія. Собранныя Энцибургеръ, умноженныя Крамеромъ и дополненныя Н. Комацкимъ, 1.—II 1816—1817. 12. Васыи Федора. Спб., 1814; 2-е изд. 1833. 13. О латинъ славяншыхъ покровствѣхъ. Корнелія Неполы. Спб., 1816; 2-е изд. 1824; 3-е, 1840; 4-е, 1849. 14. Сокращенныя Словенія Пегорин Epitome Historie Sacre, съ замѣчаніями, показаніемъ правилъ и словаремъ; изданіе учебное, по Домонту. Спб., 1818.

II. Рецензии: На Общую Реторику. 1. Сын Отечества, 1830, ч. 431 и 432, стр. 339—371; 47—53 и 103—121 В. Илжакский. 2. Москвитин, 1831, ч. 38, стр. 83—91. 3. Московский Телеграф, 1831, № 3, стр. 83. 4) Библиотека для Чтения, 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 47. 5) Литератур. Прибавл. к Рус. Школьному, 1838, № 29; 1839, № 47. 6) Отечественная Записка, 1839, т. VI, отд. VII, стр. 162; 7) 1840, т. XVII, отд. VI, стр. 39; 8) 1842, т. XXX, отд. VI, стр. 26; 9) 1845, т. XXXIII, № 4, отд. VI, стр. 27—35. 10) Сочинения Блудинского, т. X, стр. 9—23. 11) Журн. Мин. Нар. Просв., 1860, апрель, 26—29. А. Филонов. На Частицу Реторику: 1) Библиотека для Чтения, 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 47. 2) Отечествен. Зап., 1845, т. XI, № 14, отд. VI, стр. 22. 3) Сочинения Блудинского, т. X, изд. 1885, стр. 188—189. 4) Журн. Мин. Нар. Просв., 1860, апр. 39—41. А. Филонов. На Illustrationen mythi de Pandora: Москвитин, Учености, 1807, № 9. Л. Буле. На Латинскую Грамматику: 1) Библиот. для Чтения, 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 47. 2) Отечествен. Зап., 1839, т. VI, отд. VII, стр. 162. На платина Корделія Пелота: Отеч. Зап., 1840, т. XI, отд. VI, стр. 30. На Рядную книгу третьей словесности. Сын Отечества, 1817, № 48. На статью: «О русском синтаксисе»: Пенский Зritelъ, 1820, ч. 1, февраль. V. Бригга, стр. 117—118 В. К. Кюхельбекер.

III. Къ биографіи Кошачкина: 1) Сверхъ Писат., 1831, № 293. Внутренняя жизнь писателя. 2) А. Воронков. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа. Спб., 1869, стр. 196—197, 324, 326, 327, 331. 3) С. П. Шевыревъ. Исторія Московскаго Университета. М., 1855, стр. 345, 361. 4) Памятная книжка Пѣтер. Александровскаго Лицея на 1856—1857 г. Спб., 1856, стр. 142—160. Вѣдѣніе о жизни П. О. Кошачкина П. Селезневъ. 5) Н. В. Сушковъ. Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, изд. 2-е (М., 1858, стр. 34, 35, стр. Рус. Архивъ, 1897, V, 114. 6) Библиограф. Записки, 1859, № 5. парон бар. А. А. Дельвигъ: «На смерть кулера Атаманъ». Перечтено въ Сочиненіяхъ бар. Дельвига, изд. 1893, стр. 11—12. 7) П. Селезневъ. Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго шибъ Александровскаго Лицея за первое его 50-ти-лѣтіе, съ 1811 по 1861 годъ. Спб., 1861, стр. 20, 30, 32, 44, 46, 58, 60, 62, 80, 83, 96. 8) В. П. Гасвекъ. Пушкинъ и его лирическія стихотворенія. Современникъ, 1863, т. 97. 9) Благородный Пансіонъ Царскосельскаго Лицея. Спб., 1869, стр. 183 цитировано у Грота, Пушкинъ, 43—44. 10) Складчина, 1874, стр. 339—376; Я. Гротъ. Перенесенія Лицея и его преданія, перечтено въ изданіи 1899 г., стр. 26—33. 11) Русская Старина, 1877, т. XVIII, стр. 639. 12) Сочиненія К. П. Батюшкова. Спб., 1887, т. 1, биографія Батюшкова, составленная Л. Н. Маikovымъ, стр. 19, 104, съ также отдѣ. изданіи, 353, г. П., стр. 119, 120, 525, 362; т. III, стр. 45, 616, 617. 13) Русскій Архивъ, 1889, № 12, стр. 346. П. Н. Давытовъ. 14) Русская Старина, 1890, т. LXXV, № 3, стр. 841—842 М. А. Вѣдуха-Кохановкинъ. 15) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. III, 1890, стр. 166—167. 16) Энциклопедич. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. XVI, 1895, стр. 166—167 В. К., 17. В. П. М. Маikovъ. Критическіе

описанія. Спб., 1891, стр. 462, 487, 491—493, 48. Перенесенія Я. К. Грота съ П. А. Плетневыхъ, т. 1, 672; т. III, 194, 195, 197, 198, 409, 19. Сочиненія П. А. Добролюбова, изд. 1896 г., т. III, 414, 415, 20. А. П. Шлякинъ. Исторія русской литературы. Т. IV, 1899, 344, 344, 24. Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ. Спб., 1899, листъ 19; карикатурное изображеніе Кошачкина. 22 Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лирические товарищи и послѣдники. Статьи и матеріалы. Спб., 1899, стр. 2, 3, 7, 18, 21—22, 32, 33, 34, 39, 44—45, 46, 60, 64, 142, 190, 219, 220, 225—226, 228, 237, 240, 237, 24. Историч. Вѣстникъ, 1899, февраль, стр. 707 В. Бодяновскій. 24) В. В. Школовскій. Академикъ Пушкинъ. Историч. Вѣстникъ, 1899, № 7, стр. 202. 25) Памятная книжка Пѣт. Александровскаго Лицея на 1897, учебнаго годъ. Спб., 1899 П. А. Шлякинъ. Къ биографіи А. С. Пушкина; перечтено въ изд. 1903 г., 26. Л. П. Маikovъ. Пушкинъ. Спб., 1899, стр. 34, 36, 86, 87. 27) Русская Старина, 1899, VIII, стр. 300. Л. П. Маikovъ. 28) Рус. Архивъ, 1899, VI, 303. П. С. Щепкинъ. 29) Сочиненія Пушкина. Изд. Пѣтер. Акад. Наукъ. Т. I, изд. 2-е, Спб., 1900, стр. 147—4, 5, 46, 33, 34, 166, 190, 191, 199—206, 214, 215, 219, 237, 350, 383, 30 Русскій Биографическій Словарь, томъ Князь-Кюхельбекеръ, Спб., 1903, стр. 384—385 П. М., 31. П. Чернышевъ. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и перебоиникъ трехъ-классическаго поэтова. Каландъ, 1899, стр. 7—12, 32. А. Е. Малеевъ. П. О. Кошачкинъ. Памяти Л. П. Маикова. Спб., 1902, стр. 177—220 были отдѣ. отгиски. Спб., 1902, 44 стр., 33 П. А. Шлякинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. Спб., 1903, стр. 325, 328, 331.

Н. Биксановъ.

Изъ посланія «Къ моему Аристарху» мы опять узнаемъ рядъ писателей, на чтеніи которыхъ воспитался Пушкинъ. Къ каталогу любимцевъ, известныхъ намъ изъ посланія «Къ сестрѣ» и «Городка», прибавляются Шанель, Зафаръ, Шолье, Грессе и называется писатель, оказавшій особенно сильное вліяніе на юнаго лириста—Парин. О Паринъ будетъ дальнѣе особая статья. Завѣтъ даемъ сираки о Шанель, Зафаръ, Шолье и Грессе, упомянутому здѣсь въ качествѣ автора «Верь-Вера».

Ред.

Ш А Н Е Л Ъ.

Шанель Клодь-Эмануэль Люилле, роившійся въ La Chapelle-Saint-Denis, и назвавшій себя по имени этой мѣстности Шарпель род. въ 1626 году. Онъ получилъ очень тщательное образованіе, впоследствии былъ близкимъ знакомымъ Буало, Расина, Мольера, Лафонтана, пользовался репутаціей знатока и тонкаго судьи произведеній словесности, славился своимъ импровизаціямъ

и энграммами: ум. въ 1686 году послѣ тюленью безпорядочно проведенной жизни, въ которой веселыя пирушки, энкуррейство, «сладостная лѣнь» играли первостепенную роль. Изъ произведеній Шапеля (особенно популярности) пользовалось юмористическое описаніе путешествія на югъ Франціи, составленное имъ вмѣстѣ съ Башомономъ («Voyage en Provence et en Languedoc», 1656: отбывыя мѣста въ этомъ произведеніи представляютъ извѣстный интересъ и отличаются остроуміемъ таково, напр., описаніе провинціального кружка précieux въ городѣ Монпелье, съ имъ манерностью, вычурностью, смѣшными погугами на оригинальность и безаппетитность, по совершенно ложными приговорами и обфивами. Въ свое время восмичались и чисто художественною стороною «Путешествія»). Стиховъ Шапель писалъ очень немного, но изданія фривольности, изъ содвала ему извѣстности. Легкость стиха Шапеля имѣеть въ виду и Пушкинъ, говоря, что самыя ошешеть короткіе стихи среди пріянаго забвения» въ под- глаза дремля и зѣвая. Шапеля въ и безъ нхъ призы- вая «посланіе Моему Аристарху». Сочиненія Шапеля переизданы были въ 1854 году (Chapelle et Bouchaimont, oeuvres; nouvelle édition, précédée d'une notice par M. Tenant de Latour, Paris, Jannet, 1854; Bibliothèque elzévirienne). Къ первому изданію сочиненій Шапеля и Башомона 1755 г. была приложена его біографическая очеркъ «Mémoires pour la vie de Sr Chapelle». Творчество Шапеля началось почитателемъ и въ XVIII вѣкѣ, даже Вольтеръ въ своемъ сочувственно отзывается о «Путешествіи въ Провансъ и Лангедокъ». Но Пушкинъ очевидно интересовали фривольно-анакреонтическое стихи его.

Ю. В.

ЛАФАРЬ.

Лафарь, котораго Пушкинъ въ посланіи «Моему Аристарху» называетъ «нашимъ другомъ», ставя его рядомъ съ Шолье и Парии и относя къ категоріи «сравнонь труда, забота, печаль», «ссыновъ безмечности лѣнливой», — французскій стихотворецъ и аббатъ XVII вѣка Шарль-Огюстъ, маркизъ де Лафарь; 1644—1712. Другъ болѣе талантливаго Шолье, энкуррейтъ по натурѣ, одаренный небольшимъ и безусловно одностороннимъ талантомъ, Лафарь владалъ изряднымъ стихомъ, что располагало къ его пользѣ современниковъ. Лафарь способъ былъ, однако, работать и въ другой области, и извѣстенъ какъ авторъ Мемуаровъ, не лишешныхъ интереса, написанныхъ по личнымъ воспоминаніямъ, иногда отличающихся остроуміемъ, точностью и выразительностью языка «Mémoires et réflexions sur les principaux évènements du règne de Louis XV» (4 изд.— 1716 г., перепл. въ Голландіи въ 1734 году, заглѣвъ въ 1755 г. тамъ же; вмѣстѣ съ стихотворными произведеніями и въ позднѣе время — въ 1886 г.

Число стихотворныхъ произведеній Лафара не особенно велико: онъ никога не стремился быть писателемъ по профессіи, особенно охотно подчеркивалъ тотъ фактъ, что онъ ишееть только для своего удовольствія, не даеть себѣ труда обдумывать и тщательно отбывать каждую строчку. Это и имѣеть въ виду Пушкинъ, говоря о томъ, что такимъ полагамъ, какъ Лафарь, Шолье, Парии, давно отпала вѣща отъ музъ празности смелливой, но не блестящей тара поэзіи трудолюбивой». Всебѣло отпаканъ мирной лѣни и энкуррейству, Лафарь постепенно оуцскелся все ниже и въ значительной степени растратилъ и дагубилъ свое небольшое дарованіе, тогда какъ Шолье все же избѣ-

ШАПЕЛЬ.

Съ гравюры 18 вѣка.

лему по профессіи, особенно охотно подчеркивалъ тотъ фактъ, что онъ ишееть только для своего удовольствія, не даеть себѣ труда обдумывать и тщательно отбывать каждую строчку. Это и имѣеть въ виду Пушкинъ, говоря о томъ, что такимъ полагамъ, какъ Лафарь, Шолье, Парии, давно отпала вѣща отъ музъ празности смелливой, но не блестящей тара поэзіи трудолюбивой». Всебѣло отпаканъ мирной лѣни и энкуррейству, Лафарь постепенно оуцскелся все ниже и въ значительной степени растратилъ и дагубилъ свое небольшое дарованіе, тогда какъ Шолье все же избѣ-

52. СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Последним сивьемъ за рощей гора
 Вечерня тихо похула зра
 Темнеть долина глухая;
 Вь думай в пустынномъ клубится рѣка,
 Ивиной трядой идутъ облака
 И съ ними душа золотая. —

Недвижны латы на холмѣ лежать,
 Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ
 И щитъ нощъ шелономъ заржавымъ,
 Волдырей шпоры въ увлажненной мохъ;
 Конь раздробленно, и мѣсяца роги
 Покрываетъ нощъ сивьемъ кровавымъ.

Вкругъ холма обходитъ другъ сивяго конь:
 Въ очажь горделивыхъ померкнулъ огонь
 Онъ бранную голову клонить,
 Ведечнымъ конятомъ бьетъ камень долинъ —
 И смотритъ на латы конь вѣрной одинъ
 И шчо трещеть и стонеть.

Во тмѣ заблудившись пришелъ идти
 Певольную робость онъ въ сердцѣ нести.
 Склонясь нать торожной клюкою
 Заботливо смотреть въ невѣрную даль
 Приближаетъ къ латамъ и звонкую сталь
 Толкаетъ усталой ногою.

Млатецъ пришелъ, колычуги звучать
 Погибана грозно въ шухъ кости стучать
 Но камнямъ шелоомъ поканделъ
 Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
 Заржалъ конь ретивой — скокъ летомъ на холмъ
 Вздвинулъ... и главою склонилелъ.

Ужъ цуникъ далече въ тмѣ бродить почной
 Все мнителъ, что кости хруснуть нощъ ногой
 Но утро денница выводитъ —
 Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
 И латы недвижны и шлемъ не стучитъ
 И конь вкругъ погибана ходитъ.

гнать этой участи, сумѣвъ остановиться во время и соблазны въ своей поэзіи чувствъ и вѣры. Кромѣ стихотвореній и мемуаровъ, Лафартъ написалъ также либретто къ оперѣ *Penthée* (ид. въ 1755 г.).

Ю. В.

АББАТЪ ШОЛЪЕ (1639—1720).

Вѣкъ Людовика XIV, величавый и торжественный, имѣлъ еще одну сторону, противоположную общему строгому строю жизни: ее определяють расущенные права аристократическаго круга, который, по словамъ Сентъ-Бева, составлялъ мостъ между двумя регентствами: Анны Австрійской и Филиппа Орлеанскаго. Какъ бы незамѣчан и не желая замѣчать строгаго духа времени, люди этого круга предавались культу наслажденій—и въ болѣе высокомъ, и въ болѣе грубомъ смыслѣ слова. Они проводили время въ оргіяхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ жили духовными интересами—въ особенности мнѣсто литературными. Душой этого круга были герцоги Вандомскій и его братъ, пріоръ,—послѣдніе отрывки Генрика IV и Габриэли д'Эстра. Они владали несмѣтными богатствами и превращали свою жизнь въ непрерывный праздникъ. Серьезнаго дѣла въ ихъ жизни была война, а развлеченіемъ оргій и литература. Они окружали себя писателями, и жизнь ихъ была облагорожена искренней любовью къ поэзіи. Герцоги Вандомскій собиралъ вокругъ себя блестящее общество къ своему замку въ Анъ (chateau d'Anet), а пріоръ поселился въ Тамилъ, который сталъ очагомъ высокой культурной жизни.

Самымъ важнымъ лицомъ этого круга былъ аббатъ Шолъе, прозванный «Анакреономъ Тамиля». Вольтеръ говоритъ о немъ, какъ о первомъ изъ незамѣченныхъ, второстепенныхъ полюбовъ. Le premier des auteurs peçligés. Его политическія произведенія состоятъ къ значительной степени изъ маршало въ припорныхъ камяхъ, шуточнаго и дѣловыхъ посланій и т. п., но есть у него нѣсколько стихотвореній и поэмъ, которая ставитъ его очень высоко, главнымъ образомъ по совершенству поэтической формы.

Жизнь Шолъе была менѣе всего парадельная. Онъ вѣроятно похотѣлъ къ титу аббата въ XVIII вѣкѣ, даваятъ исключительно мірскими интересами, очень куль-

турныхъ, но далеко не почетныхъ. Въ немъ воплотилась энциклопедіею эпохи, предшествовавшей Людовику XIV, а проживъ 80 лѣтъ, онъ смогъ привѣтствовать Вольтера, продолжателя и завершителя его идеаловъ.

По своему происхожденію аббатъ д'Амфри Шолъе принадлежалъ къ чиновной знати (noblesse de robe), но его предки, д'Амфри, были военные (noblesse d'épée). Сентъ-Симонъ несправедливо отрицаетъ аристократическое происхожденіе несамнатицатаго ему аббата, называя его «homme de fort peu», сдѣлавшаго карьеру только низкопоклонствомъ. Отецъ Шолъе былъ чиновникъ въ Руанѣ (maître des comptes) и Шолъе воспитался въ Collège de Navarre, вмѣстѣ съ сыновьями герцога Ларошфуко, автора «Maximes». Отсюда начало его карьеры. Онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ знатной молодежью и проишь впоследствии въ высшій свѣтъ, пользуясь протекціей своихъ друзей. Расцвѣтъ его свѣтской карьеры относится къ его зрѣлому возрасту. Въ 1675 году, когда Шолъе было 36 лѣтъ, онъ жилъ въ центрѣ аристократическаго общества, былъ близкимъ другомъ герцоговъ Бульонскихъ, Вандомскаго и другихъ. Когда де-Везюль (Bethun), на сестрѣ котораго была женаго Жюль Соббскій, похвалъ въ Польщу, Шолъе похвалъ сопровождать его, надѣясь извлечь выгоды и для себя изъ отношеній своего друга къ польскому двору. Онъ хлопоталъ о мѣстѣ польскаго резидента во Франціи. Этотъ планъ не удался; но онъ все же былъ очень доволенъ почетнымъ приемомъ въ Варшавѣ и писалъ своей belle soeur интересныя письма о роскоши и шикости польскихъ магнатовъ. Вернувшись на родину, онъ поспѣшилъ воспользоваться дружными связями для устройства своихъ дѣлъ. Онъ близко сошелся съ Вандомами, пользовался ихъ полными довѣріемъ и сдѣлался движущимъ духъ дѣламъ, также какъ и организаторомъ ихъ празднествъ. Онъ похвалъ съ герцогомъ Вандомскимъ въ Провансъ и описывалъ въ письмахъ роскошные пиры, которые давались въ ихъ честь. После того онъ сдѣлался диссидентомъ Тамиля и велъ крайне разудальную жизнь во вѣдѣ отношенійхъ, жилъ по тогдашнему выраженію, à la Vendme, оставался протемъ, энциклопедіемъ, умножаятъ и носить болѣе или менѣе утонченный вкусъ и въ культѣ наслажденій, въ противоположность другимъ своимъ соубыльщикамъ.

53. РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафинь, соизяв за Доридой,
 «Постой, кричалъ— прелестная постой!
 Скажи— люблю!— и бѣгать да тобой
 Не стану я, князюся въ томъ Кирилой!»
 «Молчи, молчи!»— разсудокъ говорилъ:
 А пастъ Эроть: скажи: ты сердцу милъ!»!

Ты сердцу милъ!— Пастушка повторила,
 И нхъ сердца огнемъ любви заклдись:
 И палъ къ ногамъ красавицы Дафинь,
 И страстный взоръ Дорида потушила.
 Бѣги, бѣги! Разсудокъ ей твердилъ,
 А пастъ Эроть: останься! говорилъ.

Осталася и трепетной рукою
 Взять руку ей счастливый пастушокъ,
 Взгляни, сказалъ, съ подругой годубокъ,
 Тамъ обнялись подъ тѣню липъ густою,
 Бѣги, бѣги! Разсудокъ повторилъ,
 А нхъ училъ Эроть ей говорилъ.

И ибжная улыбка кробижала
 Красавицы на пламенныхъ устахъ,
 И вотъ она съ томленемъ въ глазахъ
 Къ любезному въ объятія ушла.
 Будь счастлива! Эроть ей прошепталъ:
 Разсудокъ чужою, Разсудокъ ужь молчалъ.

А П.

Композика Berthold (18 вѣка).

какъ напирѣвъ его другъ поэтъ Лафаръ, котораго прозвали «monsieur de la Cochonpiere». Разудлая жизнь не мѣшала Шолье быть очень хорошимъ дѣльцомъ: «noyé dans les plaisirs, mais capable d'affaires», какъ онъ самъ говорить о себѣ въ посланіи къ Лафару. Завѣдуя землями и ведами дѣлами Вандомовъ, онъ повидимому длюготреблялъ иногда нѣхъ довѣрѣнью, соблюдая свои интересы. Главныя вѣсточкы его огромныхъ доходовъ были церковныя бенефиціи, полученыя благодаря вліянію пріора и герцога Вандомскаго. При этомъ у Шолье никакихъ отношеній кромѣ денежныя къ церкви не было, и онъ не стѣснялся вѣтъ самый похвальный образъ жизни. Вѣтъ знали о его многочисленныхъ романахъ — съ пившею Рошуа, съ м-мъ д'Альниръ, дочерью Тюрго и о разныхъ мимолетныхъ увлеченіяхъ, давшихъ ему сюжеты для разныхъ поэтическихъ бездѣлушекъ. Онъ востигалъ легкая радости жизни и съ увлеченіемъ проводилъ въ стихахъ свою жизнерадостную философію, пѣлъ про любовь и вино. При всей галантности этой придворной поэзіи, она не стѣняла: въ авторѣ чувствуется острѣе-женное настроеніе, живое изображеніе и ясность ума, не допускающая афектаціи и злобности.

ШОЛЪЕ.

Съ гравюры 18 вѣка.

Но въ старости галантная поэзія Шолье переросла въ нѣчто болѣе серьезное. Послѣ похвальныхъ любовныхъ пѣстрей своей молодости, онъ серьезно полюбил mademoiselle de Lion, Launay, ставшую потомъ м-мъ де Ставъ, Лемонтъ, авторъ очень похвального очерка Шолье, написаннаго для «Galerie Française» въ 1825 году, отрицающаго серьезность этой любви, считая Шолье несоборнымъ ни на какое серьезное чувство. Онъ разсказываетъ, что послѣ полной радуги съ Шолье, она была склонена въ Бастилю да умѣти въ дѣловѣ Селамаръ, м-мъ де Ставъ загла Шолье умирающимъ, и сказала: При этой

встрѣчѣ я увидѣла, до чего мы становимся равнодушны къ тому, что въ нашей жизни было по существу совершенно ненужнымъ.

Но какова бы ни была глубина этого чувства, несомнѣнно что Шолье похвально вліяемъ его написала думія свои стихотворенія: «Fontenoy», «Retraite», «Portrait», «Goutte». Содержаніе этихъ стиховъ сводится къ элементарной философіи жизни, къ мысли о смерти, болѣзнь, одиночествѣ, но по формѣ они прекрасны, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы по началу одного изъ нихъ — «Goutte» (нодигра):

Le destructeur imployable
Et des marbres, et de l'airam.—
Le temps, ce tyran souverain

De la chose la plus durable
Sappe sans bruit le fondement
De notre fragile nichette...
Et je ne vis plus ni moment
Sans sentir quelque changement
Qui m'avertit de la ruine.

Любопытенъ переходъ отъ примитивно философскаго настроенія, вызваннаго приступомъ болѣзнь, къ легкомыслию, когда боль проходитъ:

Laissons revenir en foule
Mensonge, erreurs, passions
Sur ce peu de temps qui coule
Faut il des reflexions.

Всѣ философія Шолье въ этихъ стихахъ, характерныхъ для его поэзии да радостью минуты даже въ серьезные часы размышленій. А начало стихотворенія, первые четыре стиха шолье достойны своей эпохой великаго вѣка поэзіи по своей выкованности и силѣ. Нѣсколько похвальныхъ стихотвореній среди балласта банальной придворной поэзіи спасаютъ Шолье отъ забвенія среди толпы второстепенныхъ стихотворцевъ.

См. о Шолье: Sainte Beuve, Causerie de Lundi T. I; Lemontey, Notice sur Ch. 1825.

АНАКРЕОНЪ.

Заглавнй выюетка «Анакреонтической поэзии» Державина (Спб., 1804).

54. ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи:
 Ходить изъ облачной тьмы;
 Ходить изъ облачной тьмы
 Подумевать молвой,
 Вижу: лира пасть молвой
 Дремлетъ въ сладкой тишинѣ:
 Лишь порою звонъ слышай,
 Будто слыи голосъ милой,
 Въ мертвой слышится струнъ,
 Вижу: горлица на лирѣ,
 Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
 Други, здѣсь почтѣть въ мирѣ
 Сладострастнй мудрецъ,
 Посмотрите: на порфирѣ
 Оживилъ его рѣзецъ!
 Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
 Говоря: я сѣдъ и старъ,
 Жизньню дайте жъ насладиться:
 Жизнь, увы, невѣчный даръ!
 Здѣсь, подивя на лиру длави
 И нахмура важно бровь,
 Хочетъ пить онъ бога брани,

Но поеть одну любовь,
 Здѣсь готовится притворъ
 Долгъ послѣднй заплатить:
 Старецъ пляшетъ въ хоровахъ,
 Кажду просить угодить,
 Веруть любовника свѣта
 Дѣва скажутъ и поютъ:
 Онъ у времени скупого
 Крадетъ нѣсколько минутъ,
 Вогъ и муза и хариты
 Въ гробъ любовника увели:
 Пляшемъ, розами увиты
 Нѣры вѣдѣть за нимъ пошли...
 Онъ пещель, какъ наслажденье,
 Какъ веселый сонъ любви,
 Смертнй, въскъ твой привитишь:
 Счастье рѣзное лови:
 Наслаждайся, наслаждайся:
 Чаще кубокъ паливай:
 Страстно пылкой угомайся,
 И за чашей отыхай!

ГРЕССЕ.

Известный французский поэт и драматург Jean Baptiste Louis Gresset (1709—1777) воспитывался в амьенском иезуитском коллеже, потом в Париже и итскольких провинциальных университетах. Дебютировал он одой «Sur l'amour de la patrie» (1730), а в 1734 г. написал свою драгоценную комическую эпопею «Vert-Vert (попугай)», в которой рассказывает, в чрезвычайно изысканых стихах, историю благочестивого попугая, воспитанного в женском монастыре; попугай посылает в гости к настоятелю собственному монастыря, но на корабле он подслушивает разговор солдатской компании и по прибытии к строгой монахинь впривычку ее отборившими словами своего нового репертуара. В том же духе написано Грессе еще несколько мелочей: «Le Carême impromptu», «Le lutrin vivant» и отчасти «La chartreuse», в которой автор изображает неумалчивую попытку философствовать. Забывая сатиры Грессе, настоятельница монастыря de la Visitation устроила так, что поэт, принадлежавший к иезуитскому ордену, был сослан своим начальством в тюрьму в Африку, где он, скучая, занялся переводом «буколик» Вергилия. В 1735 г. Грессе выступил по ордену, стал вести светскую жизнь. Трагедии и драмы Грессе — «Edouard III», «Sidney» — неумалчивы и не сценичны, но комедия его «Le Méchant» представлена в 1747 г. заслуживает внимания. Питрига неслета вло, главный герой, безпринципно злой Клеон, сын казуланный и неслета сценичен, но сценичные нравы общества на тон эпохи переданы верно и сценочно воспродвены тогдашним рациональным тоном. Выбсть сь «Méchant» Широа «Le

ГРЕССЕ.

из гравюры 18 века.

Méchant составляет переход от комедии Мольера к комедии Бомарше.

В 1748 г. Грессе был избран членом академии, в которой выступал с речами два раза: при приеме Ф.Амбера в 1754 г. и Суара в 1774 г., при чем оба раза недавний обвинитель монастырской жизни обнаружил узко-клерикальное направление и ненависть ко всяким новшествам. В последние годы жизни Грессе всецело подал под влияние духовенства и публично отрекся (в открытом письме 1759 г.) и от своей литературной деятельности и вообще от поэзии, за что подвергся жестокому насмешкам Вольтера и Широа. Кроме названных произведений, Грессе написал еще: «Le Gazettein», «Parrain Magnifique», «Les Pensionnaires» и «Le Laboratoire de nos soeurs». Полное собрание сочинений Г. издано было Фойелем в 1803 г., Ренуаром в 1811 г.; избр. соч. изданы Кампенювом (П., 1823), См. о Грессе Bailly, «Eloge de G.», Robespierre, «Eloge de G.», 1765, перепечат. 1868; le P. Daire, «Vie de Gresset» (П., 1779); De Cayrol, «Essai sur la vie et les oeuvres de Gresset» (1845); St. Albin Berville, «Gresset, sa vie et ses ouvrages» (1863).

В русской литературе, в конце XVIII и начале XIX века Грессе был очень популярен. «Имена Шенье и Грессе», говорит Майков,

пользовались большим уважением, имь подражал Нелединский, В. Пушкин, Батюшков, князь Вяземский; но их приемы введены были в русских стихах ушеница рима rimes doublées — добротне Шенье, которое усвоил себе и продался Шенье и Грессе. Исла полюбил «La Chartreuse» сь ушеница римами, послужило образцом для послания Батюшкова. Моимь неслатамь тоже сь ушеница римами в гресонных дьбах, и когда князь Вяземский, в письме к автору, сообщил свой критически замечания на это стихотворение, послыши отвечать сьдующими словами, из которых

55. МОЕ ЗАВЫЦАНИЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья
На тихой берегу воды забвенья
Беседой глѣблюю полетѣть...
Прости на вѣкъ очарованье
Безземной жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговѣше и вниманье!

Устройте завтра шумный ходъ
Несите радостныя чаши
На темной берегу сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.
Довите на послѣдній пиръ
Семелью радостнаго сына,
Эроса, друга нашихъ дѣръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибавится,
Махая рѣзвою тремухой,
И насъ отъ сердца разсѣвѣнитъ
За полною, пѣвнствою кружкой.
Пускай игривою толпою
Слетѣть родная наша Муза,
Иль первой кубокъ круговой,
Друзья! священны намъ нѣтъ усы,
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фаллы братской череды:
Въ послѣдній разъ мою пѣвицу,
Мечтаний сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди:
И брызнутъ перетни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ,
Гдѣ мы—поруги молотомъ
Летите—дорою смерти чась,
Въ послѣдній разъ томимой пѣвнью
Забуду вѣщность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди свѣтлой
Улыбнусь отрадой юныхъ дней.

Когдажъ востокъ одолжится
Во тѣмб тенницей молодой,
И бѣлый голубъ озарится
Покрывши утренней росой,
Подайте грядъ Анакреона,
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерова.
Простите, милые друзья!
Подайте руку, то свиданья!
И гайте, гайте обидѣте,
Когда навѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завыванье,
Прити, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Ваха и Темиру,
Тебѣ дарю я дѣнь и лиру,
Да забудь Муза пѣть тобой!...
Ты не забудь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтренный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ,
Друзья! вамъ сердце оставлю
И память прошлыхъ красивыхъ дней,
Окованныхъ счастливою дѣвью
На ложѣ маковъ и лилей,
Мои стихи царю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о друзья, ей!

На тихой праздникъ погребенья
И насъ обязанъ приласкать:
Веселость, другъ усниенья,
Вилеты будетъ разноситъ,
Стектесь рѣзвою толпою,
Глава въ вѣнчаль, рука съ рукою,
И пусть на гробѣ, съ пѣвецъ
Наземеть въ роуѣ Геликона,
Нашиеть бѣлой нашей рѣзвѣ:
Здѣсь дремлетъ Юноша-Мудрецъ,
Витомецъ пѣвъ и Аполлона.

вещи, какъ высоко ставилъ онъ литературныя авторитеты Грессе: Я назвалъ посланье свое посланьемъ. Къ печатанью точно такъ, какъ Грессе съе называлъ «La Chartreuse», Вотъ одно сходство, которое я могу указать съ Грессе, то и въ дессе съ Грессе — о тн^о». Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 183. Такимъ образомъ, личность Пушкина, рѣшительно пренебрегая высокою и горестнейшею лирикой такъ называемую легкую поэзию и избирая французскихъ представителей этой поэзии, себя въ руководители, въ сущности шелъ по пути, уже проложенному его старшими собратьями въ русской литературѣ. Дѣйствительно, посланье Мюсю Арстару не только по своей основной идее составляетъ аподеио легкой поэзии, но и въ подробностяхъ развитія этой мысли является показательнымъ отношеи къ посланью Грессе въ томъ же родѣ въ его «Ecrit au pere Bougeant, je-n'ites» и читается между прочимъ слѣдующимъ строкомъ:

Par l'étude, par l'art suprême
Sur un froid pupitre anagris,
D'autres orneront leurs écrits:
Pour moi dans cette gêne extreme
Je verraî mourir mes esprits:
On n'est jamais bien que soi-même,
Et me voilà tel que je suis,
Imprimés, affichés sans cesse,
Et s'entrechassant de la presse,
Mille autres noms inonderont
D'un déluge d'écrits stériles
Les foyers-cibles puériles
Auxquels sans doute ils survivront:
A cette abondance en ti-
Je veux l'amour et de vertu.
Et de Ladare et de Chapelle
Préferer la stérilité.
L'aine bien moins ce chene énorcé
Dont la tige toujours infirme
S'empise en rameaux superflus,
Que ce myrthe tendre et docile
Qui, croissant sous Foed de Venus,
N'a pas une feuille inutile,
S'épanouit négligemment
Et se courbe lentement.

Сходство двухъ строкъ со стихами посланья Мюсю Арстару дѣлаетъ различие съчастливой правды послѣ прозой, противопоставляется поэзии тру-довольной, да только лишь, что ильбъ пужна о томъ, воспроизведенъ.

Какъ это можно судиться съ собою, шлейдами Л. Н. Маинова, «сходство» именно двухъ строкъ, вѣско не такъ одно, какъ онъ утверждаетъ. Но, конечно, и тутъ мы имѣемъ одно изъ многочисленныхъ

проявленій огромнаго вліянія французской «легкой» поэзии на творчество лицейскаго періода.

Гораздо очевиднѣе сопоставленія Б. В. Пискольскаго съ «Душенькой». Дѣйствительно, стихи 15—18 (За ринной часто холодной, на зто законамъ сочетанья, бѣхуть грехотопные толпой) «живо напоминаютъ Богдановича»:

И часто ринны холодной
Безъ сочетанья законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на конгахъ.

Но мѣнѣе ярко указываемое г. Пискольскимъ сходство стиховъ 59—64 (однѣмъ, свободнымъ господиномъ, поймаю прежде мысль мою и не для имени поэта марю два пль три куплета и пль внодгоса пою) со стихами Богдановича:

Любя свободу я сею
Не для похвалы себя пою.

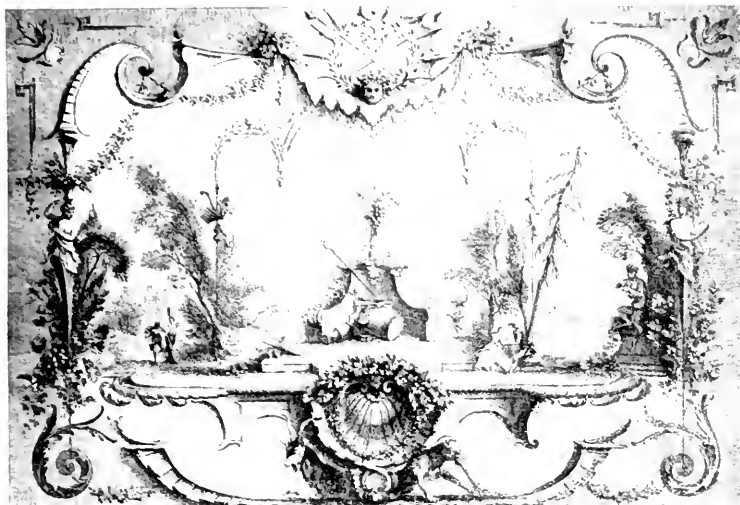
Мотивъ этотъ слишкомъ общій и встрѣчается у многихъ другихъ поэтовъ.
О текстѣ см. въ концѣ тома. Р.

52. СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Писса для извѣстна въ автографѣ, записанномъ на отдельномъ листкѣ, принадлежавшемъ прежде Ф. Ф. Матюшкину, и въ двухъ копияхъ—въ тетрадахъ московскаго публичнаго музея, № 2364 (д. 16) и № 2395 (д. 772). Въ автографѣ и въ обычныхъ копияхъ она и та же редакція шесты, первоначальная; но первая копия снабжена собственноручными поправками Пушкина, которые въ 1825 г. составляли собраніе своихъ лирическихъ произведеній для печати, и, вѣроятно, тогда и исправилъ стихотвореніе. Тѣмъ не мѣнѣе, Пушкинъ самъ этой шесты не печаталъ (въ первой копия Пушкинъ принимаетъ пль нею: «не пль»), и она была обнародована лишь въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 365—366) по первоначальному тексту; въ исправленномъ же видѣ появилась она лишь въ изданіи литературнаго фонда (т. I, стр. 91—92). Въ этой же исправленной редакціи воспроизводится она дѣсь. Еще о текстѣ см. въ особой статьѣ, въ концѣ тома.

Въ 1815 году цитировалъ «Сраженный рыцарь» въ рукописи музейной тетради № 2364. Больше точное опредѣленіе невозможно. Л. Н. Маиновъ (20 вѣст. ил. Г. т., примѣч. стр. 226—227) говоритъ: «То обстоятельство, что писса не упомянута въ собственноручномъ перечнѣ стихотвореній

¹ Л. Н. Буладинъ, 1690—1741, членъ ордена Иудова, занимался литературой и афиоторіей филозофа мѣсяца поперѣ с прѣдгованіемъ со стороны своего орденскаго начальна.

САДЫ ВАКХА (Les jardins de Bacchus)

Аллегорическое вино Ватто (Watteau).

56. ПОГРЕБЬ.

О, скажитесь вино мною,
Товарищи, друзья!
Красотой удалю
Въ-конце, измученья.

✱

Веселюся я тоскою:
Горька моя судьба!
Несите жь круговую,
Откройте погреба.

✱

Тамъ, тамъ во льду хранится
Буылочка гордой строй,
И портера танца
Бюбенокъ записной.

✱

Нашъ Либерь, давайся,
Къ нему покажетъ путь-
Пойдемте все, шатайся,
Ночь бочками заснуть.

✱

Въ нивъ сердца увивенье,
Награда для пивенья,
И мукъ любви забвенье,
И жарь мошъ стиховъ.

Пушкина, и что въ течение 1815 г. она не была напечатана въ «Россійскомъ Музеемъ», хотя авторъ и состоялъ въ то время усерднымъ вкладчикомъ журнала... заставляетъ думать, что разсматриваемое стихотвореніе написано лишь въ концѣ означеннаго года. Оба эти довода не безусловно убѣдительны, первый — потому что не все, что Пушкинъ писалъ, онъ печаталъ; второй — потому что, какъ справедливо замѣтилъ самъ Майковъ (ор. с., стр. 7—8, списокъ, на который опирается комментаторъ, «совершенно полнымъ назвать быть не можетъ; найдете еще рядъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ 1814 и 1815 годахъ и не внесенныхъ въ этотъ перечень».

Какъ ни хороша эта пѣса, ей нельзя приравнять къ самымъ высокимъ и красивымъ подвѣтамъ юного орада-Пушкина, и ей несамостоятельность видна сразу. Она не прямое подражаніе, но отражаетъ и некоторыя литературныя вліянія. Ближайшей причиною ея къ тѣмъ произведеніямъ молодого поэта, въ которыхъ замѣтно вліяніе Жуковского: въ нихъ преобладаетъ эпитетическій тонъ въ духѣ мѣлы Жуковского, стихъ очень близокъ къ стиху Жуковского: въ самомъ началѣ къ предмету вѣсна заискренность ученика отъ учителя, Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина т. III, стр. 43 прямо назвалъ ее «образцомъ подражанія Жуковскому» и писалъ, что она «слабѣе и по стиху, и по мысли анакреоническихъ подражаній, къ числу которыхъ принадлежатъ и большая часть посланій къ друзьямъ молодого поэта». А. П. Майковъ 2-ое изд. т. I, стр. 227—229 совершенно справедливо замѣтилъ, что вліяніе Жуковского на «Сраженнаго Рыцаря», размѣръ котораго три амфибрахія и двѣ мужескія римахъ и четыре амфибрахія въ женескіхъ, Пушкинъ могъ замѣтывать у пѣвца «Свѣтлана», весьма сомнительно въ смыслѣ «тона» и «визгана на предметъ», и указавъ на болѣе вѣроятнаго источника вліянія пѣвца Оссиана (см. выше, стр. 112, 113). Но мѣла Оссиана не имѣла особенно важнаго значенія въ исторіи пушкинскаго творчества, вліяніе ея было непосредственно неаромъ подвѣ, не торжествъ своимъ «основательнымъ» стихами и не вносила въ ихъ свои сборники: слабо складовъ оно и въ этой пѣсѣ. Грусть и раздумье, различныя къ ней, свои пѣвца не одному Оссиану: это единкомъ общіе къ подвѣ, мотивы, и просто съ Оссианомъ,

и то отдаленное, можно усмотрѣть не во внутренней, а лишь во внешней сторонѣ стихотворенія, въ такихъ «оссиановскихъ» аксессуарахъ, какъ душа, преобразующая сквозь «дѣвственную гряду» облаковъ и льющая «сѣнь кровавое» на жаркавленные досѣдѣ погнбшаго дона, холмъ, одинокій путникъ... Конечъ «Сраженнаго рыцаря» напоминаетъ грустными настроеніемъ и описательнымъ характеромъ послѣдніе стихи «Осгара» 1814 г.:

... тихій мѣръ теровъ!

И тихо все вокругъ мотыльваго холма...
 Въ баровомъ облакѣ, отбѣна туманомъ,
 На камнѣ гробовомъ ушла тѣнь сидѣть.—
 И стрѣла прѣбезжалъ, стучитъ броня съ
 колчаномъ,
 И вѣнь, дачечелъсь, таинственно шумѣть.

Но мѣлво Майкова, «Сраженнаго Рыцаря» «представляетъ любовный примѣръ того, какъ въ свою ранихъ произведеніяхъ Пушкинъ почерпалъ материалы для созданій болѣе позднѣго времени», и что это стихотвореніе находится въ такой именно связи съ «Пѣснью о вѣщемъ Олегѣ», 1822 г., такъ какъ въ ней употребленъ тотъ же размѣръ (амфибрия, въ шномъ чередованіи мужескіхъ и женескіхъ стиховъ), мѣлжають тѣ же образы вѣгзя, коня и смерти, и будто бы даже удержанъ тотъ же «тонъ» повѣствованія».

Ни одинаковій размѣръ, ни подходящіе другъ къ другу вѣнннне образы, часто встрѣчающіеся въ подвѣ, не даютъ права на такое странное сближеніе: въ меланхолическомъ тонѣ «Сраженнаго Рыцаря» и эпическиспокойномъ разказѣ о смерти вѣгшаго князя просто нѣтъ ничего общаго.

Н. Лернеръ.

53. РАЗСМДЖКЪ И ЛЮБОВЬ.

Автографъ этой пѣсы нецѣлостенъ: существовать въ концѣ ея: одна — въ извѣстномъ сборникѣ «Духъ дѣнскіхъ трубадуровъ» стр. 91—92, другая — въ тетради московскаго публичнаго музея № 2395 л. 721. Текстъ общій рукописей одинаковъ. Безъ всякихъ отличій отъ него пѣса была впервые напечатана по всей вѣрности, помимо желанія Пушкина, въ сборникѣ «Весенніе дѣвны», М., 1835 г., стр. 97—98, и поэтиса ницѣлами: А. П. Пушкинъ самъ ея не печаталъ: въ собранія его произведеній она стала входить начиная съ посмертнаго изданія т. IX, стр. 282—283.

57. ВОСПОМИНАНИЕ.

Къ Пушкину .

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чистомъ и бѣломъ винѣ?

Какъ, укравшись молчаливо
Въ нашею темною уголку,
Съ Вакхомъ и вѣкильсь дѣвицею
Школьной стражи влеклѣ?

Помнишь ли друзей шестать
Вкругъ бокаловъ цушевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Шамя грубою грошевою?

Закрывъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вкругъ педанта глазъ ужасной
Намъ послышался вѣдн!

И бутылки вмигъ разбиты
И бокала все въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пушиль и свѣдое вино.

Убѣаемъ, гороплаво:
Въ мигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ иривой,
Умъ и сердце на устахъ.

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной гуской взоръ
Пумбили чагъ похмелья,
Сладкой Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клануся, за столомъ,
Всякій годъ, въ часъ бездечны,
Поминать его виномъ.

Рисунокъ Саака (18 в.).

Для точнаго опредѣленія хронологіи этого стихотворенія мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Къ 1815 г. оно было впервые отнесено Н. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 года, причѣмъ редакторъ не привелъ оснований такой датировки. Оставить ее, впрочемъ, можно, какъ приблизительно-вѣрное опредѣленіе, такъ какъ «Разсудокъ и любовь» по своему веселому, игривому характеру, отражающему вліяніе французскихъ эротиковъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ тому періоду пушкинскаго творчества, когда были написаны «Дела», «Опытность», «Старикъ», «Фантъ и пастышка», «Форма пьесы»—художественная, довольно рѣдко встрѣчающаяся у Пушкина.

«Разсудокъ и любовь» упоминается у Бѣлинскаго, относившаго эту пѣсню къ числу тѣхъ, что «по изобрѣтенію, по формѣ и по именамъ... напоминаютъ собой предшествовавшую Жуковскому и Ватюшковой эпоху русской литературы или, по крайней мѣрѣ, ту эпоху поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этой „духи поэтовъ“.

54. ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Анакреонъ, или правѣльнѣе Анакреонтъ, былъ знаменитый древнегреческій лирикъ. Большую часть своей долгой жизни (ум. ок. 495 г. до Р. Хр., 85 лѣтъ отъ роу), Анакреонтъ провелъ вдали отъ своего родного города Теоса въ юнической части Малой Азіи при дворѣ тогдашнихъ греческихъ тирановъ: знаменитого по балладѣ Шиллера Поликрата Самосскаго, Гиппарха Ловискаго и Еукрата Фессалийскаго. Скопчался Анакреонтъ, пошумному, на родинѣ по крайней мѣрѣ, тѣрпящу его, возмущенію Пушкинскимъ, похваливали на Теосѣ. Анакреонтъ цѣлитель жизни, постольку, по сколько она можетъ быть украшена дружеской и веселой любовью, музикою и виномъ. Поэтому тревнія эпиграфы въ честь поэта гласила:

Всю свою жизнь посвятилъ ты, о старецъ,
веселию.

Тремя божевами только, Друж., музикою и
Виноу.

Въ изображеніи этихъ усталъ жизни Анакреонтъ отнош. не понимался то тон страстности, которая замѣчается у его претшествениковъ, какъ, напримѣръ, у Сафо

и Алкея. Поэтому отличительнымъ качествомъ его поэзіи является изображеніе наслажденія моментомъ, и одно чувство быстро смѣняется у него другимъ. Анакреонтъ, видимо, умѣлъ быть веселымъ, ласковымъ собесѣдникомъ, и его пѣсни были распространены, особенно въ жизне-радостной Атикѣ, и послѣ его смерти. Вѣроятно, благодаря этой громкой славѣ, Анакреонтъ нашелъ себѣ въ позднѣйшее время многочисленныхъ подражателей, и намъ, къ сожалѣнію, приходится судить объ его поэзіи, главнымъ образомъ, только по этимъ стихотвореніямъ, относящимся къ александрійской и даже римской эпохамъ, такъ какъ подлинныя произведенія Анакреонта сохранились только въ количествѣ ста пятидесяти незначительныхъ отрывковъ или даже отрывковыхъ словъ. Этотъ сборникъ подвѣлокъ подъ Анакреонта, называемый обыкновенно Анакреонтическимъ стихотвореніемъ, заключаетъ въ себѣ 60 №№ и отличается отъ его подлинныхъ произведеній не только по тону, но также и по строенію стиха и діалекту. Окончательно признанъ сборникъ не принадлежащимъ Теосскому поэту только во второй половинѣ XIX столѣтія и еще въ самомъ концѣ XVIII столѣтія возбуждалъ громкія восторги и вѣдскихъ анакреонтиковъ, въ родѣ Рамлера, Уда и др. Само собой понятно, что и Пушкинъ ничего не зналъ объ его неподлинности. Ширивость и легкость содержанія сборника способствовали тому, что его очень часто переводили на повѣннѣе языки, особенно на французскій и нѣмецкій; еще болѣе, чѣмъ переводчиковъ, встрѣтили они подражателей, такъ называемыхъ анакреонтическихъ поэтовъ. Уже въ концѣ XVIII в. (въ 1794 г.) сборникъ былъ переведенъ на русскій языкъ Н. А. Львовымъ; послѣдствіи стихотворенія эти были усвоены въ нашей литературѣ полностью Маринновымъ, Меемъ и Баженовымъ, а отрывковыя пѣсни, кромѣ Пушкина, служили предметомъ перевода или подражанія для Домоносова, Державина, Виноградова, Губдича, Жуковскаго, Маишкова, Фета и др.

Позднѣе стихотвореніе является несомнѣннымъ результатомъ членія Пушкинскимъ анакреонтическаго сборника, который онъ интересовался не только въ лицѣ, но и въ послѣдствіи. Въ какомъ переводѣ познакомился съ нимъ поэтъ, не зная ни греческаго языка, сказать трудно, такъ какъ для самаго вѣроятнаго а priori предположенія, что это былъ переводъ Львова, у насъ

58. ПОСЛАНИЕ КЪ Ю...

Ты хочешь, милый другъ, узнать
 Мои мечты, желанья, дѣла,
 И тихой гласъ простой свирѣли
 Съ улыбкой дружелюбна вѣщать. —
 Но можешь рѣшимоу поэту
 Невольнику мечты млатой
 Въ картинѣ быстрой и живой
 Изобразить въ порядкѣ свѣту
 Все то что въ юности златой
 Воображеніе мнѣ кажетъ?

Теперь когда въ покоѣ дѣш
 Укрывъ меня въ пустыню свѣш,
 Своєю дѣлаю чувства вѣжеть,
 И вѣкъ мой тихъ какъ лѣсной день:
 Пустота вѣщи украсена
 Не видя въ дѣлкахъ моихъ
 Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
 На пышность бѣдныхъ богачей
 И щастливый самимъ собою
 Не жажду горы серебра
 Не знаю завтра ни вечера
 Доволенъ скромною судьбою
 И думаю: къ чему пѣвцамъ
 Алмазы, яхонты, топазы
 Порфирныя, пурпурныя вазы,
 Драгиа кушанья по угламъ,
 Къ чему имъ сушныя Альбіона
 И пышные чашы Ліона
 На мотылахъ креслахъ и столахъ
 Какая нужда въ зеркалахъ,
 И доже шалевое въ спальнѣй?
 Не лучше ли въ деревнѣ дальней
 Или въ смиренномъ городкѣ
 Вдали столицъ, заботъ и грома
 Укрыться въ мирномъ уголкѣ
 Съ котормъ роскошь незнакома,
 Едѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
 О, еслибы когда нибудь
 Сбылись поэта словиденья!
 Ужель отрать уединеня
 Ему вкушать не суждено?

Мнѣ видится мое селеніе,
 Мое Захарово: оно
 Съ заборами въ рѣкѣ воднистой
 Съ мостомъ и рощею гѣнистой
 Зерцаломъ водъ отражено

На холмѣ домикъ мой: съ балкона
 Могу сойти въ веселой сати,
 Едѣ вѣбеть Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарять,
 Едѣ старухъ каменныхъ темной рядъ
 Возносятся до небосклона,
 И духоу тополи шумять,
 Тула зарею посвѣщаю
 Съ смиреннымъ заступомъ въ рубѣ,
 Въ дугахъ тропинку извиваю,
 Тюльпанъ и роду поливаю —
 И щастливъ въ утреннихъ трудахъ:
 Вотъ дѣвѣ подъ дубомъ поклоненномъ,
 Съ Горациемъ и Лафонтеномъ
 Въ прѣстѣлахъ погруженъ мечтаю
 Вблизи ручей шумить и скакать
 И мѣнѣ въ влажныхъ берегахъ
 И свѣтлой токѣ съ досадою прѣчать
 Въ собѣтнѣхъ рощахъ и дугахъ —

Но вотъ ужъ подешь. — Въ свѣтлой задѣ
 Веселемъ крутой столъ накрытъ:
 Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
 Дымится щи, вино въ бокалѣ,
 И щуса въ скатерти дежить,
 Сосѣди шумною толпою
 Взволнн, прервали тишину,
 Садится мать внимаемъ знона
 Всѣ хвалить Ваку и Помону
 И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,
 Едѣ и Москвою угощенной,
 Вдали обманчивыхъ красотъ
 Вдали пахмуренныхъ заботъ
 И той волшебницы лукавой
 Котора весь міръ вертитъ
 Въ трубу немолчную гремитъ
 И — поминѣ — зовется Славой,
 Живу съ природой простотою
 Съ философическою забавой
 И съ музоу рѣдной и млатой...
 Вотъ мой каминъ: ночь вечеръ темной,
 Осенней бурною порою
 Люблю подъ свѣтлоу укромной
 Предъ нимъ задумчиво мечтать
 Вольтера, Виланда читать
 Или въ минуту вдохновеня

и въ никакую фактическую записку. Л. П. Майковъ привелъ къ стихамъ Пушкина 4 параллели изъ перевода Львова, но число стиховъ сопоставлений можетъ быть несколько увеличено. При приведеніи соответствующихъ мѣстъ мы обращаемся къ переводу Мей, отличающемуся довольно значительной близостью къ подлиннику, тогда какъ Львовъ не знаетъ трескато изъяска и только пользуется соответствіемъ известнаго митрополита Евгения Болховитнова. Сочиненія А. А. Мей, т. 3-ій, Спб., 1863, стр. 108.

Ст. 10, Ср. оду 9-ю о ружной голубѣ Анакреонта:

А поздно глхмъ своимъ
Повоея на дѣрѣ.

Ст. 11. Указаніе на античный обычай возлагать во время пиршества на голову вѣнки изъ розъ и обивать этими же цвѣтами кубки употребляется и въ сборникѣ, ср. начало оны 5-ой:

Роду пѣваную зротовѣ
Съ Дюномъ состаемъ;
Красодѣтельную розой
Нашъ чѣла увѣчаемъ.

Ср. также начало оны 6-ой.

Ст. 16—17. Мотивъ смотрѣнія въ зеркало встречается въ несколько иной цѣмѣ у Пушкина, формѣ въ отвѣ 11-ой:

Мнѣ говорить двинца:
Ты старѣ Анакреонъ!
По зеркало ты вишишь—
Водоеъ умъ не одалоеъ.
И любъ твою обиваютъ .

Ст. 22—23 замѣтованы изъ оны 1-й:

Хочу и пѣтъ Аристовѣ,
И Катма пѣтъ омота,
А барбитонъ струнами
Звучить мнѣ про Фрота,
Нелово переграить
И струна а, и дѣру,
И пошнѣ Аплита
Хотѣлъ повилакъ миру:
А дѣра въ поволокъ стробъ
Фрота о змѣтъ пировѣ,
Простите же теронъ!
Отшайе струна дѣру
Новѣтъ ому повола.

Ст. 26. Мотивъ пляски Анакреонта въ хоровахъ почитается очень часто, ср. оны 32-ую, 37-ую, 52-ую и 54-ую.

Ст. 27 можетъ быть сопоставленъ съ пѣсней 21-ю:

Дайте мнѣ вина, дѣвицы
Жарѣ томить меня съ тенница;
Поскорѣи принаеъ мѣъ танце
Къ Вакху живыми устами...

Ст. 28—32 напоминаютъ оду 38-ую:

Я старѣ, но съ моголами
Я вишию больше весѣмъ,
И тиремъ хороповимъ
Мнѣ служить вишиамъ мѣмъ,
А Партекованъ стебель
Нускай беретъ друговъ,
Кто хочеть составляеъ—
Иллантея на боу!
Скорбе, отрогъ, въ чашу
Вина мнѣ наливамъ;
Но славоствитъ панитокъ
Воевою разбивамъ,
Я старѣ, но съ моголами
Умѣю поплаеать,
Умѣю въ рѣвонъ плаеать
Сидену попраеать.

Ср. также оду 51-ую.

Мысль замѣтительныхъ стиховъ 38—43 повторяется въ сборникѣ также весьма перифрако, ср. напр., конецъ оны 41-ой:

Что мы знаемъ о трудномъ
Смертнмъ живимъ въ рукамъ бездѣтнмъ,
Лучше жѣ, вишивъ, поразитѣся
Въ сомнѣ дѣвушкѣ предѣстнмъ,
Пусть даботитъ кто хочеть
Отъ даботъ себа избавитѣ:
Будетъ пѣтъ вино въ весельѣ,
Будетъ Вакха пѣсней славитѣ.

Ср. также 2-ую половину оны 15-ой, оны 24-ую и 25-ую.

Эти сопоставленія могутъ, кажется, съ достаточной силой свидѣтельствовать противъ мнѣнія В. П. Гаевского, что Пушкинъ потракать въ данномъ стихотвореніи Парни, который замѣтовать мысль изъ первой оны Анакреонта. Современникъ, 1863 г., т. XVIII, стр. 172. Это мнѣніе Гаевского пользуется такою популярностью, что въ изданіи Пушкина Литературнаго Фонда 1. 96 пѣсѣ имѣеть подалоговокъ: Изъ Парни. Объясненіе Гаевского опровергъ Л. П. Майковъ, указавшій что у Парни нѣтъ ни одного стихотворенія, напоминающаго «Грѣбъ Анакреона». Это же умеланъ разъяснить и истощивъ ошибки издѣлователей лирическихъ стихотвореній Пушкина, говоритъ: «О существованіи стихотворенія Парни Гаевскій моль заключить изъ упоминаемой въ его статьѣ помѣщенной въ журналѣ Сынъ Отечества

Небрежно станешь намарать
 И жем потомь свои творения
 Воль дѣвек... но быстро принитыа,
 Ротель въ волшебномъ фюфарѣ
 На блѣдомъ полотнѣ мелькають
 Мечты пахотык, пледноють,
 Какъ гнѣвъ на угрешен зарѣ.

Межь гнѣвъ какъ въ кельѣ молчаливой
 Во пѣвнѣ отдался я мечтамъ
 Рухой безмечной и дѣвиной
 Разбросилъ рюмы дѣвъ и тамъ
 Я слышу топотъ, слышу ржанье
 Блеснувъ удорнымъ чепракомъ,
 Въ блестящемъ ментѣ сѣвнѣ
 Гусарь промчался подь окномъ...
 И гнѣвъ вы мирная картина
 Предестной сельской простоты?
 Среди воинственной воины
 Попусъ на крылавахъ я мечты,
 Огнѣ во слѣбѣ торгоруотъ
 Межь нѣмъ окутаный плащомъ
 Съ сѣвнѣмъ усатымъ козкомъ
 Лежу — вдали штыки сверкають
 Духѣ ракутъ, бранды кусають
 Да дѣрѣца грохочеть громъ,
 Лети съ высокаго радката...
 Трещеть бранью грудь моя
 При блескѣ браннаго булата
 Огнемъ падаетъ взоръ, и — я
 Лечу на гибель суностата, —
 Мой конь въ рядѣ престою орломъ
 Веселся съ грознымъ сѣдокомъ —
 Съ размаха сыплется утары
 О вы отеческіе дары
 Спасите воину въ бояхъ!
 Тамъ свищетъ саблей онъ дубчатой
 Тамъ киверъ дыблетъ пернатою
 Съ черкесской буркой на плечахъ
 И молча преклоняетъ ко гривѣ,
 Онъ мечи стѣблѣю по скользякой шибѣ
 Съ цыгаррой дымною въ дубахъ...

По лабрамъ побѣды увиты
 Бонды пѣвъ лани мира пытокъ
 Военной славою дабытай
 Слышу въ смрешной свой прѣютъ
 Пашеть на полѣ битвы и чести
 Огнѣ болѣзни костыли
 На вѣск оставилъ побѣдъ мести...
 Ужь вижу въ сумрачной тали
 Мой гнѣвой домикъ, рощи томны,
 Калитку, сѣнѣхъ ближній прудъ
 И снова я, философъ скромный
 Укрылся въ милый мнѣ прѣютъ,
 И мѣръ забывая, и нѣмъ забвенной,
 Покой души вкушаю вновь —

Слазки о сердцу другъ бездѣиной.
 Мечта ль и дружба и любовь?
 Досель въ рѣзвости безмечной
 Бредилъ по розамъ тни мой
 Въ лѣвиной яности сердечной
 Не дала мучени я любви,
 Но быстро тень до шемъ умчался
 Гдѣ жъ дѣтства раннѣ слѣды?
 Предестной подростъ миновался,
 Увили первые дѣвты!
 Ужь сердце въ радости не бьетел
 При милотѣ вѣтъ мотылька,
 Что въ воздухъ кружитъ и вѣстел
 Съ пыханьемъ духимъ вѣтерка —
 И въ белокожитѣхъ непонятномъ,
 Пылаю, дѣвю, кровь тортык,
 И все вѣзкомъ, сердцу вѣзганымъ,
 О вѣзкой страсти говорыкъ. —
 Поруга возрастаетъ дѣтотъ,
 Поруга краснѣхъ дѣтскѣхъ дѣвтъ,
 Тебѣ ли вижу, вѣзоровъ свѣтъ,
 Другъ сердца, милотъ...
 Ведѣ со мною образъ твой,
 Ведѣ со мною придракъ милотъ;
 Во гнѣвъ полудни унылой,
 Въ часы лѣвицы золотой
 То на конѣхъ алѣевъ темной
 Везерней, тихой порой,
 Ону въ задумчивости томной
 Тебѣ и вижу прѣтъ собой,
 Твоей шалью стань не покровешныи,
 Твоей взоръ на груди потушеннѣи,
 Въ шеклахъ любви стѣблѣиной дѣвты...
 Все тихо брежжеть дунной свѣтъ
 Нахмурясь голотъ шевелител
 Ужь сумракъ тусклою лелелотъ
 На холмы тальпѣ дожител,
 И завесъ рощицы струител
 Надъ тихо свищено полнотъ
 Осеребреною дунотъ,
 Огнѣ ты въ рощицѣ со мною
 На коноди мой склонилъ,
 Стоишь подь швою густою;
 И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвилъ,
 На сѣвѣку зрѣвъ прохлатой дуетъ
 Нрасть локономъ вѣзловъ
 И поту стронуую рисуетъ
 Сквозь бѣдосѣвѣиной твоей покровѣ...
 То часомъ полнотѣхъ глубокимъ
 Прѣтъ теремомъ швомъ высокимъ,
 Угрюмой зимнею порой,
 Я жду красавицу драгую
 Готова сани: мракъ густотъ
 Все спитъ, онѣвъ лишь и тоскую,

Зову часомъ дѣвиной бой...
 И шоромъ чуителъ глухой,

и Сѣверный Архивъ 1830 г., т. XVI, стр. 242—244, пѣсня подъ заглавіемъ: «Гробъ Анакреона (подражаніе Варни»), за подписью нѣкоего Александра Милославскаго». (Сочиненія Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 137).

Наконецъ, отъбитымъ неудачное мнѣніе покойнаго проф. А. П. Веселенова (Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 27, усматривающаго въ заключительныхъ стихахъ пѣсни «легкомысленный изгладъ отрока Пушкина на жизнь»). А. П. Майковъ справедливо возразилъ на это (тамъ же, стр. 137—138), что стихотвореніе «вовсе не выражаетъ собственнымъ воздвигнѣй Пушкина на жизнь, а есть только поэтическая характеристика Анакреона по даннымъ изъ его собственнымъ отъ».

А. Малевичъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

555. МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Судя по стихотворенію «Гробъ Анакреона», Пушкинъ въ 1815 г. читалъ стихи Анакреона, можетъ быть по французскихъ переводахъ, можетъ быть въ русскомъ переводѣ Н. А. Львова. Это мнѣніе могло навести его на мысль написать анакреонтическое «Завѣщаніе друзьямъ». Съ другой стороны мысль «Завѣщанія» могло подать ему одно стихотвореніе Батюшкова, озаглавленное «Отрывокъ изъ элегій» (1810 г.), гдѣ есть такіе стихи:

О, пока бедѣльна младость
Не умчалась чередой,
Неи изъ чашн полной радости
Не слыная голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихон дышней,
Славь бедность и любовь!
А вода въ снѣгъ протопней,
Мы ушедшимъ смерти зовѣ,
То, какъ дола винограда
Обшиаюць тонкинъ вѣвъ,
Такъ меня, мой образъ,
Обшии въ послѣдній разъ!

И тогда тропонъ бедноты
Доду въ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, бо въ любви предвостонъ,
Ностель нѣтъ по цѣвкамъ
Въ толь дивнѣнъ, и т. д.

Пушкинъ пытался выдержать во всемъ стихотвореніи характеръ личности, по

это ему удалось гораздо менѣе, чѣмъ въ «Ищійи», уже по одному тому, что Римъ былъ ему все же болѣе знакомъ, чѣмъ Эллада. Въ стихотвореніи есть вещи, которыя «сруть» другу слишкомъ уже противорѣчивы», какъ выразился поддѣе самъ Пушкинъ въ одномъ посланіи Батюшкова: рядомъ съ именами греческихъ боговъ, съ Летою, Ахерономъ, Геликономъ, упоминается Пудинъ, рядомъ съ пирами, фіалами, мртвнымъ вѣнцомъ—славянская цѣвица, пѣвнстая кружка, билеты и т. д. Въ первоначальной редакціи стихотворенія Пушкинъ хотѣлъ дать объясненіе, почему «шведъ рѣшился умереть», и во вступительныхъ стихахъ характеризовалъ его «угрюмый рокъ» (см. критическія примѣчанія въ концѣ тома), но потомъ вычеркнулъ это начало, чтобы не нарушать диссонансомъ веселого, анакреонтическаго настроенія всей пѣсни.

«Вода забвѣнья» (ст. 3)—Лета. «Узорная бѣлая цѣпела» (ст. 12)—скатерть. «Сынъ Семелей» (ст. 18)—Вакуъ, Семелей—«спесивая», потому что потребовала отъ Зевса, чтобы онъ явился ей во всемъ своемъ величіи. Шведъ, «воспѣвнвій Ваку и Темуру» (ст. 53—4)—Дельвинъ, у котораго есть посланіе «Къ Темуру» (1815 г.) и рядъ стихотвореній, славящихъ вино. «Послѣдній вздохъ, о другн, ей» (ст. 70) — не первый ли намекъ на любовь къ К. П. Бакушиной?

Валерій Брюсовъ.

О текстѣ пѣсни и др. подробностяхъ см. въ концѣ тома.

55. ПОГРѢБЪ.

Неизвѣстная въ автографѣ, эта пѣсня дошла до насъ въ духу коньякъ, одна изъ которыхъ находится въ известномъ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», другая въ тетради «московскаго публичнаго музея» № 2395, д. 715. Текстъ обнхъ коній и печатный одинъ и тотъ-же. Впервые «Погрѣбъ» напечатанъ въ посмертномъ изданіи произведеній Пушкина (т. IX, стр. 289).

Отнесенная Н. А. Ефремовымъ, безъ объясненій причинъ, къ 1815 году (изданіе 1880 г., т. I, стр. 88—89), эта пѣсня можетъ быть оставлена ноть приведенной датой изъ-за ея близости съ такими произведеніями 1815 г., какъ «Къ Галлицу», «Къ Пушкину», «Вода и вино», «Воспоминаніе», «Мое завѣщаніе», въ ко-

И вотъ ужъ полночь слышу сладкой,
 Съ крыльца предестная сонна
 Чуть чуть дыша идетъ украдкой
 И два друга обвила.
 Помчалась кони вдали пустилась,
 Но вѣтру гривы развистались,
 Песуется въ сибирской глубинѣ
 Прижалась робко ты ко мнѣ,—
 Чуть чуть дыша: мы обомлѣли...
 Въ восторгахъ чувства обмѣли!
 Но что! мечташь отлетѣть!
 Увы! я щастливъ быть во сибѣ...

Въ отрадной музѣ тиши
 Простыми звуками свирли,
 Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
 Мечту, младыхъ пѣвцовъ утѣлъ.
 Нитомецъ музъ и вдохновеня
 Стремись фантази воспѣть
 Находить въ сердце наслажденья
 И на пути тропицъ бѣдъ.—
 Минуты щастья золотыя
 Пускай мнѣ Клоо не советъ.
 Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
 Судьбы всемошнѣе поэтъ.

Копиовка Эдана (18 в.)

горьхъ Пушкинъ усердно прославлялъ «шпильку кружку и кубокъ пушиевой».

Вильский включаетъ «Потребъ» въ число тѣхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, которая напомнили ему «предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову аному русской литературы или, по крайней мѣрѣ, ту школу поэзии русской, которая не перенявала на себѣ влияния этихъ двухъ поэтовъ». Можно прибавить, что по языку, по живости настроенія «Потребъ» долженъ быть причисленъ къ лучшимъ произведеніямъ этой школы, несмотря на то, что было, несомненно, создано головными воображеніемъ, а не дѣйствительнымъ увлеченіемъ. О такихъ своихъ стихахъ какъ «Потребъ» Пушкинъ очень скоро сталъ вспоминать съ насмѣлкой надъ самимъ собою и уже въ 1816 г. рассказывать («А. А. Шишкову»), какъ

Съ небрежанъ дѣловито напизывалъ куплеты,

Прушково себя певшию веселить;

Утоишь Бахуса, я третій межъ друзьями,

Бывало пѣлъ vino воинами стихами.

Н. Лернеръ.

57. ВОСПОМИНАНИЕ.

Неизвестное въ автографѣ «Воспоминаніе» сохранилось въ трехъ старухъ копіяхъ. Она находится въ сборникѣ «Духъ лицейскій» (Трубадуровъ), другая — въ принадлежавшей К. И. Грогу тетради Ф. Ф. Матюшкина см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 242, третья — въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2395 (д. 694). Текстъ всѣхъ копій и печатный (первые шестъ повисла въ посмертномъ изданіи д. IX, стр. 299—300) одинаковъ. Хронологія шесты установлена В. П. Гаскельми. «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 361.

По разсказу П. П. Пущина, лицейскаго товарища Пушкина, «Воспоминаніе» было выдано «исторіей готель-моделя» (А. П. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 57—60) относившейся къ 1814 г. Шлость лицейская, по словамъ Пущина, пришла въ слѣдъ начавшагося серьезнаго характера, такъ что Пушкину было очень невпомять въ институтѣ.

Мы — рассказывать Пущинъ, — г. е. я. Маджовскій и Пушкинъ, давали поминать готель-модель. Я погладъ бутылку рома; бобыли анди, пачедали сахару, и началась работа у канцелягата самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе

участники въ этой шпункѣ, но они остались да кулсаемъ по дѣду, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Тарновъ, въ которомъ чередуру подѣствовали ромъ, былъ причиною, по которому дежурный гувьернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное одиовленіе, шумливостъ, бѣготню; сказалъ инспектору: тотъ поелъ узина иеотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что-то взвинченое. Тутъ же началось споры, ридаски. Мы трое выдѣли въ обѣдливѣ, что это — наше дѣло, и что мы одинъ виноваты.

«Неправдливый тогда должностъ директора профессоръ Гауеншальтъ пошелъ министру. Графъ Радумовскій прѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и съдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этими не кончилось, — дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее: 1) дѣл не быть стоять на подѣлахъ по время утренней и вечерней молитвы; 2) събѣстивъ насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по повелѣнію, и 3) занести фамили наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ черную книгу, которая должна была имѣть вліаніе при выискуѣ.

«Первый пунктъ приговора былъ выношенъ буквально. Второй смѣчался по усмотрѣнію начальства; насъ, по петенію въ некоторомъ времени, постепенно поднимали опять вверхъ. При этомъ Пушкинъ сказалъ: «Блаженъ мужъ, вѣсе сидитъ въ камѣ ближе». На этомъ конѣфъ раздалось кушанье дежурнымъ гувьернеромъ. Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякаго послѣдствія. Когда, при разсужденіяхъ конференціи о выискуѣ, представляена была директору Энгельгарсту черная книга, гдѣ мы трое только и были занесены, онъ ужаснулся и сталъ показывать своимъ содѣлчанъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя наглостъ, да которую тогда же было выискано, могла бы еще имѣть вліаніе и на всю будущіость молодыхъ людей постѣ выискуѣ. Въ тотчасъ согласившея съ его мнѣніемъ, и дѣло было стало въ архивъ».

По случаю готель-модель Пушкинъ, въ подражаніе стихамъ П. П. Дмитриева :

Мы нецанно огъ печали.

Ила, я да Кунидонъ.

По бокаду осушани

И пропали мудростъ вонь, и пр.
дежурномъ сказали:

Мы нецанно огъ печали.

Пущинъ, Пушкинъ, и баронъ.

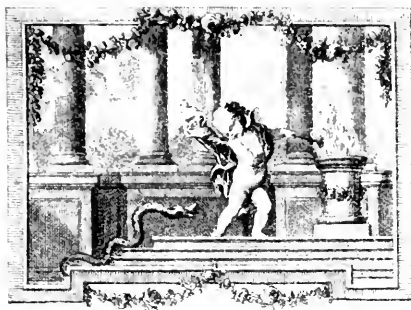
По бокаду осушани

И Оому пропали вонь .

Остальные строфы не помню, потому слишкомъ сорокъ дѣтъ. Она была шетка, который кушидъ намъ ромъ. Мы какъ-какъ возмизражали его да поперо мѣста. Претодается, что иебно постѣ Маджовскій, по его фамилии не влоаешь въ стихъ. Баронъ — дѣя рюма, означающъ Дельвина, были и каррикатуры, на которыхъ изъ-подъ стола выдѣлывали фигура тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

Вообще это пустое событіе, котормъ, раздумется, иебля похвастатъ напизало много

Г. Ошова эти стихи принадлежатъ Д. П. Демидову.

59. С Л Е З А.

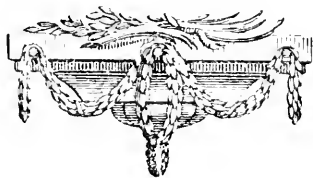
Вчера за чашей пуншевою
 Съ Гусаромъ я сѣдѣла,
 И молча, съ мрачною душою,
 На дальнѣй путь гдѣдѣла.

«Скажи, что смотришь на торогу?
 Гусарь мой вопрошаетъ:
 Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей не провождать?»

Къ груди поникнула головою,
 Я скоро прошептала:
 Гусарь! ужь иль съ со мною!...
 Вздохнуть—и замолчала.

Слеза повисла на рѣсницѣ
 И капнула въ бокалы,
 «Дитя, ты плачешь о дѣвцѣ;
 Стыжись!» Оны закричали.

«Оставь, Гусарь, ахъ! сердцу больно—
 Ты, знаешь, истеревать.
 Ума! одной слезы довольно,
 Чтобъ отравить бокалы!»

шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порицаніемъ, еслибы Гауеншильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ довести министру:

Заведенное о проступкѣ трюхъ лицейство въ дѣлѣ» напечатъ въ архивѣ лицей и переименовать профессоръ П. А. Шляпкинъ въ «Къ биографіи А. С. Пушкина», Сиб., 1899 г., стр. 23—24. «Изъ нецѣланныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Сиб., 1903 г., стр. 335—336). Изъ «дѣла» видно, что написали друзья 5 сентября 1814 г.; 22 сентября министръ народного просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, которому доносъ объ этомъ инспекторъ лицей, предписалъ лицейской конференціи завести особую книгу и вписать въ нее имена провинившихся, «съ означеніемъ ихъ вины», — «чтобы важныя проступки не оставались безъ примѣрнаго наказанія»; при этомъ министръ приказалъ объявить виновнымъ, что духъ «дурное поведение» провинившихся имъ при выпускѣ, 5 октября конференціи лицей потребовала отъ «паздрителя по учебной и нравственной части», т. е. инспектора С. С. Фролова, «подробнаго изъясненія вины» Малюмова, Пушнина и Пушкина, 10 октября Фроловъ доносъ, въ чемъ состояла ихъ вина, сообщивъ, что они уже наказаны имъ, и повѣляла немного обращать малую роль «рѣзкостью и дѣтскимъ любопытствомъ». Штрафная книга не дошла до насъ.

Вѣдмскій отзывъ «Воспоминанія» къ числу писемъ, «означенныхъ сильными вліяніемъ Батюшкова», сказавшимся «не только въ фактурѣ стиха, но и въ складѣ выраженія», В. П. Гавескій «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 361, отметилъ даже виднѣшее сходство «Воспоминанія» съ стихотвореніемъ Батюшкова «Ложный страхъ», начинающимся такъ:

Поминивши, мой трудъ безвѣданъ,
Какъ съ дѣтскими гникомъ,
Мракомъ немъ окруженъ,
Иль тебѣ прорася въ томъ...

Показательно по духу и кое-гдѣ по формѣ, ижея Пушкина обращается на себя вниманіе со стороны языка, который далеко не такъ гладокъ и чистъ, какъ по мнению друзей прошедшей лицейскаго періода. «Заклики», о, сколь прекрасно токи выные мелодіи! — такое же, какъ последнее, архангельское выраженіе совершенно не въ пушкинскомъ духу, но объясняется пу-

шкинскимъ тономъ. О. Е. Коршъ въ своей статьѣ о поддѣльномъ окончаніи «Русалки» («Изв. отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ» 1898 г., т. III, стр. 698, указываетъ галлицизмъ: «Изъ Бияли чать похмелья», въ смыслѣ «выданаго» (=trahissient) и (стр. 646) нецѣлность структуры перваго стиха, гдѣ, благодаря ударенію на третьемъ слогѣ, особенно отличаетъ приставка «ли», на которую логическое удареніе вовсе не должно падать.

Н. Лернеръ.

58. ПОСЛАНИЕ КЪ ЮДИНУ.

Павель Михайловичъ Юдинъ — лицейскій товарищъ Пушкина, впоследствии служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ (ум. 1852 г.). Судя по первымъ стихамъ, посланіе Пушкина вызвано самимъ Юдинымъ, спрашивавшимъ у Пушкина, что помѣненъ онъ дѣлать въ жизни, по окончаніи Лицея. Пушкинъ отвѣчиваетъ, что ему, «невольнику мечты», трудно пересказать все, о чемъ онъ грезитъ, но все же рисуетъ дваря картинъ: военной, полевой жизни и жизни русскаго помѣщика въ деревнѣ. Мечты о военной карьерѣ увидѣли Пушкина долго, еще первое «Посланіе къ Галлицу» и «Посланіе В. А. Пушкину» и онъ разстался съ ними лишь черезъ самый выходъ изъ Лицея. А любви къ тихой деревенской жизни не могли забыть въ немъ даже годы заточенія въ Михайловскомъ; въ одномъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній замѣчаютъ онъ «любѣвь — въ обителѣ мирную трудовъ и чистыхъ дѣвъ». О своемъ вѣстномъ призваніи поэта Пушкинъ въ посланіи не упоминаетъ, но это объясняется характеромъ П. М. Юдина, чуждаго литературныхъ интересовъ. Пушкинъ въ стихотворныхъ посланіяхъ, какъ и въ письмахъ, всегда приоткрывается къ кругозору того лица, къ которому обращается. «Посланіе къ Юдину» среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина отличается трезвымъ реализмомъ, меньшей долей давленнаго, надуманнаго, условнаго. Правда, въ посланіи еще есть смѣшеніе современности съ античностью: въ сѣту русскаго помѣщика еще даритъ Флора и Помона, дусары при громѣ пушекъ еще молятъ о спасеніи отеческихъ дѣръ и побѣдъ ширюкъ, дивятся дѣрами, — но эти мелочи дилетантства правдивымъ описаніемъ истинности, Селе, Захарова,

АМУРЫ, ПЛЯШУЩИЕ ВОКРУГЪ СТАТУИ КУПИДОНА.

Они изъ наиболее характерныя для живописной манеры Альфи Каринья. (Дрезденская галлерея)

60. КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Или Харить и влюбленна,
Въ порывъ пламенной души,
Небрежной кистью наслаженна
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной,
Насажда милая черта,
Улыбку радости небесной
И вѣра самой красоты.

Вкругъ тонкаго Гебенъ стана
Венерить поешь повяжи:
Сокрытой прелестью Альбана
Мою Царицу окружи:

Прозрачны волны покрывала
Вакинъ на трепетную грудь,
Чтобъ и ночь нимъ она дышала,
Хотѣла тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой
Пъ томъ, котораго пишу,
Рукой любовника щастливой
Виду я имя пошину.

о которомъ упоминается въ стихотвореніи, не вымышлено. Это — ильице подъ Москвою (по Можайской дорогѣ), гдѣ Пушкинъ, въ годъ своего дѣтства, съ 1806 по 1811, проводилъ дѣтніе мѣсяцы у своей бабушки. (См. выше стр. 30—31). Если зимой, въ домѣ отца, въ обществѣ думскихъ писателей того времени, Пушкинъ съ раниху дѣтъ сталъ увлекаться литературой, то дѣтвомъ, въ деревнѣ бабушки, онъ уже ребенкомъ ожилъ съ русской природой, съ русской народной жизнью. Въ Лицей Пушкинъ поступилъ, какъ это видно изъ его стихотвореній, съ большимъ запасомъ знаний по литературѣ. «Послание къ Юшну» показываетъ, что въ дѣтвѣ его были не меншіи запасы живыхъ впечатлѣній, воспринятыхъ въ русской деревнѣ. Но въшности стихотвореніе напоминаетъ посланіе Батюшкова «Мои печали» и отвѣтное посланіе Жуковского.

Визанда (ст. 91) Пушкинъ, плохо знавъ французскій языкъ, могъ читать по французскимъ переводамъ, которыхъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка появилось довольно много. Замѣтимъ, однако, что въ одной лицейской рукописи Пушкина 1817 года Рум. Муз. № 2364, листъ 42 написано рукой Пушкина: «O Zauberei der ersten Liebe!... Wieland».

В. Брюсовъ.

Въ связи съ «Посланиемъ къ Юшну», Майковъ сдѣлалъ странную попытку ввести въ біографію Пушкина новое лицо, тогда никому неизвѣстное:

Сказавши, что еще не знаетъ истинной любви и только мечталъ о ней, авторъ «Послания къ Юшну» все же сохраняетъ живое чувство любви-счастливости среди дѣтскихъ мечтаній вспоминаеть поутру своимъ дѣтскимъ ширь, но имени ея не рѣшается говорить, какъ своей рукописи и дѣлается его тема дѣтскими. Комментарій къ Пушкину не сводитъ такую сдержанность, и въ немъ позволено было высказать, по крайней мѣрѣ, тогдашн о лицѣ, которое можно разумѣть поэтъ тема дѣтскими «Послани»: по всему впрямую, это — Марія Дмитриевна Мертваго, которая въ 1810—1812 годахъ жила со своимъ родственникомъ въ селѣ Демьяновѣ подѣ Кашинѣ; ее отецъ отпѣлъ и въ высшихъ аристократическихъ дѣлѣхъ Александровскаго времени, и дѣтскими своимъ безкорыстиемъ, быть женою на Карларѣ Марковѣ Подгорномъ, а съ многолетней мечтой Подгорныхъ Пушкина соединилъ въ короткихъ епископскихъ Демьяново приходилъ на пути изъ Москва въ Петербургъ и, какъ разказываетъ С. В. Мертваго въ своемъ Длинномъ писаніе Русская Армия, М., 1807, ст. 312, въ это его замкомъ, стѣна по этой горѣ, заблужденіе въ это имѣние; отецъ можетъ быть, что тамъ познакомиться и Пушкинъ, когда, въ походѣ года 1811 года, былъ Василии Яковлевъ поэтъ его въ Петербургъ

для помѣщенія въ лицей; правда, молодое Мертваго едва жилось тогда пять дѣтъ, но въ и Пушкину было всего двѣнадцать; эта дѣтская встрѣча и могла послужить поводомъ къ мечтаніямъ, которыми юный авторъ «Послания къ Юшну» заключаетъ свое произведеніе. Въ лицейскомъ періодѣ жизни и творчества Пушкина можно отмѣтить рядъ проявленій его стѣны почти что дѣтскихъ, которая только его фантазія старалась обечь въ форму мистическ и поступковъ взрослого человѣка.

Конечно, никому не возбраняется высказать, по крайней мѣрѣ, догадку, но надо для этого имѣть хоть какое-нибудь основаніе. А Майковъ и намѣка на такое основаніе не представляетъ. И совершенно непонятно, почему его вниманіе остановилось на шестидѣтилетн Мертваго, которую Пушкинъ видѣлъ во время какой-то остановки по пути въ Петербургъ. Ибо въ родѣ обоснованій, хотя дѣтъ же шестидѣтилетн основательно опровергаемаго, подсказываетъ Майкову П. А. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему изданію (Сиб. 1905, т. VIII, стр. 34).

П. А. Майковъ подаетъ, что въ стихотвореніи дѣтвомъ Пушкинъ вспоминаеть «поутру возраста дѣтскаго, поутру красныхъ дѣтскихъ дѣтъ» Марію Дмитриевну Мертваго, которая жила съ родственникомъ въ 1810—1812 годахъ въ с. Демьяновѣ, подѣ Кашинѣ. Но это не по содѣйствию, а — красные дѣтские годы — только бы ограничить только отпѣмъ 1810-мъ, когда «поутру возраста дѣтскаго» было только 3 дѣтъ. Если бы это была Мертваго, Пушкинъ не поставилъ бы для рима слово, которое надо читать *дѣтскаго*, для рима же съ *дѣтскаго* не ставъ бы перечислять фамилію въ Мертваго. Ему рима не надо было искать, сами приходилъ.

Эти соображенія подучаютъ подтвержденіе въ біографіи первоисточника для «Послания къ Юшну» — рукописи Румянцев. Муз. № 2364, согласно которой въ нашемъ изданіи римующій съ ... стѣну напечатанъ такъ:

Поутру возраста *дѣтскаго*.

Такъ, тогда относительно Мертваго сказать сама собой и при добромъ желаніи можно начать разсказы среди диаконскихъ Пушкина какой-нибудь дѣвочки съ фамиліей *Благина, Петрова, Солововой, Дурново* и т. д.

Но если «Послание къ Юшну» не даетъ оснований для такого указанія определеннаго лица, то возможно, однако, что оно устанавливаетъ какой-то неизвѣстный намъ романтически дѣтский видъ исторіи дѣтства Пушкина. Все посланіе носить на себѣ яркія слѣды автобіографическ и, и дѣтъ осно-

Книжная рамка 18 века.

*Картунг-виньетка, разработана Ranson'омъ, грав. Berthault,
 Русская литопись. Роза: эмальювана.*

ванія именно въ эпизодъ съ «второю» возраста златою» усматривать простое литературное выражение. Но, конечно, при той самой Wahrheit und Dichtung, которую представляет собою лицейское творчество Пушкина, вполне возможно и то, что психическая память изъ семейныхъ преданий предметъ ранней страсти Пушкина какъ разъ всецѣло относится къ области Dichtung.

О текстѣ посланія см. въ концѣ тома.

С. Венгеровъ.

59. С. Д. Е. З. А.

Плещинскій въ письмѣ къ Гусеву (1816 г.) называлъ «Слезу» и «Усы» гусарскими стихотвореніями Пушкина; вѣроятно, подъ такими названіемъ они слыли среди его товарищей по лицее. Образцами «Слезъ» служили современные романы для публ. среди нихъ особенно романъ Батюшкова «Гусаръ на саблю опирается» и пьеса Денца Давыдова, распространившаяся въ рукописи. Сохранилось извѣстіе, будто Пушкинъ на вопросъ, какъ удалось ему сохранить самостоятельность въ творчествѣ даже на школьной скамьѣ, отвѣтилъ: «Я этихъ обязанъ Денцу Давыдову: онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ». Неизвѣстно, насколько точно перевелъ въ разказѣ слова Пушкина, но безспорно, что онъ въ лицей живо интересовался Д. Давыдовымъ, о которомъ упоминается въ своихъ лицейскихъ запискахъ и котораго называетъ въ «Посланіи къ В. А. Пушкину»

(1817 г.) «храбрцомъ Денсомъ». Любопытно, что другое «гусарское» стихотвореніе Пушкина «Усы» впервые было напечатано (безъ вѣдома автора въ 1831 г.) за подписью Д. Давыдовъ. Въ лицейскихъ стихахъ Пушкинъ часто возвращается къ мѣлч. о военной службѣ («Посланіе къ Юдину», первое «Посланіе къ Галичу», «Посланіе къ В. А. Пушкину»). М. А. Корфъ, товарищъ Пушкина по лицее, разсказываетъ, что лицеисты съ свободное время ходили и въ кондитерскую и по гусарамъ, безъ всякаго спроса, даже безъ вѣдома приставниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь». Другой лицеистъ, С. Комовскій, въ своей запискѣ подтверждаетъ этотъ разказъ. «Видъ лицея онъ Пушкинъ знакомъ былъ съ некоторыми отчаянными гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ (Кавригъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.). Вибѣтъ съ ними, тайкомъ отъ своего начальства, онъ любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ». В. Гасвскій полагаетъ, что гусаръ въ стихотвореніи «Слеза»—лицо не вымышленное, а тотъ А. П. Зубовъ, въ альбомѣ котораго Пушкинъ, при выѣздѣ изъ лицея, написалъ стихи и которому онъ повѣрялъ свои сердечныя тайны. Надо полагать, что не вымышлено и чувство, выраженное въ стихотвореніи: это одно изъ первыхъ отраженій въ поэзии Пушкина его увлеченія Е. П. Бакувиной, которое вызвало рядъ дѣлій 1816 года. См. статью о ней.

В. Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА.

(Е. П. БАКУВИНА).

«Первую, платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра отного изъ лицейскихъ товарищей его фрейлина Екатерина Павловна Бакувина. Она часто навѣщала брата своего и всегда прѣвѣжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, швыри стѣлъ и озорное обращение произвели всеобщіи восторгъ во всей лицейскои молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ влеченія юноши описал ея предѣсти въ стихотвореніи своемъ къ Живописцу, которое очень удачно положено было на ноты лицейскимъ же го-

варинцемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣло до самаго выхода изъ заведенія».

Такъ разсказываетъ лицеистъ С. Д. Комовскій. П. П. Пущинъ, тоже упоминавъ въ своихъ «Запискахъ о дружескихъ свиданіяхъ съ Пушкинымъ» стихи къ Живописцу, объясняетъ: «Пушкинъ просилъ живописца написать портретъ Е. П. Бакувиной, сестры нашего товарища. Эти стихи—выраженіе не отного только его страстнаго тогда сердца!»

Вотъ все, что сообщаютъ намъ о первой любви Пушкина тѣ, кому довелось

быть ее свидетелями, так складать очевидцами. Гораздо больше узнаем мы от самого Пушкина, углубившись в дневник его лицейского дневника, несколько стихотворений 1815 г. и ряд стихотворений 1816 г., рассказывающих нам всю историю его любви к Бакушиной, позволяющих проследить весь постепенный рост его чувства, все перипетии его первого романа. Эта югуриция последовательность думает «всю» других вышних признаков определяет хронологию стихов Пушкина того времени.

Запись в дневник относится, по видимому, к ноябрю 1815 г. Мы читаем на этом месте:

Итак, я щастливъ былъ: такъ я наслажда-
лся.

Отрапо твое, восторгомъ ушавалъ...

И тѣ веселья быстрыя днѣ!

Промчалась летомъ сповѣшавъ.

Увидя предѣсть наслажденья.

И снова вкругъ меня урюмомъ скуки тѣи!

Я щастливъ былъ!.. Итъ, я вчера не былъ щастливъ: по утру мучился ожиданьемъ съ неопытнымъ волнениемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣть на сибирскую дорогу—ей не видно было! Наконецъ, я потерялъ надежду: вдругъ неожиданно встрѣчаюсь съ нею на лестницѣ, сладкая минута!..

Онь итъ любовь, но былъ печаленъ гласъ:

Увы, онь зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало милой Бакушиной. Но я не видѣлъ ее 18 часовъ—ахъ! Какое положение, какал мука! Но я былъ щастливъ пять минутъ».

Къ тому же времени, а, можетъ быть, и несколько больше раньше, надо отнести стихи «Къ Живописцу» и «Слеза». Въ двухъ этихъ стихотвореніяхъ чувствуется еще самое зарожженіе любви. Влюбленный поэтъ еще не тайт своего чувства, ищетъ среди друзей наперсниковъ, чтобы доверить имъ свою тайну; она еще не стала для него за-

вѣтной святаяиной. Это начальная фаза влюбленности, какъ бы «внетеніе» въ первый романъ, пережитый Пушкинымъ.

Первую главу этого романа образуютъ первая заглавія 1816 г.: «Навѣзники», «Послание къ князю Горчакову», «Окно», «Наслажденіе», «Счастливы, кто въ страсти самъ себѣ...», «Любовь одна веселье жизни хладной». Все это признанія любви дагаемой и безнадежной. Влюбленный юноша говоритъ уже не объ «отной сладкѣ», которой довольно, чтобы отравить бокалы, но о погибелн всей своей жизни и ея думныхъ надеждахъ. Въ эписическомъ отрывкѣ «Навѣзники», радуясь, конечно, самому себя подъ «своиственнѣмъ поэтомъ», Пушкинъ говоритъ о преимуществѣ «желаннаго» конца, о томъ, что она, та, кого онъ любитъ, даже не вздохнетъ объ его смерти. Въ «Послании къ кн. Горчакову» онъ жадуется, что зналъ любви, но не зналъ надежды, что ему суждено «на жизненномъ шире» явиться, какъ угрожаемому гостю, одинокомъ, на часъ. Въ элегіи «Счастливы, кто въ страсти...»— что въ «хладной» жизни онъ итъ наслажденій, что самой «дѣтлѣ» его жизни сохветъ отъ постоянныхъ мукъ. Въ стансахъ «Окно»— что его утѣль «дышать ушавишемъ», что мѣръ для него опустѣть. Въ стихотвореніи «Наслажденіе»— что отъ самого рожденія до дѣтъ отрочества онъ не знаетъ счастья и т. д. и т. д.

Но самое безнадежное изъ этихъ стихотвореній—элегія «Любовь одна веселье жизни хладной». Назвавъ своимъ утѣломъ— бродить одинокомъ, мрачнымъ и унылымъ, въ вечерній часъ, надъ сѣдямъ озеромъ т. е. по берегамъ Царскосельскихъ прудовъ, Пушкинъ твердитъ о своей тоскѣ, следяхъ и стенаніяхъ. Въ «Послании къ кн. Горчакову» ему еще видѣлось утѣшеніе въ несчастьи любви: «Мой скромный даръ и счастье друзей: но теперь онъ готовъ отказаться отъ самого священнаго для себя, отъ своего дара, готовъ «навсегда» оставить «пустынному зефиру» свою «покинутую лиру». Такой приступъ отчаянья вызванъ, кажется, чувствомъ ревности, если судить по стихамъ:

Искака она прославится другимъ;

Оньи любовь,—онъ любить и любимъ.

Слова Пушкина, приведенная выше, объясняютъ это восклицаніе. Самъ Пушкинъ въ «Лицейской годовщинѣ» 1825 г., говоря о двухъ своихъ друзьяхъ,—П. П. Пушкинѣ и А. Д. Паличевскомъ,—вспоминаетъ, какъ

они «первой всё трое полюбили» по другому варианту: «одну всё трое полюбили». Пушкин не писал стихов и ревнивое воспоминание Пушкина было обращено, по видимому, к Паличевскому. Пушкину казалось, что ему предпочли другого, и, в порыв юношеской ревности, он горько представлял этому другому «прославить» ту, кого они оба любили.

Упоминание о «светлом озере» указывает, что дельта была написана уже весной. Это 1816 г. Е. Бакунина с матерью провела в Царском Селе, и Пушкин мог чаще встречаться с нею. Началась вторая глава его романа и новый цикл его стихотворений: «Надпись к беседке», «Мнецк», «Къ письму», «Пивецк», «Къ Морфею», «Пробуждение», «Къ ней», «Осеннее утро», «Разлука».

Этот цикл открывается «Надписью к беседке». Надо думать, что Е. Бакунина не осталась безразличной на уважанья юного поэта, в котором уже тогда некоторые признавали гения. Она не ответила юности с той пламенностью, какой она, может быть, ждала отъ нея, но не отказала ему в нескольких тайных встречах, в нескольких свиданиях в тени Царко-сельских садов. Может быть, во время одного из весенних лицейских балов Бакунина и Пушкин нашли время выйти вместе в сад и провести несколько минут впокое в беседке. Как прежде юный поэт говорил в преувеличенных выражениях о своих страданиях, так теперь он не находил слов, чтобы перелить свое счастье:

Дельцею счастливи быть и радъ
Въ восторгъ пламенномъ полагъ.
И время самъ да насъ
Остановлю на минуту!

Врожденно, о той же самой встрече рассказывает стихотворение «Мнецк», где поэт вспоминает, как душно было

Словъ темныхъ весь пронизано
И бѣдно, бѣдно старало
Красу побоявши мостъ.

В четверостишии «Къ письму» сохранился для нас следъ другого лица из этого романа: воспоминание о каком-то даписеце, подуманном Пушкинным отъ Бакунина. Всё доказывает, что в эти первые любви для меня, незначительные факты принимали значение важных событий.

В стихотворении «Мнецк», в частности,

путой поддире строфъ, Пушкинъ противоплагать свою новую, чистую любовь—чувственному влечению:

Что вы, восторгъ сладострастья,
Прельщенья предместо отрати
Прямой любви, прямого счастья!

Нездя сомневаться, что встречи Пушкина и Бакуниной были, действительно, свиданиями чистыми, мужскими всякой чувственности. Нездя сомневаться и въ искренности приведенных стиховъ. Но надо предположить, что они были написаны в минутном порыве, потому что в самой любви Пушкина къ Бакуниной сладострастный отблескъ все же былъ. Ранний поклонник Париз, автор анакреонтических стихотворений 1815 г., поддире создававшийся въ «бездельномъ бѣшенствѣ» своихъ желаний,—не могъ до конца превратиться въ мечтательного романтика. Въ самыхъ безраздельныхъ элегияхъ Пушкинъ все же мечтаетъ объ «отрадѣ тайныхъ наслаждений», о томъ, чтобы въ часъ, когда луна покроется темнотою, ему «открылось окно», или о томъ, чтобы туманный дымъ души велъ его къ «полночи сладострастной», или о томъ, наконецъ, чтобы

въ радости пѣмой, въ блаженствѣ упоеня
Твои шепотъ сладостивы и томныя стонъ
Звучать,
И тихо въ сиреню тѣбъ для пѣни пробужденя

Былъ миломъ слышать.

Характерны въ этомъ отношении и два стихотворения, посвященные ему — «Къ Морфею» и «Пробуждение», особенно второе. Въ нихъ юноша, не имѣя возможности встречаться съ милой, мечтаетъ о томъ, чтобы быть съ ней хотя бы въ сновидѣнияхъ. Первоначальная редакція «Пробужденія» показываетъ, что поэтъ имѣлъ въ виду именно страстную сновидѣния:

И по утру,
Въ ночь утомленныи,
Пускаю умру
На пробужденныи.

Поддире въ 1829 г., рассказывая о своей юношеской любви, Пушкинъ вспоминалъ и то, какъ онъ томился обманомъ пылкихъ словъ:

Осенью 1816 г. Бакунина переехала изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Прощанье посвящено два стихотворения: «Осеннее утро» и «Разлука». Нѣтъ ни въ

узнаем о новой встрече Пушкина с Бакуниной, написав, в день ее отъезда, «Осеннее утро» написано на следующее утро, как влюбленный поэт, «третней», «въ следухъ», «прикоснуся въ послѣдній разъ устами» къ рукѣ своей возлюбленной. Стихотворение, хотя и грустное, полно еще воспоминаниями свиданія и надеждой на будущее:

... До сластолюбива пѣснѣ

Простился я съ блаженствомъ и съ душою.

Стихи «Разлуки» гораздо безудачнее. Поэтъ вспоминаетъ свои мечты о «сладостной вѣснѣ», о «не вѣчной разлукѣ» и восклицаетъ:

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!

Прошли дни, не принесъ «забвенія флѣтъ», и для поэта вновь настало время тягостныхъ элетій. «Разлукой» заключается вторая глава романа Пушкина: краткая пора чуть мелькнувшей взаимности. Она опять — «одинкой» гоетъ на жизненномъ шурѣ.

Третья глава вел посвящена воспоминаніямъ. Ее образуютъ стихотворенія: «Я видѣлъ смерть... Она безмолвно сѣла...», «Желаніе», «Опять я кашъ, о юные друзья», «Друзьямъ» и «Я думалъ, что любовь погасла навсегда». Въ этихъ стихахъ опять то же отчаяніе, та же безнадежность и тѣ же пресудетченныя восклицанія, какъ въ элетіяхъ начала 1816 г. Въ стихахъ «Я видѣлъ смерть...» Пушкинъ, обращаясь къ послѣднимъ прости къ своей возлюбленной, называетъ ее: «ты, которая была мнѣ въ мѣрѣ богомъ»; онъ снова говоритъ о предвѣстіи смерти, о томъ, что онъ скоро покинетъ мѣръ.

Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любовь пѣдалъ!

Въ томъ же годѣ написано «Желаніе», гдѣ поэтъ восклицаетъ:

О жизни оны, дети, не жаль тебѣ!

Для стихотворенія, посвященнаго друзьямъ, показываютъ, что Пушкинъ, занятый послѣдніе мѣсяцы исключительно личными переживаниями, вновь вернулся въ товарищескій кругъ. Съ этого признанія и начинается элетія «Опять я кашъ, о юные друзья»; но бодрая нѣва обрывается унылымъ аккордомъ: поэтъ отрывается отъ лиры и наполняетъ свои стихи неумѣренными жалобами: «пора веселости ушла навѣкъ», «мнѣ скучней мѣръ», «мнѣ страшней дневной снѣгъ», «я радостъ ненави-

жду» и т. д. Больше стержано другое посланіе Дружбамъ, гдѣ поэтъ, хотя и «сквозъ слезы», но готовъ улыбнуться на безвѣдную радость друзей.

Послѣднее стихотворение этого цикла открывается неожиданнымъ восклицаніемъ: «Я думалъ, что любовь погасла навсегда». Кто можетъ какъ думать, уже не ощущаетъ своей страсти съ прежней остротой. И въ самой элетіи, несмотря на явныя отчаяніе, чувствуется необходимая жажка освободиться отъ любви:

Любовь, отравя нашихъ тѣл,

Была съ тобою обманчивыхъ мечтаний.

Не сохрани души моея,

Очень мучительныхъ желаній!

Летите, призраки! Амуръ, ужь я не твою!

Полемному юноша-поэтъ начинаетъ отзвучать новымъ серичнымъ увлеченіемъ. Появляются его стихи «Къ Наталѣ», «Иль», «Къ молодой дѣвѣ», «Къ Антѣ». Весной 1817 г. Пушкинъ уже мотъ посвятить Е. П. Бакуниной пустой, салонный мадригалъ: «Что можемъ мы скоро стихами молвить ей? Любовь погасла.

Но, конечно, не погасла память о ней. И въ поэзіи Пушкина еще раза два-три выступаетъ образъ Е. П. Бакуниной и мелькаютъ отзвуки первой, юношеской любви.

Въ стихахъ «она 19 октября 1825 г.» въ отброшенной поэзіе строфѣ, Пушкинъ напоминаетъ П. Пущину —

... Какъ Баку приносили

Безмолвую мы жертву въ первый разъ.

Какъ мы впервые всѣ трое подобрали.

Наперенки, товарищи прокалѣ!

Вѣроятно, описывая любовь Ленскаго къ Ольгѣ, Пушкинъ вспоминалъ свою юношескую любовь къ Бакуниной и свои юношескія элетіи, характеризуя стихи Ленскаго:

Какъ онъ писалъ темно и вяло,

Что романтизмомъ мы зовемъ...

Наконецъ, въ наброскахъ IX главы VIII главы «Евгенія Онегина», писаннымъ въ 1829 г., Пушкинъ еще разъ говоритъ о Бакуниной, вспоминая, какъ онъ разсвѣталъ въ глазахъ людей.

Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые

Замѣтилъ я черты живыя

Прекрестной тѣла, и любовь

Младую влѣпила кровь.

И я, тоску безнадёжно,
Томясь обманомъ пылкихъ словъ,
Вздыхъ искалъ ей слёзъ,
Объ ней думывалъ явжю,
Весь день минутокъ встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

Въ этой строфѣ пересказана вся первая любовь Пушкина, съ его безнадёжной томкой, минутными встрѣчками, пылкими слезами и явжюми раздумьями. Въ самую эту минуту стихахъ есть выражений, близко напоминающихъ отбывшая строки изъ лирическихъ элегій Пушкина.

Валерій Брюсовъ.

Не смотря на приложенныя старанія, намъ не удалось собрать точныхъ данныхъ о Бакушинѣ. Судя по указателю къ москов. Пушкинской выставкѣ 1899 г. и «Рус. Родословной книгѣ» кн. Лобанова-Ростовскаго т. II, стр. 114, Бакушина была замужемъ за тверскимъ помещикомъ, капитаномъ Александромъ Александр. Полторацкимъ (р. 1792).

Ред.

61. КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Еще Бѣлинскій, указавъ на эту вещь, какъ на отвлеченную въліяніемъ предшествовавшей Жуковскому и Батюшкѣ литературной эпохи, намекая, что она «написана какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены или Пльширы», Дѣйствительно, есть много общаго между пушкинскими обращеніемъ «Къ Живописцу» и посланіемъ Державина «Къ Анжеликѣ Кауфманъ», которую вѣнскъ Фелицы проситъ написать портретъ его второй жены:

Нашини мою Милену,
Бѣдокурю, лицомъ,
Строину станомъ, возмашену,
Съ горбатымъ несколько челомъ,
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перцу
Ты дала въ туфъ у шей;
Чтобъ, на волю въирая хласто,
Подобила дншъ мена...

Въ знаменитой отъ «Изображеніе Фелицы», тоже начинающейся воззваніемъ къ «Рафаэлю, живописцу славному», поэтъ такимъ же образомъ даетъ художнику свои указания, разъясняясь ему, какую хотѣлъ бы онъ видѣть Фелицу на полотнѣ. П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина т. I, стр. 38, и т. II, стр. 94, сдѣлалъ вещь Пушкина «переводомъ» стихотворенія

Парри «Portrait d'une religieuse». В. П. Гавевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 380, правильно замѣтилъ, что стихотвореніе Парри съ женой Пушкина «мало имѣетъ общаго», а Д. П. Майковъ (2-ое акад. изд. Г. т., прим., отд. 182—184) указалъ на общій источникъ, откуда черпали и Державинъ, и Парри, и Пушкинъ, который, впрочемъ, навѣрно зналъ также оныя на ту же тему Парри и Державина. Это XXVIII пѣсня Анакреона («Къ гетербъ»); котораго нашъ поэтъ читалъ («онъ былъ учителемъ моимъ», сказалъ о немъ Пушкинъ); Пушкинъ, можетъ быть, зналъ ее въ переводахъ Ломоносова и П. Лыова, хотя нельзя категорически утверждать, подобно Майкову, что онъ «безъ сомнѣнія» пользовался переводомъ Лыова. Молодой поэтъ, такъ хорошо знавшій французскую литературу, могъ читать во французскомъ переводѣ Анакреонта, который былъ очень популяренъ во Франціи XVII и XVIII вв.

Подъ «другомъ сердца», воспѣтымъ въ этой пѣснѣ, Пушкинъ, по словамъ Гавевскаго (I, с.), разумѣлъ Е. П. Бакушину (см. выше статью В. Я. Брюсова). П. П. Пушкинъ въ своемъ воспоминаніи о Пушкинѣ (I, П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 62) говоритъ: «эти стихи—выраженіе не одного только его страданнаго сердечка!»... «Странны и томилны по Бакушинѣ еще два лица—самъ Пушкинъ и А. Д. Палличевскій (см. дальше статью о немъ), который обратился къ ней съ посланіемъ «Отъ живописца». Въ пламенномъ диалогѣ Палличевского «живописца» отказывается отъ «напраснаго труда»—изобразить красавицу и смиренно сознается: «видю, мысль одна держаетъ постичь красу твою!»... (Гавевскій, ор. с., стр. 381—382). Судя по тому, что Палличевскій изображаетъ себя живописцемъ, стихи Пушкина, обращена къ нему, и его стихи—отъ живъ Пушкину, Палличевскій, дѣйствительно рисовалъ (см. выше стр. 53, 55; Я. Грога, «Пушкинъ, его лидейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 64). По сообщенію П. В. Анненкова (I, с.) претанію, стихи Пушкина были положены на мѣлку М. А. Яковлевымъ и часто расписались хоромъ въ лицѣ.

Н. Лернеръ.

Съ «Альбаномъ», т. е. Francesco Albani, живописцемъ болонской школы (1578—1660 г.г.) мы еще два раза встрѣчаемся у Пушкина. «Подаетъ мнѣ Альбана кисти

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА БАКУНИНА-ПОЛТОРАЦКАЯ

из 1832 году.

62. П У Ш К И Н Ы.

«Все миновалось!
 Мимо промчалось
 Время любви,
 Страсти мученья!
 Въ мракъ забвенья
 Скрылися вы,
 Такъ, я премъны
 Сладость вкуса:
 Гордой Елены
 Цъни забылъ.
 Сердце, ты въ волѣ!
 Все позабудь:
 Въ повои сей долѣ
 Щастливо будь.
 Только весною
 Зефиръ младою
 Розой пльнешь:
 Въ юности страстной
 Былъ я прекрасной
 Въ сѣтъ увлечень,
 Штъ, я не буду
 Вредь воздыхать,
 Страсть позабуду!
 Полно страдать!
 Скоро печали
 Встрѣчу конецъ:
 Ахъ! для теби ли,
 Юный пвнецъ,
 Прелесть Елены
 Розой цвѣтеть?...
 Пусть весь народъ,
 Ею прельщенный,
 Въ сѣтъ за мечтой
 Мчится тълной:
 Въ мирномъ жилищѣ,
 На пенеллѣ,
 Въ чащѣ простой
 Стану въ смиренъи
 Черпать забвенья,
 И—для друзей
 Рѣзвой рукою
 Двигать струною
 Арфы моеи».

Въ скудной радукѣ
 Такъ я мечталь,
 Въ горести, въ мукъ
 Себя улаждалъ:
 Въ сердцѣ возжженный
 Образъ Елены
 Милль избривъ.
 Прошдой весною
 Юною Хлою
 Вздумаль любить:
 Какъ вѣтерочкь
 Ранней порою
 Гонить листочекъ
 Съ рѣзвой волной,
 Такъ непрестанно
 Непостоянной
 Страстью играль,
 Лилу, Темиру,
 Всѣхъ обожаль,
 Сердце и лиру
 Всѣмъ посвящаль.—
 Что же?—напрасно
 Съ трудн прекрасной
 Шаль я срываль,
 Тщетны измъны!
 Образъ Елены
 Въ сердцѣ вылазь!
 Ахъ! возвратися,
 Радость очей,
 Хладна, тронися
 Грустью моею —
 Тщетно взываль,
 Вѣдный пвнецъ!
 Штъ! не встрѣчалъ
 Мукамъ конецъ...
 Такъ! до могилы
 Грустень, унылай,
 Крива щий!
 Всѣмъ забытый,
 Терномъ увитъ
 Цъни влачи...

1. 17—14.

и въяснѣ», восклицаетъ онъ въ стихотвореніи «Сонъ», 1816 г. Въ пятой главѣ «Евгенія Онегина» строфа XL поэтъ говоритъ:

Въ началѣ моего романа
Смотрите первую тетрадь.
Хотѣлось въ рядъ мнѣ Альбани
Баль петербургскій описать.

Судя по этимъ выраженіямъ, Пушкинъ знаетъ Альбани только по послышкѣ и врядъ ли видѣлъ хоть одну его картину. Въ оставленномъ этимъ второстепеннымъ живописцемъ наставіи намъ не удалось найти ничего, что оправдало бы характеристику «Евгенія Онегина». Трудно также объяснить, въ чемъ, собственно, поэтъ видѣлъ его «предѣсть», «кисти и въяснѣ» и что разумѣлъ подъ его «родомъ», т. е. стилемъ. Альбани писалъ граціозно, но манерно, на мнѳологическіе сюжеты, и ничего по содержанию или по духу подобаго пушкинскому описанію петербургскаго бала у него нельзя встрѣтить. Женскія портреты у Альбани совсѣмъ нѣтъ, а въ изображеніи обнаженнаго женскаго тела Альбани тоже не было, особенно сильно. Лучше всего ему удавались головки ангеловъ и амуровъ, и дѣтъ, двѣствительно, онъ славится «предѣстью» своей слащавой манеры. Видимо, Пушкинъ подпадалъ его именемъ просто считая его значительнымъ живописцемъ и вовсе его не зная, и говорилъ о немъ паугать. Впрочемъ, на юнаго Пушкина произвѣла впечатлѣніе какая-нибудь видѣнная имъ, въ послѣднихъ лѣтъ, въ кои-ли, или въ грамворѣ, картина Альбани, и это ороческое впечатлѣніе, по странной прихоти случая, такъ сильно вѣдло въ его думу, что имя Альбани навсегда стало для него нарицательнымъ именемъ талантливаго живописца. Чтобы вѣдчательно понять о своихъ ствахъ художественной работы Альбани, мы въ текстѣ взяли видѣнную группу амуровъ изъ Дрезденской галлерей, а особымъ приложеніемъ Калатозу съ амуромъ изъ той же галлерей. Амуръ очень милъ, но признать, особо выдающуея «предѣсть» въ женской фигурѣ грустно. И такъ она всѣ женскія фигуры Альбани. Какое это образцѣ для портрета молодой дѣвушки!

Автографъ «Къ Живописцу» не существуетъ, съ дѣтъ кои-ли, его, отаго въ тетради московскаго публичнаго музея, № 2364, л. 12, съ помѣткой: «1815» и припискою: «перевѣдъ въ е, оставя одну послѣднюю строфу»: т. е. въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ грубатуровъ». Стихотворенія этого Пушкинъ самъ не печаталъ, хотя, судя по

позднѣйшимъ поправкамъ въ музейной копиѣ, исправлялъ его исторію текста см. въ общей статьѣ о текстѣ въ концѣ тома) для своего сборника 1826 г. Пьеса была напечатана впервые въ альманахѣ Б. М. Ондорова «Памятникъ отечественнымъ музъ» на 1827 г., стр. 231—232, откуда перешла въ посмертное изданіе (т. IX, стр. 385). Первоначальная редакція первой копиѣ и вторая совершенно тождественны: такъ же пьеса напечатана и въ «Памятникѣ отечественнымъ музъ», гдѣ слегка исправленъ только первый стихъ. Мы печатаемъ ее въ исправленномъ самимъ поэтомъ видѣ.

61. Р О З А.

Ред.

Мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ было написано это стихотвореніе. Среди лицейскихъ стихотвореній оно выделяется особенной музыкальностью стиха, и самъ Пушкинъ признаетъ его значеніе, включивъ въ изданіе 1826 г. Однако, надо сознаться, что мысль поэта не совсѣмъ ясна, и остается неизвѣстнымъ, въ какомъ смыслѣ противопоставляетъ онъ роду—лицей. Въ русской лирикѣ того времени можно указать дѣдній рядъ болѣе или менѣе сходныхъ стихотвореній. Таковы, наиримѣръ, двѣ «Пѣсни» Жуковского: «Роза весенній цвѣтокъ» («Вѣсти, Евр.» 1809 г.) и «Гдѣ фиалка мой цвѣтокъ» 1815 г.) или его же «Цвѣтокъ»: «Мину тая краса полей» («Вѣсти, Евр.» 1813 г.). Дѣльнѣ въ томъ же 1815 г., когда написана Пушкинская «Роза», напечаталъ въ «Росс. Музеумѣ» стихотвореніе «Фиалка и Роза». Размѣръ «Розы» встрѣчается у Пушкина лишь въ трехъ пьесахъ еще въ «Пробужденіи» и «Аидѣ»), но, конечно, это не «соединеніе тактъ съ хоремъ», какъ утверждаетъ Академикъ, изд. т. I, стр. 189, а двухстопные ямбы въ «Розѣ» и «Пробужденіи» съ вольнымъ чередованіемъ рима. Слѣдующіе четырехстопные размѣры могъ Пушкинъ найти у Парни, наир:

En toussant-elle
Elle se lève,
Sur moi souleve
Un oeil mourant;
Et me serrent
Avec tendresse
Dit: J'ai serment
Deimer sans cesse,
Que nos amours
Ne s'affaiblisent
Et ne finissent
Qu'avec nos jours.

Вал. Брюсовъ.

О вариантахъ «Розы» см. въ концѣ тома.

ПРЕЛЕСТЬ АЛЬБАНА.

Рисунки — по рисунку албанца, Копия от А. Гуса. Изд. 1870.

63. НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИБА

въ 1815 году.

Утнула брань племенья въ прѣдѣлахъ отдаленныхъ
 Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
 Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
 На землю мрачную нисходитъ свѣтлый Маръ.
 Свершилось!... Руской ЦАРЬ, достигъ ТЫ славною цѣлѣ!
 Вотще надмывные на родину летѣли:
 Вотще вѣрци знаменъ безчисленныхъ дружинъ
 Въ могущей дерзости вѣщанной исполнѣ
 На гибель грозно шель, влечь цѣпи за собою;
 Мечь отпеченной блеснула за дымною Москвою!
 Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
 И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
 Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
 Отъ землю Рускую не извидѣлъ подъ собою.—
 Вбѣжить... и мести громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
 И съ трона гордый палъ... и вновь восталъ... и вѣтъ!—
 ТЕБѢ, нашъ храбрый ЦАРЬ, увала, благодаренье!
 Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
 Во броню ополчась, вложилъ пернатый племъ,
 Колѣна преклонилъ предъ вышнимъ алтаремъ,
 Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
 Отъ ига оградить страну СВОЮ родную.
 Мы вняли клятвѣ сей; и горды сердца,
 Въ восторгѣ пламенномъ летѣли въ слѣдъ Отца
 И смертью роковой горѣли и дрожали:
 И Россы преть врагомъ твердией грозной стали!...
 Къ мечамъ! разделся кликъ, и вихремъ понеслись;
 Знамена возмущивъ по вѣтру развилъ
 Обнялся съ братомъ братъ; и мильямъ тали руку
 Младые ратники на грустную раздумъ:
 Сразились; воспылали свободы ярый бой,
 И смерть автала пухъ холодною рукой!...
 А я... вдали громовъ, въ сѣни ТВОЕЙ надежной...
 Я тихо раздвѣтлалъ безмечной, безмятежной!
 — Увы! мнѣ не судилъ таинственный прѣдѣлъ
 Сражаться за ТЕБЯ подъ градомъ вражью стрѣлъ!...
 Сыны Бородина, о Кульмские Герои!
 Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи:
 Душой восторженной за братьями свѣщилъ;
 Почто жъ на бранный толь я крови не пролилъ?
 Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
 Покрытый ранами, не палъ я предъ ТОБОЮ.
 И славы поть крыломъ на утрѣ не почилъ?
 Почто великую тѣль свѣтѣлемъ не былъ? —
 О, сколь величественъ, безмерный, ТЫ явился,
 Когда на сильнаго съ силами устремился:
 И, чезы приносивъ изъ мрачности гробовъ,
 Народы надѣи поть бременемъ оковъ,
 Тяжелой цѣпью съ востергомъ потрисали
 И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
 «Уже-ль свободны мы?... Уже ли грозный палъ?...
 «Кто свѣдѣль? Кто въ громахъ на сѣверѣ восталъ!...»

62. П Э М Ъ П Ы.

Печатаемъ эту пьесу въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ свѣтъ въ первый разъ. Рукопись пьесы (автографъ или копія, неизвѣстно), видѣнная П. В. Анненковымъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, т. II, стр. 91), находилась въ тетради графа М. А. Корфа, уже давно потерянной въ виду изслѣдователями и, можетъ быть, исчезнувшей навсегда. Въ рукахъ В. П. Гаевского («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 159) была копія конца этой пьесы, озаглавленная: «Посланіе къ С...ю Г...ду Ч...ю» и переписанная рукою лицейскаго гувернера А. П. Пшонникова; текстъ конца немного отличается отъ печатнаго. Напечатана «Пэмвнмъ» впервые въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., ч. IV, № 12, стр. 228—230, и подписана: *1... 17—14*. Подъ 1815 г. напечатали пьесу Анненковъ, но въ примѣчаніи къ ней замѣтилъ: «мы относимъ ее къ самымъ первымъ опытамъ молодого автора». Въ датировкѣ пьесы Анненковъ, повидимому, колебался, такъ какъ тутъ же прибавилъ, что она «написана въ одно время съ посланіемъ „Къ сестрѣ“, относящимся къ 1814 году, Гаевскій (ор. с.) относитъ „Пэмвнмъ“ къ 1812 году на томъ основаніи, что переписавшій эту Пшонниковъ въ 1812 г. оставилъ службу въ лицей: послѣдующіе издатели Пушкина безразкоренно приняли эту дату, подъ которой пьеса и помѣщена въ изданіяхъ литерат. фонда академіи наукъ и послѣднихъ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Впрочемъ, послѣдній въ подлинную примѣчаніяхъ («Сочин.» Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 5—6) ничего не пишетъ противъ того, чтобы отнести «Пэмвнмъ» къ 1815 г., и отмѣчаетъ, что Гаевскій и самъ указалъ стр. 141—142 на отношенія Пшонникова къ лицейцамъ, не прекращавшимся и по оставленіи имъ лицей. Въ самомъ дѣлѣ, по сообщенію самого Пушкина, въ его лицейскія ланиткахъ, Пшонниковъ, заживавшій привычку ить Петербурга въ Царское Село, провѣлъ съ подомъ вечеря 16 октября 1815 года. Предположеніе Гаевского, такимъ образомъ, кажется. Но есть и другія, положительныя основанія относить «Пэмвнмъ» къ 1815 году.

Прежде всего то, конечно, что именно въ 1815 г. стихотвореніе появилось въ «Рос. Музеумѣ». Если даже допустить, что «Пэмвнмъ» являлось извѣстное отношеніе къ 1812 г., то, во всякомъ случаѣ, окончательно

ная редакція относится къ 1815 г. Итъакъ не въ 1812 г. Пушкинъ могъ говорить о себѣ какъ о подовитомъ поэтѣ, который «свою лиру» «свѣмъ посвящаетъ».

Сообщеніе Гаевскимъ лицейское преданіе сохранило имя той, которую винушны «Пэмвнмъ»: это—жившая въ Царскомъ Селѣ и бывшая въ лицей графиня Наталья Викторовна Кочубей (род. въ 1801 г., † 24 января 1855 г.), впоследствии вышедшая замужъ за графа А. Г. Строганова. Графъ Корфъ склоненъ былъ считать ее первымъ предметомъ увлеченій Пушкина. Въ 1812 году Пушкину было 13 лѣтъ, Наталья Кочубей—11. «Не вѣрнѣ ли»—замѣчаетъ П. А. Ефремовъ—«считать эти стихи написанными въ 1815 г. 16-лѣтнимъ юношей къ 15-лѣтней двунмѣ, а не мальчикомъ 13 лѣтъ къ двонмѣ по 12-му году?»

За 1815-й г. говорить также и однородность настроеній «Пэмвнмъ» съ дѣльмъ рядомъ пьесъ этого года (какъ, напримѣръ, посланій къ Юдину и къ Горчакову, «Мое завѣщаніе друзьямъ», «Раздумьё и любовь»), и особенно вліяніе Парни. Въ «Моемъ завѣщаніи друзьямъ» упоминается «Темира». Въ «Посланіи къ Юдину» Пушкинъ дружить свое воображеніе, представляя себѣ старъ возлюбленной, «шалю непокровенный». Эти же имена и образы послужили для «Пэмвнмъ». И это нельзя считать простою случайностью. Въ творчествѣ Пушкина, какъ мы не разъ отмѣчали, всегда по до сами проходятъ не только крупныя вліянія, но и второстепенныя подробности, налагающія чистовѣщныя слѣды на его произведенія. Яркія черты вліянія Парни лежатъ на пушкинскій музѣ 1815 года, отличающейся опредѣленными образами, опредѣленными именами, подъ «существіемъ» которыхъ находится тогда молодая поэткъ. Вспоминая черезъ многіе годы объ этомъ періодѣ своей жизни, поэткъ писала:

Темира, Дафна и Лилета.

Какъ сонъ, добыты мной давно...

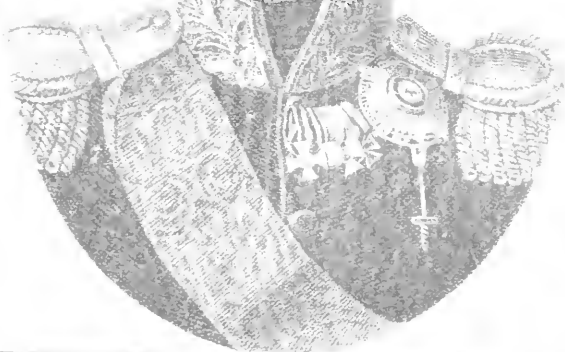
Съ мнѣніемъ Анненкова, считающаго «Пэмвнмъ» «слабымъ подражаніемъ произведеніямъ караицкой стихотворческой эпохи», нельзя согласиться. «Пэмвнмъ», какъ указалъ А. П. Майковъ, чистовѣщно подражаніе и по развѣру, и отчасти по содержанию стихотворенію Парни «Dépit», но такое подражаніе, которое не хуже образа.

Приводимъ пьесу Парни:

Oui, pour jamais
Chassons l'image

АЛЕКСАНДРЪ I.

Портретъ Венера.

И ветхую главу Европа преклонила,
 ЦАРЯ-Спасителя колбна окружила
 Освобожденною от рабскихъ узъ рукой,
 И власть митрежная исчезла предъ ТЮБОИ! —
 И маиѢ ТЫ къ сынамъ, о ЦАРЬ нашъ, возвратился.
 И край полнотой восторгомъ озарился!
 Склоня на СВОИ народъ смиренна полнынъ взгляды:
 Всѣ лица радостью, любовию блестятъ, —
 Внемя: повсюду вѣсть отрадная несется,
 Повсюду гордый кликъ веселья раздается!
 Но стоиамъ шумъ, вездѣ слытъ торжество,
 И ТЫ среди толпы, Россіи Божество!
 Встрѣчать Вожя побѣды, летятъ ТВОИ дружны:
 Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
 Взирать на ТЕБЯ съ безмолвною слезой, —
 Ты нашъ, о Руской ЦАРЬ! оставъ же племъ стальной!
 И грозный мѣлъ войны, и щить... ограду нашу:
 Идѣй предъ Янусомъ священну мира чашу
 И брани сокрушивъ могущею рукой,
 Вселенну освѣи желанной тишиной!...
 И придуть времена спокойствія златая,
 Покрость племъ ржа, и стрѣлы каменная,
 Въ колчаняхъ скрытыя, забудутъ свой полетъ:
 Щастливый сезанишь, не знаи бурныхъ бѣдъ,
 Но шивамъ помечетъ плугъ миромъ изощренныи:
 Суа летучія, торговлей окрыленны,
 Кормами развѣкутъ свободный океанъ:
 И юные сыны воинственныхъ Славянъ
 Спокойной праздности съ досадою предадутся:
 И молча, иькогда вокругъ старца соберутся,
 Преклонивъ жадный слухъ: и ветхымъ костылемъ
 И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
 На прахъ начертитъ оиъ медленно предъ нами,
 Словами истины, свободными, простыми,
 Имя славу прошлыхъ лѣтъ въ разказахъ оживитъ,
 И добраго ЦАРЯ въ слезахъ благословитъ.

Александръ Пушкинъ.

De la volage
Que j'adorais
A l'infidèle
Cachons nos pleurs,
Aimons ailleurs;
Trompons comme elle.
De sa beauté
qui vient d'éclorre
Son cœur encore
Est trop flatté.
Vaine et coquette
Elle rejette
Mes simples vœux:
Fausse et légère,
Elle veut plaire
A d'autres yeux,
qu'elle jouisse
De mes regrets,
A ses attraits
qu'elle applandisse,
L'âge viendra:
L'essaim de Grâces
S'envolera,
Et sur leurs traces
L'amour fuira.
Fuite cruelle!
Adieu l'espoir
Et le pouvoir
D'être infidèle.
Dans cet instant,
Libre et content,
Passant près d'elle,
Je sourirai
Et je dirai:
«Elle lui belle».

Настроения обихъ пьесъ различны. У Парии поэтъ желаетъ надеждо отомстить невѣрному красавцу, его любовь переходитъ въ злобу; у Пушкина мужество любви, неодолимой любовью, беретъ верхъ, и послѣ риза пльми поэтъ изъясняетъ: «Хланы, тронши грустью мои!» Пьеса Пушкина въ насъ съ пошлостно радъ болше ступотворенія Парии и горало богаче содержаниемъ. Также не соотвѣтствуютъ истинъ мнѣнне Гашекско о совершеномъ тѣскомъ формъ этого ступотворенія, въ которомъ можно отбѣннн, невовершеномъ только одного стиха, 47-го: «Соби удажжжжжж; радмбръ этого стиха уджжжжж на оиннъ слогъ».

Разница между посвященными «Делин» павшо тѣскомъ стихами 1812 г. и «Памфаламъ» рждо бросаетъ въ глаза. Въ 1812 г. слабый, робкий любовникъ лепеталъ: «Памфалу!» хотя и раньше, но шлолнъ равношесенъ и не по тѣскомъ выраженное страстное мужество.

Въ «Памфалу» впервые у Пушкина проглядываетъ любовная тоска, — явление въ 12 лѣтъ психологически недопустимое даже относительно такъ рано начинашаго содрѣнать мальчика. 1815-й годъ былъ временемъ увлеченія его Бакушиной Бакушиной и Козубей, — быть можетъ, онъ обвѣтеронн «Памфалу» — одна подъ именемъ Елены, другая названа Хлоей, Лилой или Темной.

В Л.

63. НА ВОЗВРАЩЕННЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИБЖА ВЪ 1815 ГОДУ.

Пьеса эта, не дошедшая до насъ ни въ автографѣ, ни въ копнн пушкинскихъ времешъ, была впервые напечатана въ «Трудноу Общества Любителей российской словесности при Московскомъ университетѣ» 1817 г., ч. IX, стр. 25—28, съ пошншою Александръ Пушкинъ. Шесколько раньше, 28-го апрѣля того же года, дядя поэта В. А. Пушкинъ произвелъ произведение племянника въ 27-мъ засѣданн названнаго общества по перебранной рукошнн. Пьезъ «Трудноу» стихотворенне перепечатано въ изданнн Анненкова съ произвольнымъ измѣненнемъ въ ст. 15.

Политическяя событн 1812 года потребовали отъбн Александръ I изъ Росснн. Убавн съ армеею въ декабрь 1812 г., онъ вернулся на семь недѣль 12 июля 1814 г., а затѣмъ убувалъ на конгрессъ. 18 ноября 1815 г. государь на обратномъ пути въ Россно, убувалъ изъ Варшавы въ Вильну, стѣ пробавъ на два, и ночью 2 декабря возвратился въ Петербургъ.

Гр. А. К. Разумовскн, тогдашнн министръ народнаго просвѣщенн, изобретно, предположн горжественную встрѣчу жнтелямъ Петербурга возвеличенному судьбою императору, съ своей стороны не хотѣлъ отстать отъ друшнхъ. По его желанню, директоръ департамента П. П. Мартыновъ, принимавшн главное участне въ устройствѣ Царскоселскаго лицейя и неоднократно посвѣщавшн это учебное заведение, поручилъ Пушкину написать стихи «На возвращенне государя». Выборъ Мартынова назъ на нашегъ поэта, несомнншо, потому что еще свѣжо было впечатлѣнне прочтннннхъ имъ на лекцннхъ въ январѣ 1815 г. «Воспомннанн въ Царскомъ Селѣ». Исполннвъ порученне, Пушкинъ отослалъ Мартынову стихи, прншнсьмъ, 28-го ноября того же года.

«Ежели», писалъ Пушкинъ, можетъ

64. МОЯ ЭПИТАФИЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою,
 Съ любовью, дивною провѣлъ веселой вѣкъ,
 Не дбавля добраго, однакожъ, былъ душою,
 Ей Богу, добрый человекъ.

1... 16—14.

65. КЪ БАРОНЕССѢ М. А. ДЕЛЬВИНГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было,
 И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
 Они прошли.—Въ судьбѣ своей унылой,
 Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
 Не возвратитъ уже того, что было.
 Уже я старъ, мнѣ не знакома дождь:
 Такъ вбрыте мнѣ—мы спасены лишь вброй.
 Послушайте, Амуръ какъ вы хороши:
 Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ —
 Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
 Всевышней благостью Зевеса
 И столько же краспорѣчивъ —
 Я вашу камъ, баронесса,
 Въ Латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
 Чудесный, во-все безъ искусства —
 Не много истинныхъ похвалъ,
 Но много истиннаго чувства,
 Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
 О баронесса! ради баловъ,
 Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
 Взгляните на меня хоть разъ
 Въ награду прежнихъ мадригаловъ».
 Когда жъ Амуръ и Гименей
 Въ прелестной Марии моей
 Поздравятъ молодую даму —
 Удастся ль мнѣ подъ старость шей
 Вамъ посвятить эпитафаму?

быть, подъ начальственную диктовку, — «чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему, начертанная мною, будутъ не совѣсьмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь счастлива буду я, ежели его сіятельство графъ Алексѣй Кирилловичъ благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведеніе неопытнаго стихотворца».

Если г-р. А. К. Разумовскій, предлагая посвятеніе государемъ лицамъ во время предстоящихъ январскихъ экзаменовъ, готовилъ высокому посѣтителю сюрриздъ въ видѣ стиховъ Пушкина «можетъ быть, министръ народного просвѣщенія питалъ надежду хоть немного охладить охлажденіе къ нему государя и уйти на покой непримѣнымъ), то его затѣя не оправдалась. По свидѣтельству современниковъ, Александръ казался по возвращеніи скученъ, говорить даже сердитъ. Никакими восторгамъ Петербургъ его не встрѣчалъ.

Мѣтныя комментаріи объ этой пьесѣ, написанной по заказу, довольно различны. Гавескій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 371), называетъ ее произведеніемъ «холоднымъ и патвнутымъ», П. А. Ефремовъ, говоритъ: «Совершенно ошибочно было бы этуъ заказанный переписъ съ мужого голоса признавать за выиолн оригинальное произведеніе Пушкина, характеризующее его отношенія къ императору даже въ послѣдніе годы его царствованія» (Соч., т. VIII, 1905 г., стр. 40—41).

Но П. В. Анненковъ (см. его изд. соч. Пушкина, т. II, стр. 97) вполнѣ благожелательно называетъ пьесу «восторженнымъ привѣтствіемъ молодого поэта императору Александру».

Защитаеъ также искренность Пушкина Манковъ. П., конечно, трудно подыскать ридь показательствъ тому, что приписанное настроеніе стихотворенія соответствовало действительному настроенію молодого поэта. Такъ, въ воспоминаіиахъ объ этой эпохѣ П. П. Пушкина, друга и товарища Пушкина, читаемъ слѣдующее: «Жизнь наша лицейская сливается съ политическою эпохою народной жизни русской; приговаривался проза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣствіи. Началось съ того, что мы провозгласили гвардерскіе полки, потому что они проходили мимо самого лица; мы всегда были тутъ, при ихъ поведеніи, выходили даже во время классовъ, манустиновали войновъ сердечною молитвою, обнимались съ рот-

ными и знаковыми; усаые гренадеры изрядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза туть пролила».

«Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ приносилъ реляціи; Конаевскій читалъ ихъ намъ громкогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы свободные отъ классовъ; читались непрерывно русскіе и иностранныя журналы, при неутомляемому толкавъ и преніявъ; всему живо сочувствовалося у насъ; опасенія смѣнялись восторгамъ при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдиза ходомъ дѣль и событий, объясняли шное, намъ недоступное»... А. П. Майковъ, Пушкинъ, Сиб., 1889 г., стр. 53—54).

Во въ данномъ случаѣ дѣло совѣсьмъ не въ личной искренности поэта, а въ томъ, насколько намѣщенный стиль оды соответствуетъ сильному именно своей простотою дарованію Пушкина.

Тихо правовъ (соч., т. III, ч. I и Майковъ (акад. изд. соч. Пушкина, т. I, примечанія) установили зависимость данной пьесы Пушкина отъ посланія Жуковскаго «Императору Александру», написаннаго въ 1814 г., а напечатаннаго въ 1815. При этомъ сдѣланный подробное сопоставленіе стихотворенія Пушкина и посланія Жуковскаго, Майковъ пришелъ къ заключенію, что подражаніе Пушкина не слабѣе оригинала:

«Пьеса «На возвращеніе государя» отличается столь же звучнымъ и красивымъ стихомъ, какъ посланіе Жуковскаго, а въ отношеніи сжатости изложенія едва ли не имѣетъ преимуществъ надъ послѣднимъ».

Съ этимъ нельзя не согласиться. Огромное посланіе Жуковскаго отличается уютнѣйшимъ многословіемъ и все состоитъ изъ риторическихъ возгласовъ. Пушкинъ же, все-таки, нѣсколько оживилъ мертвыя рамки оды отдалыми черточками, выхваченными изъ реальной жизни.

Кудамъ — селеніе въ Богеміи на дорогѣ изъ Праги въ Дрезденъ; при немъ 17 авг. 1813 г. А. П. Ермоловъ съ 1-ю гвард. пѣхотн. дивизіей выдержалъ атаку сильнѣйшимъ французскимъ полкомъ и способствовала побѣдѣ союзниковъ надъ французами.

ПАСТОРАЛЬ БУШЕ.

66. В И Ш Н Я.

Приписывается Пушкину.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окропившись
Цвѣты на поляхъ,
Сгада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Сибирять къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тѣмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ сибирить,
И въ даль, приѣхавъ,
Прилежно гладить.

Румянецъ играеть
На поднятыхъ щекахъ,
Невинность блистаеть
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,
И попка собово
Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта
Вся предеть грудь,
Подъ фаргукомъ скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находить
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасень,
Красотку манить,
Но путь къ нимъ опасень
Бѣднѣжку страшить.

64. МОЯ ЭПИТАФИЯ.

Неизвестная въ рукописи «Моя эпитафiя» была впервые напечатана въ «Россiйскомъ Музеумѣ» 1815 г., ч. IV, №№ 10 и 11, стр. 7, безъ означенiя полного имени («Н—тъ») въ первомъ стихѣ и съ подписью: Г... 16—14. Во второй разъ при жизни поэта она была напечатана, подъ бездережоннымъ заглавiемъ: «Будущая эпитафiя») и безъ позволенiя Пушкина, съ подписью: Ал., въ альманахѣ М. А. Бестужева—Рюмина «Сѣверная Звѣзда» Сиб., 1829 г., стр. 174. Пушкинъ, который вообще терпѣть не могъ спекулянтскъ-альманашищескую, вѣчно пристававшую къ нему съ просьбами дать имъ что-нибудь («двѣи» стихи одному дураку въ альманахѣ, чтобы другой обругалъ ихъ въ журналѣ), писалъ оныя, была возмущенъ профѣлкою издателя и жаловался въ своихъ замѣткахъ: «Началь я писать въ 13-ти лѣтняго возраста и печаталъ почти съ того же времени. Многие желали бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованiя, каково бы оно ни было... Но крайняя мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за перепечатанiе грѣховъ моего отрочества... Въ свои сборники Пушкинъ этой пьесы не вносилъ, и въ собранiя его произведенiй она стала входить со времени изданiя П. В. Анненкова (т. II, стр. 64).

Время созданiя пьесы определяется приблизительно временемъ ея напечатанiя, т. е. послѣдними мѣсяцами 1815 г. А. П. Везеленовъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзии», Сиб., 1882 г., стр. 29) усматриваетъ въ этомъ грѣхѣ отрочества «отраженiе делькомическаго издѣла на жизнь», издѣла, по воли върному замѣчанiю Л. П. Майкова 2-ое изд., изд. Г. т., прим., стр. 216—217, произволившаго изъ книжнаго источника Эпитафiю грустнаго или насмѣшливаго характера въ тѣ времена еще не выходящего сентиментализма была очень употребительной литературной формою. Образъ юнаго поэта, который «съ музой молодою, съ любовью, дѣловато проведя веселый вѣкъ», Пушкинъ персонифицируетъ и подѣлѣ въ «Моемъ дѣвѣншѣ», тоже 1815 г., тѣ вѣдѣль дружескому рѣдцу начертать на своемъ гробѣ:

Здѣсь предметъ юности мудрѣе,
Источекъ пѣль и Амалтона.

Н. Лернеръ.

65. КЪ БАРОНЕССѢ М. А. ДЕЛЬВИНГЪ.

Съ неизвестнаго пьѣ чернового подлинника П. В. Анненкова въ своемъ изданiи сочиненiй Пушкина (т. VII, стр. 11—12) впервые напечаталъ это стихотворенiе, по его словамъ, «написанное въ альбомѣ сестры светолицейскаго товарища и друга Дельвинга и помѣщенное тамъ: 1815, 22 декабря». Марья Антоновна Дельвингъ была тогда всеѣмъ ребенокъ (см. также Л. П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 61), и это дало Пушкину возможность сказать ей: «Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ». Сообщенiе Л. П. Майкова, повторенное гг. Ефремовымъ и Морозовымъ, что баронесса Дельвингъ гостила тогда со своими родителями въ Царскомъ Селѣ на святкахъ, имѣмъ не подтверждено: откуда оно взято, неизвестно. Въ лицейскомъ «суденiи» даже маленькая дѣвочка могла сойти въ глаза за пылкаго мальчика за взрослую дѣвчу, къ которой стоить обратиться съ маригаломъ. Мы не можемъ не доверять сообщенiю Анненковымъ даѣ, и слова Пушкина: «снѣгъ семнадцатъ билъ» оказываются преувеличенiемъ, такъ какъ до 17 лѣтъ ему оставалось жить добрые полгода: очевидно, ему, какъ и всеѣмъ подросткамъ, рущимся поскорѣ въ взрослые, хотѣлось казаться старше. Съ этой точки зрѣнiя понятны резонерскiй тонъ начала пьесы и полная комической серьезности жалоба на «судальную судьбу», невозвратности прошлаго и даже «старость».

У Л. П. Майкова 2-ое изд., изд. Г. т., стр. 157 и П. О. Морозова (сочин. Пушкина, изд. «Просвѣщенiя», т. I, стр. 133) 17-й и 18-й стихи пьесы переведены:

Вѣчно вѣстившаго похваль,
Вѣчно вѣстившаго чувства.

П. А. Ефремовъ (сочин. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, стр. 41—42) считаетъ такую передачу безмыслицей, усматривая противорѣчiе въ этихъ словахъ. Это, конечно, погрѣшность противъ анненковскаго текста, который приходится принять, по во всякомъ случаѣ не безмыслица. Дѣло только въ томъ, Пушкинъ могъ обшачъ маленькой баронессѣ маригаль, въ которомъ будучи и похвала, и чувство: немного того, немного этого. Редакцию эту нужно отвергнуть, но не пьѣ за «безмыслицей», а ради соблюденiя правильности единственной редакци текстa, имѣющей въ нашемъ распоряженiи. Требуется-ли «много чувства» для такого холоднаго произведенiя какъ маригаль? Н. Лернеръ.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишень поѣсть,
За вѣтъ удатилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
 ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою—
И вишня твоя,
Но, ахъ, что съ тобою,
Настушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Сивнить вастушокъ,
Нога ослабѣла,
Скользить банмачокъ.

И вѣтъ загрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!

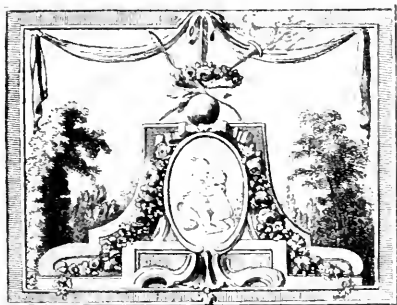
Настушка упала,
Но, ахъ! какой вѣтъ...

Сучекъ предомленный
За платье задѣлъ,
Настухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ...

Настушку несчастну
Съ сучка тихо сваятъ
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижаль.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ,
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ,
Въ любви ожиданій
Супругамъ вблескъ...

Копцовка Eisen'a (18 альб.)

66. ВПНШЯ.

См. дальше стр. 303.

67. И ТАКЪ Я ПЬАСТЛНВЪ БЫТЬ.

Это собственно не стихотвореніе, а вообщѣ автобіографическая стихотворная записъ изъ дневника (См. выше, стр. 285), первая провиденія любви къ Бакушиной. Записъ (подъ 29 ноября) находится въ дошедшихъ до насъ и хранящихся нынѣ въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ Пушкина. Они пользовался П. В. Анненковъ, напечатавшій выдержки изъ нихъ во 2-мъ изданіи своихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина» (Сиб. 1873, стр. 23). Несколько листковъ записокъ были въ 1897 г. найдены Д. Сапожниковымъ въ усадьбѣ Анненкова, при с. Чириковѣ, Сибирскаго уѣзда, въ сараѣ, и затѣмъ поступили въ московскій музей. Эти записки г. Сапожниковъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1899 г., т. I, стр. 337—358 («Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина», отдѣльный оттискъ: есть и два другія изданія—сибирское и петербургское). Снимокъ съ того листка записокъ, гдѣ имѣется «И такъ я пѣастлнвъ быть» приложенъ къ «Матеріаламъ» Анненкова и въ орографіи этого автографа мы воспроизвели стихотвореніе. Р.

68. УТРОМЪХЪ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЬВЦОВЪ.

Въ тѣхъ же запискахъ находимъ записъ подъ 10 декабря 1815 года: «Третьяго ны хотѣлъ я начать героическую поэмю: Игорь и Ольга, а написать эпитагму на Шахъ, Шухмъ и Шинкъ: вотъ она:

Утромъхъ тройка есть пѣвцовъ... и т. д.

Такимъ образомъ, эпитагма написана 8 декабря 1815 г. Гдѣ три упомянутые въ

ней писателя, какъ извѣстно, не пользовались расположеніемъ Пушкина, который, едва выступивъ на литературное поприще, примкнулъ къ «молодому» лагерю, группировавшемуся около Карамзина, и сразу ополчился на «бесѣдниковъ». Нельзя, конечно, по рѣзкому отзыву Пушкина о нихъ думать, что нашъ поэтъ былъ дѣйствительно такого невыгоднаго мнѣнія объ умѣ всей «тройки злой». Ни маститаго Шинкова, заслуги котораго Пушкинъ высоко цѣнилъ, ни «сколкаго» Шаховскаго нашъ поэтъ не могъ серьезно назвать глупыми людьми. Въ эпитагмѣ звучитъ живой отголосокъ кружковыхъ разговоровъ и пересудовъ, въ которыхъ, конечно, не щадились литературные враги. Сидя въ стѣнахъ лицей, Пушкинъ душою былъ съ «сарказмами». Въ мартѣ 1816 г. онъ жаловался въ письмѣ къ князю Н. А. Вяземскому: «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволить ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова... Простите, князь, гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ [на] *Ш.*... Двумъ изъ этихъ «князей-стихотворцевъ на *Ш.*», да на придачу старому ревнителю чистоты русскаго слова, осталось въ эпитагмѣ Пушкина. Н. Лернеръ.

69. ФАГАМЪ ПНН ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ РАЗУМЪ.

См. дальше, стр. 302.

70. ФИЛОСОФЪ.

См. дальше, стр. 302.

71. ОТЪ ВСЕОЩНОИ, ВЕЧОРЪ, ПЦЯ ДОМОИ.

См. дальше стр. 303.

СТИХИ ИЗЪ ДНЕВНИКА 1815 ГОДА.

I.

67. И ТАКЪ Я ЩАСТЛИВЪ БЫТЬ.

И такъ я щастливъ быть и такъ я наслаждался,
Оградою тихую, восторгомъ дивился...

И гдѣ веселья быстрой дѣнь

Промчался летою сповѣдья,

Увяла прелесть наслажденья

И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

II.

68. УГРЮМЫХЪ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЬВЦОВЪ.

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ

Шиматовъ, Шаховской, Шишковъ,

Уму есть тройка сувостатовъ,

Шишковъ царь, Шаховской, Шиматовъ:

Но кто глубѣй изъ тройки злой?

Шишковъ, Шиматовъ, Шаховской.

Книжовка Bacheler (18 вѣкъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЫСЛЫ И ПРИНЦИПИАЕМЫЯ ПУШКИНУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1813—1815 гг.

Къ періоду около 1815 г. относится нѣсколько литературныхъ проектовъ и начатыхъ работъ Пушкина, отъ которыхъ до насъ дошли весьма незначительные слѣды и о которыхъ мы знаемъ очень мало. При этомъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ даже неизвестно, были ли они Пушкинымъ написаны, или только были намѣчены нѣмъ теми, которые поэтъ могъ оставить безъ всякаго развитія. На оборотѣ автографа шесты «Пишущіе студенты», 1814 г., находимъ записанный Пушкинымъ перечень стихотвореній 1814 и 1815 гг. (снимокъ съ него см. въ сборникѣ «Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина», изд. Имв. Александр. Лицея, Сиб., 1887 г.). Въ этомъ перечнѣ упомянуты неизвестная намъ послѣдняя—

«БОНАПАРТЕ»,
«ТРУБЕЦКОМУ»
«ПШНИКОВУ»

и двѣ ироническія шесты—

«РИНА, БѢДА»
и «КАРТИНЫ».

Послѣдняя, по мнѣнію Л. П. Майкова (2-е изд. изд. Г. т., примѣч., стр. 8) известное намъ переложеніе изъ Парри «Фаншъ и пастушка», состоящее изъ ряда «картинъ» (tableaux), какъ называлъ ихъ Парри; мнѣніе это весьма правдоподобно, но принятию его безусловно нельзя, такъ какъ у Пушкина есть немало шестъ, посвященныхъ отнюдь не парри, къ тому же слово «картины» ничего не говоритъ о содержаніи шесты, обозначая только ея жанръ.

Болѣе опредѣленная свѣдѣнія о другихъ литературныхъ работахъ, задуманныхъ или начатыхъ Пушкинымъ, сохранилась главнѣйшимъ образомъ собственными записками поэта, которая онъ, было, вдумалъ вести въ лицѣ. Въ этихъ запискахъ Пушкинъ отмѣняетъ ночь 10 декабря 1815 г.:

«Вчера написала я третью главу «Фатама или разума меловческаго»: Право естественное. Читала ее С. С. и вечеромъ съ товарищами гуляла съвѣки и лапы въ дѣлѣ. Прекрасное занятіе для философа!.. Начала я конечно, не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣла я начать героическую поэму «Игорь и Ольга». Потомъ написала я «Картину Царскаго Села».

- 1) Картина сада.
- 2) Дворецъ. День въ Ц. С.
- 3) Утреннее гулянье.
- 4) Полуденное гулянье.
- 5) Вечернее гулянье.
- 6) Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вѣдешныхъ моихъ записокъ.

По это еще будущее».

ФАТАМА.

По поводу сейчасъ приведенныхъ отрывковъ изъ дневника П. В. Анненкова («Материалы для біографіи П.», Сиб., 1873, стр. 22) замѣчаетъ, что «эти главные предметы записокъ обнаруживаютъ постоянное стремленіе къ дѣятельности въ молодомъ ученикѣ. Нѣкоторые изъ его товарищей еще помнятъ содержаніе романа «Фатама», написаннаго по образцу сказокъ Волтера. Дѣло шло о двухъ старикахъ, молвившихъ небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена вѣсуть возможныхъ благъ. Добрая фея возбуждаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ, который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости и вѣдѣтъ за этимъ почетной, богатости и славы. Старики радуются; но фея подлагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и исходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юности, отрочества и младенчества до тѣхъ поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребѣнкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натурального хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему».

О комедіи Пушкина, вскорѣ уничтоженной, и о героической поэмѣ почти ничего не могли мы собрать.

ФЕЛЮДОФЪ.

Были ли написаны «героическая поэма» и «Картина Царскаго Села» и были ли dokonчены «комедія» и «Фатама» или разумъ

человеческой», неизвестно, 16 января 1816 г. А. Д. Плещинский сообщал П. П. Фуссу (Я. К. Гроту, «Пушкины, его лицейские товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 67), что Пушкины «пишут теперь комедию в 5 действий», в стихах, под названием «Философа». План довольно умачен, и начало, то есть 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее: стихи—и говорить нечего, а острых слов сколько хочешь! Дай только Бог ему терпелив и постоятства, что редко бывает в молодых писателях: они то же, что мотыльки, которые недолго на одном цветке покоятся, которые так же прекрасны и так же, как несчастно, нестойки: дай Бог ему кончить—это первый большой ouvrage, начатый имъ, ouvrage, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходу изъ лицея».

Отъ «Философа» ничего не дошло до нас: вброшено, онъ даже не былъ оконченъ¹⁾. Судя по тому, что къ срединѣ января 1816 г. былъ готовъ первый актъ «Философа», это и есть та «комедия», которую поэтъ началъ въ декабрѣ 1815 г.

ВШШШ.

Къ 1815 г. относятся обыкновенно еще два стихотворения, приписываемыя Пушкину: «Виница» и «Отъ всеобщей, вечеръ, иди домой...» «Виница», начало которой помещается въ «Хрестоматіяхъ» и пользуется большою популярностью, впервые была напечатана въ Анненковскомъ изданіи произведений Пушкина (т. VII, стр. 7), съ цензурными пропусками, которые, конечно, и настоящее издание должно было соблюдать; но, все-таки, текстъ наст. изданія подлибенъ и безъ всякихъ указаній источника, откуда эта пьеса была взята. Л. П. Майковъ не внесъ «Виницу» въ академическое издание Пушкина, П. А. Ефремовъ («Сочин.» II, изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905 г., стр. 42: «Минимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ» — Новое Время» 1903 г., № 9845 не рѣшается приписать «Виницу» Пушкину. Квизъ П. А. Видемейн оставилъ на поляхъ второго берлинскаго изданія «Стихотворений Пу-

шкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», 1870 г., противъ «Виницы», замѣчаніе, что «не могъ въ 1815 году Пушкинъ написать такіе безобразные стихи: развѣ гораздо раньше... многие стихи чересчуръ плохи» («Старина и Новизна», историч. сборникъ, кн. VIII, М., 1904 г., стр. 35). Это замѣчаніе намъ кажется чересчуръ категоричнымъ. Рѣшить вопросъ съ полной опредѣленностью трудно. Все-таки, въ «Виницѣ» есть нечто «пушкинское» — традиціонный, легкий стихъ, веселое настроеніе, наввно юношескій эротизмъ...

ОТЪ ВСЕОБЩЕЙ, ВЕЧЕРЪ, ИДИ ДОМОЙ.

О происхожденіи второго стихотворенія, воть что разсказываетъ П. П. Пушкинъ въ своемъ «Запискѣхъ» (Л. П. Майковъ, «Пушкины», Сиб., 1899 г., стр. 60):

«Сидѣлъ мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библиотекѣ у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всеобщей: въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячится онѣ, о чемъ такъ споритъ, иди отъ молитвы. Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, вѣсмотрѣлся однако въ указанную мною чету и на другой день въскзалъ меня стихами:

Отъ всеобщей, вечеръ, иди домой,
Антипьевна съ Марушкой брашлась:
Антипьевна отменно горячилась.
Постой! кричитъ: умиралось я съ тобой.
Ты думаешь, что я дѣвѣла
Ты пошь, вотъ та, дѣлравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею паздала!
Постой! о всемъ удасть муженька!
— Тебѣ ль, тропить! Марушка отвѣчаетъ:
Ванюшка что! Въшь онъ еще дитя!
А спать, грѣшакъ, который у тебя
И день, и ночь! Весь городъ это знаетъ.
Могъ жь, кума, и ты, какъ я, грѣшна:
Словами жь всякаго показуй разобитишь.
Въ чужой соломинку ты вѣшишь.
А у себя не вѣшишь и бревна.

«Вотъ что ты заставилъ меня написать, любезный другъ», сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько придумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ меня поразило окончаніе. — Въ эту минуту подошелъ къ намъ Кайдановъ: мы собрались въ его классъ, Пушкинъ и ему прочелъ свои разсказы. Кайдановъ, взявъ его да ухо и вышолъ

1) В. П. Гаевскій («Современникъ», 1863 г., № 7, стр. 155) говоритъ, что поэтъ, соединивъ только два дѣйствія, оладѣлъ къ своему другу и умчался въ написанное». У Гаевскаго же ор. с., стр. 157—158 нахотимъ неполный пересказъ содержанія «Виница».

сказать ему: «Не сообщай вам», Пушкины, занимать такую поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пушкины, не давите волю языку», прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз повернулся добрый Иван Кузьмич, а не другой кто-нибудь».

«Трудно предположить» — говорит об этом стихотворении П. А. Ефремов («Сочин.» II, т. VIII, 1905 г., стр. 42) — «чтобы через 40 лет Пушкины могли передать вбравый текст шутки... Вбравно, и в стихотворении о соре от приномиле только сюжет и немногие стихи, отчето и стихотворение является вь передаче крайне тяжелым и сь выражениями, вь которых трудно узнать Пушкина, напр.: «Отмьбно торжачась!».

Сь мивненьм П. А. Ефремова нельзя не согласиться: словам Пушкина приходится вбравить, но точность его передачи действительно необходимо подвергнуть сомнению.

Кн. Вяземский вь упомянутых выше отмьтках (см. стр. 303) по поводу «отъ вьснншой...» говорит: «едва-ли Пушкина: окромь двух посльднихъ стиховъ все прочее довольно вьло» (стр. 34).

Пушкин же (Майков, I, с., стр. 59) вспоминает сказанный Пушкиным «по случаю готель-могеля» (см. яшеу «Воспоминание») эжепромть, вложенный вь уста лицейскаго товарища Малиновскаго:

Мы недавно отъ печали,
Пушкин, Пушкин, я баронъ,
Но бокаду услышал,
И Оому пропали вошь.

«Остальнымъ строфъ не упоминаю: этому слишкомъ сорокъ летъ», прибавляетъ Пушкинъ. Вь одной изъ «национальныхъ» лицейскихъ пьесъ название Оому было вьдвоичено стихами:

Ребета нашлися ромомъ,
Дато Оому пропали сь тромомъ.

Быль переведень, вь пакадане же эту прокяду, на отто изъ посльднихъ мветь за общединамъ столомъ, Пушкинъ тобродушно замьтилъ:

Вьзавень мужъ, яше
Ситень вь кашь башке?».

Временное лицейское «обидачанье», на-студившее посль смерти директора Малиновскаго, выдало у Пушкина, по словамъ В. П. Гавекаго «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 152, «басно о мушь, которая

всльдствие пзанинго усердия заботившихся о ней пошла по рукамъ чертей»... Басня эта, вь которой подь душою разумеется лицей, а подь чертями — часто сьбивавшиеся вь немь администраторы, не дошла до наст.

Вь 1857 г., вь 277 № «Русскаго Шна-лида», были напечатаны со словъ «лицейскаго товарища Пушкина» двь будто бы пушкинскихъ эпиграммъ. Одна изъ сочинителя пзому эпиграммъ:

Ахъ, тошно, тошно! помогите!
Да отчето же тошно вамъ?
Ужь не отъ сладкаго мь, скажите?
Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.

Другая на лицейскаго профессора математики:

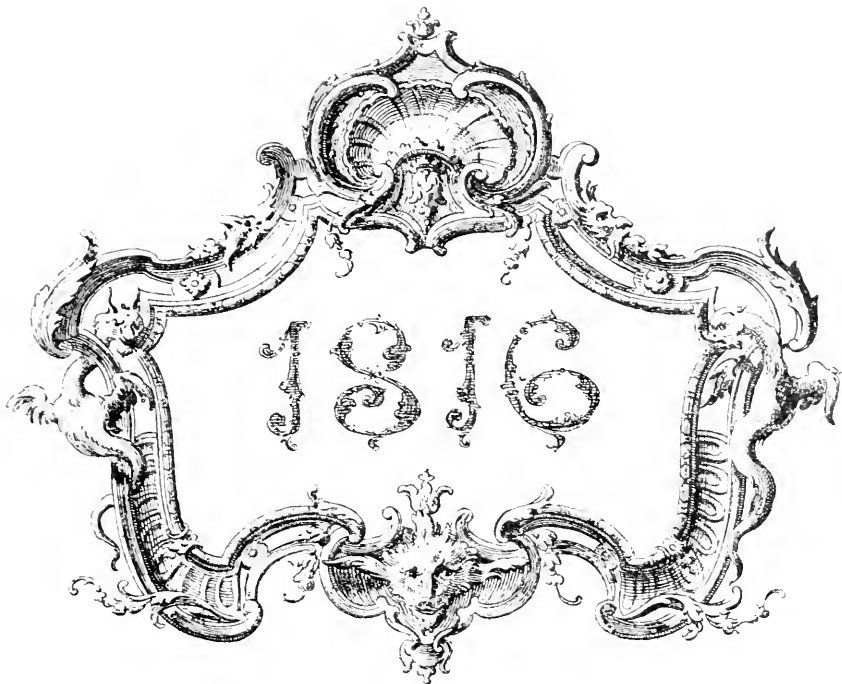
Повбрь, тебя пзобрить радомь,
Не мудрено, мой другъ Черныкъ:
Ты математикъ — минусъ разумъ,
Ты долой насъбавишь пзоскъ! (дуракъ).

Обь помяты вь Геннадьевское издание 1859 г., оттуда пухь перепечатывать г. П. А. Ефремовъ, который вьнес пухь и вь I томъ своего посльднего издания (1903 г., стр. 123). Принадлежность первой эпиграммы пмьбмь не доказана; вторая же принадлежит, согласно указанию графа М. А. Корфа (И. Грога, «Пушкинъ, его лицейские товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 230), прежнему лицейскому эпиграмматисту А. Д. Паличевскому. Вь «С.-Петербург. Вьдвоиченъ» 1902 г., № 310, г. Библиофилъ, вь своей статьь «Новое издание Пушкина», разъяснилъ ошибку П. А. Ефремова, напечатаннаго эпиграмму на «никогда небывадаго профессора Черныка». Вь примьчанияхъ кь своему изданию (т. VIII, 1905 г., стр. 33—34) Ефремовъ исправилъ ошибку. Но словамъ Корфа, «эта игра словъ не отбывала пстивь вь отношении къ уму Карцова», лицейскаго преподавателя математики, противь которого была направлена выходя Паличевскаго.

Что касается до приписанной Пушкину В. П. Гавекиемъ «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 155—157, неградиной поэмы «Тынь Баркова», то неградиность Пушкина кь этой довольно посредственной вещи установлена П. А. Ефремовымъ («Минимый Пушкинъ», I, с.), который «павиъ полную поэму у Гавекаго привелъ лишь отрывкъ вь рукописной тетради, указавъ, что вь ней дьло петь о Москвь, и сь такими подробностями, которыхъ Пушкинъ не могъ о ней думать, вышедшей изъ нея еще почти ребенкомъ».

Н. Лежерь.

* Слова эти были вь шпешь общедупотребителной поговорке (см. с.). В. П. Гавекаго вь «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 151.

72. К Ъ М А Ш И Ъ.

Вчера миѢ Маша приказала
Въ куплеты рифмы набросать,
И миѢ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѢ написать.

✱

Сѣбѣ исполнить приказанье,
Года не смѣють погодить:
Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

✱

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть,
И жертвуй богинѢ скуки,
Съ воксала въ маскарадѣ летѣть.

✱

И ужъ не вспомните поэта...
О Маша, Маша! посиѣди,
И за четыре миѢ куплета
Мою награду напиши.

✱

72. КЪ МАШУ.

Известны три копии этой пьесы: одна находится въ сборникѣ «Душъ лицейскихъ трубадуровъ», другая—въ тетради Ф. Ф. Матюшкина (см. ст. К. Я. Грота въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 242), третья—въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2395, л. 719. Текстъ всѣхъ копій одинаковъ; въ такомъ же видѣ появилось стихотвореніе въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 288). В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 378) сообщаетъ, что видѣлъ автографъ посланія съ поэмтой: «1816 года. Лицей» у особы, которой оно было посвящено. Нишъ автографъ неизвестенъ.

«Маша»—баронесса Марія Антоновна Дельвингъ, сестра лицейскаго товарища и друга поэта,—какъ рассказываетъ П. П. Пущинъ (Л. П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 61),—«премилая, живая дѣвочка, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ (?) имѣють свой особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвочками почти во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства». (О П. А. Корсаковѣ см. примѣч. на стр. 138). Установленная Гаевскимъ хронологія пьесы не можетъ быть отвергнута, такъ какъ семейство Дельвингъ, по видимому, гостило на свѣткѣ въ 1815—1816 гг. въ Царскомъ Селѣ (см. примѣч. къ пьесѣ «Къ баронессѣ М. А. Дельвингъ», 1815 г.).

Вѣдлинскій относилъ эту пьесу къ числу напоминающихъ «литературную школу до Жуковскаго и Батюшкова». Однако, третій куплетъ посланія общается въ молодому лицействѣ не просто сочинителя салонныхъ матрикаловъ. Тутъ уже определенная обфивка «свѣта» съ его пустою. Проникъ въ которой поэтъ говоритъ о дѣвчкѣ, чинно слушающей на свѣтскихъ собраніяхъ, напоминающей на стиха изъ описанія петербургскаго великосвѣтскаго вечера въ «Евгеніи Онегинѣ» (т. 8, строфа XXIV):

Тутъ было несколько дѣвчкъ,
Неуважающихъ лица...

Н. Лернеръ.

Г. Г. е. лицейскій.

73. УСЫ.

Эта пьеса дошла до насъ въ автографѣ, принадлежащемъ кнзю П. А. Путятину, и въ нѣсколькихъ копияхъ: одна изъ нихъ находится въ хранящихся въ московскомъ публичномъ музеѣ бумагахъ Пушкина (тетрадь № 2364, л. 25; дата переписки помѣчена 8 марта 1817 г.) и снабжена позднѣйшими собственноручными поправками Пушкина; другая копія—въ известномъ рукописномъ сборникѣ «Душъ лицейскихъ трубадуровъ», стр. 63—66; въ рукописяхъ московскаго публичнаго музея сохранилась и часть списка, съ котораго стихотвореніе было напечатано въ посмертномъ изданіи «тетради № 2395, л. 725». Впервые «Усы» были напечатаны въ 1831 г. въ московскомъ альманахѣ «Эктерна, или собраніе повѣстныхъ романсовъ, балладъ и ибсеиъ извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ», на стр. 39—42, безъ заглавія, и съ подписью: «Д. Давыдовъ», которому пьеса была приписана, конечно, по догадкѣ издателя, какъ «гусарская». (Въ этомъ же альманахѣ было неправильно приписано Пушкину чудное стихотвореніе: «И палъ предъ алтаремъ прекрасной»; см. Русск. Старину 1879 г., декабрь, 733; ст. П. А. Ефремова «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ», Новое Время 1903 г., № 9845). Поэтъ этими стихами, по видимому, не дорожилъ, такъ какъ самъ ихъ не печаталъ; онъ не возражалъ противъ приписанія другому своей пьесы; впрочемъ, онъ, можетъ быть, и не зналъ объ этомъ. Затѣмъ «Усы» появились въ посмертномъ изданіи произведеній Пушкина (т. IX, стр. 344—346). Нѣкоторые варианты были напечатаны Е. П. Якушкинымъ съ какого-то списка въ «Библиографическомъ Запискѣхъ» 1858 года, стр. 333.

Самое раннее упоминаніе объ этомъ стихотвореніи относится къ 20 марта 1816 г., когда лицейскій товарищъ Пушкина Паничевскій писалъ, изъ Царскаго Села, своему другу П. П. Фуссу: «посылаю тебѣ двѣ гусарскія пьесы нашего Пушкина—гусарскія потому, что въ нихъ (во плеткѣ гусарскій и о нихъ принадлежностяхъ) Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 69). Л. П. Майковъ высказалъ предположеніе, что пьеса могла быть написана въ концѣ 1815 года (какимъ изданіемъ, т. I, изд. 2-ое, прим.,

73. У С Ы.

Философическая ода.

Глаза скосивъ на усъ кудрявой,
Гусарь съ улыбкой величавой
На палецъ завитки металь:
Мудрецъ съ обритой бородой,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усаму сказаетъ:

Гусарь! нѣтъ вѣчнаго въ природѣ...
Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
Проходить Царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?
Умчана всё время рѣка.

За уни усъ твой закрученный
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, выщипною
Онъ вѣчно доспигаетъ сурьмою,
Расправленъ гребнемъ и рукою.

«Чтобы не смязъ уса лихова
Ты къ почѣ одю Хвастова
Его тихонько обвернешь,—
Въ падушку посомъ лезь не смѣешь
И въ крѣикомъ сибъ его делъешь,
И утромъ вновь его завъешь.—

На долгишь ужинавъ весельемъ,
Въ кругу Гусаровъ посѣдѣлымъ
И черноусымъ Удащювымъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За че здоровье бьешь бутылки?
Коня, Красавицъ и Усовъ!

Сраженъя страшный часъ настанеть
Въ рядъ ядро со трескомъ грянетъ:
А ты надъ умарскимъ сѣломъ,
Разсудка, памяти не тратьшь
Сперва кудрявый усъ уватить
А саблю вбрюю потомъ.

Окованный волшебной силой
Насишь съ красоткой милой
Ты ижисься—одной рукою
Въ восторгавъ ибги сладострастной—
Летаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, Гусарь! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно —
Летять губительны часы!
Румяны щеки пожелтеють,
И черны кудри посѣдеють,
И старость выбѣлитъ усы.

235: по эту догадку приходится отвергнуть, такъ какъ болѣе рѣшито показанъ обѣ «Усамъ», чѣмъ цитированное письмо Паличевскаго, мы не имѣемъ (П. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», издание 2-ое, Сиб., 1907 г., стр. 29). Копія, посланная Паличевскимъ Фуссу, была въ рукахъ Я. К. Грога, но намъ неизвѣстно по его свидѣтельству (Грогъ, 1 сд., прим. 1), эта копія сходна съ печатнымъ текстомъ посмертнаго изданія.

Блинскій отнесъ эту лицейскую пьесу къ числу тѣхъ, въ которыхъ «сквозь подражаемость проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзии», и который «по тогдашнему времени просто прекрасны». Съ мнѣніемъ Блинскаго можно лишь на половину согласиться: стихи Пушкина иногда оригинальны, и все въ нихъ чисто-пушкинское: и легкая, свѣтлая грусть, и добродушная иронія. Разгульный тонъ «сры-збѣяки» умбрень простосердечной моралью бритаго мудреца, смиренный образъ котораго забавно противопоставленъ самолюбивой фигурѣ пылкаго молодого человека. Писательская жилка Пушкина оказалась и въ этой пьесѣ, такъ далекой по содержанию отъ литературныхъ интересовъ, обычно занимавшихъ молодого поэта: молодцомъ Пушкинъ выразилъ свои литературные взгляды въ ироническомъ слуху о скоропремодившихъ повальными одами, о стихахъ Хвостова, употребленныхъ на панифотки для усомъ, о тощихъ драмахъ Клеона. Въ послѣднемъ имени, повидимому, не слѣдуетъ искать намекъ на кого-нибудь изъ тогдашнихъ драматурговъ; это скорѣе условное, общее прозвище горе-писателя (какъ, напримѣръ, Аристъ, Кланъ въ пушкинскихъ эпиграммахъ). Традиціонную фигуру гусаря, съ его веселостью и легкомысленнымъ отношеніемъ къ женщинамъ, мы не разъ встрѣчаемъ у Пушкина и раньше, въ «Слѣдѣ», 1815 г., и поздѣе, въ «Новѣ-стияхъ Блжнна» и «Гусарѣ», 1833 г. «Усы» — часть отголоска вичацквй, паванналь поду знакомствомъ съ кругомъ «черноусыхъ удалыцовъ», квартировавшихъ въ Парскомъ Селѣ (о нихъ см. примѣч. къ «Молитвѣ девицъ-гусарскихъ офицеровъ»), знакомствомъ, поэтъ вліялся къ которому Пушкинъ одно время стремился къ военной службѣ и писалъ («А. П. Галичу»:

Простите, двѣстишла муды!
Просты, проты мацахъ отраты!
На шбу удки ретуды,
Давно въ волетки тортыя усы,

Заблещеть пара зюлетовъ,
И я, штомечъ важныхъ муды,
Въ числѣ вавощихъ корнетовъ!

Юношескимъ мечтамъ о служаватки вѣщемся «городомъ усѣ» не удалось было сбыться, такъ какъ Пушкину не пришлось быть къ военной службѣ и пользоваться правомъ носить усы—тогдашней привилегіей военнаго класса. Въ пушкинскій эпонографіи нѣтъ ни одного портрета, гдѣ бы Пушкинъ былъ изображенъ съ усамы. Въ дорогѣ и въ деревенской глупи онъ иногда «самовольно» отпускалъ себѣ усы. Разказывая жейѣ въ одномъ изъ писемъ (27 августа 1833 г.), что былъ званъ на балъ, но не воспользовался приглашеніемъ, Пушкинъ писалъ: «я не побхалъ заимѣнїемъ бальнаго платья и за небритїемъ усомъ, которые отрошуа въ дорогу»; черезъ нѣсколько дней, 2 сентября, онъ писалъ ей, что не побхалъ къ знакомымъ на дачу, «жалѣя своихъ усомъ, которые только лишь ошестивились»: 30 октября, разказывая жейѣ про свое деревенское житье, Пушкинъ писалъ: «отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода—молоду похваля: выду на ушцу, де-шонкой зовутъ».

Н. Лернеръ.

74. БЛАЖЕНЪ, КТО ВЪ ШУМѢ ГОРОДСКОМЪ...

Письмо и стихи напечатаны въ настоящемъ изданіи по академическому изданію переписки поэта (ред. В. П. Сантова, т. 1, стр. 2—3), воспроизводимому Пушкинское правописание. Поэтъ приходилъ въ ужасъ, предвидя шбый годъ пребыванія въ лицѣ («курсъ онъ окончилъ въ юнѣ 1817 г.). Стихи проинкруты петербургскимъ юномъ, рущагося изъ школьныхъ стѣнъ на волю, петербургскимъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что лицей былъ расположенъ въ такомъ городкѣ, да еще представлялъ собою интернатъ или по образному выраженію Пушкина, допускавшаго въ этомъ слухѣ зачателное превеленіе, «монастырь». П. О. Морозову («Сочиненія и письма А. С. Пушкина», изд. «Прогрессивная», т. VIII, стр. 411) эта жалоба на лицеское «удиненіе» пришла на память набросокъ къ IV строфѣ первой главы «Евгенія Онегина», гдѣ поэтъ говоритъ о своемъ гербѣ, котораго снабдилъ нѣкоторыми чертами собственнаго характера:

Мои другъ гербъ, отъ петербурга
Ибавишься навѣкъ: умечя,
Большаго свѣта блескъ и шумъ,
Дашо павиди юныя усы.

74. БЛАЖЕНЪ, КТО ВЪ ШУМЪ ГОРОДСКОМЪ.

Даемъ это стихотвореніе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера Пушкина—какъ часть письма къ кн. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г. Ред.

Князь Петръ Андрѣевичъ,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы рускіе стихи Шанеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣнь. Такъ и быть: ужъ не вѣяйте если мое письмо заставитъ звать ваше пѣвическое сіятельство; сами виноваты: замѣлъ дразнить было несчастнаго Царско-сельскаго пустынишка, котораго ужъ и безъ того дергасть бѣшеной Демонъ бумагомаранія. Съ моей стороны прямо обязываю вамъ что я не намбрень оставить васъ въ покоѣ, покамѣтъ храмой Софійской почтаціонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ — Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно—но я ужъ рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ удивленіи? Никогда Лицей или Лицей, только ради Бога, не лицезя не казался мнѣ такъ неспосібнымъ какъ въ нынѣшнее время. Увѣрю васъ что удивленіе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ удивленіи.

Кто видитъ только въ отдаленіи
Пустыню, садикъ, сельской домъ
Холмы съ безмолвными лѣсами
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!

Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ,

И надъ Славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами,

Блаженъ, кто шумную Москву

Для мизинки не покидаетъ. — — —

И не во снѣ а на яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашего выпуска приближается. Остался годъ еще. Но цѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. цѣлой годъ еще дремать передъ каюдой!.. это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перерчитать всѣ 12 пѣсень преславутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только чтобы Гр. Радумовской сократить время моего заточенья. Безбожно молодого человека держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невѣрномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не вѣмъ быть можно въ ровной долѣ

И жребій съ жребіемъ не схожъ!—¹⁾

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные) часто читаю стихотворенія которыя нѣтъ ни лучше, недавно говѣть и исповѣдывался—все это во все незабавно—Любезный Арзамасецъ! утѣшите насъ своими посланіями—и общаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайней мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея—

Простите, Князь гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ [на] Ш.—Обнимите Батюшкова за того большаго у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича—Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтреннаго пѣвчинника, Valeas, Александръ Пушкинъ.

Домоносовъ вамъ кланяется.

¹⁾ Надъ посланіи Кн. Вяземскаго къ Денишу Давыдову. Ред.

Воскрѣ, когда Пушкинъ «на разныя забавы много жизни погубилъ», онъ ищетъ говорить объ утешеніи, безъ проищ 1816 г., искренне сочувствуя душевному довольству того, кто, «сдали въскательныхъ неабжды, дни дѣлать межъ трудовъ и дѣви, воспоминаній и надеждъ», кто «скрытъ, но милости Творца, отъ услышителя глупца, отъ пробудителя пакала» («Уединеніе»). Въ послѣднѣхъ надъ «Славенскими глупцами» отразилось обычное отношеніе Пушкина къ противникамъ Карамзина и его круга (См. дальнѣ статью объ «Драмасѣ»). Около того же времени, къ которому относится разбираемое стих. поэтъ замечательнѣ въ пьесѣ «Пробужденіе» сладкое волненіе, которое причиняли ему тревожныя, страстныя сна, его «ночная радость», застаивающа ея звать: «любовь, любовь, шемли моленья, пошли мнѣ вновь свои видѣнья» и мучительно завидовать тому, кто «не во снѣ, а павлу свою любовницу ласкаетъ!..» Эту-же мысль Пушкинъ приблизительно въ тѣхъ-же выраженіяхъ выразилъ въ посвященномъ М. А. Щербинину (въ 1819 г.) стихахъ, гдѣ поэтъ, между прочимъ, говоритъ:

Житье тому, любезный другъ...
Кто Нашеньку поцелуетъ
За танцамъ уживомъ ласкаетъ...

Ее же, наконецъ, мы находимъ въ началѣ пятой пьесы «Руслана и Людмила»:

Блаженъ, кого ночь вчерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поцелуетъ...

Н. Лернеръ.

75. ЖЕЛАНІЕ («ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ»...)

Съ явно-выброшенными цензурою отдѣльными стихамъ, «Желаніе» было впервые напечатано Н. В. Анненковымъ (т. VII, стр. 16—17) какъ «отрывокъ изъ веселой лицейской пьески», который Анненкову сообщилъ М. П. Лопшиновъ. Нѣсколько пропущенныхъ стиховъ возстановилъ Е. П. Якушинъ («Библиографич. Записки» 1858 г., стр. 346—347), и въ первомъ изд. Г. Н. Гегеля (1859 г., т. I, стр. 149—150) пьеса появилась полностью.

Какъ и предполагаемое стихотвореніе, «Желаніе» стоитъ въ связи съ важными

въ однообразной лицейской жизни Пушкина событіемъ. Въ мартѣ 1816 г. Пушкинъ выдѣлся въ Царскомъ Селѣ съ возвращавшимся изъ Петербурга въ Москву П. М. Карамзинымъ, котораго сопровождалъ П. А. Вяземскій и В. Я. Пушкинъ. По отъѣздѣ гостей нашъ лиристъ, — разсказываетъ Я. К. Гротъ въ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 47), — «вступилъ въ переписку съ княземъ Вяземскимъ и Василіемъ Львовичемъ». Бесѣды писателей съ нѣмъ начинающимъ собратомъ вращались, конечно, около литературныхъ злобъ дня, и отвлкомъ на нашъ было письмо 27 марта къ Вяземскому и написанное передъ Пасхой, которая въ 1816 г. наступила 9 апрѣля, посланіе къ В. Я. Пушкину. Являясь, какъ и раньше, врагомъ старо русскаго Парнаса и сторонникомъ новой литературной школы, Пушкинъ посылается надъ «шишковистамъ» — надъ уже не разъ осужденными имъ С. С. Бобровымъ и Д. П. Хвостовымъ, княземъ С. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, присоединя къ нимъ еще Николаева. (О Бобровѣ и Хвостовѣ — см. далѣе, о Ширинскомъ-Шихматовѣ см. стр. 190), Николай Петровичъ Николаевъ (род. 10 ноября 1758 г., умеръ 24 января 1815 г.) былъ довольно бездарный стихотворецъ старой литературной школы, написавшій множество сатиры, одъ, псалмовъ, правоучительныхъ пьесъ и пьесъ. Его прозывали «русскимъ Мильтономъ», хотя Мильтона напоминалъ онъ развѣ тѣмъ, что былъ слѣпецъ. Имъ написаны популярныя въ старину пьесы: «Вечеркомъ румяну зорю...», «Взвѣйся выше...», «Душеньки часокъ не види...» Псалмодію пьеску цитируетъ Гоголь: герой «Записокъ сумасшедшаго» высказываетъ ее въ свою тетрадку, — «очень хороше стишки, должно быть, Пушкина сочиненіе». У Николаева были почитатели и до Ноприцана. Въ 1816, 1817 и 1818 годахъ онъ собирался и «дѣлалъ приличныя воспоминанія о Николаевѣ въ день его смерти», Карамзинъ, Державинъ, Батюшковъ были о Николаевѣ очень нестеснаго мнѣнія. 1).

На худшее посланіе племянника Яковъ писалъ 18 апрѣля 1816 г. изъ Москвы:

1) О немъ см. Сынъ Отечества 1816 г., ч. XXXIII, № 12, 24 марта по мнѣнію Л. И. Маюкова, высказанному въ привѣщаніяхъ къ академическому изданію, быть можетъ, по

75. Ж Е Л А Н И Е.

Христось воскресь, питомець Феба!
 Дай Богъ, чтобъ милостію неба
 Разсудокъ на Руси воскресь —
 Онь что-то, кажется, нечезъ...
 Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
 Воскресли миръ и тишина:
 Чтобъ въ академіи почтенной
 Воскресли члены ото сна:
 Чтобъ въ наши грѣшныя времена
 Воскресли предковъ добродѣтели:
 Чтобы, Шихматову на зло,
 Воскреснуть новый Буало —
 Расколовъ, глумостей свидѣль,
 А съ нимъ побольше серебра
 И золота, et caetera.
 Но да не будетъ воскресенья
 Усопшей прозы и стиховъ:
 Да не воскреснуть отъ забвенья
 Покойный господишъ Бобровъ,
 Хвалы газетчика достойный
 И Николаевъ, поэтъ покойный,
 И непокойный графъ Хвостовъ,
 И всѣ, которые на свѣтъ
 Писали слишкомъ мудро,
 Тоестъ, и гладко, и темно,
 Что очень стыдно и грѣшно.

Концовка Bachelor (18 вѣкъ).

«Благодарю тебя, мой милой, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твоей сродни съ моими; я истинно желаю, чтобъ *неспокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ некоторыхъ поръ Муза моя стала лѣнива, и се тормозить подобно, чтобъ вышло что-нибудь путное».

Письмо свое къ племяннику и внучкѣ съ г-мъ «брату по Аполлону» Василии Львовичу заключилъ очень скверной эпиграммой на злополучнаго Шуматова. Поэтъ отвѣчалъ дядѣ лишь въ началѣ января 1817 года («Тѣбѣ, о Песторъ Арзамаса»...).

76. ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Подлинникъ «Фавна и пастушки» неизвестенъ. Одна копія находилась въ исчезнувшей шабѣ тетради М. А. Корфа, которую пользовались П. В. Анненковъ, В. П. Гасенскій и П. А. Ефремовъ. Другая копія сохранилась въ принадлежавшей К. Я. Грогу тетради, по мнѣнію владѣльца, «по всѣмъ признакамъ относящейся къ старому лицейскому времени» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 240, 242—244). Впервые пьеса была напечатана въ альманахѣ Б. М. Федорова «Памятникъ естественнаго музея» на 1827 г., стр. 172—180, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и пастушка», съ полной подпискою автора, съ помѣткою 1818 г. и съ значительными пропусками. Хотя издатель въ предисловіи къ своему альманаху и заявилъ, что «А. С. Пушкинъ, позволивъ издателю помѣстить въ семь альманахъ и некоторая изъ первыхъ произведеній своей музы, не довѣряя достаточно нѣмъ, желая, чтобы издатель означилъ время сочиненія нѣмъ», хотя Пушкинъ, можетъ быть, и действительно позволилъ альманашнику напечатать что-нибудь изъ дошедшихъ къ спискамъ юношески-преданныхъ этой замѣтки Пушкинъ, вероятно, въ разсѣянно-приваженномъ посланіи: 1817 г., ч. XXXVI, № 9; Вѣстн. Европы 1819 г., кн. 3; Современникъ 1836 г., № 7, ст. М. П. Антоновича, стр. 22; Рус. Вѣстникъ 1860 г., № 4, стр. 648; С. А. Венгеровъ, Русская поэзія, т. I, 783—789 и прим. 322; Сочиненія Державина, изд. Я. К. Грота, III, 280—281; Письма Н. М. Карамзина къ П. П. Сумарокову, СПб., 1866 г., стр. 19, 20, 37, 106; Сочиненія Антоновича, изд. Л. П. Маковского, т. I, 470, т. III, 85; А. А. Чебановъ, П. П. Шубинскій, Воронежск. (1891 г.)...

...своихъ своихъ стихотвореній, но къ «Фавну и пастушкѣ» разрѣшеніе поэта, повидимому, не относилось. Въ критическихъ замѣткахъ Пушкина находимъ протестъ поэта противъ поступка издателя, вѣроятно, предвѣщенный для печати: «не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ нѣче за мужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана псалма, писанная слогами переносчика стиховъ г-на Панаева». Въ другой редакціи этой замѣтки Пушкинъ жаждетъ, что «г. Федоровъ не печаталъ однажды и личическую нечестность, сочиненную однажды г. Панаевымъ». Своєю замѣткой Пушкинъ не вачеталъ, но отъ имени поэта было объявлено въ «Свершшахъ Цѣбтахъ» на 1829 г., стр. 35—36, что отъ «Фавна и пастушки» «нашъ поэтъ самъ отказывается и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе передъ публикой... выпускать въ свѣтъ раніи, нездѣланы понышкі живыхъ писателей противъ нѣмъ желанія непростительно». Отреченію Пушкина въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить слова приведеннаго заявленія о «раніи нездѣланы попыткѣ» дѣлаются его очень наткнмъ, и П. В. Анненковъ («Сочиненія» П., т. II, стр. 150), «Материалы для біографіи Пушкина», СПб., 1873 г., стр. 29—30) явилъ основательно указываетъ, что принадлежность стихотворенія, сохраненнаго Корфовею тетрадью, Пушкину несомнѣнна. Замѣчательно, что и Анненковъ (I, с.) и П. О. Морозовъ («Сочин.» II, изд. «Прозвѣщенія», т. 408), и Л. П. Майковъ («2-е изд. изд. I г., примѣч. 73—74), и П. А. Ефремовъ («Сочин.» II, изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 16) относятъ пушкинское отреченіе къ «Роману» («Подъ вечеръ осенью несчастной»...), упуская изъ виду, что поэтъ отказывался отъ «идилліи» въ стилѣ Панаева, а въ «Романѣ» см. стр. 156), воспѣвающимъ страданія несчастной матери-дѣвушки и ея дѣтей, ничего идилическаго нѣтъ. Отрекался Пушкинъ отъ «Фавна и пастушки», быть можетъ, потому, что сдѣланный издателемъ пропускъ мѣстами затемнилъ смыслъ пьесы.

Цѣль «Памятника естественнаго музея» пьеса была перепечатана въ послѣднемъ изданіи г. IX, стр. 377—384, и изданіи Анненкова, т. II, стр. 108—114. Е. П. Якушкинъ («Библиографическія Записки» 1858 г., стр. 314—316), В. П. Гасенскій «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 172—173 и К. Я.

Пастораль Буше.

76. ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною,
 Какъ днѣя съ зарею
 Красавица цвѣтетъ:
 Все въ ней очарованье:
 И томное дыханье,
 И изорвы томный свѣтъ,
 И груди трепетанье,
 И розы вѣжливый цвѣтъ,
 Все юность измѣняетъ!
 Уже Лилу не плывиеть
 Веселый хороводъ:
 Одна у сонныхъ воды,
 Въ альсамъ она танецъ,
 Вздыхаетъ и томится,
 И съ нею тамъ Эротъ.
 Когда же, ночью темной,
 Ее къ постель скромной
 Застанетъ тихій сонъ,
 Въ полуночномъ молчаньи,
 При мѣсячномъ сияньи,
 Сдѣлаетъ Купидонъ
 Съ волшебною мечтою,
 И тихую тоскою
 Исполнитъ сердце оное —
 И Лила, въ сповѣдьяхъ
 Вкушаетъ наслажденье
 И шепчетъ: О Филонъ!

II. ПЩЕРА.

Кто тамъ въ пещерѣ темной,
 Вечернею порой,
 Окованъ дѣвлюю томной,
 Покоится съ тобой?
 Итакъ ужъ ты вкусила
 Все радости любви:
 Ты муствуешь, о Лила,
 Волненіе въ крови,
 И съ трепетнымъ смятеньемъ,
 Съ пылающимъ лицомъ,
 Ты дынешь уносимъ
 Амура подъ крыломъ.
 О, жертва страсти вѣжливой,
 Въ безмолвіи гори!
 Покойтесь безматекно
 До пламенной зари!
 Для васъ потокъ ширивый
 Утровою тьмою отбѣгъ,
 И убедь молчаливый
 Туманный свѣтъ листъ:
 Завѣсь розы наклонилась
 Надъ вами къ темной крови,
 И вѣтры пригласилъ,
 Гдѣ царствуетъ любовь...

Гротъ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 242—244) внесли рядъ вариантовъ, о которыхъ см. въ статьѣ о текстѣ, въ концѣ тома. Полностью напечатать это стихотвореніе впервые Н. А. Ефремовъ (въ изд. 1880 г., т. I).

Нетрудно убедиться при чтеніи пьесы, что къ 1818 г., которымъ она датирована въ альманахѣ можетъ быть, это обстоятельство и успало недовольство Пушкина, придававшего значеніе хронологическимъ помѣткамъ, она относится не можетъ. Анненковъ въ своемъ изданіи произведеній Пушкина (т. II, стр. 150) сообщаетъ, на основаніи показаній тетради М. А. Корфа, что стихотвореніе помѣчено 1816 годомъ. В. П. Гаевскій (I, с.) высказалъ даже предположеніе, что оно написано еще раньше 1816 г.; но, по справедливому замѣчанію Л. П. Майкова (2-е акад. изд. I т., стр. 241), предположеніе Гаевскаго могло бы быть принято лишь въ томъ случаѣ, если бы оно было подтверждено болѣе обязательными и надежными доказательствами». Въ спискѣ произведеній записанномъ Пушкинымъ на оборотѣ «Парящихся студентовъ» значится пьеса «Картинки», но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (см. статью о литературныхъ замыслахъ и планамъ Пушкина въ 1813—1815 гг.) нѣтъ положительныхъ основаній отождествлять эти «Картинки» съ «Фавномъ и пастушкой».

«Фавнъ и пастушка» отмѣчены сильнымъ влияніемъ Парни (см. статью П. О. Морозова «Пушкинъ и Парни»). Анненковъ смотрѣлъ на «Фавна и пастушку» какъ на «переводъ или, лучше, волюное подражаніе стихотворенію Парни: «*Les déguisemens de Vénus*», Гаевскій, признавая, что стихотвореніе Пушкина навѣрно пьесой Парни, отказывается «указать нѣсколько строкъ сразу которая были бы даже волевымъ подражаніемъ Парни». «Очевидно»,— замѣчаетъ Майковъ, «здесь дѣлать не о простомъ заимствованіи, а о литературномъ соотношеніи другого рода». Произведи сроненіе «картинъ» Пушкина съ «картинками» французскаго поэта, Майковъ пришетъ къ выводу, что заимствованіи изъ Парни у Пушкина отдаленны и незначительны, и что не въ нихъ «зависимость «Фавна и пастушки» отъ произведеній Парни обнаруживается съ наиболее интересной стороны, а въ томъ, что Пушкинъ старался усвоить себѣ и некоторые художественные приемы своего образца». Гаевскій называетъ «картинки» Пушкина «блѣдными

копіями» стихотворенія Парни, «утратившаго всю грацію подъ перомъ необычнаго подражателя». Этого отзывъ крайне несправедливъ. При сравненіи однообразной и растянутой на дѣлать тридцать «картинъ» пьесы Парни съ легкимъ и граціознымъ стихотвореніемъ Пушкина, выводъ, если даже принять во вниманіе отдѣльная слабая мѣста у русскаго поэта, подумается не къ похвалу Парни. Въ гораздо меньшемъ числѣ стиховъ, къ тому же болѣе короткаго размѣра (у Парни четырехстопный ямб), рассказъ Пушкина, задуманный самостоятелно и лишь въ некоторыми чертами напомнимающій рассказъ французскаго поэта, рѣшительно ярче, живѣе и драматичнѣе. Прелеза не отдавъ предпочтенія теплому, простому стилю Пушкина передъ холодною изысканностью Парни, у котораго пастухи и пастушки совѣсьмъ сахарные и говорить, какъ маркизы. У Парни полное отсутствіе характеровъ; его влюбленные пастухи и извѣщившая пастушки скроены по обычному шаблону пасторальной поэзіи. У Пушкина тоскующій Фавнъ и его утѣшитель философъ Сатиръ—настоящіе характеры, полные жизненной правды. Юморъ и драматизмъ даютъ «Фавну и пастушкѣ» особенное превосходство предъ «картинками» Парни. Французское влияніе видно и въ языкѣ «Фавна и пастушки». Ф. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности сказаній «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева», стр. 66) отмѣтилъ галлицизмъ въ 9 ст. картины: «Все юность измѣняетъ»—*trahit*—т. е. выдаетъ.

«Преображеніямъ Венеры» подражалъ Батюшковъ, переделавшій IX картину нуб («Вакханка»). XXVII-ую картину Пушкинъ въ 1824 г. лично переработалъ въ «Прозернину», еще разъ и въ послѣдній разъ превзойдя свой образецъ.

Блинскій относилъ «Фавна и пастушку» къ тѣмъ произведеніямъ, которыя «по изобрѣтенію, по формѣ и по имѣямъ напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы или, по крайней мѣрѣ ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ влияния этихъ двухъ поетовъ».

Н. Лернеръ.

III. ФАВИЯ.

Но кто там, близ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенищѣ Венеры
Съ досадою оны глядитъ:
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога, —
То Фавия, угрюмой житель
Льсовъ и горь крутыхъ,
Докушливый гонитель
Настушекъ молодыхъ,
Любима Кунидона—
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ оны...
Въ пріютѣ сладострастья
Оны слышите вздохъ счастья—
И вѣки томный стоитъ,
Въ безмолвіи несчастной
Страданья часу шеть,
И въ ревности напрасной
Горячи слезы льетъ,
Но воть почей царца
Скатилась за лѣса,
И тихая девица
Румянитъ небеса;
Зефиръ прошепталъ—
И Фавия въ дремучій боръ,
Бѣжить сокрытъ печали—
Въ ущельяхъ лихихъ горъ. —

IV. РѢКА.

Она, поутру, Лила
Пятвертою погой
Средь рощицы густой,
Задумчиво ходила. —
«О, скоро ль, мракъ ночью,
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладеешь?
О, скоро ль, темный лѣсъ,
Въ туманѣхъ заснивешь
На западъ небесъ?»
Но морозъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ— сверкнувъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вѣшій вѣтерочикъ,
Летить она въ лѣсочикъ—:
Оны гонится за ней—
И третняя Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И вѣжна грудь открылась
Лобзаньемъ вѣтерка,
И стройная нога
Неволью обнажилась.

Норная надъ травой,
Настушка робко дышитъ:
Къ рѣкѣ лети стрѣлою,
Бѣги Фавия за собой
Всѣ ближе, ближе слышитъ,
Отчаянья полна,
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дышанья;
Напрасны всѣ старанья,
Ты Фавию суждена—
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка— она могла,
Штъ! — Лила спасена.

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И вѣжливый Кунидонъ,
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ:
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ сель Венеру,
Но третнеймъ волнамъ
Песуть они въ пещеру. —
Любви пустынный урмъ,
Сматливцевъ былъ ужъ тамъ...
И воть уже съ Филономъ
Всегде шеть она,
И страсти пламъ стономъ
Прервалась тишина,
Спокойно дремлетъ Лила
На розахъ вѣтъ и сна,
И дуть свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФАЛЪЛЪ.

Поинкнувъ головою
Несчастный богъ лѣсовъ,
Однѣ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
Прости, любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ оны;—
«Въ печали трагитъ младость
Я рокомъ осужденъ!
— Вдругъ изъ лѣсу румный —
Натайся передъ нимъ,
Сатиръ явился пьяный,
Съ кувшиномъ круговымъ:
Оны мутными глазами
Пути домой искалъ,
И козными ногами
Едва переступалъ:
Шель, шель, и натолкнулся
На Фавию моего,—
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него...
Ты ль это, братъ любезной?

77. АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Единственная рукопись этого стихотворения (Моск. Публ. музей, тетр. № 2364, л. 7)—руки А. Д. Плищевского, съ пометкой: «Сказка. 1816»; Пушкинъ самъ ввелъ въ нее поправки и пометки: «перен.» (перенести). Стихотворение появилось въ изданіи 1826 года съ пометкой «сказка», а въ изданіи 1829 года этой пометки уже нѣтъ. Между печатнымъ текстомъ и рукописью изрядная разница (см. въ концѣ тома, въ статьѣ о текстѣ). Мы воспроизводимъ стихотвореніе въ томъ видѣ, въ какомъ его печаталъ самъ Пушкинъ.

Майковъ отнесъ нѣсколько тяжело-вѣсно къ этому легкому стихотворенію, вспоминая по поводу его мною, народная повѣсть, фантасма и повелла и шва въ немъ сатиры противъ брака. Легкость и небрежность стихотворения Пушкина не соответствуютъ духу сатиры; гораздо болѣе правъ Майковъ въ своихъ историко-литературныхъ сближеніяхъ. Не рѣшась говорить о прямомъ заимствованіи, онъ сближаетъ стихотвореніе съ произведеніями столь хорошо извѣстной Пушкину литературы вольнодумцевъ-эротиковъ конца XVII и начала XVIII в. При вѣкторныхъ изданіяхъ знаменитаго въ свое время и указаннаго уже въ статьѣ о Шамелѣ (стр. 259), шуточнаго «Путешествія» въ южную Францію печаталась поэма «Le divorce de l'Amour et de l'Hyménée» (помѣщенная также въ «Bibliothèque Elzevirienne», «Oeuvres de Chapelle et Bachaumont, Nouvelle édition revue et corrigée sur les meilleurs textes, notamment sur l'édition de 1732, précédée d'une notice par M. Tenant de Latour. Paris. MDCCCLIV»). Авторъ поэмы Францискъ де-Баномола (род. въ 1624 г., ум. въ 1702 г.) рассказываетъ о ссорѣ двухъ большихъ друзей Амура и Гименя. Приводя заключительные стихи Баномоловой поэмы, Майковъ сравниваетъ ее съ стихотвореніемъ Пушкина въ отношеніяхъ характеристикъ существующихъ лицъ, приемовъ изложенія и проищъ обонухъ авторовъ.

Приводя длинную выписку изъ поэмы Баномола, Майковъ признается, что «было бы слишкомъ смѣло настаивать на утверженіи, что Пушкинъ позаимствовалъ Баномолу, но при томъ обширномъ знакомствѣ съ французскою литературою XVII и XVIII столѣтій, которымъ обладалъ нашъ авторъ съ ранняго возраста, шло бы возможно

предположеніе, что ему была извѣстна и поэма Баномола». Дѣйствительно,—знать ли Пушкинъ Баномола, вопросъ; но гдѣ у Пушкина мы не встрѣчаемъ имени этого гротесксивнаго поэта. Можно указать болѣе близкій и достовѣрный источникъ заимствованія. Это—Вольтеръ, «феррейскій злой крикунъ, поэтъ въ поэтахъ первый». Изъ одной довольно скабрёзной его сказочки (изъ цикла «Contes en vers») «Le cadenas», Пушкинъ могъ взять образы своихъ сабинговъ:

Evangelé enfant que l'on appelle Amour,
Un autre evangelé, he! las! bien moins aimable,
Le triste Hymen...

Этихъ образовъ было, вѣроятно, достаточно для того, чтобы пушкинское воображеніе создало остроумную и блестящую сказку.

«Елена», обращеніемъ къ которой заканчивается сказка,—условное, не-личное имя, взятое, пожалуй ради рифмы съ «Гименеемъ». Это, конечно, не та «гордая Елена», героиня «Навѣнья», 1815 г., которая причинила поэту столько сердечныхъ мученій.

Бланский отнесъ «Амура и Гименей» къ числу тѣхъ переходныхъ, но выраженію гениальнаго критика, поэмъ, съ которыхъ виднѣть уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе чуждый литературнымъ традиціямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей... обидящій Пушкина, но еще не Пушкинъ». Б. Л.

78. ФИЛЪ АНАКРЕОНА.

Нѣса эта извѣстна въ трехъ копияхъ: первая, съ поправками самого Пушкина и В. А. Жуковского, находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364, л. 8, и носитъ пометку: «1816» и «сена...» (т. е. «не паю»); другая въ принадлежаніи Я. К. Грогу тетради «Включеній изъ собранія лицейскихъ стихотвореній 1-го курса» (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 24); третья въ рукописи московскаго музея № 2395, л. 774. Печатаемъ стихотвореніе въ исправленномъ самъ поэтомъ видѣ, по копіи тетради № 2364. Съ третьяго сиска оно было впервые напечатано въ помертномъ изданіи произведеній Пушкина т. IX, стр. 363—364 и лишь въ изданіи литерат. фонда (т. I, стр. 126—127) появилось въ исправленномъ видѣ.

Вскричала Сатиръ сѣной:
 Въ какой странѣ безвѣстной—
 Я встрѣтился съ тобой?»
 — Ахъ! молвила Фаивъ уныло,
 Завяли дни мои!
 Все, все мнѣ измѣнило,
 Несчастенъ я въ любви!
 Что слышу? Отъ Амура
 Ты страждешь и грустишь,
 Маленьку-бѣдокура

И ты боговорнишь?
 Возможно ли? Такъ забвеше
 Въ кувшинѣ почернай:
 И чащу въ удивленіе
 Наполнишь черезъ край!
 И пѣна застырела
 И на краяхъ шипитъ,
 И съ перваго фіала
 Амуръ уже забытъ.

Копировка Дэйзеля (18 в.)

VI. ИЗМѢНА.

Кто жъ терзостивѣй владеть
 Твою красотой?
 Не вѣрная, кто смѣетъ
 Нылающей рукой
 Бродить по груди страстной,
 Томиться, воздыхать,

И съ Лилою прекрасной
 Въ восторгахъ умирать?
 И какъ, ты измѣнила?
 Красавица, пѣвай,
 Сбивши любить, о Лила,
 И снова измѣнай!

VII. ОЦЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобою?
 Въ пещерной глубинѣ,
 Сокрывая тоскою,
 Ты плачешь въ тишинѣ:
 Грустишь уединенно,
 И свѣтъ тебѣ постыль!
 Гдѣ жъ сердца другъ безвѣстной?
 Увы, оны измѣнилъ!

Прошли восторги, счастье,
 Какъ съ утромъ легкой соны:
 Гдѣ тайны сладострастья?
 Гдѣ близкий Подомогъ?
 О Лила! вынуть розы
 Мгновенныя любви:
 Познай же грусть и слезы
 И нынѣ терны рвы.

Н. А. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 151) описъ «Фіалъ Анакреона» къ «незначительнымъ французскимъ подражаніямъ». Бѣлинскій включилъ «Фіалъ Анакреона» въ число пѣсней, напоминающихъ эпоху русской литературы до Жуковского и Батюшкова. Въ немъ видно вліяніе анакреонтическихъ пѣсней Державина. «Фіалъ Анакреона» — первая пѣснь Пушкина, написанная бѣлыми стихами. Мысль пѣсни, обычную съ незапамятныхъ временъ въ міровой поэзіи любви, выразилъ Пушкинъ и въ «Фавнѣ и пастушкѣ» (картина VI, «Фіалъ») устами философа Сатира, который утѣшаетъ тоскующаго влюбленнаго Фавна и συμβουлетъ ему некать забвенія на дѣлѣ фіала.

79. ПОСЛАНИЕ ЛИДѢ.

Эта пѣснь сохранилась въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2364 (дл. 1—2) и въ копіи, въ матиошкиской тетради, принадлежащей нынѣ К. Я. Гроту (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 244). Въ музейной тетради посланіе носитъ пометы: «1816» и «не надо»; послѣдняя относится, должно быть, къ подготовительной работѣ поэта для изданія сборника его стиховъ. Намечатаніе впервые въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817 г., ч. II, № 23, стр. 310—312, съ подписью поэта, посланіе имъ болѣе не перепечатывалось и вошло лишь въ Анненковское изданіе (т. II, стр. 104—106, съ пропускомъ 11—15 стиховъ). Н. В. Анненковъ (ор. с., стр. 150) сообщаетъ, что посланіе, «весьма слабое по сочиненію и стихамъ», пошло въ «Сѣверный Наблюдатель» безъ вѣдома автора. А. П. Пезделовъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Сиб., 1882 г., стр. 27—28) видитъ въ этой пѣснѣ отраженіе легкомысленнаго вліянія молодого Пушкина на жизнь Мильна Анненкова, отличаемаго извѣстною строгостью. Посланіе Пушкина грубо и блестяще. Молодой поэтъ явно подражалъ французскимъ эротикамъ. Содержаніемъ, какъ указалъ А. П. Майковъ (2-ое акад. изд. Г. т., примѣч., 253), пѣснь напоминаетъ одну пѣснь Шамелла: *Lettre à mademoiselle de Lenclos*, историческую красавицу, исповѣвавшую ту «мудрую вѣру» въ радость и веселье, апостоломъ которой провозгласилъ себя Пушкинъ въ посланіи. Намѣтку на въ грезной «мудростью» мы

встрѣчаемъ уже въ «Наружныхъ студентахъ» 1814 г.: «Подъ столь холоднымъ мудрецовъ, подъ столь умелымъ дураковъ!». Форма пѣсни также подражательна. Черезъ все посланіе проходитъ одна и та же рима на «онъ», которую такъ легко и рѣзко играть Пушкинъ. Эту риму нашъ поэтъ замечтовалъ изъ Вольтера, у котораго мы встрѣчаемъ частое ея повтореніе—въ сказочкѣ «Les trois manières» и въ эпиграммѣ «Les Frérons» (въ послѣдней эта рима повторяется 25 разъ). «Посланіе Лидѣ» облачаетъ значительное для тогдашняго возраста Пушкина знакомство съ греческой философійю, представителей которой онъ перечисляетъ не только по именамъ, но и по нѣкъ личнымъ признакамъ («злой циникъ»—Диогенъ, «скудный рабъ Эпифродита»—Эпиктетъ). Въ такія мимолетныхъ чертахъ, какъ нахмурившееся чело Зенона, «законъ Аристиппа», «Платоновы шмеры», видно даже нѣкоторое знакомство Пушкина съ философскими системами—своеобразный отголосокъ уроковъ Кушница.

Н. Лернеръ.

80. ПУШНЕВАЯ ПѢСНЯ.

Впервые «Пушневая пѣснь» была напечатана Н. В. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (т. VII, стр. 17—18) съ замѣчаніемъ, что хотя этогъ «почти подстрочный, но плохой переводъ Шиллеровой студентской пѣсни... сдѣланный по вѣснѣмъ вѣроятіямъ еще въ лицѣ», и переписанъ весь рукою Пушкина, но дѣйствительно ли принадлежитъ ему, еще неизвѣстно». Пощеркъ подлинника, находящагося въ московскомъ публичномъ музеѣ, въ альбомѣ писемъ Пушкина къ брату Лѣву Сергѣевичу, сходенъ съ пощеркомъ поэта; С. А. Соболевскій («Библиографич. Записки» 1858 г., ст. 2), близко знававшій обоимъ братьямъ Пушкиныхъ, узнавалъ въ этой рукописи пощеркъ Лѣва Сергѣевича. За младшимъ братомъ поэта, который тоже иногда писалъ стихи (его пѣснь «Петръ Великій» очень нравилась Бѣлинскому), вошла одна слабость: онъ любилъ помпестифицировать поклонниковъ своего гениальнаго брата и иногда вставлялъ имъ свои стихи за его произведенія. Лѣву Сергѣевичу, по всей вѣроятности, принадлежатъ приписывавшіеся его брату шумные стихотворе-

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремлени
 За годомъ годъ летить,
 И старость—въ отдалени
 Красавицъ грозить.
 Амуръ уже съ поклономъ—
 Разстался съ красотой,
 И въ сѣбѣ за Кундиломъ
 Веселья скрылся рой;—
 Въ лѣву пастушка бродить—
 Печальна и одна;
 Кого же тамъ находить?
 Вдругъ Фавиа зрѣтъ она,
 Философъ козлоногій
 Подъ линою лежалъ,
 И пивнестый фиалъ,
 Вѣнкомъ украсивъ роги—
 Пиво осушалъ.—
 Хоть Фавиѣ и не находка
 Для Анны прежнихъ лѣтъ,
 Но вздумала красотка
 Любви раскинуть сѣтъ:—

Подкралась, устремля
 На Фавиа томный взоръ,
 И, слышавъ я, клоня
 Къ развязкѣ разговоръ.
 Но Фавиѣ съ улыбкой злою,
 Наивна свой фиалъ,
 Качая головою, —
 Красавицъ сказала:
 «Штъ, Анна, я въ покой,—
 Другику, мой другъ, лови:
 Есть время для любви,
 Для мудрости другое,
 Бывало, я тобой
 Въ безуміи пдвлялся,—
 Бывало восхищался
 Коварной красотой,
 И сердце, тѣбѣ страстью,
 Къ тебѣ меня влекло,
 Бывало... но, по счастью,—
 Что было—то прошло.

Заглавная виньетка «Идилій» Вл. Панаева, (Сиб. 1820).

ше: «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ... Въ концѣ сороковыхъ годовъ Левъ Сергѣевичъ читалъ въ Одессѣ П. О. Щербинѣ и Б. М. Маркевичу какіе-то стихи, выданные ему за стихи брата. Рассказывая объ этомъ, Маркевичъ замѣчаетъ («Русс. Вѣстн. 1888 г., № 9 стр. 430): «Не мистифицировать ли насъ съ Щербиной Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не проръ), прочитавъ намъ собственную свою подборку подь «пошибъ» гениальнаго брата?» Г. П. Гениадн («Приложенія къ сочиненіямъ П., изданія Я. А. Шаховымъ, Сиб., 1860 г., т. 101—102) тоже находить, что «въ небрежныхъ стихахъ» «Пушкиной пьесы» нельзя узнать Пушкина.

Такимъ образомъ, пьеса съ самаго своего появленія вызвала сомнѣнія насчетъ авторства Пушкина. П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ внесли ее въ свои изданія тоже съ подобными оговорками. А. П. Майковъ (2-ое акад. изд. 1 т., прим., 254—255) находить, что «даже если принимать во вниманіе слабое знакомство лицейца Пушкина съ пбмещскимъ языкомъ, переводъ «Пушкиной пьесы» все-таки можетъ быть ему приписанъ какъ по отсутствію трудностей въ пбмещскомъ оригиналѣ, такъ и потому, что переложеніе могло быть сдѣлано при помощи кого-либо изъ товарищей, всего изроститѣе—Кюхельбекера, съ которымъ Пушкину, по его собственному свидѣтельству, приходилось толковать о Шиллерѣ». Майковъ тутъ же приводитъ стихотвореніе Кюхельбекера—«Дионантъ», будто бы напоминающее содержаниемъ «Пушкину пьесу», съ которой на самомъ дѣлѣ пьеса Кюхельбекера ничего не имѣетъ общаго. Служая шиллеровскій подлинникъ съ приписываемымъ Пушкину переводомъ, Майковъ придаетъ послѣдній «очень близкимъ, хотя и не особенно удачнымъ». Въ 1816 году «Пушкину пьесу» отвѣтъ впервые В. П. Гасеикій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 373—374), вѣроятно потому, что она казалась ему связанной однимъ настроеніемъ съ «Здравнцамъ дубкомъ» 1816 года.

Хотя въ этомъ періодѣ своего творчества нашъ поэтъ и былъ склоненъ славить на каждомъ шагу «шинуу кружку и кубокъ пушкиновъ», но славить онъ ихъ гораздо складнѣе и изящнѣе. Если по настроенію пьесы Шиллера и подходитъ къ слѣдующему, литературному отношенію Пушкина, то этого все-же недостаточно для приписанія перевода принадлежащимъ Пушкину. Этотъ переводъ, да еще лишенный

шиллеровской рифмы, отзывается подстрочникомъ. Мы знакомы съ пушкинскими переводами или, вѣрнѣе, переложеніями, подражаніями: Пушкинъ все чужое перерабатывалъ, переиначивалъ въ свое и никогда не переводилъ съ рабскою точностью. Михаилъ А. Г. Горфункель («Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей», подъ ред. С. А. Венгерова, 1, Сиб., 1901, стр. 459), что форма пьесы Шиллера, «сильная, жизненная, порывистая, дѣйствующая увлекательно, въ такомъ же законченномъ видѣ передана на русскій языкъ Пушкинымъ», стоитъ совершенно одиноко среди другихъ отзывовъ. Но независимо отъ недостатковъ или достоинствъ перевода, пьеса сама по себѣ гораздо ниже обыкновеннаго пушкинскаго художественнаго уровня. Быть можетъ, «Пушкину пьесу» перевелъ Кюхельбекеръ или Дельвингъ, который въ лицѣ (см. статью Пушкина о Дельвингѣ) читалъ Шиллера съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лекторомъ и вдохновеннымъ комментариемъ: (это, конечно, Кюхельбекеръ). Неизвѣстно, зналъ ли Пушкинъ сколько нибудь удовлетворительно пбмещскій языкъ, который въ его лицейскомъ выпускномъ свидѣтельствѣ стоитъ въ перечлѣ преподававшихся предметовъ на послѣднемъ мѣстѣ и притомъ безъ оцѣнки (см. списокъ въ изданіи П. А. Гасфрейндомъ сборникѣ: «Пушкинъ, документы государственнаго и петербургскаго главнаго архивовъ М. П. Д.», Сиб., 1900 г.) Шиллера онъ читалъ не въ подлинникъ: въ 1825 г., просябая къ Михайловскому, онъ просилъ брата прислать ему «Oeuvres dramatiques de Schillers».—очевидно, во французскомъ переводѣ. Пбмещскія выраженія въ произведеніяхъ Пушкина очень рѣдки, пбмещская литература вліяла на него мало; въ лицейскомъ періодѣ не видно даже малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія. С. П. Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ (А. П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 330), относился уже ко времени возвращенія поэта изъ деревенскаго заточенія, рассказывая, что Пушкинъ «Шиллера не читалъ въ подлинникѣ». Въ эту самую пору, когда возникаютъ подобныя настоящимъ сомнѣніямъ, неизбежна ретроспективная оцѣнка (подозрительная) пьесы. Въ данномъ случаѣ такая оцѣнка несомнѣнно колеблеть предположеніе объ авторствѣ Пушкина.

Н. Лернеръ.

77. АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
 Повесело вась новой сказкой.
 Звалили ль вы, мои друзья,
 Сивнаго мальчика съ повязкой?
 Сивнаго?.. Вотъ? Помилуй, Фебъ!
 Амуръ совѣмъ, друзья, не славъ:
 Но шалуну пришла жь охота,
 Чтобъ, людявъ на смѣхъ и на зло,
 Его безуміе вело,
 Безуміе вѣдѣть Эроса:
 Но вкрутъ, не знаю почему,
 Оно паскучило ему.
 Взлетѣ за новую заѣбу:
 Повязку съ милыхъ связя очей,
 Нѣтъ проказникъ къ Гименею...
 А что такое Гименей?
 Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
 Холодный, дряхлый и дѣшнвый,
 Ворчитъ и дремлетъ дѣлать въкъ,
 А впрочемъ добрый человекъ,
 Да правъ имѣетъ онъ ревнивый.
 Отъ ревности печальный богъ,
 Спокойно покремать не могъ:
 Все трусилъ маленькаго брата,
 За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
 И караулилъ сущюста
 Съ своимъ токущимъ фонаремъ,
 Вотъ мальчика мой къ нему подходитъ
 И рѣчь коварную заводитъ!

«Развеселися, Гименей!
 «Ну, помирися, будь умнѣй!
 «Забудь, товарищъ мой любезный,
 «Разторъ смѣшной и безполезный!
 «Да только навсегда, смотри!
 «Возьми жь повязку въ память, милый,
 «А мнѣ фонарь свой подари!»
 И что жь? Повѣрилъ богъ ушлый,
 Амуръ отъ радости прыгнулъ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату затянулъ.
 Гимена скучные взоры
 Съ тѣхъ поръ пресѣклись по почамъ:
 Его застѣдливые взоры
 Теперь не страшны красотаы:
 Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
 Шутя надъ честью и надъ нимъ,
 Войну вѣдетъ, неблагодарный,
 Съ своимъ союзникомъ славнымъ.
 Лишь сонъ на смертныхъ палетасть,
 Амуръ въ молчаніи почномъ
 Фонарь любовнику вручаетъ
 И самъ счастливица провожаетъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ:
 Самъ отъ безвѣснаго Гимена
 Онъ охраняетъ тайну дверъ...
 Нойми меня, мой другъ Елена,
 И мудрой повѣсти повѣрь!

Колыбка Елена.

81. «ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ».

Это стихотворение принадлежит къ той же категоріи «вакхическихъ» лирическихъ Пушкина-лицеиста, какъ и «Порушюіе студента» (1814), «Вода и вино» (1815), «Погребъ» и многіе др. Ближе всего «Заздравный кубокъ» какъ будто связанъ съ «Пушиевой пѣсней» (того же 1816 г.), написанной тѣмъ же размеромъ. Но дѣло въ томъ, что принадлежность «Пушиевой пѣсни» Пушкину фактъ далеко не установленный (см. стр. 318—320). Стихотвореніе не блещетъ особыми эстетическими достоинствами, но его «вакхическій порывъ» правдивъ и правдивъ многимъ. Ближній (Соч., VIII, 320) находить, что въ «Заздравномъ кубкѣ» «сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто пушкинскій элементъ поэзіи». Въ 1848 г. М. П. Глинка написалъ къ этому стихотворенію известную музыку, а за нимъ и другіе композиторы (напр., А. К. Глазуновъ, К. Альбрехтъ) брали стихотвореніе темой для музыки. «Кубокъ» прочно утвердился въ репертуарѣ танцевальныхъ хоровъ и доселѣ расцвѣтаетъ на вечерникахъ въ провинціи. Ср. статья С. К. Булыгина, Пушкинъ и русская музыка. («Памяти Пушкина», сборникъ СПб. Университета, 1900, стр. 77 и 117; здѣсь перечислены восемь $\frac{3}{4}$ музыкальныхъ произведеній, написанныхъ на слова «Заздравнаго кубка»).

По поводу второй строфы, гдѣ поэтъ заявляетъ, что

Бранной забавы
Мы не дружимъ,—

отмѣтимъ миролюбивое настроеніе автора. Оно не всегда было таково. Мы знаемъ, что военные поэмы 1812—1815 гг. и близкое знакомство съ царскосельскими студентами возбуждали иногда въ Пушкинѣ-лицеистѣ очень воинственный настрой и памфлеты. Такъ, потомъ позже «Заздравнаго кубка» въ «Послании къ В. А. Пушкину» Александръ Сергѣевичъ разуживаетъ:

Ужъ и тогда, кто шепталъ
Жалеть казань Аполлону даромъ,
За чепъ не смѣлъ безъ стыда
Дѣль порохъ на пошлѣ съ дуракомъ,
И, если можно, горота
Ветрова, муда и Венера—
Вотъ, кажется, святая цѣра
Тѣмъ нашимъ вѣскою ибѣра

Къ счастью, связь между Беллономъ и

Аполлономъ кончилась въ пользу послѣдняго и поэтъ не пришлось «сжечь города».

Къ той же второй строфѣ слѣдуетъ прибавить, что ее разномыслия выдали известному прощическую замѣтку Чернышевскаго по адресу Шевырева.

Въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина къ эту строфу былъ внесенъ вариантъ, не принадлежащій Александру Сергѣевичу:

Браней забаву
«Любить не я».

Шевыревъ предложилъ (Москвитинскій, 1841, кн. IX, стр. 251) испривить послѣдній стихъ такъ:

«Любить... не я».

П. Г. Чернышевскій потомъ припомнилъ эту поправку, характеризовалъ въ «Современникѣ» (1855, LV, стр. 104) литературные вкусы Шевырева, и посвящалъ нашь нею:

Бранной забавы
«Любить не я».

Пушкинъ-лицеистъ не могъ такъ написать, но живѣе г. Шевырева Г. Шевыревъ не знаетъ, какъ именно была написана эта фраза въ автографѣ Пушкина, но онъ увѣренъ, что ее принадлежатъ восстановить слѣдующими образомъ:

Бранной забавы
«Любить не я».

Не подумайте, что у насъ вкрадлась опечатка. Нѣтъ, именно такъ: «Любить не я».

Этой поправкѣ хватить не дѣл, и потому скорѣе переходить мы къ разбору Героя нашего времени и Стихотвореній Лермонтова. Полн. собр. сочин. П. Г. Чернышевскаго, т. I (1906). «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», стр. 94.

Однако, странный вариантъ, «любить... не я»— не выдумка Шевырева, а дѣйствительно, первоначальная редакція стиха. Такъ читается онъ въ рукописи Московскаго Публичнаго музея, писанной рукою А. Д. Писанова (здѣсь же и поздравившая собственноручною перьевомъ Пушкина: «бранной забавы мы не дружимъ»). Въ этомъ же видѣ, судя по статьѣ К. Я. Грота въ «Бур. Мин. Нар. Пр.» 1905 г., № 10 (стр. 244) стихотвореніе пошло въ авторитетную лицейскую тетрадь Матюшкина. Ср. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкин. текста».

Н. Писановъ.

78. ФИАЛЬ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье,
Ходить я въ црвнйи Паросъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіаль Анакреона.
Виною онъ былъ наполненъ
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плоть и мирты,
Сплетенная рукою
Царицы наслажденій. —
На краюшкѣ я видѣлъ
Печальнаго Амура —
Смотрѣлъ онъ, пригорющаясь
На пивисную влагу,
— «Что смотришь ты, проказникъ,
«На пивисную влагу»

«Спросить я Купидона,
«Скажи, что такъ утѣмуть?»
«Не хочешь ли зачеркнуть,
«Да рукою не достанешь?»
— «Пить, отвѣчалъ малютка:
«Нравя, въ это море
«Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
«Я уронилъ, и факель»
«Погасъ въ волнухъ багряныхъ,
«Вонъ, вонъ — на дѣв блистаю!»
«Я плавать не умѣю;
«Охъ, жалко мнѣ — послушай,
«Доставъ мнѣ нѣкъ отсюда!» —
— «О, пѣтъ, сказалъ я Богу:
«Спасибо что ужалъ:
«Пукай тамъ остаются», —

Коштовка Гома изъ «Анакреонтической поэмы» Державина (Сиб., 1804).

82. ИСТИНА.

Неизвестная в подлинник «Истина» дошла до нас в нескольких копиях: одна, писанная, быть может, А. Д. Паличевским и снабженная подлинными авторскими пометами: «1816» и «не падох», находится в тетради московского публичного музея № 2364 т. 4; другая — в сборник «Дух лицейских трубадуров»; третья и четвертая — в принадлежащих Я. К. Грому тетрадях Ф. Ф. Матюшкина и «Навздишкам» из прованского сборника Корфа (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 244). Текст вехов этих копий одинаков. Появился текст впервые в посмертном издании произведений Пушкина т. IX, стр. 290 в редакции, сохранившей донесшим до нас копиям, Е. П. Якушкин (Библиографическая Записка 1858 г., стр. 316), пользуясь каким-то неизвестным списком, предложил другую редакцию 3-го и 4-го стихов:

И дого, оно повторали

Пусть е токки стариков.

Принять эту редакцию, с эстетической точки зрения более совершенную, но несогласующуюся со всеми известными нам копиями текста, мы не можем, так как не знаем, насколько авторитетна была списочная, виданная Е. П. Якушкиным. Преподчитаем перенять стихотворение по той копии, которая, судя по авторским пометкам, была в руках самого Пушкина. О других деталях нашего текста см. в конце тома ст. «История Пушкин. текста».

Билинский относил «Истину» к числу произведений, напоминающих до-батовскую литературную школу. А. П. Педелевский («А. С. Пушкин в его подлин», Сибд., 1882 г., стр. 27—28) с излишней строгостью выдвиг в этой подражательной по духу и стилистической образе «легкомысленного» взгляда Пушкина отрока на жизнь». Единство настроений складывается ввиду с другими произведениями того же периода, тоже славящим дарь Вакха, как, например, «Вода и вино», «Потребь», «Задриваный кубок», «Послание Лиде», «Фидль Анакреона». В «Послание к Лиде» Дюренк называет «пустым чужаком» да то, что «воду черпал рукою, не мой в дочерину счастье он». Особенно близко к «Истии» стоит «Фидль Анакреона», где проведена та же мысль: истина и счастье — на тиб чаше.

83. НАВЗДИШКА И ИККИ.

Воображение Пушкина в лицейские годы не раз обращалось к образам из военной жизни. Пушкин сам мечтал поступить после Лиде на военную службу и, пользуясь слабостью лицейского надзора, бывал в кружке гусарь, участвуя в них кутежах (см. примечание к стихотв. «Слеза»). Иногда Пушкин облачал свои мечты в образы старин, как в дворянских подражаниях Оссияну и Оссияновским поэмам Парни или в «Сраженном Рыцарь», но чаще поноша-поэт патаг я быть врывым окружающей действительности. Таковы нарисованные им картины в посланиях к Юшну, к Галчу, к В. Л. Пушкину, в балладе «Казак», в стихотворениях «Слеза», «Усы». Еще в 1821 г. фантазия Пушкина возвращалась к этим же образам и он представлял себя в «боевом ужасе». В «Подгадь» он сумел мастерски нарисовать картину боя. В «Навздишкам» Пушкин попытался изобразить эпизод из жизни партизанов. Вему стихотворению он придал сентиментальный оттенок ино под влиянием любви к Е. П. Бакушиной. Нам кажется, что в лиц «существования поэта» Пушкин представлял самого себя. Академик, вл. делясь предположение, что в тероб стихотворения изображен Денис Давыдов, допускает, что Пушкину могло быть известно его пламенное, но безответное увлечение московской танцовщицей и актрисой А. П. Ивановой. Заметьте, однако, что Академ. вл. напрасно уверяет, что Пушкин отступил от действительности в пользу замысла, не усомнившись заключить стихотворение трагической развязкой, которой требовала логика творчества. Трагической развязкой заключил стихотворение неизвестный автор посланному 8 стихов, которые само Академик, вл. и совершенно основательно, — не признает Пушкинскими (см. вл. в конце тома).

«Навздишка», по слову употреблению Пушкина, значит «партизан». В стихотворении 1821 г. Пушкин называет «Уставом навздишка» сочинение Д. В. Давыдова «Опыт теории партизанского дивизия», «Пустышаном» ст. 4, по слову употреблению Пушкина, значит не только то же, что в современном языке, но и «одинокий» (ср. «Свобода свитель пустынный», или «Тобя я посвятила пустынной дры пшше»).

Рисунок Эйзена.

79. ПОСЛАНИЕ ЛИДЫ.

Тебѣ, наперница Венеры,
 Тебѣ, которой Купидонъ
 И дѣти рѣзвая Цитеры
 Украсили цѣлтами тронъ,
 Которой и баканье примѣры
 Улыбка, взоры, милой тощъ
 Краснорѣчивѣй чемъ Вольтеры
 Намъ проповѣдаютъ законъ,
 И Аристидовъ и Епидеры,
 Тебѣ пришедливой поклонъ,
 Вънокъ любви и злры звонъ,
 Презрѣвъ Платоновы химеры
 Твоей я святостью спасенья
 И сталъ Апостоль мудрой вѣры
 Анакреоновъ и Нинонь;
 Всего: но лишь извѣстной мѣры:
 Я вижу: смурится Зенонъ
 И вся его сѣлая свита;
 И мудрый другъ юна Катонъ,
 И скучной рабъ Эпафродита,
 Сенека, какъ Цицеронъ,
 Кричатъ: гдѣ же ты, Профанъ! мученье
 Прямое смертныхъ наслажденье!—
 Друзья, согласны: пламя и стоишь
 Стократъ конечно лучше смѣхасъ:
 Терпишь великая утѣха;
 Совѣтъ вашъ воше не смѣшонъ;
 Но оиъ мифъ, слышатель, не нуженъ,
 За тѣмъ что слишкомъ оиъ мудренъ;
 Дороже мифъ хорошій ужинъ
 Философовъ трехъ цѣлныхъ дожинъ,
 Я вами право не преданонъ..

Соборъ угрюмой разсержонъ,
 Но пусть кричатъ на супостата,
 Пусть споръ лишь времени утрата,
 Кто ихъ примѣромъ обольщонъ?
 Люблю я добраго Сократа!
 Оиъ въ жизни жилъ, оиъ былъ уменья;
 Съ своею важностью придворной
 Любилъ пиры, театры, женъ;
 Оиъ между прочимъ былъ влюбленъ,
 И у Аспазіи въ уборной,
 Тому свидѣтель самъ Платонъ,
 Невольникъ робкій и покорной,
 Вздыхалъ частѣхонько въ хитонъ,
 И ей съ улыбокъ придворной
 Шепталъ: все призракъ, докъ и сонъ;
 И мудрость и пароть и Слава:
 Чтожь истинно? Одна Забава,
 Повѣрь: одна любовь не сонъ!
 Такъ даюиъ жегъ прекрасной оиъ,
 И еиъ... бѣдная Ксантима!
 Твой мужъ, совѣтникъ Аристина,
 Бывалъ до неба вознесенъ,
 Межь тѣмъ на милахъ грозно дая,
 Злой щипчикъ, ибу презирая,
 Оишь всѣмъ радостей лишонъ,
 Дышалъ отъ міра отлученья,
 Но съ бочкой страстива пустою
 Во слѣдъ да Мудростью сѣбною,
 Пустой чулакъ былъ обдѣвленъ,
 И воду черная рукою
 Не могъ зачерпнуть щастья оиъ.

«Смирять» ст. 19—форма будущего времени къ значению настоящего «смирять», как впервые у Пушкина (стр. в «Русл. и Людмилѣ») — «Надуть рѣвнивая одежды — на цареградскѣ коня» въ смыслѣ «надуютъ»; Именемъ «Эльвина» ст. 60 Пушкинъ пользуется и въ стихотвореніи «Къ ней», явно обращенномъ къ Е. П. Бакушиной.

Валерій Брюсовъ.

84. ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Въ рукописи оно неизвестно. Печатаема пьеса впервые въ 1856 году Лонгиновымъ («Современникъ» 1856 г., т. LX, отдѣлъ «Библиографическія записки», стр. 40—42 съ пропускомъ 34-го стиха, поэтъ заглавиемъ: «Незданное посланіе Пушкина 1816»). Анненковъ въ своемъ изданіи (т. VII, стр. 13) восстановилъ пропущенный стихъ, такъ заглавие: «Посланіе къ кн. А. М. Г.» и сдѣлалъ примѣчаніе: «Это произведеніе совершенно въ родѣ тѣхъ, какія молодой авторъ производилъ обычно въ эпоху своего эстетическаго настроенія, въ 1816 г.». Отнесеніе пьесы къ 1816 можетъ быть мотивировано первымъ стихомъ посланія: «осмнадцатую весну» Пушкинъ встрѣтилъ 26-го мая 1816 года. А принимая во вниманіе, что Пушкинъ всегда прибавлялъ себѣ годы, можно предположить, что пьеса написана въ самомъ началѣ 1816 г. «Посланіе, говоритъ Л. П. Майковъ, заключаетъ въ себѣ параллель между участіемъ, ожидающемъ автора, и будущностью его школьнаго пріятеля... Взглядъ, который Пушкинъ бросаетъ на самого себя, на свое скудное радостнымъ дѣтство, на безвѣдность сердечнаго влеченія, имъ переживаемаго, проникнуть безотрадною грустью и въ этомъ обстоятельстве нельзя не видѣть важной автобиографической черты, если даже мы согласимся съ мнѣніемъ П. О. Сумцова, что «это стихотвореніе многословное и туманное... Майковъ находить въ посланіи «первыя намекы на мечтательную любовь», признаки которой то дѣтскъ порѣ можно было найти только въ подросткѣ дѣтскихъ стихотвореній 1815 года: «Следа» и «Къ живописцу». «Посланіе къ Горчакову», говоритъ онъ, «является произведеніемъ оригинальнымъ и служитъ какъ бы вступленіемъ къ будущему ряду любовныхъ дѣтскъ, написанныхъ Пушкинымъ въ то время поэтъ вѣнчающимися събаженными гнанаго чувства» — къ Е. П. Бакушиной.

На такомъ автобиографическомъ значеніи посланія и оставалась большая часть критиковъ. Бѣлинскій не зналъ этихъ стиховъ, но критика высказывалась о нихъ въ его духѣ. «По словамъ Бѣлинскаго, пишетъ Стоюнинъ «Исторія Сочиненія, т. II, 1881, стр. 53—54, грусть Пушкина— всегда грусть души мощной и крѣпкой: онъ никогда не распадается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звучитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души не допуская его къ монотонности. Такъ и на этотъ разъ мечтательный поэтъ нашелъ себѣ бодрость въ дружеской связи съ товарищами... И друзья первые одѣлили поэтическій даръ своего товарища: на ихъ глазахъ онъ быстро развивался и при всей своей неопытности они вмѣли поведъ возлагать на него свои пылки надежды...»

Аналогично высказываетъ и Писмаповъ (Пушкинъ, т. I, изд. 2-ое 1893 г., стр. 41): «это второе посланіе къ лицейскому товарищу совѣмъ иного характера, нежели всѣ предыдущія сатирическія посланія. Это—дегетія. Замѣченная весьма критиками особенность Пушкинскій дегетій душевой поры его творчества уже выразилась и въ этой юношеской дегетіи: и въ ней скорбь является поводомъ къ душевному подъему, выраженіемъ котораго такъ поэтически замыкалъ Пушкинъ думнія дегетій свои. Заключение уже этой, первой, дегетіи блистаетъ гмь спокойнымъ пламенемъ самоотреченія, которое придаетъ глубокой нравственно-философскій смыслъ стансамъ: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ...» Это же посланіе служить свидѣтельствомъ, какъ неуловима была эта чистая душа передъ пылкими влѣтними эротическою поэзіи. Вызванное горестными волненіями первой любви, неудовлетворенной взаимностью... посланіе къ кн. Горчакову разрѣшается гармоническимъ душевнымъ покоемъ возмужавшаго примиренія, неполнаго достоинства уже не юношескаго».

Аналогичная мысль высказываетъ Педзенковъ («Пушкинъ въ его поэзіи», стр. 37—38) «завѣщающее преставленіе другимъ углубъ любви и оставленіе себѣ другаго романтическаго чувства встрѣчается въ посланіяхъ «Кн. П. П. Шаликову» и «Кн. А. М. Горчакову»... Въ послѣднихъ стихахъ Пушкинъ уже начинающее раскрываться мощнѣе дарованіе. Произведеніе оканчивается первымъ, еще смутнымъ проявленіемъ особенности поэзіи Пушкина— буду-

80. ПУШКЕВАЯ ПЬЕСА.

Сила четыре,
Соспится,
Жизль образуютъ,
Мирь создаютъ.

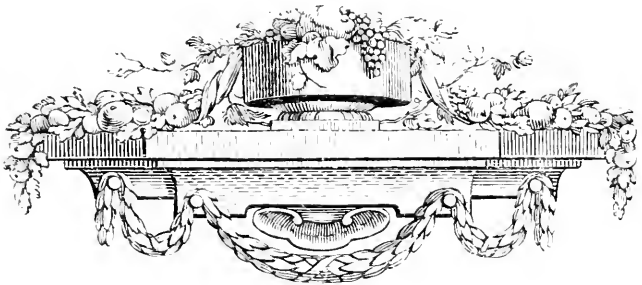
Влажно зернистый
Выжми лимонъ;
Викая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укрепи
Острую силу
Викою струи.

Влагою тритою
Воду палей;
Мирь весь объедемъ,
Тихой водою.

Примесью рома
Все освети;
Ромъ одарить
Жизню — жизнь.

Только кинувъ
Ключъ угольиъ,
Прежде чѣмъ стихнетъ,
Черной его!

81. ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ тяжелой
Положь вино —
Шиною бѣдой
Блещеть вино:
Свѣта дороже
Сердцу оно:
Ну за кого же
Выпьешь вино?

Здравіе славы
Выпьешь ли я?
Братной забавы
Мы не трываемъ.
Это веселье —
Не веселитъ,
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы!
Здравіе Феба,
Пейте, пивца!
Рѣкой Камены
Ласки — бѣда:
Токъ Нишакрема,
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Сстроится младость,
Дни мои...
Кубокъ яитарный
Положь вино —
Я — благодарной
Нило да вино.

шимъ умнѣемъ его находить прекрасную и удивительную сторону во всякомъ явленіи жизни, во всякомъ состояніи человѣческаго духа».

Вѣдъ эти разсужденія трудно признать соотвѣствующими духу Пушкинской мысли, они гораздо «многословіе и туманіе» самого посланія, да и самъ поэтъ едва ли считалъ вліаніе эротической поэзіи — «низменнымъ» и едва-ли быль склоненъ находить удивленіе въ «самоотреченіи». Гораздо цвннѣе замѣчанія Гаевскаго, который разсматриваетъ «Посланіе» только съ историко-литературной точки зрѣнія. Въ «Современникѣ» (1863 г., № 7, стр. 177) Гаевскій пишетъ: «Вліаніе на Пушкина французской литературы, довольно сильное въ дѣтскіе годы, и даже исключительное по условіямъ его воспитанія, постепенно ослабвало. Собственно имъ не вызвано ни одно изъ подлиннѣшихъ лицейскихъ стихотвореній, но вліаніе это чувствуется еще кое-гдѣ въ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ. Напримѣръ, Пушкина поразили трагическія стихи предсмертной элегій Жильбера:

*Au banquet de la vie, infortuné convive
J'arrivai un jour, et je meurs.
Je meurs, et sur ma tombe, où lentement
J'arrive,
Nul ne viendra verser des pleurs.*

Ту же мысль и тѣ же образы, хотя перенесенно въ менѣе художественной формѣ, находимъ въ посланіи Пушкина Къ кн. А. М. Горчакову...»

Въ той же статьѣ (на стр. 364—365) Гаевскій снова возвращается къ «Посланію»: по его мнѣнію, оно «памятуетъ содержаніемъ, разбромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго Къ Фелладеду (1807 г.). Напримѣръ, у Жуковскаго:

*Любовь! но и въ любви панель ому мечу,
Безумца лажки оны, току бѣдъ раздѣлаша
И невозрадное пателья уничтожене.*

*Гдѣ токъ, кому тано свитое насаженье
Дѣ мнѣша съ едеи днѣ, страдать и погибать?
Ахъ, если бы, мы могли въ сеи области иданья
Столь возмнѣтельно предвѣнну лаживъ кончатъ,
Кто бы небо оскорбилъ безумецъ, роптанья!*

Эти стихи Гаевскій сравниваетъ со стихами 43—45 и 63—68 посланія Пушкина. Такое же сходство замѣтилъ и въ концѣ общаго посланія, прибавляетъ онъ. Въ

области историко-литературной, которой только и касается Гаевскій, сравненіе выдерживаетъ самую строгую критику, но не то — въ области біографіи. И Подьяновъ, неходя въ своихъ сужденіяхъ о настроеніи Пушкина въ цѣль соотношеній къ позднѣ Жуковскаго, дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе: «при всемъ сходствѣ съ посланіемъ Жуковскаго, характеристична противоположность общаго подговѣ въ заключеніи общаго элегій». Эта противоположность и налагаетъ запретъ говорить о пламенной и стремительной душѣ Пушкина такими словами, которыя примвима въ скорбѣ къ хрупкой и вѣчной душѣ Жуковскаго.

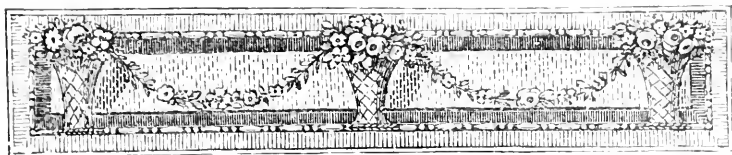
Александръ Блокъ.

О текствѣ см. въ концѣ тома. О дружбѣ съ Горчаковымъ см. стр. 230 и слѣд. О Бакуниной стр. 284 и слѣд.

«КЪ ПРИНЦУ ОРАНДСКОМУ».

Это — одно изъ немногихъ произведеній Пушкина, писанныхъ по прямому «заказу». Стихотвореніе посвящено принцу Орандскому, впоследствии королю Нидерландскому и великому герцогу Люксембургскому, Вильгельму II-му. Принцъ Оранскій родился 6 декабря 1792 г., умилъ въ Берлинской военной академіи, потомъ посѣдъ Окефордскій университетъ. Въ 1811 г. вступилъ на испанскую службу, позднее былъ адъютантомъ короля Великобританіи. Въ кампанію 1815 г. состоялъ при Веллингтонѣ у Пушкина: «герой дивный Алібіона») и отличался въ битвахъ при Катры-Бра и при Ватерло, гдѣ былъ раненъ («его текла млада кровь, на немъ сиялъ озязъ чести»). Въ 1816 г. прибылъ въ Петербургъ, для бракосочетанія съ великой княжной Анной Павловной (род. 1795 † 1865, сестрою импер. Александръ I.

Въ 1830 г., когда вспыхнула революція въ Бельгіи, принцъ Оранскій былъ командированъ отцомъ, королемъ Вильгельмомъ I, въ Брюссель, но вызвалъ неудовольствіе короля отъа своею усидчивостію и былъ отозванъ. Въ 1840 г. принцъ Вильгельмъ вступилъ на престолъ; онъ пытался поправить разшатанное государственное хозяйство финансовыми реформами, но медлилъ съ реформами политическими. Въ 1848 г. ему, однако, пришлось сдѣлать обществу движенію и обратиться къ коренному государственному переустрой-

82. И С Т И Н А.

Издавна мудрые несли
Забывших Истину елбошь,
И долго, долго толковали
Давнишней голки стариковъ.
Твердили: Истина наша
Въ колодезь убралась тайкомъ.
И дружно воду вышпая
Кричали: здѣсь ее пантемъ.

Но кто-то смертныхъ благодѣль,
И муть ли не старикъ Сидель
Нухъ важной глуности свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невдвинку пану,
Подумалъ первый о винѣ,
И осушивъ до капли чашу
Увидѣлъ Истину на тѣлѣ.

83. НА Б Ъ Д Н И К И.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала
И слабо въ блѣднѣхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Среди невѣрнаго тумана,
Безмолвно два тумана
На помраченныхъ высотахъ,
Все шипѣтъ:— лишь волкъ мятежный ронять
Разносится въ тиши ночной,
Да слышеть изъ дали глухой
Булата звонъ и конской тошотъ.—
Толпа набздинокъ младыхъ
Въ дубравѣ бѣдетъ молчаливой,
Дрожать и вѣнчать кони ихъ,
Главою трясуть петербилкой.
Ужъ подемъ всащники сѣвшать,
Дубравы кровъ оставя зыбкой,
Коней ласкають и смирять
И съ гордой шемхуетъ улыбкой.—
Нухъ лица радостью горятъ,
Огнемъ шалають глѣбны очи:
Лишь ты, востаненной поэтъ,
Умыль какъ сумракъ подночи
И блѣднѣть какъ осенній свѣтъ,
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной думою увлеченной,
Онъ бѣдетъ молча впередъ.—
Шведъ печальный, что съ тобою
Однѣхъ преть боемъ ты умыль,
Поинкъ безстрашную главою,
Вразды и сабно опустыль:
Ужель, невольники прадной пѣни,
Отраднѣи миръ твоихъ полей

Чѣмъ наши бурные набѣи
И поюю бранной стужѣ мечей! —
Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ битвы палятъ громъ,
Съ побѣднымъ соединяясь кликомъ,
Твоей голосъ пану славу пѣлъ: —
А нынѣ ты въ ушахъи дикомъ
Какъ бѣлой разинкѣ обѣмѣлъ. —
Но медленю пивецъ печальной
Главу и взоры принопялъ,
Вздвинулъ угрюмо въ сумракъ дальной,
И вздохомъ грутъ поколебалъ.
«Глубокой сонъ въ долнѣхъ бранной,
«Однѣхъ мы мчимъ въ тѣлѣхъ ночной —
«Предчуствую конецъ желанной!
«Меня зоветъ послѣднѣй бой!
«Разторгну явнѣ судьбы жестокой,
«Влечу я съ братьями въ огонь:
«Ударъ падеть—позишкой
«Въ толпу выбѣжить мой конь,
«Но для пивца никто не шаетъ,
«Его настигнетъ тишина...
«Здѣшня смерти вѣсть услышеть,
«И не вздохнетъ объ немъ она.
«О вы, хранимые Судьбами
«Для сладостныхъ любви наградъ:
«Нускай любовницы слезами
«Благословите нашъ водрагъ!
«За нашей сладкаго спасенья,
«О братья! вспомните пивца,
«Его любовь, его мученья —
«И славу грознаго конца!»

стиху завершения реформъ, оны, впрочемъ, по увѣщанью * 1849 г.).

Въ 1816 г., когда принцъ Оранскій жилъ въ Россіи, къ честь повобрачныхъ обрученіе происходило 10-го января. Вѣчаніе 9-го февраля устраивалось неоднократно празднества. Одинъ изъ такихъ праздниковъ былъ данъ въотствующей императрицѣ Маріиъ Феоdorfовнѣ изъ Павловскѣ, 6-го июня. Это было пышное зрѣлище, разставившееся на подступокъ. Средоточіемъ праздника былъ «Розовый Павильонъ», на балконѣ котораго помѣщался самъ императоръ съ августѣйшей семьей и принцемъ Оранскимъ. Къ устройству увеселеній были привлечены оперная, драматическая и балетная труппы Петербурга; въ широкимѣнѣи умасфовали Сандунова, Семеновъ, Самойловъ; въ паркъ былъ устроенъ великолѣпный карусель.

Не обошлось тѣло и безъ торжественной оны. Императрица Маріяъ Феоdorfовна поручила написать стиху Ю. А. Педелинскому-Мелецкому. Но старый поэтъ не справился со сложной работой и искалъ себя замѣстителя. И. М. Карамзинъ удакъъ ему лиристу Пушкина, Педелинскій-Мелецкій поухалъ въ Царское Село, и, по прелитию, «черезъ чашу или два ухалъ изъ лицевъ уже со стихами». Подготовленные на сѣбухъ стиху Пушкина были проредактированы Карамзинымъ и затѣмъ пѣлись на праздникѣ 6-го июня по время парнаго ужина. Къмъ были стиху положены на музыку, сохранилась ли композиция и дѣтѣбухъ текстъ, и былъ ли самъ Пушкинъ на павловскомъ праздникѣ—свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. Поэтъ не остался безъ награды: въотствующая государыня подарла ему золотые часы съфиночкой. Это шитие, произвело значительный эффектъ въ лицевъ и прериторъ Е. А. Энгельгартъ на другой же день посвѣщивалъ послать допесіе министру парнаго просвѣщенія.

Трудно претяжкить строгіи эстетическіи требованія къ стихамъ, написаннымъ по заказу и пѣсѣбухъ. Слѣбуа горючнотой работа замѣтна на посланіи «Къ принцу Франскому», и, по сравнению замѣчанію Л. П. Майкова, это стихотвореніе не выдѣлаетъ «ни по достоинству стиха, ни по яркости и яркости образовъ». Едва ли также Пушкинъ, вводя въ отифотель и да

«внутреннее содержаніе» пѣсета, исподниенной по замыслу императрицы и релактированной Карамзинымъ. Въ стихотвореніи Павловскѣ названъ «соковы свертывшимъ злодѣлемъ» и «ужасомъ міра». Подѣбухъ, въ отѣ «Павловскѣ» 1821 г. и въ другіиу мѣстахъ Пушкинъ отзывался о немъ иначе—и справедливо. Слѣдуетъ, впрочемъ, отъмѣнить, что и въ разобранномъ стихотвореніи поэтъ сумѣлъ соблудитъ извѣстную мѣру и тактъ. Двумя годами раньше, 27 июня 1814 г., въ томъ же Павловскѣ и въ томъ же «Розовомъ Павильонѣ» императрица Маріяъ Феоdorfовна дала праздникъ къ честь императора Александра Павловича, по возвращеніи его изъ Париса. Въ стихахъ, написанныхъ для этого праздника и по порученію императрицы Педелинскимъ-Мелецкимъ, Вяземскимъ, Державинскимъ и Батюшковымъ, больше дести и преувеличеній, чѣмъ въ пѣсѣ Пушкина-лириста.

Ср., кромѣ общіиу источниковъ для исторіи лицевскаго періода: 1 Свѣрсия Печта, 1816, № 47 и 50 описаніе павловскаго праздника, 2 Павловскѣ, Очеркъ исторіи и описаніе, 1777 - 1877 гт. Составъ, по порученію Е. П. Вас. Гое, Вед. Книжа Константина Николаевича, Спб., 1877 г. на стр. 190—194—описаніе праздника, 3 Воспоминанія о праздникѣ въ Павловскѣ въ 1816 году. Изъ записокъ П. А. Карамзина, Рус. Старина, 1877, т. XIX; перепечатано въ Запискахъ П. А. Карамзина, Спб., 1888, стр. 32—34, 4 Старина и Новизна, кн. 1, стр. 12 малѣбной отдѣль Карамзина о принцѣ Оранскомъ), 5 П. К. Гроускій, Павловскъ въ рус. художеств. литературѣ, Рус. Филологія, Вѣстникъ, 1898, т. XL, стр. 262—277 о Павловскѣ въ поэзіи Пушкина, 8 П. А. Шляпкинъ, Къ біографіи А. С. Пушкина, Спб., 1899, стр. 24—25 вознесеніе директора Энгельгарта министру о позарѣ императрицы Пушкину, Я. К. Гроусъ въ своей книжѣ Пушкинъ, его лицевскіи товарищи и пѣставини, Статьи и матеріалы, изд. 2, 1899, стр. 297—298 и П. О. Морозовъ Пушкинъ изд. 1-ва «Просвѣщеніе», т. 1, примѣчанія ошибочно ссылаются на описаніе праздника въ Павловскѣ, такое въ ст. М. А. Веневитинова, Рус. Архивъ, 1887, № 7, стр. 344—362. Въ статьѣ Веневитинова описанъ не праздникъ 6-го июня 1816 г., а празднество 24-го июля 1814 г., къ честь имп. Александра I.

Н. Писановъ.

* По замѣлкѣ лицевскаго тетради Корфа чаша, совѣстно, подарла принцѣ, а императрица только передала ихъ ему ст. К. Я. Гроусъ въ «Рус. Мин. Нар. Пр.» 1903, № 10, стр. 234—35.

84. ПОСЛАНИЕ КЪ КНИЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встречаюсь я съ осмнадцатою весной:
 Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
 Задумчиво внимая шумъ дубравной,
 Надъ озеромъ иду рука съ рукою.
 Гдѣ вы, дѣла безпечности недавней?
 Съ надеждами во цвѣтѣ вѣнчалъ дѣвѣ,
 Мой милый другъ, мы вхопимъ къ новой свѣтлѣ:
 Но тамъ у дѣлъ назначень намъ неравной,
 И родной намъ оставить къ мѣрѣ слѣтъ:
 Тебѣ рукой фортуны своеравной
 Указать путь и счастливой и славной —
 Моя стезя печальна и темна,
 И вѣчная краса тебѣ дана,
 И правится блестящій царь природы,
 И быстрый умъ, и вѣршій, милый нравъ:
 Ты сотворишь для сладостной свободы,
 Для радости, для славы, для забавъ,
 Они пришли, твои златые годы,
 Огнь любви предвѣстная пора!
 Сивши любить и счастливыи вчера,
 Сегодня вновь будь счастливъ осторожно:
 Амуръ велить — и завтра, если можно,
 Вновь мраморами красавицу вѣнчай...
 О сколькокъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
 Намъ въ другъ и вѣршней любовникъ,
 Будь вѣреть вѣкъ, шившей и шивши!...

А мой удаль — по пасмурнымъ туманомъ
 За дѣвѣ же мнѣ грядущее скрывать?
 Увы, не льзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
 И счастья гнѣвъ забывшишь, обнимать!
 Вся жизнь моя — печальный мракъ, печаль:
 Дѣвѣ, три весна младенцемъ, можетъ быть,
 Я счастливъ былъ, не понимая счастья,
 Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
 Онѣ прошли и скорбными глазами
 Смотря на путь, оставленный на вѣкъ,
 На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
 Которымъ я такъ весело протекъ —
 Я слезы лью, я граму вѣкъ напрасно,
 Мучительнымъ желаніемъ горю...

Твоя зоря — зоря весны прекрасной:
 Моя жь, мой другъ! — осенняя зоря,
 Я зналъ любовь — но я не зналъ надежды:
 Страсть, огонь, въ безмолвіи любить...
 Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
 Но мрачная я греза не дабытъ,
 Душа полна невольной грустной думою:
 Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
 Одинъ съ тоской явлюсь я гость урюмой,
 Явлюсь на часъ и отинокъ умру.

86. С. О. П. Ъ.

Французскіе поэты XVIII вѣка любили изображать поэзію легкой забавой, а себя бездѣльными и легкомысленными надуманми, побрежно роняющими свои стихи. Этотъ взглядъ перенялъ и Пушкинъ у своихъ учителей, которыхъ самъ называлъ «любезные и бѣды, сына бездѣтности дѣшовой». Характерно въ этомъ отношеніи посланіе Пушкина «Моему аристарху» (1815 г.), гдѣ онъ утѣряетъ, что «любить праздность и покой», что никогда «не жертвуетъ дѣшью стихамъ», а что когда «с печально» придетъ ему охота кропать стихи, онъ, взмахнувъ руками, в другъ г. говоритъ парномамъ или, отдыхая въ нѣтъ, мараетъ два три кулета... Намъ теперь известно, что это неправда. Такимъ представлялъ себя юноша-Пушкинъ идеалъ поэта, но самъ мало походилъ на него. Многія лицейскія стихотворенія Пушкина дошли до насъ въ двухъ и даже трехъ редакціяхъ, доказывающихъ, что онъ подвергалъ ихъ кропотливой обработкѣ. Громадный трудъ, который тратилъ Пушкинъ впоследствии на созданіе своихъ «легкихъ» стиховъ, достаточно выясненъ по его черновымъ рукописямъ. Въ раннемъ дѣствіи Пушкинъ, дѣствительно, былъ дѣшью, неповоротливъ и молчаливъ, но уже дѣшъ съ семи стѣбалъ рѣзвымъ и шадованнымъ. Подлине за свою живость и стремительность, онъ получилъ, въ кружкѣ Смирновой, прозвище Искры. Такимъ образомъ стихотвореніе «Сонъ» надо считать надуманнымъ и попракательнымъ. Мысль воспѣть сонъ Пушкинъ могъ почерпнуть у Дорэ, Паризъ или Мильвау, въ стихахъ которыхъ перфдо встрѣчается оправданіе и прославленіе сна и дѣши. Съ другой стороны, у Батюшкова есть прощачная пародія «Похвалное слово сну» напечатанная въ 1810 г., въ «Вѣсти, Европы»; она тоже могла подать Пушкину поветъ написать прославленіе сна, уже не какъ сатиру, а какъ веселую шутку. Но вышеупомянутое стрессію «Сонъ» строго держится форма дѣшъ пушкинскихъ пикарескскихъ поэмъ, вѣшній образецъ которыхъ мы встрѣимъ въ «Пердустѣ любви» Ошипи, Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи, прямо смыкается на эту поэмъ (ст. 9), какъ и на другую того же рода, тоже служившую ему образцомъ: «Тастропомію» Верну (ст. 97 Je. eph. Verchoux, р. 1765, ум. 1839 г.). Въ обычное пріема такихъ поэмъ на лицо. Вначалѣ Пушкинъ, какъ Ошипи, скромно отклоняетъ отъ себя

болѣе возвышенные сюжеты и выбираетъ своей темой сонъ; затѣе, вмѣсто призванія мудра, сълудуетъ призваніе дѣши; наконецъ пишетъ самую поэмъ, пересыпанная, какъ «Георгіки» Вергилиа, картинами природы и прівами житейской мудрости. Какъ произведеніе, лишнее творческаго полета, «Сонъ» принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ стихотвореній изъ всего лицейскаго періода дѣствительности Пушкина. Языкъ поэмъ гораздо менѣе легокъ, чѣмъ въ другихъ стихотвореніяхъ; въ немъ особенно много усѣбныхъ прилагательныхъ, устарѣлыхъ формъ и неправильностей въ располженіи словъ. Къ самымъ живымъ мѣстамъ принадлежатъ описаніе вечера въ комнатѣ (ст. 147—154) и воспоминанія о дѣствіи и нѣтъ (ст. 173 и сл.), которая описана почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ стихотвореніи 1821 г. «Наперсница подшобной старини». Пушкинъ, повѣшному, самъ сознавалъ неаудачу своего опыта и бросилъ его, не закончивъ. Вотъ почему стихотвореніе и названо имъ, если доврять посмертному изданію, «отрывкомъ».

Ст. 187 почти буквально повторяется въ герципахъ 1830 г. «Все павлово сладкій и вѣкій страхъ». Альбанъ (ст. 200) — Фр. Альбанъ, художникъ Болонской школы (1578—1660), имя котораго у Пушкина упоминается ранѣе въ стихотвореніи «Къ живущему» (ст. стр. 288—290). О Муромскихъ дѣвахъ, Волканѣ и Добрычѣ (ст. 195—196), кромѣ разсказа о нихъ, Пушкинъ могъ узнать изъ Кирилъ Давидова, книга котораго «Древній-россійскія стихотворенія» М. 1804 г.), по свѣдѣтельству В. Кюхельбекера, была въ рукахъ лицестова въ 1815 году.

Валеріи Брюсовъ.

О текстѣ см. въ конкѣ тома.

87. ЛЮБОВЬ ОДНА—ВЕСЕЛІЕ ЖИЗНИ И МЛАДОСТИ...

Эта дѣствіе, она изъ первыхъ, вшупенныхъ нераздѣленной любовью къ Е. П. Бакушиной—была напечатана только въ посмертномъ изданіи ст. IX. Кромѣ штарской копии, находящейся въ рукоше Моск. Публ. музея, № 2395 (д.д. 701—702), Л. П. Мавловъ встрѣлъ первую строфу этой дѣствіи въ автографѣ Пушкина на отдѣльномъ листкѣ съ помѣтками: «продолженіе въ тетради 7») и «Село Михайловское, июль 1817», и съ подписью: А. Пушкинъ. Рукошестью этой послѣдней главъ, Л. П. Во-

И не придетъ другъ сердца незабвенный
 Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сожнуть,
 И не придетъ на холмъ уединенный
 Въ послѣдній разъ любовью вдохнуть!
 Ужель мой пройдетъ пустынно мѣсто?
 Нѣтъ мнѣ жужда счастливая любовь?
 Ужель умру, не вѣдая что радость?
 За чѣмъ же жидь дана мнѣ отъ боговъ?
 Чего мнѣ жидь? Въ рыданъ забытыхъ воишь,
 Среди толпы затеряный вѣнецъ—
 Какихъ наградъ я въ будущемъ тостонъ
 И счастья какой возьму вѣнецъ?...

Но что! стыжусь! Штъ роночь— униженье,
 Штъ правдою боговъ опредѣленье —
 Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
 Штъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
 И въ жиди сей мнѣ будетъ въ удивенье:
 Мой скромный даръ и счастье друзей!

Копловка Эйшли.

Ливановъ (2-е изд. Пушкина, т. I, стр. 62—63) относитъ стихотвореніе къ 1817 году и говоритъ: «эта длегія и слѣдующая ниже «Прощаніе съ Тригорскимъ»), по всей вѣроятности, относится—1-я ко времени дѣтнго пребыванія въ Михайловскомъ, а 2-я ко времени возвращенія Пушкина въ Петербургъ. Обѣ оны—издѣльное выраженіе тѣхъ сердечныхъ волненій, которыя были вызваны первою любовью въ сердцѣ поэта». Однако, Ашениковъ, безъ объясненій, относитъ стихотвореніе къ 1816 году (т. II, стр. 135—136), и примѣру его послѣдовали все позднѣйшіе комментаторы, кромѣ Подливанова. «Мы не знаемъ,—пишетъ Майковъ,—чѣмъ руководствовались въ своихъ хронологическихъ опредѣленіяхъ какъ Ашениковъ, такъ и Подливановъ, но дата послѣдняго дѣйствительно согласуется съ вышеупомянутымъ Пушкинскимъ автографомъ; тѣмъ не менѣе, мы не рѣшаемся принять ее за время сочиненія стиховъ, ибо помннутый автографъ не составляетъ нѣхъ первоначальной рукописи или черноваго наброска, а является лишь спискомъ, который былъ сдѣланъ Пушкинымъ, приблизительно черезъ годъ по сочиненіи пѣсни; слѣдовательно, выстановка на этой рукописи дата означаетъ только время свѣтля копій и не представляетъ намъ, подобно Ашеникову, отъноснть сочиненіе стиховъ къ 1816 году, ко времени, въ пользу котораго свидѣтельствуемъ и нѣхъ содержаніе».

При известной тщательности Ашеникова, этотъ поводъ убѣждаетъ насъ, что пѣсня написана въ 1816 году.

Отдѣльная мѣста длегія подали поводъ сообщенія съ нею у другихъ поводовъ. Такъ, еще Гавевскій (въ «Современникѣ» 1863 г., № 7, стр. 174) замѣчаетъ «Начало IV' длегія Паринъ:

Dieu des amours, le plus puissant des dieux,
Le seul du moins qu'adore sa jeunesse;
Il s'en souvient, dans ce moment heureux
Où ce Dieu t'en fait sa glorieuse maîtresse.

находимъ въ длегія Пушкина: «Любовь оша...»

Сравнительно отыскавъ такое прямое сопоставленіе, Майковъ находить однако интереснѣе указаніе Гавевскаго на Паринъ, особенно на IV' книгу его длегія, исполненную высокаго лиризма, тѣмъ изображается горе и отчаяніе влюбленнаго послѣ разрыва съ влюбившею ему красавицею».

Б. В. Шильдерскій—Истор. Вѣстникъ

1899 г., № 7, стр. 206—207) сопоставляетъ стихи 28-й—35-й съ другими стихами Паринъ:

«Никѣмъ не отмѣченное подражаніе встрѣчается намъ въ длегія «Любовь оша—веселье жизни хладной». Правда, и это подражаніе довольно свободно, и лишь издала воспроизводить оригиналь, но подражательность и къ немъ несомнѣнна. Мы здѣсь имѣемъ въ виду строфу «Шуцы любви...» Нельзя не узнать въ ней отраженія слѣдующаго отрывка изъ «La journée champêtre» Паринъ:

Ainsi ces peintres enchanteurs,
Qui des amours tiennent l'école,
De l'amour qui fut leur idole
N'éprouvent que les riensurs.
Mais leur voix touchante et sonore
S'est fait entendre à l'univers:
Les Grâces ont appris leurs vers
Et Paphos les redit en core.
Leurs peines, leurs chagrins d'un jour
Laisent une longue mémoire
Et leur muse, en cherchant l'amour,
A du moins rencontré la gloire.

Рядомъ съ именемъ Паринъ, Пушкинъ упоминаетъ въ 20-мъ стихѣ своей длегія имя Тибулла, съ которымъ ошъ могъ ознакомиться и во французскихъ переводахъ и въ русскихъ переводахъ Батюшкова и подражаніяхъ Держава Давыдова «Амфионъ» 1815 г., № 5). Переводы Батюшкова Пушкинъ поздне критиковалъ очень строго, судя по его замѣчкамъ на поляхъ, сообщеннымъ Майковомъ («Биографическіе матеріалы и историко-литер. очерки» Сиб. 1899), а Д. Давыдову приписывалъ свою свободу отъ рабскаго подражанія Жуковскому и Батюшкову на школьной скамьѣ. Майковъ находить, «что имѣетъ съ влѣніемъ Паринъ, въ томъ ранихъ любовныхъ длегія поэта-лицензіста можно отчасти познать поэтическіе приемы двухъ вышеазванныхъ русскихъ переводчиковъ римскаго лирика».

Приведи заключительная строка изъ «Шуца» Жуковскаго, которая вспоминаетъ самъ Пушкинъ въ отрывкѣ шевника своего, относящемся къ Бакушиной,—

Мечтамъ конецъ,
Порабы все! Умолки, дира!
Скорби, скорби въ обитель мира
Вѣщай швецъ!

Майковъ замѣчаетъ: «та же мысль и тотъ же образъ встрѣчаются и въ заключительныхъ стихахъ разматриваемой пѣсни («Любовь оша»)».

П. О. Морозовъ указываетъ, что самъ

85. КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
 Гулила мечь окровавленной,
 И смерть погибельнымъ крыломъ
 Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... Взорами царей
 Европы твердый миръ основанъ;
 Оковы свергнувшей злодѣи
 Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву
 И быть извержень ужасъ mira:
 Покрыла нашего главу
 Благословеннаго порфира!

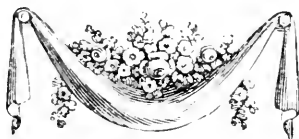
И мглой повлекся окружень,
 Притекъ, и буйной вкругъ измвной
 Ужъ воднигаль свой шаткой грошь
 И валъ, отгоржень огь вселенной.

Утигло все! Не мчтся громъ,
 Не блещетъ мечь окровавленной,
 И брань погибельнымъ крыломъ
 Не мчтся грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
 Съ героемъ дивнымъ Альбиона
 Огь вбрыхъ велъ въ послѣднй бой
 И мститъ за дяди Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
 Текли во слѣдъ щиты кровавы;
 Грозой онъ въ бранной мглѣ дѣлалъ
 И развивалъ блистателе славы!

Его текла младая кровь,
 На немъ сіяетъ язва чести,
 Вычай, вичай его, любовь!
 Достоинный былъ онъ воинъ мести!

Пушкинъ воспользовался первою строфою своей длегти въ «Гавриилѣ»:

Когда же мы поимали на дету
Крылатый миль небесныхъ уносилъ
И къ радостямъ на доакъ наслажденн
Стыдливую склонили красоту...

Потъ «пермесскими царидами» (ст. 16) Пушкинъ раздмѣтъ, музъ: боотійская рѣка Пермессъ беретъ свое начало на Геликонѣ. Самъ Пушкинъ называетъ свою длегтю «стихами небрежными и простыми» (ст. 52). Таковы въ ней и рнма, и раздмѣръ, и эпитеты до трехъ въ одной строкѣ. Въ этотъ періодъ Пушкинъ не разъ говорилъ о своемъ «слабомъ дарѣ» сравн. напримѣръ, «Посланіе къ кн. Горчакову») и, повидимому, много мучился и отказвался въ стихахъ своихъ. (Ср. примѣч. къ «Бъ. Дельвигу» 1815 г.). И подлинно, впрочемъ, онъ только ничтожную часть лидейскихъ стиховъ призналъ годными для печати и не обнаружовалъ самъ какъ этого, такъ и многихъ другихъ стихотвореній раздмѣряемаго періода.

Александръ Бловъ.

88. ОКНО.

Это стихотвореніе относится несомнѣнно къ 1816 году. Самъ Пушкинъ помѣнилъ его этой датой. Оно сохранилось въ четырехъ рукописяхъ, въ тетрадахъ Я. К. Грота, московскаго публичнаго музея, № 2364, л. 10, Ө. Ө. Матюшкина (см. «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905 г., октябрь, стр. 246) и «Духъ лидейскій трубадурскій». Мы помѣщаемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно пошло на насъ въ рукописи московскаго музея. Первые два списка писаны рукою Пушкина, а третій и четвертый — копіи. Впервые оно было напечатано только въ померномъ изданн (т. IX, стр. 280—281). Въ этомъ изданн стихотвореніе не вошло въ рубрику «длегти» цвѣтнаго списка стиховъ, составленнаго Пушкинымъ въ 1816 г. Но примѣчанъ, о которыхъ мы догадываемся ниже, Пушкинъ, повидимому, не признавалъ ему значенія: но, какъ вѣб дошли до насъ длегти этого года, «Окно» повѣрно тою же томною грустью передвѣнной любви и, очевидно, относится къ Е. П. Бакушиной.

Блдинскій причисляетъ «Окно» къ тѣмъ вокамъ цвѣтнымъ ему лидейскимъ длегтямъ, гдѣ «сквозь позражательность про-

глядывается уже чисто-пушкинскій элементъ подлинъ». Но и дѣвъ Блдинскій не отрицаетъ влияния Батюшкова. Подлиннаго говорить, что «стихотвореніе длегтическаго характера и отличается задухневной некрепостью наивнаго мумства» (2 е изд. Пушкина, т. I, 1893 г., стр. 46), Анненковъ переначиваетъ стихотвореніе съ помертнаго изданн, дѣвъ его, такъ же, какъ тамъ, на двѣ строфы (т. II, стр. 132—133), а не на четыре, какъ это указано въ рукописи неизвѣстной Анненкову и принято теперь, и при этомъ оговаривается: «кажется, что это прекрасное стихотвореніе составлено изъ двухъ различныхъ стихотвореній, обитыхъ вмѣстѣ помертнымъ изданнемъ». По крайней мѣрѣ въ рукописи мы имѣемъ только вторю половину его со стиха

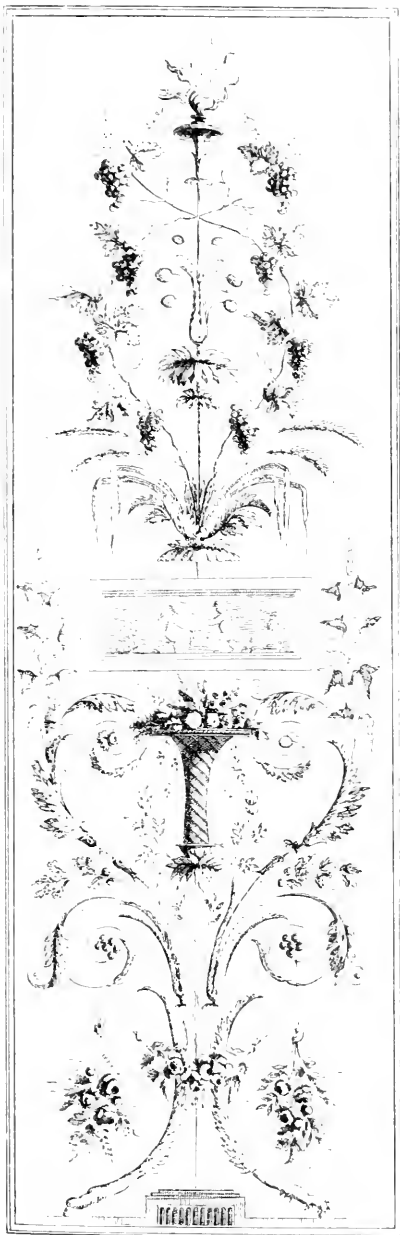
Недавно темною порою,

а первой совѣмъ дѣтъ» (т. II, стр. 153). Въ собственноручной рукописи Пушкина, которая была въ рукахъ у Анненкова и принадлежитъ Моск. Публ. Музею, дѣйствительно, есть только послѣднія строфы, начиная съ указанного стиха, и дѣвъ помѣты: «1816» и «не надо». Вислѣдствіи найтены указанныя выше дѣвъ совершенно сходная по тексту рукописи Пушкинская, принадлежавшая Я. К. Гроту, и неизвѣстная померца въ «Духъ лидейскій трубадурскій», принад. Т. Б. Свѣчкиной), гдѣ стихотвореніе состоитъ изъ всѣхъ четырехъ строкъ. Это надо поводитъ Майкову и Ефремову опровергать мнѣніе Анненкова. Безъ сомнѣнія, эти авторитетные комментаторы права, считая стихотвореніе цвѣтнымъ, если дѣло дѣтъ объ «окончателной редакціи». Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе Анненкова кажется намъ не лишеннымъ основанія. Сдѣлавъ два наброска, Пушкинъ могъ соединить ихъ только вислѣдствіи, и, можетъ быть, не печаталъ самъ «Окно» именно потому, что бытъ не шло въ доволень имъ. Вчитываясь въ текстъ, мы можемъ замѣтить и признаки соединенія, нѣсколько производнаго: прежде всего, первый дѣвъ строфы нѣсколько не вступитъ за собою двухъ слѣдующихъ, и шло дѣвъ могли бы существовать безъ нихъ, и наоборотъ. Первые 16 строкъ представляютъ длегтическое раздужденіе, въ которомъ, дѣйствительно, «проглядываетъ чисто-пушкинскій элементъ подлинъ», выражающийся хотя бы въ томъ, что эпитеты мало, а гдѣ, которые есть «подлинъ дарица», «дѣвки обидка», «пламенная рѣка», «день багряный»,

Великая Княгиня Анна Павловна и ее супругъ принцъ Вильгельмъ Оранскій,
впоследствии корольъ Нидерландскій.

*Портретъ принца съ мечами: Анна Павловна — съ тизированнаго Месса портрета Бюссера,
Портреты вставлены въ книжную рамку Choffard'a (1767)*

86. С. О. Н. Б.

Отрывок.

Нускай поць съ казньицей пасмною
Гоняется за счастьемъ и мовою.
Мнѣ страшенъ свѣтъ: прохонитъ дѣвъ мой
темной

Въ бездѣтности, задохшею тропой,
Нускай швири тремящими малами
Подубогамъ безмерте таютъ:
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвнй пріютъ.
Нускай любовь Овиди поюць.
И не дасть покоя Цитерей,
Счастливымъ дни Амуры мнѣ не влоуть:
Я сонъ новъ, бездѣльный тать Морфей,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Поконьтся въ пріятномъ, кривкомъ снѣ.

Приди, о днѣ! приди въ мою пустыню!
Тебя дозвѣтъ прохлада и покой:
Въ одной тебѣ я зрю свою богицю:
Готово все для гостей молодой,
Все тихо дѣвъ, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ: на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темной тиши, гдѣ сумракъ водарился,
Чуть крадется нешбрный свѣтъ дешной —
Вотъ мой диванъ: приди жь въ шибель
мира.

Царницей будь, я плѣнникъ мнѣ твой,
Учи меня, води моею рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья мой предестинй музы,
Которыми любви забыты умы,
Которые владычеству земли
Конечно сонъ спокойныйнй прещемли
О мудрецы! дивитесь вамъ умѣ,
Дли вась однихъ я шибѣ тронъ Морфей
Поэзи цвѣтами обвою,
Дли вась однихъ блаженство востую,
Внемлите же съ улыбкой спешоженья
Мои стихиамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный притрой шибн часть,
Хотите ли забыться какъный разъ,
Въ пошлой тиши, средь общаго мечтания,
Въ облыгяхъ притваго мечтания?
Слѣшите же ночь сельскій мирной кровл:
Тамъ можно жить и праздно и безечно,
Тамъ прямо рай: по прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ днѣшнѣвъ мучить
вѣчно.

Согласенъ я, въ шумъ можно цвѣтамъ тень
Съ предестиней ловить веселья тнѣ:
Въ платокъ звать, блестя въ мномомъ
снѣ.

На балъ въ ночь вертѣться на паркетѣ:
Но можно ли взувать отраду сновъ?
Настала тнѣ, уснуть лишь я готовъ.

не обезличивают стиха. Слѣдующія 16 строкъ представляють, напротивъ, описание событій въ сентиментальномъ духѣ и непереняны энigmatami довольно разнообразными («чувствительный», «стуманшай», «задумчивый», «тайный», «темный», дважды въ одной строфѣ). «Два у окна», «душа, покрытая темнотой» — все это образы, составляющие неизбѣжный багажъ сентиментальной поэзии. Замѣчательно, что самъ Пушкинъ исключилъ изъ третьей строфы всѣ признаки конкретности и осязательности, замѣнивъ звонкія согласныя — гласными и несправивъ: «вчера, вечернею порою» — на «сегодня, темною порою», и «склонившись на руку сидѣла» — на «одна задумчиво сидѣла». Этимъ онъ достигъ объединенія всей третьей строфы, гдѣ постоянно чередуются согласныя «и» и «а», но еще не согласовалъ ее съ предшествующими.

Очень вѣроятно, что самъ Пушкинъ почувствовалъ въ «Окнѣ» чувствительность, чуждую его духу, и потому сидѣлъ помѣду «не вѣдо», а потомъ, присоединивъ второй отрывокъ къ первому, все-таки остался недоволенъ стихотвореніемъ и не сталъ его печатать.

П. О. Сумцовъ («Харьк. Мини. сборн. въ память П., Харьковъ, 1900 г., стр. 228») сравниваетъ «Окно» съ «Бурей» 1825 г. При разницѣ въ настроеніяхъ этихъ пѣсень, въ общій сопоставленіи обаяніе человеческой красоты съ прелестью природы. Во второмъ стихотвореніи поэтъ восклицаетъ:

Цва на скалѣ
Прекрасны волны, небеса и бури.

Александръ Блокъ.

89. НАСЛАЖДЕНИЕ.

Стихотвореніе напечатано впервые въ посмертномъ изданіи г. IX. Анненковъ относитъ его къ 1817 году; но, во-первыхъ, въ гетраці Я. К. Грота, Пушкинскій автографъ «Наслаждения» помѣщенъ переть стихотвореніемъ «Окно»; во-вторыхъ, по справедливому замѣчанію Манкова, «время сочиненія пѣснь опредѣляется ее содержаниемъ, такъ и во многихъ трудныхъ стихотвореніяхъ 1816 г., находимъ намеки на мечтательную любовь автора». Манковъ и Ефремовъ помѣщаютъ «Наслаждение» ведить за стихотвореніемъ «Окно», а Морозовъ садугаетъ порядку рукописи Грота.

Въ статьѣ о Пушкинѣ 1844 г. Владимѣ-

скій говоритъ: «Въ пѣсняхъ: «Наслаждение», «сидѣлъ» (перечисленіе) замѣтно вліяніе Жуковского; въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музыки Жуковского; стихъ очень близокъ къ стиху Жуковского, въ самомъ взглядѣ на предметъ, въна зависимость ученика отъ учителя». Майковъ замѣчаетъ по этому поводу: «быть можетъ, такое настроеніе Пушкина (мечтательная любовь) и подало Владимѣскому поводъ видѣть въ этой пѣснѣ вліяніе Жуковского; но общій тонъ стихотворенія, и особенно образы, встрѣчаемые во II-ой строфѣ, скорѣе напоминають о Батюшкова».

Разумѣется, здѣсь можно говорить лишь объ общемъ духѣ стихотворенія, такъ какъ ни у Жуковского, ни у Батюшкова нѣтъ стиховъ, по отношенію къ которымъ «Наслаждение» являлось бы подражаніемъ; но, все-таки, есть больше оснований согласиться съ Владимѣскимъ, въ особенности если принять во вниманіе первоначальные варианты самого Пушкина (въ рукописи Грота стихи 5—7 во II-й строфѣ):

И вдругъ прекрасная пѣснь,
Дыша небесной чистотой,
Явилась дружба молодая...

Слово «дружба», впоследствии замѣненное словомъ «любовь», говоритъ, какъ будто, объ *amitié amoureuse*, болѣе свойственной Жуковскому, нежели Батюшкову.

«Въ послѣднихъ четырехъ строкахъ строфы I-й, справедливо говоритъ даже Майковъ, замѣчательны жалобы на то, что поэтъ съ ранняго дѣтства не зналъ счастья; черта, не лишняя автобиографическаго значенія, и гнѣвъ болѣе любовный, что ее можно встрѣтить и въ посланіи (1816 года) къ князю А. М. Горчакову»:

Вся жизнь моя — печальныя мракъ неспавъ;
Цвѣтри весны младенецъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья...

и далѣе:

Я звалъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ ошнѣ, въ безмолвіи любилъ...

Стихи «Наслаждение» вообще можно разсматривать, какъ одинокій вздохъ о томъ же, что повѣрять Пушкинъ своему сибирскому товарищу. Въ «Посланіи къ Горчакову» онъ спрашиваетъ:

Уже ль моя пройдетъ невѣстною младость?
Иль мнѣ нужна счастливая любовь,
Уже ль умру, не зная, что радость?

Обманутый призраками ночными
 И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
 На бѣшеной четверкъ лошадей,
 Стуча, гремя колесами златыми,
 Кашется Спесьь подъ окнами моими.
 Я тремлю вновь, вновь лица дрожить
 Не скучный балъ Разсвѣнье летить...
 О Боже мой! уже ли здѣсь дожжета,
 Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
 Еще стучать, а тамъ уже свѣло,
 И сдѣ мой сонъ? не лучше ли въ село? —
 Тамъ рошица листочковъ трепеташьемъ,
 Въ дугу потокъ таинственнымъ журнашемъ,
 Златахъ полей, долины тишина:
 Въ деревнѣ все къ томленью клонить сна!
 О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
 Отишь пѣтухъ, зарю пробужденный,
 Свой рѣзкій крикъ подыметь, можетъ быть:
 Опасенъ онъ — онъ можетъ разбудить.
 Итакъ, пускай, въ серадахъ удаленна,
 Султаны куръ горятся заключенны
 Надъ поселенъ съзываютъ на поляхъ:
 Мы спать хотимъ, любезные друзья!
 Стократъ блаженъ, кто можетъ сономъ забыться
 Вышн столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
 Но сладостно веселой ночи сонъ
 Не думайте вы даромъ насладиться,
 Средь мирныхъ сѣтъ, безъ всякаго труда,
 Что жь надобно? движенъе, господа!
 Похвальна дѣнь; но есть всему предѣль:
 Смотрите, Клантъ, въ подушкахъ поствѣдлѣй,
 Размученный, излѣженый, больной,
 Весь вѣкъ сидитъ съ подарой и тоской!
 Наступитъ день: несчастный! залахаетъ,
 Крутя, поддеть съ постели на диванъ:
 Весь день сидитъ: когда жь ночью думать
 Подернуть свѣтъ, во мракѣ разстлалася,
 Съ дивана Клантъ къ постелѣ поползеть:
 И какъ же ночь, несчастной, проведеть?
 Въ покойномъ снѣ, въ приятномъ сновитѣльнѣ?
 Пить! сонъ ему не радость, а мученье:
 Не маками, тяжелою рукой
 Ему Морфей закрыть томна очи,
 И медленной проходить чередою
 Для бѣднаго часы урюмовъ ночи.
 Я не хочу, какъ общи другъ, Бершу,
 Предписывать вамъ тяжкѣи движенья:
 Управляя плутъ, охоты наслажденя —
 Пить! въ роши я дѣшавца прилашу,
 Друды мой, какъ утро здѣсь прекрасно!
 Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
 Какъ юный день сияеть горю, ясно!
 Свѣдѣть все: другъ друга перетнавъ,
 Журчатъ ручьи, блестя брета безмолвна:
 Еще роса ватъ свѣжеей муравой:
 Златахъ озеръ нетиважно тремлють волны,
 Друды мой! возьмите посохъ свой,

И поэтъ утѣшается только своимъ «скромнымъ даромъ» и «счастіемъ друзей» — традиціонными утѣхами поэтовъ своего времени. Точно также и въ «Наслажденно» — воспоминаніе о Бакушиной проходитъ лишь легкой тѣнью. Пушкинъ, не способный къ одной *amitié amoureuse* въ духѣ Жуковского, задаетъ только эстетические вопросы, и едва ли действительно надеется, что когда-нибудь его «срамный путь» озарится улыбкой спутницы».

Александръ Блокъ.

90. ТВОИ И МОИ.

Эта пьеса известна въ двухъ автографахъ. Одинъ, на отдѣльномъ листкѣ, принадлежалъ Я. К. Гроту; другой находится въ тетради московскаго дубянинаго музея № 2364 (л. 13) и носитъ поправки поэта и его же помѣтку: «перечитать». — очевидно, для включенія въ собраніе, выпущенное въ 1826 г., куда поэтъ этого стихотворенія, впрочемъ, не внесъ. Впервые оно было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 368) съ писарской копіей, находящейся въ принадлежащемъ московскому музею собраніи (№ 2395). Но исправленной самимъ поэтомъ редакціи въ музейной тетради № 2364 пьеса была впервые напечатана въ изданіи литературнаго фонда. Это же тексты воспроизводимъ и мы. Къ 1816 г. отнесъ пьесу П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., т. I, стр. 167).

«Твой и мой» — переложение какого-то французскаго маршала, который записанъ Пушкинымъ въ той же тетради № 2364 (л. 15):

*Tien-et-Mien, dit La Fontaine
Du monde a rompi le lien.
Quant a moi, je n'en sais rien,
Car que serait-ce Chimere,
Si tu n'étais plus la mienne,
Si je n'étais plus le tien.*

Л. П. Марковъ (2-ое изд. т. I г. сочин. П., прим., стр. 292) не только приводитъ указанное мѣсто изъ Лафонтена изъ басни «Discorde», но и указываетъ на подлинникъ пьесы Наскаля и Жанъ-Жака Руссо о происхожденіи института собственности, чѣмъ можетъ быть объяснена глухая ссылка Пушкина на «музею годуу филозофовъ, ингоновъ», которую Пушкинъ читалъ еще въ раннемъ возрастѣ. Внеслѣдствіи оныя расказываетъ А. О. Смирновой

(см. ея «Записки», ч. I, Сиб., 1895 г., стр. 305), что читалъ Руссо, когда ему было двѣнадцать лѣтъ.

91. КЪ МОРФЕЮ.

Стихотвореніе было напечатано въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1824 годъ и болѣе не перепечатывалось при жизни Пушкина. Оно сохранилось въ трехъ рукописяхъ, изъ которыхъ двѣ въ Румянцевской тетради № 2364 и въ тетради гр. Кашиста представляють автографы Пушкина, а одна Румянцевъ тетрадь № 2395 — копію. Въ Румянцевскомъ автографѣ стихотвореніе озаглавлено: «Къ сну», помѣчено 1816 годомъ и мѣстами исправлено. Въ тетради Кашиста, текстъ которой можетъ быть принятъ за окончательную редакцію, оно озаглавлено «Къ Морфею» (тетрадь Кашиста — одна изъ тѣхъ, въ которыхъ Пушкинъ собиралъ матеріалы для перваго изданія своихъ лирическихъ стихотвореній 1826 г.). Здѣсь стихотвореніе зачеркнуто и на поляхъ — надпись: «если оставить, такъ перенести въ мелк. стихотв.» Стихотвореніе вошло только въ посмертное изданіе (т. IX), гдѣ напечатано въ двухъ редакціяхъ. Аппенковъ, перепечатывая объ (т. II, стр. 141—142), дѣлаетъ примѣчаніе (на стр. 154): стихотвореніе — образецъ мастерскаго перелѣки. Посмертное изданіе напечатало пьесу въ двухъ разныхъ мѣстахъ и безъ всякаго поясненія; но это — одно и то же стихотвореніе, только въ двухъ видахъ: грубомъ первоначальномъ и второмъ измѣненномъ и усовершенствованномъ.

Поправки Пушкина относятся преимущественно къ первой строфѣ. Въ первомъ автографѣ, озаглавленномъ «Къ сну», она первоначально состоитъ изъ пяти строкъ

*Знакомецъ милый и старинной,
О, сонъ, хранитель добрыхъ мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлю пустынный
Мнѣ даже спедеть ужъ покой
Въ безмолвіи гнии почвой.*

Эти строки перечеркнуты, исправлены, и на поляхъ написаны по новому:

*Приди, знакомецъ мой старинной,
О, сонъ, хранитель добрыхъ мой,
И приди подъ кровлю пустынный
Давно потерянны покой!*

Эти строки, въ свою очередь, зачеркнуты, и надъ ними написано: «4 стиха оставить». Во второмъ автографѣ «Къ Морфею» пьесы, отъкоп. сонѣсьмъ пѣть. Кромѣ

Ищите въ дѣвѣ, бродите по долинамъ,
 Кружная холмовъ устанете на вершинѣ,
 И въ толпу ночь глубока, вѣшь будете сонъ,
 Какъ только тѣмъ отцвететь небосклонъ,
 Пускай войдетъ отрада жизни нашей,
 Веселая богъ съ широкою, полною чашей
 И царствуи, Вакхъ со всею порою своимъ!
 Умѣренно ширите, дружи, съ нимъ:
 Сказана три шинашими волнами
 Румяныхъ вѣщъ палейте вы полѣны:
 Но толстый Комъ съ паутыми щеками
 Не приходи стучаться у дверей:
 Я радъ ему: но только за обѣдомъ,
 И дружески и въ полдень уберу
 Его тары: по праву въ вечеру
 Гораздо я дружелѣ съ его собѣдомъ,
 Не ужинать- святой тому законъ,
 Кому всего дороже дѣтскій сонъ,
 Брѣштесь вы, о дѣти мудрой дѣви!
 Обманчивой успокоенъ тѣмъ!
 Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
 Когда прѣмать привыкли по часамъ!
 Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко,
 Сонъ истинный огъ васъ уже далеко,
 Не знаете веселой вы мечты:
 Вашъ дѣланъ вѣкъ, несносное томленье,
 И скученъ сонъ и скучно пробужденье,
 И днѣ текутъ средъ вѣчной темноты.
 По ежеднѣ, въ глуши, близъ водопая,
 Что подъ горой клочокеть и книжка,
 Предѣстный сонъ, усталости парата,
 При шумѣ воды на тихій брегъ слетѣтъ,
 Покроетъ взоръ туманной пеленою,
 Обниметъ васъ и тихую рукою
 На мягкой мочкѣ преклонитъ, обвитъ:
 О! сладостно близъ шумныхъ водъ заблѣстѣтъ:
 Пусть каже протѣчетъ вамъ покой —
 Завѣтно мнѣ счастлива наслажденье.
 Случалось ли несчастной вамъ порои
 Для лимита при полнѣмъ, тихомъ свѣтѣ,
 Сидѣть отнимъ бѣлы свѣчки въ кабинетѣ:
 Все тихо зарука: береда больше цѣль:
 Часъ-отъ-часу темнѣетъ оконъ свѣтъ:
 На потолокъ какой-то призракъ бродитъ:
 Блѣднѣтъ улы- и сивелый дымъ,
 Какъ дѣтскій паръ, въ трубу вѣсокъ уходитъ,
 И воякъ, жезломъ певчимъ своимъ,
 Морфей на все невѣрнѣйшій мракъ навонитъ,
 Темнѣетъ взоръ: канитъ изъ вашихъ рукъ,
 Закрывшися ушалъ въ котви втрусъ:
 Вздохнули вы: рука на столѣ падаетъ,
 И голова съ плеча на гуръ катится,
 Вы дремаете, пать вами мира кровь:
 Нежданнѣй сонъ, пріятели многоухъ стовъ!
 Душевныхъ мукъ волшебныи нечувствѣтъ,
 Мой другъ Морфей, мой завѣнъ утѣшитѣтъ!
 Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
 И ты жреца ташо слагословилъ:

того, въ первомъ автографѣ и въ копіи (обѣ рукописи принадлежатъ Моск. Публ. Музею) есть вариантъ шестого стиха:

Разлука грустна и приторна.

Изъ единичной первоначальной редакціи съ окончательной редакціей можно заключить, что Пушкинъ хотѣлъ сжать и заострить стихотвореніе. Конечно, ему удалось это, но, по замѣчанію Майкова, «можно предполагать, что онъ сблизилъ свое стихотвореніе менѣе высоко, чѣмъ его критики»: во первыхъ, онъ не включилъ его въ собраніе стиховъ; во вторыхъ, оно представляется даже не потражаніе, а переводъ, хотя и очень вольный, слѣдующаго стихотворенія Париз:

A LA NUIT.

Toujours le malheureux l'appelle.
O nuit, favorable aux charmes!
Viens donc, et porte sur ton aile
L'oubli des perfides humains.
Voile ma douleur solitaire;
Et, lorsque la main du Sommeil
Fermera ma triste paupière,
O dieux! recules mon réveil:
Qu'a pas lents l'aurore s'avance
Pour ouvrir les portes du jour:
Importans, gardez le silence,
Et laissez dormir mon amour.

Указаніе это принадлежитъ Гаевскому, который замѣчаетъ («Современникъ», 1863 г., т. XLVII, стр. 173): Стихотвореніе, напечатанное въ двухъ видахъ подъ заглавіями: Слѣ и Къ Морфею, изъ которыхъ первый составляетъ вариантъ ко второму, есть потражаніе стихотворенія Париз A la nuit, но по художественности, особенно во второй окончательной редакціи, оно значительно превосходитъ французскій его первообразъ.

Являясь потражаніемъ Париз, «Къ Морфею», въ общемъ, однако, представляетъ собою несомнѣнный отзывъ и вполнѣ лично настроенія любви къ Бакуниной (см. стр. 284 и ниже примѣч. къ «Пробужденію»). А. Б.

92. ПРОБУЖДЕНІЕ.

Осенью 1816 г. Е. П. Бакунина о ней вѣстие стр. 284 убѣдила съ родителями изъ Царскаго села, и эта разлука вызвала цѣлый рядъ дѣтій Пушкина. Во многихъ изъ нихъ («Къ Морфею», «Пробужденію», «Осеннее

утро», «Разлука» и др.) онъ вспоминаетъ о сповиднѣицѣ, которая даладъ ему возможность хотя бы въ мечтѣ быть съ той, кого онъ любилъ. Самое взянное изъ нихъ, безспорно, «Пробужденіе». Пушкинъ далъ ему мѣсто въ изд. 1826 г., тогда какъ другія свои дѣтнія того времени пародировалъ въ стихахъ Ленскаго, которые характеризовалъ тѣмъ же словомъ: «Такъ онъ шпалелъ темю и влою». Въ «Евгеніи Онегинѣ» есть и прямой намекъ на «Пробужденіе» въ стихахъ:

Мечты, мечты, где ваша сладость!
Гдѣ вѣчна къ ней рѣчь юной младости!

Размѣръ стихотворенія тотъ же, что и «Розы» (см. примѣчаніе къ ней), т. е. двухъстопный ямбъ. В. Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

93. КЪ ПИСЬМУ.

Это четверостишіе сохранилось только въ писарской копіи принадлежащей Моск. Публ. Музею (№ 2395) Автографа Пушкина нѣтъ. Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX), а къ 1816 году отнесено Ефремовымъ (въ изданіи 1880 года). Всѣ позднѣйшіе издатели принимаютъ такую датировку, хотя ничѣмъ ее не мотивируютъ. Такъ какъ она по общему эстетическому тону подходить къ циклу стихотвореній, вызванныхъ любовью къ Бакуниной, то, можетъ быть, эта датировка и правильна.

94. УПЫННЕ (ЖЕЛАНІЕ).

Рукопись этого стихотворенія (принадл. Моск. Публ. Музею, № 2364, л. 14) — неопубликованной руки. Пушкинъ помѣтилъ на ней: «1816» и «перен», зачеркнулъ заглавіе и написалъ: «Упынне», и сдѣлалъ небольшія поправки. (См. въ концѣ тома).

Подъ заглавіемъ «Желаніе» стихотвореніе появилось въ альманахѣ «Намѣтчикъ отечественнаго музѣ» на 1827 годъ, съ полной пописью, но, повидному (см. примѣч. къ «Романсу» и «Фавну и Настушкѣ») безъ дозволенія Пушкина; издатель Б. М. Остеровъ дѣлаетъ примѣчаніе, что стихи «были въ первыхъ омылокъ очаровательной музѣ» Пушкина. Стихи были перепечатаны только въ посмертномъ изданіи (т. IX) подъ заглавіемъ «Желаніе»; въ изданіи Анненкова (т. II, стр. 129) стихотворе-

Забуду ли то время золотое,
 Забуду ли блаженный иль ни часъ,
 Когда, въ углу подъ вечеръ притаивъ,
 Я призывалъ и ждалъ тебя въ покое?
 Я самъ не радъ болѣзости своей:
 Но тѣснѣхъ дѣвъ люблю воспоминашь,
 Ахъ! умолю ль о мамушкѣ моей,
 О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда, въ ченѣ, въ старинномъ одѣвѣ,
 Она духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекрестить меня,
 И попономъ разсказывать мнѣ станеть,
 О мертвецахъ, о пощигахъ Бова,
 Огъ ужаса не шелохнусь, бывало,
 Едва дама прижмусь ночью одѣло,
 Не чувствую ни ногъ, ни головы,
 Ночь образомъ простой починки, изъ главы,
 Чуть осмѣгать глубокия морщины,
 Драгой антикѣ, прабабушкинъ ченецъ,
 И длинный ротъ, гдѣ дуба два стучало —
 Все въ душу страхъ невольный поселяю:
 Я трепеталъ, и тихо наконецъ
 Томленье сна на очи унадало,
 Тогда голшой, съ дядурной высоты,
 На доже розъ крылатая мечта,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сонъ обворожали:
 Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ:
 Въ гдѣни дѣсною, средь Муромскихъ пустыней,
 Встрѣчалъ духиъ Полкановъ и Добрыней—
 И въ вымыслахъ носился юный умъ,
 Но вы прошли, о ночи безмятежны!
 И юности ужъ возрастъ наступилъ,
 О дайте мнѣ Альбана кисти илжны,
 И я мечту молодой любви вкусишь,
 И гдѣ жъ она? восторгами родилась,
 И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась,
 Проснулся я: иду на небѣ день:
 Но все молчитъ: дуна во тѣмѣ сокрылась,
 И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь,
 Но сонъ мой тихъ: беднечный сынъ Парнаса,
 Въ почтой тиши я съ рюмою не боюсь,
 Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Петаса,
 Ни старый дворъ какому-то старухѣ Музъ,
 Я не герой, но лаврамъ не тоскую:
 Спокойствіемъ и ивгой не торую,
 Не чудится мнѣ ночью грозной бой:
 Я не богачъ, и дамъ нѣсть привратной
 Не возмущалъ мечты моей пріятой:
 Я не людѣй, съ волненьемъ и тоской
 Не зрю во снѣ кровавыхъ привитій,
 Убийственныхъ дѣтей предразсужденій,
 И въ поздній часъ ужасный, блѣдный Страхъ
 Не смурится угрюмо въ-головашъ,

рение тоже озаглавлено «Желание» и его примѣры слѣдуютъ Ефремовъ и Майковъ. Только Н. О. Морозовъ печатаетъ стихотворение подъ заглавьемъ «Уныніе», оставаясь вѣрнымъ поправкѣ Пушкина, которая вѣрна и настоящему изданію.

Начиная съ сороковыхъ годовъ, критика обращала вниманіе на это стихотвореніе. Въ слѣдующей маленькой длетіи, говоритъ Бѣлинскій (въ статьѣ 1844 г.), уже виденъ будущій Пушкинъ—не умникъ, не подражатель, а самостоятельный поэтъ...—и цитируетъ «Желаніе». Анненковъ въ своемъ изданіи открываетъ имъ рядъ мечтательныхъ длетій (числомъ 10) и дѣлаетъ примѣчаніе: «Можетъ быть, именно эта дѣнь длетій и возбудила въ одномъ изъ товарищей и друзей Пушкина сильныя нападки на длетическую его настроенность и выговоры за нихъ (см. Мнемозину 1824 года). Намъ они кажутся, наоборотъ, первыми попытками къ выходу изъ французскаго Анакреонтическаго направленія. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи первая пять длетій («Желаніе», «Осеннее утро», «Смѣстись, кто въ страсти», «Окно», «Мѣсяць»»).

Стояновъ («Исторія. Сочиненія», ч. II, Пушкинъ, стр. 40), разсказывая о юношеской любви Пушкина, говоритъ: «вашъ поэтъ переродился: новый струны зазвучали въ его сердцѣ. Но онъ назвалъ свою любовь несчастливою, и во вѣбухъ поэтическую его мечтанію слышится голосъ грусти и унынія. Правда, и въ прежнихъ стихотвореніяхъ Пушкина иногда на мгновеніе прорывается грустное чувство, которое Бѣлинскій называетъ единственнымъ Пушкинскимъ элементомъ за это время, тогда какъ во всемъ прочемъ онъ видитъ одно подражаніе: но преобладающимъ чувствомъ оно выдѣлается въ стихахъ, наибольшаго ему романтическаго его любовнаго; и въ которые изъ нихъ могутъ назваться прекрасными по теплотѣ чувства, по выработанному и точному стику и по оригинальности выраженія (цитируетъ «Желаніе»»).

Познанковъ, Пушкинъ, т. I, изд. 2-ое 1893 г., стр. 43), повторивъ отзывъ Бѣлинскаго и Анненкова, прибавляетъ: «Чувство юношеской любви, выраженное въ посланіи къ кн. Горчакову, нашло не менѣе поэтическое выраженіе и въ этомъ стихотвореніи... Желаніе замѣчательно и по формѣ. Дѣясь съ полною ясностью вѣдству, поэтъ въ подражаніе Пушкинскаго стиха, при которомъ доминируютъ ударенія и паузы со-

падаютъ съ дѣрезово стиховъ, что придаетъ стику Пушкина ту свободу и выразительность, которой не всегда достигаютъ поэты поры послѣд-пушкинской».

Съ этими критиками не согласенъ Майковъ: «Не отрицая справедливости этихъ сужденій,—говоритъ онъ,—въ особенности относительно вѣбншей формы стихотворенія, должно, однако, замѣтить, что высокая оубика послѣдняго со стороны критики оказывается въ противубѣчій съ мнѣніемъ о немъ самого автора. Пушкинъ не включилъ «Желанія» въ первый сборникъ своихъ лирическихъ пѣснь (1826 года), а послѣ появленія его въ альманахѣ въ 1827 году не помѣстилъ и во второмъ своемъ сборникѣ (1829—1835 годовъ); очевидно, стихотвореніе не удовлетворяло его, и притомъ не своею вѣбншею формою, такъ указано выше, въ рукописи мало стилистическихъ поправокъ, а своимъ содержаніемъ, илч, точнѣе говоря, несоотвѣтствіемъ своего выраженія съ душевнымъ настроеніемъ поэта. Искренность высказаннаго имъ чувства не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію; о юношескомъ увлеченіи Пушкина мы знаемъ и помимо этихъ стиховъ,—но все же строки, подобныя слѣдующимъ:

Я следы твои—мнѣ следы утѣшеніе...

Мнѣ дѣлоторо любви моеи мученіе,

Пускай умру, но пусть умру любви!

Такия строки слишкомъ отзываются сентиментальною искусственностью. Кстати замѣтить, послѣдняя строка почти буквально повторить стику Карамзина (изъ пѣсни «Отставка»):

Люблю, люблю... умру любви!

Но такъ у чувствительнаго автора «Бѣдной Лиды» это—не изліаніе потрясеннаго сердца, а просто слова, скаданныя въ шутку. Юный поэтъ-лицистъ подражалъ имъ слѣдкомъ паники, — и понятно, что созрѣвшій Пушкинъ не могъ воброяльно повторить ихъ въ печати.

Съ замѣчаніемъ Майкова о «сентиментальной искусственности» согласится трудно: стихотвореніе написано удивительно просто. Но, можетъ быть, самъ Пушкинъ, какъ «выскакательный художникъ», дѣйствительно, не былъ доволенъ имъ, есть радиогласіе между послѣдними отрывочными строками и первой строфой, гдѣ торжественныя слова повторяются отнюдушно: «меланхолично... мои... мнѣ... множить: глѣзкое... тревожить». Александръ Блокъ.

87. ЛЮБОВЬ ОДНА ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХОЛОДНОЙ.

Любовь одна веселье жизни холодной!
 Любовь одна мучение сердец!
 Она зарить одним лишь мигь отрадан,
 А горестям не видать и конец.
 Стократ блаженъ, кто въ юности предестной
 Сей быстрый мигь поймаетъ на лету:
 Кто къ радостямъ и вѣкъ неизбѣстной
 Счадливую преклонитъ кресту!

Но кто любви не жертвовать собою?
 Вы, чувствами свободные, пивцы!
 Предъ мидамъ смиралесь вы душою,
 Вы вѣли страсть—и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнца,
 Савной Амуръ, жестокий и пристрастный,
 Вамъ терній и мурты раздавалъ;
 Съ Пермесскими царицами согласилъ,
 Пивамъ изъ васъ на радость указалъ;
 Другихъ на вѣкъ печалми сводилъ,
 И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парна!
 Вы знаете бездвнной жизни сладости:
 Какъ утра лучь, сіяютъ ваши дни,
 Шивы любви! младую пойте радость,
 Склонивъ уста къ плавающимъ устамъ,
 Въ объятіяхъ любовницъ умирите:
 Служи любви, тихоюко вздыхайте!...
 Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пивцы любви! вы вѣдали печали
 И ваши дни по терніямъ текли:
 Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали:
 Пришелъ конецъ, и въ жизненной вали
 Не зрѣли вы минутную забаву:
 Но, не найдя блаженства вашихъ дней,
 Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
 И мукою безсмертна вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
 Ночь сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
 Въ слухи долинь, въ печальной гмѣ любовь,
 Оливъ, одинъ броду унвалъ и мрачень,
 Въ вечерній часъ, пать озеромъ сѣбамъ,
 Въ тоскѣ, слезамъ, перѣдко я стенаю:
 Но ропотъ водъ степеніамъ моимъ
 И шумъ дубравъ къ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли думи холодный сонъ,
 Нозднъ зажжется ль уносенье,—
 Родится жарь, и пшо слышать оны:
 Безплодное прохолить вдохновенье,
 Пускай она прославится другимъ:
 Оливъ люблю—онъ любить и любима!...
 Люблю, люблю!... но къ ней ужъ не коснется
 Страдальца слеза: она не улыбнется
 Его стухамъ небрежкамъ и простамъ,
 Къ чему мнѣ вѣкъ? ночь вленомъ полетамъ
 Оставилъ я пустынному зефиру
 Ужъ навсегда покинутую лиру—
 И слабый вѣръ, какъ легкой скрался павъ.

95. ПАДИСѢ КЪ БЕСѢДКѢ.

«Падисѣ» известна въ автографѣ Пушкина, находящемся въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (т. 13), съ подлинной поэмкой поэта: «падо», и къ двумъ старушкѣ коняку: одна — на отдѣльномъ листкѣ изъ собранной А. Д. Палишевскому «Лидейской антологіи», другая — въ тетради Ф. Ф. Матюшкина (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 246). Впервые поема напечатана въ анненковскомъ изданіи ст. VII, стр. 81, а въ 1816 году отнесена Н. А. Ефремовымъ (изд. 1880 г., т. I, стр. 167—168; датировка эта, конечно, далеко не точна, но можетъ быть принята приблизительно, такъ какъ около 1816 г. Палишевскій составилъ свой сборникъ. Воспроизводимъ «Падисѣ» съ автографа поэта.

Ощущеніе счастья, высокой душевной подъемъ какъ бы освобождаетъ человека изъ-подъ могучей власти времени, и съ устъ счастливица срываются страстные слова: «Останови, мгновенье! Ты такъ прекрасно...» Эту въковѣчный мотивъ часто слышимъ въ поэзии. «Если бѣ Зевова девица мѣнь вкрутила ночь и день», — говоритъ Батюшковъ («Вожный страхъ»), — «спозндо бѣ юная девица проговяла черну тѣнь... долго бѣ тѣни продежали влажной ночи на поляхъ, долго бѣ смертные вкупали сладострастїе въ мечтахъ... Еще страстїе, еще восторженїе выражено это чувство Подонскимъ въ его динномъ стихотвореніи «Пришли и стали тѣни ночи...»:

Ночемъ, ночь, густою тьмою
Покрой волшебный зрѣь любви!
Ты, время, тряхлою рукою
Свои часы остави...!

Н. Лернеръ.

96. КЪ НЕИ.

Стихотвореніе сохранилось въ четырехъ рукописяхъ, изъ которыхъ только одна принадлежать Пушкину (листокъ изъ сборника А. Д. Палишевскаго «Лидейская антологія» въ тетради Я. К. Грога). Это первоначальная редакція съ нѣкоторыми вариантами, о которыхъ см. въ концѣ тома.

Въ трехъ другихъ рукописяхъ принадлежатъ руки (въ принадлежатъ Моск. Публ. Музею, а третья въ «Лубѣ лидейской

трубадуровъ» Т. В. Слѣпечкиной) — большее или меньшее число вариантовъ.

Пушкинъ отдалъ стихотвореніе въ «Сѣверній Наблюдатель» 1817 г., издававшійся братомъ его лидейскаго товарища Н. А. Корсаковымъ (см. стр. 168), а затѣмъ не перечитывалъ, такъ что оно появилось только въ посмертномъ изданіи (т. IX).

Поправки, совершенно вѣрныя; напримеръ, слово «восторгъ» перенесено изъ 13-го стиха въ 10-ый: очевидно на этомъ, действительно любимомъ своимъ словѣ Пушкинъ стоялъ, но не хотѣлъ повторять его дважды.

Изъ перваго изданія лирическихъ стиховъ своихъ Пушкинъ это стихотвореніе исключилъ. Пастельскъ «Сочиненій, т. III) отнесъ его къ 1817 году, соображаясь, повидимому, съ «Сѣвернымъ Наблюдателемъ»; но Анненковъ пометилъ его подъ 1816 годомъ, и его примѣру слѣдуютъ позднѣйшіе комментаторы, справедливо относивъ стихотвореніе къ Е. П. Бакушиной. Это одинъ изъ многочисленныхъ отзвуковъ первой серьезной любви Пушкина (см. стр. 284).

Майковъ находитъ въ стихотвореніи «Къ ней» «несоответствїе поэтическаго склада съ вызвавшимъ его душевнымъ настроенїемъ автора».

«Между тѣмъ какъ въ «Желанїи» проявляется, можетъ быть, помимо воли автора сентиментальность, въ стихотвореніи «Къ ней» Пушкинъ нѣсколько неожиданно возвращается къ сладострастнымъ картинамъ, которыми, въ подражанїе французскимъ образцамъ, онъ наполнитъ свои раннія произведенія. Ни проявленїя сентиментализма, ни изображенїе чувственнаго страстей не могли служить отзвукомъ той мечтательной любви, которую онъ не читалъ.

Съ осьмнадцатою весной...

Очевидно, молодой поэтъ еще не успѣлъ найти вѣрнаго тона для выраженїя своего чувства, и когда впоследствии онъ воли овладѣть этою способностью, ему показалось невозможнымъ помѣстить такую нескладную поему, какъ посланіе «Къ ней», въ сборникъ своихъ стихотвореній».

«Сладострастная картина», конечно, могла «служить отзвукомъ мечтательной любви» Пушкина, точно такъ же, какъ «проявленїя сентиментализма» къ лидейскую эпоху. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ сознаться, что стихотвореніе «Къ ней» не

88. О К Н О.

Едъ мѣрь одной мечѣ послушном!
 Мнѣ настоящей оцущь вѣтъ!
 На все взираю равнодушно
 Дышать уныньемъ — мой удытъ.
 Напрасно летнею порою
 Любовники рошцѣ и луговъ
 Кольшатъ розой полетою
 Леги съ дѣвственыхъ береговъ.

Напрасно подвиза зарница
 Мерцаетъ въ темнотѣ ночью
 Нѣ въ зыбкихъ облакахъ дешица
 Разлита пламенной рѣкой,
 Нѣ дѣнь багряный вечерѣтъ
 И тихо дускнетъ неба сводъ
 И кленъ на мѣсяцѣ белѣтъ
 Склонясь на беретъ спичъ воть.

Вчера вечерней темнотою,
 Когда пустынная думя
 Текла туманною стедею —
 Я видѣлъ, дѣва у окна
 Одна задумчиво сидѣла,
 Дышала въ тайномъ страхѣ грудь
 Съ волньемъ дѣвица глядѣла
 На темной нощи холмами путь.

«Я здѣсь!» шепнула торопливо,
 И дѣва трепетной рукой
 Окно открыла бодрливо...
 Одѣлся мѣсяцъ темнотою.
 Щастливцевъ молишь я съ тоскою
 Тебя веселье ждетъ одно!
 Когда жъ вечернею порою
 И мнѣ откроется окно.

принадлежить къ лучшимъ стихотворениямъ этой поры, и «высказательный дуодимникъ», откидывая его, быть правъ.

Александръ Блокъ.

97. М Б С Я Ц Ъ.

Любовь Пушкина къ Е. П. Бакушиной обыкновенно считаютъ безобидной, неразделенной. Но въ его стихахъ есть прямая свѣдѣтельница объ одной или даже нѣсколькихъ встречахъ съ ней пачдѹбѹ, которая оныя опредѣляетъ словами «радость», «счастье». О такой встречѣ вспоминаетъ и стихотворение «Мсяцѹ». Пушкинъ всегда относился къ своему творчеству со строгой честностью, никогда сознательно не давалъ въ стихахъ, и, позволяя себѣ измѣнять обстановку событій, никогда не выдумывать чувства. Поэтому мы должны съ безусловной добровѣрностью относиться къ показанію такихъ стихотвореній, какъ «Мсяцѹ», «Надѹсь къ бесѣдѹ», «Раздѹка». Мы шрафѹ думать, что Бакушина не пренебрегала окончательно любовью юного поэта и назначала ему, хотя бы разѹ, передъ своимъ отбѣздомъ изъ Царскаго Села, удивленной свиданіе, вечеромъ или ночью, къ саду, въ бесѣдкѹ. Вспоминала прамы Люде, не приходится удивляться возможности такого свиданія для лириченца (можетъ быть, во время одного изъ лирическихъ баловъ?). Нѣтъ, конечно, сомнѣній, что встреча эта была лишена всякой страстной окраски, и самъ Пушкинъ противопоставлять испытанію имъ счастье «восторгамъ сладострастья»:

Что вы, восторгъ сладострастья,
Прель дашон прелестью ограда
Прямой любви, прямого счастья
Примчаете ль радости надать!

Если по первымъ стихамъ, стихотвореніе написано ночью, въ постели, какъ, впрочемъ, многие стихи Пушкина, «Сквозь окошѹ» ст. 3, довольно обычное въ старину сочетаніе прелота «сквозь» съ ронит, ср. у Лопкина «сквозь слезѹ глѹзѹ», хотя пачдѹ ст. 15 «сквозь темный дѹшебѹ» съ винит, «Горныя радѹмѹ» ст. 8 см. примѣчанія къ стихотворенію «Друдымѹ», «Любовница» ст. 17 въ старинномъ смыслѣ: «той, которую любишь», въ 1825 г. исправлено Пушкинымъ на «сводлюбенной», «Мсяцѹ» укадился ст. 22 то же выраженіе, что въ стихотвореніи 1812 г. «Шени»: «Возможно мсяцѹ покати тел», О текѹтѹ см. въ концѣ тома.

Валеріа Брюсовъ.

98. РАЗДѹКА (УШЫННЕ).

Это стихотвореніе дошло до насъ въ двухъ старѹхъ копіяхъ. Одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Раздѹка», съ датой «1816» и съ множествомъ авторскихъ поправокъ, находится въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2364 сл. 32; другая, безъ заглавія, — въ тетради того же музея № 2395. Пѣса была напечатана въ первый разъ въ посмертномъ изданіи произведеній поэта (т. IX, стр. 325—326) безъ всякаго заглавія; затѣмъ П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи (т. II, стр. 137—139) напечаталъ ее въ первой редакціи подъ заглавіемъ «Раздѹка» и въ исправленной — подъ заглавіемъ «Ушынне». Пушкинъ первоначально предназначалъ пѣсу для своего собранія 1826 года, но затѣмъ вычеркнулъ ее изъ приготовленнаго П. А. Плетневымъ для этого изданія списка, гдѹ она датирована тоже 1816 годомъ (см. «Перепискѹ Пушкина», ред. В. П. Савтова, изд. Имп. Акад. Наукъ, т. с., Спб., 1906 г., стр. 293). П. В. Анненковымъ пѣса была напечатана, по его показанію (т. II, стр. 154), съ той самой стетради, съ которой печатались стихотворенія Пушкина 1826 года, и, несмотря на новый видъ, ей данный, она еще зачеркнута тамъ рукою поэта». Мы здесь сообщаемъ Анненковымъ текстъ исправленной и сокращенной поэмою редакціи, а въ концѣ тома даемъ первоначальную редакцію, довольно далеко отстоящую отъ исправленной тамъ-же см. нѣкоторые мелкіе варианты. Сличеніе обѹхъ редакцій, какъ вѣрно замѣтилъ Анненковъ, а любопытно, и поучительно: оно указываетъ на ту строгость, съ которой относился къ себѹ Пушкинъ, сократившій пѣсу почти въ два съ половиной раза, выбросившій изъ нея такія преимущественно патетическія выраженія гошки, какъ:

Въ слезѹхъ пачѹ бездоннѹ я просуделъ,

или:

Разѣвѹвши сѹзѹ между бровьями,
Пеннѹтѹтъ мѹбѹ охъ шумныя разговорѹ
Глѹзѹ на нѹхъ пеннѹжками глѹзѹми,
Не удѹветѹть ухѹ нѹхъ мой младшѹи вѹрѹ.

Профессоръ П. В. Владимировъ «Намѹти Пушкина, научно-литературный сборникъ, составленный профессоромъ и преподавателемъ Императорскаго университета св. Владиміра», Киевъ, 1899 г., отд. 4, стр. 13 въ своей статьѣ: «А. С. Пушкинъ

89. НАСЛАЖДЕНИЕ.

Въ неволѣ скудной уюдасть
 Едва развитой жизни цѣль
 Украдой младость огладесть,
 И слѣдь ея — мечтаи слѣдь,
 Съ минуць безчувственныхъ роженъ
 До пѣвннхъ юности лѣтъ
 Я все не знаю наслаженъ,
 И счастья въ томномъ сердцѣ пѣть.

Съ порога жизни къ отдаленю
 Нетерпѣливо я смотрѣлъ;
 «Тамъ, тамъ, мечтаи я, наслаженю»,
 Но я за призракомъ летѣлъ.
 Златой крѣпкѣй разивал,
 Волшебной, пѣвннхъ красотой
 Любю, явилась молодая
 И подѣвля предо мной.

И вѣдь... по цѣли отдаленной,
 Но цѣли милой не достигъ!...
 Когда жъ весельемъ окрыленной,
 Настанетъ счастья быстрой мигъ?
 Когда къ снѣжнѣй водорител
 Свѣтлыицкѣ дускнѣй юныхъ шей,
 И мрачной путь мой озарител
 Улыбкой снѣжннцы моеи?

Рисунокъ Эйлиа.

90. ТВОИ И МОИ.

Богъ вѣсть, за что философы, шны
 На *твой* и *мой* давнымъ давно сердиты.
 Не спорю я съ ученой пухъ толпой,
 Но позакать и вѣрить имъ не смѣю.
 Что ежели бѣ ты не была *моєю*?
 Что ежели бѣ я не была *Ниса твоей*?

и его предшественники въ русской литературѣ) находить, что Пушкинъ «интерпретъ» въ началѣ своей дѣлѣи стихи изъ «Прощания» П. П. Дмитриева:

Я живу, мою во скукъ траму;
Наставьшь день, тоскую, плачу;
Покроеть ночь, опять грущу,
И все что-то я шучу.

Любовная тоска—столь перфдѣй въ лирикѣ мотивъ, что примѣровъ, подобныхъ указанному проф. Владимировымъ, можно подобрать очень много, и сходство въ выраженіяхъ туть не свидѣтельствуеъ не только о заимствованіи, но даже о простой безсознательной и невольной реминисценціи. Пушкинъ умѣлъ выразить чувство достаточно ярко и вѣрно и не нуждался ни въ какой заимствованій. Въ данномъ случаѣ, если вѣрить преданію, что элегія вызвана отъѣздомъ Е. П. Бакуиной изъ Царскаго Села, особенно понятна искренность этого изліанія. Обращеніе къ сочувствію «задумчиваху дѣвѣ», которымъ заканчивается пѣска, вводитъ въ духъ тогдашней поэзіи, въ которой еще не замерли отголоски недавняго сентиментальнаго направленія. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ писалъ въ посвященіи «Руслана и Людмилы»:

Счаствіи ужъ я надеждою сладкою,
Что дѣла съ трепетомъ любви
Посмотрѣть, можетъ быть, украсило
На пѣсни грѣшная моп.

Н. Лернеръ.

99. П Б В Е Ц Ъ.

Пѣска известна въ трехъ старухъ копіяхъ: она находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 д. 6 и носитъ дату: «1816» и авторскую помету: «перен.»; другая изъ сборникѣ «Духъ дѣтскихъ грубахурокъ»; третья въ принадлежавшей К. Я. Гроту тетради О. О. Матюшкина (см. Жури, Мин. Нар. Просв., 1905 г., октябрь, 246). Дѣвъ послѣдній копіи шлокъ отиць и тотъ же первоначальный текстъ: первая содержитъ нѣсколько поправокъ. Впервые помѣщенная въ «Флерперомъ. Наблюденія» 1817 г., ч. I, стр. 13, пѣска напечатана въ окончательно исправленномъ видѣ въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг.: въ такой же редакціи есть «Шведъ» и настоящее изданіе.

Печальнымъ настроеніемъ «Шведа» проникнуты дѣлвыя рядъ стихотвореній 1816, «Бакуинскаго года»: «Навдзники», «Встрѣчаюсъ я съ осмнадцатой веснов...», «Медлительно влекутъ дни мои...», «Ущипи», «Подражаніе», «Счаствіи, кто въ страсти самъ себя...», «Опять я ванъ, о юные друзья...» и др. Указываемое А. П. Майковымъ (2-ое изд., изд. Г. т. прим., стр. 308) сходство «Шведа» съ «Послѣдней весной» Батюшкова слишкомъ отдаленно, и элегія Пушкина, пронитанная чувствомъ, которое тогда всецѣло заняло сердце поэта, волющ самостоятельна. Образомъ для формы пѣска могла послужить первая строфа «Шведа» Якувскаго. Вѣдншскій отнесъ элегію Пушкина къ «серебрянымъ» пѣскамъ, въ которыхъ свидѣтъ уже Пушкинъ, но еще больше или меньше вѣрнѣй литературнымъ преданіямъ, еще учиться предшествовавшимъ ему мастерамъ, хотя часто и побждающій своимъ учителямъ, поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный... общающій Пушкина, но еще не Пушкинъ». А. В. Дружининъ («А. С. Пушкинъ и последнее изданіе его сочиненій»—«Библиотека для чтенія» 1855 г., т. 430, № 3—4, стр. 56) находитъ, что въ «Шведѣ» «слабость содержанія выкупается гармоніей стиха, какъ, напримеръ, приторность модной пѣсенки выкупается ея обворожительной музыкой». Недаромъ «Шведецъ» всегда привлекаетъ вниманіе композиторовъ. Въ статьѣ С. К. Булмча «Пушкинъ и русская музыка» («Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Им. Сиб. универс., Сиб., 1900 г., стр. 93—94) указаны пятнадцать музыкальных интерпретацій «Шведа»—между прочимъ, П. Титова, А. П. Бертовскаго, П. П. Чайковскаго, А. Г. Рубинштейна.

Н. Лернеръ.

100. ЭЛЕГИЯ Я ВЕЦЪ ДѢВЪ СМЕРТЬ... ОНА СЦѢДЛА...

Это стихотвореніе известно въ двухъ спискахъ руки Пушкина: на одномъ припадъ Моск. Публ. Музею, № 2364, д. 40 об. и 41) подъ пометкой: «1816» и сдѣлать много поправокъ и поправокъ: другая безъ дѣлвъ послѣднихъ стиховъ, въ тетради, принадлежавшей графу П. П. Кашкету дѣвъ копіи были въ рукахъ у Е. П. Якувкина и она у П. В. Анненкова изъ рукописи, которая была приотомлена для редакціи стиховъ Пушкина

91. КЪ МОРФЕЮ.

орфей, до утра твй отраду
 Моей мучительной любви!
 Приди, задуй мою лампаду,
 Мои мечты благослови:
 Сокрой отъ памяти унылой
 Радости страшный приговоръ!
 Пускай увижу милый взоръ,
 Пускай услышу голосъ милой.
 Когда жь умчится ночь мела
 И сонъ мой покинетъ очи,
 О, если бы душа могла
 Забыть любовь до новой ночи!

92. ПРОБУЖДЕННЕ.

Мечты, мечты,
 Едѣ ваша сладость?
 Едѣ ты, едѣ ты,
 Почная радость?
 Нечемънуть ошь,
 Веселый сонъ,
 И одинокой
 Во тѣмъ глубокой
 Я пробуждѣнъ...

Кругомъ постели
 Шумная ночь,
 Вмигъ охладѣла,
 Вмигъ улетѣла
 Точною прочь
 Любви мечтания.
 Еще полна
 Душа желанья
 И ловить сна

Воспоминанья,
 Любовь, любовь,
 Внемли мольбы:
 Пошли мнѣ вновь
 Свои видѣнья,
 И поутру,
 Вновь уносимый,
 Пускай умру
 Не пробужденным.

93. КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мой: когда померкну я,
 Пускай оно груди бездушевливой коснется;
 Быть можетъ, милые друзья,
 Быть можетъ, сердце вновь забьется.

94. УНЫШЬЕ (ЖЕЛАНИЕ).

Медлительно влекется дни мой,
 И какъ бы мнѣ въ увѣвшемъ сердцѣ множить
 Всѣ горести несчастливой любви
 И глупое безуміе тревожить,
 Но я молчу: не слышатъ ронять мой:
 Я слезы лѣю мнѣ слезы увѣшенье:

Моя душа, обаятая тоской
 Въ нѣтъ торжестве находить наслажденье,
 О, жизни сонъ! лети, не жаль тебѣ,
 Изчезни въ тѣмъ, пустое привѣщенье:
 Мнѣ дорого любви моеи мученье
 Пускай умру, по цуть умру — любви!

1826 года (двѣ стихотворенія замечкуто). Впервые опубликованная элегия (т. II, стр. 139) Анненковъ прибавляет къ ней примѣчаніе (на стр. 154): «это неизданное стихотвореніе съ загадочнымъ оглавленіемъ «Подражаніе», найденно также въ тетради стихотвореній Пушкина, приоткрытой для изданія 1826 года, а также замечкуто въ ней самимъ авторомъ, но въ рукописяхъ его оно носитъ название: Элегія и имѣетъ еще 14 окончательныхъ стиховъ, которые напоминаютъ отчасти пьесу Парни: *Oui, sans regret du flambeau de mes jours etc.* Этой пьесой кончаются Элегія Пушкина 1816 г., въ которой, несмотря на подражаніе элегіямъ Баттошкова, слышится уже присутствіе самобытнаго таланта».

Окончательная редакція стихотворенія находится въ рукописи графа Капниста и въ рукописи 1826 года, откуда вошла въ изданіе Анненкова. Остальныя рукописи заключаютъ въ себѣ первую редакцію (она опубликована Евг. Якушкинымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1858 года).

Гавевскій («Современникъ» 1863, т. XXVII, стр. 173) не считаетъ возможнымъ согласиться съ Анненковымъ въ томъ, что Пушкинъ въ своей элегіи подражаетъ Парни: «конецъ этого стихотворенія, какъ неидеально, но напечатанный отрывокъ не имѣетъ никакого отношенія къ элегіи». Тамъ же мѣтве, Майковъ присоединяется къ мнѣнію Анненкова и сопоставляетъ первоначальную редакцію «Элегія» Пушкина со слѣдующей *Élégie* Парни:

*Oui, sans regret, du flambeau de mes jours
Je vois déjà la lumière éclipse,
Tu vas bientôt sortir de ma pensée,
Cruel objet des plus tendres amours!
Ce triste espoir fait mon unique joie,
So ns importuns, ne me retenez pas.
L'heure a juré mon trépas;
Je veux aller où sa rigueur m'envoie
Dans cet esile ouvert à tout mortel,
Où du malheur on dépose la chaîne,
Où l'on s'enfuit d'un sommeil éternel;
Où tout finit, et l'am ur, et la haine.
Tu gémiras, trop sensible Amitié!
De mes chagrins conserve au moins l'histoire,
Et que mon nom sur la terre oublie
Vienne plutôt s'éteindre à ta mémoire.
Peut-être alets tu gémiras aussi.
Et tes regards se tourneront en re
Sur ma démente, errante l'bonore,
Premier objet que mon cœur a choisi.
Trop tard, hélas! tu reprendras des larmes.*

*Oui, tes beaux yeux se rempliront de pleurs:
Je te connais: et, malgré tes rigueurs,
Dans mon amour tu trouves quelque charmes.*

*Lorsque la Mort, favorable à mes vœux,
De mes instants aura coupé la trame;
Lorsque un tombeau triste et silencieux
Reine meta ma douleur et ma flamme,
O mes amis! vous que j'aurai perdus,
Allez trouver cette beauté cruelle,
Et dites-lui: «C'en est fait; il n'est plus.
Fussent les pleurs, que j'ai versés pour elle
M'être rendus!.. Mais non: dieu des Amours,
Je lui pardonne: ajoutez à ses jurs
Les jours heureux que m'ôte l'infidèle.*

«Разумѣется, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о переводѣ,—говоритъ Майковъ,—но употребленное Пушкинымъ слово «Подражаніе» примѣняется здѣсь очень кстати: всѣ изображенныя у Парни перемены душевнаго настроенія, то-есть предчувствіе скорого конца, исполненное грусти обращеніе къ друзьямъ и страстное воспоминаніе о коварной возлюбленной, все это нашло себѣ мѣсто и въ элегіи Пушкина, при чемъ иногда повторены подлинныя выраженія французскаго поэта». «Мотивомъ собственнаго измышленія» Майковъ находитъ «сироуаніе съ вѣбннмъ міромъ, съ природою», къ которой Парни и французы XVIII вѣка были равнодушны. Въ окончательной редакціи замечкуваній, по мнѣнію Майкова, смѣнены, но оригинальность, нанесла ущербъ цѣльности.

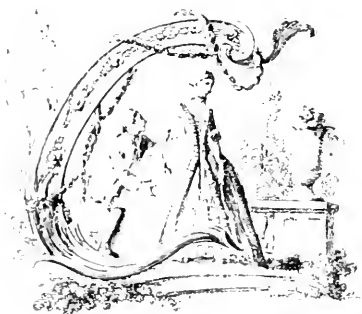
А. П. Везелевичъ («Пушкинъ въ своей поэзіи», стр. 35) говоритъ: «въ стихотвореніи 1816 года «Подражаніе»—прощаніе поэта съ любимой имъ природою прямо скопировано съ прощанія Иоанны д'Аркъ съ ролыми солдатами и поэма въ переведенной Жуковскимъ драмѣ Шиллера». Опровергая это мнѣніе, Майковъ указываетъ, что Жуковскій началъ переводъ «Орлеанской Дѣвы» не ранѣе конца 1817 года, а въ подлинникѣ Пушкинъ сталъ читать тогда эту драму, «было бы удивительнѣе, говоритъ Майковъ, вспомнить молодого Огелло въ 3-й сценѣ III-го акта Шекспировой трагедіи, но, неидеально, было ли Пушкинъ хоть сколько-нибудь знакомъ съ Шекспиромъ въ это время». Остается задать вопросъ: почему Пушкинъ самъ не могъ написать лирическое прощаніе съ природою, а непременно долженъ былъ замечкувать его изъ Шекспира или Шиллера?

Александръ Блокъ.

БЕСѢДКА ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ПАРКѢ.

Рисункъ ландшафта Лангера (Сиб. 1829).

95. ПАДШЭ КЪ БЕСѢДКѢ.

в благоговѣнною душой
 Приближеся пунтикъ молодой
 Любви къ пустынному привѣду.
 Здѣсь ея счастливъ быль я разъ.
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ.
 И время самое для насъ
 Остановилось на минутѣ.

101. ЭЛЕГИЯ СЧАСТЛИВЪ, КТО ВЪ
СТРАСТИ САМЪ СЕБЬ.

Стихотвореніе принадлежитъ къ ряду элегій Пушкина, выданныхъ разлукой (зимой 1816—17 г.) съ Е. П. Бакуниной (см. стр. 284). Въ первоначальной редакціи стихотворенія «Мѣсяць» юноша-Пушкинъ противопоставляетъ «утѣхамъ сладострастья» — «отрады прямой любви». Но это было минутнымъ порывомъ, не соответствующимъ его страстному характеру, и страстные картины очень скоро стали вновь появляться въ его элегіяхъ. Въ настоящемъ стихотвореніи даже и въ элегіяхъ («Къ ней» и «Окно») онъ — себѣ, своей несчастной любви, противопоставляетъ счастливаго любовника, которого думъ дуны «свететь къ полночи сладострой». Въ элегіи много неточныхъ эпитетовъ и фигуральныхъ выраженій вмѣсто истинныхъ образовъ: «надежда, ледвѣющая отъ невѣдомой судьбы», «стуманный (т. е. неопредѣленный) думъ дуны», «ранній цвѣтъ надежды», «схлупшій цвѣтъ жизни», «угрозы старости»... Эти недостатки, впрочемъ, и были причиной, почему Пушкинъ не напечаталъ стихотворенія при своей жизни.

В. Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

102. ОСЕННЕЕ УТРО.

Извѣстна двѣ рукописи этого стихотворенія, принадлежащія Моск. Публ. Музею, № 2364 и 2395. На первой помѣта Пушкина «1816» и поправка другая — царская копія. Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX), а поправки по первой рукописи даны только изданіемъ литературнаго фонда.

Изъ исправленій см. въ концѣ тома видно, что Пушкинъ исключилъ неточный выраженій и шероховатости стиха. Заботясь объ единствѣ картины, онъ замѣнилъ «своими охлупшавъ» «ваками пожелѣвшими», по зато, въ ущербъ конкретности, написалъ «мертвый листъ» вмѣсто «желтый листъ», пошлѣнному, только для того, чтобы не повторилось слово «желтый» въ двухъ стихахъ, стоящихъ ритмомъ. Отмѣнилъ еще замѣну архаическаго россійскаго патежа «мѣсто: «бѣдничья» «лава» — «мла теи чмскскій лава», или «мои госки, лава». Во всякомъ случаѣ, видно, что Пушкинъ не придалъ большого значенія «Осеннему утру» и писалъ его безъ сло-

вѣдъ вдохновенія». Только въ отрывкахъ стихахъ слышится стремительность и сказочность пушкинскаго стиха, и въ одномъ изъ нихъ — любимая поэтомъ и свойственная преимущественно лирику — замѣна нарѣчій обстоятельствомъ образа дѣйствія — прилагательнымъ (опредѣленіемъ): «и слышится мгновенный вѣтра свистъ» вмѣсто логическаго: «мгновенно слышится свистъ вѣтра»; ср. напримеръ, въ элегіи того же года «Умиленіе» — послѣдній стихъ: «сухой вздохнуть задумчивая дѣвы», вмѣсто: «сухой задумчиво вздохнуть дѣвы»).

«Осеннее утро» явно написано подъ влияніемъ разлуки съ Бакуниной, (см. стр. 284 и слѣд.) перебывавшей со своимъ семействомъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Съ ея отъѣздомъ все оуныло для поэта «до сладостной весны».

Александръ Блокъ.

103. КЪ НАТАШЬ.

Автографъ этого стихотворенія нѣтъ и извѣстны только 2 копія. Одна — въ «Духъ липейскихъ грубадуровъ» (Т. В. Симекиной), другая въ царской копіи Моск. Публ. Музея, № 2395. Стихотвореніе дано впервые посмертнымъ изданіемъ (т. IX).

Анненковъ, въ своемъ изданіи Пушкина, сообщилъ эти стихи безъ дана, а Геммаи въ библиографическихъ примечаніяхъ къ изданію Неакова 1859 г., отнесъ пухъ къ 1814 году, сопоставивъ со стихотвореніями «Къ Наташь» и «Молодой актрисѣ» (крѣпостной друины графа Толстого). Всѣ повѣршіе комментаторы относятъ стихотвореніе къ 1816 году, основываясь на нежизнелюбномъ разсказѣ П. П. Пушкина. «Строго говоря, замѣчаетъ Майковъ, основаніе это нельзя считать вполне твердымъ, но нѣтъ также повода и отвергать его. Напротивъ того, оно не разсматриваемую пѣсню къ 1816 году, мы получаемъ возможность считать пѣсню въ заключеніи, любовныхъ въ литературномъ отношеніи».

Упомянутый сейчасъ разсказъ Пушкина находится въ его запискахъ, напечатанныхъ въ «Атенѣ» 1859 г., № 8 (перепечатаны Машковымъ въ его сборникѣ «Пушкинъ», Спб. 1899). Вотъ онъ:

«У вѣрноюй таутивахта, переть вечерню дарей, обыкновенно играла подкова мудака. Это привлекло тулвиниухъ къ саду, радуется и насъ, Finévitable Lycée,

96. К Ъ П Е Н.

Ельвина, милой другъ, прими, повай мнѣ руку,
 И вину, прекрати тяжелый жизни сонъ;
 Скажи — увижу ли... на токую ль разлуку
 „Любовникъ осужденъ?“

Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
 Пль вѣчной темной покрывы ти мой?
 Ужели никогда насъ уро не позастанетъ
 Въ объятіяхъ любви?

Ельвина почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебѣ съ восторгомъ обнимать,
 На мидую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?

И въ радости вѣмой, въ блаженствѣ уносима
 Твой шопоть сладостной и томной стоишь внимать,
 И въ вѣбѣ въ скромной тѣмѣ, для вѣги пробужденъ
 Близъ милой засыпаетъ?

97. М Ъ С Я Ц Ъ.

Зачѣмъ пль облака выходишь,
 Уединенная луна,
 И на подушки, сквозь окна,
 Близъе тусклое наводишь?
 Являемиъ пасмурнымъ своимъ,
 Ты будишь грустныя мечтанья,
 Любви напрасная странья,
 И гордымъ разумомъ моимъ,
 Чуть усвоенныя желанья,
 Летите прочь, воспоминанья!
 Засни, несчастная любовь!
 Ужь не бывать той ночи вновь,
 Когда спокойное сіишье

Твоиъ таинственныихъ лучей,
 Сквозь темной завѣсь пронизало,
 И блѣдно, блѣдно озарило
 Красу возлюбленной моеи.
 Почему минуты вы летѣли,
 Тогда столь быстрой чередой?
 И тѣмъ легкія рѣвѣли
 Предъ неожиданной зарей?
 За чѣмъ ты мѣсяцъ укачишь
 И въ вѣбѣ свѣломъ уточишь?
 За чѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
 За чѣмъ я съ милою простился?

98. У Н Ы Н Е Е Р А З Л У К А .

Мой мидый другъ, расстался я съ тобою,
 Душой усидеть безмолвно я грущу,
 Блещеть ли день за синюю горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею дуною,
 Я все тебя, далекий другъ, пишу:
 Одну тебя вѣдѣть воспоминаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумаюсь — невольно призываю,
 Заслушаюсь — твоей толою слышеть мнѣ.

И ты со мной, о дѣра, примила,
 Напереню души моеи болью!
 Твоеи струи печальнѣ звонъ гдухой
 И лишь тоски ты толою не дабыла...
 О вѣрива, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежныя наивья
 Изобразятъ уныиѣ любви,
 И сдухая бриданія твои
 Пускай вздохнуть задумчивыя тѣбя.

как падали иные нашу шумную, вихляющуюся толпу. Иногда мы проходили къ мѣлькѣмъ порочнымъ корридоромъ, въ который между другими помѣщениями были выходы и въ комнаты, занимаемыхъ фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. Этухъ фрейлинъ было тогда три: Плескова, Водуева и княжна Волконская. У Водуевой была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встрѣтись съ нею въ темныхъ переходахъ корридора, и подознать; она многиухъ изъ насъ знала, да и кто не зналъ лицъ, который мозолилъ глаза всѣмъ къ саду? Однакожъ идти мы растяннувшись по этому корридору маленькими группами. Пушкинъ на бѣду былъ одинъ, сдвинуть въ темнойъ шорухѣ платья, воображаетъ, что непременно Наташа, бросается погнѣловать ее самымъ невиннымъ образомъ. Какъ парочно, въ эту минуту отвернется дверь изъ комнаты и освѣдитъ сцену; передъ нимъ сама княжна Волконская. Что дѣлать ему? Бѣжать безъ оглядки; но этого мало, надобно поправить дѣло, а дѣло не ладно! Онъ тотчасъ разсказать мифъ у оркестра. Я ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкинъ никакъ не соглашался довериться директору и хотѣлъ написать княжкѣ извинительное письмо. Между тѣмъ она уѣхала пожаловаться брату своему Н. М. Волконскому, а тотъ — государю. Государь на другой день приходитъ къ Энгельгардту. «Что же это будетъ?» говоритъ царь. — «Твои воспитанники не только снимаютъ черезъ заборъ мои паливыя яблоки, бьютъ сторожей садовника Ламина, но теперь уже не даютъ проходу фрейлинамъ жены моеи». Энгельгардтъ, своимъ путемъ, уже зналъ о пеловкомъ выдѣлкѣ Пушкина, можетъ быть, и отъ самого Петра Михайловича, который могъ сообщить ему къ той же вечеру. Онъ пошелъ и обидѣлъ императору Александрю: «Вы меня предупредили, государь: я некакъ случая принеслъ вашему величеству повинуду да Пушкина; оны, бывши, въ отчаяннѣ, приходилъ да моимъ позволеннѣмъ письменно просить княжну, чтобы она великодушно простила ему это немилосливное оскорбленнѣ». Тутъ Энгельгардтъ разсказалъ подробности дѣла, стараясь вселенски сминуть вину Пушкина, и присоветовалъ, что слѣдуетъ уже ему строгій разговоръ и просить разрѣшенія насчетъ письма. На это хохотавно Энгельгардта государь сказалъ: «Пусть пишеть, ужъ такъ

и быть, я беру на себя а прокатство да Пушкина; но скажи ему чтобы это было въ послѣдннѣй разъ. La vieille est peut-être enchanlée de la méprise du jeune homme, entre nous», шенуль императоръ улыбался. Энгельгардту, пожалъ ему руку и пошелъ топить императрицу, которую изъ окна увидѣлъ къ саду.

Такимъ образомъ, дѣло кончилось необыкновенно хорошо. Мы всѣ были рады такой развязкѣ, жалба Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый изъ насъ легко могъ попасть въ такую бѣду».

Нельзя сказать, чтобы этотъ разсказъ служилъ доказательствомъ тому, что стихотвореннѣ «Къ Наташѣ» относится къ горничной, а не къ актрисѣ толстовскаго театра. Во 2-мъ изд. Пискова т. I, 1870 г., стр. XX Геннадъ дѣлаетъ примѣчаннѣ: «Идея написана по тому поводу, что Наташа, слѣдуя за дворомъ, должна была переселиться въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о хронологнѣ остается открытымъ, и напрасно Майковъ и Подшиваловъ какъ-то оправдываютъ Пушкина, ссылаясь на его «страстность» и «шумочная нафреннѣя»: «Итъ ничего удивительнаго, что при той страстности, которую оны Пушкинъ отличалъ, — говоритъ Майковъ — его уважнѣване да этой дѣвушкой даже по времени совпадало съ его метательною любовнѣю къ Е. П. Бакушннѣю, но само собою разумется, что это стихнѣ не служили на этотъ разъ выражѣннѣемъ сколько-нибудь серьезнаго чувства». Сочиненнѣ такой пѣсни въ 1816 году яромъ съ пламенннѣми любовннѣми дѣяннѣями всего лучше можетъ быть объяснено шумочннѣми нафреннѣями актора». Едва ли такой критическнѣй прнѣмъ приложнѣмъ къ стихамъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что самъ Майковъ считаеть возможнымъ отнести стихнѣ къ 1814 году по примѣру Геннадъ: «къ подтвержденнѣю такой датки могла бы служить нѣкоторая напнѣннѣсть и техническая неудовлетворнѣтельность ннѣмъ парнѣмъ, плохнѣя яромъ къ стт. 5-мъ 8-мъ». Но менѣе школьное дамѣчаннѣ дѣлаетъ Подшиваловъ (Второе изданнѣ Пушкина, т. I, 1893 г., стр. 52): «стнѣмъ этого стихотвореннѣ, рѣдко отличающнѣй его отъ друннѣхъ стиховъ Пушкина, вынуждъ сомнѣннѣе къ принадлежнѣности его Пушкину... Но не трудно къ этому стихотвореннѣ узнать очень искусство пораженнѣе сантиментальннѣмъ пѣсенннѣмъ П. П. Дмитриева въ рѣчь: «Стояеть сладкнѣ голубочекъ» и Ю. А. Педелинскаго Мелецкаго («У того днѣннѣннѣ

99. П Ъ В Е Ц Ъ.

Слышали ль вы за роцей гласъ почной
 Пивидя любви, пивидя своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Слышали звукъ улыбай и престои
 Слышали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной гдѣ дбеной
 Пивидя любви, пивидя своей печали?
 Сдѣла ли слезъ, улыбку ль даивчали,
 Навъ тихій взоръ, исполненный тоской,
 Встрѣчали ль вы?

Вдохнули ль вы, внимаю тихой гласъ
 Пивидя любви, пивидя своей печали?
 Когда въ дбесахъ вы юношу вивали:
 Встрѣчая взоръ его потухнухъ гласъ,
 Вдохнули ль вы?

100. Э Л Е Г И Я.

Подражаніе.

Я витьдль смерть: она ситѣла
 У тихаго порога моего.
 Я витьдль гробъ: открылась дверь его:
 Туда, куда моя надежда полетѣла...
 Уму — и радости моеи
 Никто сдѣловъ, пустынныхъ не даивнѣтъ,
 И взора милаго не встрѣтитъ
 Последній взоръ моихъ очей.

.....

Прости, печальный міръ, гдѣ темная степь
 Надъ бездной для меня лежала,
 Гдѣ жизнь моя не угвннала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Небесъ лазурная дивса,
 Любимые холмы, ручьи веселыи гласъ,
 Ты, утро — вдохновенная часть,
 Вы, гдѣи мирная таинственная дбса,
 И все — прости въ последній разъ!

сила истощилась тоской») и т. п. Пушкинь въ своемъ стихотвореніи перефразировъ манеру такую и всенъ. Шенка Пушкина обращена къ горничной, какъ бы въ знакъ того, что наступило время такія ибеси передать въ ибичи. Такъ это и стало.

Вбумъ дѣмъ домасламъ паностъ дѣдѣр недавно-опубликованная К. Я. Грогомъ, пѣкленіе изъ лицейской тетради, гдѣ по отношенію «Къ Натальѣ» сообщается: «въ выноскѣ къ дѣланію читаемъ: Дочери князя Кочубея» («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905, № 10, стр. 246). Получается, следовательно, «современное достоверное свидѣтельство, и повелкомъ случѣй истощилъ его — лицейское преданіе. Такимъ образомъ, пришлось бы оставить предположеніе А. П. Майкова, что поэтъ Натальѣ слѣдуетъ разумѣть горничную фрейлины Валуевой, которой касается ибичный разсказъ П. П. Пушкина о проѣздѣ Пушкина».

«Дочь князя Кочубея» уже ибична намъ по «Пѣвнцамъ» (см. выше, стр. 292).

С. П. Шеваревъ (стр. выше стр. 126) простеръ свои пѣдѣстическія сомнѣнія на другую сторону стиховъ Пушкина. Въогъ что онъ ибичеть («Москвитинъ» 1841, ч. V, стр. 254) «такія ибеси, какъ: Красавица, которая ибичала табакъ», а особенно къ Натальѣ и къ Натальѣ, ебичали могутъ быть ему (Пушкину) приписаны. Можетъ быть, это пѣдѣсти его же товарищей. Мы не думаемъ, что бы Пушкинь. Ибичили паншаншій прекраснае стихи, моль позволить себѣ такія ибичи, какъ: Натальѣ и ебичала, Кнтайца и Америкайца, или подобнае стихи:

Свѣтъ-Наталья, гдѣ ты ибичи?
Что ибичи тебѣ не дричъ?
Иль не хочешь чѣсь ебичи
Съ другомъ сердца разбѣлать?

Намъ кажется, что оправдательный тонъ критиковъ также мало достоинъ стихотвореній Пушкина, какъ сомнѣнія Шеварева. Небрежность въ римахъ скорѣе подчеркнута, ебичность и легкость образовъ, такъ ебичественна Пушкину, а простота и краткость, выражены заставляють дѣлывать чистое ибичнее существо съ Дмитриемъ или Мелескимъ. Когда паншаншій, что въ «Фавнѣ и пастушкѣ» стихотвореній того же года и уже ебиченно пушкинскимъ, также есть ебиченный римахъ: кровль, любовь, дѣтокъ ебичи.

Александръ Блокъ.

104. КНЯЗЬ ВЛКОНСКОЙ.

Это французское четверостишіе не сохранилось въ рукописи и стало ибичнымъ только въ 1871 г. по статьѣ М. П. Жихарева: «Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Изъ воспоминаній современника» («Вѣстникъ Европы», № 7). Здѣсь Жихаревъ передаетъ эпизодъ, сохранившійся въ запискѣ Пушкина (см. стихотвореніе «Къ Натальѣ») въ слѣдующемъ видѣ (стр. 192, выносокъ):

«Одинъ разъ поэтъ вечеръ, когда ебичи конки дѣлается ебичамъ, Пушкинь, бѣгая по какому-то корридорю, наткнулся на какую-то женщину, къ которой присталъ съ неоготрительными рѣчами и даже, сообщаятъ злоязычники, съ ебичуваніями прикосновеніями. Женщина подила крикъ и ускользнула, однакоже успѣла разебичить и узнать ибичнаго. Она была не молода, не красива и настолько знатна, что случѣ объ этомъ маленькомъ происшествіи допелеть до души самого государя. Государь, недовольный жалостью одного изъ воспитанниковъ своего любимого лицѣя, приказалъ немедленно Пушкина ебичи. Эпизодъ этого приказанія не ебичивалъ. Ибично, что при императорѣ Александрѣ I можно было ибича повелѣній такого рода не ебичивать, а потомъ за осуданіе получать благодарность. Случѣ же про крошечный скандальчикъ разебичи по Царскому Селу и разражательный поэтъ погнѣлъ пожить дѣдушкѣ слѣдующимъ французскимъ четверостишіемъ, въ которомъ мѣбич кажется, уже ибичи проглядываютъ столько ебиченствій ибичные и ебичные пушкинскіе ебичи...»

Какъ мы видимъ, подробности разсказа ибично много, ебичи въ запискѣ Пушкина. Камеръ-фрейлина императрицы, княжна Варвара Михайловна Волконская ролася въ 1782 году, следовательно ей было всего 34 года въ пору даваннаго приключенія съ Пушкинымъ. Вбично этому возрасту еще не ставшій окончательнѣю ибичи и можно ебичи объяснить ебиченную ебичность записки ебичи въ дѣвахъ фрейлины.

Александръ Блокъ.

ПЕРЕВОДЪ ЧЕТВЕРОСТІИИИ:

Очень легко, mademoiselle
Принять васъ за ебичи
Или за старую потаскушу
Но за Грацію, ебичи же бѣду, ибичи.

101. ЭДИТ Г. И.

Сластникъ, кто въ страсти самъ себѣ.

Щастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признается смѣлѣ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Патяжка робкая дѣлаетъ;
Кого душа гуманной думъ,
Ведетъ въ полночи сладострастной;
Кому тихонько вѣрной ключъ,
Отворить дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады гнаннымъ наслажденій;
Увидѣ патяжки ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій!
Печально младость улетѣтъ,
И съ ней увянуть жизни розы
Но я, любовью подаблѣтъ,
Любви не позабуду ль следы! —

102. ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ: сирѣвкою полевой
Облашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣднѣе взвздо сновидѣнья,
Съ Небесъ уже скатилась почти тѣнь,
Взошла заря, сияетъ блѣдный день. —
А вокругъ меня глухое запустѣнье...
Ужъ нѣтъ ея... я былъ у береговъ,
Гдѣ милой ходила въ вечеръ лѣсной;
На берегу, на зелени луговъ,
Ужъ не пателья муть шнымакъ слѣдовъ,
Ужъ нѣтъ не встрѣтить я прекрасной,
Задумчиво броя въ груди лѣсовъ,
Произносилъ я имя прекраснейшей,
И звалъ ее — лишь глазъ уединенной
Пустынь юннѣ откликнулся въ дали,
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;
Его струи медлительно текли,
Не трепеталъ въ нихъ образъ прекраснейшей. —
Ужъ нѣтъ ея... до сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою,
Ужъ осени холодною рукою
Глава березъ и лишь облакены,
Она шумить въ дубравахъ опустѣвавшихъ;
Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ,
Стоитъ думать на пинахъ пожелѣвавшихъ,
И слышится мгновенной вѣтра свистъъ,
Подъ холмы, знакомая дубрава!
Хранители священной тишины!
Свидѣтели моей тоски, забавы!
Забывши вы... во сладостной весны!

105. ЭЛЕГИИ (ОНИЪ И ВАНИЪ, О ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ).

Объ сохранившихся рукописи этого стихотворения принадлежать Моск. Публ. Музею: одна—руки Пушкина (тетрадь № 2364) и съ его поправками, другая (№ 2395 — писарская копия).

Элегия появилась впервые въ помертвомъ изданіи (т. IX — безъ поправокъ Пушкина. Неправильная редакція вошла въ изданіе литературнаго фонда, а къ 1816 году стихотвореніе отнесено впервые Аппенховымъ. Изд. Пушкина, т. II, стр. 134—135). Позднѣйшіе комментаторы, кромѣ Пощапова, согласно относятъ его къ этому году, «очевидно, по соображенію съ его содержаниемъ», — говоритъ Майковъ.

Изъ вариантовъ первоначальной редакціи (см. въ концѣ тома) видно, что Пушкинъ, прежде всего, сократилъ стихотвореніе (обычный приемъ его), а затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько перестановокъ и замѣнилъ прозаичныя и неярившіяся ему мѣста, и все-таки, поправки не коснулись существа элегіи, которое, поэтъ, повидимому, былъ не особенно доволенъ: она принадлежитъ къ числу многихъ, не отданныхъ имъ въ печать.

О позражательности элегіи — первый заговорилъ Гаевскій «Современникъ» 1863 г., т. XXVII, стр. 174: «въ элегіяхъ 1816 года, представляющихъ уже самостоятельное развитіе Пушкина, замѣтно еще вліяніе Раринъ: такъ, напримеръ, начало стихотворенія его «La Reçhûte» слышится въ элегіи Пушкина: «Ониъ и ваниъ...» Майковъ итѣтъ еще дальнѣе, находитъ, что отголоски указанной элегіи Раринъ «почти во всемъ ея составѣ слышатся въ стихотвореніи Пушкина». Вотъ элегіи «La Reçhûte»:

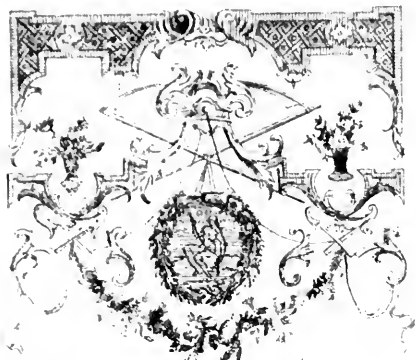
Cou est fait, j'ai buisè mes chames
Amis, je reviens dans vos bras.
Les belles ne vous valent pas:
Leur faveurs content trop de peïn s.
Jouer de leur volage humeur,
C'est en de ma dépendance;
Je n'appréhends mon indifférence
Et j'appréhove le bonheur.
Le serai-je enfin de la vengeance
Va-t'en par d'autres chameï onç;
C'est de l'ad plusî sans mélange;
Il est de l'air le saison.
Un seul serai on ole et nous venge
Des matresses que nous perdons,
Que dis-je, c'est en eux? Ah, qu'il est difficile
De tendre la corde dans le sens des douleurs!

La touche sourit mal, quand les yeux sont en pleurs.

Repoussons loin de nous ce nectar inutile.
Et toi, tendre amitié, paisir pur et divin,
Non, tu ne suffis plus à mon âme égarée.
Au cri des passions qui grondent dans mon sein
En vain tu veux mêler ta voix douce et sacrée:
Tu gémis de mes maux qu'il fallait prévenir;
Tu m'offre ton apui lorsque la chute est faite
Et tu sondes ma plaie, au lieu de la guerir.
Va, ne m'apporte plus ta prudence inquiete;
Laisse-moi m'étourdir sur la réalité;
Laisse-moi m'entonger dans le sein des chameïeres
Tout courbe sous les fers chanter la liberté,
Saisir avec transport des ombres passagères,
Et parler de félicité
En versant des larmes ameres.

«Затѣмъ, — говоритъ Майковъ, — слѣдуетъ еще 17 стиховъ, въ которыхъ поэтъ высказываетъ надежду, что въ будущемъ, рано или поздно, для него наступятъ болѣе счастливыя дни, и онъ, разставивъ съ увлеченіями и мученіями любви, возвратится къ наслажденіямъ дружбы. Такого заключенія въ примирительномъ смыслѣ мы не найдемъ въ элегіи Пушкина: но если мы сравнимъ послѣднюю съ приведенными строками Раринъ, то должны будемъ признать между ними близкое соотношеніе: оба поэта начинаютъ съ обращенія къ друзьямъ, какъ бы въ чаяніи, что могутъ найти полное удовлетвореніе въ общеніи съ ними, но затѣмъ нѣтъ поражаетъ горькое сознаніе, что они уже не въ состояніи довольствоваться пріятностями дружбы послѣ того, какъ ихъ жизнь огурана въ раздѣленную любовью. Пушкинъ съчелъ возможнымъ прервать свое лирическое изліяніе на этомъ патетическомъ моментѣ, тогда какъ Раринъ къ концу піеса понижаетъ тонъ своей скорби постепенно смирчающими думками».

Критическая оцѣнка стихотворенія раздѣлена. Такъ, Сушцовъ («Этюды о Пушкинѣ», вып. IV, стр. 24) говоритъ объ элегіи: «многословное и сравнительно съ другими вообще слабое стихотвореніе». Возражая на это, Майковъ замѣчаетъ, что многословность «присуща оригиналу, почему оградилась и на русскомъ позражаніи» и хвалитъ «вѣщную форму» какъ въ первоначальной редакціи. Наиболѣе благоприятнаго мнѣнія о «свойствѣ Пушкинскаго стиха» въ этой элегіи Пощаповъ. Второе изд. Пушкина, т. I (1893), стр. 64), который приываетъ къ ней сказанное имъ о стихотвореніи

103. КЪ НАШАМЪ.

Внѣтъ, внѣтъ либо красно,
Удѣляютъ ясна тѣ,
Стедетъ туманъ печальной
Ночи въ тремлющей стѣнѣ:
Ощувствуй ладныя нѣвы,
Хватень русскія ширвы,
Дѣсь куривый посылать,
Своя небесная поблѣннать.

Свѣтъ-Нашама, гдѣ ты нынѣ?
Что школо тебѣ не зрѣтъ?
Нѣкъ не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлать?
Ни пать, озеромъ волнистымъ,
Ни подь кровомъ днѣи душистымъ,
Ранней, поздною порой
Не встрѣчаюсъ я съ тобою.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рошу, поде послѣннать:
Огонекъ въ лазуникъ пачной
Скоро арко заблеститъ:
Не увиджу я предѣльной,
И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Нашамау вспомянать.

104. КНЯЖНЪ ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Où pour une vieille guenon;
Ma s pour une Grâce—oh, mon Dieu, non.

105. ЭЛЕГІЯ.

Опять я вѣшь, о юные друзья!
Печальныя сокрылись тѣи разлуки:
И брату мною простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвой крутъ увидѣвъ снова я,
Все гдѣ-же вы, но прѣмѣ ужъ не то же:
Ужъ не въ душѣ всего дороже,
Ужъ я не тогь... невѣстимой стезей
Ушла пора веселости бездечной,
На вѣкъ ушла—и жизни скоротечной
Душъ угрѣнній блѣднѣвъ пачо мною,
Отверженной судьбой несправедливой,
И ласки Музы, и радости, и покою,
И все забыла: печали молчаливой
Рука лежить пачъ юною главою...
Чтобъ разогнать угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете друу мнѣ:
Минушнхъ шей погаснуи мечтанья,
И умерь, гласкъ въ бездучивной струнѣ.

«Желаніе» (см. примѣч. къ нему) и приговорахъ: «вторая половина этой дѣтѣи обращаетъ вниманіе выраженіемъ неудержимой горести, для которой поэтъ не находитъ предѣловъ».

106. Д Р У З Ъ Ы М Ъ .

Въ запискахъ товарищей Пушкина по Лигею не осталось воспоминаній о тѣхъ настроеніяхъ глубокаго унынія, которое онъ, судя по его дѣтѣямъ того времени, переживалъ зимой 1816—1817 г. Пушкинъ только казался «душой на распашку», но въ сущности характеръ его былъ замкнутый, и онъ не любилъ вводить друзей въ свои интимныя переживанія. «Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ, разсказывать лигисты С. Д. Коловцова, съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ то: съ Дельвигомъ, Паличевскимъ и Кюхельбекеромъ, Пушкинъ былъ вообще не сообщителемъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ лаконически». Въ стихотвореніи «Мѣсяць», тоже принадлежащемъ къ ряду дѣтѣй 1816 г., Пушкинъ признается, что старался «гордымъ разумомъ усмирять свои желанія», т. е. боролся со своимъ уныніемъ. Характерно, что изъ всего числа своихъ дѣтѣй 1816—17 г. Пушкинъ въ свое время отдалъ въ печать только три пьесы, притомъ такія, въ которыхъ мало намекновъ на обстоятельства его личной жизни и въ которыхъ грустное чувство не достигаетъ крайней напряженности («Къ ней», «Пробужденіе», «Швецъ»). Мы имѣемъ поэтому не считать стихотворенія «Друзьямъ» прямымъ обращеніемъ лигиста Пушкина къ своимъ товарищамъ; мы не должны думать, что и въ жизни Пушкинъ судилъ на ширинкахъ своихъ друзей молча и только сводилъ слезы улабая. Чувство, выраженное въ стихотвореніи, искреннее и подлинное, но вѣрнѣею обстановкою идеализована. Пушкинъ, говоря о «справѣ друзей» представлялъ себѣ скорбь, какъ и въ «Моемъ любимѣйшѣмъ друзьямъ» образы интимной жизни, тѣмъ и объясняется стихъ (послѣдній отъ откупавшаго):

Вопросо дуру вѣдь и въ руки.

Для изданія 1826 г. Пушкинъ значительно перебралъ стихотвореніе, и перебралъ для отвѣчена критикой (Филипкинъ), какъ мастертская. Какъ и въ пьесѣ «Уныніе», «Разлука» Пушкинъ выкинулъ всю подлинную

часть стихотворенія, т. е. первые 8 стиховъ, гдѣ много говорилось о грусти автора и очень немного о веселіи друзей. Въ окончательной обработкѣ почти все стихотвореніе посвящено характеристикѣ «веселыхъ» друзей и тѣмъ ярче противопоставлена имъ грусть поэта, выраженная въ одномъ послѣднемъ стихѣ. Не менѣе замѣчательны и другія поправки. Такъ въ первоначальной редакціи о «друзьяхъ» говорилось:

И на любовь устремлены
Огнемъ пылающія очи.

Эго — стихи, не дающие опредѣленнаго образа, расплывчатые, такъ какъ нельзя представить себѣ очей, устремленныхъ на отдаленную любовь. Перебѣлка этого дустинія, напротивъ, поражаетъ пластичностью образа и точностью эпитетовъ.

Валерій Брюсовъ.

О другія детали текста см. въ концѣ тома.

107. А. А. ШИНКОВУ.

Эта пьеса дошла до насъ въ концѣ, которая находится въ тетради Московскаго Публичнаго Музея № 2364 (л.л. 33—34) и нещепрена множествомъ поправокъ и слабѣея помото: «падо», относящейся къ подготовительной работѣ для изданія 1826 г., гдѣ (стр. 147—148) посланіе было въ первый разъ начеагано въ исправленномъ поэтотъ видѣ. Эта редакція была повторена изданіемъ 1829 г., посмертнымъ и П. В. Анненкова; се дѣтъ и настоящее изданіе. Къ 1816 году посланіе отнесено еще изданіемъ 1826 г.; такъ помото оно и въ бывшемъ въ рукахъ Пушкина плетивскомъ спискѣ предназначенахъ для собранія 1826 г. («Перечень Пушкина», ред. В. П. Сантова, изд. Акад. Наукъ, т. 1, Сиб., 1906 г., стр. 295). Е. П. Якушкинъ начеагаль «Библиографическіи Записки» 1858 г., стр. 318: «ноторые стихи, вышущенные поэтотъ изъ первоначальной редакціи В. Е. Якушкинъ (Русс. Стар., 1884 г., мартъ, 647) сообщили еще нѣсколько дополненій: объ этомъ вариантѣ см. въ особой статьѣ о текстѣ, въ концѣ тома. Пушкинъ сократилъ свою пьесу съ обычной требовательностью къ самому себѣ, ближайшій примѣръ которой можно найтн въ его обработкѣ пьесы 1816 г. «Уныніе» («Разлука»). Сличеніе первоначальной редакціи съ окончательной обнаружнваетъ въ молодомъ поэтѣ строгій

Передь собой одну печаль и вѣжу! —
 Мнѣ скучень міръ; мнѣ страшенъ цвѣтной
 слѣтъ.
 Шау въ дѣса, въ которыхъ жили нѣтъ
 Гдѣ мертвой тѣни — я радость ненавижу
 Во мнѣ застыла ея минутная слѣтъ.
 Онили вы, листы вчерашней розы!
 Не тогдѣли то давнишнихъ думей.

Умчался вы, тѣ радости мои!
 Умчался вы — невольна дѣлаетъ слѣды,
 И вѣжу я на темномъ утрѣтѣи.
 О Дружество! прѣдѣи мѣня дабытъю;
 Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ
 Оставь мѣня сердечному мученью,
 Оставь мѣня пустынѣмъ и слезамъ.

106. ДРУЗЬЯ МЪ.

Богами вамъ еще даны
 Златые дни, златая ночь,
 И томныхъ дѣвъ устремлены
 На вѣсь внимательный очи.

Играйте, поэте, о друзья!
 Утрайте вечеръ скоротечной;
 И вашей радости безмечной
 Сквозь слезы улыбаются я.

107. ШИШКОВУ.

Шаушь, увѣчанной Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ повѣсть мирное межъ Ниномъ и Цитерой,
 Гдѣ вѣжился Тибулль, Мелодій и Нарис?
 Тебѣ, балованный шиломъ Аполлона,
 Съ ихъ дрой соизнать ириную свирѣль;
 Веселье рѣвное и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.
 Друзей любовь открытою душою,
 Въ молчаніи чувствовать, и вѣнчаться красотою;
 Вотъ жребій мой; ему я славовать готовъ.
 Но, мильи, сжался надо мною,
 Не требуй отъ мѣня стиховъ!
 Невѣрно вѣжиться въ пріятномъ осдѣиваніи;
 Докучной пѣтими я поздній вѣжу слѣду,
 Но добротѣ души я вѣрять въ уютныи
 Мечть нечувствей; ты поеть,
 И презри мудрыя угрозы и совѣты,
 Съ небрежной дѣвостью напѣивать куплеты,
 Наружкоу себя невинной веселѣя;
 Утоишь Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
 Бывало, нѣтъ вино возниыми стихами;
 Мечтательныхъ Доридъ и славиль и брашль,
 Какъ дружбѣ вѣсть вѣнокъ; и дружество звалю
 И сонные стихи въ просонкахъ величало,
 Но долго ли мѣня дѣлать Аполлонъ?
 Душѣ наскучили Нарисскія забавы;
 Не тогдѣи свилась мнѣ мечтания муть и слава;
 И, строясь опытомъ невольна пробуждѣнъ,
 Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
 Увидѣвъ, что еще не тѣня печать.
 Охота смертная на рюмахъ лепетать,
 Сравнишь стихи твои съ мойми, улыбаются;
 И полно мнѣ писать!

вкусъ и глубокой художественной тактъ; черты величней интимности, преувеличеннаыя выраженія любви и умианія безоглядно вымараша имъ.

Ближайшій включилъ посланіе къ чело-вѣку «переходныхъ» вѣствъ, въ которыхъ «виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрныя литературныя преданія... поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный... общающій Пушкина по еще не Пушкинъ». Дѣйствительно, посланіе къ Шишкову отзывается манерою Жуковского и Батюшкова, но въ немъ, помимо высокаго эстетическаго совершенства, уже видны такія чисто-пушкинскія черты, какъ образъ дитяти, колыбель котораго кажутся муза или нимфа («Наперсница волшебной старины...», «Муза», «Адели»), или сомнѣніе въ собственномъ дарованіи, которое часто навѣщало Пушкина, «Дано мнѣ мало Фебомъ», писанъ онъ въ 1815 г. Батюшкову. Въ слѣдующемъ году онъ называлъ себя, въ одномъ изъ посланій къ князю А. М. Горчакову, свѣтлѣ райкамъ воиномъ, среди толпы затеряннымъ вѣдомымъ. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ тоски онъ думалъ, что его «слабый даръ какъ лѣткій скрылся дымъ» («Любовь одна веселье жизни младой!..»), «Какъ дымъ нечестъ мой лѣткій паръ»—искалъ онъ («Дельвину») въ 1817 г. «Очень поздно погасе... скрылся отъ меня навѣкъ богица димухъ вѣсновиній», говорилъ поэтъ, окончивъ «Руслана и Людмилу» («Энциклог.»).

«Водные стихи», воспѣваніе вино, (стихъ 22) это цѣлый рядъ такихъ вѣствъ, какъ «Пирующіе студенты», посланія къ Галлму, къ Пушкину, «Погребъ», «Вода и вино», «Здравый кубокъ», «Воспоминаніе», «Мое завѣщаніе», «Гробъ Анакреона», Н. Лерверъ.

Александръ Ардалионовичъ Шишковъ 1799—1832 принадлежитъ къ числу незаслуженно забытыхъ вѣтелей русскаго романтизма. Биографія его во многомъ неясна: она основывается не на фактахъ, а на слухахъ и разсказахъ о немъ. Первоначальное воспитаніе А. А. Шишкова получилъ въ домѣ своего вѣнн дворянина и литературнаго старовѣра А. С. Шишкова. Для не имѣвшій въ воспитаніе племянника, до вѣрши его вѣствлю пожеланіямъ своей жены, А. А. Шишковъ въ толи отрочества обращалъ всеобщее вниманіе своей вѣрностью, глупика дитви въ немъ не чужда, и современники высказывались, что исклю-

чительно женское воспитаніе испортило характеръ его. Шишковъ получалъ, помимо новаго образованія, изучилъ новыя языки и пристрастился къ литературѣ, но въ своихъ литературныхъ вкусахъ онъ ушелъ изъ-подъ вліанія дяди, и его единственною данью классицизму было переложеніе псалма, сдѣланное имъ на 12 году жизни («Переложеніе дванадцатаго псалма 12-лѣтнимъ отрокомъ Александромъ Шишковымъ въ 1811 г.», СПб., 1811).

Посланіе Пушкина къ Шишкову урезвѣчано для него дѣстно; Пушкинъ отказывается соприкасаться съ нимъ. Но намекамъ стихотворенія видно, что Шишковъ искалъ уже въ это время стѣмъ яркаго эротическаго характера.

Жизнь А. А. Шишкова—рядъ превратностей, причины которыхъ неясны. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу, въ гвардію; казалось, передъ нимъ открывалась блестящая карьера, но въ 1818 г. онъ былъ сосланъ на Кавказъ, въ Грузію. На Кавказѣ Шишковъ велъ безпечальную, разгульную жизнь и на одномъ мѣстѣ не могъ ужиться; въ 1824—26 гг. мы находимъ его адъютантомъ при А. Я. Рудзевичѣ, позднѣе въ Тверской губ. Современники отмѣчаютъ несимпатичныя стороны характера Шишкова и готовы обвинить его во всевозможной распушенности, чуждѣи не въ шудерствѣ. Трудно судить, соответствовали-ли дѣйствительности нападки на него; быть можетъ, установившемуся образу жизни противорѣчили весь складъ романтическаго характера Шишкова съ его рѣзкими выходками. Въ своихъ стихахъ А. А. Шишковъ не разъ называетъ нападки на него клеветой. Во всякомъ случаѣ, по своимъ убѣжденіямъ онъ примыкаетъ къ передовымъ людямъ своего времени. Онъ находится въ какихъ-то отношеніяхъ къ общему обществу декабристовъ; Шерувтъ въ своей исповѣди пишетъ, что онъ надѣлся много раздумать отъ Шишкова, но тотъ ни о чемъ не протолворился. Въ официальной перепискѣ о Шишковѣ не разъ упоминается, какъ о подозрительномъ чело-вѣкѣ. Онъ избѣгъ прямыхъ преслѣдованій, но то самой смерти своей въ глазахъ властей былъ чело-вѣкомъ неблагонадежнымъ. Жизнь свою Шишковъ кончилъ трагически: въ 1832 г. въ Гери онъ былъ убитъ какимъ-то Черновымъ, получившимъ отъ Шишкова пощечину за намекъ на адресъ его жены.

Если бы не отношенія А. А. Шишкова

108. БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже, Царя Храни!
Славному твоему
Дан на земли!
Гордыя смирителю,
Слабыя хранителю,
Всехъ убивителю
Все исполни!

Гамь громкой славою
Сильной Державою
Мирь оны покрывлю
Здѣсь безмятежною
Свѣтью царственною,
Благостно и вѣчною
Насъ освѣтлю.

Врани въ указанной часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрныя слани,
Глазъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія
Вотъ наша дань!

Публикация: 1816
10-е апр. 1816

С. П. Шереметьевъ

Копия сего листа, с. 108 и 109.

13.

Боже, Царя Храни!
~~Славному твоему~~
Дан на земли!
Гордыя смирителю,
Слабыя хранителю,
Всехъ убивителю
Все исполни!

9

Боже, Царя Храни!
Мощно хранила насъ
Вѣрныя слани,
Глазъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія
Вотъ наша дань!

къ Пушкину, то имя его принадлежало бы къ совѣстнымъ забвѣнамъ нашей литературы. А между тѣмъ оно оказало несомнѣнное вліяніе на развитіе нашей литературы своими прекрасными для того времени переводами: оно знакомилъ русскаго читателя и писателя съ драматич. произведеніями Шиллера («Николомини», «Смерть Валленштейна», «Марія Стюартъ»), Вернера («Аттила», «24 февраля»), Рауша («Князь Хованскій»), Кернера («Тони»), съ фантастическими повѣстями Тика (его переводъ «Чарль-любви» отразился на позднѣйшей редакціи повѣсти Гоголя «Ночь накануне Ивана Купала»). Оригинальная произведенія Шиншкова — въ въ романтическомъ родѣ, — не блещутъ оригинальностью. Въ нихъ необходимо отыскать рѣзкій протестъ противъ кривостного права. Въ отрывкѣ «Къ Емилию» Шиншковъ пишетъ: «какъ часто имѣю помѣднѣннѣе твержу; помѣднѣе справедливый для дѣйца сельскія не разорветъ швы, у вѣрннѣннѣе ему не отнимаетъ сна и поладннѣе споннѣе не лгннѣе владннѣе, затѣмъ, чтобъ проводить часы безннѣеиной лннѣе да чашей вннѣеиной шампанскаго вннѣе... Онъ святотатѣннѣеиной не оскверннѣе рудкою невѣсту скромную, вдушннѣе къ палннѣе не разннѣеиной раба по владннѣеиной раба тѣмъ болннѣе, что ея въ рукавъ его судыба». Любопытно, что рядомъ съ протестомъ противъ кривостного права въ Шиншковѣ удивляется самый узкій націонализмъ. Если обратннѣе внимание на прикосновенность Шиншкова къ декабристамъ, то является даже сомнѣніе, насколько искренни были сдѣланныя прѣднѣе: «Только тамъ вѣднѣе свобода, гдѣ свнѣеиная власть умнѣеиной чннѣе, гдѣ не джемунѣеиной крннѣеиной и гдѣ, владннѣеиной боготворнѣеиной царнѣе на стражнѣе у престола да вѣрннѣеиной вѣрннѣеиной и царнѣе» Мушкетерннѣеиной русскаго. «На влннѣеиной Варшавннѣе» Пннѣеиной прозаическннѣеиной сочиненнѣеиной Шиншкова обращаетъ вниманнѣеиной на реалистическннѣеиной манеръ описаннѣеиной неоконченннѣеиной романъ пннѣеиной грузинскннѣеиной жизни.

Пннѣеиной произведеннѣеиной А. А. Шиншкова появились въ отнѣеиной изданннѣеиной: «Восточная лннѣеиной» М., 1824; «Опытннѣеиной» М., 1828; «Цѣлннѣеиной вѣдннѣеиной театрннѣеиной» М., 1831, 4 т.; «Двадцатнѣеиной четвертое фебрѣеиной», соч. З. Вернера М., 1832; «Наводннѣеиной Бонапарте», соч. А. Дюма М., 1832; «Послѣ смерти Шиншкова, при посредствѣеиной Пушкина были изданы Россійскою Академіею «Сочиненнѣеиной и переводы влннѣеиной А. А. Шиншкова», СПб., 4 ч., 1834—1835. О А. А. Шиншковѣ

см. статью Д. Рябинннѣеиной въ «Ист. Вѣстнѣеиной», 1889, окт., здѣсь указана литература къ ней сдѣлннѣеиной прибавннѣеиной «Сочиненнѣеиной Пушкина» т. I, изд. академіи наукъ; «Воспомннѣеиной Шиншковой-Огаревой» М., 1903; Н. А. Шиншкннѣеиной, «Пннѣеиной нежданннѣеиной бумагѣеиной Пушкина» СПб., 1903, по указаннѣеиной; «Пеннѣеиной Шерудннѣеиной-Вѣрннѣеиной» «Ист. Вѣстнѣеиной», 1896, яннѣеиной; «Русск. Архннѣеиной» 1902, въ пннѣеиной Буглакова къ брату за 1832 г., П. Щеголевъ.

108. БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

Пннѣеиной эта была впервые начата вннѣеиной IX-мъ томѣеиной посмертнаго изданнѣеиной сочиненнѣеиной Пушкина. Автографъ находится въ принадлежавшей Я. К. Гроту тетради (воспроизведенъ выше на 365 стр. а койнѣеиной — въ сборннѣеиной «Духъ лигеннѣеиной трудадннѣеиной», стр. 109—110, въ храннѣеиной въ Московскомъ Публннѣеиной Музеѣеиной тетради поэта, № 2395, л. 785, и въ принадлежавшей К. Я. Гроту тетради М. А. Корфа «Журн. Мннѣеиной Народнѣеиной Просвѣиной», 1905 г., октннѣеиной, стр. 246). Въ автографѣ, представляющемъ собою черновнкъ пннѣеиной, есть разночтеннѣеиной, и пннѣеиной первой строфы начатаго пннѣеиной посмертною изданнѣеиной гимна: эта строфа — стихотвореннѣеиной В. А. Жуковскаго «Молннѣеиной русскннѣеиной» Слннѣеиной Отечѣеиной за 1815 г., ч. 26, № 48, стр. 96. Очевннѣеиной, Пушкинъ влннѣеиной его у Жуковскаго какъ motto для своей пннѣеиной.

В. П. Гаевскннѣеиной для своего очерка лннѣеиной жизни и дѣятелннѣеиной Пушкина живыми разсказами говорннѣеиной поэтннѣеиной, передаетъ («Соврѣменннѣеиной» 1863 г., № 8, стр. 372, что гимна была написана къ 19 октннѣеиной, дню празннѣеиной основаннѣеиной лигеннѣеиной, и была прочтѣеиной на празннѣеиной лигеннѣеиной на молннѣеиной англійскаго гимна: «God save the King», начало котораго, можно кетннѣеиной замѣннѣеиной, и замѣннѣеиной Жуковскннѣеиной передъ двннѣеиной года Жуковскннѣеиной тономннѣеиной свою пннѣеиной еше думннѣеиной строфами: популярной пннѣеиной мушкетерннѣеиной А. О. Дюма тогда еше не было. По разсказу М. А. Корфа Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лигеннѣеиной товарищи и наставннѣеиной», СПб., 1899 г., стр. 247, въ 1816 и 1817 г. г., когда лигеннѣеиной имѣли свои хоры и, бывало, влннѣеиной у директорннѣеиной балконѣеиной, живннѣеиной тогда въ Царскомъ Селѣ императоръ Александръ I «подннѣеиной къ стннѣеиной рѣшеткѣеиной, бннѣеиной вѣстннѣеиной у двор-

109. Э. Л. Е. Г. Т. Я.

Я думала, что любовь погасла навсегда
 Что вь сердцах злыхъ страстей умолкнуть глазъ
 мягкой
 Что дружбы наконецъ отрадная звезда
 Срадажда доведя до пристани надежной.
 Съ бездной душою покоясь у бреговъ,
 Ужь издали смотрѣть, указывать рукою
 На парусъ бѣдливенныхъ плывцовъ,
 Носимыхъ гибельной грозой,
 Я говорила: стократно блаженъ
 Чей вѣкъ, свободою прекрасной,
 Какъ вѣкъ весны, промчатся леною
 И страстью не быть омраченъ
 Кто не страдалъ въ любви напрасной,
 Кому невдомъ страстной вѣкъ,
 Блаженъ! но я щастливый болю,
 Я вѣкъ мучений разорвалъ
 Опять я дружбѣ я на волю —
 И жизни сумрачное поле
 Веселой блескъ очаровалъ
 О что я говорила... несчастной!
 Мигу я заснуть въ невѣрой тишинѣ
 Но мрачная любовь таила во мнѣ
 Не угасалъ мой пламень страстной
 Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ
 Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзвю лиру
 Хотѣлъ еще воспѣть предѣстницу молодыхъ
 Веселье, Вакха и Дельфиру
 Напрасно!.. я молчала, усталая рука
 Лежала, томил на лирѣ непослушной
 Я все еще горела и въ грусти равнодушной
 На игры младости взирать издали
 Любовь отравя нашихъ дней
 Были съ толпой обманчивыхъ мечтаний
 Не сожгивай души моей
 Опять мучительныхъ желаний,
 Летите призраки... Амуръ, ужъ я не твой
 Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
 Брось, оного меня въ безчувственной природѣ
 Нѣтъ таи еще летать. Надежды на крылахъ,
 Позволь еще заснуть, и въ тлостныхъ днѣхъ
 Мечтать о сладостной свободѣ.

* * * * *

цовой церкви, и, облокотясь на нее, сдвинулась по нескольку минутъ наше питье. Хотя балковъ съ этой стороны была дѣржавина парусиновъ, но мы всега удивлялись, черезъ таинствъ соглашавшихъ, близость государя и, бывало, точасъ начинали пить «Божѣ, Царя Храби!» по тогдашнему тексту и тогдашней англійской мелодіи.

«Божѣ, Царя Храби!» принадлежать къ числу весьма немногихъ закаменныхъ вещей, каковы «Къ принцу Оранскому» или «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государя императрицы Елизаветы Алексеевны». Первому лицейскому поэту вышло на долю написать, согласно установившейся традиціи, стихи къ лицейской годовщинѣ, и Пушкинъ принадлежалъ дѣло, очевидно, безъ особенной охоты, такъ что ему даже понадобился готовый образецъ Жуковского. Въ минуты вдохновенія оныя восхвалялъ Александра I и прекрѣпите, и восторженіе, и позитивіе, двѣ пушкинскія строфы—сравнительно слабѣе повтореніе мыслей, гораздо лучше выраженныя поэтомъ ранѣе. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» Александръ, побѣдитель Наполеона,

съ улыбкой припряталъ
Грѣзеть съ оливою златою

и

несеть врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Въ отвѣтъ «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году» Пушкинъ съ одушевленіемъ говоритъ:

Гейбъ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Колѣ полки враговъ покрыли отдаленно...
На брашенъ мечъ плетекъ и клятву палъ сыную.
Отъ насъ отрати страну свою роковую...
И летучую главу Гирона преклоняла.
Царя спасителя кодыя окружила
Обоволаженно отъ рабскихъ узъ руковъ...

Воспринимая Пушкинъ смотрѣть уже не такъ восторженно на Александра I и даже называлъ его «коллежскимъ ассесоромъ по части иностранныхъ дѣлъ», находилъ, что оныя были «къ противуположнымъ проявленіемъ, въ душѣ и въ жизни ардекивъ», и въ концѣ немъ уже не подумившескаго героя, а просто человека, которому «властвуетъ мнѣніемъ: оныя рабъ мотыля, сомнѣнія и страсти». Въ 1836 г., отчасти по тѣмъ причинамъ, перебралъ въ политическую, воздѣржившій и жизненно оныя, научившаго его «дѣлать съ царями», отчасти поощряясь дѣлываніи воспоминаніи

о золотой порѣ юности. Пушкинъ вспоминалъ объ Александрѣ I почти въ прежнюю выраженіемъ:

Вы помните, какъ нашъ Атамешковъ
Изъ пѣвшаго Парижа къ намъ примчался,
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ была велика, какъ была прекрасна оныя,
Народовъ трудъ, спаситель ихъ свобода!..

Н. Лернеръ.

109. ЭЛЕГІЯ «Я ДУМАЮ, ЧТО ДНОВОВЪ ПОГАСЛА НАВСЕГДА».

Это стихотвореніе сохранилось въ рукописи неиздѣвннтой руки, принадл. Моск. Публ. Музею (№ 2364, л. 15); рукою Пушкина на ней сдѣланы поправки: «1816» и «передѣлать», и внесены поправки, о которыхъ см. въ концѣ тома.

Изъ вариантовъ видно, что Пушкинъ не особенно трудился поправлять элегію и не былъ доволенъ ею, «быть можетъ, — замѣчаетъ Майковъ, — потому, что тема по содержанию своему оказалась слишкомъ похожею на другія элегіи, внушенная молодому поэту его первое любовію...»

При жизни Пушкина элегія не была напечатана и не пошла ни въ посмертное изданіе, ни въ позднѣйшія. Она опубликована впервые В. Е. Якушкинымъ въ 1884 г. въ его описаніи пушкинскихъ рукописей Румянцевакаго Музея («Рус. Старина», т. XLII).

Эта элегія, дѣйствительно, напоминаетъ элегіи того же 1816-го года, на которыя сдѣлается Майковъ: «Счастливы, кто въ страсти самъ себѣ...» и «Опять я вашъ, о юные друзья!» Петрежностъ и вѣкторіумъ стиховъ, обычные диатеты и римскія имена Вакха, Амура и Демиферы—все это указываетъ на то, что элегія дѣя самого Пушкина не была серьезнымъ отголоскомъ душевныхъ переживаній.

Александръ Блокъ.

110. СЛОВО МЛЮИИ.

Стихотвореніе сохранилось въ двухъ рукописяхъ, принадлежавшихъ Моск. Публ. Музею: одна (въ рук. № 2364) — рукою князя А. М. Горчакова имѣетъ заглавіе и Пушкинъ, внесъ въ нее свои поправки, отбѣдиль: «1816» и «не пачо». Другая — царская копія для посмертнаго изданія (№ 2395), безъ заглавія.

У КЛАВЕЩИНА.

*Аquatингъ Троицкина (1776—1857), изъ собранія П. С. Остроумова.
(По фотографіи, снятой для настоящего изданія П. К. Остроумовымъ.)*

ЕЮ. СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушала у клавира:
Она пріятелила поеть,
Чемъ содовой близъ тихихъ водъ
Нилъ полунощная лира,
Упали слезы изъ очей
И я сказала пивщицѣ милой:—
«Предстель ты голосъ твой унылый:
Но слово милая моей
Предстель ты томилась пбесень Лилы».

ИЛ. Л И Л Ы.

Лила, Лила, я страдаю
Безградною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой:
Но любовь моя напрасна:
Ты събвешься надо мной,
Събвися, Лила: ты прекрасна
И бездучвственной красою.

Заглавіе «Слово милой» появилось впервые въ изданіи Аппенкова (т. II, стр. 140). Въ примѣчаніи (стр. 154) оно съсылается на посмертное изданіе, гдѣ стихотвореніе напечатано впервые, но безъ заглавія.

Первоначальное чтеніе исправленныхъ Пушкинскихъ стиховъ было слѣдующее:

- Ст. 2. Ея предстаны, томныя гласы
3. Волшебной грустью пьжжгы насъ,
4. Какъ ночью вѣше дефира,
7. Волшебны голось твои удалой
9. Волшебны пьжжжыхъ пѣсень Лиды.

Считается, что Милой Пушкинъ называетъ Марию Смитъ, къ которой относится стихотвореніе «Къ молодой вдовѣ»; но это не можетъ считаться вѣдѣнь установленнымъ (см. примѣчаніе «Къ молодой вдовѣ»), «Милой», видимо, по прежнему остается Е. П. Бакунина, которую поэтъ не забылъ еще, увлекшись Маріей Смитъ.

Поэты непонятно, зачѣмъ Пушкинъ исправлялъ стихотвореніе: одиѣ вѣдѣнь гдѣ-нибудь строки онъ только замѣнилъ другими, не менѣе вѣдѣнь гдѣ-нибудь: можетъ быть, ему не захотѣлось злоупотреблять словомъ «волшебный» и понадобилось простое слово: «приятный»; во всякомъ случаѣ, и въ вариантахъ онъ остался вѣдѣнь гдѣ-нибудь плануому ея, которое повторяется 24 раза въ десяти строкахъ, считая десятой строкой заглавіе, не менѣе творческое, чѣмъ сами стихи.

Александръ Блокъ.

III. Д. П. Л. Ф.

Рукописей этого стихотворенія не сохранилось. Оно напечатано впервые въ изданіи 1826 года, но, какъ тамъ, такъ и въ слѣдующемъ изданіи 1829 года безъ заглавія. Къ 1816 году стихотвореніе приурочено изданіемъ 1880 года, «безъ сомнѣнія потому, говоритъ Манковъ, что обращено къ тому же лицу, что и пѣснь «Слово милое», тою датируемая 1816 годомъ», — т. е. къ Маріи Смитъ. Однако, какъ указано въ примѣчаніи къ «Слову милое», не можетъ считаться установленнымъ, что это стихотвореніе вѣдѣнь гдѣ-нибудь относится къ Смитъ.

Интересно отмѣтить и въ этомъ стихотвореніи преобладаніе плавныхъ согласныхъ, гдѣ-нибудь, какъ и въ стихотвореніяхъ «Слово милое» и «Къ молодой вдовѣ» (въ послѣднемъ, напримеръ, стихи: имъ не милы ужъ голось мильны).

Александръ Блокъ.

IV. КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Эта пѣснь известна въ автографѣ, находящемся въ принадлежавшемъ Я. К. Гроту «Сбораніи автографовъ Пушкина изъ лицейскихъ бумагъ» (Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 300); черновой набросокъ (д.л. 7—8) перепеченъ многочисленными поправками Пушкина, причѣмъ часть стихотворенія совершенно переблана и тутъ же переписана А. Д. Паличевскимъ. Есть еще три старая копія: одна, сдѣланная кнѣземъ А. П. Горчаковымъ (въ рукописи московскаго Румицевскаго музея, тетрадь № 2364, л. 5), носитъ авторскія поправки; «1816» и «перелъ»; другая (шпарская копія) находится въ позднѣйшей тетради (въ томъ же музеѣ, № 2395, л. 725—726); третья сохранилась въ матюковской тетради («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 231, 246—247). О текстѣ этой пѣсни см. въ концѣ тома.

Впервые стихотвореніе было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 347—348). О ея происхожденіи В. П. Гавевскій разсказываетъ («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 378): «въ семействѣ Энгельгардтъ... жила одиѣ-вѣдѣнь гдѣ-нибудь передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Charon-la-Rose... Всяма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшесся у Энгельгардта общество. Пушкинъ, который немедленно началъ уваживать за нею, написалъ къ ней довольно нескромное посланіе, «Къ молодой вдовѣ»... Но вдова, не успѣвшая замѣть мужа и готовившаяся быть матерью, обидѣлась, показала стихотвореніе своего вдымателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною непріятныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса». Если послѣднее сообщеніе вѣдѣнь гдѣ-нибудь не несомнѣнно стѣ-вѣдѣнь гдѣ-нибудь Энгельгардта, достаточно складывающаея въ его известномъ филістерскомъ отзывѣ о Пушкинѣ (см. выше статью «Пушкинъ въ лицей», стр. 53), получая еще одно подтвержденіе, такъ какъ эти стихи Пушкина не свидѣтельствуютъ о пустотѣ и неискренности. Они отмѣчены печатно яркаго таланта и П. В. Аппенкова «Материалы для біографіи П.», Сиб., 1873 г., стр. 32 справедливо говоритъ о нихъ: «кто, хотя немного знакомыи съ манерою Пушкина, не удивляетъ его руки?» В. П. Гавевскій неумачно пробовалъ свѣдѣть пушкинское стихотвореніе съ посланіемъ Болытера «А

112 КЪ МОЛОДОЙ ВДОВЬ.

Лица, другъ мой неизменно,
 Почему сквозь тучкой сонъ,
 Наслаждаемъ уголенной
 слышу я твой тихий стонъ?
 Почему, когда старю
 Въ вѣбъ пламенной любви
 Иногда—я прилбжаю
 Слезы тайныя твои?
 Ты разбивно внимаешь
 Рбчи пламенной моей,
 Хладно руку пожимаешь
 Хладенъ взоръ твоихъ очей.
 О бездвная поруга!
 Все ли слезы проливаетъ?
 Все ли мертвато супруга
 Изъ могилы вызывать?
 Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
 Безиробуденъ хладной сонъ;
 Имъ не миль ужъ годость милый,
 Не прискорбенъ скорби стонъ,
 Не для нихъ надробны розы,
 Сладость уга, шумъ пировъ,
 Дружбы нескрениа слезы,
 И любовницъ робкой зонъ!
 Рано другъ твой позабвенной
 Вздохомъ встрѣтилъ смертный часъ,
 И блаженствомъ уголенной,
 На груди твоей погасъ,
 Спитъ увлбванный щастливцевъ!
 Вѣрь любви, невинныя мы:
 Нѣтъ, разбиванный ревнивецъ
 Не придетъ изъ вѣчной тьмы:
 Тихой ночью громъ не грнеться,
 И заветливая гвнь
 Близъ любовниковъ не станеть,
 Вызывая спичей тень.

113. БОЛЬШЫЯ ВЫ, ДЯЦОНКА.

«Большыя вы, дяцонка, — нѣтъ мочи,
 «Какъ безпокоюсь я! три ночи,
 «Повѣрите, глаза я не смыкала!
 Да слышалъ, слышала: въ банкъ шрала.

une jeune veuve», имѣющимъ слишкомъ отдаленное сходство съ пьесой Пушкина. Какъ большинство лицейскихъ произведеній, посланіе «Къ молодой вдовѣ», конечно, не лишено подражательнаго элемента. Автора, которому подражалъ Пушкинъ, правда, очень трудно и, быть можетъ, непрямобременно, называя еще Власскій, отнесшей эту пьесу къ числу «однаменованныхъ сильнѣмъ влияніемъ Батюшкова», тѣмъ, въ которыхъ можно увидѣть «Пушкина ученикомъ Батюшкова», котораго оно «напоминаетъ по стихамъ». Пушкинъ, конечно, зналъ напечатанное еще въ 1810 г. въ «Вѣстникѣ Европы» стихотвореніе Батюшкова «Привидѣніе», свободный переводъ пьесы Парни «Le revenant». Читая его впоследствии въ Батюшковскихъ «Опытахъ», Пушкинъ отбѣдилъ на поляхъ книги: «предѣтъ» (А. П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 303). Не только форма, которая у Пушкина лучше, чѣмъ у Батюшкова, но и содержаніе и настроеніе обихъ пьесъ схожи. У Батюшкова любовникъ хотѣлъ бы и послѣ смерти навѣщать свою возлюбленную:

... по смерти невидимкой
Буду вкругъ тебя летать...
И невидимъ съ мечтами
Стану являть надъ тобой...
... По, ахъ,
Мертвые не воскресают!

Пушкинъ подтверждаетъ эту мысль:

Синь удивчаннй счастьеищѣ!
... доислнвая тѣмъ
Внля любовника не станеть...

Любовное чувство выражено у Пушкина тоньше, изящнѣе, изящнѣе, чѣмъ у Батюшкова, который не соболь чувства Хлои въ описаніи безчисленныхъ предѣтъ Хлои. Пушкинская «Хлоя» — т-те Смитъ, во второмъ замужествѣ Паскаль, если и сержалась на поляхъ, то, во всякомъ случаѣ, не много. Въ 1817 г. она отвѣтила ему очень недурными французскими куплетами на его Couplets: («Quand un poète en son exase...» и отвѣтъ ея тоненько то насъ въ подлинникѣ Я. Гротъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 300; «Журн. Мин. Народн. Просвѣд.» 1905 г., октябрь, 247—248) смъ примѣч. къ «Couplets»). Въ июль того же года, когда лицеисты покидали Царское Село, послѣ выпускнаго акта были поставлены спектакль, въ которомъ участвовали герои торжества. Для этого случая т-жа Смитъ написала забав-

ную французскую пьесу: «Tout veut perler, rhapsodies formées, déformées, mises en ordre et de sordre, recouces de fil blanc». В. П. Гаевскій (ор. с., стр. 398—399) напечаталъ афишу представленія, написанную ею же. Эта афиша, перепечатанная шутками и остроуміемъ, говоритъ объ умѣ и остроуміи Маріи Смитъ. Къ ней же В. П. Гаевскій, а за нимъ А. П. Майковъ (2-ое академич. изд. 1 т., стр. 336—337) относятъ иѣб другія пьесы 1816 г.: «Слово милой» и «Лилъ», не приводя для этого никакихъ основаній. Нужно замѣтить, что въ матюшкинской тетради и въ исправленномъ Пушкинымъ автографѣ «молодой вдова» названа Лидой, а въ обихъ помнанныхъ пьесахъ говорится о Лилѣ. Надо думать, что рѣчь идетъ о разныхъ лицахъ, — да и можно ли находить черты определенныхъ лицъ подъ обихими условными, обихими въ тогдашней поэзіи именами Лилъ, Хлоя, Лидетъ?

Н. Лернеръ.

ПЕЗ. БОЛЬШЫ ВЫ, ДЯЦѢНКА?...

Среди принадлежавшихъ Я. К. Гроту нѣсколькимъ разрозненнымъ листкомъ составленной А. Д. Плищевскимъ Лицейской антологіи, собранной трудами предшественнаго ей шій), находилась эта пьеска, впервые напечатанная В. П. Гаевскимъ «Пушкинъ въ лицѣ и его лицейскія стихотворенія» — «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 143). Къ 1816 году она отнесена въ нѣсколькихъ изданіяхъ, — впрямую, поэтому, что сборникъ былъ составленъ Плищевскимъ около этого времени — суди по другимъ пьесамъ, помнненнымъ въ немъ и несомннно написаннымъ въ 1816 году. Кѣмъ или чѣмъ вызвана эта шутка, неясно. Можетъ быть, она носила личный характеръ. Въ одной изъ «національных» пьесъ, которая разбивала первые лицеисты, насмѣшливо обрисовывающей личность инспектора С. С. Фролова (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и послѣдники», Сиб., 1899 г., стр. 241) въ перечисл. разныхъ «заслугъ» Фролова есть следующий стихъ:

Отъ насъ не синь за банкомъ пошл...

114. ЗАУ́ТРА СЪ СВѢЧКОЙ.

Зау́тра съ свѣчкой трюшеною
Явлюсь предъ образомъ свѣтымъ,
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужь смерти подлѣ кося;
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лекаремъ моимъ!

115. ЗАБЫЦАНЬЕ.

Друзья! простите—забыцаю
Вамъ все, чѣмъ рать и чѣмъ богаты;
Обида, прѣси—все продаю,
А мнѣ пускай долги простятся.

116. ЭКСПРОМЪТЪ НА АГАРЕВУ.

Въ молчаньи предъ тобой сижу,
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу;
Того ужь ифрно не скажу,
Что говорить воображенье.

117. О Н А.

«Незадѣнь ты, признайся: что съ тобой?»
—«Люблю, мой другъ!»—«Но кто жь тебя павшил?»
Она.—«Да кто жь, Глицера ль, Аломъ, Лида?»
—«О, вѣтъ!»—«Кому жь ты жертвуешь душой?»
Ухъ, *ей!* «Ты скромнѣе другъ сердечный!
Но почему жь ты столько огорчень?»
«И кто виной? Судишь, отецъ конечно...»
«Не то, мой другъ!»—«Но что жь?»—*Я ей не отвѣ!*—

114. ЗАУТРА СЪ СВѢЧКОЙ ГРОНШЕОВОЮ...

Эта эпиграмма впервые была напечатана въ изданіи Аппенкова (т. VII, стр. 99), затѣмъ появилась въ «Русскомъ Пивалдѣ» 1837 г., № 277, со словъ какого-то «лидейскаго товарища», рассказывающаго, что Пушкинъ написалъ ее во время болѣзни, когда его дѣлалъ врачъ Пешель. В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 151—152) напечаталъ ее съ неизвѣстной рукописи, признавъ, что прежде она появлялась въ неправильной редакціи. Принимаемая редакція, сообщенную этимъ авторитетнымъ знатокомъ Пушкина, дѣлаетъ болѣе, что Гаевскій ссылается на рукопись, и что указанный имъ текстъ предпочтительнѣе въ эстетическомъ отношеніи. Таковъ же текстъ, даваемый извѣстной запиской графа М. А. Корфа. Константинъ Сазоновъ—былъ одинъ изъ лидейскихъ дядекъ. По разсказу М. А. Корфа, этотъ «сучастникъ въ надзорѣ за нравственностью» лидейцевъ, едва достигшій двадцати лѣтъ, съ два года своей бытности въ лицей совершилъ въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ и былъ схваченъ и заподозривъ въ прежнихъ—только при послѣднемъ, но и то не начальствомъ лицей, а полиціей» (Я. К. Гроту, «Пушкинъ, его лидейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 239). Въ дошедшей до насъ лидейской пѣснѣ объ инспекторѣ С. С. Фроловѣ этому несимпатичному начальнику, принявшему Сазонова на службу, ставилось на счетъ, что онъ «очистилъ мѣсто Константину» (ор. с., 241). П. П. Пущинъ (Л. П. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 53) рассказываетъ, что Сазоновъ былъ «необыкновенное явленіе филологическое; Галль написалъ бы несомнѣнно подтвержденіе своей системы въ его чертѣ». Когда раздѣлся въ Царскомъ Селѣ въслѣдъ о дикѣ-убійцѣ, лидей откликнулся на сенсационное событіе поэмою «Сазоновіада», гдѣ дубовыми стихами изображалось, какъ идѣтъ лидей, какъ изъ ада, вступилъ Сазоновъ выступать съ смертоноснымъ топоромъ» (выдержку изъ «Сазоновіады» см. въ повѣсти В. П. Авенаріуса «Юношескіе годы Пушкина», изд. 2-ое, стр. 200—201). Пушкинъ къ этому невозможнымъ стихамъ, повинному, непричастенъ. Преступленіе Сазонова только мало ему повольно затѣтъ лидейскаго доктора и сравнить его съ убійцей. Францъ Осиповичъ Пешель, какъ вспоминалъ впоследствии

стѣи о немъ М. А. Корфъ (Гротъ, ор. с., стр. 239), «весельчакъ, старавшійся острить... добрый человекъ, въ которомъ могли отзываться дурно развѣ его большые... забавлять лидейцевъ своими анекдотами... своими, болѣею частью неудачными, болѣеюгами и уморительными русскимъ языкомъ, а сверхъ того глѣшилъ своими гостинцами изъ латинской кухни, т. е. изъ казенной аптеки... При смѣшныхъ сторонахъ нашего эскулапа, въ эпиграммахъ на него, раздумется, не было недостатка».

Такъ какъ «Сазоновіада», по свидѣтельству Авенаріуса, была помѣщена въ послѣднемъ номерѣ «Лидейскаго Мудреца» 1815 г., то пушкинская эпиграмма была написана не раѣе этого времени и можетъ быть отнесена приблизительно даже къ 1816 году.

115. ЗА ВѢЩАНІЕ.

Копія «Завѣщанія» сохранилась на одномъ изъ дубляжныхъ огъ собранной А. Д. Паличевскимъ «Лидейской антологіи» листовъ, принадлежавшемъ Я. К. Гроту. Напечатать эту пѣсу впервые В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 143). Къ 1816 г. она относится приблизительно, по времени составленія Паличевскимъ его сборника: можетъ быть, она написана раѣе.

Пѣса эта, въ которой молодой авторъ говоритъ о какихъ-то, конечно, воображаемыхъ долгахъ, полундражательна: она написана въ духѣ того невнятнаго, поверхностнаго энкуренизма, которымъ любила кокетничать до-батошконская политическая школа. «Пѣсни», которая Пушкинъ прочелъ своимъ друзьямъ—можетъ быть, эпиграммы товарищей на самого поэта: можетъ быть, просто плохіе стихи, авторы которыхъ дуждуются въ прошеніи. «Завѣщаніе»—одного тона съ «Моимъ завѣщаніемъ» и «Моимъ эпитафіей» (1815).

117. ЭКСПРОМТЪ НА АГАРЕВУ.

Автографъ «Экспромта», принадлежавшій Я. К. Гроту и переданный имъ П. П. Тиханову, имѣе не большъ остатковъ и, быть можетъ, даже совсѣмъ утраченъ, какъ многие документы, переходившіе изъ рукъ въ руки. Въ копій онъ сохранился въ тетради О. О. Матюшкина («Журн. Мин. Народн. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 231, 237). Въ

Карикатура И. И. Иванова на Кюхельбекера в Ливийском Журнале «Ливийский Муравей».

118. НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью пишетъ,
 Онъ пьени пишетъ зло:
 Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
 Влюбленъ, какъ Буало.

119. НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Ночоинникъ Клейтъ въ райо не будетъ:
 Творилъ онъ тяжкіе грѣхъ,
 Пустьъ Богъ дѣла его забудетъ,
 Какъ свѣтъ забудь его стихи.

120. НА Е. П. ПУЧКОВУ.

I.

Пучкова, право, не смѣшна:
 Перомъ соотвѣствуетъ она
 Благотворительнымъ газетъ невольнымъ
 видамъ,
 Хотя въ смѣхъ читателямъ да въ пользу
 Пинализамъ.

II.

На нее жь,
 Зачѣмъ кричишь ты, что ты *была*
 На каждомъ дѣйственномъ стихѣ,
 О вику я пивца Эва,
 Хлопочешь ты о женихѣ.

121. СКАЖИ, ЧТО НОВАГО.

Скажи, что новаго, ни слова
 Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?
 О братецъ, отважись—я знаю только то,
 Что ты дуракъ... но это ужь не ново.

первый разъ онъ былъ напечатанъ въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 370, подъ заглавіемъ: «Экспромтѣ на А»). Во всѣхъ последующихъ изданіяхъ текстъ остался безъ измѣненій; въ этомъ же видѣ печатается и здѣсь. Къ 1816 г. отнесъ эту пьесу Ефремовъ (3-е изданіе Я. А. Псакова, 1880 г., т. I, стр. 167). Дату эту можно признать вѣрною или довольно близко подходящею къ истинѣ, потому что въ 1816 г. Пушкинъ встрѣчался съ героиней своего экспромта у Карамзинныхъ, проводившихъ лето въ Царскомъ Селѣ. А. П. Майковъ высказалъ догадку: «Слѣбъ сомнѣній, что Пушкинъ встрѣчался съ Агаревой» въ томъ исторіографѣ (академич. изд., 1 г., 2-е изд., примѣч., стр. 345). Въ этой догадкѣ надобности нѣтъ, потому что объ нухъ знакомствѣ свидѣтельствуютъ выдержка изъ дошедшаго до насъ письма Е. А. Карамзиной къ князю П. А. Вяземскому, 13 июля 1816 г.: «29 и 12 мы праздновали, слюко было возможно... заучивъ всѣхъ, кто принимаетъ въ насъ участіе—г-жу Агареву и маленькаго Пушкина...» (29 июня—день ангела князя Петра Андр. Вяземскаго, а 12 июля—день его рожденія).

Елизавета Сергѣевна Агарева, или Агарева, какъ фонетически писали тогда (род. 13 ноября 1786 г., † 5 февраля 1870 г.), въ дѣтствѣ въ Новосильцово, жена сенатора П. П. Агарева, была женщина умная, красивая и образованная. А. В. Кошубей «Семейная Хроника», Сиб., 1890 г., стр. 44, рассказываетъ о ней: «Елизавета Сергѣевна была очень умная женщина и имѣла привычку нарушать. Если я приобретаю любовь къ литературѣ, въ особенности французской, то я обязанъ этимъ вполнѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ. Почти ежедневно прочитавши мнѣ съ нею думшія произведенія французской и русской литературы, Она одушевляла во мнѣ любовь къ поэзіи, и я помню сочинять для нея стихи въ формѣ маршалазовъ, которые были тогда въ модѣ. Маршалазы ея писали П. П. Дмитриевъ и князь П. А. Вяземскій. Дмитриевъ («Сочиненія» подъ ред. А. А. Флоритова, Сиб., 1893 г., т. I, стр. 246) называлъ «снѣгъ сериѣбъ, какъ въ ея альбомѣ жить». Нѣтъ лишняго и восторженнаго маршалаза Вяземскаго (1816 г., видно, что Агарева очень внимательно слѣдила за современною литературою: Вяземскій «Подл. собр. сочин.» т. III, Сиб., 1880 г., стр. 112—113 говорить, что, вѣдѣвъ онъ зарпаніемъ Пелегншалаго Мелешкаго или

Дмитрѣева.—

Почуствовавши Мудъ святую благодать,
Принешь бы я съ душой, къ владіиому при-
стратной,
Прирозы красотѣ учиться при тебѣ.
Но, заглаживши на подлинникъ, прекрасной,
Забавля бы вѣрно я о снѣжкѣ и себѣ.

(О ней см. также «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскаго», прим. В. П. Сантова, т. I, стр. 501). Пушкинъ написалъ ей два стихотворенія, второе относится къ 1817 г.: «Экспромтѣ» представляетъ собою забавную и, вѣроятно, предвзвѣренную думьсласенность и сбивается съ мадригала на эпитрагму. Авторъ не высказываетъ, «что говорить воображенью», либо потому, что не рѣшается на любовное признаніе, либо оттого, что не смѣетъ сказать дерзости,—и предоставляетъ догадываться объ его чувствахъ.

Н. Лернеръ.

117. ОНА.

Пьеса эта извѣстна въ копіи, находящейся въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2395 (д. 782), приготоленной для послѣдняго изданія произведеній поэта, въ которомъ она и была напечатана впервые (т. IX, стр. 396). Къ 1816 г. отнесъ ее П. А. Ефремовъ (изданіе 1880 г., т. I, стр. 188—189). Точно датировать невозможно; единственное хронологическое указаніе заключается развѣ въ томъ, что пьеса всегда печаталась въ числѣ лицейскихъ стихотвореній. Пьеса Гандеры, Хаоп, Лилы и не совсемъ совершенная форма дѣлѣмъ, что въ пятомъ стихѣ не пять стонъ, какъ въ друнхъ, а четыре; указываетъ, что пьесу нельзя помѣщать болѣе поздней датой, чѣмъ 1816 г.

Это стихотвореніе напоминаетъ мадригалъ, написанный Армонтовымъ извѣстною московскою красавицею А. В. Албеною, которой поэтъ писалъ:

Знаю ли васъ хоть кто-нибудь:

(1808)

75
На Пучкову
Мирно ~~не~~ ^{хорошо} не ~~искусно~~
Мира ~~не~~ ^{счастливо} ~~искусно~~
Тяга ~~не~~ ^{счастливо} ~~искусно~~
Кто ~~не~~ ^{счастливо} ~~искусно~~
46
Кому ты (конец 1, 168)

Зачем ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
На ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
О ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
Всего ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
47 (конец 1, 167)

Скажи, что ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
Не ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
О ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~
Кто ~~не~~ ^{хорошо} ~~искусно~~

Автографы эниграмм «На Пучкову» и «Скажи, что нового».
(Принадлежат теперь Е. Я. Грому).

118. ВОТЬ ВЛІЯ—ОГЬ ЛЮБОВЬЮ ДЫ-
ШЕТЬ...

Копія этой энграммы сохранилась на одномъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ листовъ собранной А. Д. Паличевскимъ «Индійской антологіи». Печатались ее впервые В. Н. Гаевскій («Пущикъ въ лицѣ и индѣйскія его стихотворенія» — «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 148). Къ 1816 г. она была отнесена лишь приблизительно, по времени составленія Паличевскимъ его сборника, но, можетъ быть, написана и раньше. Въ запискахъ князя П. А. Вяземскаго (Сочин., т. VIII, 240) находимъ остроумную энграмму А. С. Хвостова¹⁾ на графа Д. П. Хвостова, которой, можетъ быть, поражаютъ Пушкины:

Одифрацидъ мой—сказалъ въ тебѣ въ укорь—
Танцуетъ какъ Волтеръ, а шпешетъ какъ Дю-
поръ.

(Дюпоръ былъ извѣстный французскій танцоръ). Писаніе энграммъ другъ на друга было любимымъ занятіемъ индѣйскаго поэтическаго кружка и «Вилъ», злополучному В. К. Кюхельбекеру (о немъ см. особую статью), доставалось больше всѣхъ (Гаевскій, *op. cit.*, 147—149). Недостатокъ было, на который намекаетъ Пушкинъ въ этой энграммѣ, дать ему поводъ къ нескромной шуткѣ: «Ты хочешь знать, моя драгая»...

119. НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Эта энграмма Пушкина, не дошедшая до насъ въ рукописи, была впервые напечатана въ «Северномъ Наблюдателѣ» 1817 г., т. I, № 2, стр. 68, съ поэмикою поода, которая ей болѣе не перепечатывалась, и въ собраніи его произведеній она стала входить начиная съ посмертнаго изданія (т. IX, стр. 368, стѣбъ была одна лавлена: «Эпитафія»). Къ 1816 г. она была приблизительно вѣрно отнесена въ изданіи 1880 г., т. I, стр. 169.

Въ этой остроумной энграммѣ подъ Кингомъ, по словамъ графа М. А. Корфа (Я. К. Гротъ, Пушкины, его индѣйскіе

товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 245), раздѣленъ В. К. Кюхельбекеръ, всегашняя жертва остролювія своимъ товарищемъ. Энграмма хотя и имѣетъ чисто-пушкинскимъ юморомъ и задоромъ, но формѣ еще принадлежитъ къ тѣмъ стихотвореніямъ, которыя Бѣанскій назвалъ «переходными» въ творчествѣ Пушкина, и въ которыхъ виденъ «свѣтъ даровитый, но еще самостоятельный». «Энграммы, мадригалы, надписи къ портретамъ», — говорить великій критикъ, — «были тогда въ большомъ ходу и составляли особенный родъ поэзіи, которому въ лингвистикѣ посвящалась особая глава. Только Державинъ и Жуковскій не писали энграммъ: по Батюшковъ былъ до нѣхъ большой охотникъ, и, вѣроятно, его-то примѣръ особенно увлекъ Пушкина».

120. СКАЖИ, ЧТО НОВАГО...

Эта энграмма пошла до насъ въ автографъ (см. стр. 377) на одномъ изъ уцѣлѣвшихъ листовъ собранной А. Д. Паличевскимъ «Индійской антологіи» листовъ, (см. ст. В. Н. Гаевскаго въ «Современникѣ» 1863 г., № 7, стр. 142—143), принадлежавшемъ Я. К. Гроту, и въ копіи въ находящейся въ московскомъ публичномъ музеѣ тетради № 2395 (л. 775). Впервые всега была напечатана въ посмертномъ изданіи произведеній поэта (т. IX, стр. 367). Къ 1816 г. она относится приблизительно, по времени составленія Паличевскимъ его сборника; можетъ быть, она написана раньше. Въ 1828 г. поэтъ перендѣлалъ ее, удлинивъ надоблившия рѣчи назойливаго разпросника, отчего энграмма вытראה въ юморѣ («Любовный», см. во II томѣ).

121. НА ПУЧКОВУ.

Первая энграмма сохранилась въ остаткахъ сборника «Индѣйская Антологія», собранная грудями предсловаго *l'indien* (т. е. А. Д. Паличевскаго) и напечатана впервые Я. К. Гротомъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г., т. XXI, стр. 663, откуда перешла въ изданіе Литературнаго Фонда, т. I, стр. 159, подъ Ефремова, т. I, стр. 253 и подъ Морозова, т. I, стр. 198. Автографъ майбъ у К. Я. Грота.

Первыи стихъ первоначально былъ изшанъ:

Пучкова по все не свѣшна.

¹⁾ Объ А. С. Хвостовѣ см. Сочиненія Герларина, редъ Я. К. Грота, т. III, Сиб., 1870 г., стр. 322—324.

а послѣдній —

Хоть въ смѣхъ ишталандъ, такъ въ пользу
ишталандъ.

Вторая эпиграмма, находившаяся теперь въ рукописи также у К. Я. Грота (въ той же «Антологіи») въ первый разъ напечатана была В. П. Евсеевымъ въ статьѣ его: «Пушкинъ въ Лицѣхъ и лицейскій его стихотвореній» («Современникъ» 1863 г., т. XXVII, стр. 143), затѣмъ въ изданіи 1870 г. (подъ ред. Гемшида, т. I, стр. 568, откуда перепечатывалась во все послѣдующія).

Второй стихъ Пушкинскимъ былъ написанъ.

На каждомъ маленькомъ стихѣ:
замба этого слова словомъ дѣйстви-
тельно принадлежить Паличевскому.

И по обстоятельствамъ времени, и по мѣсту, занимаемому эпиграммами въ сборникѣ Лицейскихъ поэтовъ, онѣ относятся къ 1816 году.

До послѣдняго времени во все изданія сочиненій Пушкина включалась еще одна эпиграмма на Пучкова, приписывавшаяся Пушкину:

Зачѣмъ объ ишталандъ доль
Моя Пучкова такъ тужить.

Она сама въ предѣльномъ полѣ
Вѣкъ заслуженный ишталандъ.

Напечатанная впервые Я. К. Гротомъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г., т. XLI, стр. 664 и перепечатывавшаяся затѣмъ во всехъ послѣдующихъ изданіяхъ, эпиграмма эта, какъ оказывается, принадлежить не Пушкину, а Алексѣю Демьяновичу Паличевскому, о чемъ ясно свидѣлствуетъ писанная О. Ю. Матюшкинымъ тетрадь «Стихотвореній воспитанниковъ Императорскаго Лицея, ч. II», въ которой и въ оглавленіи и въ тектѣ самой эпиграммы, на стр. 48, указанъ ея авторомъ Паличевскій (см. статью К. Я. Грота въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1905 г., № 80, стр. 228, 231 и 247). Я. К. Гротъ, печатавъ эту эпиграмму, приписалъ ее Пушкину лишь на основаніи словеса почерка, — основаніи шаткомъ и часто вводящемъ въ заблужденіе.

Екатерина Наумовна Пучкова 1), двинца,

1) О ней см.: Дамскій Журналъ 1827 г., авг. и 1830 г., мартъ; Спассорева, Описание Ново-двинскаго монастыря, т. III, Спб., 1887; Князь П. П. Голицынъ, Библіографическій Словарь Русскихъ писателей, Спб., 1889; Е. Л. Лукачева, Материалы для исторіи женскаго образованія въ

Россіи, ч. II, Спб., 1893, стр. 289, 292, 295; Русская Старина 1884 г., т. XXXII, стр. 342; Дамскіи С. П. Глашкн, Спб., 1895, стр. 331; А. П. Павлицевъ, Изъ семейной хроникн, Спб., 1890, стр. 73.

была дочерью полковника и Георгіевскаго кавалера Наума Егоровича Пучкова, родилась въ 1792 году въ Москвѣ, какъ можно предполагать изъ писемъ ея къ князю П. П. Шаликову; тамъ же прошла и ея юность, а затѣмъ она жила въ Петербургѣ. Училась она самостоятельно, «не имѣя почти другихъ учителей и наставниковъ, кромѣ собственной склонности и любви къ словесности». Литературнымъ занятіямъ ея покровительствовали: П. П. Дмитриевъ, М. Т. Каченовскій, близкій ея другъ Вас. Пав. Козловъ, графъ Д. П. Хвостовъ, посвятившій ей, между прочимъ, два посланія (1819 и 1820 г., — см. Собр. соч., изд. 1830 г., т. III, стр. 117—123 и 124—126), и особенно — князь Петръ Павловичъ Шаликовъ, «Никогда не забуду», — пишетъ ему Пучкова изъ Петербурга 1 октября 1819 г., — «какъ вы одобрили первые робкіе шаги мои на пути словесности; какъ, со свойственными вамъ благородствомъ и открытенностью, говорили мнѣ въ глаза правду, которую я теперь болѣе умѣю цѣнить, не ждали тогда, юная, вѣтреная, безъ размышленія увлекаемая свѣтомъ и ослѣпленная паружнымъ блескомъ предметовъ». Пучкова вела въ Петербургѣ свѣтскую, разсѣянную жизнь, «не имѣя свободной минуты», что, конечно, не позволяло ей сосредоточиться на занятіяхъ словесностью. Рано начать писать, она скоро покинула литературное поприще. Въ январѣ 1826 г. Пучкова была въ Парижѣ, гдѣ выдалась, между прочимъ, съ П. П. Тургеневымъ, затѣмъ вернулась въ Петербургъ съ вѣковой генеральней Ребиндеръ и въ августѣ того же года жила «въ домѣ министра народнаго просвѣщенія» — т. е. А. С. Шишкова. Въ Петербургѣ она провела и остальную часть своей жизни и дѣль же скончалась, на 76 году отъ рожденія, 26-го апрѣля 1867 г.; погребена въ Ново-двинскомъ монастырѣ.

Въ литературѣ Пучкова выступила «Первыми опытами въ прозѣ» (М., 1812), сборникомъ, небольшому разсказовъ съ чисто-диалектической, подражательной покладкой и множествомъ правоуменій, вложенныхъ въ уста добродѣтельныхъ дѣвствующихъ лицъ. Изъ другихъ статей этого сборника, написанныхъ противъ такъ

называемых галломановъ, ясно, что Вучкова была поклонницей Пушкина, почему и проводить его мысли относительно необходимости знакомства со славянскимъ языкомъ и церковными книгами. Ея удивленія идеями Пушкина зашли такъ далеко, что она, вмѣстѣ съ Вас. Пв. Козловымъ, однимъ изъ редакторовъ «Русскаго Нивалида» (1815—1824), переселившимся изъ Москвы въ 1814 г., устраивала особыя собранія—«сообщенія», на которыхъ присутствовавшимъ вѣдалось въ обязанность стараться говорить только по-славянски. Возмущенъ Вучкова также и противъ иностранцевъ-воспитателей русскаго юношества. Нельзя не отмѣтить въ ея «Опытахъ» нѣсколько статейкъ, въ которыхъ Вучкова является сторонницею серьезнаго женскаго образованія, рѣзко осуждаетъ людей противоположныхъ взглядовъ и неоднократно обращается къ русскимъ женщинамъ, призывая ихъ къ занятиямъ литературою, при чемъ сама выказываетъ большую начитанность и основательное знакомство съ русскою и иностранною литературою.

Вучкова была членомъ Пушкинской Бесѣды Любителей Русскаго слова, Общества Любителей словесности, науки и художества и почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности (съ 1821 г.). Она сотрудничала въ разныхъ повременныхъ изданияхъ своего времени: статьи и стихотворенія ея встрѣчаются въ «Атласѣ» князя П. П. Шаликова (1808—1812 г.), «Русскомъ Вѣстникѣ» С. П. Глинки, съ которымъ была лично знакома (1812 г., ч. XVIII), «Россійскомъ Музеумѣ» (1815 г., «Славнъ Отечества» (1815 и 1817 г.), «Дамскомъ Журнальѣ» (1830), и, наконецъ, въ «Русскомъ Нивалдѣ» (1816 г.) помѣчанный дѣсь (въ № 277) ея «Экспромтъ Гнѣвъ, которые укорили меня, для чего я не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина»:

Гнѣвъ на робокъ
Арфонъ на шумокъ
Славному бару
Штъ въ потребалку
Гнѣвъ на брадатыя и т. д.

Эти-то стихи и послужили поводомъ къ написанноу 2 о эпиграммы.

Б. Модзалевскій.

ПУШКИНЪ И ПАРНИ.

I.

Исторія литературы знаетъ писателей, которые въ глазахъ современниковъ и ближайшаго потомства являлись выдающимися представителями того или иного литературнаго рода, пользовались широкимъ извѣстностью и даже громкой славой, иногда считались даже создателями извѣстной литературы и школы... Но затѣмъ, вследствие перемены направленій и вкусовъ, имена этихъ писателей быстро становятся добычей забвенія. Дѣти уже небрежно перелистываютъ сочиненія, которыми воспользовались отцы, звуки уже вовсе ими не интересуются, а затѣмъ даже и присяжные историки литературы не считаютъ нужнымъ удостоить хотя бы простаго упоминанія имя, нѣкогда бывшее у всѣхъ на устахъ, а теперь представляющее только «пустой звукъ»...

Такая странная и печальная литературная судьба постигла и поэта, считавшагося въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка украшеніемъ французской литературы, первымъ эстетическимъ поэтомъ своего времени, и удостоеннаго единодушнымъ похвалъ самыхъ серьезныхъ критиковъ той поры. Это былъ— Парни, имя котораго такъ тѣсно связано съ творчествомъ Пушкина, но въ наше время, какъ будто, даже совсѣмъ неизвѣстно повѣщимъ историкамъ французской литературы. Разные мелкіе и, во всякомъ случаѣ, гораздо менѣе значительные стихотворцы прежнихъ вѣсковъ не только находятъ себѣ мѣсто въ общихъ обзоряхъ литературнаго движенія, но нередко становятся предметомъ отдельныхъ монографій: а Парни, поэтъ несомнѣнно гениальнаго и въ свое время очень вліятельнаго, обходится молчаливымъ даже вниманіемъ: точно указать на тогъ странный фактъ, что его литературная характеристика, написанная Сентъ-Беномъ въ 1844 году (*Portraits contemporains et divers*, vol. III), то сѣнь порѣ остается единственною.

Въ русской литературѣ объ этомъ вполнѣ вѣдомъ Батюшкова и Пушкина нѣтъ даже ни одной замѣтки. Это обдѣлываетъ настоящее изданіе потребности остановиться на жизни и сочиненіяхъ поэта, нашего сѣбѣ яркое отраженіе въ произведеніяхъ корифея русскаго поэзіи XIX вѣка.

Эваристъ-Дендръ-Денорасъ, вспоминае фамилію французца въ «Дубровскомъ» шевалье де-Парни родился 6 февраля 1753 г.

на остров Бурбои, став остров Сент-Поль, единственном привидеющем Франци въ групѣ Маскаренскихъ острововъ, близъ юго-восточнаго берега Африки, въ Индическомъ океанѣ. Въ жилищѣ Марли, какъ и въ жилищѣ Пушкина, текла примесь африканской крови. Его семья съ давняго времени жила въ одномъ изъ небольшихъ городковъ острова, именно въ Сент-Поль, и онъ провелъ свое дѣтство среди чудной тропической природы, окружающей этотъ городокъ. Девяти лѣтъ отъ роду Марли былъ приведенъ во Францію и помещенъ въ коллегію въ г. Реннѣ. Тамъ онимъ изъ его товарищей былъ Женева, извѣстный впоследствии издатель философскаго, литературнаго и политическаго журнала «Секала» (1794—1807), историкъ итальянской литературы, навсегда оставившейся Марли въ гнѣху дружескихъ отношеній. По окончаніи школьнаго курса, молодой креоль, обладавший живыми, пылкими и подвижными характеромъ, сначала задумалъ было поступить въ монахи, именно—въ орденъ трапистовъ, но кончилъ гнѣхъ, что поступилъ въ военную службу и убѣжалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ своимъ землякомъ и товарищемъ дѣтства Бертономъ, который въ ту пору также только что кончилъ курсъ въ коллегіи; оба они близко сошлись другъ съ другомъ и въ 1770—73 гг. присоединились къ веселой и разнузданной компаніи, усвоившей себѣ кличку «Ордена Казармы». «Представьте себѣ, сударыня»,—писалъ Бертоиъ въ своемъ «Путешествіи въ Бургундію»,—«сложную юную офицеровъ, изъ которыхъ самому старшему вѣтъ еще 25 лѣтъ; большая часть изъ нихъ переселилась сюда изъ другого полунарія; всѣ они соединены между собою узлами тѣнѣйшей дружбы; всѣ съ восторгомъ поклоняются искусству и всецѣлымъ талантамъ; сочиняютъ музыку, иногда пишутъ стихи; всѣ они прѣзрѣли дѣны и пылканымъ наслажденіямъ, зиму проводятъ въ Парижѣ, а лѣто—въ прекрасной долинѣ Фельанкура близъ Парижа, между Марли и Сент-Жерменомъ; называя оба эти убѣжища Казармою...» И самъ поэтъ, когда ему пришлось разстаться съ этимъ любезнымъ его сердцу товарищескимъ кружкомъ, писалъ своему брату: «Сердце говоритъ мнѣ, что въ удивительнѣйшій счастья, а Надеждамечетъ мнѣ на ухо: ты снова увидишь мнѣ, свою мнѣ анкурейцель... ты вновь побѣдишь этотъ домъ наслаженій, куда не

проникаетъ взоръ непосвященнаго!». Въ одной изъ первыхъ своихъ поэмъ: *Journée champêtre* Марли прозрачно изображаетъ веселое препровожденіе времени «на доиѣ природы», которому превалили молодые анкурейцы вмѣстѣ съ своими красивыми подругами, для которыхъ, по словамъ Марли,

«Любовь есть доиѣ, а скука—преступленіе».

Принимаемъ, что и ранняя молодость Пушкина, по выходѣ его изъ Лицея, отмѣчена аналогичными увлеченіями. И намъ мѣтаетъ если не поступилъ въ военную службу, то, по крайней мѣрѣ, это время сильно мечталъ о ней; и онъ, подобно своему французскому собрату, также попалъ въ веселую компанію «минутныхъ друзей своей минутной молодости» и заброшенный судьбою въ далекой, полудикій Кишиневъ, съ горечью и надеждою черпалъ въ своей записной книжкѣ стихи, въ которыхъ выражалъ страстное желаніе вернуться въ «домъ наслаженій» Пиканы Бесволожскаго, гдѣ такъ привѣтливо горѣла «Зеленая Лампа»...

Марли было всего 20 лѣтъ, когда родители призвали его на родину, и ему пришлось покинуть кругъ своихъ веселыхъ товарищей. Богатый, красивый, блестящій молодой офицеръ, прибывшій въ родное заведеніе прямо изъ столицы Людовика XV, конечно, явился въ Сент-Поль для всѣхъ желаннымъ и завиднымъ гостемъ. Передъ нимъ были широко открыты всѣ двери, гнѣхъ болѣе, что съ вѣнннмъ изяществомъ онъ соединялъ и внутреннее: онъ былъ уже поэтъ и прекрасный музыкантъ.

Векорѣ онъ началъ давать уроки музыки одной юной, всего 13 или 14-лѣтней дѣвицѣ, которую потомъ воспѣвалъ поѣтъ именемъ «Элеоноры». Ученица скоро увлеклась своимъ учителемъ, и родители Элеоноры выужденны были потребовать отъ молодого офицера объясненій. Марли былъ готовъ заладить свою вину бракомъ, но отецъ его рѣшительно этому воспротивился. Напрасно поѣтъ, въ страстныхъ стихахъ, признавалъ свою возлюбленную бжачъ вмѣстѣ съ нимъ на удивительный островъ, гдѣ нѣтъ не застѣнеть гнѣхъ немудримаго отца; напрасно пытался онъ бороться съ этимъ гнѣвомъ и торжественно заявилъ принадлежать одной Элеонорѣ; отецъ заставилъ его вернуться въ Парижъ, а Элеонору, между гнѣхъ, поторонились выгнать да-мужь.

Но возвращеніи въ Парижъ, Парни написалъ «Послание къ Бостонскимъ инсурреентамъ» (1777), вызванное событиями съверо-американской войны за независимость и выражающее въ юмористической формѣ симпатіи автора къ «мятежному и несправедливому народу, который, обходясь безъ князя, безъ королей и королевы, задумалъ писать подъ званіемъ цбней, угнетавшихъ родъ человеческій». Въ слѣдующемъ (1778) году вышелъ небольшой томикъ «Любовныхъ стихотвореній» Парни, изъ которыхъ лучшія посвящены «Элеонорѣ», хотя на ряду съ этимъ дорожить для поэта именно здѣсь встречаются еще и обычная для тогдашнихъ стихотворцевъ условная имена—Хлоя, Аглая, Фрозина и т. п. «Элеонора» сразу обратила на себя вниманіе тогдашней критики, конечно, благодаря той искренности, какая, несмотря на избѣженію додо схоластицизма, чувствовалась въ обращеніяхъ поэта къ своей возлюбленной. Послѣ выхода въ свѣтъ (1779) другого небольшого сборника мелкихъ стихотвореній, среди которыхъ многія также были посвящены Элеонорѣ, Парни убѣдился въ томъ, что успѣвъ его произведеній обуславливается ихъ искренностью и глубоко прочувствованностью тономъ, и потому рѣшилъ пожертвовать «Аглаями», «Фрозиными» и прочими «схоластическимъ» условностями ради лирической правды и внести въ свои любовныя стихотворенія извѣстное единство и стройность. Расположивъ ихъ въ порядкѣ, отбывающемъ логической послѣдовательности, онъ раздѣлилъ ихъ на четыре книги: въ первой изображается ничѣмъ не нарушаемое наслажденіе радостями любви; во второй тревожное состояние влюбленнаго, вызываемое подозрѣніями въ неискренности; въ третьей—новое счастье послѣ пережитыхъ напрасныхъ революцій; въ четвертой—финитивная неискренность и выданное его горькое чувство. Въ этой послѣдней части помѣщено Изгнѣніе, въ которомъ изложилъ себѣ полическое выраженіе чувства, пережитыя самимъ авторомъ, отголоски его общественной силой и малой страсти. Въ первомъ своемъ стихотвореніи Парни шелъ еще по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, усвоивъ ихъ форму и манеры выраженія; но вскорѣ онъ сумѣлъ уже освободиться отъ этихъ постороннихъ вліяній и, благодаря неподдѣльному чувству, которымъ отшельству дарила изъ его дѣтей, сдѣлавъ общими любимаемъ современными цѣнителямъ поэмы. Критика, правда, отбѣ-

чала въ его стихотвореніяхъ и некоторые недостатки, злоупотребленіе общими мѣтафорами и довольно уже избитыми выраженіями и рифмами, но это не помѣшало ей провозгласить его «первымъ классическимъ поэтомъ вѣка Людовика XVI»...

Парни было немногимъ больше 25 лѣтъ, но онъ начиналъ уже чувствовать угнетеніе отъ своей эротической музыки. Неотримо говоритъ онъ въ концѣ стихотворенія «Journée champêtre»:

Одна пора для сладкаго безумья,

Одна пора для пламенныхъ стиховъ.

Эта пора для него уже проходила... Всѣ говорили объ его «Элеонорѣ», но самъ онъ чувствовалъ, что память о ней все больше и больше тускнѣетъ въ его сердцѣ, и отбѣчалъ своимъ поклонникамъ и нескромнымъ вопрошателямъ:

Довольно объ Элеонорѣ!

Пора любви уже прошла!

Онъ сознавалъ уже, что ему неостаетъ того прежняго, весенняго, юношескаго одушевленія, которымъ внушена была его страсть и ея поэтическое выраженіе, и не хотѣлъ искусственно поддерживать прежній тонъ, который звучалъ бы теперь только подѣлкой пощъ искренности. Выпуская въ 1784 году, 4-е изданіе своихъ мелкихъ стихотвореній, «въ послѣдній разъ исправленное и дополненное», онъ заявилъ въ предисловіи, что этотъ сборникъ впродъ уже не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ.

Загнѣвъ Парни покинулъ Францію, вернулся, мимоходомъ, къ себѣ на родину и отправился дальше, въ Индію, въ качествѣ атыюганта при военномъ губернаторѣ. Однако, это официальное положеніе скоро ему наскучило. Онъ вынелъ въ отставку, опять вернулся въ Парижъ и въ 1787 г. издалъ «Магаскарскія пѣсни»—собраніе, состоящее всего изъ 12-ти отрывковъ въ прозѣ, будто бы переведенныхъ съ подлинныхъ произведеній беззакуственной поэды гудемцевъ, на самомъ же дѣлѣ сочиненныхъ въ духѣ современныхъ поэмы идей о «первобытномъ человѣкѣ», съ соответствующей поправкой ради «мѣстнаго колорита». Въ одной книгѣ съ этими пѣснями появились «Картины»—рядъ небольшихъ стихотвореній, изображающихъ въ привлекательномъ эротическомъ стилѣ «взлѣніе» невинной Юности; можетъ быть, отишь изъ вариантовъ воспоминаній поэта

объ его собственныхъ отношеніяхъ къ «Демонорѣ».

Въ эпоху революціи Парри, хотя и потерявшійся значительной долей своего состоянія, однако, не утратилъ бодрости духа и продолжалъ вести прежнюю жизнь, мало-по-малу приспособляясь къ новымъ общественнымъ настроеніямъ. Говорятъ, что онъ сочинилъ поэмѣ подъ заглавіемъ: «Любовныя поужденія французскимъ королемъ», но затѣмъ съелъ ее, чтобы не давать лишняго оружія въ руки враговъ низверженной династіи... Въ эпоху Директоріи онъ занялся сочиненіемъ новой большой поэмы «Война боговъ», содержаніемъ которой служила борьба стараго, языческаго, Олимпа съ новымъ, христіанскимъ, и побѣда послѣдняго, а отдѣльные эпизоды представляютъ рядъ иногда очень остроумныхъ, но всегда очень вольныхъ эротическихъ картинъ. Парри печаталъ отрывки изъ этой поэмы въ «Декадѣ» своего друга Жентена; въ полномъ же видѣ она была издана только въ 1800 г.—и сразу такъ понравилась тогдашней публикѣ, что въ одинъ годъ понадобилось двѣдѣять ея изданій. На автора посылались приветственные стикхи и мадригалы; что касается серьезныхъ критиковъ, то одинъ изъ нихъ, Дюссо, высказалъ, что «Война боговъ» займетъ въ исторіи революціи мѣсто, пожалуй, еще болѣе важное, чѣмъ въ исторіи литературы, а другой—старый школьный товарищъ автора, Жентенъ, посвятилъ поэмѣ двѣдѣять три академическихъ статьи, въ которыхъ подробно изложилъ ея содержаніе и далъ такую общую характеристику: «Богонобидители являются здѣсь настолько же смѣшными въ своей побѣдѣ, какъ побѣжденные въ своемъ пораженіи; ни тѣ, ни другіе ничего не выигрываютъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы критикъ находилъ «черты, неоправдываемыя требованіями приличія, но нисѣмѣннѣе только, но и философскаго, — и даже требованіями хорошаго вкуса»; но это не помѣшало ему поставить новую поэмѣ на ряду съ «Дѣвственницей» Вольтера, — съ этимъ произведеніемъ, котораго въ настоящее время только отъвлеченные ханжи не признаютъ однимъ изъ образцовыхъ твореній нашей литературы». Что касается неудовольствій, выражаемаго по поводу новой поэмы «ритористами», то Жентенъ видѣлъ въ немъ только «возгласы, внушаемые логикомъ фанатизмомъ и играемыя роялизмомъ...». Въ такъ называемомъ «хорошемъ обществѣ» эта

поэма, всегдѣ отразившая въ себѣ права и вкуса Директоріи, вызвала только улыбки; тамъ и безъ нея давно уже привыкли къ подобнымъ вещамъ. Достаточно сказать, что въ 1798 г. ювилы «Priapeia» аббата Поэля, въ 1799—Честаре префратенія» Лемерсье и «Поэты» Дефоржа, не говоря уже о романашъ маркиза де-Сала.

Изъ иностранныхъ критиковъ «Война боговъ» была подробно разобрана А. В. Шлегелемъ въ «Атенейѣ». Онъ доказываетъ, что борьба различныхъ мифологій, сама по себѣ, представляетъ прекрасный сюжетъ для комической поэмы. Понятно поэма Парри, въ дѣломъ, превосходна; различныя стороны выступаютъ передъ читателемъ въ естественной послѣдовательности, не ощущено ничего важнаго и не вставлено ничего лишняго или не идущаго къ дѣлу. Но поэма ежeminутно выбивается изъ тона и характера дѣйствующихъ лицъ, — и не ради комизма, а просто по неволѣ и безплотию. Тамъ же, гдѣ онъ и вѣрно попадаетъ въ дѣль, все-таки, замѣтна ограниченность его поэтическаго дарованія. Взять, напримеръ, остроумный мѣста о психологическомъ смѣшеніи трехъ лицъ въ одномъ существѣ, а слѣдовательно — и въ одномъ сознаніи: этимъ мотивомъ можно было воспользоваться неограниченно думше. Свойства языка только на половину извиняютъ поэта; хотя нельзя и думать такъ своеобразно играть имъ, какъ Аристофанъ, однако, много значать смѣлость и желаніе: одно усердное подражаніе Раблэ много помогло бы въ этомъ отношеніи. У Парри нѣтъ способности подмѣчать истинно комическое; у него всека проглядываетъ чувство озлобленія; онъ съ пылкой ненавистью презрѣваетъ католицизмъ и вообще христіанство. Не значить ли, въ самомъ дѣлѣ, выказать медвѣжью ловкость, заставляя архангела Гавриила показывать въ волшебномъ фонарѣ грядущія судьбы новой религіи и при этомъ рассуждать на манеръ энциклопедистовъ о тѣхъ несчастіяхъ и ужасахъ, какіе повлечетъ за собою ея распространеніе?... Удивительно, какъ Парри еще выказалъ столько смѣла въ отношеніи мифологій. Между прочимъ, онъ остроумно сближаетъ греческую мифологію съ сѣверною и отмѣчаетъ ихъ противоположности; появленіе на сценѣ Одина вмѣстѣ съ второстепенными его божествами и участіе ихъ въ борьбѣ принадлежитъ къ лучшимъ эпизодамъ поэмы. Въ мѣстахъ шутившихъ и чувственныхъ поэтъ вообще не заходить

важные предѣловъ, допускаемыхъ пародіей, и здѣсь его шутки являются иногда поэтическими. Пародія семи танцевъ—одна изъ самыхъ дерзкихъ и выскѣ съ тѣмъ, самыми остроумныхъ выходовъ. Не менѣе комично появленіе сатировъ и превращеніе ихъ въ монаховъ. Отлично задумана и рассказана исторія двухъ любящихъ существъ, давшихъ обѣтъ вѣчнаго воздержанія и каждый разъ, какъ только шаловливый амуръ внушаетъ имъ забвеніе этого обѣта, удерживаемыхъ вѣщими событиями, возбуждающими религиозное чувство. Тамъ, гдѣ поэтъ говорить о правахъ природы (напр. при изображеніи жизни въ женскомъ монастырѣ), у него является характерная и согласная съ его взглядомъ на вещи скромность, которая не хочетъ доходить до крайностей и избѣгаетъ «оставить точки на і». Шатобриана заключаетъ свой разборъ общимъ замѣчаніемъ, что поэма Парни, несмотря на свое титаническое названіе, представляетъ только изящную миниатюрную работу.

Успѣхъ «Войны боговъ» поощрилъ Парни продолжать въ томъ же направленіи. Онъ написалъ небольшую поэмку «Нутешествіе Селены», въ которой изображаетъ положеніе женщины у разныхъ народовъ, въ свѣдѣ съ ихъ религиозными воззрѣніями: затѣмъ събродила поэма въ 4-хъ пѣсняхъ «Потерянный Рай» и, наконецъ, рядъ аргументскихъ диалоговъ, въ стилѣ старинныхъ французскихъ фавлю, подъ общимъ заглавіемъ: «Les galanteries de la Bible, проповѣдь въ стихахъ». Всѣ эти произведенія, по своему содержанию, болѣе или менѣе примыкаютъ къ «Войнѣ боговъ», отчасти даже повторяя, на новый ладъ, нѣкоторые ея мотивы. Они были собраны и изданы въ 1805 г. въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: «Укратенный портфель».

Почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ «Войны боговъ» открылось свободное кресло въ Академіи, да отбѣдомъ изъ Франціи Лелана, окончательно рѣшившаго эмигрировать. Парни былъ выставленъ въ числѣ кандидатовъ; но слишкомъ широкое изображеніе, предложенное имъ въ знаменитой поэмѣ, паукало избирателей, которые предпочли ему другаго кандидата Лелана. Только три года спустя, въ 1803 г., Парни былъ избранъ въ члены Французской Академіи, на мѣсто умершаго Девана. Официальнымъ его пріемъ въ Академію состоялся 28 декабря 1803 г. Въ своей рѣчи, посвященной, по установленному

порядку, похвалѣ предшественника, поэтъ, между прочимъ, распространился о задачѣхъ и цѣляхъ лирики вообще и эстетической поэзіи въ частности. На эту рѣчь отбѣчалъ академикъ Гара, на долю котораго выпала задача, въ ту пору уже не легкая: хвалить автора «Войны боговъ» передъ публикой, вкусомъ которой успѣли уже существенно избѣдиться; теперь прежнее легкомысленное отношеніе къ религиознымъ вопросамъ считалось уже признакомъ дурного тона, и всѣ восторгались «Духомъ христіанства» Шатобриана. Гара, однако, сумѣлъ удачно пробраться между Сциллою и Харибдой противоположныхъ настроеній, обрушившись въ шалкой филиппикѣ противъ фанатизма, который пренятствуетъ установленію мирныхъ отношеній между разномыслящими людьми... Рѣчь эта выдала въ газетахъ нѣкоторую полемику, нападки на софистическіе приемы Гара и болѣе или менѣе рѣзкіе отзывы о нечестивомъ авторѣ «Войны боговъ» и «Библейскихъ приключеній»: по литературной распри скоро печатали въ вихрѣ болѣе важныхъ событій политическихъ.

Торжественное засѣданіе Академіи, посвященное приему Парни, закончилось пѣніемъ воинственнаго гимна, направленного противъ англичанъ; въ ту пору во Франціи серьезно поговаривали о возможности военной экспедиціи въ Англію. Парни отозвался на это патристическое настроеніе небольшой мучотной поэмой «Goddam!», въ которой пародировалъ борьбу Гара, да съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ и предсказывалъ, что британцы, изгнанные съ своего острова французами, удалятся въ Южный океанъ и тамъ поселятся на Разбойничьихъ островахъ... Поэма, по снѣдательству критиковъ, даже расположила къ автору, ему не удалось, а «зоналы» начали повторять, что Парни, умѣвший такъ хорошо восхвалять любовь, оказался плохимъ пѣвцомъ войны.

Парни и самъ сознавалъ, что «Эротъ» ему ближе «Агриотъ и Кадма», и въ слѣдующемъ же своемъ произведеніи вернулся къ любовной поэзіи. На этотъ разъ онъ возмнилъся модными въ то время пѣснями Оссиана, которая только что успѣли обратитъ на себя вниманіе широкаго круга французской публики благодаря стихотворнымъ подражаніямъ Бауръ-Лормана. Парни написавалъ небольшую поему «Песель и Аелета», которая сначала состояла изъ ономъ только пѣснѣ, а потому была рас-

НАРМІ.

Съ ірагюрга 1820-го г.

ширена въ четыре пьесы. Это прекрасная, пылкая картина любви въ мечтательномъ, дивномъ освѣщеніи, скорбѣ навѣянныхъ ослѣпловскими образами, чѣмъ представляющая прямое нѣмъ подражаніе.

Въ концѣ 1802 г. Парни женился на вдовѣ съ нѣсколькими дѣтьми, отказавшись, незадолго до того, отъ брака съ овдовѣвшей «Дюсоной». Въ это время ему шелъ уже 50-й годъ, и прежняя веселая эротическая муза начинала уже измѣнять поэту. Онъ какъ бы простился съ нею въ длинномъ стихотвореніи, «Les Désuëmens de Vénus», состоящемъ изъ 30-ти картинокъ, связанныхъ между собою единствомъ любовнаго сюжета. Затѣмъ, въ 1807 г., онъ издалъ большую поэмѣ въ 12-ти пьесахъ «Рыцари Розоваго Креста», которая, однако, оказалась гораздо ниже его славы. Онъ и самъ полюбилъ это и съ тѣхъ поръ уже не писалъ ничего, кромѣ небольшихъ легкихъ стихотвореній и стихотворныхъ записочекъ. Притомъ, наступающая старость давала себя чувствовать все болѣе и болѣе тяжелыми болями.

Парни умеръ 5 декабря 1814 г., на 62-мъ году жизни, не подозревая того, какъ быстро забудется потомствомъ его пѣвица преминшее имя. Несмотря на тревожныя политическія обстоятельства, жертвою которыхъ была въ ту пору Франція, смерть поэта обратила на себя общее вниманіе, и его проводили въ могилу съ возгласными и искренними похвалами. Незадолго переть имъ умеръ Делиль, котораго современники прозвали «сabbatomъ Виргиліемъ»; по поводу смерти Парни, который самъ себя называлъ «младшимъ братомъ Тибулла», было замѣчено, что и въ тревности Тибуллъ лишь немного пережилъ Виргилія. Бераже, въ ту пору только что начинавшій свою литературную дѣятельность, написалъ на смерть Парни почувствованное стихотвореніе и дѣломъ какъ бы указалъ на то вліяніе старшаго поэта, какое, несомнѣнно, обнаруживается во многихъ эротическихъ и далекихъ отъ набожности куплетахъ популярнаго пѣсненика... Точно такъ же несомнѣннымъ представляется, по мнѣнію Сентъ-Бева, вліяніе Парни и на первые опыты эротической музы Дамартина.

II.

Значеніе Парни въ исторіи французской поэзіи опредѣляется современнымъ ему состояніемъ ея и тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, какое выдвинуто было его произведеніями въ современной критикѣ.

Парни началъ свою литературную дѣятельность въ такую эпоху, когда лирика занимала во французской литературѣ одно изъ самыхъ значительныхъ мѣстъ. Это было время расцвѣта новыхъ философскихъ, политическихъ и общественныхъ ученій, блестящими представителями которыхъ явились Вольтеръ и энциклопедисты, стояшіе во главѣ литературнаго движенія. Французскій романъ и повѣсть съ примѣсомъ сатиры, трагедія, наполненная общими мѣстами, выражавшими современныя идеи, комедія Лесажа и Бомарше — вольныя произведенія, на которыя прежде всего обращалось вниманіе читателей, искавшихъ въ нематомъ словѣ и на сценѣ отголоска тѣхъ настроеній, которыми волновалось тогдашнее общество. Что касается собственно лирической поэзіи, то она, въ сущности, повторила еще съда первой половины вѣка. Въ ней преобладали салонныя мадригалы во вкусѣ двора Людовика XIV и мольеровскихъ маркизовъ, легкие любовные стихи, посланія, пьесы «на случай» и т. п. произведенія, въ которыхъ чаще всего не было и признаковъ настоящей поэзіи, а преобладало школьное, — можно, пожалуй, даже сказать: схоластическое — сочинительство. Стиховъ и стихотворцевъ было много, но поэзи и поэтовъ не было. Въ огромномъ большинствѣ стихотворныхъ произведеній, претендующихъ на сколько-нибудь продолжительное существованіе, господствуетъ отвлеченный разсудокъ, но нѣтъ блеска страсти, ни выразительности, ни образовъ. Появленіе Парни въ такой атмосферѣ не могло не обратитъ на себя общаго вниманія; отъ его произведеній сразу послѣдо чѣмъ-то свѣжамъ, чѣмъ-то непохожимъ на обычныя стихотворческія упражненія. Вотъ какъ характеризуетъ его другъ Женевъ его литературныя дѣбюты:

«Умнчаніе и искусственность замѣнили собою искреннее чувство; особый провинциальный жаргонъ и неприличное пересмѣхание, гримасничанье, вошли въ обычай; будничная Аволлоня, съ осанкой свѣтскаго кавалера, обращалась къ красавицамъ въ изысканно любезномъ стилѣ и, пренебрегши гордости отъ олимпіады, возматас-

мало имь рати нашу актриску заражать Геддионъ закулискими ароматами. И всё, наперевыть оный переть другимъ, стараюсь слѣдовать атому будто бы хорошему тону: каждый писатель словно боится быть пошлымъ сразу: наши рюмаши соперничали другъ съ другомъ въ загадочныхъ словоизвитіяхъ, а наши Сафо приходили въ восторгъ отъ героидовъ, между тѣмъ какъ журналы то и дѣло приговаривали: «вогь истинно придворный тонъ!» И вогь, явился ты — и заговорилъ языкомъ настоящей любви... Остроумничанья уже не стало, его царство кончилось. Кто же низложилъ его? — Природа и Парин!».

Въ этой дружеской, а потому и несколько преувеличенной характеристикѣ, безъ сомнѣній, отразился взглядъ на Паринъ его современниковъ, чутьемъ понимавшихъ, что настоящая поэзія — вовсе не тамъ, гдѣ гед до тѣхъ поръ искали. Паринъ, по сравнению съ своими предшественниками, былъ дѣйствительно поэтомъ, потому что обладалъ настоящимъ, не сочиненнымъ чувствомъ, хотя, по условіямъ своего времени, и долженъ былъ выражать это чувство въ искусственнымъ, школьных формахъ тогдашняго стихотворства. Но и въ отношеніи этихъ формъ онъ нѣрѣдко являлся новаторомъ и реформаторомъ: онъ давалъ образцы новыма, легкимъ и простымъ, стихотворнымъ размѣромъ, стремился перенять у римскихъ лириковъ извѣстную простоту выраженія и также, вдохновляясь классическими сюжетами, избѣгалъ загромождать свои стихи милоэтическими подробностями, за которыми такъ гонялись стихотворцы, желавшіе блеснуть классической эрудиціей.

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Паринъ является жизнерадостнымъ, пылкимъ юношей, переть которымъ только что открылась жизнь, полная, какъ ему кажется, восторгомъ и наслажденіемъ. Вѣрнѣй общему тону своего времени, провинціаннаго чувствительнаго, онъ ищетъ своему идеалу только въ томъ, что еи доступно, и стремится сдѣлать свои стихотворенія какъ бы кокетствомъ любви и сластоустрій, желая, чтобы они возбуждали вожеліе въ юныхъ сердцахъ и уводили мысли дѣль отъ «суроваго монастырскаго». Словомъ, въ этихъ первыхъ произведеніяхъ поэта мы видимъ переть собою только избѣгаго человека, живущаго исключительно чувствомъ и тоняющагося за удовольствіями. Но вогь ему приходится испытать каждое любовное горе: пылкая страсть не находитъ себѣ

удовлетворенія, встрѣчая непреодолимая препятствія: поэтомъ овладѣвають то бурные порывы отчаянія, то бездельное уныніе; онъ ищетъ утѣшенія и утѣшенія въ природѣ, на которую раньше почти не обращалъ вниманія; можетъ быть, среди ея вѣчной красоты и покоя, замреть несчастная страсть; можетъ быть, «сердечный сонъ» сплзодеть на измученнаго страдальца... Эти элегические переживанія настроеній переданы у Паринъ не только съ большимъ художественнымъ тактомъ, но, — что гораздо важнѣе, — съ несомнѣнными признаками искренняго чувства, которое не только не проявлял, но даже намбрено избѣгалъ поаты прежняго времени. Читая Паринъ даже и теперь, несмотря на всю устарѣлость его приемовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ основѣ его элегическихъ изліаній лежитъ вѣчто, имь самимъ пережитое и пережитошанное. Оттого-то его «Элеонора» и заставила современниковъ такъ много говорить о ней, тревожиться объ ея участи, спрашивать о ней съ тѣмъ особеннымъ любопытствомъ, съ какимъ читатели, а больше всего — читательницы относятся къ героинямъ любимыхъ романовъ. А между тѣмъ, эта «Элеонора», пынная и доступная, вовсе не представляеть мощнаго, твердо очерченнаго образа, пылаго огня и жизни: «на ея челѣ», — говоритъ Сентъ-Бевъ, — «не сіяеть звѣзда вѣчной юности». И къ самому дѣль, прошло всего несколько десятковъ лѣтъ, и при имени «Элеоноры» никому уже не вспоминалась героиня Паринъ: всё знали и помнили только одну Элеонору — героиню Гаско, пыльной образъ которой и до сихъ поръ остается незамѣнимымъ...

Такимъ образомъ, основною чертою поэди Паринъ, и въ частности его элегій, является необычная для того времени искренность, правдивость чувства. Эту черту тогдашъ подѣляли все современные поэты критики — и она-то именно и доставила ему титулъ «пернаго элегическаго поэта Франціи», «однаго изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ гибкихъ талантовъ, какими можетъ гордиться современная французская поэзія», «поэта, умѣющаго сочетать пылчивой легкой поди чувствительный тонъ съ тою пылчивою вѣжливостью выраженія, которая составляетъ неотъемлемое достоинство хорошаго общества». Все это пылчивая слова тогдашняго литературнаго суеія, гдѣсь которыхъ имѣлъ авторитетное значеніе. Дѣйствительно, послѣ дѣлаго по-

тона всевозможных «бездушек», «капризов», «фантасий», и т. п. произведений легкой эротической поэзии, которыми ниль сочинители думали приобрести безмерие, элегии Парни должны были произвести особенно благоприятное и освобождающее впечатление. Сам Вольтер приветствовал молодого поэта, называя его «Любезный друг Тыбулль»...

Всими признанный первым эстетическим поэтом не только своего времени, но и вообще французской литературы, Парни, однако, не мог остановиться исключительно на одном литературном роде. Если в своих элегиях и «Матагаскарских пьесах» он является, до известной степени, последователем Ж.-Ж. Руссо в его стремлении к «натуре», то в дальнейшей своей деятельности он обнаруживает уже качества влиятельного ученика Вольтера, стараясь примкнуть на «благ знаменитую формулу автора («Внезапности»: «Ecrasez l'infâme»). «Война боговъ», «Библейскія приключения», «Потерянный рай» и «Путешествие Селены» служат красноречивымъ выражениемъ той безархонной и насмѣливой вольности въ обращеніи съ традиціонными вѣрваніями, какая, съ легкой руки Вольтера, вошла въ обычай въ салонахъ и литературѣ «остроумцевъ» послѣдней трети XVIII столѣтія. Но времени Парни является едва ли не послѣднимъ представителемъ этой вольтеровской «вспомогательности», еще болѣе осложненной французскими вкусами Директоріи, отмѣти напоминавшими чувственный разладъ эпохи Регентства. Шумный усилье названный его произведеній было очень непродолжительно: новое время требовало уже новыхъ вѣсель, совсѣмъ въ иномъ тонѣ, и «вспомогательность», которой еще вчера тремко рукописками читатели и критики, сегодня уже стала казаться задорной и неумѣстной: наступала эпоха имперіи Наполеона I, который этого рода шутокъ не любила. Несмотря на все влѣдство, остроуміе и перѣдко истинную поэтичность эпизодовъ эту поэму, общій тонъ ниль былъ уже «не ко двору». Парни это поняла — и въ послѣдніе годы своей дѣятельности какъ то удаляется въ литературѣ.

Въ своей рѣчи при приемѣ въ Академію поэтъ подробно расстроился о задачахъ и цѣляхъ эстетической поэзии, — очевидно, желая этимъ разсужденіемъ такъ понять, что литературная заслуга, доста-

вившая ему академическое кресло, заключается только въ его элегіяхъ. Съ другой стороны, и обвинявшій на его рѣчи академикъ Гара, какъ уже указано было выше, въ свои похвалы новому союзу соотечественны на этомъ пунктѣ и постарался дипломатически обойти щекотливую тему — эстетику прочтунъ его произведеній. Сужденіе Парни объ эстетической и вообще такъ называемой «легкой» поэзии любопытны для насъ, между прочимъ, и потому, что они отчасти воспроизведены Батюшковымъ въ его известной рѣчи «О вліяніи легкой поэзии на языкъ». Парни, прежде всего указываетъ на то, что эстетическая поэзия должна сформировать повольно строгіи правила. Главнѣйшее изъ этихъ правилъ заключается въ истинности чувства и ниль выраженій. «Такъ какъ эта поэзія имѣетъ своимъ источникомъ сердце и къ сердцу обращается, то она обязана избѣгать даже и тѣни изысканности и аффектаціи. Но, стремясь устранить этотъ недостатокъ, поэты иногда впадаютъ въ другую крайность, въ слишкомъ обнаженную простоту. Поэтъ долженъ заставить забыть о себѣ, но самъ не долженъ забывать себя. Изящество стили необходимо. Но, кромѣ того, необходимо еще тонкій выборъ подробностей и образовъ, дѣлительная вольность безъ небрежности, непокрашенная колоритность и точность въ выраженіяхъ. Образы всего этого даны древними поэтами, къ которымъ приходится обращаться всякій разъ, когда мы желаемъ найти истинный вкусъ въ сочетаніи съ натуральностью». Далѣе, Парни цѣль краткія характеристики римскому лириковъ, останавливается особенно на Проперціи и Тыбулль, такъ какъ именно эти два поэта служатъ, по его мнѣнію, наиболѣе совершенными образцами эстетическаго творчества, пѣivano и страстно въ то же время. «Поэтъ, котораго природа надѣлила замѣтными подобаю же таланта, долженъ ограничиться изученіемъ этихъ ниль писателей. Конечно, сравниваться съ ними трудно, можетъ быть, даже совсѣмъ невозможно, но занимать мѣсто хотя бы и ниже ниль — все-таки почетно. Тотъ вѣдь поэтъ, которому они себя посвящали, доставляетъ удовольствіе хорошему вкусу и потрясываетъ пріятныя симпатіи. А такъ какъ этого рода произведенія доступны широкому кругу читателей, то авторы ниль могутъ приносить пользу также и въ отношеніи языка, чистота котораго съ каждымъ днемъ утрачивается...»

Поэзия Парни, в общем является практически примфромъ этихъ основныхъ его положений. Внеприсужденное изящество слога, звучность красиваго стиха, граціозность картинъ, въ обрисовкѣ которыхъ поэтъ хотя червѣко становится на очень скользящую почву, во всегда умѣять во время остановиться у извѣстнаго предѣла, замѣняя античную бездеременность свѣтской талантливости эпохи физикъ и пудрельныхъ париковъ, порою—искреннее чувство, проглядывающее сквозь дымку условной фразеологій,—вѣбъ эти положительнаго качества Парни давали ему право занять видное мѣсто среди поэтовъ современной ему эпохи, еще далекой отъ болѣе серьезныхъ и глубокихъ литературныхъ взглядовъ и задачъ. Съ появленіемъ этихъ послѣднихъ слава Парни и однородныхъ съ нимъ представителей поэзіи быстро пошла на убыль и уже въ половинѣ прошлаго столѣтія смѣнилась забвеніемъ. По это забвеніе потомства, живущаго новыми интересами, не умаляетъ историческаго значенія названныхъ поэтовъ, которые педаромъ пользовались уваженіемъ современниковъ.

III.

Въ русской лирикѣ конца XVIII и начала XIX столѣтія вліяніе Парни, и вообще такъ называемой легкой или «анакреонтической» французской поэзіи проявилось очень замѣтно. На ряду съ легкими востерлиговымъ, и въ еще гораздо болѣшей мѣрѣ, пропизвала въ нашу литературу еще екатерининскихъ временъ та сентиментальная чувствительность, которую отличалась французская поэзія предъ-революціонной эпохи, и многие изъ нашихъ поэтовъ отдавали дань этому направлению, стараясь усвоить русскому стиху, еще нежелому и неуклюжему, легкость, подвижность и шармательность французскихъ образцовъ. Въ частности, что касается собственно Парни, то въ началѣ русская его попражатели XVIII вѣка первое мѣсто принадлежатъ Ю. А. Педетинскому Мелецкому, чувствительная дѣлнн котораго воспроизводитъ тонъ и манеру «Ивнда Длеонора». Къ Педетинскому примыкаетъ Батюшковъ, поставившій себя «дѣлнн» повторить въ нашей литературѣ легкую поэсію и составившій для нея новые, оригинальные стихотворные размѣры. «Дни по дѣлнннн Губудла и Пар-

ни» являются руководителями юности-Пушкина на зарѣ его поэтическихъ вдохновеній.

Съ произведеніями Парни Пушкинъ, по всей вѣроятности, познакомился еще до поступления въ Лицей. Какъ извѣстно, въ библиотекѣ отца поэта въ изобиліи находились сочиненія французскихъ писателей, старыхъ и новыхъ; можно съ увѣренностью сказать, что здѣсь было и пяти-томное изданіе сочиненій Парни, вышедшее въ 1808 г. и наиболее полное. Въ стихотвореніи «Городокъ» Пушкинъ, перечисляя писателей, составляющихъ его воображаемую библиотеку, въ действительности же, конечно, принималъ все, читанное или хотя бы только видѣнное имъ въ отцовскомъ домѣ, между прочимъ, говорилъ:

Воспитана Амуромъ,
Верже, Парни съ Грекуроръ,
Укралась въ уловокъ,
Не разъ они выхлудать
И совъ отъ глазъ отволнать
Поль дѣлнннн вѣчерокъ.

И въ Лицѣ Парни, безъ сомнѣній, также была въ рукахъ у поэта и его юныхъ товарищей. Мы видѣли выше, что въ артистической натурѣ обоихъ поэтовъ—нашего и французскаго—было нѣчто сходное. Это сходство характеровъ, въ связи съ примфромъ «Россійскаго Парни»—Батюшкова, имѣвшаго на юности-Пушкина такое сильное вліяніе, не могло не послужить причиною предпочтенія Пушкинскимъ Парни. И действительно, въ ряду лицейскихъ стихотвореній Пушкина едва ли не первое мѣсто принадлежитъ такому произведенію, которая или представляють болѣе или менѣе «вольный» переводъ изъ Парни, или, по крайней мѣрѣ, передають общій тонъ и настроеніе поэзіи «Ивнда любви и вѣлнн». Это настроеніе слышится уже въ первой по времени ивѣнѣ 13-лѣтняго Пушкина: «О Делнн траза!» написанной, правда, не по въ непосредственнымъ вліяніемъ Парни, а въ попражатели Батюшкова, который, въ свою очередь, былъ обязанъ подобными мотивами французскому поэту. Къ какому году 1813 или 1815 ни относиться «Памвннн», онъ напоминаетъ, какъ по формѣ своей, такъ и по содержанію, стихотвореніе «Le Dépit»:

Oui, pour jamais
Chassons l'image
De la volage
Que j'adorais, etc

Въ 1814 г. Пушкинъ увлекается, между прочимъ, Оссианомъ и перелагаетъ въ стихъ отрывокъ изъ продолжительнаго перелата Кострова «Кольна». Въ то же время онъ находитъ оссиановскія мотивы и у своего любимца Парни и, во-первыхъ, беретъ, подъ заглавиемъ «Элвега», тоююмо близкій перелатъ изъ поэмы «Isnel et Aeléga», замѣняя имена дѣствующихъ лицъ: Elveige и Asgar на Элвету и Остара, а во-вторыхъ, сочиняетъ на тѣ же мотивы болѣе самостоятельное стихотвореніе «Остара». При этомъ онъ, все-таки, замѣчаетъ у Парни дѣлкомъ тѣхъ строфы, и также замѣняетъ имена Olbrowн и Rusla именами Остара и Мальвина, къ которымъ прибавляетъ еще имя Зви-вела, имѣющее какъ будто литовскій характеръ. Въ томъ же 1814 г. имъ написано, какъ «портраціе Парни», стихотвореніе «Лета», съ прямымъ дѣйствиельнѣмъ какъ основного мотива, такъ и подробныхъ подробностей разсказа.

Общій тонъ драматической поэзіи Парни, ея простота, безличность, призывъ къ антикуррейскому наслажденію радостями жизни и особенно — утѣхами любви, какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ пылкому темпераменту нашего поэта, не говоря уже о томъ, что въ своихъ литературныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ юноша-Пушкинъ слѣдовательно примѣру старинныхъ «наслаждиковъ Тибулла и Парни». Въ своемъ посланіи «Моему Аристарху» 1815 г. онъ рисуетъ привлекательный для него въ ту пору образъ поэта-гвинида, любимца музъ и грацій, претаннаго своимъ «братанцамъ, рѣзвымъ думамъ», не заботающъ о «трудюливной» поэзіи. Такими идеальными поэтами представляются Пушкину «вашъ другъ Лафаркъ, Шолье, Парни», себя же онъ считаетъ «небрежнымъ наслаждникомъ» изъ поэзіи. Образы и сравненія въ этомъ посланіи, несомнѣнно, навеяны стихотвореніемъ Парни: «Разговоръ поэта съ музою». Здѣсь муза, между прочимъ, говоритъ поэту: «Развѣ необходимо столько труда для того, чтобы воспѣвать угождельнѣ?... Для того, чтобы говорить о любви, нужна только безыскусственная рѣчь: что за бѣда, если римою идти отна да другою къ безырѣкъ, лишь бы только стихи падали огнемъ и, выходя изъ души, или прямо въ душу!» Поэтъ на это возражаетъ: «Парни въ не утвердить такого притворца. Можетъ быть, кто-нибудь и похвалитъ легкій пѣсни моей дѣлкомъ люти; можетъ быть, спешивательная красавица, которая,

въ своемъ смѣлномъ невѣршии, далека отъ строгости ученаго писателя, и скажетъ, читая мой произдешеніи, что я умѣлъ дѣлкомъ по дѣлкомъ замѣнить, что я не умѣлъ сочинитъ, стиха». Въ отвѣтъ на это муза перечисляетъ «дѣлкомъ» и «небрежныхъ» пѣвцовъ любви, которые не заботились о строгомъ соблюденіи «справиль» и о тщательной отдѣлкѣ своихъ стиховъ, но, тѣмъ же мѣне, умѣли пѣвцовъ читателей неподдѣланнымъ чувствомъ...

Въ послѣдніе два года своей дѣлкомъ жизни Пушкинъ особенно часто обращался къ стихотвореніямъ Парни. Его отношеніе къ французскому поэту было вполне свободно: Пушкинъ не былъ рожденъ копировщикомъ, точный перелатъ былъ не еротень его натурѣ; даже и въ тѣхъ рѣзкихъ случаяхъ, когда онъ прямо заталовалъ дѣлкомъ перелатить, — онъ или не выдерживалъ этого испытанія и бросалъ перелатъ въ самомъ началѣ, или постепенно все таловалъ и дальне отходилъ отъ оригинала и таловалъ рядъ самостоятельныхъ вариаций на выбранную изъ чужого поэты тему. Такъ, напримеръ, стихотвореніе 1815 г. «Къ живописцу» можно, пожалуй, назвать перелатомъ изъ Парни, но перелатомъ вовсе не близкимъ. Стихотвореніе Парни называется «Портретъ монахини» и въ талованной перелатѣ читается такъ:

«Живописецъ, пусть, образомъ тебѣ послужитъ Геба; но при этомъ смѣлкомъ каждую ея черту и придай дѣлкомъ чертамъ ту таинную претель, которой часто нето-стаетъ и самой красивой женщинѣ. Твои кисти должна сватать эти волосы, волну-ющіеся подъ покрыватомъ; покрой также простымъ полатомъ это чело, на которое слѣдовало бы возложить корону. Скрой потъ черной власнищей грудь, совершенную въ своей закрутленности; но, хотя ты и скроешь ея близину, взоръ должеъ легко ее отгадывать. На устахъ вырази чистоту, а въ очаяхъ склонность къ пѣв-ной грусти, выражающей сердечную тревову. Парисей намъ спокойную грудь, парисей чувствительные ватомъ; потъ этимъ очаровательнымъ портретомъ я пошину имѣю...

Сравните этотъ перелатъ со стихами Пушкина — и вы сразу увидите, какъ от-несся ученикъ къ своему учителю.

Эта манера Пушкина съмѣлывать только общій, руководящій мотивъ чужого поддѣлника и затѣмъ прибавлять ему своеобразную обработку всего поучительнѣ

сказалась въ «картинахъ» 1816 г. «Фаворъ и пастушка». Въ этомъ длинномъ стихотвореніи, состоящемъ изъ девяти отыгльныхъ частей, связаннымъ между собою единствомъ сюжета, собственно, нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы признать заимствованнымъ у Парни; но его общій тонъ, его колоритъ, несомнѣнно, навѣяны «Передвѣяніемъ Венеры».

Изъ раннихъ стихотвореній Пушкина 1816 г. болѣе или менѣе близкое подражаніе Парни замѣтно въ слѣдующихъ: «Къ Морфею» у Парни — «A la nuit»: «Осеннее утро» — элегія, вызванная, повидимому отъ-вздошъ изъ Царскаго Села Е. П. Бакушиной, по которой вздыхалъ Пушкинъ; здѣсь, впрочемъ, можно указать только 4 стиха Парни, нашедшіе отголосокъ у Пушкина:

Je venais oublier l'ingrate qui m'oublie,
Et ma bouche indiscrete a prononce son nom;
Je l'ai redit cent fois, et l'écho solitaire
De ma voix douloureuse a prolonge le son.
(Elegie VI).

Въ элегіяхъ: «Я думаю, что любовь погасла навсегда» и «Опять я вижу, о юные друзья!» слиты образы и некоторые выраженія изъ стихотворенія «La Rechûte»:

C'en est fait; j'ai brise mes chaînes,
Amis, je reviens dans vos bras...

.....
que dis-je, malheureux! Ah, qu'il est difficile
De feindre la gaite dans le sein des douleurs!
La bouche sourit mal, quand les yeux sont en pleurs.

Далѣе, въ числѣ стихотвореній 1816 г. находимъ двѣ элегіи, написанныя подъ несомнѣннымъ влияніемъ Парни: «Я видѣлъ смерть...» и «Любовь одна — веселье жизни младой». Первая изъ этихъ элегій, въ первоначальной, болѣе пространной редакціи, заканчивается обращеніемъ поэта къ друзьямъ:

А вы, друзья, когда шептаны слыхъ,
Глуша плача, въ болѣдномъ бореньи,
Сказку я вамъ: «О друзья, я любилъ» —
И тихи такъ умреть въ плечо жемчужнъ,
Трудя мои, тогда посты къ пенъ,
Скажите: Вѣкъ оны плочою тьмою —
И молель быть, овы участи моеи
Она вѣдохеть патьхъ уривою трювоваю.

Это обращеніе заимствовано изъ элегіи Парни: «Oui, sans regret du flambeau des tres-journaux», который оканчивается слѣдующими стихами:

Lorsque la mort, favorable a mes vœux,
De mes instans aura coupe la trame,
Lorsqu'un tombeau triste et silencieux
Rentermera ma douleur et ma flamme;
O mes amis! vous que j'aurai perdus,
Allez trouver cette beauty ciuelle,
Et dites-lui: c'en est fait, il n'est plus.
Puisse les pleurs que j'ai verses pour elle
M'être rendus!..

Вторая изъ названныхъ элегій, не заключаая въ себѣ прямыхъ заимствованій, въ общемъ, выдержана совершенно въ тонѣ и стилѣ Парни.

Среди стихотвореній 1817 г. слѣдуетъ отмѣтить «Письмо къ Лидѣ», въ которомъ первые четыре стиха довольно близко передаютъ начало стихотворенія Парни «Le Billet»:

Dès que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément
Dès que sur l'airain gémissant
Le marteau frappera douze heures..

Стихотвореніе «Добрый совѣтъ» представляетъ характерный образецъ пушкинскаго перевода: первые шесть стиховъ довольно близко передаютъ начало стихотворенія Парни «A mes amis»; но дальше у Парни слѣдуетъ:

Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle maniere. —

а у Пушкина:

Пусть развивающая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.

Парни продолжаетъ:

C'un jour il faudra nous courber
Sous la main du temps qui nous presse;
Mais jouissons dans la jeunesse
Et dérobons a la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

Пушкинъ, сохраняя два заключительные стиха, совершенно измѣняетъ первые:

Когда же юность деткимъ дымомъ
Умчегъ, несладость юныхъ дней,
Когда у старости отымемъ
Все, что отымается у ней.

Съ выходомъ изъ Лицея, можно сказать, окончился и ученичскій періодъ поэды Пушкина. Его муда въ эту пору является уже вполнѣ самостоятельнымъ, и въ себѣ слышатъ все рѣже и рѣже слышатся

чужіе мотивы. Но и теперь поэтъ не забываетъ своего любимца Парни и время отъ времени внимательно его перечитываетъ, иногда находя въ его стихахъ — можетъ быть, и случайно, — тѣ или иные образы или мысли, отбывающіе собственному душевному состоянию, и несколько повторяя ихъ. Такъ, въ настоящее время нѣкъ изъ комментаторовъ Пушкина было отменно вліяніе Парни на знаменитое стихотвореніе 1819 г. «Деревня»: «Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ»... Между тѣмъ, его начальныя строки почти совпадаютъ съ первыми стихами пьесы Парни: *Ma Retraite* :

Solitude heureuse et champêtre,

Sejour du repos le plus doux,

La raison me ramène a vous;

Recevez enfin votre maître.

Je suis libre; j'échappe a ces soins fatigans,

A ces devoirs jaloux qui surchargent la vie;

Aux tyranniques lois d'un monde que j'oublie
Je ne sonnettrai plus mes goûts indépendans.

Мало этого. Въ письмѣ къ Бергю, написанномъ съ острова Бурбона въ январѣ 1775 г. Парни описываетъ природу своего рощного уголка, его прекрасную растительность, ясное небо, мягкій климатъ, — все въ вѣнныя условия, располагающія къ безмятежному житію; но эта безмятежность омрачается вѣтомъ петроновъ: «Они — люди: они несчастны: сѣдовательно, они имѣютъ права на душевное сочувствіе. Итъ, я не могу испытывать удовольствія въ такой странѣ, гдѣ взорамъ моимъ представляются лишь картины рабства, гдѣ свѣтъ розогъ и звонъ цѣпей олушаютъ меня и отдаютъ въ моемъ сердцѣ. Я вижу здѣсь только тирановъ и рабовъ — и не вижу своего ближняго. Здѣсь съ людьми обращаются какъ съ лошадьми: я не въ состояніи свыкнуться съ этимъ возмутительнымъ безобразіемъ»...

Пушкинъ, душа котораго такъ же омрачалась ужасною мыслью при видѣ «убиষ্টельнаго позора невольства» и рабства, представляемаго передъ нимъ, на лонѣ иллирической сельской природы, во всей своей полнотѣ, конечно, не могъ не знать этого письма Парни, начатаннаго въ собраніи его сочиненій 1808 г., и его мысль, совпадающая съ настроеніемъ французскаго поэта, нашла себѣ аналогичное выраженіе...

Иногда, впрочемъ, Пушкинъ не отказывался, по-прежнему, и отъ простого подражанія. Такъ, къ тому же 1819 г. относится

стихотвореніе «Платонизмъ», прямо заимствованное изъ пьесы Парни «Взглянь на Цитеру 1787 только съ дѣвственною имени «Периета» именемъ «Идеиана». Картина, изображенная въ стихотвореніи 1820 г. «Периета» также близко напоминаетъ начало картины XIII изъ «Перевѣнныя Вечеры»:

Caché dans une grotte humide,

On vient mourir le flot amer,

Myrtes, Pœil fixe sur la mer,

Éploit une Néréide.

— *«Грота въ пещерѣ, въ дѣвственной пещерѣ»*

La perle dans ses blons cheveux

En guirlandes brille et serpente.

О Парни, какъ о своемъ любимомъ поэтѣ, Пушкинъ вспоминаетъ и въ IV вѣствѣ «Русская Водница», описывая приключенія Рашира у восточныхъ дѣвъ:

Миле по сѣдамъ Парни

Милъ славить лирою небесною

И патоту въ почвой тѣмъ,

И поглаву любви пѣкою.

Въ одномъ четверостишіи 1822 г., можетъ быть, — изъ набросковъ къ «Онѣгину», поэтъ говоритъ о какомъ-то молодомъ лодкѣ, повидимому — чиновникѣхъ, котораго

Венеръ, Фебу и Омѣтѣ

Полезно посвадая тивъ,

Дозоромъ вздѣтъ по Тавриѣ

И проповѣдуютъ Парни.

Въ первоначальномъ эскизѣ первой главы «Онѣгина», характеризуя своего героя, Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ могъ «вести приятный разговоръ»

О карбонарахъ, о Парни,

Объ генералѣ Жюшнѣ.

Но самымъ крупнымъ памятникомъ вліянія Парни на нашего поэта является, безъ сомнѣнія, «Гарриада» 1822, — эта столько же трагическая, сколько и «непочтительная» поэма, для которой образцомъ послужили однородныя произведенія французскаго поэта — «Война боговъ», «Библическая приключенія» и «Потерянный Рай». Изъ этихъ поэмъ Пушкинъ заимствовалъ не только общій тонъ, но и нѣкоторую подробность своего сюжета, и даже нѣкоторыя отдаленныя выраженія, какъ, напримеръ:

Son vieux mari, tres, mauvais et peuteur,

Ne gagnant rien, vivant dans la misere

«Guère des deurs», c. IV

Въ 1824 г. Пушкинъ снова обращается къ Парни и на этотъ разъ почти переводитъ изъ «Переодѣваний Венеры» свою «Продерзинну», опуская тяжеловѣсная мифологическія детали и, наоборотъ, самостоятельно распространяя описание сладострастныхъ восторговъ адекой богини. Okоло того же времени, въ III-й главѣ «Онѣгина», поэтъ снова вспомнилъ о своемъ любимцѣ по поводу письма Татьяны. Онъ писалъ:

Друзья, вѣду ли въ ваши дни
Черо, достойное Парни?

Но потомъ зачеркнулъ эти стихи и съ грустью замѣнилъ ихъ другими:

Я знаю пѣвчато Парни
Черо не въ мѣстѣ въ ваши дни! строфа XXXI.

Въ удивленіи своего Михайловскаго Пушкинъ не разъ обращался къ «сѣбному» поэту и желалъ имѣть подъ рукою новое изданіе его сочиненій. «Что же ты обѣщала прислать мнѣ Парни?» напоминаетъ онъ брату въ письмѣ отъ 12 марта 1825 г. Всѣ другіе «санакреонтики» французской поэзіи XVIII вѣка, — вѣдь эти Шолье, Вержье, Грекуръ и др., которые такъ часто упоминаются въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, теперь совсѣмъ изданы изъ его памяти и не оставили слѣда въ его перепискѣ: одному Парни онъ оставался вѣренъ и въ зрѣлые годы своей жизни.

Вліяніе Парни на нашего поэта можно прослѣдить до 1827 года: идея написаннаго въ томъ году пѣснечнаго мюзикала «Князьъ Лопанской» «Тя богуматеръ, пѣнь сощивля» заимствована изъ стихотворенія Парни: Dieu vous bénisse

Quand je vous dis: Dieu vous bénisse,
Je n'entends pas le Créateur

Et c'est moi le Dieu d'humanité

Ma n'entends ce Dieu du bel âge,
Qui vous voit set il à Paris,

Кстати, объ этомъ же самомъ божествѣ Пушкинъ тутъ же говоритъ:

Онъ—богъ Парни, Гобульа Мура.

Мы струнировали въ настоящемъ очеркѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, фактическія данныя, указывающія на степень зависимости Пушкина отъ Парни. Какъ видно изъ этихъ фактовъ, вліяніе французскаго поэта на нашего было особенно продолжительно и сильно: ни одинъ изъ иностранныхъ поэтовъ, даже гораздо болѣе крупныхъ по своему литературному значенію, не овладевалъ въ такой мѣрѣ вниманіемъ Пушкина и не внушалъ ему столько намбрениннхъ или невольныхъ подражаній. Объясненія этому, думается намъ, слѣдуетъ искать, какъ уже и замѣчено было выше, въ тойкой рожденности характеровъ обоихъ поэтовъ, а также, конечно, и въ томъ обстоятельствѣ, что Парни дѣйствительно былъ наиболѣе даровитымъ представителемъ той легкой поэзіи, на которой, можно сказать, воспитался Пушкинъ. Недаромъ Парни такъ ярко отразился въ поэзіи Батюшкова, который надолго остался для Пушкина высокимъ образцомъ. Въ пору борьбы классицизма и романтизма во Франціи симпатіи Пушкина, все-таки, склонились въ сторону «классиковъ», которымъ онъ обязанъ былъ первыми литературными уроками, и, высоко цѣняя Парни, въ то же время удержался въ «свѣдой безвѣстности» Ламартина, которого исторія французской литературы поставила на возвышеннѣйшій пьедесталъ, позабывъ объ его предшественникѣ. Пушкина привлекала въ Парни его живость, легкость и совершенство стихотворной формы, изящная откровенность эротическихъ картинъ, не цереманиющая извѣстнаго предѣловъ, — и, конечно, то «свѣдѣріанство», которымъ нашъ поэтъ самъ былъ въ сильной степени проникнутъ. Всѣ эти качества французскаго писателя поддерживали въ Пушкинѣ расположеніе къ нему, не ослабвавшее съ годами. Онъ любилъ Парни.

Какъ прошлой вѣности грѣхи.

Какъ Богдановича стихи.—

и эта любовь положила неслыханный отпечатокъ на его поэдію.

П. Морозовъ.

122. В. Л. ПУШКИНУ.

Тобѣ, о Истори Армааса.

Письмо поэта къ В. Л. Пушкину было напечатано впервые въ «Слѣдъ Отечества» 1821 г. (т. 68) № 11, стр. 178, съ подписью: «А. Пушкинъ». Затѣмъ въ послѣднемъ изданіи (т. IX, стр. 373) появился только одинъ отрывокъ въ пять стиховъ: «Я не совсѣмъ еще разудокъ потерялъ»... подъ заглавіемъ: «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ». Слова появилось оно въ изданіи Н. В. Анненкова (т. II, стр. 126—128).

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо дяди, отъ 17 апрѣля 1816 г., къ которому арзамасскій староста величалъ своего племянника: «Ты братъ мѣб по Аполлону», В. П. Саитовъ («Сочиненія В. Л. Пушкина», Сиб., 1895 г., стр. XX) находить, что молодой поэтъ назвалъ Василія Львовича своимъ «дядей на Парнасъ» проиически. Въ посланіи Пушкина есть несомнѣнное превеличеніе, но проиія вовсе не видно. Внѣшдствіи Пушкинъ часто подѣмывался надъ своимъ удаковатымъ дядей, но тогда онъ уже не писалъ ему посланій. Въ 1816—1817 гг. онъ былъ далеко отъ всякой проиіи, и его посланіе—инодѣйскренія, хотя, быть можетъ, превеличенная въ выраженіяхъ, данъ уваженія къ арзамасскому Истору. Подраженіе съ новымъ годомъ и оправданіе своей медленности «девятимѣсячной беременностью пера двинибѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ» указываютъ приблизительно время, когда письмо было написано: январь 1817 г. В. П. Саитовъ въ академическомъ изданіи переписки Пушкина, т. I, стр. 5, помѣстилъ письмо еще болѣе точно, отвѣсы его къ первой половинѣ января: «Опасный дзи пидовокъ сосѣдъ» намекъ на двинибѣйшаго «Опаснаго сосѣда» Василія Львовича. «Нусгашинкомъ-риномолетомъ» Пушкинъ называетъ себя изъ-за своего лицевскаго «удиниія», которымъ молодой поэтъ любилъ шутка въ своемъ роуѣ покетинивать. «Издаблениа», которымъ Пушкинъ напоминаетъ о себѣ,— конечно, арзамасца. Вскоръ, обращая къ Жуковскому съ своимъ двинибѣйшымъ посланіемъ: «Благослови, поэтъ!» Пушкинъ напоминаетъ о себѣ арзамасцамъ и прилагать ихъ, какъ «парнасскаго жрецовъ», подѣлать и порадить «сѣвнннхъ риторовъ бедрамотный соборъ» предъ шавтѣлей этого собора» («Одолоа» Шницкова и «Шутокъ этого» Шаховскаго) — називъ поэтъ много-

томъ дѣлываетъ въ письмѣ. По двукратному свидѣтельству Н. В. Анненкова «Материалы для биографіи П.», Сиб., 1873 г., стр. 45; «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху», Сиб., 1874 г., стр. 108, подѣрѣвленному косвеннымъ показаніемъ самого Пушкина (въ письмѣ къ Ваземскому 27 марта 1816 г.), молодой поэтъ былъ принятъ въ члены Армааса дично, еще на лицевскаго скамбѣ; вступилъ онъ въ общество лишь по выходѣ изъ лицевъ (см. дальне статью объ Армаасѣ).

«Вотъ» — арзамасская кличка Василія Пушкина.

«Ноль Андревичъ» — князь Петръ Андревичъ Ваземскій, арзамасскій «Асмодей». (О Нолѣ см. статью З. В. на стр. 262—264).

Н. Лернеръ.

123. ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Это стихотвореніе безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній лицевскаго періода. Подобно пьесѣ «Инципидо», оно навѣвно античнымъ міромъ, но по живости и яркости изображенія далеко оставляетъ за собою картину римской жизни времени имперіи. Вѣсѣтъ съ этимъ Пушкинъ проявилъ замѣчательное знаніе деталей Вакхова культа. Въ общемъ, нельзя не согласиться съ П. А. Ефремовымъ, который признаетъ это произведеніе «предлѣтѣйшимъ». По свидѣтельству Анненкова («Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 188), и самъ поэтъ привилъ свое стихотвореніе, даже въ послѣдніе годы своего поиріа, и помѣстилъ его въ изданіе 1826 г., куда изъ лицевскаго эпохи вошло только ибѣсково пьесѣ. Содержаніемъ пьесы служитъ изображение побѣднаго возвращенія Вакха изъ его похода въ Индїю. Сюжетъ этотъ весьма часто трактовался не только въ античной литературѣ, но и въ искусствѣ (въ вазовой живописи и особенно на саркофагахъ, ср. многочисленные прилѣры, собранные акад. Стефани въ Отчетѣ Император. археолог. комм. за 1867 г.). Каковъ изъ этихъ многочисленныхъ памятниковъ вдохновилъ Пушкина, сказать трудно. Л. П. Майковъ высказалъ предположеніе, что первое диаконство съ сюжетомъ стихотворенія поэтъ моль почерпнуть на урокахъ своего лицевскаго учителя, П. О. Кошачскаго. Справедливость этого дѣмбачія можно легко подтвердить тѣмъ, что въ руководителю классическимъ предметамъ, Шенбургъ, которымъ пользо-

122. В. А. ПУШКИНУ

Тебѣ, о Несторъ Армава,
 Въ бѣлухъ воспитанныи Поэтъ,
 Опасней для пивцовъ собѣдъ
 На страшной масотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный Воль!
 Тебѣ, мой другъ, въ повѣи съи
 Веселыя пружино желанье,
 И слабый сердца переводъ —
 Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня
 братомъ; но я не осмѣился назвать васъ
 этимъ именемъ, слишкомъ для меня лест-
 нымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
 Отъ ризомъ Бахчискаихъ шатаюсь на Пе-
 тарѣ:

И знаю самъ себя хоть радъ, хоть не радъ...
 Пить, пить, вы мнѣ совсѣмъ не брать:
 Вы для мой и на Парнасъ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ людей-
 Поэтовъ здѣшняго міра—можно ли мнѣ
 надѣяться, что вы простите девятибелую
 беременность пера дѣвизнѣшаго изъ Поэ-
 товъ-племянниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ вами:
 Совсѣмъ не правъ пустыницкѣ-римонлетъ:
 Онь въ дѣлности сравнителя лишь съ Божатами:
 Онь виноватъ и прозой и стихами:
 Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ
 только на рода писемъ: общаго дѣла

и дѣлится дѣлится первый, въ началѣ
 готовою переписки, а подлѣшій при по-
 слѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же при-
 мѣнныя я, что и если они состоятъ для
 духа посланій: это, мнѣ кажется, непро-
 стительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми дѣлами свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать,
 И съ глѣбной Музой Юенала
 Слухаго варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить бѣднаго Ослова
 Священнымъ Феба дѣломъ,
 И любъ угрюмой Шуговскова
 Клеймить единственными стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, обдѣлать и писать—
 Скажите искренно—уже ли
 Вы не умѣете прощати?

Напоминаю о себѣ моимъ забывшимъ;
 не имѣю больше времени; но... надобно
 ли еще общать? Простите, вы все, ко-
 торыхъ любить мое сердце, и которые
 любите еще мнѣ...

Шолье Андреевичъ конечно
 Меня забылъ давнымъ давно,
 Но я его люблю сердечно,
 За то, что любить онь бездечно
 И пить, и пить свое вино,
 И пать всемірными глазами
 Своими рѣзвыми стихами
 Сметаетъ право, презрѣнно.

А. Пушкинъ.

вался Кошанскій при своемъ преподаваніи въ Лидеѣ, и которое онъ впоследствии перевелъ въ главѣ о Вакхѣ¹⁾, можно найти вразумъ всѣ данныя, составившія содержаніе стихотворенія Пушкина. Если же принять во вниманіе любовь Кошанскаго къ классической археологіи (см. выше статью о немъ), то ничего удивительнаго не составитъ предположеніе, что онъ могъ показывать своимъ ученикамъ и античная изображенія вакхическихъ мѣстѣй по изданію Монфокова, на которое ссылается Эшенбургъ.

Не столь удачно, повидимому, второе предположеніе Майкова, что пьеса Пушкина есть нечто въ родѣ диорамба, определеніе котораго вѣтъ могъ почерпнуть изъ известной книги аббата Бартедеми: Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. Что Пушкинъ зналъ, что такое диорамбъ, доказывать нечего, такъ какъ въ академическомъ изданіи, на стр. 265, приведенъ «Диорамбъ», написанный товарищемъ поэта, В. К. Кюхельбекеромъ. Выбѣтъ съ тѣмъ, это стихотвореніе, равно какъ и самое определеніе диорамба, данное Бартедеми и приведенное въ переводѣ у Л. Н. Майкова, ясно показывать, что пьеса Пушкина не могла вполнѣ подходить подъ это же родъ поэзіи, потому что въ ней окончательная часть значительно преобладаетъ надъ лирической, тогда какъ въ диорамбѣ распространеніе этихъ частей должно быть какъ разъ обратное. Напоминаніе диорамбъ можетъ только нечто въ родѣ весьма неравноумѣрнаго строфическаго дѣленія стихотворенія, происходящее отъ повторенія стиховъ 14—17, 73—77 и 82—85. Вообще, вниманіе книги Бартедеми на данное стихотвореніе Пушкина не можетъ быть доказано, такъ какъ изображаемая французскимъ писателемъ вакхическія сцена очень кратка и близка къ сравненію съ настоящей пьесой²⁾. Поэтому при рѣшеніи вопроса о ближайшемъ источникѣ стихотворенія думается, склониться къ дру-

тому мнѣнію Л. Н. Майкова, а именно, что пьеса написана читаемыми Пушкинымъ, конечно въ переводѣхъ, древними авторами. Майковъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи удачное сопоставленіе стиховъ поэта съ однимъ мѣстомъ изъ Овидіева «Неккуства любви» (кн. I, ст. 544) слѣд.: позволяя себѣ прибавить еще одну параллель изъ 64-го стихотворенія Кагулла, гдѣ изображается неистовство вакханокъ, переданное и Пушкинымъ весьма вѣстично:

Въ задухи про онѣ опьяненной душой бу-
шевали.

Мчался пѣль рон, двоя' двоя' головами качая,
Цирями тѣ изъ нихъ съ ушатымъ концомъ
потресали.

Тѣ на ключа герлани быка и мномъ броса-
лись,

Тѣ, изъ дѣви свивая жгуты, пѣтвали на
полевъ.

Тѣ потаснныя оріи въ полахъ кончатхъ
справляли,—

Оріи гѣ, что напроцо желали бы слышать
профана,—

Тѣ, подымая высоко дщи, въ тимпанъ уа-
рыли.

Тѣ плавкали яростныя вопъ изъ мѣди округ-
лой.

Многоя же шко тремшиимъ стеномъ рога на-
поввали.

Страннымъ наивомъ шизкала межъ тѣмъ
фрѣнциска дучка³⁾.

Этотъ текстъ Кагулла вдохновилъ Тициана для его картины «Вакхъ и Ариадна», хранящейся нынѣ въ Лондонѣ⁴⁾. Для самого же Кагулла оригиналомъ могла послужить трагедія Еврипида «Вакханки».

Ст. 10. Нидія героиня. Многъ о походѣ Вакха на Нидію съ цѣлью повторить тамъ свой культъ, развитыя въ связи съ походами Александра Македонскаго, котораго не только сравнивали съ этимъ богомъ, но даже въ некоторыхъ мѣстностяхъ такъ нарывъ Аишакъ почтили подъ именемъ Вакхидиона. Такъ древніиъ авторамъ нидійскій походъ Вакха наиболее подробно раска-

1) Ручная книга Гревшия классической словесности, содержащая: I. Археологія, II. Обзоръ не классическихъ авторовъ, III. Музолюгія, IV. У. Греческія Греческія и Римскія, собранная Эшенбургомъ, умноженная Крамеромъ и томографизмъ П. Кошанскимъ. Томъ второй Спб. 1817, стр. 34—37.

2) Отыраженіемъ замѣчанія о сходствѣ стихотворенія Пушкина и въ несомнѣнно изданіи Пушкину съ выше книжѣ Гюи т. I стр. 168, 170.

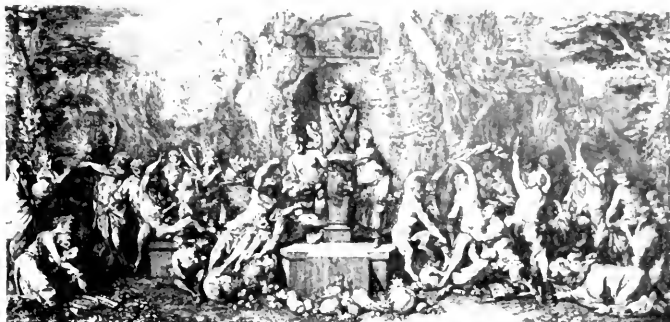
3) Переводъ г. Николаева кн. въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, кн. 12.

4) Woltmann, Geschichte der Malerei, т. 2, стр. 754.

ТОРЖЕСТВО БАКХА.

Рисована Язена (Charles-Dominique Joseph Eisen, 1720—1778).

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ ВАКХА, рис. Жило.

Fête de Bacchos, par Delol

123. ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, пестровые клики?
Кого, куда зовуть и бубны и тимпаны?

Что значать радостные лики
И вбеси поселая?

Въ пль кругъ свѣтлая свобода
Пріѣда праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онь приближается... Вотъ онь, вотъ свѣль-
ный богъ!

Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онь, вотъ Индіи герой!
О радость! Полная тобой
Дрожать, готовы грянуть струны
Нелицембрюной агадой.
Эванъ, эвоэ! Дайте чаши,
Несите свѣжіе вѣщи!

Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Вотъ онь, вотъ Вахуъ! О часъ отравный!

Державный тирсъ въ его рукахъ:

Вѣнецъ желтѣть виноградинъ
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...

Течеть. Его младые тигры

Съ покорной яростью вкасутъ

Кругомъ летящъ эроты, пѣры.

И гимны въ честь ему поютъ.

За нимъ тѣшатся козлоноги

И фавновъ и сатировъ рой.

Плюдомъ опутаны пль рои:

Бѣгутъ смятенною толпой

Вослѣдъ за быстрой колесницей:

Кто съ тростниковою цѣпницей.

Кто съ вѣрною кружкой своей:

Тотъ оступившись упадетъ.

И бархатная коверъ полей

Виномъ багровымъ обливаешь

При ликомъ хохотъ трузей.

Тамъ калѣ вижу дивный хотъ:

Звучать веселые тимпаны:

Младая нимфа и сиванова,

Составя шумный хорободъ,

Несутъ недвижнато Силена...

Вино струится, брызжетъ пѣна,

И роды сыплются кругомъ:

Несутъ за спищимъ старикомъ

И тирсъ, сумводъ побѣды мирной.

И кубокъ тѣжко-золотой,

Вѣнчаный кришквою сапфирной.

По трокъ Вахуа дорогой.

Но воешь береть отдаленный.

Класть раскинукъ по плечамъ,

Вѣнчаная гроздьемъ, оближенна.

Бѣгутъ Ваханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружакъ межъ пль пер-
стами,

Гремятъ и вторятъ пль ужаснымъ голо-
самъ.

Промчавшея, летящъ свиваются руками,

Волшебной пледкою томятъ дѣла:

И младость пылкая толпами

Стекаетъ вкружъ.

Ночью пестровые тѣны:

Пль сладострастные шавио

Въ сердца влизаютъ жаръ любви.

Пль перси пышатъ докѣльбисметъ:

Пль очи, подпая будумъ громъ и голѣшесметъ.

даль у греческаго писателя 4-го вѣка по Р. Хр. Поппа Панаполитанскаго въ Египтѣ въ его поэмѣ Дионизіада, въ 48 пѣсняхъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что, по изысканіямъ повѣстнаго многодогата, Индія и была именно родиной культа Вакуа, и самъ богъ имѣеть много сходства съ божествомъ Сома, упоминаемымъ въ Ведическую книгу.

Ст. 14. Эванъ, эвоа! Вакуическія восклицанія, истинное значеніе которыхъ неизвѣстно. Любопытно, что эти восклицанія были въ ходу у насъ, въ Россіи, на радвинныхъ хмелотвѣхъ.

Ст. 16. Тирсъ. Непрѣлбнный атрибутъ вакхическаго культа, столь часто упоминаемый въ лирическихъ стихотвореніяхъ. Пушкина тирсъ представляеть собою палку, на верхнемъ концѣ которой находилось изображеніе сосновой иници, а также плода, или виноградной лозы. Сосновый иници изображался потому, что ивъ опускали въ вино для предохраненія его отъ порчи. Такъ какъ снѣтки Вакуа не приближали другого оружія, кромѣ тирса, и вестали, благодаря чудотѣвственной силѣ бога, отерживали побѣду, то въ ст. 45-мъ тирсъ названъ «символомъ побѣды мирной».

Ст. 22. Младые тигры. Вакуа изображался влущимъ на колеснигѣ, запряженной парой тигровъ, въ знакъ того, что богъ ива своею силой можетъ покорить и приручить наиболее неодолимое и дикое изъ животныхъ. Соответственно вѣсто юному богу, и тигры для его колесницы выбирали молодые.

Ст. 28. Илдошемъ окутаны иль роги. По мнѣнію древнихъ, илдошь потому была посвящена Вакуу, что вѣнокъ изъ этого растенія, который обыкновенно подлагали на себя пирующіе, своею свѣжестью прогоняеть охмеленіе и пренятствуетъ оупиванію мозга.

А. Малевинъ.

124. СНОВИДЦЫНО.

Это стихотвореніе не сохранилось въ рукописи, но имѣется въ копіи въ Матюшкнскомъ, Лидевскомъ, Сборникѣ (см. въ концѣ тома). Оно появилось впервые въ помертвомъ изданіи г. IV.

Обстоятельства влнчлененія оригинала пьесы, которая представляеть переводъ изъ Вольтера, разсказываетъ O. de Heidenstam («Une soeur du grand Frederic Louise-Ulrique reine de Suede». Paris. 1897, pp. 15

17): «Въ августѣ мѣсяцѣ 1743 г. Вольтерь прибылъ къ Берлинскому двору. Онъ жилъ здѣсь до октября. Преданный Фридриху, онъ не допускалъ случая ухаживать за королевой-матерью и за обшнимъ принцессами. Особенно восмѣщался онъ Луизой-Ульрикой, прославляя ея умъ и красоту въ стихахъ въ прекрасныхъ качества. Чтобы привлечь ея вниманіе къ себѣ, онъ говорилъ ей то о своемъ преклоненіи передъ философскимъ умомъ короля, то о своей дружбѣ съ сестрой ея, маркграфиней Байрейтской, для которой онъ былъ всегда «братомъ Вольтеромъ». Кончилось тѣмъ, что онъ выразилъ ей свои пламеннѣйшія чувства—подъ маской мистическаго метафора и поэтическую вольностей. Убавая, онъ обратился къ ней на прощанье со слѣдующими стихами:

A madame la princesse Ulrique de
Prusse.

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge;
Cette nuit, dans l'erreur d'un songe,
Au rang des rois j'étais monté.

Je vous aimais, princesse, et j'osais vous le dire!
Les dieux à mon réveil ne m'ont pas tout ôté.
Je n'ai perdu que mon empire.

Принцесса была очень затруднена отвѣтомъ. Какъ писать поэту презрѣнной прозой? А стихомъ она не владела. Да и какъ отвѣчать на такое пламенное признаніе, сохраняя достоинство принцессы крови и двинчій стыда? Она посоветовалась съ королемъ Фридрихомъ, который и продиктовалъ ей слѣдующій отвѣтъ:

«Я вѣрно удовольствіе писать вамъ, Милостивый Государь, чтобъ сообщить вамъ одно изъ самыхъ страшныхъ приключеній моей жизни. Я не могла избѣжать этого разсказа, такъ какъ вы сами подали мнѣ поводъ къ нему. Оставшись вединѣ сама съ собою, въ тотъ часъ, когда Морфей съелъ мака, и наслаждалась спокойнымъ и сладкимъ сномъ. Прекрасный сонъ овладѣлъ мною. Передо мною преталъ сладостный и изыщный Аполлонъ, съ величавой осанкой, въ сопровожденіи девяти сестеръ. «Я узнала, юная смертная, произнесъ онъ, что ты получила стихи отъ моего любимца. Вѣсь твой отвѣтъ, слабый проза. Твое невѣдѣніе твоей глупы, но дѣло боговъ влнчнть тебя. Слушай, что я прошкую тебѣ!» Я повиновалась и написала слѣдующее:

Сказали: счастье дони!
 Нхъ вдохновенный пижкель
 Сперва изображаютъ намъ
 Стыдливость милого смятенна,
 Желанье робкое, а тамъ
 Восторгъ и дерзость наслажденна.
 Но вотъ разсыпался по холмамъ и полямъ:
 Махалъ тирсами несуетя;
 Ужь издали нхъ вопли раздаются,
 И гудятъ имъ вторить по дубамъ:
 Эхъ, эхъ! Дайте чашинъ!
 Несите свѣжкіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
 Друзья, въ сей день благословенной
 Забвѣнью бросимъ суеты!
 Теки, вино, струю ивиной
 Въ честь Вакха, музъ и красота!
 Эхъ, эхъ! Дайте чашинъ!
 Несите свѣжкіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

ВАКХАНКА.

La nymphe bucheante, par M-me de Saxe.

quand vous lûtes en, Voltaire,
Berlin, de l' Arsenal de Mars,
Devint le temple des beaux-arts:

Enfin l'illusion, une douce chimère,
Me fit passer, chez vous, pour la reine de Cythère,
Je sais assez de nous la différence extrême:
O vous, mon tendre ami, qui vous rendez fameux,
Au haut de l'Helicon vous vous placez vous-même:
Mais, je dois tout à mes aïeux,
Tel est l'arrêt du sort suprême,
Le basard fait les rois, la vertu fait les dieux.

Съ этими словами я пробудилась. Съ моимъ пробужденіемъ вы потеряли ваше царство, а я — искусство стихотворенія.

Подъ именемъ, вѣдѣвъ за подлинною принцесса, Фридрихъ принцесса собственноручно:

Je ne regrette pas, dans l'erreur de ce songe,
La perte du haut rang où vous étiez monté;
Mais ce qui vous en reste, et que vous n'osez dire
S'il est vrai que jamais il ne vous soit été,
Vaut à mes yeux le plus puissant empire.

Нѣсколько времени спустя, когда Луиза-Ульрика вышла замужъ за шведскаго преслѣбнаго принца, шведскій министръ, которому было поручено собрать нѣсколько замѣчаній къ Вольтеровой исторіи Карла XII, вѣрнувшись въ Парижъ съ Вольтеромъ, «Онь совѣтѣмъ расположенъ къ Шведамъ», писалъ министръ своему правительству, онъ считаетъ насъ умными съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся подъ властью прекрасной и остроумной принцессы Ульрики. То обстоятельство, что она займетъ тронъ, дастъ знать его любить всѣхъ тѣхъ, кто занималъ этотъ тронъ до нея; онъ дошелъ даже до того, что отдаетъ справедливость Карлу XII. Онъ самъ удивлялъ меня, что набраться повернуть перебалкамъ свою исторію».

Такова исторія отношеній Вольтера къ Прусской принцессѣ и ея мадригала, который считался очень изящнымъ стихотвореніемъ. Пушкинскій переводъ, не стиснутый, и не вполнѣ удачный, Гавскій «Современникъ» 1863 г., т. XXVII, стр. 169) справедливо замѣтилъ: «Слѣдствіе см. ниже, и въ переводѣ совершенно вышущена на перелѣ стиха Вольтера, Гавскій только повторилъ мифъ не Полторацкаго, который въ своемъ «Материалѣхъ для словаря русскихъ писателей» т. I, вып. I. Переводчикъ Вольтера, М. 1858 говоритъ слѣдующее:

«Въ безмеленномъ множествѣ Мадригаловъ, извѣстныхъ во французской литературѣ, едва ли найдется хоть одинъ удачный, по своей замысловатости и прекраснымъ стихамъ, того мадригала, который сочинилъ Вольтеромъ въ 1743 году... Этотъ мадригалъ переданъ въ русскую стиху четырьмя переводчиками. Первый переводъ принадлежитъ Павлику Сумарокову (1790), второй князю Г. А. Хованскому (1793—1795), третій Ю. А. Мелединскому-Мелецкому, и четвертый А. С. Пушкину. Сравненіе этихъ четырехъ переводовъ между собою любопытно для исторіи русской литературы: по нимъ можно, нѣкоторымъ образомъ, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ русскаго языка и судить о степені дарованій четырехъ переводчиковъ». И далѣе:

«При всемъ превосходствѣ перевода Пушкина надъ прочими тремя, слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что Пушкинъ совершенно исключилъ мысль, выраженную Вольтеромъ въ первыхъ двухъ стихахъ Мадригала». Тексты до-пушкинскихъ переводовъ приведены у С. А. Полторацкаго. Вотъ они:

И Сумароковъ. Сонъ Вольтеровъ къ одной знатной Госпожѣ:
На свидѣ съ правдою мнѣнать часто ложь;
Вчера я видѣлъ сонъ, который скажетъ тожъ:
Я былъ влюбленъ въ тебя и былъ я на престолѣ,
Я смѣлъ любовь мою открыть тебѣ отголѣ;
Продумавъ же, царь мнѣ былъ я пересталъ.
А больше ничто съ мечтой не потерялъ.

Кн. Хованскій:

Не рѣко въ свидѣ семь ложь съ истинной
мнѣнать,
Въ прошлую я ночь притной видѣлъ сонъ,
Что будто на меня корону возлагаютъ,
И бывши королемъ во снѣ я смѣлъ на тронъ,
Въ то время я въ тебѣ безъ памяти влюбленъ,
И смѣлъ страсть свою любовно объявлять,
Ноутру пробудясь, я не всего лишился;
Но только лишь мой тронъ съ короною пропалъ.

Мелединскій Мелецкій:

Не рѣко правды видѣлъ самон
высаетъ смѣнень съ грубой лажю.
Претавишь въ прошлу ночь Морфею,
На тронъ я былъ влюбленъ мечгой,
Любилъ тебя тогда и смѣлъ въ томъ открытъ;
Продумавъ же, не все дрѣкъ отяго судьбой...
Престога только я лишился.

Александръ Блокъ.

124. С Н О В И Д Ы Ш Е.

Не дано, обольщенъ предестинамъ сновидищемъ,
 Въ ибнѣхъ сіюждемъ, даремъ и зрѣль себя;
 Мечталось, я любилъ тебя
 И сердце билось наслажденемъ.
 Я страсть у ночь твою въ посторугахъ
 Мечты! ах! отъ чего на счастья не протали?
 Но боги не всего теперь меня лишили:
 Я только царство потерялъ.

125. С Т А Н С Ы.

Изъ Вольтера.

Ты мнѣ ведешь пылать душою:
 Отдай же мнѣ минушки твоей,
 И мой развѣтъ соедини
 Съ моею вечернею зарею.

Мой вѣкъ невинно проходить,
 Изъ круга сѣвоховъ и Харитъ
 Ужъ Время скрывается мнѣ ведешь
 И за руку меня выводитъ—

Предъ нимъ смириться должно намъ
 Кто примѣнись не умѣетъ,
 Своимъ преимчивымъ годамъ,
 Тотъ горестъ нѣхъ одну имѣетъ.

Щастливцамъ рѣзвлымъ молодцамъ
 Оставимъ страсти заблужденія:
 Живемъ мы въ мѣрѣ два мѣновенія —
 Одно разудку отдаемъ. —

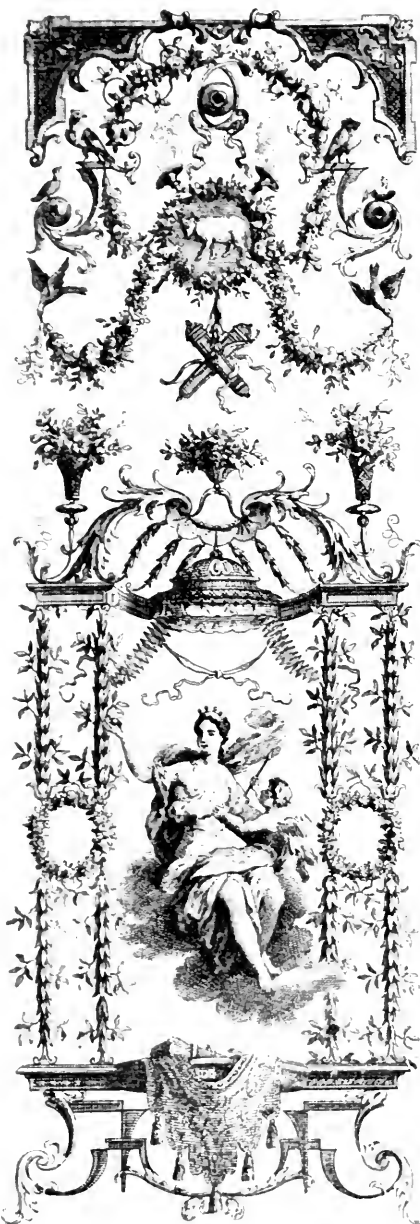
Ужель навѣкъ вы убѣжали,
 Любовь, мечтающа первую тѣнъ —
 Вы, уладивши печали
 Минутой младости моею?

Намъ должно дважды умирать:
 Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ—
 Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
 Что значить послѣ не дышать?

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
 Среди вечерней темноты,
 Такъ сожалѣть и объ утратѣ
 Обмановъ сладостной мечты.

Тогда на голосъ мой усталой
 Мнѣ дружба руку подала,
 Она любви подобна милой
 Въ одной лишь пѣвности была.

Я ей принесъ увѣнчанъ роза
 Веселыхъ вѣнчанъ тѣнъ,
 И въ слѣзъ пошелъ, но лишь я слѣзъ
 Что моль идти во слѣзъ лишь ей!

125. СТАНСЫ.

Изъ Вольтера.

Рукопись этого стихотворения принадлежит Моск. Публ. музею. Одна, писарского почерка, (въ тетради № 2395) — та, съ которой печаталось посмертное издание. Другая (въ тетради № 2364, л. 35) неизвестнаго почерка, но съ помѣтками Пушкина: «1817» и «изъ Вольтера»), и поправками, которыя не вошли въ посмертное издание (т. IX), гдѣ впервые напечатаны стихи. Всѣ поправки введены только въ издание Литературнаго фонда (т. I); онѣ незначительны и касаются, главнымъ образомъ, строфы, наиболее удавшихся Пушкину — 1-ой и 7-ой. (См. въ концѣ тома). Оригинальستانсы принадлежатъ къ наиболее известнымъ и наиболее удачнымъ стихотворениямъ Вольтера, и написаны имъ въ 1741 году маркизъ дю-Шатле. Въ ея Лотарингскомъ замкѣ Сирей Вольтеръ жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ; они дѣлили свое время между любовью и изученіемъ точныхъ наукъ, къ которымъ оба были пристрастны. Въ данномъ случаѣ представляеть интересъ то, что писалъ объ нхъ отношеніяхъ Батюшковъ въ несомѣнно-прочтенной Пушкинымъ статьѣ «Путешествіе въ замокъ Сирей» («Вѣстникъ Европы» 1816 года):

«Здѣсь (въ замкѣ) долгое время была счастливъ Вольтеръ въ объятіяхъ Музы и почетной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, искалъ онъ къ пріятелю своему Терю. — Не мудрено! Представите себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, остроумныхъ полтвовъ — такихъ напримѣръ, какъ С. Ламберъ, который умѣлъ соединить любознательность съ глубокими свѣдѣніями, философію съ людскостію, и въ кругу такихъ людей Маркиду, которая умѣла все одушевить своимъ присутствіемъ, всему давала недвѣданныю прелесть: и вы будете имѣть повѣсть о земномъ рабѣ Вольтера. Она чудно во Франціи! — говоритъ Вольтеръ. Madame du Chatelet sera comptée au rang des choses, qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'en y regrettera toujours, писалъ Вольтеръ къ Кендерлицу. Умъ необыкновенный, лице прекрасное, душа Ангела, откровенность ребенка и усерствіе глубокая: все было очаровательно въ этой волшебницѣ!... дѣвъ Маркида кончила жизнь свою, на долѣ дружества. Всѣ жители плакали о ней, какъ о вѣжкѣ, поне-

чительной матери... Вольтеръ былъ неутѣшитель...»

Вольтеру было уже 47 лѣтъ, когда онъ написалъ «Стансы», относящіяся къ той порѣ, когда его чувство стало остывать. Вотъ текстъ этихъ «Стансовъ»:

A M-me du Chatelet.

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez m' i l'âge des amours;
Au crépuscule de mes jours
Rejoignez, s'il se peut, l'aurore.
Des beaux lieux où le dieu du vin
Avec l'Amour tient son empire,
Le Temps, qui me prend par la main,
M'avertit que je me retire.
De son inflexible rigueur
Tirons au moins quelque avantage.
Qui n'a pas l'esprit de son âge
De son âge a tout le malheur.
Laissons à la belle jeunesse
Ses folâtres emportemens:
Nous ne vivons que deux momens;
Qu'il en soit un pour la sagesse.
Quoi! pour toujours vous me futez,
Tendresse, illusi'n, folie,
Dons du ciel, qui me consoliez
Des amertumes de la vie!
On meurt deux fois, je le vois bien:
Cesser d'aimer et d'être aimable,
C'est un mort insupportable;
Cesser de vivre, ce n'est rien.
Ainsi je deplorais la perte
Des erreurs de mes premiers ans;
Et mon âme, aux âux desirs ouverte,
Regrettait ses égarements.
Da ciel alors daignant descendre,
L' Amitié vint à mon secours;
Elle était peut-être aussi tendre,
Mais moins vive que les Amours.
Touché de sa beauté nouvelle,
Et de sa lumière éclairé,
Je la suivis; mais je pleurai
De ne pouvoir plus suivre qu'elle.

«Принимая въ соображеніе, — говоритъ Майковъ, нѣсколько разсу точнаи характеръ «Стансовъ», довольно трудно объяснить себѣ, почему Пушкину издумалось переписать переводъ нхъ. Можно только напомнить, что онъ съ раннихъ лѣтъ читалъ нѣкоторые пристрастїе къ формѣ стансовъ, а стансы Вольтера къ маркизѣ дю-Шатле считались образцовыми въ своемъ родѣ; кромѣ того, поводомъ къ переводу могло послужить знакомство Пушкина со статьей Батюшкова «Путешествіе въ замокъ Сирей».

126. ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

Лишь благосклонный мракъ разкинетъ
 Надъ нами тихой свой покровъ,
 И время дважды передвинетъ
 Стрѣлу медленныхъ часовъ,
 Въ счастливой тишинѣ природы,
 Когда не спитъ одна любовь;
 Тогда моей темницы вновь
 Покину я глухіе своды...
 Летущую оставшую минуту
 Мнѣ слишкомъ тягостна потера—
 Но скоро Аргусъ заснуетъ,

Замкамъ предательнымъ пофрѣ,
 И я въ обители твои...
 Но скорой поступи моеи,
 Но сладострастному молчанью
 Но сбѣжамъ, трепетнымъ рукамъ,
 Но воспаленному дыханью
 И жаркимъ, ласковымъ устамъ
 Узнай любовника— настали
 Восторги, радости мои!...
 О Лидѣ, если бѣ умирали
 Съ восторгомъ, ибѣи и любви!

127. ДОБРЫЙ СОВѢТЬ.

Давайте жить и веселиться,
 Давайте жизнь играть;
 Пусть чернь слѣпая суетится—
 Не намъ бездумной подражать.
 Пусть наша внутреняя младость
 Потонетъ въ пѣсѣ и въ вишѣ;

Пусть измѣняющая радость
 Намъ улыбнется хоть во снѣ,
 Когда же юность летимъ дымомъ
 Умчимъ веселость юныхъ дней,
 Тогда у старости отыщемъ
 Все, что отыметъ у ней.

128. ПМЯШНИЦѢ.

Умножайте шумъ и радость:
 Пойте пѣсни въ юбрыи часъ:
 Дружба, грація и младость
 Пмяшницѣ у насъ.
 Между тѣмъ дѣтя крылато,
 Васъ привѣтствуя, друзья,
 Втайнѣ думаетъ: когда-то
 Пмяшницѣ буду я?

Публ. въ рукахъ первоначальную редакцію стихотворенія (въ посмертномъ изданіи), которая, впрочемъ, мало отличается отъ подлинной, Гаевскій («Современникъ» 1863 г., т. XXVII, стр. 168—169) считалъ переводъ съ подлинникомъ и пришелъ къ заключеніямъ не особенно выгоднымъ: «первыя пять строкъ этого стихотворенія переведены удовлетворительно, остальные же четыре переданы худо и даже, въ художественномъ отношеніи, хотя Вольтеръ далеко не художникъ, гораздо ниже подлинника. Иногда трудно даже понять переводчика».

Эту неопытность Гаевскій отмѣчаетъ въ строфахъ 6-ой, 7-ой и 8-ой; о первыхъ двухъ онъ говоритъ: «Пушкинъ передалъ эти стихи произвольно, не довольно ясно и совершенно безцѣльно». О 8-ой строфѣ: «У Пушкина первые два стиха переведены не точно, хотя съ болѣею образностью; послѣдніе же два передаютъ въ растущей формѣ только половину мысли, не сохраняя характеристической черты, которую поэтъ проводитъ между дружбой и любовью».

О послѣдней, 9-ой, строфѣ Гаевскій пишетъ: «Первые два стиха, сильные, и образные, совершенно пропали у Пушкина и замѣнены двумя сладкими строчками, подобными лишь для рифмы къ двумъ послѣднимъ, очевидно, прежде нѣкѣ выдѣленнымъ изъ-подъ пера переводчика».

По поводу этихъ строкъ, но въ иныхъ замѣчаніяхъ Гаевского, Майковъ говоритъ: «можно согласиться, что переводъ Пушкина не отличается близостью къ подлиннику; но это обычная черта его перевода, которая не всегда была въ ущербъ нѣкѣ достоинству».

Александръ Блокъ.

126. ПИСЬМО КЪ ЛИДЪ.

Собственноручный рукопись Пушкина принадлежитъ Моск. Публичн. музею, тетрадь № 2364, оборотъ листа 31) на немъ помета «1817» и небольшой поправки. Стихотвореніе появилось впервые въ изданіи Анненкова (т. II, первое 13 стиховъ, т. VII, остальные 9). Въ примечаніи (т. II, стр. 184) Анненковъ говоритъ: «эти начальныя стихи стихотворенія, не бывшия въ печати, принадлежатъ къ переводу одной изъ мѣст. Парни: Billet. Dès que la nuit sur nos demeures. По первымъ

стихамъ». Это мѣсто оспариваетъ Гаевскій («Современникъ» 1863 г., т. XXVII, стр. 173): «Письмо къ Лидѣ, которое г. Анненковъ несправедливо называетъ переводомъ, есть подражаніе стихотворенію Billet, изъ котораго переведены только первые четыре стиха. У Парни читаемъ

Sur les pas du fidele Amour
Alors les Plaisirs, par centaine,
Volent chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Tendront soin d'amuser leur reine.

У Пушкина цѣль ничего подобнаго. Художественное чувство его отвергло эти сладенькія фантазіи, пастушій въ стихахъ Боголюбова и Карамзина, и вмѣсто «утѣхъ и сладостей», посылаемыхъ французскимъ поэтомъ, нашъ поэтъ предпочелъ самъ отнестись къ Лидѣ.

Майковъ находитъ показаній Анненкова и Гаевского неточными, и указываетъ, что у Парни есть два сходныхъ стихотворенія подъ однимъ заглавіемъ «Billet»:

I.

Des que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément,
Des que sur l'airain geignant
Le marteau frappera douze heures,
Sur les pas du fidele Amour
Alors les Plaisirs, par centaine,
Volent chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Tendront soin d'amuser leur reine.
Ils y resteront jusqu'au jour:
Et, si la matineuse Aurore
Oubliait d'ouvrir au Soleil
Ses larges portes de vermeil,
Le soir ils y resteront encore.

II.

Apprenez, ma belle,
Qu'à minuit sonnant,
Une main fidèle
Une main d'amant
Ira doucement,
Se glissant dans l'ombre,
Lournez vous verron
Qu'un des la nuit sombre
Sont très sur vous.
Apprenez encore
Qu'un amant abhorre
Tout voile jaloux,
Pour être plus tendre,
Soyez sans amours,
Et songez à prendre
L'habit des Amours.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧААДАЕВЪ.

Въ гусарскомъ мундирѣ.

129. КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Огнь вышней волею небесъ,
 Рожденъ въ оковахъ службы царской;
 Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Лондонѣ — Периклѣсъ,
 А зтѣсь онъ — офицеръ гусарской.

130. КЪ ПОРТРЕТУ П. П. КАВЕРИНА.

Въ немъ дунна и войны кинигъ неслданный жаръ,
 На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воетель,
 Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
 И всюду онъ гусаръ.

По мнѣнію Майкова, «Пушкинъ воспользовался мотивами изъ того и другого и на такомъ основаніи создалъ свою пѣсню». Мнѣніе это, раздѣляемое и Морозовымъ, лишено твердаго основанія; впрочемъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Пушкинъ любилъ и помышля объ приведенный шески Париз, и по нѣмъ кавѣ расшилъ свои музыкальныя строки. Объяснимъ почему то не привинесенъ русскому языку выраженіе «съ восторгомъ» первоначально—«съ блаженіемъ»—очень яркое и совершенно правильное (по аналогіи, напримѣръ, съ выраженіемъ: «съ тоскою»).

Александръ Блокъ.

127. ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Пѣснь дошла до насъ въ бѣловомъ автографѣ Пушкина, находящемся въ принадлежащей Академіи Наукъ майковской коллекціи автографовъ поэта. Списокъ этотъ—на бумагѣ съ клеемомъ 1823 г.; на другой сторонѣ листа перенесены стихи «Къ Канерину» съ поэмтой «1817»: слово «Добрый» въ заглавіи стихотворенія прибавлено другою рукою (ср. «Пушкинъ и его современ.», IV, Сиб., 1906 г., стр. 3). Пошлѣдному, этотъ автографъ—подлинная копія. 1817 годомъ пѣсню помышля П. В. Анненковъ (т. II, стр. 177), а напечатана она была впервые въ посмертномъ изданіи г. IX, стр. 152), въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній.

Анненковъ указалъ, что «Добрый совѣтъ» «весьма близкій переводъ стихотворенія Париз: «A mes amis», а В. П. Гавевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 174) нашелъ, что «съ этухъ двѣнадцати стихамъ много отдувленій отъ подлинника, который гораздо лучше перевода». Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Если не требовать отъ перевода дословной точности, которая только повредила бы стихотворенію, то пѣснь Пушкина, вопреки мнѣнію Гавевскаго, едва ли ниже по достоинству Париз, который приволимъ тутъ же для сравненія.

A M I S A M I S.

Rions, chantons, ô mes amis,
Ocupons nous à ne rien faire!
Laissons murmurer le vulgaire;
Le plaisir est toujours permis,
Que nôtre existence légère
S'évanouisse dans les yeux.

Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière.

Un jour il faudra n-us courber
Sous la main du temps qui nous presse,
Mais jouissons de la jeunesse
Et dérobons à la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

Такой же аншбурейскій «добрый совѣтъ» поэтъ давалъ «Друзьямъ» въ 1816 г.:

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златые почм...
Ищите, ищите, о друзья,
Утрайте вечеръ скоротечный...

128. П Я И Н И Ы.

Это восьмиступеніе, не сохранившееся въ рукописи, вошло въ изданіи 1826 и 1829 года. Къ 1817 году оно отнесено впервые Ефремовымъ (въ изданіи 1880 г.), «по личному указанію В. П. Гавевскаго, будто оно написано по поводу посѣщенія Энгельгартовой семьи, чего не было указано въ его статьѣ о Пушкинѣ».

«Дѣтя крылато»—очевидно кундонтъ, и который рано или поздно напомнитъ себѣ «Дружбѣ, граціи и младости».

129. КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Пашись къ портрету П. Я. Чаадаева была, по преданію, написана Пушкинымъ подъ портретомъ, изображавшимъ Чаадаева въ гусарскомъ мундирѣ, въ кудряхъ, еще не прекратившагося въ «дѣлѣ» подла, какъ называлъ его впоследствии П. М. Языковъ. Можетъ быть, это тотъ портретъ, который былъ на пушкинской выставкѣ 1899 г. и воспроизведенъ здѣсь на стр. 405. Напечатана была пашись впервые въ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, вынужденномъ въ 1861 г. Русскимъ (П. В. Гербелемъ); даймъ она появилась въ статьѣ М. П. Жихарева о Чаадаевѣ («Вѣстникъ Европы» 1871 г., № 7, стр. 197) и въ «Русе Архивѣ» 1876 г., III, стр. 209—210, а пашись съ изданія 1880 г. (т. I, стр. 193) стала печататься въ собраніяхъ произведеній Пушкина. Печатались она въ разныхъ редакціяхъ, но дофрѣ заслуживаетъ только текстъ, сообщенный Жихаревымъ, писаннымъ о Чаадаевѣ по достовѣрнымъ источникамъ. Эту редакцію воспроизводитъ и

131. КЪ Н. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости несромные стихи:
 Люблю я первый, будь увбрень,
 Твои счастливые грѣхи.
 Все чередой идетъ определенной,
 Всему пора, всему свой мигъ;
 Сдѣнешь и вѣтреный старикъ,
 Сдѣнешь и юнона степенной.
 Пока живется намъ, живи,
 Гулай въ мое воспоминанье,
 Усердствуи Вакху и любви
 И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдается, что дружно можно жить
 Съ Кюерой, съ Португомъ и съ книгой, и съ бокаломъ,
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости вѣдь детскимъ покрываломъ.

132. ВЪ АЛЬБОМЪ А. П. ЗУБОВУ.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
 Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
 Кто вспомнитъ тайны свиданья,
 Мечты, восторги прежнюю лѣтъ?...
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ свой легкой слѣдъ.

133. ДЕЛВИЦУ.

Любовью, дружествомъ и дѣвью
 Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подлѣ насъ надежной сѣнью:
 Въ удивленіи ты счастливъ; ты поэтъ.
 Наперенику боговъ не страшна буря злая:
 Надъ нимъ нѣтъ промисель высокій и святой:
 Его бокаловъ камни молодая
 И съ перстомъ на устахъ ухраняетъ его
 покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини вѣселинья
 Еще въ младенческую грудь
 Вляли искру вдохновенья
 И танный указали путь:
 Я мирнымъ звукомъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ.

И лира стала мой утѣдъ.
 Но гдѣ же вы, минуты уносныя,
 Неясный сердца жаръ,
 Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!
 Какъ дымъ исчезъ мой легкий даръ.
 Какъ рано зависти прилежъ я взоръ кровавой
 И злобной клеветы невинный кинжалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
 Ни гордой жактою похвалъ
 Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастли-
 вомъ
 Забуду милахъ музъ, мучительницы моихъ;
 Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ
 молчаливомъ,
 Выслушавъ звуку струнъ твоихъ.

настоящее издание. Ф. Ф. Вигель въ своихъ жедныхъ и столь часто клеветническихъ запискахъ, сообщая эту надпись въ неказенной редакціи («Записки Ф. Ф. Вигеля», изд. «Русс. Архива», М., 1892 г., стр. 19), передаетъ неабный слухъ, что у Чаадаева она красовалась подъ его собственнымъ портретомъ, будто бы изображавшимъ его «въ видѣ скованнаго геія».

Л. П. Майковъ (2-ое изд., изд. 1 г. «Сочиненій» П., прим., стр. 369) отмѣчаетъ сходство пушкинской надписи съ стихами П. П. Дмитриева къ портрету Карамзина: «Въ Аркадіи онъ былъ бы пастушкомъ, въ Аонахъ — Демосиономъ».

Къ 1817 г. пьеса относится приблизительно, по времени сближенія Пушкина съ Чаадаевымъ, относящемуся къ послѣдному году пребыванія поэта въ лицей (ibid., стр. 367).

130. КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Съ писарской копіи, сохранившейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ (тетрадь № 2395, л. 779), это четверостишие впервые было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 371). По времени оно относится къ 1817 г., когда Пушкинъ сближился съ Кавериннымъ. Своей структурой и расположеніемъ рисующихъ Каверина опредѣленій оно напоминаетъ надпись «Къ портрету Чаадаева».

О Каверинѣ см. примѣчаніе къ посланію «Къ П. П. Каверину». Пушкинское четверостишие приводитъ на память отзывъ о Каверинѣ Грибоблова, который, встрѣтившись съ нимъ въ 1817 г., въ ресторанѣ Наревы, писалъ С. П. Бѣлинцеву: «Онъ все такой же, любить съ друзьями и пившию подымать или, какъ онъ называетъ, грибенку заданъ». (Полн. собр. соч. А. С. Грибоблова), подъ ред. П. А. Шаникина, Сиб., 1889 г., т. I, стр. 159—160).

131. КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Существуютъ три автографа этой пьесы. Одинъ, принадлежавшій А. П. Марксову, въ альбомѣ его отца, писателя П. А. Марквича л. 201, озаглавленъ: «Къ Каверину»; другой въ собственноручной тетради Пушкина, принадлежавшей графу П. П. Кашинцу л. 10, съ тѣмъ же заглавіемъ

и помѣтой: «(1817)»; третій, такъ же озаглавленный и датированный, принадлежавшій А. А. Майкову, теперь находится въ библиотекѣ Академіи Наукъ («Пушкинъ и его современники», вып. IV, Сиб., 1906 г., стр. 3). Пять стиховъ пьесы, записанныхъ Пушкинымъ, находимъ въ его черновой тетради, хранящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, № 2364, л. 58. Была у Е. П. Якушкина копія («Библиогр. Записки» 1858 г., ст. 335). О текстѣ этой пьесы см. въ концѣ тома.

Напечатана она была въ первый разъ, въ окончательной редакціи, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г., ч. XI, стр. 4—5, подъ заглавіемъ: «Къ К. 1817» и съ подписью: *А. Пушкинъ*. Затѣмъ, подъ заглавіемъ: «К. лу», и съ подписью: *Дн.*, появляется въ первоначальной редакціи, въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сверная Звѣзда» на 1827 г., стр. 295—296, безъ разрѣшенія Пушкина, что его чрезвычайно возмутило (см. сцены «Альманашикъ» и критическія замѣтки: послѣ пьесы была помѣщена въ окончательной редакціи, въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 465).

П. П. Каверинъ, къ которому обращено это посланіе, принадлежалъ къ числу царскосельскихъ пріятелей Пушкина и къ тому кругу, въ которомъ вращался поэтъ по выходѣ изъ лицей до высылки на югъ. Петръ Павловичъ Каверинъ (род. 1794 г., † 1855 г.) слушалъ въ 1810—1811 гг. лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, одновременно съ братьями Тургеневымъ, Сер. Пв. и Писк. Пв. (будущимъ лекаристомъ). Въ 1812 г. Каверинъ служилъ въ московскомъ ополченіи, въ качествѣ офицера ольбюпольскаго гусарскаго полка, былъ въ заграничномъ походѣ 1813—1814 гг., съ 18 августа 1816 г. (К. Манзей, «Исторія лейб-гвардіи гусарскаго полка», ч. III, Сиб., 1859 г., стр. 81) перешелъ въ лейб-гусары, въ 1819 г. вернулся въ армию майоромъ въ павлоградскій гусарскій полкъ, съ 1823 г. 1828 г. былъ въ отставкѣ, потомъ снова вступилъ въ военную службу, участвовалъ въ турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 гг., въ усмиреніи польскаго мятежа и закончилъ ти на службѣ въ пензенской стражѣ. Недачительныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Каверинѣ, но все они ясно рисуютъ бурную и даровитую натуру, полную страстей и привлекательную. Въ 1814 г. имя «краснаго гусара» зналъ весь Гамбургъ, тѣмъ стояли русскія

134. ВЪ АЛБОМЪ ПЛЛНЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
 Хоть Христіанинъ православной.
 Душа безсмертна, слова пѣтъ:
 Моимъ стихамъ утѣль пераиои:
 И вѣсти Музы своеравной,
 Забавы рѣзвѣахъ, юныхъ дѣтъ.
 Погибнуть смертію забавной
 И насъ не тронеть дѣвншій свѣтъ.
 Ахъ, вѣдаеть мой добрый Геній,
 Что предпочесть бы я скорѣи
 Безсмертіе ль души моеи
 Безсмертіе ль своимъ твореніи?

Не властны мы въ судьбѣ своей:
 Но крайней мѣрѣ вѣтъ сомнѣній.
 Сей плодъ небрежной вдоховенія,
 Безъ поинеси, въ твоиу рукавъ,
 На скромнѣахъ дружества листкахъ,
 Уйдегь отъ общаго забвѣннн.
 Но пусть напрасень будетъ трудъ,
 Твоею дружбой оживленн:
 Мои стихи пускай умрутъ:
 Глазъ сердца, чувства неизмѣнны
 Надѣрно иуъ переживутъ.

135. ВЪ АЛБОМЪ П. П. ПУШИНУ.

Взглянухъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
 Неписанный когда-то мною,
 На время улетѣ въ Лидейскій уголокъ
 Весельной, сладостной мечтою.
 Ты вступии быстрыя минуты первыхъ дней,
 Неволю мирную, шестъ дѣтъ соединенья,
 Печали, радости, мечты души твоей,
 Размовки дружества и сладость примиренья,
 Что было и не будетъ вновь...
 И съ тихими тоски слезами
 Ты вступии первую любовь.
 Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
 Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенья:
 Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
 О милый, вѣченъ онъ!

*Визитка изъ сборника стихотвореній Пллчevesкoгo
 (Спб. 1827), рисованная лицевистомъ Давидеромъ, грав. Галактионовымъ.*

войска — Бесѣды въ Обществѣ любителей русской словесности при Им. Москов. университетѣ», вып. II, стр. 17). Лидейскій товарищ Пушкина С. Д. Ковомскій причисляетъ Каверина къ числу «отгаданныхъ» гусаръ, съ которыми Пушкинъ водилъ знакомство въ Царскомъ Селѣ (позднѣе замѣтитъ, что другой товарищъ поэта, М. А. Яковлевъ, къ этой характеристикѣ отнесся неодобрительно, должно быть, считая ее односторонней), и въѣздъ съ которыми поэтъ «сдобилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ» (В. Гротъ, «Пушкинъ», его лидейскіе товарищи и наставникъ», Сиб., 1899, стр. 220). М. А. Корфъ говоритъ о гусарѣ Каверинѣ (ibid., 248) какъ о любимомъ царскоевельскомъ собесѣдникѣ Пушкина и «одномъ изъ самыхъ любимыхъ повѣсь въ полку». Князь П. А. Вяземскій ставитъ, что этой «бывшій теттинскій студентъ и гусарскій офицеръ въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и скискою жактою: но быть онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ» («Полн. собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго», т. VIII, стр. 436). Объ умѣ и образованности Каверина и объ его литературныхъ и общественныхъ интересахъ свидѣлствуютъ нѣсколько его писемъ къ товарищу по навроградскому полку поэту В. Г. Телякову, котораго Каверинъ ввелъ въ члены одной масонской ложи («Русск. Стар.» 1896 г., февраль, стр. 425—430). Пушкинъ былъ, повидимому, очень расположенъ къ умному, веселому и симпатичному гусару. Поэтъ написалъ стихи «Къ портрету Каверина» (см. дн. шесу) и далъ ему мѣсто въ «Евгеніи Онегинѣ», сдѣлавъ его товарищемъ своего героя, который, отправляясь къ Талочу обѣщать (глава I, строфа XVI), былъ

увѣренъ,

Что тамъ ужъ ждеть его Каверинъ.

Онѣгинъ отражаетъ строгому деицизму своего товарища (ibid., строфа XXV):

Второй Каверинъ, мой Евгений,

Былъ решимымъ осужденъ,

Въ своемъ одежѣ былъ петлякъ

И то, что мы назвали франтъ.

Въ одномъ черновомъ наброскѣ, относящемся къ 1824 г., Пушкинъ вспоминалъ свои «приятныя дѣлѣ, какъ съ Каверинымъ гулялъ» («Русск. Старина» 1884 г., июль, 15; въ письмѣ къ П. А. Катенину, изъ

Михайловскаго, въ первой половинѣ сентября 1825 г., поэтъ вспоминалъ «старая проказы въ К.» — вѣроятно, съ Каверинымъ. Въ бумагахъ Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, тетрадь № 2364, л. 55 есть карандашный рисунокъ, изображающей кутежъ: двое мужчинъ за столомъ и полураздѣтая женщина пьетъ съ бутылками, тутъ же маленькій скелетъ въ плащѣ и со шпагой. По словамъ П. В. Анненкова («А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху», Сиб., 1874 г., стр. 65) въ одномъ изъ сидящихъ за столомъ изображенъ Каверинъ (см. этотъ рисунокъ дальше). Рисунокъ Пушкина, вѣроятно, относится къ знаменитой дуэли графа А. П. Завадовскаго съ В. В. Шереметевымъ, на которой Каверинъ былъ секундантомъ (С. П. Шубинскій, «Историческіе очерки и рассказы», 4-е изд., Сиб., 1903 г., стр. 512—516). Л. П. Павлицевъ въ своихъ анекдотическихъ «Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ» (Москва, 1890 г., стр. 193—195) рассказываетъ о встрѣчѣ Каверина съ Пушкинымъ въ концѣ января 1830 г. и тутъ приписываетъ этому умному и воспитанному человеку глупый поступокъ и глупые и пошлые стихи.

По словамъ Павлицева, Каверинъ будто бы написалъ старой дѣвѣ, пристававшей къ нему съ просьбою о стихахъ въ альбомъ, слѣдующее признаніе:

Служу я въ компаніи,

Никого не вижу.—

Только вижу дву рыбку,

И ту печавижу.

Такия же пошлости не разъ приписывались и Пушкину.

Со словъ В. П. Гаевского («Современникъ», 1863 г., № 8, стр. 393) распространено мнѣніе, что пьеса была выдана написанной будто бы Пушкинымъ «Молитвой лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», задвѣвшей въ честь другихъ и Каверина. Между тѣмъ, «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ» (см. примѣч. къ ней) принадлежить, можетъ быть, и не Пушкину и, во всякомъ случаѣ, написана не ранѣе 1818 г.: въ какиихъ стихахъ упоминается Пушкинъ передъ Каверинымъ, неизвестно. Понятно, что Каверину показывается въ юномъ Пушкинѣ человека, съ удивительной зрѣлостью умившаго въ молодые годы разобраться въ богатой и сложной натурѣ, соединившей любовь къ наукѣ и способность къ серьезному мышленію съ разгуломъ и «скискою

136. ВНЕЦЬ ЖЕЛАНИМЪ.

Отрывокъ изъ рѣчи въ Арзамасѣ .

Внецъ желаніемъ! И такъ я вижу васъ,
 О други сибирскихъ музъ, о тинный Арзамасъ!
 Гдѣ славила нашъ Тиртей кикель и Александра,
 Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра,
 . . . въ безмечномъ колпакѣ,
 Съ гремушкой, лаврами и съ розами въ рукавѣ.

137. РАЗДѢКА.

Въ послѣдній разъ, съ сѣни утешенья,
 Моимъ стихамъ винмасть нашъ печаль,
 Лицейской жизни мнѣй братъ,
 Дѣло съ тобой послѣднія мнovenья:
 Прошли дѣла соштенья:
 Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
 Прости! Хранимый небомъ,
 Не раздумайся, другъ,
 Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь патеждь, восторговъ, уноенья:
 И дни твои полетомъ сповидѣнья
 Да пролетать въ счастливой тинивъ!
 Прости! Гдѣ бы ни была я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли бретахъ родимого ручья,
 Святому братству вѣрять я,
 И пусть (услышишь ли судьба мои молитвы?),
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

жаждою». «Кноера» (въ 14-мъ стихѣ)— неправильное выраженіе вмѣсто «Кноерей», т. е. кноерская богиня, по имени острова Кноеры, посвященнаго Афродитѣ, богинѣ любви. О Кноерѣ какъ объ островѣ Пушкинъ говоритъ въ пьесѣ 1827 г.: «Есть роза дивная...»

Вотче Кноеру и Царось
Мертвить дыханіе мороза...

«Портитъ» (тоже въ 14-мъ стихѣ)— метонимія. Образъ этотъ замѣтованъ изъ античнаго быта. Это были крытыя галлерей, со сводами, устраивавшіяся въ публичныхъ мѣстахъ. Они пользовались для прогулокъ и для научныхъ собраній. Знаменитая фреска Рафаэля «Афинская школа» изображаетъ великихъ мудрецовъ Эллады подъ сводами портика. У Пушкина это слово символизируетъ мудрость.

Н. Лернеръ.

132. ВЪ АЛЬБОМѢ А. П. ЗУБОВУ.

Автографъ этой пьесы находится въ пушкинской тетради двадцатыхъ годовъ, хранящейся въ московскомъ публичномъ музеѣ (№ 2367, л. 3), съ заглавіемъ: «Въ альбомѣ» и помѣтой: «1817». Впервые она была напечатана въ «Листкахъ граціи, или собраній стихотвореній для альбомовъ», М., 1829 г., стр. 21, съ подписью автора: въ «Москвитиниѣ» 1842 г., ч. III, № 6, стр. 221, появилась подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ А. П. Зубову» и съ помѣтой: «1817, при выкусѣ изъ лица», а въ собраніи произведеній Пушкина стала включаться начиная съ изданія Н. В. Анненкова (т. II, стр. 171). Текстъ музейный, здѣсь принятый, значительно отличается отъ того текста, который появился въ «Листкахъ граціи», «Москвитиниѣ» и датъмъ перепечатывается во всѣхъ изданіяхъ, вплоть до Академическаго. См. о текстѣ въ концѣ тома. Зѣсь отмѣтимъ только, что въ первоначальной редакціи пьеса начиналась такъ:

Коль погаснутъ ми мечтаныя,
Не поведеть насъ шумная свѣтъ...

Быть можетъ, Пушкинъ потому измѣнилъ эти стихи, что они близко напоминали refrain «Прощальнаго пѣсеня» барона А. А. Дельвига, напечатаннаго въ «Славѣ Отечества» 1817 году:

Шель дѣвъ промѣчаныя, какъ мечтаныя,
Въ обидѣхъ слѣзкой гнилыя,
И ужь отечество припадше
Дремлетъ намъ, шествуйте сыны!

Алексѣй Николаевичъ Зубовъ, царско-сельскій пріятель поэта, служилъ сначала въ гусарскомъ полку Орланскаго полку, а съ 23 февраля 1817 г. въ гвардейскихъ гусарскихъ (Майзей, «Исторія лейбъ-гвардіи гусарскихъ полка», ч. III, Спб., 1859 г., стр. 87). По словамъ В. П. Гавевскаго («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 379), Зубовъ—герой пушкинской «Слезы» (1815 г.). Имя его мы встрѣчаемъ въ приписываемой Пушкину «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», гдѣ упоминается «Зубова томность», и въ одномъ черновомъ наброскѣ (1824 г.): «Сабуровъ, ты оцвететъ!...

Стихи Зубову входятъ въ цикл тѣхъ пьесъ, которыми Пушкинъ протислся съ «царскосельскими хранительными свѣями», вступаая въ новую жизнь. «Братекія свиданья, мечты, восторги прежнихъ лѣтъ» панъ поэтъ помнилъ всю жизнь—«изъ края въ край пресѣдуемъ грозой, запутанный въ свѣтахъ судьбы суровой».

133. Д Е Л Ъ В И Г У.

Стихотвореніе сохранилось въ царской копій принад. Моск. Публ. музею (тетр., № 2395) и отнесено къ 1817 году въ изданіяхъ 1826 и 1829 года. Съ музейной рукописи стихотвореніе напечатано въ по-смертномъ изданіи. Тотъ же текстъ, который самъ Пушкинъ напечаталъ въ изд. 1826 и 1829 гг. вдвое короче и радикально переработанъ: изъ 55 стиховъ первоначальной редакціи Пушкинъ сдѣлалъ 27, совершенно измѣнивъ порядокъ словъ и весь множество поправокъ (ср. въ концѣ тома). Получилось какъ бы новое стихотвореніе. Давая объ редакціи Анненковъ говоритъ по этому поводу: «представляемъ читателямъ образецъ перетѣлки лицейскихъ стихотвореній самимъ Пушкинымъ и вмѣстѣ разницу, какая существуетъ у него между первымъ выраженіемъ мысли и послѣдующемъ, общепланною формой ея. Пьеса «Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ», данная помергиваемъ изданіемъ, есть грубая очеркъ другой пьесы, слѣдующей за ней: «Любовью, дружествомъ и дѣвкою», которая уже является стихотвореніемъ вполне оконченнымъ и прекраснымъ. Все это заставляетъ насъ повторить, что пьеса, выбранная авторомъ для изданія, уже совсѣмъ не подходитъ на Лицейскія, и объ нихъ понятія не даютъ. Между прочимъ, въ обонъ посланіяхъ къ

138. ТОВАРИЩАМЪ.

Промчались тоды заточеныя:
 Недолго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровь удеишена
 И Царскосельскія поля.
 Радуга ждесть насъ у порогу,
 Зоветь насъ дальній свѣтъ шумъ,
 И вѣкъ избралъ свою дорогу
 Съ волненьемъ гордымъ, юнымъ думъ.
 Ночью, подъ киверъ спрятавъ умъ,
 Уже въ воинственномъ парадѣ
 Гусарской саблею махнулъ—
 Бѣ крещенской утреничъ прохладѣ
 Красиво мерзнуть на парадѣ,
 А трѣбъ вѣтъ въ парадѣ.
 Другой, рожденный былъ вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатаго въ прихожей

Покорнымъ плутомъ зрѣть себя:
 Лишь и судьбѣ по всемъ послушная,
 Пастбищной дѣви вѣрной сынъ,
 Все та бездельной, равнодушной,
 Я тихо затремавъ ошнѣ...
 Ранила мнѣ шпаларъ, улана,
 Ранила закона, кивера:
 Не русскъ я грубою въ капитана
 И не подду въ ассессора.
 Друга! немного стихожденья
 Оставьте мирный мнѣ колѣкъ,
 Пока его за прегрѣшенъя
 Не промѣнилъ я на шпаларъ.
 Пока *длинному* возможно,
 Не опасася грозныхъ бѣтъ,
 Еще рукой неосторожной
 Въ Юлѣ распахнуть жилетъ.

139. ГАУЗИНЪ И ЭНГЕЛЬГАРДТЪ...

Гаузинъ и Энгельгардтъ,
 Кардовъ и Кошанскій,
 И танцмейстеръ Эбергардтъ,
 И Эбергардтъ кавказскій.

Всѣ, какъ отставной солдатъ,
 Тѣхуль пѣть ухулу:
 «Господи!»
 «Господи, помилуй!»

Боже мой, оу Боже мой,
 Господи мой Боже!
 Вотъ приходитъ годъ шестой,
 И экзаменъ тоже.

Чтожъ? какой намъ аттестатъ
 Выдали насѣду?—
 «Господи!»
 «Господи, помилуй!»

Лит. Рисунокъ (подлинный) Пушкина.

Дельвигу жалобы автора на зависть и клевету уже для насъ совсѣмъ неизяснимы, да можетъ быть, и тогда не имѣли истиннаго основанія). Съ послѣднимъ замѣчаніемъ согласенъ и Майковъ, отмѣчающій раніе литературные успѣхи Пушкина. Но почтенные критики думскаго изъ виду, что всякой лирикѣ, и особенно осмпадателѣтнотной, свойственны печали и жалобы, и для нихъ не нужно искать основаній въ дѣйствительной жизни поэта».

А. Б.

134. ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ПЛЛИЧЕВСКОМУ.

Стихи Плличевскому дошли до насъ въ двухъ копіяхъ. Одна, писанная самимъ Плличевскимъ, находится въ принадлежавшемъ К. Я. Гроту лицейскомъ сборникѣ Ф. Ф. Матюшкина («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905, октябрь, стр. 248); другая— въ хранящейся въ московскомъ публичномъ музеѣ писарской копіи (№ 2395), служившей для посмертнаго изданія произведеній поэта (л. 783). Впервые они были напечатаны въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина (т. IX, стр. 393—394) безъ даты, которая появилась въ первый разъ лишь въ изданіи 1870 г. (т. I, стр. 169—170). Изъ Анисимовскаго изданія строгая цензура пятидесятымъ годовъ, несмотря даже на данное Николаемъ Павловичемъ разрѣшеніе перепечатать все, что было помѣщено въ посмертномъ изданіи («Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ», Сиб., 1906 г., стр. 221), выбросила одиннадцатый стихъ пьесы какъ «колеблющій вѣру» въ безсмертіе души.

Обращаясь къ своему бывшему литературному сопернику, а потому поклоннику (см. статью объ Плличевскомъ), Пушкинъ говоритъ о себѣ какъ о писателѣ. По поводу этихъ и подобныхъ стиховъ Пушкина Влассинскій замѣтилъ: «видно, что онъ глубоко и сильно создавалъ свое приравленіе къ поэту... Жажда славы сильно возносила эту молодую и пылкую душу и дари политическаго безсмертія казалась ей душой цѣлѣю бытія».

А. Д. ПЛЛИЧЕВСКИЙ.

Лучи славы его будутъ отсвѣчиваться
и въ его товарищахъ.

Слова А. Д. Плличевскаго о Пушкинѣ (1816 г.).

И для забавы пѣлъ и взлорнымъ
стихамъ

Не выпрошу у Славы ни листка...

Плличевскій.

Имя Плличевскаго одно изъ тѣхъ, которыя сами по себѣ никогда не привлекли бы вниманія изслѣдователя. Не было у него тѣхъ данныхъ, которыя выдвигаютъ человѣка впередъ и ставятъ на видное мѣсто. Какъ личность, Плличевскій не выделялся ничѣмъ: какъ писатель, ничѣмъ себя не прославилъ, и жизнь его была малозамѣтна. По біографіи Пушкина должна удѣлить ему извѣстное мѣсто. Какъ предвидѣлъ Плличевскій, лучи пушкинской славы отразились и на его скромной фигурѣ, но мало было бы сказать только, что онъ былъ лицейскимъ товарищемъ Пушкина. Если въ общественной жизни между Плличевскимъ и его гениальнымъ школьнымъ товарищемъ не было прежней связи, то зато на ученической скамьѣ Плличевскій былъ довольно близокъ къ Пушкину и, помимо конечно, своего желанія, благодаря своей литературной жилкѣ, сыгралъ извѣстную роль въ развитіи Пушкина.

Александръ Демьяновичъ Плличевскій, сынъ томскаго губернатора, происходилъ изъ южнорусской семьи. Въ 1811 г., 13 лѣтъ отъ роду, онъ былъ переведенъ изъ петербургской гимназіи въ только что открытій Парскоесельскій лицей. О его дѣтствѣ ничего неизвѣстно, но объ отроческомъ періодѣ его жизни сохранились довольно богатая свѣдѣнія, достаточно ясно рисующія фигуру студента лицейскихъ дней Пушкина и его товарища по литературнымъ влеченіямъ. До насъ дошли остатки лицейской рукописной литературы и весьма важная для біографіи Плличевскаго и для характеристики Лицея пушкинскихъ временъ пьеска Плличевскаго. Лицейская молодежь была проникнута серьезными литературными интересами. И если вспомнить, что рѣчь идетъ о мальчикахъ 12—15 лѣтъ, что въ тѣ времена все русское общество было далеко отъ оживленной и обязательвающей политической жизни, и только любовь къ литературѣ спасала его отъ окончательнаго оповиденія и олушій, что литературная партія

130. ПОСЛАНИЕ КЪ В. А. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ,
 Не ужь-то ибрънхалъ музъ любовникъ
 Не можетъ ибжнѣй быть ибвѣдь
 И кмѣсть гвардіи полковникъ?
 Ужели тогъ, кто иногда
 Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
 За честь не смѣеть безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ?
 И, если можно, города?
 Беллона Муза и Венера —
 Богъ, кажется, святая ибра
 Дней нашихъ всякаго ибвѣда:
 Я влюбъ на русскаго Буфера
 И на Дениса Храбрѣда,
 Но не на Галику офицера,
 Довольно плоскаго ибвѣда:
 Не нужно мнѣ его примѣра!
 Ты скажешь: перестань болтушь,
 Будь человекъ, а не драгушь!
 Парада, караулъ, ученье—
 Все это оды не вышнеть,
 А только душу изсушить,
 И къ Марину для награжденья,
 Быть можетъ, прямо да Коппъ
 Позлеть читать его творенья.
 Послушай, дядя милый мой,
 Ступай себѣ къ сѣбной Оемидъ,
 Ты съ дипломатикоу косою!
 Кровай, мой другъ, посланье къ Лидъ,
 Оставь военные грѣхи
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Ниши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи;
 И не съ гусарскаго корнета,
 Возьми примѣръ съ того поэта,
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака
 Въ свѣглахъ неизяемаго свѣта,
 И ибвѣль могучаго Мегмета,
 И мужа модные рога:
 Который, милостиво Бога,
 Министръ и сладостный ибвѣць
 Былъ строгой чести образецъ,
 Какъ образецъ онъ будеть слога...

Все такъ, почтенный дядя мой,
 Почтенъ, кто глумости людскоу
 Рѣшилъ запуганные споры
 Умѣлъ, кто мѣрости рукоу
 Передегать между собои
 Дипломатическіе иадоры
 И править нашею судьбой,
 Слѣшнеть, конечно, мирной войнѣ,
 И эпиграммы самой злоу
 Въ иадветныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ,
 Что воспитательнѣй, живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй брашнѣхъ дней
 Не слѣшкомъ мудрыхъ дѣсаней,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своиухъ шатрахъ,
 Вдали забавъ и ибвѣгъ, и грацій,
 Какъ жить безсмертнѣй трусь Гораций
 Въ Тибурскиухъ сумрачныхъ ибсахъ:
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не ибзнаютъ, что скука, страхъ;
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ,
 Счастливы, кто мнѣ и страшнѣй міру:
 О комъ за ибвѣси, да дѣла
 Гремить правдивая увала:
 Кто славилъ Марса и Темиру,
 И брашнѣхъ повѣсилъ лиру
 Межъ ибвѣрой сабли и свѣла!
 Но вы, враги трудовъ и славы,
 Итомы Феба и забавы,
 Вы, мирной праздности друзья,
 Шену вамъ паухъ вы правы,
 И съ вами соглашаюсь я,
 Богъ создалъ для себя природу,
 Свой рай и счастье глумцамъ,
 Злословіе, мужичи и моду,
 Конечно, для забавы дамъ,
 Заботы знатному пароду,
 Дурачество для ибвѣхъ: а намъ
 Меденше и свободу.

тогда боролась дружба с другом с немалым страстностью, чѣмъ въ Россіи нашихъ дней борются политическія, мы понимаемъ, что кричалось въ дѣтскомъ-лицейскомъ писателствѣ. Какъ бы ни было вѣрно прозрѣнное гениальному ребенку чувство, какъ бы неужоно ни ведала его судьба по предназначенному великому пути, нельзя отрицать влияния окружающей обстановки на самую натуру, все-таки дѣтство и еще далеко не установившюся. Въ той сферѣ, куда попалъ въ 1811 г. маленький Пушкинъ, много способствовало его развитію всеобщее увлеченіе литературою. Въ эту же литературныхъ занятій видную роль играли Пличевскій.

Серьезнымъ поэтомъ Пличевскій не былъ («не тотъ поэтъ, кто риномъ власть умѣетъ»), особенно тонкимъ умомъ не отличался, но все, что мы о немъ знаемъ, говорить объ его остроуміи, объ его критическомъ вкусѣ и объ его любви къ литературѣ. Такъ же рано, какъ и Пушкинъ, Пличевскій началъ писать стихи. Но началу они были дѣятельные и подвижные Пушкина, писалъ больше, и изъ-подъ его пера ю множество выходили лирическія пьесы, эпитафии и очень недурные карикатурные рисунки, не разъ фигурирующие въ настоящемъ изданіи. Въ числѣ участниковъ перваго лицейскаго журнала, «Вѣстника», 1811 г., встречаемъ имя Пличевскаго, который далъ пьесу «Сила времени», стихотвореніе «недурное», какъ отзывается о немъ В. П. Гавевскій ¹⁾. Въ 1812 г. Пличевскій былъ однимъ изъ издателей рукописнаго журнала «Для удовольствія и пользы»; въ 1813 г. онъ участвовалъ въ журналѣ «Юные пловцы» ²⁾. Въ «Лицейскомъ мудреѣ», начавшемся тоже въ 1813 г., Пличевскому принадлежатъ карикатуры и большая часть эпитафій. Кромѣ всѣхъ этихъ журналовъ, Пличевскій участвовалъ еще въ другомъ «изданіи», специально посвященномъ карикатурѣ: однимъ изъ его издателей былъ Пушкинъ. «Главнымъ издателемъ всѣхъ этихъ журналовъ», говоритъ В. П. Гавевскій, «былъ Пличевскій, который въ началѣ курса по легкости писать стихи превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей и считался въ нихъ круж-

къ первымъ поэтомъ. Они называли его Державинымъ, а Пушкина Дмитриевымъ и раздѣлялись на двѣ партіи, спорившія о томъ, кому изъ нихъ отдать преимущество» ³⁾. Самое раннее изъ извѣстныхъ намъ стихотвореній Пушкина носить слѣды этого соревнованія: это пьеса «Къ Делю». По словамъ очевидцевъ, сообщившихъ объ этомъ Гавевскому, Пличевскій подыалъ брошенный Пушкинымъ листокъ съ недостѣланнымъ стихотвореніемъ и закончилъ его. Подошедшему до насъ «рыцарскую балладу», подражаніе Жуковскому. Пушкинъ, по словамъ его товарищей, написалъ «состязаясь съ Пличевскимъ» ⁴⁾. Въ эпитафиямъ Пличевскій былъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ литературномъ родѣ. Только паныщенскій и молодой лицейскій профессоръ П. О. Кошанскій могъ написать: «вотъ поэзія! прекрасно!» о такихъ стихахъ Пличевскаго:

Слукалось солнце, день ужъ въ вечеру клонился; ¹ ☽
 Въ Выградѣ жителя въ одинъ толщился сонмъ;
 Глухой, на площади, печальный шумъ послышалъ,
 Молобный вечера осенія шуму волю ²⁾.

Эпитафии Пличевскаго гораздо лучше. Такъ, на товарища (вѣроятно, М. Д. Яковлева), взявшаго къ своимъ баснямъ эпитафией поговорку: «хоть худо, но свое», Пличевскій написалъ:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
 «Хоть худо, но свое»,
 И такъ хорошо, но такъ лучше вдвое:
 Что худо, то твое,
 Что хорошо,—чужое.

Несчастный баснописецъ послалъ свои басни въ журналъ, прося не открывать публикѣ имени автора; баснямъ не суждено было появиться въ печати, и Пличевскій обрушился на неудачника («Уваженная скромность»):

Нагромодивши басенъ томъ,
 Клеешь таинъ искать въ журналъ свои тетради,
 Прося изъ скромности издателя о томъ,
 Чтобы имени его не выставлялъ въ печати.
 Издатель, скромностью такою тронуть былъ:
 И имя оны, и басни скрылъ ³⁾.

1) В. П. Гавевскій, Пушкинъ въ лицей и лицейскія его стихотворенія. — Современникъ, 1863 г., нояб., 140.

2) Ibid., 144.

3) Ibid., 145.

4) Ibid., 144.

5) Ibid., 143.

6) Ibid., 142.

131. БЕЗЫМЯНЪ.

О вы, которые съ извѣстнѣйшимъ упрямомъ,
 Щилая мрачное бездѣлье порокомъ,
 Вбѣжите съ ужасомъ того, кто съ перваго дѣла,
 Безумно погасилъ отраженье сердцу свѣта:
 Смирите горести жестокой изступленье;
 Имѣть оны права на ваше стиснужденье,
 Съ душою тронутой внемлите брата стоить.
 Нещастной не злодѣй, собою страждеть оны.
 Кто въ мѣрѣ уладить души его мученья?
 Увы! оны первого лишился утѣшенья!

Пастигнеть ли его слухомъ Судебъ ударъ,
 Отъемлется ли вдругъ минутой счастья царь,
 Въ любви ли, въ дружествѣ обвинять оны измѣну
 И ихъ почувствовать обманчивую дѣву;
 Лишенный всѣхъ опоръ отпадшии вѣры сынъ
 Ужь видить съ ужасомъ, что въ свѣтѣ оны одинъ,
 И мощная рука къ нему съ тарами мира
 Не простирается изъ за предѣловъ міра...
 Напрасно въ пышности свободной красоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты;
 Напрасно вкругъ себя печальной взоръ оны водить;
 Умы ищетъ Божества а сердце не находить.

Нещастія, страстей и немощей сыны,
 Мы всѣ на страшной гробъ родись осуждены.
 Всесчасно брешунахъ изъ того разрушенья:
 Нашъ вѣкъ невѣрной дѣль, несчастное волненье;
 Когда холодной тьмой объемля грозно насъ
 Завесу вѣчности колеблетъ смертной часъ,
 Ужасно мучновать слезы послѣдней муку —
 И съ міромъ начинать бездѣльную разлукку!
 Тогда беснудъ съ разкованной душой,
 О вѣра, ты стоишь у двери гробовой,
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь,
 И ободренную съ Надеждой отпускаешь
 Но, други! пережить ужасѣе друзей!
 Лишь Вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить умившии духъ и сердца ожиданье.
 Пастанеть! говорить, назначенно свиданье!»

А оны слѣдной мудрецъ! при гробѣ стоить оны:
 Съ отратой бытія нещастной разлукку,
 Надежны сладкаго не внемлетъ оны привѣта,
 Подходить къ гробу оны, взыскать... нѣтъ отбѣта!

Видали ль вы его въ безмолвнѣхъ глѣхъ мѣстахъ,
 Етъ кровинахъ и трудеи священнои глѣбѣ прахъ?
 Видали ль вы его насъ кладною могилою,
 Етъ вѣжкою Деливъ таетъ вѣчель милою?
 Къ пожившимъ позванннмъ вечерней тишиной,

Долго приписывавшаяся Пушкину эпиграмма на горе-поэтессу Е. П. Фуссу («Зачѣмъ объ пинадидой долѣ...») принадлежит Палличевскому. К. Я. Гротъ, «Бъ липейскомъ стихотвореніяхъ А. С. Пушкина», — «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 228, 247. Когда другой товарищ написалъ басню «Ослы», насмѣшливый эпиграмматистъ не замедлилъ придрачиться къ случаю:

Марушкинъ объ ослѣхъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куда! по странѣхъ на усылъ!
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ—
И съдѣственно опинеть лучше всѣхъ 7.

Насмѣшливость Палличевскаго была безпоощадна. Надъ общими посмѣиваніями въ липей — мѣшковатымъ Мясобовымъ и добродушнымъ чудакомъ Кюхельбекеромъ онъ просто измывался. Мясобовъ въ его панацеяхъ изображался неизменно съ ослиной головою 8; когда затравленный насмѣшками Кюхельбекеръ съ отчаяньемъ бросился въ воду, откуда былъ, конечно, благополучно извлеченъ, Палличевскій похвасталъ въ «Липейскомъ мудрецѣ» письмомъ отъ подпольнаго корреспондента объ этомъ событіи и карикатуре: Кюхельбекера тащить изъ воды, но никакъ не могутъ вытащить вѣсто, — такъ длинна его нога 9.

Кюхельбекеръ былъ высокаго роста. Въ «своихъ письмахъ» ирраци и забавуахъ ладорный и бойкій Палличевскій всегда былъ первымъ.

Несмотря на свое соперничество съ Пушкинымъ, Палличевскій вскорѣ отступилъ добровольно и безъ долгаго стыда призналъ его превосходство. Въ письмахъ къ своему липейскому товарищу, П. П. Фуссу 10, впоследствии бывшему непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, онъ не разъ упоминаетъ о Пушкинѣ. «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій», — писалъ онъ Фуссу еще 25 марта 1812 г., — «я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человека, который, живши между душими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи манеры и вкуса, и, читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительную ошибку». Въ 1815 г. онъ послалъ ему портретъ Пушкина, бывшаго

тогда уже гордымъ липей 11). 16 января 1816 г. Палличевскій сообщилъ Фуссу, что Пушкинъ пишетъ комедію «Философъ»: «дай Богъ, только ему терпѣнія и постоянства, что рѣко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ... Дай Богъ, ему успѣха — думи славы его будеть отговѣиваться и къ его товарищамъ». 20 марта 1816 г. онъ послалъ другу двѣ «угарскія» шесы Пушкина — «Усы» и «Слезу» и сообщилъ, что «бессмертный исторіографъ отечества» П. М. Карамзинъ собирается посѣтить липей: «онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется»... Печатались Палличевскій началъ рано. Одна его эпиграмма появилась въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1814 г., ст. I, XXVIII, ноябрь, № 22, стр. 103, съ пошитою «пійири». Палличевскій печатался также въ журналѣ В. В. Пазмайлова «Россійскій Музей или Журналъ Европейскихъ Новостей», гдѣ участвовали Пушкинъ и баронъ А. А. Дельвигъ. О появленіи своихъ стихотвореній въ печати онъ съ радостью извѣщалъ въ 1815 г. Фусса. Липей Палличевскій очень любилъ, какъ, впрочемъ, любилъ его всѣ воспитанники. «Благодаря Бога», — писалъ онъ Фуссу (2-го ноября 1814 г.), «у насъ царствуетъ съ одной стороны свобода, а свобода даю золотомъ съ начальниками обходима безъ страха, шумимъ съ ними, смѣемъ». «Достигаешь ли до нашего усенія въ вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня. Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться?» «Чтеніе — резонируетъ Палличевскій въ письмѣ къ Фуссу 10 декабря 1814 г. — «сигаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности по сей причинѣ мы стараемъ имѣть всѣ журналы и иррамы получаемъ: «Нашеонъ», «Вѣстникъ Европы», «Русской Вѣстникъ» и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ тѣмъ нашей литературы, удивляясь глубокимъ гениямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гибича. Но не худо иногда подымать завѣсь протекшихъ временъ, далаживать въ книги отцовъ отечественной поудии, Домошова, Хераскова, Державина, Дмитриева; тамъ лежатъ сокровища, иль конуа каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать иррадовъ ирраденныхъ — у нихъ услышишь преткіи панни, бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Девиля и, дамствуя отъ нихъ красоты неопираемая, переносить иль въ свои стихотворенія». А Палличевскаго

7) В. Д., 14.

8) Пушкинъ, его липейскіе товарищи и панацеики, статьи и матеріалы В. Грота. Панацеи ирраде, СПб., 1891, стр. 74.

9) Газетскіи, 149. Карикатуру см. выше, стр. 53.

10) 19-го октября, стр. 69.

11) Этотъ портретъ не имѣеть то знач.

Къ кресту прикинула оны безумственной главоу:
 Въ слезахъ отчаянья, въ слезахъ ожесточенья,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья
 Рыдаетъ и межъ тѣмъ, поди сѣбно темныхъ ниль,
 У гроба матери колѣна преклонилъ,
 Тамъ тѣва юная въ печали безмятежной
 Возводитъ къ небу взоръ, болѣзненной и ивжонной
 Оны, туманною душой озарена,
 Какъ Ангель горести являетъ она:
 Вздыхаетъ медленно, молчю обнимаетъ—
 Все тихо вокругъ его, а кажется внимаетъ.
 Нещастной на нее въ безмолвн глядитъ,
 Качаетъ головой, трепещетъ и бѣжитъ,
 Сибивить оны далѣе, но велѣтъ унынье брѣттъ.

Во храмъ дивнаго съ толгой оны молча входить,
 Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
 При явномъ торжествѣ священныхъ олтарей,
 При гласѣ пастыри, при сладкомъ хоромъ пѣннѣ,
 Тревожится его безвѣрн мученье,
 Оны Бога тайнаго ниль, ниль не зреть,
 Съ померкшею душой святнѣ престопнѣ,
 Холодный ко всему и чуждый умиленью,
 Съ досадою тихому внимаетъ оны моленью,
 «Щастливца! мыслить оны: почто не можно мнѣ,
 «Страстей бунтующихъ въ смиренной личинѣ
 «Забывъ о разумѣ и немоциомъ и строгомъ,
 «Съ одной лишь вброю повергнулся преть Богомъ!»
 Напрасный сердца крикъ! пѣть, пѣть, не суждено
 Ему блаженство звать! Безвѣрн оны
 Но жизненной стезѣ во мракѣ пождь унылой,
 Влечетъ нещастнаго до вѣчныхъ вратъ молчя,
 И что доведетъ его въ пустынь гробовой—
 Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь виднѣтъ оны покой.—

были въ годѣ даже широкіе литературные планы: онъ собирался составить «Поэма Палгарна для юношества» (письмо къ Фуссу 2 сентября 1815 г. и намѣренію этому не суждено было осуществиться, что, впрочемъ, предвидѣлъ самъ Паличевскій: «можетъ быть, и не издамъ» — писалъ онъ: «кто знаетъ, какия препятствія могутъ случиться, но и одна мечта забавляеть меня»). Въ томъ же письмѣ онъ просилъ, что Фусса биограрическую свѣдѣній о знаменитомъ математикѣ Леонардѣ Эйлерѣ, которому Фуссъ приоткрылъ родню. На запросъ Паризжа Паличевскій отозвался одою, о которой Гаевскій¹²) говоритъ, что она, «можетъ быть, и недурна въ своемъ родѣ, но только родъ самъ по себѣ невнятный». Занимался Паличевскій также переводами: переводилъ изъ Париз, Сентора, Вольтера, Марциала¹³). Но усиліямъ Паличевскій всегда шелъ въ числѣ первыхъ. Выписка изъ «Журнала о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь мѣсяць 1812 г.», подписанная губернаторомъ П. Пидекомъ, свидѣтельствуеть, что въ одномъ столкновеніи лицестовъ со своимъ начальникомъ Паличевскій «велъ себя весьма хорошо и поступалъ весьма осторожно, такъ что я ничего о немъ худого не могъ замѣтить: напротивъ... напоминалъ нѣкоторымъ товарищамъ, что они поступають весьма дурно, и что ему подобная провинствія сдѣлаемо видѣть, но что они за всегда худо для учениковъ оканчивались». Въ «Спискѣ воспитанниковъ изъ класса русской и латинской словесности», подписанномъ П. Ф. Кошанскимъ 9 июля 1813 г., Паличевскій значится въ числѣ «превосходныхъ учениковъ». Въ декабрѣ того же года въ такомъ же спискѣ «воспитанниковъ изъ русскаго и латинскаго классовъ» имя Паличевскаго стоитъ третьимъ, изъ шестидесяти девяти имени¹⁴).

Намѣтникомъ дашній Паличевскаго литературой въ лицей остался составленный имъ сборникъ «Лицейская антологія», собранная трудами пресловутаго иппіа, съ эпиграфомъ: «genus irritabile vatum»¹⁵); часть ея тогда пошла. Въ ней было, судя по цифрѣ, выставленной на въ послѣней

песней, 111 мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ нѣсколько пушкинскихъ. Въ архивѣеи въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради поэта (№ 2364) цѣлый рядъ шесть записанъ Паличевскимъ. Переписанныя аккуратно и внимательно, четкимъ почеркомъ, эти копии говорить о благоговѣиномъ и любовномъ отношеніи Паличевскаго къ таланту своего прежняго соперника. Въ находящейся у К. Я. Грота «матюшкинской тетради» лицейскихъ стиховъ есть нѣсколько шесть Паличевскаго: эта тетрадь открыла, что авторомъ неправильно приписанной Пушкину эпитафии на Е. П. Пучкову («Зачѣмъ объ invalidной долѣ...») былъ Паличевскій (см. выше). Личной близости между жителями «келій» № 14, Пушкинымъ, и № 17, Паличевскимъ¹⁶), собственно, не было. Пушкинъ поощрялъ Паличевскаго писать эпитафии, какъ вспомянуть впоследствии ихъ лицейскій товарищъ С. Д. Коховскій¹⁷). Впрочемъ, Паличевскаго разубѣдъ Пушкинъ, говоря въ своей статьѣ о Дельвинѣ: «никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены, какъ нѣкоторое чудо». Поэтическому дарованію за Паличевскимъ Пушкинъ не признавалъ и напередъ возможнымъ въ дружескихъ стихахъ назвать его только «смыльнымъ острякомъ». Они были нѣкоторое время даже соперниками въ любви. Въ ту особу, въ которую былъ влюбленъ Пушкинъ, и о которой онъ говорить въ шесть «Слеза», влюбился и Паличевскій. Пушкинское обращеніе «Къ живописцу» стоитъ въ связи съ стихами Паличевскаго «Отъ живописца», въ которыхъ воспѣта та же особа. Въ обихудъ письмахъ видно чисто-юношеское «обожаніе» любимаго «предмета», выраженное подражательно¹⁸). Та песня, которую написалъ Паличевскому на прощанье Пушкинъ 31-го мая 1817 г., когда они покидали лицей, вещь холодная: это простое заврѣеніе въ дружбѣ. Въ этихъ стихахъ Пушкинъ говорить о томъ, что больше всего занимало его, о своемъ поэтическомъ призваніи: о дружескихъ чувствахъ своимъ онъ говорить въ малопрочувствительныхъ словахъ. Стиховъ Паличевскаго къ Пуш-

12 Гаевскій, 153.

13 Гаевскій, 166.

14 П. А. III отдѣленіе, Изъ неведанныхъ бумагъ А. С. Пушкина, I, 116, 190 г., стр. 330, 333, 345.

15 Гаевскій, 113. См. выписку антологіи дашней стр. 422.

16 Гротъ, 286.

17 Гротъ, 221.

18 Гаевскій, оп. cit., «Сопременникъ» 1861 г., августа, 380—382.

142. КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
 Воображеніе въ мечтахъ не радостно,
 Съ тирами юности мой гений отлеталъ,
 И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
 Вась вновь я призывалъ, о тии моей весны,
 Въ, продолженіе подъ сѣнью тишины,
 Дни дружества, любви, надежды и грусти пѣвкою,
 Когда, поэзи поклонникъ безмятежной,
 На дѣрѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
 Волненіе любви, уныніе разлуки

И гдѣ дубрашь горами перетавалъ
 Мои задумчивые звуки.

Напрасно! я влачилъ поспѣвдой дѣви грузь,
 Въ дремолу младую невольно погружался,
 Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ
 И слезы на глазахъ со славою прощался.

Но вступь, какъ молніи стрѣла,
 Зажглась въ уединенъ сердцѣ младости:
 Душа проснулась, ожила,

Узнала вновь любви надежду, скорби и радость,
 Все снова расцвѣло! я жизнью трепеталъ:

Природе вновь восторженный свѣтѣль,
 Живше чувствовалъ, свободнѣе пыталъ,
 Сильнѣй пѣвала добротѣль...
 Хвала любви, хвала богамъ!

Вновь лиры сластолюбивъ раздала голосъ юный,
 И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшій струны
 Песу къ твоимъ ногамъ.

143. КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэль! Въ тиши Парнасской сѣни,
 Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
 Опасною тропой съ надеждою полетѣлъ,
 Мнѣ жребій вынулъ Фебъ, и лира мой удѣлъ.
 Страну съ, неопытнѣмъ, бездѣланно патенѣлъ,
 Но мыкаго смирить не въ силахъ я и клеменѣлъ.
 Не грозной приговоръ на гибель внемлю я:
 Сокрытаго въ вѣкахъ священнѣи сущѣ,
 Сражѣ ибрыши прошлашь дѣтъ, напереникъ музъ
 любимыи

И блѣдной зависти предметъ неколебимыи,
 Приближамъ меня вниманьемъ, ободрилъ:
 И Дмитрѣ съ слабыи даръ съ улыбкою похвалѣлъ,
 И славнѣи старецъ нашъ, Царей пѣвецъ ибрании,
 Крылатамъ Гейтемъ и Граціей ивичаннѣи,
 Въ следу съ обилѣи мѣни прожаскою рукою
 И счастье мнѣ предрекъ, недасмое мною.
 И ты, природою на пѣвни обреченнѣи,
 Не гдѣ мнѣ руку калъ въ дѣлѣтъ любви священнои?
 Могу ль забыть я часъ, когда переть тобой
 Безмолвнѣи я стоялъ, и молнѣи струей
 Душа къ возвышеннои душѣ твоеи летѣла

Изданъ и посылкъ Паличевъ 14
скаго.

Лицейская
АНТОЛОГІЯ
собранная
трудъми просвѣдующаго
ВѢЩІИИ.

Genus inevitabile vatum!

Вывѣстка лицейскаго журнала Паличевскаго.
(Изъ собранія К. Я. Грота.)

книгу мы не знаемъ, стихи его къ П. П. Пушкину, тоже по случаю окончанія курса, о которомъ Пушкинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, не сохранились¹⁹⁾. Изъ всѣхъ лицейскихъ товарищей особенно близко къ Паличевскому стоялъ, повидимому, баронъ А. А. Дельвигъ, который посвятилъ ему при оставленіи лицей для стихотворенія «Пока подъ еще съ тобою...» и «Эпитафія самому себѣ»²⁰⁾. Еще раньше Паличевскій посвящалъ Фуссу стихи Дельвига²¹⁾. Въ 1817 г. Паличевскій окончилъ лицейскій курсъ и вступилъ въ жизнь. Вышелъ онъ съ чиномъ Х-класса²²⁾ и уѣхалъ на службу въ рѣчную Сибирь. Онъ былъ причисленъ къ почтовому звѣному и служилъ при своемъ отцѣ, томскомъ губернаторѣ, а

потомъ былъ переведенъ къ сибирскому генералъ-губернатору. Въ 1817 г. Дельвигъ написалъ посланіе «Къ Паличевскому (въ Сибирь)»²³⁾. Дельвигъ былъ увѣренъ, что Паличевскій

и въ дальнихъ гдѣхъ страху
Своихъ труденъ не забываетъ,
Гдѣ мѣръ, дрыхлющій во льдахъ,
Своей красой не поражаетъ;
Что, какъ мѣльничная весна
Тамъ оживаетъ все творенье,
Такъ о друзьяхъ мечта одна
Его приводитъ въ восхищенье,
Его уноситъ въ свѣтлый край,
Гдѣ нѣтъ дѣловъ, гдѣ нѣтъ страданій
И слова пропало: прощай!
Будь счастливъ, другъ! Не забывай
Веселыхъ дней очарованья
И рѣчкахъ ступнивою твоею!»—

желалъ Паличевскому Дельвигъ, вспоминая
кружъ радости веселой,
Гдѣ дружба насъ и связь Семелы

19) Л. Мамъевскій. Пушкинъ. Биографическіе матеріалы и впервые литературныя очерки. СПб., 1899, стр. 67—68.

20) Соинени барона А. А. Дельвига. СПб., 1895, стр. 24.

21) Дельвигъ, III.

22) Н. Селедзневскій. Историческіи очеркъ Императ. Лицея. СПб., 1864, стр. 168.

23) Дельвигъ, 26—28.

И тайно съединясь, въ восторгахъ пламенья!
 Шты, шты! рвнлся я безъ страха въ трудный путь:
 Оважно върою исподилася грудь,
 Творцы безмертные, питомцы вдохновения!
 Вы дѣль мнѣ кажете въ туману отдаленя,
 Лечу къ бездѣльному оважно мечтой,
 И, мнител, Гений вашъ промчался надо мной.

Но что? Ночь грозною Парнасскою скалою
 Какое дръзлице открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубина,
 Вражда и зависти угрюмые станы,
 Возвышеннѣхъ творцовъ зонды записные,
 Скрыть безмыслицы дружны боевыя,
 Далеко тикнуть дирь несетел рѣзкій вой:
 Варяжскіе стужи видажить Варговыя строй:
 Смихуь общій имъ отвѣтъ вать мрачными толнами,
 Во мѣлѣ два призрака склонилася главами:
 Одинъ на груди сѣлъ и прозы и стиховъ,
 Тяжелые плоты полуночныхъ труповъ,
 Усопихуь отъ, поэмъ дабвенный могилья!
 Съ улыбкой вземлетъ вой стопосложитель хвалы:
 Предъ нимъ растерзанный стелаетъ Тидимахъ:
 Жельзное перо скрннхитъ въ его перстахъ,
 И тинеть за собой тексаметры сухіе,
 Спощен жесткіе и вкитили тугіе,
 Ретивой Музой прославленнйй вивецъ!
 Гордись! ты Мевія падуный образецъ,
 Но кто другой, въ думу бездунато куренья,
 Стоитъ среди толны друзей непросвѣщенъ?
 Торжественной хвалы къ нему несетел шумъ,
 А онъ — онъ рномую поираль и вкусъ и умъ,
 Ты дѣ это, слабое днля чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнѣхъ умомъ,
 Претразсужденіямъ обиданный ввнцомъ,
 И съ Ница сброшеннйй и проклятый Расномъ?
 Ему ли, карлику, вгнатьел съ исподномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ давровый вивецъ,
 Въ которомъ возблстелъ безмертннйй нашъ вивецъ,
 Веселе Россннхъ, подуощное диво?
 Шты! къ тихой Леть онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челъ его дабвенія печать,
 Предбудущимъ ввкамъ, что моль онъ передать?
 Страшилася Градія динической свирѣли,
 И персты грубые на дирь костенѣли,
 Пустьъ будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ:
 Янхелъ Деяро — пещель въ Шапеленъ,
 И что жь? Всегда смвнннхъ останется смвнннхъ,
 Вефжду плсуетъ невѣжество еднне:
 Оно сокрыло нухъ во мрачной свой прнотъ,
 Тамъ прозу и стихи оважно вѣв куютъ,
 Тамъ вѣв враги науки, вѣв глумл, дншь не пѣвы:
 Гь слогомъ Никола печатають поэмъ,
 Оди Славннскнхъ отъ громагы громозднть,
 Другіе въ бвнннхъ трагедннхъ хрнннть,
 Тотъ, вѣрннй своему мнлжскому соуду,

Привлекли часто собирать,
Гдѣ можно всё работы свѣта
Съ мудрымъ, съ фракмою складывать,
Бездѣлсти похвалить поэта
И обо всемъ поговорить.

Въ «Дионисидѣ» на прибавь трехъ друзей» (1821 г.), трехъ гостей, съ дѣтства товарищей, «сушичкова, братьева», Дельвига прибѣтствуютъ Паличевскаго, пришедшаго «въ обитель поэтовъ отъ моря сълучаго айскихъ песковъ»²⁴). Такъ же, какъ и Дельвигъ, Паличевскій посѣщалъ домъ С. Д. Пономаревой, къ которой шатавъ такое же чувство восторженнаго поклоненія, какъ и въсь бывавшій у нея кружокъ молодежи, и которой написалъ нѣсколько пьесъ въ альбомъ.

Но выходъ изъ лицея порвался, прежняя связь между Паличевскимъ и Пушкинымъ. Ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ Пушкина не упоминается имя Паличевскаго. Въ числѣ любимыхъ товарищей Пушкина, воспоминавъ имя въ знаменитомъ стихотвореніи: «Ронетъ гдѣ въ багряной свой уборъ...» («19 октября 1825 г.»), писалъ Паличевскаго. Въ одномъ письмѣ М. А. Яковлева къ Пушкину есть случайное упоминаніе о несчастѣ, постигшемъ Паличевскаго, у котораго умерла мать. Въ протоколѣ празднованія лицейской годовщины не разъ фигурируетъ имя Паличевскаго; оно значится въ протоколѣхъ 1822, 1824, 1825, 1828, 1831 и 1836 гг.²⁵). На праздникъ 1822 г., который справляли у Паличевскаго, ходили проищать экзпромигъ, гдѣ, между прочимъ, сказали:

Здѣсь всё мы: изъ Литвы, Сибиря,
Изъ Бухаринъ степей,
Такъ шагъ на мои кварталы
Возобновляется лицей,—

и Дельвигъ откликнулъ ему:

Что Паличевскій не въ Сибиря,
Съ шаманскимъ кадетъ намъ божалъ,
Ура, друзья! въ его кварталы
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.

Въ 1825 г. Паличевскій вмѣстѣ съ Дельвигомъ импровизировалъ на лицейской иррегулярной дудлѣ, которые присутствующіе свѣдѣли на мотивъ дагостанной пѣсни «Волшебнаго стрѣлка»²⁶.

²⁴ Дельвигъ, Гр.

²⁵ Грозв., 284, 285.

²⁶ В. П. Гаевскій, Празднованіе лицейскія годовщины въ пушкинское время — Отечественныя Записки 1863 г., ноябрь, отд. II, стр. 33—34.

Къ лицейской годовщинѣ 1826 г. относятся стихи Паличевскаго:

Друзья! Опять насъ вмѣстѣ свелъ
Въ лицейскій кругъ сей день звѣтливой,
Не вѣдалъ, какъ годъ промелькнетъ;
Мелькается время непримѣтно!
По что намъ до него! Оно
Коснется братьевыхъ уль не смѣтно.
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнеть, чѣмъ старѣеть»²⁷.

Когда друзья собрались на обычный праздникъ въ 1828 г., они пѣли стихи, сочиненные Паличевскимъ въ стилѣ Тредьяковскаго, Паличевскій, какъ записалъ ведшій протоколъ «записки» Пушкина, «въ видѣ французскаго гамбургъ-мажора угбшала събранихуся»²⁸).

Для праздника 1833 г. Паличевскій по обыкновенію написалъ стихи. Присутствовалъ онъ на обычномъ лицейскомъ сходкѣхъ еще въ 1834 и 1836 гг.²⁹). На праздникъ 1837 г. уже не было ни Паличевскаго, ни Пушкина.

Встрѣчались Паличевскій и Пушкинъ не часто. А. П. Кернъ рассказываетъ, что Паличевскій бывалъ у Дельвига, гдѣ бывалъ и Пушкинъ³⁰; по словамъ А. П. Навлищева³¹), Пушкинъ однажды пришелъ Паличевскаго, вмѣстѣ съ П. А. Плетневомъ, С. А. Соболевскимъ и кн. П. А. Вяземскимъ, къ своей сестрѣ, О. С. Навлищевой. Однакожъ, когда Пушкинъ, въ урочномъ настроеніи духа, молча стоялъ у каминя, Паличевскій развѣсчливъ его экзпромотомъ — пародіей на заключительное четверостишіе его «Демона»:

У пещи, погружень въ молчанье,
Помысливъ фракъ, онъ сишу трѣлъ
И никто во всеи компаніи
Благословить онъ не хотѣлъ»³².

Въ 1827 г. Паличевскій выпустилъ сборникъ своихъ избранныхъ произведеній, дионисидъ, басень и паличсей, которая онъ почему то, можетъ быть по нумъ малому

²⁷ Гаевскій, Празднованіе лицейскія годовщины, ibid., стр. 32. Помѣщаемъ стихи въ неправильномъ видѣ, какъ они напечатаны въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 гг., изд. Орела и Гатвина, Спб., 1832 г., стр. 362.

²⁸ Гаевскій, Празднованіе лицейскія годовщины, ibid., стр. 33.

²⁹ Гаевскій, Празднованіе лицейскія годовщины, ibid., 37.

³⁰ А. Манковъ, op. cit., 253.

³¹ А. П. Навлищевъ, Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, М., 1890, стр. 265.

³² А. Манковъ, op. cit., 265.

На сцену возведи звонащую Музу,
 Безсмертныхъ тенейъ сорвать съ Парнасса манти:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользнулъ;
 Ботце бросается съ завистливымъ кинжаломъ;
 Кудлетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ;
 При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
 И маковой вѣнецъ Феспису ими свить,
 Веф, руку положивъ на томъ Тилимахидъ,
 Клянуся отомстить соотрунниковъ обиды,
 Волнуясь, встають пенсовою толпой,
 Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
 Кто тайно могъ влѣпить красоту въ вѣчной дурой,
 Кто смѣло просвѣталъ шутливую сатирой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И Русской сдурости не хочетъ быть челою;
 Онъ врагъ отечества, онъ свѣтель разврата,
 И рвчи сыплются дождемъ на сдуротата.

И вы востаньте же, Парнасскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы
 Въ счастливой ереси и вкуса и ученя,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщеня!
 Огуститель теней, другъ истины—поэтъ!
 Днощая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣтъ,
 Стрѣбою гибели лестица Аполлона
 Сражаетъ наконецъ ужаснаго Ниона;
 Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
 Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
 Къ вамъ Озерова духъ взызаетъ, друи, мести!
 Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ званъ дали вѣсти,
 Летите на враговъ—и Фобъ и Музы съ вами!
 Разите варваровъ кровавыми стихами:
 Небѣжество, смирясь, погунитъ малый взоръ,
 Сибивныхъ риторозъ безграмотный соборъ...
 Но вижу, возбѣгать намъ истины опасно:
 Ужь Мевій на меня нахмурился ужасно
 И смертный приговоръ талантамъ возрембѣ,
 Гоненія терѣтъ ужель и мой удѣлъ?
 Что нужно? Смѣло владь дороною прямою:
 Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
 Нкъ любви не страшусь: мнѣ твердый Карамзинъ,
 Мнѣ, ты примѣрь— что крикъ безумныхъ слухъ дружинъ?
 Пускай бесчестуютъ отверженные Феба,
 Нкъ проза, ни стиховъ, не послать даръ отъ неба:
 Нкъ слава нкъ же стиль, творенья— смѣхъ уму—
 И въ тѣбъ возникшіе низвергнутся во гму.

144. ШТАБЪ-КАПИТАНУ ГЕТЕ, ГРЕЮ...

Жуковскому.

Штабъ-капитану Гете, Грею,
 Томсону, Шиллеру привѣтъ!
 Нкъ поклониться честь имѣю,
 Но сердцемъ истинно жалѣю,
 Что никога нкъ дома нѣтъ.

размѣру, считать антологией: «Опыты въ антологическомъ родѣ или Собрание краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, мадригаловъ, энграммъ, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній А. А. Паличевскаго, Санктпетербургскаго Общества Любителей Словесности, Науки и Художества Двѣнадцатаго Члена и Вольнаго Любителя Россійской Словесности Члена Корреспондента». Въ эту книжку вошли многие стихи, прежде напечатанные въ различныхъ журналахъ и альманахахъ. «Сочинитель» преподаетъ своему сборнику, хорошеюшкой книжечкѣ въ шестнадцатую долю, предисловіе, гдѣ говоритъ, между прочимъ: «Нерокосные наши поэты не пренебрегали мелкими стихотвореніями и болѣе или менѣе упражнялись въ нихъ; и некоторые изъ второстепенныхъ писателей оная пренебрежествомъ въ семь первомъ и, конечно, несовершенномъ опытѣ представляется собраніе, посвященное исключительно такому стихотвореніямъ. Не всѣ шесы по изобрѣтенію принадлежатъ сочинителю; многія замѣтованы изъ французскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ, хотя сего и не означено при каждой статьѣ... «Поэзія и въ малыхъ родахъ есть искусство трудное», — цитируетъ Паличевскій Батюшковское разсужденіе о поэзіи «мелкія стихотворенія, повсичому столь малоажныя, представляютъ свои трудности, извѣстныя тому, кто упражняется въ оныя родѣ... Разнообразя съ усиліями словесности, съ усовершенствованіемъ языка, съ болѣею степенью общественаго образованія, стихотворенія сіи, какъ рои едва примѣтныхъ мотыльковъ, воздвигаютъ ясные дни появленіемъ своимъ, не могутъ не быть приятны. Сочинителю остается только желать, чтобы языкъ его сохранилъ достоинство поэзіи, словъ соотноствовало вѣдѣ предмету, и статьи, представляя занимательность и разнообразіе, удовлетворили вкусу образованной публики. Улыбка читателей, малѣйшее вѣдѣ удовольствіе, замѣчательный стихъ будутъ для него наградою...» Этимъ неуклюже констативнымъ притуплѣномъ открытостемъ «Опыты» Паличевскаго. Въ главленіи шесы раздѣлена по «родамъ»: алеггорія, анэкротическія стихотворенія, басни, двуступица, обэнаградистипія (одно десятистипіе и одно шестистипіе представляютъ также особые «роды»), ипсилли, куплеты, мадригалы, испробія, надписи къ портретамъ и вообще «къ разнымъ предметамъ,

«нравственная мысль», обэметипія, разговора, сказки, стихи «на разные случаи», четверстипія, экипротія, энграммы, шестистипія, эпитафія, — «раздѣленіе» довольно безтолковое, доказывающее, что авторъ никакъ не могъ разбить колебанія, по содержанию ли дѣлить стихи, или по формѣ. Выраженія душевнаго волненія и печали совершенно не удавались Паличевскому и выходили у него фальшивыми и падутиями. «Мораль» его, говоря словами Пушкина, «сводилъ сонъ», — до того она пошла и жалка. Имена героев съловно взяты изъ сантиментальныхъ журнальчиковъ конца екатерининскаго царствованія: душой человекъ зовется Пустономъ, вѣтреный — Вѣтрянникъ, графоманъ — Вралевымъ, бездѣльникъ — Враздновымъ, дуракъ — Простономъ, военный — Грозовымъ, подрдѣкъ — Мошнымъ, ханжа — Ханжиной и т. п.; Пушкинь уже давно распростился съ Темпирой, Дафной и Лилетой, когда Паличевскій продолжалъ брать на прокатъ изъ слащавыхъ пасторадей и пѣжикыхъ эклогъ разныхъ Хлои, Клеоповъ и Доримоновъ. Лучше и свободнѣе чувствовалъ себя Паличевскій въ области энграммы, въ которой отличался еще на школьной скамьѣ. Сатира его бездѣлба, добродушна и весела; она лишена серьезной общественной подкладки и тѣмъ болѣе протеста и направлена противъ обыкновенныхъ подъ душой человѣческихъ пороковъ и слабостей: противъ страсти метромановъ писать стихи, противъ желанія старичковъ казаться моложе, противъ жадности свунцовъ къ тенямъ... Певысокъ подлетъ его сатирической муды. Стихъ Паличевскаго вылощень, сушь и довольно гладокъ, но мѣстами бываеъ и дщидень. Вотъ, наприимѣръ, шеса «Кагулькѣ своей любезной»:

Мои томъ въ свѣи укротной волѣ
Хранить густыи черка:
Я не страшусь въ немъ бурь зѣла,
Ни дѣя пламеннаго Ява:—
Но бѣдь тебя, мой другъ, мой теній,
Томькъ убѣтвенной тоской,
Какъ дѣбрь я вину въ вѣбрь осеній
Иль какъ быльба въ дѣтши дѣю.

Такіе стихи, однако, довольно рѣдки: ихъ мало среди разныхъ укоровъ «Безбожнику» и пѣжикыхъ обращеній къ «Цвункѣ, дѣлованней шипку». Не гдубокъ была вглядѣ Паличевскаго на жизнь, но все же онъ облачаетъ въ немъ если не даровитаго, то просто недугаго человека, понимающаго

Куплеты, как и прочие стихи, начинаются с буквы, обозначающей начало строки, и кончаются с буквой, обозначающей конец строки.

17

Couplets.

Quand un père se sent estressé
 L'air se soude au son bouquet,
 Quand un combat termine sa fin
 Quand on se voit au feu de guerre,
 Ne bougeant pas le mot pour l'air,
 On voit, au milieu de son bouquet,
 On attend, le moment de voir
jusqu'au plaisir de nous revoir.

*
 Mais tel à tel avec sa belle
 Oubliant avec quelle d'espérance
 Le vrai bonheur se renouvelle
 On est content, et on chante, on rit
 Prolonge vos paisibles nuits,
 Et chantez avec la fin de nuit
 Et vos amis, et vos bien-aimés :
jusqu'au plaisir de nous revoir

4
 A mid, le vin est un partage
 Et tout s'oublie avec le temps

ложь общественныхъ отношеній. «Совершенный человекъ», какъ онъ понимается въ свѣтѣ, опредѣленъ Плишевскимъ въ такомъ слуху:

Другого мнѣя проникнуть сразу,
Себя умѣть скрывать вѣсто
Свѣтѣсья, плакать по заказу,
Любить и вѣху, и ничего,
Лытнть и ругать поперебншо,
Лгать и обманываться вѣкн,—
Вотъ что довется совершенной
Въ помышл свѣтскомъ человекѣ.

Свое отношеніе къ жизни, простое, не-хитрое, немного квіэтическое, немного энцикурейское, Плишевскій охарактеризовалъ въ большой аллегоріи «Три слѣнца»:

Судьбой на вѣсъ страна земная
Поставлена: о шнѣ законъ;
Введенной править три слѣнца:
Фортуна, Смерть и Купидонъ,
Жизнь ваша ширь, съ привѣстной доской
Фортуна отворяетъ дая,
Амуръ распоряджеть влѣской,
Приходить смерть,— и конченъ балъ.

Въ прозѣ Плишевскій написалъ тоже немало. Можемъ надать, между прочимъ повѣсть «Исторія булавки», содержаніе которой заимствовано изъ какой-то французской книги: она была напечатана въ альманахѣ «Сверная Звѣзда» на 1829 г., изданномъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ. И по ничтожности содержанія, и по ядкому для вещь, написанная на тему о «справности судьбы», не заслуживаетъ вниманія; можно, впрочемъ, отмѣнить въ концѣ повѣсти скорбное упоминаніе о неадапто до того (15-го марта 1827 г.) скончавшемся поэтѣ Беневиншювѣ. Печатались Плишевскій еще въ разныя то ташннхъ журналовъ и альманаховъ, и ничего значительнаго его произведенія не представило.

Плишевскій вѣсто нѣсколькими мѣсяцами пережилъ своего гениальнаго товарища: онъ умеръ 6 октября 1837 г.

Книж. П. А. Введенскій вѣрно охарактеризовалъ маленькое дарованіе Плишевскаго въ посланіи къ нему:

Прѣтъ Фебонъ ты вѣдѣть оларокъ,
А не огромноу слѣду.

И самъ Плишевскій справедливо опредѣлялъ вѣщность своего литературнаго наслѣдья:

Пронту ты дѣветъ послѣдннми выдами,

И строгой Критики не убоекъ свѣства.
Стрѣла, разидая орла надъ облаками,
Шадить вѣду и мотылька.

Н. Лернеръ.

135. ВЗГЛЯНУВЪ КОГДА-НИБУДЬ НА ТАЙНЫЙ СЕИ ЛИСТОКЪ...

Въ альбомѣ Пушкина.

По словамъ Н. П. Пушкина (Л. П. Майковъ, «Пушкинъ» Сиб., 1899 г., стр. 55), эти стихи были написаны Пушкинымъ ему въ альбомѣ въ 1817 г., вѣредъ самымъ выпускомъ изъ лицей. Напечаталъ ихъ впервые въ «Современникѣ» 1841 г., т. XXII, стр. 172, П. П. Ершовъ, авторъ «Копька-Горбушка», подумавшій ихъ въ Сибири отъ П. П. Пушкина (А. К. Ярославцовъ, «П. П. Ершовъ, биографическія воспоминанія», Сиб., 1872 г., стр. 74). Загѣмъ они были переизданы въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 391) и съ тѣхъ поръ стали включаться во вѣсъ собранія произведеній поэта. Имя Пушкина появилось впервые только въ изданіи 1859 г. (т. I, стр. 168); до тѣхъ поръ нельзя было упомянуть въ печати о декабристахъ.

Приводя стихи своего друга, Пушкинъ подчеркнул восьмой стихъ, говорящій про «размолвки дружества и сладость примиренья», съ гордостью желая этимъ отмѣнить степень особенно интимной близости, существовавшей между ними. Какъ написанное тогда же Плишевскому стихи отражаютъ свѣдѣвавшій лицейскій поэтовъ литературный интересъ, такъ обращеніе къ Пушкину все проникнуто гениальнымъ вѣвствомъ крѣпкой дружбы, соединившей обоихъ товарищей. Воспоминаніе о первой любви въ 10—12 стихахъ относится къ Е. П. Бакунинѣ, причѣмъ сердечнымъ страданіемъ Пушкина, Пушкина и Плишевскаго. Когда Пушкинъ извѣстилъ своего гениальнаго друга въ его деревенскомъ уединеніи, они вспомнили о «ней» (Майковъ, ор. с., стр. 81), вспомнили какъ «ощу вѣсъ трое подлюбилъ» («19 октября 1825 г.). Пьеса Пушкина, вся словно озаренная вѣдучемъ лицейскимъ алымъ мей», заканчивается грустнымъ преимуществомъ «грозныхъ судьбъ», которыя такъ жестоко разбросали «святосъ братство» первенцовъ лицей.

ДОМЪ БАРОНА ТЕННЕРА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Рисунокъ архитекта Ланера (1820).

L'amour aussi n'est qu'un volage,
 Un oiseau de notre printemps;
 Trop tôt il fuit, riant sous cape,
 C'est pour toujours, adieu l'espoir!
 On ne dit pas des qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
 Et tôt ou tard on va là-haut
 Souvent—le cas n'est pas si rare—
 Hasard nous sauve du tombeau.
 Des maux s'éloignent les cohortes,

Et le squelette horrible et noir
 S'en va, frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir

∴

Mais quoi? Je sens que je me lasse,
 En laissant mes chers auditeurs...
 Allens, je descends du Parnasse,
 Il n'est pas fait pour les chanteurs.
 Pour des couplets mon feu s'allume
 Sur un refrain j'ai du pouvoir,
 C'est bien assez... adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir

136. ВИДЕЦЪ ЖЕЛАНІЯМЪ! И ТАКЪ Я
ВИДУ ВАСЪ...

Эти нѣсколько стиховъ вошли до наст. въ статью П. П. Баргенева «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его биографіи», отд. отт., М., 1855, глава 3, стр. 14—15 (изъ «Моск. Вѣдом.» 1855 г., № 142). По разсказу Баргенева, вступая въ «Арзамасъ» Пушкинъ произнесъ по обычаю рѣчь «привосходными александрійскими стихами. Въ памяти слушателей доселѣ свѣжо сохраняется начало ея». Слѣдуютъ стихи, напечат. на стр. 411.

Для объясненія послѣдняго 1-го стиха нужно сказать, что общество, по примѣру Французской Академіи, постановило произносить похвальныя слова умершимъ членамъ; но такъ какъ въ Арзамасѣ не было покойниковъ, и всѣ члены его были безсмертны, то положили брать умершихъ на прогавъ изъ бесѣды любителей русскаго слова и Россійской Академіи. Легко представить, въ какихъ неистощимыхъ источникахъ давало это поводъ. Особенно важно было похвальное слово, произнесенное арзамасцемъ Кассандрю бесѣднику Захарову, весьма посредственному писателю того времени, и какъ нарочито слышится, что нѣсколько дней спустя бѣдникъ Захаровъ въ самомъ дѣлѣ скончался. Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, рисуя портретъ арзамасца, Пушкинъ говоритъ про него, что онъ «въ бѣдномъ колпакѣ» и т. т.

Во второмъ стихѣ выведено напечатаннаго Баргенева и, очевидно, не имѣющаго смысла «смыслахъ» наше изданіе, слѣдуя указанію П. А. Ефремова (изд. 1880 г., т. I, стр. 527) принимаетъ чтеніе: «смыслахъ». Ефремовымъ же неточно въ третій стихъ слово «висель», на мѣстѣ котораго у Баргенева стоитъ точка.

Намъ неизвѣстно, говоритъ П. В. Анисимовъ «Матеріалы для биографіи П.», Сиб., 1873 г., стр. 47, «какому происхожд. похвальное слово Александръ Сергѣевичъ при вступленіи своемъ, по ему дозволено было сказать первую рѣчь стихами. Стихи эти, въ социальн. устремленіи. Не носимы въ текстѣ какъ привѣтныя по памяти».

Послѣднее заглавіе «Арзамаса» состоялось въ сентябрь 1817 г. Пушкинъ, по сохранившимся извѣстіямъ Баргенева (А. С., въ его запискахъ), успѣлъ только одинъ

разъ принять участіе. То было, если не ошибаемся, въ послѣднихъ числахъ сентября либо въ началѣ октября 1817 г....

Молодой поэтъ, котораго давно уже тянуло въ Арзамасъ, писалъ еще въ мартѣ 1816 г. князю П. А. Вяземскому: «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова». «Панъ Туртей»—Жуковскій, «свидецъ во ставѣ русскимъ воиновъ»; упоминается его «Овчарій късель» и стихи, посвященные императору Александру I. «Кассандра»—арзамасское прозвище Д. П. Блудова. Иванъ Семеновичъ Захаровъ, которому онъ «напророчилъ» смерть, былъ пресѣдателемъ одного изъ четырехъ разрядовъ бесѣды (см. «Сочиненія» Державина, ред. Я. К. Грота, т. II, Сиб., 1869 г., стр. 423; Захаровъ умеръ 30 января 1816 г.).

Характеристика «арзамасца» съ поэтической дозой въ рукѣ въ этой рѣчи напоминаетъ одно мѣсто въ посланіи «Къ Жуковскому», написанномъ около того же времени:

...и встанете же, парнасскіе жрецы...

Летите для враговъ,—и Фобъ, и Музы съ вами

Радите варваровъ кровавыми стихами...

137. РАЗДУМЪ.

Это стихотвореніе, неизвѣстное въ рукописи появилось въ журналѣ «Невскій Зритель» 1820 г. (августъ) подъ заглавіемъ «Кюхельбекеру», съ помѣтой «9-го іюня 1817» и съ подписью А. П. Въ изданіи 1826 г. и 1829 г. оно вошло подъ заглавіемъ «Раздумъ», поправки, внесенныя Пушкинымъ при каждой перепечаткѣ заключались главнымъ образомъ, въ отбрасываніи лишншихъ словъ. Въ оба изданія шесъ шестна съ датой 1817.

Въ «Русской Старинѣ» 1899 г., т. 98, стр. 278, напечатано «Писмо В. П. Карамзина къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею относительно нѣкоторыхъ стихотвореній, жившихъ въ журналѣ по случаю высказки А. С. Пушкина на ювъ Россіи». Выдержки изъ этого «Писма» представляють большой интересъ. Пересядла Кочубею номера журналовъ, для ознакомленія, тотъ самый Карамзинъ, который считается однимъ изъ вѣщихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія, настрочилъ при этомъ тонокъ, столь-же густой, какъ и

146. К. А. Б.

Что можем, наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже,
 Подумай не уеишься, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумаешь, я скажу все то же.

147. И ОСТАВЕНЬСЯ СЪ ВОПРОСОМЪ... (С. С. ЕСАКОВУ).

*Лицейскій товарищ Пушкина С. С. Есаковъ.
 (Портретъ 1817).*

И оставенъ съ вопросомъ
 На брегу замерзлыхъ водъ:
 «Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ,
 «Мильхъ Вельо не ведетъ?»

148. ПОРТРЕТЪ.

Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ,
 Поэтъ, писецъ и воишь,
 Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ
 Красивъ онъ достоинъ.
 Съ Марьиномъ поетъ онъ записной,
 Съ Фроловымъ математикъ;
 Вступая Энгельгардтъ-герой—
 И юнги онъ дипломатикъ.

149. ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
 Свистъ;
 Мараетъ онъ единымъ духомъ
 Листвы;
 Потомъ всему герцаетъ свѣту
 Слухъ;
 Потомъ печатаетъ: и въ Лету
 Буль!

150. ВОТЪ ЗДѢСЬ ЛЕЖИТЪ БОЛЬНОЙ СТУДЕНТЬ.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ—
 Судьба его немалымъ!
 Несите прочь мешаменты:
 Больная любви невзлѣчима.

глубин по своей полной неосновательности.

«Бедная эта молодежь хочет блеснуть своимъ неважнымъ правительствомъ... Въ № IV «Невскаго Зрителя» Пушкинъ просится съ Кюхельбекеромъ: «Прощай! Едъ бы ни была я...», святому братству вверять я!» Ся шеса, которую наше братство найдете на стр. 66 упомянутого журнала, чтобы обратить внимание цензуры, подписана якобы 9-мъ июня 1817 года... Правдивость этого святого братства и союза (о которыхъ я предарялъ) вы позволите увидѣть изъ друиухъ №№, при семъ приложенныхъ, какъ-то: изъ «Благонамбренаго», стр. 142, въ шесѣ Баратынскаго «Прощанье», изъ «Невскаго Зрителя», кн. III, стр. 56.—«Послание», кн. 4, стр. 63.—«Прелестницѣ». Чтобы не утомлять наше братство болѣе симъ издоромъ, вообразите, что все это шущу и печатаю безстыдно не разиратники, запечатанные уже общимъ мнѣнемъ, но молодые люди, едва вышедше изъ царскихъ училищъ, и подумайте о сдѣствіяхъ такого воспитанія. Я на это, на это только шцу обратить внимание ваше... Осмѣливаю повторить, что сверхъ исполнения долга сына отчества, каковымъ я хочу жить и умереть вопреки общей трусости и разирата, единственная цѣль моя быть употребленнымъ по департаменту, который я предполагаю необходимымъ» (имѣются въ виду департаменты исполнительный и цензурный).

Александръ Блокъ.

138. ТОВАРИЩАМЪ.

Автографъ этой шесы дошелъ до насъ въ принадлежавшей московскому публичному музею тетради № 2364 (д. 37); онъ носитъ вышерислѣнное заглавіе и пошты: «1817» и «перетѣлъ»; друиой автографъ Пушкинъ, по свидѣтельству В. П. Гасвицкаго «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 398, покидая лицей поварилъ на память директору Е. А. Энгельгарду. Въ тетради московскаго музея № 2395 (д. 784) есть писаркою списокъ этого стихотворенія, пошты даваемы: «Къ товарищамъ перетѣланушкымъ». Съ этого списка оно было напечатано въ пошрнемъ изданіи т. IX, стр. 397—398 и въ такомъ видѣ перепечатывалось въ слѣдующихъ собраніяхъ произведеній Пушкина: лишь въ

изданіи литературнаго фонда (т. I, стр. 176—177) оно было напечатано съ подлинной рукописи поэта. Варианты и поправки см. въ концѣ тома.

Оставшая лицей, въ которомъ протекли шесть отроческаго лѣтъ поэта, Пушкинъ продалъ съ товарищами. По разсказу В. П. Бартечева («Матеріалы для биографіи Пушкина», т. II, стр. 65), Е. А. Энгельгардъ предложилъ Пушкину написать «спрашальную шесъ» для торжественнаго акта, но Пушкинъ не согласился, и казенный заказъ былъ исполненъ Дельвигомъ. Очевидно, онъ не хотѣлъ построить свою лиру на официальный ладъ: Паличевскому, Пушкину и Кюхельбекеру онъ посвятить тебья и ибжана стихотворенія, а съ остальными товарищами простился разбираемымъ посланіемъ, слово отвѣчая на общій вопросъ: «а ты, Пушкинъ, едъ будешь служить?» Оно не только носитъ автобиографическій характеръ, но также отражаетъ изгидъ на жизнь, съ которымъ вступалъ въ свѣтъ гениальный юноша. Изученіе его биографіи съ этой стороны ярко рисуетъ его свобододолюбивую натуру. О своей служебной карьерѣ Пушкинъ помышлялъ очень мало; встрѣтивъ со стороны отца отказъ въ средствахъ, необходимыхъ для поступления въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ (см. примѣчанія къ «Посланию къ В. А. Пушкину»), поштъ безъ особаго сожалѣнія оставилъ эту мысль и призналъ, что права «мирной правдности друзья». Пушкинъ переживалъ тогда нещю своей жизни, «первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ радѣвѣтъ»: острое ощущение радости бытія наполняло счастьемъ его пылкую душу, и сквозь розовую дымку юношеской безнечности какимъ пустякомъ казалось ему устроение карьеры и матеріальнаго благополудія! Сознательно, а, можетъ быть, еще и не сознательно, онъ видѣлъ достоинство личности, своей или дружкой, не въ служебномъ или состоянномъ положеніи, а въ ея внутренней сущности, Бюрократія и все, что съ ней связано, были ему противны по духу. Въ тридцатыхъ годахъ онъ обращался къ журналистамъ буларникаго типа съ ѣкимъ соштомъ:

Не душе дѣ вамъ съ наурою смиренноу
Давать е службовоу гражданскоу изъ
пошномъ,
Въ табачноу лавочкѣ табачникъ торкъ давать...
Онъ всегда ненавидѣлъ «укращенныхъ

151. ЕСТЬ ВЪ РОССІИ ГОРОДЪ ЛУГА.

Есть въ Россіи городъ Луга,
 Петербурскаго округа.
 Хуже бѣ не было сего
 Городишки на прѣѣтѣ
 Еслибъ не было на свѣтѣ
 Поворжева моего.

152. ПРОСТИТЕ, ВѢРНЫЯ ДУБРАВЫ.

Прощаніе съ Тригорскимъ.

*Рисованъ академикомъ
 В. Максимовъ.*

*Окружающія Тригорское
 поля.*

ростите, вѣрныя дубравы!
 Прости, безмечный миръ полей,
 И легкокрылая забава
 Столь быстро улетѣвшихъ дней!
 Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!
 На то ль узналъ я вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?
 Отъ васъ беру воспоминаше,
 А сердце оставляю вамъ,
 Быть можетъ сладкое мечташе!
 Я къ вамъ вѣду возвращусь полямъ,
 Приду ночью липовые своды
 На скалы Тригорскаго холма,
 Полюшникъ дружеской свободы,
 Веселья грацій и ума.

1821 г.). Известно, какова была чиновничья карьера Пушкина: онъ сошелъ въ могилу съ тѣмъ же отращеніемъ къ бюрократіи, съ которымъ вышелъ изъ жизни. Въ своемъ беззаботномъ, веселомъ посланіи Пушкинъ слегка задѣлъ кое-кого изъ товарищей, означенныхъ суетными карьерными помыслами. Быть можетъ, подъ «рожденнымъ быть вельможей» скрывается какой-нибудь Горчаковъ, «счастливецъ съ первыхъ дней». Ужъ не оттого ли Пушкинъ никогда не печаталъ этой прекрасной пьесы, что боялся обидѣть кое-кого изъ лицейскихъ товарищей?

«Мирный козлякъ» (стихъ 28-й) или, какъ было въ первоначальной редакціи пьесы, «красный козлякъ» пришесть по душѣ поэту, который много вытерѣлъ голеней изъ за его бунтарскаго цѣфта. Въ 1828 г., уже прикованный къ «стербуржской скалѣ», уже «окованный милостію» Николая Павловича, онъ писалъ («В. С. Филимонову»), добродушно подтрунивая надъ самимъ собою:

... старый мой козлякъ извоишь,
Хоть и любилъ его поэты;
Онъ повелѣвъ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынѣ красной цѣфты...

Блдинскому эта пьеса особенно понравилась, и онъ выдѣлалъ ее изъ ряда тѣхъ, въ которыхъ «сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзии». «Въ ней—говоритъ онъ—«вѣетъ духъ, уже совершенно чуждый прежней поэзии. И стихъ, и понятія, и способъ выраженія—все ново въ ней, все имѣетъ корень своимъ, простой и вѣрный изълѣдъ на дѣйствительность, а не мечты и фантазіи, облеченная въ прекрасныя фразы. Поэты, готовые съ товарищами своимъ выйти на большую дорогу жизни, мечтаютъ не о томъ, что все достигнуто и богатства, и славы, и почестей, и счастья, а предвидѣть то, что всего чаще и всего естественнѣе бываешь съ людьми»...

Н. Лернеръ.

139. ГАУЗИНИЦЛЬДЪ И ЭНГЕЛЬГАРДТЬ...

О происхожденіи этой пьесы В. П. Гаевскій «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 395—397, рассказываетъ слѣдующее: «Послѣ экзаменовъ была конференція, въ которой профессора разсуждали о правахъ

воспитанниковъ при выпускѣ ихъ на службу и составили списокъ по степенямъ усѣбныхъ... Въ то же время Пушкинъ сочинилъ пьесу, въ которой съ беззаботною откровенностью высказалъ одишку приобритенныхъ имъ свидѣній, начинающуюся такимъ образомъ: Гаузиницльдъ... и т. д. Стихотвореніе это, о которомъ упомянуто въ «Библиографич. Запискахъ» 1861 г. (№ 19, ст. 594, и № 20, ст. 659), записано Пушкинымъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, 19 октября 1836 г. въ кругу товарищей, собравшихся для празднованія лицейской годовщины. Автографъ этого стихотворенія находится на послѣднемъ листкѣ принадлежавшей М. А. Яковлеву тетради «Духъ лицейскихъ трудобуровъ»... Въ «Библиогр. Запискахъ» 1861 г. было неопредѣленно указано (ст. 594), что Пушкинъ написалъ эти стихи «въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ», а на ст. 659 было сообщено, что автографъ пьесы находится у В. П. Гаевскаго, не пользовавшагося согласіемъ на помѣщеніе ея въ «Библиогр. Запискахъ».

«Для объясненія этой шутки»—говоритъ Гаевскій (I. с.)—«скажемъ, что упоминаемый «отставной солдатъ» былъ лицейскій дядька Прокофій, родомъ изъ Костромы. Во время ночного дежурства онъ ходил по корридору, съ обычной стороны котораго были комнаты воспитанниковъ, при всякомъ подозрительномъ звукѣ приговаривалъ своимъ особеннымъ выговоромъ (*ахъ* вмѣсто *аюхъ*): «Господа попер... вывать. Упоминаемый пьесникъ танцмейстеръ Эбергартъ служилъ въ лицей съ 1816 г. до 1853 г. (И. Селезневъ, «Историческій очеркъ Императорскаго Лицея», Сиб., 1861 г., стр. 135, 374. Назвалъ онъ у Селезнева въ одномъ мѣстѣ Иваномъ Ивановичемъ, а въ другомъ—Иваномъ Федоровичемъ). Другой Эбергартъ—«кавказскій», по имени Германъ-Магнусъ, служившій ранѣе гдѣ-то южѣ Россіи, былъ въ лицей губернаторомъ въ 1816—1818 гг. Селезневъ, опр. с., стр. 163). По словамъ графа М. А. Корфа Я. К. Грога, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и пастышки», Сиб., 1899 г., стр. 241, этотъ Эбергартъ, ходившій въ ружьемъ парикъ, носилъ прозвище «париченка» и былъ очень глупъ. Пешаскаго же мнѣнія былъ Пушкинъ о лицейской наукѣ, когда даже такого дурака, какъ этотъ губернаторъ, заставлялъ вмѣстѣ съ другими повторять «вѣсь ушаду» о неискренности дипломатическихъ лицестовъ.

писал мне чинт,
 (в много чинт) —
 И дружбой пламенней
 И дружбой влюбленней
 Любь и дружбу заветней
 Умершую любовь!
 Пусть живь намь пламенней;
 Что было — будет вновь

4 Сентября 1817

С. село.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Зачем забывши славу
 Пускаешься в Варшаву?
 Чужды тебе суетники,
 Любовь и дружбу ты искал,
 И дружбасю недрогнул!
 Но ты все так же мил!
 Все миль — и кеклийкиль —
 Въ души и воней живей
 Все то что от черт лал,
 Столь было намь сечуши

примечаніе
 Жуковскій. Батюшковъ
 Пушкинъ Мичуринъ
 Жуковскій

Автографъ эксперимента въ (Пушкин. Библиотека).

Шлецевъ. Писать я не учюю
 и много училал
 Пушкинъ. И дружбой пламенней
 И дружбу влюбленней —
 Батюшковъ. Миль труба замнать
 Умершую любовь;
 Жуковскій. Пусть живь намь пламенней;
 Что было — будет вновь.

4 сентября 1817.

С. село.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Шлецевъ. Зачем забывши славу
 Пускаешься в Варшаву
 Пушкинъ. Ужель ты избвиль
 Любовь и дружбу и воней
 И рязвостя и влюбленней
 Батюшковъ. Но ты все так же мил!
 Жуковскій. Все миль — и кеклийкиль —
 Въ души твои живей
 Все то что въ черт лал
 Столь было намь бездвн.

Дать и песню въ томъ видѣ, какъ ее напечаталъ В. П. Гавевскій, дополнивъ ее refrain по передачѣ П. А. Ефремова («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905, стр. 93).

140. ПОСЛАНИЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Часть этой песни стихи 55—75 была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., стр. 234—235, подъ заглавіемъ: «Посланіе къ В. Л. П—ну» и перепечатана, подъ заглавіемъ: «П—ну» въ изданіяхъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 гг. Недоставшіе стихи, съ неизвѣстнаго плѣнъ списка, бывшаго у А. П. Дюнаева, были напечатаны въ «Библиографич. Запискѣхъ» 1858 г.: полностью посланіе было помѣщено въ герценовской «Полярной Звѣздѣ» 1858 г., а въ собраніи произведеній Пушкина стало вноситься начиная съ изданія 1859 г. (т. I, стр. 173—176).

Подчасъ относясь насмѣшливо къ военщину, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ мысль посвятить себя военной службѣ, къ которой готовились нѣсколько его товарищей. Въ одномъ изъ посланій къ А. П. Галицу (1815 г.) онъ такъ рисовалъ свое будущее:

Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колючки гордыя усы,
Заблещетъ пара люнетовъ,
И я, шитоюцъ важныхъ мулъ,
Въ шельфъ воюющихъ коростовъ!

Военная служба, опозоренная отечественною войною, недавно закончившеюся льстивымъ національному самолюбію парижскимъ походомъ, иногда рисовалась пылкому юношѣ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ:

Среди воинственной долины
Нюхнусь на крыльяхъ я мечты,
Очи во ставъ догоравоцъ;
Межь пухъ, обугланный пламенемъ,
Съ свѣчамъ, усталымъ казакомъ,
Лежу,—вѣднъ штыкъ сверкаюцъ,
Линю ружьѣ и т. т.
Трещитъ бранно грубъ мой,
При блескѣ бранно будага
Огнемъ пылаетъ вѣдръ, и я
Лежу на тѣлѣхъ суностата...
Съ рѣзыхъ слышнотъ ударацъ,
О вы, отеческѣ Ларя,
Спасите войну въ войну... (1)

1. Посланіе къ Юшину.

Красивый мундиръ, кажущееся приволье военной жизни—все это подчасъ влекло Пушкина. Многие изъ его друзей служили въ кавалеріи, и Пушкина потянуло въ гусары. Но этому не суждено было осуществиться. П. В. Анненковъ («Материалы для біографіи П.», Сиб., 1873 г., стр. 38) рассказываетъ, что «спирасно добивался онъ у отца позволенія вступить въ военную службу, въ гусарскій полкъ, гдѣ уже было много друзей и почитателей. Начать службу кавалерійскимъ офицеромъ была его ученическая мечта... Сергѣй Львовичъ отговаривался недостаткомъ состоянія и соглашался только на поступленіе сына въ одну изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ. Кстати будетъ сказать здѣсь, что физическая организація молодого Пушкина, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, бѣды верхомъ и отлично дрался на эспадронахъ, считался чуть ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальшиля».

Не только отецъ, но и другіе близкіе Пушкину люди старались охладить его военный пылъ. Батюшковъ совѣтовалъ Пушкину, не отказавшемуся отъ этой мысли и поддѣвъ, въ 1818 и 1819 гг., не вступать въ военную службу («Сочиненія» К. П. Батюшкова, т. III, стр. 533—534, 555). Такъ же, повидимому, думалъ и В. Л. Пушкинъ, и племянникъ старался своимъ посланіемъ разубѣдить его, хотя въ концѣ концовъ и сознался, что права «мирной праздности друзей», всему на свѣтѣ предпочитающіе «уединеніе и свободу». Векоръ онъ писалъ «однѣ изъ вариантовъ «Товарищамъ»», очевидно, примирившись съ судьбою:

Равны мнѣ псаря, уланъ,
Равны мнѣ каски, кинера;
Не ружьѣ а ружью въ капитанъ
И не полку въ ассессора.

А. О. Орлову въ 1819 г. было нетрудно отговорить Пушкина, опять собирающагося въ военную службу, отъ его намѣренія. Ноги общающъ ему:

Когда встанетъ
Съ утра покая богъ меченъ
И брани громкіи выдвоъ гранеть,
Тогда покаину миръ поженъ.

154. КЪ О.... ОИ

Е. С. Огаревой)

которой Митрополитъ прислалъ плоцовъ изъ своего сада

1817. Петербургъ.

Митрополитъ, авастуяъ безстыдной,
Тебѣ приславъ svojuъ плоцовъ,
Хотѣлъ увбритъ насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ боги сатовъ.

Чему дивиться тутъ? Христа
Улыбкой Дружностью побѣдитъ,
Съ ума свететь Митрополита
И наль желанья въ немъ родитъ.

И онъ твой истрѣлъ взоръ волшебный
Забудеть о своемъ крестѣ,
И пѣжно станеть пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

155. А. П. ТУРГЕНЕВУ.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
Поювъ, сврескъ и скоцовъ,
Но слишкомъ счастливый кошитель
И суматовъ, и глумцовъ,
И дѣности моеи безплодной,
Всегда безнечной и свободной,
Подружи благодатнымъ спомъ!
Къ чему свѣжаться надо мною,
Когда я слабою рукою
Но дръ съ трепетомъ вожу
И лишь пѣвженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
Въ струнахъ певониху наможу?
Душой предавшись наслажденью
И сладко-сладко задремать....

Одинъ лишь ты—съ глубокой дѣнью
Къ трудамъ охоту сочелать;
Одинъ лишь ты, любовникъ страстной,
И Соломирской, и креста, ¹⁾
То ночью прыгаешь съ прекрасной,
То проповѣдуешь Христа,
На свадьбахъ и въ Библейской залѣ,
Среди веселій и заботъ,
Ропаешь Душину на балѣ,
Подъземлешь трепетныхъ сиротъ;
Дививедь милый на Парнасъ,
Забывъ любви своей печаль.

1) Креста, сирѣчь не Амисскаго и не Владимирскаго, а честнаго и животворящаго.

Въ 1820 г. онъ писалъ:

Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной
славы.

Люблю войны кровавыя забавы.

Въ Бессарабѣи, въ ожиданіи войны съ Турціей, поэтъ мечталъ:

Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засищеть вкругъ меня губительный свинець.

Лишь въ 1829 г., во время арзрумскаго похода Паскевича, удалось Пушкину не только видѣть бой, но и принять въ немъ участіе.

Дядя, должно быть, совѣтовалъ племяннику заступить гражданскою службою по судейной или дипломатической части, ставя ему въ примѣръ поэта-министра Дмитріева и получивъ въ отвѣтъ отъ своего «варнасскаго сына»:

Ступай себѣ къ славной Фемидѣ
Ты съ дипломатикой косою.

и указаніе на дѣльный рядъ поэтовъ-военныхъ.

«Русскій Буфлеръ»—К. П. Батюшковъ, подобно французскому поэту Буфлеру (Stani las-Jean de Boufflers, 1737—1815 гг. о немъ см. стр. 122), какъ извѣстно, былъ въ военной службѣ. О «Денисъ-храбрецѣ»—Д. В. Давыдовѣ и «Глинкѣ офицерѣ»—будеть сказано подробно ниже, въ примѣчаніяхъ къ посвященнымъ имъ посланіямъ: «Недавно я въ часъ свободы» (1821 г.) и «Кода средѣ ортій жизни шумной...» (1822 г.). Сергій Никифоровичъ Маринъ (1775—1813 гг.), поэтъ-юмористъ, служилъ въ преображенскомъ полку и былъ флигель-адъютантомъ Александра I; онъ принадлежалъ къ старой литературной школѣ. (См. о немъ «Интер. Вѣст.» 1903, № 6) «Милостію Бога министръ и сладостная вѣнцъ»—П. П. Дмитріевъ (1760—1837 гг.); Пушкинъ упоминаетъ, хотя и безъ притчи, его поэму «Ермакъ» и нуточную сказку «Модная жена». Объ авторѣ «Святокъ»—князь Д. П. Горчаковъ см. примѣч. къ шестѣ «Городокъ».

1814 гд. его сатиру «Святки» см. «Русск. Стар.» 1871 г., т. IV, стр. 681; «Сомнѣній» кн. П. А. Вяземскаго, т. V, стр. 167; «Пушкинскій Сборникъ», выпускъ II, М., 1903 г., стр. 260—262. Въ стихѣ «бѣсмертнаго труса Горация» съ полн. сраженія Пушкинъ вспоминаетъ въ тридцатомъ году, когда переложилъ для задуманной повѣсти нѣд. античная была сцена, въ которой римскій поэтъ рассказываетъ, какъ онъ,

третійный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обиты и молитвы.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на форму «рѣшитель» (въ 47 стихѣ) въ смыслѣ «рѣшается». Пушкинъ считалъ ее болѣе правильной и писалъ въ свою замѣтку, что «рѣшу» спрягается, какъ «рѣшу».

Н. Лернеръ.

141. БЕЗВѢРІЕ.

Въ бумагахъ Е. А. Энгельгардта, бывшаго съ 1816 г. директоромъ Царскосельскаго лицея, сохранилась рукопись озаглавленная: «Etwas über Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums», съ любопытными характеристиками воспитанниковъ. Въ отвѣтъ о Пушкинѣ, между прочимъ, читаемъ: «Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце». Можно предположить, что «Безвѣріе», осуждающее такую пустоту сердца, такое отсутствіе въ душѣ религіи, было написано Пушкинымъ безъ вліянія взглядовъ на него Энгельгардта. Или Пушкину прямо была задана тема для того стихотворенія, которое предстоило ему прочесть на выпускномъ экзаменѣ, или онъ самъ избралъ эту тему съ опредѣленною цѣлью—исколько оправдать себя въ глазахъ директора. Характеръ Пушкина, никогда не умѣвшаго зашекивать дѣлать болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Однако Гаевскій, внимательный изслѣдователь лицейской жизни Пушкина, рѣшительно высказываетъ за второе («Современникъ» 1863 г.). «Чтобы возстановить себя въ мнѣніи Энгельгардта въ религіозномъ отношеніи, говоритъ Гаевскій, —Пушкинъ написалъ «Безвѣріе», холодное дидактическое стихотвореніе, которое читалъ на выпускномъ экзаменѣ». Замѣчательно, что, осуждая въ свою стиху «Безвѣріе», Пушкинъ вовсе отъ него не отрекается; и здѣсь не согласенъ онъ увидѣть

лицейскій безаконош

Ни гордой совѣсти, ни дѣры непреклонной.

Впрочемъ, прятать ли можно считать убѣжденія Пушкина-лицейца особенно глубокими, и его «Безвѣріе» 1817 года могло быть довольно поверхностнымъ. Но край-

АЛЕКСАНДЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Съ улыбкой дремлень въ Арзамасѣ
 И спишь у графа де-Лаваль.
 Нося мучительное бремя
 Пустьхъ и тяжкихъ должностей,
 Однѣ лишь ты находишь время
 Сбѣяться лѣности моеи.

Не вызывай меня ты болѣ
 Къ навѣкъ оставленнымъ трудамъ,
 Ни къ поэтической неволѣ,

Ни къ обработаннымъ стихамъ.
 Что нужды, если и съ ошибкой,
 И слабо иногда пою?
 Искрай Иннета лишь улыбкой
 Любовь беспечную мою
 Воспламенить и успокоить!
 А трудъ и холоднѣе и пусть:
 Поэма никогда не стовтъ
 Улыбки сладострастныхъ устъ.

8 Ноября.

ней мѣръ семь лѣтъ спустя (въ мартѣ 1824 г.), въ известномъ письмѣ, послужившемъ поводомъ къ высылкѣ Пушкина въ Псковскую губернію, онъ писалъ: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю:—пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго Адептства. Завѣс Англичанинъ гдѣ-то философъ, единственный умный Адепт, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ перисалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабая доказательства безсмертія души». Если въ 1824 г. Пушкинъ нуждался въ такихъ урокахъ атеизма, надо думать, что онъ не былъ особенно ослѣдомленъ объ немъ въ 1817.

«Безвѣрье» было прочитано самимъ Пушкинымъ, на выпускномъ экзаменѣ Ангелъ, 9 іюня 1817 г., а потомъ, 30 ноября того же года, въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словоупотребности—В. А. Пушкинымъ. Навѣчато стихотвореніе было въ «Трудахъ» этого Общества, въ томъ же 1817 г. (повидимому съ поправками В. А. Пушкина, см. въ концѣ тома), но при своей жизни Пушкинъ ни разу его не переиздавалъ, какъ бы считая его недостойнымъ себя. Бѣлинскій, относя «Безвѣрье» къ числу самыхъ слабыхъ среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина, говорилъ, что это одна изъ тѣхъ вещей, «которыя сотнями писалъ въ блаженное старое время—риторическое распространеніе какой-нибудь темы влохмизъ стихами». Отзывъ предельно строго, потому что въ «Безвѣрью» встрѣчаются и мѣткіе, «Пушкинскіе», эпитеты («сдѣлательный ширецъ», «слуха Судьбы»), «обманчивая цѣна любви и дружества», «красота природы—въ чистотѣ свободной простоты» и т. д.), и цѣлыя стихи, если и лишены настоящаго одушевленія, то все же ни въ какомъ случаѣ не «влохмизъ», а, наоборотъ, сдѣланные съ рѣдкимъ мастерствомъ (напр., ст. 22, 46, 49, 76—78 и др.).

Валерій Брюсовъ.

142. КЪ НЕЙ.

Найдя это стихотвореніе въ тетради, приготовленной для изданія 1826 года, гдѣ оно было разрѣшено цензурой, но зачеркнуто подомъ, и печатал его впервые въ своемъ изданіи (I. II, Амстердамъ). Дѣлаетъ примѣчаніе (ibid., стр. 187—188): «Основную мысль стихотворенія Пушкинъ воспро-

извелъ въ другой и превосходной формѣ, спустя 8 лѣтъ, именно въ пьесѣ: «Я помню чудное мгновенье», принадлежащей уже къ 1825 г. Онъ часто поступалъ такъ съ первыми своими произведеніями. Между прочимъ, стихотвореніе это написано уже послѣ выкупа изъ Лицея и чуть ли не въ Михайловскомъ, куда уѣхалъ Пушкинъ и гдѣ, вѣроятно, встрѣтилъ и лицо, вызвавшее самое посланіе».

«Указаніе это,—замѣчаетъ Майковъ, довольно неопредѣленно, и никакиихъ разъясненій къ нему не дается; любопытно однако, что въ разсматриваемой пьесѣ (ст. 10-й) находится послѣднее воспоминаніе о привязанности поэта къ Е. П. Бакушиной; но тутъ же онъ, отбранившись отъ прежнихъ сердечныхъ волненій, выражаетъ примиреніе съ жизнью, которая вновь расцвѣла для него со всѣми своими радостями и скорбями, и оканчиваетъ свои стихи поэтическимъ обращеніемъ уже къ другому лицу».

По поводу настоящаго стихотворенія Гавевскій («Современникъ» 1863, т. ХСVII, стр. 365) говоритъ: «Въкоторыя выраженія Жуковского, поразившія Пушкина, усвоившись ему, можетъ быть, безсознательно и повторялись безъ всякой связи съ цѣлымъ, изъ котораго замѣтованы. Такъ, напримѣръ, выраженіе въ алегіи Жуковского «Вечеръ»:

Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній
грузь...

повторяется Пушкинымъ въ посланіи «Къ ней» (ст. 13-й), хотя между этими стихотвореніями мало общаго. Такія «замѣтованія» кажутся намъ столь обычными у поэтовъ, что мы не можемъ согласиться ни со словами Гавевскаго о «безсознательности» и «безсвѣдственности» замѣтованій, ни съ догадками Майкова, который утверждаетъ, что Пушкинъ «обладалъ удивительною памятью относительно поэтической красоты», и сознательно въ данномъ случаѣ руководствовался «вѣрною аналогіей представлений; у Жуковского грузь сомнѣній и лиризмъ были воспоминаніями о друзьяхъ, съ которыми поэтъ расстался; у Пушкина грузь любви также является плотою воспоминаній о любви, въ которой онъ обманулся».

О. Е. Коршъ въ своей статьѣ «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» («Изв. орд. рус. яз. и слов.» 1898 г., III, стр. 698) отмѣчаетъ галлицизмъ:

КН. ЕВДОКІЯ ПВАНОВНА ГОЛИЦЫНА.

Портретъ Егорова. (Третьяковская Галлерей).

156. КЪ . . .

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
 Среди забавъ я часто озрачѣю,
 Зачѣмъ не все подъемлю взоръ угрюмой,
 Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
 Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
 Я разлюбилъ веселую любовь
 И никого не называю милой:
 Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
 Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
 На краткій мигъ блаженство намъ дано:
 Отъ юности, отъ пѣтъ и сладострастья
 Останется уныніе одно.

27-го ноября.

157. КРАЕВЪ ЧУЖИХЪ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ.

Кн. Евт. Ив. Голицына .

Краевъ чужихъ неопытный любитель
 И своего всгдашній обвинитель,
 Я говорилъ: «Въ отечествѣ моемъ
 Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ гений мы найдемъ?
 Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
 Возвышенной и пламенно-свободной?
 Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
 Но съ огненной, пѣвительной, живой?
 Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
 Пѣвительный, веселый, просвѣщенный?
 Съ вѣмъ можно быть не хладнымъ, не ну-
 стымъ?...»

Отечество почти я ненавиждѣю,
 Но я вчера Голицыну увидѣю—
 И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября.

«Бжкала оть радостей, бжкала оть мн-
лихъ музъ.

И—слезы на глазахъ—со славою
прошлася!

=les larmes aux yeux, какъ и «Андрей
Шенья» (1825):

Когда съ угрозами и слезы на гла-
захъ.

Мой проклятый вѣкъ, утраченный въ
пирвахъ».

Интересно отмѣтить построение начала
стихотворенія, конечно, безсознательное:
частымъ повтореніемъ звука *a* достигается
впечатлѣніе печальной торжественности:

Въ печальной праздности я лиру забы-
валъ,

Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось...

Тотъ же пріемъ въ стихотвореніи

Для береговъ отчизны дальней

Ты покинула край чужой...

Александръ Блокъ.

143. «КЪ ЖУКОВСКОМУ».

Точно датировать посланіе довольно
трудно. А между тѣмъ это представляеть
интересъ для выясненія любовнаго мо-
мента биографіи Пушкина—его вступленія
въ «Арзамасъ». Майковъ отнесъ стихотворе-
ніе къ 1817 году на томъ основаніи,
что въ автографѣ стоятъ подписи: «Арзамас-
ецъ», а Пушкинъ—де «членомъ Арзамаса
могъ стѣлаться только по окончаніи курса»
въ Индѣ, т. е. въ 1817 г. Однако, этогъ до-
водъ неубѣдителенъ. Во-первыхъ, не ясно,
почему Пушкинъ не могъ вступить въ
Арзамасъ раньше окончанія Индѣ. Члены
Арзамаса высоко цѣнили талантъ поэта-
лицензіа: известно, что въ мартѣ 1816 г.
трое виднѣвшихъ арзамасцевъ—Карамзинъ,
Жуковскій и В. А. Пушкинъ, посетили Ин-
дѣ съ нарочитою цѣлью навѣстить
Александра Сергѣевича и тѣмъ почтить его
литературное дарованіе. Въ апрѣлѣ того
же года Василій Львовичъ писалъ племян-
нику: «ты братъ мнѣ по Аюлоу» и сви-
дѣтельствовалъ отъ имени главныхъ ар-
замасцевъ: «мы отъ тебѣ много ожидаемъ».
Тотъ же Василій Львовичъ съ наслажденіемъ
рекламировалъ стихи лицензіа-племянника
въ дѣятѣльнѣмъ московскаго Общества Рос-
сийской Славяности. Въослѣдствіи Жуков-
скій сообщалъ Гоголю о Пушкинѣ: «была

ему было восемнадцать лѣтъ, онъ думалъ
какъ тридцатилѣтній человекъ; умъ его соз-
рѣлъ раньше, чѣмъ его характеръ. Это часто
поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ
былъ еще въ Индѣ». И нѣтъ ничего не-
ожиданнаго въ томъ предположеніи, что
Пушкинъ-лицензіа былъ принятъ въ Арзамасъ
еще въ 1816 году. Но имѣется и докумен-
тальное свидѣтельство въ пользу
такого предположенія. Въ арзамаскихъ
бумагахъ сохранился проектъ литературнаго
сборника: «Отрывки, найденные въ
Арзамасѣ», задуманнаго членами общества
въ 1816 году. Здѣсь, въ перечнѣ предло-
гаемому къ напечатанію произведеній,
подъ рубрикой: «Цѣты и аниграммы» от-
мѣчено: «здѣсь будутъ или не будутъ: Свѣт-
лана, Ахальдъ и Сверчокъ». Какъ извѣстно,
«Свѣтлана»—арзамасское прозвище Жуков-
скаго, «Ахальдъ»—Батюшкова, а «Свер-
чокъ»—Александра Пушкина. Значитъ, еще
въ 1816 году лицензіа Пушкинъ уже зна-
чился въ спискахъ Арзамаса подъ своимъ
особымъ прозвищемъ. Этогъ документъ
былъ извѣстенъ Майкову по рукописи
Импер. Публичной Библиотеки еще ран-
ше, чѣмъ онъ былъ опубликованъ П.
А. Бичковымъ (въ приложеніи къ От-
чету Публичной Библиотеки за 1884 г.) и
былъ использованъ имъ въ его извѣстной
биографіи Батюшкова (2-е изд., Сиб.,
1896, стр. 187—188). Однако, Майковъ по
чему-то не обратилъ вниманія на присут-
ствіе въ спискѣ авторовъ Сверчка—Пуш-
кина. Время составленія перечня онъ опре-
дѣляетъ также ошибочно, относя его къ на-
чалу 1816 г., тогда какъ, въ действитель-
ности, перечень могъ быть составленъ не
раньше второй половины августа или же
начала сентября того же года: въ спискѣ
подъ прозвищемъ «Вотъ я вась оиыт!»
стоитъ «Посланіе къ Арзамасцамъ», разо-
трѣнное въ Арзамасѣ 16 августа, когда и
автору его, В. А. Пушкину, получили, вмѣ-
сто общаго имени «Волрушка», прозвище
«Вотъ я вась оиыт!» Названный документъ
далъ основаніе Е. А. Сидорову, автору по-
вѣрнаго и исчерпывающаго изслѣдованія
объ Арзамасѣ, («Жур. Мин. Нар. Пр.»
1901, ноябрь) относить избраніе Пушкина
въ члена этого литературнаго кружка
къ 1816 году (именно—къ началу года).
Новымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія
является письмо Пушкина-лицензіа къ «лю-
бедному арзамасцу», кн. П. А. Вяземскому
отъ 27 марта 1816 года изъ Царскаго Се-
ла), въ которомъ Александръ Сергѣевичъ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ.

158. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
 Гроба близкимъ повосельемъ:
 Право, намъ такимъ бездѣльемъ
 Заниматься недосугъ.
 Пусть остылой жизни чашу
 Тянетъ медленно другой;
 Мы жь утратимъ юность нашу
 Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
 Каждый у своей гробницы,
 Мы присядемъ на порогъ,
 У Пафоскія царицы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
 Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
 Круговой нальемъ сосудъ,
 И тобою наши тѣни
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ:
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ;
 И подруги шадуновъ
 Соберутъ нѣзъ легкій пепелъ
 Въ урны праздныя пирровъ.

писать, что рвется изъ Лицея какъ изъ «заточенія» и что «безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей русскаго слова».

Рѣчь идетъ о «погребеніи» Академіи и Бесѣды именно на застѣланіяхъ Арзамаса, участіе въ которыхъ такъ любилось Пушкину, такъ какъ погребать пушкинствомъ въ стихахъ онъ могъ и сія въ Лицеѣ (см. напр., «Къ Жуковскому», «Желаніе»).

Итакъ, подиши: «Арзамасецъ», стоящая на автографѣ посланія къ Жуковскому, свидѣтельствуетъ не въ пользу 1817 года, а скорѣе въ пользу 1816 г. Существуетъ мнѣніе, что отнеси стихотвореніе къ 1816 году мѣшается упоминаніе въ немъ объ Озеровѣ, который умеръ во второй половинѣ этого года. Вотъ это упоминаніе:

Смотрите: пораженъ враждебными стразами,
Съ потушимъ факеломъ, съ недвижимыми
Крылами,
Къ вамъ Озерова духъ вызываетъ, други,
Месты!

Едва ли въ этихъ стихахъ можно усматривать прямо указаніе на смерть Озерова: послѣдніе годы своей жизни драматургъ былъ пораженъ душевною болѣзью, и «потушимъ факеломъ» можно отнести именно къ его угасшему сознанію. Въ такомъ смыслѣ, еще задолго до смерти Озерова, въ 1814 году писалъ о немъ Жуковскій въ своемъ посланіи къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину:

«Иногда угаснулъ отъ печали
Ахъ! если бы могъ достигнуть глазъ
Участія и удивленія
Къ душѣ, не спешивъ окорбеленя,
И услышать ее на часъ!
Чувствительность... ибыву побѣдѣю была...»

Но если даже видѣть въ стихахъ Пушкина указаніе на смерть Озерова, все же это не препятствуетъ отнести посланіе къ 1816 г. Озеровъ умеръ 5 сентября 1816 г. Извѣстіе объ этомъ появилось въ Сынѣ Отечества того же года, въ № 41 (часть XXXIII, стр. 120), а въ № 45 (стр. 267) была помѣщена уже и диграмма на князя Шаховскаго — прапа драматурга, въ которой снова упомянуто о смерти Озерова. Александръ Сергѣевичъ, который жадно ловилъ литературныя новости, могъ, такимъ образомъ, читать о смерти Озерова и въ 1816 году, особенно тогда, гдѣ живымъ впечатлѣніемъ.

Посланіе «Къ Жуковскому» принадлежитъ къ самымъ значительнымъ—и по содержанію, и по настроенію—стихотвореніямъ Пушкина-лицеиста. Въ этомъ посланіи, несомнѣнно, отразился одинъ изъ важныхъ моментовъ всего духовнаго развитія поэта. Послѣ веселыхъ эпитраммъ, откровенной эротики, восхваленій вина и любви, о чемъ такъ часто твердить лицейская муза Александра Сергѣевича, читатель мало подготовленъ къ такому стихотворенію, а между тѣмъ въ немъ раскрываются итоги продолжительной работы поэтическаго самосознанія. Съ глубокой убѣдительностью—и безинтересно—юноша-Пушкинъ опредѣляетъ свое жизненное призваніе:

Въ таври парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ преть музами
Колѣни,
Опасною треной съ надеждой полетѣвъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой
Удѣлъ,
Странусь, неомытый, безлаваго патеня,
Но пылаго смирить не въ силахъ я
Веченя!
«Пѣть, пѣть, рѣшился въ безъ страха въ
Трудный путь!»
Отважкою вбрю исполнися трутъ!

Сочувствіе даровитѣйшему писателю—Каразмину, Державина, Жуковскаго—настраивало поэта на серьезный тонъ, и его возбужденной мысли предпослался «въ туману отдаленя» высокій вѣдн искусства и вдохновенія.

Съ такою же убѣжденностью, какъ и въ опредѣленіи своего призванія, Пушкинъ выбираетъ между двумя борющимися направленіями и рѣшительно примакаетъ къ передовому. Вторая часть стихотворенія посвящена характеристикѣ и обличенію пушкинствомъ; петербургъ словомъ помпупути и Третьяковскій съ Сумароковымъ. Подъ именемъ бездарнаго римскаго поэта Мевія выведенъ самъ глава «сварига-россовъ»—А. С. Пушкинъ, а именемъ перваго греческаго драматурга Эсхила на смѣшливо обозначенъ кн. А. А. Шаховской. Въ мѣсѣ живо чувствуется отзвуки борьбы «бесѣдниковъ» и «арзамасцевъ», и не случайно въ рукописи стоитъ подиши: «Арзамасецъ». (Подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ пушкинствамъ и каразмистамъ см. въ нашей статьѣ о Бесѣдѣ любителей русскаго слова и Арзамасѣ, въ этомъ же изданіи).

О текстѣ см. въ концѣ тома.

Н. Писановъ.

159. МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

приписывается Пушкину .

Избави, Господи, ума такого,

Какъ у Александра Васильича Попова,

Славинскаго скромности,

Зубова томности,

Нильина чистоты,

Тютчева красоты,

Любомирскаго чванства,

Каверина пьянства,

Гротовой скуности,

Ховрина глупости,

Суетливости Оффенберга,

Разсудительности Уигерль-Штериберга,

Чаадаева гордости,

Юшкова подлости,

Крекшина службы,

Сабурова дружбы,

Завадовскаго щелрости,

Гернгросовой мерзости,

Кнабенау усовъ,

Пашковскихъ посовъ,

Салтыкова дикости,

Соломирскаго лихости,

Савцова смиренья,

Кругликова пьнья,

Барятинскаго спросовъ,

Рахманова вопросовъ.

Молодцова хвалы

И Микшинна худы...

Несомненно, Пушкинъ еще въ лицѣ принадлежалъ къ Арзамасу въ качествѣ «неприсутствующаго» члена. Вступилъ онъ въ это общество въ 1817 г., по окончаніи лицейскаго курса (см. ниже примѣчаніе къ фрагментамъ его вступительной арзамаской рѣчи: «Виднѣ желаніямъ! Итакъ, я вижу вась!»...). Мнѣніе отнеснаго разбираемое посланіе къ 1817 г., Л. П. Майкова (2-ое акад. изд. 1-т. «Сочиненій» П., прим., 400), что «споднсь («Арзамасецъ») которая стоитъ въ автографѣ подъ посланіемъ къ Жуковскому, указываетъ на время сочиненія этого стихотворенія», неврино къ смьслѣ аргументацій, хотя въ отношеніи хронологіи пьесы Майковъ, вѣроятно, правъ. «Арзамасецъ», какъ справедливо указываетъ П. К. Писановъ, Пушкинъ могъ называть себя и въ 1816 году. Другія основанія, гораздо болѣе важныя, заставляютъ отнести посланіе съ весьма значительною вѣроятностью къ 1817 году.

Въ началѣ января 1816 г. какъ мы знаемъ, Пушкинъ писалъ своему дядѣ Василію Львовичу («Тебѣ, о Несторѣ Арзамаса...»): «папомни о себѣ моимъ незабытымъ; не мнѣ больше времени; но... надобно ли еще общать?» Эти «незабытые», которымъ Пушкинъ такимъ образомъ общать напомятъ о себѣ,—конечно, поощрившіе его арзамасы, его названные «братья по Аполлону». Могъ ли Пушкинъ «папомнить» имъ о себѣ иначе какъ стихами, которымъ они всегда ожидали отъ своего младшаго пріятеля? Общаніе свое Пушкинъ сдержалъ. Исполненіе его нужно видѣть въ посланіи къ Жуковскому. Изъ 122 стиховъ посланія относится собственно къ Жуковскому лишь первые 28. Остальные 94 стиха говорятъ о тѣхъ литературныхъ интересахъ, которые болѣе всего занимали Арзамасъ, ради которыхъ Арзамасъ существовалъ. Последние 18 стиховъ содержатъ уже прямое обращеніе къ «незабытымъ». Итакъ, болѣе 3/4 посланія, посвященнаго Жуковскому, относится ко всемъ арзамасцамъ. Очевидно, Пушкинъ исполняетъ данное въ письмѣ къ Василію Львовичу обѣщаніе. Посланіе, содержащее своего рода программу деятельности Арзамаса, настолько серьезно и значительно какъ по мыслимъ, такъ и по одной своей величинѣ, что, несомненно, другое «папомнаніе» о себѣ Пушкинъ арзамасцамъ, по крайней мѣрѣ, въ знанный арзамасамъ періодъ не послалъ.

Нелишнее замѣтить, что столь острожнымъ и вѣдвователь какъ П. П. Барте-

пекъ, писавшій свои «Матеріалы для біографіи Пушкина» (М., 1855г.), такъ сказать, «по горячимъ слѣдамъ» и пользовавшійся воспоминаніями и указаніями такихъ близкихъ Пушкину людей, какъ, между прочимъ, князь П. А. Вяземскій, отнесъ это посланіе сначала (гл. II, стр. 40) «вѣроятно къ концу 1816 или началу 1817 года», а потомъ (гл. III, стр. 12) прямо къ началу 1817 г.»

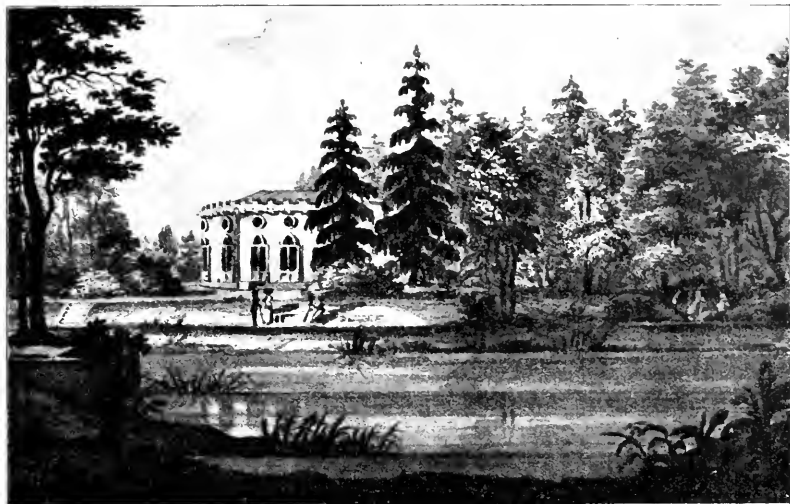
Н. Лернеръ.

144. ШТАБЪСЪ-КАПИТАНУ ГЕТЕ, ГРЕЮ...

(В. А. Жуковскому).

А. П. Кирвичиковъ напечаталъ въ «Русской Старинѣ» 1897 г., февраль, стр. 275, эту нѣточную записку съ кони, найденной въ бумагахъ забытаго пѣнѣ поэта, П. М. Кошнина, котораго довольно хорошо знавалъ Пушкинъ. Вспоминная событія 1817 г. Кошнинъ писалъ: «Жуковскій былъ взятъ къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ; полагъ къ милость ко двору. Въ это время Пушкинъ написалъ ему на двуръ: «Штабсъ-капитану...» и т. д. «Конечно»,—замѣчать по этому поводу А. П. Кирвичиковъ (1. с., прим. 5),—«нельзя руматья головой за принадлежность этого стихотворенія Пушкину: по съ одной стороны близость Кошнина къ кружку Пушкина, а съ другой—остроуміе и необыкновенная легкость стиха ставить эту принадлежность почти въ вѣсякаго сомнѣнія». Въ изданіи П. О. Морозова изд. «Просвѣщенія», I стр. 559) она помѣщена не къ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ къ пьесамъ 1819 г. У П. А. Ефремова сперва (издан. А. С. Суворина, т. I, стр. 314) помѣчена 1818—1819 гг., а въ примѣчаніяхъ (т. VIII, 117) указано, что она относится къ 1817 г.; къ этому году отнесена она Ефремовымъ и къ собранію пьесъ поэта (т. VII, стр. 9, № 4). Въ академическомъ изданіи переписки Пушкина (т. I, стр. 7, № 5) она помѣчена съ измѣненіемъ и нѣмѣкъ не оправданной точностью: «Лѣто 1817 г. Царское Село».

Пушкинъ называетъ поэта-переводчика, который сумѣлъ такъ хорошо проникаться чувствами и настроеніями переводимыхъ имъ авторовъ, что слыхалъ съ ними, именами его любимыхъ поэтовъ. Чинъ штабсъ-капитана Жуковскій получилъ за участие въ бординскомъ бою; о Томсонѣ и Греб см. стр. 74.

БАБОЛОВСКІЙ ЛѢТНІЙ ДВОРЕЦЪ возлѣ Царскаго Села.
Рис. Лицеиста Лангера (Спб. 1826).

160. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

(Приспѣвывается Пушкину).

Прекрасная пускай восторгомъ насладится
 Въ твоихъ объятіяхъ російскій подубогъ.
 Что съ участіемъ твоей сравнится?
 Весь міръ у ногъ его — здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

145. COUPLETS.

«Couplets» вошли до насъ въ автографъ и въ списки. Автографъ, на двухъ листахъ синей бумаги, въ 4-ку, принадлежалъ Я. К. Гроту (см. его сборникъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 300); точный списокъ находится въ принадлежащей К. Я. Гроту тетради Ф. Ф. Матюшкина («Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1905 г., октябрь, стр. 231, 247—248). Первая двѣ строфы появились въ Аишевскихъ «Материалахъ для биографіи Пушкина» (первое изд., 1855 г., стр. 18, съ русскимъ переводомъ), а цѣлкомъ всѣа была напечатана въ «Библиогр. Запискахъ» 1858 г., ст. 688, съ копію, найденнейшей по словамъ Г. Н. Геннади «Приложеніемъ къ сочиненіямъ Пушкина, издаваемъ Я. А. Писковымъ», Сиб., 1860 г., отд. I, стр. 105—106), въ тетради С. Д. Полтарацкаго и списанной съ пушкинскаго подлинника. Въ собраніи произведеній поэта «Couplets» стали включаться начиная съ 1859 г. (т. I, стр. 575—577).

О происхожденіи пьесы Аишевой (т. с.) кратко говорить, что она была «вызвана соревнованіемъ въ одномъ изъ царскосельскихъ обществъ, гдѣ въ числѣ занятій были и литературныя составленія». Подробнѣе разсказываетъ объ этомъ В. П. Гасвскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 385—386): «Въ самомъ началѣ своего директорства Энгельгардтъ разрѣшилъ отпустить изъ лицей въ предѣлахъ Царскаго Села, и по призыву директора, нѣсколько семейныхъ домовъ открылись для лицейцевъ, именно: дома Вельо, Сивериной и барона Теннера де Ферюссона... Послѣдній... поступилъ въ лицей по протекціи стариннаго своего пріятеля Энгельгардта учителемъ музыки и пѣвца. Онъ, хотя не имѣлъ голоса, дорожно училъ пѣвца и сочинилъ для воспитанниковъ духовныя концерты... Теннеръ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный, и личности часто заходили въ его домикъ... У Теннера каждый вечеръ собиравались по нѣскольку человѣкъ, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣвцемъ. У него же, во воскресеньямъ, происходили литературныя бесѣды, давались темы, на которыя приготоовилось къ слѣдующему воскресенью нѣсколько сочиненій, и такимъ образомъ совершалась литературная сессія, на которыхъ Пушкинъ переносивалъ. Темы представлялись сами собою, и на одну изъ таковыхъ, данную при про-

шаніи: «Jusqu'au plaisir de vous revoir», Пушкинъ написалъ въ 1817 году легкіе и остроумные куплеты... Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ слѣдующее посланіе, кажется, самого Теннера».

Приводимъ его:

A. M^r. Pouchkin.

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Des vers faits avec tant de grâce,
Je me résigne, et de bon coeur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup la mien efface.
Je n'en ai vu que la surface,
Mais c'est pour lui dire à revoir.

Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant, de rompre une lance?
Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience,
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront des couplets à revoir.

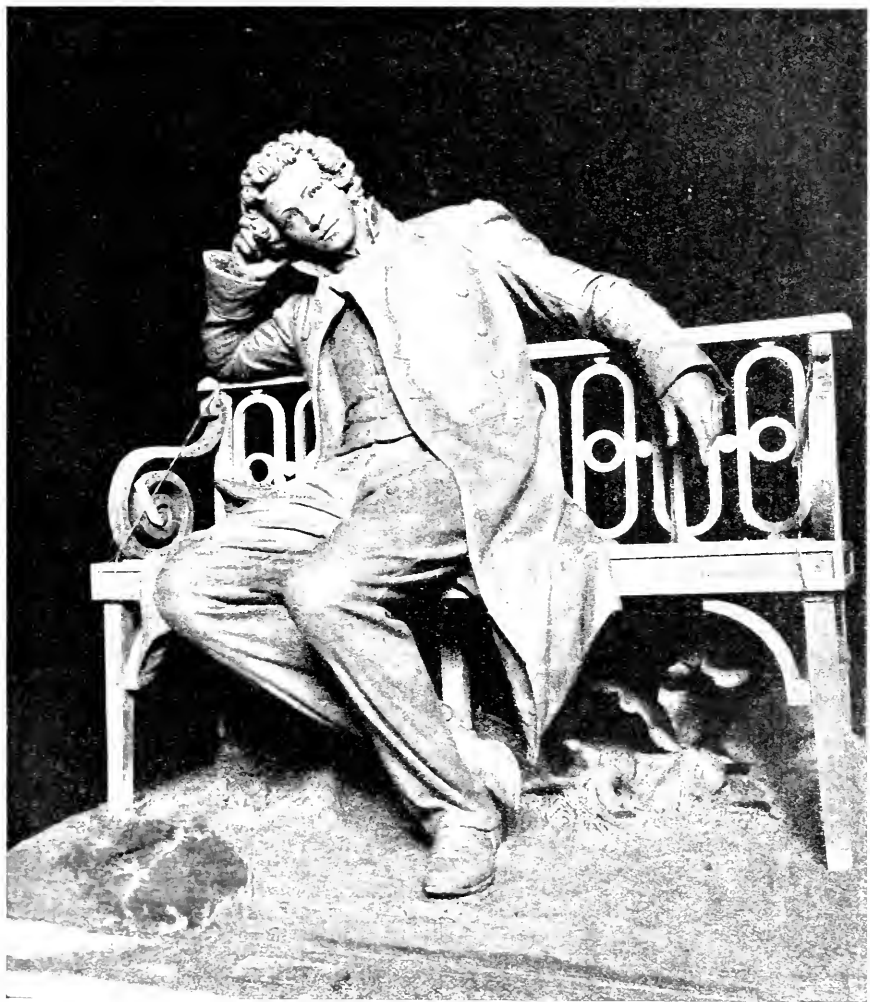
Au revoir est un vieux dicton
Qui jamais ne passe de mode;
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien de cas il est commode.
Une parler au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accommode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un au revoir.

И Гасвскій, и Л. П. Майковъ неправильно принесли эти стихи Теннеру. Какъ было давно уже указано Я. К. Гротомъ и К. Я. Гротомъ (т. с.), авторъ ихъ—Марія Смитъ (о ней см. примѣч. къ пьесѣ: «Къ молодой вдовѣ»); подлинникъ этой пьесы, съ приведеннымъ выше заглавіемъ, сохранился у К. Я. Гроза.

Стихи Пушкина на данную тему живы, остроумны и свидѣельствуютъ о томъ, какъ легко владѣлъ языкомъ Вольтера лицейскій «французъ» (такъ прозвали Пушкина товарищи).

146. К. А. Б.

Это четверостишіе появилось впервые въ изданіи 1826 г., стр. 111, а затѣмъ было перепечатано въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 150; въ томъ, въ которомъ изданіи оно не было датировано, А. П. Писменовъ («Шесть статей о Пушкинѣ», Сиб., 1892 г., стр. 81; «Историч. Вѣсти.»

ПУШКИНЪ-ИНЦЕНСЪ.

Статуя Р. Р. Бюш.

*(Берлин: часть памятника Пушкину, въ Липовомъ саду, въ Царскомъ Селѣ.)
Фотографія снята со статуи, когда она еще была въ мастерской скульптора.*

1889 г., мартъ, стр. 683) въ своей статьѣ: «Изъ рукописей Румянцевскаго музея» указываетъ на рукопись (копію) этого стихотворенія, озаглавленную: «К. А. Б...», находящуюся въ тетради № 2393, которую В. Е. Якушкинъ («Русс. Старина» 1884 г.) не подвергъ подробному обследованію. Подъ тѣмъ же заглавіемъ и безъ всякой даты оно значится въ пятневскомъ (1825 г.) списке стихотвореній поэта («Переписка Пушкина», ред. В. П. Савтова, т. I, стр. 295), предназначенномъ для готовящагося изданія 1826 г. Со времени второго Гениадьевскаго изданія (1870 г., т. I, стр. 315) его стали почему-то относить къ К. П. Бакушиной. Къ 1817 году его описал П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., т. I, стр. 198), который въ изданіи 1882 г. (т. I, стр. 494) сообщилъ, безъ указанія источника, что оно написано по окончаніи лицейскаго курса. А. П. Майковъ (2-ое акад. изд. I т. «Сочин. П.», стр. 245, прим., стр. 365—366) напечаталъ эту пьесу подъ заглавіемъ: «К. П. Бакушиной», несмотря на то, что нѣтъ никакихъ оснований такъ истолковывать инициалы «К. А. Б.», подъ которыми мадригалъ былъ два раза напечатанъ при жизни поэта. Думая почему-то, что чувство, возбужденное въ молодомъ поэтѣ К. П. Бакушиной, стало остывать, повидному (?), еще до окончанія имъ курса», Майковъ высказалъ предположеніе, что пьеса относится къ 1816 году. Тутъ же Майковъ попытался объяснить происхождение мадригала заимствованіемъ изъ неизвѣстнаго французскаго подлинника, которымъ пользовался Державинъ, написавшій «Написъ къ портрету Барбары Васильевны Энгельгардтъ» (1780 г.). Написъ, немного напоминающій пушкинскій мадригалъ, но напечатана она лишь въ шестидесять годовъ XIX вѣка. («Сочинен.» Державина, 2-ое изд. Я. К. Грота, т. II, стр. 162; т. III, стр. 261; П. А. Ефремовъ, самъ напечаталъ это четверостишіе въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. I, 1903 г., стр. 264, подъ заглавіемъ: «К. П. Бакушиной», но въ примѣчаніяхъ т. VIII, 1905 г., стр. 83), однако, проицируетъ:

«Къ-то оно отнесено въ 1870 г. къ «К. П. Бакушиной», такъ съ тѣмъ поръ и переиздается «на вѣру», безъ малѣйшаго подтвержденія или опроверженія».

Въ настоящемъ изд. стихотвореніе напечатано въ тѣмъ видѣ, въ какомъ оно появилось при жизни поэта.

Трубно предположить, что это четверо-

стишіе было посвящено Бакушиной. Холодный, выложенный тонъ мадригала плохо вяжется съ чувствомъ, которое внушила поэтѣ Бакушина, чувствомъ, о которомъ онъ писалъ, покидая людей, въ альбомъ П. П. Пушкину, тоже увлекавшемуся Бакушиной:

съ тѣми тоски следами
Ты вспоми первую любовь...

Время созданія мадригала также нельзя установить съ точностью. Судя по формѣ, онъ принадлежитъ къ лицейскому периоду.

Н. Лернеръ.

147. Н ОСТАНЕШЬСЯ СЪ ВОПРОСОМЪ... (С. С. ЕСАКОВУ).

«Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскія Сердечникыя», — разсказываетъ въ своемъ запискѣ П. П. Пушкинъ (А. П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 65), — «хотя и самъ иногда попадалъ къ эту категорію. Разъ на зимней нашей прогулкѣ въ саду, гдѣ расчищались кругомъ пруда дорожки, онъ говоритъ Есакову: «Н останешься...» и т. д. По объясненію П. А. Ефремова (изд. 1880 г., т. I, стр. 532—533), «Пушкинъ подблизился надъ ухаживаніями Есакова за дочерью барона Вельо, выходившими на прогулку съ гувернанткой Фредеръ; часто случалось, что Есаковъ ждалъ на морозѣ цѣлые часы, а прогулка отлагалась. Пушкинъ послѣ одной изъ такихъ неудачъ замѣтилъ ему: «Н останешься...» и т. д. Въ изданіи литературнаго фонда эта пьеска не вошла («по совершенной ея незначительности») (ор. с., т. VII, стр. LVII; не вошла она и въ текстъ изданія «Просвѣщенія» какъ «переданная только по памяти» (ор. с., т. I, стр. 3), хотя въ текстъ этого изданія включена тоже переданная Пушкинымъ по памяти пьеска: «Отъ вѣспонной, вечеръ...» (А. П. Майковъ не внесъ ее въ текстъ I т. академическаго изданія и упоминаетъ о ней лишь въ примѣчаніяхъ (2-ое акад. изд. I т., прим., стр. 362). П. А. Ефремовъ включилъ ее въ свое послѣднее изданіе (А. С. Суворинъ, т. I, Сиб., 1903 г., стр. 264, 565). Стихотвореніе, конечно, незначительное, однакоже стихъ «На берегу замерзлымъ водѣ» повторяется въ «Евгеніи Онегинѣ», 8-я глава, XXXVII).

Ни въ произведеніяхъ Пушкина ни въ его перепискѣ мы болѣе не встрѣчаемъ имени С. С. Есакова. Очевидно къ числу близкихъ товарищей поэта онъ не принадлежалъ, хотя и былъ однимъ изъ лицейскихъ литераторовъ. Немногоисленные свѣдѣнія о немъ находятся въ посвященной ему биографической замѣткѣ Б. Л. Модзалевскаго («Пушкинъ и его современники», вып. II, Сиб., 1904 г., стр. 27—31) и въ статьѣ В. П. Гавевскаго «Пушкинъ въ лицейѣ и лицейскія его стихотворенія» («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 141, 142). Семенъ Семеновичъ Есаковъ родился въ 1799 г. и въ 1811 г. поступилъ одновременно съ Пушкинымъ въ лицей, гдѣ вскорѣ сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Въ 1812—1813 гг. Есаковъ участвовалъ въ изданіи лицейскаго журнала: «Для удовольствія и пользы»; въ 1813 г. онъ помѣстилъ въ другомъ лицейскомъ журналѣ въ которомъ участвовалъ и Пушкинъ: «Неопытные Пловцы», «спрозаическое сочиненіе» подъ названіемъ «Полорды»; (этотъ журналъ не дошелъ до насъ). Въ 1817 г. Есаковъ былъ выпущенъ изъ лицея съ второй серебряною медалью, а въ октябрѣ того же года поступилъ вмѣстѣ съ П. П. Пущинымъ въ военную службу. По службѣ Есаковъ шелъ быстро и уже въ 1829 г. былъ произведенъ въ полковники. Принимая участіе въ усмиреніи польскаго возстанія, Есаковъ весной 1831 г., по разсказу Я. К. Грота «имѣлъ несчастье потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаяніемъ застрѣлился». Товарищъ С. С. Есакова графъ М. А. Корфъ оставилъ въ своихъ запискахъ краткую характеристику его: «Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною паружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ лицей подавалъ надежду на блестящую карьеру, но, по неразгаданнымъ доннынъ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила... Онъ въ польскую кампанію, послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ, застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка».

148. ПОРТРЕТЪ.

Копія этой эниграммы находится въ принадлежащемъ Я. К. Гроту лицейскомъ сборникѣ О. О. Матюшина, гдѣ имя автора обозначено начальной буквою «П», которой помѣщенъ въ этой тетради цѣлый рядъ стихотвореній Пушкина («Жури. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1905 г., октябрь, стр. 230, 231 и 247). Впервые напечатать ее Я. К. Гротъ въ своемъ сборникѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1887 г., стр. 214. По сообщенію Я. К. Грота, быть можетъ, основанному просто на догадкѣ, эта эниграмма направлена противъ одного изъ лицейскихъ гувернеровъ. Время ея созданія не поддается болѣе или менѣе точному опредѣленію. Упоминаемое въ ней «Мартынь»—М. С. Пилецкій-Урбановичъ, первый инспекторъ классовъ въ лицейѣ, оставилъ лицей еще въ 1813 г., а С. С. Фроловъ, третій инспекторъ, назначенный въ томъ же 1813 г., служилъ въ этой должности до 1817 года. Поэтому пьесу слѣдуетъ отнести вообще къ лицейскому періоду жизни поэта. За отсутствіемъ свѣдѣній о томъ «хамелеонѣ», къ которому относится эниграмма, нѣтъ возможности указать какъ слѣдуетъ соль этого выпала. Пилецкій-Урбановичъ, въ присутствіи котораго оригиналъ пушкинскаго «Портрета» ставился «спомогъ запискамъ», былъ, по словамъ графа М. А. Корфа, «свиташи, мистикъ-иллюминатъ», который лицестами былъ быстро выжитъ изъ лицея, но долго помнилъ имя, словно какое-нибудь привидѣніе изъ другого міра» (Я. К. Гротъ, *op. cit.*, 2-ое изд., Сиб., 1899, стр. 242). Забавный намекъ на отношеніе Фролова къ математикѣ должно быть, довольно отдаленное, нѣсколько объясняется стихомъ изъ комической «національной пьесы» лицействоваго Фроловъ (*ibid.*, 241):

Ты математикомъ былъ прежде...

149. ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Это восьмиступенное, не сохранившееся въ рукописи, было напечатано впервые въ журналѣ «Сореннователъ просвѣщенія и благотворенія» (1821 г., № 5), подъ заглавіемъ «Эниграмма», съ полной подписью автора и съ перестановкой первого и второго двуступенія: въ такомъ же видѣ, но уже подъ настоящимъ заглавіемъ, оно было

включено въ изданіе 1826 года, а въ слабѣющемъ изданіи (1829 г.) стихи расположены такъ, какъ это принято и теперь. Въ изданіи 1882 г. стихотвореніе впервые отнесено къ 1817 году.

150. ВОТЪ ЗДѢСЬ ЛЕЖИТЬ БОЛЬНОЙ СТУДЕНТЬ...

Это четверостишіе находится въ запискахъ П. П. Пушкина, которые были напечатаны впервые, въ сокращенномъ видѣ, въ журналѣ «Лестей» 1859 г., № 8, а потомъ въ Сборникѣ Майкова «Пушкинъ» (СПб., 1899). Ефремовъ въ своемъ изданіи Пушкина (т. I, 1903 г.) почему-то напечаталъ стихотвореніе въ выносокѣ, въ видѣ примѣчанія къ стихамъ того же года «Въ альбомѣ П. П. Пушкину». Обстоятельства, при которыхъ сложилось четверостишіе, Пушкинъ передаетъ въ слабѣющемъ видѣ: «Пушкинъ клѣмилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, мотъ и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Такъ тоно, когда я, передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ,—онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати (приводится стихъ). Я нечаяно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и узнать невоображаемый его почеркъ. Пушкинъ не сознавался въ этомъ экстремѣ».

151. ЕСТЬ ВЪ РОССІИ ГОРОДЪ ЛУГА...

Стихотвореніице это было впервые напечатано П. П. Барневымъ въ его статьяхъ: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его биографіи» («Московск. Вѣдомости» 1855 г., № 142; литерат. отд., стр. 581) со словъ какого-то близкаго Пушкину лица. Семья Пушкинахъ отправилась на лѣто 1817 г. въ Михайловское. «Онъ Івлинъ» рассказываетъ П. П. Барневъ «о большой горѣ въ городѣ Лугѣ, о чемъ упоминалъ Александръ Сергѣевичъ къ кому-то въ письмѣ, въ которомъ, впрочемъ описывая это путешествіе, и отъ котораго сохранились въ памяти одного изъ друзей его слѣдующіе добавочные стихи... Несмотря на тононо гонимую затировку, всея въ разныхъ изданіяхъ относилась къ разнымъ годамъ. П. В. Анненковъ (т. VII, стр. 90) отнесъ ее къ 1824 г., П. О. Морозовъ

(изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. LVII)—къ 1818 или 1819 г., П. А. Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, т. I, 1903 г., стр. 309) къ 1818 г. Въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремовъ (цит. изд., т. VIII, стр. 109) выразилъ вскользь сомнѣніе въ принадлежности этого «апокрифа» Пушкину. Между тѣмъ на такой источникъ, какъ статья Барнева, начинающаго собирать свѣдѣнія о Пушкинѣ черезъ немого лѣтъ послѣ его смерти и добывавшаго ихъ такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, отъ близкаго поэтѣ людей, можно положиться,—тѣмъ болѣе, что юморъ и веселость этихъ стиховъ совершенно пушкинскіе. Не усомнился въ авторствѣ Пушкина и разобравшій вопросъ о хронологіи пьесы Б. Е. Якушкинъ («Сочиненія Пушкина», изд. Им. Академіи Наукъ, т. II, СПб., 1906 г., прим., стр. 58—59).

Отголосокъ этой шутки можно было бы усмотрѣть въ словахъ Пушкина, будто бы сказанныхъ имъ много лѣтъ спустя А. О. Смирновой. По разсказу ея дочери («Записки» А. О. Смирновой, ч. I, СПб., 1895 г., стр. 212, прим. 2), Пушкинъ, говоря какъ-то съ своей пріятельницей о путешествіяхъ и объ однообразіи русской природы, воскликнулъ: «Некрасивыхъ пейзажей нѣтъ! Жизнь есть вездѣ, даже подъ сибиромъ и среди самой убогой природы. Некрасивыми могутъ быть только города, и даже всѣхъ ихъ Новоржевъ, ближайшіи города къ Михайловскому». По общ. Смирновой такъ безцеремонно сомнѣвали по разнымъ печатнымъ источникамъ, что весьма возможно, что и неуклюжая и высокопарная рѣчь Пушкина создана на основаніи эпиграммы.

152. ПРОСТИТЕ, ВЪРНИЯ ДѢВУШКИ...

Впервые стихотвореніе это было напечатано М. П. Семевскимъ въ «С.-Петербургск. Вѣдом.» 1866 г., № 175 («Прогулка въ Тригорское») и перело въ изданіи 1880 г. (т. I, стр. 197—198) подъ заглавіемъ: «Прощаніе съ Тригорскимъ». По словамъ Л. П. Майкова (2-ое изд., изд. I т., стр. 409), оно «сохранилось на листкѣ, вклеенномъ въ альбомъ П. А. Осиповой, которая переписала на немъ стихи Пушкина влѣвнѣмъ вырѣзаннаго автографа поэта: на конѣ стоитъ находившійся, безъ сомнѣній, и на подлинникѣ помета: «1 сентября 1817 г.». Между тѣмъ, на другой, тоже стѣпанной П. А. Осиповой копій

песня, сохранившейся у ея внучки баронессы С. В. Вревской, въ с. Голубовѣ Псковской губерніи, по словамъ видѣннаго этого списка Б. Л. Модзалевскаго (Н. Лернеръ, «Труды дна Пушкина» изд. 2-е, СПб., 1907 г., стр. 37), имѣется помѣта: «17 августа». Впрочемъ, дата «1 сентября» относится къ позднѣйшему списку. 1 сентября Пушкинъ не могъ написать Осиновой эти стихи, такъ какъ былъ въ этотъ день уже въ Петербургѣ и писалъ князю П. А. Вяземскому: «Я очень недавно прѣѣхалъ въ Петербургъ».

Лѣтомъ 1817 г., которое Пушкинъ провелъ на лѣнѣ «безмячнаго міра» михайловскихъ и тригорскихъ полей, завязалась его дружба съ семействомъ П. А. Осиновой, хозяйки Тригорскаго. О Праксѣ Александровнѣ Осиновой и о мѣнахъ ея семьи будетъ сказано больше въ другихъ примечаніяхъ. Дружба Пушкина съ этой семьей съ годами крѣпла; въ его «спеціальный прѣѣздъ» изъ шумной, веселой Одессы «въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ» онъ пришелъ въ ней ласковой пріѣтъ и искреннюю дружбу. Свою благодарность и любовь къ этой славнои семьѣ онъ выразилъ необыкновенно тепло и ибно, посвятивъ своимъ тригорскимъ друзьямъ въ «Страсти свѣтлыя Онѣгина» великолѣпную строфу (XXXI):

О, гдѣ бы судьба ни назначала
Мнѣ безмятежнѣй уютокъ,
Гдѣ бы ни былъ я, куда бы ни мчала
Она смиреннѣйшій мой челнокъ,
Гдѣ позднѣйшій миръ мнѣ бы ни судила,
Гдѣ бы ни ждала меня могила,—
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моеи
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! Никдѣ не позабуду
Нѣхъ мнѣныхъ, ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Вообразать я вѣчно буду
Васъ, тѣши прібережывалъ нѣтъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нѣтъ...

Н. Лернеръ.

153. ЭКСПРОМПТЫ.

Оба экспромпта, написанные на отдѣльномъ листкѣ, хранящемся въ Импер. публичной библиотекѣ, въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, были впервые напечатаны въ составленномъ П. А. Бычковымъ описаніи

«Бумага В. А. Жуковскаго, поступившая въ Импер. публичную библиотечку въ 1884 г.», СПб., 1887 г., стр. 162—163. Къ описанію приложено снимокъ этого листка, воспроизведенный и въ настоящемъ изданіи. Затѣмъ стихотвореніе было перепечатано Л. П. Майковымъ («Сочиненія К. П. Батюшкова», т. I, СПб., 1887 г., «О жизни и сочиненіяхъ К. П. Батюшкова», стр. 255—256). По разсказу Майкова, «Батюшковъ и Пушкинъ день 4-го сентября (1817 г.) провели вмѣстѣ и въ сообществѣ съ Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ. Во время этой загородной прогулки всѣ четверо, между прочимъ, сочинили два экспромпта, въ томъ числѣ одинъ, посвященный кн. Вяземскому, который въ то время собирался изъ Москвы въ Варшаву на службу». Сбоку второй песни написано А. А. Плещеевымъ: «Плещеевъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Плещеевъ». У Майкова шестой и седьмой стихи второй песни переданы невѣрно: «сердцу» вмѣсто «такъ же» и «несомѣнно» вмѣсто «неизмѣнно»; эти ошибки, полагааясь на вѣрность майковской передачи, повторили П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 528) и П. А. Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 102—103).

Въ первомъ экспромптѣ Пушкину принадлежатъ два стиха, во второмъ — три. Молодой поэтъ, пользуясь свободой, представляемой шуткой, подтрунивалъ и надъ приторностью сентиментальной поэзии, и надъ ивѣдомъ чувства Жуковскимъ. Вислѣдствіи, въ письмѣ къ Рылѣву, отъ 25 января 1825 г., не соглашаясь съ строгимъ приговоромъ А. А. Бестужева о Жуковскомъ, Пушкинъ писалъ: «зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались?» Тонъ Жуковскаго въ обонхъ экспромптахъ обычно-серьезенъ, а остальные авторы, очевидно, дурачились, и нуде всѣхъ Пушкинъ, явно покусывавшій груди своей литературной кормилицы.

Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (род. около 1775 г., умеръ въ 1827 г.), любитель театра и музыки и немного писатель и композиторъ, частый посѣтитель Карамзинныхъ, былъ въ большой дружбѣ съ Жуковскимъ, которому писалъ французскіе стихи, въ отвѣтъ на его русскія посланія, и много пѣсенъ, котораго подожилъ на музыку. Въ 1817 г. онъ вступилъ въ члены «Арзамаса», гдѣ за смуглый цвѣтъ своего лица получилъ прозвище «Черный вранъ», (изъ баллады Жуковскаго). (О Плещеевѣ см.

«Сочиненія Батюшкова», т. III, стр. 751—752. «Остаф. архивъ кн. Вяземскихъ», т. I, стр. 439—440; «Рус. Ст.» 1883 г., т. XXXVIII, стр. 99, 106; т. XXXIX, стр. 235; 1901 г. ноябрь 392—393; «Рус. Арх.» 1900 г. III, 20).

Н. Лернеръ.

154. Е. С. ОГАРЕВОЙ, КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТЪ ПРИСЛАГЪ ПЛОДОЕВЪ ИЗЪ СВОЕГО САДА.

Мадригалъ Е. С. Огаревой дошелъ до насъ въ собственноручномъ автографѣ Пушкина, сохранившемся въ тетради Московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 41). На немъ помята: «1817, С.-Петербургъ». Пьеса была напечатана въ первый разъ въ «Библиографич. Запискахъ» 1858 г., ст. 337, съ пропусками, и въ болѣе полномъ видѣ—въ «Русс. Арх.» 1876 г., т. III, стр. 221, съ невѣрной датой, съ неправильнымъ указаниемъ, будто стихотвореніе посвящено А. А. Олениной, и съ замѣной («митрополита») специально на этотъ случай выдуманымъ («архимитомъ»). Въ собраніи произведеній Пушкина пьеса стала включаться, начиная съ изданія 1880 г. (т. I, стр. 198). Печатаемъ ее съ подлинной рукописи Пушкина.

Въ мадригалѣ отразился востановившійся въ Пушкина на представителей духовенства и его обычное легкое отношеніе къ установленному культу. Б. В. Николаевскій («Историч. Вѣсти.» 1899 г., июль, стр. 213) остроумно подмѣтилъ, что въ сопоставленіи дряхлаго старца съ богомъ садовъ и извѣсть съ тѣмъ сладострастія Прианомъ крестя забавный намекъ. Конечно, со стороны старика было «беззастѣнливо» выставить себя «богомъ садовъ».

О Е. С. Огаревой см. выше, примѣчаніе къ «Экспромту на Агареву» (стр. 374).

155. А. П. ТУРГЕНЕВУ.

Пьеса эта, напечатанная впервые въ «Русс. Архивѣ» 1895 г., т. III, стр. 498—499, сохранилась въ принадлежащемъ графу С. Д. Шереметеву Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ. Въ собраніи произведеній Пушкина она стала входить, начиная съ I тома академическаго изданія, въ которомъ воспроизведена не совсемъ вѣрно;

такъ, въ концѣ второго стиха напечатано: «спроть» вмѣсто «скопцовъ», что испортило риму. Подлинникъ—писарской руки, съ нѣсколькими поправками Пушкина, предложенной имъ датой: «8 ноября 1817» и припискою «Сверчокъ» къ подписи: «Пушкинъ», принадлежащей рукѣ Тургенева. Ср. «Интерг. Вѣсти.» 1901 г., т. I, стр. 79, 350.

Рукою кн. П. П. Вяземскаго впоследствии сверху надписано: «Пушкинъ А. П. Тургеневу—Посланіе».

Александръ Ивановичъ Тургеневъ—одинъ изъ лучшихъ друзей Пушкина, братъ знаменитаго публициста-эмигранта П. П. Тургенева, замѣчательный дѣятель царствованій Александра I и Николая I. Нимъ его тѣсно связано съ именемъ Пушкина, въ биографіи котораго Тургеневъ занимаетъ почетное мѣсто. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, сами мало занимаясь или вовсе не занимаясь литературою, служатъ проводниками литературныхъ идей и направлений и являются могучими возбудителями литературныхъ интересовъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Тургеневъ, внимательно слѣдившій за европейскою мыслью былъ въ своемъ родѣ представителемъ ея въ Россіи,—а что касается до русской литературы онъ и тутъ былъ, какъ выразился Вяземскій, «посредникомъ, агентомъ, но собственной воли удовлетвореннымъ и аккредитованнымъ» авторитетомъ въ дѣлахъ ея при преобладающихъ властяхъ и образованномъ обществѣ.

Пушкинъ любилъ и уважалъ Тургенева; въ своемъ посланіи къ нему поэтъ далъ въ шуточной формѣ высокую оцѣнку его ума, энергии и душевной доброты. Въ этой блестящей поэтической характеристикѣ Пушкинъ полно очертилъ привлекательную фигуру своего старшаго друга. (О Тургеневѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи). Пушкинъ подумываетъ надъ его разнообразной служебной и общественной дѣятельностью. «Вѣрнымъ покровителемъ пономѣ, евреевъ и скопцовъ» либеральной, гуманной Тургеневъ являлся въ качествѣ директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и члена комиссіи для устройства евреевъ. «Гонителемъ изумныхъ» называетъ его поэтъ, какъ автора указа 20 декабря 1815 г. объ иждивеніи для Россіи членовъ ордена Исуса. Какъ членъ Арзамаса, слѣдъ онъ продолжалъ «Филовою Арфой» и чуждѣй литературный цинтикъ. Тургеневъ былъ «гонителемъ глумцовъ». Стихи 21—25 намекаютъ на дѣятельность

Тургенева въ библейскомъ обществѣ, секретаремъ котораго онъ былъ, и въ женскомъ патристическомъ обществѣ.

Обозначенная въ подлинной рукописи только инициаломъ (С.) пассивъ Тургенева принадлежала къ известной дворянской семьѣ Саломирскихъ. Екат. Серг. Дунина (ст. 24), въ замужествѣ Уварова, по словамъ одного современника, «была думше, являть красавица: умна, мила и изящна» (Рус. Арх. 1877 г., I, 525). Графъ Пв. Степ. Лаваль, французскій эмигрантъ, открыто и богато жившій баринъ, былъ одной изъ замѣтныхъ фигуръ тогдашняго петербургскаго большого свѣта.

«Поэма», которая еще стоитъ улыбки сладострастныхъ устъ»—«Русланъ и Людмила». Пушкинъ началъ ее еще въ Лицѣе и дѣлать писалъ урывками три года, то надолго бросая ее и охладывая къ труду, то принимаясь за нее съ дилораторнымъ рвениемъ. Тургеневъ внимательно слѣдилъ, какъ подвигалась пушкинская работа и не разъ писалъ о ней своему всенданшему корреспонденту князю П. А. Вяземскому. Когда поэма была почти окончена, онъ въ письмѣ къ Вяземскому, 25 февраля 1820 г., выразилъ надежду, что Пушкинъ, «увидѣвъ себя въ числѣ впечатанннхъ и слѣдова-тельно въ мажаемыхъ авторомъ, и самъ стаетъ уважать себя и нѣсколько остепенится». А поэтъ лукаво, очевидно въ шутку Тургеневу, писалъ съ комической увѣренностью, что «поэма никогда не стоитъ улыбки сладострастныхъ устъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ писалъ ему изъ Одессы: «зная вашу старую привадианость къ шатостямъ океанной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Оубъина, да лѣнь». Въ 1823 г. въ письмѣ къ нему Пушкинъ называлъ Христа «умбрешнымъ демократомъ». Въ письмѣ Пушкина къ Тургеневу, известная намъ, написана въ такомъ шутиловомъ, но вѣдѣтъ съ тѣмъ помпительномъ тономъ. Въ 1817 г. Тургеневъ сближалъ у себя протестантскихъ и реформатскихъ пасторовъ, чтобы потолковать съ ними о соглашеніи вѣроисповѣданій. «Пушкинъ»—запечатъ онъ въслѣдствіи къ своему дневникъ—«доуоцалъ пѣть цуншемъ и ужиномъ, а подъ конецъ и бичевалъ веселымъ умомъ своимъ виномъ разорѣганъ пастора». (А. П. Веселовскій, «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія», Сиб., 1904, стр. 297—298). «Навѣкъ оставленные груди» напоми-наютъ немало развѣшанныхъ у Пушкина гамъ и сямъ аналогичныхъ уврѣній—то, что его

«слабый даръ какъ легкой скрылся пѣмъ», то, что отъ него «скрѣдась навѣкъ боиния гннхъ нѣсноннѣ!» то, что его «даръ къ поэзіи понасъ», «думеръ гласъ въ бездмственной струнѣ», и т. д.

«Улыбку Ницеты» (ст. 40) напоминаетъ посвященіе «Руслана и Людмилы» «царицѣмъ души—красавицамъ»:

Сластивъ ужъ я надеждою слабой,
Что дѣла съ трешетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкою
На пѣсни грѣшная мой.

Н. Лернеръ.

156. КЪ . . .

Въ рукописи (тетрадь № 2364 изъ Моск. Публ. музей, л. 72 оборотъ) стихотвореніе носитъ заглавіе: «Уныише» и сбоку имѣется пометка: «27 ноября 1817 года». Руководствуясь этою пометкой, большинство комментаторовъ относитъ стихотвореніе къ 1817 году, только Морозовъ приводитъ свои соображенія въ пользу отнесенія его къ 1819 году. Полемика Морозова (изд. Пушкина, т. I, 1903 г., стр. 546 съ Майковымъ (Акад. изд. Пушкина (второе), т. I, стр. 414) и Ефремова (изд. Пушкина, т. VIII 1905 г., стр. 98—99) съ Морозовымъ—относится къ критикѣ текста. См. дальше. Стихотвореніе напечатано впервые подъ заглавіемъ «К . . .» въ изданіяхъ 1826 и 1829 г. и потому, конечно, и здѣсь сохранено позднѣйшее заглавіе, данное самимъ Пушкинымъ.

«Этой граціозною элетіей, говоритъ Подolianовъ (изд. Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 65), убѣждаемся, что тогъ вырѣ стодичной жизни, который захватилъ Пушкина въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ, не составлялъ всей жизни его и не изгладилъ хорошихъ чувствъ провлага. Въ душѣ его жила всегда потребность чистыхъ чувствованій, и это стихотвореніе есть голосъ того же здороваго душевнаго настроенія, которое незадолго передъ тѣмъ внушило ему стихотвореніе «Къ ней...»

Точно также находить нужнымъ заступиться за нравственность Пушкина и Майковъ, который говоритъ, что «объ означенныя Подolianовымъ пѣснѣ могутъ служить сильнымъ возраженіемъ противъ мнѣнія, неоднократно высказывавшагося, что ранняя молодость поэта была посвящена только разгулу».

157. КРАЕВЪ ЧУЖИХЪ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ...

(Кв. Е. П. Голыциной).

Въ хранящемся въ Императорской Публичной Библиотекѣ альбомѣ С. П. Батюшковой, рожд. Кривцовой, находится автографъ этой пьесы, которая впервые была напечатана въ газетѣ «Молва» 1857 г., № 3, стр. 29—30, съ объяснительнымъ примѣчаніемъ П. Б. (Баргевеца?). Анненковъ, перепечатывая ее въ своемъ изданіи (т. VIII, стр. 21—22), замѣтилъ, что «сама пьеса не представляетъ ни малѣйшей важности ни въ какомъ смыслѣ, будучи только свѣтской любезностью, доведенной до гиперболы. Пушкинъ и прежде 1817 года зналъ гражданъ съ возвышенной душою, какъ, напримеръ, учителя своего Кунцины, котораго такъ глубоко уважалъ съ самаго дѣтства, не говоря уже о Карамзинѣ, Жуковскомъ и многихъ другихъ». Нѣкоторая рѣзкость отзыва Анненкова объ этомъ мадригалѣ объясняется его страхомъ предъ цензурою, которая приложила немало бичей и скорпионовъ къ его изданію, «Ненапротическое» стихотвореніе Пушкина пугало его. Какъ рассказываетъ П. А. Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905 г., стр. 100—101), Анненковъ не помнилъ этой пьесы въ первомъ томѣ своего изданія, «боясь привести въ ужасъ цензуру и тѣмъ повредить болѣе существеннымъ вещамъ». Когда стихотвореніе появилось въ «Молвѣ», Анненковъ уже не могъ обойти его, но, смерть обыкновеннаго цензурнаго хода, возбуждая особое содагаство о пропускѣ его въ цензурномъ комитетѣ, да еще прибѣвъ къ протекціи служившаго тогда по цензурному ведомству поэта П. О. Щербина, О. кв. Евд. Пв. Голыциной, см. дальне особую статью.

158. КРИВЦОВУ («НЕ ПУГАЙ НАСЪ...»).

Эта пьеса дошла до насъ въ двухъ собственноручныхъ автографахъ поэта. Одинъ изъ нихъ, черновой набросокъ, находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (д. 78); о немъ почему-то вовсе не упоминаетъ В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи музейныхъ рукописей («Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, стр. 662). Другой, содержащій блоную редакцію, написанъ на листкѣ, вклеенномъ въ хранящейся въ Импер. публичной библиотекѣ альбомѣ С. П. Батюшковой, дочери П. П. Кривцова. Этотъ списокъ носитъ заглавіе: «Къ Анаксатору», помяту: «1817, дек.» и подписанъ инициа-

лами: «А. П.». Въ первый разъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Кривцову» напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 151—152, съ датой 1819 г., повторенной въ изданіи 1829 г. Съ этой помятой оно значится въ Плетневскомъ спискѣ произведеній поэта, служившемъ для изданія 1826 г. («Перевиска Пушкина», изд. Академіи Наукъ, ред. В. П. Сантова, т. I, Сиб., 1906 г., стр. 296). Посылая Пушкину этотъ списокъ, Плетневъ, приговаривавшій изданіе съ помощью Л. С. Пушкина и В. Л. Пушкина и В. А. Жуковскаго, писалъ поэту (ibid., 297): «мы много ставили годовъ наобумъ». Мы принимаемъ печатный текстъ пьесы, и дату блонного автографа. По сообщенію П. В. Анненкова («Сочиненія» П., изд. 1855 г., т. II, стр. 264), это посланіе особенно замѣчательно тѣмъ, что одна случайная замѣтка товарища подала поводъ къ такому поэтическому возраженію со стороны Пушкина. В. П. Гаевскій («Вѣсти. Европа» 1887 г., декабрь, стр. 457) справедливо замѣтилъ, что это примѣчаніе Анненкова «не вполне понятно». Въ самомъ дѣлѣ, какую это «замѣтку», пугающую «сроба» близкимъ поноселемъ, могъ сдѣлать Кривцовъ, вольнодумецъ, энкурсецъ, чтившій не менѣе, чѣмъ самъ Пушкинъ, «благочестивою душою» Венеру и Кунидона? Свѣтлый оптимизмъ Пушкина саму смерть дѣлалъ прекрасной. Никогда она не представлялась ему безобразной, чудовищной силой, паводящей ужасъ на душу. Еще въ 1815 г. («Мечтатель»), полный силъ и надеждъ, жизнерадостный мальчишкѣ, онъ говорилъ о ибжной петлѣ смертнаго обморока какъ о «слабкомъ снѣ», который въ «спрную снѣ» поэта принесетъ «смерти добрый геній»... Жизнь Пушкина сложилась не такъ легко и просто, какъ мечталъ онъ, но въ 7—8 стихахъ посланія онъ словно предчувствовалъ, что лишь съ нею отлетитъ его юность. Приходитъ на память прекрасная слова А. В. Дружинина, которыми заканчивается его статья объ Анненковскомъ изданіи («Библиотека для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 104): «Пусть сердцу знакомый образъ рано умершаго ибца ибчно носится передъ нами въ образѣ ибчнаго юности, каковыя онъ сошелъ въ пржевременную могилу!»...

159. МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ. См. дальне статью о принимаемыхъ П. стихахъ.

160. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

См. тамъ же.

161. ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

«Другу отъ друга»—собственно, не заглавие стихотворенія, а надпись, сдѣланная Пушкинымъ на первомъ бѣдомъ листѣ переплетеннаго экземпляра поэмы Вольтера «Pucelle d'Orléans», подаренной П. П. Кривоцову, который убѣждалъ въ 1818 г. въ Лондонѣ на дипломатическую службу и съ которымъ Пушкинъ не могъ лично проститься, потому что былъ боленъ. Самое же стихотвореніе, присланное вмѣстѣ съ книжкой, было написано на отдѣльных листкахъ и только впоследствии вложено Кривоцовымъ въ книжку. Этотъ экземпляръ «Pucelle» съ автографомъ Пушкина перешелъ къ дочери Кривоцова, Софьи Николаевнѣ Батюшковой и хранится теперь въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Намечтано оно впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 472), съ измѣненіями и пропусками. Въ настоящемъ изданіи печатается согласно автографу.

«Библия харитъ», эта «книжка славаши, золотая, неравненшая», была давно и хорошо знакома Пушкину: въ первый разъ она упоминается въ его стихотвореніяхъ въ 1815 г. («Бова»); но, вѣроятно, онъ читалъ ее еще раньше, въ отцовской библиотекѣ. Въ лицѣ и позже—въ томъ кругу молодыхъ «вольнодумцевъ», въ которомъ вращался поэтъ по окончаніи учебнаго курса, поэма Вольтера пользовалась выдающею популярностью. Какъ прежде ею восторгались «отцы», даже такіе строгіе и «шпаундренные», какъ напр. Херасковъ, не говоря уже о Радищевѣ, такъ теперь его считывались «дѣти». Въ извѣстной пьесѣ Рыдзевскаго и Бестужева («Ахъ, гдѣ гдѣ острова...») рисуется счастливое общество,

Гдѣ читають Pucelle;

И летятъ подъ постель

Святцы.

Пушкинъ, при своей выдающейся памяти, конечно, зналъ, наизусть многія мѣста поэмы Вольтера и не рѣдъ «модался» по ней «своей Венерѣ». Слѣды ея вліянія не рѣдъ мелькають передъ нами въ раннихъ созданіяхъ поэта, особенно въ «Русалкѣ», а впоследствии, въ уединеніи своей вынужденной деревенской жизни, онъ задумывается даже ея переводѣ, не подлинномъ, впрочемъ, да еще первыхъ строкъ вступленія...

Но, помимо своего чисто-литературнаго значенія, «Двѣстеница» Вольтера имѣла

для Пушкина и его сверстниковъ еще и другое значеніе—политическое: релігіозное вольнодумство Вольтера и Парни было несомнѣнно противобѣсомъ противъ того неустойчиваго мракобсія, которымъ охвачены были въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка наши правящая сфера, выдвигавшія дѣятели въ родѣ Серафимовъ, Фотіевъ, Магницкихъ, «библистовъ» и т. п. Если въ XVIII столѣтіи «вольтерьянство» было для образованныхъ русскихъ людей интересной и пикантной новостью, которую не могъ не увлекаться и не удержаться, чтобы не похвастаться, самъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, то въ началѣ XIX столѣтія оно явилось уже общественнымъ протестомъ. Онъ былъ какъ бы обязательнымъ для той либеральной молодежи, которая, мечтая о политическихъ преобразованіяхъ въ духѣ «свободной Англій», съ негодованіемъ видѣла въ «руководящихъ» сферахъ только

украшенныхъ глазцовъ,

Святыхъ невѣждъ, почетныхъ поддочковъ

И мистика придворнаго кривляшя.

Въ этихъ общественныхъ условіяхъ крестъ, конечно, главная причина застоялаго успѣха у насъ Вольтера и Парни, «Двѣстеницы» и «Гаврилады»...

П. Морозовъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВОЦОВЪ

(1791—1843).

Николай Ивановичъ Кривоцовъ родился въ 1791 году въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ родовомъ имѣніи своихъ родителей, «Тимоосевскомъ». Получивъ весьма поверхностное домашнее образованіе, онъ былъ опредѣленъ въ корнета дѣтей-стержка полка, стоявшаго въ то время въ Петербургѣ, и принималъ участіе въ отечественной войнѣ. Въ битвѣ подъ Бородиномъ онъ былъ раненъ въ руку, взявъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву, гдѣ его помѣстили вмѣстѣ съ перипатетическими офицерами въ лазаретъ Воспитательнаго Дома.

Наполеонъ, искавшій въ то время посредниковъ для переговоровъ съ имп. Александромъ, обратился черезъ Коленину къ П. И., думая сдѣлать его своимъ парламентеромъ. Однако, изъ личной бесѣды съ Кривоцовымъ Наполеонъ убѣдился, что П. И. не сможетъ удачно исполнить миссію, предначинанную для него.

В О Л Ъ Т Е Р Ъ.

Рисунок Пушкина (полный).

161. ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

Когда сожмешь ты снова руку
 Которая тебѣ даритъ
 На скучной путь и на разлуку,
 Святую Библию Харитъ?
 Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ
 Въ Архивѣ талосты мздой.
 Но ей молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой—
 Прости, Эпикуреевъ мой!
 Остаешься вѣкъ, каковы ты нынѣ:
 Лети во мрачной Альбионъ!—
 Да сохранитъ тебя въ чужбинѣ
 Христось и вѣрной Купидонъ!
 Неси въ чуждой предѣль Пената,
 Но помня прежни дни свои,
 Люби вѣдвственаго Брата,
 Страдалца чувственой любви!

Марта 2.

А. П.

Годъ спустя (16 августа 1813 г.), Н. П., уже совершенно оправившейся отъ раны, участвовалъ въ битвѣ подъ Кульмомъ, въ которой у него оторвало ногу¹⁾. Тяжко страдая, онъ долго лечился въ Прагѣ, но не отсталъ отъ арміи, перенесивъ у нем. Александра разрывленіе слѣдовать за ней²⁾.

Въ 1815 г. Кривцовъ прибавилъ въ Парижъ, вскорѣ послѣ взятія его союзными войсками; здѣсь онъ жилъ въ одномъ домѣ съ воспитателемъ импер. Александра, Лавгарномъ, который полюбилъ умнаго и живого молодого человѣка и отреккомендовалъ его государю³⁾.

Физическій недостатокъ лишилъ Кривцова возможности продолжать военную службу; будучи еще въ 1815 г. переведенъ въ свитѣ государя, вскорѣ онъ перемѣнилъ военное поприще на гражданское, оставшись, по заключеніи мира, при рускомъ посольствѣ въ Парижѣ.

Сознавая недостаточность своего образованія, Кривцовъ всячески старался приобрести познанія, которыя могли бы его сдѣлать полезнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣвателемъ.

Пребываніе на Западѣ уже само по себѣ расширило кругозоръ молодого швалды; но Кривцовъ не ограничился однимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ западной жизнью, а постарался глубже проникнуть въ бытоваль и экономическія условія тѣхъ государствъ, которыя ему пришлось посѣтить. Онъ побывалъ въ Германіи, Австріи, Бельгіи, Англіи и Франціи, заводилъ, гдѣ только было возможно, полезныя знакомства, входилъ въ сношенія съ представителями науки и литературы и слушалъ лекціи по различнымъ отраслямъ знанія.

Въ дневникѣ Кривцова начатомъ въ 1814 году и доведенномъ до 1817 года, сохранилось много цѣнныхъ данныхъ для характеристички слагающейся міросозерцанія молодого человѣка, сумѣвшаго трезво взглянуть на окружающую его дѣйствительность и записать полезными знаніями.

Онъ еще только восторгался красотами и образованнымъ бытомъ тѣхъ странъ, черезъ которыя довелось ему вѣхать, — разсказываетъ Б. П. Чичеринъ, — пылливый умъ его искалъ во все ходившееныя подробности; онъ осматривалъ фабрики, различ-

ныя заведенія, собиралъ самую точную свѣдѣнія и все заносилъ въ свой дневникъ. Въ Женевѣ и Парижѣ онъ слушалъ лекціи психологіи, физики, политической экономіи, литературы, права, сблизался съ замѣчательными людьми, много читалъ, учился англійскому языку.

Дольше всего пробылъ Кривцовъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ Шатобрианомъ, аббатомъ Грегюаромъ, съ публицистами Контъ и Дюнойе, съ литераторомъ Андриэ и съ Жанъ-Батистомъ Сей¹⁾.

Во Франціи же сложился тотъ образъ мыслей Кривцова, за который на родинѣ его причислили къ «вольтерьянцамъ» и окрестили «якобинцемъ».

Онъ, дѣйствительно, не былъ чуждъ передовыхъ идей Запада, и съ его живымъ умомъ, чуждымъ предрассудковъ, съ его характеромъ, не терпѣвшимъ никакихъ преградъ, онъ могъ быть, не безъ основанія, причисленъ къ «якобинцамъ», въ русскомъ значеніи этого слова²⁾.

Кривцовъ возвратился въ Россію въ 1817 г. и вскорѣ сталъ своимъ человѣкомъ какъ въ московскомъ, такъ и въ петербургскомъ литературныхъ кружкахъ. Онъ познакомился съ Н. М. Карамзинымъ, съ В. А. Жуковскимъ, съ кн. П. А. Вяземскимъ, съ А. П. Тургеневымъ, съ П. П. Дмитриевымъ и со всей семьей С. Л. Пушкина. Съ А. С. Пушкинымъ Кривцовъ познакомился лѣтомъ 1817 г., вскорѣ послѣ того, какъ поэтъ окончилъ царскосельскій лицей. Хотя онъ былъ почти на десять лѣтъ старше Пушкина, это не помѣшало ему быстро подружиться съ поэтомъ и остаться навсегда его пріятелемъ.

Послѣ первой же встрѣчи съ Пушкинымъ, Кривцовъ оцѣнилъ дарованіе поэта и его блестящій умъ.

28 іюня 1817 г. онъ отбѣдилъ въ своемъ дневникѣ то впечатлѣніе, которое произвелъ на него «молодой Пушкинъ». «Le soir, — говоритъ Кривцовъ, — je fus chez le Tourguéneff ou il y avait le jeune Pouchkine rempli d'esprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment»³⁾.

Уже въ декабрѣ того же года Пушкинъ пишетъ стихотвореніе — Кривцову («Не пугай насъ, милый другъ» № 158) въ которомъ называетъ его «милымъ другомъ» и,

¹⁾ В. Гаетскій, Пушкинъ и Кривцовъ. В. Е. Арх. 1890 г., тетр. 1, стр. 302—303.

²⁾ Ibid., стр. 303.

³⁾ В. Гаетскій, Пушкинъ и Кривц. В. Е. Арх. 1870, кн. 12, стр. 155.

¹⁾ В. Гаетскій, Пушкинъ и Кривцовъ. В. Е. 1887 г., кн. 12, стр. 154.

²⁾ Я. П. Сабуровъ, Р. С. т. LX, стр. 722, ibid.

162. С К А З К И.

Noel).

Ура! въ Россію скачеть
Кочующій деспотъ,
Спаситель горько плачеть,
А съ нимъ и весь народъ.

Марія въ хлопотахъ Спасителя страшаетъ:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вотъ бука, бука—русскій царь!»
Царь входитъ и вѣщаетъ:
Узнай народъ русскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій и австрійскій
Я слышалъ себѣ мундиръ.

О радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ:
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я былъ, и шилъ, и обѣщаль—
И дѣломъ не измученъ.
«Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову дамъ отставку,
А Соца—въ желтый домъ:

Законъ поставлю на мѣсто вамъ Горголи
И людямъ все права людей,
Но царской милости моею,
Отдамъ изъ доброй воли». Огъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки:
Нора уснуть бы наконецъ,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки!»

видимо, дать отповѣдь его пессимистическому настроенію.

Въ началѣ слѣдующаго года Кривцовъ получилъ службу при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ и вновь долженъ былъ покинуть Россію. Пушкинъ, едва оправившійся отъ горячки, отиравшаго отъ безжизненному другу поэму Вольтера «Pucelle», вмѣстѣ съ стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ прощался съ пріятелемъ, просилъ его остаться такимъ, каковымъ онъ былъ, и сохранить прежнія чувства къ нему, поэту, «недвѣственному брату, страдалцу чувственной любви».

Во время своего пребыванія въ Англій П. П. переписывался съ Пушкинымъ, но изъ этой переписки сохранилось только одно письмо поэта изъ Михайловскаго, писанное въ 1819 году ¹⁾; въ немъ Пушкинъ спрашиваетъ «жителя свободной Англій» помнить ли онъ, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, и признается, что «каждый день грустить» о другѣ. «Я не люблю писать, — заключаетъ свое письмо Пушкинъ: — азыкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глубже, такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, зная, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ о нашей Россіи, о вечернѣ у Тургеня и Карамзина, и не исполнилъ дружескаго долга».

Между тѣмъ въ Англій оказался тотъ неуравновѣшенный характеръ Кривцова, который вынудилъ его впоследствии совершенно оставить государственную дѣятельность и еще молодымъ человѣкомъ удалиться въ деревенскую глушь.

Мы не знаемъ, изъ-за чего Кривцовъ не поладилъ съ кн. Ливенемъ, русскимъ посломъ въ Англій, но онъ и двухъ лѣтъ не пробылъ въ Лондонѣ, возвратившись въ Петербургъ въ половинѣ 1820 г.

Однако, уже кратковременное пребываніе въ Англій наложило печать на образъ мыслей Кривцова. Онъ решительно сталъ изучать англійскія учрежденія, въ особенности административныя, окончательно павилься англійскимъ бытомъ, «жизнью въ замкѣ, которая казалась ему идеальнымъ частію существованія» ²⁾. Въ Россію возвратился онъ яркимъ англоманомъ.

Но пріѣздъ свой въ Петербургъ, П. П. женился на Екатериѣ Осетровнѣ

Вадковской, влукѣ гр. П. Г. Чернышева, и похотѣйствовалъ у императора, званнаго его лично, различнаго милости: «сто тысячъ въ заемъ безъ залога... и мѣсто губернатора на выборѣ» ³⁾.

Въ 1823 г. Кривцовъ получилъ должность тульскаго губернатора.

Его познанія, опытность и нравственныя качества, несомнѣнно, являлись залогомъ его полезной дѣятельности на новомъ поприщѣ, но раздражительность, необузданность права, неумѣнье ужиться съ людьми, наконецъ, различная случайная обстоятельство не дали Кривцову возможности осуществить свои благія намеренія.

Въ Тулѣ онъ сталъ заводить порядки и кое въ чемъ усилить, но перессорился съ дворянствомъ и въскѣ почтмейстера, который отказался дать ему лошадей, приготовленныхъ для государя ⁴⁾. Было начато дѣло, и англоманъ на русской подкладкѣ перевелъ «для поправленія губерніи» въ Воронежъ. Здѣсь, однако, онъ попалъ въ среду ябедниковъ, взяточниковъ и крючкотворцевъ и, благодаря своей прямотѣ и честности, неминуемо долженъ былъ столкнуться съ своими подчиненными.

Въ его губерніи завязалась какая-то тяжба. «Одинъ изъ тяжущихся, — разсказывалъ братъ П. П., — былъ совершенно правъ. Кривцовъ увѣрлялъ его, что его дѣло не можетъ быть проиграно. Тѣмъ не менее онъ проигралъ и пошелъ жаловаться губернатору. «Какъ, вскрывалъ Кривцовъ, я только вчера подписалъ его въ вашу пользу!» Онъ немедленно побѣжалъ къ присутствію и узналъ, что чернивое рѣшеніе дѣйствительно было въ пользу того члѣбчичика, но при перепискѣ и снятіи копій чиновники измѣнили рѣшеніе а Кривцовъ, ничего не подозревая, подписалъ. Въбѣшеннаго губернаторъ разорвалъ журналъ и ухалъ домой...» ⁵⁾.

«Чиновники составили протоколъ, въ которомъ свидѣтельствовали, что губернаторъ передъ зеркаломъ позволилъ себѣ неприличныя выраженія, объявляя это сумасшествіемъ» ⁶⁾.

По всей вѣроятности, чиновники навѣдлись на поддержку генералъ-губернатора

1 Письма П. М. Карамзина къ П. П. Дмитриеву. Сиб. 1866 г., стр. 293.

2 Я. П. Сабуровъ. Р. Ст., т. IX, стр. 722.

3 Рус. Арх. 1861 г., стр. 976. Два письма Пушкина къ П. П. Кривцову».

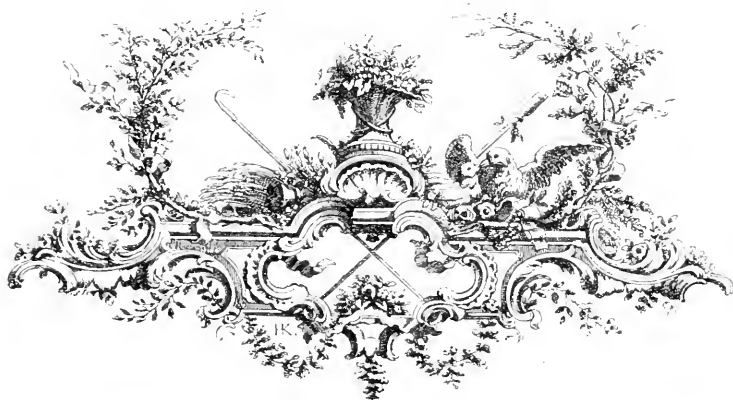
4 Б. Чернышъ. «Нѣк. воспомин.» Рус. Арх. 1890 г., тетр. 4, стр. 504 и сл.

1 Академич. изд. переписки поэт. рет. В. П. Солова, т. I, стр. 49.

2 Б. Чернышъ. Рус. Арх. 1890, т. 4, стр. 503.

163. МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье:
 Тебѣ приятно слезы лить,
 Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
 И въ сердцѣ тихое уныніе таить:
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель,
 О если бы тебя, унылаухъ чувство искатель,
 Постигло страшное безуміе любви:
 Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови:
 Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
 На ложѣ медленно терзаемый тоской,
 Ты звалъ обманчивый покой,
 Вотще смывая скорби очи,
 Покровы жаркіе рыдая обнималъ
 И содрнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
 Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
 Неблагодарнаго мечтанья.
 Нѣтъ, нѣтъ: въ слезахъ унывъ къ ногамъ
 Своей любовницы падешной,
 Дрожащей, блѣдной, изстуженной,
 Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
 Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
 Возмите отъ меня сей образъ роковой;
 Довольно я любилъ: отдайте мнѣ покой!..
 Но мрачная любовь и образъ незабвенный
 Остались вѣчно бы съ тобой.

Балашева, о бедахъ Кривцова съ которыми они были хорошо осведомлены.

Пачато было слѣдствіе и Кривцова перевели губернаторомъ въ Нижегородскую губернію.

Дѣло рѣшилось не въ пользу Кривцова. Онъ былъ отставленъ отъ губернаторства и причисленъ къ департаменту герольдіи. Оскорбленный такой несправедливостью и лишившись своего защитника въ лицѣ имп. Александра, Кривцовъ вышелъ въ отставку и уже больше не возвращался къ государственной дѣятельности.

Всю остальную часть своей жизни онъ провелъ въ имѣніи «Любичахъ», Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, лишь изрѣдка прѣзжая въ столицу, гдѣ въ 1834 году послѣ долгой разлуки вновь встрѣтился съ А. С. Пушкинымъ и жить съ нимъ въ одномъ домѣ на Гагаринской набережной ¹⁾.

Во время губернаторства Кривцова въ Тулѣ и Воронежѣ Пушкинъ находился въ ссылкѣ на югъ Россіи.

Въ годы своего «сизнианія» поэтъ не разъ вспоминалъ своего пріятеля, слухи о которомъ доходили до него.

Изъ Одессы въ концѣ декабря 1823 года Пушкинъ осведомляется въ своемъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому о томъ, что дѣлаетъ Кривцовъ, бывшій въ то время воронежскимъ губернаторомъ, и говорить, что «его превосходительство могъ бы ему акукнуть» ²⁾.

Изъ Михайловскаго, въ октябрѣ 1824 г. онъ посылаетъ письмо Кривцову въ которомъ сообщаетъ ему, что пишетъ къ нему не впервые, но, очевидно, письма не дошли по назначенію: тутъ же поэтъ сообщаетъ, что о П. П. доходить до него темные слухи, спрашиваетъ его, «справдали, что онъ сталъ аристократомъ (очевидно, намекая на англоманство, не понравившееся воронежскому дворянству), и просить его не забывать «демократическую дружбу 1818 года».

«Всѣ мы разбрѣлись, заключаешь свое письмо Пушкинъ. Всѣ мы плѣвились. О друзья, друзья!»

Не задано до своей смерти Пушкинъ подумалъ о кн. П. А. Вяземскаго письмѣ Кривцова, писанное имъ еще въ 1824 году.

Прошлое, которому приходилось подпо-

дить итогъ въ преддверіи новой жизни, вновь воскресло въ памяти Пушкина. Онъ послалъ старому пріятелю своего «Бориса Годунова» и написалъ грустное письмо, являющееся послѣднимъ, по времени, дошедшимъ до насъ.

Въ этомъ письмѣ поэтъ проситъ старо-го друга, баювавшего первые его опыты, быть благосклоннымъ къ произведеніямъ «болѣе зрѣлымъ»: говорить о томъ, что выпущено осенью (1831 г.) было недалеко отъ него (въ с. Болдино), но что карантинъ помѣшилъ ему свидѣться съ нимъ.

«Вотъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведеть насъ опять, пишетъ далѣе Пушкинъ. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я зекать или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитбы, все уже мною передумано. Я гладокровно извѣсилъ выгоды и невзгоды состоянія, мною избираемаго... Будущность является мнѣ не на розгахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивлять меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски» ³⁾...

Пріятель, какъ было сказано, увидѣлся въ 1834 году въ Петербургѣ, куда прѣхалъ Кривцовъ.

Черезъ три года не стало поэта.

Послѣдніе годы своей жизни П. П. провелъ въ Любичахъ, окруженный интереснымъ и пріятнымъ для него обществомъ. Умеръ онъ въ 1833 году и погребенъ въ Любичахъ, въ часовнѣ, выстроенной имъ самимъ въ остроконечной полѣ.

О Ник. Пав. Кривцовѣ ср.: Б. П. Чичеринъ. Изъ воспоминаній. Р. Арх. 1890 г. 4 стр. 501—525; В. Гасвскій, «Пушкинъ и Кривцовъ» В. Е. 1887 г. кн. 12, стр. 353—363; «Два Письма Пушкина къ П. П. Кривцову», Р. Арх. 1864 г., стр. 972—976; Пушкинъ и Скобелевичъ, Пет. Вѣсти. 1880 г. № 6 стр. 391.; Я. П. Сабуровъ, «П. П. Кривцовъ», Р. Ст. г. LX, стр. 721—730; Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, Сиб. 1883 г. т. VIII, стр. 265—268; Письма П. М. Карамзина къ П. П. Дмитриеву, Сиб., 1866 г. Острофьевскій архивъ кн. Вяземскихъ, Сиб. 1899 г. т. I.

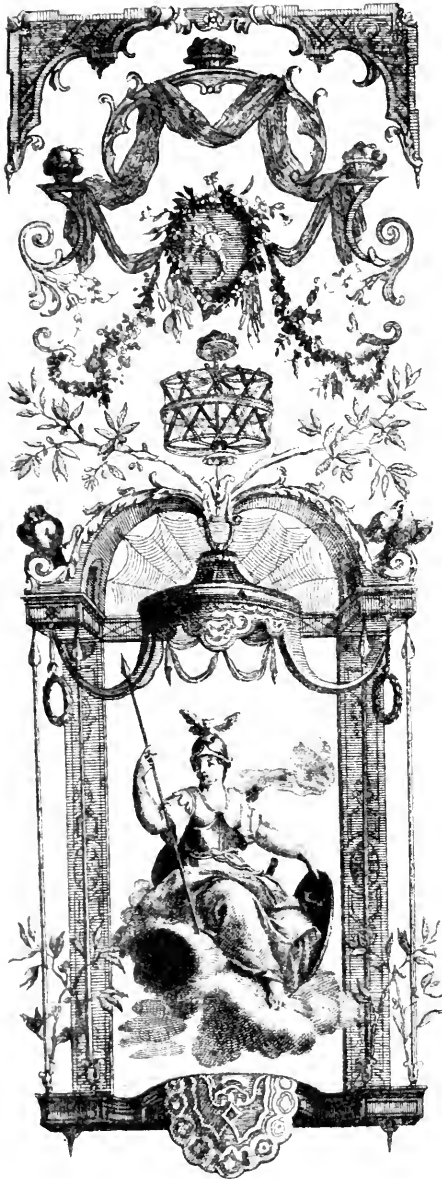
Г. Карасикъ.

1. Пушкинъ и Скобелевичъ, Пет. Вѣсти. 1880, № 6 стр. 391.

2. Акад. ист. переписка, т. I, стр. 93.

3. Ibid, стр. 43.

4. Ibid, стр. 392.

164. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смутное, и пламенный пелуъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуты мрачныя близки роковой,
 Ты ль, дѣва избяная, стояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣлъ я тебя: мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я называлъ...
 Но вновь въ умъ моемъ являлись мрачныя грезы:
 И слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волшебствомъ
 Желанья жизни огнь по сердцу пробѣжали!

Я закипѣлъ, затрепеталъ;

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокой другъ, меня томилъ ты уносимемъ:

Приди, меня мѣртваго любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
 Явись, волшебница: пускай увижу вновь
 Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
 И плащъ, и поясъ боевой,

И брашней обувью украшенныя ноги...

Не медли, поспѣвай, прелестный воинъ мой
 Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова низпослали боги.

А съ нимъ и сладкія тревоги
 Любви таинственной и шалости молодой.

162. С К А З К И.

№11).

Подлинная рукопись этого стихотворения неизвестна. Оно печаталось съ разными списковъ, въ заграничныхъ изданияхъ, а въ послѣднее время и въ русскихъ. Напечатано впервые въ лондонской «Полной Звѣздѣ» 1859 г., ч. V, стр. 20. Въ Россіи впервые Noel появляется въ настоящемъ изданіи въ первый разъ.

По своему содержанию Noel представляетъ подражаніе французскимъ рождественскимъ пѣснямъ сатирическаго характера и въсѣтъ съ тѣмъ является первыми по времени политическимъ стихотвореніемъ Пушкина, если считать, что она «Вольность» относится не къ 1817, а къ 1819 г., о чемъ сказано въ своемъ вѣсѣтѣ. Пушкинъ насмѣливо относится къ постановкамъ разсѣданъ Александра I и въ частности приписываемая нашему пооду подлинная эпитафия: «Всю жизнь провелъ въ дорогѣ и умеръ въ Тагароѣ»; далѣе упоминаетъ о приверженности государя къ Священному Союзу («И прусскій, и австрійскій я считалъ себѣ мундиръ») и сатирически сопоставляетъ съ реакціонными основами этого Союза тѣ либеральныя конституціонныя обѣщанія, какія даны были въ тронной рѣчи 15/27 марта 1818 г. въ Варшавѣ, при открытіи первого сѣма Царства Польскаго, не только въ отношеніи Польши, но и въ отношеніи всей Имперіи. «Образованіе, существовавшее въ нашемъ краю», сказано было въ этой догостопамной рѣчи, — дозволяло Мнѣ ввести немедленно то, которое Я вамъ таривалъ, рукооуденіемъ правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ неврестатно предметомъ Моему помышленію, и которыхъ насильственное вліяніе пагубнось Я, при помощи Божіей, разпространить и па всѣ страны. Провѣднѣемъ по печенію Моему вкврещенія. Такимъ образомъ, въ мѣб позали средство лишь Моему отечеству то, что Я уже съ тавинихъ дѣтъ ему пріудобляю, и дѣмъ оно воспонуденъ, когда началъ столь важнаго дѣла вознпнуть подлежащенъ дрѣвности».

Эта рѣчь, произвела въ свое время сильное впечатлѣніе въ Европѣ и въ Россіи. Брюссельскій журналъ «Le Vrai Libéral» писалъ, а панъ «Вѣстникъ Европы» по второму съ его словъ, что она «вобу жметъ движене дѣла въ печавнннхъ провинціяхъ и блаторопа думешато».

Они трещуть при мысли о томъ, что обладатель 50-ти милліоновъ съ высоты престола своего вбщаетъ о законно-свободныхъ мысляхъ и уставахъ, какъ объ основаніи главныхъ законовъ государства. Можно надѣяться, что примѣру ему будутъ слѣдовать и въ Германіи, гдѣ народъ уже довольно созрѣлъ для подобныхъ уставовъ». Сперанскій писалъ изъ Вѣны А. А. Столыпицу: «Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣ припадки страха и униженія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Припадки сіи, увеличенные радостояніемъ, проишли и сюда. И хотя теперь все еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго руматься невозможно... Если помѣщики—классъ людей, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ себѣ рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что-либо другое тутъ видѣть?...» Индейскій наставникъ Пушкина, Куницынъ, напечаталъ въ «Слѣб Отечества» (1818, № 18) статью «О конституціяхъ», въ которой, между прочимъ, указывалъ, что мы не только теперь начинаемъ помышлять о «свободныхъ понятіяхъ», но уже давно о нихъ помышляли, и въ доказательство своей мысли ссылался на зрѣніе вѣча, боярскія думы, судъ привилегіальныхъ и т. п. Съ другой стороны, Карамзинъ, ближе знавшій натуру Александра и потому скептически отаосившійся къ либеральнымъ толкамъ, писалъ Дмитріеву: «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: свить и видѣть конституцію; судить и рѣдять; начинаюгъ и писать... Иное уже вышло, иное готовится. И смѣшно, и жалко! Пусть молодежь дряхлѣетъ, мы улыбаемся». Отраженіемъ того же скептическаго взгляда на либеральныя обѣщанія является и пѣсенька Пушкина.

Въ третьей строфѣ стихотворенія упоминаются три лица, хорошо извѣстныхъ тогдашнему Петербургу: Лавровъ, Софъ и Горюхи. Иванъ Павловичъ Лавровъ былъ директоромъ исполнителнаго департамента въ министерствѣ полиціи; Василій Ивановичъ Софъ занималъ должность секретаря въ особомъ цензурномъ комитетѣ при томъ же министерствѣ; Иванъ Самуиловичъ Горюхи (1770—1862) былъ въ 1811—1821 гг. съ-петербургскимъ оберъ-полицей-мейстеромъ.

Пѣсенька Пушкина, наряду съ другими его политическими стихами, въ свое время «предрѣвными печатъ», быстро распростра-

165. ПРЕЛЕСТИЦА.

Къ чему нескромнымъ снмъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце расвалять
 И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдъ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая лѣбность,
 Стыдливости притворный видъ,
 Движеній томная небрежность,
 И трепеть усть и жаръ ланить?
 Напрасны мнрныя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
 Твоею пределью надменной
 Кто не владѣлъ во тмѣ ночной?
 Скажи: у двери обвисной
 Твоей обители презрѣнной
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
 Неси, предлестница, вѣнокъ:
 Ласкай неопытный порокъ,
 Въ твоихъ объятіяхъ усталый:
 Но гордый замыселъ забудь:
 Не привлечешь нигомда музы
 Ты на предательскую грудь,
 Неси другимъ паемны узы,
 Своей любви постыльный торгъ,
 Корусти хладныя лобзанья
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный восторгъ!

вилась по всей грамотной Россіи. Но свидѣтельству декабриста П. Д. Якушкина, «въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ ихъ наизусть». «Noël», по словамъ того же современника, «расивали чуть не на улицахъ». Тѣмъ страннѣе кажется, что до насъ дошелъ одинъ только этотъ «Noël», между тѣмъ какъ, по указаніямъ современниковъ, да—конечно—и самого Пушкина, ихъ написано было нѣсколько. Арх. Родзянко, въ сохранившихся двухъ стихахъ изъ насквля на Пушкина, прямо говоритъ:

... небеса права: изъ два или три Поэля...

«Noël» приписывался князю П. А. Вяземскому («Русск. Архивъ» 1902 г., III, 365). О «Noël» ъ, приписывавшемся кн. Д. П. Горчакову, см. выше, стр. 184, 186; см. также «Пушкинскій Сборникъ», ч. II, стр. 260—262.

Пушкинъ, въ декабрѣ 1824 г., писалъ брату Тѣму изъ Михайловскаго, что въ письмѣ, пересланномъ черезъ сестра по имени Рокотова, была вложена «святочная пѣсешка», о судьбѣ которой поэтъ беспокоится: «Внутренній юнона Рокотовъ можетъ затерять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons... Конечно, лучше рѣчь идти не о «Поэляхъ» 1818 г., которъ давнымъ-давно и хорошо былъ извѣстенъ А. С. Пушкину, а о какой-то новой пѣсешкѣ, можетъ быть, и не Пушкина, которую затерялъ Рокотовъ вмѣстѣ съ порученіемъ ему письмомъ. Какъ бы то ни было, кромѣ одного «Поэля» 1818 г. мы не знаемъ другихъ стихотвореній Пушкина въ этомъ родѣ.

Въ отношеніи изъ поэтившихъ своихъ пѣсень поэтъ говоритъ, что онъ «подсвѣтывалъ Александру до самого гроба». Эти подсвѣтыванія выразились въ эпитрамахъ, изъ которыхъ несомнѣнно принадлежатъ Пушкину считается только одна, относимая къ 1824 году: «Воспитанный поэтъ барабаномъ». Графъ М. А. Корфъ, въ своей запискѣ о Пушкинѣ (Русск. Старина 1899, т. М. IX, стр. 306) приводитъ, со ссылкой на нѣмецкую книжку Treumann und Welpe (Pelz), Petersburger Skizzen В., 184, еще одну эпитраму, отчасти напоминающую основную мотивы «Поэля»:

Хотѣлъ писать Ливурова законы—
И что же писать онъ Ливъ кантъ на панталонахъ.

Похожая на эту эпитрама почитается,

также съ именемъ Пушкина, и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ:

Желали правъ они,—права имъ и даны:
Изъ удивихъ сдѣланы широкіе штаны.

О подобныхъ стихотвореніяхъ Пушкина П. В. Анненковъ («Пушкинъ», Спб., 1874, стр. 83—84) говоритъ: «Его оды, эпитрамы, посланія, особенно извѣстная пѣсешка, сильно распространенная въ оппозиціонныхъ кругахъ обихъ столицъ, слушались съ одобреніемъ и такими людьми, которые нѣсколько не сочувствовали ихъ духу и, конечно, при случаѣ не задумались бы показать автору самымъ ощутительнымъ образомъ, какъ далеко они расходятся съ его образомъ мыслей. Намѣфеты Пушкина, видимо, составляли тогда для всѣхъ ибчто въ родѣ запрещенной политической игры, за которой слѣдить позволялось только до извѣстнаго предѣла. Пушкину, однакожъ, казалась дѣятельность эта и важной, и почетной. Сблзидательными, но остроумными произведеніями отчасти эротической, а отчасти революціонной своей музы онъ устраивалъ себѣ какое-то особенное положеніе, создавалъ изъ себя какое-то подобіе силы, правда, ничтожной до крайности, ребячески-безомощной и легко устранимой при первомъ движеніи противниковъ, но все же такой, мимо которой нельзя было долго проходить безъ вниманія...» Къ этой характеристкѣ слѣдовало бы еще прибавить, что намѣфеты Пушкина являлись выраженіемъ личнаго ощущенія поэта, отзывчиваго на факты окружающей его жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отражали въ себѣ общее настроеніе не только ближайшаго къ нему дружескаго кружка, но и всей молодой Россіи. Справедливо замѣчать уже цитированный нами выше П. Д. Якушкинъ, что поэтъ «вообще былъ отголоскомъ своего поколѣнія со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ прежде не было въ Россіи».

П. Морозовъ.

163. МЕЧТАТЕЛНО.

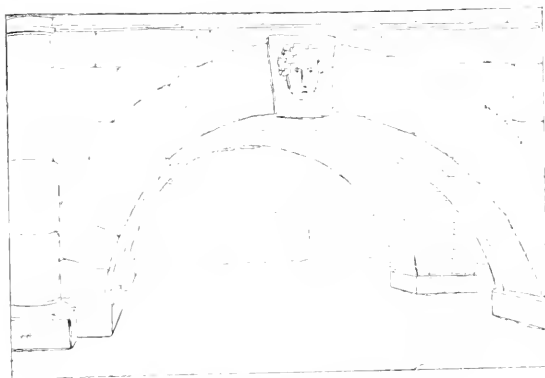
Пѣснь эта пдѣствна въ двухъ автографахъ поэта. Одинъ, черновой, находится въ хранящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради № 2364 л. 13; другой, исправленный, въ тетради графа

166. ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечтательному міру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на козлвахъ лиру
 Петерсбургскою рукою;
 Когда съблизится шибя
 Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власта подымлетъ на челѣ:
 Ты правъ, творишь ты *для немощныхъ*,
 Не для завистливыхъ судей,
 Не для собирателей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣстей,
 Но для друзей галанта строгихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбить счастье,
 Не все родились для вбцовъ.
 Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
 Высокихъ мыслей и стиховъ,
 Кто наслажденіе прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ
 И твой восторгъ уразумѣлъ
 Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

167. ПОСЛУШАЙ, ДѢДУШКА.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ
 Когда взгляну на этотъ замокъ Реттеръ,
 Приходить въ мысль: что если это проза,
 Да и дурная?...

РИСУНОКЪ ЖУКОВСКАГО.

(Арка въ Царскосельскомъ паркѣ).

Н. П. Капниста, съ помѣтой: «1818». Къ 1818 г. посланіе отнесено и въ лѣтневскомъ спискѣ стиховъ, предназначенныхъ для изданія 1826 г. Появилось оно впервые въ «Славѣ Отечества» 1818 г., ч. 50, № 51, стр. 273. Пушкинъ подписалъ его сокращеннымъ арзамаски въ прозаическомъ своемъ: «Св. ч. к.» («Сверчокъ»). Затѣмъ Пушкинъ, исправивъ текстъ, перепечаталъ стихотвореніе въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг.; воспроизводитъ посланіе по этому послѣдшему изданію. Ср. дальнѣе ст. о текстѣ).

Кому посвящено посланіе, неизвѣстно. Н. В. Анненковъ въ своемъ «Материалѣ для біографіи Пушкина» 2-ое изд., 1873 г., стр. 241—242) разсказываетъ, что оно «вызвано было любовью одного молодого человека, утверждавшаго, что онъ не ищетъ взаимности и доволенъ чувствомъ своимъ. Пушкинъ не понимая этого извора рта сердца, ищущаго успокоенія въ обманѣ, и отвѣчалъ на него своимъ стихотвореніемъ». Индѣ Анненковъ не называетъ имени этого «мечтателя», и В. Е. Якушкинъ безъ достаточнаго основанія вставилъ въ слова Анненкова упомянуемаго біографомъ поэта имя Кюхельбекера акад. изд. «Сочиненія П.», П. прим., IV. Неизвѣстно почему давно стали этимъ «мечтателемъ» считать Кюхельбекера; правда, что образъ «мечтателя» очень близокъ къ восторженной, экзальцированной фигурѣ Кюхельбекера. Петромъ въ 1825 г. Пушкинъ обращался къ нему:

Прощи, очень возлюбленнаго разска
Сердечныя и преганяя оживи;
Поговоримъ о бурныхъ швахъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви...

О. Е. Корень («Разборъ вопроса о полнотѣ окончанія «Русалки» по записи Д. П. Зуева», Сиб., 1898 г., стр. 130) указалъ существованіе перваго стиха разсматриваемаго посланія съ 337—338 стихами «Горюха» 1814 г.:

И въ груди сошныя духъ
Назвать насъ кажете.

Ближнейшій называетъ эту шесю «стихотвореніемъ», одною изъ тѣхъ, въ которыхъ виденъ уже зрѣлый талантъ.

Посланіе любовнаго для характеристики Пушкина съ психологической стороны. Здоровья, шлѣйшій юноша считалъ «любвию чуждою» то сладкое, томное, разслабляющее душу чувство, которое «меч-

татель» выдавалъ за любовь. Въ любви для Пушкина было не «стихое умиленіе», а «странное безуміе», не «напрасный пламень» притяжныхъ слезъ, а настоящая душевная буря. Эти стихи говорятъ о проведенныхъ поэтомъ безсонныхъ, полныхъ тоски, мучительныхъ ночахъ. Въ нихъ слышится отголосокъ пережитыхъ сердечныхъ страданій.

Н. Лернеръ.

164. ВЫЗДОРОВЛЕННЕ.

Подлинная пушкинская рукопись «Выздоровленія» сохранилась въ тетради, принадлежавшей графу Н. П. Капнисту, гдѣ шеся носитъ помѣту: «1818». Подъ этой же датой стоитъ она въ лѣтневскомъ спискѣ предназначенныхъ для изданія 1826 г. стихотвореній поэта («Переписка П.», ред. В. П. Саитова, т. I, Сиб., 1906, стр. 293). Впервые появилась она въ изданіи 1826 г., стр. 10—11, а затѣмъ вошла въ изданіе 1829 г., ч. I, стр. 47—48. Одишь старый списокъ «Выздоровленія» напечатанъ П. А. Ефремовымъ («Сочиненія П.», изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905 г., стр. 120—121). Ср. о немъ въ статьѣ о текстѣ.

Шеся отличается автобіографическимъ характеромъ. Въ пушкинскихъ наброскахъ предположенной въ 1826 г. статьи о П. М. Карамзинѣ встрѣчаемъ воспоминаніе Пушкина о перенесенной имъ въ 1818 г. болѣзни. «Я занемогъ гнилою горячкою. Девятью за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣдали меня толовлю часто; иль разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—оно иль самыхъ сладостныхъ. Помню гетеричіе, съ которыми ожидалъ и весна, хоть это время года паводить на меня тоску и таже вредить моему здоровью. Но душной воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ паводилъ во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтической своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 г.». По словамъ Н. В. Анненкова («Материалы для біографіи П.», Сиб., 1873 г., стр. 41: «П. въ Александровскую эпоху», Сиб., 1874 г., стр. 63), Пушкинъ былъ «на краю гроба, въ горячкѣ, но милости постоянныхъ возбужденій организма, не выдержав-

ЖУКОВСКІИ.

Портретъ рис. П. Соколовъ, грав. А. Флеровъ, приложенный къ «Вѣсти. Европы» 1817 г., № 20.

168. КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стнховъ влбительная сладость
 Пройдегь вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль
 И рѣзвая задумается радость.

ного всей удали богатырскаго кутежа», — почти безъ надежды и притворенный къ смерти докторамъ». П. П. Баргеньс («Материалы для біографіи Пушкина», М., 1855 г., т. 3-я, стр. 22) рассказываетъ, что «необходимо было употребить мѣры чрезвычайныя для его излеченія. Придворный медикъ Лейтонъ сажалъ больного въ ванну со льдомъ». Въ февралѣ же Пушкинъ сталъ выздоравливать, о чемъ П. П. Дмитриевъ писалъ А. П. Тургеневу («Сочиненія» Дмитриева, Сиб., 1898 г., II, 230). О болѣзни Пушкина писалъ также Батюшковъ Жуковскому («Сочиненія» Б., III, 488).

Баргеньсовымъ (ор. с., 25) было указано, что «Выздоровленіе» написано подъ влияніемъ стихотворенія Батюшкова (1809 г.), посвящаго то же самое заглавіе и напечатаннаго въ его «Опытахъ въ прозѣ и стихахъ». Дѣйствительно, нѣсколько стиховъ пушкинскаго «Выздоровленія» очень напоминаютъ эти стихи Батюшкова:

Но ты приближаешь, о жизнь! души моеи,
И алмазъ усть твоихъ дышанье,
И слезы пламенемъ свергающихъ очей,
И поцѣлуекъ сочещанье,
И влдохъ страстные, и сила милахъ словъ
Меня изъ области печали.
Отъ Орковухъ полей, отъ Леты береговъ,
Дли сладострастія привалы...

Въ данномъ случаѣ, конечно, нужно видѣть не подражаніе, а невольную реминисценцію, объясняющуюся тождественностью положеній героевъ обоихъ поэмъ. Возможно, что больного Пушкина навѣстила какая-нибудь «вѣтреница Ланса», скрывшаяся отъ внимательныхъ очей родныхъ поэта подъ «козжей ратной». Недаромъ онъ шлохобдѣній такъ всею вспоминалъ время своего выздоровленія. Но всего вѣроятнѣе, что страннѣе образомъ двѣ «ночь грозныхъ киверомъ», дѣйствительно, являлся поэту въ бреду. Вся поэма проникнута свѣжимъ чувствомъ дюрной, юношеской радости бытія.

Ближайшій отъ «Выздоровленія» къ числу тѣхъ «переходныхъ» стихъ, въ которомъ именовъ «поэтъ заровнианъ, но еще не самостоятеленъ, общицинъ Пушкина, но еще не Пушкинъ».

П. Лернеръ.

165. ПРЕЛЕСТИЦѢ.

Впервые напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, апрѣль, стр. 68—69, подъ заглавіемъ: «Къ прелестницѣ», и затѣмъ внесено въ изданіе 1826 г. подъ вышешнимъ заглавіемъ.

Въ числѣ стихотвореній Баратынскаго измѣтся однородное по содержанию и близкое по выраженіямъ посланіе «Доридѣ» (напеч. въ «Новостяхъ Литературы» 1822):

Зачѣмъ нескромностью думьсленныхъ рѣчей,
Руки вѣсешамъ пожиманьемъ,

Притворномъ пламенемъ коварныхъ смухъ очей.

Для вѣхъ увлажженныхъ желаньемъ.

Знакомить внонешъ съ волненіемъ любви, и пр.

Это наводитъ на мысль о переводѣ съ какого-нибудь иностраннаго (вѣрнѣе всего— французскаго) подлинника, которымъ пользовались оба поэта, но который намъ не удалось разыскать. По своему тону, это стихотвореніе не отвѣчаетъ другимъ обращеніямъ Пушкина къ «молодымъ красоткамъ», которыхъ онъ въ ту пору называлъ «Лансамъ» и къ которымъ относился вообще гораздо снисходительнѣе. Такъ, напр., кромѣ известнаго стихотворенія «Выздоровленіе» и «Ольга, крестница Киприды», мы находимъ среди черновыхъ его набросковъ слѣдующіе стихи:

Ланса, я люблю твой свѣтлый взоръ,

Жаръ открыческаго желанья.

И непрерывная лобанья,

И страсти полный радоровъ.

Люблю твоихъ очей я вызовы пылые,

Восторгъ бурные, живые...

Несмотря на свое, казалось бы, правоучительное содержаніе, посланіе «Прелестницѣ», напечатанное къ тому же въ «Невск. Зрителѣ» съ пропускомъ 14-го и 15-го стиховъ, вызвало рѣзкую критику со стороны пѣвственнаго Вас. Наз. Каразина, который, въ письмѣ тогдашнему министру внутренихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубеву отъ 4 июня 1820 г., указывалъ на это стихотвореніе, какъ на образецъ бездѣятельности современной молодежи: «Вообразите, что все это пишутъ и печатають безстыдно не развратники, дѣлчатѣйшіе уже общимъ мнѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ царскихъ училищъ, и поуманіе о существованіи такого воспитанія!» Русск. Стар. 1899, т. XLVIII, стр. 278—279).

П. Морозовъ.

75

LE BAISER.

*Рисунок Пикассо, относящийся к 1894 году (гравюра Румянцевск. музея № 261).
Впервые воспроизведен в историческом альбоме.*

166. ЖУКОВСКОМУ.

Послание не дошло до насъ въ автографѣ. Оно напечатано впервые въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 52, подъ заглавіемъ: «Къ Жу...». Но прочтенныя издашья въ книжкѣ «Для немногихъ». Подъ стихотворіемъ не было подписи автора, а въ примѣчаніи было сказано: «Сочинитель не подумалъ своего имени, но кто не узнаетъ здѣсь того Поэта, который—въ такіе дѣта, когда другіе еще учатся правиламъ стихотворства—сталъ на ряду съ нашими первоклассными Писателями?» При перепечаткѣ стихотворенія въ изданіи 1826 г. Пушкинъ включилъ въ него 5 стиховъ, а затѣмъ, въ изданіи 1829 г., отбросилъ еще 17. Первоначально помѣщенную въ журналѣ редакцію стихотворенія см. дальше, въ статьѣ о текствѣ.

«Чудесный талант! Какіе стихи! Они мучилъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣніе!»—писалъ Жуковский, посылая къ Вяземскому это посланіе 17 апрѣля 1818 года. «Стихи чертенька-пемляника чудесно хороши», отзывалъ Вяземскій (25 апрѣля): «Въ дѣду столбѣтій! О прочтѣхъ и говорить нечего». Любопытно, что Пушкинъ, при позднѣйшей 1829 г. перепечаткѣ стихотворенія, выкинулъ изъ него не только это выраженіе, привоившее въ восторгъ Вяземскаго, но и вообще заключительные 17 стиховъ, въ которыхъ отражалось первое впечатлѣніе только что появившейся въ 1818 г. «Исторіи Государства Россійскаго». Это исключеніе сдѣлано было, вѣроятно, не столько потому, что издѣляя Пушкина на Карамзина усилъ уже удѣлитель, сколько потому, что откинутой частью посланія, действительно, не имѣлъ непосредственной связи съ его началомъ и заключеніемъ въ себѣ какой-то неясной призывъ, обращенный къ Жуковскому, некая вхожденія въ русскую исторію и, въ частности, въ томъ «свѣтъ гений», какимъ представлялся юношѣ-поэту книга Карамзина. Для самого Пушкина время такого обращенія къ Карамзину наступило гораздо позже, семь лѣтъ спустя къ десятилѣтнію перенесеннаго лѣтя, когда онъ дядю-

мать и быстро выполнилъ своего «Бориса Годунова»,—«сея трудъ, гений Карамзина вдохновенный». Съ психологической стороны посланіе необыкновенно интересно изображеніемъ (въ первыхъ 8 стихахъ) творческаго процесса, какъ наблюдалъ его Пушкинъ, конечно, въ себѣ самомъ. Вспоминается гениальное описаніе въ «Египетскихъ ночахъ» поэтическаго эстада, обывшаго итальянца-импровизатора, когда онъ почувствовалъ «приближеніе бога».

Книжки съ шведскимъ и русскимъ заглавіемъ: «Для немногихъ—Für Wenige» издавались Жуковскимъ въ Москвѣ для великой княгини вдовствующей императрицы Александры Феодоровны, при которой онъ состоялъ учителемъ русскаго языка. Всего книжекъ издано было шесть, изъ которыхъ Пушкинъ, ко времени написанія своего стихотворенія могъ видѣть только четыре. Онѣ состояли изъ стихотвореній шведскихъ поэтовъ—въ подлинникахъ и въ стихотворныхъ переводахъ Жуковскаго en regard. Въ продажу эти книжки не поступали, печатались въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ и раздавались лишь «немногимъ»—избраннымъ лицамъ, являющимся и нѣтъ заглавіе. П. Морозовъ.

167. ПОСЛУШАЙ, ДЯДУШКА...

Пародія на начальные 4 стиха шесты Жуковскаго «Единство», напечатанной въ III книжкѣ «Для немногихъ»:

Послушай, дядюшка: мнѣ важная разгадка,
Кто ты владыка на этомъ замкѣ Ретарь.
Приходи въ мысляхъ, что, если ты жь случится
И съ нами хаживай!

Въ печати шутка Пушкина впервые была сообщена въ воспоминаніяхъ Л. С. Пушкина, въ «Москвитинѣ» 1853, № 10, съ замѣчаніемъ, что «въ то время Пушкинъ не постигалъ стиховъ периметрическихъ и по этому случаю свѣдѣлъ нѣтъ нѣкоторыми сочиненіями Жуковскаго и пародировать «Единство», Жуковскій этому свѣдѣлъ, но не удѣлялъ Пушкина, что это стихи».

Действительно, въ первую пору своей глупости Пушкинъ, подобно Батюшкову, Вяземскому и другимъ поэтамъ начала XIX столѣтія, считалъ римую необходимымъ принадлеженіемъ русскаго стиха. Въ ту пору бѣдныя стихи не пользовались вниманіемъ въ нашей поэзіи: гекзаметръ

169. (НА КАЧЕНОВСКАГО).

Безсмертною рукою раздавленный зовъ,
 Позорнаго клейма ты вновь не заслужилъ!
 Безчестно твоему нужна ли перемена?
 Нашъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
 Уймись — и прекинемъ ты стихомъ доволенъ быть,
 Плясавый выполозокъ изъ гудна Дефонтена.

170. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтренныхъ Лансъ,
 Прелестный базовень Киприды —
 Умѣй сносить, мой Адонисъ,
 Ея минутная обиды!
 Она дала красоты младой
 Тебѣ въ удѣлъ очарованье,
 И черныи усь, и излядя живой,
 Любви улыбку, и молчанье.
 Съ тебя довольно, милый другъ,
 Пускай, желаній пылкнухъ чуждой,
 Ты подадуми подрусь
 Не наслаждаешься, что нужны?
 Въ чаду веселій городскихъ
 На девкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
 Къ тебѣ красавицъ молодухъ
 Летягъ задумчивые взоры. —
 Увы! языкъ любви пѣмой,
 Сей вздохъ души краснорѣчивой,
 Быть долженъ сладокъ, милый мой,
 Безпечности самолюбивой,
 И счастливъ ты своей судьбой. —
 А я повѣса вѣчно праздный,
 Потомокъ Петровъ безобразный,
 Врощенный въ дикой простотѣ,
 Любви невѣдая страданій,
 Я правлюсь юной красотѣ,
 Безстыднѣмъ бѣшенствомъ желаній:
 Съ невольнымъ пламенемъ лантъ
 Украдкой, нимфа молодая,
 Сама себя не понимая,
 На Фавна иногда глядитъ.

былъ «притворень къ позорному столбу» неудачной попыткой Тредьяковскаго, и понадобилась продолжительная полемика для того, чтобы оправдать смѣлое предпріятіе Губдича — перевести «Нладу» разнѣромъ, подлинника ели и некоторые стихотворды — Державина, Хераскова, Львова, Радищевы — и пользовались иногда перемѣшаннымъ стихомъ, то дѣлади это исключительно въ такъ называвшемся «русскомъ складѣ» (4-стопный и 5-стопный хорей; иногда писали бѣдые стихи Карамзинъ, но онъ, какъ известно, вовсе и не причислялъ себя къ поэтамъ. Вообще, формальное вліяніе французской литературы было настолько исключительнымъ, что правила французской версификаціи считались единственно возможными для русскаго стиха, причемъ, новшествому, вовсе не чувствовалась существенная разница въ ритмѣ обоимъ языкомъ. Для эпохи и трагедій безусловно обязательнымъ признавался александрийскій стихъ; въ прочіихъ видахъ поэзіи прививались легкіе размеры французскихъ эротиковъ, съ нѣхъ придуманнымъ и принятымъ чередованіемъ ритмъ. Поворотъ въ другую сторону начивается, собственно, только съ Жуковскаго, который, наперекоръ господствовавшему литературному вкусу, пошелъ по слѣдамъ не французскимъ, а нѣмецкимъ поэтомъ и усвоилъ небывалые до того времени въ нашей литературѣ размеры и формы нѣмецкаго стиха. Пушкинъ впоследствии также избавилъ свое первоначальное мнѣніе о бѣломъ стихѣ какъ о «дурной прозѣ» и, по образцу Шекспира и нѣмецкихъ драматурговъ, удакнулъ для русской трагедіи, вмѣсто прежняго александрийскаго стиха, пятистопный бѣдый ямбъ. Но въ остальныхъ областяхъ поэзіи онъ навсегда остался вѣрнѣй ритмъ, и только въ послѣдніе годы своей жизни нѣдари раза обращался къ бѣлому стиху («Мидевичъ», «Вино и посылка»), а и то въ произведеніяхъ, имѣющихъ характеръ драматическаго монолога. Попытки писать гекзаметры переводъ изъ Шенье) и переводить бѣды ритмъ изъ Соути («Медокъ») были брошены въ самомъ началѣ и не удостоились отглаго.

П. Морозовъ.

168. КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Надпись къ портрету Жуковскаго, неизвестная въ автографѣ, появилась впервые въ «Благонамбреномъ» 1818 г., III, № 7, стр. 24, съ полною подписью поэта; время ея созданія можно приблизительно установить по датѣ цензурнаго дозволенія книжки «Благонамбренаго» — 2 июля 1818 г. Въ исправленной редакціи вѣса появилась въ изданіяхъ 1826 г. (стр. 109) и 1829 г., ч. II, стр. 149; печатаемъ ее по этой редакціи (варианты см. въ статьѣ о текстѣ).

Въ «Русской Старинѣ» за 1884 г., апрѣль, стр. 219 - 220, престарѣлый поэтъ А. П. Подолнскій сообщил первоначальную редакцію по памяти и не совсемъ вѣрно и, подвергнувъ общ редакціи сличенію, рѣшительно одобрилъ первоначальную, находитъ, что «время выразительнѣе, чѣмъ вѣкомъ; завистливая даль — чертучуръ замыслата» и т. под. и что, стало быть, эта редакція «вѣрнѣе». Подолнскій просто забылъ, что общ редакціи были напечатаны самимъ Пушкинымъ. Интересно замѣчаніе Подолнскаго, что онъ потому удержалъ въ памяти пушкинскую надпись, что «сподвлявшиеся стихи Пушкина встрѣчались восторженно, и многіе замивались незамѣтно». Портретъ Жуковскаго былъ приложенъ въ октябрѣ 1817 г. къ № 20-му «Вѣстника Европы», и, кромѣ Пушкина, надпись къ нему написали К. П. Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, П. Д. Иванчицъ-Исаревъ. Вѣса молодого поэта, конечно, самая лучшая. Жуковскій, по мнѣнію замѣчательнаго знатока и изслѣтователя его поэзіи, недѣбнаго А. П. Веселовскаго В. А. Жуковскій, «Поэзія чувства и сердечнаго воображенія». Спб., 1904 г., стр. 29-30, «весь въ характеристикѣ, которую, обещали свои юношескія впечатлѣнія, далъ Пушкинъ. Это дѣлалъ образъ, и вѣсть, программа; вдохнуть, думается, безмолвная печаль, сладость: одна «слава» какъ будто не на мѣстѣ. Нѣтъ энергическихъ тоновъ, нѣтъ бури и натиска; есть сентиментализмъ». Интересно, что слава не поправилась въ Подолнскому, который замѣнилъ, что «вдохъ пошлѣе и пропало, чѣмъ о будущемъ». А. П. Подолнскій говоритъ, что «это стихотвореніе характеризуется какъ нѣднѣ думче и формум, и содержаніе поэзіи Жуковскаго, и то нравственное вѣствіе, которое она произвошла на молодыхъ читателей, въ томъ числѣ на Пушкина».

171. ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодною сердечной
 Чудесный жаръ пѣвительныхъ очей.
 Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
 Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

172. КЪ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
 Не долго тѣшилъ насъ обманъ:
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ дымъ, какъ угренній туманъ.
 Но въ насъ княжитъ еще желанья:
 Подъ гнетомъ власти роковой
 Петербургвою душой
 Отчизны внемлетъ призыванья,
 Мы ждемъ съ томленьемъ уюванья
 Минуты вольности святой,
 Какъ ждетъ любовникъ молодой
 Минуты сладкаго свиданья.
 Пока свободою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души прекрасныя порывы.
 Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
 Заря пѣвительнаго счастья,
 Россія востанетъ ото сна,
 И на обломкахъ самовластья
 Встанетъ наши имена.

173. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несомненно Опръ ученый,
 Не данъ надутый и мудреный;
 Онъ важно судить обо всемъ,
 Всего онъ знаетъ понемногу.
 Люблю тебя, собѣдъ Нахомъ:
 Ты просто глупъ, и слава Богу!

Приложенный къ «слади вбковъ» эпиграмма: «завистливая» — быть может, реминиценция изъ Горация, который напоминаетъ своей Леккио (Оды, I, II), что надо пользоваться жизнью, не теряя дней, потому что быстро прополитъ *invida aetas* — «завистливое время».

Н. Лернеръ.

169. НА КАЧЕНОВСКАГО.

Академикъ и профессоръ московскаго университета, Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (о немъ еще будетъ рѣчь въ настоящ. изданіи) съ 1805 по 1830 г. былъ издателемъ и редакторомъ «Вѣстника Европы», журнала въ литературномъ отношеніи строго консервативнаго, осуждавшаго всякія отступленія отъ «классическима» правилъ. Это направленіе съ самаго начала вызвало цѣлый рядъ нападокъ на него со стороны литературныхъ новаторовъ, ввѣсивъ ему прозвище «Зоида». Сначала Дмитриевъ, а затѣмъ — члены «Арзамаса» непрерывно другъ переть другомъ осаждали его эпиграммами. Эти нападки еще усилились, когда послѣ выхода въ свѣтъ Исторіи Карамзина, Каченовскій, вообще не одобрявшій подмены «карамзинствова» и «шишковствова» по вопросу о «старомъ и новомъ словѣ», позволялъ себѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ непонятливо отозваться о приемахъ исторіографа. Книжъ Видемскій, описавъ изъ постояннаго литературныхъ противниковъ Каченовскаго, въ помѣщенной въ «Сынѣ Отечества» замѣлкѣ «О двухъ статьяхъ, написанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», говорить, что этотъ журналъ, «съ тѣмъ поръ, какъ онъ составляемъ е. Каченовскимъ, свѣдѣетъ, какъ бы для оправданія сего изреченія, составомъ оскорбленій, взимаемыхъ щетрово рукою на имена, почтеннѣшій въ области литературы нашей». Въ письмѣ къ А. П. Тургеневу изъ Варшавы, отъ 31 августа 1818 г., кн. Видемскій, между прочимъ, говорить: «Сказки пою Пушкину, что ему непременно должно писать мстительнымъ стихомъ мерзавца Каченовскаго... Не подобно думности, по слывши приговоръ къ смерти *la mort dans le cœ*. Векоръ неготованіе Видемскаго противъ Каченовскаго принимаетъ «истинно русскія» очертавія: «Ради Бога, скажи», говорить онъ въ другомъ письмѣ, «скажи позволитъ Каченовскому

такъ ругаться Карамзинскимъ, и съ журналѣ, почти правительственнымъ, ибо онъ издается университетомъ? И вовсе не приверженецъ самовластнаго мѣры; по у насъ, гдѣ свобода печатанія не разрѣшена, гдѣ объ актерѣ придворномъ говорить запрещается, не само ли собою разумется, что честь писателя, списавшаго уваженіе согражданъ и отличные знаки благоволенія государя и званіемъ государственнаго исторіографа причисленнаго къ чинамъ государства, должна быть ограждена законами отъ ругательства презрѣннаго мерзавца. Критикой, разсужданіи, обличаніи въ оубкаль, по языкомъ пристойнымъ и съ должнымъ уваженіемъ къ чловѣку, уже утвердившему права свои на признательность общества и въ лицѣ государя уже ознаменованнаго надъ нимъ своею признательностью. Грязь грязью останется, конечно, и не судъ Каченовскаго рѣшить о достоинствѣ творенія, лежащаго передъ глазами просвѣщенной Европы; но мнѣ досадно видѣть эту неистовую правительства, которое кричитъ караулъ, когда дотронешься до Зоида, «современный актеръ. *Ред.*: а Карамзина предать на руганіе площадной черни...» (Остафьевскій Архивъ, I, II, 5). Отвѣчая на это письмо (18 сентября), Тургеневъ сообщилъ, что «маленькій Пушкинъ давно уже плюнулъ въ Каченовскаго эпиграммою, и привелъ ея текстъ, воспроизводимый въ настоящемъ изданіи».

«Прежній стиху», приводимый Пушкинымъ въ заключеніи этой эпиграммы, принадлежитъ Дмитриеву и взятъ изъ его эпиграммы «Отвѣтъ», написанной еще въ 1806 г. по поводу критики на него Каченовскаго. Вотъ эта эпиграмма, появившаяся въ печати только въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. (стр. 985):

Нахальство, Аристархъ, галанту не забвни;
Я буду все поэтъ, тебѣ наперекоръ,
А ты останешься все тотъ же крошкаторъ,
Илюганъ выноздокъ изъ гудна Дефонтена.

Аббатъ Дефонтенъ — описъ изъ литературныхъ противниковъ Вольтера. Эпиграмма «иллюганъ», въ примененіи къ Каченовскому, не разъ повторяется въ перепискѣ кн. Видемскаго съ Тургеневымъ (Остафьевскій Архивъ) и вообще была тогда въ ходу. Въ одной изъ своихъ поддѣланныхъ эпиграммъ на Каченовскаго этотъ эпиграма употребилъ и Пушкинъ:

Такого-де старикъ,
Козель въ очкахъ, иллюганъ клеветникъ.

174. ВЕСЕЛЫЙ ШИРЬ.

Я люблю вечерний ширь,
 Едѣ веселье предводитель,
 А свобода, мой кумирь,
 За столомъ законодатель:
 Едѣ до утра слово не ѣй
 Заглушаешь крики пѣсень,
 Едѣ просторенъ кругъ гостей,
 А кружокъ бутылокъ тѣсень.

175. УЕДИНЕНИЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
 Вдали изыскательныхъ невѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и дѣви,
 Воспоминаній и надеждъ:
 Кому судьба друзей послала,
 Кто скрытъ, но милости Творца,
 Отъ усыпителя глухца,
 Отъ пробудителя пачала.

Въ эпиграммахъ и полемическихъ статьяхъ Пушкина Каменовскому принадлежатъ первое мѣсто по количеству направленныхъ на него ударовъ. Къ нему относятся эпиграммы: 1820 г.—«Хаврошю, ругатель заклейбый»; 1821 г.—«Клеветникъ безъ дарования»; 1824 г.—«Охотникъ до журнальной драки»; 1825 г.—«Живъ, живъ курликъ!»; 1829 г.—«Обиженный журналами жестоко»; «Тамъ, гдѣ древній Комертонскій»; «Какъ сатирой безмясной». Кроме того, Каменовскому посвящены стихи въ посланіи къ Чаадаеву 1831 г.:

Ораторъ Пушкиновъ, никакъ не замѣчаемъ,

Намъ мало посягала своимъ невиннымъ даромъ.

Въ эпиграмму 1828 г. «Собраніе пашкомыхъ» («Вотъ Каменовскій, злой паукъ»). Во всѣхъ этихъ эпиграммахъ точно такъ же, какъ и въ прозаическія замѣтки («Литературное общество», «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей» и пр.), Пушкинъ остается вѣрнымъ старому «арзамасскому» преданію высмѣивать литературныхъ враговъ. Къ пашкамъ Пушкина на заслуженнаго во многихъ отношеніяхъ Каменовскаго наше изданіе еще вернется.

170. КЪ ЮРЬЕВУ.

Автографъ этого стихотворенія не сохранился, но оно дошло до насъ въ видѣ отдѣльнаго печатнаго листка, единственный экземпляръ котораго, принадлежавшій самому Юрьеву, находится нынѣ у П. А. Ефремова. Текстъ посланія напечатанъ на сложенномъ къ четвертку листѣ вагманской бумаги съ водянымъ знакомъ «1819» и имѣетъ заглавіе «Ю. Ю.»: по этому шпигу посланіе воспроизведено въ Академическомъ изданіи т. II, стр. 15—16 и въ нашемъ.

Въ 1829 году посланіе было напечатано, безъ имени Пушкина, въ альманахѣ М. А. Бесуджева-Рюмина (с. 1832 «Сѣверная Звѣзда» стр. 305—306), съ подписью Ан. и съ прощальными и неумѣнными измѣненіями нѣкоторыхъ стиховъ (см. въ исторіи текста). При этомъ Бесуджева-Рюминъ, благодаря г. Ан. да сообщенію этого и другихъ стихотвореній, просилъ авторовъ неподписанныхъ пьесъ вѣрять, сообщать свои имена: была ли это хитрость со стороны Бесуджева-Рюмина, или онъ действительно не зналъ имени

автора,—неизвѣстно, но появленіе посланія и другихъ его стихотвореній въ печати вызвало неудовольствіе Пушкина: «Г-нъ Ан.», писалъ онъ въ черновикъ свою пѣсню, напечатанную въ 1830 г., «не имѣлъ никакого права распостыгать моими стихами, поправлять ихъ по-своему и отсылать въ альманахъ г. Бесуджева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стиха, преданные мною забвенію или напечатанные не для печати или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ, болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю.)» (Соч., изд. Морозова 1903, т. VI, стр. 270 и 630). Эти слова Пушкина подтверждаютъ, между прочимъ, датировку стихотворенія, установленную еще Анненковымъ въ его изданіи.

Послѣ смерти Пушкина посланіе къ Юрьеву было напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г., т. XV, № 4, отд. IV, стр. 284, въ посмертномъ изданіи т. IX (1841 г.), стр. 453—454, изданіи Анненкова, т. II, стр. 237—238, Геница, т. I, (1859 г.), стр. 185—186 (гдѣ впервые было раскрыто, что оно обращено къ Ф. Юрьеву), изд. 1870 г., т. I, стр. 186—187, изд. 1880 г., т. I, стр. 201—202 и 1882 г., т. I, стр. 191—192, въ изд. Литер. Фонда, т. I, стр. 187, «Матеріалахъ» Л. П. Майкова, 1902 г., стр. 6—7, изд. Морозова 1903 г., т. I, стр. 228—229, изд. Ефремова-Суворова, т. I, стр. 303—304 и въ Академическомъ изданіи, т. II, стр. 15—16.

Федоръ Филипповичъ Юрьевъ, происходившій изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1796 году; во время Отечественной войны онъ поступилъ на службу (1-го сентября 1812 г.) пятидесятилѣтнимъ начальникомъ въ конный полкъ Нижегородскаго ополченія и въ 1813, 1814 и 1815 гг. находился въ походахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Пруссіи, Богеміи, Австріи, Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Вестфаліи и Ансальтѣ, участвовалъ въ блокадѣ Магдебурга и Дрездена, въ сраженіяхъ съ французами подъ Дрезденомъ (5-го октября 1813 г.), у мѣст. Донау (10-го октября), подъ крѣп. Торгау (14-го) и подъ Вейсстрицемъ (17-го). Вернувшись въ Россію съ чинномъ корнета, Юрьевъ, послѣ того какъ ополченіе было расущено, поступилъ въ Литовскій уланскій полкъ, въ февралѣ 1817 г. произведенъ въ поручика и 8-го августа 1818 г. перешелъ въ Ямбургскій уланскій полкъ, откуда черезъ годъ (20-го сентября 1819 г.) переведенъ былъ, за

176. ПРО СЕБЯ.

Приписывается Пушкину).
Бедикимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много общаю,
Исполню ли — Богъ вѣсть.

178. НАДЕВКѢ.

Приписывается Пушкину).
Съ тобой пріятно удѣлать
Часокъ — два — три усѣненью:
Однѣмъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденью.

177. ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЬ...

Приписывается Пушкину).
Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонится,
Когда все доброе дожится,
И все недоброе вѣстаетъ.

179. ЗА УЖИНОМЪ ОБЪѢЛСЯ Я.

Приписывается Пушкину).
За ужинкомъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мой другъ,
И Кюхельбекерю и тошно.

отличие по службѣ, въ лейбъ-гвардіи уланской полкъ и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Пробывъ дѣлѣмъ недолго во фронтѣ полка (авг. 1823—февр. 1824 г.), Юрьевъ былъ определенъ адъютантомъ къ командующему 4-ю уланскою дивизіею генералу князю Лопухину, 20-го октября 1824 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистра и назначенъ бригаднымъ адъютантомъ при Лопухинѣ, 6-го декабря 1827 г. получилъ чинъ ротмистра, а въ маѣ 1830 г. снова вернулся въ полкъ, но прослужилъ въ немъ уже недолго: 10-го января 1833 г. онъ вышелъ въ отставку. Причислившись, спустя два года, къ министерству внутреннихъ дѣлъ (29-го января 1835 г.), Юрьевъ былъ назначенъ 2-го июня 1836 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, въ апрѣлѣ 1839 г. перешелъ въ министерство юстиціи, но уже 5-го октября, назначенный директоромъ депозитной кассы при коммерческомъ банкѣ, перешелъ въ министерство финансовъ, по вѣдомству котораго и прошла вся дальнѣйшая его служба: такъ, онъ послѣдовательно занималъ должности товарища управляющаго коммерческимъ банкомъ съ 20-го августа 1843 г., управляющаго съ 1848, 1849 и 1851 г., временными рыбной и Нижегородской банковыми конторами, управляющаго экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ съ 22-го января 1854 г., государственнымъ коммерческимъ банкомъ съ 15-го октября 1854 г., при чемъ исполнялъ нѣсколько служебныхъ командировокъ. Произведенный въ 1848 г. въ действительнае статское совѣтника, Юрьевъ скончался въ Петербургѣ 30-го марта 1860 года.

Въ концѣ 1820-хъ или началѣ 1830-хъ годовъ Ѳ. Ф. Юрьевъ женился на фрейлинѣ в. к. Еленѣ Павловнѣ Маріи Павловнѣ Ушаковой (род. 21-го августа 1802 г. † 7-го декабря 1858), дочери воспитателя воспитанника Александра Николаевича генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова (род. 1759 † 1840 г.); сестра ея, Варвара Павловна (именная послѣдствіемъ да Барыкова и умершая въ 1862 г., фрейлина при в. к. Александрѣ Оскаровичѣ, была въ дружельскихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ, который въ 1819 г. написалъ ей, совместно съ нѣсколькими другими фрейлишками, шуточное посланіе въ стихахъ¹⁾.

¹⁾ Ср. нашу замѣтку въ III выпускѣ Пушкинъ и его современники, Сиб. 1890, стр. 92—93.

Посланіе Ѳ. Ф. Юрьеву относится къ циклу тѣхъ пьесъ Пушкина въ энциклопедическомъ духѣ, которыя вызваны были и тогдашнимъ настроеніемъ юного поэта, и сретою въ которой онъ вращался въ то время. Центромъ, въ которомъ собиралась тогдашняя золотая молодежь, было известное дружеское общество «Зеленой Лампы», основанное братьями А. В. и П. В. Всеволожскими¹⁾; въ этогъ кружокъ попалъ и уланскій поручикъ Юрьевъ. Онъ увлекался вопросами литературы и театра и бывалъ одно время постояннымъ посѣтителемъ литературныхъ собраній у известнаго драматурга князя А. А. Шаховского, гдѣ встрѣчался со всѣми тогдашними писателями, а въ 1822 г. принималъ участіе въ праздничномъ спектаклѣ, устроенномъ Ѳ. П. Глинкой, П. П. Арановымъ, П. П. Хмеляницкимъ, А. П. Верстовскимъ, П. Б. Мансуровымъ и др. въ честь В. Андр. Всеволожскаго въ его имѣніи «Рабово» близъ Петербурга²⁾. Съ братьями Всеволожскими и Мансуровымъ у Юрьева сохранились дружескія отношенія до самой смерти. Насколько намъ известно, самъ онъ ничего не писалъ: бумаги его перешли къ П. А. Ефремову; въ нихъ, кромѣ указанного выше листка, оказались автографы стихотвореній «Здорово, Юрьевъ-имянинчикъ», посланія къ Всеволожскому и «Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей».

Аишенокъ передаетъ любопытный разговоръ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»³⁾.

Б. Модзалевскій.

171. ВЪ АЛЬБОМѢ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Впервые напечатано въ доподлинномъ (VII) томѣ изд. Аишенокъ, который и отнесъ это четверостишіе къ 1818 г. В. Е. Якушкинъ «Соч. Пушкина», акад. изд., т. II, прим. 33¹⁾ указываетъ, что въ этомъ году, 29 июля, такъ была beneficentъ Сосницкая: или романтическая опера «Жиль-блязъ въ вертепѣ разбойниковъ», переве-

¹⁾ Ср. дальнѣе статьи: Отъ Анжера до Селькии и Періодъ Зеленой Лампы; въ нашихъ статьяхъ Я. П. Голостовъ, Сиб. 1899, стр. 5—8 и В. П. Дубовъ и его замѣтка: «Пушкинъ и его современники», выст. IV, стр. 98, прим. 3.

²⁾ П. П. Арановъ, дворянскій русскаго театра, Сиб. 1861, стр. 330 и 331.

³⁾ Матеріалы, изд. 1873, стр. 50.

денная однимъ изъ друзей Пушкина, Никитой Всев. Всеволожскимъ.

Елена Яковлевна Сосницкая, рожденная Воробьева, дочь известнаго въ свое время пѣвца, была женою актера Пв. Пв. Сосницкаго (1794—1871). Она изъ лучшихъ умницъ кн. Шаховскаго, она выступила на сценѣ еще въ 1814 г. и пользовалась большимъ успѣхомъ въ разнообразныхъ роляхъ. Такъ «дѣтисщенъ» русскаго театра, Пимен Арановъ, сообщаетъ, что она была «превосходна» въ комедіи Грибодова «Молодые супруги», «съ триумфомъ» исполнила роль Алены Сушанина въ оперѣ Шаховскаго «Иванъ Сушанинъ» и г. д. П. П. Куликовъ, въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ («Рус. Старина» 1892 г. № 8) говорить о Сосницкой, какъ о красоткѣ и талантливой актрисѣ, и прибавляетъ: «Она была кокетка, любила, чтобы всѣ влюблялись въ нее и уважали за нею, а сама была холодна. Пушкинъ сразу полюбилъ ее и написать ей въ альбомѣ стихи, которые разбирая въ настоящее время, удивляешься, какъ въ четырехъ строкахъ онъ сумѣлъ выразить всю ея характеристику: влюбленныхъ въ нее называлъ дураками, да и не обращающихъ вниманія на ея очаровательную улыбку, на огненные глазки — тоже...»

Оставаясь неразлучною спутницею своего мужа на сценѣ, Е. Я. проила черезъ всѣ «агуды», до комической старухи включительно, и умерла въ 1855 году.

172. КЪ ЧААДАЕВУ.

Подлинная рукопись этого посланія до насъ не дошла, печаталось же оно, до послѣдняго изданія, цѣлкомъ только въ заграничныхъ изданіяхъ, а въ русскихъ—(см. статью о текстѣ) съ различными погрѣшками и искаженіями. Впервые появилось оно въ отрывкѣ въ альманахъ «Сиріусъ» 1827 г., стр. 31, и полнѣе въ альманахъ «Свѣтлая Звѣзда» на 1829 г., Спб., стр. 50.

Дружескія отношенія Пушкина съ Чаадаевымъ, начавшія себѣ такое краснорѣчивое выраженіе въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, а также и въ пересѣлкѣ, начались въ то время, когда Пушкинъ былъ еще лицеевцемъ, а Чаадаевъ—офицеромъ лейбъ-гусарскаго полка, расквартированнаго по собѣдству съ Лицеемъ, въ Царскомъ Селѣ. «То было», говоритъ биографъ Чаадаева, Жуковскій («Вѣстн. Европы» 1871, № 7, стр. 192), «золотое время Ли-

цей, издѣлываемаго высокою царственною заботой и по главѣ публичнаго Энгельгарда, человека, и по сію пору еще не огрубѣннаго въ дѣтисщенъ русской педагогіи. Воспитанники ежеминутно пропадали въ садахъ державнаго жилища, промежду его живыми зеркальными водами, въ гнистыхъ вѣковыхъ аллеяхъ... Шумная скупая щедротелаяго, утонченной, богатой самими драгоценными надеждами молодежи очень скоро возбудила внимательное, бодрствующее мутье Чаадаева и еще скорѣе сдѣлалась цѣлью его вѣрнаго, мѣлкого, исполненнаго симпатическаго благоволенія оударактеризованія. Юныхъ раздѣльныхъ любовидцевъ онъ сейчасъ же прозвалъ «философами-перипатетиками». Прозваніе было принято воспитанниками съ большимъ удовольствіемъ, но ни одинъ изъ нихъ не сблизился столько съ его творцомъ, сколько тотъ, которому впоследствии было суждено сдѣлаться необыкновеннымъ сокровищемъ, лучшемъ гордостію и лучезарнымъ украшеніемъ Россіи...»

Ср. во II т. статью «Пушкинъ и Чаадаевъ».

173. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Академическимъ изданіемъ эта эниграмма отнесена къ 1817 г., но правильно относить ее къ 1818 г., такъ какъ въ рукописи Моск. Музея № 2364, л. 58 об., она находится рядомъ съ черновыми стихами изъ III пѣсни «Руслана и Людмила». Подъ именемъ «лучшаго Фирса», можетъ быть, раздѣляется, М. Т. Каченовскій, нападки котораго на Исторію Карамзина, начавшіяся въ 1818 г. такъ раздражали Пушкина и его друзей.

Послѣдній стихъ, по увѣренію А. О. Смирновой («Записки», I, 20) вошелъ въ разговорку у Пушкина, который часто говорилъ: «Она просто глупъ, и слава Богу». Но Смирнова слишкомъ явно пригоняетъ свои «воспоминанія» къ фактамъ, прямо перечеркнутымъ изъ разныхъ биографій, чтобы ей можно было двѣрять.

174. ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Черновикъ «Веселаго пира» сохранился въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 л. 52). Напечатана была пьеса впервые въ альманахъ «Мнемозина» 1824 г., ч. II, стр. 85, подъ заглавіемъ «Вечеръ» и съ очень глупой описательной во 2-мъ стихѣ, гдѣ веселье было на-

звано «забѣтателемъ». Подъ настоящимъ своимъ названіемъ она была помѣщена Пушкинымъ въ сборникѣ его стихотвореній 1826 и 1829 гг.; воспроизводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана самымъ первымъ въ изданіи 1829 г. Черновой набросокъ дать въ нѣсколько стиховъ («Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, 652; о ширѣ см. въ статьѣ о текствѣ).

Самъ Пушкинъ печаталъ «Веселый ширъ» безъ всякой датировки. Н. В. Анненковъ (т. II, стр. 361) относитъ его къ 1824 г.; въ изданіяхъ Н. О. Морозова и академикъ наукъ опять относитъ къ 1819 г. на томъ основаніи, что черновикъ его въ музейной тетради находится среди черновыхъ набросковъ начала четвертой пѣсни «Руслана и Людмилы». Эту пѣсню Пушкинъ писалъ еще въ концѣ 1818 г. 3 декабря 1818 г. А. П. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому, что «Пушкинъ уже на четвертой пѣснѣ своей поэмы», а 18 декабря уже сообщалъ ему, что Пушкинъ «кончаетъ четвертую пѣснь поэмы». Свѣдѣнія, сообщаемыя Тургеневымъ, не всегда точны, Пушкинъ писывалъ свои тетради не сразу сплошь, и «Веселый ширъ» можно отнести поэтому только приблизительно къ концу 1818 или началу 1819 г.

В. Е. Якушкинъ академ. издан., т. II, прим., стр. 91 въ примечаніи къ «Веселому ширу» съ непонятнымъ доверіемъ относитъ къ сообщенію какого-то А. Рапонова («Русс. Стар.» 1876 г., февраль, 464—467). Этого господина узнать, что проважалъ въ 1824 г. изъ Одессы въ Михайловское, Пушкинъ, остановившись по дорогѣ въ Молдаевѣ-на-Днѣпрѣ, «шировалъ» тамъ съ дубенскими гусарами и декламировалъ имъ «Веселый ширъ». О достоверности разсказа Рапонова можно судить по тому, что разсказчикъ заставилъ своихъ гусаръ предлагать Пушкину ванну въ шампанскаго, пистрессовалъ «Евгеніемъ Онегиннымъ», который тогда еще даже не печатался (первая глава романа вышла въ 1825 г.) и писалъ уюкою души Лепскаго, о смерти котораго говорится въ шестой главѣ, вышедшей въ 1828 г., стр. «Будное» 1906 г., июль, 304).

Братъ Пушкина Н. П. Надеждинъ (Виконтъ Набоумко) вложилъ «Веселый ширъ» въ уста «Оному изъ собесѣдниковъ» въ «Соплихѣ или пистонѣ» («Вѣстн. Европы» 1829 г., № 2; «Полн. собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго», изд. С. А. Венгерова, т. I, Сиб., 1900 г., стр. 483; «Славянъ Утаровъ», живое олицетвореніе философскаго напра-

вленія «Московского Телеграфа», гдѣ участвовалъ Пушкинъ, съ «выдающими щеками и раздетымъ свертку сверху жилетомъ», декламируетъ эти стихи «сверхова нашего Байрона».

Н. Лернеръ.

175. УЕДИНЕНІЕ.

Черновикъ «Уединенія» находится въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2364 (л. 51). Впервые шесю была напечатана въ изданіи 1826 г., стр. 105, и потомъ переиздана въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 159. О вариантахъ см. въ концѣ тома.

Въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг. шесю не была датирована. Н. В. Анненковъ напечаталъ ее (т. II, стр. 334) почему-то подъ 1822 г., и лишь въ послѣднихъ изданіяхъ—«Просвѣщенія» и академическомъ—она была перенесена въ 1819 г. на томъ основаніи, что черновикъ въ музейной тетради находится послѣ начала четвертой пѣсни «Руслана и Людмилы». 4-ая пѣсня писалась въ концѣ 1818—началѣ 1819 г. (см. выше примечанія къ «Веселому ширу»).

Тремя годами раньше, въ 1816 г., Пушкинъ писалъ изъ лицея кн. П. А. Вяземскому (см. выше, стр. 309, 310): «выбралъ вась, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы жилали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину...» Вскорѣ жизнь научила его иначе дѣлать блага уединенія. Сидя въ Михайловскомъ, онъ писалъ брагу въ концѣ 1824 г.: «Кто думаетъ ко мнѣ захватить? Избави мени».

Отъ усатиителя глупца.

Отъ пробужденна пазала!

Считая «Уединеніе» шесю 1822 г., Н. П. Барневеъ («Пушкинъ въ Южной Россіи»—«Русс. Архивъ» 1886 г., ст. 1190) неправильно видѣлъ въ немъ «отраженіе его книжнеческой жизни».

Предпоследній стихъ шесю напоминаетъ слова Гете: «изъ всѣхъ пороковъ дураки самые вредныя; они одновременно похищаютъ у вась время и настроение».

Н. Лернеръ.

176. 179. ПРО СЕБЯ. ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЬ, НАДЕШЬКѢ, ЗА УЖИНОМЪ ОБЪЯВЛЯЯ Я.

См. дальне статью «Приписываемыя Пушкину стихотворенія 1818—1819 гг.».

ПЕТЕРБУРГЪ ОКОЛО 1820 г.

(Литографія Мартынова. Изъ коллекціи Е. П. Тевлицева).

ОТЪ ЛИЦЕЯ ДО ССЫЛКИ.

«...Цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлый годъ еще дремать передъ каюдой... это ужасно. Право, съ радостью согласился бы я 12 разъ перечитать всѣ 12 пѣсень пресловутой Россіады, даже и съ присовокупленіемъ къ тому премудрой критики г. Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенья»...

Такъ восклицалъ арзамасскій Сверчокъ въ письмѣ къ своему старшему брату во Арзамасѣ Асмодею (Вяземскому) изъ стѣнъ царскосельскаго «монастыря», въ которомъ онъ такъ томился, воспѣвая «вино водными стихами» и мечтая о возможности ласкать свою любовницу не во снѣ, а наяву.

Вожадебный день, наконецъ, насталъ, и притомъ—на цѣлые три мѣсяца раньше положеннаго срока: «вбродно».—говоритъ биографъ Пушкина, — «несомнѣнные признаки возмужалости лицестовъ ускорили

этотъ послѣдній актъ»¹⁾. Въ торжественный день 9 іюня 1817 г. государь явился въ лицей въ сопровожденіи новаго министра народнаго просвѣщенія, кн. А. П. Голицына, и послѣ предварительнаго экзамена воспитанниковъ, «походившаго, вслѣдствіе взаимныхъ соглашеній всѣхъ его участниковъ, скорѣе на домашнее представленіе, чѣмъ на экзамень», роздалъ призы и аттестаты. Затѣмъ лицесты проѣхали процальный гимнъ Дельвига съ музыкой Теннера-де-Фергюсона: «Шесть дѣтъ минуло, какъ мечташь»—и на слѣдующій день вышли «на волю» и разошлись во всѣ стороны.

Простившись съ своими ближайшими товарищами въ цѣломъ рядѣ альбомныхъ «памятокъ» и оставивъ также теплое слово признательности въ альбомѣ своего директора Энгельгардта, юный поэтъ проѣхивилъ

1. А. Венковъ въ Пушкинѣ въ Алекс. эпоху, 34.

лицейскую куртку на видъ-мундиръ «коллежскаго секретаря, причисленнаго къ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ», и, перебравъ въ Петербургъ, поселился въ квартирѣ своихъ родителей, на Фонтанкѣ, у Калиткина моста. Здѣсь онъ едва успѣлъ осмотрѣться и оправиться: въ самомъ началѣ июля онъ уже уѣхалъ съ родителями въ некоему деревню,—въ то самое Михайловское, въ которомъ, семь лѣтъ спустя, ему пришлось коротать зимніе вечера въ обществѣ старухи-няньки. Въ тѣ дни, о которыхъ мы теперь говоримъ, Пушкину «были новы всѣ невсѣдливя блага»: онъ самъ вспоминалъ впоследствии, какъ обрадовался русской банѣ, клубикѣ и т. п. «По все это правиломъ мнѣ недолго»,—прибавляетъ онъ:—«я любилъ и тогдашнѣ люблю шумъ и толпу».

Два дня ему казался новы
Уединенный покой,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ уже навощилъ сонъ...

Онъ не выдержалъ—и вернулся въ Петербургъ раньше, чѣмъ кончился срокъ взатаго отпуска. «Міра новый блескъ и шумъ обворожали юной умъ»—и въ этотъ новый, блестящій и привлекательный міръ поэтъ бросился со всею пылостью страстной своей натуры и со всею любовностью повника. Ему не нужно было никакихъ особенныхъ успій для того, чтобы войти въ кругъ тогдашняго свѣтскаго общества: старая связь его отца, всегда очень дорожившаго своими аристократическими знакомствами, и дружба съ товарищами-лицеистами и офицерами, принадлежавшими къ «золотой» молодежи, открыли передъ нимъ двери петербургскихъ салоновъ. И вотъ, Пушкинъ становится на нѣкоторое время однимъ изъ представителей той «шпалерной» молодежи людей, которая считалась необходимою принадлежностью свѣтскихъ вечеровъ и собраний. Какъ къ Олѣвину, въ нему съ утра несуть «зашкочка»: «тамъ будетъ баня, тамъ дѣтскія прачки», и его дозвать въ чашѣ трутнью ящиковъ для того, чтобы «спривалить» съ барышнями, поболтать и въ то же время «поучиться» на старинныхъ гдьяхъ и прислушивающъ къ ихъ бесѣдамъ. Ему приходится сталкиваться съ самыми разнообразными типами пестраго петербургскаго

«свѣта» той эпохи, безмернымъ зеркаломъ которой явилось «Горѣ отъ ума»; приходится разбираться въ томъ смутномъ хаосѣ настроеній и сужденій, на одномъ полюсѣ котораго уже очень замѣтно собиралась готовая раздаться надъ Россіей туча мистицизма и безпощадной реакціи, а на другомъ группировалась либеральная оппозиція, уже близкая къ образованію тайныхъ обществъ. Въ этомъ казедосковѣ фигуръ, чувствъ и мнѣній наблюдательный юноша скоро сумѣлъ выдѣлать дѣятели личности, не подходящія къ общему свѣтскому шаблону и притягивавшія его къ себѣ своимъ умомъ и оригинальностью. Такова была, напримеръ, извѣстная *princesse Nocturne*—княгиня Авдотья Ивановна Голицына, въ ту пору уже почти сорокалѣтняя красавица, съ которою Пушкинъ познакомился у Карамзинныхъ и сразу въ нее влюбился (о ней см. дальне особую статью), или Елизавета Сергѣевна Огарева, отличавшаяся своей красотой, умомъ и образованностью и воспитанная Дмитріевымъ и Вяземскимъ. Таковы были, даѣе, представители высшаго военнаго круга—Алексѣй Теодоровичъ Орловъ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и другіе, выдѣлявшіеся изъ толпы своею политическою зрѣлостью; таково, наконецъ, было то общество умныхъ, къ которымъ Пушкинъ, въ подлѣйшемъ наброскѣ программы неканоническаго романа, причислялъ Павла Долгорукова, Сергѣя Трубецкаго, Шкунту Муравьева и другіихъ—будущихъ декабристовъ. Но эти люди и еще немногіе, имъ подобные, являлись, конечно, только единичными исключеніями къ той средѣ, въ которой они по своему общественному положенію должны были вращаться. Общее же впечатлѣніе, вынесенное Пушкинымъ изъ этой среды, было рѣшительно отрицательное. Поэтъ, по собственному его признанію, «опасноно предельный суетой, угорлѣ въ чашу большаго свѣта»—и, больше всего цѣня личную свободу и непринужденность, «убрался» въ иной кругъ, гдѣ могъ чувствовать себя уютно въ домѣ и на-распашку.

Для Пушкина только что начиналась та пора жизни, которую онъ впоследствии называлъ своею «минутою молодости». Навлеченный мотивами легкой французской моды (см. статью «Пушкинъ и Парижъ») и идеалъ независимаго мудреца-эпикурейца, «разнаго сына беземной нивы», поэта-дѣлвища, который находитъ счастье въ незамысловатой обстановкѣ своего «черкака»,

среди тѣснаго круга подобныхъ ему друзей, казался близкимъ къ осуществленію:

Мнѣ во сто кратъ милѣ
Младыхъ новѣе счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ волея я,
Гдѣ спорю ведамъ, гдѣ чувствую сильнѣе
И гдѣ мы всѣ прекраснаго кружка,—
Чѣмъ вдалокъ, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца пораженъ...

Въ характеръ Пушкина—не только въ это время, но и гораздо позже,—была своего рода ребячливость, склонность пошунить, подурничать въ кругу близкихъ людей, гдѣ можно держаться безъ стѣсненій, и онъ особенно цѣнилъ такое общество, въ которомъ чувствовалъ себя вполне свободно. «Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ»,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ А. М. Каратыгина,—«Сама Пушкинъ, бывая у насъ, смѣшала своею рѣзвостью и ребяческой шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ, вертится, прыгаетъ, переаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, снуетъ въ клубокъ гаруса въ моемъ вышиванъ, разбрасываетъ карты въ грань-псалъевъ, раскладываемомъ матушкою. «Да уймешься ли, стрекоза?»—кричатъ, бывало, моя Евгенія Ивановна:—«перестань, наконецъ!» Сама минуты на двѣ пріутиметь, а тамъ опять начнетъ проказничать. Какъ-то матушка пригрозилась наказатъ неугомоннаго Саму: острить ему «когти»,—такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку»,—сказала она мнѣ, взявъ ножницы,—«а я остриу!» Я взяла Пушкина за руку: онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ приворно всхлипать, стонать, жаловаться, что его обижаютъ, и до слезъ разсмѣшила насъ...» Цѣлый рядъ рассказовъ о подобныхъ же шуткахъ относится и къ позднѣйшему періоду,—во времена жизни Пушкина въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Вырываясь изъ чиннаго, скованнаго всевозможными условностями, «свѣта» въ интимную, дружескую сферу, молодой поэтъ какъ бы старался вознаграждать себя за вынужденную сдержанность и пускался въ такія проказы, которыя отъ людей болѣе пожилыхъ и солидныхъ доставили ему названіе «беснующагося». Товарищами этихъ проказъ и шумнаго веселья оказался десятокъ-другой представителей богатой и праздной свѣтской молодежи. Такъ же, какъ и Пушкинъ,

скачавъ въ гостиныхъ и на балахъ, онъ охотно «спечезалъ» отсюда въ укромные уголки, гдѣ ничто не мѣшало вольной шуткѣ, чаще всего—въ обществѣ тѣхъ «молдыхъ красотокъ»,

Которыхъ поздно порою
Уноситъ дрежка удалая
По петербургской мостовой

и которыхъ Пушкинъ называлъ «Лансами». Естественное къ юности желаніе, при первомъ вступленіи въ самостоятельную жизнь, все извѣдать и во всемъ насладиться сказалось у пылкаго и страстнаго поэта бурнымъ увлеченіемъ всеми приманками веселой жизни, и онъ привелъ свою рѣзвую музу:

На шумъ ширвоу и буиныхъ споровъ
Грозы полудныхъ дозоровъ,
И къ нимъ въ безумные шны
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ щепъ
За нею буюю волочилась...

Основной мотивъ этихъ застольныхъ пѣсень и дружескихъ посланій—наслажденіе жизнью и молодостью, которая «не приходитъ вновь» и отъ которой поэтому надо взять все, что только она можетъ дать («вѣрному смѣху паюеской вѣры», поклоннику Вакуа, Киприды и Момуса.

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

читаемъ въ одномъ изъ этихъ стихотвореній:

Пусть наша вѣтреная младость
Потохнетъ въ пѣсѣ и вѣсѣ!

говорится въ другомъ, и т. д.

«Младость», «радость» и «сладость»—вотъ обычныя пушкинскія рѣчи этой поры: жажда свободы и наслажденій—вотъ преобладающая тема его стихотвореній. Въ дружеской перепискѣ его современниковъ и пріятелей не разъ попадаются указанія на такъ называемое «развѣнное» время препровожденія поэта. «Сверчокъ притагъ по бульвару и по б-мъ»,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ А. С. Гурженева къ Вяземскому 1818 г. «Но утрамъ разказываетъ Якуковскому, гдѣ онъ всю ночь не спалъ, цѣлый день дѣлаетъ видны б-мъ, мнѣ и ки. Голлицыной, а ввечеру иногда истрать въ банкъ»,—пишетъ тотъ же Гурженевъ въ другомъ письмѣ. «Жизнь его проходить у

пріема билетомъ, по которымъ пускаютъ смотреть привезенныхъ сюда зѣбрѣй... Онъ влюбился въ пріемщицу билетомъ и сдѣлался ея cavalier servant, сообщаетъ въ третьемъ письмѣ, и т. д. Самъ поэтъ рисуетъ эти свои увлеченія въ послѣднюю къ разнымъ пріестѣнникамъ и говоритъ откровенно о томъ «безстыдномъ бѣшенствѣ желаній», которымъ онъ правился «оной красавицѣ»... За эти усилія въ «сважѣ страсти пѣвжой» Пушкинъ попался довольно серьезно: къ теченію одного какого-нибудь года онъ былъ боленъ три раза, причемъ въ послѣдній разъ — настолько опасно захворалъ гнилою горячкою, что врачъ не отговаривалъ за его жизнь, и только молодость и отъ природы крѣпкое здоровье помогли ему «скользнуть отъ Фекулана» живымъ. Характерно объясненіе этой послѣдней болѣзни, данное Тургеневымъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ 18 іюня 1819 г.: Пушкинъ простудился, ожидая у дверей одной б — и, которая не пускала его въ дождь къ себѣ, для того, чтобы не заразить его своею болѣзью...

Любовная похоченія, однако, едва ли занимали первое мѣсто среди радостей молодой жизни Пушкина. Гораздо больше времени и вниманія удѣлялъ онъ театру: недаромъ же въ «Оубнѣ» онъ говоритъ, что его младые дни прошли подъ сѣнью кулисъ. Эта любовь къ театру не ослабла у него и впоследствии, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Надо помнить, что въ ту пору, о которой мы говоримъ, да и много злѣе сейчасъ, интересъ къ театру былъ почти единственнымъ у насъ общественнымъ интересомъ, и связь литературы со сценою была несравненно тѣснѣе и живѣе, чѣмъ во второй половинѣ XIX столѣтія. Въ исторіи нашего театра царствованіе Александра I представляется въ особенности для Петербурга, одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ. Если въ 1827 г. знаменитый хитрикъ Бундэнъ могъ сказать, что современныи ему Берлинъ все свое образованіе подучаетъ только въ театрѣ, то съ гораздо большимъ правомъ можно прибавить подобную фразу къ Петербургу перваго десятилѣтія минушаго вѣка. Въ близкашемъ управленіи нашего тогдашняго театра находились люди, не только хорошо знакомые съ дѣломъ, но и душевно ему преданные. Таковы были, напримеръ, кн. Шаховской и Коконицкій. Шаховской стоялъ во главѣ цѣлаго кружка, исключительно интересо-

вавшегося театральнымъ дѣломъ и имѣвшаго сильное вліяніе также и на драматическую нашу литературу, и на воспитаніе сценическихъ талантовъ. Достаточно сказать, что въ домѣ Шаховского, бывшего въ ту пору начальникомъ репертуара, постоянно собирались самыя выдающіеся драматическіе писатели: Гриббодовъ, Бѣнчевъ, Жандръ, Хмѣльницкій, Добановъ, Катенинъ и др. Здѣсь читались акторами и переводчиками пьесы, здѣсь же обсуждались подробности постановки и игра актеровъ. Члены этого кружка являлись руководителями артистовъ: такъ Губичъ занимался съ Семеновою, а Катенинъ былъ учителемъ Колосовой и Карагыгина. Къ этому же кружку примыкала и молодежь — литературная и свѣтская. Въ то время однимъ изъ признаковъ хорошаго тона считалось — быть театраломъ. Пріятныя посѣщенія ежедневно являлись въ театрѣ, гдѣ имѣли абсолюташныя кресла на лѣвой сторонѣ, въ первыхъ рядахъ, отчего и назывались въ шутку «лѣвымъ флангомъ». Къ этому «флангу» скоро примкнулъ и Пушкинъ, нашедшій здѣсь, рядомъ съ строгими учителями и судьями, «злыми законодателями театра», болѣе симпатичный ему кружокъ молодыхъ «побѣсъ», для которыхъ въ увлеченіи театромъ, на первомъ мѣстѣ стояло уваженіе за актрисами и танцовщицами. Въ своихъ «замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ», напечатанныхъ въ 1819 г., поэтъ даетъ не лишнюю юмора характеристику этого рода театраловъ:

«Предъ началомъ оперы, трагедіи, балета молодой человекъ гудеть по всѣмъ десяти рядамъ кресель, ходитъ по всѣмъ ногамъ, разговариваетъ со всѣми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» — «Отъ Семеновою, отъ Сосинской, отъ Колосовой, отъ Петоминной...» — «Какъ ты счастлива!» — «Сегодня она поетъ — она играетъ — она танцуетъ — похлопай ей вызовомъ е!» Она такъ мила! У ней такіе глаза! такія попки! такой талант!»... Запавъ поднимается. Молодой человекъ, его пріятель, переходя съ мѣста на мѣсто, восклицаетъ и хлопаетъ...»

Примемъ также, для сравненія, первую главу «Евгенія Оубина».

Среди этихъ-то молодыхъ театраловъ находилъ человекъ 10—15, образовавшій болѣе тѣсный, интимный кружокъ, извѣстный поэтъ надаремъ «Зеленой Лампы». Во главѣ этого кружка стоялъ богатый-арти-

ВЕСЕЛЯЩИЙСЯ ПЕТЕРБУРГЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ.

*(Возвращение из Краснаго Кабачка, там часто бывалъ Пушкинъ.
Съ легкой цитировки изъ собрания П. Я. Давыдова.)*

стоградъ, Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, въ домѣ котораго, на Екатерининскомъ проспектѣ (нынѣ—домъ финляндскаго статс-секретариата и происходили собранія. Ближайшими участниками этихъ собраній были: родственникъ Всеволожскаго и адъютантъ генерала Дюпрерадовича Пав. Бор. Мансуровъ, офицеръ лейбъ-етерскаго полка, много писавшій для театра, Дм. Ник. Барковъ, офицеръ генеральнаго штаба Мих. Андр. Щербининъ, лейбъ-уланъ Юрьевъ, лейбъ-гусарь Каверинъ—знакомый съ Пушкинымъ еще по Царскому Селу, знаменитый дуэлянтъ Якубовичъ, Вас. Вас. Энгельгардтъ, прославившійся своими открытыми балами, Як. Ник. Годетой и пѣв. др. Въ ту пору масонскихъ ложъ и разнаго рода дивныхъ и подухайныхъ обществъ «Зеленая Лампа» усвоила для своихъ собраній, происходившихъ обыкновенно по субботамъ, и некоторый шутильный ритуаль: «амфигонъ Никиты» кормилъ своихъ друзей обѣдами и поилъ шампанскимъ съ извѣстными веселыми обрядами. Такъ, напримеръ, его приближенный слуга калмыкъ обязанъ былъ слѣдить за разговорами и, чужь кто-нибудь изъ гостей обмолвится непечатнымъ словомъ, тотчасъ же подносить ему «штрафной» бокаль съ восклицаніемъ: «Здравія желаю!» Иногда, впрямую, въ шутилькахъ «Зеленой

Лампы» принимали участіе и актрисы, а еще чаще—«Лансы» въ родѣ Штейнгель, Ольги Массонъ, Паденьки и др., которыхъ упоминаеть Пушкинъ въ своихъ дружескихъ посланіяхъ къ членамъ кружка. По поводу этихъ «спировъ Вахы и Кирилы» въ обществѣ ходили самыя преувеличенныя и невѣроятныя розказни: благочестивыя кумушки съ ужасомъ передавали другъ другу слухи объ «оргіяхъ», «агоніскихъ» вечерахъ, о представленіяхъ какихъ-то въ высшей степени неистовныхъ мистерій въ родѣ изгнанія Адама и Евы изъ рай, гибели Содома и Гоморры и т. п. Все эти розказни невольно приводить на память «сороковья бочка», которыми Чацкій «тянулъ шампанское». Въ действительности боже, чужь впрямую, что «оріи» «Зеленой Лампы» не переходили границъ самыхъ обыкновенныхъ кутежей. Чаще же всего это были простыя ужины, веселыя, неприужденныя, во время которыхъ обсуждались разныя театральныя новости и похождения, при чьей сужденія заносились даже въ особые протоколы. Очень можетъ быть, что Грибодовъ, бывшій также однимъ изъ посѣтителей вечеровъ «Лампы», пошутить нать дружескимъ кружкомъ въ извѣстномъ розказѣ Ренетюва о томъ, какъ онъ, въ дружеской компаніи, шестеромъ, сочиняеть водевилъ:

Другіе шестеро на музыку кладутъ
Другіе хлопаютъ, когда ее заютъ...

Сочиненіемъ водевилей, между прочимъ, занимались Д. П. Барковъ, Я. П. Толстой и въكتورные другіе члены кружка, дарившіе свои произведенія на благотворные спектакли той или другой актрисѣ. А такъ какъ это занятіе было, пожалуй, единственныиъ сколько-нибудь серьезныиъ изъ дѣломъ, то Репетиловъ имѣлъ право глубокомысленно воскликнуть отъ изъ имени: «Да, водевилъ есть вещь, а прочее все — гиль!»

Пушкина привлекала въ этотъ пріятельскій кружокъ та свобода и непринужденность, которую онъ въ особенности цѣнилъ. Отдывался изъ далекаго Кишинева на письмо одного изъ своихъ старшихъ друзей—«ламинистовъ», Як. Толстого, онъ пишетъ домиъ Всеволожекато—

пріять гостепрійный,
Пріять любви и вольныхъ музы,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакъ за кружкииъ столъ
Садилось милое равенство,
Гдѣ своеобразныиъ провинды,
Миняли бутылки, разговора,
Разказаны, и вѣсти шулуа,
И разгорались наши споры
Отъ перь и шутокъ, и вина...

Черновые варианты этого стихотворенія даютъ еще нѣсколько подробностей, рисующихъ кружокъ и отношенія къ нему Пушкина:

Я вижу васъ, друзья-обжоры!
Примите брата-шулуа...
.....
Ты дѣль, амфитрионъ веселья,
Счастливецъ, добрый, умный враль...
Благо дойте мой возрастъ!
Но гдѣ же онъ, твой милый братъ,
Непачинъ рекрутъ Гименей?
Гдѣ ты, престестный Алошекъ,
Жилецъ, Вароса и Кюера,
Любимецъ вѣтренныхъ Лавскъ,
Счастливыиъ баловень Венеры?
Приди, счастливыиъ царь кулскъ,
Театра дѣло вѣнчающій,
Милыхъ трагическихъ актрисъ,
Нечто голышныиъ обожатель!
Вы она въ прежнииъ времена
Любимыиъ дѣтство балованъ
Ища свободу и вина...

Пушкинъ былъ, поэтюмъ этого веселаго кружка, зѣвелъ, вмѣстѣ съ виномъ и такъ же свободно, делился его экстримиты, и вѣни, дружескіи посланія къ собутыланкамъ: зѣвелъ сообща придумывались разныиъ театральныиъ «скалоктти» и планы атакъ на Театральное училище, помѣдившиеся въ тѣ годы попольвету отъ Большаго театра, на Елизаветинскомъ каналѣ, у Давидова мостика.

Военная и штатская молодежь, поставившая себя цѣлью ухаживанье за воспитанницами училища, то и дѣло устраивала каташи веруомъ и въ дѣснажалъ мимо оконъ, за которыми «стомились пѣвицыиъ младыя» подъ строгимъ надзоромъ своей начальницы, г-жи Казасси: офицеры передѣвлялись подполтерами или трубачами, чтобы проникнуть въ этотъ заветныйиъ уголлокъ, подкупали прислугу, подтерегали театральныиъ кареты, въ которыхъ воспитанницъ возили на репетиціи, иногда ухитрились даже забираться въ эти кареты и т. д. Бывали случаи даже и похищенія воспитанницъ слишкомъ пылыми любовниками; чаще же бывало такъ, что молодые театралы только намѣчали себя будущиуиъ подружъ и терпѣливо ожидали окончанія ими курса, чтобы потомъ прямо изъ училища взять изъ на свое пожеланье. Такъ, пріятель Пушкина Мансуровъ намѣтилъ себя воспитанницу Крылову,—и поэтъ, въ шуточномъ стихотвореніи, утѣшаетъ нетерпѣливаго издателя, что его возлюбленная «скоро счастливой рукой набойку школы скинетъ» и предоставитъ себя въ полное его распоряженіе. Всеволожекѣн, съ своей стороны, ухаживалъ за будущей танцовщицей Овоиниковой,—и Пушкинъ напоминаетъ ему, въ письмѣ уже 1824 г., изъ Михайловскаго, какъ однажды, въ странную пятницу, онъ отрезвилъ влюбленнаго друга «и привелъ подъ руку въ церковь театральнаго дирекціи, да помодилъся Господу Богу и наемотрился на госножу Овоиникову». Такія экскурсіи въ церковь училища, подъ предлогомъ говѣнья, были однимъ изъ обычныхъ пріемовъ тогдашнихъ театраловъ. Въ подобныиъ проѣлкахъ, по свѣдѣтельству автора «Исторіи русскаго театра» Аранова, особенно отличался Якубовичъ, часто прѣдказавшій съ этою цѣлью изъ Сербьяны. Однажды, узнавъ, что на Большомъ театрѣ готовится великолѣпный балетъ, онъ взялъ себя билетъ въ кресла и поутру, когда шла репетиція, пробрался въ залу и сѣлъ на свое мѣсто, Директорскъ, кн. Тюфякинъ, бывший въ это время на сценѣ, замѣтивъ Якубовича, сивидано въ креслахъ, и послать чиновника сказать ему, чтобы онъ вышелъ, потому что на репетиціи никто не допускается. «Я сизу на своемъ мѣстѣ»,—отвѣчалъ Якубовичъ, показывая билетъ.— «Да это билетъ для вечера, а теперь утро, итея проба». «Такъ что жъ такое?» возразилъ театралъ: «Я прѣхалъ въ Петербургъ нарочно для балета; я уже отобѣдаль

и ждущъ здѣсь представленія, потому что не удивить, что не понаду подть арестъ до вечера, а въ такомъ случаѣ не понаду въ театрѣ, и деньги мои пропадають». Директоръ показавъ головой и вѣдъль оставилъ Якубовича на его мѣстѣ. Были,—говорить тотъ же писатель,—его проказы и еще забавнѣе. Театральныя кареты, возившія воспитанницъ, находились тогда въ самомъ жалкомъ положеніи: онѣ тащались всегда на тощуху, по суткамъ неормленнымъ ключахъ, одна за другою. Якубовичъ, перель развѣдомъ изъ театра, обыкновенно раздавать деньги кучерамъ этихъ каретъ, чтобы они слушали его команду, и забавлялся тѣмъ, что, пролетая на рѣзвой своей парѣ въ дрожкахъ мимо дѣловой вереницы каретъ, кричалъ: «Стой, равняйся!» По этой командѣ всѣ кареты и фургоны останавливались. Неоднократно появлялся онъ и за кулисами и выходилъ въ русскіе шпиритменталъхъ передвѣтый обшенишникомъ, съ бороною и запачканнымъ лицомъ, такъ что его съ трудомъ можно было узнать, и съ самоваромъ, изъ котораго паливали танцовщицамъ шоколадъ, раздавая имъ съ калачами бисквиты. Вообще,—заканчиваетъ Арановъ,—«много происходило забавныхъ сценъ и въ театрѣ». Въ этихъ забавныхъ сценахъ Пушкинъ если и принималъ участіе, то, повидимому, только ради друзей, самъ же предпочиталъ улаживать за актрисами, постоянно посѣдая Колосову, Семенову, для которой написалъ «Замѣчанія объ русскомъ театрѣ», и пр. По свидѣтельству Гиблица, эта сцена, вообще сумасбродная, писана Пушкинымъ, когда онъ приволакивался, но безплодно, за Семеновою, которая тогда же отдала ее Гиблицу. Здѣсь находимъ о Семеновою восторженный отзывъ: о молоденькой же «Сашенькѣ» Колосовой, которая только что выступила на сценѣ въ концѣ 1818 г. и, по мнѣнію вѣкторыхъ, должна была сдѣлаться сильною соперницей нашей трагической прерьерши. Пушкинъ насмѣшливо замѣчаетъ, что она занимается не столько своими ролями, сколько фандель-агъютантани Ею Величества... Извѣстна также эниграмма его на Колосову въ роли «Феонри»,—эниграмма, въ которой поэтъ «въ думу пылающихъ кадиль увалы свистомъ задушилъ» и за которую онъ впоследствии извинился. Указаній на какія-нибудь болѣе близкія отношенія Пушкина къ актрисамъ у насъ нѣтъ. Зато поэтъ въ самомъ театрѣ охотно присоединялся къ разнымъ

«проказамъ» и «заговорамъ» своихъ друзей, съ дѣбляю устроить какую-нибудь демонстрацію—«обшюкать Федру, Клеопатру, Мошну вызвать» и т. п. По этой части свидѣтелями той поры жили Пушкина сохранено нѣсколько анекдотовъ, указывающихъ на его «зощоричность» въ театрѣ. Такъ, разсказываютъ, что ошакда Пушкинъ сталъ ашлодировать... по лиснѣ своего сѣбдса въ другой разъ у него вышла крупная ссора съ какимъ-то майоромъ Дешиевичемъ, котораго поэтъ даже вызвалъ на дуэль, но стараніями пріятелей дѣло было улажено безъ кровопролитія. По этому поводу вообще надо замѣнить, что извѣстное «духарство» и бреттерство считались тогда однимъ изъ неопровержимыхъ доказательствъ принадлежности къ высшему обществу: дуэль не только между офицерами, но и между штатскими молодыми людьми далеко не была рѣдкою и происходила иногда по причинамъ, совершенно ничтожнымъ, какъ, напр., извѣстная дуэль Череметева съ Заводскимъ и Грибббдова съ Якубовичемъ изъ-за танцовщицы Истоминой,—дуэль, имѣвшая для Череметева грагическій исходъ. «Кто тогда не вызывалъ на поединокъ и кто тогда не вызвали на него?»—говорить Ашениковъ.—«Человѣкъ, сдѣлавшій изъ дуэли свою специальность, Якубовичъ, пользовался необычайной популярностью въ свѣтѣ и пріобрѣлъ въ воображеніи молодыхъ людей размѣры и очертанія почти-что эническаго героя», котораго Пушкинъ даже въ 1825 г. называлъ «героомъ своего воображенія», прибавляя, что въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, много «романтизма». Такую окраску чего-то по-эническаго, «романтическаго», подумали въ глазахъ тогдашней молодежи не только дуэли, но даже и самыя заурядныя починья похощенія, съ избѣженіемъ будочниковъ: педаромъ Пушкинъ не безъ гордости называлъ кружокъ своихъ пріятелей «строной подубочныхъ дозоровъ». Ашениковъ приводитъ характерный анекдотъ, сохранившійся въ семействѣ Пушкина. Ошакда, на упреки въ излишней распущенности, которая могла имѣть для него роковыя послѣдствія, поэтъ просто отвѣчалъ: «Безъ шума никто не выходилъ изъ толпы». Такимъ образомъ, «шумъ» по вѣкторой степени входилъ въ программу...

Впрочемъ, этотъ разсказъ едва ли сдѣдуетъ принимать буквально. Положеніе молодого поэта въ родительскомъ домѣ было вообще далеко не завидно. Денежная пла

отца были въ разстройствѣ: домъ Пушкиныхъ, по разсказу барона Корфа, «представлялъ какой-то хаосъ: въ одной комнатѣ — богатая старинная мебель, въ другой — пустая стѣна, даже безъ стульевъ; многочисленная, но обвѣшанная и пыльная дюриня, вѣтхіе рыцарскіе съ тощими ключами, пыльные дамскіе наряды и ибшныя недостатки во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человека два-три лишнѣе, то всегда присылали къ намъ за приборами». Сергій Львовичъ, поклонникъ въсѣхъ сѣвскихъ приличій, постоянно неказистый знакомецъ и сваяей въ высшей аристократіи, былъ очень недоволенъ поведеніемъ сына, ворчалъ на него, дѣлалъ ему сцены изъ-за дурнѣшнато, когда Пушкинъ, «обойдя», въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, брать извозчика отъ Анничка моста; мать была больше занята сѣвскими выездами, чѣмъ семейною жизнью; сестра Ольга, годомъ старше поэта, горячо его любила, но, конечно, какъ свѣтская барышня, къ тому же имѣла завѣшанная отъ родителей, ничѣмъ не могла облегчить его положенія; наконецъ, младшій братъ, Левъ, былъ еще совсѣмъ мальчикъ. Такимъ образомъ, Пушкину приходилось въ родительскомъ домѣ испытывать то тяжелое чувство, которое впоследствии онъ такъ живо выразилъ въ рѣчахъ молодого Альберта въ «Скуномъ Рыбарѣ», — стыдъ горькой бѣдности среди богатства расточительной «золотой» молодежи, которая въ окружавшей. Этимъ чувствомъ поддерживалась въ немъ и страсть къ азартной игрѣ, которая хоть изрѣдка могла доставить ему средства, необходимыя для того, чтобы сколько-нибудь поддерживать свое положеніе въ кругу независимыхъ друзей; этимъ же чувствомъ питалось и враждебное, озлобленное отношеніе его къ отцу. Немецкикъ поэта разсказываетъ, что Пушкинъ, ибронно, подъ влияніемъ непріятныхъ объясненій съ отцомъ о своихъ расходахъ, доставъ откуда-то нѣсколько червонцевъ, въ приуединеніи Сергія Львовича съ дочкой швырнулъ ихъ въ воду, любилъ ихъ блескомъ, подмучившимъ въ прозрачномъ рѣшотѣ глубинѣ... Разсказъ этотъ едва-ли имѣетъ нѣтъ собою фактическую почву. Но придуманъ онъ сильно: несомненно, что въ рожномъ кругу Пушкинъ чувствовалъ себя одинокимъ и, встрѣчая непріятнѣе, испытывать своеобразное удовольствіе пѣвать что-нибудь «на-дуть». Это неуверенно влекло въ глубь жизни,

туда, гдѣ веселые собесѣдники встрѣчались шумными рукоплесканіями его юною «вакханочку» — музу, съ ея острыми эксцентризмами и достоянными ибвнами, туда, гдѣ его чувства могли питаться разнообразными впечатлѣніями и умъ — находить себѣ пищу въ живыхъ мысляхъ.

Обширный и пестрый кругъ знакомствъ Пушкина былъ несравненно шире значительнаго кружка «Зеленой Лампы»¹⁾. Но и въ этомъ послѣднемъ встрѣчались такіе люди, интересы которыхъ далеко не исчерчивались веселыми затѣями и театральными похождениями. Достаточно вспомнить, что видное мѣсто среди «лампистовъ» принадлежало гвардейскимъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ были такіе люди, какъ, напримеръ, Каверинъ, студентъ геттингенскаго университета, несомненно, привезшій отсюда «вольнлюбивыя мечты», или Якубовичъ, впоследствии нравившій видную роль въ кружкѣ декабристовъ. Гвардія, принимавшая участіе въ европейскомъ походѣ 1814—1815 гг., возвратилась въ Петербургъ въ 1818 году, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, уже съ готовымъ уставомъ «Союза Благородствій». И. П. Тургеневъ, въ своихъ запискахъ, свидѣтельствуетъ, что люди, не бывавшіе нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, по возвращеніи чрезвычайно удивлялись переираванью, происшедшимъ въ образѣ жизни, разговорахъ и дѣйствіяхъ молодежи этой столицы. «Казалось», — говоритъ онъ, — «она проснулась для того, чтобы зажить новой жизнью, чтобы воспринять въ себя все благородное и чистое изъ нравственной и политической области: свободой и смѣлостью своихъ выраженій привлекали вниманіе, главнымъ образомъ, гвардейскіе офицеры, мало заботившіеся о томъ, говорить ли они въ общественномъ мѣстѣ или въ салонѣ, передъ своимъ единомышленникомъ или передъ врагами... Полнозная литература, замѣчательная по силѣ энграммъ и высотѣ подлиннаго вдохновенія, показывала господствующее направленіе умовъ въ Россіи. Эти небольшія произведенія, неизвѣстная до тѣхъ поръ, вѣрно опредѣляютъ дни своего появленія, какъ эпоху, полную патетикъ и размышленій. Периодическая печать сильно интересовалась происходившимъ за границей и особенно — во Франціи, гдѣ пыталась создать новую учре-

1 Еще о Зеленой Лампѣ см. дальше въ статьяхъ Алексѣя Веселовскаго и В. А. Молдавскаго.

ждей: имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были такъ же популярны въ Россіи, какъ и въ своемъ отечествѣ, и даже русскіе военные, пользовавшіеся нашего военного гоня, вносили основаныя съ именами Бенжамена Констана и другихъ ораторовъ и писателей, руководившихъ тогда политическимъ воспитаніемъ европейскаго континента...» Самъ Пушкинъ, вспоминая объ этой эпохѣ писать дѣтъ спустя, говорить устами гвардейскаго офицера, что 1818 г. «отличался «умозрительными и важными разсужденіями»: «въ то время строгость нравовъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шапокъ; намъ непрілично было танцовать и некогда заниматься дамками». Отраженіе этихъ настроеній мы находимъ и въ первой главѣ «Онегина»: героиня Пушкина, хотя и не военный, шелъ вровень съ вѣкомъ, «бранилъ Гомера, Феокрита, за то читалъ Адама Смита и былъ великій экономъ» и могъ участвовать въ разсужденіи и споры «о Байронѣ и Бенжаменѣ, о карбонарахъ» и пр. Такъ называемыя «гомерическіе» кутежи Каверина или бреттерскія выходки Якубовича были только вспышками крупиной внутренней силы, не находившей себѣ правильной примѣны: суть лежала гораздо глубже и, конечно, была несравненно серьезнѣе. Представители старшаго поколѣнія, къ которому принадлежали Орловы, Киселевъ и другіе знакомцы Пушкина изъ высшей военной среды, серьезностью своихъ идей не могли, конечно, не влѣкаться иногда разгуломъ, которая, увлекаясь иногда разгуломъ, далеко не была чужда, какъ и показанъ событія, высшихъ интересовъ и стремленій.

Въ развитіи рукописной политической литературы и особенно—политической поэзіи, о которой говоритъ П. Тургеневъ, Пушкину принадлежала самая крупная, самая выдающаяся роль, вскорѣ сдѣлавшая имя поэта известнымъ далеко за предѣлами обширнѣ столицы. Его шутки и эпитаммы на самыхъ сильныхъ представителей тогдашней власти сдѣлались достояніемъ всѣхъ сколько-нибудь грамотныхъ людей въ Россіи. Пушкинъ рассказываетъ въ своемъ замѣткѣ, что Пушкинъ чрезвычайно обрадовался намбреному П. Тургеневу приняться за изданіе политической газеты, въ которой поэтъ, конечно, готовъ былъ участвовать. Мы знаемъ, что онъ и вносилъ дѣтвѣ всю жизнь мечталъ о возможности такого изданія, но тогдашними условіями, однако,

неосуществимаго... Среди той «мертвой области рабовъ, каральства, прихотей и моды», въ которой приходилось вращаться молодому поэту при первомъ его выступленіи въ самостоятельную жизнь, политическіе разговоры и создаваемые ими настроенія были единственною пищей для души... То была пора политическаго романтизма, юношески пылкихъ, хотя и смущенныхъ и чересчуръ, можетъ быть, отвѣченныхъ мечтаній о всеобщемъ освобожденіи и братствѣ народовъ, когда низверженіе наполеоновской тиранніи казалось только прологомъ къ близкому и окончательному разрушенію всѣхъ средневѣковыхъ традицій въ жизни европейскаго общества. Друзья Пушкина изъ военной молодежи съ увлеченіемъ неопитовъ предавались этого рода мечтамъ и надеждамъ, и бесѣды съ этими людьми оставили глубокой сѣдѣ въ восприимчивой душѣ поэта. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ навсегда сохранилъ дружеское чувство и искреннее уваженіе учителя къ ученику. Чаадаевъ былъ всего на три года старше Пушкина; но его блестящій умъ, обширная начитанность, ѣдкое, подчасъ парадоксальное остроуміе не могли не дѣйствовать на его младшаго друга обаятельнымъ и подчиняющимъ образомъ. Въ политическомъ воспитаніи Пушкина ему, безъ сомнѣнія, принадлежить видная роль. Юношеская вѣра въ возможность осуществленія свободныхъ идеаловъ на русской почвѣ была темою безконечныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ среди передовыхъ представителей общества, осужденныхъ тогдашнимъ строемъ на безплодную праздность,—людей, которые при иныхъ условіяхъ дѣйствительно могли бы проявить богатые умственные и нравственные силы. Эти «молодые якобинцы», какъ называли ихъ Пушкинъ, съ восторгомъ приветствовали первые звуки его поэтической лиры и заставляли ее звенѣть все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ все больше и больше стужался мракъ нависавшей на Россію реакціи.

Вращаясь въ кругу военной молодежи, Пушкинъ, естественно, началъ снова, какъ и въ лицейскіе дни, мечтать о военномъ мундирѣ. Въ половинѣ 1819 г. близкіе къ поэту люди сообщили другъ другу положительно, что онъ «идеть въ военную службу», «бредить войной» и увѣжаясь въ

Грузію или въ Тульчинъ, гдѣ находилась въ то время главная квартира 1-й арміи, штабомъ которой начальствовалъ П. Д. Киселевъ. Однако, эти дѣла въ виду не получили осуществленія, можетъ быть, оттого, что Пушкинъ, по зрѣлому размышленію, не захотѣлъ промѣнять свою поэтическую свободу на мундиръ и саблю, а можетъ быть и потому, что отецъ отказался дать ему необходимую средства для поступленія въ полкъ. Нѣтъ словъ самого Пушкина мы знаемъ, что А. Ф. Орловъ также высказался противъ «гусарскихъ» мечтаній поэта, который и послушался совѣта «пламеннаго штыца Бедлоуа».

Въ числѣ друзей Пушкина изъ военной среды, кромѣ уже названныхъ выше, видное мѣсто занимаютъ еще П. П. Раевскій и П. А. Катенинъ. Первый—сынъ знаменитаго героя 1812 года—познакомился съ Пушкинымъ еще въ бытность поэта въ Ингеа. Вместе съ своимъ старшимъ братомъ Александромъ, Николаѣй Раевскій принадлежалъ къ тому кругу передовой военной молодежи, изъ котораго вышли впоследствии декабристы, и, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою долю влияния на развитіе политическую идей поэта. Въ болѣе позднюю пору, въ пору ссылки, семья Раевскихъ сыграла выдающуюся роль въ жизни Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму. Что касается Катенина, то это былъ человѣкъ много склада мыслей; далекій отъ интересовъ политическимъ, онъ былъ всецѣло преданъ интересамъ театра и литературы. Классикъ по литературнымъ своимъ убѣжденіямъ, безусловный поклонникъ и впоследствии переводчикъ Расина и Корнея, Катенинъ былъ однимъ изъ выдающихся представителей небольшого кружка литераторовъ и театраловъ, собиравшагося у кн. Шаховскаго, Пушкинъ, какъ вѣрный «срзамасецъ», въ ранней юности издвигался надъ Шаховскимъ, сочинилъ на него эпиграмма, занесенъ въ свою записную книжку шриные куплеты «на Шатовскаго», но впоследствии имѣлъ, конечно, случай по достоинству оценить и гнѣзвившуюся заслуги Шаховскаго перetzъ нашимъ театромъ, и самостоятельность сужденій Катенина. П. воть, молодой поэтъ, «условій свѣта свергнувъ бремя», прямо явился въ Преображенскій казармы къ Катенину, съ которымъ раньше не былъ знакомъ, и сказалъ ему: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Долень къ Антикопу; побей, по научи!» «Ученаго учить только порицать», отвѣчала Кате-

нинъ. Съ этого поръ между нимъ и Пушкинымъ установились прочныя дружескія отношенія. Катенинъ прозвалъ поэта le jeune m-r Arouet, и Пушкинъ воспринялъ заключающимся въ этомъ прозвищѣ каламбуромъ (Arouet—à rouer). Нѣтъ бесѣды, конечно, имѣли преимущественно литературный характеръ; Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ многому научиться у своего «преображенскаго пріятеля», который былъ гораздо (на семь лѣтъ) его старше и самъ успѣлъ уже приобрести основательныя литературныя знанія; влияние Катенина на литературныя взгляды нашего поэта чувствуется и въ эти ранніе годы, въ особенности же замѣтнымъ становится впоследствии.

Наконецъ, остается еще одинъ обширный кругъ знакомства и дружбы самой прочной и продолжительной.—кругъ, съ которымъ Пушкина уже съ дѣтства связывали и семейныя отношенія, и собственное призваніе,—кругъ литераторовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь юный поэтъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Къ нему одинаково радужно относились и старики, сверстники и пріятели его отца и дяди—Пелетинскій, Крыловъ, Оленинъ, дагѣтъ Карамзинъ и «срзамасцы», рано пришедшіе «Смерка» въ свою среду, и молодежь—кн. Виленскій, Батюшковъ, Баратынскій и др. «Восторженныя и немолкаемая привѣтствія встрѣчали его при каждомъ появленіи между собратами, какъ бы различны ни были нхъ убѣжденія»,—говоритъ Анненковъ. «Пушкина послали здѣсь на рукахъ и въ лоты, которые не протягивали ему руки, когда стояли на другой почвѣ. Онъ былъ бальваніе для современныхъ ему писателей, которые старались избѣгать его эпиграммъ и домогались отъ него посланій, какъ отличій...» Въ томъ президентъ Академіи Художествъ Оленина, широко открытомъ для писателей и художниковъ, Пушкинъ былъ своимъ членомъ; на маѣ Олениныхъ «Пріютицу», недалеко отъ Сиверской, еще дѣтъ 20 тому назадъ сохранилась бесѣдка, всѣ стѣны которой, говорятъ, были испещены трудными ходивъ, литераторами, въ томъ числѣ и Пушкинымъ. Бесѣдка эта теперь уничтожена, и отъ нѣтшей, конечно, не осталось никакого слѣда. Иномъ въ Пріютицѣ, а зимой въ петербургскомъ домѣ Олениныхъ Пушкинъ постоянно встрѣчался съ Крыловымъ, Карамзинымъ, Жуков-

скимъ, братьями Тургеневыми: въ этой средѣ онъ, конечно, чувствовалъ себя вполне свободно и, несмотря на свою молодость, держался, какъ равный съ равными.

Отъ Оленина, который, будучи въ свое время близокъ къ Державину, оставался вѣрнымъ членомъ «Бесѣды любителей русскаго слова», этой хранительницы вѣстоуказанныхъ литературныхъ преданій, надъ которою такъ безоглядно смѣялись молодые писатели.—Пушкинъ переходилъ въ среду, совершенно противоположную по литературнымъ вкусамъ и симпатіямъ, — въ среду «Арзамаса». Какъ общество, собиравшееся періодически съ определенными цѣлями «Арзамасъ» пересталъ существовать уже въ 1818 г., когда иъторами изъ его членовъ сдѣлана была неудавшаяся попытка отвлечь его отъ невѣрнаго прпровожденія времени и нерѣдко шутовскихъ забавъ на болѣе серьезный политическій путь. Но, не смотря на этотъ распадъ, дружескія связи между «арзамасцами» не прекращались, какъ не прекратились и обычай отбывать эпиграммами гѣ явления жизни литературной и общественной, отъ которыхъ вѣло загальми духомъ старовѣрства и реакціи. Въ этомъ отношеніи сатирическое негодованіе арзамасцевъ получило обильную пищу, съ одной стороны, въ нападкахъ «зюла» Каченовскаго на только что вышедшую въ свѣтъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, а съ другой стороны, въ тѣхъ проявленіяхъ юродства и мракобвѣя, которыя стали все чаще и чаще повторяться въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Эпиграммы Пушкина на Каченовскаго, на князя Голицына, Фотія и др. служатъ вѣрнымъ отраженіемъ этихъ арзамасскихъ настроеній.

Появленіе Исторіи Карамзина, бывшее въ свое время крупнымъ событіемъ—не только литературнымъ, но и общественнымъ, вызвало самыя разнорѣчныя мнѣнія. Одинъ изъ ревностныхъ сторонниковъ исторіографа, В. Измайловъ, задавшійся цѣлью собрать эти отзывы, свѣдѣлъствуя, что одинъ обвинялъ Карамзина въ безграмотности и трудъ его считалъ недостойнымъ имени исторіи, другіе же называли его «соблѣтелемъ Тацитова, Юмова, Вольтерова» и говорили, что онъ «присылалъ всѣхъ древнихъ, новыхъ и даже будущихъ историковъ». Таковы были крайности въ сужденіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Что же касается мнѣнія общественнаго, то его

въ то время не существовало, потому что публика, говоря словами Измайлова, состояла «изъ великой толпы дѣвицекъ, равно бѣдствующихъ отъ умной рѣчи и отъ умной книги, для нихъ оглягательной, изъ сельскихъ дворянъ, заслоняющихся книгою отъ скуки, и свѣтскихъ баръ, по слуху знающихъ съ русскаго словенностию; наконецъ, изъ такого ограниченнаго числа судей просвѣщенныхъ безъ обмана и ученыхъ безъ недостатка, что исключенія кажутся неважными...»

Исторія Карамзина произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина. Въ случайно сохранившемся въ рукописяхъ полѣ небольшомъ автографическомъ отрывкѣ, вспоминая объ этомъ времени уже послѣ смерти Карамзина, Пушкинъ говоритъ о себѣ, что онъ въ ту пору вѣдь разблуженную свѣтскую жизнь и что его произведенія были «замечательна печатью вольномыслія». Неожиданно приключившаяся болѣзнь остановила на время этотъ образъ жизни. «Я занемогъ глупою горячкою», — рассказываетъ Пушкинъ: — «Лейопъ за меня не отбѣгалъ. Семья моя была въ отчаяніи: но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья пакидали меня довольно часто: нѣтъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія— одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню истеричіе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. По душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ падали во время болѣзни моея, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своею прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ нѣтъ въ своей постели съ жадностію и вниманіемъ... Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, доголѣ нѣтъ неизвѣстную... Когда, по моему выздоровленію, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ...»

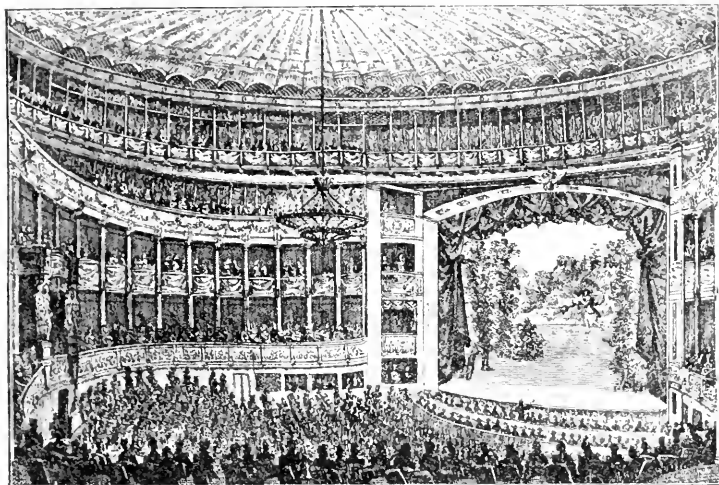
Далѣе Пушкинъ рассказываетъ объ этихъ толкахъ, о томъ, какъ негодовали на Карамзина «молодые влюбщицы» за его «размышленія въ пользу самодержавія», какъ Никита Муравьевъ, одинъ изъ общества умныхъ», разбираетъ притисловіе, а «нѣкоторые остряки» за ужасномъ перелатали первыя главы Тита Ливія карамзинскимъ слогомъ. Кетати вспоминаеть Пушкинъ и о томъ, какъ онъ самъ попался

этому настроению «якобинцев» — и сочинил эпиграмму, которую онъ называетъ «одной изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ», тутъ же прибавляя, впрочемъ: «это — лучшая черта моей жизни»...

Политическія убѣжденія исторіографа, строго-консервативнаго и монархическаго, конечно, не встрѣчали сочувствія со стороны Пушкина, который не разъ пытался ему возражать. Карамзинъ относился къ этимъ возраженіямъ снисходительно, подтрунивая надъ ионами «либералистовъ» и не прилагая его словамъ серьезнаго значенія. Но эта коренная разница во взглядахъ, вполнѣ понятная при различіи возрастовъ и общественнаго положенія, не мѣшала Пушкину уважать прекрасныя душевныя качества Карамзина. Поэтъ самъ вспоминаетъ, въ упомянутой вѣтвѣ автобиографической запискѣ, объ этомъ спорахъ съ Карамзинымъ, «Однажды», — говоритъ онъ, — «сначала онъ примѣлъ излагать свои любимыя парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочтаете свободѣ?» Карамзинъ испугался и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ... Разговоръ перемѣнился. Я всталъ, Карамзину стало совѣстно, и, прощаясь со мной, онъ ласково уверялъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кудузовъ на меня не говорили»... Однажды, отправляясь въ Вяземскъ и нѣмая свою пенку, онъ посмотрѣлъ на меня извѣскою. Я прыснулъ, и мы оба расхохотались... О своей эпиграммѣ на Пестерію Государяна Россійскаго Пушкинъ впоследствии, отвѣчая на упрёки Вяземскаго, писалъ, что она была сочинена въ такую пору, когда Карамзинъ «отстранилъ его отъ себя, глубоко оскорбилъ его честолюбіе и сердечную къ нему приверженность». Зѣвъ поэтъ словомъ «честолюбіе», конечно, слѣдуетъ понимать помыслъ Пушкина о чести; вѣроятно, именно къ этому случаю и относится разсказанный выше эпизодъ, когда Карамзинъ, разсердившись на поэта, назвалъ его «клеветникомъ». Вообще же, несмотря на эти размолвки, Карамзинъ оставался неизмѣннымъ покровителемъ и защитникомъ Пушкина, что и доказалъ своимъ участіемъ въ издѣваніи поэта отъ грозившей ему большой бѣды.

Однако, при всей добротѣ Карамзина, при всей его терпимости къ заторможенному волюнтарскому либерализму и при всей заботливости о судьбѣ провинц. очерченка-

идеяника» его стариннаго пріятеля Василія Львовича, Пушкинъ никакъ не могъ чувствовать себя къ нему особенно близкимъ: въ домѣ Карамзиныхъ его встрѣчи пріятны, но, все-таки, какъ чужого. Несравненно ближе стоялъ Пушкинъ къ другому выдающемуся представителю тогдашней нашей литературы — къ Жуковскому, который, кстаи примолвля, былъ почти настолько же моложе Карамзина, насколько старше Пушкина. Добродушный, всегда ровный, съ склонностью къ шуткамъ и сатирическимъ, хотя бы и безобиднымъ выходкамъ, Жуковскій уже по самому складу своего характера былъ гораздо родственнѣе Пушкину и могъ лучше понимать и оцѣнивать настроенія молодого поэта. Близость его къ семьѣ Пушкиныхъ, дружеское расположеніе и всегдѣшнее живое участіе къ юношѣ, въ которомъ онъ едва ли не раньше другихъ подмѣтилъ поэтической гени и постоянно старался его ободрять и поощрять, наконецъ, простота въ обращеніи, — все это привлекало Пушкина къ Жуковскому, и скоро между ними установились на всю жизнь такія отношенія, которыя можно безъ превеликаго названія родственными: Пушкинъ смотрѣлъ на Жуковскаго какъ на старшаго своего брата, раскрывалъ передъ нимъ все свои мысли, дѣлился съ нимъ всеми своими чувствами, обращался къ нему во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ случаяхъ своей жизни. Тотъ возвышенный взглядъ на поэзію и призваніе поэта, который всегда такъ горячо проповѣдывался и осуществлялся Жуковскимъ, находилъ себѣ сочувственный откликъ въ душѣ Пушкина уже и въ эту раннюю пору, какъ это видно изъ его поэтическихъ обращеній къ Жуковскому же, а впоследствии былъ имъ вполнѣ усвоенъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Жуковскаго складывалась литературная симпатія Пушкина: ему онъ обязанъ своимъ ранимъ, еще на школьной скамьѣ, пріемомъ въ «Арзамасъ», который соопредѣляетъ его литературнымъ понятіемъ, вполнѣ определенное направленіе. Изъ числа «арзамасскихъ» друзей поэта, кромѣ Жуковскаго, ближе другихъ стоялъ къ нему кн. П. А. Вяземскій, тѣсная дружеская связь съ которымъ осталась прочною на все время жизни Пушкина. Къ составу Арзамаса принадлежалъ также неизмѣнный пріятель Вяземскаго Александръ Ивановичъ Тургеневъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей Александровскаго царствованія,

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ ВЪ 1815—1820 гг.

(Съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова).

пользованный, благодаря своему общительному характеру и широкому связямъ въ различныхъ кругахъ общества, значительнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ. Тургеневъ, въ 1811 г. помогъ помѣстить мальчика-Пушкина въ лицей: на его же долю выпала впоследствии печальная обязанность проводить уѣздъ Пушкина въ Святогорскій монастырь... Когда, въ сентябрь 1817 г., Вяземскій переехалъ на службу въ Варшаву, Тургеневъ велъ съ нимъ оживленную переписку, сообщая всевозможныя петербургскія новости — придворныя, свѣтскія и литературныя: видное мѣсто въ этой перепискѣ занимаютъ разныя свѣдѣнія о Пушкинѣ, которымъ Вяземскій всегда очень интересовался. У Тургенева Пушкинъ познакомился и сошелся съ его младшими братьями, Николаемъ и Сергѣемъ, изъ которыхъ первый служилъ въ то время въ государственномъ совѣтѣ и въ 1819 г. начекалъ свой замѣчательный экономическій трудъ: «Опытъ георіи налоговъ», а второй — дипломатъ, въ томъ же 1819 г. былъ назначенъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополь. Какъ того, такъ и другого Пушкинъ прозвалъ «двумя Мирабо» за

ихъ либеральныя убѣжденія: Сергѣя, кромѣ того, онъ называетъ въ одномъ изъ писемъ «мятежнымъ драгоманомъ». Николай Тургеневъ, какъ извѣстно, былъ членомъ образованнаго въ 1818 г. Союза Благодѣтелей и однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ преобразованія Россіи на конституціонныхъ началахъ и особенно освобожденія крестьянъ. Въ томъ тѣсномъ дружескомъ кругу, въ которомъ онъ могъ вполне свободно выражать свои мысли и къ которому, несомнѣнно, принадлежалъ и Пушкинъ, хотя и не входившій въ составъ тайнаго общества, обсуждались самые жизненные для Россіи политическіе вопросы. По выраженію Тургенева, «нашъ богатый и красивый языкъ, пошившій на себѣ отпечатокъ дурнаго общественнаго строя, облагораживался идеями истины, свободы и человѣческаго достоинства». Здѣсь шла рѣчь о современномъ положеніи отечества, о бѣдствіяхъ и злоупотребленіяхъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе давали себя чувствовать среди тяжелой реакціи, и высказывалась пылкая, потчасъ мечтательная увѣренность въ лучшее будущее, которое, какъ многимъ казалось, не заставить себя долго ждать. Къ событіямъ въ

Европѣ прислушивался съ большимъ вниманіемъ и радостно приветствовалъ всякій шагъ къ свободѣ. Общество Тургеневыхъ, безъ сомнѣній, оказало значительное влияние на проясненіе политическихъ идей Пушкина. По преданію, знаменитая Ода «Вольность» была написана въ квартирѣ Тургеневыхъ, изъ оконъ которой поэтъ могъ добираться на «давящую броненный вояредъ» Павла I.

Такова была та обширная и разнообразная среда, въ которой очутился 18-лѣтній Пушкинъ по выходѣ своемъ изъ учебнаго заведенія. Нылкій и впечатлительный юноша, жаждалъ узнать свѣтъ во всѣхъ его сферахъ и жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. То и дѣло перебѣгалъ онъ изъ свѣтлой гостиной на шумную и непринужденную холодную пирамку, изъ скромнаго кабинета Жуковскаго или изъ того «низкаго домика» въ Семеновскомъ полку, гдѣ жила поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, также поэтъ»,—въ пеструю толпу театральную или балной залы или въ бударю «Лансы», изъ кружка «молодыхъ якобинцевъ», гдѣ раздавались пламенные рѣчи о вольности и гдѣ поэтъ, можетъ быть, импровизировать свои «зажигательные» стихи,—въ шумное и старомодное общество Оленина или Карамзина, а отсюда—опять къ Чаадаеву, Катенину, къ Семеновой или Колосовой... «Я любилъ шумъ и толпу»,—говоритъ поэтъ, какъ будто безсознательно слѣдовавшій заводу Гете: «занукайте руку глубже въ полноту человѣческой жизни: всякій ее дастъ, но немногимъ она явственна, и тамъ, гдѣ вы ее захватите, тамъ она интересна». Можетъ быть, въ эти ранніе годы молодости Пушкинъ и не придавалъ еще серьезнаго значенія пестрому календарскому окружавшему его впечатлѣнію, но несомнѣнно, что не все онъ легко, сколько ни по поверхностности его души: многія запятали въ глубже, и оставили слѣды, вспоминаясь въ нину, болѣе дѣрную пору жизни поэта, когда онъ научился «удерживать вниманіе только думъ». Не встала же владыка имъ она только веселая беззаботность, хотя въ то время и составляла главную черту его характера...

Закружившись въ этомъ вихрѣ, среди смутныхъ туденъ минутой молодости» и болѣе дѣрныхъ «наставниковъ», Пушкинъ рѣшю оставался явливъ съ самимъ собою,

въ той маленькой комнаткѣ отцовской квартиры, гдѣ, среди разбросанныхъ тетрадей, хранившихъ его поэтическія впечатлѣнія, ждала его начатая еще на школьной скамьѣ и туго подвигавшаяся впередъ поэма— «Русланъ и Людмила», отъ которой не столько отъ самаъ, сколько отъ его старіе друзья ожидали для него громкой славы. Къ этому произведенію Пушкинъ могъ возвращаться только урывками, мимоходомъ, набрасывая небольшие кусочки среди черновыхъ стихотвореній совершенно иного склада и содержанія. Только болѣзнь, вынуждая его сдѣлать дома, создала, противъ его воли, обстановку, болѣе благоприятную для продолжительнаго труда: «Первая болѣзнь была и первая коррилизіею его поэмы»,—писалъ Тургеневъ Вяземскому въ декабрѣ 1818 г. «Венера пригласила его къ поэмѣ и къ постели»,—читаемъ въ другомъ письмѣ. Пушкинъ «слегъ» писать тотъ же Тургеневъ въ февралѣ 1819 г.: «старое пришло къ помому, и пришлось ему опять за поэмю приниматься». При такыхъ-то обстоятельствахъ, «за старые грѣхи наказанный судьбой, съ поэмой въ головѣ, съ двѣкаретвами въ желудкѣ, съ Меркуриемъ въ кровѣ, съ расквашемъ въ разумѣ», поэтъ-затворникъ отдавался своему вдохновенію, и работа быстро подвигалась впередъ. Интересно изображение болѣзнь Пушкина за поэмой находится въ изданной еще при его жизни и, вѣроятно, извѣстной ему книжкѣ: «Почина русскія поисты, сказки и стихотворенія, изданныя В. Эртелемъ, или Русскій Альманахъ» (Сиб. 1833). Зѣтекъ, между прочимъ, помѣщенъ беллетристическій разсказъ подъ заглавіемъ: «Ванеса изъ бумага» или Александра», въ которомъ авторъ упоминаетъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ барономъ Дельвигомъ и Баратынскимъ. Оба поэта условились познакомиться «даю Александру» съ Пушкинымъ, и все вмѣстѣ отправившись къ нему. «Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Калашкина моста... Мы вошли на дѣтскую: служба отворила двери, и мы вступили въ комнату П.—У дверей стояла кровать, на которой лежалъ молодой человекъ въ полосатомъ бухарскомъ халатѣ, съ ермошкой на головѣ. Волды постели, на столѣ, лежали бумага и кисти. Въ комнатѣ соштыялись признаки жилища молодого свѣтскаго человека съ политическимъ безпорядкомъ ученаго. При входѣ нашемъ П. продолжалъ писать пѣсокъке минуто; потомъ, обратясь къ намъ, какъ будто уже зная, кто пришеть, подалъ обѣ

руки моимъ товарищамъ со словами: «Здравствуйте, братья!» Вѣдь за сѣмь онь скадалъ мнѣ съ ласковаго улыбокo: «Я давно желалъ знакомства съ вами, ибо мнѣ сказывали, что вы большой знатокъ въ вишѣ и всегда знаете, гдѣ достать сибирскіе устрицы». Я не зналъ, радовался ли мнѣ этому привѣтствію, или сердился на него, однако жь отвѣчалъ съ усмѣшкой: «Развѣ вы думаете, что способность ощущать физическія наслажденія, опредѣлять истинное иль достоинство и гармонически соединять ихъ проистекаетъ изъ того же источника, какъ и нравственное чувство изящнаго, которое, вѣроятно, по сѣй причинѣ на всѣхъ языкахъ означается однимъ и тѣмъ же словомъ—акъ слѣ? Но крайній мнѣрѣ, въ отношеніи къ себѣ и нахожу такое мнѣніе совершенно правильнымъ, ибо иначе не могъ бы съ такимъ удовольствіемъ читать ваши предельныя произведенія». Такъ какъ П. увидѣлъ, что я могу судить не объ однихъ вишѣ и устрицахъ, то разговоръ обратился скоро къ другимъ предметамъ. Мы говорили о древней и новой литературѣ и остановились на повѣстившихъ произведеніяхъ. Сужденія П. были вообще кратки, но мѣтки, и даже когда они казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было доказать ихъ неправильность. Въ разговорѣ его была большая склонность къ насмѣлкѣ, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его, и думаю, что онь способенъ возвыситься до той истинно поэтической прощія, которая подымается надъ ограниченною жизнію смертныхъ и которой мы столько удивляемся въ Шекспирѣ. Хозяинъ нашъ оканчивалъ тогда романтическую свою поэмъ. Я зналъ уже изъ нѣя нѣкоторые отрывки, которые совершенно пленили меня и исполнили первѣйшимъ узаніе дѣломъ. Я высказалъ это желаніе; товарищи мои присоединились ко мнѣ, и П. принужденъ былъ уступить нашимъ усильнымъ просьбамъ и прочесть свое сочиненіе.»

Въ аннотатѣ къ «Руслану» Пушкинъ вспоминаетъ о томъ, сколько наслажденія доставляло ему созданіе этой поэмы. Въ минуты вдохновенія онь былъ всегда одинокъ со своей музой, становился равнодушнымъ зрителемъ суетливаго міра и легко забывалъ «обиды сѣбнаго счастья и прагони», взвѣны вѣтренной Дориды и снѣтны шумныя глумцовъ». Трудъ уносилъ его «за

край земной» и отвлекалъ отъ впечатлѣній подчасъ очень суровой дѣйствительности..

Оправившись отъ послѣдней своей болѣзни, Пушкинъ, «худой, обригннй, поживой», уѣхалъ въ іюль 1819 г. въ нековскую деревню—и черезъ мѣсяцъ вернулся отуда въ Петербургъ съ Улѣвшею («Руслан»). Поэмъ, однако, требовала еще поправки и передѣлокъ, такъ что «послѣднюю точку» авторъ могъ поставить только въ страстную пятницу, 26 марта 1820 г., къ великому удовольствію всѣхъ своихъ друзей и въ особенности Жуковскаго, сейчасъ же подарившаго ему свой портретъ на память о «семъ высокотожественномъ дѣлѣ». Послѣ Наски началось печатаніе поэмы.

Между тѣмъ, надъ Пушкинымъ уже собиралась гроза. Его либеральныя стихотворенія—«Деревня», «Ода на свободу», «Сказки» («Поль»), а въ особенности извѣстныя эпиграммы на властныхъ тогда людей подучили широкое распространеніе во всѣхъ кругахъ общества: ихъ перепечывали, выучивали наизусть, передѣлывали и, какъ водится, распространяли подъ именемъ Пушкина много и такихъ вещей, которыя вовсе не принадлежали ему, хотя и были написаны въ его духѣ. Однажды императоръ, при свиданіи съ бывшимъ директоромъ лицея Энгельгартомъ, сказалъ ему: «Пушкина надо сослать въ Сибирь. Онь наводилъ Россію возмутительными стихами: вся молодежь наизусть ихъ читаетъ...» Друзья предостерегали поэта: но эли предостереженія мало на него дѣйствовали. Рассказываютъ, что однажды, въ пору ледохода, онь съ хотомъ отвѣтилъ на подобный совѣтъ: «Теперь самое время либерализовать,—мости разведены, въ крѣпостью сообщенія вѣтъ!» Пушкинъ въ своемъ запискѣ говоритъ, что «его остроныя и продрѣлки были всѣмъ извѣстны. Конечно, болговня эта—вздоръ; по этой вздоръ, похваліи ибесколько на потразнишамъ, перелодилъ изъ усть въ уста и порождалъ разные толки, мнѣніе дальнѣйшее свое развитіе...» Одна изъ этихъ слетель, морально повторяемая даже знакомыми поэта, утверждала, будто Пушкинъ былъ вѣсѣченъ въ тайной канцеларіи. «До меня этого слухъ дошелъ только тогда, когда уже всѣ о немъ говорили»,—писалъ поэтъ въ послѣдствіи. «Я видѣлъ себя уничтоженнымъ въ глазахъ общества: я умалъ духомъ, терзался... Въ мнѣ было тогда всего 20 лѣтъ! Я раздумывалъ, слѣдуетъ ли мнѣ кончить съ со-

бою или убить государя. Но въ первомъ случаѣ я только подтвердилъ бы опозорившую меня сплетню, а во второмъ я все-таки не отометилъ бы за себя, ибо на самомъ дѣлѣ я не былъ оскорбленъ; я только совершилъ бы преступленіе, пожертвовавъ мнѣнію презираемой мною толпы—жизнію человека, невольно мною уважаемаго. Эти соображенія были мною сообщены одному изъ моихъ друзей (вѣроятно Чаадаеву), который вполнѣ со мною согласился. Онъ посоветовалъ мнѣ сдѣлать попытку оправдаться передъ правительствомъ. Я чувствовалъ бесполезность такого шага. Я рѣшился выказать въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ столько жалости и буйства, чтобы правительство, наконецъ, вынуждено было отступить ко мнѣ, какъ къ преступнику; я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести...»

Къ этому-то времени и относится, напримеръ, обращеніе Пушкина къ весельному Аракчееву: «Ты стоишь лавровъ Герострата пль смерти вѣдма Коцебу...» Пушкинъ высказывалъ громкое одобреніе «полювику» студента Занда, убившаго Коцебу за его дѣятельность въ реакціонномъ духѣ Священнаго Союза и русскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ восторгался также и дѣяніемъ фанатика Илера Лувеля, который, рѣшивъ «искоренить» родъ Бурбоновъ, какъ враговъ Франціи, убилъ (13 февраля 1820) герцога Шарля Беррійскаго, второго сына графа д'Артуа и отца извѣстнаго впоследствии претендента на французскій престолъ графа Шамбора. Однимъ изъ пріятелей Пушкина, Аркадій Родзянко, убралъ знакомыхъ, что «самъ вѣдѣлъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ него лицамъ портреты Лувеля съ надписью: Урокъ даря мѣ!» Тотъ же Родзянко не постыжась сочинилъ на своего пріятеля стишокъ, въ которомъ находились стихи:

И все его права—вѣдѣша, вѣдѣ три Поэта.

Гимнъ Занду—на устахъ, въ рукѣ—портретъ Лувеля.

Новичкомъ, послѣдней каплей, переносившей чашу снисхожденія къ его «шало-стямъ», была аннотация на Аракчеева. Но всей вѣроятности, императоръ Александръ былъ также возмущенъ описаніемъ смерти его отца въ отбъ «Вольности». Однимъ изъ благонамбренивѣйшихъ мемуаристовъ того времени, А. П. Михайловскій, конечно, со словъ тогдашнихъ гонителей Пушкина, на-

зываетъ поэта «скорифеемъ мятежниковъ» и прибавляетъ къ этому эпитету сдѣланную характеристику: «Изъ царскосельскаго лицея вынелъ Пушкинъ, мерзкими, развратительными, но вмѣстѣ шегольскими стихами осмѣивающій императора Александра, правительство и основанія, на которыхъ опочіетъ величество Россіи. Стихи снѣ въ устахъ, а сдѣловательно—и въ сердцахъ мальчиковъ. Меня убралъ, что воспитанникъ лицея кн. Безбородко, который въ Пѣкинѣ, будучи мнѣйшимъ дѣтвомъ у своихъ родителей, привезъ дѣльня тетради ругательныхъ стиховъ Пушкина, ими назвуетъ выученныхъ...»

Узнавъ, что государь сильно гнѣвается на Пушкина и что поэту грозитъ, можетъ быть, даже ссылка въ Соловецкій монастырь, друзья принялись дѣловито хлопотать за него. «Надъ дѣвственнымъ поэтомъ Пушкинымъ»,—писалъ Карамзинъ Аммирію, «если не дуча, то, по крайней мѣрѣ, облако, и громосносное: служба подъ знаменами либералитетовъ, онъ написалъ и распустилъ стихи на вольность, аннотации на вѣстителей и пр. Это узнала полиція... Хотя я уже давно, истощивъ все способы образумить эту бездупную голову, предать несчастнаго Рокю и Пемезидъ, однако жъ, изъ жалости къ таланту, замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому; иначе я могъ бы помадлиться новымъ удовольствіемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей сомнѣтъ не есть геройство и великодушіе...» Первое извѣстіе о грозившей Пушкину бѣдѣ Карамзинъ получилъ отъ Чаадаева, который, кромѣ него, просилъ за поэта своего начальника кн. Васильчикова съ другой стороны. Гибничъ въ слезахъ бросился къ Оецину, умоляя его спасти поэта; наконецъ, въ хлопотахъ принялъ участіе Яковлевскій, уважаемый государемъ Ингельгардъ и Ф. П. Глинка. Послѣдній, встрѣтивъ Пушкина на улицѣ, узнавъ отъ него, что его вызвали къ генералъ-губернатору Милорадовичу—очевидно, для объявленія по поводу стиховъ; а наканунѣ къ Пушкину, въ его отсутствіе, являлся какой-то неизвѣстный и предлагалъ сдѣлать пятидесять рублей, прося давъ ему на время почитать сочиненія барина; вѣрный старикъ несогласился, все разсказавъ Пушкину, и тогда поспѣшилъ уничтожить все, что могло бы его компрометировать въ глазахъ власти. Обсудивъ съ Пушкинымъ эту исторію, Глинка

сказать ему: «Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь и безъ всякаго опасенія. Онъ не поэтъ, но въ думѣ и рыцарскихъ его выходякахъ много романтизма и поэзии; его не понимаютъ!» Поговоривъ еще немного, они расстались. Пушкинъ отправился къ генералъ-губернатору, и о томъ, что тамъ произошло, Елишка рассказываетъ такъ: «Часа черезъ три явился и я къ Милорадовичу, при которомъ, какъ при генералъ-губернаторѣ, состоялъ я, по Высочайшему повелѣнію, по особымъ порученіямъ. Лишь только ступилъ я на порогъ кабинета, Милорадовичъ, лежавшій на своемъ зеленомъ диванѣ, окутанный дорогими шальями, закуталъ мнѣ навстрѣчу: «Знаешь, душа моя, у меня сейчасъ былъ Пушкинъ. Мнѣ, вѣдь, вѣльно взять его и забрать все его бумаги; но я смель болѣе деликатнымъ пригласилъ его къ себѣ и ужъ отъ него самого вытребовалъ бумаги. Вотъ, онъ и явился, очень спокоенъ, съ свѣтлымъ лицомъ, и когда я спросилъ о бумагахъ, онъ отвѣчалъ: Графъ, все мои стихи сожжены, у меня ничего не найдется на квартирѣ, но, если вамъ угодно, все найдется здѣсь (указалъ пальцемъ на своей лобъ). Прикажете подать бумагу,—я пашину все, что когда-либо написано мною (разумѣется, кромѣ печатнаго), съ отбиткою, что мое и что разошлось подъ моимъ именемъ.—Подали бумагу. Пушкинъ съѣлъ и писалъ, писалъ... и написалъ цѣлую тетрадь. Вотъ она (указывая на столъ у окна)—полюбуйся! Заверъ я отвезу ее къ государю. А знаешь ли? Пушкинъ вѣрилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и манерою обхожденія!»... На другой день я постарался придти къ Милорадовичу пораньше и ждать его возвращенія отъ государя. Онъ возвратился, и первымъ словомъ его было: «Ну, вотъ, дѣло Пушкина и рѣшено!» Разоблачившись потомъ отъ мундирной формы, онъ продолжалъ: Я вошелъ къ государю со своимъ сокровищемъ, подаль ему тетрадь и сказалъ: «Здѣсь все, что разбросано въ публикѣ, но вамъ, государь, лучше этого не читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно, а наконецъ спросилъ: «А что жь ты сдѣлалъ съ авторомъ?»—Я: Я объявилъ ему отъ имени Вашего Императорскаго Величества прощенье.—Тутъ мнѣ показались продолжать Милорадовичъ, что государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, государь съ

живостью сказала: «Не рано ли?» Потомъ, еще подумавъ, прибавила: «Ну, коли ужъ такъ, то мы распорядимся иначе: сдарили Пушкина въ дорогу, выдавъ ему прогонъ и съ соотвѣствующимъ чинномъ и съ соблюденіемъ возможной благощности отправить его на службу на югъ!» Вотъ какъ было дѣло».

Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ канцелярію главнаго помещика колонистовъ южнаго края, генерала П. П. Низова, находившагося тогда въ Екатеринославі. «Его простили за анграммы и за оду на вольность»,—писалъ Карамзинъ Дмитріеву.—«Я просилъ о немъ изъ жалости къ таланту и молодости: авось, будетъ разсудительнѣе; по крайней мѣрѣ, дать мнѣ слово на два года». «Если онъ и теперь не исправится»,—забылъ Карамзинъ въ другомъ письмѣ,—«то будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ».

Переводъ этотъ состоялся по просьбѣ непосредственнаго начальника Пушкина, графа Пв. Ант. Каподистрия, къ которому обратился съ ходатайствомъ за поэта Карамзинъ. При этомъ, по Высочайшему повелѣнію, Пушкину выдано было на проѣздъ 1000 р. асс. (онъ наличивалъ въ коллегіи на курьерскія отравленія денегъ), а министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде послано Низову слѣдующее, утвержденное государемъ, письмо (подлинникъ на французскомъ языкѣ):

«Настоящее письмо будетъ имѣть честь вручить вашему превосходительству г. Александръ Пушкинъ, воспитанникъ Царскосельскаго лицея, недавно причисленный къ министерству иностранныхъ дѣлъ.

«Въ письмѣ этомъ названный молодой человекъ перемѣщается подъ ваше начальство, и для него испрашивается благосклонное ваше покровительство.

«Позвольте мнѣ сообщить о немъ въ которыхъ подробности.

«Нелюбимый горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ покинулъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣній. Его сердце, лишенное всякой снѣжной привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремленіе къ независимости. Этотъ ученикъ уже въ раннемъ возрастѣ проявилъ гениальность необыкновенную. Успѣхи его въ лицѣ были быстры, его умъ возбуждалъ удивленіе, по его характеру, повидимому, ускользнулъ отъ вниманія наставниковъ.

«Онъ вступилъ въ свѣтъ, сильный пла-

меньшамъ воображеніемъ, но слабѣй полнѣмъ отсутствіемъ тѣмъ внутреннѣмъ чувствіемъ, которая служатъ замѣною принциповъ до тѣмъ поры, пока она не дастъ намъ истиннаго воспитанія.

«Итъ той крайности, въ какую бы не выдалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ, какъ итъ и такого совершенства, котораго онъ не могъ бы достигнуть превосходствомъ своихъ дарованій.

«Своимъ поэтическимъ произведеніямъ онъ обязанъ своего рода знаменитостію, весьма серьезными проступками и покровительствомъ почтенныхъ друзей, которые открыли для него путь къ исправленію, если это еще не поздно и если онъ рѣшится слѣдовать по этому пути.

«Нѣсколько стихотвореній, а въ особенности ода на свободу, обратили на г. Пушкина вниманіе правительства.

«На ряду съ величайшими красотами замысла и исполненія, это послѣднее стихотвореніе обнаруживаетъ опасныя начала, почерпнутыя изъ современной школы или, лучше сказать, изъ той анархической системы, которую люди неблагонравные называютъ системою правъ человѣка, свободы и независимости народовъ.

«Тѣмъ не менѣе, г. Карамзинъ и Жуковскій, узнавъ объ опасности, угрожающей молодому поэту, посѣпили преподать ему свои совѣты, побудили его сознаться въ свою заблужденію и взяли съ него торжественное обѣщаніе навсегда отъ нихъ отказатся.

«Г. Пушкинъ кажется исправившимся, если только можно вѣрить его слезамъ и увѣреніямъ.

«Впрочемъ, его покровители полагаютъ, что его раскаяніе некрепко и что, удаливъ его на некоторое время изъ Петербурга, поставивъ ему занятія и окруживъ его добрыми примѣрами, можно слѣзть изъ него прекраснаго слугу государя или, по крайней мѣрѣ, писателя первостепеннаго.

«Удовлетворяя нѣмъ желаніямъ, государь поводитъ мнѣ изъ молодому Пушкину

отпускъ и поручить его вашему вниманію. Онъ будетъ прикомандированъ къ особѣ вашего превосходительства и будетъ заниматься въ вашей канцеляріи въ качествѣ причисленнаго. Его судьба будетъ зависѣть отъ вашихъ добрыхъ совѣтовъ.

«Благоволите же преподать ему такое. Благоволите просвѣтить его неопытность, внушая ему, что достоинства ума безъ достоинства сердца являются почти всегда гибельнымъ преимуществомъ, и что весьма многіе примѣры показываютъ, что люди, озаренные прекраснымъ гениемъ, но не исказивъ въ религіи и нравственности оураны противъ опасныхъ уклоненій, были причиною несчастій какъ для себя самихъ, такъ и для своихъ согражданъ.

«Г. Пушкинъ, повидимому, желаетъ служить на дипломатическомъ поприщѣ; онъ началъ свою службу въ канцеляріи министерства.

«Я желалъ бы перевести его къ себѣ, но эту милость онъ можетъ получить только по вашему предстательству и только тогда, когда вы засвидѣтельствуете, что онъ ей заслуживаетъ.

«Вы не ожидали подобнаго порученія. Если оно для васъ стѣнительно, такъ это лишь оттого, что здѣсь о васъ составилось — вопли справедливо — хорошее мнѣніе».

Подлинное письмо, датированное 4 мая 1820 г., послѣ на себѣ Высочайшюмъ указомъ: «Быть, по сему».

Все это сдѣлано было, какъ удостовѣряетъ П. В. Анненковъ, съ вѣдомъ и совѣта Карамзина, который избѣтилъ Вяземскаго, что Пушкинъ «былъ нѣсколько дней совѣтъ, не въ интимскомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ, да въ мнѣ слово унылая и благополучно побѣжалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять».

Пушкинъ выхалъ изъ Петербурга 5-го мая, оставивъ «вѣлки пирровъ и блескъ Аоніи» для далекаго и невѣдомаго ему края. Такъ окончился первый петербургскій періодъ жизни поэта.

П. Морозовъ.

180. ЭПИГРАММА НА А. М. КОЛОСОВУ.

Напечатана впервые въ Русской Старинѣ 1879, т. XXV, стр. 380.

Александра Михайловна Колосова (1802—1880), дочь известной въ свое время танцовщицы Евгеніи Павловны Колосовой-«Большой» и впоследствии—жена трагика В. А. Каратыгина (1802—1853), дебютировала подъ руководством кн. Шаховского 16 декабря 1818 г. въ роли Антигоны въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Коинвахъ». Вторую ея ролью была Монна въ трагедіи Озерова же «Фингалъ» (30 декабря 1818 г.), въ которой она, по словамъ Аранова, была «сластично прелестна». Для третьяго своего дебюта Колосова приготовила, подъ руководствомъ Н. А. Катенина, роль Эсфири, въ которой и выступила 3 января 1819 г. съ полнымъ успѣхомъ, несмотря на то, что въ Эсфире превосходила была Семенова. Поклонники послѣдней, въ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ, были недовольны этимъ соперничествомъ юной дебютантки съ заслуженною и всеми признанною артисткою,—и Пушкинъ отразилъ это настроеніе въ своей эпиграммѣ, а затѣмъ и въ своихъ «Замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ». Вотъ что писалъ онъ въ этой небольшой статейкѣ, которая это надо имѣть въ виду—предназначена была для Семеновой.

«Въ скромной одеждѣ Антигоны, при пляскахъ полнаго театра, молодая, милая, робкая Колосова являлась недавно на поприщѣ Мельомены. Семнадцать лѣтъ, прекрасные глаза, прекрасные дубы (сдѣлательно—частая притная улыбка), ибикный недостатокъ въ разговорѣ обворожили слушателей трагическую талантливость. Притворясь, почти единогласный, называлъ Сашеньку Колосову насльдницей Семеновой. Во все продолженіе игры ея рукожестканія не прерывались. Но окончаніи трагедіи она была выведена криками изступленія, и когда—жа Колосова-большая, *filiae pulchrae mater pulchrior*, въ русской одеждѣ, блистая материнскою гордостью, вышла въ послѣдующемъ балетѣ, все зарембало, все застучало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Примѣръ, единственныи въ исторіи нашего театра, Радскаданью просто, не дѣлая на это никакихъ замѣчаній. Три раза сразу Колосова играла три разныя роли съ равнымъ успѣхомъ. Чѣмъ же все кончилось? Восторгъ къ ея таланту и красотѣ мало-по-

малу охолодѣвъ, похвалы стали умѣреннѣе, рукожестканія утихли; перестали ее сравнивать съ несравненною Семеновой; вскорѣ стала она являться предъ опустѣлымъ театромъ...»

Пушкинъ въ ту пору часто бывалъ у Колосовыхъ и былъ принятъ ими, какъ родной. Конечно, онъ и ухаживалъ за «Сашенькой», несмотря на свое платоническое увлеченіе Семеновой, и очень можетъ быть, что его рѣзкая выволочка была подсказана ревнивымъ чувствомъ. На эту мысль наводитъ, между прочимъ, упрекъ, сдѣланный имъ Колосовой въ «Замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ», что она болѣе занимается флигель-адъютантами Его Величества, нежели своими родными. Сама Колосова, въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказываетъ, что Пушкинъ былъ къ ней расположенъ, писалъ нѣсколько страницъ ея альбома медикми стихотвореніями, и что за эпиграмму его очень упрекнулъ друзья, и онъ хотѣлъ извиниться, но не успѣлъ, такъ какъ вскорѣ былъ высланъ изъ Петербурга. Дѣйствительно, Пушкинъ извинился за эпиграмму послѣдствіемъ, въ 1821 г., въ письмѣ къ Катенину: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ...» См. Воспоминанія А. М. Каратыгина: «Мое знакомство съ Пушкинымъ» въ Рус. Старинѣ 1880, т. XXVІІІ, стр. 565—574; Н. Я. Арановъ, «Исторія русскаго театра, Сиб., 1861, стр. 271—274 и письма къ Колосовой Н. А. Катенина въ Рус. Старинѣ 1893, тт. LVІІ и LVІІІ.

Несомнѣнно къ Колосовой, а не къ Семеновой, относится сохранившійся въ рукописи Моск. Музея № 2364, л. 48, неподдѣланный черновой набросокъ, въ которомъ можно разобрать слѣдующіе стихи:

Натяга Нарнаса
Самъ Фейбъ тебя готовилъ
Амуръ тебя обрѣлъ!
На славу папешъ сцена;
Ты будешь (натяга)
Монна Слава папешъ сцена;
На пышкахъ прахъ Мельомены
У тѣхъ алтарей любви
Являсь на предѣ нами въ первый разъ...

Что касается настоящей эпиграммы, то О. Е. Корнъ («Разборъ вопроса о подлинности окончанія Русалки») отмѣчаетъ въ ней «очень нѣтъ заметныхъ сумасбродствъ у Пушкина слабой римомъ—рука и поэтъ. Можно было бы отмѣтить еще также то, только рѣшій у Пушкина случай повторе-

А. М. КОЛОСОВА-КАРАТЫГНИНА.

180. НА А. М. КОЛОСОВУ.

Все изгибает насъ въ Эониръ:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Будри черныя до плечъ:
Годясь ивжный, взоръ любви...
Набѣленная рука,
Размазанная брови
И широкая нога!

ния въ поэтизмѣмъ стихотворенія ритмъ и выраженій, занимающихся изъ стихотворенія больше ритмомъ; во II главѣ «Отвѣтъ» 1823 г.) поэтъ говоритъ о Лепскомъ, что онъ привезъ изъ Германіи всегда восторженную рѣчь и кудри черныя до плечей». 1)

П. Морозовъ.

181. ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ ПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ Е. П. В. ГОСУДА- РЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ.

«Отвѣтъ» дошелъ до насъ въ двухъ автографѣхъ поэта: черновомъ, который находится въ хранящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради № 2364 л. 42, и бланкомъ, который Пушкинъ въ 1820 г. подарилъ Н. А. Маркѣвичу (см. «Журн. для вѣбухъ» 1896 г., № 8, стр. 482). Впервые онъ появился въ издававшемся вольнымъ обществомъ любителей русскаго словесности журналѣ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» 1819 г., ч. VIII, кн. 10, стр. 70—71, съ подписью: «А. П. . . .». Въ сборники своихъ стиховъ Пушкинъ этой пьесы не вносилъ, и въ собранія его произведеній она стала входить лишь начиная съ изданія П. В. Анненкова (т. VII, стр. 25). Въ Петербургскомъ спискѣ произведеній поэта, предназначавшихся для изданнаго въ 1826 г. сборника, въ числѣ посланій значится поэт. № IV, пьеса: «Къ П. Я. П. 1818». Но всей вероятности, это «Отвѣтъ на вызовъ», заглавіе исключенный Пушкинымъ изъ списка. Какъ видно изъ дальнѣе эта дата, конечно, ошибочна. Вѣрны изданіями до академическаго пьеса печаталась съ различными измѣненіями (ср. статью о текствѣ).

О времени созданія пьесы мы имѣемъ показаніе А. П. Тургенева, писаннаго 12 марта 1819 г. князю П. А. Вадковскому:

Пушкинъ, котораго вчера видѣлъ у кн. Голицыной, писалъ мнѣ несколько прекрасныхъ стиховъ о Елизаветѣ Алексеевнѣ, Императрицѣ» («Объясненій архивъ», кн. VII Вадковскій», т. 1, 202). Книжка «Соревнователь», гдѣ была напечатана «Отвѣтъ»,

1. Сопоставленіе можно объяснить и иначе. Такъ, старшая дочь поэта. Она имѣетъ со словомъ Колосовъ Каратышиной дѣвчана П. П. Каратыши стихи. Весьма возможно, что Колосовъ, по ошибкѣ печати, и составилъ бланкомъ стихъ въ Гибель Отвѣтъ.

Ред.

доведена цензурою 14 апрѣля 1819 г. 25 сентября того же года Дельвигъ читалъ его въ собраніи вольнаго общества любителей словесности («Русс. Стар.» 1899 г., май, 472—473). Но весьма вероятно замѣчанію Л. П. Майкова («Материалы для академическаго изданія сочиненій П.»., Сиб., 1902 г., стр. 18—19; «Пушкинъ», 1899 г., стр. 88), можетъ быть, къ «Отвѣту» относится записанный на 72 листѣ той же (№ 2364) музейной рукописи неоконченный стихъ:

Я клалъ на свободной [лирѣ],

при которомъ стоитъ помѣта: «1819, 8 mars». Надо думать, что отвѣтъ написанъ въ началѣ марта 1819 г.

Симпатичная личность несчастной въ бракъ жены Александра I была въ тѣ времена весьма популярна. Еще въ лицѣ Пушкинъ привыкъ довольно часто и близко видѣть «царей», какъ выражались лицевы, т. е. царскую семью. По разсказу П. П. Пущина (Л. П. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 49), Елизавета Алексеевна, присутствовавшая на торжествѣ открытія лицей, «тогда же насъ, юныхъ, плѣнила непринужденною своею привѣтливостію ко всемъ: она какъ-то умѣла и успѣла каждому изъ профессоровъ сказать приятное слово. Тутъ, можетъ быть, зародилась у Пушкина мысль стиховъ къ ней: На лирѣ скромной, благородной и проч. Г. Анненковъ напрасно относитъ эти стихи къ 1819 г.; они написаны въ лицѣ въ 1816». Между тѣмъ какъ справедливо замѣтилъ Л. П. Майковъ (ор. с., 88—89, въ музейной тетради № 2364, гдѣ записанъ черновикъ «Отвѣта» среди стиховъ 1819 г., вообще и въ пьесѣ ранѣе 1817 г. П. А. Ефремовъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина 1880 г. (т. 340) предположилъ, «не смѣшая ли его [Отвѣтъ] Пушкинъ съ стихомъ утраченнымъ въ стихотвореніи мѣст., о которомъ упоминается въ настоящемъ»:

Я, влюбленный Авдоломъ,
Елизавету въ танцѣ звалъ . . .

Намъ кажется, и въ настоящемъ основаній для предположенія о какъ-то утраченномъ стихѣ Пушкина, посвященномъ Елизаветѣ Алексеевнѣ. Въ бланкомъ автографѣ стихотвореніе озаглавлено: «Къ П. Я. П.». Эти первоначалы разъяснилъ Л. П. Майковъ (ор. с., 89). По его словамъ, «матрица эта, безъ сомнѣнія, означать

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА.

*Съ портрета Бенери.*181. ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ ПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ.

На дѣръ скромной, благородной,
Земныхъ Боговъ я не хвалю;
И славъ, въ гордости свободной,
Кадилъ лести не кадилъ,
Свободу лишь умая славить,
Слухамъ жертвуя лишь ей,
Я не роженъ Царей даватьъ
Скандальной Музою моею,
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ Касталинскою токъ шумѣлъ,

Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елисавету втайнѣ пѣлъ,
Небеснаго земной свидѣль,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на Тронѣ Добротѣль,
Съ ея привѣтною красой,
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу Гимны простой;
И неопушенный голосъ мой
Быль эхо Русскаго народа.

умную и образованную фрейлину императрицы Елисаветы Алексѣевны Наталью Яковлевну Плюскову, проживавшую въ Царскомъ Селѣ и коротко знакомую съ семействомъ Карамзинныхъ, П. П. Дмитриевыхъ, А. П. Тургеневыхъ и княземъ П. А. Вяземскимъ¹⁾. Изъ записокъ Пушкина видно, что личности знали ее, а въ особенности Пушкинъ еще въ то время посѣщавшій Карамзины; весьма возможно, что это царское-сельское знакомство и дало поэту первый поводъ написать «Отвѣтъ на вызовъ». По этому Майковъ и находилъ, что Пушкинскимъ показаніемъ «вполнѣ пренебречь нельзя». Повидимому, слѣдующее соображеніе достаточно примиряетъ оба даты: 1816 г. и 1819. «Небесаго земной свидѣль, Елисавету втайнѣ пѣлъ» Пушкинъ еще въ Царѣ, когда не разъ выдалъ ее и слышалъ проникнутые общимъ сочувствіемъ рассказы о несчастной царшѣ. Въ 1819 г., получивъ отъ Плюсковой «вызовъ» написать стихи въ честь Елисаветы Алексѣевны, Пушкинъ могъ лишь передѣлать написанные раньше втайнѣ стихи, извѣстные прежде лишь въ тѣсномъ кругу школьныхъ товарищей поэта, одинъ изъ которыхъ, Пушкинъ, и узнавалъ давно знакомыя строки въ анненковскомъ изданіи. Въ черновикѣ посланія къ А. А. Шишкову, 1816 г. (Румянцев. муз., тетр. № 2364, л. 34) Пушкинъ рассказываетъ въ какиихъ-то срифмованныхъ куплетахъ:

Простать ли () зѣнкой страшной трѣхъ
поэты:

Я напишалъ притворные куплеты,

Каждомъ притворнымъ я счастію казель...

Скорбе рѣчь пѣть здѣсь о куплетахъ, посвященныхъ принцу Оранскому, или о стихѣ: «Боже, дари храни!», чѣмъ о «симѣ простомъ», который Пушкинъ пѣлъ «неподкупнымъ голосомъ» на доубъ «тайной свободы». Весьма вѣроятно, что въ 1819 г., услышавъ «вызовъ», Пушкинъ вспомнилъ свои старые стихи, и часть изъ вошла въ его «Отвѣтъ».

На «притворные» стихи пѣса совсѣмъ не похожа. За это говорить неподвѣдлая искренность тона. Несомнѣнно, Пушкину нравились Елисавета Алексѣевна своей «притворной красой», и поэтъ сочувствовалъ ей горькой доубъ. Въ стихахъ Пушкина есть,

правда, аксессуары старой классической оды: Геликонъ, Аполлонъ, Касталійской токъ, но есть и теплое лирическое чувство, внутреннее не льстивой, а дѣйствительно «стыдливой Музой». (Замѣтимъ, что въ изданіяхъ Анненкова и Гейшадъ 7-ой стихъ «по независимымъ обстоятельствамъ» печатался безъ слова «Царей», замѣнявшагося словомъ «людей» или точками). Именно съ этой стороны стоитъ сравнить пушкинскій «Отвѣтъ» съ написанной Державинымъ въ 1813 г. холодной и назидательной одой. «На отбытіе императрицы Елисаветы Алексѣевны къ государю въ заграничную армию».

Н. Лернеръ.

182. В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Посланіе къ Энгельгардту, не дошедшее до насъ въ автографѣ, появилось впервые въ сборникѣ стихотвореній Пушкина въ 1826 г., стр. 160—161, подъ заглавіемъ: «N. N.»; такъ же оно было перепечатано въ изданіи 1829 г., ч. I, стр. 75—76. Въ такомъ же видѣ оно было воспроизведено въ изданіяхъ посмертныхъ и П. В. Анненкова. Въ VII, дополнительномъ томѣ своего изданія Анненковъ напечаталъ, безъ указанія источника, «Вышеупомянутый конецъ посланія къ Энгельгардту». Затѣмъ пѣса была еще не разъ допущена по различнымъ спискамъ. (См. статью о текстѣ).

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ (род. 14 июня 1785 г., умеръ 20 октября 1837 г.), вѣнчанный племянникъ Петемкина, отставной полковникъ, богатый и страстный игрокъ, былъ членомъ кружка «Зеленой лампы». Князь П. А. Вяземскій, удавшийся вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ въ іезуитскомъ пансіонѣ, рассказываетъ («Сочиненія» Вяземскаго, I, XVII—XVIII), что онъ былъ «хорошо и всепародно знакомъ Петербургу, Растопытѣльскій богатъ¹⁾, не пренебрегающій веселіемъ жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, постройтель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немощко на парижскій Наде-Ровль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Постройщикъ этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгель-

1) О Плюсковой см. 2-е изд. изд. Сочиненій Гречанина, т. II, 318; Огаревскіе Архивы, I, 585—586; К. И. Ерошевскій, Къ биографіи П. П. Гейшадъ, Спб., 1902, стр. 6, 7, 15—16.

1) Ему принадлежалъ большіи имѣніи на югѣ Финскія Ф. Ф. Виттегадъ, М., 1893, VI, 86; VII, 178. См. о немъ также Огаревскіи архивы, т. II, 95.

182. В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обрившій, но живой:
Его мучительная лѣна
Не тяготѣть надо мной,
Здоровье, легкій другъ Пріана,
И сонъ, и сладостный покой,
Какъ прежде, постигни снова
Мой угольъ тѣсный и простой,
Утѣшь и ты подубольнаго!
Отъ жаждеть вѣтѣть съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лыбившій Ница гражданскъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры лабожнѣй поклонникъ
И наслажденій властельникъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ младыхъ прелестей Певы,
Отъ вредной снѣтницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Моря зовуть холмы, дуга,
Тѣшится клева огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода,
Дай руку мнѣ—пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою нѣтъ мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря,
На счетъ глуща, вельможи злаго,
На счетъ холопа записнаго,
На счетъ небеснаго Царя,
А иногда на счетъ земнаго.

карта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острые выходы и забавные куплеты его ходили по городу. Дочь Энгельгардта много дѣтъ была очень популярна въ Петербургѣ: упоминаніе о немъ сохранилось въ «Маскарадѣ» Лермонтова 1).

Къ 1819 г. поета отнесена изданіемъ 1826 г.: въ Петербургскомъ спискѣ стихотвореній, которая должна была войти въ это изданіе, она значится въ числѣ посланій подъ № XII и помѣчена 1819 г. («Перепииска П.», ред. В. П. Саитова, I, 296). Изъ самаго посланія видно, что оно написано по выздоровленіи и передъ отъѣздомъ на дѣло къ деревню, 18 июня 1819 г. А. П. Тургеневъ писалъ изъ Петербурга князю П. А. Вяземскому о съваченной Пушкинымъ, средней простудѣ, а черезъ недѣлю сообщалъ, что Пушкину уже лучше; еще черезъ недѣлю писалъ ему, что Пушкинъ выздоравливаетъ. 9 июля Пушкинъ писалъ А. П. Тургеневу уже изъ деревни. Очевидно, посланіе къ Энгельгардту написано въ концѣ июня или въ началѣ июля. 13 августа А. П. Тургеневъ спрашивалъ Вяземскаго: «Послалъ ли я тебѣ посланія Пушкина Орлову, Энгельгардту и Щербинину? Увидѣшь. Если нѣтъ, то пришлю два первыхъ».

Посланіе къ Энгельгардту одного тона съ стихами, посвященными въ этомъ же году П. В. Вяземскому (см. ниже). Пушкинъ бранилъ съету и съуку Петербурга такъ же, какъ въ посланіи къ Вяземскому смѣется надъ старой столицей. «Вечера, гдѣ льются пуншь и эштраммы», и о которыхъ говорили одинъ изъ вариантовъ посланія къ Энгельгардту, конечно, — собранія «Зеленой лампы», гдѣ Энгельгардтъ разсказывалъ свои остропы и шутки. Въ Энгельгардтѣ Пушкинъ цѣнилъ «счастливую бездѣловность», «гражданна Нинда», «вѣрную сына свобода» натуру свободную, артистическую, непошлую, которая не выносила всего, что было прощито и Пушкину, всего, что одиывалось длуностью, патменностью и холодеетвомъ. Энгельгардтъ повинуемому, былъ изъ тѣхъ мысляхъ Пушкину людей, которыхъ онъ называлъ въ 1824 г., въ письмѣ къ П. П. Кривошумовымъ «демократическими друзьями». Этимъ благороднымъ демократизмомъ вѣнчалъ онъ пушкинскаго посланія къ Энгельгардту.

которое повсюду пропитано хмельемъ молодой молодости, полной силъ и надеждъ. И вродѣ правильно Блвинскій отнесъ его къ числу «сестродушечкиныхъ» поетъ.

Объ отношеніяхъ Пушкина и Энгельгардта ничего болѣе неизвѣстно. Въ 1824 г. Пушкинъ послалъ ему, изъ Михайловскаго, черезъ своего брата поклонъ. Въ которое время съестъ поэтъ писалъ брату: «Пришли мнѣ цѣвѣвъ да Оду, да побѣжай къ Энгельгардтову обѣду».

Н. Лернеръ.

183. ВОЛЬНОСТЬ.

Впервые напечатано во 2-й книжкѣ лондонской «Полярной Звѣзды» 1836 г. и датѣмъ много разъ перепечатывалось въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ русской печати отрывки стали появляться только съ 1880 г., полный текстъ данъ только въ академическомъ изданіи Сочиненій Пушкина, т. II (Сиб. 1905).

О времени написанія этой оды высказаны разные мнѣнія. Самъ Пушкинъ, въ воображаемомъ своемъ разговорѣ съ Александромъ I, приписываетъ государю слѣдующія слова: «Я читалъ вамъ оду Свобода (прекрасно, хоты она ишана немного сбивчиво, мало обдуманно (вамъ, вѣдь, было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду? — Ваше Величество, я писалъ ее въ 1817 году... — Ахъ, В. В., давайъ упомянуть объ этой дѣтской одѣ?...» Хронологическое опредѣленіе, однако, зачеркнуто въ этомъ отрывкѣ, а по нѣмъ другимъ ланямъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, оду относили къ 1819 г. Но въ самое послѣднее время въ бумагахъ А. П. Тургенева найденъ автографъ оды, съ подписью Пушкина и имъ же самимъ выставленной датой: 1817. На этомъ основаніи В. Е. Якушкинъ (заказ. изд. II, прим., 489—496) увѣренно заявляетъ, что ода Вольность должна быть перенесена въ 1817 годъ. Несмотря, однако, на собственное показаніе автора, несомнѣнные факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что «Вольность» не могла быть написана раньше 1819 года.

Во первыхъ, ода только въ 1819 г. стала цѣлѣнаближайшимъ друзьямъ Пушкина Тургеневу и Вяземскому, отъ которыхъ онъ, конечно, не сталъ бы скрывать ее въ теченіе двухъ лѣтъ. Первое упоминаніе о ней въ перепискѣ только что названныхъ лицъ относится къ 5 августа 1819, причѣмъ

1 См. певичь А. П. Вульфа — Пушкинъ. А. П. Маликова, Сиб. 1899 г., стр. 241.

МИХАИЛОВСКІЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ ЗАМОКЪ.

11-го Марта 1801 г. здѣсь было убито Павѣль I.

Съ широкой травирры Патерсона, 1801 г., изъ собраній П. Я. Дашкова. По бокамъ видны поременные мосты, при возмощи которыхъ Павѣль оудумалъ соединить перистирриной свою резиденцію.

183. ВОЛЬНОСТЬ.

О Д А.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитера слабая Царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза Царей
Свобода гордая Швица?—
Приди, сорви съ меня ивнокъ,
Разбѣи извѣстную лиру—
Хочу воспылѣть Свободу мѣру
На тронахъ поразить пороки.

Открой мнѣ благородной слѣды
Того вдованнаго Гада
Кому сама средь славныхъ бѣды
Ты гимны смѣлые впускала.
Питомца ивтреной Судьбы,
Тирани мѣра! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падше рабы!

Увы! куда ни брошу взоръ
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы.
Законы гибельной позоръ
Неводи немощная слѣды:
Вездѣ неправедная Власть
Въ стуженной мѣлѣ претражденіи
Воздѣла— Рабства грозный Гетинъ
И Славы роковая страсть.

Лишь тамъ надъ Царскою главой
Парофевъ не зело страшно
Гдѣ крикно съ Вольностью Святой
Законы мощныхъ соединяе:
Гдѣ вѣсьмъ простерты нѣтъ твердой щипъ
Гдѣ сжатый иврынами руками
Гражданъ пать равными главами
Нѣтъ мечъ безъ выбора скользить.

Тургеневъ даетъ и объясненіе тѣмъ условіямъ, которыя называли въ Пушкинѣ настроеніе, создавшее оду: «Вообрази себѣ,—говоритъ онъ,—двѣнадцатилѣтняго вѣному, который шесть лѣтъ живетъ въ виду дворца и въ собѣдѣ съ гусарами, и послѣ обвиняя Пушкина за его оду на свободу» (Остафьевскій Архивъ, I, 280). Въ дальѣйшемъ шестѣтъ, отъ 22 октября того же года, Тургеневъ сообщаетъ, что Пушкинъ переписалъ для Вяземскаго стайсы на свободу, «но я боюсь и за него, и за тебя послать ихъ къ тебѣ. Les murs peuent avoir des yeux, et même des oreilles!»—«Присылай же пѣсно Пушкина», отвѣчаетъ Вяземскій 1 ноября: «что ты за трусишка такой? Смѣлымъ Богъ владѣеть. Я никого и ничего не боюсь; совѣсть — вотъ мое право». (Тамъ же, стр. 335, 342). Можно предположить, что теперь въ бумагахъ Тургенева нашла именно гарунокъ, которую онъ не рѣшился послать своему другу. Точно такъ же и другія лица, близко знавшія Пушкина, какъ напр. Карамзинъ, начинаютъ говорить о «Вольности» только въ самомъ концѣ 1819 или даже въ слѣдующемъ году, когда ее начинаютъ разсказывать и гр. Милорадовичъ, которому, по преданію, сообщаемому Аппенковымъ, удалось достать ее «не безъ труда». Очевидно, что если бы ода была написана за два слишкомъ года передъ тѣмъ, то она усѣбла бы стать гораздо болѣе извѣстною.

Во-вторыхъ, въ этой одѣ Пушкинъ впервые упоминаетъ «возвышеннаго галла» Андре Шенье, съ сочиненіями котораго онъ могъ познакомиться не ранее начала 1819 г., такъ какъ только въ этомъ году вышло въ Парижѣ нѣхъ собраніе.

Въ-третьихъ, самый тонъ этой оды, весь ея складъ совершенно не подходитъ къ тону и складу лицейскихъ или близкихъ къ лицейской порѣ стихотвореній нашего поэта.

Тѣмъ же, однако, объяснить выставленную Пушкинымъ дату 1817 г.? Повидному, Пушкинъ и въ 1819 г., какъ впоследствии въ 1825, хотѣлъ смѣнить рѣзкое впечатлѣніе своей оды, представивъ ее произведеніемъ «дѣтскимъ», написаннымъ уже давно. Въ этомъ убѣждаетъ и его обращеніе къ кн. А. Н. Голицыной, «посылая ей оду Вольности», написанное на одномъ листѣ съ самой одой, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «Такъ я, бывало, воспѣвалъ мечту прекрасную свободу». Слово: «бывало», по прямому его значенію, не можетъ относиться къ событію, совершившемуся въ

недавнее время, и, слѣдовательно, должно было указывать на то, что ода—вещь уже не новая. По смыслу обращенія къ Голицыной, оно не могло быть написано одновременно съ одой; между тѣмъ, Пушкинъ переписалъ для Тургенева оба стихотворенія подгрядъ и внизу листа выставилъ 1817 г.—очевидно, совершенно произвольно. Подобный же пріемъ Пушкинъ примѣнилъ впоследствии и къ вызвавшей неурядица для него объясненія «Гавриладѣ»; поэма эта, какъ извѣстно, была написана имъ въ 1821—1822 гг., между тѣмъ, въ своихъ объясненіяхъ онъ говорилъ, что получилъ рукопись еще въ бытность свою въ Лицѣѣ, не упомянувъ, отъ кого изъ офицеровъ гусарскаго полка, и съестъ ее въ 1820 г.

Такимъ образомъ, не имѣя фактически основаній принимать выставленную Пушкинымъ на списокъ «Вольности» дату за дѣйствительный годъ ея сочиненія и, наоборотъ, имѣя весьма вѣскія данныя, побуждающія относить эту оду къ 1819 г., мы должны относительно времени ея сочиненія остаться при раиѣ высказанномъ мнѣніи.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана эта ода, мы имѣемъ подробный, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ точный, разсказъ Ф. Ф. Вигеля («Записки», ч. VI, прил. къ Рус. Архиву 1892, № 11, стр. 10). «Изъ людей, которые были его старѣе»,—пишетъ Вигель,—«Пушкинъ всего чаще посѣщалъ братьевъ Тургеневыхъ. Они жили на Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, что нынѣ Инженерный, и къ нимъ, т. е. къ меньшому, Николаю, собирались первыя высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то изъ нихъ, смотря въ открытое окно на пустой тогда, забѣшено брошенный дворецъ, шутя предложилъ Пушкину написать на него стихи. Онъ по матери происходилъ отъ арана генерала Гансбала, и гибкостью членовъ, быстрою глѣдженіемъ нѣсколько походилъ на негровъ и на меланхолическихъ жителей Африки. Съ этимъ порывомъ вдругъ вскочилъ онъ на большой и длинный столъ, стоявшій передъ окномъ, растянулся на немъ, сваливалъ перо и бумагу и со смѣхомъ принялся писать...»

Если въ этомъ разсказѣ отдѣльныя детали выдуманы то, во всякомъ случаѣ, очень вероятно, что «Вольность» написана была подъ вліяніемъ происходившихъ у Тургеневыхъ бесѣдъ на политическія темы и въ частности—разсказовъ о событіи 11 марта

HABIBI E

1801 г. Это событіе было известно Пушкину во всѣхъ подробностяхъ, въ ту пору еще свѣжа въ памяти старшаго поколѣнія. Для того, чтобы убѣдиться въ точности описанія Пушкина, достаточно сравнить его съ показаніями ближайшихъ свидѣтелей, какъ, напр., Саблукова или Бенгисея, или съ записками декабриста Фонвизина, передающаго свѣдѣтельства очевидцевъ. Приведемъ, для сравненія съ строфами X и XI, отрывокъ изъ этихъ записокъ:

«Въ замкѣ гарнизона служба отягчалась, какъ въ осажденной крѣпости, со всею военною точностью. После пробитія вечерней зари весьма немногія докбренныя особы, извѣстныя швейцару и дворцовымъ сторожамъ, допускались въ замокъ по малому подвижному мостику, который и опускался только для нихъ. Въ числѣ этихъ немногихъ была адъютантъ лейбъ-батальона Преображенскаго полка Аргамаковъ... Мостики для пшеходовъ всегда опускался по его требованію...

«Въ этотъ день графъ Палей пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. По призыву его собрались всѣ главные его сообщники, Зубовъ, Бенгисей, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры въ полномъ мундирѣ, въ шарфавѣ и орденахъ. Гостиамъ разносили шампанское, пуншъ и другія вина... Восторженные рѣчами, а еще болѣе — виномъ и пуншемъ, заговорщики требовали, чтобы тотчасъ вели ихъ на сланный повнзгъ спасенія отечества... Подожли къ замку, Аргамаковъ впередъ безирепятственно провелъ ихъ по мостику» и пр.

Безъ сомнѣній, именно точное и сильное описаніе исторической ночи всего болѣе оторчило Александра I. въ Пушкинскоі «Вольности». Въ этихъ строфахъ, по замѣчанію П. П. Барневца (Рус. Архивъ. 1899, № 12, стр. 616—617, «послышался Александръ тогда съ потопства, и ему было горько, что ничѣмъ не выражена была его неповинность». Въ цитированномъ выше разговорѣ Пушкина съ императоромъ, Александръ говорилъ: «Тутъ есть три строфы очень хорошія... Я замѣтилъ, вы стараетесь очернить меня въ глазахъ народа распространѣемъ недѣльной клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія несовсѣдѣтельныя, что вы не уважали правду, личную честь, даже въ царѣ...»

Впоследствии, говоря о своихъ литературныхъ заслугахъ, Пушкинъ упоминалъ, между прочимъ, о томъ, что «свѣтъ Ратнщевъ воздвнжалъ онь свободу». Цитиру-

тельно, многія мѣста «Вольности» довольно близко воспроизводятъ мысли, высказанныя авторомъ «Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву» къ одѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ главѣ «Тверь». Вотъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ оды Ратнщевъ къ соотвѣствующимъ строфамъ пушкинскоі.

Къ строфѣ I:

О даръ небесъ благословенній,
Петочникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, таръ бедннмъ!
Позволь, чтобы рабъ тебя воспѣлъ.

Къ строфѣ II:

Но мститель—трусещи—градеть,
Онь молить, вольность прорекая,
И се—молва отъ край то край,
Глазъ свободу, прочтеть.

Къ строфамъ IV и V:

Возвднжетъ строня днщца,
Льетъ радость, трепеть вокругъ себя,
Рапо на всѣ взираетъ лица,
Ни ненавн, ни любя.
Онь дести чуждъ, лицепрнствя,
Порода, злнчности богатствя;
Гушнлась мертвенная глн,
Роства не знаетъ, ни прнщн.
Рапо днать и мзду, и казню;
Онь—образъ Божн на земн!

Ср. слова о законѣ въ главѣ «Хотнловскъ»: «Первый властитель въ обществѣ есть законъ, ибо онь для всѣхъ ошнть».

Къ строфамъ VI и VII:

Возстанеть рать повсюду брашна,
Надежн всѣхъ вооружнть,
Въ крови мучителя вѣчанн
Омьгъ свой стнть ужъ вснхъ свнщнть.
Мечъ остръ—ля дру—ведѣ сверкаетъ,
Въ раднщнхъ внхахъ смерть летаетъ,
Наъ горню главоу парн.
Лнуннть, склнннны парнн!
Се право мщнное прнорн
На плнху возмело царя.

Ратнщевъ говоритъ о казни Карла I; Пушкинъ воспоминаетъ болѣе близкіе къ своему времени историческіе факты, смерть Людовика и Павла I.

Послѣдній стихъ строфы VI также взятъ изъ оды Ратнщевъ:

Внщн, дло стн, мнн убѣжднннн!
Проннъ, мнн постать какъ смѣтъ!

Въ строфѣ X, стихъ: «Онь слышнть Кнн мрачннн глазъ» паномнзается стихъ

УБИЦЫ «ВЪ ЛЕГКАХЪ И ДВЪДЦАТЬ».

ГР. ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПАЛЕНЪ

И преступаешь съ высока
Сражаешь правешнымъ размахомъ:
Гдѣ не покумна нухъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ
Владыки! ваешь вънездъ и тронъ
Даетъ Законъ—а не Природа—
Стоите выше ны Народа—
Но вбчаны Выше насъ Законъ.

И горе, горе племенамъ
Гдѣ прелаетъ онъ неосторожно,
Гдѣ пль Народу пль Нарамъ
За ономъ властвовать возможно!
Тебя въ свѣтледи доу
О мученикъ ошибокъ славныхъ
За предковъ въ шумъ буръ несланныхъ
Сложившии Царскую главу.

Восходить къ смерти Лютошки
Въ виду бездомнаго потомства,
Главой развѣчанной принявъ
Къ кровавой плахѣ Вроломства.

ГР. ЛЕОНТИИ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БЕННИГСЕНЪ.

Молчишь Законъ—Народъ молчишь,
Надѣть преступная свѣра...
И се—злѣдйская порфира
На Галлахъ сповашныхъ лежить—

Самовластительной Злѣдйи
Тебя твой тронъ я несправку
Твою пощбедь, смерть тбген
Съ жестокой радостно вѣку
Чпають на твоёмъ челѣ
Печаль проклятїя Народа
Ты ужасъ міра, ствѣть природа
Упречь ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Небу
Звѣзда полудночи сверкаеть
И беззаботную главу
Спокоини сонъ отягощаетъ
Глянуть доумчивой пѣвецъ
На грозно свѣщи средь тумана
Истинной памятникъ тирана
Забвѣнно брошенный порецъ.

Вайюшкова въ посланіи «Къ другу»: «И Кнн мрачнѣя скривали». Перепечатывая въпоследствии сочиненія любимаго поэта, Пушкинъ замѣтилъ на поляхъ противъ этого стиха: «Кто, какъ дено, не складывается, но это правило было бы затруднительно». Майковъ, Пункинь, стр. 312). Объ общемъ настроеніи оны см. статью «Отъ лица до сылки» и «Периодъ зеленой лампы».

П. Морозовъ.

184. КН. А. П. ГОЛЦИЦЫНОЙ.

Стихотвореніе было впервые напечатано въ альманахъ 1844 г. «Молодикъ» (II, 7) подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ г. К.». Поэтому Анненковъ и другіе издатели относили это стихотвореніе къ графинѣ Кочубей, а временемъ его написанія считали 1827 г. Въ настоящее время мы знаемъ изъ подлинной рукописи (см. примѣч. къ одѣ «Вольность») какъ лицо, къ которому относится стихъ, такъ и изъ дату. Выраженіе: «бывало воспѣвать» поставлено, повидимому, только для прикритія времени сочиненія «Вольности»; на самомъ же дѣлѣ стихи Голлицыной, вѣроятно, были написаны вскорѣ послѣ сочиненія оны и представлены ей вмѣстѣ съ послѣднимъ.

ПУНКИНЬ и КН. Е. П. ГОЛЦИЦЫНА.

Съ именемъ кн. Е. П. Голлицыной связано два стихотворенія Пункина: 1) матриаль, начинающійся словами: «Красивъ чуждую необычный любитель...» стр. 441 и 2) стихотвореніе (стр. 519) которымъ поэтъ сопровождалъ свою знаменитую оду «Вольность», посылая ее княгинѣ («Простой воспитанникъ природы...»). Матриаль относится къ 1817 г., періоду наибольшаго увлеченія Пункина кн. Голлицыной. Прошло, однако, немного времени какой-нибудь годъ, и поэтъ, по свѣдѣтельству А. П. Тургенева, не былъ уже влюбленъ въ княгиню: нѣсколькими годами позже, Пункинь, по припоминаніямъ кн. В. А. Вяземскаго, которая, какъ кажется, не противорѣчать и писемъ самого поэта, связанъ не помѣнялся наъ ней. Какъ бы то ни было, по личностъ кн. Е. П. Голлицыной была недружной средѣ тѣхъ женщинъ, которымъ молодой Пункинь платилъ дань удивленія, и отношенія къ ней поэта, по крайней мѣрѣ въ мезовыи мѣсяцъ его

вступленія въ свѣтъ», да и позднѣе, замѣчаютъ вниманія.

Кн. Евдокія Ивановна Голлицына, или какъ въ то время принято называть ее, по выраженію кн. Вяземскаго, — «такимъ прозаическимъ именемъ», какъ Авдотья Ивановна, род. 4-го авг. 1780 г. и была дочерью ген.-м. (въслѣдствіи д. т. с., сенатора) Пвана Михайловича Памайдова (род. въ 1724 г., ум. въ 1787 г.) и Александры Борисовны рожд. кн. Юсуповой (ум. въ 1791 г.). Потерявъ родителей, она поселилась у своего родного дяди Мих. Мих. Памайдова, въ то время сенатора въ Москва, а затѣмъ — московскаго главнокомандующаго; въ дозѣ его Е. П. получила прекрасное образованіе. По желанію императора Павла 1-го, красавица и умница Е. П. была выдана (19-го июля 1799 г.) замужъ за прекраснаго, ограниченнаго и расточительнаго кн. Сергѣя Михайловича Голлицына, въ то время камергера, а потому — почетнаго опекуна въ Москвѣ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра 1-го, она вышла возможнымъ оставитъ нелюбимаго мужа и зажила независимой, своеобразной жизнью, «не очень-то справляясь», какъ выразился кн. Вяземскій, «съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный и болливый Петербургъ. Впрочемъ, — оговаривается князь — эта, независимость, это свѣтское отщепенство держалось въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благопріятія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злодейя не огнемил чистоты и свѣтлой свободы ея». Въ описываемое время (1817—1818 гг.) кн. Голлицыной было уже подъ сорокъ лѣтъ, но по свѣдѣтельству современниковъ, она еще «влюбляла» своей красотой. «Трудно кому-нибудь передать вась» — писалъ К. П. Вайюшковъ А. П. Тургеневу, въ июль 1818 г. — «съ добротѣ, точно такъ, какъ кн. Голлицыну, Авдотью Иванову, въ красотѣ и пріятности: въ оба никога не состарятся; въ душою, она — лицомъ. Это не я говорю; Жуковскій...» «Кн. Голлицына была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургѣ... Она была очень красива и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась димъ преимуществомъ», писалъ въ свое время кн. Вяземскій, набросавшій, между прочимъ, и портретъ княгини въ слѣдующихъ чертахъ: «не знаю, какова она была

УБИЙЦЫ «ВЪ ДЕНГАХЪ И ЗВѢЗДАХЪ».

КН. ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ЗУБОВЪ.

*Съ портрета Левицкого (Ахи, Художества).
Воспроизводится здесь впервые.*

И слышетъ Кайи страшной гласъ
За сими страшными стѣнами
Калигула послѣднѣи часъ
Онъ видитъ живо преть очами
Онъ видитъ — въ денгахъ и звѣздахъ
Внѣшнъ и злобой упоенна
Нудъ, убійца покаянна
На лицахъ терзость въ сердце страхъ

И слышъ учителя Цари
Ни наказания, ни награды,
Ни кровъ, генищъ, ни олтара
Не вбрызъ для васъ ограда,
Склонитесь первые главой
Ночь снѣтъ патежную джюка
И стануть вѣчною стражей трона
Народовъ вольность и покой.

ГР. НИКОЛАИ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ЗУБОВЪ.

Панель Павлу Яковлевичу донръ табакеркой.

Модитъ невѣрною часовой,
Онущень мода мость подемной,
Врата отверзла въ тѣмъ почной
Рукой предательства насной...
О слыш! о ужасъ нашихъ шей!
Какъ вбрыз вторглись Яначаря!...
Нудъ беззавные удары —
Погибъ увѣчанный злобой!

в первой молодости, но и вторая и третья молодость ее являли какую-то свежесть и дилломудрём двестиности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, кожный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная; привычка к тому голосу, произношение необыкновенно мягкое и благозвучное,—и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее»... Пушкин смотрел на княгиню, как на женщину «не с мертвой красотой, но с огненной, плывильной, живой». Впрочем, Карамзин, быть может и не без оснований, расходился с поэтом в оценках красоты княгини: «признаюсь»,—писал он,—«я не влюбился бы в Нию (кн. Голицыну: отъ ея трезубца вышетъ, не огнемъ, а холодомъ». Повидимому, нецелью против такой характеристики и кн. Вяземский: «вообще красота ее»,—принимается он,—«отзывалась чьим-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние... в ней было что-то ясное, спокойное, скорбь дивное, безразличное». Как бы то ни было, но красота княгини Голицыной являла многим, и в числе ее горячих поклонников находились и некоторые приятели Пушкина, между ними и «рыцарь любви и чести»—красавец М. Ф. Орлов¹. Но не одна красота княгини являла необычное, по избранное общество» в ее томъ, «аристотически украшенный кистью и рбазом думику» из современных русских художников». Она жила в Петербурге на Большой Миллионной, т. № 6, по набережной Мойки, а дилломудром на собственной даче на р. Нева. В ее салоне, или, как выразился кн. Вяземский, «въ этой хранили» «темъ болше, что и ходику можно было признать не обыкновенной светской барыней, а жрицей какого-то чистого и высокого служения». Пушкин находил «разговоръ непринужденный, плывильный, веселый, просвѣдательный», вращавшийся по домашнему до насъ отрывочнымъ свидѣниямъ,

на литературныхъ и политическихъ темахъ. Между прочимъ, по отзыву кн. Вяземскаго, «разговоръ» самой княгини Авдотьи Павловны «дѣйствовали на душу какъ Россиниѣва музыка»... Бесѣды длились далеко за полночь («княгиня не любила рано ложиться спать»), до трехъ-четыреухъ часовъ утра, и за любовь Е. П. къ такому продолжительнымъ «вечномъ» ее прозвали («la princesse Nocturne» и «la princesse Minuit»²). Что касается Пушкина, то по признаниямъ кн. Вяземскаго—онъ, при вступлении своемъ въ свѣтъ, т. е. въ 1817 г., «былъ маленько привороженъ» княгиней, а въ декабрь того же года, какъ свидѣтельствуе Карамзинъ, юной поэтъ уже «смертельно влюбленъ въ Нию и теперь проводить у нея вечера; лжетъ отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви». Перенесла кн. П. А. Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ («Остафьевскій Архивъ», т. I даетъ возможность установить, что Пушкинъ бывалъ у кн. Голицыной и въ 1818 и 1819 гг., по тотъ же источникъ удостоверяетъ, что увлечение поэта княгиней, по крайней мѣрѣ къ концу 1818 г., а можетъ быть и раньше, уже миновало, о чемъ А. П. Тургеневъ въ свое время не могъ не сообщить: «жалъ»,—писалъ онъ 2-го декабря т. г. кн. Вяземскому,—«что Пушкинъ уже не влюбленъ въ нее, а то бы онъ пересталъ ее погостомъ въ политическомъ свѣтъ, который и для насъ былъ бы очарователенъ, особливо въ некоторомъ отдалении во времени». Увлечение поэта намъ представляется вполне понятнымъ. Поклонникъ красоты, Пушкинъ не могъ устоять передъ чарами не стареющей красоты кн. Голицыной: юной другъ Тургенева, кн. Вяземскаго, Жуковскаго, Карамзина, Батюшкова, М. Ф. Орлова, онъ, конечно, могъ поддаться обаянию женщины, увлекаемой людьми, которыхъ онъ бранилъ и которые открыли ему двери роскошнаго салона плывильной княгини, при первомъ его вступлении въ свѣтъ. Но могло-ли это продолжаться увлечение 18-лѣтняго Пушкина 37-лѣтней княгиней, если даже предположить, что это увлечение было и страстнымъ? Какъ бы ни любила Пушкинъ атмосферу салона кн. Голицыной, но именно

¹ Увлекала дружку, кн. П. не влюбала, ошало, и сама увлечени; говоритъ, что она была оченъ влюблена въ образованнаго и умнаго кн. М. П. Ботуршова убитъ въ 1808 г. при Плевнѣ салми; она также провела у мужа разило, но получила отъасть. Въо дѣствит, впрочемъ, княгиня отдала мужа дѣмъ, что въ свою очередь отдала ему въ разило, когда тотъ дѣлалъ женить на А. О. Росеттѣ.

² Говорятъ, что княгиня находилась подъ влияниемъ пресказаній какой-то дѣлани, претрѣвляя ей смерть ночью и будто бы въ страхъ передъ смертью княгиня не возмѣлъ спать по утра.

КНЯГИНЯ ЕВДОКІЯ ІВАНОВНА ГОЛІЦЫНА.

(Портретъ кисти Вилъе-Добрень, относящійся приблизительно къ 1801 г. Позднѣйшій портретъ приложень къ стр. 441).

184. КН. Г — ОЙ (ГОЛІЦЫНОЙ).

Посылаю ей оду Вольность.

Простой воспитанникъ природы
 Такъ я бывало восхвалялъ
 Мечту прекрасную Свободы
 И ею сладостно дышалъ
 Но васъ я вижу, вамъ внимаю
 И что же?... Слабый человекъ!...
 Свободу потерявъ навѣкъ
 Неволю сердцемъ обожаю.

А. П.

«съ медовымъ мѣсяцъ своего вступленія въ свѣтъ» (за даже и немного раише) его едва ли не сильнѣе влекла шная обстановка, о чѣмъ достаточно свѣдѣтельствуя и его произведенія, и факты изъ биографіи, и что неопровержимо доказываютъ многія мѣста изъ упомянутой переписки кн. Вяземскаго съ А. П. Тургеневымъ см. «Остафьевскій Архивъ», т. I, пар., стр. 119). Пушкинъ того времени, «эгоистъ обвиненный сорванецъ», котораго знали «только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ», эгоистъ «предстанный въ своей правдѣ истинѣ», и «полудночный будущиикъ», «спинализъ», «спрягая по бѣльварамъ», ведя «безудный образъ жизни», дѣлавшій его подчасъ «страдальцемъ чувственной любви». Правда, Пушкинъ — «повеса вѣчно-проданный», не очень-то склонный въ то время мѣнять «на лампаду Эпиктета златой Горациевъ фальшъ» и предпочитавшій «веселый ширь, гдѣ веселье предѣлатель», любить и «протѣшенныи разговоръ» и вообще умная бесѣда; но могла ли кн. Голицына надолго остаться для юнаго поэта собесѣдницей, «вишвалъ» которой онъ былъ бы въ то же время и близникомъ ея чаръ, «собожающимъ неволую», хотя бы только сердцемъ? «Она — благородная» — аттестовалъ ее А. П. Тургеневъ, но тутъ же прибавилъ: «и когда не на треножничь, а просто на стулѣ — умная женщина». «Она была не обыкновенной свѣтской барыней», писалъ кн. Вяземскій, «а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія»; друзья ея знали ее «Нилою» и это прозвище да нею утверждался; а Карамзинъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, находилъ, сверхъ того, что «отъ ея презубда шашель не огнемъ, а холотомъ». Княгиня была женщина образованная и, какъ увидимъ, не безъ покушеній на ученость; но если Пушкинъ и въ болѣе зрѣлые годы не могъ терпѣть «семинаристовъ въ желтой шаль и въ академикомъ въ чепцѣ», то въ описанное время увлеченіе «простотою воспитанника природы» «иноюю», хотя бы она была и въ образѣ очаровательной княгини А. П. Голицыной, по всякомъ случаѣ, едва ли могло быть протекательнымъ ¹⁾. Но этого мало; истиннослѣдную причину охлажденія поэта, намъ кажется, слѣдуетъ искать гораздо

1) Между прочимъ, кн. Вяземскій, хорошо помня, что Пушкинъ былъ «привороженъ» княгиней и даже не правдою того, что «не доуминилъ», наводилъ на мысль, какъ бы и мы могли быть «приворожены» княгиней, но не доуминилъ, и потому не замѣтилъ, что Пушкинъ имѣлъ свое личное нѣтъ повода.

глубже. Припомнимъ, что одной изъ главнѣйшыхъ темъ, трактованныхъ въ салонѣ кн. Голицыной, была политика. Но какова была политическая физиономія княгини? Извѣстно, что кн. Е. П. Голицына была въ то время, и осталась на всю жизнь, большою патриоткой въ томъ смыслѣ, что любила говорить о «nationalité», любила «духъ русскій» и словомъ и дѣломъ ревновала о его «сохраненіи». Рассказываютъ, напр., что вскорѣ по окончаніи Отечественной войны она появилась въ Москвѣ на базѣ Благороднаго Собранія въ сарафанѣ и кокошникѣ, одетаяюмъ лаврами... Впрочемъ, истиннй проявленія своего патриотизма она прострела еще далѣе: она составила предложеніе петербургскому дворянству ходатайствовать предъ императоромъ Александромъ I о воздруженіи на стѣнѣ московскаго Кремля знамени съ изображеніемъ креста въ память Отечественной войны. Между прочимъ, въ бумагахъ В. А. Жуковскаго сохранилось и ея «Мифіе», о включеніи въ русскій государственный гербъ изображеній знамени съ крестомъ ¹⁾. Во времени увлеченія ею Пушкина мы кстати застаемъ княгиню и яркой противницей автономіи Польши и конституціоннаго образа правленія вообще... Выяснить политическую «платформу» Пушкина того времени, когда имъ, между прочимъ, были написаны: «Къ Чаадаеву», «Деревня», «Вольность», и пр. — излнщій трудъ. Огмѣнимъ лишь, что княгинѣ Голицыной были извѣстны его статьи на вышювъ написанъ стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, но поэтъ былъ ея извѣстѣе еще болѣе, какъ «краевъ мужикъ неопытннй любитель и своего вселднншій обвинитель», каковымъ онъ имѣлъ честь представиться княгинѣ Е. П. въ посвященномъ ей маршлалѣ «Отечественноиъ я ненавидѣль», — писалъ Пушкинъ, но закончилъ «маршлалъ» такъ, какъ это и надлежало кончить:

Но я вчера Голицыну увидѣлъ,—
И припряталъ съ отечественноиъ мномъ.

Но поэтъ, вообще не любившій скрывать своихъ политическихъ взглядовъ, стѣлалъ еще болѣе открытешный шагъ: онъ послалъ ей оду «Вольность», не дабы, впрочемъ, пояснить специально для кн. Е. П., что хоть онъ и другъ свободы,

1) Изъ переписки Жуковскаго видно, что княгиня настоятельно добилась, чтобы ея Мифіе было представлено государю.

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

185. ОРЛОВЪ.

О ты, который сочетать,
 Съ душою пылкой, откровенной
 (Хоть и Руской Генералъ)
 Любезность, разумъ просвѣщенной;
 О ты, который, съ кажнымъ днемъ
 Вставая на военну мучу,
 Усталымъ усачать, вероломъ
 Преводоаешь Царей науку:
 Но не бездлавишь сторяча
 Свою воинственную руку
 Презрѣвшой палкой палача:
 Орловъ, ты правъ: я забываю
 Свои гусарскія мечты
 И съ Саломономъ восклицаю:
 «Мундиръ и сабля—суеты!»
 На Генерала Киселева
 Не положу своихъ надеждъ;
 Онъ очень мѣлъ, о томъ ни слова,
 Онъ врагъ коварства и небдѣды:
 За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
 Я радъ слыть его собесѣдомъ,
 Допоми слушать радъ его:
 Но онъ придворный: обещанья
 Ему не стоятъ ничего.

Смиривъ немирныя желанья,
 Безъ доломана, безъ усомъ,
 Сокроюсь съ тайною свободой,
 Съ цѣвницей, пѣтвой и природой
 Ночь съвилю дѣловскихъ дѣсовъ,
 Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
 Или въ травѣ густыхъ луговъ
 Или холма на значномъ сватѣ,
 Въ буарской шапкѣ и въ халатѣ,
 Я буду пѣть мою Боготу,
 И буду жить.—Когда жъ возстанеть
 Съ ора покол Богъ мечей
 И брани громкѣй вызовъ грянетъ,
 Тогда покину миръ полей:
 Питомецъ пламенной Беллоны,
 У трона вѣрный Гражданинъ!
 Орловъ, я стану подъ знамена
 Твоихъ воинственныхъ дружинъ!
 Въ шатрау, средъ свѣчи, средъ пожаровъ
 Съ мечемъ и широкъ боевой
 Рубиться буду предъ тобой
 И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819. нояб.

по въ ея присутствіи оны «все-же слабій чловѣкъ»: «свободу потерявъ наискъ, неволю сердцемъ обожаю» — заканчивается поэтъ свое послѣднее къ одѣ «Вольности». Если сопоставить съ этимъ его характеристичныя извѣщанія нѣсколько дѣтъ спустя, къ письмѣ къ А. П. Тургеневу, именно: — «constitutionnelle ou anti-constitutionnelle, mais toujours adorable comme la liberté», — станеть яснымъ, что, каковы бы ни были политическія воззрѣнія княгини, въ которыхъ оны, конечно, съ ней расходились, — какъ женщина она могла быть для него настолько же милою (adorable), какъ свобода (въ особенности въ періодъ ссылки). Отсюда же ясно, почему въ пріятельскомъ кружкѣ ее называли — и совершенно искренно — «милой кн. Авдотей Ивановной», «милой Nocturne», но не опускали при случаѣ и проницательскаго эпитета «constitutionnelle». Такъ называли ее и Пушкинъ, что видно изъ его писемъ къ А. П. Тургеневу изъ Одессы. «Благодарю Васъ за то» — писалъ поэтъ отъ 1-го дек. 1823 г. «что Вы успокоили меня на счетъ П. М. и К. А. Карамзинныхъ. Но что гдѣзетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, антиполская, небесная княгиня Голицына. Возможно-ли, чтобы я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ?»¹⁾ «Обищанію всѣмъ, я, не помню какъ», заключаетъ Пушкинъ свое письмо отъ 14-го июля слѣдующаго года. — «буду руку К. А. Карамзинной и княгини Голицынной constitutionnelle ou anti-constitutionnelle, mais toujours adorable comme la liberté».

На этомъ прощальномъ привѣтѣ обращается княгиня до насъ въ отрывкѣ дѣтскихъ отношеній Пушкина къ кн. Голицыной. Какъ видно, они были не очень продолжительны, но обаяніе княгини имѣло надъ поэтомъ силу: оны посѣщала ее домъ, вполнѣ до своего изгнанія и вспоминалъ ее не разъ въ дни ссылки. Однако въ эти отношенія, равно какъ и въ стихотворенія поэта, было вложено, по удачному выраженію кн. Валдемкаго, не столько страсти, сколько «воодушевленія»²⁾: Пушкинъ

Напоминанъ контекстѣ: «тѣмъ строкамъ прѣше суеты» — вѣброаніе въ дѣтскъ письмѣ, — какъ выражался самъ поэтъ, — его потрясаніе бывшъ удрученнаго демократа — Свобода свѣтлая, пушистая...

Въ сочиненіяхъ его Пушкина, — писалъ кн. Валдемка, — вѣброаніе стихи, на има ея на писанія, если не страстно, то вольно поуту писанію. Правда, къ тѣмъ же сочиненіямъ есть и обратная сторона медали...

воодушевлялся при взглядѣ на не старѣющую красоту всегда изящной кн. Е. П. Голицыной, наѣленной къ тому же добрымъ сердцемъ и искреннимъ чувствомъ. Нѣз своюхъ отношеній къ княгинѣ, какъ къ женщиѣ, поэтъ скоро исключилъ страсть, но оны не могъ и не хотѣлъ сдерживать ея въ выраженіи перетъ Е. П. своихъ политическыхъ взглядовъ и не щадилъ патриотизма княгини, внаправленіи котораго не симпатизировалъ³⁾. Быть можетъ, не безъ цѣли Пушкинъ, «своего всегдашній обвинитель», прерыводилъ княгинѣ-патриоткѣ и свою оду «Вольности». Княгиня должна была понять, что какъ бы у поэтъ ея Пушкинъ ни «обожалъ неволю сердцемъ», но перетъ ней былъ вѣведъ «прекрасной мечты Свободы», который «сладостно дышалъ» этой мечтой и ждалъ

... съ томасемъ упованья.

Минуты вольности святой.

Какъ жетъ любовникъ молодой

Минуты сладкаго свиданья...

1) Въ данномъ случаѣ ствади ошибаеца дакъ думаеца П. А. Ефремовъ кн. Валдемка: относъ именно къ кн. Голицыной слѣдующую замѣтку поэта по поводу появленія въ свѣтъ первахъ поэмъ томовъ «Исторіи Государства Россійскаго»: «Ничего не могу вообразить, гдѣ бы свѣтскыя сужденія, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ дѣла и слова Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, въ первоначальномъ текетѣ складывала мнѣ ая, при мнѣ открывъ вторую часть (Исторіи, прочла вслухъ: Владычиръ усыновилъ Светлоюдка, о дамако не любилъ ея... Однако? Зачѣмъ не по? Однако? Какъ это глупо? Чувствуете ли вы всю шесточность нашего Карамзина? Очевидно, — замѣчаетъ А. П. Машковъ, — княгиня въ качествѣ вѣдомой патриотки, считала долгомъ сущи по Карамзинѣ, какъ о писателѣ, по шипконси; по это не мѣшало ей посѣщать томъ исторіографа, и все тамъ очень любила, хотя и хорошо знала крайность ея сужденій. Любопытно, — прибавляетъ А. П. Машковъ, — что строгость ея приторора обѣ Исторіи государства Россійскаго-шесла даже родъ въ среду арзамасцевъ: между тѣмъ какъ влюбленнымъ въ Антонию Ивановну Пушкинъ посѣщался вѣншъ часть ея сужденіями о сочиненіи Карамзина, другой страстнѣй ея поклонникъ, тоже арзамасецъ, М. О. Орловъ, по словамъ нашего поэта, посѣлал Карамзину, дачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ оны какой нибудь благославенія шипотела о прошеказеніи слование...

2) Сочиненіи Пушкина. Къ Чаа тасву — (1818 г.), изъ котораго дѣлн дѣти строчки, было намечтано вольно поэтно, по его мнѣнн давать кн. Голицына если не непосредственно отъ поэта, то черезъ втория руки, такъ какъ оно было распространено въ свое время по множествѣ списковъ и пользовалось самой широкой цѣлбствіемъ.

186. ВЪ АЛЬБОМЪ М. А. ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезнай другъ,
 Кто страстью глупою не бодесть,
 Кому влюбиться не тосуетъ,
 Кто зацѣль вѣбъ и вѣбъ доводитъ:
 Кто Патшкку подь вечерокъ
 За гайшымъ ужинкомъ ласкаетъ,
 И жирнай Стразбургскій широкъ
 Виномъ душистымъ зашвааетъ:
 Кто, удаливъ заботы прочь,
 Какъ вбрывай сытъ Павосекон вбры,
 Проводитъ набожную ночь
 Съ млатой монашенкой Цитеры,
 Но утру сладко дремлетъ онъ,
 Читая листикъ *Питва, пидва*:
 Весь день веселью посвященъ,
 А въ ночь вновь царствуетъ Кирида!

И мы не такъ ли ни ветебъ,
 Щербининъ, рбвнай другъ забавы,
 Съ Амуромъ, шадостью, виномъ,
 Покамбеть молоды и зрива?
 Но дни млатые пролетять,
 Веселье, вбга насъ покинуть,
 Желаньямъ чувства павбнвять,
 Серца павохнуть и останауть,
 Тогда, безъ пбсень, безъ погругъ,
 Безъ наслаженій, безъ желаній,
 Найдемъ отраду, милай другъ,
 Въ туманномъ сибъ воспоминаній!
 Тогда, качая головой,
 Скажу тебѣ у двери гроба:
 «Ты помини Фанин, милай мой!»
 И тихо улыбнемся оба.

Как бы то ни было, кн. Е. П. Голлицына занимает по праву важное место в галерее женщин в выскобщечных поэмах¹⁾, и для нас поистине становится сбитованье Тургенева на то, что Пушкин раздобыл книжкою «согн» передать бы ее пометству въ поэтическомъ свѣтѣ, который и для насъ былъ бы очаровательнѣе, особенно въ некоторомъ отдаленіи во времени». Однако этого не случилось: поэтъ не оставилъ цѣлаго портрета кн. Голлицыной. Но въ стихотвореніяхъ его, свиданныхъ съ именемъ книжки, между старухъ этого свѣтскаго мадригала («Красвъ чужихъ неопытнѣе любитель») и послѣдней къ одѣ «Вольность», также сбитованіе на мадригалъ, просвѣчиваетъ, однако, черты «очаровательнѣе». Для биографіи Пушкина избежь большую цѣнность и этого мадригалъ: подаркомъ Л. Подиановъ далъ о немъ такой отзывъ: «Въ детскихъ стихахъ этого свѣтскаго мадригала, заключающаго выраженіе тѣхъ качествъ, каковыхъ искалъ въ обществѣ только что вступившій въ него Пушкинъ, дополняется нравственный идеалъ, который можемъ извлечь изъ стихотвореній юношеской эпохи поэта». Въ дополненіе къ этой дѣлѣтъ, съ своей стороны, напомнимъ, что къ портрету увлеченія Пушкина кн. Голлицыной относится и одно изъ лучшихъ по задушевности стихотвореній поэта, трагическая элегія Къ... «Не спрашивай, зачѣмъ умной умной...», въ которой звучитъ «столь же здорová и душевнаго настрѣнія»²⁾.

Кн. Е. П. Голлицына на 13 лѣтъ пережила поэта, почти не измѣнивъ своему прежнему образу жизни, занятіямъ и чувству патриотизма, какъ она его подчасъ весьма своеобразно понимала. Между прочимъ, съ пристрастіемъ къ русской исторіи, у ней обнаружилась склонность къ математикѣ въ связи съ метафизикой. Она вела знакомства съ многими математиками (напр., съ

акад. М. В. Остроградскимъ) и даже написала сочиненіе «De l'Analyse de la force», въ двухъ частяхъ, дважды переизданное³⁾. Философско-математическія занятія книжки продолжала и въ Парижѣ, гдѣ она жилаа подолгу къ своимъ послѣдніе годы. Между прочимъ, въ Парижѣ ее посылать, въ апрѣлѣ 1844 г., А. П. Тургенева: книжки въ то время только что вышла 2-мъ изд. 1-ю часть своего «De l'Analyse de la force». Вотъ какими чертами зарисовала сцену свиданія съ ней Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому (отъ 28 апрѣля 1844 г.): «Вчера забвала я къ книжки Авдѣи Иванови Голлицыной въ три часа. Она еще не вставала, но приняла: выслала съ двукучной рюмочку тройной святой воды, которую я выпилъ съ должнымъ чувствомъ; потомъ явилась и подали утренній чай. На столѣ нашель я нѣсколько экземпляровъ «De l'Analyse de la force, par m-me la princesse Eudoxie Goltzine, née Smaloff, Première partie du 1-er livre», съ эпиграфомъ русскимъ: «Ангель Господень ополчится окрестъ боиущихъ его и избавитъ ихъ». Paris, 1844, 42 страници. После предисловія начинается «Résumé des 1 et 2 conversations» въ разговорѣ съ m-r D., m-r O. и проч. и цѣлый вопросъ книжки Голлицыной: «Voudriez-vous, messieurs, me dire ce que l'on entend par une question absurde et г. д. Она не хотѣла давать мнѣ экземпляръ, но я унесъ и послалъ въ Москву. Совершенное сумасбродство»⁴⁾. Въ другомъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ своему другу о какомъ-то «Послѣдній къ парамъ», составленномъ книжкой. Вотъ что онъ пишетъ объ авторѣ этого «Послѣдній»: «Жаль ее и стыдно за русское имя. Теперь собирается она объявить войну

¹⁾ De l'Analyse de la force, 1-re partie, p. VIII (2XII) съ эпиграфомъ: Ангель Господень ополчится окрестъ боиущихъ его и избавитъ его», S. Plig., 1836; 2-me partie, S. Plig., 1837.

²⁾ Кстати замѣтимъ, что акад. Будниковскій, ознакомившись съ этимъ сочиненіемъ, нашель, что Голлицына — барыня умная, но въ сочиненіяхъ своихъ, къ сожалѣнію, не обнаруживаетъ ничего математическаго — Рус. Арх., 1891, кн. I, стр. 157—158. Впрочемъ, по отзыву друга нашего извѣстнаго математика и частаго гостя въ салонѣ Л. П. именно академикъ М. В. Остроградскій, кн. Голлицына въ этомъ трудѣ проявила такую собственно ей принадлежачи владѣть на вещи, которая не можетъ не показаться крайне похвалъ и имѣть въ странѣ нашихъ по глубокомысленнаго вѣдѣнью Пророка, — говоритъ книжки, — основана на силлахъ. Все въ приторѣ — живиль и сила, ничтожества илькъ.

¹⁾ Между прочимъ, имя Кн. Авдѣи стоитъ пятымъ именемъ въ такъ иль, только алфавитомъ списавъ по гла. книжкиномъ въ альбомѣ Л. П. Ушаковой.

²⁾ Она вышла на 27 го ноября 1817 г., т. е. на 3 года до того, какъ была написана мадригалъ книжки Л. П. Машковъ, послѣдъ къ Л. Подиановъ, сообщаясь ду. лично съ стухъ Кн. П.

³⁾ Въ послѣдній притомъ и я пишу добавочна и замѣтила, что объ означенныхъ письмахъ могутъ случиться свидѣнныя возраженія, противъ мнѣнью, несомнѣнно вѣка замѣтила, что ранава чл. тотость поэта была посвящена ранава.

187. ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенія,
 Гдѣ дьется твоя мнѣхъ невѣстный потокъ
 На дою счастья и забвенья!
 Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
 Роскошные шны, забавы, заблужденія
 На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу размышленія.

Я твой: люблю сей темный садъ
 Съ его прохладой и цвѣтами,
 Сей дубъ, уставленный душистыми скирдями,
 Гдѣ свѣтлыя ручьи въ кустарникахъ шумятъ,
 Вездѣ передо мной подвижныя картины:
 Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбака блѣдетъ иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты.

Вдаль разсыпанные хагы,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овныя пастухи и мѣлкія крылаты:
 Вездѣ слѣды довольства и труда,
 Здѣсь, отъ сумныхъ оковъ освобожденной,
 Уму въ птицѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непрощенной,
 Участью отвѣчать застѣчивой молбѣ

И не завидовать судьбѣ
 Злодѣя, пль глумца въ величїи неправомъ,
 Оракула въковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величаюмъ
 Слышите высь отградный гласъ;
 Огъ топить дѣви сошь урюманъ,
 Къ трудамъ роживеть зорь во мнѣ,
 И ваши творческія думы
 Въ душевной зрѣють глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:

Арно. Постараясь отклонить ее, поудастелди. Съ примѣсною сумасшествіемъ она и очень проста и удивляя все это съ очень добрымъ сердцемъ... Патриотизмъ кн. Голицыной, поодирываемый частыми бесѣдами съ такими же, какъ она, патриотами, на тема «о православіи и пародности»¹⁾, принять съ теченіемъ времени, еще болѣе «страшная форма». Такъ кн. Валемскій разсказываетъ, что въ 1840-хъ гд., когда мин. гос. имущ., гр. П. Д. Киселевъ прилагалъ заботы о развѣщеніи въ Россіи картофеля, то Голицына прескрипшила противъ него цѣлой похотью, считая это повеленіемъ послательствомъ на русскую національность... Кн. П. П. Голицынъ подозрываетъ кн. Е. П. и въ соизвѣстіи ея въ трудѣ нѣкоего «отчасти шарлатана и магнетизера» L. Hagedwald'a («De l'origine de la nation russe» S.-Pbrg., 1850). Безмолвнымъ памятникомъ патриотическаго воодушевленія княгини служатъ сохранившіяся доселѣ надписи на камнѣ, прикрывающемъ ея могилу на Лазаревскомъ кладбищѣ Ал.-Невской Лавры. «Прочу православныхъ русскихъ и пророковъ здѣсь помолиться за рабу Божію, кабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа Русскаго». Она скончалась 18-го января 1850 г. въ Петербургѣ. Время, какъ говоритъ старецъ, наконецъ, долго не подававшіеся его разрушительному вліянію красотоу княгини и сдѣлало ее «страшной старухой, замѣшанной вкусь къ изысканнымъ гуагетамъ, страстно ридиться въ яркіе цѣфта...

Ср. Соиненія Пушкина—изд. П. Академіи Наукъ т. I и II, А. С. Суворина, ред. П. А. Ефремова т. VIII, т. I на «Промѣщеніе», ред. П. О. Морозова т. I и II, Л. Подмакина т. I; Соиненія кн. П. А. Валемскаго т. VIII и IX, К. П. Батюшкова, ред. Л. Н. Машкова т. VIII; «Остафьевскій Архивъ кн. Валемскихъ», ред. В. П. Саитова т. I и IV; «Письма В. А. Жуковскаго къ А. П. Тургеневу», М., 1895; «Старина и Новина», кн. Л. Г. Гетманъ, «Старинный Словарь: Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій», изд. в. кн. Николая Ми-

халовича, т. II, Сибд., 1907; Кн. П. П. Голицынъ, «Библиограф. Словарь рус. писательницъ», Сибд., 1889; его же, «Матеріалы для полн. родосл. россики кн. Голицыныхъ», Киевъ, 1880; его же, «Родъ кн. Голицыныхъ», Сибд., 1892, т. I; «Рус. Арх.» 1878, кн. 3; 1891, кн. I; 1895, кн. 6; А. Е. Заринъ, «Указенія А. С. Пушкина женщинамъ», Сибд., 1901; «Москвитинскіе» 1843, № 12 отд. отвѣскі статьи: «Книга кн. А. М. Голицыной и вечерняя бесѣда ея въ Москвѣ», М., 1844; Книги адресовъ С.-Петербурга.

Ив. Кубасовъ.

185. ОРЛОВУ.

Напечатано въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сѣверная Звѣзда» 1829 г., подъ заглавіемъ: «Къ... отговтовавшему мнѣ вступити въ военную службу» и съ подписью: *Ан.*, съ значительными пропусками и искаженіями. Оттуда перечепчато Анненковымъ, II, 238; поправки и дополненія даны въ Библиографическихъ Запискахъ 1858, ст. 337—338, и Рус. Архивѣ 1876, № 10; въ полномъ видѣ, по автографу, напечатано П. А. Ефремовымъ въ Рус. Старинѣ 1880, т. XXVIII, 539.

Стихотвореніе было прислано Пушкинымъ А. П. Тургеневу при письмѣ отъ 9 июля 1819 г. къ Михайловскому: «Вотъ вамъ посланіе къ Орлову. Примите его въ вашъ отеческій карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и позарите оный экземпляръ пламенному шитому Беломы, у трона вѣрному гражданину».

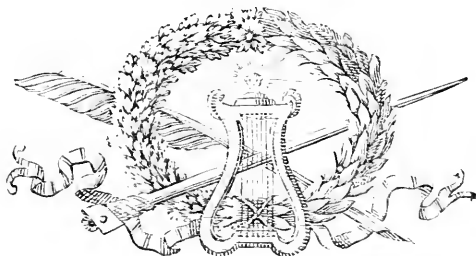
Александръ Федоровичъ Орловъ (1787—1862), младшій братъ арзамасскаго «Рейна»—Михаила Федоровича, и сынъ генераль-поручика Федора Григорьевича брата Екатериинскаго фаворита. Въ то время, когда написано было это посланіе, А. Ф. Орловъ былъ генераль-адъютантомъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ, съ 1805 г. до вѣдѣн Парижа. Воедствіемъ, въ званіи командира д.-т.в. конного полка, участвовалъ въ усмиреніи бунта 14 декабря 1825 г. и за это болѣе поделенъ въ графское достоинство. Послѣ русско-турецкой войны 1828—1829 гг. онъ былъ полномочнымъ министромъ при заключеніи Уришпольскаго трактата въ 1833 г. былъ напечатанъ послѣмъ въ Константинополь и

¹⁾ Ср. брошюру С. И. Шинкелъ: Книга кн. А. П. Голицыной и вечерняя бесѣда ея въ Москвѣ, М., 1844.

²⁾ Въ послѣдствіи тоны княгини онъ прокивалъ въ ея тоубѣ.

³⁾ Ср. Воспоминанія Олденда (В. Ленца) въ Рус. Арх. 1878, № 4. Впрочемъ, этотъ источникъ матонаваленъ.

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
 Другъ челоуѣчества печально замѣчать.
 Ведь неискательства губительный позоръ.
 Не вилъ слезъ, не виемля стога,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона.
 Присвоило себѣ насильственной дозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣльца:
 Склоняясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
 Неумолимаго властителя.
 Здѣсь тягостный яремъ до гроба все влекутъ:
 Надежду и склонностей въ души питать не смѣя.
 Здѣсь двѣ юная цвѣтутъ
 Для прихода развратнаго злодѣя:
 Очора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ.
 Изъ жизни родной идутъ собою множить
 Дворовая толпа измученныхъ рабовъ.
 О, если бѣ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
 Ночто въ груди моеи горитъ безплодный жаръ?
 И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
 Увижу ль я, друзья, народъ несчастной
 И рабство, падшее по маію царя,
 И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
 Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

главнокомандующимъ черноморскимъ флотомъ и всѣми десантными войсками, дабымъ исполнять рядъ дипломатическихъ порученій въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Съ 1837 г. онъ сопровождалъ императора Николая во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и за границей: въ 1844 г. былъ назначенъ шефомъ жанармоновъ, а въ 1856 г. возведенъ въ княжеское достоинство и сдѣланъ предѣвателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ (1788—1872) былъ тогда генералъ-майоромъ и состоялъ при императорѣ, исполняя различныя дипломатическія порученія. Семейство Киселевыхъ принадлежало къ высшему московскому кругу. Отецъ его, Дмитрій Павловичъ (1761—1820), главноприсутствующій въ мастерской Оружейной Палатѣ, женатый на Прасковьѣ Петровнѣ, рожд. княжнѣ Урусовой (1767—1841), имѣлъ большія связи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Онъ находился въ дружбѣ съ гр. Ф. В. Ростовичимъ и былъ знакомъ съ Дмитриевымъ, П. П. Тургеневымъ, Карамзинымъ и кн. Андр. Пав. Вяземскимъ. Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. Д. Киселеву видно, что въ молодости они были большими друзьями. Въ 1819 г. Киселевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи, квартировавшаго въ м. Тульчинѣ, Польской губ., гдѣ поэтъ его начальствомъ служили будущіе декабристы, — Пестель, кн. Волконскій, кн. Трубецкой и др. Тамъ же собрался и Пушкинъ: по Орлову убивши его, отказавшись отъ военной службы (см. статью «Отъ индей до семьи-ки» и «Періодъ зеленой лампы»), Виссарионъ П. Д. Киселевъ былъ возведенъ въ графское достоинство и сдѣланъ (1838) министромъ государственныхъ имуществъ, а въ 1856—1862 гг. былъ посломъ въ Парижѣ. О немъ см. обширное сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Деслявскаго: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», Спб., 1882.

186. ВЪ АЛЬБОМѢ ЩЕРБИНИНУ.

При жизни поэта стихотвореній ни разу не печаталось, хотя и было предназначено самимъ поэтомъ къ включенію въ изданіе 1826 года (см. Л. Майкова, Автографы Пушкина, принадлежавшіе графу П. П. Кашинову, С. Пб., 1896, стр. 4). Понявшему впервые въ Москвитинѣ (1841 г., м. П., № 4, стр. 320—321) о к. издаемъ. Въ альбомѣ

Мих. Андр. Щербинину», съ пропускомъ восьми стиховъ (9—12, 16, 19 и 22—23), оно въ томъ-же году и съ тѣми же пропусками было перепечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, 1841 г., стр. 139—140), а дабымъ у Анненкова: въ полномъ же видѣ напечатано было въ изданіи 1859 г., т. I, ст. 189—190). Въ автографѣ извѣстно по рукописи Московскаго Публичнаго Музея № 2364, л. 71 об.,—въ черномъ, съ многочисленными поправками, наброскѣ, по которому напечатано въ «Материалахъ» Л. П. Майкова (С. Пб., 1902, стр. 36—37).

О вариантахъ см. въ статьѣ о текстѣ. Анненковъ отнесъ это стихотвореніе къ 1818 году, — и поэтъ имъ оно печаталось во всѣхъ дальнѣйшихъ изданіяхъ (1859, 1870, 1880, 1882 и 1887 гг.). Въ статьѣ своей объ Я. П. Толстомъ («Русск. Стар.» 1899 г., № 9, стр. 594) мы высказали мнѣніе, что посланіе къ Щербинину должно быть относимо къ 1819 году. П. дѣйствительно, Глѣсь почти 1818 годъ Щербининъ былъ въ отсутствіи изъ Петербурга, тогда какъ 2) въ 1819 г. онъ большую половину года жилъ въ столицѣ; 3) о посланіи этомъ упоминаетъ, какъ о пошлѣ къ в.ряду съ посланіями Пушкина къ В. В. Энгельгарду и А. Ф. Орлову (несомѣнно относящимся къ 1819 г.) А. П. Тургеневъ въ письмѣ своемъ къ князю П. А. Вяземскому изъ Петербурга отъ 13 августа 1819 г. «Послалъ-ли я къ тебѣ посланія Пушкина Орлову, Энгельгарду и Щербинину? Убѣдимъ. Если нѣтъ: то пришло два первыя»—«Отъ. Арх.», т. I, стр. 288; 4) въ словахъ Посланія къ Пушкину Я. П. Толстого:

...вотъ проводишь уже вторая
Не дѣля съ вечера тоску,—
Я слышу, пишешь ты ко многимъ,
Ко мнѣ-же пошлешь широкъ...

находимъ указаніе, что поэтъ писалъ свои посланія къ друзьямъ членамъ Зеленой Лампы въ теченіе небольшого промежутка времени: 5) въ тетради Румян. Музея № 2364 черномъ посланія найдены рядомъ съ наброскомъ письма къ Крыжову, несомѣнно относящимся къ началу августа 1819 г.; 6) въ бумагахъ Пушкина, находящихся въ Академіи Наукъ, имѣется автографъ стихотворенія «Къ Каверину 1817 г., при чемъ пать дальнѣею написано: «Къ Щерб. 1819» «Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 3, статья В. П. Среземскаго: также помѣна: «1819» находится въ спискѣ

АЛЕКСАНДРЪ СКАРЛАТОВИЧЪ СТУРЗА.

188. РАЕВСКІЙ, МОЛОДЕНЕЦЪ ПРЕЖНІЙ.

189. (КЪ Ф. Ф. ЮРЬЕВУ).

(Занеска къ Жуковскому).
 Раевскій, *молоденецъ* прежній,
 А тамъ уже *отважный сынъ*,
 И Пушкинъ, школьникъ непридежный
 Наряскинъ дѣвственницъ-Богинь,
 Къ тебѣ, Жуковскій, забѣжали
 Но, къ неописанной печали,
 Поэта дома не павли — —
 И увѣчавшись кипарисомъ
 Съ французкой повестью *Борисомъ*
 Домой ушло побрели.
 Какой святой, какая сводня
 Сведеть Жуковского со мной?
 Скажи — не будешь-ли сегодня
 Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?
 На великій случай — ожидаю!
 Тронца прозвбю моей
 Тебя зоветь на чашку чаю
 Раевскій, слава нашихъ дней.

Здорово, Юрьевъ иманиникъ
 Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ
 Сегодня для тебя пустыниикъ
 Осушить пивнестый стаканъ.

Здорово и пр.

Здорово, рыцари лихіе
 Любви, Свободы и вина!
 Для насъ союзники младые
 Надежды лампа зажжена.

Здорово и пр.

Здорово, молодость и щастье,
 Застольный кубокъ и б.....
 Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
 Ведеть насъ пьяныхъ на постель!

Здорово и пр.

190. (НА А. С. СТУРДЪ).

Я вокругъ Стурзы хожу
 Вергуть библическаго
 Я на Стурзу глажу
 Монархическаго.

стихотворений, назначенныхъ для изданій 1826 г. (Л. Майковъ, Автографы Пушкина, принадлежащія графу П. П. Кашинскому, СПб. 1896, стр. 4; наконецъ, 7 по настроенію своему посланіе къ Щербинину необыкновеннымъ образомъ примыкаетъ къ циклу стихотворений, написанныхъ въ періодъ увлеченій поэта устами вольной, разгульной жизни въ кругу друзей, меною Жеденой Лампы.— Л. П. Майковъ въ своихъ «Материалахъ» стр. 36 и описъ посланіе къ 1819 году, поѣтъ которымъ оно вошло въ изданія Ефремова, Морозова и Академическое, В. Е. Якушкина (Л. П. примѣч., стр. 126) находить возможнымъ датировать посланіе еще болѣе точно, приурочивая его къ первой полковниѣ поѣты: по наблюденью замѣтить, что уже 9—10 числа этого мѣсяца поѣты уѣхалъ въ Михайловское.

Выраженіе стиха 10-го «Павловская вѣра» дало поводъ реценденту изданія Пушкина 1870 г. въ «Вѣстникѣ Европы» утверждать, по указанію В. Е. Якушкина (Л. П. примѣч., стр. 126), что этоѣ эпитетъ данъ цензурою, тогда какъ самъ поѣтъ сказалъ: «Какъ вѣрная сынъ масонской вѣры»; между тѣмъ и подлинная рукопись, и авторитетные списки даютъ именно эпитетъ «Павловскую». Независимо отъ этого, эпитетъ «масонскую» здѣсь былъ бы неумѣстенъ, ибо Павловъ (Павлово — городъ на островѣ Кипрѣ или въ Вифавѣ) былъ извѣстенъ рѣдкимъ по великолѣпнѣ храмомъ Венеры, почему и сама она поѣта называется Павліей. Сравн. у Пушкина въ стихотвореніи «Фаль Анакреона» 1816 г.:

Колы на поклоненье
Ушла я къ цркви Павловъ,
Вифавы мѣль, а вифавъ
Въ уборной у Венеры
Фаль Анакреона;

въ посланіи къ Катеринѣ 1817 г. поѣты надвываетъ Венерѣ «Павловской царичей».

Ст. 12 и: Монашеска Цитера жрица Венеры; на островѣ Кипрѣ Кипорѣ была также храмъ Афродиты, которая имѣла прозвище Кипоры, Кипоринъ.

Ст. 15—16 и:

Вѣкъ дѣтъ, весело посланецъ
А въ поѣтъ, вновь царствовать Киприта

сравн. со стихами въ посланіи къ А. П. Булфѣ 20 сентября 1824 г.:

Ты поѣты посланецъ
Иль ты царствовать скажешь

Биографія Михаила Андреевича Щербинина, къ которому обращено настоящее посланіе Пушкина, до сихъ поръ не выяснена съ достаточною обстоятельностью, почему и приходится ограничиваться лишь сообщеніемъ вѣстныхъ фактовъ его жизни. Дѣдъ его, кол. сов. Петръ Андреевичъ Щербининъ (ум. въ 1791 г.), женатый на богатой Харьковской помѣщицѣ княжнѣ Татьянѣ Крутицкой, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ Украинскимъ философомъ Г. С. Сковородою; это сшилъ отецъ Пушкинскаго пріятеля Андрей Петровичъ (род. въ 1760 г.) воспитывался поѣтъ наблюденьемъ извѣстнаго мистика и геркулера,—внѣдствіи профессора Московскаго Университета,—настаора Татанна Витанда «Русск. Стар.» 1892, № 6, стр. 549 и сл.; путешествовалъ съ нимъ за границу, потому сдѣлалъ въ военной службѣ, въ 1790-хъ г., вышелъ въ отставку полковникомъ, живалъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 28 февраля 1820 г. Онъ былъ очень богатый помѣщикъ (400 душъ крестьянъ Слободско-Украинской или въ Харьковской и Московско-туберній, по хозяйству былъ плохой и съ женою жилъ не въ ладахъ, такъ-что въ 1802 г. вѣднѣ его было отдано въ опеку. У него было три сына, изъ которыхъ Михаилъ Андреевичъ былъ младшимъ; онъ родился въ 1794 или 1795 г., въ 1811 г. былъ воспитаникомъ пансіона, учрежденнаго при недавно перестроенномъ Харьковскомъ университетѣ, обучался русскому, французскому и немецкому языкамъ и части математики (такъ значится въ его послужномъ спискѣ) и 28 февраля 1812 г. поступилъ колонновожатымъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части гдѣ служилъ братъ его Александръ, пріятель А. П. Михайловскаго, Дашкевича; понакъ сразу же на съемки въ Финляндію, Щербининъ въ августѣ 1812 г. былъ командированъ въ десантный корпусъ, съ которымъ принималъ участіе въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ при Десау и поѣтъ Семолетѣ, гдѣ былъ контуженъ вѣрмо въ плечо (за это онъ былъ награжденъ знакомъ отличія военного ордена); выдѣлившись отъ раны, онъ въ декабрѣ отправленъ былъ въ дѣствующую армию и состоялъ при начальствѣ Главнаго Штаба генералъ-адъютантъ князь Волконскомъ. Произведенный въ февралѣ 1813 г. за отличіе въ сраженіи, въ прашаньки, онъ участвовалъ въ дѣльныхъ битвахъ при

СЕМЕЙСТВО ВСЕВОЛОЖСКИХЪ.

Картина Дзарто, принадлежатая гетману П. А. Всеволожскому. Вперед на левой лошади Всеволодъ Дворецкій Всеволожскій; на сырой лошади, въ шпалькѣ, сѣдитъ его—прятель Пушкина Павликъ Всевои ованъ; за ними, въ аманьерѣ, Павелъ Борисовичъ Мансуровъ—тоже прятель Пушкина.

191. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ широкъ,
Батюшкинъ дитя свободы,
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаешь цѣну,
Безвѣдно дремать навзду
И въ жизни любить перемѣну,
Въ сей азиатской сторонѣ,
Насъ уврачуютъ, жизнь шурика!
Въ почтенной кичкѣ, шумуѣ,
Москва президла старушка,
Разнообразной и живой
Она правляетъ нестрогой,
Старинной роскошью, шрами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Певинной прозой и стихами,
Ты галъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмѣлье,
И скуку съ картами въ рукахъ,
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой:

По векорѣ, вѣрнѣй обожатель,
Забавъ и дѣвъ золотой,
Держася моего совѣта
И всюду всей душой любя,
Оставивъ кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя,
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Книжкѣ въ бокалѣ ошпиенномъ
Аи холодная струя:
Въ густомъ дымѣ дѣвннхъ грубокъ,
Въ халатахъ, новыя трубка
Шуметь и пьютъ: задорный кубокъ
Обходитъ ихъ бездумный кругъ,
И мнитъ въ радостяхъ токутъ:
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, выются предъ тобой:
Я слышу звонкіе павины,
Стоитъ цѣли, волли, дикій вой:
Нужь изступленная движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождасть трепеть упоенья...
Но внемони, милый: здѣсь она,
Тебя вчасно ожидая,
Вздыхаетъ павинца млаяя:
Весь, тень, уныла и томна.

Люцейбъ, Бауценъ и подл. Лейпцигомъ— за что получилъ чинъ подпоручика (4 октября 1813 г.), а отъ императора Австрійскаго—орденъ Леопольда 3 степени,—наконецъ, при Бриеннѣ и, 18 марта 1814 г., при занятіи Парижа. По окончаніи наступательныхъ дѣйствій Щербининъ 1 августа 1814 г. переведенъ былъ въ Гвардейскій Генеральшій Штабъ и съ конца марта 1815 г. находился при началѣ Главнаго Штаба. Въ Вилнѣ, во время бывающаго тамъ конгресса союзныхъ государей, и въ Парижѣ, со вступленіемъ во Францію русскихъ войскъ, двинувшись туда для дѣйствій противъ Наполеона, бѣжавшаго съ Эльбы, а съ сентября 1815 г. по июль 1816 г. состоялъ при 4 корпусѣ, послѣ чего отправленъ въ Персію, въ составъ посольства, посланнаго туда во главѣ съ А. П. Ермоловымъ (о посольствѣ этомъ см. «Русск. Стар.» 1877 г., т. XIX, стр. 258, 397, 400); отъ шаха Персидскаго Щербининъ получилъ орденъ Льва и Солнца 2-й степени съ алмазами. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ командированъ къ началнику Главнаго Штаба, при которомъ и находился во время «войскъ» императора Александра по Россіи и заграничій въ 1818 (съ февраля по конецъ декабря) и 1819 (съ конца июля) годахъ, будучи за это время произведенъ въ поручикъ 10 мая 1818) и штабъ-капитана (30 июля 1819). Въ это-то время, т.-е. съ января до июля 1819 г., и могъ Щербининъ, при посредствѣ своего сослуживца Я. П. Толстого, войти въ кружокъ членовъ Зеленой Лапы, познакомиться здѣсь съ Пушкинымъ и получить отъ него посланіе. Будучи командированъ въ канцелярію генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба, Щербининъ съ сентября 1819 по январь 1820 г. пробылъ въ отпуску, въ серединѣ октября 1820 г. былъ переведенъ въ д-тъ Московскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Малороссійскому Военному Генералъ-губернатору кнзю В. Г. Реншицу. 1-го января 1822 г. произведенъ былъ въ капитана, а 12 декабря 1823 г. получилъ чинъ полковника съ назначеніемъ въ Муromскій пѣхотный полкъ. Однако, уже 22 марта 1824 г. онъ уволился отъ службы «по домашнимъ обстоятельствамъ». Дальнѣйшая его біографія намъ неизвѣстна; знаемъ только, что вкорѣ по выхodu въ отставку онъ женился, что въ 1827 г. онъ былъ, въ томъ же чинѣ полковника, представителемъ Слободско-Украинской Гра-

жданской Палаты (въ Харьковѣ, гдѣ брать его, полковникъ Александръ представлялъ въ Уголовной Палатѣ) и что въ 1830 году онъ жилъ въ Харьковѣ-же; его имя намъ попалось, съ этимъ указаніемъ, въ числѣ подписчиковъ на собраніе сочиненій Д. П. Фонвизина (ч. IV, М. 1830, стр. 127). Самъ онъ, насколько намъ извѣстно, никакого причастія къ литературѣ не имѣлъ; никакихъ указаній на дальнѣйшія сношенія его съ Пушкинымъ также не имѣется. Б. Модзалевскій.

187. Д Е Р Е В Н Я.

Небольшой отрывокъ этого стихотворенія, въ искаженномъ видѣ, появился въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сиріусъ», 1826 г., какъ эпиграфъ къ адептѣ «Возвращеніе на родину»; въ томъ же году, въ собраніи стихотвореній Пушкина, были напечатаны первые 34 стиха подл. заглавіемъ: «Уединеніе». Полный же текстъ былъ помѣщенъ только въ Герценовской «Полной Звѣздѣ» 1856, кн. 2. Отсюда въ печатаніи въ Россіи изданій разноречиво дано было нѣсколько дополненій, и, наконецъ, въ полномъ видѣ, хотя все еще съ заглавіемъ: «Уединеніе», стихотвореніе вошло въ изд. 1870 г. Настоящее заглавіе было восстановлено лишь въ Ефремовскомъ изд. 1880 г.

Стихотвореніе написано въ Михайловскомъ, лѣтомъ 1819 г. А. П. Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 26 августа того же года, сообщая объ этой литературной новости, отзываясь, что въ ней «есть сильныя и прелестныя стихи, но и преувеличенія насчетъ некоего «хаметъ» (Остафьева кн. Архивъ, I, 296). Выше, въ статьѣ «Пушкинъ и Парижъ» указано одно изъ ишемъ французскаго поэта, въ которомъ отразилось аналогичное настроеніе. Здѣсь можно еще отмѣтить, что заключительная строка «Деревни» нѣсколько напоминаютъ одно мѣсто изъ стихотворенія кн. Вяземскаго «Вѣстеруль»:

Съ чела оратая сотрета ночь неволя,
Природы старшій сынъ, близкашій братьевъ
трупъ,
Слободно провететь въ поляхъ наследный
плугъ,
И свѣдѣлахъ ширь простору, пріютъ свободы
мирной,
Не буеть для него темнице обширной.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ часто повторалась среди «вольнлюбивыхъ патетикъ и мечтаній» переставшихъ предста-

Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачешь подь окномъ
Отъ трезныхъ аргусовъ украдкой,
И смотришь на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто шировали
Съ Кширидой, Вакухомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью усадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро-ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа востлѣтъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

1819, 27 ноября .

вителей Александровской эпохи. Однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ этой идеи былъ Н. П. Тургеневъ, и Пушкинъ, посѣщая его, по всей вѣроятности, не разъ бывалъ свидѣтелемъ и участникомъ бесѣды на эту тему. Воспѣвая «Вольность», поэтъ обратился къ Радищеву; а извѣстно, что книга Радищева, отъ первой страницы до послѣдней, представляетъ обвинительную рѣчь противъ крѣпостного права. Такимъ образомъ, Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи явился выразителемъ политической программы, уже вполнѣ опредѣлившейся въ умѣхъ лучшихъ его современниковъ,— программы, основными положеніями которой были: уничтоженіе рабства царскою властью и установленіе той же властью гражданской свободы, основанной на правосудіи. Этой программѣ Пушкинъ оставался вѣренъ всю свою жизнь.

«Деревню», вѣроятно послѣ ея написанія, стала распространяться въ спискахъ и получила, наряду съ другими незначительными сочиненіями Пушкина, широкую извѣстность. М. П. Жуковскій, въ своей статьѣ о Чаадаевѣ (Вѣстникъ Европы 1871, № 7, стр. 196) рассказываетъ, что императоръ Александръ Павловичъ, до котораго дошли слухи о какихъ-то неподозрѣваемыхъ произведеніяхъ Пушкина, пожелалъ познакомиться съ этими произведеніями и обратился къ кн. П. А. Вислицынскому, при которомъ дѣятеликомъ состоялъ Чаадаевъ. Послѣдній, исполняя желаніе своего начальника, выбралъ для представленія государю именно «Деревню», такъ какъ имѣлъ основаніе предполагать, что мысли, заключающіяся въ этомъ стихотвореніи, не могутъ выдавать, по крайней мѣрѣ, лживо, неподдельнаго. Чаадаевъ не ошибся: «Деревню» поправилъ государю, который сказалъ кн. Вислицынскому: «Faites remercier Pouchkine des bons sentimens que ses vers inspirent». Объ этихъ словахъ поэтъ вспоминалъ 17 лѣтъ спустя въ своемъ «Памятникѣ»:

И полно буду дѣль победить я народу,
Что чувства добрая я лирию пробуждалъ...

Эти слова, умѣренная «добрая чувстванность» выражались представителями русской общественной мысли. В. Е. Якушкинъ, академикъ, П. прим., 135 замѣчаетъ, что «Деревню» Пушкина «для цѣлаго ряда поколѣній оставалась, съ одной стороны, рѣзкою обвинительной картинной крѣпостного быта, съ другой — выраженіемъ дѣлѣнной надежды на уничтоженіе рабства». Въ упоминаемую

А. П. Милюкова о Достоевскомъ разсказывается, какъ на собраніяхъ у С. Ф. Дурова обсуждался вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одни ожидали движенія снизу, другіе вѣрили въ рѣшеніе сверху. Особенно настойчиво высказывалъ послѣднее Достоевскій. «Я помню, какъ однажды съ обычной своей энергіей онъ читалъ «Деревню». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ: «Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный» и пр. Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ детальнымъ путемъ, Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ». Далѣе г. Якушкинъ припоминаетъ, что 10 лѣтъ спустя, въ 1857 г., когда вопросъ объ освобожденіи былъ открыто поставленъ въ извѣстныхъ рескриптахъ Александра II, въ Москвѣ, на общѣхъ, которымъ русское общество праздновало благоую вѣсть, Погодинъ выразилъ общее настроеніе тѣми же заключительными строками «Деревни».

Въ «Русской Старинѣ» 1887, т. 53, стр. 237, указывается, что деревенскій пейзажъ въ началѣ стихотворенія списанъ съ натуры: Михайловская усадьба расположена къ сѣверу, на краю обрыва, внизу котораго находится озеро Дунапово, 150 десятинъ а, недалеко, на двадцѣ, другое озеро, Маленечье, десятинъ въ восемь. П. Морозовъ.

Въ статьѣ «Пушкинъ и Паринъ» (стр. 391), П. О. Морозовъ указалъ на отголоски поэзии Паринъ въ такой, казалось, чисто-русской шекъ, какъ «Деревню». Для этой параллели можно прибавить еще одну дѣль. Пушкинъ говоритъ о крѣпостномъ мужикѣ:

Склонясь на чужія нуты, поворотну бичамъ.

Откуда здѣсь взялся бичъ, который шекъ на русской барщинѣ не употреблялся? Но если задуматься въ то полудуростное, полустихотворное шекъ Паринъ къ Бергену, на которое указываетъ въ статьѣ «Пушкинъ и Паринъ», то мы увидимъ, что тамъ говорится не о «редкахъ», какъ неправильно перевелъ П. О. Морозовъ, а именно о «бичахъ» fouets.

Къ тексту «Деревни» мы еще вернемся, пока же скажемъ о стихѣ 5-мъ.

Въ изд. 1826 г. онъ читался:

Я — твою я промѣнять порешамъ ширь ширей.

Въ Герценевской «Полярной звѣздѣ» мѣсто ширей помѣнено царей и

192. ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Я знаю, Лизинька, мой другъ,
 Кому въ задумчивости сладкой
 Ты посвятила свой досугъ,
 Кому ты жертвуешь украдкой
 Огъ подозрительныхъ подругъ.
 Тебя страшитъ проказникъ милый,
 Очарователь лет кокрылый,
 И ладной важностью своей
 Тебѣ несносенъ Гимней,
 Ты молишься другому Богу,
 Своей покорствуя Судьбѣ:
 Восторги пылкіе къ тебѣ
 Нашли пустынную дорогу.
 Я понялъ слабый жаръ очей,
 Я понялъ изоръ полузакрывшій,
 И поблѣднвшія ланиты,
 И томность поступи твоей.
 Твой богъ не полною отрадой
 Своихъ поклонниковъ даритъ.
 Его таинственной наградой
 Младая скромность дорожить.
 Онъ любить сна воображенья,
 Онъ тернить на дверяхъ замокъ.

Онъ другъ стыдливый наслажденья,
 Онъ братъ любви, но отнюдь,
 Когда безсонницей унылой
 Во тѣмъ почтой томнишься ты,
 Онъ оживляетъ тайной силой
 Твои неясныя мечты,
 Вздыхаетъ вѣчно съ бѣдной Лидой
 И гонитъ тихую рукой
 И сны, влущенныя Киридой,
 И сладкій, двѣственный покой.
 Въ уединенномъ наслажденьи
 Ты мыслить обмануль Любовь,
 Напрасно!—въ самомъ уноеньи
 Томнишься и вздыхаешь вновь!
 Амуръ ужели не залязеть
 Въ не освещенный твой пріютъ?
 Твоя краса какъ роза вянетъ,
 Минуты юности бѣгутъ.
 Ужели мольба моя напрасна?
 Забудь преступныя мечты.
 Не вѣчно будешь ты прекрасна,
 Не для себя прекрасна ты.

193. (П. Б. МАНСУРОВУ.)

Мансуровъ, закадычный другъ,
 Натѣвъ вѣнокъ терновый,
 Вздохни—и рюмку выпей вдругъ
 За здравіе Крыловой.
 Позвѣрь, она вѣрна тебѣ...
 Какъ двѣстеница Ласси,
 Она покорствуешь Судьбѣ
 И Г-жѣ Казасси. —
 Но скоро щастливой рукой
 Набойку школы скинешь
 На бархатъ ляжетъ претью лобой
 И

начавая съ изд. 1870 г., это столь легко объясняемое цензурнымъ страхомъ чтеніе установилось. Приняли его и мы, не имѣя рѣшающихся оснований отвергать его. Однако, и для чтенія «Цирцей» намъ приходится на умъ нѣкоторыя основанія. Съ какой стати въ шестъ автобиографически-реалистическаго характера Пушкинъ вдругъ имель бы «дворъ царей», при которомъ онъ никогда не бывалъ? Забылъ въ тѣ годы, когда писалъ «Дереви», гнѣвъ и даже прямо мрачный русскій дворъ всего меньше могъ бы быть названъ «спорочнымъ». Прошли времена, когда, по картинному выраженію Ромашкина, Зимній дворецъ напоминалъ собою «случную конюшню». Какъ-бы ни относиться къ Александру I, по «спорочности» къ нему совершенно не идетъ. Наконецъ, мы знаемъ, что Александръ благосклонно отнесся къ «Дереви», гдѣ действительно царская власть является въ ореолѣ. Но важность-бы у Александра достаточно происходительности, если-бы онъ въ первыхъ-же строкахъ наткнулся на «спорочный дворъ царей». Чтеніе «спорочный дворъ царей» гораздо правдоподобнѣе. «Цирцей» — это разнородность тѣлухъ «еласта», «мопашенокъ Венеры», «прелестницъ» и т. д., которымъ Пушкинъ отдалъ пылъ молодости. *Ред.*

188. РАЕВСКІЙ, МОЛОДЕЦЪ ПРЕЖНІЙ.

Рукопись сохранилась въ бумагахъ Жуковскаго и находится въ Публичной Библиотекѣ. Молодецъ — Ник. Ник. Раевскій-младшій, которому Пушкинъ посвятилъ «Кавказскаго пѣвника». О немъ и семья Раевскихъ еще будетъ рѣчь. Раевскій-отецъ, знаменитый генералъ 12 года, бралъ въ бой своихъ сыновей, и Жуковскій говорилъ въ «Шахъ по станѣ Русскихъ воиновъ»:

Раевскій, слава нашихъ дней
Умалъ переть рязами
Онъ первый трупъ противъ мечей
Съ отважными сынами.

Подчеркнутыя слова пародируетъ Пушкинъ въ своей пѣснѣ.

Пѣснь. — Борисъ. — Boris, nouvelle par A. Saint-Hippolyte, P. 1819 — пошла къ Жуковскому послѣ 9 июля, и такъ какъ Пушкинъ жилъ лѣтомъ въ деревнѣ, то записка относится къ осени 1819 г. Ср. Академ. изд. т. II, примѣч. стр. 176—178.

189. ЮРЬЕВУ.

Въ автографѣ этого стихотворенія, принадлежащемъ нынѣ П. А. Ефремову и подаренному имъ отъ самого Юрьева, заглавія пѣтъ: оно дано въ изданіи Генштадт 1859 г. (т. I, стр. 213), въ которомъ напечатано впервые (въ не совѣмъ исправномъ видѣ), по сообщенію Юрьева; за тѣмъ пѣса переиздавалась въ изд. 1870 г. (т. I, стр. 210), 1880 г. (т. I, стр. 227—228), 1882 г. (т. I, стр. 495—496) Литер. Фонда (т. I, стр. 198) и изд. Морозова 1903 г. (т. I, стр. 239—240, съ необъясненной датой «Февраль»).

Въ «Матеріалахъ» Г. П. Майкова (стр. 29) и въ изд. Ефремова-Суворина (т. I, стр. 329) стояція въ подлинникѣ послѣ каждого куплета пѣсни слова «Здорово и проч.» раскрыты, и вмѣсто нихъ повторенъ 1-й куплетъ дѣлкомъ. По справедливому замѣчанію редактора Академическаго изданія (т. II, примѣч. стр. 92) такое раскрытіе словъ «и проч.» совершенно произвольно, такъ какъ они могутъ означать или повтореніе дѣлкомъ всякаго куплета, или повтореніе только первыхъ двухъ стиховъ всякаго куплета, или наконецъ, повтореніе вслѣдъ двухъ стиховъ перваго куплета (последнее, повидимому, вѣроятнѣе всего).

Дата пѣсны опредѣляется свидѣтельствомъ Юрьева, который помѣтилъ на автографѣ «1819 года. Сибурзь»: болѣе точно она устанавливается изъ сопоставленія съ временемъ перехода Юрьева въ действ. адъют.: сюда онъ переведенъ былъ 20-го сентября 1819 г., — слѣдовательно, стихотвореніе должно быть относимо къ послѣдней четверти 1819 года (т. Вѣ 4-мъ стихѣ 2-го куплета Пушкинъ упоминаетъ «Надежды Лампу»: это приводитъ на предположеніе, что празднованіе именинъ Юрьева и перевода его въ гвардію происходили въ «засѣданіи» общества «Зеленой Лампы», за которымъ членами его и могла быть исполнена эта пѣсня на какой-нибудь общезнакомый тогда мотивъ. О Юрьевѣ см. въ примѣчаніи къ посланію Пушкина къ Юрьеву 1818 года.

Б. Модзалевскій.

1) См. нашу замѣтку. О Ф. Юрьевѣ и посланіе къ нему Пушкина 1819 г. — въ ж. Пушкинъ и его современники, изд. III, Сиб. 1905, стр. 92—93, и Академ. изд. т. II, примѣч. стр. 93.

ЯКОВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

194. СТАНСЫ ТОЛСТОМУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни.
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ младымъ укоризны.
 Ты милая забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣняль,
 И на лампаду Эвдикета
 Златый Горациевъ фіалъ.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
 Пора унылыхъ сожалѣній,
 Холодной истины заботъ
 И безполезныхъ размашеній.
 Зевешь, бадя смертныхъ чадь,
 Вебъмъ возрастамъ даешь игрушки:
 Надъ сѣдинами не гремятъ
 Безумства рѣзвыя гремяшки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
 Зови же сладкое безѣлье,
 И легкокрылую любовь,
 И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденья пей,
 Живи беззащитъ, равнодушень!
 Мгновенно жизни будь послушень,
 Будь молодъ въ юности твоей!

190. (НА А. С. СТУРДЗУ).

Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ въ 1874 г. 123. «Трудно сказать, — говоритъ В. Е. Якушкинъ (акад. изд. соч. Пушкин. П. прим., 97). — симфемъ ли мы дѣлимъ метархестроичную синграмму, или это лишь начало болѣе длиннаго стихотворенія». Стихъ Пушкина является подражаніемъ извѣстной пѣсни: «Я вокругъ бочки хожу, вокругъ дубовенція», а пѣсня эта довольно длинная.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза 1791—1854 — сынъ молдавскаго вельможа, впоследствии правителя Бессарабіи, Скарлата Дмитриевича Стурдзы и княжны Суляны, рожд. Мурузи. Получивъ основательное домашнее образованіе, онъ въ 1809 г. поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ гр. Кандинскаго, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, съ 1818 г., по приглашенію кн. А. П. Голицына, Стурдза принималъ участіе въ трудяхъ Главнаго Правленія Училищъ, занимаясь составленіемъ инструкцій, проектовъ и мѣръ, касавшихся народнаго просвѣщенія, и просмотромъ учебниковъ. Въ печати онъ выступилъ еще въ 1810 г. и вскоре приобрѣлъ извѣстность богословскими, философскими и публицистическими сочиненіями на французскомъ языкѣ, а впоследствии — статьями историческаго и автобиографическаго содержанія, печатавшимися преимущественно въ Москвитинѣ и вѣ. Онъ былъ знакомъ почти со всеми выдающимися литераторами своего времени — съ Озюнинымъ, Губичевымъ, Жуковскимъ, Дмитриевымъ, Карамзинымъ и гр. Паскевичемъ, впрочемъ, относился къ его административной и литературной дѣятельности прохладски и называлъ его сочиненія «мистическою исторіологіею». По своимъ религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ Стурдза былъ крайнимъ реакционеромъ и строгимъ башенникомъ православія. См. подробности Остафьевъ и Селинъ Архивъ, I, 498.

191. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Нѣсколько черновыхъ стиховъ этого посланія сохранилось въ находящейся въ московскомъ Румицевскомъ музее тетради № 2364 г. 64, а полный автографъ, принадлежащій О. Ф. Юрьеву, хранится у П. А. Ефремова; онъ носитъ помѣту:

«1819—27 нояб.». Въ Петербургскомъ спискѣ стихотвореній, предназначенныхъ для изданія 1826 г., посланіе значится подъ 1819 г. («Периодика П.», ред. В. П. Саитова, I, 295). Напечатано оно было впервые въ изданіи 1826 г., стр. 141—144; затѣмъ появилось въ изданіи 1829 г., ч. I, стр. 69—72. Е. П. Якушкинъ напечаталъ его по бывшему въ его рукахъ списку въ «Библиограф. Запискахъ» 1858 г., № 11, стр. 339; а П. А. Ефремовъ издалъ посланіе по Юрьевскому автографу въ «Рус. Старинѣ» 1880 г., январь, 191—193. По вопросу о томъ, какъ печатать শেষ — по автографу ли, по изданію ли 1829 г. или въ сѣбѣ редакціи, составленной изъ автографа и изданія 1829 г., какъ это сдѣлалъ во П. томѣ академическаго изданія В. Е. Якушкинъ, существуетъ разногласіе. Считаю, что измѣненія редакціи 1829 г. (въ общемъ, очень незначительныя) вызваны исключительно цензурными соображеніями, настоящее изданіе держится текста академич. изданія (ср. статью о текстѣ).

Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, извѣстный въ 20-хъ годахъ представитель jeunesse dorée, страстный театралъ, балетоманъ, былъ однимъ изъ основателей кружка «Зеленой Лампы», къ которому принадлежали братья П. В. Всеволожскаго — Александръ, Д. П. Барковъ, М. А. Щербининъ, О. Ф. Юрьевъ, В. В. Энгельгартъ, П. П. Каверинъ, А. П. Якубовичъ, П. Б. Мансуровъ, Я. П. Толстой; «лампаствомъ» былъ и Пушкинъ. Подробнѣе о «Зеленой Лампѣ» см. въ ст. «Отъ Инда до сымаи», «Периодъ Зеленой Лампы» и въ примѣчаніяхъ къ «Славамъ» Я. П. Толстому 1819 г., и посланію къ нему же, 1822 г. Посланіе къ Всеволожскому отражаетъ тогдашее веселое до самозабвенія настроеніе «блѣднущаго Пушкина», какъ называлъ его А. П. Гурьевъ; оно очень богато и песторично для характеристики пушкинской молодости. Все оно пронизано свѣтлымъ, «пушкинскимъ» мироощущеніемъ; въ немъ различнаго влюбленности въ жизнь, со всѣми ея мелочами, легкой, беззаботной юморъ. Какъ въ посланіи къ Энгельгарту (см. выше) Пушкинъ бранитъ Петербургскій свѣтъ, такъ дѣясь онъ весело потруниваетъ пать старушкой Москвою, съ ея характеристичными особенностями. Приблизительно также Пушкинъ характеризуетъ Москву въ «Онѣгинѣ», гдѣ называетъ ее «армаркой невѣсты»; когдѣ Евгений прибѣгаетъ въ первопрестольную столицу, Москва «слѣгаетъ въ честь его стихи и

Д У Б О Ч Н А Я К А Р Т И Н А 1890-91 г.

195. Р У С С К И Е .

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
 Спасался некогда монахъ,
 Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
 Въ постъ, молитвъ и трудахъ,
 Уже доплаткою смиренной
 Себѣ могучъ старецъ рылъ,
 И лишь о смерти возжелавши
 Святыхъ угодиловъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
 Пошкшею жизни своей
 Анахоретъ молился Богу,
 Дубрава дѣлалась черной:
 Туманъ надъ озеромъ дымился,
 И красный мѣсяцъ въ облакахъ
 Тихонько по небу катился,
 На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядѣть, невольно страха полныи:
 Не можетъ самъ себя повѣять...
 И вѣнцы закипали волны,
 И присмирѣли вдругъ оныя...
 И вдругъ... легка, какъ тѣнь почталъ,
 Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
 Выходить женщина нагая,
 И молча съѣла у бреговъ.

производить въ женихи». Въ характеристикѣ большого свѣта—бездѣлье, жеманство, глупость, скука—Пушкинъ, никогда не любившій свѣтскихъ гостинныхъ, вбрызгиваетъ себѣ. Зато—сколько яркости и силы въ описаніи «безумнаго круга», сколько знанія «псевдо-мной науки счастья!» («Младая вѣщица», вброшено, Овоиникова, воспитанница театральнаго училища, находившагося на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ дома Всеволожскаго, на Екатерингофскомъ проспектѣ (дѣланы въ Финляндскій статсъ-секретариатъ).

Личныя отношенія между Пушкинымъ и Н. В. Всеволожскимъ были близки и теплы. Эту комнату и камеръ-юнкеръ (Всеволожскій числился на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) были вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ образованный и умѣлъ быть серьезнымъ. Въ «Зеленой Лампѣ» не только «спузили и пили», «Протоколы» и «бумаги» этого общества, видныя когда-то у М. П. Семевского Н. А. Ефремовымъ («Сочиненія» И., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905 г., стр. 135), сохранили извѣстіе о литературныхъ занятіяхъ «ламинтовъ»: однажды «были читаны обширные очерки самого Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные не по Карамзину, а по собственнымъ». Это не мѣшало ему быть большимъ любителемъ картъ: «Всеволожскій N игралъ умѣлъ стоиломъ! деньги сыплются!» писалъ Пушкинъ въ 1819 г. Мансурову. Пушкинъ, который самъ былъ страстный игрокъ, однажды проигралъ Всеволожскому тетрадь своихъ стихотвореній. «Въ 1820 г.» писалъ онъ князю Вяземскому «перенесалъ я свое право и намеренъ былъ издать его по попискѣ, напечатать билеты и раздать около сорока. Я проигралъ потому рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (раздѣлется съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину; мой корабль пошелъ по рукамъ, и понышъ правоборные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись... Издать свои стихи Пушкинъ собирался еще въ 1819 г. 12 ноября 1819 г. А. П. Тургеневъ сообщалъ князю Н. А. Вяземскому: «бывающійся Пушкинъ печатаетъ уже свои мелочи, какъ извѣстныя менѣ книгопродавцу». Этого мелочи, должно быть, Пушкинъ и проигралъ восторгу Всеволожскому, несмотря на розданные пописные билеты. Судьба проигранной тетради бедоколы Пушкина, 27 июня 1821 г. онъ писалъ изъ Киншима брату:

«постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой счетъ число экземплярновъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданные моими друзьями—экземплярновъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ мнѣ, что я помню вечера его, любовью его, Овоиникову его, Лампу его—и все, елико друга моего». Всеволожскій самъ долгое время не могъ приступить къ изданію сборника и хотѣлъ продать его князю А. Я. Лобанову-Ростовскому. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ просилъ брата: «явился отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому и скажи ему, чтобы онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же онъ продастъ, явился съ той же просьбой къ книгопродавцу, Всеволожскій своего права, однако, никому не переуступилъ. Прошло еще два года, и Пушкинъ опять сталъ просить Всеволожскаго возвратитъ ему купленное право, о чемъ писалъ въ 1824 г. изъ Одессы А. А. Бестужеву и самому «Аристинну Всеволожичу», которому напомнилъ о проведенныхъ вмѣстѣ веселыхъ часахъ, о «скупныхъ страстяхъ», объ Овоиниковой. Рукопись была возвращена лишь въ слѣдующемъ году, когда Пушкинъ былъ уже въ Михайловскомъ. «Всеволожскій со мною шутить!»—писалъ онъ брату:—«я долженъ ему 1000, а не 500; переговоры съ нимъ и благодарны очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хохъ и женится». Имя Всеволожскаго, котораго поэтъ называлъ «лучшимъ изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости», мы встречаемъ у Пушкина еще только въ программѣ «Русскаго Пелама», 1835 г.: въ обществѣ, въ которомъ вращается герой задуманнаго поэтомъ романа, фигурируютъ Всеволожскій и Овоиникова. Все, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Пушкина къ этому умному и привлекательному человѣку говоритъ, что Всеволожскій не принадлежалъ къ числу тѣхъ «друзей прѣрванныхъ», «предательскій привѣтъ» которыхъ поэтъ съ тоскою вспоминалъ въ мемуарныхъ, безсонныя ночи («Воспоминанія», 1828 г.).

«Валоканшій шилъ» (2-ой ст. въ послѣднѣй къ Всеволожскому упоминается грамматическая несогласованность въ рѣчи опредѣлителя слова и опредѣляющаго два стиха изъ оны Державина «На рожденіе въ свѣтъ порфиророшата орюка»:

Ороча порфиророш
Въ царствѣ смирномъ рождеться...

Н. Лернеръ.

Елзидь на старого монаха
 И чесеть влажные власы.
 Святой монах дрожить со страха
 И смотрит на ея красы.
 Она машет его рукою,
 Кивает быстро головою...
 И вдруг падучею звядою
 Ночь сонной скрылася волною.
 Все ночь не спать старик угрюмой
 И не молится цѣлый день;
 Передь собой съ невольной думой
 Все видѣть чудной дѣвы дѣнь.
 Дубравы вновь одѣлись тмою:
 Пошла по облакамъ дѣва,
 И снова дѣва надъ водою
 Сидитъ, прелестьна и блѣдна.

Елзидь, киваетъ головою,
 Цѣдуетъ издали шутомъ,
 Играетъ, плещется волною,
 Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
 Доветъ монаха, ибно стонеть...
 «Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонеть;
 И все въ глубокой тишинѣ.
 На третій день отшельникъ страстной
 Близъ очарованныхъ береговъ
 Сидѣть и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А тѣнь лежала средь дубровъ...
 Заря прогнала тму ночную:
 Монаха не нашли нигдѣ,
 И только бороду сбѣду
 Мальчишки видѣли въ волѣ.

196. Д О М О В О М У .

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, дѣвъ и дикій савикъ мой
 И скромную семью моею обитель!
 Да не вредятъ полямъ опасный мгла дождей
 И вѣтра познго осеннея набѣги:
 Да въ пору благотворныя сѣбги
 Покроютъ влажный тукъ полей!
 Останся тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
 Постигни робостью полуночнаго вора
 И отъ недружескаго взора
 Счастливый домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
 Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
 И сей укромный огородъ
 Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скатъ холмовъ,
 Луга, измятые моею бродящей дѣвкою,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенно.

ПЕРИОДЪ «ЗЕЛЕННОЙ ДАМНЫ».

Фантастический, возбуждающий подвигъ большой нравственной дамы, облучающей своими зелено-золотыми лучами разгоряченную, чувственную лица молодухъ героинь кутежа съ пухъ водомочительницами-вахханками, «саоосскими жрицами», «вѣтрениами Лансами»: звонъ чайсъ и безуміе оргіи, переходящей въ «саоискія» процессіи и распутныя игры, — такова сберезженная пугливымъ и негодующимъ представіемъ обстановка, въ которую по стодустой модѣ страстный темпераментъ вовлекъ Пушкина съ первыхъ шаговъ его вступленія въ жизнь. Сколько бы ни возставали факты противъ разумности этихъ призрачныхъ картинъ и противъ огульныхъ притворныхъ надъ помыслами и влеченіями, единственно одианными будто бы чувственному удалству, какъ бы ни спорила неприкрашенная Wahrheit съ богатой мрачнотами эффектами Dichtung, требуя пересмотра и провѣрки, прелеще не уступать. Съ нимъ нужно вѣдаться, и въ преддверіи боевой поэзіи, оппозиціоннахъ манифестаціи, сыски и страданій все еще таинственно лжетъ свѣтъ пресловутой Зеленой Дамны...

Обожженный отъ него или выведенный на дневной свѣтъ прилозь къ общественной и литературной жизни Пушкина получаетъ совершенно инныя очертанія, и, основанная на точныхъ данныхъ и на показаніяхъ современниковъ, они не шлошь, рѣдко и диаметрально противоположно, отрицательной оубки наблюдательное обленіе, но распрѣвляюць свѣтъ и глнцъ, и не прерываюць эволюціоннаго хода жизни отъ какомъ-то чуть не правительственномъ патеннѣ.

Конь, подвѣ двинно отыла въ Михайловскомъ въ іюль и августѣ 1817 года, необыкновенно плвннанаго его, слошь заключашую вклерти, вяли отъ жизни, «монастыркъ», сѣвкими тонами переченской природы и простоты, явлелся въ Петербургъ къ мѣсту своего служенія, незавнишищеня и совершалъ первые свои дебюты въ сѣвковыхъ и пестельныхъ кругахъ, въ бадильннхъ пѣсняхъ скорахъ и легкихъ душоховкъ, павши на соблазна отрочества,

вольнородства, эффектной порошности, неблестящій, не по годамъ развившіея виртуозъ красиваго, скользящаго по поверхности, стиха или звунаго іфеновнрія вступать въ его лири въ обычный составъ общественныхъ словесъ, считавшихъ себя интеллигентными. Въ велиащемъ прошломъ у него еще могли слышаться отголоски старозавѣтныхъ убвжденій его сословной среды, и будущій іфвещъ вольности могъ въ 1815 г. написать по желанію министра оду на возвращеніе Александра, а въ 1816 по желанію Карамзина, — стихотворное прикѣтствіе принцу Оранскому по случаю его свадьбы. Но циническое пробужденіе, совершавшееся въ немъ, вскорѣ оставило далеко за собой торжественную рутину, увлекая его впередъ, къ идеямъ высшаго порядка. Сѣвкн были также въ памяти липейской братніи и столичныхъ любителей игриваго остроумія и легкой поэзіи ходившихъ по рукамъ бойкіи энграммы, свободныя отъ серьезной политической мысли, и анакреонтической пахости молодого стихотворца, но передъ нимъ уже раскрыалось иное призваніе, имъ овладѣвали инныя влеченія. Въ созданіе дамы незавнишищелательнаго рѣчи Куницына, этого влюбивнтеля липейской молодежи, заслужившаго восторженныи отзывъ поэта:

Онъ создалъ насъ, онъ воспѣвалъ нашъ пламень.
Встанешь изъ краугольннхъ камней.
Ншь чистая дамада возлечеиъ

среди бедаконія и прощлова проповѣданнаго «Естественное право» и въ недалекомъ будущемъ погравнанаго за свою независимость, Царекосельская обстановка шла, въѣ ученья, не отнѣ только студенческой шашости, почная деланаца и ирукки, смѣшившіеся болѣе уточненнми энкуррейтомамъ, которое шлоло съ собой знакометво съ дѣнь-гусарскимъ кутицимъ мѣркомъ. И не къ такимъ только несемнмъ импровизаціямъ, какъ пушкинская «Молитва дѣнь-гусаровъ» съ медлнкоуимн въ ней суднами всего подготоваго персонала, привоцило первое соприкосновение поэта съ военною срепою. Еще въ 1816 году, у Карамзина въ Царскомъ Сѣлѣ, встрѣ-

197. НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сия небесная черта?

Ты, гений!... Но любви страдаешь
Его сразили. Взорь ибной
Верьшь оиъ на свое создание,
И гаснеть пламенной душой.

198. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художник-варваръ кистью соной
Картины гения чертить
И свой рисунокъ безакононой
Надъ ней безсмысленно чертить.

Но краски чуждая, съ лътами,
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созанье гения предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаю въ заблужденя
Съ измученной души моеи,
И возникаютъ въ ней витьвья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

вился онъ съ тѣмъ «Брутумъ или Периклесомъ», который «волею царской воли просто офицеръ гусарскій», и подальше его обаяно, Задумчивый, строго серьезный, съ московскимъ университетскимъ образованиемъ, широкой начитанностью, опредѣленными общественными зарисовками и яркимъ пониманіемъ надвигавшейся реакціи, Чаадаевъ, можно сказать, принявъ на себя послѣ Кушницына духовное руководство Пушкинымъ, Гусарская «Молитва» просила объ избавленіи товарищей отъ «Чаадаева торгостига»: но эта искусно переведенная офицерская подстаповка не подождающая слова въслѣдъ сосредоточенности, вдумчивой замкнутости къ себѣ, непослуживая побуженію къ сближенію. И тогда личность, превратившійся въ асирянца дипломата, котораго строгій и нравственно требовательный Чаадаевъ, послѣ своего служебнаго перехода въ Петербургъ все тѣмъе приближалъ къ себѣ, бѣдѣ съ нимъ помыслами, конечно, не казался ему зауряднымъ, плывущимъ по теченію, предстателемъ столичной золотой молодежи.

Впечатлѣніе, произведенное Пушкинымъ при вступленіи въ общую жизнь на друго-то столь же надежнаго и развитого наблюдателя, сводилось къ такому же благоприятному выводу, быстро сближившійся и затѣмъ подружившійся съ нимъ Кривоногъ, много думавшій, испытывавшій во время долгаго житія въ Европѣ и знакомства съ выдающимися дѣятелями современности сильное культурное вліяніе, встрѣтивъ Пушкина въ 1817 году у Тургеневыхъ, нашелъ его «rempli d'esprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment». Но въѣвъ этотъ одвакъ, впадѣвъ совпадетъ съ тою одвѣкой блестящей, хотя еще не проявившейся впадѣвъ, талантности Грибоѣдова, которую Пушкинъ впоследствии, по воспоминаніямъ ранней молодости, сдѣлалъ въ задумчивыхъ страницахъ, посвященныхъ драматически погибшему товарищу въ «Путешествіи въ Арзерумъ». Это сходство одвѣнокъ какъ-бы уравниваетъ легкомысленнаго, казалося, и бездною увлекающагося спинозиорда-новича съ тѣмъ «необыкновеннымъ человекомъ», въ которомъ нѣтъ ободочкой «меланхолическаго характера и «одобреннаго ума» скрывалось «способнои челоѣка госуарсквеннаго» и великій талантъ поэта. Обидѣвъ нѣмалъ друженъ ранниоу періоу жизни Пушкина тогда не мало напоминаетъ непонужно требовательную въ нравственномъ и ум-

ственномъ отношеніи личность будущаго автора «Горя отъ ума», который способенъ былъ преклониться передъ удѣльнымъ и чистымъ, но неповиннымъ ни въ какихъ писательскихъ дѣяніяхъ Бѣгичевымъ, помогшимъ ему незадолго передъ тѣмъ вырваться изъ кавалерійскаго оумда. Близость Пушкина съ Грибоѣдовымъ, вступившимъ въ иностранную коллегію почти одновременно съ нимъ (9 июля 1817 года), продолжалась до отъѣзда Грибоѣдова годъ спустя въ Персію и совпадающая, стало быть, съ наиболее неустойчивой, переходной порой въ пушкинской жизни, даетъ существенную опору для пониманія его дѣйствительнаго настроенія и уровня въ тѣ дни.

Къ Периклесу-Чаадаеву, къ ославленному тогда «вольнодумцемъ и безбожникомъ» Кривоногу, къ строгому и сатирически-насмѣшливому Грибоѣдову присоединяется еще культурно-дѣльная тургеневская семья, нѣтъ эгидой которой Пушкинъ могъ всего легче сближаться съ представителями новаго общественного теченія. Проницательный, таинный нѣтъ исполнительной департаментской вѣщностью большую отзывчивость на судьбы общества и литературы, Александръ Тургеневъ очень сближался съ Пушкинымъ. Оказалъ дозрѣваю долю вліянія и полный энергіи, беззаботно, до настоящей маніи, преданной освободительной идее, бывшій сотрудникъ Шлегеля Николай Ивановичъ Тургеневъ, съ готовымъ уже вчерпъ знаменательнымъ его «Опытномъ теоріи налоговъ», направленнымъ противъ твердыни крѣпостничества, съ планомъ большого сочиненія о судь присланныхъ съ сильными впечатлѣніями воспитавшей его германской университетской науки, съ дарованиями публициста, которая такъ свѣдѣется даже въ интимной, всегда идейной, его перепискѣ и, конечно, еще болѣе сказывалась въ увлекающагося безбѣду. Когда впоследствии (въ 1823 г.) Пушкинъ въ письмѣ къ Кривоногу, увлекшемуся въ Англію, вспоминать о бывшемъ встрѣчавъ у Тургеневыхъ, прося своего корреспондента «не забывать о демократическихъ друзьяхъ 1818 года», этого возвращенія къ свѣдѣлому прошлому придаетъ роду тургеневскаго кружка въ жизни Пушкина характеристическое значеніе.

Въ лицѣ Александра Тургенева соединялось, однако, въ глазахъ Пушкина, съ прогрессивными общественными стремле-

КН. А. М. ГОРЧАКОВЪ.

Портретъ кисти F. Verel. Писанъ, видимо, около 1820. Въ печати появляется здѣсь въ первый разъ.

199. КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Витомецъ модъ, большого свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Едѣ красоты безвечный обожатель
 Я провожу незнаемый досугъ,
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныхъ лѣтахъ,
 Опасною прельщенной суетой,
 Терялъ я жизнь и чувства и покой:
 Но угорѣвъ въ чадѣ большого свѣта
 И отдохнуть убрался я домой.
 И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе

ниями и участие в том же литературном движении, которое еще незнано казалось главным орудием борьбы против застарелых понятий и сковывающих творческую свободу правил, но в данную пору склонилось к упадку, видимо не способная за перераставшими его требованиями времени. Арзамас не мог не принять в свою среду феноменально даровитого студентолюбца-индигента. Столпы дружеского писательского общества, Жуковский, Батюшков и весь окружающий их синклит, разступившись перед Пушкиным еще в первой половине 1817-го года, как впоследствии французские законодатели романтического *salon* склонились перед блестяще даровитым Альфредом де-Мюссе, едва вышедшим из отрочества. По вступлении Пушкина в избранный писательский круг совпало с тем же движением в его среде, которое тяготилось умфренским отделившимся либерализмом его политических воззрений и остроумной плавностью подраживающей полемике с старой партией. Группа новых членов Арзамаса—Мих. Орлов, Пикита Муравьев (друг Чаадаева), возбудила настоящий вопрос о необходимости принять на себя серьезное руководство общественным мнением и развитием и основать с этой целью периодический орган. Целое брожение, некогда цунами Арзамаса, планы его журнала—в связи с тем же общественно-политическим повременным изданием, к которому одно время ревностно готовился Николай Тургенев, опираясь на силы, также близкие к Арзамасу,—были по основной своей живыми показателями того, что творилось даже в том же, казалось, преимущественно эстетическом мире, который должен был первым признать права литературно-гражданства за Пушкиным.

Обновление Арзамаса не удалось, и перерождавшие себя общество распалось вконец. Новая форма и группировка перешла в силу выдвигавшихся требованиями времени, и там же, где были развалины Арзамаса, возник сь определенными общественными целями, полны идеализма и культа народного блага, Союз Благотельств, сознание которого соизво сь появлением Пушкина кь кругу сь света. Он не мог не встретить в сьху тайного члена сь Союза или «Зеленой Книжки», как называли его в просторечии—отъ книги его устава, обещанной вь переписке, зеленого цвета, или

же того тайного Военного Общества, которое основано было сьбшо и временно до окончательной выработки устава Союза. «У многих изъ молодежи,—говорит вь своих записках Якушкин, было столько избытка жизни при догданней ей ничтожной обстановке, что увидить переть сьбой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством, и потому немудрено, что вьб порядочные люди изъ молодежи или поступали вь Военное Общество или сочувствовали ему». И вь ближайшей товарищеской среде порта уже были убежденные приверженцы и дьбатели тайной организации,—прежде всего его неизменный, прямодушный друг Пушкин. Не раз склонился онъ кь тому, чтобь посвятить Пушкина вь свою тайну и ввести его вь Общество; вьдъ «всегда согласно со мною мыслить онъ о дьбв общемъ (respublica)», вспоминал впоследствии товарищ-заговорщик: «онъ былъ либерален по своимъ воззрениямъ»; но сьодвижность пылкаго его нрава и сближение сь людьми ненадежными сугубало, и вступление вь Общество не состоялось.

Отовсюду, явно и тайно, вь дружескихъ связяхъ, общественныхъ и литературныхъ отношений, Пушкина захватывало влияние времени, усиленно направляя его среди печальныхъ русскихъ условий по тому пути чуждой боевой поэзии, который уже обозначился передь нимъ. Но сьодвижность его пылкаго нрава требовала сьбб психоло и удовлетворения. Сь осени 1817 г. по возвращении изъ Михайловскаго, начинается его первый петербургский период, а уже вь сентябрь этого года зорко сльбдитиал за нимъ и всеоблагодая пересика А. Тургенева сь Ваземскимъ совершенно отбьзачь, что «Пушкинъ ночи напролетъ не спитъ, прячетъ вь банкъ». Вь конць года говорится о серьезной простудь, которую онъ свьзачилъ «дожидаясь у дверей одной... которая не пускала его кь сьбб вь тождь, не желая заразить его своей болельзью»; разыгрывался вь горячку, болельзнь процеркала его вь своюхъ котляхъ все начало 1818 г.; забавление отъ нея было отирадновано стихотворениемъ «Выздоровление», а осенью тургеневскя сьбтованья о «радужной жизни» возобновляются. Эженгерические замыслы проносятся и временами сьсббмъ закладываются. Такъ вспоминаетъ порою планъ вступления вь военную службу; Пушкинъ еще на шукку собирается вь Тульчинь, отуда вь Тру-

Младыхъ повѣсь счастливая семья,
 Гдѣ умъ кипить, гдѣ въ мысляхъ волея я,
 Гдѣ спорю въ слухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы все прекраснаго друзья,—
 Чѣмъ ядов, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранигъ невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлинъ невѣжъ законодатель,
 Гдѣ Шепшинъ царь, а ступа предѣлатель,
 Гдѣ глупостью единой все равны.
 Я помню силъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости сибирскихъ,
 И разглядѣвъ тирановъ модныхъ заль,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!..
 Когда въ кругу лагсь благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда-генераль
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ остритъ французскій мадригаль,
 Глядя на все съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И все вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
 Крутятъ усы, вль шпорами бреччатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ,—
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Бакъ и Музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
 Политика смѣшнаго лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подмещовъ,
 И мистика придворнаго кривлянья!..
 И ты Харитъ любовникъ своевольный,
 Приятный эжецъ, язвительный болтунь,
 По прежнему острякъ небогомольный,
 По прежнему философъ и шалунъ,
 И ты на мигъ оставь свою вельможъ—
 И милый кругъ друзей моихъ умножь.

дно и бредить войной». Тургеневъ, возлюбивъ было «надежду отпратить его въ чужіе края, но онъ и слышать не хочетъ». Воинственный шаль сдѣлился столь же страстнымъ влеченіемъ, взять отъ жизни какъ можно больше остротъ и горючихъ ощущений. Въ томъ, что среди этой импортированности совершалась часто «сближенія съ людьми, которыхъ Пушкинъ презрительно заклеймилъ «ненадежными», сомнѣваться нельзя. Много дѣлъ суется, когда подъ вліяніемъ романа Бульвера «Pelham or adventures of a gentleman», Пушкинъ задумываетъ своего «Русскаго Пеллама», въ которомъ хотѣлъ дать общительную, неприкрашенную картину общественной и свѣтской жизни двадцатыхъ годовъ въ ея закулисной наготѣ, и набрасываетъ для романа, одинъ за другимъ, нѣсколько плановъ, мысль его, видимо, переносилась въ пережитое и близко видѣнное въ ранней молодости. Краски и подробности, конечно, усилены: сознаніе съ повестью Бульвера, патристической для своей поучительной фибры — раскрытія разврата, неприкрашеннаго фарисейскимъ благоприличіемъ, — преступленій и пороки на преступленія, неволью чувствуется. Но реальная основа приближается сквозь мрачную ея оболочку. «Пелламъ выходить въ большой свѣтъ и, паскушамъ, вѣдаться въ дурное общество». Въ немъ встрѣчается онъ «литераторовъ, актрисъ, карикатушниковъ», кутишную свѣтскую молодежь въ одномъ изъ плановъ прибавлено — *les parasites, les actrices*). Нѣсколько дѣйствующихъ лицъ будущаго романа названы подлинными именами пушкинскихъ знакомцевъ изъ ранней поры, это Никита Васюковскій, это Завадовскій; Гривобитовъ, также намѣченный въ числѣ «характеровъ» и связанный съ Завадовскимъ извѣстною гудью послѣднимъ съ Шереметевымъ, очевидно, требовалъ себѣ мѣста и въ числѣ воплощенныхъ въ свѣтскій водоворотъ, и въ кругу выдающихся, положительныхъ личностей. Назвъ «Пелламъ» характеристически обозначаетъ этотъ кругъ «общественно умныхъ», и влечетъ къ любопытное или перешедшее это Назвъ Долгоруковъ, Сергій Трубецкой, Никита Муравьевъ и др.

Краски живо минушей поры неопытности и молодыхъ увлеченій могли въ воспоминаніяхъ и ослѣдкахъ дѣллага періода принимать ноты нѣсколько преувеличенныя отъ природы. Разна «Пелламъ» быть можетъ, прямо требовала этого: предположало, же

довести къ немъ одну изъ жертвъ царствующаго разврата, Федора Орлопа, не только до разоренія и тяжкаго семейнаго разлада, но и до разбойничества. Литрической самоосужденія поэта, полная сожалѣній о погубленной молодости, также далеко не свободны отъ преувеличеній; «ненетовые пиры» и «гибельная свобода» — не въ смыслѣ политическаго вольности, а какъ синонимъ нравственной распущенности, которыми оцѣнена была эта молодость, конечно, гниробола. Когда съ старческой злопамятностью и петиричностью лицейскій товарищъ поэта, бар. Модестъ Корфъ, выступилъ съ совершенно неприглядной характеристикой жизни Пушкина послѣ выхода изъ лицея, другой, дожившій до поздняго времени сотоварищъ, Мих. Яковлевъ, возсталъ противъ такой обфвики. «Пушкинъ велъ жизнь болѣе беззаботную, чѣмъ разгульную, — говорилъ Яковлевъ, — такъ ли кутишь большая часть молодежи! И среди излишествъ и взрывовъ темперамента не смолкала никогда внутренній голосъ, осуждавшій ихъ, напоминающій объ инакъ, выскочкахъ основанъ и цѣляхъ жизни. «Пушкинъ часто скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ окроушенныхъ бездѣлахъ, но «инчумъ природа не утомлялась», — говорить въ своихъ запискахъ Пушкинъ, печалясь вообще о томъ, что онъ способенъ былъ «профанировать себя». Созданію легендъ о необуданной жизни его способствовало также юношески-суетное кокетство своею порочностью. Якушкинъ, встрѣтившійся съ нимъ на югѣ, засталъ въ немъ, несмотря на вынесенный имъ вкусъ гоппаго либерала, духъ слабости. «Онъ иногда корчилъ лица, вбровитно, вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царевомъ Селѣ, при чемъ разсказывалъ про себя самыя ошачивающія анекдоты»; но неприятное впечатлѣніе, произведенное такими выходками, пропало, когда «заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ», и тогда «Пушкинъ тотчасъ про-свѣдѣлся». Переходы отъ веселья къ думѣ, вызывавшіе въ чужихъ наблюдателяхъ участіе къ нему и такъ опредѣленно подмѣченные у него въ юношескую пору, очевидно, восходили къ гораздо болѣе раннему времени. Такъ, въ Каирѣ, не менѣе Пушкина отдававшимся въ первой молодости страстному пользованію жизнью, столь же казало, способномъ «профанировать себя» съ «ненадежными людьми», такъ же

200. БАЛЛАДА.

Что ты, дѣвица, грустна,
 Молча приемирѣла,
 Хороводъ забывъ одна
 въ уголку присѣла
 «Имяиницу, друзья
 «Нечемъ позабавить
 «Думала въ балладѣ я
 «Щастье наше славить.
 «Но Ж(уковский)—пансъ заслужь
 «Г(иФдичъ)—заговѣлся,
 «Пушкинь бѣсомъ ускользнулъ
 «А Крыловъ обѣлся».

Вотъ въ гостиной столъ накрытъ—
 Поскорѣ сядемъ,
 Въ ромкахъ пѣна закнигъ
 И балладу сядимъ:
 Вотъ и слажена она—
 Нужны-ли поэты?—
 Ромки высунувъ до дна
 Скажемъ: многи лѣты
 Той, которую друзьямъ
 вѣкъ любить невозможно!
 Многи лѣты также намъ
 Только съ ней перозно.

склонномъ дразнить флюмудріе свѣта своей превеличешной порочностью, немолчно дрѣли и дума, и дарованіе.

Въ той двойной жизни, которая своеобразно и странно складалась у Пушкина, соединяя крайнія противоположности, приклевкавшаго его къ себѣ, подкалется одаренный также двумя фасадами, кружокъ «Зеленой Лампы». Товарищеская и дружеская связи рѣшили его вступленіе въ это общество. Въ той же коллегіи иностранцамъ дѣль слѣдъ состояли Пушкинъ и Грибодовъ, служилъ и Никита Всеволожскій, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ, основавшій кружокъ, который и собирался въ нуль домѣ (въ програмѣхъ «Недама» на видномъ мѣстѣ стоитъ «домъ Всеволожскихъ»); въ числѣ участниковъ «Лампы» видимъ персону любимого поэтомъ Дельвига. И вскорѣ послѣ появленія Пушкина въ кружокъ, послѣ того, какъ всѣ немногочисленные, но дружно соединившіе члены его обрисовались переть нѣмъ въ нуль личныя особенности, склонности и интересахъ, и кружковая жизнь захватила новичка въ свое теченіе, у него устанавливается, проявляющееся и въ стихотвореніяхъ, и въ письмахъ, полное ласковой симпатіи отношеніе къ одающей дружескія собранія «нашей лампѣ». «Горниль ли ты, лампа наша» любовно восклицаетъ онъ въ одномъ изъ кишиневскихъ стихотвореній.

Какъ случилось, что на всю организацію и лампающую въ тѣномъ кругу дѣятельность Зеленой Лампы надела двусмысленная репутация не только распушенишавловкинаго прожиганія жизни, но циничнаго рѣдута, трудно понять. То толкованіе, которое въ пушкинской литературѣ шло отъ Н. Бартешина и Анненкова, называющаго кружокъ Лампы «оріагическимъ», говорить объ устранившихся въ немъ страхъ и протесты. Названіи Адама и Евы изъ рай, Сомъ и Гоморръ и т. д. И привнѣ дѣлхъ устранившихъ фантазматорн, авторитетно выдвигавшихъ за подлинную истинность, у недавнихъ наблюдателей невольно являлась скептическая, недоумивающая усмѣшка. Такъ Н. А. Ефремовъ ставилъ вопросъ, не смѣшало ли случашо Анненковъ собранія Зеленой Лампы съ извѣстными фантастическими радѣиыми секты Гатаринова, въ Нижегородномъ Лампѣ, тѣхъ похъ конецъ старъ и младъ, женщины и мужчины, кружкнсь въ адвѣтской окъагической ивѣлкѣ. Въ связи съ участіемъ Пушкина въ «Зеленой

Лампѣ» опять напрашивается сравненіе съ фактами жизни Байрона—съ той басней, которая довела до чудовищныхъ размѣровъ, веселія пиршества товарищей поэта въ Ньюстэдскомъ аббатствѣ, съ самимъ Байрономъ въ костюмѣ аббата и «лавооскими дѣвами», вдохновительницами этого разгульно-монашескаго маскарада—съ басней, которая какъ дознано на фактахъ, была безмѣрно далека отъ истины.

Когда въ гостиной палатѣ Всеволожскихъ, освѣщенной большой Зеленой Лампой, происходили сборища, вокругъ стола, за которыми, какъ повелитель великой арміи бутылочекъ, игралъ властную роль вшочерній какой-то любимецъ хозяйна, калмыкъ, съ абсолютизмомъ петровскую ассамблейныхъ порядковъ наставившаго на потребленіи шампанскаго, въ кругу гостей-сочленовъ можно было разглядѣть не совсѣмъ заурядныхъ, бездѣльныхъ или бездѣчныхъ поклонниковъ наслажденія. Начиная съ амфитриона, Никиты Всеволожскаго, научно-начитаннаго, дилетанта исторіи, страстнаго любителя театра, переводчика комедій и оперъ для петербургской сцены, собесѣдники, насколько можно теперь выяснитъ, выделялись своими интеллигентными интересами. На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ Яковъ Толстой, сходный съ Кривцовымъ (также участникомъ пушкинскихъ оживленныхъ сборищъ), по разносторонней и серьезной подготовкѣ философа и политика. Среди «лампиновъ» его считали наиболѣе искуснымъ въ бесѣдахъ на умозрительныя темы. «Философъ ранній, онъ (по словамъ Пушкина въ посланіи къ нему) бѣжалъ широкъ», т. е. не давалъ себя отклонитъ въ сторону жертвоприношенія Ваку, которая все же полагалась по духу кружка: онъ смотрѣлъ на нихъ съ «молчаньемъ ладной укоризны»; онъ «златый Гораціевъ фаль» промѣнялъ на «ламану Эпиктета» (вспомнимъ, что Кривцову Пушкинъ придалъ прозвище Анаксатора),— и при всемъ томъ, когда Всеволожскій уважалъ изъ Петербурга, кружокъ собирался у Толстого. На фигуру Канерина, одного изъ самыхъ раннихъ знакомцевъ поэта (который сошелъ одновременно съ нимъ и Чаадаевымъ еще переть выходомъ изъ лицей, но прихоти случая наделъ одновѣстной отпечатокъ скептициста и виртуоза въ дѣлѣ вина и веселья. Такимъ онъ является въ «Моднѣхъ лейбъ-гусаровъ»: примчавшійся къ Талонъ Оубиннѣ знаетъ, «что тамъ ужъ ждетъ его Канеринъ: вонючъ» и пробка въ потолокъ,

АРХИМАНДРИТЬ ФОТІЯ.

Рисунки и граверы Лод.

201. П А Ф О Т И Я.

Поду-фавансь, поду-пауль;
 Ему орудемь духовнымь—
 Проклятїе, мечь и кресть, и мдуль,
 Пошли намь, Госпожи, оруховнымь,
 Помещане пастырей такнумь,
 Поду-благнумь, поду-святнумь.

вина кометы брызнуть током». Грибоедов, водиращаясь къ себѣ томою, «находить у себя каверинскихъ пеплатовъ», и расположившейся по домашнему пріятель, «все такой же, любящій съ друзьями и пастырь винить или, какъ онъ выражается, «стричь кому дадать», производить на него веселое впечатлѣніе. Но въ дусарѣ Каверина скрыта была душа «примо геттингенская»: немецкіе студенческие годы, предшествовавшіе кавалерійской службѣ, оставили неизгладимый слѣдъ на его мысли и интересахъ. Если съ его личностью мы постоянно встречаемся въ интимной жизни такую люду какъ Пушкинъ и правдиво-строгий Грибоедовъ, если въ дули Завадовскаго, на ряду съ Грибоедовымъ, снова не обходилось безъ Каверина, встрѣтившаго роковой ея неходъ печально-насмѣшливой шукой, то съ другой стороны несомнѣнно, что въ обиходѣномъ, на распанку, товарищѣ, собесѣдникѣ и собесѣдникѣ, живы были серьезныя общественныя требованія и интереса. Его ваканческая характеристика въ стихахъ Пушкина обидѣла Каверина, и поэтъ принесъ ему искреннее извиненіе, прося забыть «минутой рѣзвости нескромныя стихи», выдвывая его продолжать тотъ же образъ жизни и «презирать рѣшительное ронанье черни», которая «не вѣдая, что дружно можно жить съ Кноеромъ съ Портикомъ, и съ кинтой, и съ бокаломъ, что умъ въ сокѣи можно скрыть безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ».

Дельвичъ, появившійся въ царствѣ Зеленой Лампы съ своей мечтательностью и идумчивостью, конечно не могъ содѣйствовать раздульному и пошлудому направленію сборницъ и дашній. Дашней о дѣятельности кружка его протоколамъ сохранили за другимъ членомъ товарищеской дружины, офицеромъ Барковымъ, специальное назначеніе театральнаго критика, внимательно слѣдившаго за дѣятельностью петербургской сцены и въ своихъ сообщеніяхъ вѣстало что-то въ рѣшѣе дѣишій. Остальные члены, кромѣ посредственнаго стиховорда Архана Родника, дивнававшего себя мно слѣдствій клеветой на подла, неповинны въ литературныхъ вѣдусахъ. Таковы красавецъ уланъ Юрьевъ, которому Пушкинъ написалъ два стихотворенія въ дромическомъ искусствѣ. Мануровъ съ его похождениями въ рядахъ балетной дружины и театальной школы, болельщикъ дѣишій и фразадеръ В. Ангельгартъ школьный сверстникъ Вилемскаго,

славившійся долго въ Петербургѣ роскошнымъ убранствомъ своего дома, въ которомъ барство соприкасалось съ широкой публичностью увеселеній и маскарардовъ (они извѣстны были еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ; дермонтовскій Арбеніинъ, вспоминая, что «иногда праздники, и вѣрно, маскарардъ у Ангельгарта», идетъ туда съ княземъ навстрѣчу роковой завязки драмы). Всѣ они годились для декоративно-шумной и энкуррейской стороны дружескихъ собраний. По центрѣ, главный, жизненный нервъ ихъ, очевидно, была пиой. Велась и карточная игра, и Пушкинъ именно тутъ могъ проиграть Ник. Всеволодскому готовую къ печати рукопись стихотвореній. Были и женщины, возбуждательницы веселья, и «вина кометы» дашней рвой, но дѣятельность мысли, обмѣвъ мѣишій, созданіе въ поэтической работѣ и споры, споры безъ конца, не страдали отъ энкуррейской обстановки. Серьезная основа постоянно таилась подъ ея оболочкой.

Въ позднѣйшемъ, 1822 г., письмѣ (изъ Кинишева) къ Я. Толстому, переходящемъ изъ прозы въ стихи и полнымъ воспоминаніемъ о Зеленой Лампѣ, «подругѣ бѣдній и пировъ», о «скиншей въ рукахъ веселья остряковъ златой чашѣ», союзу друзей придается значеніе «пріюта любви и волюбныхъ музъ»; они названы «дружьями Киприды и стиховъ», «вѣрными подмаи», чей «очарованный дѣкъ» какъ будто слышитъ строгіиному извѣишнику: проскакано «блаженство дружбы», «милое равенство», съ которымъ всѣ сажались за круглой столъ. И дѣйствительно, дѣишвіе протоколы говорятъ о постоянномъ чтеніи новыхъ поэическихъ произведеній, о докладѣхъ и сообщеніяхъ историческимъ лицамъ занимаема въ особенности Никита Всеволодскій, читавшій напримеръ очерки русской исторіи по дѣишѣемъ, литературныхъ, театральныхъ. Есть свидѣнія, что въ кружкѣ появлялись Гиблицъ, читавшій свои переводы изъ Гомера. Но да статьями и стихами, вѣданными часто въ оригинальную ораву братскихъ пировъ видится то, о чемъ не скажутъ и протоколы, — отраженіе духъ воднокавшихъ русскую современность ией, духъ сборникъ къ дѣу, духъ надежды и того гнѣва на дашней, безъ которыхъ немѣстимо было соединеніе аристократической молодежи, съ Пушкинымъ въ ея средѣ, уже столь затронутымъ общественными стремленіями. Но многимъ придамкамъ, глашюю томою суженій и

КН. А. Н. ГОЛИЦЫНЪ.

Гравюра Райта, съ портрета К. П. Брюллова.

202. НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ ходоцкая душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Батюшка!

Наируйте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли слани?
Тамъ всего слабѣе онъ.

приятий, споровъ были вопросы, связанные съ свободой и реакціоннымъ гнетомъ. Фономъ сотрудничества Зеленой Лампы является неизбежная во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ 1818—1824 годовъ колесня насущныхъ социальнo-политическихъ требованій.

Въ запискахъ декабриста Михаила Фонвизина или въ Обзорѣ провиденій политической жизни въ Россіи¹, какъ онъ названы въ рукописи автора², находится цѣнное, характеристическое указаніе на связь неприязнительной, казалося, братнѣ мину «оріентальной» Лампы съ крупными факторами общественнаго движенія. «Члены Союза Благочестія, говоритъ Фонвизинъ, учреждали отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія: общество военное, и литературныя, одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, последнее подъ названіемъ Зеленой Лампы, и двѣ масонскія ложи, гдѣ большинство братнѣ было изъ Союза Благочестія».

Существованіе «Лампы», длившееся и послѣ вынужденнаго отъѣзда Пушкина изъ Петербурга, не ускользнуло отъ широкаго разслѣдованія о тайныхъ организаціяхъ, предпринятаго послѣ 14 декабря 1825 г. Ея имя встрѣчается въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ дворянскихъ тайныхъ обществъ». Состоялось и заключеніе свѣдѣтельской комиссіи, которая обратила вниманіе на то, что «предметомъ сего общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній», рѣшила, что, какъ неполитическое, оно должно быть оставлено безъ вниманія. Назъ нимъ, конечно, и не раздѣвалось опредѣленнаго политическаго значенія, но, пріятное къ общественному и литературному движенію, оно, очевидно, равнялось по роли своей тому, также тайному, литературному обществу, въ которое сложилась въ 1817 или 1818 г. волеица автора пелавно именованная записокъ Дубкова лига «Союза Пушкина», указывая, какъ на ея цѣль, распространеніе общеполемичныхъ свѣдѣній, переводъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ и т. д. Пушкинъ и его современники, или, IV, 1906; эта оставшаяся собою въ туманѣ ассоціація находилась въ Москвѣ, и была именно тою второю, москов-

скою, литературною succursale Союза, о которой говоритъ Фонвизинъ. Несмотря на сильную примѣсь энциклуретства, Зеленая Лампа не шла въ разрѣзъ съ насущными для Пушкина идеями и стремленіями. Ему не пришлось вырваться потомъ изъ ея среды, какъ изъ тѣмъ кромѣшнымъ, на свѣтъ и просторъ. Во все то время, какъ онъ вдался съ своими товарищами по Лампѣ, этими своеобразными рыцарями Крутлаго Стола, въ его поэзіи, сквозь нѣсколько игривыхъ стихотворныхъ шалостей, уступокъ условному тону кружка, пробивается струя свѣтлою и чистаго вдохновенія. Растетъ и развивается лицейскій замыселъ «Руслана и Людмилы», художественные запросы и основы все глубже осмысливаются (объ нихъ онъ въ состояніи выдерживать бесѣды и споры съ такимъ знатокомъ, какъ Катенинъ, сошедшимся съ нимъ въ ту пору), двигательной силой лирики становится ея послѣдовательная, выдержанная гражданственность, а убѣжденія поэта все рѣшительнѣе окрашиваются вызывающимъ, оппозиционнымъ духомъ, — и какимъ вышнимъ, отраженным!

Освободившись отъ гнета легенды объ ужасахъ и разгудѣ Зеленой Лампы, стало легче слѣдить за устремленіями творческаго образованія Пушкина. Да и могло ли оно задержаться, надежное безусловное серьезными задатками, когда факты жизни и ставившіяся тяжелыя условия ея постоянно возбуждали къ отпору и протесту, когда всеобщая европейская реакція раскинулась и на русскую землю, а подлѣ знаменемъ возвращаго какъ называли его Чаадаевъ) направленія выступали на свое темное дѣло доморощенные враги «свободы просвѣщенной»? Съ одной стороны, послѣ недумываемыхъ правительственныхъ дѣвий въ обуздающемъ духѣ, еще давались заманчивыя, странно звучащія обѣщанія реформъ. Произошло частичное водвореніе царскаго представительства, и въ рѣчи при открытіи царскаго сейма въ 1818 году Александръ возвѣщаль, что конституціонное устройство подьскаго края будетъ распространено на другія части имперіи, «когда въ благоположенія этой важной работы будутъ окончаны». Эти обѣщанія, въ связи съ непрекращавшимся еще поощреніемъ политическаго воспитанія при помощи обширной литературы переводовъ, часто вышнннхъ съ оффиціальнымъ клеймомъ, въ связи съ кажущейся терпимостью къ тайнымъ организаціямъ, о которыхъ зналъ

¹ Онъ издали въ первомъ томѣ Общественныхъ вышнннхъ въ Россіи и въ первомъ томову XIX столѣтія. Спб. 1903 г.

203. НА Н. П. ГИЛЬЦА

Приписывается Пушкину .

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
 Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю,
 Я руку наложилъ,
 Подлаивать зановѣлъ.

204—205. ЭПИГРАММЫ НА КАРАМЗИНА

Приписывается Пушкину .

1.

«Послушайте: я вамъ скажу про старину,
 «Про Игоря и про его жену,
 «Про Новгородъ, про время далекое,
 «И наконецъ про Грознаго царя.»
 «Эхъ, бабушка, забвѣла пустое:
 «Окончи лучше намъ Пьяно-богатыря».

2.

Въ его «Исторіи» извѣстность, простота
 Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастия
 Необходимость самовластия
 И прелесть князя.

206. ТЫ И Я.

Приписывается Пушкину .

Ты богатъ, я очень бѣденъ,
 Ты прозаикъ, я поэтъ;
 Ты румянь, какъ макъ, цѣльбъ,
 Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
 Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
 Ты живешь въ огромномъ домѣ;
 Я жь, средь горы и хлопотъ,
 Провожу дни на солодѣ,
 Вѣшь ты сладко, цѣльбый день
 Тынешь вина на свободѣ,
 И любѣ перѣдко лвишь
 Нужныи тодь отъиъ прирѣдѣ:

Я же съ мертвѣаго куса,
 Отъ воды старю и прибеню,
 Сажень да сто съ чертѣна
 За нуждой бѣну извѣстною
 Окружень рабовъ тодпои,
 Съ гродинамъ деспотизма здоромъ...

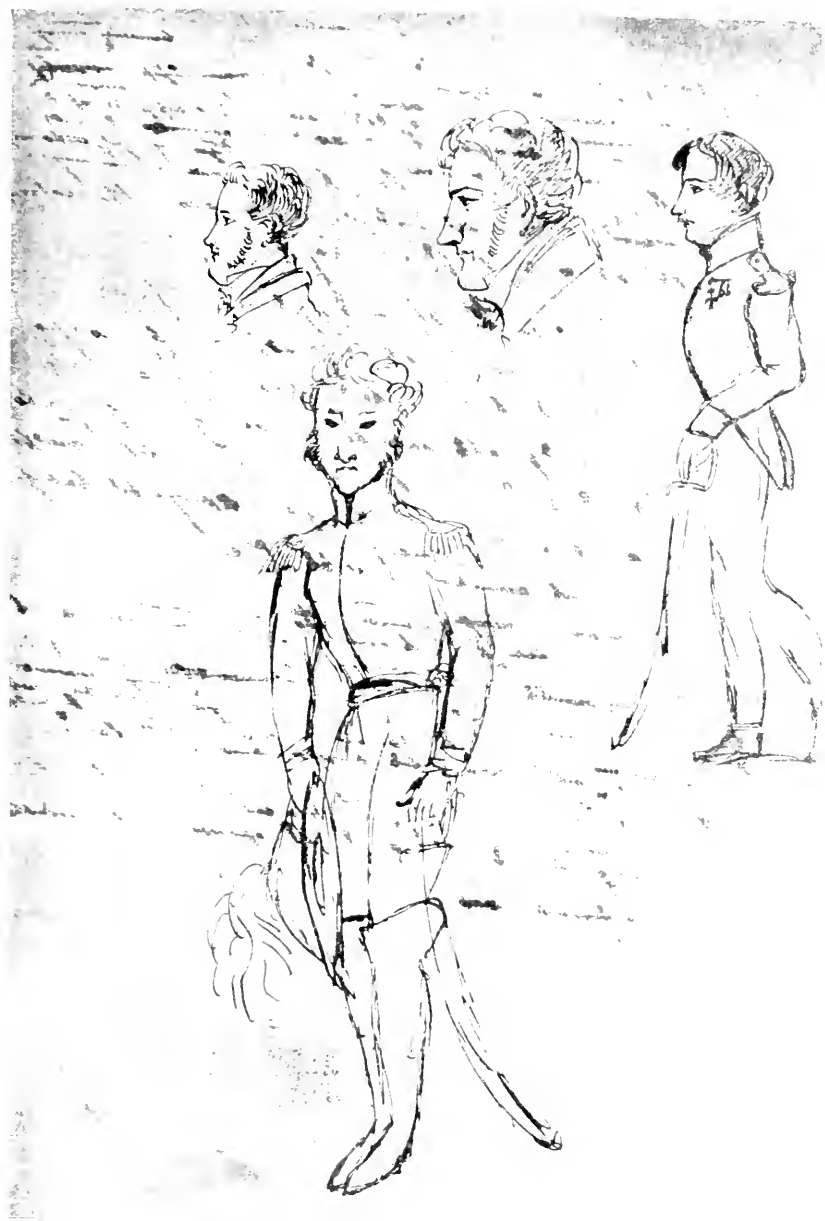
.....
 Я-же
 Не балую дѣтскою модою
 И Хвостова жесткою отою

императорь, предпочитая невмешательство, разбивались практикой жизни, которая выставляла уже Аракчеева и векорф должна была привести къ Манинскому съ Фотиемъ. Но и въ общественной средѣ поднимались добровольные голоса, протестовавшие противъ мнимого избытка либерализма, противъ реформъ, въ сущности даже чертъ въ проведенныхъ, противъ демонстративную уступку Польдѣ. Протестъ противъ послѣднихъ имѣлъ петропавловскіе не желаніе потребовать для всей Россіи одинаковыя политическія нормы, а стремленіе къ всеобщему, равному поднесенію старому порядку. Карамзинъ, чей домъ въ Царскомъ Селѣ былъ прежде для Пушкина гостеприимнымъ культурнымъ центромъ, выступилъ въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи» и въ мемуарахъ по польскому вопросу апокалипсическимъ поворотомъ назадъ, рѣзкимъ порицательнымъ нововведеніемъ, истеричнымъ националистическимъ защитникомъ крѣпостничества. Этого явкое, позорнѣйшее зло оставалось петропавловскимъ, и первоначальныя, первичныя подходы къ его уничтоженію заглохли, — хотя стихотворная освободительная заявленія Пушкина въ родѣ «Деревни», доведенная до свѣдѣнія Александра, и вызвали порою съ его стороны, въ духъ прежней человечности, милостивую благодарность «pour les bons sentiments que ses vers inspirent».

Карамзинъ былъ озабоченъ тѣмъ, что «варшавскія событія сильно дѣйствуютъ на умы молодые», возбуждая большія надежды, но не предвидѣлъ того, что отсутствие естественнаго и справедливаго огражденія этихъ «событій» на общерусскую грядущую должно было въ еще большей степени поддѣйствовать, раздражая и волнуя. Пушкинскія «Noel», осмѣявшій пылкую послѣдствія мнимо благотворныхъ намѣреній императора, выдержанъ былъ въ тонѣ французскихъ политическихъ абсурдовъ, могъ быть читанъ при «звонѣ чаши» Зеленой Лампы, все же былъ джигитательнымъ спартикомъ, мѣтко направленнымъ. Эпиграмма его на Карамзина и ижеколько петербургско-обличительныхъ выходовъ, брошенныхъ Пушкинымъ въ лицо именитому историографу, какъ поклоннику самовластия, думали мѣлкими выводовъ, княжеской средѣ, интеллигентно-консервативнымъ вершинамъ. Желтый символическая панатика на такую преставителей обскурантизма, какъ Фотин или къ Александру Толстому, вращались въ рывъ

поборниковъ застою. Но среди подобныхъ нападокъ и босвыхъ набѣдовъ вдругъ слышится благородная, идеалистическая рѣчь поклонника свободы, полная вѣры въ ея конечное торжество, готовности посвятить ей «души прекрасныя порывы», — посланіе къ Чаадаеву. Слова образъ «товарища», впопыхахъ духовнаго подъема, возстаютъ въ сѣнихъ гражданской доблести: имѣеть они «истерифильную душой отчизны внемлютъ призыванья», ждутъ «минуты вольности святой». Призывъ къ дѣлу превращается въ торжественную клятву, в роковое видіе зарплатительнаго счастья, вступающей надъ очнувшейся отъ явковаго сна Россіей и надъ лежащимъ въ обломкахъ самовластіемъ заканчивается чудною импровизаціей, дышащую искреннимъ юношескимъ лиризмомъ, ни въ чемъ не пострадавшимъ отъ одиовременныхъ съ нимъ возбудженій Зеленой Лампы.

«Картина гения» скрывалась все время подъ «рисункомъ беззаконнымъ», подъ «красками чуждыми», положеннымъ жизнью, людямъ, собственнымъ увлеченіемъ. Настала пора, когда «въ измученной душѣ» возникли «видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней», и прославившее этотъ окончательный выходъ на волю «Возрожденіе» (1819) тѣсно, идейно связано съ гуманнымъ заступничествомъ «Деревни» за каторжницъ въ рабствѣ народѣ. Слова оживляются дѣйствія радищевская тема, рѣзко сопоставляется миръ тихой сельской природы съ гнетомъ, жестокостью, беззаконіемъ крѣпостного быта, и все заканчивается страстнымъ призывомъ и сиблюю мечтой о «звѣ свободы просвѣщенной» и «рабствѣ надшемъ», въ духѣ той грезы, что пропелась въ первомъ посланіи къ Чаадаеву. Пылко-шаловливый замыселъ «Руслана и Людмилы» можетъ и въ эту пору подвигаться время отъ времени въ своей разработкѣ: Тургеневъ можетъ даже послѣ окончанія поэмъ побуждать Пушкина намечать се, ожидая, что «свидѣть себя въ числѣ намечанныхъ и слѣдовательно уважаемыхъ авторомъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и ижеколько огрешителн»: онъ можетъ умирать Вяземскаго (письмо 25 февр. 1820, что «генеръ Пушкина днають по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ», но не ариосто-вольтеровскій разекаль про Черномора, Руслана, Фарлафа, Людмилу, не перекривая вступитъ съ печальной кингой въ рукавъ въ кругъ призывныхъ уважаемыхъ авторомъ

РИСУНКИ ПУШКИНА 1818—1819 ГОДОВЪ.

*Воспроизводятся здесь впервые по портрету Румяна. Музей N 2364. Авторско-дизайнерско-
въ большой фактуръ портретъ гр. Милорадовича, по той же ленте авторизуемого.*

опредѣлили и духовное содержаніе, и значеніе, и вліяніе восходящей великой поэтической силы. Тотъ же строгій судья легкомыслия Пушкина, считающій его «первостепеннымъ поибой», по искрѣнно расположеній къ нему, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ своимъ шекмомъ объ оздоравлиющемъ вліяніи, котораго онъ ожидаетъ отъ «Руслана», говоритъ своему привычному корреспонденту (5 августа 1819) сочувственно и горячо въ защиту оды къ свободѣ, написанной Пушкинымъ. Онъ оправдываетъ се тѣмъ, что несчастлїивїй періодъ пушкинскаго житїя въ Царскомъ Селѣ о-бокъ съ дворомъ Александра долженъ былъ воспитать въ немъ отрицательное отношеніе къ власти, на вызовъ Вяземскаго добыть ему это стихотвореніе отвѣчаетъ невольнымъ отказомъ («Пушкинъ перенесалъ для тебя стансы о свободѣ, но я боюсь за него и за тебя послать нуть. Les murs peuvent avoir des yeux et même des oreilles), и этимъ самъ признаетъ, что надъ мелкими стихами поэта поднималось что-то высокое, смѣлое, сильное.

Въ одѣ «Вольность» живъ и силенъ духъ Радищева и чувствуется непосредственное вліяніе такой же патетической оды, включенной въ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Если же въ наиболѣе напряженный періодъ своего политическаго возбужденїя Пушкинъ снова пробѣлъ диорамбъ вольности, эти «стансы» должны были служить еще большимъ оправданіемъ позднѣйшаго его заявленїя, что «ведѣтъ Радищева возславить онъ свободу».

Горячность политическаго возбужденїя, охватившаго Пушкина, дѣлала немолчаливые усїуби. Отдаваясь вокругъ себя успешную тайную агитацию, мучимый сознаніемъ невозможности вонти въ ся рады и раздѣлить съ единомышленниками нуть дѣю и его опасность, онъ единичными своими силами падаеть на прага. Вся неслатїивїя, пед-

гальная его поэзія разносится въ множествѣ списковъ по странѣ; въ годы ссылки ему придется измучиться необыкновенной популярности своихъ политическихъ стихотворенїй. Каждое рѣзкое его заявленіе, малѣйшая отличающая эпитетра поддвѣтываются на дѣту, Удары направляются все выше и разятъ наконецъ самого Аракчсева вмѣстѣ съ его вѣнчаннымъ другомъ. Свѣжая вѣсть изъ Парижа объ убїействѣ па-слѣднаго принца, герцога Беррійскаго, поднимаетъ въ портѣ демонстративный энтузіазмъ. У многихъ лицъ въ кружкѣ Пушкина и вообще въ петербургскихъ кругахъ оцѣнились портрета Дувеля, убившаго принца; онъ чуть не становится героемъ дня въ русскомъ обществѣ, но во главѣ сочувственнаго ему движенїя идетъ Пушкинъ. Онъ одинъ изъ первыхъ распространяетъ портреть Дувеля, подписавъ подъ нимъ восклицаніе «урокъ царямъ!»—совѣмъ въ духѣ того «урока», которымъ онъ закончилъ свою оду Вольность. Но за нимъ уже неотступно слѣдять; эшодъ съ портретомъ становится ближайшимъ предлогомъ для вѣнчательства и кары. Весь составъ пушкинской политической лирики, отъ выдающихся творенїй до перекатной стрѣльбы эшграммъ, становится объектомъ государственнаго преступленїя. Тяжелая гучи нависаютъ; Сибирь и Соловки грозятъ вольнодумцу. Его гени-хранители, Тургеневъ и Чаадаевъ, напряженными усїуби отклоняють непосредственную опасность,—и, какъ звѣщаль Вяземскаго Александръ Тургеневъ, «Пушкинъ отираквется (6 мая 1820 г.) курьеромъ къ Нилову и останется при немъ»... Опускается занавѣсъ надъ тревожнымъ, кошешески-страстнымъ отдѣломъ жизни поэта, приходитъ къ концу ранняя, вдохновенная молодость, познавшая и энкурейство Зеленой Лампы и высокое назначенїе поэгическаго творчества.

Алексѣй Веселовскїй.

НИМФОДОРА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА.

НИМФОДОРЪ СЕМЕНОВОЙ

Приписывается Пушкину .

Желалъ-бы быть твоимъ, Семенова, покровомъ
 Или собачкою постельною твоей
 Или поручикомъ Барковымъ,
 Ахъ, ошь поручикъ! ахъ, злодѣи!

НА ГРАФА ХВОСТОВА

Приписывается Пушкину .

Сожалѣнье не поможетъ,
 Все жъ мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
 Удержать въ себѣ не можетъ
 Ни у--ны, ни стиховъ.

192. ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Впервые напечатано въ «Библиографическую Записку» 1858 г., № 11, стр. 341, подъ заглавіемъ: «Платонизмъ».

По бѣловому автографу Остафьевскаго Архива напечат. Л. П. Майковымъ въ «Матеріалахъ», стр. 44. Этого автографъ—очевидно, тотъ самый, который былъ подученъ кн. Вяземскимъ отъ Пушкина черезъ А. П. Тургенева. Последний въ письмѣ отъ 10-го декабря 1819 г., сообщая Вяземскому, что Пушкинъ «написалъ посланіе à une branelle e.—н. право, первой стыдливости читать можно». — «Давай мнѣ Пушкина и его три-сумку». — отозвался Вяземскій 19 декабря. «Стихи Пушкина предать?» — писалъ Вяземскій по полученіи ихъ, 6 февраля 1820: «Не мой ли Мисервъ похолодной оны нхъ написалъ? Она, говорятъ, этимъ дѣломъ промышляетъ. Рѣчь идетъ о графинѣ Софійѣ Потоцкой, см. Остаф. Арх. I, 371, 377; II, 14».

Стихотвореніе представляетъ подражаніе одному отрывку изъ поэмы Паризъ: «*Coup d'oeil sur Cythère* (1787), гдѣ дѣвица, о которой идетъ рѣчь, носить имя Noeris. Тому же стихотворенію подражалъ въ 1821 г. и К. Ф. Рыблевъ:

Повѣрь, я знаю ужь, Дориду,
Про то, что скрыть желаетъ ты...

Любопытно, что въ черновой рукописи Рыблева вмѣсто Дориды было, какъ и у Пушкина, поставлено имя Лидіи:

Повѣрь, о Лидиска, я знаю
исправлено:

«Повѣрь, ужь мнѣ извѣстно, Лидіа».

П. М.

193. П. Б. МАНСУРОВУ.

По автографу, находящемуся въ Имп. Публ. Библиотекѣ, первая строфа этого стихотворенія напечатана въ «Отчетѣ Библиотекки за 1874 г.», стр. 69; заглавье въ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина» Л. П. Майковъ напечаталъ всѣ строфы, а П. А. Ефремовъ, въ изд. 1903 г., всѣ три, кромѣ послѣдняго стиха, совершенно переложилъ.

Повесть Борисовичъ Мансуровъ, родственникъ Никиты Васильевича и членъ кружка «Дельная Лампа», была агитангономъ при гр. Дендратовичѣ. Въ 1812

1814 гг. былъ ординарцемъ у Раевского, въ 1815 поступилъ въ конно-егерскій полкъ; въ 1825 г. женился и вышелъ въ отставку; впоследствии служилъ одно время въ министерствѣ финансовъ. Умеръ въ глубокой старости, въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ 1819 г. оны убавилъ зачѣмъ-то (вѣроятно, въ командировку по военнымъ поселеніямъ) въ Новгородскую губернію, куда Пушкинъ и написалъ ему, 27 октября, шутовское письмо. Здѣсь, между прочимъ, говорится и о Крыловой: это была танцовщица, кончавшая въ то время курсъ въ Театральномъ Училищѣ. «Каждое—утро», сообщаетъ Пушкинъ, — «крылатая два летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты: по-прежнему, поднимаются на нее телесконы и... по удѣлу ты не видишь ее, она не видитъ тебя...» Стихотвореніе, можетъ быть, приложено было къ этому же письму или предназначалось для его дополненія. Упоминаемая здѣсь «дѣвственница Лассп»—французская актриса въ Петербургѣ, въ которую былъ влюбленъ и сватался за нее актеръ Яковлевъ, но получилъ отказъ. Казаеви, Антонъ Ивановичъ, былъ театральнымъ антрепренеръ, державшій при Павлѣ Итальянскую оперу, а жена его, Марья Францевна (ум. 1827), служила въ Театральномъ Училищѣ главною надзирательницею и была очень строга съ воспитанницами. П. М.

194. СТАНСЫ ТОЛСТОМУ.

Въ автографѣ стихотвореніе это неизвѣстно, но при жизни Пушкина было напечатано дважды (однако, безъ полной фамиліи Толстого: «Стансы Т-му», «Стансы Т''му»); въ изданіяхъ 1826 г. (стр. 72—73) и 1829 г. (ч. I, стр. 61—63); въ послѣднемъ изданіи помѣщено въ т. III (стр. 37—38, съ заглавіемъ «Стансы Т''му»), заглавье— въ изданіи Ашеникова (т. II, стр. 257—258) и послѣдующихъ. Здѣсь перечисляется по изданію 1829 г., откуда текстъ взятъ и для академическаго изданія (т. II, стр. 35—36).

Въ изданіи 1826 г. 2-й стихъ 5-й строфы сопровождается ссылкой на любопытное примѣчаніе, помѣщенное въ концѣ книги (стр. 191): «Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ поэтъ шутитъ надъ философіей лихорадочной. Читатель, безъ сомнѣній, не будетъ смѣшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственными». Оно любопытно для сужденія о строгостяхъ тогдашней дѣламузрейной цен-

ГРАФИНЯ А. А. ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ.

209. НА ГРАФИНЮ ОРЛОВУ.

Прислывается Пушкину).
 Благочестивая жена
 Душою Богу предана,
 А грѣшной плотію—
 Архимандриту Фотію.

210. РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ОРЛОВОЮ.

Прислывается Пушкину .
 «Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
 «Я тѣломъ свинухъ, мужъ душой,
 -- Но что жь ты дѣлаешь со мной?
 «Я тѣло въ душу превращаю».

дуры, для которой, по справедливому соображенію В. Е. Якушкина (Акад. изд., т. II, примѣч., стр. 94), примѣчаніе и было сдѣлано (ибо слова поэта, по существу его тогдашнему настроенію, должны были здѣсь пониматься безъ всякаго «иносказанія»), въ прямомъ ихъ смыслѣ) печатавшимъ книгу П. А. Плетневымъ. Плетневъ въ письмѣ своемъ отъ 26 сентября 1825 г. (Переписка Пушкина, I, стр. 296) говорить только о двухъ «примѣчаніяхъ», присланныхъ для изданія самимъ поэтомъ: къ «Андрею Шенье» и къ «Подражаніямъ Корану». «И дѣйствительно, говорить г. Якушкинъ,—въ изданіи 1826 г. кромѣ этихъ примѣчаній извѣстны только два: одно говорить о пропускахъ,—сдѣланныхъ въ дѣйствительности цензурой,—будто бы все они сдѣланы самимъ авторомъ,— и это примѣчаніе сдѣлано для цензуры Плетневымъ, какъ мы узнаемъ изъ того-же письма его (стр. 298); второе примѣчаніе и есть приведенное сейчасъ примѣчаніе къ «Стансамъ Толстому»... Въ изданіи 1829 г. это примѣчаніе не было повторено Пушкинымъ.

Къ 1819 году стансы отнесены уже изданіемъ 1826 года. По мнѣнію г. Якушкина (т. II, примѣч., стр. 94, 95, 96), «болѣе точно время ихъ написанія опредѣлить нельзя». Мы думаемъ, однако, что ихъ можно датировать нѣсколько точнѣе, отнеси къ августу—декабрю 1819 года, по слѣдующимъ соображеніямъ. Изъ приводимаго далѣе посланія Толстого видно, что въ то время, къ которому относятся стихи, авторъ еще не «сбѣжалъ широкъ и наслажденій жизни», предаваясь имъ достаточно усердно (самъ-тѣмъ, что съ шуточки они возвращались «на дрожкахъ»,—слѣдовательно, дѣло было не зимой); что въ то время, какъ Пушкинъ написалъ посланія уже «ко многимъ», стансы Толстому написаны еще не были; друзей-же своихъ похвалилъ Пушкинъ стихами до отбѣда своего въ деревню, т. е. до 9—10 июля 1819 г.; изъ Михайловскаго поэта вернулся въ серединѣ августа, а въ концѣ ноября Всеволожекѣн, у котораго происходили собранія Зеленой Лампы, уѣхалъ въ Москву, и пріятели собирались у Толстого; поэтому мы полагаемъ, что «Стансы» могли быть написаны, вѣроятно всею, именно въ это время, т. е. въ концѣ года, когда Пушкинъ вышелъ съ Толстымъ на его квартиръ и когда, слѣдовательно, Толстой могъ болѣе нагойшню любезнѣе исполненія общаго, данного ему пожеланія.

Объ обстановкѣ, при которой было дано ему это общеніе, Толстой съ чрезвычайной обстоятельностью рассказываетъ въ своемъ «Посланіи къ А. С. Пушкину», напечатанномъ въ сборникѣ его произведеній, «Мое праздное время» (СПб. 1821, стр. 48—51):

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаясь дѣрой золотой,
Направь къ Инду свой полетъ,
Летить во храмъ его стѣблюю
И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
То гниши страны и весели
Поети, какъ истинный пѣтъ.
То громозвучныя глаголы
Текутъ, какъ пламена рѣка.
Нѣзь есть твоихъ общиннымъ товомъ,—
Разбѣжи черныя облака
Въ своемъ пареніи высовомъ,
Дивятся и трогаютъ сердца!
Скочись, о Пушкинъ, Феба ради
На просьбу слабого пѣвца
И внемши, какъ, къ моей отрадѣ,
Ты мнѣ посланье общалъ;
Вспомни также вечеръ лѣтній,
Когда до дому провождалъ
Тебя, пѣтъ мой сладколасный,
И ты мнѣ руку съ словомъ далъ.
Когда, стихами и шампанскимъ
Свои разудилъ начиня
И дымомъ окуряя султанскимъ,
Едва вошли мы до коня,
Усѣлись вос-какъ на дрожкахъ,
Качались, вхали въ твои,
И тасли медленно въ окошкѣхъ
Чуть-чуть замѣтные огни;
Зыблясь, въ Фонтанѣ отражалась
Стобномъ серебрянымъ дуна,
И отъ строеній разстизалась
Густая тѣнь, какъ пелена;
И слышнѣ была, подобно грому,
Новозокъ шумъ пзалека:
Но споду темпо-голубому
Прозрачныя плавы облака,
И Вечеръ генился порою,
Двоился трезнѣ въ струяхъ:
Въ то время млался мы съ тобою
Въ пустыа Коломенскыя краяхъ...
Гы внемши, какъ, теба терзая,
Согласе выпросилъ годя,
Какъ сошнымъ голосомъ, звая,
На просьбу мнѣ ты молвилъ: «да!»
Но вольгъ проходить ужъ вторая
Пѣтъя съ вечера того,—
Я слышу, пишешь ты ко многимъ,
Ко мнѣ-жъ покаместъ—ничего;

И д перомъ своимъ убожимъ
Тебѣ рѣшился докучать,
Доволь ты не сдерживъ слою,
Бездѣлку груцою пишешь?
Искусство для тебя не ново:
Тебѣ плетутъ даню вѣнецъ.
На Ницѣ Муза, для примѣра,
Возьми-жъ свой пламенный рѣзецъ,
Владыко рима и разбра,
И имъ изобрази мнѣ живо
Предестный образъ Музы той,
Что вѣтъ тебя краснорѣчиво
Такъ научила, милый мой,
Открой искусство мнѣ столь сладко
Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
Чтобъ мнѣ изобразить я кратко
И сохранилъ бы красоты:
Чтобъ вѣжливость, вкусъ, витѣйства сила,
Что отъ боговъ тебѣ даны
И воишъ Русландъ, Людмила
Удачно такъ облечены.—
Въ моихъ стихахъ являлись съ блескомъ
Такимъ-же точно, какъ въ твоихъ:
Во вкусѣ медленномъ ибмедкомъ
Отвѣдь меня назвать мой стихъ:
Въ моихъ стихахъ извѣстно слога
Рѣзцомъ своимъ ты отбѣди,
И отъ таланта хоть немного
Ты своего мнѣ уцѣли?
На что мнѣ длинное посланье?
Своихъ стиховъ десятокъ три—
Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье,
Меня ты ими позари!
Рускай трудится мрачный листикъ,
Натьъ книгой древнихъ теоремъ,—
Ты наниси одинъ мнѣ листикъ,
И а товоленъ буду тѣмъ.
Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ,
И съ нустословіемъ въ воишъ,
Такъ научи жъ, какъ съ законномъ
Ловче подружится мнѣ...
Прошу, очисти мнѣ дорогу
Кратчайшую во вкуса храмъ,
И, твоето терпакъ слога,
Поиду пѣша по стопамъ!

Посланіе это, при всемъ своемъ поэтическомъ убожествѣ, любопытно по тѣмъ фактическимъ указаніямъ, которыя мы въ немъ находимъ. Напримѣръ, сообщеніе Аищенко (Материалы, изд. 1855 г., стр. 63—64) о томъ, что «Пушкинъ жилъ въ это время съ семействомъ своимъ на Фонтанкѣ у Калиткина моста» подтверждается словами Толстого, что онъ, провожая Пушкина «до дому», всталъ съ нимъ по Фонтанкѣ «въ пустыахъ Коломенскихъ

мѣстахъ»: дѣнно указаніе, что Толстой болѣе не могъ побѣдить отъ Пушкина посланія, между тѣмъ какъ онъ уже написалъ нѣкъ многоимъ: мы находимъ здѣсь по и передаеніе того мнѣнія, что на дружескихъ пирушкахъ пріятели «начинали свои разсужденія не только шампанскимъ, но и стихами; что поэма «Русландъ и Людмила» тогда еще не законченная» была уже известна пріятелямъ поэта и вызывала въ нихъ восторгъ. Наконецъ, посланіе это дѣнно, какъ личное свидѣтельство того преклоненія предъ талантомъ юнаго поэта, какимъ окружали его пріятели уже въ эту раннюю эпоху его литературной дѣятельности: Толстой называетъ лиру Пушкина золотомъ, рѣзецъ его — пламеннымъ, а самого его — «славыкой рима и разбра», «вѣтнимъ пѣномъ», говоритъ, что онъ «стрѣлою летѣлъ» во храмъ Музы, которая уже давно плететь ему вѣнецъ на Ницѣ; что онъ одаренъ искусствомъ «сладко» писать, избѣгая длинноты; что онъ давно во враждѣ съ педантизмомъ; что «вѣжливость, вкусъ, витѣйства сила» даны ему отъ боговъ и г. д. Тронутой всѣми этими complimentами Толстого, Пушкинъ и отвѣтилъ ему своими «Стансами». Изъ нихъ видно, что въ это время въ «раннемъ философѣ» по какимъ-то причинамъ произошло охлажденіе къ «дирямъ младости» въ письмѣ своемъ къ П. Б. Мансурову отъ 27 октября 1819 г. Пушкинъ говорить о бѣдѣизъ Толстого, и онъ отвратился отъ нуля. Пушкинъ, конечно, не могъ съ серьезнымъ осужденіемъ относиться къ настроенію своего пріятеля, но, призывая его къ наслажденію жизнью, лишь высказывалъ тотъ-же взглядъ, что и раньше 1817 г. г., когда, въ посланіи къ Каверину, говорилъ:

... и пери презирая ревнивое роишанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Кисерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ
бокаломъ.

Что умъ высокій можно скрыть
Безудной шалости поль легкимъ покрываломъ.—

или позже, въ «Оибѣишѣ», въ словахъ:

Быть можно вѣльшамъ человекомъ
И думать о красѣ погнѣн...

Призывъ, обращенный къ Толстому въ 5 и 6-й строфахъ, такимъ образомъ, становится понятенъ: поэтъ старается убѣдить своего пріятеля только въ томъ, что, предаваясь серьезнымъ занятіямъ, не слѣдуетъ забывать и про свою молодость, ко-

торая никогда не возвращается: что можно и должно соединить одно съ другимъ, и что такое соединеніе вполнѣ достойно человѣка съ возвышенной душой. На себѣ самомъ поэтъ доказалъ, какъ гармонично можно сочетать «смѣлыя забавы свѣта» съ и не съ лампадой стоика Эпиктета, то съ высокой духовной и умственной работой...

Дальнѣйшія личныя сношенія поэта съ Толстымъ,—котораго онъ называетъ однимъ изъ «минутныхъ друзей своей минутной молодости»,—вскорѣ прервались, и прежніе пріятели увидѣлись снова лишь много лѣтъ спустя въ обстановкѣ, нимало не похожей на ту, въ которой они встрѣчались прежде. Пріѣхавъ въ январѣ 1837 г. въ Петербургъ изъ-за границы хлопотать о поступленіи на службу, Толстой навѣстилъ поэта за недѣлю до его роковой дуэли; встрѣча была, конечно, радостна, хотя Толстой и рассказываетъ, что, вспоминая съ нимъ старое время, онъ говорилъ съ Пушкинымъ и о посвященіи ему «Станса» («Современникъ» 1837 г., № 4, отд. V, стр. 265; сообщеніе въ письмѣ Толстого къ М. П. Лонгинову). Съѣдомъ-же заочныхъ сношеній пріятелей является письмо оральнаго поэта къ Толстому изъ Кшинцева, отъ 26 сентября 1822 г.; оно касается изданія сборника новыхъ стихотвореній Пушкина, который передалъ право на него Толстому еще въ бытность свою въ Петербургѣ (подробности объ этомъ, несостоявшемся изданіи см. въ примѣчаніяхъ къ названному письму), и заключаетъ въ себѣ стихотвореніе

Корнѣи-ли ты, лампада наша,
Пофрута бѣднѣй и широкѣе...

на которое Толстой отвѣтилъ стихами-же, говоря:

Ахъ! лампа погасла,
Не стало въ ней масла!.

Биографія Толстого любопытна по контрастности судьбы этого человѣка: дѣтвѣе его своимъ широкимъ размахомъ (до декабристовъ совершенно исковеркало его жизнь и видъ «ранній» философъ), блестящаго старшенскаго офицера и члена тайнаго общества съ вѣдомъ тайнаго агента Русскаго правительства за границей...

Яковъ Николаевичъ Толстой родился въ семьѣ богатого тверскаго помѣщика въ 1791 году, воспитывался сперва въ частномъ пансіонѣ, а дѣтвѣе — въ Пажескомъ Корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ концѣ

1808 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ, черезъ два года вышелъ въ отставку «для опредѣленія къ статекимъ дѣламъ», подготовился къ экзамену на право полученія чина 8 класса, выдержалъ испытаніе при Педагогическомъ Институтѣ, по съ началомъ Отечественн. войны, снова вступилъ въ военную службу—въ Минирельскій пѣхотный полкъ (9 апрѣля 1812 г.). Онъ принялъ участіе въ многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, при чемъ былъ награжденъ орденомъ Владимира 4 степени съ бантомъ, 16 октября 1814 г. переведенъ былъ въ 1-гв. Павловскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералу Л. О. Роту, произведенъ въ подпоручика (октябрь 1816 г.), а съ 27 января 1817 г. опредѣленъ старшимъ адъютантомъ къ дежурному генералу Главнаго Штаба А. А. Закревскому (впоследствии графъ). 30 декабря 1818 г. произведенъ въ поручики, а затѣмъ назначенъ (въ 1821 г.), уже въ чинѣ штабсъ-капитана, старшимъ адъютантомъ въ Главн. Штабъ. Страдая какою-то болѣзью ногъ, Толстой 23 апрѣля 1823 г. възялъ заграничный отпускъ и отправился въ Парижъ.

Еще въ раннемъ юношествѣ началъ упражняться въ писаніи стиховъ (на французскомъ языкѣ), Толстой выступилъ на литературное поприще въ 1818 году переводомъ въ стихахъ V-й элегіи Тибулла (напечатанъ въ «Журналѣ древней и новой словесности» 1818 г., октябрь, стр. 22—25). Въ 1819 г. онъ издалъ небольшое сатирическое «Посланіе къ Петру Михайловичу Камескому» (С.-Иб.), а въ 1821 г., по совету друзей, выпустить въ свѣтъ упомянутый выше сборникъ своихъ стихотвореній въ произведеній подъ заглавіемъ: «Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстого» (С.-Иб.), въ который вошли его сатиры, посланія (въ одномъ изъ нихъ «Посланіи къ Петербургскому жителю» находится строфа, содержащая своимъ весьма паноминативнѣйшій строфу XV XXXVI главы I «Евгенія Онѣгина»), эпитаммы, элегіи и т. под. Затѣмъ онъ напечаталъ, уже живя за границей, «Письмо къ А. А. Бестужеву въ Москву» по поводу статьи А. А. Жандръ «Разговоръ отъ Полярной Звѣзды» — въ «Славѣ Отечества» 1823 г. (№ 12), стр. 223—229; дальнѣйшая, весьма скудная поэмка его съ Жанромъ тамъ-же, № 15, стр. 32—35 и № 17, стр. 124—128; письмо къ А. А. Бестужеву изъ Парижа (о Парижскомъ об-

ществъ, театраль, политическимъ партиямъ и т. под. — въ «Сынѣ Отечества» 1823 г., ч. 90, № 42, стр. 243—259 и 1824 г., ч. 94, № 24, стр. 145—167; и «Quelques pages sur l'Anthologie Russe, pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, inserée dans le Journal de Paris» (Paris, 1825)— по поводу «Антологіи», издашио Dupré de St-Mauré'омъ.

Увлекаясь, вмѣстѣ съ другими членами Зеленой дамы, театромъ, Толстой и самъ пробовалъ силы на поприщѣ драматическаго писателя: но опыта его и здѣсь были неудачны и ограничились лишь двумя пьесами: 8 декабря 1819 г., въ бенефисъ А. М. Колосовой на которую сперва такъ напали «ламинисты», въ томъ числѣ и Пушкинъ), была поставлена въ переводѣ Толстого съ французскаго языка опера-водевиль «Минные разбойники, или суматоха въ трактирѣ», съ музыкой Салиенца (не изд., а 25 июля 1821 г., въ бенефисъ четы Сосницкихъ,—комедія въ 1 д., въ стихахъ, «Петербургивый» (изд. С.-Пб. 1821), замѣтнованная изъ старинной 1724 г. французской комедіи Буасси «L'Impatient». Литературные и театральные интересы Толстого доставляли ему широкій кругъ знакомыхъ среди писателей и артистовъ: онъ вращался въ ихъ обществѣ и былъ близко знакомъ, кромѣ Пушкина, съ Грибоедовымъ, А. А. Бестужевымъ-Марлинскимъ, Ф. П. Глиной, Д. П. Бѣгичевымъ, Ф. Ф. Коконинымъ, кн. А. А. Шаховскимъ, Глибичемъ, Гречемъ, А. А. Жанромъ, П. П. Амвросіевымъ, П. А. Катенинымъ, братьями Тургеньевымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, Жуковскимъ и др.

Убывавъ въ Парижъ, Толстой рассчитывалъ прожить тамъ годъ или полтора: но возвратиться на родину ему удалось лишь черезъ 13 слишкомъ лѣтъ: замѣшанный въ дѣло декабристовъ и скомпрометированный въ глазахъ правительства обнаруженными на свидѣніи знакомствами со многими дѣятелями тайныхъ обществъ, Толстой не рѣшился вернуться въ Россію и остался во Франціи, «Свидѣнія о Толстомъ, какъ членѣ тайнаго общества»,—говоритъ Н. Е. Щеголевъ, обелдовавшій этотъ вопросъ «Пушкинъ и его современники», вып. II, 1904 г., стр. 65—76,— «крайне скудны и глухи. Достоверно, но всякомъ случаѣ, что онъ былъ членомъ общества и притомъ—однимъ изъ старѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ»,—о чемъ можно заключать по дѣламъ Свѣдѣтельной Ком-

мисіи, запискамъ кн. Е. П. Оболенскаго принятаго Толстого въ общество въ концѣ 1820 г., и по письму къ Толстому А. А. Бестужева отъ 3 марта 1824 г. «Русск. Стар.» 1889 г., т. 64, стр. 375—377. Показанія декабристовъ на свидѣніи были очень осторожны, и дѣло Толстымъ, по приказанію имп. Николая, было прекращено, при чемъ приказано было лишь уличить за нимъ секретный надзоръ. Какъ ни малозначительны, такимъ образомъ, были для Толстого послѣдствія его присоединенности къ движению,—онъ совершенно растерялся, быть можетъ преувеличивая, но невѣдливо, степень грозившей ему опасности. Онъ рѣшился остаться въ Парижѣ при чемъ до 25 ноября 1826 г. числился на службѣ, а когда для него выдѣлилась возможность возвращенія,—онъ не могъ бѣжать, т. е. весь былъ въ долгахъ... Для возстановленія своей репутаціи въ глазахъ правительства Толстой избралъ путь, который могъ вызвать къ нему лишь презрѣніе со стороны его друзей и знакомыхъ и той самой власти, отъ которой зависѣла его судьба: онъ сталъ сперва добровольнымъ и явнымъ, а потомъ—явнымъ и тайнымъ агентомъ, на обязанности котораго лежало, по мѣткому выраженію М. К. Лемке («Бѣлое» 1907 г., № 2, стр. 114), наблюдение «за достоудожной высотой престопа Николаевскаго правительства, чутко относившагося къ общественному мнѣнію Европы вообще и въ частности Франціи». Путемъ долгодѣльныхъ и унизительныхъ стараній, печатая различныя книги, брошюры и статьи въ защиту Россіи и ея правительства, все болѣе и болѣе занутивался къ долгу, на покрытие коихъ ему не хватало его личнымъ скромнымъ средствъ и вспомошествованія родныхъ. Толстой только въ 1837 г. добился оффиціальнаго прощенья, былъ вызванъ въ Петербургъ и 29 января (въ день смерти Пушкина) былъ назначенъ, по представленію гр. Бенкендорфа, корреспондентомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Парижѣ. Должность эта зависѣвшая отъ III отдѣленія, при которомъ Толстой состоялъ «по особымъ порученіямъ», была создана тогда впервые, съ цѣлью «защиты Россіи въ журналахъ» и опроверженія статей, противныхъ Россіи; кромѣ того, слѣдя за «думомъ» и направленіемъ правительства Франціи, государственнѣйшихъ ея дѣятелей и различнѣйшихъ партій, за ходомъ наукъ, литературы и учебнаго преподаванія во Франціи, а

равно и за прибъжавшими въ Парижъ русскими. Толстой посылалъ въ Петербургъ, особенно въ концѣ каждаго года, официальные депешы и сообщенія, направляя ихъ въ Министерство или въ III отдѣленіе, откуда онѣ доставлялись имъ, Николаю. Подписе (1856 г.) на него была возложена обязанность доставлять министру замѣчательнѣйшія новыя книги по наукамъ и литературѣ, а также русскія книги, выходившія за границей. Завѣщанность отъ III отдѣленія, не могшая долго оставаться тайной, ставила Толстого въ ложное положеніе и среди иностранцевъ, и среди русскихъ, прибъжавшихъ въ Парижъ, такъ что, несмотря на всѣ его старанія доказать протинное, онъ, по собственнымъ словамъ, «слылъ за подозрительнаго повѣрнаго, а въ глазахъ нѣкоторыхъ французозъ— даже за тайнаго агента». Впрочемъ, нѣкоторые соотечественники, какъ, напр., Вяземскій, приглашавшій его еще въ 1827 г. къ сотрудничеству въ «Московскомъ Телеграфѣ» (здесь помѣщены его «Отрывки писемъ изъ Парижа», 1827 г., ч. XVII, отд. 2, стр. 52—54 и 106—111 и 1828 г., ч. XX, № 5, стр. 113—118) и бывшій съ нимъ въ постоянной перепискѣ А. П. Тургеневъ (за которымъ онъ слѣдилъ въ Парижѣ и др., не прерывая съ нимъ сношеній. По словамъ Вяземскаго, «всѣ русскіе, посѣдившіе Парижъ, находили въ Толстомъ усерднаго и многосвѣдущаго путешественника; онъ во многомъ совершенно соварижился», но оставался русскимъ до сердцевины, до мозга костей»). Изъ другихъ русскихъ, бывавшихъ у Толстого въ Парижѣ, въ разное время, назовемъ еще Плетнева, Шеварева, Греча, Погодина. Тяготясь своимъ фальшивымъ и шекотливымъ положеніемъ и мечтая о какомъ-нибудь болѣе прочномъ и почетномъ мѣстѣ въ Парижѣ (напр., генеральнаго русскаго консула: съ 29 декабря 1848 г. онъ былъ причисленъ къ мѣстному Русскому Посольству, или въ Россію, должность о которомъ онъ неоднократно прибъжалъ въ Петербургъ (1839, 1840, 1844, 1845, 1863—1864), онъ такъ и не добился желаемаго и, наконецъ, 19 июня 1866 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника, а 15 (27) февраля 1867 г., въ полномъ одиночествѣ, скончался въ Парижѣ.

Потому, его своеобразной литературной дѣятельности за границей являлось по двумъ десяткамъ книгъ и брошюръ на французскомъ языкѣ и множество статей

въ повременной печати: перечислять ихъ не стоить, такъ какъ, сколько ни разнообразны онѣ по своимъ темамъ,—всѣ онѣ служатъ одной цѣли, вытекавшей изъ служебнаго положенія автора.

Болѣе подробно см. о Толстомъ наши статьи въ «Русск. Стар.» 1899 г., т. 99, № 10, стр. 587—614 и т. 100, № 11, стр. 175—199 и отд. отд., С.-ПБ. 1899; къ біографіи Я. П. Толстого, статья Н. Е. Щеголева («Пушкинъ и его современники», вып. II, СПб. 1904, стр. 65—76); см. также статью М. К. Лемке о князѣ П. В. Долгоруковѣ («Былое» 1907, № 2, стр. 144—146, 154, 156—157, напечатаны дополненія Толстого, и № 3, стр. 166—167) и объ П. Г. Головинѣ (тамъ-же, № 5, стр. 27—доносъ на Головина; записки Д. П. Свербеева, СПб. 1899 ч. II, стр. 307—308; «Остаф. Архивъ», т. III, СПб. 1899, стр. 12, 166, 167—168, 169, 173, 300; «Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 32; Prince P. Dolgoroukow. La vérité sur la Russie, Paris 1860, p. 208.

Б. Модзалевскій.

195. Р У С А Л К А.

Напечатано въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 44, и тотчасъ же было переиздано А. Ф. Воейковымъ въ его журналѣ «Новости Литературы» (январь, стр. 36), съ примечкою: «Изъ прекраснаго собранія мелкихъ стихотвореній, на сѣхъ дилъ только отвѣчанаго. Сія книга продается у комиссіонера Россійской Академіи Сленина по 10 р. за экземпляръ, а съ пересылкою по 11 рублей». Въ этой переизданкѣ послѣдній стихъ читается: «Русалки дергали въ водѣ», какъ въ черновой рукописи Пушкина (тетрадь Румиц. Музея, № 2364, л. 76 об. и 77); такимъ образомъ, Воейковъ напечаталъ стихотвореніе или съ доставленнаго ему списка, или съ корректурнаго листа, желая дать своимъ читателямъ эту новизку, но возможности, одновременно съ выходомъ книги Пушкина.

Первоначально это стихотвореніе, можетъ быть, называлось «Монахъ». Кн. Вяземскій писалъ Тургеневу 4 октября 1819 г.: «Сдѣлай милость, скажи племяннику т.-е. Пушкину, чтобы онъ далъ мнѣ какого-то своего «Монаха» и все, что есть новаго». Въ запискѣ, представленной

Бенкендорфомъ государю въ 1826 г. по поводу «Бориса Годунова», между прочимъ, говорится, что «до 1818 года въ повѣстьяхъ, пѣсняхъ и романахъ выводили въ дѣйствіе монаховъ, и даже не всегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистацизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось строго упомянуть; нельзя было сказать: «отецъ мой!» Но паденіи мистацизма и уничтоженіи монашескаго вліянія показались дѣй пѣсы, гдѣ монахи введены въ дѣйствіе: «Чернецъ», поэма, соч. Козлова и «Русалка» Пушкина. Обѣ пѣсы подвергались гоненію духовенства, и на нихъ были принесены жалобы министру просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія... (Дѣла III Отдѣленія С. Е. П. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ, изд. П. Балашовъ, СПб. 1906, стр. 25). Цензура, въ свое время, дѣйствительно запретила «Русалку», которой пришлось сдѣлать семь дѣтъ жить печати. «Читаль ли ты «Русалку»? — спрашивалъ Тургеневъ кн. Вяземскаго въ письмѣ отъ 15 янв. 1824 г. («Остафьевскій Архивъ»), III, 3: «если нѣтъ, то пришлю: старая пѣса, прелестная, неодобренная еще Тимковскимъ». Черновой тексты «Русалки» очень нечирканы и дасть множество вариантовъ (см. статью о текстѣ).

П. Морозовъ.

196. ДОМОВОМУ.

Пѣса эта не дошла до насъ въ автографѣ. Впервые она появилась въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1824 г., стр. 318, съ полнымъ подписью поэта, затѣмъ была перепечатана въ собраніяхъ стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 78, и 1829 г., ч. II, стр. 67—68. Въ первоначальной редакціи было: «нашъ въ добрый домовою» (ст. 2-ой) и «сполудниаго вора» (ст. 10-й); тексты изданій 1826 и 1829 гг. вполнѣ сходны. Къ 1819 г. пѣса отнесена изданіемъ 1826 г. Въ изданіи 1829 г. она помѣщена непосредственно послѣ «Уединенія» («Деревни»). По мнѣнію П. П. Бартенова («Материалы для біографіи П.», М., 1855 г., ст. 3-ья, стр. 41), она написана «въ томъ 1819 г. въ Михайловскомъ», и въ ней «изображены картины тамошней мѣстности». В. Е. Якушкинъ почему-то тоже относитъ ее къ болѣе мѣсяцу (закад. изд. «Сочиненій» П. П., прим., 137, какъ будто стихи, написанные деревней, должны были

непремѣнно быть написаны въ деревнѣ и не могли быть написаны познѣе).

П. О. Морозовъ указываетъ связь, существующую между этимъ стихотвореніемъ и сохранившимся въ театрѣ московскаго Румянцевскаго музея № 236 (т. 43 черновымъ наброскомъ, начинающимся словами: «Могущій Богъ садовъ...» (Сочиненія П., изд. «Просвѣщенія», т. 556; см. также черновые наброски 1818—1819 гг. Мысль дѣйствительно та же, но образы различные. Въ наброскѣ пастухъ «своеравнхалъ козы» общается, украситъ «свѣнокъ изъ дикихъ розъ», «ухродивый ликъ» божества садовъ «сирѣ пѣснху мирныхъ и веселыхъ»... Пастухъ, козы, вѣнокъ изъ розъ, мирная пѣснь «вспоминаются «сѣбѣи мирная фригійскихъ пастуховъ» изъ «Музы» 1821 г., «богъ Фама—все это дышитъ древней антологіей; все это идиллическіе образы античной поэзіи. Весьма вѣроятный источникъ заимствованія этихъ вѣиныхъ чертъ—Гораций. Его ода «Къ Фаулу» (Оды, кн. III, 18) начинается такъ: переводъ А. А. Фета:

О, Фаувъ, любовникъ Нимфы, будущи
предъ тобою!

Границы двойныхъ жатвъ и нивъ мохля
щали

И молодыхъ ливать ты бережною стогою
Безвредной обходь...

«Римскій Фаувъ»,—замѣтить при этомъ Фетъ («К. Гораций Флаккъ, М., 1883 г., стр. 107, прим. 1),—«похожъ, съ одной стороны, на нашего дѣянаго или домового. Вспомнимъ о стихотвореніи Пушкина къ Домовому, которое есть явное подражаніе нашей одѣ». Пушкинъ замѣнилъ «ухродивый ликъ» античнаго сельскаго божества близкимъ русскому воображенію домовымъ, къ тому же болѣе подходящимъ къ нарисованной въ пѣсѣ картинкѣ чисто-русской, скромной природы. «Въ своемъ деревенскомъ уединеніи»,—говоритъ Л. П. Поливановъ,—«поэтъ проникъ дѣми живогрешущими въ жизни русской деревни простыми интересами и чувствами, которые становились ему близки каждый разъ, когда онъ оказался въ эту жизнь... Общее значеніе этого стихотворенія состоитъ въ художественномъ воспроизведеніи той гармоніи, которая охватываетъ душу поэта среди родной ему обстановки, въ согласіи съ общенародными чувствами его окружающихъ». Отзвуки этой гармоніи слышались во многихъ мѣстахъ пушкинской поэзіи. «Укротный огороць съ калиткой

ветуюю, съ обрушеннымъ заборомъ» (ст. 15—16) приводить на память гениальное описание деревни въ «Шалости» 1830 г. или полная русская тоска слова изъ «Онегина»:

Люблю печальную касогарь,
Переть избушкой двѣ рыбы,
Калитку, сломаемую заборомъ...

Вздвигая отнесъ «Домовому» къ числу первыхъ по времени «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ найдете чистую поэзию, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примеси проза, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примеси воды».

Н. Лернеръ.

197. НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Появилась впервые въ «Москов. Вѣст.» 1828 г. Печатаемъ по изд. 1829 г. О вариантахъ см. въ статьѣ о текстѣ. Къ 1819 г. относително изданіемъ 1829 г. Ср. въ дальтѣйшіемъ томѣхъ о взглядахъ Пушкина на поэт. и поэтическое творчество.

198. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Впервые напечат. въ «Нов. Альманахѣ» 1828 г. Печатаемъ по изд. 1829, которое сто относится къ 1819 и помѣщается въѣздъ за «Недоконченной Картиной». Настроение этой превосходной пьесы находится въ тѣсной связи съ періодомъ «Зеленой Лавины». См. выше статьи П. О. Морозова и Алексиѣ Веселовскаго.

199. КН. А. М. ГОРЧАКОВЪ.

Впервые напечат. въ «Радугѣ» 1854 г., а въ полномъ видѣ въ изд. Анненкова т. VII, стр. 22 (Ср. статью о текстѣ). О Шеннигѣ см. при послѣдн. Частаску 1821 г. Военный историкъ описалъ по французски Дмитрій Петровичъ Букурджинъ, 1790—1849 послѣдств. гни приобрѣлъ печальную знаменитость въ дѣломъ «перидурнаго террора» 1848—49 гг., когда онъ былъ председателемъ тригоного «Букурджинскаго Комитета». О Горчаковѣ и сто отношеніяхъ къ Пушкину см. выше стр. 230—238.

200. ЧТО ТЫ ДВѢЦА ГРУСТНА...

Пьеса эта, изъ двадцати четырехъ стиховъ которой первые два принадлежатъ Жуковскому, а остальные двадцать два написаны Пушкинымъ, впервые появилась въ академическомъ изданіи произведеній Пушкина т. II, стр. 72, прим. 178—179. Она сохранилась на отдѣльномъ листкѣ, находящемся среди бумагъ А. П. Оленина въ Имп. Публичной Библиотекѣ. Печатаемъ пьесу по подлиннику, — съ прибавленіемъ (въ скобкахъ) въ 9-мъ и 10-мъ стихахъ фамиліи, обозначенныхъ въ подлинникѣ только буквами Ж. и Г.: Ж. означаетъ, конечно, Жуковского, а Г. — Губдича, постоянного посетителя и друга Олениныхъ.

На листкѣ есть еще надписи, по мнѣнію П. А. Бычкова, принадлежащія А. П. Оленину и его дочери Варварѣ Николаевнѣ Олениной. Первый написалъ: «Сочинено на случай рожденія Ели: Марк: Олениной во 2 день Маія 1819 Жуковскимъ и Пушкинымъ для шарады, изобрѣтенной П. А. Крыловымъ Баллада». В. П. Оленина написала: «Читала самъ Жуковскій во время шарады».

Е. М. Оленина «добрая Элиза», какъ называлъ ее К. П. Батюшковъ въ «Посланіи къ А. П. Тургеневу»), въ двѣдочствѣ Подгерацкая, родилась 2 мая 1768 г., умерла 3 июля 1838 г. 10 ней см. «Рус. Стар.» 1890 г., августъ, цит. стат. П. Устимовича, «Остафьевскій Архивъ кн. Вадимскаго», «Сочиненія» К. П. Батюшкова изд. Л. П. Майкова. Графъ С. С. Уваровъ писалъ объ Е. М. Олениной: «образецъ женскихъ добродѣтелей, живѣйшая изъ матерей, прибриная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ, она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ... Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе ея безирестанно выполнялось».

Симпатичную и радужную семью Олениныхъ Пушкинъ посѣщалъ часто. А. П. Оленинъ набросалъ рисунокъ для картинки къ «Руслану и Людмилѣ» (см. дальше). Одну изъ дочерей Олениныхъ, Анну Алексеевну, Пушкинъ, одно время неравнодушный къ ней, обездверилъ своими стихами: о ней будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ нѣкъ домѣ Пушкинъ познакомился съ А. П. Кернъ, племянницей Е. М. Олениной. По разекаду Кернъ, у Олениныхъ «играли въ разные занимательныя игры и преимущественно въ charades en action, въ

РИСУНОКЪ ПУШКИНА 1818—1819 гг.

Впервые воспроизведенъ здесь по рисунку Румянцевскаго Музея N 2264. Изображена характерная для народа Западной Лавины фигура восторженной молодой женщины. В сценической обстановкѣ предъ нами Парасковья Ковалева, Смерть, которая такъ нравится сама Анискову, только представлять въ издевательскій видъ Пестомилеву, имяна которой состоитъ весь перипетическій сюжетъ между Шереметьевымъ и Зубовскими. (Ср. Анисковъ, Пушкинъ и др. Авторъ, не-изв., стр. 67).

которыя принимали иногда участие и наши литературныя знаменитости — Иванъ Андреевичъ Крыловъ, П. М. Муравьевъ-Апостолъ и другіе... На одномъ изъ вечеровъ у Олениныхъ я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его; мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыя участвовали Крыловъ, Пашечевъ и другіе» (А. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Сиб., 1899 г., стр. 235). П. М. Устиновичъ, знававшій А. А. Оленину, рассказываетъ («Русс. Стар.» 1890 г., августъ, 389), что «особенно весело проводилъ время Оленинскій кружокъ въ Пріютинѣ — такъ называлась дача Елизаветы Марковны около Петербурга; дача эта отличалась прекраснымъ мѣстоположеніемъ; барскій домъ стоялъ здѣсь надъ самою рѣкою и прудомъ, окаймленными дремучими лѣсами. Здѣсь-то и веселилась молодежь Оленинскаго кружка, нѣчьмъ не стѣняясь, съ чисто-юношескимъ увлеченіемъ. Нѣчь забавъ была здѣсь особенно въ ходу игра въ шарady, которая въ даровитой семьѣ являлась особенно интересною; по разсказамъ очевидцевъ, особенно уморительнъ была въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ... Шарada, о которой говорится въ стихахъ Пушкина, составлена вѣроятно изъ словъ: Балъ-Гада. Очень курьезны мимолетныя характеристички, которыя Пушкинъ дасть себѣ и Крылову. Поэтъ самъ говоритъ о своей «бѣсовской» непосѣдливости и живости, которыми такъ отличался онъ въ молодости, пока, наконецъ, его сердце «оньчъ остудилъ и забываетъ запрятать». Обжорство Крылова всегда было предметомъ шутокъ его друзей.

Н. Лернеръ.

201. НА ФОТІЯ.

Архимандритъ новгородскаго Юрѣя монастыря Фотія Славскій, знаменитъ какъ инокъ и въ реакціи послѣднихъ лѣтъ Александровскаго царствованія. Наибольше обстоятельная біографія его составлена С. П. Миропольскимъ, напечат. въ Вѣстникѣ Евровы 1878, №№: 11 и 12.

Эпиграмма впервые напечатана въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина 1861 г.

202. НА КН. А. Н. ГОЛІЦЫНА.

Впервые напечатано въ берлинскомъ изд. стихотвореній Пушкина, 1861.

Печально-знаменитый князь Александръ Николаевичъ Голіцынъ (1773—1844) былъ съ 1816 до мая 1824 г. министромъ народнаго просвѣщенія; онъ же былъ учредителемъ, въ 1813 г., и первымъ президентомъ Россійскаго Библейскаго Общества. Въ запискѣхъ Д. В. Давыдова (Лондонъ, 1863, стр. 33) о Голіцынѣ говорится, что онъ «отличался и подлостью, и придворнымъ интриганствомъ, и перочными вкусами, на Востокѣ столь распространенными».

Александра Петровна Хвостова, племянница Хераскова, о которой упоминаеть, между прочимъ, и Вигель въ своихъ запискѣхъ (изд. Рус. Архива 1891—1893, ч. II, стр. 225—227), была въ большой дружбѣ съ известнымъ писателемъ-обскурантомъ графомъ Якозефомъ де-Местромъ, имѣвшимъ значительное вліяніе на Голіцына. Она принадлежала также къ основанному баронессой Крильеръ обществу «мечтательницъ».

Историкъ Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737—1814) былъ однимъ изъ вице-президентовъ Библейскаго Общества и устройтелемъ московскаго его отдѣленія. Общество, благодаря составу главныхъ своихъ дѣятелей, скоро стѣвалось центромъ реакціоннаго штицизма. Какъ главный начальникъ цензуры, кн. Голіцынъ строго предѣловалъ всякія свободныя проявленія мысли и всякіе протесты противъ мистическихъ увлеченій; наоборотъ, сочиненія мистическаго содержанія при немъ разбивались безпрятственно.

203. 210. НА ГИБЦІНА. ЭПИГРАММЫ НА КАРАМЗИНА, ТЫ И Я. НИМФОДЮРЪ СЕМЕНОВОЙ, НА ГРАФА ХВОСТОВА, НА ГРАФИНЮ ОРЛОВУ, РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ОРЛОВОЙ.

См. во II т. статью «Приписываемыя Пушкину стихотворенія 1818—1819 гг.»

РУСЛАНЪ
И
ЛЮДИЛА

ПОЭМА

ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Соч. А. Пушкина.

САИКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1820.

«РУСЛАНЪ И ЛЮДИЛА».

Поэма «Русланъ и Людмила» была первая большаго по объему произведеніемъ Пушкина, извѣстнѣе у него много времени и труда. Начата поэма была въ 1817 г. въ царскосельскомъ Лицѣе. Преданіе говоритъ, будто поэтъ началъ писать свою поэму въ карцерѣ, стѣны котораго долго соображали стихи изъ «Руслана и Людмилы». Продолжалъ поэму Пушкинъ по выходѣ изъ Лицея, въ 1818 и 1819 годахъ, и въ Петербургѣ, «среди самой разбѣянной жизни», и въ Михайловскомъ, во время дѣтннго пребыванія въ этомъ родовомъ имѣніи своей матери. Но мѣрѣ того, какъ отдѣльныя части или ибвы поэмы получали свою обработку, онѣ читались и обсуждались на вечерахъ у Жуковского и Дельвига, въ кружкѣ друзей, руководителей и поклонниковъ таланта поэта. Благодаря тому, что «трудъ» поэта не былъ исключительно «модальнымъ спутникомъ ночи, другою Авроры златой», а проходилъ и совершался, такъ сказать, на глазахъ его друзей, мы имѣемъ опредѣленныя указанія на постепенный ходъ созданія поэмы. По словамъ А. П. Тургенева, къ 3-му дек. 1818 года Пушкинъ «былъ уже на четвертой ибви своей поэмы», именно, «началъ эту ибву». Въ августѣ 1819 г. Пушкинъ читалъ А. П. Тургеневу и другимъ лицамъ своего кружка пятую ибву поэмы, въ деревнѣ соименннцу» Остафьевскій Арх., I, 296). Въ тоуз же мѣсяцѣ была готова и шестая ибву. Перевѣли и поправки заняли зиму 1819—20 года, 25 февр. 1820 г. А. П. Тургеневъ писалъ къ П. А. Вяземскому: «Несомннннъ поэти окончили свою поэму, и на слухъ днхуъ, я на раза слышалъ ее. Пора въ печать», 26 марта 1820 г. «въ великую пятнцу» поэма была окончена. «Эпнлогъ» къ поэмѣ былъ написанъ позднее, именно на Кавказѣ въ годъ 1820 г. Появилсяея только по 2-му изд. «Вступленіе», называющееся прежде «Прологомъ» къ поэмѣ. У дукотора дубъ деленая» написано было еще позже, именно въ 1825 или 1826 годахъ, во время пребыванія поэта въ Михайловскомъ, по возвращеніи съ юга Россіи. Въ журналѣ «Сынъ Отечества» за 1820 г., ч. 61, съ разрѣшенія цензуры отъ 23 марта 1820 г., въ книжкахъ XV и XVI шнрвые были напечатаны отрывкомъ изъ третьей ибвы поэмы «Людмила и

Русланъ». Первое изданіе поэмы, порученное Пушкинымъ, по случаю его высылки изъ Петербурга, Гнбдичу вышло въ концѣ 1820 года. Къ этому изданію особымъ дополненіемъ была приложена вшыетка, заключающая изображеніе главныхъ дѣствующихъ лицъ и ибвоторыхъ эпнзодовъ поэмы. Идея вшыетки (приложена и къ настоящему изданію) принадлежала А. П. Олешину; рисунокіе и гравированіе—П. Иванову. Въ этомъ изданіи не было, какъ выше сказано, ни эпнлога, ни вступленія. Въ 64 ч. «Сына Отечества», съ разрѣшенія цензуры отъ 17 авг. 1820 г. были напечатаны прибавленія къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» съ эпнлогомъ, подъ которымъ было обозначено: «26 июня 1820 г. Кавказъ». Второе изданіе поэмы съ исправленіями и дополненіями и съ «Предисловіемъ» появилось въ 1828 году. Это изданіе было украшено снимкомъ съ портрета поэта, писаннаго О. Кипренскимъ, гравированнаго П. Уткинымъ. Третье изданіе поэмы вышло въ 1835-мъ году. Въ этомъ изданіи поэтъ выбросилъ предисловіе къ 2-му изданію¹⁾.

Появленіе поэмы произело на русскую публику впечатлѣніе чрезвычайное. «Ни съ чѣмъ нельзя сравнить восторга и негодованія, возбужденнаго первою поэмою Пушкина», говоритъ Бѣлинскій. Слншкомъ немногимъ гениальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не гениальная поэма. Подборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали онн Пушкина забавнымъ гнломъ «Ивца Руслана и Людмилы». Представители другой крайности, слѣдые поклонники старнны, были оскорблены появленіемъ «Руслана и Людмилы». Онн увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней... Перешелнуйте отъ скуки журналы 1820 года, и вы съ трудомъ повѣрите, что все это писалось и читалось не болѣе какъ въ шнбѣ 24 года вазать... И это относится не

¹⁾ Въ настоящемъ изд. поэма печатается по окончательному тексту 1835 г., но съ сохраненіемъ предисловія къ 2-му изд. См. статью о текств. Р е с.

къ однимъ порицательнымъ, но и хвалительнымъ статьямъ».

Противоположные отзывы и впечатлѣнія вызваны были поэмой Пушкина среди писателей, близкихъ къ поэту и его семье. Восторгъ Жуковского трогательно выразился въ подарокъ имъ Пушкину своего портрета съ надписью:

«Оббѣдите-ученику огъ оббѣжденного учителя въ тотъ высокорожественный день, когда онъ окончилъ свою поэмю «Русланъ и Людмила», 1820 г., марта 26, великая пятница». Батюшковъ находилъ, что «поэма исполнена красотъ и надежды» (Соч. П., Акад. изд., II, 281). В. А. Пушкинъ просто «восхищался поэмой» (тамъ же, 280). Карамзинъ находилъ, что «въ поэмѣ много живости, легкости, остроумія, вкуса, но мало интереса; все сметано на живую нитку». Шлегель находилъ въ «Русланѣ и Людмилѣ» «погрѣшности въ планѣ; главные лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаружить силы въ характерахъ; но сн ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическаго, требующаго величайшую соображеній и зрѣлости» (Полн. соч., I, 4, со ссылкой на Труды Вольтъ, Общ. люб. рос. слов., XX, 24). Строже всѣхъ былъ отзывъ Дмитриева, несмотря на то, что послѣдній писалъ несомнѣнное уваженіе къ таланту Пушкина (Анненковъ, Матеріалы, 59): «Что скажете вы о нашемъ «Русланѣ», о которомъ такъ много кричали?—писалъ онъ къ П. А. Вяземскому 20 окт. 1820 г. «Мнѣ кажется, что это неподосокъ пригожаго отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу въ немъ очень много блестящей поэзіи, легкости въ разсказѣ, но жаль, что часто впадаетъ въ бурлескъ, и еще больше жаль, что не поставилъ въ эпитаграфъ извѣстный стихъ съ легкою переменою: La mère en défendra la lecture à sa fille. Безъ этой простодорожности поэма его съ четвертой страницы выпадетъ изъ рукъ добрая мать» (тамъ же, стр. 280). Определеннѣе другіе изъ близкихъ къ Пушкину лицъ былъ взглядъ П. А. Катенина: «анахронизмы—недостатокъ, который холодитъ Руслана и Людмилу вопреки обольщенію стиховъ: читателю хочется того времени, того быта, тѣхъ повѣрій и лицъ: вокругъ ласковаго князя Владимира собирается онъ мысленно Нильо Муромца, Асину Поповаича, Чурьду, Добрыню, мужиковъ. За станомъ виднѣтъ нѣкъ сражающихся съ Соловьемъ Разбойникомъ, съ Ягой-бабой, съ Кашеємъ без-

смертнымъ, со Дзвемъ Горыничемъ и, встрѣя въместо тѣхъ знакомцевъ, не зисеть, гдѣ онъ, и ничему не вѣрять» (П. В. Владимировъ, Отношеніе къ Пушкину русской критики. Намянъ Пушкина, Кіевск. Univ. изд. 1899 г., май, 15).

Современные журналы въ отношеніи къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» раздѣлились на два лагеря: въ одномъ сосредоточивались восторженные, хвалительные или сочувственные и благожелательные похвалы отзывы и статьи, содержавшія и указанія на недостатки поэмы; въ другомъ находили себѣ мѣсто статьи, порицавшія резко поэмю. Къ первому лагерю относились «Благонамѣренный» Измайлова, «Сынъ Отечества», «Рецензентъ», а во второмъ «Московскій Вѣстникъ» и «Телеграфъ»; второй составляли «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго и «Пенскій Зритель».

Въ ч. 63, № 32 за 1820 г. журнала «Сынъ Отечества», въ отдѣлѣ библиографіи, помѣщено было извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ поэмы «Русланъ и Людмила», причемъ она названа «прекраснымъ произведеніемъ». Редакція общала «въ будущей книжкѣ напечатать подробный разборъ ея». Подѣйствительно, въ ч. 64 того же журнала, въ №№ 34—37 за тотъ же годъ, была напечатана ст. В. Г.-е. Войкова: «Разборъ поэмы «Русланъ и Людмила, сочин. А. Пушкина». Приведемъ существенныя положенія этой статьи: «Присутствие, здѣсь воссѣваемое, почернуто изъ старинныхъ русскихъ сказокъ. Онъ всѣ, сколько до сихъ поръ извѣстно, писаны прозою; нашъ молодой поэтъ поставилъ очень хорошо, написавъ сію богатырскую повѣсть стихами, и предпочелъ идти по слѣдамъ Ариоста и Виланда, а не Флоріана. Хорошіе судія, истинные знатоки изящнаго не одобряютъ такого рода твореній въ прозѣ. Они не знаютъ до сихъ поръ, какъ назвать нѣтъ, ибо прозаическая поэма есть противорѣчіе въ словахъ, чудовищное произведеніе въ искусствѣ; они также не называютъ нѣтъ романамъ, ибо величественный ходъ и возвышенный языкъ эпоса не допускаютъ въ сн страннаго рода сочненія ни простоты подробностей, ни описанія простонародныхъ обычаевъ и обыкновенныхъ страстей, составляющихъ достоинство хорошихъ романовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что стихотвореніе, нами разсматриваемое, по всей справедливости названо поэмюю. Оно заключаетъ въ себѣ описаніе героическаго подвига, швѣжета дружинами сверхъесте-

свѣтлыми, раздѣлено на ѣвсы и написано сѣбкими, яркими красками. Однако, поэма «Русланъ и Людмила» не эпическая, не описательная и не дидактическая. Какая же она? — Богатырская: въ ней описываются богатыри Владимірова, и основаніе ея почернуто изъ старинныхъ русскихъ сказокъ: воднибная, ибо въ ней дѣйствуютъ волшебники; шудочная, что доказывается многочисленными изъ нея выписками. Имяб сей родъ поэзіи называется Романтическімъ. Затѣмъ критикъ даетъ обзорніе содержанія поэмы. Говоря о чудесномъ и характерѣ силъ сверхъестественныхъ въ поэмахъ вообще, В. отмѣчаетъ отъиное благородіе сочинителя Руслана и Людмила «въ выборѣ чудеснаго для своей поэмы». «Оны, подобно Аріосту, Вилану и отчасти Тассу, выбрали самое приличное, чудесное для сего рода поэмы — добрыхъ и злыхъ волшебниковъ и волшебницъ». Характеры существъ сверхъестественныхъ (Финна, Черномора, Головы его брата и Папы) критикъ находитъ хорошо приравнованными и ровно выдержанными. Также выдержанными «отъ начала до конца» В. считаетъ характеры героевъ, въ поэмѣ дѣйствующихъ: Руслана, Рогана, Ратмира, Фарлафа, Владиміра, Людмила. По его мнѣнію, «въ этой части, одной изъ труднѣйшихъ, молодой стихотворецъ торжествуетъ». «Оны... умѣли выставить героевъ въ дѣйствіи, показать нѣтъ образъ мыслей въ рѣчахъ, дать каждому его особенную, ему только приличную фидіомію, которая при томъ еще обнаруживается въ рѣшительная минуты опасности, несчастія, сильной страсти. Герои Пушкина не выходятъ изъ кадра, дѣйствуютъ прилично, ровно, не похожи одинъ на другого, но согласно съ ихъ особеннымъ характеромъ». Слѣдуетъ затѣмъ характеристика дѣйствующихъ лицъ поэмы: Русланъ, великодушный, храбрый, чувствительный, рѣшительный, въреть любви своей, чести и добродѣтели, но величавый и нетерпимый; Владиміръ — благочестивый, великодушный, могущій монархъ, гордый поэтаннымъ, ѣвканнымъ отцемъ, членъ своихъ, изображенъ дѣлѣ такъ точно, какъ представляется его намъ, правдивая исторія. Въ Рослабъ «мы вступимъ передъ собою оттого изъ глѣхъ хлатокровныхъ воинскъ убійцъ, которые не умѣютъ прощать, для которыхъ кровопролитіе есть забава, а слѣды несчастныхъ нища».

Ратмиръ — «железобитный», «сидѣжечный»; «для начертанія его характера намъ

стихотворецъ взялъ перо сладострастнаго Париза. Отношеніемъ поэта къ Людмилѣ В. не совѣмъ доволенъ: Людмила «веселоприятна, рѣзва, ѣврна любви своей; ѣвжна и сильна душа ея, непорочно сердце. Жаль только, что авторъ не кстати шутитъ надъ ея чувствительностью: его долѣ вселить въ читателя уваженіе къ сей героинѣ; это не Фарлафъ, пацѣя поэмы. Совѣмъ неприлично блистать остроуміемъ надъ человекомъ, убитымъ несчастіемъ, а Людмила несмѣйна. Много говорить авторъ о владиб, построеніи и положеніи поэмы по ея слогаб. Въ поэмѣ ѣвтъ, по его мнѣнію, «сначала г. е. изложенія или призыванія; поэтъ какъ будто съ неба упадетъ на ширъ Владиміровъ; переходы также какъ у Аріоста, слинкомъ скоры изъ тона въ тонъ въ ѣвкторыхъ хоти немногихъ мѣстахъ; но ходъ ея живъ, правдивъ, не занутанъ; завязка безъ хитростей, приключенія развѣртываются легко, развязка проста, естественна, удовлетворительна. Эпизоды занимательны, разнообразны, хорошо привязаны къ главному дѣйствію; но поѣвтъ объ любви Финна и Папы авторъ желалъ бы видѣть замѣненной ѣвмъ нѣбудь «не столько грубымъ и низкимъ»; «эпическій поэтъ ни на минуту не долженъ выпускать изъ виду своихъ слушателей, передъ коими онъ обязанъ вести себя ѣвжливо и почтительно; просвѣщенная публика оскорбится площадными шутками. Основаніе поэмы взято изъ простого народнаго сказки, сказать мнѣ: но и между простымъ народомъ есть своя благородность, свое чувство личности... «Самый приличный, самый ѣвломудреннѣй и самый думный по содержанию и слогу во всей поэмѣ есть эпизодъ объ отреченіи отъ міра хана хадарскато». Талантъ поэта критикъ находитъ «слабымъ, разнобразнымъ, ко всему готовымъ». «Въ слогаб юнаго поэта, уже теперь занимающаго почтительное мѣсто между первоклассными отечественными писателями, видна ѣврная рука, возмимая вкусомъ; ѣвтъ ничего неяснаго, неопредѣленнаго, двудланнаго, печальнаго. Почти вездѣ точность выраженія, съ радостностью поставленныхъ стиховъ, ѣввливающіе легкостью, сѣбжестью, простотою и сладостно, кажется, что они нестойки никакой работы, а сами собою скатывались съ дебѣннаго пера нашего поэта». «Сравненія, употребленія помы, рѣшительныя, объясняютъ мысль, придаютъ ей силу, оживляютъ сухое описаніе и всета пришеены кетати». Слѣдуетъ поборъ при-

мѣровъ удачныхъ оборотовъ рѣчи. Критики приводятъ въ маленькія погрѣшности противъ языка: «патацутая острота», «вялые стихи» и «музыкальнѣя рѣчь». Въ заключеніе своего разбора В. говоритъ: «Заключимъ: поэма «Русландъ и Людмила» есть новое прекрасное явленіе въ нашей словесности. Въ ней находимъ: совершенство слога, правильность чертежа, занимательность эпизодовъ, правильный выборъ чудеснаго, и выдержанные отъ начала до конца характера существъ сверхъестественныхъ, разнообразность и ровность въ характерахъ дѣйствующихъ героевъ и выдержанность каждого изъ нихъ въ особености. Предстѣнія картинъ на самомъ узкомъ холстѣ, разборчивый вкусъ, тонкая, веселая острота шутки; во всего удивительнѣе то, что сочинитель сей поэмы не имѣетъ еще двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія. Окончивъ литературныя наши замѣчанія, съ сожалѣніемъ скажемъ о злоупотребленіи столь отличнаго дарованія, и это не въ осужденіе, а въ предосторожность молодому автору на будущее время. Поинтиги, что и намъ рѣшь говорить о нравственной дѣлѣ, главнымъ достоинствѣ всякаго сочиненія. Вообще въ дѣлѣй поэзіи есть дѣлѣй нравственнаго злодѣйства наказано, добродѣтель торжествуетъ; но, говоря о подробностяхъ, нашъ молодой поэтъ имѣетъ право называть стихи свои грѣшными. Онъ любитъ проговариваться, изъясняться двусмысленно, намекать, если сказать ему не позволено, и кетати и не кетати употреблять эпитеты: нагія, полунагія, въ одной сорочкѣ; у него даже и холмы нагія и сабли нагія. Онъ безрестанно гонимся ваками-то желаніями, сладострастными мечтами, во еиѣ и на яву вѣскаетъ младая предѣсти дѣлѣй, вквашаетъ восторги и проч. Какое несправедливое понятіе составить себѣ наши потомки, если по нѣсколькимъ грубымъ картинамъ, между предѣстными картинамъ разставленнымъ, вздумаютъ судить о непорочности вкуса нашего въ XIX столѣтіи!»

Статья В. вызвала краткую замѣтку въ журналѣ «Благонамѣреннаго» и «Замѣчанія П. К-на въ защиту Пушкина, помещенныя въ № 42, ч. 65 «Слани Отечества». К—въ Пушкина называетъ «онымъ гигантомъ въ словесности нашей» и возражаетъ по существу на многія замѣчанія В. «Разсужденія и сентенціи, поставленныя онъ считаетъ либо ничто незначащими, либо

совершенно ложными». Цѣлкомъ въ названъ «Русландъ и Людмилу» «прекраснымъ феноменомъ въ нашей словесности». «Главное достоинство этой поэмы, или, какъ другіе не менѣе строгіе критики говорятъ, — по въ К е т и, сказки, составляющаго по нашему мнѣнію, картинныя описанія, живость и пріятность разсказа и легкая, непринужденная версификація». (Зелинскій «Русская критическая литер. о произвѣд. Пушкина» ч. 1).

Рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ поэмі «Русландъ и Людмила» отличалась статья помещенная въ № 11 журнала «Вѣстникъ Европы» за 1820 годъ, имѣющая форму «Письма къ редактору», подписанная «Житель Бутырской слободы» и принадлежавшая самому Качановскому.

Не приводимъ ее здѣсь, потому что она дѣлкомъ приведена дальше въ предисловіи Пушкина ко 2-му изданію поэмы. Какъ претили слуху законслага литературнаго старовѣра незначительные элементы народнаго стиля и языка, робко пока еще введенныя Пушкинскимъ въ его поэму!

Столь же отрицательно, хотя менѣе рѣзко и враждебно, отнесся къ поэмі «Певскій Зритель». «Удивительная легкость и изящность стиховъ — отъменная версификація — составили бы существенное достоинство его произведенія», говорится въ «Замѣчаніяхъ на поэму «Русландъ и Людмила», помещенныхъ въ № 7 этого журнала за 1820 г., «если бы поэтический красоты, въ немъ заключающіяся, не были перебиваны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинками и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ... «Должно отъидь справедливость г. Пушкину: какою смѣлою и роскошною рукой раскидываетъ онъ красоты поэзіи? въ стихахъ его то живость, то легкость — кажется, будто онъ выдвигался у него сами собою. Такъ велико и непримѣтно искусство! Ничъ оушевлены описываемые предметы: многа картина прекрасны. Все показываетъ въ немъ поэта. При всемъ томъ надобно пожалѣть, что дарованіе не избрано для себя болѣе благороднаго и возвышеннаго предмета, а обратилось на такой, который могъ занимать тогда только, когда умъ и динія были еще въ младенчествѣ. Кто бы подумалъ до появленія сего произведенія, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка Ерусалъмъ-Базаревичъ найдеть себѣ водракателей?» (Зелинскій, тамъ же, стр. 17—18.).

Первые критические отзывы о поэмѣ Пушкина выданы и вѣсколю возраженій, о которыхъ говорилъ Пушкинъ въ предисловіи ко 2-му изд. Эти возраженія сосредоточились, главнымъ образомъ, въ «Сынѣ Отечества», а частью и въ «Вѣстникѣ Европы» да тотъ же тотъ. Существуетъ аннотация П. А. Крылова, передающая впечатлѣніе отъ всей этой «критики»:

Напрасно говорить, что критика легка;
Я критику читалъ Руслана и Людмилы.
Хоть у меня товодило сила,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

Самъ Пушкинъ, работавшій долго и напряженно надъ своей первой поэмою, не былъ ею доволенъ ни тогдашъ по ея окончаніи, ни впоследствии. Прислывая къ П. А. Вяземскому объ окончаніи «Руслана и Людмилы», Пушкинъ въ концѣ марта или въ началѣ апр. 1820 г. писалъ ему вотъ что: «Поэму свою я кончилъ, только послѣдній, т. е. окончательный, стихъ въ принесе мнѣ истинное удовольствіе»... «Она такъ мнѣ понравилась, что не могу рѣшиться переиспытать ее ключками для тебя Соч. Пушкина. Переписка изд. А. Ш., т. I, стр. 15». Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву отъ 30 ноября 1825 г., говоря о готовящемся изданіи своихъ поэмъ, Пушкинъ снова говоритъ: «Потъ мнѣ понравилъ Русланъ молодосельскій» (тамъ же, стр. 308). Тамъ же мѣсяце неблагодарными сужденіями журнальной критики о Русланѣ и Людмилѣ поэтъ былъ давленъ до живого. Въ письмѣ къ Гиблицу изъ села Каменки, отъ 4 декабря 1820 года, поэтъ, между прочимъ, писалъ: «Въкоторыя №№ «Сына Отечества» доходили то мнѣ»... «Вдохновенныя строфы» перепела Андрюха Гиблица, слышанная поэтъ еще въ Петербургѣ «оживили во мнѣ воспоминанія объ насъ и чувство пренебреженія, весьма пріятное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которые я написалъ въ томъ же «Сынѣ Отечества». Кто такъ долго В., который мнѣ мое дѣломуріе, укоряетъ меня въ бездѣятствіи, то воритъ мнѣ: «скраси, нещастно! Что, между прочимъ, очень неумно», говоритъ, что характеры мои поэмы писаны мрачными красками этого блѣднаго, чувствительнаго Куррелью и смѣлою кисти Орловскаго, который дастъ въ руки не беретъ и рисуетъ только поточная трюки извѣстнаго дощача? Согда еще въ мнѣшемъ писанъ этого антрагматности критика его

для меня ужасно какъ тяжка. Дюпрошкы умиле, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность въ самолюбіе въ сторону умиле всѣхъ) тамъ же, 23. Подъ дюпрошкымъ Пушкинъ разумѣетъ Зыкова, напечатаннаго въ № 38 «Сына Отечества» за 1820 г., ч. 64 «Письмо къ сочинителю критики на поэмю Русланъ и Людмилы», идоженное въ формѣ вопросовъ (Зелінскій, стр. 80—81), а подъ отвѣтникомъ К-ва, напечатаннаго, въ защиту поета и его произведеній, ст. «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. К-ва» въ Сынѣ Отечества за 1820 г., № 43, ч. 65 (Зелінскій тамъ же, I, 73—78).

Второму изданію своей поэмы Пушкинъ предислалъ предисловіе, въ которомъ придалъ недостатки въ поэмѣ и приводитъ выдержки изъ критическихъ отзывовъ о ней г. В., Д. Н. Зыкова, Бутарскаго критика, и Дмитріева, упоминаетъ и объ отвѣтахъ г. К-ва, называя его «антикритику остроумной и забавной», «Многія обвиненія допроса» Н. Н. т. е. Зыкова, Пушкинъ въ предисловіи скромно признаетъ «основательными», а статью В. охарактеризовалъ опредѣленіемъ «благонамѣренной». Недостатки своей поэмы Пушкинъ объясняетъ своей молодостью и разсѣянной жизнью. «Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэмю, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго лицей, и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ по неготовой степени можно извинить ея недостатки». Въ 1830-мъ году Пушкинъ вновь коснулся воспоминаній объ отношеніи критики къ Руслану и Людмилѣ. Въ замѣчаніяхъ, относящихся къ этому времени находится слѣдующая: «Руслана и Людмилу вообще приили благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой побрали весьма неосновательно, и весьма дѣлнхъ вопросовъ, подлежащихъ слабости созданія поэмы, какется, не было о ней сказано худого слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обищили ее въ бездѣятельности да въкоторыя статьи сластоустраивающія описанія, да стихи, мною вынужденные во второмъ изданіи:

О страшныя вѣтъ волшебныя мѣлны
Ласкають сморщенной рукой etc.

да востуденіе, не помню которой ибены:

Напрасно вы въ Гибнъ гавилъ, е'.

и за пародію «Двадцати спящихъ дѣвъ». Да послѣднюю можно было меня позорить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было особенно въ мои дѣла пародировать, въ убоженіе черни, двѣнадцатое поэтическое созданіе. Были прочіе мурекы, довольно пустыя. Есть ли въ Руслаиѣ хоть одно мѣсто, которое въ возможности шутки могло быть сравнено съ шалостями Голь, напр. Аріоста, о которомъ поминутно твердили мифъ? Да и выдуманное мною мѣсто было смѣлѣе поображеніе Аріоста» (соч. П., изд. Ефремова т. V, 499—500).

Второе изданіе поэмы уже не выдало такихъ ожесточенныхъ нападокъ на поэта, какіи сопровождали первое появленіе въ свѣтъ его поэмы. Поэтъ становился кумиромъ русскаго общества; восторгъ и похвалы получали характеръ согласнаго, шумнаго хора. Но естественный ростъ гения поэта, явившійся въ созданіи болѣе и болѣе совершенныхъ твореній, велъ за собою и ростъ русской критической мысли. Является потребность сознательно разобраться въ тайнѣ вліянія Пушкиана на общество, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается возможность, на основаніи произведеній самого же Пушкина опредѣлить и яснѣе обрисовать значеніе «Руслаиъ и Людмилы». Въ журналѣ «Московский Вѣстникъ», въ статьѣ «Шутка о характерѣ поэзии Пушкиана», напечатанной въ № 6 за 1828 г. о поэмѣ «Руслаиъ и Людмила» сказано слѣд.: Ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и окончанности, какую замѣчаемъ въ Руслаиѣ; каждая вѣсть, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самообытно и полно; каждая часть такъ необходимо влетаетъ въ составъ дѣяго созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармонію... Черно-морь, Паша, Голова, Финь, Рогатъ, Фарлафъ, Рагмиръ, Людмила, словомъ каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, значительное, можетъ быть, одно изъ самыхъ героевъ поэмы, и подумало характеръ особенный, рѣзко образованный и имѣетъ глубокій... Если строгая критика и имѣетъ въ поэмѣ иное слабое, немъ пружинящее, то, конечно не съдѣетъ ничего лишняго, ничего неумѣнаго. Рыцарство, любовь, чародейство, шутка, война, русалкинъ въ стихахъ волшебнаго міра совокупились здѣсь въ одно созданіе, и, не смотря на нестрогу частей, въ немъ все стройно, согласно, дѣло, самое приуготови къ стихамъ, данные у Пшва Иоанна, соудраяя вездѣ оишь тоиъ, набрасывають и

на все твореніе оишь общій оттѣнокъ веселости и остроумія» Зелинскій, II, 115—116. Кс. Полевой въ журналѣ «Московский Телеграфъ», въ ст. «О сочиненіяхъ Пушкина», помѣщенной въ № 10, ч. 27, за 1829 годъ, пишетъ: «Въ русской публикѣ давно слышны жалобы на безличность поэмъ сочиненіямъ Пушкина... Понимаемъ, отчего сочиненія Пушкина мало подвергались печатной критикѣ. Причина сего заключается въ томъ, что для критики неоставало шансовъ, на кону бы она могла оставить свои выводы. Поэма «Руслаиъ и Людмила», русская по своему названію, по многимъ картинамъ и собственнымъ именамъ, напоминаетъ не Россію, а поэму Аріоста. Въ Руслаиѣ также странствующіи рыцари ищутъ красавицу, терзаетъ за нее и питаютъ въ душѣ своей чувства не русскіи въ видѣхъ и даже не герои нашего сказочнаго міра, происходившій, въ свою очередь не по прямой линіи отъ русскіи богатырей, но чувства рыцарей среднихъ вѣковъ. Песообразность сѣи тѣмъ страшнѣе въ поэмѣ Пушкина, что авторъ имѣлъ переть глазами превосходный образецъ стараго времени въ Шенѣ о полку Игоря. Если читатель приметъ на себя трудъ сравнить безмерное произведеніе древняго Барда нашего съ Руслаиою и Людмилю, то оиъ увидитъ, какъ несообразенъ духъ новой поэмы съ временемъ, въ немъ изображаемымъ. Что же причиною этого? Вліяніе итальянскаго поэта, котораго Пушкинъ передѣлалъ на русскіе нравы. Руслаиъ и Людмила имѣетъ высокое достоинство поодѣльнымъ картинамъ и стихосложенію, удивительному читателю новостью и силою; по вообще поэма сѣи столько же сообразна съ древнимъ духомъ, какъ Orlando furioso съ какимъ-нибудь историческимъ лицомъ старой нашей Руси» Зелинскій, II, 138, 142—143. Въ 1833-мъ году въ томъ же журналѣ по поводу появленія въ свѣтъ Борца Годунова, Полевой пишетъ: «Имя А. С. Пушкина безпрерывно встрѣчалось читателямъ въ листкахъ Телеграфа съ самаго начала сего изданія. Должно ли сему удивляться? Штъ! Ибо, что замѣчательнѣе Пушкина представляло во все это время русская словесность? Пушкинъ рѣшительно не признаетъ ли первыми изъ современныхъ русскіи поэтовъ? Оцѣните же иронію этого поэта, читая Руслаиъ и Людмилю. Мысль объ Аріостовой эпикѣ въ русскомъ духѣ, мысль создать поэму изъ русскіи преданій, самое исполненіе сѣи мысли стихами пѣв-

нительными, когда поэту не было еще и двадцати лѣтъ.—какое начало блестящее, прекрасное, исполненное упоений! Безспорно въ Русланѣ и Людмилѣ и въ тѣхъ народности, и когда потомъ Пушкинъ издалъ свою поэму съ поэмой введеніемъ (У дубо-морья дубъ зеленый...), то введение это рѣшительно убило все, что находили русскаго въ самой поэмѣ. Русская поэма Пушкина была та несчастная, шестолетняя народность, Флоріанскій манеръ, по которому Карамзинъ написалъ Плью Муромца, Патадью боярскую дочь и Марфу Посаднигу, Нарѣжнуй Славянскіе вечера, а Жуковский обрусилъ Лепору, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ и сочинилъ Марьяну рошу. Не хотите ли понять превосходство предельной поэмы Пушкина? Забудьте, что она изображаетъ Русь; прочитайте, что тогда писали другіе и что писали критики тогдашніе именно о Русланѣ и Людмилѣ. Мы такъ уже удалились отъ 1820 года, когда вышла въ свѣтъ первая поэма Пушкина, такъ разрознились духомъ, направле-ніемъ, сущностью съ поэзіею, эстетикою и критикою тогдашними, что намъ даже трудно теперь стать на тогдашнюю точку зрѣнія, которая можетъ показать весь блескъ дарованій Пушкина относительно ко времени изданій «Руслана и Людмилы». Даже критикъ отбачаетъ «превышающую всѣхъ дру-гихъ современнѣхъ русскихъ поэтовъ степе-нь, на которую сталъ Пушкинъ съ самаго появленія «Руслана и Людмилы», и обработку «вашего стиха»: «стихъ русский гуделъ въ рукахъ его, какъ мякій воскъ въ рукахъ искуснаго ваятели: онъ и въ у него на вѣбъ дѣлъ, какъ струна на скрипкѣ Паранни». Идея народности въ самой поэмѣ не про-является вообще: «Его Русланъ... тѣмъ, которую можете перенести куда угодно», и только во Вступленіи къ Руслану и Люд-милѣ видно проявленіе самобытной народ-ности, при чемъ критикъ полагаетъ, что изображенныя во Вступленіи картины на-родныхъ складовъ дѣйствительно народны (Земляскій, III, 171, 180, 189).

Изъ послѣдующихъ критическихъ отзы-вовъ мы остановимся на вѣдѣяхъ Вѣдн-ского, Анненкова и Фуріатена фанъ Олизе. Вѣднскии вѣдѣи въ Русланѣ и Людмилѣ хороше думные стихи, умк, эстетическій вкусъ и мѣстами проблески поэды. «Поэма эта шалость сильная, еще незрѣлаго та-ланта, которая, кини каждую дѣтельность, свѣдѣния безъ разбора за первый предметъ, мысль о которомъ какъ то про-

мелькнула предъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ создан-ныхъ его фантазіею лицахъ. Онъ просто—чертилъ арабскіе и потѣшался пхъ забавною странностію. Оттого, какъ самъ Пушкинъ сираведливо замѣчалъ впоследствии, оно холодно. Въ самомъ дѣлѣ въ ней много граціи, шпривости, остроумія; есть живость, движеніе и еще больше блеска, но очень мало жары. Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядыва-ется чувство; оно вѣнхивается на минуту въ воззваніи Руслана къ усѣпаному костми полю, но это воззваніе оканчивается нѣ-сколько риторически. Все остальное хо-лодно». «Причиною энтузіазма, возбужден-наго Русланомъ и Людмилѣ, было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, ко-торый открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями; но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданною догодѣ новинкою... Въ этой поэмѣ все было ново: и стихи, и поэтъ, и шутка, и сказочный ха-рактеръ съ серьезными картинами». «Ше-годованія, возбужденнаго сказкою Пушкина, нельзя было бы совѣмъ понять, если-бъ мы не знали о существованіи старовровъ, дѣтей привычки... Забавше всего, что «Душенька» Богдановича была признаваема староврами за произведеніе классическое т. е. такое, которое уже вытержало пробу времени... Несмотря на всю незначитель-ность «Руслана и Людмилы» какъ художе-ственного произведенія, смѣшно было бы доказывать неимѣримое превосходство этой поэмы передъ «Душенькой». Сверхъ того она навѣва была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ имени, нѣтъ ничего; романтизма, столь неважнѣнаго тогдаш-нимъ словесникамъ ни искорки; романтизмъ даже осмѣивалъ въ ней, и очень мило и остроумно къ добавной выходѣ противъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ... Бутыркскіе критики... особенно оскорбились въ Русланѣ и Людмилѣ тѣмъ, что полагалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и совре-менности въ отношеніи къ ея содержанию. Но этого-то именно совѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина... Кирица-Даниловъ не виновать въ ней ни душою, ни тѣломъ, ибо въ самой худшей изъ собраннѣхъ имъ русскихъ поэмъ больше русскаго духа, чѣмъ во всей поэмѣ Пушкина... «О прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ» дѣйствительно можно сказать: «Гуль русскихъ духъ, гуль Русью пахнетъ»; но этотъ прологъ виденъ только при вто-ромъ изданіи поэмы, т. е. черезъ восемь

двѣ послѣ перваго ея изданія, стало быть, тогда, когда Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вошелъ въ духъ народной поэзи. Первое семнадцать стиховъ, которыми начинается «Руслань и Людмила», отъ стиха «Дѣла давно минувшихъ дней» до стиха «Нѣско кланяясь тоскѣмъ» дѣйствительно пахнутъ Русью, но ими начинается и имже оканчивается «Русскій духъ всей поэмы».

Хорошо знавшій русскую литературу умный немецъ Фаригагенъ-фонъ-Энде, писалъ въ своей статьѣ о Пушкинѣ конемъ 1830 гт. по поводу «Руслана и Людмила»: «Поэма отличается въ высочайшей степени предельною разсказомъ и возрастающею занимательностью; свѣжесть и краткость выраженной дѣлѣ весьма удѣла... Однако же, скажи недостаетъ высаго содержанія: она ограничивается однимъ фантастическимъ, и при всемъ достоинствѣ, которое имѣеть въ семь отношеніи, должны мы сознаться, что поэтъ является въ ней не въ полной своей силѣ» (Землицкій IV, 118—119). Появленіе «Руслана и Людмила», по словамъ Анненкова, встрѣчено было съ восторгомъ публикой и съ недоумѣніемъ тѣми людьми, которые видѣли въ ней удивленіе поэзи и вообще достоинства литературы, въ чемъ, какъ извѣстно, упрекали и преобразованія «Карамзина»... «Дѣло шло собственно о русской скажкѣ, какъ о предметѣ для энопей. Теперь всякому ясно, что поэма Руслань и Людмила весьма далеко отстоитъ—по духу, выраженію и обилію самыхъ героевъ—отъ народной скажки; но тогда разница эта не вполне понималась и подаля поводъ къ весьма любопытнымъ спорамъ»... «Вѣстникъ Европы» стѣлался «оумъ ужаса, возбужденнаго въ некоторыхъ людяхъ этимъ вѣдомъ складномъ русскаго міра въ область поэзи»... «Въ «Русланѣ и Людмилѣ» заключалось и другое зерно правды, именно тайная насмѣшка поэмы надъ чуждою прѣжнюю такъ называемыхъ русскіхъ ибень и разсказомъ изъ народной жизни»... «Самъ авторъ какъ будто шутитъ надъ складными мѣстами, которые употребляетъ въ дѣло, надъ собственными прѣемами и образами. При некоторомъ вниманіи легко можно замѣтить сатирическое направленіе поэмы, которое вышло разъ наружу само собой и весьма ярко именно въ 4 главѣ, гдѣ помѣщена пародія на «Двадцать спящихъ дѣвъ» Жуковскаго. Все это имѣеть важное казало многомъ не только держимъ позвожденіемъ, но почти разрывомъ со всѣми преданіями «искусства»... «Въ поэмѣ все

молодо, свѣжо, исполнено порывомъ чувства, а не страсти, привон насмѣшливости, а не проны. Это было, по нашему мнѣнію, послѣдній блестящій метеоръ того же французскаго вліянія, подъ которыми Пушкинъ находился такъ долго. Пушкинъ въ послѣдствіи увидѣлся, что незамѣтили холодности его поэмы; по этому была весьма основательная причина; предель картинѣ, свѣжесть молодыхъ ощущеній отводили глаза и мѣшали видѣть, что за всѣмъ этимъ ибѣтъ истина о чувствахъ». «Необычайно тщательная отбѣлка лишила ея, быть можетъ, и послѣдній его проблесковъ. Отбѣлка эта выказалась еще строже во второмъ изданіи 1828 года, съ котораго печаталась всѣ послѣдующія; тамъ было пропущено и передѣлано болѣе 12 мѣствъ, но за то присоединено вступленіе, которое по складному духу и народнымъ краскамъ, превосходить всю поэму» (Материала для біогра. Пушкина, Сиб. 1873, 59—61).

Всѣ приведенныя до сихъ поръ отзывы о поэмѣ «Руслань и Людмила» отличаются общностью сужденій, имѣющихъ характеръ притворковъ. Сопровождающія нѣкъ изрѣдка историко-литературныя справки и указанія носили характеръ болѣею частью гадательный, или не отличались доказательностью и точностью. Это, къ особености, называется въ статьѣ Вѣдннскаго. Въ послѣднія двадцать дѣтъ совершился замѣтный переворотъ въ отношеніи изученія Пушкина. Юбилейная торжества, сопровождающія исполненіе столѣтія со дня рожденія великаго поэта, вызвали необходимость поставить изученіе произведеній Пушкина на строго историко-литературную почву. Это отразилось очень выгодно на изученіи отдѣльныхъ произведеній Пушкина. Изученія приняли характеръ историко-литературныхъ монографій, углубившихъ изслѣдованіе, сообщившихъ ему детальность разработокъ подробностей и сообщившихъ извѣстнымъ взглядамъ и притворамъ характеръ и значеніе научныхъ выводовъ. Въ частности поэмѣ «Руслань и Людмила» было посвящено нѣсколько монографій и статей, въ которыхъ были привлечены къ сравнительно разнообразнаго историко-литературнаго матеріала, освѣтивши въ достаточно степени вопросъ объ отношеніи Пушкина къ современной ему литературѣ русской и западноевропейской, къ тѣмъ вліяніямъ, которыя испытывалъ поэтъ въ ту пору своего творчества, когда писался поэма «Руслань и Людмила». Главными трудами, посвящен-

нами изучению нашей поэмы являются: Л. Поддубная о ва, Предисловіе къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» въ его изданіи «Сочиненій Пушкина съ объясненіями пухъ и собственн критикой» «для семьи и школы», т. II, стр. 1—22, М. 1887 г. П. В. Владиславировъ «Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина», Киевскій университетъ, изв. 1895 г. № 6, и его же «Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ», тамъ же, 1899 г., май, и отдѣльно; «Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра», Киевъ, 1899 г.; А. И. Кириничъ и др. «Очерки по исторіи новой русской литературы», изд. 2-ое, М., 1903 г.; П. И. Чернышевъ, «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьков, 1900 г., ст. XX «О Русланѣ и Людмилѣ»; П. И. Шеффера, Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ, «Русланъ и Людмила» (въ Сборникѣ Памяти Л. П. Майкова и отдѣльно, Сиб. 1902; М. Г. Халазскаго, «Къ созданию поэмы Русланъ и Людмила», стр. 411—415, Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память Пушкина, Харьковъ, 1900 г.; В. В. Сиповскаго «Русланъ и Людмила» (въ литературной исторіи поэмы, въ академическомъ изданіи «Пушкинъ и его современники», т. I, вып. IV, стр. 59—84 и др.

При свѣтѣ новыхъ изслѣдованій затрагивавшіяся предшествующей критикой историко-литературные вопросы, свиданные съ «Русланомъ и Людмилой», главнымъ образомъ вопросы объ отношеніяхъ Пушкина къ русскому сказочному эпосу, къ русскому народному творчеству, съ одной стороны, къ Аріосту, Виланду, Флоріану, Вольтеру, съ другой — получаютъ иное рѣшеніе. Предлагаемъ здѣсь послѣдній сводъ того, что добыто совокупными усиліями названныхъ изслѣдователей.

Самъ Пушкинъ въ «Посвященіи» характеризуетъ свою поэму словами «времечъ минувшихъ неблизкихъ». Въ текстѣ поэмы она и называется ея содержаніе «средними старинами глубокою» (пѣснь I, ст. 2), «старинными быдлами» (VI, 3), «вѣчными преданиями» (V, 426), въ дѣлѣ «средними темной старинами», а въ «вступленіи», знаменитомъ чередѣ 5—6 дѣвъ поэтъ самой поэмы, называетъ ее просто «сказкой». Характерно токъ поэмы, она называется ее «вѣчною дѣлою» (VI, 94), «дѣтскимъ изобрѣтеніемъ», «дѣтскимъ ирриямъ» и даже «вѣчными

грѣшными». Такимъ образомъ, самъ поэтъ относилъ «Руслана и Людмилу» къ категоріи произведеній сказочно-богатырскаго характера, съ примѣсомъ кое-какихъ историческихъ ассоціацій или намеконъ, или мотивонъ. Такія произведенія существовали въ русской литературѣ въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX ст. и назывались на языкѣ пухъ авторовъ «богатырскими повѣствованіями», «сказками», «волшебными повѣстями» и проч. Укажемъ Попова Михаила «Славянскія древности или приключенія славянскихъ князей» (Сиб. 1770—1771; Чулкова Михаила «Русскія сказки, содержанія древнѣйшихъ повѣствованій о славянхъ богатырхъ, сказки парцанъ и прочія, оставшіяся черезъ пересказываніе въ намяти и приключенія» М., 1780—1783; Карамзина «Пѣль Муромецъ» (1795 г.); Николая Радичева «Давиша Поповичъ» и «Чурла Печковичъ» — богатырскія повѣствованія (М., 1801 г.); «Славянскія вечера» Парфянаго; Жуковского «Вадимъ» (1803; Давоа «Добрыня» (1804 г.); «Три поеса» Жуковского же (1808 г.) и друг. Названные произведенія русской литературы примыкаютъ къ аналогичнымъ произведеніямъ сказочнаго, героическаго и волшебна-фантастическаго содержанія западно-европейской литературы, определяющимъ пухъ характеръ и даже до известной степени содержаніе. Изъ этой современной Пушкину литературы, которую онъ прекрасно усвоилъ еще до поступленія въ Лицей при посредствѣ библіотеки своего отца и дяди Василія Львовича, нашъ поэтъ заимствовалъ какъ сюжетъ поэмы, такъ и отдѣльные мотивы ея. Что касается стиля и тона поэмы, то и въ этомъ отношеніи она примыкаетъ къ тому, небольшому еще сравнительно въ XVIII в., числу произведеній, въ которыхъ свѣжакъ и сильной струей пробивался народный языкъ, веселость и непринужденность тона и которая привлекали къ себѣ вниманіи юнаго поэта, можетъ быть, не безъ вліянія въ данномъ случаѣ В. Л. Пушкина, служившаго практически именно этому роду поэди. Таковы поэмы В. П. Майкова «Евсей или разраженны Вакухъ», Богдановича «Душенька», Гераскова «Бахаріана», В. Л. Пушкина «Опасныя Сосѣды» и инокторы другія. Мысль о сказочной поэмѣ, относящейся къ русской старинѣ, у Пушкина первоначально концентрировалась около личности Шоръ и Оляги: въ Лицѣ у него были планъ поэмы «Шоръ и Оляга», оставшіяся неосуществленными: въ 1815—16 г. у него

же была мысль о литературной обработке сказки «Бова», осуществленная въ написанномъ отрывкѣ изъ этой поэмы. Отсутствие продолженія «Бова» объясняется (ср. выше примѣч. къ «Бовѣ») слѣдующими строками письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г.: «Обищите Батюшкова да того большаго, у котораго опъ годъ тому назадъ завоевалъ Бову королевича».

Основнымъ мотивомъ поэмы «Русланъ и Людмила», каковой ея, служить литературно-сказочный мотивъ похищенія невѣсты и отысканія ея героемъ; этотъ мотивъ поэтъ сочеталъ съ историческими преданіями о Владимѣрѣ и набѣгахъ на Киевъ при немъ печенеговъ. На фонѣ этого основнаго мотива фантазія юнаго поэта, напѣтая образами и мотивами современной литературы волшебнаго-рыцарскаго романа, «вѣщила новые удоры», которые составляютъ содержание поэмы. Представляя въ историко-литературномъ отношеніи завершенную у насъ въ русской литературѣ въковой исторіи «волшебнаго-рыцарскаго романа», поэма является и высшимъ пунктомъ этой исторіи, дальше котораго литературная эволюція въ данномъ направленіи прекратилась. Изъ указанной «массовой», какъ говоритъ В. В. Сиповскій, литературы Пушкинъ заимствовалъ большинство какъ собственныхъ именъ своихъ героевъ, такъ и самыхъ отдѣльныхъ сюжетовъ. Изъ произведеній иностранной литературы, оказавшихся на поэмѣ «Русланъ и Людмила», несомнѣнно вліяніе сказокъ «рѣзвато» Гамилтона, Аріостоваго «Orlando furioso» и «Жанна Орлеанскаго», «La Pucelle» Вольтера, которую самъ Пушкинъ-лицензѣ называлъ «книжкой славною, золотою, незабвенною, катехизисомъ остроумія» въ стихотвореніи «Бова».

Собственное имя героини поэмы, задуманной поэтомъ, кажется, ранѣе героя — Людмила — ошно изъ любимыхъ именъ русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка; такъ называлась героиня въ балладѣ Карамзина «Раиса», написанной въ 1791 г.; главная героиня поэмы Николая Ратцера «Альона Попова», сказки Жуковскаго «Три полая» и баллада «Людмила» его же. Имя Людмила впервые появляется Пушкинъ въ послѣдній «Къ сестрѣ» 1814 г., намекая на балладу Жуковскаго:

И быстро стрѣлой

На Волжскій брегъ примчался,

Съ подругой обнимая
Весны моею длотой
И какъ пѣвель Людмила,
Мечты невольнички милая,
Вашею подлѣ отчій кровю,
Несу тебѣ не длото—
Чернею я небогато—
Въ подарокъ нуль стиховъ.

Имя главнаго героя поэмы — Русланъ, вѣроятно, заимствовано изъ повѣсти Богдановича «Славяне» 1787 г., въ которой выведенъ Русланъ, посолье славянскій, защитникъ славянскихъ вѣстей цесаря Александромъ Македонскимъ, влюбленный въ Доброславу и соединяющійся со своею возлюбленною послѣ вѣлаго ряда препятствій. Богдановичъ въ своей повѣсти имѣлъ въ виду очевидно свѣдѣтельство русскаго хронографовъ XVII вѣка о дипломатическомъ сношеніи съ славянскими князьями Асана, Велкосана и Авенасана съ Александромъ Македонскимъ. Мало вѣроятнымъ представляется теперь мнѣніе о томъ, что имя Русланъ есть измѣненіе Руслана сказки объ Ерсланѣ Лазаревичѣ.

Черноморъ, имя Руслана и почитатель Людмила, взяты изъ «ботатарской пѣсни» Карамзина «Пѣль Муромецъ», въ которой разсказывается, между прочимъ, объ усиліи цн злымъ, хитрымъ волшебникомъ Черноморомъ красавицы и о пробужденіи ея при помощи талисмана доброй волшебницы Велеславы. Съ другой стороны, своимъ пребываніемъ въ волшебныхъ горахъ I. 227, оны поминать Звѣз Горыничъ большъ, съ которыми поэтъ познакомился по сборнику Кирии Данилова. Именемъ богатыря Роговъ, взятымъ изъ Никоновской лѣтописи, ранѣе Пушкина воспользовался Парфакій въ «Славянскихъ вечерахъ» и Жуковскій въ повѣсти «Марьяна рога». Ратмиръ въ формѣ Ратмиръ и въ роли болгарскаго князя былъ выведенъ Батюшковымъ въ пов. «Претсела и Добрыня».

Этнографическое имя въмето како о-лико собственнаго добродѣтельнаго волшебника, помогающаго Руслану Финна могло быть, по сказанію Пушкина, желаніемъ притворить своей поэмѣ черты древне-русской исторической дѣятельности, указаніемъ на тѣсныя связи съ финнами, которые, по словамъ исторіи Карамзина, «славялись минимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели хуброствомъ» г. П.

Кіевскій князь Владимиръ среди богаты-

рей и 12-ти своихъ сьмной, пѣвещъ Баянъ, прапи печенѣи фигурируютъ въ сказкахъ Чудкова, съ которыми Пушкинъ былъ хорошо знакомъ. Но вѣроятъ возможно, что Пушкинъ успѣлъ познакомиться въ періодѣ созданія «Руслана и Людмилы» и съ дѣтскими «Посланиями» Николаевской, и съ древними русскими стихотвореніями Кирина Данилова, и со словомъ о Полку Игоревѣ при помощи или посредствѣ Карамзина и Жуковскаго.

Изъ современной литературы конца XVIII и начала XIX в. замѣстовать Пушкинѣ большинство отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы.

«Вступленіе» къ поэмі, написанное черезъ 5—6 дѣтъ послѣ самой поэмы, отражаетъ во 1-хъ, начало одной изъ сказокъ, слышанныхъ поэтомъ отъ няни Принцы Родионова: У морь-моря, у лукоморья стонеть дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ когы: вверхъ идетъ — сказки сказываютъ, внизъ идетъ — пѣсти поетъ: во-вторыхъ, слѣдующее мѣсто изъ Посланія «учителя» поэта — Жуковскаго къ Воейкову, написанное въ 1814 году:

Какъ да прозрачной пеленою
Я вижу древни чудеса.
Вотъ наше солнышко краса
Владиміръ князь съ богатырями,
Вотъ Дивирь князь между сказами,
И басурановъ тѣмъ какъ пруги
Вокругъ дубатахъ стѣнъ казать;
Сверкаетъ шлемъ и кольчуги;
Отъ кликовъ, тонога коней,
Отъ стука наиздъ, свѣта пращей
Далеко слышеть гулъ дрожачій;
Вотъ дивной облачецъ брони,
Добрый богатырь могучій
И когы его Златокопачъ
Черезъ стѣны и дѣла премучи
Не скачетъ взглядъ, а летитъ,
Громъ Златановъ и Полаковъ
И пѣвчъ и чудъ и великановъ
И въ танцѣ дѣвица краса
За дѣвны стѣны и дѣла
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склонилъ на руку главою
На путь изъ берега гланичъ
И такъ въ раздуми говоритъ:
О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты шепчешь!
Ты не отъ милого песенка,
Ты не принесъ веселья мнѣ,
Ирай съ востокъ въ вышинѣ,
Во полнѣбесью съ облаками,
Но ошно морь съ кораблями

Стрѣлу пернатую отви
Отъ друга—радости моеи—
Краса-дѣвица поетъ—плачетъ;
А другъ по доламъ, волнамъ скачетъ,
Летя за тридцать земель...
Тамъ бѣдетъ съ бабою-игонъ...
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣтъ дѣвъ ужасный;
Сяетъ басекъ вѣдн прераснай
Чѣмъ ближе онъ—тѣмъ даль свѣтъ;
То тяжкій филла подетъ,
То вращень раздается рокотъ;
То слышится русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ дѣвнй колдунгн;
И вдругъ стоять предъ нимъ чертоги.
Какъ будто слиты изъ огня—
Дворецъ Волшебнай царь-дѣвицы;
Красоу былы колчиги,
Дѣвнцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣвчъ привѣтствія поютъ.

Слѣдство отдѣльныхъ образовъ «Вступленія» и «Посланія» дополняется тождествомъ стилистическаго разбора обоихъ произведеній.

Похищеніе Людмилы Черноморомъ, самый способъ и моментъ похищенія—обычная завязка русскихъ волшебнорыцарскихъ романовъ; встрѣчается этотъ мотивъ и въ Оберонѣ Виланда и отчасти въ Пещеномъ Орландѣ Ариосто. Въ русскомъ романѣ «Изверженный Зедугъ», напр., говорится: «Въ первый еще день брачнаго союза, когда Гимель готовился уже убивать взаимную любовь Клеоронда и его жены, безцѣловѣчной Зедугъ «гнуснай эфронъ» исторгъ ее изъ пѣвчыхъ объятій своего сурруга и радрушилъ готовый совершиться бракъ» (В. В. Синовскій, I, с. 71). Въ III дѣствѣ «Оберона» Виланда разсказывается такъ о похищеніи исполиномъ Ангулаферомъ, «безопаснымъ огъ ударовъ меча и копыя» своей жены князь горы Ливанской: «Въ ночь моего брака, когда я уже, какъ сурругъ, готовился раздѣлять ее поспѣ, принесъ сей шщный волакъ, вырвалъ изъ объятій моюхъ сію невинную агинду и унесъ» (Оберонъ, перев. сочинителя русскихъ сказокъ, М., 1787 г., стр. 47). Въ Пещеномъ Орландѣ, сходно съ «Русланомъ и Людмилей», разсказывается о похищеніи Брадаманта. Образъ вѣстреба «цѣплятъ сельея похитителя» напоминаетъ сравненіе похитителя съ коршунномъ, похищающимъ дындечка, у Ариосто въ той-же сценѣ.

Помещение Черномором похищенной Людмилы въ роскошныхъ чертогахъ, гдѣ она окружена величественнымъ довольствомъ, гдѣ всѣ прихоти ея исполняются безъ замедленія—одно изъ «общихъ мѣствъ» волшебна-рыцарскихъ русскихъ романовъ XVIII в.

Безсиліе Черномора овладѣть Людмилонъ находить объясненіе въ той-же литературѣ: «сароды и волшебники могли наслаждаться любовью своимъ пѣльницъ только тогда, когда онѣ отдавались имъ добровольно: нѣтъ любовью была безсилна иль наука» В. В. Сиповскій, I, с. 64. Общимъ мѣствомъ является и сцена въ концѣ IV пѣсни, гдѣ разсказывается объ уловкѣ, къ которой прибѣгнулъ Черноморъ, чтобы «поймать» Людмилу и овладѣть ею (ст. 288—327).

Характеристика Людмилы сдѣлана Пушкинымъ подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ La ruselle Вольтера, что доказано приведеніемъ параллелей П. П. Шефферъ I, с. стр. 4—5 примѣч. 2).

Встрѣча Русалана съ добродѣтельными волшебникомъ старцемъ Финномъ, живущимъ въ пещерѣ, ближе всего напоминаетъ встрѣчу Алени Поповича со старцемъ — волшебникомъ, введеннымъ П. Радщевымъ въ его поэмѣ «Альона Поповичъ» пѣснь 2-ая изд. 1801 стр. 44—49, а затѣмъ аналогичные эпизоды съ добродѣтельными волшебниками и волшебницами въ тогдашней литературѣ волшебна-рыцарскихъ романовъ. Герои этихъ повѣстей «передъ долгими и опасными блужданіями по блуду свѣту встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ и волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ случайно или нарочно. Обозрѣвъ героя, иль покровители обыкновенно открываютъ имъ имя похитителя иль жель или невѣсть, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами» (В. В. Сиповскій I, с. 67).

Исторія отношеній Финна къ Нантѣ отражаетъ вліяніе «рѣзкого» Гамилтона). Въ его «Зенандѣ» является красавица Альбофредъ, которой также тѣпело выражаютъ любовь юности и умираютъ отъ любви къ ней: се не прогасть ничто, кромѣ красоты и блеска ея собственныхъ глазъ. Но оборотень «богъ любви» побуждаетъ ее и она терять свою красоту и превращается въ уродливую старуху и впоследствии дѣлается

волшебницей. «Въ дѣлѣ «героиника» старая колдунья Данто преслѣдуетъ своимъ страстью юного принца Фенниса, требуя, чтобы онъ женился на ней, подобно Нантѣ, которая воспыала страстью къ Финну» Людмановъ I, с. 9.

Протогипъ коварнаго и трусливаго Фарлафа В. В. Сиповскій видитъ въ «азарскомъ хаибѣ Трухтарѣ, женихѣ Милославы, въ «Славянскихъ древностяхъ» Попова I, с. 68. Встрѣча его съ «неукротимымъ Родземъ» напоминаетъ описаніе встрѣчи Алени съ неизвѣстнымъ вѣтземъ, оказавшимся переодѣтой Людмилой въ богатырской поэмѣ Николай Радщевъ.

Превосудная картина поля, убивающаго человѣческими костюми, на которое вступаетъ Русалка, и думы ея о суетности человѣческихъ мечтаній о славѣ и о смерти, видѣ жинной головы, синтой съ неизвѣстнаго героя-неполна, покоившейся спомъ на томъ полѣ,—все это мотивы, замѣшовавшіеся въ подобнахъ сценахъ и положеніяхъ въ «Русскихъ сказкахъ» Чулкова: «Силославъ, безъ оруженосца и коня, грустный бредетъ куда глаза глядятъ: странствуя очень долго, напелъ онъ многочисленное порубашное воиство. Обширное и прѣстранное поле все покрыто было мужскими тѣлами. Такое зрѣлище смузило его духъ и веселио въ него любопытство. Онъ очень долго разсматривать труны, которые находились въ различныхъ положеніяхъ: наконецъ по срединѣ сего умерщвленнаго ополченія увидѣлъ онъ голову, подлѣ которой находилось тѣло, котораго платье и вооруженіе показывали его военачальникомъ... Голова сія открывала и закрывала глаза свои нетомленные. Герой вступая въ разговоръ съ головою» В. В. Сиповскій I, с. 74. Герой другой сказки Булатъ тоже «очутился на пространномъ полѣ, покрытомъ мертвыми человѣческими костями: переломанное или заржавившее оружіе всюду разбросанное показывало бывшее ивсегда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе. Въ удивленіи оставляющъ человѣка всякія пристрастія и предающъ сердце его естественнымъ разуделеніямъ. Булатъ размышлять о суетности человѣческихъ дѣйствій, объ ослѣвленіяхъ мщенія и ложной славы, приукажающихъ иль ненавидѣть, гнать и убивать другъ друга, и можетъ быть извлечь бы заключеніе, что нѣтъ дѣя шихъ думашаго, какъ жить въ покое». Булатъ увидѣлъ богатырскую голову, вальнуююся въ безднѣстѣ и лишнююю погребенія: онъ захотѣлъ предать кости погрѣ-

бѣнои и «ночь черепомъ богатырскимъ
нашедь великій мечъ вмѣсто водлавія»
I, с. 1.

Пребываніе Ратмира въ очарованномъ замкѣ, населенномъ «смѣлыми отшельниками» и чувственная утѣха имъ встрѣченій, какъ преграды къ цѣли его странствованій, по удавленію В. В. Споскогаго — также общее мѣсто романовъ волшебнаго-рыцарскаго типа. Такъ напр., «Слославъ во время поноквоу своей возлюбленной попадаетъ въ роскошный замокъ населенный красавицами. Въ этомъ замкѣ, «домъ убоженій» все роскошно. «Началь битъ благовоиный водомеръ и орошать всѣ стѣны, отъ чего поднялся легкой и пріятной паръ, наполнивъ все зданіе теплотой; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Слославова тѣло. Въ такой покое роскоши, помушествовалъ Слославъ ибѣжнѣйшее разслабленіе членовъ и сладкое мѣлвие души». «Послѣ легкаго сна красавици повели его обидати: кушанья, разговоры, собесѣдницы, музыка, — все наполнило было великолѣпнѣмъ и ибѣжностью». Красавициъ 3000 и всѣ прелестны. Онѣ ему дашила, что замокъ иль весь наполнивъ женщинами, что иль «должности принимать чужестранцевъ и оныхъ угощать по иль соизволенію». «Бжеди ты ибѣжнѣе намбрение препроводить дѣвѣ свои вѣкъ, то можешь пользоваться ибѣмъ этими красавицами: онѣ будутъ иль во власти твои», сказала ему она иль красавици... Слославъ съ восторгомъ остался въ замкѣ, «препровождая время, получая всякой день новыя благоклонности отъ перемѣняющихся красавици. Восхищаяся роскошями, услаждалъ дѣвѣе свое разными великолѣпными сего замка, и такъ не оставалось ему ничево иного думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ нанта увеселенія думного и постоибишаго... Какъ у Пушкина «и этотъ замокъ оказался волшебнымъ, и когда разрушенъ были горы, онъ пещеръ со всеми красавицами и роскошью» I, с. 72, со ссылкой на «Пересѣвника» въ «Русскихъ Сказкахъ» Чулкова, стр. 159, 160, 161, 165, 166, 174. Какъ въ замкѣ девицаца дѣвѣ блжикопохотѣлькѣ соотвѣснующему мѣсту La Pucelle, въ I ибѣжѣ Чернышевъ III.

Увлеченіе Ратмира имено какъ «хадарскаго о лавѣ чувственими удовольствіями могло быть подтомъ думано въ дивисности отъ указаній исторіи Карамзина на многоженство хадарскихъ катановъ — «у дари хадаръ или катана 25 женъ и 60 налож-

ницъ», примѣч. 90 къ I гл.: оно является до известной степени для Ратмира возмраженіемъ къ привычной обстановкѣ жизни; можетъ быть въ связи съ этимъ стоитъ и превращеніе Ратмира болгарскаго князя новѣсти Батюкова, въ хадарскаго князя Ратмира. Увлеченіе Ратмира пастушкой и пидлическая жизнь его на домѣ природы тоже напоминая, схоиый эпизодъ въ русскіихъ сказкахъ Чулкова, имено разскалъ о жизни Добра и Милостана послѣ ряда тревоженій, въ бѣдности, рыбаками и въ счасти. Добръ о жизни своей говоритъ: «Предалсь мы всѣмъ пріятностямъ ибѣжнаго союза. Мы любилъ другъ друга съ горячиостию и пореди пустыни, удаленной отъ сообщества съ прочими людьми, не видали скуки. Мы раздѣляли труды рыболовства; любовь рождала намъ ежечасно новыя предлоги къ разговорамъ; каждая рощица, всякій дужокъ прилащали намъ; мы считали себя единою четою на свѣтѣ и привыкли къ нашему удаленію» (I, с. 68 съ ссылкой на Русскія сказки, стр. 119, 120). Постоибино въ образѣ Ратмира впервые Пушкинскими представлены тѣ черты, которыя позднѣе дали матеріалъ для образовъ Кавказскаго Шибника и Алеко. Роскошный градъ Черномора, чудесно устроенный въ сберныхъ горахъ, напоминая чудесные сады въ сказкахъ Гамльтона наприимѣръ въ Le Beller и въ другомъ Подивановъ, 10. Усленіе Людмила Черноморомъ въ виду опаснаго врага, какимъ для него являлся Русланъ — первѣкій мотиль волшебнаго-рыцарскаго романовъ; въ ильхъ дые чародѣи или потужаютъ героиню въ волшебный сонъ или превращаютъ иль въ какіе-либо иныя предметы или существа, и это происходить обыкновенно передъ развязкой романа.

Шапка-невидимка, при помощи которой Людмила скрывается отъ Черномора — образъ взятый иль русскіихъ сказокъ. Ср., напр., сказку объ Иванѣ-Царевичѣ и его сурмуѣ царь-дѣвѣцѣ, напечатанной въ «Паркестивѣ отъ думачности и бѣдопичица» въ 1819 г. Были и другія изданія — ср. Ровинскій, Рус. нар. картинки, I, № 36). Подель Руслана съ Черноморомъ въ сгенѣ иль битвы встрѣчается въ волшебныхъ повѣстяхъ и романахъ. Такъ напр., «Чародѣи Зедудъ дѣлать, а въ него ибѣжнѣе Касеронѣ. Зедудъ обращается въ разныхъ чудовищъ, но герои не вытускаетъ его» — В. В. Споскогаго I, с. 71.

Полѣца Руслана съ Людмилон въ Кіевѣ, убійство пераго и отионіе второй ковар-

ВИДѢТКА ОДЕЖДА КЪ РУССКАМЪ и ЛЮДИМЪ.

Придворнаго Къ Дворника Сиб. 1820.

нымъ Фарлафомъ и исцѣленіе Руслана Финномъ при помощи мертвой и живою воды—мотивы сказокъ; напр., Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жарь-птицѣ и свромъ волкъ (Ровинскій, Рус. нар. катг., I, № 40), первая печатная изданія которой относятся къ нач. XVIII в. и 20-мъ годамъ XIX-го.

Осада Кіева печенѣгами, битва съ ними Руслана и освобожденіе Кіева отъ нихъ—дѣтисный мотивъ, ассоціированный съ мотивомъ сказки объ Иванѣ-богатырѣ крестьянскому сынѣ, именно съ сюжетомъ о битвѣ этого богатыря съ войскомъ Поляка богатыря, навагана на Китайское царство (Ровинскій, I, 167).

Проведеніе подробное, детальное сравненіе мотивовъ поэмы съ мотивами современной Пушкину литературы даетъ основаніе приблизительно точно уже опредѣлить ея источники и вообще историко-литературныя отъношенія. Несмотря на значительную зависимость содержанія поэмы отъ содержанія русской литературы волшебнорыцарскихъ повѣстей, все-таки трудно согласиться съ утвержденіемъ В. В. Слюскаго, «что почти все содержаніе поэмы «Русла́в и Лю́мила» еще въ XVIII в. было у насъ сплошнымъ «общимъ мѣстомъ»: что съ ней нѣтъ ни одного эпизода, который не нашелъ бы себѣ нѣсколькихъ прототиповъ даже въ оной русской волшебной романтикѣ»; что «русскій читатель въ «Русла́в и Лю́милѣ» видитъ все давно знакомое, но изложенное не въ грубой прозѣ XVIII в. архаическими топорными стилизмъ, а въ легкой, прекраснѣмъ стиху, изящнѣмъ и звонкомъ, сверкающемъ то юношески-дерзкимъ юморомъ, то трагическою фривольностью» (I, с. 73, 75, 76). Если бы дѣйствительно русскій читатель 20-мъ годовъ въ «Русла́в и Лю́милѣ» видѣлъ все давно знакомое,—критика поставила бы подугу это на выгѣ; но этого не было: напротивъ, враждебная подуга критика отбѣгла въ поэмѣ интересъ повстанія. Несомнѣно, въ самомъ содержаніи, въ самыхъ эпизодахъ поэмы были и некоторые мотивы, впервые усвоенные Пушкинымъ русской литературѣ (напр., расія Финна и Пашы). Затѣмъ поэмѣ Пушкина отличаетъ чувство мѣры и изящнаго въ подборѣ волшебнорыцарскаго содержанія и выборѣ изъ наследія литературнаго XVIII в. того, что ближе подходило къ русскому сказочному міру. Наконецъ, у Пушкина мы видимъ и больше серьезнаго вниманія къ историческому національному преданію и

къ указаніямъ и толкованію историка: Пушкинъ стремился стать печальновѣстными поэтомъ IV, 24, стремился къ тому, чтобы его ивѣи были «расіянами» V, 426, и чтобы содержаніе поэмы заключало «старинныя быдѣ» VI, 3. Этими чертами поэма примыкаетъ уже къ литературѣ XIX в., къ тому направленію творчества Пушкина, которое выразилось поддѣе и въ ивѣи о вѣшемъ Олегѣ, и въ изложеніи паронювозическаго мотивовъ, и въ «Капитанской дочкѣ». Проводимыя въ поэмѣ, и хотя и въ слабой степени оправданныя, насколько позволяло состояніе русскаго паронювозическихъ и историческихъ изумленій, принципы правды и паронюности литературы дѣлали ее «романтической поэмой». Она отражала наиболѣе ясно и рельефно, чѣмъ это было у кого-либо изъ современниковъ, тѣ задачи новаго литературнаго направленія, которая частію сложилась, частію слагалась въ теоретическихъ предположеніяхъ членовъ Арамаса, нашихъ первыхъ романтиковъ. Въ самомъ тоѣ поэмѣ, въ отношеніи поэта къ ея содержанію было много такого, что дѣлало ее боевой, что имѣло характеръ протеста противъ пашащенности, худшности, искусственности господствоваваго тогда направленія; словомъ, были элементы того направленія, которое ярко и во всей полнотѣ выразилось поэзіе, в которое самъ Пушкинъ называлъ «паронюскимъ аризмомъ». Это дублка и почувствована и отбѣгла въ прозаіи Пушкина «Ивѣи» Руслана и Лю́милы.

Мы отбѣгли выше слѣва несомнѣваго вліанія на поэмѣ мотивовъ и образовъ, взятыхъ изъ русскихъ сказокъ; но среди нихъ не было сказки о Ерусла́вѣ Лазаревичѣ. Предположеніе, перво перажившая въ литературѣ, вліанія сказки объ Ерусла́вѣ Лазаревичѣ на поэмѣ Руслана и Лю́милы нужно теперь считать окончательно устраненнымъ. Но несомнѣно также, что знакомство Пушкина съ русскимъ сказочнымъ міромъ было очень слабое, ограничивавшееся нѣсколькими печатными изданіями сказокъ. Несомнѣно также, что Пушкинъ свободно обращался съ сказочнымъ матеріаломъ, не отличая дѣствительно фольклорныхъ мотивовъ отъ мотивовъ кивковыхъ и сочиненныхъ. И это касается не только самой поэмы, но и знаменитаго вступленія къ ней или пролога, о которомъ Вѣднскій со свойственными ему паронюмъ сказавъ, что о немъ «дѣствительно можно сказать: дугъ русской дугъ, дугъ Русско пахъ»

петь». Св. современной точки зрѣнія можно сказать, что и въ прологѣ столько же русскаго духа и столько же пахнетъ Русью, сколько и во всей поэмѣ. Даже знаменитые «Дукоторы» и «Котъ ученый» пролога обилиеиотъ въпротѣивѣ изъ литературыиныхъ, книжныхъ источниковъ. Но лучше помнить, что самое содержаніе русскаго фольклора раскрывалось медленно и современныя научныя воззрѣнія на фольклоръ и на вопросъ объ отношеніи его къ книжной словесности въ сущности сходится съ тѣми практическими рѣшеніями его, какое далъ Пушкинъ въ «Русланъ и Людмила». Универсальность сюжетовъ фольклора и зависимость его отъ творчества книжнаго или индивидуальнаго — результаты только позднѣйшихъ изученій. Въ нихъ свѣтъ свободное отношеніе Пушкина къ чудесно-фантастическимъ сюжетамъ и приуроченіе ихъ къ національному преданію — есть актъ гениальнаго предвидѣнія, проявленіе той черты гениальности, которая складывается въ освобожденіи отъ узкихъ теорій, что самъ поэтъ такъ чудесно выразилъ въ М. МН строфахъ «Родословной моего героя»:

Ненасытъ мыслями затыми,
Ненощаемый нѣмой,
Передъ курами златыми
Проходишь ты уныль и пѣмъ.
Съ злобой не дѣлишь ты ни гибла,
Ни нужды, ни хомута, ни репа,
Ни ушкельца, ни трупа.
Гудеть кричать: куда, куда!
Дорога зѣбѣ! Но ты не слышишь
Играть куда тебя влекутъ
Мечтающа таинная вар. мечты
(свободныя).

Таковы результаты современнаго намъ историко-литературнаго изученія поэмы «Русланъ и Людмила». Какъ видимъ, поэма обладаетъ по своему составу произведениемъ довольно сложнымъ, можно сказать даже мѣлкимъ. Но эта нестрога составя несколько не мѣшаетъ ей строгости, какъ художественнаго дѣла. Въ ней нѣтъ ненужныхъ лишностей, излишнихъ отступленій, все связано на своемъ мѣстѣ. Замѣтнованные эпизоды подожены оригинальнымъ языкомъ, освѣжены одной общей идеей, приближены свѣтлымъ и жизнегостнымъ настроеніемъ молодого поэта, магуаивающаго въ поэтическое поприще съ опредѣленнымъ и ясно сложившимся кругомъ литературныхъ воззрѣній. Впрочемъ, отъ замум-

ствованій не бываетъ свободенъ ни одинъ поэтъ даже въ пору полной зрѣлости своего таланта. Да современныя Пушкину читатели, повидимому, даже вовсе не интересовала сторона заимствованій въ поэмѣ Пушкина, ея литературные источники. Они были увлечены занимательностью содержанія поэмы, красотами ея языка и поэтическаго стиля и общимъ тономъ и характеромъ ея. Никому не было дѣла до выхлѣвъ, тяжелыхъ и аляповатыхъ по содержанию и языку произведеній, которыми, по предположеніямъ, Пушкинъ могъ пользоваться какъ источниками для своей поэмы.

Для того, чтобы понять восторгъ первыхъ читателей «Руслана и Людмилы», нужно имѣть въ виду, что поэма появилась въ періодъ борьбы послѣдователей «старого слога» или дожно-классицизма съ послѣдователями сентиментализма и романтизма въ русской литературѣ. Первые имѣли за собой пылкія литературнаго развитія, строгую, устойчивую теорію, значительную по количеству литературу и цѣльн читать авторитетовъ. Послѣдніе, при несомнѣнной талантливости своюю отдѣльную представителемъ, не могли указать на такое произведение, которое ярко выражало бы нѣкъ литературные взгляды и вкусы и импорировало бы литературными достоинствами и вліяніемъ на читающую публику. Поэма «Русланъ и Людмила» была такимъ произведеніемъ, котораго долго ожидали наши первые романтики, къ созданію котораго нѣкоторые изъ нѣхъ сознательно подходили. «Русланъ и Людмила» была сознательнымъ и яркимъ отрицаніемъ правилъ дожно-классической поэтики, и не только по отношенію къ одимъ такъ назыв. героическимъ поэмамъ. И хвалители поэмы и ея худители увидѣли въ ней произведеніе романтическое. Сердцаніи старовѣры Вѣстника Европы, «Житель Буларской свободы», рѣшительно придалъ къ ней «сначала романтизма германскаго» для нашей литературы (Вѣстн. Евр. 1820 г. № 20). Въ поэмѣ было «лицо и ярко выражено все то, о чемъ толковали, спорили, горячились защитники новаго слога — Карамзинъ, Василій Пушкинъ, кн. П. Вяземскій, Батюшковъ, Жуковскій и др., разрывъ съ требованіями старой школы относительно формы, проповѣдь свобода творчества, простоты, естественности и правды, стремленіе къ народности содержанія и языка, дошедшее до апогея простой сказки и возмеченія ея

сюжета из героическую поэму и допущений в поэмѣ «низкихъ словъ» и «мужичкиныхъ рифмъ». Это было действительное начало того литературного сдвѣженія, которое предсказывал Жуковский въ посланіи къ Воейкову еще въ 1815-мъ году! Появленіе «Руслана и Людмилы» было триумфомъ для горсти передовыхъ русскихъ литераторовъ, видѣвшихъ въ сближеніи съ вѣдѣмымъ романтизмомъ средство дать толчокъ литературному движенію на Руси. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» они выли произведение, которое могли смѣло противопоставить библіи русскихъ старобровъ, дожно-классиковъ—«Россіадѣ» Хераскова. Въ этомъ несомнѣнно и огромное значеніе «Руслана и Людмилы» для русской литературы: ея появленіе действительно «сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы», какъ справедливо сказалъ Бѣлинскій. Съ ея появленіемъ началась переоценка русскихъ литературныхъ цѣнностей, настала тотъ Аполоновъ судъ, который предсказывалъ Жуковский въ упомянутомъ уже посланіи къ Воейкову 1815 г. Поэмѣ XVIII в. Петриада, Россіада, Владиміръ и даже Душенька отступили далеко на задній планъ, и поэтическое значеніе Ломоносова, Хераскова и другихъ писателей XVIII в. начало опредѣляться иначе и рѣшительнѣе. Первый крупный трудъ поэтического Мессіи русской литературы принесъ съ собой осужденіе всему нашедшему, неестественному, холмовому и падутому въ русской литературѣ.

Средній русскій читатель, не зараженный предрассудками дожно-классической литературной школы, былъ очарованъ достоинствами содержанія и языка поэмы, возвышавшимъ ее надъ всей совокупностью произведеній русской литературы первыхъ 20-ти лѣтъ XIX вѣка. И въ балладахъ Жуковского, и въ элегіяхъ Баранкова, и въ стихотвореніяхъ Василія Пушкина и Дмитриева были литературныя достоинства, обезпечившія имъ успѣхъ среди русской читающей публики. Но вся совокупность произведеній названныхъ писателей, въ которыхъ больше или меньше ярко проявилось стремленіе къ простотѣ и естественности, до появленія «Руслана и Людмилы», въ количественномъ отношеніи едва-ли ранилась половиной содержанія этой послѣдней. Въ борьбѣ литературныхъ школъ и направлений и количество литературнаго материала должно быть принимаемо въ расчетъ! Но у Пушкина къ этому количе-

ственному превосходству содержанія поэмы присоединились ея художественныя достоинства, которыми она, едва достигшии 20-лѣтняго возраста, не только сравнялась съ корифеями новой русской поэзіи, но и превзошла ихъ во многомъ.

Читателямъ поэмы нравилось «сочаровательное разнообразіе» ея содержанія, «не уничтожающее единства дѣйствія». Прелесть разнообразія содержанія усиливалась эпизодами, отступленіями, картинками, образами, мыслями, прикрасеніями и проч. Заимствованные изъ произведеній XVIII в. эпизоды въ изложеніи Пушкина получали печать оригинальности, свѣжести и новизны. Этому способствовали въ 1-хъ, чудство художественной мѣры, благодаря которому юный поэтъ умѣлъ выбирать въ массѣ литературнаго хлама и старыя сюжеты, способные занять воображеніе и мысль новаго читателя, а во 2-хъ удивительное искусство владѣть языкомъ и стилемъ, благодаря которому старыя или даже избитыя сюжеты приобретали выдающійся интересъ. Стоить ближе сравнить изложеніе одного и тѣхъ же сюжетовъ, напр., у Радищева, Нарбѣжнаго или у Чулкова и у Пушкина, чтобы ясно увидѣть безконечную разницу между предполагаемымъ оригиналомъ и спискомъ. Списокъ является неизмѣримо выше своего оригинала. И читатели «Руслана и Людмилы» были правы въ своемъ предположеніи списка оригинала. Дѣйствіе, разнѣваемое въ поэмѣ, читатели и критики находили «истинно-художественнымъ»: «оно не занутило, просто, поэтически естественно и мастерски оживлено, разнообразно разнообразіемъ, мастерски сосредоточеннымъ въ единствѣ» (Галатей 1839 г. ч. 3, № 19, 20, Бѣлинскій, *ibid.*, IV, 56—57).

Въ заслугу поэму ставили и то, что она въ своей поэмѣ «связала на сцену людей, а не дѣвъ», т. е. болѣею частью изобразила характеры опредѣленные, индивидуальныя и развитыя, «сколько позволилъ объемъ поэмы». Слабость обрисовки характеровъ извинялась самою новизной этого искусства въ нашей литературѣ. «Нельзя сказать,—говорилъ критикъ въ Галатей,—что каждый изъ нихъ (изъ характеровъ) рѣзко обрисованъ; но этого нельзя строго требовать отъ нашего поэта,—онъ почти первый у насъ выступилъ на этическое поприще... Эпические характеры образуются вѣками и переходятъ изъ поколѣній въ поколѣнія, изъ поэмы въ поэму. Въ Италиі, напр. пожелай имъ основаніе Нульчи, воспроиз-

желни Карла Великаго, Морганто и пр. Бодро безъ перемены въсь его характеры въ свою поэмю Orlando innamorato, и создалъ нѣсколько своихъ новыхъ характеровъ. Ариосто воспользовался характерами, созданными воображеніемъ своихъ предшественниковъ, и досоздалъ нѣсколько своихъ такимъ образомъ, три поэта парисовали цѣлуду галлерію характеровъ, сотворили мадеинскій міръ идеаловъ» (Галагера 1839 г. Зелинскій IV, 58).

Высоко ставили современники форму поэмы—«аріостовскую», «самую приличную для живого разсказа, для обрисовки событий подвѣжныхъ, подумѣвшихъ», восхващавшую оригинальностью, общившую освобождение отъ стѣснительныхъ оковъ догмо-классическаго законодательства. «Здѣсь поэтъ не связанъ условіями такъ назыв. классическихъ поэмъ; онъ собственно говоритъ не поэтъ, а разсказываетъ. Такъ и должно быть,—время древняго эпоса прошло невозвратно; цѣль его была религіозная и политическая, цѣль повѣстнаго эпоса—просто забава воображенія, отдых ума, утомяннаго такъ называемою положительностью» (Галагера 1839 г. Зелинскій IV, 59).

Особенно же поразили современниковъ языкъ поэмы, ея художественный стиль, «свободный, развязный, текучій, звонкій, гармоническій» (Галагера тамъ же, Зелинскій IV, 56) «мужднвъ неясности и неопредѣленности» (Зелинскій I, 58) и стихъ, имѣвшій «легкостью, свѣжестью, простотой и сладостью» (тамъ же, изъ Сына Отечества 1820 г.). Въ особенности обращали на себя вниманіе сравненій, въ которыхъ Пушкинъ былъ и остался действительно непопражаемъ: «сравненія, употребленія нова, разительна, объясняютъ мысль, приносятъ ей силу, оживляютъ сухое описаніе и всѣмъ приведены кетани» (тамъ же стр. 58).

Возмущаясь разборъ «Руслана и Людмила» авторъ критической статьи помѣщенной въ Галагетъ за № 1839-й годъ называлъ эту поэмю «предельнымъ вѣчно думинымъ цѣломъ въ нашей поэзіи» (Зелинскій IV, 56). Многие русскіе читатели остались при такой высокой оцѣнкѣ первой поэмы Пушкина даже и тогда, когда Пушкинъ влекъ переродъ своихъ современниковъ, и первый въ творченіяхъ подолонниковъ своихъ таланта и критиковъ и цѣль изободѣ, дѣлая и совершенныя произведенія своего слова, переть кого-

рыми поблдибан художественная достоинство его первого поэтическаго труда.

Художественная достоинства содержанія поэмы опредѣлены, въ общемъ, вѣрно эстетической критикой Вѣлинскаго. Но суровой приговоръ знаменитаго критика наше время должно значительно смягчить. Многие мотивы поэмы и нѣкоторые характеры и образы ея, благодаря усовершенію ихъ оперой въ произведеніи гениальнаго Глинка, останутся безсмертными въ русскомъ искусствѣ и трудно даже сказать, сколько времени будутъ служить источникамъ высокаго эстетическаго удовольствія.

Стиль поэмы и языкъ ея не были еще подвергнуты детальному изученію. Но своему содержанію и отдѣлкѣ «Русланъ и Людмила» принадлежить къ числу переходныхъ шедевровъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ подолонный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является удлиненымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ, говорить Вѣлинскій. «Даже со стороны формъ, какъ ни много она выше обветшавшихъ формъ прежней поэзіи, есть звенія, соединющія «Руслана и Людмилу» съ прежнею школою поэзіи: мы разумедемъ здѣсь употребленіе словъ «бракъ», «глава» и продолжное употребленіе удѣвительныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина найдется больше десятка» Подолонковъ, 18). Но мнѣнію Анненкова, «стиль поэмы сохраняетъ постоянно хрустальную прозрачность и ясность и удивительную, но лишень точности, поэтическаго лаконизма и тогда извнзается вокругъ предмета граціозными крутами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ» (Матеріалы, 61). Въ посвященныхъ работамъ академика Ф. Е. Корна Радборъ вопроса о полнотѣ окончанія Руслана Пушкина Сиб., 1898 г.) и профессора Е. О. Бутие Омага грамматики языка Пушкина, Сиб., 1904 поэма «Русланъ и Людмила» привлекается къ наблюдению паравѣ съ прочими произведеніями поэта и не выделяеть особю ея посвященныхъ замѣчаній. Говя не менѣе, среди высказанныхъ замѣчаній упомянуты общія положенія относительно языка Пушкина, нѣкоторыя изъ нихъ болѣе близкае отношеніе къ нашей поэмѣ, и мы не можемъ не упомянуть о нихъ. Въ сущности они мало отличаются отъ того, что было подмѣчено и высказано уже Вѣлинскимъ. Но наблюденію профессора Бутие, «языкъ Пушкина въ первую пору его литературной

Плюсности не отличается существенно от языка современных его молодости писателей. Этот язык как бы слышится с языком образованного общества того времени приблизительно до 1818 года и остается на той же степени своего литературного развития, на которой мы видим язык Державина, Жуковского и Батюшкова (IX). «Приблизительно с 1818 года язык Пушкина становится языком эманципированным от элементов русской речи «класса и кова». Пушкин проникает глубже и глубже въ лексикологию, морфологию и синтаксис русской народной речи, и изъ всего прежнего балласта на долю языка поэзии оставляет лишь в церковно-славянской слова, которая съ эту пору, въ отличие от чисто-русскихъ, служитъ принадлежностью поэтической речи. Синтаксисъ же идетъ по пути національнаго развитія и сближенія съ речью чисто-русскаго человека; значительно быстрее лексикологию и морфологию (X). Веская цѣпными и вбрыма въяется наблюдение профессора Буде относительно источниковъ языка Пушкина: «Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка литературы: онъ пользовался тѣмъ живымъ матеріаломъ, который усваивалъ, собиралъ и воспринималъ въ практическомъ обществѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался» (3). Въ эпоху созданія «Руслана и Людмила» Пушкинъ пользовался разговорнымъ языкомъ русскаго образованнаго общества. Характеризуя этотъ языкъ, акад. Ф. Е. Корень говоритъ, что русскій 20-хъ, 30-хъ гг. XIX-го столѣтія сплошь да рядомъ былъ по-французски изъясненъ и въясненъ, какъ маркизъ времени Людовика XV, а по-русски неразборчивъ и грубъ въ выраженіяхъ, потому что французскому языку онъ учился по писателямъ классической эпохи, а русскому изъ разговора прислуши» (Разборъ Руслана, 269). Въ языкѣ Руслана и Людмила акад. Корень отмѣняетъ галлицизмы: онъ ободѣтель меня, и съ ма с т и н а и, (тамъ же, 66) взглядъ въперилъ на взглядъ въ молчаніи 68; провинциализмы или вулгаризмы: д а р ж а в с к ѣй ц и т л с ѣ т р а с у ч е н г о л о в о й, неправильныя конструкции: внимать съ вним. см. слушать, 71, неправильныя въ этимологическомъ отношеніи формы: настоящее-будущее падетъ, 76—77, натяжки въ порядкѣ словъ къ облитой головѣ смущеньемъ, 80, своеобразное употребленіе пѣкаторыаъ

словъ: видѣть томима, воспаденныи, 81, и даже одно совершенно непонятное мѣсто: все слышнть голодъ иль ужасный, 55. Но на ряду съ указанными несовершенствами стила и языка въ Русланѣ же и Людмилѣ встрѣчаются и настоящіе перлы чисто пушкинскаго поэтическаго языка, понимающаго послѣднимъ, согласно съ Ф. Е. Корнемъ, правильность и изящество стиха, поэтичность содержанія и его логическую и эстетическую умѣренность и необходимость (93). Эти искры пушкинскаго поэтическаго гѣнія блещутъ въ описаніяхъ природы и въ распространенныхъ сравненіяхъ:

Ужъ побѣднль закатъ румынъ
Надъ уснаженною землей;
Дымится снне туманы
И векоить мѣсяць золотомъ;
Промерка степь... (II п. 215—219).
Пронудилъ роши молчалива,
Чинудю эхо—копъ ретивыя
Заркаль, запырала, отлетѣль II, 259—261.
Чернѣть дѣль, темна гора,
Встаеть дуна, все тнмо стало II, V, 405—406
Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтай туманъ,
Дуна во мѣль перебѣжала
Назъ тумъ въ тулу и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла (V 440—444).

Примѣры сравненій: Убѣганіе Фарлафа отъ Родая сравнивается съ побѣгомъ зайца отъ гончихъ псовъ:

Такъ точно заць торопливый
Прикаши ули болзливо,
По копяамъ, полемъ, сквомъ дѣла
Скачками мнчелъ ото пса (II, 56—59).

Состояніе ботатырской головы, пораженной Русланомъ «въ черзанный языкъ» рисуется сравненіемъ съ бездарнымъ актеромъ, неожиданно осмистаннымъ театромъ:

Онъ ушнелъ, болъ, тнвалъ,
Въ мнуду дерзости дншалъ,
На князя голова дѣтнла,
Жельзо трыла и бѣтнла,
Въ споконномъ тухъ горячелъ
Такъ ипогта срьѣ нашелъ сѣднъ
Подошн пнго мѣдъ. Медленно мѣдъ
Въ дѣланнмъ свѣетомъ олушенъ
Ужъ ничто не внчелъ онъ,
Бѣтнтель, ролю дѣбаваетъ,
Дрожатъ, пошкандувъ головой,
И заикась умолаеть
Переть насѣднливой толдой (II, 317—320)

Смѣна настроеній въ душѣ человека—тѣвѣна и мѣненя — прощеньемъ сравнивается съ таяньемъ льда подъ влѣньемъ жгучихъ лучей солнца:

Въ немъ (Русланъ) тѣвѣ свѣрбный
умрасть

И мѣненъ бурное надеть

Въ душѣ, мольемъ усмиренной:

Тамъ на долѣвѣ таетъ ледь

Лучемъ полудня пораженный. (III, 354—358).

Народный элементъ въ языкѣ и стилѣ «Руслана и Людмила» почти отсутствуетъ. Гениальному поэту нужны были еще годы успешной работы, направленной къ сбли-

женію съ источниками литературной рѣчи, заключающимися въ народномъ языкѣ. Нужно было окончательно отрѣшиться отъ искусственности, характеризовавшей русскій литературный языкъ первой четверти XIX в., чтобы достигнуть той степени въ пользованіи средствами народнаго языка, при которой личность поэта сливалась съ народомъ до такой степени, что становилось иногда невозможнымъ разграничить, «разобрать, которыя пѣсни поетъ народъ, и которыя смастерилъ самъ Пушкинъ.» (Л. Майковъ. Пушкинъ 418).

М. Халанскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПУШКИНА КО 2-МУ ИЗДАНІЮ ПОЭМЫ (СПБ. 1828).

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея и продолжалъ ее среди самой развѣшенной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ее недостатки.

При ея появленіи въ 1820 году тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными (*). Самая пространная писана г. В. (Восейковичемъ) и помѣщена въ Сынѣ Отечества. Всегда за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

«Начнемъ съ первой пѣсни. *Commençons par le commencement*:

Зачѣмъ Финнъ дождался Руслана?

Зачѣмъ онъ рассказываетъ свою исторію, и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать рассказы (или по-русски рассказы) старца?

«Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь? Показываетъ ли это оторченного человека? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусовстію похвалъ ласкать Людмилу? Чины скажутъ: за глѣмъ, чтобы унасть въ грязный ровъ: *et puis on en rit, et cela fait toujours plaisir*.

«Справедливо ли сравненіе, стр. 46, которое вы такъ хвалите? Случалось ли намъ это видѣть?»

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою бороδοю (что, между прочимъ, совсѣмъ не забавно) приходилъ къ Людмилѣ? Какъ Людмила приваля въ голову страннаго мысля съхватить съ колдуна шапку (впрочемъ въ песнѣ что не надѣлешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?»

* Она изъ нихъ подала повѣсть къ эпиграммѣ, приписываемой К*** Крылову:

Напрасно говорить, что критика легка;

Я критику читалъ Руслана и Людмилы:

Хоть у меня довольно силы;

Но для меня она ужасно какъ тяжка.

Д. П.

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Роданъ, какъ ребенка въ воду, когда

Они схватились на коняхъ:

.....

Нужь члена злобой сведены:

Обыты, молча костьювоты, и проч.»

Не знаю, какъ Орловскій парировалъ бы это.

«Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre), зачѣмъ говорить онъ:

О поле, поле, кто тебя

Усыль мертвыми костями?

.....

Зачѣмъ же, поле, смѣло ты

И поросло травой забвенья?»

Время отъ пѣсни темноты,

Быть можетъ, иль и мнѣ спасенья? и проч.

«Такъ ли говорили Русскіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ забвенья и пѣчной темнотѣ времени, на Руслана, который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ съ важностію сердитою:

Молчи, пустая голова!

.....

Хоть добы широко, та зюду мало!

Я буду, буду не свиду.

А какъ наду, не смуду!

..... Знай нашихъ и проч.»

«Зачѣмъ Черноморъ, оставши чудесный мечъ, подожилъ его на полѣ, потъ головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?»

«Зачѣмъ будить двѣнадцать свиныхъ дѣвъ и поселить ихъ въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, забвуть Ратмиръ? Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда похвалъ? Зачѣмъ сдѣлалъ рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедь въ отчаяніе, не находитъ Людмилы, махаль до тѣхъ поръ мечомъ, что смилъ шапку съ лежащей на землѣ сурути?»

«Зачѣмъ карта не вытѣкъ изъ котомки убитаго Руслана? Что превращаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

Шатра бѣловѣтъ на холмахъ?»

«Зачѣмъ разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Платѣ и Эвентѣ? Что есть общаго между ними? Какъ писать (и кажется сериозно), что рѣчи Владимира, Руслана, Финна и проч. неидутъ въ сравненіе съ Омероглыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, и которыхъ много также не понимаю. Если вы намъ объясните нѣтъ, то мы скажемъ: cujusvis hominis est errare; nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philippis. XII, 2)».

Tes pourquo!, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно многия обвиненія сего дописа основательныя, особенно послѣдній. Шило дыло на себя глупо отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочемъ, нашлись рецензенты совѣмъ иного разбора. На прим. въ Вѣстникѣ Европы, № 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамеренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камюиса Мысь буръ, выхоишь изъ шибръ морекучъ и показывается посреди океана российской словесности. Пожалуйста напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые трясуть нашему терпѣнію новымя бѣдѣвкѣмъ, омынѣтся, разсмыются и оставятъ намъреніе съдѣлать добрътѣлями новаго рода Рускыхъ сочиненій.

«Дѣл: вотъ къ чему: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣное наследство литературы, т.-е. сказки и бѣсныя народныя. Что о нѣхъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, важе самыя безобразныя: то не должно ли съдѣлательно хранишь и остатки словесности нашихъ предковъ? Бѣдѣ важаго сомнѣній. Мы любимъ воспоминашь все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда кака-нибудь пѣсня или сказка служила намъ певниною лѣбовой и составляла все богатство подлѣннѣ. Вынте сами, что я не прочь отъ собиратія и издаванія Рускыхъ сказокъ и пѣсенокъ: но когда удѣлать я, что наши словесныя припѣвнѣ старинныя пѣсни совѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величій, плѣннѣстѣ, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенокъ, началъ

переводить ихъ на Шведской языкъ, и наконецъ такъ влюбилсъ въ сказки и бѣсны, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка забылиди Ерусалавъ и Бовы на новыи манеръ: то я вамъ слуга покорный.

Чтоо добраго ждать отъ повторенія бѣдѣ жалкыхъ, нежеди смѣшныхъ денетатій?... Чтоо жать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киришу Давидова?

«Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человеку терѣтъ, когда ему предлагать новое поэмъ, писанную въ подражаніе Ерусалаву Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 45 и 16 №№ «Слѣна Отечества». Тамъ неизвѣстный пѣтъ на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмъ своей Людмила и Русланъ (не Ерусалавъ ли?). По знаю, что будетъ содержать цѣлая поэмъ: но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣннѣ. Пѣтъ оживляетъ мужика самъ съ поготь и борода съ локотъ, придаетъ ему еще безконечныя усы (С. От. стр. 121), показываеъ намъ вѣтъмъ, шапочку невѣдудку и проч. Но вотъ, что всего драгоцѣннѣе: Русланъ пабѣжаеъ въ поль на побитую рать, видѣтъ богатырскую голову, подь которой лежить мечъ-каменецъ: слово съ нимъ раздѣлѣтствуетъ, сражаеъ... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ нашихъ мосей: теперь, на старости, сподобился вновь то же самое услѣшать отъ поговъ пѣннѣвшаго предмета!... Дѣлѣ большеи точности, чтобы лучше выразить всю предѣсть стариннѣнѣго нашего пѣсновѣднѣ, поэль и въ выраженіяхъ уподобилъ Ерусалаву расказыву, пѣннѣмъ:

...Шутите на со мною—

Вѣхъ у дѣлаво ваъ боротовѣ...

Каковѣ?

... Обѣхалъ голову кругомъ,

И сталъ предѣ посомъ молчаливо.

Щеко гилъ поэтри копѣемъ...

Картина достойная Кириши Давидова! Дѣлѣ: чухнула голова, да цѣло и ахо чухаетъ...

Я бу, бу, не слышу.

А какъ пабуу, не слышу...

Потомъ шидъ ударить въ щеку глѣкой рукалицей... Но удѣлѣ мѣнѣ отъ подробнаго описанія, и подвольте сирѣстѣ: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь вторяя предлозѣтаю

невозможное возможным) тость съ бородою, къ армякъ, къ зашляхъ, и закричать бы, вычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, подвyezте мнѣ, старинку, сказать публикѣ, посредствомъ какого журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а шмало не смѣшна и не забавна. Dixi».

Долгъ искренности требуетъ также упо-

мянуть и о мнѣшн одного изъ удивительныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: и тутъ не вижу ни мысли, ни чувства, вижу только чудовищность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) удивившия, первоклассный отечественный писатель, приклясться сеи ошъь молодатою полта сълдуощимъ стихомъ:

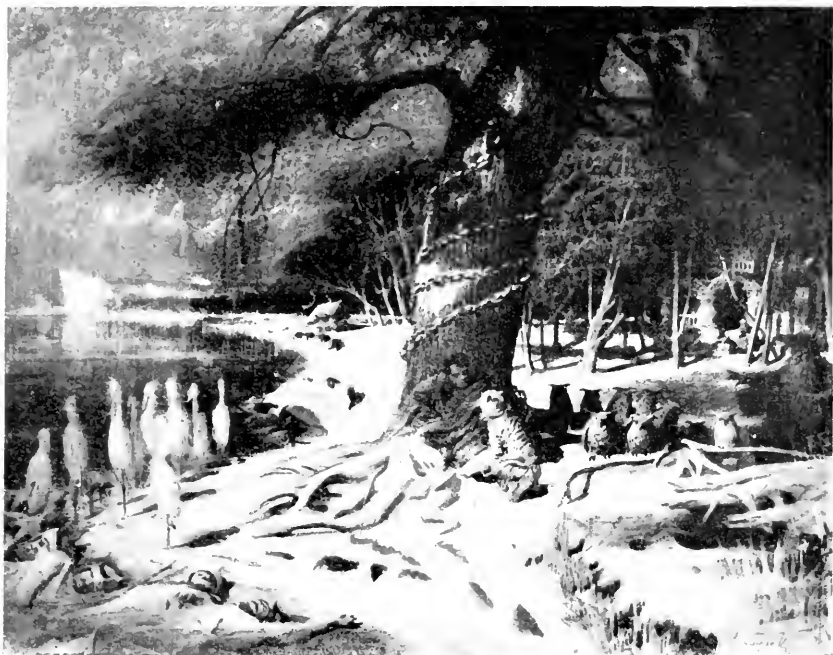
Мать дочери вѣнчекъ на эту сказку плонуть.

12 февраля 1828.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Для васъ, оуши моей цркви,
Красавицы, оля васъ очихъ
Время минувшихъ небылны,
Въ часъ ооцуюъ золотыхъ,
Поюъ монотъ старина болтливой.
Ручкою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ ширвой!
Ци чихъ не троюя похвалъ,
Счастлива уже я повеждой сладкой.
Что овалъ съ трестомъ лювои
Посмотритъ, можетъ овать, украдкой
На пѣсни црквиныя мои.

КАРТИНА Н. Н. КРАМСКОГО.
(Горьковская Галерея в Москве).

ПЬЕСЬ ПЕРВАЯ.

У дубоморя дубъ деденый;
 Загадъ дѣнь на дубѣ томъ;
 И днесь и почью кокъ ученый
 Все ходить по дѣни крутомъ;
 Идеть направо и лѣвь давоить,
 Налѣво — скажу говорить.

Тамъ чудеса: тамъ дѣвѣй бродить,
 Русалка на вѣвяхъ свить;
 Тамъ на невѣломыхъ торожкахъ
 Слѣды невѣнчаныхъ дѣврей;
 Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ,
 Стоитъ безъ оконъ, безъ щерей;
 Тамъ дѣсь и долъ видѣній полны;
 Тамъ о дарѣ прихлынуть волны
 На брегъ песчаный и пустой,

И тридцать витязей прекрасныхъ
 Чредой изъ вѣдъ выходилъ ясныхъ,
 И съ шумомъ дивна пухъ морской:
 Тамъ королевичъ мимоходомъ
 Исканеть грознаго царя;
 Тамъ въ облакахъ передъ пародомъ
 Черезъ леса, черезъ моря
 Колдунъ несетъ богатыря:
 Въ темницѣ тамъ царевна дужить,
 А бурый волкъ ей вѣрно служить;
 Тамъ ступа съ Бабою Ягой
 Идетъ, бредетъ сама собой;
 Тамъ царь Кашей надъ златомъ чахнетъ;
 Тамъ Руской духъ... Тамъ Русью пахнетъ!
 И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
 У моря видѣлъ дубъ зеленый;
 Ночь нимъ сидѣлъ, и котъ умный
 Свои мнѣ сказки говорилъ.
 Одну я помню: сказку эту
 Повѣдаю теперь я свѣду...

1828.

Рисунки къ Г. Г. Гагарина.

Съ дозволеніемъ издателя 1846-го г. изъ коллекции В. П. Яковлева.

ТРИДИЦА ВЛАДИМИРА.

Декорация К. Корovina. Из новейшей постановки оперы Глазика «Руслан и Людмила» на сцене Мариинского театра в Спб.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой,

Вь толико могучих сыновей,
Съ друзьями, въ тридцать высокои
Владимиръ-солнце пировать;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И метъ изъ звскаго стакана
За нхъ здоровье винавалъ.
Не скоро бѣи предки наши,
Не скоро двсгался крутомъ
Кованъ, серебряная чаша
Съ кишими пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце мши,
Шнцкѣ пѣли по краямъ,
Нхъ важно чашники послаи
И низко кланялся гостямъ.

Сладкой рѣчи въ шумъ невнятной;
Жужжить гостей веселай кругъ;
Но вдругъ раздаея гласъ принцаи
И звонкихъ гусей бѣлваи звукъ;
Всѣ смолкли, едунагоъ Баши:

И славишь сладостный пѣвдъ,
Людмилу-прелесть и Руслана
И Дездему свнтый имъ пѣвдъ.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не есть, не пьетъ Русланъ влюбленный;
На друга милого глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, щипли усь отъ пестерьяи,
Щипаетъ кашью мшювеньяи.
Въ ушнныи, съ насмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свѣтлымъ столомъ
Сидитъ три витязя млаые:
Безмолвна, да кошметъ пустымъ,
Забыви кубки круговае
И бранна неприютна имъ;
Не слышатъ вѣселаго Баши,
Позунали смущенныи кланять;
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастнае гавъ
Любви и невѣстнае лѣи,
Одинъ — Рогдан, контель смѣхнаи,
Мечемъ развшунувшии предѣлаи
Богатыи, Киевскии полени:

Другой — Фарлафъ, крикнуть надменный,
 Въ ширяхъ шикать непобужденный,
 Но пошьи скромный средь мечей:
 Поставишь, полный страстной думы,
 Молодой Азарейей ханъ Рагмиръ;
 Вся трое блудны и угрюмы,
 И ширь веселый имъ не въ ширь.
 Вотъ, конечно: они; встають рядами,
 Смыкались шумными толпами,
 И все глядя на молодыхъ:
 Небѣта очи опустила
 Какъ будто сердцемъ приуныла.
 И свѣтель радостный женихъ,
 Но тыль объедемъ всю природу,
 Уже близко къ полночи глухой:
 Бодрѣ, дадремавъ отъ мѣду,
 Съ поклономъ убрался домой,
 Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньѣ:
 Ласкаетъ онъ въ воображеньѣ
 Стыдливой дѣвы красоту;
 Но съ тайнами, грустными умиленьемъ
 Великій князь благословеньемъ
 Даруетъ юную чеду.

И вотъ невѣсту молодую
 Ведуть на брачную постель;
 Огни погасли... и поночую
 Лампаду зажигаетъ Дель,
 Свернулись милыя наездки,
 Любви готовится даръ;
 Надувъ ренишвыя одежки
 На Паретрацкіе ковра...
 Вы слышите ль влюбленный шопотъ,
 И подблудныя славыи звуки
 И прерывающіеся ропотъ
 Поездкой робости?... Сударынь
 Восторгъ и чувствуютъ даранъ;
 И вотъ, они настали... Врутъ
 Громъ уринуль, свѣтъ блеснулъ въ
 туманъ,

Лампада гаснетъ, пыль бѣжитъ,
 Крутомъ все смеркалось, все дрожитъ,
 Въ замерла душа въ Русланъ...
 Все смолкло. Въ тройной тишинѣ,
 Раздѣля пылью толщю странной,
 Не кто то въ напюнъ гдубинъ
 Вздыхъ чернѣе мгла туманной...
 И снова теремъ пустъ и тихъ:
 Вдѣваетъ пошуманный женихъ,
 Съ лица катится потъ ослепотъ:
 Гренища, хватуноу руконъ
 Они вопрошають мракъ пѣмонъ...
 О горе! пѣсь, позрети милонъ!
 Ахаетъ, воздухъ онъ пустонъ;
 Людмила пѣсь, во тѣмъ густонъ,
 Пошущена ослепотонъ силонъ.

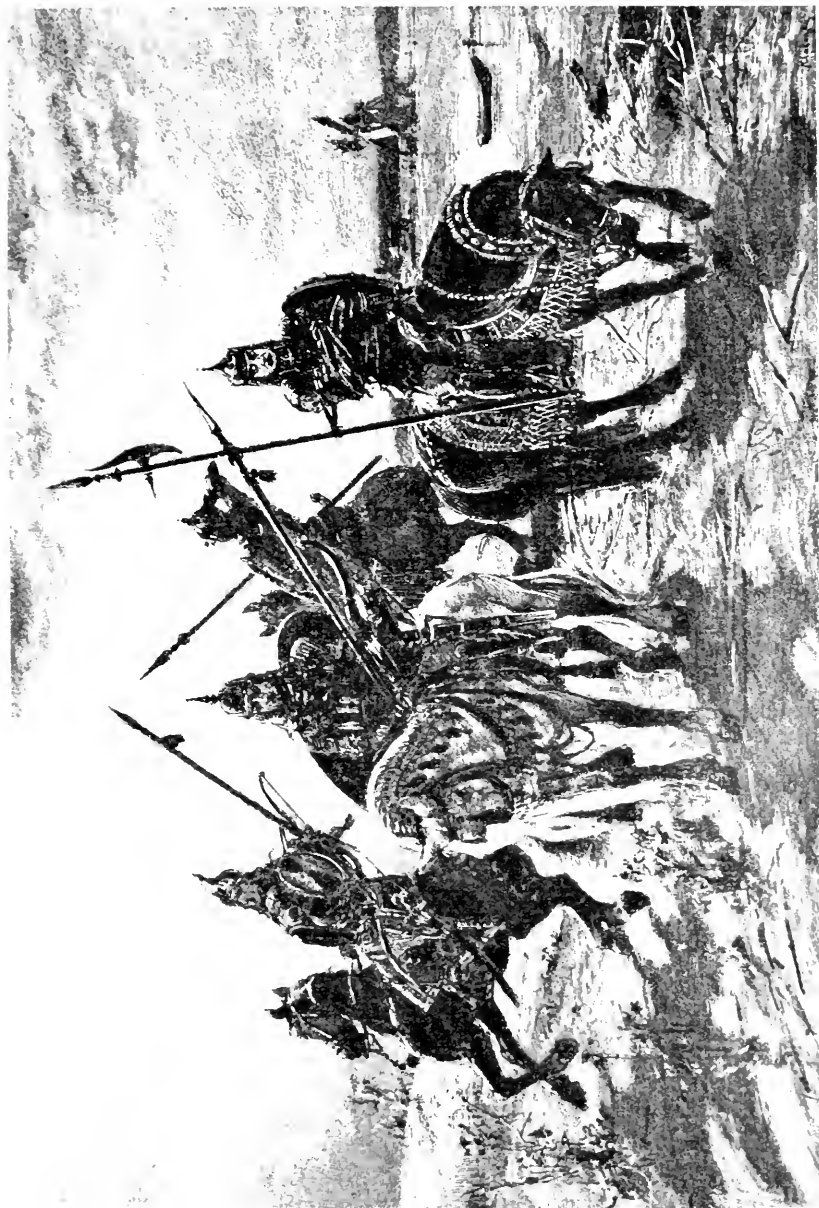
Ахъ, если мушкетеръ побѣи
 Страдать стрѣлою ошарашеноу

Хоть грустно жить, друзья мои,
 Однако жить еще возможно.
 Но послѣ долгихъ, долгихъ дѣтъ
 Обнять влюбленную подругу,
 Желаній, слезъ, топки предметъ,
 И вдругъ минутною сугругу
 Навѣкъ утратить... о друзья,
 Конечно лучше бѣ умеръ я!

Однако жить Русланъ несчастной,
 Но что сказать великій князь?
 Сраженный вдругъ молвой ужасной,
 На злыя гнѣвомъ распался,
 Его и дворъ онъ созываетъ:
 «Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
 Русланъ неслышитъ, «Дети, други!
 «Я помню прежняя заслуги:
 «О, скажите вы надъ старикомъ!
 «Скажите, кто изъ васъ согласенъ
 «Сказать за дочерью моею?
 «Мей подвигъ будетъ ненапрасенъ,
 «Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
 «Не могъ сберечь жены своей! —
 «Тому я дамъ ее въ сугруги
 «Съ полцарствомъ прѣдѣль монхъ.
 «Кто жъ вызовется, дети, други?...»
 — Я! молвилъ горестный женихъ.
 «Я! я!» воскликнулъ съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радостный Рагмиръ;
 Сей часъ коней своихъ съѣдемъ;
 Мы рады весь изѣздить мѣръ.
 Отецъ нашъ, не продлимъ раздуки:
 Не бойся, ѣдемъ за Княжной!»
 И съ благодарностью пѣмонъ
 Въ сѣдлахъ къ нимъ прострагаетъ руки
 Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
 Русланъ унываемъ какъ убитъ;
 Мысль о потерянной невѣстѣ
 Его терзаетъ и мержитъ.
 Сажаетъ на коней ретивыхъ,
 Водъ береговъ Дибира ссаглешныхъ
 Лететь въ кдубищейей язли;
 Уже скрываются вдаль;
 Уже всашиковы не видно болѣ...
 Но долдо все еще гдичитъ
 Великій князь въ пустое поле,
 И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И смѣсь и память потерявъ,
 Черель плечо главы сибивно
 И важно подобралъ, Фарлафъ
 Надувшись хвалъ за Русланомъ.
 Онъ говоритъ: «спасиу я
 «На волно вырвалъ, друзья!
 «Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?»
 «Ужъ то-то крошъ будетъ течь.

ОТЪЕЗДЪ БЛАЖЕННАГО БОЖИКА БОЖИКА.

Рисунки К. А. Савицкого.

«Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!
«Повеселись, мой вѣрный мѣкъ,
«Повеселись, мой конь ретивой!»
Хадарекій Ханъ, въ умъ своимъ
Уже Людмилу обнимая,

Едва не паднеть надъ съдомъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачешь онъ во весь опоръ,
То тразить быдана лукаго,
Кружить, поведеть на дыбы,
Наъ дерзко мчитъ на холмы снова.

Ротъ ей угрожь, молчишь — ни слова...
Спрашася нежданой судьбы
И мучася ревностью напрасной,
Всѣмъ больше безкощень онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремлёнъ.

Соперники одной дорогой
Все имѣтъ думать цѣлый день,
Дивара стать темень брегъ ологой;
Съ востока летятъ почти тѣны;
Туманы надъ Дивиромъ глубокимъ;
Нора кошатъ пухъ отомученъ,
Вотъ подъ горой туманъ широкимъ
Широкій пересѣкаетъ путь.

«Развѣдемся, пора!» сказали,
Безвѣстной вѣрнмоя судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стажи,
По волю пухъ избралъ себѣ.

«Что дѣлать, Русланъ несчастный,
Они въ душной тишинѣ?

Людмилу, свадьбы день ужасной,
Все, мнѣтъ, витьтъ ты во снѣ!

На брови мѣтныя племъ нависнушь,
Наъ мощнымъ руку уду покинушь,

Ты шатомъ идешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей

Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра,
Но вкругъ преть видѣмъ нещера:

Въ нещери свѣтъ, Онь прямо къ ней
Настъ подъ предмошье свои,

Ревесники самой природа,
Вонетъ съ ушащемъ: что-же дрътъ?

Въ нещери старецъ женны видѣ,
Словонынъ взоръ, бранъ събранъ:

Ламана переть шумъ горны;
За древней книгой онъ спитъ,

Ее внимательно читалъ,
«Добро подаловатъ, мой снѣ!»

Сказать съ улыбкой онъ Руслану:
Ужъ двадцать дѣтъ и дѣтъ онъиъ

Во мракѣ старонъ жизни вину;
Но наконецъ оказался тивъ,

Дивно превѣтливато мною,
Мнѣ имѣтъ, сведены судьбою:

Гатисъ и вѣдущая мѣня.

Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твоей твердой духъ теряетъ силы;
Но да промчится быстрый мѣкъ;
Напрямъ рокъ тебя постигъ,
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полномъ пробивай.

«Удаль, Русланъ! твой оскорбитель —
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давней похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ,
Еще измечъ въ его обитель
Не прощали тыишь взору;
Но ты, дѣмъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣи
Погибнетъ отъ руки твоей.
Тебѣ скадать не долженъ боги;
Судьба твоюхъ грядущихъ дней,
Мой снѣкъ, въ твоей отыишь волю.»

Наиъ витьтъ старцу пать къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.

Свѣдѣтъ миръ его очамъ,
И сердце подабыло очамъ,

Витовъ ожилъ онъ; и вдругъ оишь
На везьмуишемъ лицѣ кручина...

«Яена тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать,

Сказали старикъ: тебѣ ужасна
Любовь, съдого колдуна;

Спокойся, знаиъ; она напрасна
И юно дѣтъ не страшна.

Они звѣзды сводитъ съ небосклана,
Они свиснетъ — дакроитъ дѣна:

По противъ времени закона
Его наука не сильна.

Ревнивай, гревный хранитель
Замковъ безжалостнымъ дверей,

Онь только немощныи мучитель
Предестини вѣщицы своей.

Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Кличетъ жестокий жребий свой...

Но, доброй витьтъ, день проходить,
А дужень для теби покой.

Русланъ на мякнъ моухъ ложится
Преть умирающимъ отѣмъ:

Онь витьтъ полабытисъ сномъ,
Вдыхаетъ, медленно перетьтъ...

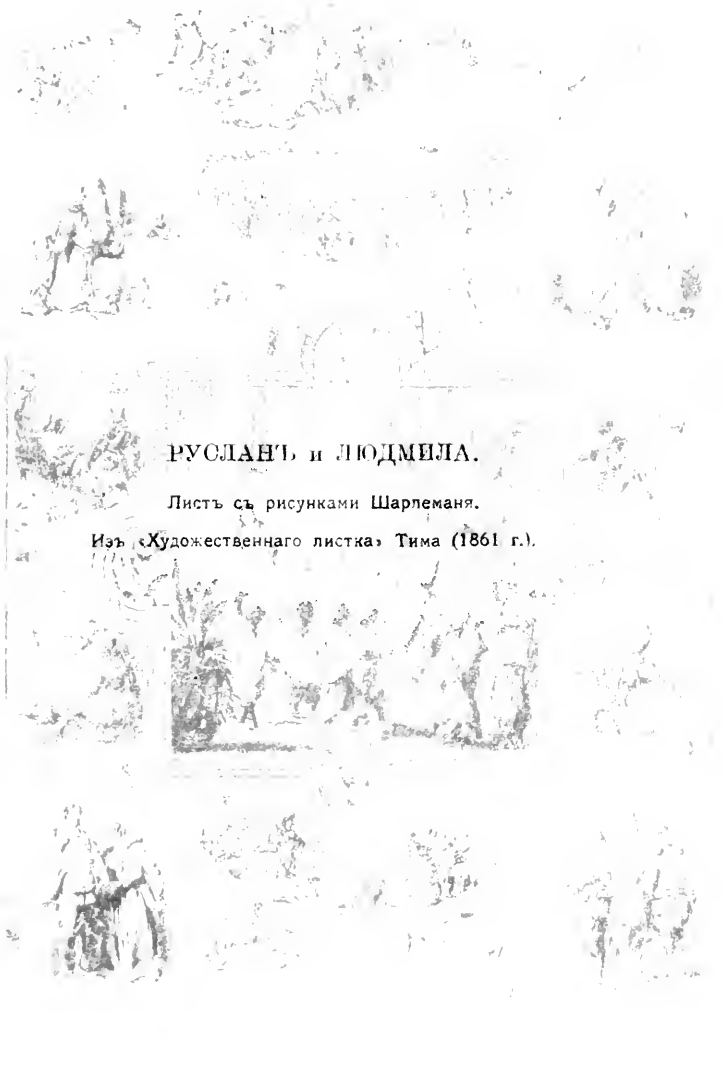
Напрасно! Витьтъ, наконецъ:
«Не спитъ что-то, мой отецъ!

Что дѣлать: боленъ я душой,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.

Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоемъ бездѣно свѣтомъ.

Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Открося: кто ты, благодѣтель,

Судьбы наперсникъ немощный?»

РУСЛАНЪ И ЛЮДМЕЛА.

Листъ съ рисунками Шарлеманя.

Изъ «Художественнаго листка» Тима (1861 г.).

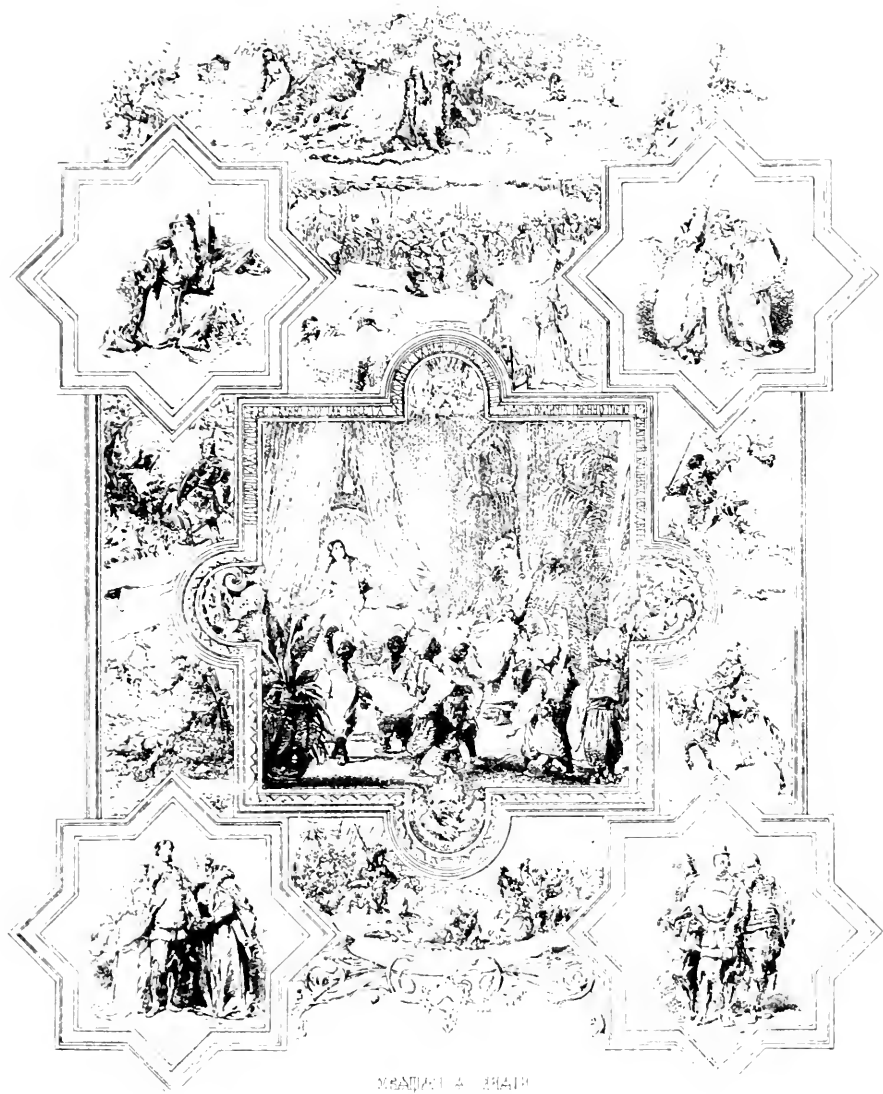
1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900

ИЗВЕЩАНИЕ

о состоянии дел в Обществе

за 1881 год

1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900

SCENARI A BRATI
CENORI

В пустыню кто тебя занес?»

Вдохнуть съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «люблей сынъ,
Ужъ я забылъ отъчизны дальшой
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинухъ, намъ однимъ известныхъ,
Гоня стадо съелъ окрестныхъ,
Въ безмечной юности я звалъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашумъ скалы,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селеня,
Какъ мильи цѣтъ уединеня,
Жила Паша. Межь подругъ
Она гремѣла красотю.
Однажды угренией порою,
Свои стада на темный дугъ
Я гналъ, вольнуку надувая,
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Она, красавица младя,
На берегу плела вѣнокъ.
Мени влекла моя судьбина...
Ахъ, видѣтъ, то была Паша!
Я къ ней—и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ была наградою,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадою,
Съ ея мучительной тоскою.

«Умчалась гола полночя:
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Паша.
Но робкой горести моею
Паша съ гордостью внижала,
Лишь прелести свои любя;
И равнодушно отвѣчала:
Паслухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куца, тѣнь дубровы,
Веселы игры паслуховъ—
Ничто тоски не угубило.
Въ ушахъ сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумалъ я
Оставивъ Финскія поля:
Морей невѣрныхъ пучины
Съ дружиной братскою переплыть,
И бранной славою заслужить
Вниманье горюе Пашы.
Я вызвалъ смѣлымъ рыбакомъ
Пекать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немнрыхъ челоковъ.
Я вдалъ улыбка, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ:
Мы десять лѣтъ съѣга и волны

Баррили кровью враговъ.
Молва неслакъ: дари чужбины
Старались терпости моею:
Нухъ горделивал дружины
Блжали съверныхъ мечей.
Мы весело, мы гордо билась,
Дѣвали дани и дары,
И съ побѣжденными сѣдлись
За дружедобные шеры.
По сердце, полное Пашою,
Нощь шумомъ битвы и шировъ,
Томилось тайною кручиною,
Некало Финскихъ беретовъ.
Пора домой, сказалъ я, друи!
Повѣсемъ праздники кольчуги
Нощь събыю мѣжкны ротою.
Сказалъ—и весла занумѣли:
И, страхъ оставя за собою,
Въ дальнѣ отъчизны дорогю
Мы съ гордой радостью влѣбли.
Сбылись давнишнія мечты,
Сбылись малкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы нагнетноу
Принесъ я мечъ окровавленноу,
Кораллы, злато и жемчугъ:
Предъ нею, страстно умоенный,
Безмолвнымъ роємъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я пѣвникомъ послушнымъ:
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвъ съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Что пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ молвы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мыслъ роится,
Но бороть моею сѣдой
Слеза тяжелая кагнетя.

Но слушай: въ роднѣхъ моею,
Между пустыннымъ рыбаеръ
Наука шивая гоняетъ,
Нощь кровомъ вѣчною тишины,
Срещъ лѣсовъ, въ глуши далѣкой
Живугъ сътые колдуны:
Къ предметамъ мудрости вѣсокю
Вѣь мысли нухъ устремлены:
Все слынишь голосъ нухъ ужасный,
Что было и что будетъ вѣтовъ,
И грозной воль нухъ повластны
И тробъ и самая любовь.

И я, любви пекатель жашой,
Рывился въ грусти безотрадноу
Пашу чарами привлечь,

И вь гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
 Любовь волшебствами зажечь.
 Сбланишь въ объятія слободы;
 Въ удивенный мракъ слободы;
 И тамъ, въ учены колдунювъ,
 Провести нещадимые годы.
 Насталъ давно желанный мигъ,
 И тайну странную природы
 Я сивилою мыслію постигъ:
 Узнавъ я силу заклинаньямъ.
 Владець любви, владець желаньямъ!
 Теперь, Пашиа, ты моя!
 Нобѣда наша: думать я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель.
 Былъ рокъ, упрямый мой гонитель.
 Въ мечтахъ надежны молодой,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ и въ тѣмъ дѣвоній
 Стрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихоръ поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой...
 И вдругъ сидитъ передо мною
 Старушка дряхлая, съвая,
 Глазами вялыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ трясучей головой,
 Печальной ветхости картина.
 Ахъ, видѣлъ, то была Пашиа!...
 Я ужаснулся и молчалъ,
 Глазами странной приракъ мѣрять,
 Въ сомнѣннѣ все еще не вкрѣпъ,
 И вдругъ заплакала, закричала:
 Возможно ли! ахъ, Пашиа, ты ли!
 Пашиа, гдѣ твой краса?
 Скажи, уже ли небеса
 Тебя такъ странно измѣнили?
 Скажи, давно ли, оставя свѣтъ,
 Разстался я съ душой и съ милот?
 Давно ли?... «Ровно сорокъ дѣтъ,
 Былъ дѣва роковой отвѣтъ:
 Сегодня семидесятъ мѣй было,
 Что дѣлать, мѣй нищитъ она,
 Тоднюю года пролетѣли,
 Прошла мой, твой весна
 Мы оба постарѣть успѣли,
 Но, другъ, послушай: не бѣда
 Небѣрой младости уграта,
 Конечно, я теперь слѣд,
 Немножко, можетъ быть, горбата:
 Не то, что старину была,
 Не такъ жива, не такъ мила:
 Зато прибавила болтуния)
 Открою тайну: я колдунья!»
 И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
 Измом, нещадный переть нею,
 Я совершенный былъ дуракъ.
 Со всеи премудростію моею,

Но вотъ ужасно: колдовство
 Вводилъ свершилось по несчастью.
 Мое свѣое божество
 Ко мѣй шлоило новой страстью.
 Скрививъ улыбой страанный ротъ,
 Могильнымъ голосомъ уродъ,
 Вормочеть мѣй любви признаше.
 Вообрази мое страдаше!
 Я трепеталъ, потупя зоры:
 Она сквозь кантелъ продолжала
 Тяжелый, страстный разговоръ:
 «Такъ, сердце я теперь узнала:
 Я вижу, вѣрный другъ, оно
 Для пѣжной страсти рождено;
 Проснулись чувства, я стараю,
 Тонлось желаньями любви...
 Приди въ объятія мои...
 О мильой, мильой! умираю...»

И между тѣмъ она, Руслань,
 Мигала томными глазами;
 И между тѣмъ за мой кафтанъ
 Держалась тощими руками:
 И между тѣмъ—я обмаралъ,
 Огъ ужаса, джжмуря очю:
 И вдругъ терять не стало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
 Она во слѣдъ: «о недостойный!
 Ты возмущилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невиной дѣвы ясны дни!
 Добился ты любви Пашиа,
 И презираешъ—вогъ мушны!
 Измѣной дынуть въсь они!
 Умъ, сама себя вини:
 Онь ободствль мѣя, несчастной!
 Я отказалъ любви страстной...
 Измѣнишь, изверъ! о позоръ!
 Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мыа разстались. Съ этухъ поръ
 Живу въ мюгмъ удивеньѣ
 Съ разочарованной душой:
 И въ мѣрѣ старцу угѣшенье
 Природа, мудрость и покой.
 Уже доветъ мѣя могила:
 Но чувства прѣзній свои
 Еще старушка не забыла.
 И пламя подное любви
 Съ досады въ злобу превратила.
 Душою черной дло любви,
 Колдунья старая конечно
 Волшебнидиль и тебя:
 Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ видѣлъ съ жадностію внималъ
 Разсказа старца: ясны очю
 Дремлой и легкой не смыкать,
 И тихого полета ночи
 Въ глубокой думѣ не слышать.
 Но день блистаетъ думчарный...

Со вздохомъ вѣтвь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна:
Душа надеждою полна:
Выходить вонъ. Ногами стиснуть
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ.

«Отецъ мой, не оставь меня». —
И скачетъ по пустому луку.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтъ старца не забудь.»

47.

Б А Я Н Ъ.

Рисунокъ В. Шварца. (Воспроизведено по подлиннику, принадлежащему брату художника — Е. Г. Шварцу).

МѢСТО ВСТРѢЧИ ЦАНЫ И ФАРАЛАФА.

Декорация К. Горюхина. Изъ новейшей постановки оперы Глинки «Русланъ и Людмила» на сценѣ Мариинскаго театра въ Спб.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ бранят,
 Не дайте мира межъ собой;
 Несите мрачной славы дань
 И унижайтесь враждой!
 Пусть мѣрь предъ вами цвѣтаетъ,
 Двигая грозными тораествами;
 Никто о насъ не покажется,
 Никто не помѣшаетъ намъ,
 Соперники друаго рода,
 Вы, рыцари Нарнаескихъ горъ,
 Стараетесь не смѣшить парозъ
 Нескрывнымъ шумомъ вѣнчуя споры;
 Бранитесь только осторожно,
 Но къ соперники въ любви,
 Живите дружно, если можно!
 Повѣрите мнѣ, друзья мои:
 Кому судьбою непреклонной
 Давишь сердце суждено,
 Тотъ будетъ мнѣ на зло вселенной;
 Сердился гдуно и грѣшню,
 Когда Роданъ неукротимый,
 Гудимъ прелестью своею томимый,
 Остаю спущившись своимъ,
 Нустался къ краю душистый

И Фалькъ межъ пустынь дѣсныхъ,
 Въ гдубоку думу погруженный —
 Длой духъ тревожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
 И вглядъ пасмурный шепталъ:
 «Убью!... преграды все разрушу...
 Русланъ!... удаешь ты меня!...
 Теперь-то дьявица покажетъ!»...
 И перуть, поверотивъ коня,
 Во весь опоръ наладъ онъ скачетъ,
 Въ то время доблестный Фарафъ,
 Все утро сладко продремавъ,
 Укрывшись отъ думей подшевныхъ,
 У ручейка, пастись,
 Для покрѣденья силъ душевныхъ
 Облѣзалъ въ мирной тишинѣ,
 Какъ другъ, онъ вшитъ: кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мѣнитъ на конѣ;
 И, времени не грая боля,
 Фарафъ, покниувъ свой обѣтъ,
 Коню, козымугу, племъ, чертаки,
 Вскочилъ въ сѣдо, и бѣдъ отъяки
 Летитъ а тотъ за нимъ во слѣдъ,
 «Остановись, обѣдць безмѣстный!»

ФАРЛАФЪ.

Рисункъ М. С. Нестъ, 1900.

Кричать Фарлафу невзвѣстный,
 «Презрѣнный, дай себя догнать!
 Дай голову съ тебя сорвать!»
 Фарлафу, удививши гласъ Рогдая,
 Со страха скорчась, обмирая,
 И вѣрной смерти ожидая,
 Кошн еще быстрее гвалъ,
 Такъ точно зацѣ торопливой,
 Прижавши уши бодриво,
 Но кочкамъ, полемъ, склоузъ лѣса
 Скачками мчитя ото вса,
 На мѣсть славнаго побѣга
 Весной растопленного свѣга
 Потоки мутные текли
 И рыли влакну грудь земли.
 Ко рыку примчался конь ретивой,
 Взмахнулъ вѣстомъ и бѣлой гривой,
 Бранды стальная закусить
 И черезъ ровъ перескочить:
 Но робкій всадникъ вверхъ погамн
 Свалился тяжело въ грязный ровъ,
 Земли не видѣлъ съ небесами,
 И смерть принять ужь былъ готовъ.
 Рогдай къ оврагу подлетаетъ:
 Жестокій мечъ ужь занесѣтъ;
 «Погниби, другъ! умри! въдаеть...
 Вдругъ узнаеть Фарлафа огнь:
 Глядитъ, и руки опустидись:
 Досада, изумленье, гибель
 Въ его чертахъ изобразилъсь;
 Скрипя дубамъ, онъ въскъ,
 Герой, съ поникшею главою
 Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
 Бѣсился... но едва-едва
 Самъ не свалился надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
 Старушечку чужъ-чужю жидую,
 Горбатую, совѣтъ скую,
 Она дорожною клюкою
 Ему на сѣверъ указала,
 Ты тамъ найдешь его, скдала,
 Рогдай неседельмъ закинулъ,
 И къ вѣрной смерти полетѣлъ.
 А нашъ Фарлафу? Во рыку остался,
 Дохнуть не смѣя про себѣ
 Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
 Куда соверникъ злой двалъ?
 Вдругъ слышавши прямо надъ собою
 Старухи голосъ тробовой:
 «Встань, молодецъ! все тучо въ полѣ:
 «Ты никого не встрѣкаши болѣ:
 «Я привела тебѣ коня:
 «Встанай, послушайся меня.»
 Смушениши видѣвъ по неволѣ
 Подлкомъ оставилъ грязный ровъ:
 Окрестность робко одирая,
 Вздохнулъ и молвилъ оживая:

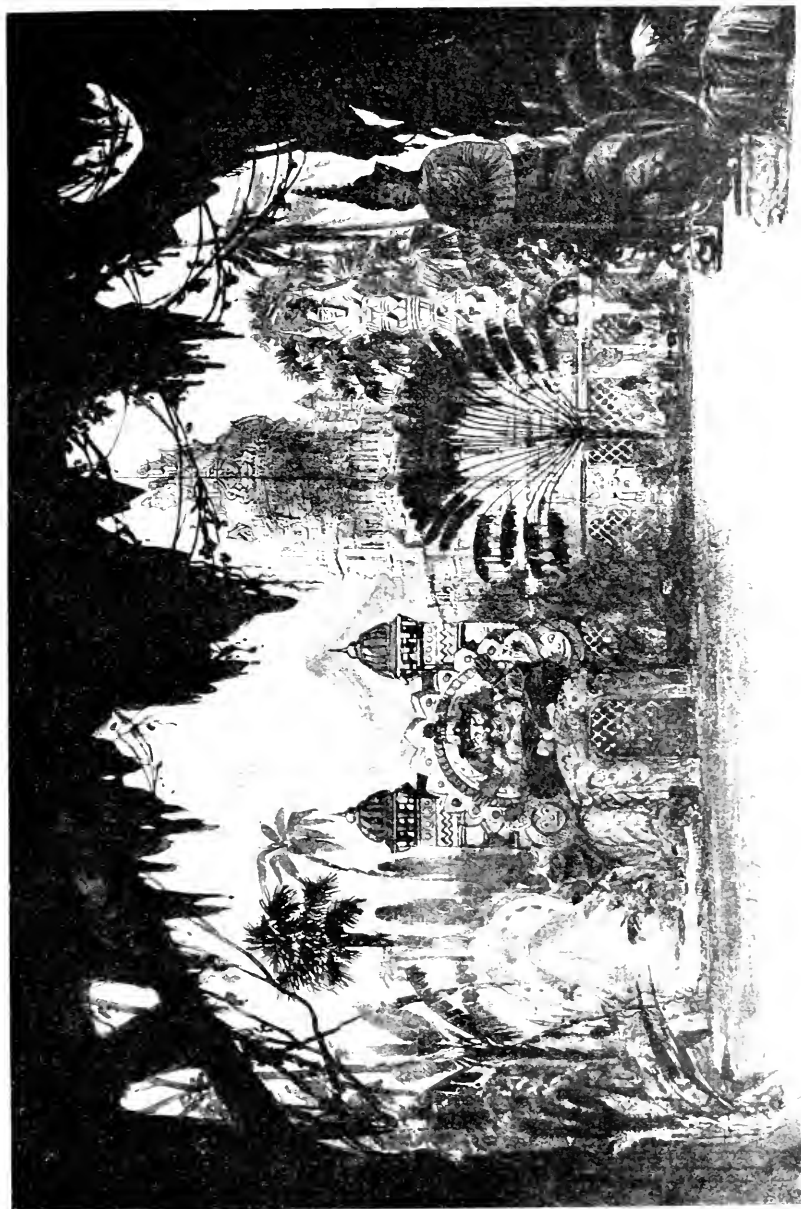
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь! старуха продолжала:
 «Людмилу мудроно сыскать;
 «Она далеко забѣжала:
 «Не тамъ съ тобой ее достать.
 «Опасно раздѣлывать по свѣту:
 «Ты, право, будешь самъ не радъ,
 «Последуй моему совѣту,
 «Ступай тихоуонько назадъ,
 «Подъ Киевомъ, въ уединенѣ,
 «Въ своемъ наследственномъ селенѣ
 «Останься думше безъ заботъ:
 «Огъ насъ Людмила не уйдѣтъ.»

Сказавъ, измела. Въ пестерѣнѣхъ
 Благоразумный нашъ герой
 Точася отиралися домой,
 Сердечю позабывъ о славѣ
 И даже о княжѣ младой;
 И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
 Полеть синицы, ровоть воду
 Его бросали въ жаръ и въ ночь.
 Межъ тѣмъ Руслань далеко мчитя:
 Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
 Привычною душою стремится
 Къ Людмилѣ, радости своей,
 И говоритъ: спайду ли друга?
 «Гдѣ ты, души моеи смурга?
 «Увижу ль я твоей свѣтлой взоръ?
 «Услышу ль и вѣжливый разговоръ?
 «Нль суждено, чтобъ чародѣя
 «Ты вѣшой паклищней была,
 «И, скорбною дѣвою старѣя,
 «Въ темницѣ мрачной отсѣла?
 «Нли соверникъ дерзновенный
 «Придетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ бездѣл-
 ный:

«Еще при мнѣ мой вѣрнай мечъ,
 «Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темною порою,
 По камнямъ берегомъ крутымъ
 Нашъ витязъ Фвалъ надъ рѣкою,
 Все утихало. Вдругъ за шумъ
 Стрѣлы мновешнее жуужанье,
 Кользуги дини и крикъ и ржанье
 И топотъ по полю глухой,
 Стой! грянулъ голосъ громовой.
 Онъ оглушелъ: въ полѣ чистомъ,
 Поиши коню, летитъ со свистомъ
 Спирѣный всашикъ, и грозой
 Номчался конь ему на встрѣму.
 «Ага! догналъ тебѣ! постой!»
 Кричать паклищникъ удалой:
 «Готовься, другъ, на смерть съму:
 «Теперь ложись средъ закинухъ мѣсть;
 «А тамъ нишъ стонухъ невѣсть».
 Руслань испалкъ, вздрогнулъ огъ гиканъ:
 Онъ узнаеть сей буйный гласъ...

САДЫ ЧЕРНОМОРА.

Дворецъ В. Царевича въ окрестностяхъ Черномора. Черноморскіе сады. (Черноморскіе сады въ окрестностяхъ Черномора, пригородъ восточн. К. К. Сидорова).

Друда моя, а наша дѣва?
 Оставимъ вѣдѣей на часъ:
 О нѣмъ опять я вспомню вскорѣ,
 А то давно пора бы мнѣ
 Подумать о молодой княжкѣ
 И объ ужасномъ Черногорѣ.
 Моей причудливой мечты
 Напервыкъ иногда нескромной,
 Я разсказалъ, какъ ночью темной
 Людмила вѣжливой красоты
 Отъ воспаленнаго Руслана
 Сокрылась вдругъ среди тумана.
 Несчастная! когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвалъ съ постели брачной,
 Вздвигая, какъ вихорь, къ облакамъ
 Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
 И вихрь умалъ къ высотѣ горамъ—
 Ты чувствуешь и памяти лишаясь
 И въ странномъ замкѣ колдуна,
 Безмолвна, трепеща, бѣдна,
 Въ одно мгновенье очутилась.
 Съ порога жизни моей
 Такъ выдѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
 Когда за курницей тусклою
 Суданъ куратника свѣсеной,
 Шлудъ мой по двору бѣжалъ
 И сладострастными крылами
 Уже подругу обнималъ:
 Надъ нимъ хитрыми кругами
 Цвилгякъ седеи старый воръ,
 Пріявъ губительныя мѣры,
 Посидя, плавать коршунъ сѣрый,
 И надъ какъ молнія на дворъ,
 Вздвигая, летѣть. Въ котлѣ ужасномъ
 Во гму раздѣлишь безопаснѣ
 Унести бѣдную злодѣй.
 Напрасно, горестно своей
 И влажнымъ страхомъ пораженный,
 Зовешь любовницу вѣтуху...
 Онь вѣнѣкъ лишь дѣтчимъ дулъ,
 Летучимъ вѣтромъ занесенный.
 До утра юная княжна
 Лежала, тлостнымъ дѣвченемъ,
 Какъ будто страшилась сповѣтнннхъ,
 Объяла наконецъ она
 Очулася, пламеннымъ волненемъ
 И смущенъ ужасомъ ноши:
 Душой летѣть да наслаженемъ,
 Кого то шить съ упоенемъ:
 Гдѣ жь, милая, шеичѣть, гдѣ сушить?
 Зовешь и помертвѣла вдушь,
 Говишь съ боязню вокругъ,
 Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
 Лежишь несчастная дѣвица
 Среди потухшихъ духовныхъ,
 Ночь горюи свѣжо балдахина:

Завѣса, пыльная перина
 Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
 Повсюду тлани парчевыя;
 Пугають ялонты, какъ жаръ;
 Кругомъ куряницы златыя
 Подъемяють ароматный паръ;
 Довольно... благо мнѣ не пада
 Опсѣвать волшебный домъ:
 Уже давно Шехеразада
 Меня предупредила въ томъ.
 Но свѣтлый теремъ не отрада,
 Когда не видимъ друга въ нѣмъ.
 Три дѣвы красоты чудесной
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Княжкѣ явились, подошли,
 И поклонились до земли.
 Тогда неслышными шагами
 Одна поближе подошла:
 Княжкѣ воздушными перстами
 Златую косу заплела
 Съ искусствомъ, въ наши дни не повывъ,
 И обвила вѣщомъ перловымъ
 Окружность бѣднаго чеда.
 За пѣю, скромно взоръ склоняя,
 Потому приближилась другая:
 Лазурный, шнурный сарафанъ
 Отдѣлъ Людмила стройный ставъ;
 Покрылись кудри золотыя,
 И грудь, и плечи молодая
 Фатой, прозрачной, какъ туманъ.
 Покровъ завѣстивый дозаетъ
 Красы, достойныя небесъ,
 И обувь легкая скжимаетъ
 Дѣв попки, чудо пль чувствуетъ,
 Княжкѣ послѣдняя дѣвица
 Жемудурный поясъ подаетъ,
 Межъ тѣмъ незримая вѣвица
 Весела вѣщи ей поетъ.
 Увы, ни камни ожерелья,
 Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
 Ни вѣщи дѣсти и веселья
 Ея души не веселятъ;
 Напрасно зеркало рисуетъ
 Ея красы, ея парды:
 Погуля неподвижный вглядѣть,
 Она молчитъ, она тоскуетъ.
 Тѣ, кон, правду водноба,
 На темномъ сердца дѣв читали,
 Конечно знаютъ про себя,
 Что если женщина въ печали
 Сядетъ следъ, украдкой, какъ нибудь,
 На дло привычекъ и разсудку,
 Забудетъ въ зеркало вгляднуть—
 То грустно ей ужь не на шутку.
 Но вотъ Людмила вновь одна.
 Не знаа, что память, она
 Къ окну рѣшетчатому подходитъ,

ДОМИЛА ПЕРЕТЬ ЗЕРКАЛОМЪ.

Л. С. С. С. С.

И взорь ея печально бродить
 Въ пространствѣ туманной дали.
 Все мертво, Сивакьяя рашинья
 Кофрами яркими летит;
 Стоять угрюмаыхъ горъ вершинья
 Въ однообразной близости,
 И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
 Крутомъ не видно дымной кровли,
 Не видно пухлика въ сивагахъ,
 И звонкій рогъ веселой довал
 Въ пустынныхъ не гудитъ горахъ;
 Лишь изрѣдка съ улыбаемъ свѣтомъ
 Блуждаютъ вихоръ въ водѣ мистомъ
 И на краю единахъ небесъ,
 Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ садкахъ отчаянья, Людмила
 Отъ ужаса лице закрыла,
 Умы, что ждетъ ее теперь!
 Бѣжить въ серебряную дверь;
 Она съ музыкой отворилась,
 И наша дѣва очулася
 Въ саду, Извѣстительный предѣлъ;
 Прекрасиве садовъ Армиды
 И глѣбъ, которыми владыкъ
 Царь Соломонъ иль князь Таврицы,
 Преть нею заблудся, шуметь
 Великолѣпная дуброва,
 Аленъ пальмъ и лѣсъ зарывной,
 И благовонныхъ миртовъ рядъ,
 И кедровъ горлая вершинья,
 И золотые анегленины
 Зердаломъ ютъ отражены;
 Пригорки, рощи и долины
 Весны огнемъ оживлены
 Съ прохладой вѣтеръ вѣтеръ майскій
 Срежь очарованныхъ полей,
 И свистеть соловей Китайскій
 Во уркахъ зрѣвшихъ вѣвей;
 Летятъ алмазные фонтаны
 Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
 Ночь шуми блещутъ гудаканы,
 И, мигнетъ, живые Фитий самъ,
 Нитомецъ Феба и Паллада,
 Любуясь ими, наконецъ
 Свой очарованной рѣсць
 Цѣль руки бы выронить съ тосацы.
 Дробясь о мраморныя претрзая,
 Жемчужной, отцѣпной дугой
 Валится, влещуть воловады;
 И ручеи въ глинѣсной
 Чуть влается сонною волной
 Пріютъ покой и прохлада,
 Сквозь вѣтви дедень дѣсь и тамъ
 Мелькають свѣтлыя бѣсѣды;
 Новую роль живая вѣлка
 Цѣбуясь и зануясь по тронамъ,
 Но бездѣлная Людмила

Цѣть, цѣть и не глядѣть;
 Волшебства роскошь ей посылал,
 Ей грустеть ильги свѣтлыя шѣды;
 Куда, сама не зная, бродить,
 Волшебный садъ кругомъ обходить,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачные возводить
 Къ неумолимымъ небесамъ,
 Вдругъ освѣтился взоръ прекрасной:
 Къ устамъ она прижала персты;
 Кажалось, умысѣтъ ужасной
 Раждался... Странный муть отвергъ;
 Высокій мостикъ надъ потокомъ
 Преть ней вѣсить на духъ скалахъ;
 Въ умышѣ тяжкомъ и глубокомъ
 Она подходитъ — и къ слезамъ
 На вода шумныя излянула,
 Ударилъ рыдакъ въ грудь,
 Въ волнахъ рѣшилася утонуть—
 Однако къ воды не прыгнула
 И дакъ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
 Но солнцу бѣгая съ утра,
 Устала, слѣзды осушила,
 Въ душѣ подумала: пора!
 На травку сѣла, оглянулася
 И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
 Шумя, съ прохладой раздериулася;
 Обѣтъ роскошный передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго кристалла;
 И къ глинѣ въ-за вѣвей
 Перизма арфа заиграла,
 Двигаетъ плавная кивалка,
 Но ктайнѣ думаетъ она:
 «Взашъ отъ милого, въ неволѣ,
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ,
 О ты, моя гибельная страсть,
 Меня терзаетъ и дѣлаетъ,
 Мнѣ не страшна дѣлва власти;
 Людмила умереть умѣетъ!
 Не нужно мнѣ гнѣхъ шатровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пирокъ
 Не стану вѣтъ, не буду слушать,
 Умру среди твоихъ садовъ»
 Подумала и стала кушать.

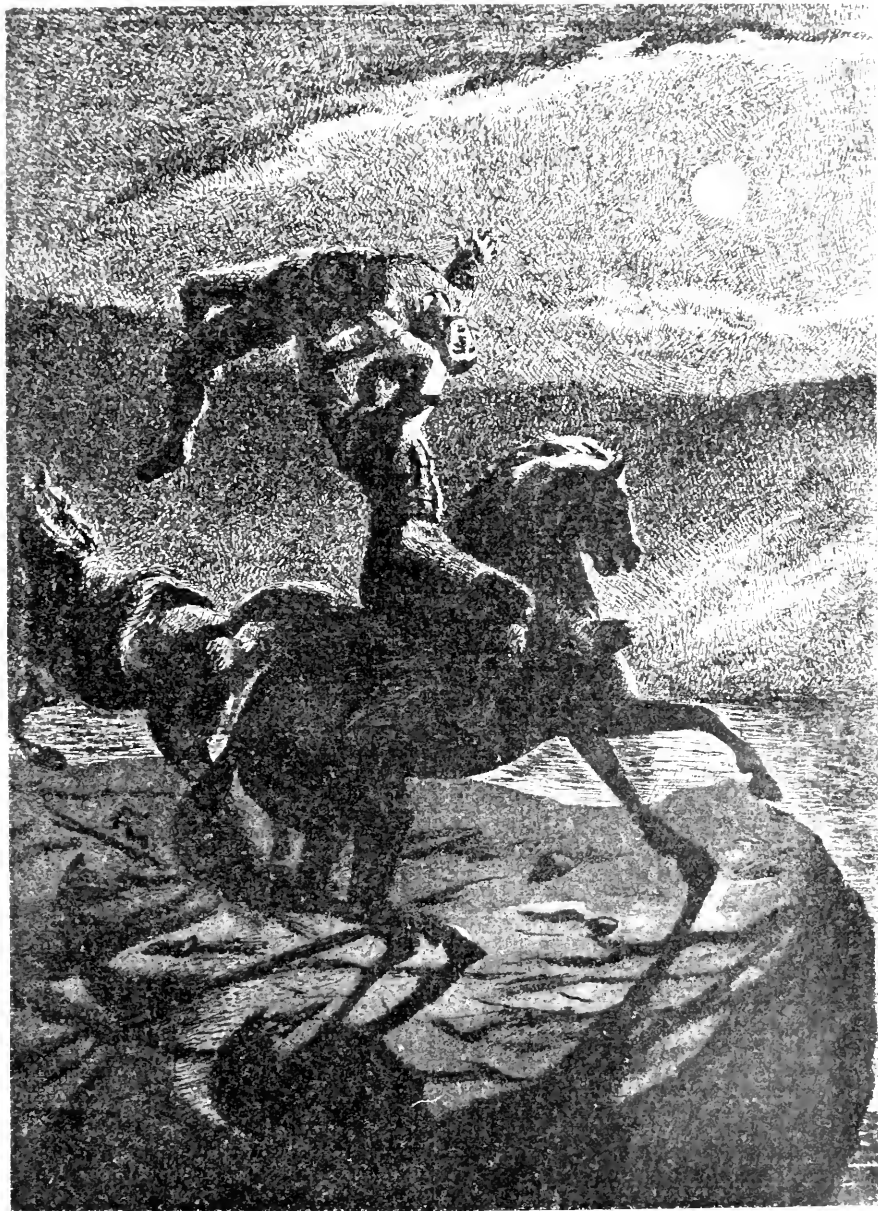
Княжна встаетъ, и вмигъ шатѣрь,
 И пышной роскоши приборъ,
 И звуки арфы... все пропало;
 Непрекнему все тихо стало;
 Людмила юновъ одна къ скалахъ
 Слѣпается изъ рощи въ рощи;
 Межь глѣбъ въ ладурныхъ небесахъ
 Шнылетъ дѣва, дарница ночи,
 Находить мѣлъ со вѣтъ стороны
 И тихо на холмахъ почилла;
 Князю невольню влонить сонъ,
 И вдругъ не вѣдомая сила

ШЕСТВІЕ МЕРНОМОРА.
Распутскъ II. Иллюстр.

Шажкой, чьим ветхий втерокъ,
 Её на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ чертогъ
 И осторожно опускаетъ
 Сквозь окиямы вечернихъ розъ
 На ложе грусти, ложе слёзъ.
 Три дивы вмигъ очей выжили
 И вокругъ нея засуетились,
 Чтобъ на ночь пышный спякъ уборы:
 Но нѣхъ улыбай, смутный взоръ
 И принужденное молчанье
 Являли въ тайнѣ состраданье
 И немощный судьбамъ укоръ,
 Но поспѣвшимъ: рукой нѣхъ пѣвкою
 Раздвѣта сонная кавказъ:
 Предестина прелестью небрежной,
 Въ одной сорочкѣ блоснѣвкной
 Долженъ почивать она.
 Со вздохомъ дивы поклонились,
 Скорѣй какъ можно удалялись
 И тихо притворили дверь,
 Что жъ наша пѣвица теперь!
 Дрожитъ какъ листъ, дохнуть несмѣетъ:
 Хладнотъ перен, взоръ темнѣетъ:
 Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ:
 Не спитъ, удвоила вниманье,
 Невъжико въ темноту глядитъ...
 Все мрачно, мертво молчанье!
 Лишь сердца слышится трепетанье...
 И мнитъ... шепчетъ тишина:
 Пусть... пусть къ ей постель:
 Въ подушки прячется книжка —
 И вдругъ... о страхъ... и въ самомъ фѣвѣ
 Раздался шумъ: оларна
 Мгновеннымъ блескомъ гма ночная,
 Мгновенно дверь отворена:
 Безмолвно, гордо выступая,
 Натяжи саблями сверкала,
 Арановъ длинный рядъ шать
 Попарно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкѣхъ осторожно
 Сладую бороду нестеть:
 И входить съ важною за нею,
 Нотыль вѣщественно шепъ,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Её-то годовъ обрѣтовъ,
 Высокимъ козлакомъ покрытой,
 Принадлежала борода,
 Ужъ онокъ приближался: тогда
 Книжка съ постели соскочила,
 Сбѣло карду за колымакъ
 Рукою быстрой ухватила,
 Дроздацинъ занесла кулакъ,
 И въ страхъ давизкала такъ,
 Что вѣхъ Арановъ одурачила,
 Трещая, скорчилася блѣнникъ,
 Книжка испуганной бѣтнѣе:
 Зажавши уши поскорѣе.

Хотѣлъ бѣжать, но въ борода
 Запутался, ужалъ и бѣтеть:
 Встаётъ, ужалъ: въ такой бѣдѣ
 Арановъ черной рои ялется:
 Шуметь, толкаются, бѣгутъ,
 Хватаютъ колудна въ оланку,
 И вотъ расцутыкать оланку,
 Оставя у Людмила шанку.
 Но что-то добрый видъзъ нашъ?
 Вы помните ль неждану встрѣчу?
 Берн свой быстрый карандашъ,
 Рухий, Орловскій, ночь и сѣчу!
 При свѣтѣ трещноты луны
 Сразились витязи жестоко:
 Сердца нѣхъ гнѣвомъ стѣснены
 Ужъ коня брошены далѣко,
 Ужъ мечи раздроблены,
 Кольчуги кровью покрыты,
 Щиты трещать, въ куски разбиты...
 Они сватились на конякъ:
 Врываая къ небу черной прахъ,
 Нога ними борзы кони бѣтеть:
 Борзы, недвижно сплетены,
 Другъ друга стиснувъ, огаются,
 Какъ бы къ сѣду приведены:
 Нѣхъ члены злобой сведены:
 Перещелели и костенвѣтъ:
 Но жиламъ быстрой огонь бѣжитъ:
 На враждей груди грудь дрожитъ —
 И вотъ колеблется, слабѣтъ —
 Кому-то пасть... Вдругъ витязъ мой,
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣда набѣдника срываетъ,
 Подбѣдетъ, держитъ надъ собой
 И въ волна съ берега бросаетъ,
 «Погибни! грозно восклицаетъ:
 Умри, завистникъ злобный мой!» —
 Ты догадался, мой читатель,
 Съ кѣмъ бился доблестный Русалка:
 То былъ кровавымъ битвѣхъ пекатель,
 Родъай, надежда Киевливъ,
 Людмила мрачный обожатель.
 Онь влолъ дѣвровскіи беретовъ
 Пекаль сошерника сѣловъ:
 Нашель, пастигъ, по презрѣя сила
 Нигому битва вѣдмила,
 И Русъ древній удалецъ
 Въ пустынь свой нашель конецъ,
 И слышно было, что Родая
 Тѣхъ вотъ Русалка молодецъ
 На хладны перен приняла,
 И, жажно витязя добая,
 На цю со смѣхомъ удвѣкла,
 И влоло постѣ, ночью тѣмною
 Броди блѣдъ тихихъ беретовъ,
 Богатыря придракъ огромной
 Цуталь пустынныхъ рабаковъ.

БИТВА РУС. ТАНА СЪ РОДАЕМЪ

Иллюстрация работы В. Г. Шторга, для издания книги «Сказки» А. С. Пушкина

ЧЕРНОМОРЪ и ПАННА.

Иллюстрированный оборотъ Е. Н. Ткачкова. (Изъ Пушкинскаго собранія П. Е. Гейбмана).

ПЪСНЬ ТРЕТІЯ.

Наирасно вы въ тѣхъ тайнѣхъ
 Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
 Стихи мои! Вы не сокрылись
 Отъ гнѣвныхъ зашептовъ очей,
 Ужъ блѣдный крикъъ ей въ услугу,
 Вопросъ мнѣ съказалъ роковой:
 Завѣшь Руслану подругу,
 Какъ бы на смѣхъ ея сумруду,
 Зону и дѣвои и княжкою?
 Ты вишишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злоба чернуя печать!
 Скажи, Донцъ, скажи, предатель,
 Ну, какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Красивы, несчастныя, вѣдь съ тобою!
 Красивы, я спорить не хочу:
 Довольныя тѣмъ, что нравъ душою,
 Въ смѣрительной кротости молчу.
 Но ты помени, мени, Климена,
 Подушишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена...
 И вижу: тѣнья слезъ
 Налетъ на слухъ мой, сердцу вишнякъ!

Ты покрасѣла, вздоръ погасъ:
 Вдохнула, молчалъ, вздохъ понятный!
 Ревнивецъ; бойся, близькъ часъ:
 Амуръ съ досадою своею
 Вступили въ смѣхъ разговоръ,
 И для главы твоей бездѣливой
 Готовъ ужъ мстительный уборъ.
 Ужъ утро хладное сіяло
 На темни полночныхъ горъ:
 Но въ дѣвочкѣ дѣмкъ все молчалю,
 Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
 Безъ шапки въ утреннемъ халатѣ,
 Зѣвалъ сердито на кровати,
 Вокругъ бѣды его сѣдои
 Рабы голышанъ молчаливы,
 И пѣвкою трещень костяной
 Раздѣсывалъ ея плывы,
 Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились восточныя ароматы,
 И куфры хитрые висѣли:
 Какъ вѣруеть, откуды ни возьмись,

Въ окно влетаетъ змѣй крылатый:
 Греми желѣзной щепуей.
 Онь въ кольца быстрыхъ согнулся
 И вдругъ Нанной обернулся.
 Предъ изумленною толпой.
 «Привѣтствую тебя, скакала,
 Собрать, издавна члнмой мной!
 Досель я Черноморь знала
 Ошою громкою молвой:
 По тайный рокъ соединяеть
 Теперь насъ общемоу практикой:
 Тебѣ опасность угрожаетъ,
 Нависла туча надъ тобой;
 И голосъ оскорбленной чести
 Мея къ отмщенію доветъ».
 Со взоромъ, полнымъ угрозоу лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вышая: «дивная Нанна!
 Миѣ драгоценней твоей союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина:
 По мрачныхъ козней не боюсь;
 Противникъ слабый миѣ не страшенъ:
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Подаромъ Черноморь украсень.
 Долой власовъ ея сбдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишь,
 Никто изъ витязей ликуишь,
 Никто изъ смертныхъ не погубить
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ:
 Мою будетъ вѣкъ Людмила,
 Руслань же гробу обреченъ!»
 И мрачно вѣбма повторила:
 «Подобнеть онь! погибнеть онь!»
 Потомъ три раза прошибала:
 Три раза тошуда ногой,
 И чернымъ змѣемъ улетѣла.
 Блнстая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуней ободренной,
 Развеселась, рѣшилась вновь
 Нести къ погамъ тѣвцы пльвиной
 Усы, покорность и любовь,
 Разряжень, карликъ бородавчій
 Опять влеть въ ея палаты:
 Пролодитъ длинный коматъ рядъ:
 Книжки въ нихъ пльъ, Онь далъ въ сать,
 Въ лавровой дѣлѣ, въ ршнскѣ сата,
 Воль озера, вокругъ коронада,
 Ночь мостики, въ беевизн... пльъ!
 Книжка ушла, пропала и слабъ!
 Кто выразитъ его смущенье,
 И ревъ, и трепеть изстуденъ!
 Съ досады днъ не кивдѣтъ онь,
 Раздался карла дикій стоиъ:
 «Сюда, невольники, бѣгите!
 Сюда, надѣвлю я на васъ!
 Сей часъ Людмилу миѣ съинте!»

Скорбе, слышите ли? сей часъ!
 Не то шудите вы со мною
 Вебъхъ удавно насъ бороною!»
 Читатель, радскаву ли тебѣ,
 Куда красавица двилалась!
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ снѣзку дивилась и смѣилась.
 Ее пугала борода,
 По Черноморь ужъ была известень,
 И былъ смѣшонъ, а никотѣ
 Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстень,
 Навстрѣчу угренимъ дуламъ
 Постель оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, частымъ зеркаламъ:
 Невольню кудри золотыя
 Съ дилейныхъ плечъ приношала:
 Невольню волоса густые
 Рукой небрежной задела:
 Свои вчерашнѣ парды
 Печально къ углу нашла:
 Вздолхнувъ, одѣлась и съ досады
 Тихонько плакать начала:
 Однако съ кѣрнаго стекла
 Вдыхая не сводила взора,
 И дѣвигѣ пришла на умъ,
 Въ волненьи своеправныхъ думъ,
 Примѣрять шапку Черномора.
 Все тихо, никого зѣкъ пльъ:
 Никто на дѣвушку не вгляднеть...
 А дѣвушкѣ въ семнадцатъ лѣтъ
 Какая шапка не пристанеть!
 Ряднѣся никогда не дѣтъ!
 Людмила шапкой завертѣла:
 На брови, прямо, на бекрень,
 И задомъ напередъ надѣла,
 И что жъ? О худо старухъ днѣй!
 Людмила въ зеркалѣ пропала:
 Перевернула—переть ней
 Людмила прежняя предстала:
 Назать надѣла— снова пльъ:
 Сидла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
 Добро, колдунъ, добро мнѣ свѣтъ!
 Теперь миѣ здѣсь ужъ безопасно:
 Теперь избавлѣсь отъ злоногъ!»
 И шапку старого злодѣя
 Книжка, отъ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ напередѣтъ.
 Но возвратимся же къ герою.
 Не слышо ли днмнмался намъ
 Такъ долго шапкой, бороною,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершился съ Роулаемъ бой жестокий,
 Пробуалъ онь дремучій дѣтъ:
 Предъ нимъ открылся догъ широкій
 При блескѣ угренихъ небесъ,
 Трещеть внякъ изъ неволѣ:

Он, впитав старон битвы поле,
 Вдали все пусто: здесь и тамъ
 Желтѣють кости: но холмамъ
 Разбросаны колчаны, латы;
 Едь дбууд, съ заржавиѣ шты:
 Въ костякъ руки дѣвѣ мечъ лежить:
 Травою обросъ тамъ племѣ косматый
 И старый черенъ тѣбѣ въ немъ:
 Богатыря тамъ остовѣ дѣлалъ
 Съ его поверженнама конемъ
 Лежить не движимый: коня, стрѣла
 Въ сѣрую землю вонзена,
 И мирный внощѣ чухъ обиваесть...
 Ничто безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долгину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ взглядъ вокругъ себя
 Взирать грустными очами,
 «О поле, поле, кто тебѣ
 Усѣять мертвыми костями?
 Чей борзый конь тебѣ топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой шагъ?
 Чья небо слышало молитвы?
 За чѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло травой забвенна?..
 Время отъ вѣчной темноты,
 Быть можеть, нѣтъ и миф спасены!
 Быть можеть на холмѣ вѣтромъ
 Поставитъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкѣй Балюковъ,
 Не будутъ говорить о нѣмъ!»

Но вкорѣ вспомнить взглядъ мой,
 Что добрый мечъ герою нужеть
 И даже шапцеры: а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ,
 Обходить поле онъ вкругъ:
 Въ кустанъ, среди костей забвенныхъ,
 Въ громатѣ тѣвощиу кочкутъ,
 Мечен и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ достѣховъ шнеть онъ,
 Проснульсь гудъ и стѣнѣ вѣмая,
 Пошлакъ къ холмѣ трескъ и звонъ:
 Онъ поднялъ шты, не выбирая,
 Нашель и шлемъ, и зонкѣй роуъ:
 Но лишь меча сыскать не могъ,
 Долгину брани объѣзжая,
 Онъ видѣть множество мечен,
 Но всѣ дѣтки, за слѣшкомъ малы,
 А киндъ красавецъ быть не вольны,
 Не то, что взглядъ нашумъ шен,
 Чтѣбъ чѣмъ шибукъ ирать отъ скуки,
 Конье стальное видѣть онъ въ руки,
 Кольчуму онъ вѣдать на грунъ,
 И тѣлѣ пустякъ въ путь,
 Ужь поблѣвѣтъ дѣлать румянн

Надъ усмиленною землѣю:
 Двѣмятъ синѣй туманы
 И вселодѣтъ мѣсяцъ золотой:
 Померкла стѣнѣ, Тронюю тѣмною
 Задумчивъ, бѣдетъ царѣ Русланъ,
 И видѣтъ: сквозъ ночной туманъ
 Вдали чернѣеть холмъ огромный,
 И что-то страшное хранитъ.
 Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
 Чудесный холмъ какъ будто дышитъ,
 Русланъ вникаетъ и глядитъ
 Безрешетно, съ покойнама дуомъ:
 Но, шевеля пулгивымъ дуомъ,
 Конь ухраетѣя, дрожитъ,
 Трясетъ удирмой головою,
 И грива дѣбомъ поднимлакъ,
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ туманѣ блѣдно озарякъ,
 Лейбѣтъ: смотреть храбрый киндъ—
 И чудо видѣтъ предъ собою,
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова,
 Огромны очи снова обыгъ:
 Хранитъ, качая шлемъ пернатый,
 И перья въ темной высотѣ,
 Какъ тѣни ходять, разбивлакъ,
 Въ своей ужасной расщѣбъ
 Надъ мрачной стѣнью возвышаякъ,
 Безмолвнѣмъ окружена,
 Пустыни стѣнѣ безымянной,
 Руслану предстоить она
 Громадой грозной и туманной,
 Въ недоумѣннѣи хочеть онъ
 Таинственный разрушить сою,
 Вблизѣ осматривая диво,
 Объѣзжая голову кругомъ
 И стать предъ носомъ молчаливо:
 Шекотѣть подри конѣмъ,
 И, сморщасъ, голова звонла,
 Глаза открыла и чихнула...
 Подняла вихоръ, стѣнѣ трогнула,
 Взидлакъ шалъ: съ рѣсницъ, съ усомъ,
 Съ броней слѣгва стал сою,
 Проснульсь роуи молчаливы,
 Чихнуло эхо конь ретивый
 Заржалъ, запыталъ, отлетѣлъ,
 Едва самъ взглядъ усѣтѣлъ,
 И вѣдѣтъ раздалѣть голосъ шумный:
 «Куда ты, взглядъ перадушный?
 Ступай назадъ: я не шумъ!
 Какъ радъ вихала пролету!»
 Русланъ съ предрѣвнѣмъ оглянулъ,
 Брѣдями утеркалъ коня,
 И съ гордымъ вѣномъ усѣбуулакъ,
 «Чего ты хочешь отъ менѣ?»
 Наумурякъ, голова векричала:
 «Воуѣ, гости мифъ судѣбѣ послала!

ЛОДМИЛА ОДЪВАЕТЪ ПЛАНКУ ЧЕРНОМОРА.

Рисовокъ А. Либовица (1862).

«Послушай, убирайся прочь!
 Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 «Прощай!» Но вѣдь ты знаменитой,
 Услыша грубыхъ слова,
 Воскликнула съ важностью сердитою:
 — Молчи, пустая голова!
 Слышать я не стану, бывало.

Хоть добъ широкъ, та моду мало!
 Я вѣду, вѣду, не свищу,
 А какъ набу, не спущу!
 Тогда, отъ ярости пылуя,
 Сдѣлвннкой дробой пламенѣя,
 Надулась голова: какъ жарь,
 Кровавы очи засверкали:

Навзвиль, губы задрожали,
 Изъ усть, ушей поднялся парь—
 И вдругъ она, что было мочи,
 Настрѣху кино стала дуги;
 Напрасно конь, зажмури очи,
 Словно главу, пугажа тумакъ,
 Словъ вихорь, дождь и сумракъ ночи
 Певѣршии продолжаетъ путь;
 Объятый страхомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчитъ вновь, влемеженный,
 Далеке въ полѣ отдохнуть,
 Вновь обратиться витьязь хочеть—
 Вновь отраженъ, надежды гнѣтъ!
 А голова ему вослѣды,
 Какъ сумасшедшая, дохочеть,
 Грешить: «аи, витьязь! ай, герой!
 «Буда ты? Тине, тине, стой!
 «Эй, витьязь, шю словниш даромъ:
 «Не трусь, навзвиль, и меня
 «Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 «Нова не заморилъ коня»!
 И между тѣмъ она героя
 Дразнила страшнымъ языкомъ.
 Рустанъ, досаду въ сердцѣ кроя,
 Грозить ей молча конѣмъ,
 Трясетъ его рукою свободной,
 И, задрожавъ, булать холодной
 Воздвигъ въ дерзостный языкъ,
 И кровь изъ бѣшената зва
 Рыкою побжала вмигъ,
 Отъ удивленья, боли, гнѣва,
 Въ минуту дерзости линась,
 На кино голова глѣдѣла,
 Желѣзо грядла и блѣдѣла,
 Въ спокойномъ духѣ горячась,
 Такъ иногда средь нашей сцены
 Царской шюмечъ Мельпомены,
 Внезапнымъ свистомъ оглушѣтъ:
 Ужъ ничего не видить онъ,
 Блѣднѣеть, ролно дабываетъ,
 Дрожитъ, пошквляеъ головой,
 И заикаеть, умолкаетъ.
 Переть, насмѣливая голной,
 Снаглымъ полдужь мгновеньемъ,
 Къ объятой головѣ смущеньемъ,
 Какъ лѣстребъ, богатырь летитъ
 Съ ползатой, грозною тѣсницей,
 И въ шеку гладкой рукавицей
 Съ размаха голову радитъ:
 И стень ударомъ огласилась:
 Крутомъ роистая трапа
 Кровавои пѣной обатрилась,
 И, лашатавшись, голова
 Перевернулась, покатилась,
 И влемеъ, чулуниши дѣстучалъ,
 Тогда на мѣбѣ онъ сломъ
 Мечъ богатырьски заперкалъ.

Наиъ витьязь въ трепетѣ веселомъ
 Его схватилъ, и къ головѣ
 По окровавленной травѣ
 Вбѣжить съ нахѣрнеемъ жестокимъ.
 Ей носъ и уши обрубить;
 Ужъ Рустанъ готовъ разить,
 Ужъ взмахнулъ мечемъ широкимъ—
 Вдругъ, изумленный, виемаетъ онъ
 Главы молящей жалкой стоить...
 И твое мечъ онъ отускаеть,
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
 И мщенье бурное падеть.
 Въ думѣ, моленьемъ усмиреной:
 Такъ на дошѣбъ тасть дель,
 Лучемъ полудня пораженной.
 «Ты вразумилъ меня, герой,
 Со вздохомъ голова складала:
 Твоя десница доказала,
 Что я виновень предъ тобой;
 Отвѣди я тебѣ послушенье;
 Но, витьязь, будь великодушень!
 Достойнъ плача жребий мой.
 И я быть витьязь удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ судостата
 Себѣ я равнаго не дрѣтъ;
 Состанись, когда бы не имѣлъ
 Совершикомъ меньшого брата!
 Коварной, злобной Черноморъ,
 Ты, ты веѣхъ бѣдъ моихъ виномъ!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бородою,
 Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣтъ,
 И сталь да то въ думѣ своей
 Меня, жестокой, ненавидѣтъ.
 Я быть всегда незнаю простъ,
 Хотя высокъ; а сей несчастной,
 Имѣя самый глушой ростъ,
 Умень какъ бѣсъ—и золь ужасно.
 Пригомъ же, дай, къ моей бѣдѣ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Тантая сила роковая,
 И, все на свѣбѣ презирая
 Долобъ борода цѣла—
 Измѣнишь не страшишь зла.
 Возь онъ, однако, съ виемомъ дружбы,
 Посудмай, хитро мѣбъ скадаль,
 Не откажись отъ важной службы:
 Я въ черныхъ книгахъ обыскалъ,
 Что да восточными горами,
 На тихихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ дамками
 Хранится мечъ—и что же? страхъ!
 Я разобралъ по тѣмъ подшебной,
 Что подею судьбы враждебной
 Сей мечъ влѣбстень будетъ намъ:
 Что насъ онъ, обоимъ погубитъ:

РЫЦАРИ и ТЮРКИ.
Рисунгъ отъ М. С. Герасимовъ.

Миф бороду мою отрубить,
 Гибь главу; суди же самъ,
 Сколь важно намъ приобрести
 Сего созданья злыхъ духовъ!
 «Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?
 Сказать я карлъ, я готовъ;
 Ну, хоть за предѣлы свѣта»
 П сосну на плечо извадилъ,
 А на другое для совѣта
 Людвѣ брата посадилъ:
 Пустился въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль и, слава Богу,
 Какъ бы пророчеству на зло,
 Все счастливо сначала шло.
 За отдаленными горами
 Нашли мы роковой подалъ:
 Я разметалъ его руками
 И позавенный мечъ досталъ.
 Но мифъ! судьба того хотѣла:
 Межъ нами ссора закинула —
 И бѣло, признаюсь, о чемъ!
 Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
 Я спорилъ, карла горячилъ;
 Бранился долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хитрецъ.
 Пригнулъ и будто бы смогнулся.

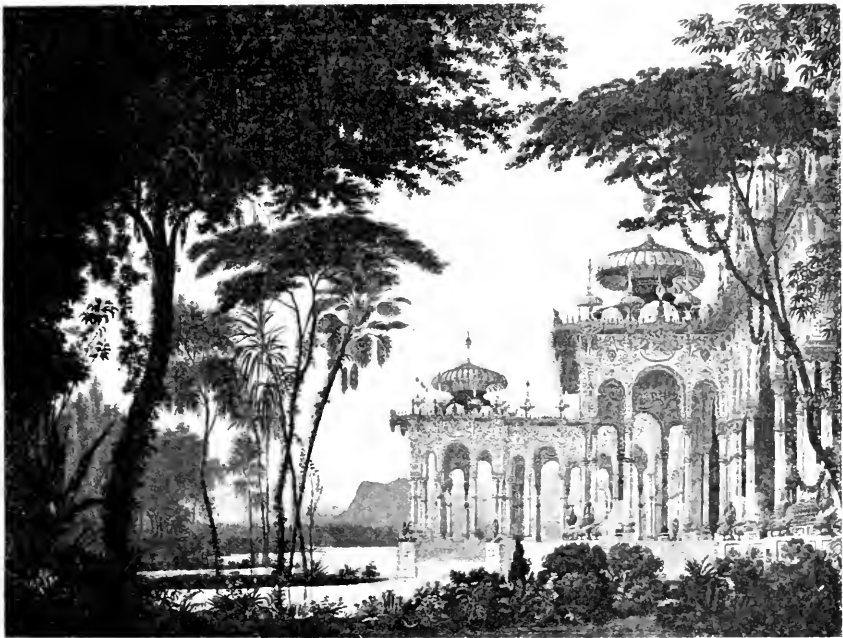
Оставимъ бездомный споръ,
 Сказать мифъ важно Черноморъ:
 Мы гбѣмъ союзъ нашъ обездавимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жить великъ;
 Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
 Кому сей мечъ принадлежитъ.
 Гбѣ землѣ приищемъ уломъ оба

Что не выдумаетъ злоба!
 И кто услышитъ первый звонъ —
 Тотъ и владѣть мечемъ до гроба. —
 Сказалъ и легъ на землю онъ.
 Я стару также растинуделъ:
 Лежу, не слышу ничего,
 Свѣбакъ обману его!
 Но самъ жестоко обманулся.
 Злобѣ въ глубокой тишинѣ,
 Приветавъ, на цыпочкахъ ко мифъ
 Подкрадся сталъ, размахнулся:
 Какъ вихоръ свиснулъ острый мечъ,
 И прежде, чѣмъ я оглушелъ,
 Уже голова слетѣла съ плечъ —
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ остановила.
 Мой отовъ терпѣемъ обросъ;
 Вдали, въ странѣ людьми забытой,
 Пелѣгъ мой прахъ непогребенной;
 Но злобный карла перенѣсь
 Меня въ сей край удивленной,
 Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
 Тобой сегодня взятый мечъ.
 О витязъ, ты уранишь судьбою!
 Возьми его, и Богъ съ тобою!
 Быть можетъ, на своемъ пути
 Ты карлу-чародѣ встрѣтишь —
 Ахъ, если ты его замѣтишь:
 Коварству, злобѣ отомсти!
 И наконецъ я счастливъ буду,
 Спокойно миръ оставлю сей —
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду.»

РУСЛАИШЬ и ГОДЮБА.

По сказкамъ изъ архива В. Г. Штерна (съ изображеніемъ брата героя Е. Г. Шварца)

САДЫ ЧЕРНОМОРА.

Декорация А. П. Родлера для оперы Глинки «Русланъ и Людмила». Вырвыки воспроизведены по картинамъ Родлера, теперь находящимся въ Публичной Библиотеки.

ПЬЕСЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, вставай отъ сна,
 Благодарю сердечно Бога
 За то, что въ наши времена
 Волшебниковъ не такъ ужь много.
 Къ тому же—честь и слава имъ!
 Женитьбы наши безопасны..
 Пусть замыслы не такъ ужасны
 Мужьямъ, дворянамъ молодымъ.
 Но есть волшебники другіе,
 Которыхъ ненавижу я:
 Улыбка, очи голубіяя
 И голосъ милый—о друзья!
 Не врите имъ: они лукавы!
 Странитесь, подражая мифъ,
 Нухъ уноительной отравы,
 И почивайте въ тишинѣ.

Позднъ чудесныя гени,
 Шведъъ гайштенбургъ и вѣдннн,
 Любви, мечтаній и чертей,
 Могилья и райа вѣрныя жители,
 И мудра вѣрнопой мои
 Наперснички, и вѣстунъ и хранители!
 Прости мнѣ, свирѣпый Орфей,
 Что въ повѣсти моей дабачной
 Теперь водить тебѣ лечу,
 И лиру муза своеспранной
 Во лѣнхъ предѣстной облнчнхъ.
 Друзья мои, на всѣхъ сплнхнхъ,
 Какъ бѣду въ преннхъ ни лнчнхъ
 Прѣдаль смерта себя съ печалнхъ,
 А тамъ и дннхъ почернхъ:
 Какъ послѣ щетрамъ подалнхъ.

Молитвой, вброд и постомъ,
 И непритворнымъ показаньемъ
 Спешкаль дзаступника въ Свѣтомъ;
 Какъ умеръ онь, и какъ дзаснули
 Его двѣнадцать дочерей:
 И насъ плѣнили, ужаснули
 Картина тайнахъ смухъ почей,
 Снѣ чудесныя видѣнья,
 Сей мрачней бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
 Живая грѣшника мученя
 И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка стѣвъ,
 И сердцемъ тронуемъ любилн
 Пухъ тихій сонъ, пухъ тихій плѣвъ:
 Душой Вадима призвали,
 И пробуждене зрѣли пухъ,
 И часто шлохнхъ свѣтъхъ
 На тропѣ отцовскій провозали.
 И чужбъ, возможно ль?... намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я?..

Младой Рагмиръ, направя къ югу
 Петербилный бѣгъ коня,
 Ужь думалъ предъ казатомъ тня
 Натать Русланому сурму.
 Но день багряный вечерѣлъ:
 Напрасно взглядъ предъ собою
 Въ тумана дальнѣе смотрѣлъ:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣлъ
 Надъ ярко-подлащеннымъ боромъ.
 Нашъ взглядъ мимо черныхъ скалъ
 Тихонько пробѣгалъ и изоромъ
 Ночлета межъ терекъ некалъ.
 Онь на долину выбѣгаетъ
 И шиты: замкомъ на скалахъ
 Зубчаты стѣны возмашаетъ:
 Чернѣють башни на углахъ:
 И тѣна по стѣвѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебѣя ошпокой,
 Целъ зарен освѣщена:
 И тѣна плѣнь едн слышна
 Долина въ тиннѣхъ глубокой.

«Ложится въ подѣ аракъ почной:
 Онь волкъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужь поздно, цутихъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ оградный!»

«Дѣвъ ночью плѣн и покой,
 А шемъ и шумъ, и пиронаше.
 Приди на дружное призыване,
 Приди, о цутихъ молодой!»
 «У насъ плѣнхъ красавицъ рои:
 Пухъ плѣжны рѣчи и добаше,
 Приди на танное призыване,
 Приди, о цутихъ молодой!»

Тѣвѣ мы съ утренней зарен
 Пашонимъ дувокъ на прощане.

Приди на мирное призыване,
 Приди, о цутихъ молодой!

«Ложится въ подѣ аракъ почной:
 Онь волкъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужь поздно, цутихъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ оградный!»

Она машитъ, она поѣтъ:
 И юный ханъ ужъ подѣ стѣноу:
 Его встрѣчаютъ у воротъ
 Дѣвщи красныя толпоу:
 При шумѣ ласковыхъ рѣчей
 Онь окружить; съ него не сводить
 Онь плѣнительныхъ очей:
 Дѣв дѣвщи коня увозить.
 Въ чертоги входить ханъ молодой,
 За нимъ отшельникъ милыхъ рои:
 Одна снимается шлемъ крылатый,
 Другая ковчаня латы,
 Та мечъ беретъ, та пыльный шитъ:
 Одежда плѣнъ замѣнить
 Желѣзные досѣхи брани.
 Но прежде юному вѣдутъ
 Къ великолѣпной Руской бани.
 Ужь волна дымная текуть
 Въ ея серебряные чашы,
 И брызжутъ хладныя фонтаны:
 Радосталъ роскошныя ковѣры:
 На немъ усталый ханъ ложится:
 Пророчный паръ надъ нимъ клубится.
 Погуля плѣнъ полный взоръ,
 Прелестная, подуматъ,
 Въ заботѣ плѣжной и плѣмой,
 Веруть хана дѣвы молодая
 Тѣсилея рѣвою голной,
 Надъ рыцаремъ шная машетъ
 Вѣтвями молодыхъ берѣвъ,
 И жаръ онь шумъ душевный машетъ:
 Другая сокомъ вѣтнхъ розъ
 Усталы члены прохладжаетъ,
 И въ ароматахъ потопляетъ
 Темнокурявѣе класы.
 Въосторомъ взглядъ умоешной
 Уже забылъ Людмила плѣной
 Недавно милая красы:
 Томится сладостнымъ желаньемъ:
 Брошенный взоръ его блестящъ,
 И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
 Онь таетъ сердцемъ, онь горитъ.
 Но воть выходитъ онь изъ бани.
 Отыны въ бархатныя тканн,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Рагмиръ
 Сидится да богатыи ширъ.
 Я не Омеръ: въ стнхъхъ высокыхъ
 Онь можетъ восхвалять ошнъ
 Обѣды Греческихъ дружинъ,
 И зюнь и плѣну матьъ глубокихъ,
 Милѣе, по стѣвѣмъ Парн,

ЧЕРНОМОРЬ.

Акварель. Гартмана. (Изъ собранія Д. В. Стасова. Воспроизводится впервые).

153-48-111

Мнѣ славить дирою небрежной
 И наготу къ ночи гнию,
 И поубаю любовью ибакою!
 Луною замокъ озарѣю:
 Я вижу теремъ отдаленный,
 Гдѣ видѣть гонимой, воспаленный
 Вкушаетъ одинокій сонъ:
 Его чело, его ланиты
 Мгновеннымъ пламенемъ горятъ:
 Его уста подоткрыты
 Лобзанье тайное манятъ:
 Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
 Онъ видитъ нѣ — и въ выскомъ снѣ
 Покровы къ сердцу прижимаетъ,
 Но вотъ въ глубокой тишинѣ
 Дверь отворилась: полъ ревнивой
 Скрипитъ подъ ножкой горошиной,
 И при серебряной дѣвѣ
 Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
 Сокройтесь, одлетите прочь!
 Проснись — твоя настала ночь!
 Проснись — дорогъ мигъ утраты!...
 Она подомнитъ: онъ лежитъ,
 И въ сладострастной нѣтѣ дремлетъ:
 Покровы его съ одра скользятъ
 И жаркій пухъ чело объемлетъ.
 Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
 Стоитъ недвижна, бездыханна,
 Какъ лицемѣрная Дана
 Предъ милымъ настремь своимъ:
 И вотъ она, на ложѣ Хама
 Кольбиномъ опершись однимъ,
 Вдохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
 Съ големшеемъ, съ трепетомъ живымъ,
 И сонъ счастливица прерываетъ
 Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...
 Но, другъ, двѣственная лира
 Умолкла подъ моею рукою:
 Слабѣтъ робкій голосъ мой —
 Оставимъ юнаго Рагмира:
 Не слову ибней продолжать:
 Русланъ насъ долженъ даннать,
 Русланъ, сей видѣть безримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный,
 Упорнымъ боемъ утомлѣнъ,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладостный вкушаетъ сонъ,
 Но вотъ ужъ раннее зарѣю
 Снѣтъ нѣхій побосклоны:
 Все ясно: утра дуть игривый
 Главы косматый лобъ длатить,
 Русланъ встаетъ, и конь ретивый
 Ужъ видѣть стѣблою мчѣтъ.
 И дни бѣгутъ: желтвонъ шивы
 Съ деревъ свисаетъ друидый листъ:
 Въ дѣсахъ осенней вѣтра свистъ,
 И вѣтъ пернатыхъ заглушаетъ:

Гажелый, пасмурный туманъ
 Натѣ холма обвиваетъ:
 Зима приближалась: Русланъ
 Свой путь отважно продолжаетъ.
 На дальній сѣверъ: съ кажимъ немъ
 Прегрѣты новья встрѣчаетъ:
 То бьется онъ съ богатыремъ,
 То съ вѣдомомъ, то съ великаномъ,
 То луной пошло видѣть онъ,
 Какъ будто слово волшебнаго сонъ,
 Окружены сѣдмъ туманомъ,
 Русалки, тихо на вѣтвяхъ
 Качаясь, видѣтъ младого
 Съ улыбкой хитрой на устахъ,
 Манятъ, не говоря ни слова...
 Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
 Безстрашный видѣтъ невредимъ:
 Въ его душѣ желанье дремлетъ:
 Онъ нѣкъ не видѣтъ, нѣкъ не внемлетъ,
 Одна Людмила вѣсуду съ нимъ.

Но между тѣмъ, нѣкъмъ незрима,
 Отъ нападеній колдуна
 Волшебной шапкою хранима,
 Что дѣлаетъ мой книжка,
 Моя прекрасная Людмила?
 Она, безмолвна и улыба,
 Одна гуляетъ по садамъ,
 О другѣ мыслить и вздыхаетъ,
 Нѣкъ, водо давъ своимъ мечтамъ,
 Къ роднымъ Киевскимъ полямъ
 Въ дѣбенномъ сердца улетаетъ:
 Отца и братьевъ обнимаетъ,
 Подружекъ видѣтъ молодыхъ
 И старыхъ мамушекъ своихъ
 Забыты нѣтъ и радученья!
 Но искорѣ бѣдная книжка
 Свое тереть заблужденье,
 И вновь улыба и отпа,
 Рабы влюбленнаго лютовъ,
 И день и ночь, снѣдъ, не смѣя,
 Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
 Предѣстной шѣбницы некая,
 Металась, громко призывая,
 Однако все безуспѣхамъ,
 Людмила ими добавлялась:
 Въ волшебныхъ рошѣхъ внола
 Безъ шапки врать она являлась,
 И книжка: «слова, сюда!»
 И вѣтъ бросалась къ ней голою,
 Но въ сторону — незрима врать
 Она несчастливою стоюла
 Отъ хищныхъ убѣгала рукъ,
 Вездѣ вѣсчасно замбчали
 Ея мнущия слѣды:
 То подлащенные пола
 На шумныхъ вѣтвяхъ печсали,
 То капли ключевой воды

На дуть взмывай удавали:
Тогда навстречу въ замѣкъ звали,
Что шепт' иль кушаетъ княжна.
На вѣвяхъ кедровъ иль берёзы
Скрывалась по почамъ, она
Минушаго искала она—
Но только проливала слеза,
Звала сурруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарёй,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой,
Едва рѣдѣла почти мгла,
Людмила къ водопаяу шла
Умыться хладною струёю:
Самъ карла урешней порою
Отважны видѣвъ изъ палаты,
Какъ ночь невидимой рукою
Плещалъ и брыдѣталъ водопаяу,
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ:
Нерѣдко ночь вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ:
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Нль ея броненный кънокъ,
Нль клочки Персидской шаги,
Нль заплатакнш платокъ.

Жестокою страстью увлеченный,
Досадою, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился наконецъ
Поймать Людмилу непременно,
Такъ Лемноса хромый кузнецъ,
Принявъ суружескій вѣнецъ
Нль рукъ прелестной Патерен,
Раскинулъ събъ ея красавъ,
Открывъ пасѣвшимъ богамъ
Киприды вѣжнью затѣвъ...

Скумая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ огня,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на двѣтущій дугъ,
Варужъ слышншь—ключиць: «милый другъ!»
И видѣть вѣрнато Руслана,
Его черты, походка, станокъ:
Но блѣднть оны, въ очаяхъ туманъ,
И на берѣжъ живая рапа—
Въ ней сердце дрогнуло, «Русланъ!
Русланъ!.. оны, точно!» И стрѣлою
Къ сурругу влѣвнща летнть,
Въ слезахъ, трепеща, говорить:
«Ты здѣвъ... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ стѣлахъ събъ ея чела
На землю шапка упадетъ,
Хлѣтѣя, слышншь грозный крикъ:
«Она мой!» и въ тотъ же мнть
Зрнть колдуня переть очамъ,
Раздался дѣвы жакашй стонъ,
Надежь безъ чувствъ—и дивный сонъ
Объявъ несчастною крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжною!
О страшный видъ: водшебникъ милый
Ласкаетъ дерзостной рукою
Младая прелести Людмилы!
Уже ли счастливъ будетъ оны?
Чу... вдругъ раздался рота звонъ,
И кто-то карлу вылаиваетъ,
Въ смѣтены, блѣдный чародѣи
На дѣву шапка надѣваетъ:
Трубачъ оныя звучнвій, звучнвій!
И оны летнть къ безвѣстной встрѣчѣ,
Заклупивъ бороу за плечи.

САДЫ ЧЕРНОМОРА.

Историкъ П. П. Горюновъ для постановки Русалка и Людмила Глинки въ Прагѣ, Визу-
ма, воспользовался этимъ же планомъ Горюновъ, хранящійся въ Публичной Библиотекѣ.

ТРОНЬ ЧЕРНОМОРА.

Акварель В. Гартмана; принадлежит В. Д. Стасову. Воспроизводится здесь впервые.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила мой княжна!
 Мнѣ правъ ея всего дороже:
 Она чувствительна, скромна,
 Любви суружеской вѣрна,
 Неможко вѣрена... такъ чтоже?
 Еще мнѣ тѣмъ она,
 Всечасно предестиню новой
 Умѣть насъ она влѣпить:
 Скажите: можно ли сравнить
 Ее съ Дельфиною суровой?
 Одной — судьба послала даръ
 Обворожать сердца и взоры;
 Ея улыбка, разговоръ
 Во мнѣ любви разжигаетъ жаръ.
 А та — подъ юнкою гусарь,
 Лишь дайте ей усы да шпоры!
 Блаженъ, кого подъ вечерокъ
 Въ уединенный уголокъ
 Моя Людмила подкидаетъ
 И другомъ сердца называетъ!
 Но, вѣрите мнѣ, блаженъ и тотъ,
 Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ.
 И даже съ нею незнакомъ,
 Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
 Но кто трубилъ? Кто чародѣя
 На сѣчу грозно выдвигалъ?
 Кто колдуня перенузалъ?
 Русланъ, Огнь, мѣстою пламени,
 Достигъ обители злодѣя,
 Ужъ вилъ подъ горой стоятъ,
 Призывной рогъ, какъ бури, востъ,
 Петербавный конь, кони
 И свѣтъ кошачьимъ мощнымъ ростомъ.
 Князь карду ждеть. Вслуху онъ
 Но шлему крѣпкому стальному
 Рукой недримой пораженъ;
 Ударъ ужалъ подобно грому:
 Русланъ, подымежь смущенный взоръ,
 И вилитъ, прямо пать славою
 Съ подъялой, странной булавой
 Летаетъ карда Черноморь.
 Цитомъ покрываишь, онъ пацнуел,
 Мечемъ погрѣсь и дамамуел:
 Но тотъ, вилелъ подъ облака:
 Намнѣ, пещель и свисока
 Шумя летѣтъ на князя спона,
 Проворный вилъязъ олетѣлъ,
 И въ свѣтъ съ размаху роковато
 Колдуня ужалъ — за тѣмъ и свѣтъ:
 Русланъ, не говоря ни слова,

Съ коня долой, къ нему сивнѣтъ,
 Поймавъ, за бороду хватаетъ,
 Волшебникъ силится, крятитъ,
 И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
 Ретивый конь во слѣдъ глядитъ:
 Уже колдунъ подъ облаками:
 На бородѣ герой виситъ:
 Летятъ надъ мрачными лѣсами,
 Летятъ надъ дикими горами,
 Летятъ надъ бедною морской:
 Огъ напряженья костенѣя,
 Русланъ за бороду злодѣя
 Упорно держится рукой.
 Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
 И слѣтъ Руской изумлясь,
 Волшебникъ гордому Руслану
 Коварно молвитъ: слушай, князь!
 Тебѣ вредитъ я перестану:
 Младое мужество любя,
 Забуду все, прошу тебя,
 Спускаюсь — но только съ уговоромъ...
 «Молчи, коварный чародѣй!
 Прервалъ нашъ вилъязъ съ Черноморомъ,
 Съ мучителемъ жены своей,
 Русланъ не знаетъ договора!
 Сей грозный мечъ покажетъ вора,
 Лети хоть до ночной звѣзды,
 А быть тебѣ безъ бороды!»
 Боясь объемлетъ Черномора:
 Въ досадѣ, въ горести пѣмой,
 Напрасно длинной бородой
 Усталый карда потрясаетъ:
 Русланъ ея не выпускаетъ,
 И шпилетъ волосы порой,
 Два дня колдунъ героя носитъ,
 На третій онъ пощадя проситъ:
 «О рыцарь, скажешь надо мной:
 Едва дышу; вѣтъ мочи болѣ:
 Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ:
 Скажи — спущусь, куда велѣшь...»

Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!
 Смирись, покорстуй Руской силѣ!
 Песи мени къ моей Людмилѣ,

Смиренно внемлетъ Черноморъ:
 Домой онъ съ вилъяземъ поспулся:
 Достигъ и мнгомъ омутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Вилъ мечъ сраженной головы,
 И, бороду схвативъ другою,

БОИ РУСЛАНА СЪ ЧЕРВОМОРЦЬ.

Рисунокъ А. Кившикъ.

Отѣкъ ее, какъ горсть травы.
 «Знай пашину! молвить огъ жестоко-
 Что, дивнигъ, гдѣ твоя краса?
 Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
 Сбдые вжеть волосы;
 Свистя зоветъ коня лихаго;
 Веселый конь летитъ и ржеть:
 Нашъ витязь карду чуть живаго
 Въ котомку за сбдо кладеть,
 А самъ, боее мгновенья траты,
 Сибшнть на верхъ горы крутой,
 Достигъ, и съ радостной душой
 Летитъ въ волшебныя палаты,
 Влади завидя шлемъ брадатый,
 Залогъ побдды роковой,
 Предъ шмъ Аравноу чудный рой,
 Толпы невольницъ боязливыхъ,
 Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
 Ббуть—и скрылись. Ходить онъ
 Одиъ средъ хранимъ горделивыхъ,
 Супругу милую зоветъ—
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаетъ;
 Въ волненьи чувствъ пестербливыхъ
 Онъ отвергаетъ дери въ садъ—
 Цетъ, цетъ—и не находить;
 Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
 Все мертво; рошцы молчать.
 Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
 Вдоль береговъ ручьи, въ долинахъ,
 Пидѣ Людмилы сбду ибгъ,
 И ухо шчегю не внемлетъ.
 Визанный князь хладъ обемлетъ,
 Въ очая его темнеть свѣтъ.
 Въ умѣ возникли мрачны думы...
 «Быть можетъ, горестъ... лѣтъ угрюмый...
 «Мицута... возна...» Въ смѣхъ мечтахъ
 Онъ погружень. Съ пѣмой тескою
 Покинулъ витязь головуго;
 Гло томить невольный страхъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мертвой камень;
 Мрачнть разумъ; дикй пламень
 И адъ отчаянной любви
 Уже текуть въ его крови.
 Казалось—гнѣ книжки прекрасной
 Коснулась трепетнымъ устамъ...
 И вдруть, неистовой, ужасной,
 Стремнть видѣть во сагъ;
 Людмилу съ вондемъ прижмаетъ,
 Съ холмовъ угеси отравляетъ,
 Все рушнть, все крушнть мечемъ.
 Бесѣдки, роши уназаетъ,
 Древа, мосты въ волнахъ шаряють,
 Слесь обнажаетъ кругомъ!
 Далеко гуды повторяють
 И реку, и трескъ, и шумъ, и громъ;
 Пошею мечъ летнть и свнщеть,

Предестный край оустошѣтъ—
 Бездумный витязь жертвы шщеть,
 Съ размаха вправо, влѣво онъ
 Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
 И вдруть—печальный ударъ
 Съ книжки невидимой сбиваетъ
 Прощальный Черномора даръ...
 Волшебства вмгъ исчезла сила:
 Въ сбдяхъ открылася Людмила!
 Не вѣра самъ своимъ очаятъ,
 Нежданнмъ счастьемъ упоенной,
 Нашъ витязь падеть къ ногамъ
 Подруги вѣрной, недабвенной,
 Цбаетъ руки, сбтъ ржеть,
 Люби, восторга слезы леть.
 Зоветъ ее—но дѣва дремлетъ,
 Сожмнуты очи и уста,
 И сладострастная мечта
 Младую грудь ея подемлетъ.
 Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
 Его терзаетъ вновь кручина...
 Но вдруть знакомый слышнть гласъ,
 Гласъ добродѣтельного Финна:
 «Мужайся, князь! Въ обратный путь
 Ступай со спящею Людмилей;
 Нашоли сердце новой силой,
 Люби и чести вѣрнѣ будь.
 Небесный громъ на злобу грянетъ,
 И воаритъ тишина—
 И въ сбтломъ Кіевѣ княжна
 Передъ Владиміромъ возстанеть
 Огъ очарованнаго сна».

Русланъ, смгъ гласомъ оживленной,
 Береть въ объятія жену,
 И тихо съ носей драгоцѣнной
 Онъ оставляетъ вышину,
 И сподитъ въ долъ удивленной.
 Въ молчаньи, съ карлой за сбдломъ,
 Побхалъ онъ своимъ путѣмъ;
 Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
 Сбжа, какъ вѣшня жаръ,
 И на плечо богатыря
 Лицо спокойное склонила,
 Власами, свитыми въ кольцо,
 Пустынный вѣтерокъ играеть;
 Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
 Какъ часто тихое лицо
 Мгновенной розою пылаеть!
 Любовь и таинная мечта
 Руслановъ образъ ей приносятъ,
 И съ томнымъ монономъ уста
 Супруга нмъ проносятся...
 Въ дѣбнтьи сладкомъ ловитъ онъ
 Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, вѣжнй стоиъ
 И сонныхъ персей водноканье...

Межъ гдѣвъ по доламъ, по горамъ,

РАСЛАВЪ И АМРАПОЮНАЯ ГОЛЮБА.

И въ бѣлый день, и по ночамъ,
 Ишь витязь бѣдетъ непрестанно.
 Еще далеки предѣлы желанной,
 А дѣва спитъ. Но юный князь,
 Безплотнымъ пламенемъ томясь,
 Узелъ, страдалецъ постоянной,
 Супругу только сторожилъ,
 И въ цѣломудренномъ мечавѣ,
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монохъ, который сохранилъ
 Погосту въпрямое преданье
 О славнои витязѣ моёмъ,
 Ишь увѣряетъ смѣло въ томъ:
 И вѣрю я! Безъ раздѣленья
 Улылы, губы наслажденья:
 Мы прямо счастливы вдвоёмъ.
 Наступилъ сонъ княжны престной
 Не приходилъ на ваши сны,
 Порой томительной весны,
 На муравѣ, въ тѣни древесной.
 Я помню маленькой дужокъ
 Среди березовой дубравы,
 Я помню темный вечерокъ,
 Я помню лица сонъ лукавый...
 Ахъ, первый поцѣлуй любви
 Дрожащій, легкій, торопливой
 Не разогналъ, друзья мои,
 Ея дремоты терливиной!...
 Но полно, я бодро вздрогъ!
 Къ чему любви воспоминашь?
 Ея улыбка и страданье
 Забыты мною съ давнихъ поръ;
 Теперь влскую мое вимаше
 Княжна, Русланъ и Черноморъ.
 Предъ ними стелется равнина,
 Гдѣ ели изрѣдка взошли;
 И грозного холма вдали
 Чернѣетъ круглая вершина
 Небесъ на яркой синевѣ.
 Русланъ вглядѣть — и догадался,
 Что подвѣзается къ голови:
 Вспѣше борзый конь помчался;
 Ужъ видно худо изъ чудеса:
 Она глядитъ недвижамъ окомя
 Власть ея какъ черной дѣвѣ,
 Поросши на челѣ высокомя:
 Лашты жизни лишены,
 Савицовой бѣдностью покрыты;
 Уста огромныя открыты,
 Огромны дубы ственены...
 Надъ подмерзтой головою
 Последній день ужъ выговѣлъ.
 Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ.
 Съ Людмилой, съ кардой за спиной,
 Онъ крикнулъ: «Здравствуй, голова!
 «Я дѣва! указавъ двой извѣстникъ!»

«Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ извѣстникъ!»
 И князя гордыя слова
 Ее внезапно оживили.
 Память въ ней чувство разбудили,
 Очнулась будто ото сна,
 Взглянула, странно застонала...
 Узнала витязя она,
 И брата съ ужасомъ узнала.
 Паднулись поздри; на шекалъ
 Багровый огонь еще шелъся.
 И въ умрающуиъ глазахъ
 Последній глѣбъ изобразился.
 Въ смятеннѣ, въ бѣшенствѣ ивномъ
 Она зубами скрежетала,
 И брату холоднымъ языкомъ
 Укоръ невинный летѣла...
 Уже ея въ тотъ самый часъ
 Кончалось долгое страданье:
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло тяжкое дыханье,
 Огромный закатился взоръ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ
 Узрѣли смерти содроганье...
 Она почла вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчанкѣ витязь удалился;
 Дрожащій варникъ за сѣдломъ
 Не смѣлъ дышать, не шевелился.
 И чернокнижникомъ языкомъ
 Усердно демономъ молился.
 На склонѣ темныхъ береговъ
 Какой-то рѣчки безымянной
 Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ
 Стоялъ поикшеи хаты кровъ,
 Густыми соснами вѣчанной.
 Въ теченьи медленномъ рѣка
 Вблизи плетень изъ тростника
 Волною сонной омывала,
 И вокругъ него едва журчала
 При легкомъ шумѣ вѣтерка.
 Долна въ снхъ мѣстахъ таилась,
 Уединенна и темна:
 И тамъ, казалось, тишина
 Съ начала мѣра воцарилась.
 Русланъ останоилъ коня.
 Все было тихо, безматекно:
 Огъ разсвѣтающаго дня
 Долна съ рощею прибрежной
 Сквозь утренней сѣла дымъ.
 Русланъ на дугъ жену слагаетъ,
 Садится близъ нея, вдыхаетъ
 Съ улыншемъ сладкимъ и ивнымъ;
 И вдругъ онъ видитъ предъ собою
 Смирный парусъ челюка,
 И слышитъ вѣстро рыбака
 Надъ тихоструйною рѣкою,
 Раскинувъ пелюдь по волнамъ,
 Рыбасъ, на весла наклоненной,

Наветь къ дѣвствамъ берегамъ.
 Къ порогу жизни смиренной.
 И видить добрый князь Русланъ:
 Челнокъ ко брегу приплываетъ:
 Изъ темной хаты выбѣгаетъ
 Млада дѣва стройной станъ,
 Власы небрежно распушены,
 Улыбка, тихій взоръ очей,
 И грудь, и плечи обнажены,
 Все мило, все илѣется въ ней.
 И вотъ они, обнявъ другъ друга,
 Садятся у прохладныхъ водъ,
 И часъ безпечнаго досуга
 Для нихъ съ любовью настаётъ.
 Но въ изумлени молчаливомъ
 Кого же въ рыбацкѣ счастливымъ
 Нашъ воинъ витязъ узнаётъ?
 Хазарскій ханъ, избранный славой,
 Ратмиръ, въ любви, въ воинѣ кровавой
 Его совершилъ молодой,
 Ратмиръ въ пустынь безмятежной
 Людмилу, славу позабывъ,
 И имъ навѣки измѣнилъ.
 Въ объятіяхъ подруги ѣзиковой.

Герой приближился, и вмигъ
 Отшельникъ узнаетъ Руслана,
 Встаётъ, летитъ. Раздался крикъ...
 И обнявъ князь младаго хана.
 Что вижу я! спросилъ герой,
 Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оставилъ
 Тревоги жизни боевой,
 И мечъ, который ты прославилъ?
 «Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбакъ,
 Душѣ наскучилъ бранной славы
 Пустой и гибельный призракъ.
 Покѣрь: певничья забава,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣ сердцу во сто кратъ—
 Теперь, утративъ жажду брани,
 Престалъ платить безумству дань,
 И, вѣрнымъ счастиемъ богатъ,
 Я все забывъ, товарищъ милый,
 Все, даже престои Людмилы.»
 — «Любезный ханъ, я очень радъ!
 Сказалъ Русланъ: она со мною.—
 «Возможно ли, какой судьбою?
 Что слышу? Руская княжна...
 Она съ тобою, гдѣ же она?
 Позволь... но лѣтъ, боевъ измѣны:
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счастливой перемены
 Она виновницей была:
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!..
 Она мнѣ возвратила вновь
 Мою утраченную младость,
 И миръ, и чистую любовь,
 Напрасно счастье мнѣ судили

Уста волшебницъ молодыхъ:
 Дѣвнадать дѣвъ мени любилъ:
 Я для нея покинулъ нуть;
 Оставилъ теремъ нуть веселый,
 Въ тѣни хранилищныхъ дубровъ:
 Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,
 Забылъ и славу и прагость.
 Отшельникъ мирный и безвѣстный,
 Остался въ счастливой глуши,
 Съ тобою, другъ милый, другъ предестный,
 Съ тобою, свѣтъ моей души!»

Пастушка млада визжала
 Друзей открытый разговоръ,
 И, устремивъ на хана взоръ,
 И улыбалась и взывала.

Рыбакъ и витязъ на брегахъ
 До темной ночи просидѣлъ
 Съ душой и сердцемъ на устахъ—
 Часы невидимо летѣли.
 Чернѣть лѣсъ, темна гора:
 Встаётъ луна—все тихо стало:
 Герою въ путь давно пора—
 Накинувъ тихо покрывало
 На дѣву сияющую, Русланъ
 Идетъ и на коня садится:
 Задумчиво безмолвный ханъ
 Душой вослѣдъ ему стремится,
 Руслану счастья, побѣдъ
 И славы и любви желаетъ...
 И думы гордыхъ, вихуръ лѣтъ
 Невольной грустью оживлетъ...

Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непостоянной любви
 Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ, незнаемая въ мірѣ)
 Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
 Печальной истины поэтъ,
 Зачѣмъ я долженъ для потомства
 Порокъ и злобу обнажать,
 И тайны козни вразометва
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны цекатель недостойный,
 Охоту къ славѣ потерявъ,
 Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
 Въ пустынь дальнюю и спокойной
 Скрывался и Пашии ждалъ.
 И часъ торжественный насталъ.
 Къ нему волшебница явилась.
 Вѣщая: «знаешь ли меня?
 «Ступай да мной: съдланъ конь!»
 И вѣдма конюшкю обратила:
 Обѣдланъ конь, она пустилась:
 Тронами мрачными дубравъ
 За него съѣздетъ Фарлафъ.

Долна тихая дремала,
 Въ ночной одѣлѣ туманъ:
 Луна во мглѣ перебѣгала

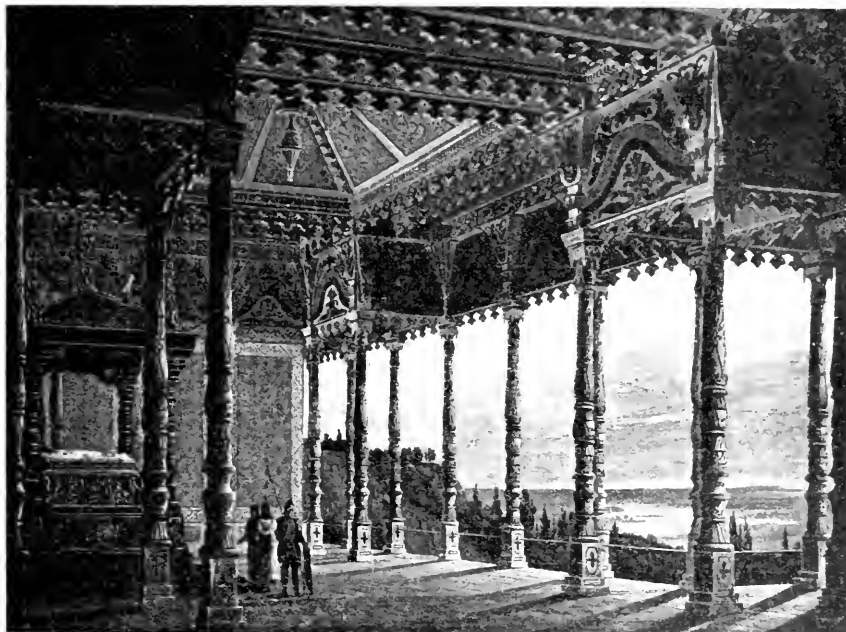
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряя.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Слѣдилъ съ обыкновенною тоскою
 Предъ усыпленнымъ княземъ.
 Глубокую думу думать онъ,
 Мечты летѣли за мечтами,
 И неспроста въявь сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На двѣ смутными очами
 Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
 И, утомянную главою
 Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.
 И снится вѣдній сонъ герою:
 Онъ видитъ, будто бы княжна
 Надъ странной бездною глубиною
 Стоитъ недвижна и блѣдная...
 И вдругъ Людмила исчезаетъ,
 Стоитъ очинъ надъ бездною онъ...
 Знакомый гласъ, призывный стоишь
 Изъ тихой бездны вылетаетъ...
 Русланъ стремится за женою:
 Стремглавъ летитъ во тѣмъ глубокой...
 И видитъ вдругъ передъ собой:
 Владиміръ, въ гринцифъ высокой,
 Въ кругу свѣдѣвъ богатѣей,
 Между двенадцатью сынами,
 Съ толпою названныхъ гостей,
 Сидитъ за бранными столами.
 И такъ же гнѣвъ старый князь,
 Какъ въ день ужасный разставанья,
 И всѣ сидятъ не шевелясь,
 Не смѣя прервать молчанья.
 Утихъ веселый шумъ гостей,
 Не ходитъ чаша круговая...
 И видитъ онъ, среди гостей,
 Въ бою сраженного Родана:
 Убитый, какъ живой, сидитъ
 Изъ опивеннаго стакана
 Онъ, весель, шель и не глядитъ
 На изумленного Руслана.
 Киндъ видѣть и младого хана,
 Друзей и недруговъ... и вдругъ
 Раздается душной звукъ
 И голосъ вѣднато Баана,
 Шивда геросовъ и забавъ,
 Водуветъ въ гринцифу Фарафаъ.

Ведеть онъ за руку Людмилу;
 Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
 Молчаливъ, склонивъ главу ушлуду,
 Князя, бояре—всѣ молчать,
 Душевные движенья крою.
 И все исчезло—смертннй хладъ
 Объемлетъ спящаго героя.
 Въ дремоту тнжко погружѣвъ,
 Онъ зелье мучительныхъ слезы,
 Въ волненья мыслитъ: это сонъ!
 Томится, но злобнщей грезы,
 Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою:
 Объяты рощи темнотою,
 Должна въ мертвой тишинѣ...
 Измѣнникъ вѣдетъ на кобѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
 Онъ видитъ сумрачный курганъ:
 У ногъ Людмилы спитъ Русланъ.
 И ходитъ конь кругомъ кургана,
 Фарафаъ съ боизно глядитъ:
 Въ туманѣ вѣдма исчезаетъ,
 Въ немъ сердце замерло, дрожить,
 Изъ ладныхъ рукъ узду роняетъ,
 Тихонько обнажаетъ мечъ,
 Готовясь внтязя безъ боя
 Съ размаха на двою разсѣчь...
 Къ нему подѣхалъ. Конь героя,
 Врага почуя, закинѣлъ,
 Заржалъ и тошулъ. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлетъ: сонъ ужасный,
 Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ...
 Измѣнникъ, вѣдмой одобренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной
 Вонзаегъ трижды лядну сталь...
 И мнитъ боизно вдалѣ
 Съ своею добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
 Лежалъ во мракѣ подъ горою,
 Часы летѣли. Кровь рѣкою
 Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
 Поутру, взоръ открывъ туманной,
 Нуская тяжкій, слабый стоишь.
 Съ усыпавъ примотанъ онъ,
 Взглянулъ, поникъ главою бранной—
 И палъ недвижный, бездыханный.

ЛЮДИЛА ВЪ ОЧАРОВАННОМЪ СНѢ.

Декорация А. П. Роллера къ оперѣ Глазго «Русалка и Людмила»

СНѢСЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой ивѣной,
 На дѣлѣ легкой и небрежной
 Старинны были пѣснѣвать
 И мѣдъ вѣрной посвящать
 Часа бездѣльнаго досуга...
 Ты знаешь, милая поруга,
 Поессоряе съ вѣтреной молвой,
 Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
 Забылъ и трудъ уединенный,
 И звуки лиры торжой,
 Огъ гармонической забавы
 Я, ивѣной упоенье, отвѣкъ...
 Дашу тобою и гордой славы
 Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
 Меня покинуде тайный гений
 И вымасловѣ, и слазихъ шумѣ:
 Любовь и жажда наслажденій
 Однѣхъ преслѣдують мой умъ,
 Но ты велишь, но ты любила

Разказы прѣжитѣ мой,
 Преданы слава и любовь:
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владимиръ, вѣдима, Черноморь,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечтанье занимали:
 Ты, слушая мой детскій вздоръ,
 Съ улыбкой шно ты дремала:
 Но шногда свой ивѣзанный вздоръ
 Швѣжбе на пѣвца бросала...
 Рѣшусь: влюбленныя говорунѣ,
 Касаюсь шно въ дѣшвыхъ струнѣ:
 Сажусь у ногъ твоихъ, и шно въ
 Бренму про витязя мѣлаю.
 Но что сказаде я? Гдѣ Русалка?
 Дежитъ онѣ мертвыи въ чистомъ полѣ:
 Ужъ провь его не дѣтаетъ болѣ,
 Надъ нимъ дѣтаетъ жащный врачѣ,
 Безлазенья роука, нешвижна лапа,

Не повелится племь косматый!

Вокругъ Руслана ходить конь,
Пошкряуя гордой головою,
Въ его глазахъ нечезъ огонь!
Не машеть гривой золотой,
Не тѣшитъ, не скачетъ огнь,
И жетъ, когда Русланъ воспринетъ...
Но князя крѣпко младший сонъ,
Но долго шить его не гранетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдомъ,
Въ котомкѣ, вѣдомо забытый,
Еще не знаетъ ни о чѣмъ;
Усталый, сонный и сердитый
Князю, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ взглянулъ—о диво!
Онъ видитъ, богатырь дубитъ;
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмила пѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожить
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла быть не правъ!

Межъ тѣмъ, Ванной освещенный
Съ Людмилон тихо усыпленной,
Стремится къ Киеву Фарлафъ;
Летить, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Дибровски волны
Въ знакомыхъ нажитыхъ шумяхъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Ужъ Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стопахъ возстаётъ;
И волненья радостному народъ
Валитъ за вешникомъ, тѣнитъ;
Бѣгутъ обрадовать отца;
И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печаль бремя,
Влашмиръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своёмъ,
Сидѣлъ, томлясь привычною думой,
Бодрѣ, витязи кругомъ
Слѣдил съ важностью урюмой,
Врутъ внемлетъ онъ: передъ крыльцемъ
Волненья, крики, шумъ чудесный;
Дверь открылась: передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ всади съ поногомъ глумивъ,
И вуръ смущались, да шумѣли:
«Людмила дѣвѣ! Фарлафъ... узелъ?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Ветаетъ со ступа старая князь,
Слѣшитъ шепелями шагами
Къ несчастной дочери своей,
Погрунъ, очими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ пещи;
Но гна милая не внемлетъ,
И обрванная треплетъ

Въ рукавъ убійцы—всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взгляды
Вверилъ на витязи въ молчаньи,
Но, ширю персть къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ», сказалъ Фарлафъ:
«Я такъ машель ее недавно
«Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
«У злата лѣснаго въ рукавъ;
«Тамъ совершилось дѣло славное:
«Три дня мы бился: луна
«Надъ боемъ трижды подымалась;
«Онъ палъ, а князя княжна
«Мнѣ въ руки сонною досталась;
«И кто прерветъ сей дивный сонъ?
«Когда настанетъ пробужденъ?
«Не знаю—скрыть судьбы законъ!
«А намъ надежда и терпѣнне
«Одни остались въ утѣшенне.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одвалѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князя и витязи кругомъ
Стойть унылы: слышны трубны,
Рогъ, цимбаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею; старый князь,
Тоской тяжелой изпуряетъ,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Припикъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ пѣвномъ раскаянн, въ досадѣ,
Тренещеть, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей бездонныхъ не смыкалъ;
Шумъ, тѣшилъсь всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякой толковалъ;
Млатой сдурутъ свою сумругу
Въ свѣтлѣхъ скромной забывалъ,
Но только свѣтъ души дургой
Нечезъ предъ утренней зарей,
Всѣ Киевъ новою тревогой
Смущилъ. Кликъ, шумъ и вой
Волнѣли вѣду, Киевчане
Толнятся на свѣтѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлаго да рѣвого;
Щиты, какъ дерево, блистають,
Въ поляхъ набѣзники мелькають,
Вали поднимаи черныи прахъ,
Пугать походыи телеги,
Костры пылають на холмахъ.

Бѣда: возстали Печенѣги!
 Но въ это время вѣщій Финнъ,
 Духомъ могучій властелинъ,
 Въ своей пустынѣ безмятежной,
 Съ спокойнымъ сердцемъ оживалъ,
 Чтобы день судьбины неизбѣжной,
 Давно предвидѣнный, возсталъ.
 Въ пѣмѣи гдѣни стѣной горючихъ,
 За дальней дѣвицею дикимъ горю,
 Жилецъ вѣтросъ, бурь гремящихъ,
 Куда и вѣдъма смѣлымъ взоръ
 Проникнуть въ поздній часъ бонтея.
 Долина чудная таится,
 И въ той долинь два ключа:
 Одинъ течетъ водою живою,
 Но камнямъ весело журча,
 Тотъ льется мертвую водою:
 Кругомъ все тихо, вѣтры сняты,
 Прохлада вѣшняя не вѣветъ,
 Столѣти сосны не шумятъ.
 Не выются птицы, лань не сабѣтъ.
 Въ жаръ дѣиный пить изъ тайныхъ водъ:
 Чета духовъ съ начала мира,
 Безмолвная на доиѣ мира,
 Дремуцій берегъ стережетъ...
 Съ двумя кувшинами пустыми
 Предстать ошельмикъ передъ ними;
 Прервали духъ дивный сонъ,
 И уладили страха полноя.
 Склонившись, погружаетъ оны
 Сосуды въ двѣветвенныя волны:
 Наполнилъ, въ воздухъ пропалъ,
 И омутился въ два мгновенья
 Въ долинь, гдѣ Русалка лежала
 Въ кровнѣ, безгласный, безъ движенъя:
 И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
 И вспыснулъ мертвую водою,
 И раны засяли вмѣгъ,
 И трупъ чудесной красотою
 Провѣвалъ: тогда водою живою
 Героя старецъ окропалъ,
 И бодрый, полный пономъ силъ,
 Трещая жизнью молодою,
 Встаетъ Русалка, на ясный день
 Очами жадными взираетъ,
 Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
 Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
 Не гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
 Въ немъ сердце вснхлунувъ замираетъ,
 Вдругъ витязъ вспрянулъ: вѣщій Финнъ
 Его зоветъ и обнимаетъ:
 «Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаетъ;
 Тебя зоветъ кровавый ширъ:
 Твой грозный мечъ бѣдою трещетъ;
 На Кіевъ сидеть кроткій миръ,
 И тамъ она тебѣ предстанетъ.

Возми завѣтное кольцо,
 Коснешь имъ чела Людмила,
 И тайныхъ чаръ печезнуетъ сила,
 Враговъ смутитъ твое лице,
 Настанетъ миръ, погибнетъ злоба,
 Достойны счастья будьте оба!
 Прости папологи, видѣзь мой!
 Дай руку... тамъ, за дѣрною гроба—
 Не прежде— свидимся съ тобою!»
 Сказалъ, печезнулъ. Уносный
 Восторгомъ пылкимъ и пѣвчымъ,
 Русалка, для жизни пробужденная,
 Подъемлетъ руки вѣдѣ за нимъ...
 Но ничего не слышно боля!
 Русалка одинъ въ пустынномъ полѣ:
 Запрыгавъ, съ карлою за сѣдокомъ,
 Руслановъ конь петерѣвливомъ,
 Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой:
 Ужъ князь готовъ, ужъ оны верномъ,
 Ужъ оны летѣтъ живою и здравой
 Черезъ поля, черезъ дубравы.
 Но между тѣмъ какой позоръ
 Являеть Кіевъ осажденный!
 Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
 Народъ, унынѣвъ пораженный,
 Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ,
 И въ страхѣ ждетъ небесной казни:
 Степация робкая въ домашъ,
 На стогахъ тинина болзинъ;
 Одинъ, близъ дѣчи своей,
 Владимиръ въ горестной молитвѣ:
 И храбрый сонмъ богатырей
 Съ дружиной вѣрною князей
 Готовится къ кровавой битвѣ.
 И день насталъ. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ:
 Неукротимыя дружины,
 Волнуясь, хлынули съ равнины
 И потекли къ стѣнѣмъ градской:
 Во градъ трупы загрѣвли,
 Бойцы сомкнулись, полетѣли
 Навстрѣчу рати удалой,
 Сошлись—и заварился бой.
 Поумъ смерть, выиграли кони,
 Пошли слухать мечи о брони:
 Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась,
 Равнина кровью залилась:
 Стремглавъ наѣзники помчались,
 Дружины конныя сбѣгались:
 Сомкнутой, дружиною стѣной
 Тамъ рубится со строемъ строй:
 Со вѣдшикомъ тамъ пѣиной бьется:
 Тамъ конь испуганный несетъ:
 Тамъ Рускій шагъ, тамъ чечевѣтъ:
 Тамъ кланки битвы, тамъ побѣтъ:
 Тотъ опрокинуть буданую:
 Тотъ легкой пораженъ стѣфловъ:

Другой, придавленный щитомъ,
 Растрептаны бѣшенымъ конемъ...
 И дѣлся бой до темной ночи:
 Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
 За тудами кровавыхъ тѣлъ
 Бойцы сомкнули томны очи,
 И крѣпкокъ былъ нухъ бранный сонъ:
 Лишь изрѣдка на полѣ битвы
 Былъ слышенъ падшнхъ скорбный стонъ,
 И Рускихъ витязей молитвы.

Бѣдѣла утренняя тѣнь,
 Волна серебрилась въ потокѣ,
 Сомнительный раждался день
 На огуманешномъ востокѣ.
 Янѣли холмы и дѣса
 И просыпался небеса,
 Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
 Дремало поле боевое:
 Вдругъ сонъ прервался: вражий станъ
 Съ тревогой шумною восприимтъ,
 Внезапный крикъ сражений грянулъ:
 Смутилось сердце Киевлянъ:
 Бѣгутъ нестройными толпами
 И видѣть въ полѣ межъ врагами,
 Блестя въ латахъ, какъ въ огнѣ,
 Чуждый воинъ на конѣ
 Грозой несется, колеть, рубить,
 Въ режущий рогъ, летая, трубить...
 То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ,
 Нашъ визгъ палъ на басурманъ:
 Онъ рыцетъ съ кардой за сѣдомъ,
 Среди испуганнаго стана.
 Гдѣ ни просвищеть грозный мечъ,
 Гдѣ конь серпнтый ни промчнется,
 Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
 И съ воплемъ строй на строй валитъ:
 Въ одно мновенье бранной дугъ
 Покрываетъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
 Живыхъ, раздвоенныхъ, бездлавыхъ,
 Громадой коней, стрѣлъ, кольчугъ...
 На трубный звукъ, на голосъ боя
 Дружны коннны Славянъ
 Помчались по сдѣламъ героя,
 Сражались, гибни, басурманъ!
 Объемлетъ ужасъ Немейбговъ:
 Нитомцы бурные набѣговъ,
 Довуть разсвѣтнхъ коней,
 Противнтся не смѣють боль,
 И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
 Бьются отъ Киевскихъ мечей,
 Обречены на жертву аду:
 Нухъ сонны Рускнй мечъ казннхъ:
 Ликуютъ Киев... Но по граду
 Могути богатырь летѣть:
 Въ теснцѣхъ терзаетъ мечъ побѣдою:

Коньъ сіяетъ какъ звѣзда;
 Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
 На шлемѣ вьется борода;
 Летитъ, надеждой окрыленный,
 Но стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ,
 Народъ, восторгомъ уноснмый,
 Толнится съ кликами кругомъ,
 И князь радость оживилъ.
 Въ безмолвный теремъ входить онъ,
 Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
 Владимиръ, въ думу погружѣнъ,
 У ногъ ея стоятъ улыбай.
 Онъ былъ одинъ. Его друзей
 Войтѣ влекла въ поля кровавы,
 Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
 Вдаль отъ вражескихъ мечей,
 Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
 Стоялъ на стражѣ у дверей.
 Едва людвн узналъ Руслана,
 Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
 Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ.
 И валь безъ чувствъ онъ на колѣна...
 Достоинной казни ждетъ измѣна!
 Но, помня тайный даръ кольца,
 Русланъ летитъ къ Людмилѣ свящей,
 Ея спокойнаго лица

Касается рукой дрожащей...
 И чудо—юная княжна,
 Вдохнувъ, открыла свѣтлы очи!
 Казалось, будто бы она
 Дышлася столь долгой ночью;
 Казалось, что какой-то сонъ
 Ее томилъ мечтой пеленой:
 И вдругъ узнала—это онъ!
 И князь въ объятяхъ прекрасной,
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видитъ, не внимаеть,
 И старецъ въ радости пѣмой,
 Рыдая, милахъ обнимаетъ,
 Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
 Ты угаснешь, другъ мой милой!
 Неправый старца гибель погасъ:
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилей
 У ногъ Руслана объявилъ
 Свой стыдъ и мрачное злодѣство:
 Счастливый князь ему простилъ:
 Лишенный силъ чародѣства,
 Былъ принятъ карда во доречь:
 И бѣднтей праздникъ конецъ:
 Владимиръ въ грнщцѣхъ высокой
 Запировакъ въ семьѣ своей.

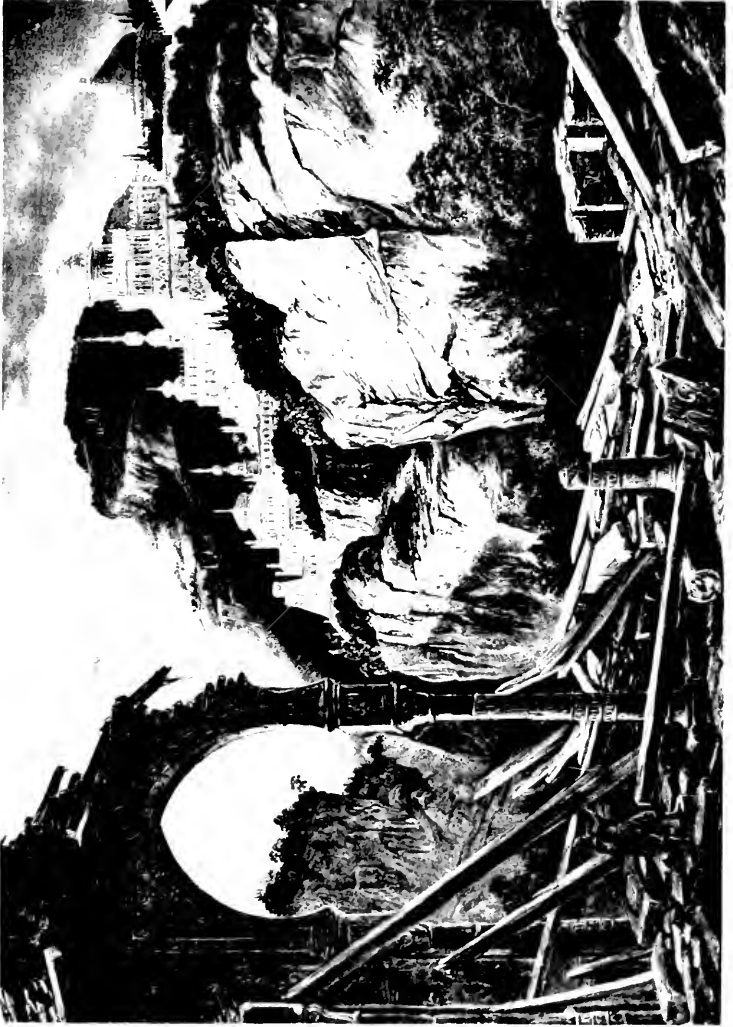
Дѣла давно миновавшихъ дней,
 Преданья старинны глубокой,

ВОЛШЕВНЫЙ ЗАМОКЪ.

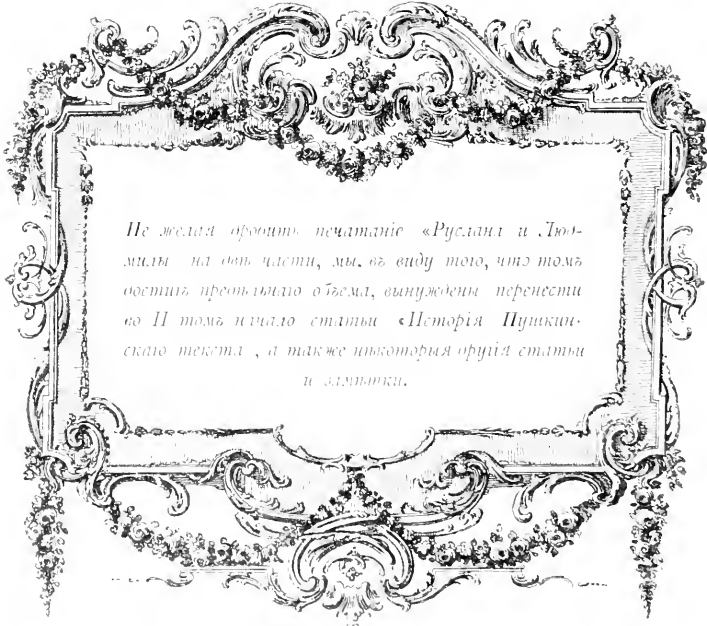
Декорация А. И. Роллера для «Руслана и Людмилы» Глинки.

(Воспроизводится впервые по картинам Роллера, н.г. в Публичной Библиотеке).

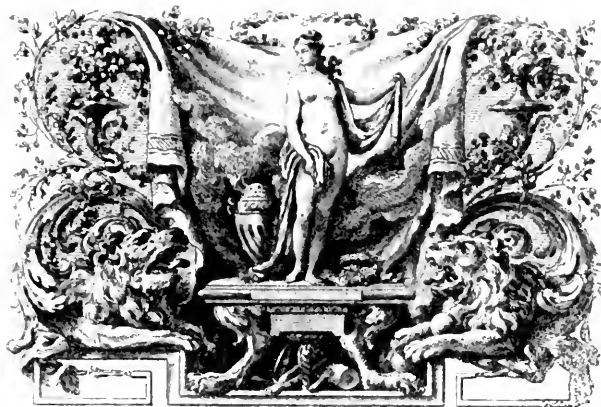

ЭПИЛОГЪ.

Такъ, міра житель равнодушной
 На долѣ прадной тишины,
 Я славилъ дурю послушной
 Преданъ темной старины.
 Я пѣлъ—и забывалъ обиды
 Слѣного счастья и вратовъ,
 Изъбны вбѣренной Дориды
 И сизетни шумная глушцовъ,
 На крыльяхъ вымысла поспимой,
 Умъ улеталъ за край земной:
 И между тѣмъ грозы незримой
 Сбиралась гуча надо мною!...
 Я погибалъ... Святой хранитель
 Первоначальныхъ бурныхъ дней,
 О дружба, пѣвный угвнитель
 Болѣзненной души моей!
 Ты умолила непогуду;
 Ты сердцу возвратила миръ:
 Ты сохранила мнѣ свободу,
 Книждей младости думарь!
 Забытый свѣгомъ и молвою,
 Далече отъ бреговъ Невы,
 Теперь я вижу предъ собою
 Кавказа гордыя главы.
 Пады нхъ вершинами крупами,
 На скаты каменныхъ стременишь,
 Питаюсь муствами пѣвами
 И чудной прелестью картинъ
 Природы дикой и урюмой:
 Душа, какъ прежде, какавый часъ
 Полна томительного думой—
 Но огнь поэзи погасъ,
 Иду напрасно впечатлѣній:
 Она прошла, пора стиховъ,
 Пора любви, веселыхъ сповѣ,
 Пора сердечныхъ влхновеній!
 Восторговъ краткій день протекъ—
 И скрылась отъ мена навѣкъ
 Божия тихихъ пѣсновѣній...

Не желая вносить печатаніе «Русланъ и Людмила» на ось части, мы, въ виду того, что томъ достигъ предѣльно объема, вынуждены перенести во II томъ начало статьи «Исторія Пушкинскаго текста», а также некоторыя другія статьи и замѣтки.

Рисунки I тома.

I.

Фотографии и хромолитографии.

1. Сергей Львович Пушкиль. Рисунок гуашью, неизвестного художника. Собственность Л. П. Павлищева. Хромолитография П. Кадушкина. Вь краскахъ здѣсь воспроизводится впервые	стр.	8
2. Мать Пушкина Надежда Осиповна Пушкина. Миниатюра на слононой кости; рисоваль гр. Ксавье де Местрь. Собственность Л. П. Павлищева. Хромолитография П. Кадушкина. Вь краскахъ здѣсь воспроизводится впервые	стр.	8
3. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлищева. Акварель работы Варвары Осетровны Черновой, 1874. Собственность Л. П. Павлищева. Хромолитография П. Кадушкина. Воспроизводится здѣсь впервые	стр.	32
4. Пушкиль въ первое года пребыванія въ Индѣ. Рисовать либо индѣйскій сувенирь Мириковъ, либо К. Брюловъ. Графору Гейтмана, принадлежала къ Кавказскому Инвентарю Сиб., 1822. Литогр. П. Кадушкина	стр.	86
5. Северная Америка — Екатерина П. Картина Торелли. Воспроизводится впервые	стр.	192
6. Пушкиль въ последние года пребыванія въ Индѣ. Портреть рисовать дѣтскими карандашами, принадлежавшим директору индѣ Е. А. Фидельарту	стр.	248
7. Александр I. Портреть Бенера	стр.	292
8. Кн. Елизавета Ивановна Голцица. Портреть Егорова Дрегваков. галлерей	стр.	441
9. Русалки и Любимца. Листъ съ рисунками Шарлемана. Лѣтъ Художественнаго Института Тама, 1861	стр.	601

10. Черноморь. Акварель В. Гартмана, изъ собранія Д. В. Стасова. Хромолитография П. Кадушкина. Воспроизводится здѣсь впервые	стр.	624
11. Волшебный замокъ. Декорація А. П. Роддера. По картинѣ Роддера воспроизводится здѣсь впервые	стр.	636

II.

Автографии на отдельныхъ листахъ.

1. Побѣдоносный Александр I. Лѣтъ металіоновъ гр. Осера Толстого	стр.	198
2. Наполеонъ переть отъѣздомъ на Эльбу. Xarleston à Fontainebleau. Картина Деларона	стр.	218
3. Екатерина Павловна Бакунина-Подтарацкая въ 1812 году	стр.	288
4. Предель Альбана — Галагея, окруженная Амуромъ	стр.	290
5. Принцъ Оранскій и Вел. Кн. Анна Павловна	стр.	336
6. Парисъ съ трагедіи 1820-хъ гг.	стр.	385
7. Торжество Вакха. Рисунокъ Жуана	стр.	497
8. Выписка Овешина къ Русскому и Любимца. Приложене къ Епископю. Сиб., 1820	стр.	584

III.

Рисунки и автографы въ текстахъ.

1. Стрѣлецъ. Рисунокъ швейцарскаго капитана Фрика Нальчикста, 1673. Изъ альбома путешествія Нальчикста	стр.	41
--	------	----

	стр.		стр.
2. Портретъ Петра I, гравированный Шубинымъ	43	музей». Карикатура вызвана попыткой Кюхельбекера утопиться	55
3. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Въ возрастѣ около 92 лѣтъ. Не вполне достойный портретъ, находящійся въ Моск. главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ	47	22. Групиа бувищихъ лиценствова. Карикатура въ лицескомъ журналѣ «Индеевскій музредъ». Собственность К. Я. Грота	57
4. Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ, строитель Херсона. Портретъ, принадлежащій семьѣ Перфильевыхъ въ Москвѣ	49	23. Индеевскій рисунокъ Пушкина—продавецъ квасу. Пушкинскій музей при Александровскомъ лицѣ въ Сиб.	59
5. Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. Портретъ, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ	21	24. Индеевскій рисунокъ Пушкина—собака Пушкинскій музей при Александровскомъ лицѣ въ Сиб.	60
6. Гербъ Пушкинаыхъ. Изъ «Общдаго Гербошника» т. V въ полнумъ величину	24	25. Автографъ Пушкина—заглавная страница лицеской тетради (Румянцевскій музей въ Москвѣ). Въ эту тетрадь вошли стихи 1812—1817 гг., извѣстные подъ именемъ «Индеевскихъ стихотвореній»	61
7. Домъ Ключиныхъ на Шведской улицѣ въ Москвѣ. Считается, что въ надворномъ флигелѣ этого дома родился Пушкинъ. По тому къ дому прибита доска направо отъ вывески парикмахера. Съ фотографіи П. К. Остроумова, снятой для настоящаго изданія	26	26. Первый автографъ Пушкина. Чешскій музей въ Прагѣ	65
8. Флигель дома Ключиныхъ. Въ немъ, по преданію, родился Пушкинъ. Съ рѣдкой фотографіи, принадлежащей Л. П. Майкову теперь находится въ Академіи Наукъ	27	27. Автографъ, по семейному преданію, чрезвычайно походя на сестру Пушкина въ ранней молодости. Принадлежитъ теперь сыну Ольги Сергѣевны—Л. П. Павлищеву. Воспроизводится здѣсь въ первый разъ	73
9. Отецъ поэта въ 1807 г. Карандашный портретъ St. Aubin'a, принадлежащій внуку его дочери Ольги Сергѣевны П. П. Паше, урожденной Павлищевой	28	28. Антоній Гамилътонъ. Съ гравюры Fessard'a	79
10. Отецъ поэта въ старости. Карандашный портретъ, доставленный на Пушкинскую выставу 1880 г. его внукомъ Л. П. Павлищевымъ	29	29. Ольга Сергѣевна Павлищева. Карандашный портретъ, рисованный однимъ глухонѣмымъ въ Варшавѣ въ 1833 г. Находится теперь у сына Ольги Сергѣевны—Л. П. Павлищева. Портретъ воспроизводится здѣсь впервые	81
11. Подосковское сельцо Захарово, гдѣ Пушкинъ въ дѣтствѣ проводилъ лѣто. Съ картинки А. Киселева, писанной въ 1870-хъ гг.	31	30. Рисунокъ Ольги Павлищевой Павлищевой. Находится у сына ея—Л. П. Павлищева. Воспроизводится здѣсь впервые	83
12. Метрическая записъ о рожденіи Пушкина. Впервые воспроизводится здѣсь по фотографіи, снятой для настоящаго изданія П. К. Остроумовымъ	34	31. Ольга Сергѣевна Павлищева въ 1862 г. Съ фотографіи, принадлежащей Л. П. Павлищеву. Воспроизводится здѣсь впервые	85
13. Вѣтъ на лицѣ съ Садовой улицы. Съ рѣдкой, время пребыванія Пушкина въ лицѣ. Фотографіи Мартынова изъ коллекціи Е. Е. Рентера	39	32. Иностранца Оссіана. Съ вышивки на дѣтскомъ листѣ Макферсоновскаго изданія Oссіана 1762 года	89
14. Лицен и директорскій домъ. Со старинной литографіи. Лицен занималъ правый флигель двора	41	33. Юмле ратники и дѣвы оссіановскіихъ поэмъ. Изъ иллюстраціи Макферсоновскаго изданія 1762 года	93
15. Вѣтъ на лицѣ со стороны главнаго входа. Нативно Индеевскій садъ и Индеевская (Дьямненская) церковь	43	34. Дѣмечъ Макферсонъ. Съ портрета въ лондонской національной портретной галлереѣ	101
16. Индеевскій садъ. Рисунки Бореля въ Нативной книгѣ Александровскаго лица въ 1836—37 годѣ. Повторному, въ юности, свидѣтельству студѣ, художникъ хотѣлъ изобразить Пушкина	45	35. Оссіанъ. Рѣдкая гравюра изъ собранія П. Е. Рентера. Рис. X. Abilg ard, грав. J. F. Clemens London, 1787	105
17. Флигель въ Индеевскомъ саду. Съ акварели, рисованной отнимъ изъ лиценствъ изъ бумаги И. К. Грота, теперь собственности К. Я. Грота	47	36. Русскія иллюстраціи на оссіановскій темъ. Вышевка изъ трагедіи Озерова «Фингалъ». Рис. П. Иванова, грав. М. Иванова	109
18. О. М. Гаузинъ, въ второй директоръ Индѣа. Автографъ съ рис. О. Кипренскаго	49	37. Русскія иллюстраціи на оссіановскій темъ. Сцена изъ II дѣйствія трагедіи Озерова «Фингалъ». Рис. П. Иванова, грав. М. Иванова	114
19. Егоръ Антоновичъ Индеевскій, директоръ Индѣа. Акварель, принадлежащая бар. О. Олени Савсу	51	38. Иностранца Оссіана. Вышевка изъ изд. Кюбеля 1822	114
20. Индеевскіе профессора, шнущіе милості у г-р. Радумовскаго. Карикатура Пашинскаго въ лицескомъ журналѣ «Индеевскій музредъ» (собственность К. Я. Грота)	53	39. Дѣта и лебеди. Картина Theolou'a 1759—1780 въ гравюрѣ J. Marchand'a, посвященна русскому поету въ Дрезденѣ, изд. Вильгельмскому—Вильдерскому	115
21. Групиа лицескихъ профессоровъ и студентовъ. Карикатура лицескаго Индеевскаго въ лицескомъ журналѣ «Индеевскій музредъ» (собственность К. Я. Грота)	53	40. Дѣта и Юпитеръ. Миниатюрная гравюра Bontard'a 18 вѣка	117
		41. Красота и зеркало. Аллегорическая картина Cipriani 1746—178 въ гравюрѣ L. Rydera и J. L. Colse	119
		42. Дьямненская французская актриса Клеронъ. Съ рѣдкой дѣтской гравюры изъ Пушкинскій коллекціи П. Е. Рентера	129

стр.

43. Михаил Лукьянович Яковлев, в ландшафтном порту	136	68. Жанн Шандель. Сь гравюра 18 вѣка.	215
44. Вино. Рисунки в гравюра Bartolozzi	135	69. Автограф Пушкина, заключительный стих къ Дельшину	217
45. Автограф Пушкина	141	70. Реданция Наполеона на Эльбѣ. Рисунки Ораса Верне	219
46. Портреты Батюшкова, рисованный имъ самимъ для Е. Г. Пушкиной, приблизительно около 1820 года. Вставлены дѣсь въ рамку 18 вѣка	145	71. Наполеонъ на Эльбѣ. Рисунки Рафаэля Рафет	221
47. Батюшковъ въ 1813 г. Сь гравюра Пожалостина. Рисованный масляными красками оригиналъ находится въ Публичной Библиотекѣ	153	72. Каеманъ Маро Marot	223
48. Заглавная вѣстка любимата Пушкинымъ изданія Батюшковскихъ «Опытовъ» (Спб., 1817, ч. I)	151	73. Рисунки Cipriani въ гравюрѣ Bartolozzi	223
49. Счастье. Сь рис. Cipriani грав. Bartolozzi	155	74. Кн. А. М. Горчаковъ лицевомъ	231
50. Первая изъ дубочныхъ обработокъ «Романса». Изъ Пушкинскои коллекци П. Е. Рейнбота	159	75. Рисунки Cipriani въ гравюрѣ Bartolozzi	233
51. Заглавная вѣстка альманаха Бориса Феторова Памятникъ Отечественнымъ Музык., на 1827 годъ	169	76. Николай Федоровичъ Кошанскій. Карикатурный портретъ. Вдѣлены въ увеличенномъ видѣ изъ карикатурной группы лицевыхъ профессоровъ	277
52. Романсъ въ дубочныхъ картинахъ: 1 литография 1839 и 2 литография 1852 г. Изъ Пушкинскои коллекци П. Е. Рейнбота.	161	77. Шпель. Сь гравюра 18 вѣка	280
53. «Романсъ» въ дубочныхъ картинахъ: 1 дубочная гравюра 1818 и 2 дубочная гравюра 1857 года. Изъ Пушкинскои коллекци П. Е. Рейнбота	163	78. Шпель. Сь гравюра 18 вѣка	284
54. Романсъ въ дубочныхъ картинахъ: 1 дубочная картина 1856 и 2 новѣшая хромо-литография, изд. Сынтинъ въ 1894 Москва. Изъ Пушкинскои коллекци П. Е. Рейнбота	165	79. Анакреонъ. Заглавная вѣстка Анакреоническои поэмѣ Державина Спб., 1804	265
55. Тихий молодой Царскаго Села 1810—1820 гг. Рис. Жанера	171	80. Грессе. Сь гравюра 18 вѣка	266
56. Царскоесельское озеро въ пушкинскіе дни. Современный рисунокъ лицевиста Жанера. Спб., 1820	177	81. Амуръ, плывущіе вокругъ статуи Кушидона. Одна изъ наиболѣе характерныхъ для художественной манеры Амбоянъ картинъ Дрезденскаго галлерей	281
57. Фронтисписъ сои. Верхке, съ его портретомъ изд. 1750 г.	178	82. Пастораль Буше	297
58. Агбага Гребуръ. Сь гравюра 18 вѣка	180	83. Пастораль Буше	313
59. Графъ Алексій Кирилловичъ Разумовскій. Портреты, напечатанныя въ Академіи Наукъ	181	84. Бесѣда въ Царскоесельскомъ паркѣ. Рисунокъ лицевиста Жанера Спб., 1820	353
60. Царскоесельскій паркъ въ концѣ XVIII вѣка. Сь рѣчной акватинты Мейера отбѣленіе гравюръ Эрмитажа	185	85. У владѣльца. Акварель Тропинина 1776—1857, изъ собранія П. С. Остроухова. По фотографии, снятой для настоящего изданія П. К. Остроумовымъ	369
61. «Вотопата царскоесельскаго парка. Изъ альбома «Двадцать вѣстовъ Царскаго Села». Снималъ и на каменъ рисовалъ лосингандикъ Императорскаго Лицея Валеріанъ Жанера 1820	187	86. Карикатура Шатревскаго на Кохельбекера въ лицевомъ журналѣ «Лицевскій Мушкетеръ»	375
62. Памятникъ въ честь победы Орлова и Румянцева на Царскоесельскомъ озерѣ. Рисунокъ лицевиста Валеріана Жанера 1820.	189	87. Праздники въ честь Вакха. рис. Жюльо Fête de Bacchus, par Giro	397
63. Медальона гр. Федора Толстого въ память событія 1812—1815 гг. Пароизде означеніе. Сь гравюра П. Менцова	191	88. Вакханка La joyeuse bacchante, par Mame le Sieur	399
64. Медальона гр. Федора Толстого въ память событія 1812—1815 гг. Бородинская битва. Сь гравюра П. Менцова	193	89. Петръ Яковлевичъ Чапаевъ. Въ ту-сарскомъ мушкетрѣ	405
65. Медальона гр. Федора Толстого въ память событія 1812—1815 гг. Освобожденіе Москвы. Сь гравюра П. Менцова	195	90. Лицев. Рисунокъ шодивинскій Пушкина	413
66. Медальона гр. Федора Толстого въ память событія 1812—1815 гг. Икореніе Парижа. Сь гравюра П. Менцова	197	91. Домъ барона Тейнера въ Царскомъ Селѣ. Рисунокъ лицевиста Жанера	429
67. Бола-Борелевчъ. Дубочная картинка изъ собранія Ровинскаго	205	92. Лицевскій товарищъ Пушкина С. С. Есаковъ. (портретъ 1817)	531
		93. Рисунокъ академика В. Максимова. Округающія Тригорское поля	433
		94. Александръ Ивановичъ Гуртневъ	439
		95. Николай Ивановичъ Кривцовъ	443
		96. Баболовскій дворикъ вѣрцыи въ Царскомъ Селѣ. Рис. лицевиста Жанера Спб., 1820	447
		97. Пушкинъ-лицевскій. Статуя Р. Р. Баха. Верхняя часть памятника Пушкину въ Леденскомъ сѣнкѣ, въ Царскомъ селѣ. Фотография снята со статуи, когда она еще была въ мастерской художника	449
		98. Вольгеръ. Рисунокъ Пушкина шодивинскій	459
		99. Рисунокъ Жуковскаго арка въ Царскоесельскомъ паркѣ	469
		100. Жуковскій. Портреты рис. П. Соколовъ, грав. А. Федоровъ, приложенныя къ «Вѣсти Европы» 1817 г. № 29	471
		101. Ле Барсетъ. Рисунокъ Пушкина, относящійся къ 1818 году. Тетрадь Румянцева	

Музея № 2364. Впервые воспроизводится в настоящем издании	473
102 Петербург около 1820 г. Литография Марьянова. Из коллекции Е. П. Топачева	485
103. Восстания Петербург. Александровской эпохи. Возвращение из Красного Кабаржа, где часто бывал Пушкин. Сь рьдон траворы из собрания П. Я. Дашкова	489
104. Большой театр въ 1815—1820 гг. сь рьдон траворы из собрания П. Я. Дашкова	497
105 А. М. Колосова-Каратыгина	505
106. Императрица Елизавета Алексевна. Сь портрета Венера	507
107. Михаловский Нижегородский замок 11-го марта 1801 г. здесь был убит Павел I. Сь рьдон траворы Патерсона. 1800 г. из собрания П. Я. Дашкова. Но бокамъ ишиа постыжные мосты, при помощи которых Павел I думалъ сдѣлать непреступной свою резиденцию	511
108. Павел I. Портретъ Топин, находящійся въ Египетскомъ дворѣ	513
109. Гр. Петръ Александровичъ Павель	515
110. Гр. Леонидъ Леонидовичъ Беннгель	515
111. Кн. Платонъ Александровичъ Zubovъ. Сь портрета Леппиха. Акад. Художествъ. Воспроизводится здесь впервые	517
112. Гр. Николай Александровичъ Zubovъ.	517
113. Женщина Елизавета Павловна Голубцова, портретъ князя Вяземскаго, относящійся приблизительно къ 1801 г.	519
114. Александръ Федоровичъ Орловъ	521
115. Александръ Свиратовичъ Стурдза	529
116. Семелетъ Всеволожскихъ Картина Царина, принадлежашая теперь П. А. Всеволожскому	531
117. Яковъ Николаевичъ Голстой	537
118. Монахъ. Кубовая картина 1800-хъ гг.	539
119. Кн. А. М. Горчаковъ. Портретъ князя Е. Vervet. Испанъ, ишимо, около 1820 г. Въ печати появляется здесь въ первый разъ.	545
120. Архангелъ Фотин	551
121. Кн. А. Н. Голицынъ. Траворы Рейтаса, портрета К. Н. Бродова	553
122. Рисунки Пушкина 1818—1819 годовъ. Воспроизводится здесь впервые во тетради Румянцеваго Музея № 2364	557
123. Графиня А. А. Орлова-Чесменская	561
124. Рисунки Пушкина 1818—1819 гг. Впервые воспроизводится здесь по рукописи Румянцеваго Музея № 2364	569
125. Русланъ и Людмила. Заглавный листъ 1820 г.	571
126. Дрепс-ру, рыцарь	590
127. Картина П. П. Крамского — Удучомора дубъ зелены	595
128. Рисунки кн. Г. Г. Гагарина — Пушкинъ и голъ Мечинъ	596
129. Графиня Визимира. Декорація К. Коронина	597
130. Огильви, видѣен на поиски Людмила Рив К. А. Савицкаго	599
131. Баянъ. Рисунки В. Шварца	603
132. Мѣсто погребенія Паша и Фарлафа. Декорація К. Коронина	604

133. Фарлафъ. Рисунки М. С. Пестерова	605
134. Сады Черномора. Сь акварели В. Гаргмана	607
135. Людмила передъ зеркаломъ. Рисунки С. Соловья	609
136. Штепль Черномора. Рисунки П. Павлова	611
137. Битва Руслана сь Рогатомъ. Пейзажный рисунокъ В. Г. Шварца. Изъ собрания брата художника Е. Г. Шварца	613
138. Художники и Паша. Пейзажный офертъ Е. П. Топачева изъ Пушкинскаго собрания П. Е. Рейнбота	614
139. Людмила отвѣщаетъ шапку Черномору. Рисунки А. Лебетева 1862	617
140. Русланъ и Голова. Рисунки М. С. Пестерова	619
141. Русланъ и Голова. Пейзажная акварель В. Г. Шварца изъ собрания брата художника Е. Г. Шварца	620
142. Сады Черномора. Декорація А. П. Роллера для оперы Глинки «Русланъ и Людмила». Впервые воспроизводится по картинѣ Роллера, теперь находящейся въ Публичной Библиотецѣ	621
143. Сады Черномора. Декорація П. П. Горюстаева для постановки «Руслана и Людмилы» Глинки въ Прагѣ. Впервые воспроизводится здесь по акварели Горюстаева, хранящейся въ Публичной Библиотецѣ	624
144. Троица Черномора. Акварель В. Гаргмана; принадлежить В. А. Стасову. Воспроизводится здесь впервые	625
145. Бой Руслана сь Черноморомъ. Рисунки А. Кившенко	627
146. Русланъ и умирающая Голова. Рисунки К. А. Савицкаго	629
147. Людмила въ очарованномъ снѣ. Декорація А. П. Роллера къ оперѣ Глинки «Русланъ и Людмила»	634

IV.

О Р А М Е Н Т Ь .

148. Заставка старо-русской. Изъ «Славянскаго орнамента» В. В. Стасова	III
149. Бокоры старо-русскій. XVIII вѣка Стасовъ	VIII
150. Заставка старо-русская. Стасовъ	I
151. Заставка старо-русская. Стасовъ	9
152. Заставка старо-русская. Стасовъ	12
153. Рамка 18 вѣка французская	25
154. Рамка 18 вѣка французская	35
155. Концовка Эдзена 18 в.	37
156. Визитка Стихотворенія Сербя Глинки Сиб. 1807	38
157. Декоративное нано Вато Wateau	63
158. Рамка французская 18 в.	66
159. Концовка Эдзена Фельд-Анолтонъ	71
160. Концовка французск. 18 в.	75
161. Концовка французск. 18 в.	75
162. Концовка Эдзена 18 в.	87
163. Концовка изъ детурнировскаго перевода Оссиана	96
164. Концовка отъ та-же	97
165. Концовка изъ детурнировскаго пѣтаня Оссиана	106
166. Концовка изъ детурнировскаго пѣтаня Оссиана	107

	стр.		стр.
167. Концовка изь датурьеровскаго изда- данія Оссиана	108	205. Заставка начала 19 вѣка	327
168. Шпенювице Оссиана.—Вишетка изь изд. Кэмбеля 1822	114	206. Заставка начала 19 вѣка	329
169. Декоративное панно Вато Wateau	121	207. Концовка Элизена	331
170. Декоративное панно Вато Wateau	123	208. Концовка начала 19 вѣка	333
171. Концовка франц. 18 вѣка	123	209. Боконикъ, франц. 18 вѣка	337
172. Заставка Le barbier (эпоха Людовика XVI	125	210. Боконикъ, франц. 18 вѣка	341
173. Концовка Элизена (Eisen, 1720—1780)	127	211. Концовка Элизена	347
174. Заставка франц. 18 вѣка	131	212. Рисунки Элизена	349
175. Концовка изь датурьеровскаго пере- вода Оссиана	131	213. Боконикъ Герда 18 вѣка	361
176. Изь вишетьокъ Элизена 1720—1780	133	214. Концовка	373
177. Концовка Le barbier 18 вѣк	137	215. Вишетка, франц. 18 вѣка; цифра стилизованна)	393
178. Концовка, панномъ лицейскую эмблему (сова)	139	216. Концовка, (франц. 18 вѣка	395
179. Вишетка Элизена (1720—1780)	147	217. Боконикъ, Герда 18 вѣка	401
180. Боконикъ (франц. 18 вѣка)	181	218. Вишетка изь сборника стихотвореній Наличскаго СИБ., 1827, рисованная ли- цензюсъ Дантешемъ, грав. Галактионовымъ	409
181. Концовка начала 19 вѣка	197	219. Концовка, Siriani	419
182. Каргунъ изьвѣстнаго французскаго декоратора 18 вѣка Ranson's	201	220. Вишетка лицейскаго журнала Ци- левскаго	422
183. Русскій дубочный орнаментъ. Изь сборнаго Ровинскаго	209	221. Концовка Элизена	447
184. Концовка начала 19 в	213	222. Вишетка франц. 18 вѣка	457
185. Боконикъ (Анатолий, гравюра Герда; 18 вѣк).	225	223. Боконикъ Герда 18 вѣка	461
186. Вишетка А. Брилона, въ гравюрѣ Галактионова	235	224. Концовка франц. 18 вѣка	463
187. Панно Вато (Wateau)	239	225. Боконикъ Герда	465
188. Концовка S. et Nou'a 18в. грав. Berthould	249	226. Заставка, Siriani	467
189. Концовка Berthould (18 вѣка)	263	227. Заставка, Элизена	479
190. Концовка начала 19 в	267	228. Концовка франц. 18 вѣка	481
191. Панно Вато (сады Вакха)	269	229. Вишетка франц. 18 вѣка	503
192. Рисунокъ Sauret (18 в.)	271	230. Концовка начала 19 вѣка	523
193. Концовка Элизена (18 в.)	277	231. Концовка начала 19 вѣка	527
194. Заставка Элизена (18 в.)	273	232. Концовка начала 19 вѣка	533
195. Книжная рамка 18 вѣка	289	233. Концовка франц. 18 вѣка	547
196. Концовка Eisen'a (18 вѣк)	291	234. Концовка начала 19 вѣка	549
197. Концовка Basclielier (18 вѣк)	309	235. Концовка начала 19 вѣка	593
198. Рамка 18 в. (французская)	305	236. Заставка франц. 18 в	639
199. Концовка Biscelier (18 вѣк)	314	237. Концовка Le Barbier 18 в	643
200. Концовка Элизена (18 в.)	317		
201. Заглавная вишетка Идиллий В.в. Нанаева (Сиб. 1820)	319		
202. Концовка Элизена	321		
203. Концовка Топчи изь Анакреонти- ческой поэзии Державина СИБ., 1804)	323		
204. Рисунокъ Элизена	325		

V.

Б у к в ы .

- И (стр. 1), А (2), Г (3), М (6), Т (7), Р (10),
И (12). Изь азбуки Корюна Негомина 17 вѣка.
И (стр. 14) изь Славян. орнамента В. В.
Стасова.
А (стр. 25), М, С, Л (стр. 36) С (стр. 33) —
франц. буквы 18 в.

Оглавление I тома.

I. СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

	стр.		стр.
1. Отъ редакціи, С. Венгерова . . .	III	13. Первая любовь Пушкина, Валерія Брюсова	284
2. Родъ Пушкина, В. Модзалевскаго . . .	1	14. Литературныя замыслы Пушкина 1813—1815 гг. П. Лернера . . .	302
3. Дѣтство Пушкина, В. Сиповскаго . . .	25	15. Пушкинъ и Паризъ, П. Морозова	400
4. Пушкинъ въ Лицѣ, П. Лернера . . .	39	16. А. Д. Навичевскій, П. Лернера . . .	414
5. Антоній Гамилтовъ, Зина, Венгеровой	76	17. В. П. Крицковъ, Г. Карасика . . .	458
6. Сестра Пушкина, П. Лернера	81	18. Отъ Лицея до ссылки, П. Морозова	485
7. Пушкинъ и Осипъ, Е. Балобановой и П. Никсанова	98	19. Пушкинъ и Кн. Е. П. Голицына, П. Кубасова	516
8. Пушкинъ и Батюшковъ, П. Морозова	144	20. Періодъ Зеленой Лампы, Алексѣя Веселовскаго	542
9. Кн. Д. П. Горчаковъ, П. Никсанова	180	21. Русланъ и Людмила, М. Халандскаго	572
10. Кн. А. М. Горчаковъ и Пушкинъ, П. Щеголева	230		
11. А. П. Галичъ, Э. Радлова	241		
12. П. О. Кованскій, П. Никсанова	250		

II. СТИХОТВОРЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ КЪ НИМЪ.

Текстъ	стр.	Примѣчанія	стр.
1—5	—	С. Венгерова	35

СТИХОТВОРЕНІЯ 1812—1813 гг.

Текстъ	стр.		стр.
6. Рыцарская баллада	—	С. Венгерова	62-68
7. Описаніе рода	—		
8. О. Дѣля драгоя	63		
9. Дѣля	63		
10. Романъ «Цыганъ»	—		
11. Такъ пойдете на свѣтъ	—		

СТИХОТВОРЕНІЯ 1814 года.

Текстъ	стр.	Примѣчанія	стр.
12. Къ другу стихотворцу	67	П. Лернера и Ред.	68
13. Къ сестрѣ	73	П. Лернера	72
14. Кольца	89	С. Венгерова	88
15. Элега	93	С. Венгерова	90
16. Остаръ	95	С. Венгерова	94
17. Аве	115	С. Венгерова	116
18. Венеръ отъ Лансы	119	А. Маленина	120
19. Красавица, которая шила табакъ	121	С. Венгерова	124
20. Stance	123	С. Венгерова	126
21. Поданіе къ Натальѣ	125	С. Венгерова	126

* по изданію перекладъ стихотвореніями, *притисываемыми* Пушкину.

Тексты.	стр.	Примечания.	стр.
22. Къ молодой актрисѣ	131	С. Венгерова	130
23. Омытность	133	Н. Морозова	132
24. Блаженство	135	Н. Морозова	132
25. Цирюльнѣ студентъ	139	Н. Морозова и Ред.	132
26. Къ Батюшкову	145	С. Браиловскаго	142
27. Къ П. Г. Домошсову	155	С. Венгерова	156
28. Романсъ	157	С. Венгерова	156
29. Казакъ	167	Н. Сумцова и Ред.	162
30. Mon portrait	169	С. Венгерова	168
31. Городокъ	171	С. Венгерова, З. В. и Ю. В.	170
32-34. Эпиграммы	181	С. Венгерова	140
35. На Гр. А. К. Разумовскаго	183	С. Браиловскаго и Ред.	190
36. Эпиграмма на поэму князя С. А. Ширинскаго-Шихматова	183	С. Браиловскаго и Ред.	188
37. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ	185	Н. Морозова и Ред.	196

СТИХОТВОРЕНІЯ 1815 года.

	стр.		стр.
38. Бова	203	Н. Лернера и Ред.	202
39. Лициійо	211	А. Маленина и Ред.	212
40. Къ Дельвину	215	Валерія Брюсова и Ред.	216
41. Наполеонъ на Эльбѣ	219	С. Венгерова	220
42. Старикъ	223	Н. Гливицко	224
43. Вода и вино	225	Редакціи	226
44. Батюшкову	225	С. Венгерова	228
45. Эпиграмма	227	Редакціи	228
46. Къ Пушкину	227	Редакціи	230
47. Къ Галичу	229	Редакціи	230
48. Князю А. М. Горчакову	231	Редакціи	230
49. Мечтатель	233	Валерія Брюсова	233
50. Посланіе къ Галичу	237	С. Венгерова	246
51. Моему Аристарху	247	Ю. В., З. В. и Ред.	259
52. Сраженный Рыцарь	261	Н. Лернера	268
53. Разсудокъ и любовь	263	Редакціи	270
54. Гробъ Анакреона	265	А. Маленина	272
55. Мое завѣщаніе друзьямъ	267	Валерія Брюсова	276
56. Погребъ	269	Н. Лернера	276
57. Воспоминаніе	271	Н. Лернера	278
58. Посланіе къ Юдину	273	Валерія Брюсова и Ред.	280
59. Слеза	279	Валерія Брюсова	284
60. Къ Живописцу	281	Н. Лернера	288
61. Роза	283	Валерія Брюсова	290
62. Намъны	289	В. Л.	292
63. На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа	291	Б. В.	294
64. Моя эпитафія	295	Н. Лернера	298
65. Къ баронессѣ М. А. Дельвиль	295	Н. Лернера	298
* 66. Вишня	297	Н. Лернера	303
67. Н я такъ щастливъ былъ	301	Р.	300
68. Угрюмхъ тройка есть пивцовъ	301	Н. Лернера	300
69. Фатамъ или человѣческой разумъ	—	Н. Лернера	302
70. Философъ	—	Н. Лернера	302
* 71. Огъ всепопной, вѣчеръ, идядой	303	Н. Лернера	303

СТИХОТВОРЕНИЯ 1816 ГОДА.

Тексты.	стр.	Примечанія.	стр.
72. Къ Машѣ	305	Н. Держера	306
73. Усы	307	Н. Держера	306
74. Блаженъ, кто въ шумѣ город- скомъ	309	Н. Держера	308
75. Желаніе	311	Редакціи	310
76. Фавиѣ и пастушка	313	Н. Держера	312
77. Амуръ и Гименей	321	Б. Л.	316
78. Фіалъ Аякreoнa	323	Редакціи	316
79. Посланіе Андѣ	325	Н. Держера	318
80. Нунтеева пѣсня	327	Н. Держера	318
81. Задравный кубокъ	327	Н. Никсанова	322
82. Пѣсня	329	324
83. Пабзники	329	Валерія Брюсова	324
84. Посланіе къ кн. А. М. Горчакову	331	Александра Блока	326
85. Къ принцу Оранскому	335	Н. Никсанова	328
86. Сонъ	337	Валерія Брюсова	332
87. Любовь, одна веселье жизни хладной	345	Александра Блока	332
88. Окно	347	Александра Блока	336
89. Наслажденіе	349	Александра Блока	338
90. Твой и мой	349	340
91. Къ Морфею	351	А. Б.	340
92. Пробужденіе	351	Валерія Брюсова	342
93. Къ письму	351	342
94. Умышье (Желаніе)	351	Александра Блока	342
95. Надпись къ бесѣдѣ	353	Н. Держера	346
96. Къ ней	355	Александра Блока	342
97. Мѣсяць	355	Валерія Брюсова	348
98. Умышье (Разлука)	355	Н. Держера	348
99. Шведъ	357	Н. Держера	350
100. Элегія (И видѣвъ смерть)	357	Александра Блока	350
101. Элегія (Смѣлнвъ кто въ страсти самъ себѣ)	359	Валерія Брюсова	354
102. Осеннее утро	359	Александра Блока	354
103. Къ Наташѣ	361	Александра Блока	354
104. Книжкѣ Волконской	361	Александра Блока	358
105. Элегія (Опять я вѣшь, о юные друзья)	361	360
106. Дружбамъ	363	Валерія Брюсова	362
107. Шишкову	363	Н. Щеголева	362
108. Боже, цари храни	365	Н. Держера	366
109. Элегія (Я думалъ, что любовь по- таста навсѣгда)	367	Александра Блока	368
110. Слово милое	369	Александра Блока	370
111. Андѣ	371	Александра Блока	370
112. Къ молодой вдовѣ	371	Н. Держера	372
113. Большая вѣд. дяточка	371	372
114. Задра съ свѣчкой трюшенною	373	374
115. Забвденіе	373	374
116. Элепронія на Агареву	373	Н. Держера	374
117. Она	373	376
118. Богъ Видя, онъ любовною пашетъ	375	378
119. На смерть стихотворца	375	378
120. Сказки, что повато	375	378
121. На Пучкову	377	Б. Модзалевскаго	378

СТИХОТВОРЕНІЯ 1817 ГОДА.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
122. В. Л. Пушкину (Тѣбѣ, о Несторѣ Арзамасѣ)	395	П. Держнера	394
123. Торжество Вакха	397	А. Маленина	394
124. Сновидѣніе	401	Александра Блока	398
125. Стансы въ Вольтера	401	Александра Блока	402
126. Письмо къ Лизѣ	403	Александра Блока	404
127. Добрый совѣтъ	403	406
128. Пляска	403	406
129. Къ портрету П. Я. Чаадаева	405	406
130. Къ портрету П. П. Каверина	405	408
131. Къ П. П. Каверину	407	П. Держнера	408
132. Въ альбомъ А. П. Зубову	407	412
133. Дельвигу (Любовью, дружествомъ и дѣвью)	407	А. Б.	412
134. Въ альбомъ Шлищевскому	409	414
135. Въ альбомъ П. П. Пушкину (Взглянуть когда-нибудь на таинный сей эпистоля)	409	428
136. Внедѣ желаніямъ	411	430
137. Радуга	411	Александра Блока	430
138. Товарищамъ	413	П. Держнера	432
139. Гауэшильдъ и Энгельгартъ	413	434
140. Посланіе къ В. Л. Пушкину (Сважи, парнасскій мой отецъ)	415	П. Держнера	436
141. Бездѣріе	417	Валерія Брюсова	438
142. Къ ней	421	Александра Блока	440
143. Къ Жуковскому	421	П. Никсанова и П. Держнера	442
144. Штабсъ-капитану Геге, Грегю	425	446
145. Couplets	427	448
146. К. А. Б.	431	П. Держнера	448
147. П останешься съ вопросомъ (С. С. Есакову)	431	450
148. Портретъ	431	451
149. Исторія стихотворца	431	451
150. Въгд здѣсь лежитъ большой студентъ	431	452
151. Есть въ Россіи городъ Луга	433	452
152. Простите, вѣрныя дубравы (Прощаніе съ Григорскимъ)	433	П. Держнера.	453
153. Эспронтны	435	П. Держнера.	453
154. Къ Ол. (Е. С. Огаревой)	437	454
155. А. П. Тургеневу	437	П. Держнера.	454
156. Къ *** (Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой)	441	455
157. Краевъ дужикъ неопытный любитель (Кн. Евд. Пв. Голыцаной)	441	456
158. Кривцову (Не путай насъ, милый другъ)	443	456
159. Молитва лейбъ-гусарскихъ офиц.	445	456
160. Къ Баболовскому дворцу	447	456

СТИХОТВОРЕНІЯ 1818 ГОДА.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
161. Другу отъ друга (Кривцову)	459	П. Морозова.	458
162. Сказки (Noël)	461	П. Морозова.	466

Тексты.	стр.	Примечанія.	стр.
163. Мечтатель.	463	П. Лернера.	468
164. Воздорженіе.	465	П. Лернера.	470
165. Предсѣніе.	467	П. Морозова.	472
166. Жуковскому (Когда къ мечтатель- ному міру)	469	П. Морозова.	474
167. Послушай, двушка.	469	П. Морозова.	474
168. Къ портрету Жуковского	471	П. Лернера.	476
169. (На Каченовскаго)	475		478
170. Юрьеву	475	Б. Модзалевскаго.	480
171. Въ альбомъ Е. И. Сосницкой	477		482
172. Къ Чаадаеву (Люби, надежды, гордой славы).	477		483
173. Добрый человѣкъ	477		483
174. Веселый шуръ	479	П. Лернера.	483
175. Уединеніе	479	П. Лернера.	484
176. Про себя	481		484
177. Она тогда ко мнѣ придетъ	481		484
178. Надежкѣ	481		484
179. За ужиномъ обѣдѣя я	481		484

СТИХОТВОРЕНІЯ 1819 года.

180. (На А. М. Колосову)	505	П. Морозова.	504
181. Обѣтъ на вызовъ написать стихи къ честь Ея Имп. Вели. Государыни Имп. Елизаветы Алексѣевны	507	П. Лернера.	506
182. В. В. Энгельгарду	509	П. Лернера.	508
183. Вольность, Ода	511	П. Морозова	510
184. Кн. Го-й (Голицыной), посылая ей оду Вольность	519		516
185. Орлову	521		526
186. Въ альбомъ М. А. Щербиницу	523	Б. Модзалевскаго	528
187. Деревни	525	П. Морозова и Ред.	532
188. Раевскій, молодецъ прежній (за- писка къ Жуковскому)	529		536
189. (Къ Ф. Ф. Юрьеву), Здорово, Юрьекъ иманинникъ	529	Б. Модзалевскаго	536
190. (На А. С. Стурдзу)	529		538
191. Всевозожскому	531	П. Лернера	538
192. Платоническая любовь	535	П. М.	560
193. (П. В. Мансурову)	535	П. М.	560
194. Стансы Толстому	537	Б. Модзалевскаго	560
195. Русака	539	П. Морозова	566
196. Домовому	541	П. Лернера	567
197. Недоконченная картина	543		568
198. Возрожденіе	543		568
199. Кнзю А. М. Горчакову	545		568
200. Баллада (Что ты, дѣвица грустна)	549	П. Лернера	568
201. На Фотія	551		570
202. На кн. А. П. Голицына	553		570
203. На П. П. Губича	555		570
204—205. Эпиграмма на Карамзина	555		—
206. Ты и Я	555		—
207. Нимфоторф Семеновой	559		—
208. На графа Хвостова	559		—
209. На графиню Орлову	561		—
210. Разговоръ Фотія съ Орловой	561		—
211. Русакъ и. Водила (1817—1820)	571		—

NO. 10
MAY 1914

RECEIVED
MAY 1914

PG
D51.0
A1
1907
t.1

Pushkin, Aleksandr Sergeevich
Pushkin

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

